

Героическая ИСТОРИЯ

**70 стрелковой Верхнеднепровской
ордена Суворова II степени дивизии
(второго формирования)**

В четырех томах

Редактор-составитель Фитисов А.И.

**МОСКВА
НАУКА
2011**

**Ветераны и актив 70-й стрелковой Верхнеднепровской ордена Суворова
II степени дивизии (второго формирования)
в Ульяновском совхозе декоративного садоводства 6 мая 2011 года.**

Том 1

Воспоминания ветеранов

Издание второе, дополненное

**МОСКВА
НАУКА
2011**

УДК 94(47+57)«1941-45»
ББК 6.3(2)622
Г39

Фитисов А.И.

Героическая история 70 стрелковой Верхнеднепровской ордена Суворова II степени дивизии (второго формирования). Том 1. Воспоминания ветеранов. — М.: Издательство «Наука», 2011г. — 612 страниц. Издание второе, дополненное.

ISBN 978-5-91751-014-9

Книга задумана как многотомное издание, источники которого базируются на воспоминаниях ветеранов, фондах музея 70 стрелковой дивизии в школе № 2 г.Московский, материалах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (журналах боевых действий, боевых приказах, оперативных сводках штабов, донесениях о боевом и численном составе, о потерях личного состава, наградных листах, материалах по изучению опыта войны, дивизионной газете «В атаку», о пленных, трофеях и др.)

Том 1 истории 70 стрелковой дивизии включает в себя воспоминания ветеранов от рядовых солдат до полковников и генералов, написанные ими в разные годы со времен войны до наших дней. Мы увидим как эпические полотна войны, так и войну глазами самих солдат. Сильно и детально описан штурм Кенигсберга полковником Яценко А.Т., красочно повествуют о военных буднях комбат Дементьев А.А., капитан Мартынчук А.Д., с большим художественным мастерством написаны воспоминания сапера Белоглазова Г.М., химика Литовченко В.П., с волнением читаются биографии 11 Героев Советского Союза, которых дивизия дала стране.

ISBN 978-5-91751-014-9

ISBN 978-591751014-9

9 785917 510149

РАЗДЕЛ 1 СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Музей Боевой славы 70 стрелковой дивизии создан в 1981 году полковником Лебедевым Леонидом Семеновичем при активном участии ветеранов войны и учащихся школы № 2 г. Московский. Первый председатель совета ветеранов дивизии Дементьев Андрей Афанасьевич приложил много сил для поиска фронтовиков и проведения их встреч. Музей является притягательной силой для ветеранов и молодежи. Работа по подготовке к изданию «Героической истории 70 стрелковой дивизии» стала свежим импульсом для встреч ветеранов и новым этапом в жизни музея.

Совет музея Боевой славы 70 стрелковой дивизии благодарит за помощь в подготовке издания:

Бобрович А.Д.,
директор
типографии «Наука»

Кошман С.Н.,
Глава Ленинского района
Московской области

Лебедева Х.М.,
директор музея
70 стрелковой дивизии

Лудина О.М.,
директор школы № 2
г. Московский

Пермяков И.А.,
начальник
Центрального архива
Министерства обороны РФ

Фитисов А.И.,
директор Ульяновского
совхоза декоративного
садоводства

*Бодунов
Николай Андреевич*

*Бородин
Дмитрий Андреевич*

*Гладилин
Андрей Семенович*

*Гладилина
Галина Васильевна*

*Егоров
Николай Петрович*

*Кочерыгин
Дмитрий Иванович*

*Шашлов
Иван Федорович*

*Мартынчук
Александр Данилович*

*Кубецкий
Олег Михайлович*

*Амелина А.Ю.,
студентка
Института культуры*

*Асланова Л.Ф.,
учитель школы № 2*

*Васильева Н.М.,
заместитель
директора школы № 2*

*Жаворонок Ирина,
ученица школы № 2*

*Классен И.А.,
водитель УСДС*

*Куненкова Н.Ю.,
машинистка УСДС*

*Кутъева Т.Ю.,
начальник цеха УСДС*

*Ларина В.Т.,
экскурсовод музея*

*Лебедев В.Л.,
помощник директора музея*

*Леонтьев О.А.,
программист УСДС*

*Петухова Ксения,
ученица школы № 2*

*Преображенская В.Н.,
председатель
совета ветеранов*

*Рудакова М.А.,
секретарь УСДС*

*Савотин Александр,
оператор ПК*

*Ульянова Л.С.
Совет ветеранов*

*Цыпкина Л.И.,
корректор*

*Ченин Иван
кадет*

*Юнченкова В.В.,
ст. инспектор по кадрам
УСДС*

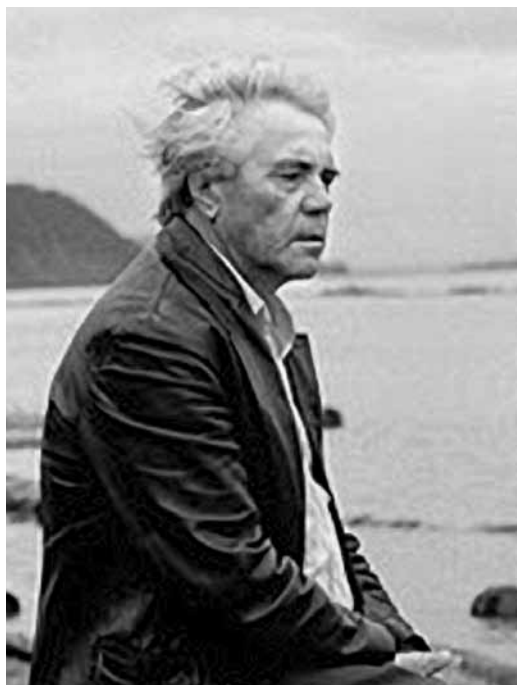

РАЗДЕЛ 2

ПРОЛОГ

ПАСТУХ И ПАСТУШКА

Виктор Астафьев

...Солдат знает, что надо делать на войне, и лучше всего, и тверже всего знает он, что пока в землю закопан — ему ни что не угрожает, а вот когда выскочит из земли наверх, так неизвестно чего будет, могут и убить. Поэтому, пока возможно, он не выберется оттуда и за всяким-яким в атаку не пойдет, будет ждать, когда свой ванька-взводный даст команду вылезать из окопа и идти вперед. Уж если свой ванька-взводный пошел, значит, все возможности к тому, чтобы не идти, исчерпаны. Но и тогда, когда ванька-взводный, поминая всех богов, попа, Гитлера и много других людей и предметов, вылезет наверх, даст кому-нибудь пинка-другого, зовя в сражение, старый вояка еще секунду-другую перебудет в окопе, замешкается с каким-либо делом, дело же, не пуска-

ющее его наверх, всегда найдется, и всегда в вояке живет надежда, что, может, все обойдется, может, вылезать-то вовсе не надо — артиллерия, может, лупанет, может, самолеты его или наши налетят, начнут без разбора своих и чужих бомбить, может, немец сам убежит либо еще что случится...

А так как на войне много чего случается — глядишь, эта вот секунда-другая и продлит жизнь солдата на целый век, в это время и пролетит его пуля...

Но прошел всякий срок. Дальше уж оставаться в окопе неприлично, дальше уж подло в нем оставаться, зная, что товарищи твои начали свое тяжкое, смертное дело и любой из них в любое мгновение может погибнуть. Распаяя самого себя матом, разом отринув от себя все земное, собранный в комок, всех слышащий, все видящий, вымахнет боец из окопа и сделает бросок к той кочке, пню, к забору, к убитой лошади, к опрокинутой повозке, а то и к закоченелому фашисту, словом, к заранее намеченной позиции, сразу же падет и, если возможно, палить начнет из оружия, какое у него имеется. Если его при броске зацепило, но рана несмертельная — боец палит еще пуше, коли подползет к нему свой брат-солдат помочь перевязкой, он его отгонит, призывая биться. Сейчас главное — закрепиться, сейчас главное — палить и палить, чтобы враг не очухался. Бейся, боец, пали, не метусись и намечай себе объект для следующего броска — боже упаси ослабить огонь. Боже упаси покатиться обратно! Вот тогда солдатики слепые, тогда они ничего не видят, не слышат, и забудут не только

про раненых, но и про себя, и выложат их за один бой столько, сколько за пять боев не выложат...

Но вот закрепились бойцы, на следующий рубеж перекинулись — вздохнул раненый солдат, рану пощупал и начал принимать решение, закурить ему сейчас и потом себя перевязать или же наоборот? Санитара ждать очень длинное, почти безнадежное дело, солдат — рота, санитар — один, ну два, окопешься, ожидая помощи, надо самостоятельно замотать бинты и двигаться к окопу. Живой останешься — хоть ешь его, табак-то. Перевязывать себя ловко в запасном полку, под наблюдением ротного санитаря. Лежа под огнем, охваченного болью и страхом, перевязывать себя совсем несподручно, да и индпакета не хватит.

Санитара же не дождешься, нет. Санитары и медсестры, большей частью кучерявые девицы, шибко много лазят по полю боя в кинокартинах и раненых из-под огня волокут на себе, невзирая на мужицкий вес, да еще и с песней. Но тут не кино.

Ползет солдат туда, где обжит им уголок окопа. Короток был путь из него навстречу пуле или осколку, долог путь обратный. Ползет, облизывая ссохшиеся губы, зажав булькающую рану под ребром, и облегчить себя ничем не может, даже матюком. Никакой ругани, никакого богохульства позволить себе сейчас солдат не может — он между жизнью и смертью. Какова нить, их связующая? Может, она так тонка, что оборвется от худого слова. Ни-ни! Ни боже мой! Солдат разом делается суеверен. Солдат даже заискивающе-просительным делается: «Боженька, миленький! Помоги мне! Помоги, а? Никогда в тебя больше материться не буду!»

И вот он, окоп. Родимый. Скاتись в него, скатись, солдат, не робей! Будет очень больно, молонья сверкнет в глазах, ровно оглушит тебя кто-то поленом по башке. Но это своя боль. Что ж ты хотел, чтобы при ранении и никакой боли?! Ишь ты какой, намазанный-сухой!.. Война ведь, война, брат, беспощадная...

Бултых в омут окопа, аж круги красные пошли, аж треснуло что-то в теле и горячее от крови сделалось. Но все это уже не страшно. Здесь, в окопе, уже не подстрелят, здесь воистину как за каменной стеной! Здесь и санитары скорее наткнутся на него, надо только орать сколько есть силы и надеяться на лучшее.

Бывало, здесь, в окопе, ослабивши напряжение в себе, и умрет солдатик с верой в жизнь, огорчившись под конец, что все вот вынес, претерпел, до окопа добрался... в госпиталь бы теперь, и жить да жить...

Он даже не помрет, он просто обессилеет, ослабнет телом, но сознание его все будет недоумевать и не соглашаться с таким положением — ведь все вынес, все перетерпел. Ему теперь положено лечиться, и жизнь он заслужил...

Нет, солдат не помрет — просто сожмется в нем сердце от одиночества и грустно утихнет разум.

Ну а если все-таки по-другому, по-счастливому если? Дотянул до госпиталя солдат, вынес операцию, вынес первые бредовые, горячие ночи, огляделся, поел щей, напился чаю с сахаром, которого накопилось аж целый стакан! И письма бодрые домой и в часть послал, первый раз, держась за койку, поднялся и слезно умилился свету, соседям по палате, сестрице, которая поддерживает мослы его, вроде бы как сплюсненные от лежания на казенной койке.

И случалось, случалось — с передовой, из родной части газетку присылали с каким-нибудь диковинно-ужасным названием: «Смерть врагу!», «Сокрушительный удар!» или просто «Прорыв», и в «Прорыве» том выразительно написано, как солдат бился до конца, не уходил с поля боя, будучи раненым, и «заражал своим примером...».

Удивляясь на самого себя, пораженный словами: «бился до конца», «заражал своим примером», — солдат совершенно уверует, что так оно и было. Он ведь и в самом деле «заражал», и столько в нем прибудет бодрости духа, что с героического отчаянья закрутит солдат любовь с той самой сестрицей, что подняла его с койки и учила ходить, — аж целый месяц, а то и полтора продлится эта испепеляющая любовь.

И когда снова солдат вернется в родную роту — будет сохнуть по нему сестрица, может, месяц, может, и больше, до тех пор сохнуть, пока не дрогнет ее сострадательное сердце перед другим героем и день сегодняшний не затемнит все вчерашнее, ибо живет человек на войне одним днем. Выжил сегодня — слава богу, глядишь, завтра тоже выживешь. Там еще день, еще —смотришь, и войне конец!

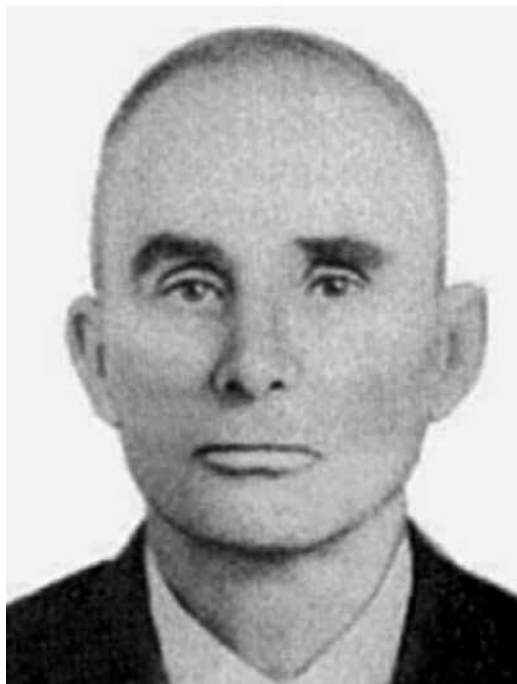
Воевать, не погибая сдуру, могут только очень умные и хитрые люди и что будь ты хоть разгерой — командир или обыкновенный ушлый солдат в обмотках, — когда вымахнете из окопа, оба вы: и он — солдат, и ты — командир, становитесь перед смертью равны, один на один с нею остаетесь. И тут уж кто кого.

РАЗДЕЛ 3

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

АЛЕЙНИКОВ АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ

Родился 18.08.1913г. ст. Жутово, ныне Октябрьского района Волгоградской области.

Окончил среднюю школу в Гудермесе Чечено-Ингушской АССР. Работал токарем в депо ст. Гудермес. В Красной Армии в 1935—1937 гг. и с мая 1943 г. Призван Щучинским РВК Кокчетавской области, начал воевать в штрафном батальоне. По некоторым данным, до Великой Отечественной войны жил и работал в Рубцовске.

На фронте с октября 1944 года. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Славы III степени, медалями.

Отличался большой смелостью и отвагой. Командир взвода 252 с.п. 70 с.д., старшина Алейников в бою 5 апреля 1945 г.

первым ворвался во вражескую траншею, лично истребил несколько фашистов, уничтожил пулеметную точку.

Во время боя в населенном пункте Гросс-Фридрихсберг в районе шоссейной и железной дорог Кенигсберг-Пиллау взвод Алейникова получил задание овладеть двухэтажным зданием, из окон и подвалов которого строчили пулеметы. Он приказал бойцам создать видимость штурма дома с фронтальной стороны, а сам, взобравшись по водосточной трубе на второй этаж дома, вместе с двумя бойцами забросал гитлеровцев гранатами. Было убито 22 гитлеровца и захвачен сильно укрепленный опорный пункт врага. Бросившись в контратаку, немцы ввели в бой танки. Под прикрытием развалин домов Алейников подполз к ним и забросал боевые машины противника гранатами. Один танк был подбит, остальные повернули обратно. Старшина со своим взводом бросился в рукопашный бой с пехотой врага, контратака была отбита.

11 апреля 1945 г. в районе поместья Гриш-Гоф полк был атакован немецкой пехотой и танками, которые огнеметами выжигали из траншей наших бойцов. Пропустив танки, взвод Алейникова вступил в бой с пехотой противника. При отражении контратаки противника был ранен, но не покинул поля боя.

Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года.

После войны некоторое время служил в армии, потом был демобилизован. По данным архивного отдела администрации города Рубцовска, с февраля 1957 г. по сентябрь 1964 г. работал слесарем-ремонтником в СУ № 1 строительного

треста № 46 в Рубцовске. Позже уехал из Рубцовска и проживал в Гудермесе Чечено-Ингушской АССР. С 1991 г. в картотеке Главного управления кадров Министерства обороны РФ А.Г. Алейников числится как без вести пропавший, и дальнейшая судьба его неизвестна (предположительно скончался во время чеченских войн).

И. С. Павловская

Ист.: АОАГР, ФР. 17 л. оп. 1. д. 206.

(архивный отдел администрации города Рубцовска)

БАЖАНОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

Командир орудия батареи 76-мм пушек 68 с.п. 70 с.д., старший сержант. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 2-й степени, медалью.

Родился 1 сентября 1917 года в деревне Труфанцево, ныне Борисоглебского района Ярославской области, в семье крестьянина. Русский. Окончил начальную школу, работал в колхозе.

В 1938 году был призван в Красную Армию. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года. В 1942 году был принят в ВКП(б). За стойкость, мужество и отвагу в Орловско-Курской битве был награжден орденом Отечественной войны 2 степени. Бессмертный подвиг совершил в боях за освобождение Белорусской земли.

При прорыве вражеской обороны и в ходе наступления орудие старшего сержанта Бажанова всегда находилось в передовых порядках пехоты. Точным огнем артиллеристы обеспечивали продвижение стрелковых подразделений.

29 июня 1944 года в бою у деревни Горшково (Шкловский район Могилевской области) расчет Бажанова подавил три вражеских пулемета, и пехота, поддерживаемая огнем артиллеристов, быстро заняла укрепленные позиции врага. В контратаку на позиции наших подразделений устремились два батальона пехоты, десять тяжелых танков и два самоходных орудия.

Батарея получила приказ выдвинуться в боевые порядки для стрельбы прямой наводкой. Подпустив на близкое расстояние немецкие танки, Бажанов первым выстрелом зажег вражеский «фердинанд». В это время противник правее батареи ворвался в боевые порядки нашей пехоты. Бажанов открыл огонь по пехоте, в результате чего уничтожил до 60 немецких солдат и офицеров. Кончились снаряды, вышли из строя командиры батареи и огневого взвода, фашисты

с яростью бросились в атаку. Раздался голос Бажанова: «Артиллеристы не отступают!» — и с гранатой герой бросился под танк. Бажанов погиб смертью храбрых, подорвав себя вместе с танком. Фашистская пехота и танки повернули обратно.

Наша пехота, воодушевленная героическим подвигом Бажанова А.В., с криком «ура» бросилась в решительную штыковую атаку, в результате чего противник был разбит с тяжелыми для него потерями.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 августа 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм, старшему сержанту Бажанову Александру Васильевичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Похоронен на месте боя у деревни Горшково в братской могиле.

Имя Героя было присвоено пионерской дружине Высоковской школы Борисоглебского района, в которой учился Герой.

Материал частично брался с сайта www.warheroes.ru

БАРАМЗИНА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА

Телефонистка батальона 252 с.п. 70 с.д., ефрейтор. Награждена орденом Ленина.

Родилась 19 декабря 1919 года в городе Глазов (Удмуртия) в семье рабочего. Русская. Окончила неполную среднюю школу, педагогическое училище. С 1940 года училась в Пермском педагогическом институте, работала учительницей, воспитательницей в детском саду. Училась в школе медсестер.

В Красной Армии с июня 1943 года. Направлена в Центральную женскую школу снайперов в 1944 году. В боях Великой Отечественной войны — с апреля 1944 года.

Телефонистка батальона 252 с.п. (70 с.д. 33 Армия 3 Белорусский фронт) ефрейтор Барамзина Т.Н. в бою 5 июля 1944 года у деревни Пекалин Смолевичского района

Минской области Белоруссии уничтожила из снайперской винтовки 20 гитлеровцев, оказала помощь раненым. Захвачена фашистами и расстреляна. Похоронена в белорусской деревне Калита Смолевичского района Минской области.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками ефрейтору Барамзиной Татьяне Николаевне посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

На здании Пермского педагогического института в память о Т.Н. Барамзиной установлена мемориальная доска. Ее именем названы школа №86 в Перми, улицы в Минске, Глазове, Ижевске, Подольске. На месте гибели Героини и на ее родине воздвигнуты памятники. Навечно занесена в списки учащихся средней школы № 2 города Глазов.

Из воспоминаний полковника в отставке П. Бабоченок:

«Всегда рвалась Танюшка Барамзина в бой, стремилась наверстать упущенное за годы, которые ей пришлось, как она говорила, «отсиживаться в тылу». Задержится наступление, она места себе не находит. Бродит по селу, местных жителей о злодеяниях фашистов расспрашивает. Будто ненавистью себя заряжает. Недостатка в таких рассказах тогда не было. Чужая смерть, враг с каждым днем зверел все больше.

Зловещие следы гитлеровцев были повсюду. Изуродованные трупы женщин, детей, стариков. Полуживые узники лагерей смерти, похожие на скелеты, обтянутые кожей. Вместо городов — руины, на месте деревень и сел — пепелища.

Чуть не ежедневно, как правило, на рассвете Таня уходила в снайперскую засаду. И редко возвращалась без «добычи» — уничтоженного фашиста. И вдруг у нее, видимо, от перенапряжения, стало ухудшаться зрение. Очень тяжело переживала это Таня, но об отправке в тыл и слушать не хотела. Упрашивала командира оставить на любой должности. И ее назначили телефонисткой.

Трудная это работа. На войне связь — нервы боя. Они должны быть крепкими.

Не раз приходилось ей находиться на волосок от смерти. Идет бой, осколки снарядов то и дело рвут телефонный провод, а связь должна работать, восстанавливаться немедленно. И Таня снова и снова кидается к месту обрыва линии. Минуты не пройдет — слышен ее звонкий голос, пересиливающий канонаду: «На линии все в порядке!».

Летом 1944 года наши войска окружили в белорусских лесах много фашистских частей. Нашему батальону приказали отрезать им путь к отступлению у села Пекалин. Таня по решению командования шла в бой санинструктором.

Ночью прибыли на место, а ранним утром началось такое, что даже мне, бывалому фронтовику, не часто доводилось видеть. Земля горела и ходуном ходила от взрывов. Рушились вековые деревья, камни летели к небу. Солнце скрылось за тучами дыма и пыли. На наш батальон, в котором насчитывалось двести человек, напоролась целая гитлеровская дивизия с танками, бронетранспортерами, пушками. Многими десятками жизней заплатили за тот победный бой. Стояли насмерть.

Раненых было так много, что у Тани кончился перевязочный материал. Она рвала солдатские рубахи на полосы и бинтовала. Тех, кто уже не мог держать

оружие, она из последних сил переносила в землянку, отбитую у фрицев. А было в ней, как шутили мы тогда, полсотни кило вместе с пилоткой.

Батальон истекал кровью. Силы слишком неравны. На каждого нашего солдата приходилось по несколько десятков врагов. Фашистам удалось отрезать землянку, где находились Таня и раненые. Когда к вечеру с помощью подошедшего подкрепления мы ее отбили, то не нашли там ни одной живой души».

ГРИГОРЬЕВ ИЛЬЯ ЛЕОНОВИЧ

Родился 15 июля 1922 года в селе Селище, ныне Жарковского района Тверской области, в семье крестьянина. Окончил среднюю школу. Работал председателем районной организации Осоавиахима.

На фронтах Великой Отечественной войны — с первого дня. Участник боев на Западном, Калининском, 2 и 3 Белорусских фронтах. Имеет 6 ранений.

К маю 1944 года он стал знатным снайпером 252 с.п. (70 с.д. 33 Армия). Гвардии старшина И.Л. Григорьев уничтожил более 300 солдат и офицеров противника. Обучил снайперскому мастерству 185 солдат и сержантов. 15 июня 1944 года за мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях с врагами, ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степени, Славы 2 и 3 степеней, медалями. После войны проживал в Москве.

Как я стал снайпером

Детство я провел в селе, в семье лесника. Отец, обходя свои делянки в смоленских лесах, часто брал меня с собой. Он клеймил высокие, стройные березки, которые называл «авиационными», так как они шли для авиационной промышленности; спустя много времени отец безошибочно находил дорогу к ним. Первое время я плутал в лесу, но потом тоже научился «читать природу», то есть замечать каждую тропинку, каждый куст, перевернутый лист на траве, сухой или влажный валежник.

И еще в ту пору я научился определять на глаз расстояние. Я знал, что в темноте овраги и лощины «скрадывают» расстояния, в ясную погоду на снегу предметы кажутся близко, в открытом поле лучше прислушиваться лежа, а в лесу — стоя.

Я мечтал быть таким же охотником, как мой отец, как мои старшие братья. А охотники, это я знал из книг и рассказов, должны быть любознательными следопытами, упорными наблюдателями, настойчивыми выслеживателями.

Вот когда у меня зародилась мысль и желание быть снайпером.

В 1941 году, когда началась война, мы, все пять братьев, ушли на фронт: Никита — артиллеристом, Роман — разведчиком, Иван — связистом, Петр — танкистом, а мне выпало счастье быть снайпером.

Я быстро изучил материальную часть винтовки и оптического прицела, баллистику и пневматические правила. Мне разрешили выходить на передний край для выслеживания и уничтожения доступных целей, выявления неуязвимых целей, их уничтожение орудиями, минометами, противотанковыми ружьями. Так я стал снайпером в дни Великой Отечественной войны.

Любопытному фрицу нос прищечи (Обруч)

Пленный немец рассказал, как был убит его товарищ:

«Сидим мы в окопе, — говорит фриц, — вдруг слышим перед нашими позициями какой-то звон и шум. Выглянул мой друг и тут же был убит. Опять раздался шум. Еще кто-то высунулся и тоже был сражен. Мы не могли понять, в чем дело». Дело же было в том, что любопытные фрицы попались на приманку наших снайперов, к которой я прибегал.

Беру простой обруч, деревянный или железный, на него навешиваю консервные банки, подползаю поближе к немецким позициям и из укромного местечка бросаю этот обруч в сторону противника. Он катится и гремит — фрицы, конечно, выглядывают, а снайпер этого только и ждет.

Хорошей «приманкой» служит граната. Если внезапно перед немецкими позициями взорвется несколько гранат, конечно, кто-нибудь высунется посмотреть, что случилось на их переднем крае, на их минном поле.

Пословица говорит: «Любопытному фрицу нос прищечи».

Офицер

Иногда приходилось лежать на одном месте несколько часов, но не выдавать себя.

Пример. Мною за трехдневное наблюдение было установлено, что в 16.00 около блиндажа появляется офицер противника. Я пролежал около 7 часов, наблюдая за хождением солдат, но стрелять не стал, а настойчиво ждал свою более важную добычу. День выдался морозный, но я лежал без движения.

Когда стрелка часов приблизилась к шестнадцати, я уже не снимал пальца со спускового крючка. Прошло еще полчаса, а немецкого офицера все нет. Перед глазами мелькают другие цели, но я сдерживаю себя. Не сегодня так завтра, но я должен «заказать дорогу» этому офицеру в блиндаж. Начало смеркаться. Я уже собирался покинуть засаду, и в это время появился «мой офицер». Он был в маскхалате, но я сразу узнал его по фигуре, по походке. На этот раз он опоздал и поэтому торопился. Я взял упреждение еще на полкорпуса и выстрелил. Немец упал. Мне уходить было нельзя. Если я его убил, то немцы обязательно придут за трупом. Офицер, да еще связной из штаба, при нем документы, такого до ночи не оставят лежать.

Прошла минута, и из блиндажа показался солдат, замахал руками, кинулся к убитому, за ним бросились еще двое. Значит, пуля достигла цели. Теперь я уже могу пострелять по дичи, которая помельче. И когда солдаты подняли убитого и медленно, осторожно понесли его, я открыл огонь и уничтожил всех троих. Они замертво упали и остались лежать вместе с убитым офицером. Когда совсем стемнело, я выбрался из засады.

Так закончился обычный трудовой день снайпера.

Прорыв из окружения (танки)

В районе г. Белая Церковь наше подразделение оказалось в окружении. Овраг, где мы находились, окружили 15 немецких танков и каждую минуту нас обстреливали. Разведчики обнаружили канаву, выходящую из оврага, по ней начали выходить солдаты, у которых кончились патроны, мины и снаряды.

В это время фашистские танки закрыли последний выход, и наше подразделение оказалось полностью окруженным. В овраге от разрывов снарядов стало уже трудно дышать. И вырваться из окружения стало нашей неотложной задачей. Эту задачу взялись выполнить 38 комсомольцев — снайперов, которые были распределены так: 6 пар имели ружья ПТР, 6 пар — бутылки КС (с зажигательной жидкостью), а перед остальными была поставлена задача — бить по смотровым щелям водителя, чтобы не давать возможности танкам точно стрелять.

Когда мы в месте прорыва подползли к танкам, я дал команду: «По танкам — огонь!». Но в это время немецкий снайпер нас обнаружил и выстрелил. Я получил ранение в челюсть с правой стороны, упал и потерял сознание. Но снайперы — комсомольцы услышали и выполнили мою команду. Когда меня пронесли на носилках, то уже пылало 4 немецких танка. Все подразделение было выведено из окружения.

За выполнение этой операции все 38 комсомольцев-снайперов были награждены орденами и медалями. Я за эту операцию был награжден орденом Славы II степени. Так сражались комсомольцы в Великую Отечественную войну.

«Русь, уберите Вашего Илью, тогда мы отзовем нашего снайпера Ганса!»

Это было под Оршей. Напротив нашего полка занимал оборону полк отборной немецкой танковой дивизии. У этой дивизии было пугающее для слабонервных название «Мертвая голова». Мы, снайперы, сделали все зависящее от нас, чтобы увеличить число «мертвых голов» в этой дивизии и тем самым оправдать ее название.

С каждым днем росло число истребленных нами немцев. Мы заставили «мертвоголовых» зарываться еще глубже в землю. Мы отучили эсесовцев разгуливать по переднему краю и заставили их утюжить животами грязь.

Подвоз продовольствия, боеприпасов производился теперь только ночью. Но все эти предосторожности не помогли «мертвоголовым».

В донесениях наших штабов ежедневно сообщались цифры истребленных снайперами немцев. Вскоре против нас стали действовать немецкие снайперы. Одного солдата убили, двоих ранили. Однажды мы обнаружили место засады

немецких снайперов в густом кустарнике. Артиллеристы сделали два огневых налета. Но через день еще один боец был ранен в голову.

По всему видно, что действует искусный снайпер. А однажды ночью через свой громкоговоритель немцы объявили: «Русь! Вы убирайт Ваш Илья, тогда мы убирайт наш снайпер Ганс!».

Откуда немцы узнали мое имя? На фронте в то время распространилась листовка, выпущенная газетой «Фронтвая иллюстрация». В ней сообщалось о делах снайпера Ильи Григорьева. Под портретом была надпись:

Твердят о снайпере бывалом:
«На мушку взял — и фрица нет!»
Ловец на мушку, основал он
Стрелковый университет...

Вероятно, одна из таких листовок и попала в руки к немцам. «Убирайт Илью», — хрипел немецкий голос. Командир полка разрешил мне вступить в поединок с немецким снайпером. Один раз немец вынудил меня выстрелить по ложной позиции, и сразу в край моего шлема, окутанного сеткой, ударила пуля. Я быстро отполз, «он» сразу догадался.

«В голову метит, бестия». Я вытащил из маскхалата деревянный колышек, прикрепил к нему маленький осколок зеркала, а к колышку привязал веревку. Потом я этот колышек воткнул в землю (в бруствер), сам отполз в сторону и потянул чуть-чуть веревку, чтобы в траве заиграл «зайчик». Раздался выстрел. «Ага, клюет». Выдернул колышек, отполз в другое место, опять приладил колышек таким же образом, более тщательно замаскировал, снова отполз, изготовился и стал подергивать веревку. Раздался еще выстрел, и колышек с зеркальцем упал.

По последнему выстрелу я выследил, где замаскировался опытный снайпер.

Тут, должно быть, Ганса взяло искушение посмотреть на свою работу.

Я увидел в окуляторе оптического прицела, как чуть-чуть зашевелилась трава и обозначилась цель. Мгновение — и курок спущен. Голова немца дернулась и поникла. Не пришлось немцам отзывать своего Ганса. Труп снайпера из дивизии «Мертвая голова» долго лежал на ничейной полосе.

Таким образом, я ежедневно выходил на передний край, а также подготавливал молодых снайперов своей дивизии. Во время Отечественной войны занятия проходили одновременно в тылу и на переднем крае, то есть теория и практика (по живой цели) были неразрывны.

Не ошибся поэт, написавший стихи об Илье Григорьеве, действительно он создал своеобразный «снайперский университет»: в годы войны он, не уходя с передовой, «без отрыва от производства» подготовил 185 отличных стрелков — снайперов, среди которых очень многие удостоились правительственных наград, таких, как орден Ленина и орден Красного Знамени. Причем учил он их больше на практике стрельбой не по мишеням, а по реальным врагам. Лично на его счету 328 уничтоженных немцев, из них 67 офицеров и 18 снайперов противника.

Мы мирные люди

Ежегодно в День Победы в одном из спортивных клубов Москвы происходило торжественное вручение приза имени Героя Советского Союза

И.Л. Григорьева команде, занявшей 1-е место в стрелковых соревнованиях. Вручал приз обычно сам Илья Леонович. Он охотно делился с молодежью своим богатым опытом, рассказывал, как стал снайпером:

На передовой, начав счет уничтоженным фашистам, хорошо уяснил, что плюс ко всему снайпер должен быть бесстрашным, выносливым, хладнокровным, уметь мгновенно реагировать на опасность.

О фронтовых делах Илья Леонович всегда рассказывал с азартом, о друзьях — с теплой улыбкой, о врагах — с хитрым прищуром, будто и спустя много лет смотрит на них через оптический прицел.

Он говорил: «Я всегда считал, что зоркость моего глаза — от большой любви к лесам и полям, к родной земле. Не хотел, чтобы враги топтали эту нашу красу».

Бывший прославленный снайпер работал в Министерстве транспортного строительства. Человек он был простой, открытый, как говорят, душа нараспашку, всегда шел на сближение с человеком без всякой дипломатии.

В отделе материально — технического обеспечения, где трудился Илья Леонович, напротив его стола всю стену занимала карта СССР с шоссейными и железными дорогами. Красными флажками на ней были отмечены участки трассы БАМа от Усть-Кута в Забайкалье до Комсомольска-на-Амуре.

Постоянно раздавались телефонные звонки, чаще междугородние. Звонили представители Главснаба СССР, заводов, предприятий и научно-исследовательских институтов, поставщики инженерного оборудования для пусковых объектов. Илья Леонович обстоятельно перечислял виды промышленного оборудования, помнил все сроки и очередность поставок заказчикам. И почти всегда лаконичным бывал разговор с представителями стройки: «Вас понял. Обеспечим выполнение вашего заказа. Желаю успехов. Нет, нет, не беспокойтесь, не подведем!» И после такого разговора строители могли не беспокоиться: все необходимые стройматериалы будут доставлены своевременно. Наряд-заказ принял сам Григорьев, он не подведет. Его слова никогда не расходились с делом...

После войны, занимаясь мирным трудом, Илья Леонович продолжал передавать свое искусство молодым юношам и девушкам. В добровольных обществах ДОСААФ есть много опытных стрелков, из числа которых могут и должны готовиться искусные снайперы. Пусть каждая организация Общества поставит перед собой почетную задачу — развивать снайперский спорт, готовить снайперов, людей с зорким глазом и крепким сердцем, хладнокровных и быстрых, терпеливых и выносливых, мужественных и сообразительных, гордых почетным званием **СОВЕТСКОГО СНАЙПЕРА**.

«Мы мирные люди, и это хорошо всем известно. Но пусть поджигатели новой войны не забывают о просчетах немецких фашистов.

Сотни тысяч наших друзей и товарищей знают цену оружия и умеют с ним обращаться, глаза у нас зоркие, снайперские, и сердца у нас крепкие, советские.

И горе будет врагу, если он вынудит нас снова стать солдатами».

Герой Советского Союза снайпер И. Григорьев

ЕФРЕМОВ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

Ефремов Дмитрий Иванович — родился 9 июня 1926 года в деревне Пашино Ардатовского уезда Симбирской губернии (позднее — Атяшевского района Мордовской АССР) в крестьянской семье.

В 1943 году сразу после окончания Шейн — Майданской средней школы Д.Ефремов поступил на курсы всеобщего воинского обучения при Атяшевском райвоенкомате.

На фронте с 11 ноября 1943 года. За героизм и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками Дмитрий Иванович Ефремов был награжден орденом Отечественной войны 2 степени, орденом Ленина и медалью «За отвагу».

4 апреля 1945 года стрелковый полк, в котором сражался командир пулеметного расчета Д.И. Ефремов, получил задание отрезать фашистским войскам путь отступления из Кенигсберга к порту Пиллау.

Выполняя поставленную командованием задачу, пулеметный расчет Ефремова оборонял шоссе, соединяющий город с портом. Когда пулемет был выведен из строя, Дмитрий Иванович водрузил на крыше здания, из которого расчет велся прицельный огонь по врагу, красный флаг.

Это означало, что бойцы будут сдерживать натиск немцев на вверенном им участке даже ценой собственной жизни. В ход были пущены трофейные автоматы и гранаты.

На исходе дня враг, попавший в огненное кольцо, был уничтожен, а Дмитрий Иванович получил тяжелое ранение. За этот бой Ефремов был представлен к награде.

19 апреля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Ефремову Дмитрию Ивановичу присвоено звание Героя Советского Союза. В результате полученного в последнем бою ранения Ефремов долго находился на лечении в госпитале, в 1946 году гарнизонная комиссия признала его негодным к несению воинской службы. После демобилизации Д.И. Ефремов вернулся в родные края.

В сентябре 1955 года Дмитрий Иванович приехал в г. Лениногорск, где с 1956 года после окончания Всесоюзного

заочного института Советской торговли работал бухгалтером на Лениногорском полиметаллическом комбинате, с 1964 года — бухгалтером в Лениногорском военизированном горноспасательном отряде, откуда в 1988 году ушел на заслуженный отдых. Дмитрий Иванович вел большую патриотическую работу среди молодежи в школах и учебных заведениях города.

5 ноября 2005 года перестало биться сердце Д.И.Ефремова

Информация взята с сайта www.arhiv.vko.gov.kz

ЗЕРНИН СЕРГЕЙ МАТВЕЕВИЧ

Родился в 1912 году в с. Крыжановка ныне Чебаркульского р-на Челябинской обл. С начала 1920-х гг. вместе с родителями жил в Златоусте, трудовую деятельность начал подсобным рабочим на металлургическом заводе, учился в вечерней школе. С середины 1930-х гг. — в родном селе работал комбайнером в колхозе «Первое мая».

В Красной армии — с июля 1941 г., на фронте — с ноября того же года.

За храбрость в боях под городом Клином Зернину была объявлена благодарность. Вскоре в ходе наступательных операций получил первую боевую медаль «За оборону Москвы», немного позже медаль «За отвагу».

После продолжительных боев поредевшие подразделения дивизии были отправлены на переформирование в г. Калугу. Здесь Зернина зачислили наводчиком первого орудия 227 а.п. 70 с.д.

Со своим 76-мм артиллерийским орудием сержант Зернин прошел фронтовые дороги Белоруссии, Прибалтики. Бывший уральский механизатор смело воевал за освобождение Родины.

Отличился в боях за взятие Кенигсберга, где 5 — 9 апреля 1945 г. с расчетом своего орудия уничтожил 3 орудия, 4 пулемета, 2 наблюдательных пункта противника, 2 автомашины с военным грузом, около двух рот вражеской пехоты. Был тяжело ранен. За проявленные мужество и героизм был удостоен звания Героя Советского Союза.

Его товарищ по службе Евгений Александрович Варенов вспоминает слова С.М.Зернина: «Там, на фронте, я не думал о подвигах, о геройстве. Я просто выполнял свой долг перед Родиной, перед народом. Всегда старался выполнять поставленные задачи, как можно лучше».

Сергея Матвеевича уже нет в живых, но о подвиге солдата всегда будут помнить его земляки.

Информация взята с сайтов: www.zlatoust.ru и www.mou110.chel-edu.ru

ИВАНОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

Майор, командир батальона 252 с.п. 70 с.д. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст., медалями.

Иванов С.И. родился 3 октября 1905 года в Риге в семье служащего. Русский. Член ВКП(б) с 1927 года. Окончил совпартшколу в г. Великие Луки в 1931 году, 3 курса Промышленной академии в 1940 году. Руководил курсами мастеров завода «Арсенал» в Ленинграде.

В Красной Армии с июня 1941 года, на фронте с августа 1941 года. Окончил КУОС в 1944 году.

Особенно отличился в Земландской операции. Немецкое командование всеми средствами пыталось эвакуировать свои войска, окруженные 43 Армией на полуострове Пайзе.

В ночь на 17 апреля 1945 года, когда наши войска вели штурм Фишхаузена, в район фарватера Пайзе-Пиллау был выслан корабельный дозор. В нем посменно находились две пары бронекатеров. Ночью, в тумане, без локаторов они не увидели, как мимо них прошли пароходы с немецкими танкистами, оставившими свою технику на побережье. Лишь утром, когда туман в заливе рассеялся, балтийцы обнаружили караван буксиров, баркасов, барж, лодок и плотов, шедших курсом в Пиллау. Бронекатера на полном ходу врезались в эту массу плавсредств. Одни немецкие солдаты вели огонь с охваченных пламенем судов, другие сдавались в плен, держа над головой белые тряпки и носовые платки.

Разрозненные группы противника пытались пробиться и через заболоченные прибрежные луга в Фишхаузен. Этим воспользовался командир стрелкового батальона майор С.И. Иванов, устроивший ночную засаду на одной из лесных дорог, огибавших полуостров. Используя внезапность и стараясь не шуметь, у полусонных немецких солдат отбирали оружие и боеприпасы. Ситуация поменялась, когда к месту засады подошли власовцы и немецкие юнкера. Вспыхнувший бой продолжался до рассвета, но батальон не дрогнул, не отступил. Натиск противника постепенно стал ослабевать, часть его повернула назад, другие по грудь в воде обходили опасное место, около тысячи гитлеровцев были взяты в плен.

За умелое руководство бойцами, личную отвагу и мужество Сергею Ивановичу Иванову 29 июня 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

С 1945 года — в запасе. Вернулся в Ленинград, до 1970 года работал на «Арсенале».

Информация взята с сайта russian-west.narod.ru

КАТИН НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ

Родился 21 ноября 1924 года в деревне Ильинское, ныне Зеленодольского района республики Татарстан, в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) с марта 1945 года. Образование среднее.

В Красной Армии с мая 1942 года. В 1943 году окончил Ярославское пулеметно-минометное училище. На фронте с августа 1943 года.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красной Звезды.

Командир пулеметной роты 68 с.п. 70 с.д. старший лейтенант Николай Катин в 1945 году отличился в бою у населенного пункта Побетен (ныне поселок Романово Калининградской области).

Рота Николая Катина получила приказ овладеть высотой — от этого зависел исход наступления. Старший лейтенант выдвинулся с пулеметом вперед, вклинился в оборону противника. Противник начал контратаковать. Первая атака гитлеровцев захлебнулась — пулемет бил точными, короткими очередями. За нею последовали вторая, третья... Результат тот же: Катин подпускал немцев на 70–80 метров и разил без промаха. Они не выдержали упорства советского пулеметчика, в беспорядке начали отступать, а наша пехота завершила разгром группировки. В этом бою Николай Катин уничтожил 30 гитлеровских солдат и офицеров.

7 апреля 1945 года в бою за населенный пункт Фридрихсберг (ныне поселок Зеленое города Калининграда) отважный пулеметчик с группой бойцов захватил сильно укрепленный опорный пункт, перерезал пути отступления части гарнизона. Но советских бойцов было слишком мало на этом участке, чтобы развить успех. К середине дня положение изменилось. Гитлеровцы окружили несколько домов, где засели наши пулеметчики. В течение трех часов рота сдерживала их яростный натиск. Вот уже пятая атака. В живых рядом с Катиным осталось только два солдата. Старший лейтенант поручил им один из пулеметов,

а сам отстреливался из второго. Немцы вели непрерывный артиллерийский обстрел дома.

После очередного разрыва пулемет за спиной командира вдруг замолчал — погиб его последний расчет. Теперь Катин управлялся и за него: перебегая от одного пулемета к другому, стрелял в обе стороны улицы... Шестая атака. Она отбита, но пулеметные ленты кончились.

К дому почти вплотную подползло самоходное орудие «Фердинанд». Выстрел прямой наводкой. Пробита стена, все заволочло красноватой пылью.

Катин бросил в самоходку одну противотанковую гранату, другую... Подбита. Николай Катин приготовил последнюю гранату. И как только фашисты ворвались,

чтобы взять его живым, Катин бросил гранату себе под ноги... Отважный пулеметчик был похоронен в братской могиле в поселке Переславское Зеленоградского района Калининградской области.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм старшему лейтенанту Николаю Андреевичу Катину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1985 году в связи с директивой укрупнить все военные захоронения в Зеленоградском районе останки офицера в числе других воинов были извлечены с бывшего кладбища войскового медсанбата в поселке Волошино. Однако, как выяснилось через 20 лет, перезахоронение было выполнено с грубейшими нарушениями. За полтора месяца работы на месте следопыты отряда «Совесть» обнаружили останки 128 красноармейцев, в том числе Николая Катина. Установили его прах по истлевшим погонам и характеру ранений. Останки воинов, упакованные в полиэтиленовые пакеты, более двух лет лежали на даче руководителя отряда «Совесть» Руслана Химасова, поскольку местные чиновники не могли выделить средств на перезахоронение. Ситуация сдвинулась с мертвой точки только после журналистского расследования, которое предпринял собкор газеты «Известия» в Калининградской области Илья Стулов.

20 октября 2006 года в торжественной обстановке останки 271 воина Великой Отечественной войны, в том числе Героя Советского Союза старшего лейтенанта Николая Катина, были перезахоронены на Переславском военно-историческом мемориале под Калининградом.

В Калининграде установлен обелиск, а на доме, где погиб Герой, — мемориальная доска. Именем Николая Катина названы улицы в Калининграде и Зеленодольске.

Биография предоставлена Кириллом Осовиком и сайтом www.warheroes.ru

Источники:

Герои Советского Союза — наши земляки. Книга 2. Казань, 1984.

Дриго С.В. За подвигом — подвиг. Калининградское кн.изд., 1984.

Слава бессмертна. Калининград, 1963.

ОБУХОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

Командир орудия 227 а.п. 70 с.д., старшина. Награжден орденом «Ленина», медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Родился 3 декабря 1911 года в деревне Тамаевка, ныне Арзамасского района Нижегородской области, в семье крестьянина. Русский. Остался сиротой. Окончил школу всеобщую. Работал плотником. В 1933—1935 годах проходил срочную службу в Красной Армии. Потом снова плотничал в родных местах. В 1939 году уехал в Челябинск, работал на строительстве металлургического комбината.

В июле 1941 года был призван в Красную Армию Металлургическим райвоенкоматом города Челябинска. В действующей армии с ноября 1941 года. Артиллерист Обухов воевал на Западном, Белорусском,

1 Прибалтийском и 3 Белорусском фронтах. В 1942 году вступил в ВКП(б). Был контужен, ранен. Особо отличился в боях в Восточной Пруссии весной 1945 года.

6—7 апреля 1945 года во время штурма столицы Восточной Пруссии города Кенигсберга старшина Обухов, находясь со своим орудием в боевых порядках пехоты, огнем прямой наводкой содействовал захвату населенного пункта Фридрихсберг (поселок Зеленое в черте города Калининград). Прямой наводкой разрушил три дома с засевшими там фашистами, уничтожив четыре станковых пулемета и до взвода гитлеровцев.

Во время вражеской контратаки артиллеристы Обухова были окружены немецкими автоматчиками. Несмотря на численное превосходство врага, они смело вступили в бой с врагом, огнем из пушки и автоматов истребили 36 гитлеровцев. Позднее, преследуя отступающего противника, подбили 2 танка, 2 бронетранспортера, вывели из строя 2 легких орудия.

9 апреля 1945 года немецкое самоходное орудие «фердинанд» непрерывно обстреливало наши боевые порядки. Командир приказал артиллеристам выдвинуться на прямую наводку и подавить огонь немецкой самоходки. В бой с «фердинандом» вступило орудие А.В. Обухова. Чтобы сократить дистанцию до вражеской самоходки, расчет катил пушку 300 метров на руках. Но вот выгодная

позиция найдена. Первый же снаряд разорвался вблизи вражеского орудия. Экипаж «фердинанда» заметил нашу пушку и открыл по ней огонь. Снаряд разорвался у самого орудия, с визгом пролетели осколки, но расчет Обухова не дрогнул. В несколько секунд орудие было снова заряжено. Прогремел выстрел. Снаряд подбил немецкую самоходку. Поврежденный «фердинанд» уполз в лес.

Заместитель командира дивизиона по политической части, майор Пузи-ков написал письмо на родину Обухова А.В., в котором говорилось:

«Ваш сын показал себя храбрым защитником нашей Великой Родины. Он мужественно дрался с немцами в наступательных боях и является прославленным артиллеристом нашей части. Весь личный состав гордится его героическими подвигами. Он не раз вступал в единоборство с немецкими танками и в этой борьбе выходил победителем. На его героических подвигах учатся молодые бойцы. Спасибо Вам за воспитание такого храброго воина...».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство старшине Обухову Александру Васильевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 6254).

После войны вернулся на родину. Жил в городе Арзамасе, окончил Арзамасский лесной техникум. Работал лесничим в Шатковском и Арзамасском районах. Был депутатом Арзамасского городского Совета и Верховного Совета СССР 2-го созыва. Скончался после тяжелой болезни 26 января 1959 года. Похоронен на городском кладбище города Арзамаса.

В Челябинске его именем названа улица.

Биографию подготовил Сергей Каргапольцев, взято с сайта www.warheroes.ru

Источники:

Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Том 2. М.: Воениз., 1988

Дриго С.В. За подвигом — подвиг. Калининградское кн.изд., 1984.

Тюльников Л.К., Басович Я.И. Герои Советского Союза — горьковчане. Горький, 1981

ПИЛИПАС ВАЛЕНТИН ВИКТОРОВИЧ

Командир батальона 329 с.п. 70 с.д., майор. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 2 степени, медалями.

Родился в сентябре 1920 года в селе Новоселитьба, ныне Белогорского района Амурской области, в семье рабочего-железнодорожника. Русский. В пятнадцать лет окончил семь классов Средне-Вельской школы и поступил на судоводительское отделение Благовещенского политехникума водных путей сообщения (ныне Благовещенское речное училище). В апреле 1939 года с отличием закончил учебу и получил квалификацию капитана 1 разряда. Но работать по специальности не пришлось.

В том же 1939 году был призван в Красную Армию. Службу проходил на Дальнем Востоке рядовым, а затем — инструктором-подводником.

На фронте с октября 1941 года. Боевое крещение получил под Москвой на Западном фронте. Был помощником командира взвода 60 о.р.б. 78 с.д. 11 ноября 1941 года в боях за город Истра был ранен, через три месяца возвратился в родную часть.

В конце января 1942 года Пилипас был направлен на краткосрочные курсы командного состава под Москву. После окончания курсов был оставлен в 206 запасном полку командиром взвода. Затем до июля 1942 года проходил службу в отдельном батальоне ПТР (противотанковых ружей) 49 Армии командиром взвода, заместителем командира роты, командиром роты.

В июле 1942 года после расформирования батальона ПТР капитан Пилипас был назначен заместителем командира батальона 852 с.п. 277 с.д. 33 Армии. В составе этого полка участвовал в Смоленской операции. В боях при освобождении города Спас-Деменск получил ранение, но уже че-

рез месяц, вернувшись в часть, участвовал в боях на ельнинском направлении. В сентябре 1943 года получил очередное ранение и попал в госпиталь уже надолго. Возвратился в строй только в конце декабря 1943 года.

В июне 1944 года капитан Пилипас — заместитель командира 2 батальона по строевой части 329 с.п. 70 с.д. — участвовал в боях по освобождению Белоруссии. Приказом командира 70 с.д. был организован передовой отряд для преследования противника, командиром которого был назначен капитан Пилипас. Перед отрядом капитана Пилипаса была поставлена задача: по следам отступающего противника форсировать Днепр и овладеть городом Шклов Могилевской области.

В ночь на 27 июня 1944 года, преследуя отходящего врага, подвижной отряд капитана Пилипаса подошел к левому берегу реки Днепр. В коротком стремительном бою бойцы захватили первые линии укрепления, уничтожив до роты фашистских солдат. В этом месте Днепр шириной около 200 метров с крутыми высокими берегами. Командир отряда организовал подготовку подручных переправочных средств. После артиллерийской обработки переднего края вражеской обороны бойцы форсировали водную преграду. Одним из первых оказался на вражеском берегу капитан Пилипас. Его бойцы умело подавили огневые точки противника, в рукопашной схватке выбили гитлеровцев из передовых траншей и, преследуя убегавшего противника, ворвались на окраину города Шклов. Начались уличные бои. Вскоре на помощь бойцам капитана Пилипаса пришли основные силы дивизии. За этот бой капитан Пилипас был представлен к присвоению звания Герой Советского Союза.

Наступление продолжалось. В боях по ликвидации вражеской группировки, окруженной под Минском, капитан Пилипас командовал батальоном. В схватке с врагом на западном берегу реки Неман капитан Пилипас снова проявил храбрость и мужество, ему присвоили воинское звание майора и наградили орденом Красного Знамени. В январе 1945 года батальон майора Пилипаса участвовал во взятии города Мемель (Клайпеда). На подступах к городу 27 января бойцы батальона уничтожили три минометные батареи, десять пулеметных точек, около сотни фашистских солдат и офицеров. За личную смелость и умелое командование батальоном в боях за освобождение Клайпеды майору Пилипасу был вручен орден Александра Невского.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм майору Пилипасу Валентину Викторовичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 5946).

После войны майор Пилипас — в запасе. Работал в системе Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР. Последнее место работы — Балахтинский зерносовхоз Красноярского края, где он занимал должность управляющего отделением центральной усадьбы. Скончался 18 сентября 1957 года. Похоронен на центральной усадьбе Балахтинского зерносовхоза.

Имя Героя увековечено на мемориале в городе Белогорске Амурской области.

Биографию подготовил Сергей Каргапольцев, взято с сайта www.warheroes.ru

Источники:

Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Том 2. М.: Воениз., 1988

Ягодинский Е.А. Золотые Звезды речников. Выпуск 3. М., 1979

РОДЕНКО КОНСТАНТИН ГЕРАСИМОВИЧ

Командир орудия 227 а.п. 70 с.д., сержант. Награжден орденами Ленина (19.04.1945), Отечественной войны 1-й степени (11.03.1985), Красной Звезды, медалями.

Родился 7 марта 1923 года в Ташкенте — столице Узбекистана — в семье рабочего. Русский. Окончил 9 классов. Жил в городе Соликамске Пермской области, работал на калийном комбинате.

На фронте с 1944 года.

Командир орудия, сержант Константин Роденко в боях в апреле 1945 года за укрепленный район Гросс-Фридрихсберг на подступах к Кенигсбергу при прорыве сильно укрепленной обороны врага огнем прямой наводкой уничтожил четыре станковых пулемета, наблюдательный пункт, 75-миллиметровое орудие и группу гитлеровцев. Враг контратаковал подразделение. Бесстрашный командир орудия в упор расстреливал гитлеровцев, уничтожив при этом четыре десятка солдат и офицеров противника.

Особенно жаркий бой разгорелся 9 апреля 1945 года. Немцы закрепились в опорном пункте Модиттен. Под огнем противника силами орудийного расчета был построен мост через канал, и, переправившись через него, бойцы сержанта Роденко первыми ворвались в Модиттен, с хода развернули орудие, уничтожили два станковых пулемета и вступили в единоборство с тяжелым вражеским танком, неожиданно появившимся на окраине населенного пункта. Метким огнем из пушки вражеский танк был подожжен. Вскоре у артиллеристов закончились снаряды. Роденко вместе со своим расчетом продолжал отражать контратаки гранатами, лично уничтожив семнадцать гитлеровцев. Мужественный сержант был ранен, но остался в строю.

Стойкость и мужество орудийного расчета во главе с его отважным командиром дали возможность нашей пехоте овладеть опорным пунктом Модиттен.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм сержанту Роденко Константину Герасимовичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 8867).

После войны К.Г. Роденко вернулся в родной город Ташкент, где жил и работал. Скончался 25 июня 1985 года. Похоронен на Аллее Героев Воинского кладбища в Ташкенте.

Биография предоставлена В.В.Примаченко и сайтом www.warheroes.ru

Источники:

Герои Прикамья. Пермь. «Пушка». 2006

Герои Советского Союза — узбекистанцы. Ташкент, 1984.

Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Том 2. М.: Воениз., 1988.

Дриго С.В. За подвигом — подвиг. Калининградское кн.изд., 1984.

Золотые Звезды Прикамья. 4-е изд. Пермь, 1988

Почетные граждане г. Соликамска... — Соликамск — 2000

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ

РОДИНУ

РАЗДЕЛ 4

КОМАНДОВАНИЕ 70 С.Д.

ВАГИН ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ

Хочется мне рассказать об отважном командире разведки, ветеране 70 с.д. Вагине Иване Алексеевиче.

От Москвы до Польши — вот боевой путь Вагина И.А. 8 наград украшают грудь ветерана, среди них орден Отечественной войны, 2 ордена Красной Звезды, медаль «За отвагу», «За оборону Москвы» и др.

Три ранения, из них два тяжелых: в голову и ноги и одна контузия, из-за которых он оглох и ослеп на какое-то время, но выживал разведчик и снова шел на фронт. Были на пути нашего командира бои, память о которых сохранилась особенно ярко. Боевое крещение Вагин И.А. получил под Москвой в составе 47 курсантской стрелковой бригады 1 Ударной Армии.

В районе Волоколамска есть деревня Теряева Слобода, где расположен монастырь, там засели гитлеровцы и обстреливали дорогу, важную в стратегическом отношении. Командование поставило задачу выбить фашистов из монастыря. Преодолев огромный пруд, разведчики в штыковом бою уничтожили часть немцев, а 4-х взяли в плен. За выполнение этого задания Вагин И.А. был награжден медалью «За отвагу». Эта первая награда дорога ему, потому что она за Москву и ее вручал сам Калинин М.И.

Орден Отечественной войны I степени он получил за сбитый им из винтовки немецкий транспортный самолет и за форсирование реки Одер.

Это было 15 марта 1945 года под городом Штеттином, где шла переправа: наши войска форсировали Одер. Вагину И.А. вместе с группой разведчиков была поставлена задача во что бы то ни стало удержать дамбу, не дать гитлеровцам взорвать ее, иначе сорвется переправа и будет много жертв. Ценой больших потерь задача была выполнена: дамба сохранена и переправа прошла успешно, но в этом бою командир разведчиков Вагин И.А. был тяжело ранен в обе ноги. Победу встретил в госпитале.

Вагин И.А. был не только смелым и отважным разведчиком, но и веселым человеком: он замечательно играл на гармошке и пел, особенно любил песни «Парень кудрявый», «Шахтерский вальс». В госпитале, когда он играл, раненые собирались вокруг и слушали.

Сейчас Вагин И.А. на заслуженном отдыхе. Он переписывается и встречается с друзьями-однополчанами, со школьниками, ведет военно-патриотическую работу.

Н.И. Ульянов

ГЛАДИЛИН АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ

От рядового до генерала

Мне довелось видеть этого человека в разной обстановке. И всегда, несмотря на свой возраст, он был бодрым и подтянутым, жизнерадостным и улыбочивым. Сегодня мой рассказ о ветеране Великой Отечественной войны, участнике обороны столицы генерал-майоре авиации Гладилине Андрее Семеновиче. Лауреат Государственной премии, член Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, житель нашей Щелковской земли.

Родился Андрей Семенович в далеком 1920 году, когда еще полыхала по стране гражданская война. Подрастал, трудился, учился, мечтал. Хотел быть инженером. О карьере военного не думал. Да и само слово «карьерера» резало ему слух. Хотелось

собственными руками созидать, облегчать труд людей, который тогда был почти каторжным повсеместно как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

В 1938 году поступил на учебу в Ленинградский политехнический институт. «Был на седьмом небе, когда узнал, что зачислен», — рассказывал мне старый седой генерал. Ему пошел 22 год, учился на третьем курсе института, когда началась Великая Отечественная война. Андрей пошел в военкомат, написал заявление с просьбой направить его добровольцем в Красную Армию. Его порыв был одобрен. Последний экзамен за третий курс пришел сдавать прямо с призывного пункта, где ему выдали военную форму рядового красноармейца. Курс «Электрические сети и системы» был сдан на «отлично». В этот же день, получив документы в военном комиссариате, убыл в расположение боевой части, защищавшей Ленинград. Позже он наверстает упущенное и закончит с золотой медалью Академию связи. Но это будет потом, а пока шла война.

«Мне много раз везло, я оставался жив. Видимо, там, наверху, мне было предписано жить», — улыбаясь, заметил Андрей Семенович.

15 сентября 1941 года в пригороде Ленинграда, у Лигово, был тяжело ранен. Палатка, где его перевязывали, в результате попадания снаряда взлетела на воздух, но он остался жив, его отправили в госпиталь. Сделали операцию. Через несколько дней лечебный корпус в результате массированного бомбового удара фашистов был разрушен. Андрей оказался под обломками здания. Многие раненые погибли. В бессознательном состоянии он был найден пожарными, разбивавшими завалы. Тогда, в результате долгого пребывания под завалами, он простудил второе легкое, одно было повреждено ранением. Командиры приняли решение отправить раненых на двух самолетах в Москву через линию фронта. И вновь жизнь солдата висела на волоске. Прямо на глазах у Андрея Семеновича был сбит первый самолет, он летел на втором. Так

*Школьник Андрюша Гладилин
(крайний слева)
в летнем лагере Всевобуча. 1937 г.*

трижды, в начальный период войны, спасал его Бог. Он был в двух шагах от смерти. Ему посчастливилось.

От Москвы до Кирова сменил пять госпиталей. А поправившись, попал в Свердловский пересыльный пункт, где формировалась 47 с.б. 1 Ударной Армии защитников Москвы.

«Нас одели, обули, вооружили, посадили в эшелон и безостановочно повезли к Москве. Высадили на подступах к столице. Обстановка была тяжелой, — рассказывал мой собеседник. — Наши неудачи на фронтах были очевидными. Враг стремительно наступал, но Красная Армия продолжала вести героическую борьбу в тяжелейших условиях недостатка личного состава, танков, самолетов, артиллерийских орудий и снарядов. Гитлер хотел сровнять Москву с землей и на этом месте создать огромное озеро. На подступах к Москве разворачивались кровопролитные бои. Немцы овладели Клином, Солнечногорском, вышли к Красной Поляне, Яхроме, Крюкову, южнее прорвались к Кашире. И только благодаря вводу в бой свежих сил (в числе которых был и рядовой Гладилин, к тому времени — командир взвода), заставили противника перейти к обороне, а под Тулой — даже начать отступление.

«Я помню, как по пояс в снегу, в суровые тридцатиградусные морозы, в течение десяти дней и ночей мы отбивали у фашистов дом за домом, сарай за сараем, высотку за высоткой, по несколько раз в день ходили в атаку, добываясь хоть небольшой, но победы, — рассказывал Андрей Семенович. — Много моих друзей полегло в тех боях. В одной из атак, когда наш взвод штурмом брал объект под местечком Ярополец, в снегу меня нашел ротный и объявил, что «за мужество и героизм, умелое командование подчиненным личным составом в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами» мне присвоено первое офицерское звание. Ротный пошутил: «Когда будешь пришивать, то не пришей на одну сторону». «Вы знаете, — продолжал Андрей Семенович, — сообщение ротного, который и сам славился бесстрашием, придало мне новые силы. Ком подходил к горлу, была гордость за себя, за ребят, которые отчаянно дрались за каждый участок родной земли».

Битва под Москвой завершилась нашей победой. Многие однополчане полегли на полях сражений. «А мне опять повезло, — сказал генерал, — я остался живой». Командир взвода с двумя кубарями в петлицах, Андрей Семенович Гладилин был награжден медалью «За отвагу».

Что же еще придавало юному взводному силы в борьбе с ненавистным врагом? Любовь! Андрей влюбился в лейтенанта медицинской службы Галину на вокзале города Свердловска. Знакомство было коротким. Среди трех подружек

Гладилин А.С. в верхнем ряду (четвертый справа)

Андрей обратил внимание на нее. И, как оказалось потом, на всю оставшуюся жизнь. Галина направлялась в ту же 47 с.б. 1 Ударной Армии. Вскоре они служили уже вместе. Он — комсорг батальона связи, она — фельдшер. Забегая вперед, отмечу, что она оказалась замечательным человеком: прекрасной женой, заботливой матерью, умным воспитателем своих детей, внучат, а сейчас помогает воспитывать и правнука. «Без нее, — заметил Андрей Семенович, — я не смог бы достичь таких высот, которые мне пришлось взять, и выжить в тяжелой и напряженной армейской обстановке».

Гладилин А.С. (вверху слева)

Беседуя с супругой Андрея Семеновича, Галиной Васильевной, спросил о том, когда они поженились. Она ответила: «В 1944 году, согласно приказу по дивизии, как и положено в военное время, а ЗАГС посетили в августе 1945 года, когда уже у нас был сын. Муж у меня оказался очень заботливым и внимательным, настоящим семьянином. Мне повезло. Видимо, Господь знает, кому какие подарки делать».

Галина Васильевна тоже познала войну от ее начала и до конца. Ее боевой путь начался под Уманью 25 июля 1941 года. Была горечь и боль отступлений, были жестокие бои, были тысячи раненых. «Во время боя очень сложно определить, кто жив, кто мертв. Приходилось наблюдать: если человек в атаке упал лицом к земле, то его условно можно считать погибшим, а если иначе — то раненым. Вот к этому и ползешь, чтобы спасти его. А уже потом, после боя, вывозишь остальных на машине в медсанбат». Она, как и Андрей Семенович, награждена медалью «За оборону Москвы».

*Исторический кадр:
А.С. Гладилин с Ю.А. Гагариным*

Войну Андрей Семенович закончил майором. На груди ветерана два ордена Отечественной войны 1 степени, два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны 2 степени, медали. Все они за мужество, героизм, умелое командование подчиненными, успешное выполнение боевых задач.

Наступило мирное время. Закончив академию, в течение шести лет Андрей Семенович проходил службу в должности бортинженера-испытателя, а затем в 1956 году был назначен в оборонный НИИ, где прослужил 13 лет, возглавляя один из комплексов. Этот огромный по территории комплекс обеспечивался не одной сотней служащих. Дома бывал редко, все дела и ответственность лежали на боевой подруге, которая все понимала. В 1969 году он перешел на службу начальником Научно-исследовательского центра, где и прослужил до конца 1982 года. Родина отметила службу генерала Гладилина А. С. в мирное время. Его награждают двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «За службу Родине в Вооруженных силах» 3 степени. В 1981 году он удостоивается звания Лауреата Государственной премии СССР.

Уйдя в запас, Андрей Семенович не мыслит себя вне работы. Он поступает на работу в КБ «Молния» на должность начальника научного отдела. Трудится бок о бок с создателями «Бурана» — космического корабля многоразового использования.

По роду своей работы в КБ, да и прежде на военной службе, Андрей Семенович встречался с интересными людьми: Президентом Академии наук СССР Мстиславом Келдышем, Героем Советского Союза, летчиком-испытателем С.А. Микояном, первым космонавтом планеты Юрием Гагариным.

Сегодня, несмотря на свой почтенный возраст, Андрей Семенович-человек востребованный, его опыт, знания нужны людям, он по-прежнему деятельный, волевой и решительный. Председатель Совета ветеранов Щелковского района нужен всем, и он никому не отказывает в помощи. Да иным и не может быть старый солдат.

Здоровья Вам, ветеран! Спасибо Вам за Победу в 1945 году!

Олег Сорокин. Газета «ОТЧИЙ СВЕТИЛЬНИК» №2 (84), ФЕВРАЛЬ 2007

Воспоминания

1.

Я родился 21 марта 1920г. в маленьком городке на границе с Украиной. Между Курском и Белгородом есть станция Прохоровка, известная по боям на Курской дуге. От этой Прохоровки недалеко стоит городок местный, мешанский — Короча. Папа там был землемером, а мама была домохозяйкой, она жила в Короче, где меня и родила. После родов прошло 20 дней, через Корочу шла основная масса войск банды Махно. Жители все дрожали, спрятали ее в погреб. Но махновцы в этот дом не заходили, проскакали на своих конях мимо. Мне только известно, что Махно проходил через Корочу. Потом мы уехали в Курск, на родину моего отца Семена Алексеевича. У Семена Алексеевича — отец Алексей Иванович Гладиллин, мой дедушка; его жена — моя бабушка Агафья Андреевна Гладиллина. Мы сняли квартиру, жили недалеко от них. Потом мама родила второго мальчика — Севу. Сева, когда ему было 2 года, а мне 4, умер от дифтерии, задохнулся, тогда еще не умели ее лечить. Мама очень переживала. Переехали к родителям моего отца. И там я рос, в 8 лет пошел в школу. Ходил недели две в школу. Наше место называлось Цыганский бугор, там жила самая нищета, жулье. Но я был местный житель, с ребятами дружил, и у меня это не вызывало особых отрицательных эмоций. У моего отца был хороший велосипед, и его украли. Мы с ребятами играем в футбол. Они говорят:

— Что ты, Андрюша, сегодня такой кислый?

Я говорю:

— Да украли у отца велосипед. А отцу он нужен позарез.

— Когда украли?

Гладиллин А.С со студентами Политехнического института г.Ленинград (вверху в центре)

— Вчера.

— Будет тебе велосипед.

И к вечеру привезли. Мои товарищи постарше были, но они меня уважали.

Потом, когда я пошел в школу и только 20 дней проходил, вызывает меня учительница и говорит:

— Андрюша, тебя переводим в другую школу.

— Почему?

— У тебя хорошая обувь есть в школу ходить, а у нас полшколы босиком, а уже мороз, ребята по морозу бегут рысью, могут простудиться. А ты будешь ходить, ну, подальше.

Перевели меня в школу уже ближе к центру города. Мне повезло с этой школой, потому что это была первая в РСФСР школа со спортивным уклоном. И у нас физкультура была каждый день. Школа тогда проходила свое становление. Ну, скажем, приходим мы на урок, нам раздают по стакану чечевицы, и мы должны на тарелке рассортировать, отделив черную от желтой. Потом физкультура. С физкультурой я хорошо ладил, успевал. И в 12 лет меня отобрали на Всероссийскую (РСФСР) Спартакиаду пионеров и школьников в Воронеже. От нашей школы была большая делегация, человек 30 поехали. Моя мама пришла, нашла в этой группе девочку 9-классницу по фамилии Гагарина, между прочим, и попросила:

— Ты за ним присматривай. Ему же только 12 лет. А он один едет, без сопровождения.

И повезли нас в Воронеж. Там я стал чемпионом РСФСР по ходьбе на три километра. Впереди всех пришел, потому что все свое детство пробегал по улице. И пока я учился до десятого класса, я был чемпионом Курской области среди старшеклассников по лыжам, по конькам, по волейболу. И в хоккей (он тогда был с мячом) меня пригласили играть за сборную Курской области в команду «Динамо». Я был хороший конькобежец и хорошо играл в русский хоккей. Школу я закончил на «отлично». Но за четыре месяца до окончания школы меня вызвали и сказали, что я уже предназначен в школу летчиков в город Харьков. «Предназначен» — тогда же советская власть четко распределяла. Но в марте месяце арестовали и посадили моего отца. И меня сразу вычеркнули из списков кандидатов в военное училище.

2.

Я окончил школу и поехал в Ленинград поступать в Политехнический институт. Это был знаменитый инженерный институт. Нам лекции читал Иоффе, я с Курчатовым в трамвае ездил раз двадцать, наверное, он еще молодой был, но с бородкой. В общем, там был сильный преподавательский состав. По всем линиям, и по спорту в том числе, институт числился в передовых. Команда института по волейболу была чемпионом Советского Союза: ни «Спартак», ни «Динамо» ничего не могли сделать.

Приехал. Говорят:

— Отличникам выделено 50 мест, они поступают без экзаменов. Но так как отличников 250 человек, то с каждым из них будет собеседование профессорско-преподавательского состава.

Гладилин А.С.

И я попал на собеседование к заместителю директора института, профессору, доктору наук, он учился во Французской академии — такой очень серьезный мужчина. И он меня так мило расспрашивал, что я знаю по технике, что знаю про электростанцию в Курске. И, видимо, он остался доволен, потому что многие вопросы были на вольную тему про технику.

Через день объявляют, что я принят на электромеханический факультет, на тот, на который хотел, принят с общежитием, и я буду получать стипендию. И жизнь моя определилась на три года, потому что через три года началась война.

А за эти три года я успел окончить школу шоферов, получить водительские права, в 1939 году я уже был водителем автомобиля. Потом я прошел горно-стрелковую

подготовку и получил карточку стрелка горнострелковых войск Красной армии. У меня была призывная карта, сначала я был записан парашютистом, потому что я прыгал с парашютом еще в 10 классе. А в 9 классе летом я окончил курсы пилотов-планеристов и получил удостоверение инструктора первой степени пилота-планериста и летал на планере. И я пошел в снайперскую школу. Стрелок я был хороший, «Ворошиловский», за два месяца я получил удостоверение снайпера ВС. Мне уже записали пятую специальность в карточке призывника.

3.

А когда началась война, я был призван рядовым в Выборгскую дивизию народного ополчения добровольцем и стал простым солдатом-пехотинцем. Правда, мне дали сразу снайперскую винтовку, настоящую, ее только в 1940 году Дегтярев придумал и сделал. Из этой винтовки первого немца я убил в августе месяце. Причем, так меня заинтересовало, кого же я убил, что я, рискуя головой, полез туда, где он копал себе ямку. Подполз, посмотрел, он так и лежал,

задница опустилась в эту ячейку, которую он копал. Он себя и выдал тем, что откапывал лопаткой и бросал песок. А я смотрю, что-то желтое мелькает, потом посмотрел в оптику, а там руки машут. Выждал момент, рассчитал, выстрелил и попал ему в горло. Я быстро выхватил его солдатскую книжку из бокового кармана френча, взял автомат, каску и — ползком назад, в свой окоп. Вечером была полиинформация, политрук доложил:

вот, молодой солдат, а убил немца 1916 года рождения (а я 1920), который прыгал с парашютом в Варшаве, в Брюсселе, два раза во Франции, и последний раз в городе Нарвик, на его крыши (немцы же захватили Норвегию, а Нарвик — норвежский город за полярным кругом). Их из Норвегии перевезли самолетом под Ленинград. Ровно через 5 дней после того, как он прилетел, он попал на мушку. Тогда торжественно было объявлено, чтобы мне выдали двойной ужин. Через день я полез на свою боевую снайперскую позицию впереди окопов: надо было выбрать место так, чтобы можно было просматривать передний край лучше противника. Я пополз, метров через десять хорошо услышал немецкую речь, и так как я разбирал немецкий, учил все-таки в институте, то сразу кинулся назад и говорю:

— Дай мне ручной пулемет быстро. У моего соседа по окопу был пулемет с одним диском.

Я ему говорю:

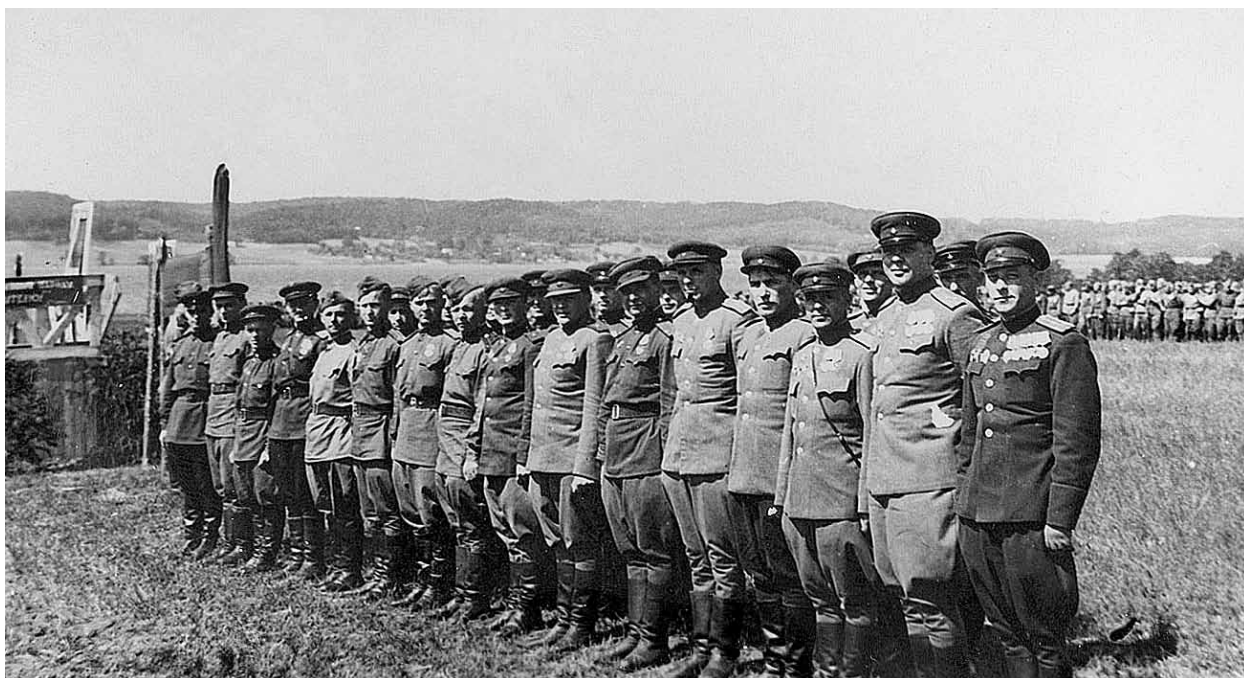
— Держи мою снайперку.

Пополз обратно. Глянул: немцы вышли на обратный склон, их не видно. А когда я пробирался вперед из своих окопов, сбоку они мне были видны — под склоном человек пять стоят и курят. Я не спеша поставил пулемет с целью на 100 метров, приложился, как дал... 30 патронов сразу в очередь. Всех положил и обратно ползком в свой окоп, а пулемет бросил, так как стрельба по этому месту началась страшная, минут сорок голову не поднять, все разбито было. Когда утихло, я полез, пулемет притащил. Правда, у пулемета в пламегаситель пуля попала, подогнула, и весь диск разворотило. А так — диск новый поставили, пулемет снова заработал. Тогда еще наградили вторым ужином, двойным.

Продержался я еще с месяц на переднем крае. Были моменты такие: ползу я, а берег обрывистый, высокий, сосны, ров заросший такой. Смотрю, впереди пятки, подползаю, а это наш солдат уже дня 2 как убитый, ему лет под 40 было. Я у него из патронташа патроны забрал. Что еще можно было сделать?

Когда обратно лез по этому месту, видно, где-то сидел на дереве немецкий солдат «кукушка». Как хлестанул! А у меня за спиной мешок, в нем: кружка, котелок, еда, портянки, полотенце. Все это гремит. Я затаился. Хорошо, что чуть ниже ровик заросший был, я притворился убитым. Он еще раза два-три дал очередью, примерно, по 5–6 патронов. Мешок свой я потом выбросил, он разорванный, пробитый, сахар весь разлетелся, портянки все пробиты. Но я выдержал час и пополз. Думаю, ну, гад, я тебя завтра прицелю. Утром я туда пошел, определил примерно, откуда ведется огонь, и долго выбирал место, выбрал его и стал следить. Раз — очередь, не вижу откуда. Два — очередь, не по мне, куда-то в сторону стреляет. Потом ветка качнулась, и я увидел голенище немецкого солдатского сапога. И я понял — он на толстой ветке стоит, а к стволу дерева пристегнут, так у него руки свободные, а автомат шнуром тоже привязан, чтобы, если уронишь, не слезать с дерева. И вот я начал ждать. Ждал, ждал..., пока ветка еще раз не качнулась. Я убедился, где, примерно, нога, рассчитал, выстрелил, думаю, что должен попасть от живота до шеи.

Смотрю — на веревке автомат заболтался. Шмайсер. Больше ничего. Полежал еще с часок, прикинул, что все обошлось хорошо. Я вернулся. Это мне не

засчитали, конечно, так как нужно было принести что-нибудь, хотя бы каску. А куда мне? Но я его убил.

Это было около Ижорского завода, к северо-востоку, километра за 1,5–2 до впадения реки Мги в Неву. В том месте, где река впадает в Неву, стоял эсминец, прикрывал, чтобы немцы не прорывались к Ленинграду. А здесь войска добровольцев поставили, это была Выборгская дивизия народного ополчения. Потом ее переименовали. — Вы теперь бойцы Красной Армии, 5 с.д. Ленинграда. А через неделю нас перевели под Лигово.

4.

А медаль за оборону Ленинграда я получил лет, наверное, через 40.

Как это было. Я был в военкомате, уже генералом, все дела решал.

И спрашиваю девочку:

— Слушай, а я вот был под Ленинградом, участвовал в его обороне. Наша Выборгская дивизия народного ополчения была переименована в 5 с.д. Ленинграда.

Она спрашивает:

— Есть какая-нибудь бумажка?

Я говорю:

— Есть справка.

Принес. Она забрала эту справку, в которой написано, что боец 2 с.п. 5 д. ВВО Гладилин А.С. ранен 15 сентября, помещен в такой-то госпиталь.

Прошел месяц. Я уже и забыл про это, вдруг звонок:

Приезжайте, заберите Вашу справку и удостоверение о награждении Вас медалью «За оборону Ленинграда». Вот она у меня и лежит в ящике стола.

5.

Я был ранен осколком в контратаке. Меня отправили в медпункт. Там врач- лейтенант, две сестры, и лежат человек 8 раненых. Перевязали и говорят:

Ползи к дороге. Сейчас тут немцы будут через полчаса. Тебя кто-нибудь подхватит.

И я пополз. Полз, полз к кювету, оглянулся, а прямо в палатку снаряд попал, она в воздух взлетела, и их всех убило: и раненых, и врача, что меня бинтовал, и сестер. Рядом машина проезжает, а у меня, сапоги, брюки и голое тело забинтованное. Шофер меня просто бросил на пол «эмки» и помчался. Потом уже остановились у Кировского завода, там был пункт какого-то управления. Меня спросили, где ранило, что. Дали другого шофера, нашли санитарку и отвезли в больницу Мечникова. Везли, а боль была страшная: и на бок положат — больно, и на животе — больно, и на спине — больно. Но я все-таки дотерпел. На другой день мне сделали операцию. Разрезали около позвоночника дырку и вынули из-под позвоночника осколок весом 92 грамма. Потом повезли в другую больницу уже на лечение. Первые пять дней я проле-

Гладилин А.С. с ординарцем

чился. Был такой пруток стальной с петелькой, засовывают туда марлю, салфетку, тогда ничего не было кроме белого и красного стрептоцида, и на 32 см проталкивают внутрь, на той стороне высовывается конец салфетки, вытаскивают, новую вставляют, обсыпают снова и в обратную сторону вытаскивают, завязывают — все. Пять дней так делали, а на шестой день пришел немецкий «хенкель-111», сбросил бомбу, и не одну. В общем, разнесло нашу больницу, а это до войны была партийная обкомовская больница, хорошая. Нас, раненых, семь человек в палате было. Вдруг крыша валится, я выпрыгнул из окна, двое за мной, а четверых задавило, крышей придавило. Я полез прятаться куда-нибудь в щель и потерял сознание. Так и лежал с одиннадцати утра до четырех часов дня на мокрой траве (а было 1 октября), пока меня не подобрала пожарники, которые трупы собирали. Обнаружили, что живой, сдали медикам. Я очнулся в 11 ночи — голова забинтована, стеклом, видимо, прорвало. Лицо кровью было залито, поэтому, наверное, посчитали, что мертвый. На другой день повезли на Петроградскую сторону. Там врач меня осмотрел, дня три полечил, потом сказал:

— Распишись, что ты согласен добровольно эвакуироваться через линию фронта. Тут ты помрешь. У тебя одно легкое задето. Сейчас пайки урезали: Бадаевские склады разбиты.

Конечно, я расписался. Через три дня нас посадили на два самолета по 8 человек в каждом. Самолеты «Ли-2», они были вооружены тремя спаренными пулеметными установками. И мы полетели. А как только вышли на Ладожское озеро, на нас напали «мессершмитты». Стрелки отстреливались, наши были удачнее, они отогнали врага, а второй самолет упал, и я видел в окошко, как он тут же утонул. Мы летели метров тридцать над водой. В самолете было 8 раненых и 6 человек экипажа, так они и лежат там до сих пор, на середине озера. Наш самолет, поскольку он отбивался и сбился с маршрута, попал почти под Тихвин. Сели мы в какое-то болотистое место, там стояли истребители. Ночью нас

покормили, и сказал врач, что 2 человек нужно везти утром обязательно дальше, иначе они тут умрут, остальные могут подождать, пока немножко аэродром придет в себя. Выгрузили все из самолета, положили меня и капитана-морьяка, у него такая дырка, что, когда его перебинтовывали, был виден мозг. Самолет держали за хвост, он разогнался еле-еле, по кустарнику колесами шоркал, но взлетел. Прилетели в Москву и 18 дней там пролечились.

На 18 день в Москве была паника. Все бежали по Владимирскому тракту в сторону Горького. Нам дали автобусы, быстро рассовали деньги по карманам, кому сколько, — и в санитарный поезд. Он нас вез не спеша, на каждой станции, где есть хорошая сельская больница, один вагон отцепляли и оставляли там раненых долечиваться. Нас отцепили за сорок километров до Кирова на станции Оричи. И вот на станции Оричи я еще 20 дней долечивался, пока одна рана затянулась совсем, а вторая не затянулась, но врачи ее заклеили. Дали мне ватник и сказали:

— Каска у тебя есть, ее набили ватой, чтобы не замерзла голова. Иди на станцию, она рядом. На проходящий поезд раненого солдата всегда посадят.

Посадили. А оказался тот поезд удачный, он вез архивы НКВД. Кругом часовые. Я подошел. Один мне говорит:

— У нас тут документы, а ты в тот вагон иди, там члены семей.

Я пошел, солдат меня пустил. Я залез на третью полку. На другой день ко мне пришла маленькая девочка, лет восьми, и принесла кулек шоколадных конфет.

И говорит:

— Дядя-солдат, это Вам велели передать.

— Кто?

— Сказали не говорить.

Поезд шел шесть дней до Свердловска. Я ее все-таки вымучил:

— Вон, девушки две ходят.

Одна — в хорошем пальто, кожаном, а у второй хорошая меховая шуба. Видно, из богатых. Вера Соболева. Отец у нее оказался начальником тыла 14-й Армии, которая обороняла Мурманск. Они мне предложили:

— Садитесь к нам наверх, в купе.

Я их кипятком снабжал, у них еда была, конечно, лучше. Доехали до Свердловска. Я их поцеловал, попрощался и пошел на пересыльный пункт. Они поехали в Новосибирск.

В Свердловске в спортивном зале я провел два дня, на полу матрац, подушка, одеяло, больше ничего.

Потом мне дали направление в Верхний Уфалей в 47 с.б., в которую была направлена и моя будущая жена. Она стояла на вокзале и ждала поезда. Поезд пришел. В дороге недели полторы я пробыл, гранаты покупал в Свердловске, угощал.

6.

Потом высаживались в Яхроме, там одну ночь провели. А на вторую ночь вышли на «ежи» Яхромы, 8 км — Деденево. Ночью перешли по льду канал Москва-Волга, атаквали передовые боевого охранения 34 пехотной дивизии немцев. Сбили их и захватили плацдарм, правда, много потеряли бойцов. А утром на

этот плацдарм командарм Кузнецов высадил четыре бригады, и мы начали наступать потихоньку, медленно, а потом быстрее в направлении Клина. Бил врага, где видел. Некоторые немцы замерзали. За одним я погнался, а он упал.

Я думаю:

— Не успел выстрелить даже, а он упал.

Подошел, поднял брючину, а у него там голая нога, трусики. Расстегнул: на нем нижняя рубашка, френч и все. А мороз 30 градусов! Он на ходу замерз.

Потом атаковали Клин. Город взяли. И старшина кричит:

— Гладилин, надень новую шапку и новый полушубок. Едешь на встречу с Калининым. Калинин приедет в гости.

Собрали нас в летнем театре. Холод собачий. Все кашляют. Калинин в теплой шубе был. Он сказал:

— Отсюда вы поедете туда, где снегу по пояс.

И мы поехали на Северо-Западный фронт. В результате нашей поездки была сильная стычка между Сталиным и Жуковым. Сталин обозлился на Жукова, но везде во всей литературе написано, что Сталин этим самым оттянул войну на год. Если бы он разрешил Жукову оставить нашу Армию, мы бы в эти же зимние месяцы взяли бы Вязьму и по-другому бы пошла война в 1942 году. Но Сталин был упрям...

7.

А дальше была война на северо-западе. Потом нашу бригаду вывели с Северо-Западного фронта под Калугу. Сформировали из двух бригад 70 д. Началась моя, так сказать, служба до конца войны в 70 д. И после того, как она сформировалась, все у нас подучились, мы пошли маршем.

Первое участие было в боевой операции по освобождению города Спас-Деменск. И в этой Спас-Деменской операции мы потеряли наш полк — 68-й. На наблюдательном пункте находились 5 офицеров: командир полка, майор тогда, начальник артиллерии, начальник разведки, начальник связи полка — я, и еще один. Дрались непрерывно 18 часов. 18 часов шел бой. Я даже успел сбегать посмотреть, как заняли первую траншею, а немцы траншею вырыли глубиной полметра. Даже одного убитого увидел — пожилого солдата, но он чистенький такой, отутюженный. Немцы всюду чистоту соблюдают, даже перед смертью.

Я вернулся на командный пункт, осталось нас двое: командир полка и я.

Он говорит:

— Андрюша, пиши боевое донесение. Посчитают пусть, сколько народу.

Перед началом боя в полку было 1820 человек. Я всех обзвонил, опросил, и оказалось, что у нас 320 человек. 1500 человек за 18-часовой бой полк потерял, из них убитыми — 500 и ранеными — 1000.

Гладилин А.С. с преподавателями школы №2 г.Московский. Справа Цыпкина Л.И.

8.

Когда мы начали в 1944 году освобождать Белоруссию, мы 600 км гнали немцев без остановки, то есть 600 км все время двигались вперед. Подходим, есть сопротивление: огонь! Они убегают, мы идем дальше. И вышли в июле на берег Немана. А вся артиллерия и минометы отстали. Только то, что у нас осталось. Ехали на повозках, на машинах, на чем попало. Была такая команда: использовать любые подручные средства, но не дать немцам остановиться! И мы гнались за ними и загнали их за Неман.

Комдив Красновский мне говорит:

— Андрюша, возьми рацию. Переправься на ту сторону и присмотри там местечко под наблюдательный пункт дивизии. Мы пока здесь на берегу посидим, вот в этой воронке.

— Есть!

Вечером переправился. Нашли фольварк. Потом прилез туда танк — Т, «тигр» немецкий. А нам не страшно, потому что он же нас не видит, а мы его видим. Мы вырыли щель за домом, а он уже к дому на 30 метров подошел. Там, между прочим, я полежал на таких «буржуйских» кроватях: шелковые одеяла, белые простыни, ведь поселок был немецкий. Танк из пулемета дал несколько очередей и срубил нам антенну. Мне говорят, что плохо слышно стало.

— Танк срубил антенну.

— Обстановка?

— Пехота, вроде, показалась.

— Смотри в оба! Убирайся в случае чего.

Тогда мы убежали и подбежали к берегу. Я отстегиваю пистолет, снимаю гимнастерку, сапоги и остаюсь в одних брюках, они хлопчатобумажные, зеленые. В общем, голый, только приколоты, где мы всегда прятали, партбилет, удостоверение. И поплыл. Приплыл. Вылез на берег, взобрался на кручу. Докладываю. Доложил, что все тихо, мирно.

В это время минут через 20 подъезжают два «Виллиса»: из одного выходит Черняховский. Мы встали.

А Черняховский мне:

— Ты чего голый?

— Да я только что с той стороны приплыл, товарищ генерал Армии!

— О, тогда что мне с вами говорить, вы тут сидите в ямке, а человек, видишь, голый приплыл. Где твое белье-то?

Я говорю:

— Там, бросил в кусты. Вечером переправимся, заберу.

— А украдут?

— Да кто там. Немцы к берегу не подходят, не подпускаем — тут пулеметы есть.

— Как фамилия?

Я говорю:

— Гладилин.

Кому-то там кивнул. Говорит:

— Ну, ты переправься, подбери место, артиллерия подходит, теперь уже другой бой. Танки отгоним, все будет нормально.

И я поплыл на бревне. И вся моя одежда лежит, и сапоги хромовые. Оделся, как положено, и пошел. Нашли место и развернули рацию.

Утром войска подошли.

Вечером приезжает на «виллисе» генерал.

Собрали нас, офицеров, и 5 солдат, он сказал:

— Солдат такой-то — и орден Славы III степени.

— Офицер такой-то, мне, значит, — орден Отечественной войны.

Засмеялся:

— Орденскую книжку получишь через неделю, если живой будешь.

Я говорю:

— Конечно.

Через неделю приехали, привезли и раздали книжки. Мы уже были на границе с Восточной Пруссией.

Самое интересное то, что меня Иван Данилович Черняховский похлопал по голому телу:

— Ну, ничего, парень здоровый, переплывешь, — мне тогда 24 года было.

Красновский говорит: «И простуда не берет».

Я как-то мельком так посмотрел, что пишет Красновский: взять крепость Бауска и форсировать реку Лиелупе, и засмеялся. Я был рослый, и мне вода была по пояс, речка-то неглубокая. И мы пошли в атаку. Артиллерия обстреляла, и мы под шумок артиллерии перешли Лиелупе и штурмовали крепость Бауска.

9.

У меня был заместитель, связист капитан Костя Фоменко. Перед атакой на Бауску он мне говорит:

— Андрей, я схожу в роту.

Он пошел. Потом я смотрю, что такое? Мне показалось что-то не так. Я пошел по тропке, выхожу на поляну, а на Косте сидит немец и его душит. Я подхожу, немца этого трах по голове. Костя вскочил и давай его лупцевать. Я говорю:

— Ну что, давай его или возьмем, или пристрелим.

— Возьмем.

— Забирай его. Как же ты так?

— Да я не заметил, откуда он взялся, здоровый такой немец.

Немец на меня так злобно посмотрел. Говорит:

— Да, нарвался я, конечно, на тебя /он имел в виду меня/ здорового.

10.

— Командиром 68-го полка был сначала майор Захаров, который был до войны военкомом Шклова. Это город на Днестре, а из этого города со мной жил в общежитии студент Петя Ликсо.

На фронте были такие разговоры. Захаров ведь командир полка, а я говорю:

— А где Вы были? Он говорит:

— Я был военкомом Шклова.

— О, а у меня приятель в Шклове.

— А как фамилия?

— Ликсо.

— Да я его отца знаю хорошо.

Наступали мы в Белоруссии и нарвались на сопротивление. Командир полка Захаров бежал, и я сзади, немножко справа от него. Нас обстреляли, мы сразу легли в глинистую жижу. Захарова ранило в руку выше локтя. Он упал, лег и я. И вот лежим мы недвижимые на виду у немцев. Они не стреляют, потому что думают, что мы убиты. Я говорю:

— Товарищ командир, не шевелись, скоро стемнеет.

Он мне:

— Холод собачий.

Стемнело. Его понесли солдаты, а я пошел в дом, шел километра два. На печку меня девки-медики затащили. Раздели. Укрыли там одеялами. Нормально все. Но вот эту лежку с Захаровым я до сих пор помню — часа 4 лежали в ледяной глиняной воде. И надо было так лежать, чтобы не шевельнуться — иначе сразу срежут. Ну, вылежали...

11.

Как-то на КП командир говорит:

— Сейчас позвонил командир 2 батальона, у них снайпер уже троих убил. Просит прислать ребят, которые разбираются, как бороться со снайперами. Андрей, сходи. (Я уже был капитан). И Быкова возьми.

Быков Коля — начальник разведки батальона, красивый такой парень.

— Коля, пойдём.

Маскхалаты чистенькие надели. Пошли. Винтовок не брали, взяли пистолеты. Пришли — по траншее, конечно.

Спрашиваем:

— Куда стреляет снайпер?

Комбат, майор, рассказывает:

— Сюда, вот на этой площадке убили уже трех солдат.

Я говорю:

— Коль, опусти шторку.

У нас закрыто все белой маской, а здесь прорезь для глаз, и она закрывается марлевой шторкой, для того чтобы не было темного — глаз, бровей. И тогда только можно выглянуть, посмотреть.

Он говорит:

— Ладно, опущу...

От меня поодаль метров на 6 становится и говорит:

— Оттуда буду смотреть.

Я говорю:

— Выглядывать аккуратно надо.

— Что ты меня учишь там! — отвечает.

Я медленно выглянул и одним глазом смотрю, минут 10 присматривался. Вдруг вижу — вспышка. Я заметил откуда. Видно, что это стреляет снайпер хороший. Я присел, поворачиваюсь:

— Коль, я заметил откуда.

Смотрю, а Коля медленно-медленно садится-садится — и сел. Я подхожу, а у него точно между глаз пуля попала — уложил в эту «форточку» его снайпер.

Я вернулся обратно. Пришел комбат.

— Елки-палки, попадет мне теперь еще, накликал вас...

— Да, — говорю, — а мне теперь уйти отсюда не удастся, пока я с этим не справлюсь. Дайте мне хорошую снайперскую винтовку.

Принесли мне минут через 10. Я ушел в сторону, лег. Долго не поднимал головы. Потом посмотрел — и замер. 3 часа лежал. Уже окоченел окончательно, хотя на мне теплый полушубок был. Все-таки один пригорок мне показался подозрительным. Я уже приготовил снайперскую винтовку. Совсем скоро стемнеет. И то ли он стрельнул, но не в эту сторону, не в мою, под углом, но ветка шевельнулась — и я вдарил. Выстрелил. Я рассчитал, где тело человека, примерно. Выстрелил. Сел и думаю — что дальше?

Потом пришел комбат. Я ему говорю:

— Вот винтовка, забирай. Я не уверен, но, кажется, этого гада пристрелил.

И пошел к себе.

Пришел. Блиндаж хороший с топчанами. Лег и уснул. Примерно, в час ночи меня будит дежурный:

— Товарищ капитан, из батальона звонил комбат. Передайте Гладилину, что он немца достал. Мои сержанты и солдат полезли туда в глухую ночь и приволокли тело этого немца-снайпера.

Я говорю:

— Достал, значит, достал.

Перевернулся на другой бок и уснул.

12.

В 1944 году я уже был начальником связи дивизии. У меня была куча дел. Польская дивизия им. Костюшко — их бомбят немцы, и меня посылают туда — сходи, установи связь, узнай, как там. Немцы отход начали раньше того, как мы вылезли из окопов. Мы их гнали по-настоящему.

Из-за разведки боем в январе 1944 года я стал начальником связи дивизии, потому что начальник связи подполковник Калиничев не обеспечил устойчивой связью комдива Абилова. Я был капитаном, но у меня на КП 68 с.п. все работало. Пришел Абилов на свой командный пункт — связисты ему ничего не обеспечили. Комдив зашел на наш КП и мне говорит:

— Ты это можешь?

— Да. Могу.

Я понял, что этот момент он запомнил, потому что ровно через месяц выгнал начальника связи подполковника Калиничева, майора Жукова — его зама и еще некоторых офицеров. Я лежу в блиндаже. Час ночи. Ко мне пришел связной из штаба:

— Товарищ капитан! Срочно — на командный пункт дивизии!

Я надел маскхалат, лыжи и побежал в штаб. Начальник штаба Герасимов, хороший мужик, полковник:

— Снимай халат. Приведи себя в порядок. Идем в блиндаж.

— Приходим.

Абилов:

— Гладилин, ты с этой минуты начальник связи дивизии. Всю эту «банду» гони — кто не нравится или не так работает.

Я говорю:

— Я же училище не кончал, я не кадровый офицер.

— Наплевать на кадровых. Надо работать!

Дает мне через неделю машину. Еду за 100 километров в тыл на прием к начальнику связи Армии генералу Захарову для утверждения в должности.

Докладываю:

— Товарищ генерал! Такой-то прибыл.

Он:

— Сколько тебе лет?

Я:

— 23.

— Ты, небось, и усы не бреешь? А водку пьешь?

— Редко.

— А мы сейчас с тобой по маленькой. Как такой зверюга (командир дивизии Абилов славился на весь фронт своей свирепостью) тебя приветил? Выгнал всех, чуть ли не перестрелял, а тебя требует утвердить начальником связи. Чем тебе помочь? Кабель, рации?

Поговорили. Принесли водки. Выпили.

Я говорю:

— Я поеду.

А он:

-Да поспи хоть немножко.

Я:

— Да нет. Я привык уже.

Он это запомнил. После взятия Кенигсберга он собрал связистов на разбор боев. Говорит:

В начале 1944 года ко мне попал начальник связи 70 с.д. Я был в ужасе — он даже училища не окончил, курсов не заканчивал, а комдив требовал его назначить. Назначили. Так вот, — теперь он лучший начальник связи 5 Армии и сделает всем вам доклад о том, как была организована служба связи при штурме Кенигсберга. Гладили, выходи!

13.

И после этого меня направили в Академию. Никакой демобилизации.

После войны я окончил Академию с золотой медалью и имел право выбора места службы. Мне предложили остаться в Академии, чтобы я защитил диссертацию. Через неделю телеграмма — в Военно-медицинскую академию на осмотр.

— Зачем?

Смотрю, пишут вывод: годен к летной работе без ограничений.

Я говорю:

— Я сроду не был в авиации, не занимался летной работой...

Направили на испытания «Ту-4» — копия американской летающей крепости «Р-29». Там стоит локатор кругового обзора, а я по нему писал диплом и знаю его до нитки. Да вообще в войсках не было ни одного инженера радиолокационной службы. Чкаловский испытательный центр взвыл — им полеты нужны, а локатор некому использовать.

Телеграммой меня вызвали в Политуправление.

Я говорю:

— Малиновский подписал, что я имею право выбора места службы.

Мне в ответ:

— То Малиновский, а мы — Политуправление. Ты воевал?

— Да.

— Коммунист?

— Да. Но все-таки за что?

— Надо!

Я говорю:

— У меня жена и ребенок.

— Что, жилья там нет?

Вызвали начальника тыла. Он пообещал, что мне через полгода дадут комнату. А дали через 2,5 года, а до этого жил в деревне Аниськино у священника на втором этаже в 20-метровой хорошей комнате.

Я провел серьезные испытания. Говорю главкому ВВС:

— Хотите, я сейчас сделаю так, что будете летчика слышать находящегося над Тихим океаном?

— Давай. Что для этого надо?

— То-то и то-то, «Ту-16» на Дальний Восток.

Проложили воздушный эшелон, подключили вспомогательных заправщиков, перегнали самолет. Кончилось тем, что сидим с главкомом в кабинете.

Я говорю:

— Вот, возьмите трубку. Сейчас летчик Лашко перелетает Курильскую гряду с заходом в Тихий океан. Он проходит от Охотского моря на высоте 11 тысяч метров.

Спрашивает:

— А я услышу прямо летчика?

— Да.

Снимает трубку:

— Лашко!

Тот в ответ:

— Слушаю Вас.

— Это главком! Доложи обстановку!

Тот говорит:

— Высота 11 тысяч метров, тихая рябь подо мной. Небольшие льдинки отдельные.

— На сколько ты ушел в океан?

— 150 километров.

— Разворачивайся в обратную сторону, — положил трубку.

И начали меня «двигать».

В мирные годы Андрей Семенович работал с Президентом Академии наук Келдышем, Генеральным конструктором Лавочкиным, лично встречался с Первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым.

ГОЛОВИН ИВАН СЕМЕНОВИЧ

24.06.1903 года рождения, место жительства: г. Харьков.

Проходил службу в 70 с.д. с первого дня ее формирования в должности заместителя командира дивизии по строевой части по осень 1943 года, в дивизию попал в составе 146 стр. бригады. Звание в начале войны — старший лейтенант, в конце войны — полковник.

Награжден двумя орденами «Красного Знамени», орденом «Отечественной войны» I степени и медалями.

Наша армия после успешного наступления по лесам и болотистой местности вышла на рубеж станции Дретунь и остановилась там. Немецкое командование хорошо подготовило оборонительный рубеж, глубоко эшелонировало его, усилило огневыми средствами, особенно вдоль железной дороги Невель — Полоцк. Нашей и соседней дивизии с ходу взять станцию не удалось. Топтаться на месте перед немецкой обороной — значит иметь новые бесполезные жертвы. Отойти — значит потерять занятые рубежи, а сзади, с тыла, нас подпирают злополучные болота. Вот такая обстановка. После совещания у комдива (я был его заместителем) с разрешения комкора я взял один полк и начал его готовить, чтобы в стыке немецких дивизий пройти в тыл, нанести там панику, создать видимость окружения и удержать до подхода наших частей. Я знал, что стык является самым удобным местом перехода, но при условии, что противник не запланировал маневр траектории, тогда стык превращается в самую опасную точку. Маршрут ночью по лесу без проводников и ориентира был очень труден, но к рассвету я вышел в намеченный район. Внезапно атаковал, немцы выскакивали из домов, в чем их Бог сотворил. Я захватил боевые трофеи, одних орудий 33 единицы. Немцы отступили. А через некоторое время ночью саперный батальон подготовил нам с командиром дивизии КП, а его на рассвете обнаружили немцы. Я со связистами был на КП, и вот немцы все светлое время дня без перерывов бомбили наш КП. К нам на помощь никто прийти не может. Мы сидим без пищи и воды, было много прямых попаданий в блиндажи. В мой блиндаж упала авиабомба в 2 метрах от двери. Смотрю: она шипит, но так и не разорвалась, и за это время, глядя на бомбу, я поседел, этого не забыть никогда.

КРАСНОВСКИЙ СЕРАФИМ АДРИАНОВИЧ

5 ноября 1903 года родился в селе Осиновка Михайловского района Приморского края в семье крестьянина-бедняка. Через три дня после моего рождения умер отец. В детстве был при матери, а после начал работать в хозяйстве отчима, которое было бедняцкое. Учился в сельской четырехклассной школе, которую окончил. В дальнейшем продолжил учиться, первоначально помогала мать, а в последующем сам зарабатывал средства, т.е. летом работал по найму, а зимой учился, таким образом мне удалось окончить Никольск-Уссурийское городское училище (ныне город Уссурийск). Для дальнейшего учения у меня средств не было.

Мать и ее родственники как до Февральской и Октябрьской революций, так и после них занимались хлебопашеством в селе Осиновка Михайловского района Приморского края. Мать вступила в колхоз в том же селе. Матери сейчас 84 года, некоторое время она жила у меня, сейчас живет в городе Ворошилово. Дочь работает портной в мастерской военторга, вторая дочь работает учительницей в городе Ворошилово. Приемный отец дал ей образование. Родственников за границей и осужденных нет и не было.

Женился я в 1923 году, некоторое время жил и работал в хозяйстве тестя. В 1925 году тесть с семьей по своему желанию выехал в город Токмак Киргизской ССР, умер в 1936 году. Братья и сестры жены живут и работают там же. Два брата погибли на фронтах Отечественной войны. С 1940 года я с женой не живу по семейным обстоятельствам. Она живет в городе Ачинске Красноярского края, работает няней в детяслях. Дочь Валентина проживает в городе Иркутске. Сын Виталий — курсант Сумского артиллерийского училища

Я до и после Февральской и Октябрьской революций жил в хозяйстве матери и батрачил в селах Осиновка и Кремово Михайловского района Приморского края.

В 1923 году был избран членом Осиновского сельского совета и работал помощником военного делопроизводителя Осиновского волисполкома. Ввиду районирования Осиновской волости в Ивановскую волость я был переведен членом-секретарем Абражеевского сельсовета Ивановской волости и работал там с мая 1924 года по май 1925 года. В мае месяце 1925 года был снова переведен членом-секретарем Осиновского сельсовета, где работал до сентября месяца 1925 года и одновременно участвовал в ликвидации бандитизма в Уссурийской области

В 1925 году призвался в Красную Армию. Мне дали льготу первого разряда, но я отказался и ушел добровольно, об этом была подвальная статья в газете «ПРАВДА» за август 1925 года. Никольск-Уссурийским

Красновский С.А.

(Ворошилов-Уссурийским) военкоматом был направлен в город Сретенск Забайкальской области в 108 с.п. 36 с.д. В полку был зачислен курсантом полковой школы, потом был переведен в команду одногодичников. Осенью 1926 года сдал экзамен на командира взвода запаса и с марта 1927 года оставлен в кадрах Красной Армии. Командовал стрелковым взводом 3 с.р. 108 с.п., а в лагерном сборе 1928 года командовал 6 стрелковой ротой. В 1929 году участвовал в урегулировании конфликта КВЖД командиром пулеметного взвода 4 с.р. 108 с.п. В конце 1929 г. был командирован на Иркутские курсы подготовки командиров пехоты. В мае месяце 1930 года окончил и назначен командиром взвода 108 с.п. 40 с.д. в город Ачинск Красноярского края, где работал командиром взвода полковой школы.

В 1931 году в декабре месяце был командирован в город Москву для стажировки на летчика-наблюдателя при 10 авиабригаде. Курс окончил, испытание выдержал и до 1933 года работал самостоятельно. Но в апреле 1933 года был откомандирован по состоянию здоровья в 118 с.п. 40 с.д. ст. Раздольное Уссурийской железной дороги и назначен помощником начальника штаба батальона. В августе 1933 года назначен командиром 6 стр. роты. В феврале 1934 года полк передислоцировался в с. Ново-Киевское /Краскино/, а в апреле я назначен командиром первой учебной роты 118 с.п. — с. Краскино Посьетского района. В октябре 1935 года назначен первым помощником начальника оперативного отделения штаба 40 с.д. — с. Славянка Посьетского района. 25 марта 1936 года участвовал в отражении и уничтожении японского отряда у пограничного знака № 8. В апреле 1936 года назначен помощником начальника штаба 119 стр. полка 40 с.д. — село Зайсановка Посьетского района. В феврале 1937 года назначен командиром батальона 119 с.п. В августе 1939 года назначен командиром батальона 503 с.п. 91 с.д. в город Ачинск Красноярского края.

В составе 503 с.п. в должности командира батальона выехал на войну с Финляндией, где командовал батальоном, полком, действуя на Карельском перешейке на Выборгском направлении. Участвовал в прорыве обороны и штурме Выборга, за что награжден орденом Красного Знамени. После окончания войны с Финляндией вернулся с полком в город Ачинск. В 1940 году был назначен заместителем командира полка. В августе 1940 года в 503 с.п. 91 с.д. вступил в кандидаты ВКП/б/.

За время командования подразделениями имел много благодарностей и награждался много раз ценными подарками за боевую подготовку как личную, так и подразделений. Не имел случая, чтобы мое подразделение получило плохую или посредственную оценку, а всегда имел хорошую, отличную. В 1935 году поступил учиться заочно в академию имени М.В. Фрунзе, учился на втором

курсе. Академию не окончил, т.к. различные назначения, война с Финляндией прервали мою учебу.

В 1927 году был избран членом Сретенского горсовета. В 1936 году был избран членом Краскинского сельсовета.

За свою жизненную деятельность отклонения от генеральной линии партии и колебаний не было. Ни в каких антипартийных группировках не состоял.

Ни в каких армиях, кроме Советской Армии, не служил, в плену и окружении не был. В боях против Красной Армии не участвовал. В подпольных организациях не участвовал и связан с ними не был.

28 июня 1941 года выехал из города Ачинска на фронт Отечественной войны и попал на Центральное направление в должности начальника штаба 561 с.п. 91 с.р. В первом бою командир полка майор Шпак растерялся, и я принял командование полком. После трехдневного жестокого боя с танками и мотопехотой немцев вынуждены были отойти за реку Воль в район Лосево-Копыревщина в направлении Вязьмы, где перешли к обороне, ведя активные оборонительные бои, нанося серьезные потери немцам. Будучи в составе группы т. Конева, после ряда неудачных попыток наступать я с комиссаром тов. Мерзликиным вышел на рекогносцировку, мы уточнили обстановку, распорядок дня немцев и их особенности в поведении и, захватив «языка», подготовили полк и решили атаковать внезапно, без выстрела, во время их завтрака. В результате боя полк занял населенные пункты Шуклино, Подселица и отд. Выселки. Было захвачено 18 орудий, уничтожено 683 солдата и офицера. С боями продвигаясь вперед, между Азаринки и Балашево в районе отметки 217,0 был контратакован танками и пехотой немцев (56 или 57 пп). В результате боя 32 немецких танка было подбито, сожжено и 10 брошено. Осталось много трупов. Мои потери исчислялись несколькими убитыми и ранеными. Остальные полки участия не принимали, т.к. двигались на флангах 6–8 км. Командовал дивизией генерал-майор Лебедеко Н.И., во время этих боев в полку присутствовал писатель Оленич-Гнененко, который написал два стихотворения и повесть «Наш герой».

После прорыва немцами нашей обороны на центральном направлении в районе Вязьмы, 2 октября 1941 года после трехдневного боя мы начали отход. В первый и второй день боя были отбиты все атаки противника психического характера, перед передним краем комиссией было насчитано 1123 трупа. На третий день противник 8 раз атаковал, я 8 раз переходил в контратаку, и противник успеха не имел. Вечером уже по радио был получен приказ на отход, что и было выполнено, боеприпасы были израсходованы. В районе Богородицкое наша 19 Армия была окружена незначительными силами. После суточного боя кольцо окружения было прорвано и мы отходили в направлении Волоколамска. В районе Волоколамска соединились с частями, которые готовили оборону на дальних подступах к Москве. Я 12 дней как был ранен. Рана разлагалась, и меня эвакуировали в 654 ППГ — гор. Орехово-Зуево и Ногинск.

После излечения был назначен командиром 145 с.п. 140 с.д., которая формировалась в гор. Канаш Чувашской ССР. В марте 1942 года выехал в составе дивизии в распоряжение МЗО /Московская зона обороны/. Из МЗО выехал в апреле месяце на Юго-западный фронт. Занял оборону в районе Радьковские пески по реке Оскол, прикрывая отход 9 Армии из-под Харькова. После ряда

оборонительных боев, не дав возможности немцам прорвать, по приказу начал отход, ведя бой: Радьковские пески, Кабанье, р.Айлар, Брусовка-Евсуг, Вольнино, Миллерово-Криворожье, р.Лань, р.Кубань, стал отходить на Северный Кавказ. Остатки полка были переданы в другие части, а я получил назначение заместителем командира 389 стрелковой дивизии 9 Армии. 389 с.д. заняла оборону на реке Терек: Хасавьют и Бено-Юрт. Командир дивизии был снят, и я временно принял командование.

23 августа 1942 года дивизия начала вести боевые действия. Противник занял ст. Ищерская, ст. Червленая. Мной был создан усиленный батальон, который после боя овладел ст. Николаевская, ст. Наурская раз. Алпатово. Противник бросил материальную часть, освободил ст. Червленая, отошел на ст. Терская и начал закрепляться. После ряда напряженных боев противник окончательно перешел к обороне. Дивизия была переброшена в район Ардон, Кадгарон, где, прорвав оборону, преследовала противника в направлении Пятигорска, Армавира, Краснодара. За взятие Армавира награжден орденом Красной Звезды. В мае 1943 года назначен командиром 285 с.д., форсировал Кубанские плавни, захватил плацдарм и ст. Плавненская. В июле 1943 года вызван в Москву и назначен слушателем Высшей военной академии им. Ворошилова, которую окончил с оценкой хорошо. Назначен старшим преподавателем академии имени М.В. Фрунзе, отказался и в мае 1944 года получил назначение на 3 Белорусский фронт (ком. т. Черняховский). После взятия Витебска был назначен Начальником гарнизона гор. Витебска. Через некоторое время, командуя 70 с.д., форсировал реку Неман. Захватил плацдарм. После прорыва обороны противника на р. Неман преследовал его и, действуя южнее Ковно, отрезал пути отхода противника, обеспечил его взятие. Развивая преследование, в составе 82 с.к. 33 Армии вышел далеко вперед фронта, овладел гор. Пильвишкяй и с хода овладел городом Вилкивишки. Когда подошли 314 и 157 с.д., передал им участок, повел наступление в северо-западном направлении на город Науместис. 9 августа 68 с.п. ворвался в пределы Восточной Пруссии непосредственно южнее Ширвинда. Противник крупными силами перешел в контр наступление на Вилкивишки и Марьямполье и начал теснить наши части. Занял город Вилкивишки. Для отражения атак противника и восстановления положения наше командование от меня изъяло артиллерию. Противник начал контратаки против дивизии группами 30, 60, 80 танков с пехотой. Отбивая атаки противника, отошел на линию Мерче, Зеленый лес, где, используя старые укрепления, перешел к жесткой обороне, отбивая ежедневно почти до конца августа от 3 до 12 атак. В последующем свой участок передал 157 с.д.

70 с.д. вошла в состав 43 Армии 1 Прибалтийского фронта и совершила марш под Ригу. Участвовала в прорыве обороны противника на р.Лиелупе в районе Бауска. Вышла к гор. Рига, где завязались ожесточенные бои, лично в присутствии командующего артиллерией Армии я водил два раза 68 с.п. в атаку. Для ликвидации попыток наступления немцев дивизия была переброшена походным порядком под Шауляй, где отражала наступление противника. Прорвав оборону противника в районе Куршанай и реки Вента, преследовала неприятеля. 9 октября 1944 года перешли государственную границу. Под гор. Мемель завязались упорные бои за город и порт Мемель, а прибалтийская группировка

немцев была разрезана на несколько частей. 28 января 1945 года Мемель был взят. После ликвидации группировки противника на косе Курш-Графф из состава 19 СК 4 Ударной Армии была походным порядком переброшена в состав 43 Армии 3 Белорусского фронта на Земландский полуостров. В составе 11 гвардейского корпуса участвовали в отражении контрнаступления немцев севернее и северо-западнее Кенигсберга, восстановил положение на участке 325 с.д., в составе 90 с.к. непосредственно участвовал в штурме Кенигсберга (форт № 5А, форт № 6 Кениген Луиза, Гросс — Фридрихсберг). После падения крепости Кенигсберг дивизия, уничтожая Земландскую группировку войск противника, вела тяжелые непрерывные местные бои. От Фришгаузена дивизия резко повернула на юг, разрезала группировку противника на две части, и только в районе и в бою за Неплекен было взято нами 40 танков, 28 самоходных орудий, 68 орудий, автомашины, склады, госпиталя и пленных 7200 солдат и офицеров. После ликвидации и уничтожения Земландской группировки дивизия совершала марш. Форсировав реку Вислу в районе гор. Даршау, двигалась в направлении Данциг, Гдыня, Нейштат и вошла в состав 2 Белорусского фронта к маршалу Рокоссовскому. Конец Отечественной войны меня захватил под гор. Нойштетин в Померании.

В июле 1945 года был вызван в штаб Северной группы войск гор. Бромберг и был направлен в Москву. С группой офицеров и генералов вылетел на Дальний Восток в гор. Ворошилов в распоряжение маршала тов. Мерецкова. Был назначен командиром 371 с.д. 5 Армии 1 Дальневосточного фронта. После разгрома Квантунской армии из гор. Дуньхуа дивизия была отправлена в советское Приморье, расположилась Ново-Георгиевка — Покровка. За войну с Японией дивизия получила богатый опыт, практику маневрирования и ведения боев в горной, лесной и болотистой местности. По ряду причин дивизия была снова введена в Маньчжурию. 29 апреля 1946 года дивизия возвратилась на прежнее место дислокации, где стала приводить себя в порядок и заниматься учебой. В июле 1946 года 371 с.д. была расформирована, и я получил назначение на должность командира 277 с.д. в гор. Лесозаводск, где и работаю по настоящее время.

В ноябре 1942 года из кандидатов принят в члены ВКП/б/ политотделом 389 с.д., партбилет №4574377. Партвзысканий не имею. Осужденным органами советской власти не был.

Во время боевых действий в Финляндии 1939—1940 гг. был контужен. На фронтах Отечественной войны был контужен два раза, контузии легкие. Ранен пять раз. В госпитале лечился один раз, а остальные ранения легкие лечил в строю.

За боевые действия имею девять благодарностей тов. Сталина, награжден орденами и медалями: четыре ордена «КРАСНОЕ ЗНАМЯ», два ордена «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА», два ордена «СУВОРОВА ВТОРОЙ СТЕПЕНИ», китайский орден «ЮНЬГУ», медали: «XX ЛЕТ РККА», «ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ», «ЗА ОБОРОНУ КАВКАЗА», «ЗА ВЗЯТИЕ КЕНИГСБЕРГА», «ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ», «ЗА ПОБЕДУ НАД ЯПОНИЕЙ».

За границей был во время войны с Финляндией в 1939—1940 гг. в качестве командира батальона и командира полка в составе 503 с.п. 91 с.д. В Отечественную

войну в должности командира 70 с.д. 43 Армии в Польше, Германии, командуя 371 с.д. 5 Армии был в Маньчжурии — гор. Дуньхуа.

Моя мать, рождения 1863 года Мария Петровна Ленивая, проживает в городе Ворошилове. Отец умер в 1903 году.

Командир 277 стрелковой Рославльской
Краснознаменной ордена Суворова, ордена Кутузова дивизии
Генерал-майор С. Красновский
7 августа 1947 года

ЛЕВИН ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ

Январь 1914 года рождения, место жительства: г. Воронеж.

Воевал с ноября 1941 года солдатом, рядовым разведроты бригады. В 70 с.д. с начала ее формирования в 1943 году и по день расформирования в 1946 году. Войну завершил капитаном, инструктором политотдела дивизии.

Награжден двумя орденами «Красная Звезда», двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Конец ноября 1941 года. Немецко-фашистские войска рвались к Дмитрову, шли тяжелые бои. Наша 47 курсантская стрелковая бригада (впоследствии вошла в состав

70 с.д.), сформированная на Урале, была срочно переброшена под Москву и вошла в состав 1 Ударной Армии, располагавшейся в районе Дмитров — Деденево. Я был солдатом разведывательной роты бригады. Известно, что разведка — это глаза и уши части. И потому, по прибытии на фронт, нашему разведзводу была поставлена задача разведать у врага, где, какие расположены части, их огневые средства, подход свежих войск и т.д. Надо сказать, что мы, не имевшие тогда боевого опыта вчерашние работники тыла, должны были выполнить свою первую боевую задачу. Нам командование роты подробно объяснило обстановку под Москвой, что от выполнения нами боевого задания будет многое зависеть в боях с врагом, а также рассказало о том, как мы должны себя вести в разведке. В полном боевом снаряжении, на лыжах, в белых маскхалатах с сухим пайком на неделю отправились по маршруту. Не скрою, что шли мы тогда в первый раз и побаивались, ведь мы были необстрелянные, не видели еще живых фрицев, которые вооружены автоматическим оружием, а мы на взвод имели несколько

автоматов, а остальные — винтовки. Нам было приказано в бой с врагом не вступать, себя не обнаруживать. Наш взвод незаметно совершал по селам Московской области свои рейды, и все замеченное командир взвода лейтенант Алферов наносил на карту. Нам в этом помогали наши советские люди, рассказывали, что где находится у немцев. Мы видели злодеяния врага, разрушения, сожженные дома, села, плачущих советских людей, оставшихся на временно оккупированной территории, и невольно наворачивались слезы на глазах. От этого у нас вскипала злоба, хотелось с фашистами расправиться до одного, но приходилось помнить о своей задаче. Иногда, увидев нас, женщины, дети просили их взять с собой, избавить от фашистов, но мы объясняли, что мы разведчики, должны как можно быстрее дать командованию данные о противнике. Тогда они старались нам помочь. Через неделю наш взвод без потерь возвратился в часть с ценными сведениями, выполнив свою первую боевую задачу. А вскоре — 6 декабря 1941г. наши войска пошли в решительное наступление и погнали врага от Москвы обратно на запад, а 13 декабря 1941г. меня легко ранило под Клином, но я отказался эвакуироваться, лечился в санчасти и стал командиром отделения разведчиков. Так закончилось мое первое боевое крещение. В январе 1942 года меня приняли в члены партии. В апреле был переведен секретарем политотдела бригады, а позднее инструктором по партучебе с присвоением звания младший политрук.

Одним из подвигов нашей дивизии было форсирование реки Днепр ниже города Смоленска. Путь борьбы с врагом был для наших войск нелегок. Однако все воины сознавали, что уже сделан решающий шаг в освобождении родины, поэтому своими действиями стремились не дать врагу закрепиться на берегу Днепра.

Ставка командующего 09 сентября 1943 года издала приказ: за успешное форсирование крупных рек, таких как Днепр ниже Смоленска, представлять к присвоению звания Героя Советского Союза.

Нашей 70 с.д. в своей полосе наступления по Белорусской земле предстояло форсирование водной преграды. Командный и политический состав развернули большую политико-воспитательную работу. Они разъясняли бойцам значение быстрого захвата западного берега Днепра.

В результате умелых действий частей и подразделений дивизии был успешно форсирован Днепр и освобожден город Шклов. За проявленный героизм многие воины были награждены, заместителю командира стр. батальона капитану В.В. Пилипасу присвоено звание Героя Советского Союза, а дивизии присвоено наименование «Верхнеднепровская».

ЛЮДЕН МАРК ЮРЬЕВИЧ

Люден М.Ю.

Письмо К. Симонова к дочери Людена М.Ю.

Дорогая Алла!

Простите, что с таким запозданием отвечаю на Ваше письмо, но мне нужно было не просто ответить Вам, а сперва разыскать то, о чем идет речь в Вашем письме.

Посылаю Вам, вместе с этим письмом, те странички из моего дневника 1941 года, где идет речь о Вашем отце.

Марк Юрьевич был добрым храбрым и веселым человеком. Я всегда вспоминаю его с самым теплым чувством в душе.

Этими страничками из дневника, которые я Вам посылаю, Вы можете воспользоваться всецело по собственному усмотрению. Когда-то, очень давно, они один раз были напечатаны, но в них, по условиям военной цензуры, были тогда заменены фамилии. В частности, фамилия Вашего отца была заменена на фамилию Родин.

Крепко жму Вашу руку.

Пикшуев мыс. 7 ноября 1941 года

12/11-65

*С уважением
К. Симонов*

На следующий день после приезда в Мурманск я зашел в морскую разведку к майору Людену, где застал его, как всегда, занимающегося одновременно двумя делами: во-первых, он вполголоса, но со всеми фиоритурами, пел арию Гремина, а во-вторых, писал второй или третий по счету рапорт о переводе его в пехоту на Западный фронт. Он, как и многие на севере, в особенности москвичи, глубоко переживал все октябрьские и ноябрьские подмосковные события.

Несколько отведя душу разговорами на московские темы, Люден, сказал мне, что завтра идут в тыл к немцам две разведывательные партии, одну из которых поведет он, а другую Карпов. (Впоследствии, уже в следующий приезд на север, я узнал, что Карпов, вышедший со второй партией в один день с нами, был застрелен во время рукопашной схватки в блиндаже.) Карпов должен был идти на неделю или полторы, а Люден на одни сутки. Предстояла короткая операция на Пикшуевом мысу, где немцы держали пару пушчонок, из которых падали по заливу, не давая днем мотоботу проходить на Средний и Озерки. Тот бот, который погиб во время моего пребывания на Рыбачьем, был подстрелен именно этими пушками.

Предстояло узнать, есть ли на Пикшуевом гарнизон и если есть, то истребить его, и исправны ли пушки после того, как их два дня долбила наша артиллерия, и если исправны, то уничтожить их. Все это надо было выполнить в течение одной ночи, что меня сразу соблазнило. Я попросил Людена взять с собой меня и Бернштейна, — я был уверен, что тот не будет возражать. Люден посоветовался

с начальником разведки Визитом; Визит согласился, и я через полчаса уже был в гостинице, где Бернштейн и Зельма проявляли снимки. Когда я сказал Мише о том, что нам предстоит идти в разведку, он задал единственный вопрос:

— Долго ли придется плыть морем?

Я, честно говоря, точно этого не знал, но, чтобы успокоить его, сказал, что недолго.

— Ну, если недолго, — сказал Миша, — то ладно.

Мы отправились к разведчикам, которые обещали дать нам кое-какое обмундирование. На толстые Мишины икры не влезали ни в одни валенки, самую большую пару пришлось сверху разрезать. Что до меня, то я решил отправиться в сапогах. Нам выдали по ватнику и по паре ватных штанов. Вообще же мы должны были идти налегке, так как от места высадки до Пикшуева предстояло сделать пятнадцать или двадцать километров по скалам.

Утром мы явились в разведку к Визиту вполне экипированные: в шерстяных свитерах, в фуфайках, ватных штанах, Миша со своим наганом, а я с парабеллумом. Вид у нас был чрезвычайно воинственный.

Визит, прежде всего, потребовал, чтобы мы не только сдали все документы, но и на всякий случай записали свои домашние адреса и написали записки близким на случай, если не придем назад. Все это звучало довольно мрачно, но, как и во многом мрачном на войне, в этом была своя смешная сторона: Визит, когда я из суеверия отказался писать какие бы то ни было записки или оставлять адреса, сказал мне:

— Все-таки неправильно вы поступаете. У нас из-за этого хлопоты были. Убило тут одного лейтенанта, а адреса он не оставил. Возились, возились, так и не нашли, куда все переслать,

В его словах чувствовалось не столько огорчение по поводу гибели лейтенанта (случай на войне достаточно обычный), сколько досада оттого, что до сих пор неизвестно, куда отправить оставшиеся после него вещи.

Мы сдали наши документы и, получив свертки с маскировочными куртками и штанами, капюшонами и перчатками, стали терпеливо ждать. В заливе были снежные заряды, бушевала метель и на отплытие катера в Полярное «добро» не давали, потом опять сидели до двух, после чего выяснилось, что сегодня мы никуда не двинемся,

Нам нужно было идти в гостиницу спать, следовательно, нужны были документы. Кроме того, нужно было есть и пить, следовательно, нужны были

К. СИМОНОВ

ОТ ЧЕРНОГО ДО БАРЕНЦОВА МОРЯ

ЗАПИСКИ
ВОЕННОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА

*Дорогому майору
Модену от его бр-
венного подчиненного
и всегдашнего друга*

19/1642

К. Симонов

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1942

деньги. Торжественная сдача документов оказалась несколько преждевременной. Пришлось забрать обратно то и другое.

В гостинице нас встретил ухмыляющийся Зельма.

На следующее утро повторилась та же процедура, что и накануне. Мы обмундировались — надели свитеры, фуфайки, вооружились, явились в морскую разведку, там сдали документы и опять получили маскхалаты. Погода как будто была ясная, и ничто не предвещало задержки. Однако, после того как мы прождали часа четыре, выяснилось, что на этот раз плохая погода на Полярном и там не дают «добро» на выход в открытое море. Мы подождали еще немного, пообедали, снова забрали деньги и документы и отправились в гостиницу, где нас встретил все так же усмевавшийся Зельма.

В этот вечер Миша отозвал меня в сторону и сказал, что ему надоело сидеть и ни черта не делать, что вся эта канитель может тянуться бесконечно и что, честно говоря, даже если он поедет, то снимать ему все равно не придется. С этим трудно было не согласиться: ночи стояли темные, а применение магния во время разведки, естественно, исключалось. У меня самого, надо сказать, было отвратительное чувство от того, что мы два дня готовились, сдавали и брали документы, а, главное, каждое утро просыпался я с тем чувством, что вот сегодня в ночь пойдем в тыл врага, значит «пан или пропал».

В общем я посочувствовал Мише и сказал, что ему действительно не стоит идти в разведку.

На третий день Зельма и Бернштейн поехали куда-то снимать оленье тропы, а я опять обмундировался, опять сдал документы, ждал шесть часов, ел флотский обед, пил флотскую водку и, узнав о том, что на выход в море не дали «добро», снова забрал документы и пошел в гостиницу, где на этот раз меня встретили уже две ухмыляющиеся физиономии.

То же самое повторилось и на четвертый день. Я уже выходил из терпения и поклялся, что если завтра, т.е. 6 ноября, разведка снова будет отменена, то 7-го я уже не пойду вообще: это ожидание изматывало меня вконец. Но именно 6 ноября, в четыре часа дня, мы получили сообщение, что можно ехать, что, наконец, дали «добро» на выход в океан.

Был теплый ноябрьский день. Мела мягкими хлопьями мокроватая мурманская пурга, но видимость была приличная. По дороге на пристань я заехал в гостиницу, где не обнаружил ни Зельмы, ни Бернштейна, которые ушли куда-то снимать, кажется, на зенитную батарею. Я впопыхах выложил из кармана кое-какие бумаги и записки, оставив у себя только одну фотографию. Внизу нетерпеливо гудела машина. Я спустился вниз и через пять минут мы были на пристани.

Отплывали на маленьком принадлежавшем разведке катерке. Ветер заметал палубу снегом, и мы, — Люден, Визит, я и кто-то четвертый, сейчас уже не помню, кто, — спустились вниз, в каюту, довольно уютную и теплую, где к нашим услугам было домино, или, как его во флоте называют, «козел». Надо отдать должное морякам: только они одни умеют с такой, яростью и с таким грохотом выкладывать на стол кости. Когда в домино играет компания моряков, то издали кажется, что происходит средних размеров артиллерийская подготовка.

Два с половиной часа плавания до Полярного прошли незаметно. Мы выгрузились и сразу пошли в морскую разведку, а оттуда в подводный экипаж

где жили члены диверсионной группы в значительной степени состоявшей из добровольцев-подводников.

То, что там происходило, было, безусловно, любопытным зрелищем. Под руководством капитан-лейтенанта Инзарцева, прекрасного, смелого разведчика, но довольно угрюмого, я бы даже сказал, — мрачного человека, моряки готовили оружие. Распихивали по карманам фуфаяк и привязывали на ремни гранаты «РГД» и «Ф-1», проверяли винтовки, щелкали затворами, проверяли запас сухого продовольствия (который у всех был на три дня, несмотря на то, что операция должна была длиться всего ночь), доставали сигнальные ракеты, а наш радист проверял на слышимость свою рацию. Продолжалось это около часа. Наконец в пять часов вечера мы собрались, уже одетые в маскировочные белые брюки и куртки, а иные и целиком, в маскхалаты, и построились во дворе. Не говорилось никаких прочувствованных слов, ибо все они были не то сказаны когда-то раньше, не то представлялись ненужными в такую минуту людям, избравшим разведку своим ремеслом. Нас построили, развели на две группы — по разным катерам — и мы отправились на причал.

Когда мы стояли в своих маскхалатах во дворе подводного экипажа и строились там в тишине, все показалось мне вдруг таинственным и романтическим. Вот мы через несколько часов будем на территории немцев, а между тем никто ни в Киркенесе, ни в Петсамо не знает, что здесь, во дворе, в эту минуту собирается отряд, который будет действовать в тылу врага. На катер пришлось спуститься по очень узенькому трапу, который с высокой пристани уходил вниз, на маленькое суденышко, словно куда-то в тартарары, под воду. С грехом пополам мы спустились, вернее — съехали по этому трапу и ступили на борт морского «охотника». Инзарцев был на другом «охотнике», а здесь, кроме двадцати разведчиков, были: командиры — Люден, Визит, который в качестве начальника решил лично проводить Людена, и, как говорится, третий лишний — я.

Через несколько минут мы бесшумно отвалили, от пристани, развернулись и, взяв направление на север, пошли к выходу из Кольского залива. Погода, как назло, разгулялась, и Люден нервничал, посматривал на часы и ворчал, что следовало бы отложить экспедицию до того, как луна пойдет снова на ущерб. Действительно луна светила всюду; можно было различить на снегу человека на расстоянии двухсот метров. Мало того: весь горизонт занимало переливающееся северное сияние. Три раза я был на севере и никогда не видел более светлой ночи. Я пожалел об отсутствии Миши, который мог бы тут кое-что снять.

«Морской охотник» — очень небольшой кораблик, и когда, на него вторгаются двадцать человек, то, куда их ни засунь, все равно будет тесно.

Мы шли на порядочной волне, которая перехлестывала через борт, заливая водой кожанки, куртки, шинели. Большинство разведчиков спустилось в кубрики, где все разбрелось по нарам, и многих, должно быть, не только от качки, но и от отсутствия свежего воздуха, к концу пути совершенно укачало. Что до меня, то я вслед за Визитом и Люденом выкарабкался бочком-бочком на капитанский мостик. Здесь выяснилось забавное обстоятельство: Визит никуда не уходил с мостика, боясь, что, если он хотя бы на минуту войдет в душный кубрик, ему будет худо. Его, как выражаются моряки, при малейшей качке «травило». До этого он работал в амурской речной флотилии, что являлось для него

истинным счастьем, ибо больше одного балла там волны не бывает. Но здесь, на капризном Баренцевом море, каждый выход был для Вихрева подвигом. Впрочем, он крепился и не подавал виду, что страдает.

Мы болтали с Люденом, который жаловался на луну, шутил относительно своих лет: дескать, в молодые годы он бы радовался луне, а сейчас ругает ее старой хрычевкой. Говорили о чем угодно, кроме предстоящего дела.

Волны фосфоресцировали, качка усиливалась и, когда мы вошли в Мотовский залив, достигала четырех-пяти баллов, что для таких суденышек, как «Морской охотник», еще не опасно, но уже очень чувствительно.

Шли мы часа три с половиной или четыре. Наконец к половине десятого подошли близко к немецкому берегу. Направо был Петсамо, налево река Западная Лица и наши позиции, а в двенадцати километрах от нас вырисовывался на фоне черной воды контур мыса Пикшуева — цели нашей поездки. Позади остался Рыбачий, на котором нет-нет да мелькал свет фары проходившей машины.

Близко подойти к берегу не представлялось возможным, ибо тут были сплошь нагромождены самого различного вида камни. На воду спустили лодочку, так называемый «тузик», перекинули на нее с борта катера один трап, а затем с нее на прибрежные камни — второй. В самой лодке, в этой зыбкой передаточной инстанции, поместился Вихрев. Двое моряков из числа команды «охотника», видя, как один из разведчиков, слезая с качающегося «тузика» на второй трап, плюхнулся в воду, спрыгнули с катера и стали по обеим сторонам трапа в ледяной воде и начали одного за другим принимать на руки тех, кто слезал. Они доводили людей до конца трапа, а дальнейшее уже было делом собственной инициативы тех, кто прыгал. Тот, кто прыгал дальше, мочил себе ноги до колен; кому толком прыгнуть не удавалось, уходил в воду по пояс, и числу этих неловких товарищей, к сожалению, принадлежал и я. Перспектива идти двенадцать — пятнадцать километров по горам в мороз в мокрых сапогах и штанах не казалась особенно заманчивой, но ничего другого не оставалось делать.

Первые из высадившихся пошли во все стороны дозорами, вглубь и вдоль пустынного берега. Все остальные высаживались уже под их прикрытием.

Несмотря на маскхалаты, людей было хорошо видно даже издали: слишком светлой была эта ночь. Помню, я тогда невольно подумал, что если нам не удастся подобраться к мысу Пикшуева незаметно, то нас могут перестрелять, как куропаток. Всего на берег вышли около сорока человек. Ожидали, что на Пикшуевом, как сообщали агентурные сведения, стоит не больше полуроты немцев, т.е. человек шестьдесят-семьдесят. Учитывая внезапность нападения, шансы должны были оказаться на нашей стороне. Если же агентурные сведения были неверны, дело могло обернуться худо.

Только мы вылезли на берег, катера отчалили и пошли болтаться в открытом море, ближе к берегам Рыбачьего. У нас имелись ракеты, которыми мы после окончания операции должны были вызвать катера, и, кроме того, с нами был радист для дублирования ракет и передачи аварийных сигналов, если случится что-нибудь худое.

Впереди шел прирожденный разведчик Мотовилин, за ним еще двое, за ними Люден, за Люденом я. Дальше цепочкой растянулись все остальные. Инзарцев, если не ошибаюсь, замыкал шествие. |

Шли мы эти двенадцать километров с небольшими остановками около трех часов. Это, конечно, время рекордное, ибо мы пробирались над самым берегом по почти отвесным скатам прибрежных скал. Перепрыгивать со скалы на скалу, с камня на камень было делом не легким. Но хуже всего приходилось там, где в скалах имелись расщелины, заметенные снегом и обдутые ветрами. Это были гладкие, твердые, словно из мамонтовой кости, откосы, примерно под таким же градусом наклона, как сахарная голова. Несколько человек ссыпались вниз. Им помогли подняться. По счастью, обошлось без увечий. Потом скатился вниз сам Люден, шедший впереди меня. Один из разведчиков бросился его выручать и полетел еще метров на пятнадцать ниже.

Словом, с точки зрения альпийских развлечений все было как полагается. На одном из перевалов, кажется, на втором, мы, лежа на снегу за скалой и потихоньку покуривая в рукав, вдруг вспомнили, что сегодня ведь праздничная ночь — с 6 на 7 ноября.

Среди шедших рядом со мной людей было несколько украинцев. Пошли украинские разговоры о Днепропетровщине и Харьковщине, о том, где семьи, куда делись. От этих разговоров меня охватила грусть, и расстояние до всего того, что я любил, показалось бесконечно далеким.

Мы шли так быстро и так переутомлялись от переползания и перелазания, что ни у кого не мерзли ноги, хотя у всех они были мокрые. Раздражало и мешало только то, что намоченные в воде парусиновые маскировочные штаны и халаты застыли и коробились при каждом шаге, как нам казалось, со страшным грохотом. Кроме того, они стояли колом, ветер с моря надувал их как паруса, и мешал идти.

Где-то посередине пути, у замерзшего устья ручья, передовые заметили следы. Все насторожились. Следы были похожи на человеческие, но какие-то странные. При дувшем здесь ветре следы не могли оставаться видимыми больше пяти минут. Потом кто-то сообразил и сказал, что это следы россомахи.

При выходе на плоскогорье мы наткнулись на шедшие под снегом провода. Это была линия, соединяющая передовые позиции со штабом немецкой дивизии. Видя, что нам осталось идти каких-нибудь пятнадцать минут и твердо зная, что все равно до утра на обрыв линии немцы не рискнут пойти, разведчики стали перерезать линию ножницами во многих местах, выдирать провода из-под снега, скатывать в клубки и зарывать. Линия была быстро уничтожена на протяжении километра.

Наконец Мотовилин указал на высившиеся, впереди, две или три сопки с черневшими на них грядками камней.

— Вот и Пикшуев — сказал Мотовилин. — Подходим.

Все притихли. Было светло, почти как днем. Невольно появилось неприятное чувство полной незащищенности; казалось, что кто-то невидимый может легко перестрелять нас всех.

Отряд разделился на три группы, и мы пошли в обход сопочек. Держали оружие наготове, ибо было мало вероятно, что немцы нас не видели. Однако,

подползя вплотную к ближайшей сопочке, на которой чернели пятна землянок, мы не услышали ни выстрела, ни оклика. Мы бросились к землянкам. Двинули дверь в первой из них, она со скрипом отворилась. В землянке никого не было, Я пошел туда вслед за Родиным и осветил фонарем. Чувствовалось, что это не брошенная землянка, что в ней совсем недавно жили и очевидно, еще собираются жить. Стояли какие-то котелки и чугунки, на стене висела лампа с исправным фитилем. Вторая и третья землянки тоже были пустые.

Другая группа, обходившая остальные сопки, также не наткнулась на немцев. Через полчаса нам стало ясно, что на Пикшуевом мысу, во всяком случае в этом месте его, или вообще никого нет или находятся только немецкий дозор, который боится себя обнаружить. (Впоследствии, по агентурным сведениям, оказалось, что именно в этот день сменилась полурота, стоявшая на Пикшуевом; одна ушла днем, а другая должна была придти ей на смену на следующее утро.) Надо думать, что немецкий патруль здесь оставался, но не решался стрелять по нас, а мы его не нашли:

То, что немцы собирались остаться здесь, было ясно с первого взгляда. Землянки находились в полном порядке, в них оставались разные бытовые вещи; о двух сарайчиках и в одном домике были сосредоточены склады продовольствия, не бог весть какие, но все-таки склады: бочки с яичным порошком, мешки с мукой, с галетами, какие-то четверти, мешки с кофе, консервы и еще не помню что. В одном из сараев лежали баллоны, которые сначала посчитали импортными, немецкими, но в последствии выяснилось, что это просто-напросто баллоны с ацетиленом, предназначенным для освещения маяка, т.е. еще запасы мирного времени.

Поодаль мы нашли два изуродованных лафета и один, тоже изуродованный, ствол горного орудия. Второй ствол, очевидно, немцы увезли с собой. Судя по тому, в каком состоянии находились и орудие и оба лафета, наша артиллерия как следует, накрыла эту горную батарею. Все припасы доставлялись сюда с невероятным трудом на вьюках, и было совершенно очевидно, что, уничтожив их, мы тем самым очень затрудним положение немцев, которые не сегодня-завтра вернутся на Пикшуев.

Двери складов были взломаны прикладами и штыками. Мы стали обкладывать провиант досками, фанерой, всем, что попадалось под руки, для того чтобы поджечь его вместе со складами.

Решили не давать сигнальных ракет, и радист вызвал наши катера по радио. В тишине, которая стояла кругом за двести метров, были отчетливо слышны его точки и тире. Через час к берегу, немного западнее самого Пикшуева, подошли оба катера, С одного из них слез Визит, которому не терпелось принять участие в поджоге складов. Все, за исключением пяти человек, погрузились на катера. Остались поджигать склады Визит, я, Люден, Мотовилин и еще кто-то пятый. Захваченная нами бутылка с горючей жидкостью хотя и разбилась, но не загорелась. Но простецкий бензин, который был в других бутылках, сыграл свою роль: мы облили дерево и зажгли все три здания. Сначала они загорелись слабо, потом все сильнее и сильнее, а когда мы сели на катер, уже было видно, как сквозь ставни и двери просачиваются изнутри красные языки пламени.

Наконец оба катера отчалили. Я пошел вниз в кубрик, и завалился на койку. Сильно качало — было больше шести баллов. Но уже через полчаса после того, как мы отошли, Люден, прислал за мной краснофлотца, приглашая выйти на палубу. Я поднялся.

Глазам открывалось любопытное зрелище: мыс Пикшуев весь пылал. Над ним стоял огромный столб пламени, то падавший, то снова поднимавшийся в небо. Взрывы уже не были слышны, но по промежуткам, с которыми, то падало, то поднималось пламя, было совершенно ясно, что там что-то рвется. Это мог быть ацетилен, а возможно, что в одном из складов, внизу, оказались не замеченные нами запасы снарядов.

Часов в семь утра, когда стояла все та же светлая северная ночь, мы вернулись в Полярное. Визит и Люден отправились докладывать по начальству.

ФЕДОРОВ ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ

22.09.1911 года рождения, место жительства: г. Москва.

Воевал в 70 с.д. с февраля 1944 года по сентябрь 1945 года в должности политрука в управлении дивизии, в конце войны — майор юстиции.

Награжден орденом «Отечественной войны» II степени, двумя орденами «Красная Звезда», медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Как известно, служебные обязанности военных прокуроров имеют свою специфику и не требуют их личного и непосредственного участия в проведении частями и подразделениями боевых операций. Мною осуществлялся прокурорский надзор за исполнением законов, постановлений Государственного Комитета обороны и Советского Правительства всеми военнослужащими дивизии, органами дознания и предварительного следствия, за соблюдением законности при рассмотрении военным трибуналом уголовных дел. Эти прокурорские функции по укреплению социалистической законности, воинской дисциплины и боеспособности войск осуществлялись в тесном взаимодействии с военным командованием и политическими органами. Я знал многие конкретные боевые подвиги однополчан, а некоторые из них должен был непременно учитывать при решении служебных правовых вопросов. В частности такого, как освобождение от уголовной ответственности военнослужащих, которые после совершения правонарушений

проявляли в последующих боях храбрость и героизм и тем самым искупали свою вину перед Родиной. Боевые подвиги также учитывались при рассмотрении военным трибуналом дивизии ходатайств командования об освобождении от уголовного наказания военнослужащих, осужденных к лишению свободы с применением отсрочки исполнения приговоров до окончания военных действий. Такие ходатайства командования рассматривались военным трибуналом с участием военного прокурора.

Понятно, что моя прокурорская деятельность проходила в различной, чаще всего в весьма сложной боевой обстановке. Порой и мне приходилось применять оружие в борьбе с врагом, но такие случаи не входили в мои повседневные служебные обязанности. Характер моей борьбы с врагом был иной. Однако опишу следующий достоверный факт.

Летом 1944 года наша дивизия принимала самое активное участие в проведении Советской Армией грандиозной военной операции по освобождению Белоруссии под кодовым названием «Багратион». Прорвав мощную немецкую оборону и форсировав реку Днепр, части дивизии успешно продвигались вперед. Наступление проходило настолько быстро, что немцы не успевали отступать. Многие немецкие части и целые соединения оказались в котле в лесах восточнее Минска. Они, подверженные панике, пытались выйти из окружения, не считаясь с огромными потерями. В такой сложной боевой обстановке бои проходили всюду: и на переднем крае, и в тылах наших войск.

Однажды штаб дивизии ненадолго остановился в одном хуторе, расположенном на небольшой лесной поляне. Вечером, как только стемнело, немцы стали наступать на нас с тыла. Они вели ураганный огонь из пулеметов и автоматов. Однако мы не поддались панике и вступили в ожесточенный ночной бой, в котором пришлось участвовать буквально всем нам, от офицеров штаба до ездových. Участвовал в бою и я. К нашему счастью, недалеко от штаба дивизии оказалась рота наших автоматчиков. Общими усилиями нам удалось успешно отразить немецкую атаку. Поняв, что им не пройти по дороге, которую мы оседлали, немцы прекратили бой и скрылись в лесу, пытаясь найти более слабое место для выхода из окружения. Но им так и не удалось это. В лесах восточнее Минска были уничтожены и взяты в плен многие тысячи немецких войск.

С апреля 1945 года дивизия находилась в Польше. Воины дивизии всегда оказывали братскую помощь освобожденным народам в восстановлении нормальной жизни, в упрочении их свободы и независимости. Военнослужащие дивизии понимали, что они пришли в Польшу не как оккупанты, а как освободители. Командование, политорганы, военная юстиция (военный трибунал и военная прокуратура) решали вопросы, касающиеся польского населения, через местные польские органы народной власти. Эти органы не подменялись, а всемерно поддерживались Советской Армией. Мы не вмешивались во внутренние дела Польши. Хорошо понимая освободительную и интернациональную миссию Советской Армии, трудящиеся Польши проявляли искреннее уважение и доброжелательность к воинам нашей дивизии. Многие военнослужащие дивизии, в том числе и я, были награждены польскими правительственными наградами.

ЧЕЛИЧЕНКОВ ВАЛЕНТИН ФЕДОРОВИЧ

12.05.1921г. рождения, место жительства: р.п. Куркино.

Воевал в 70 с.д. с декабря 1943 года в должности помощника начальника 1 отделения, звание в начале войны — младший сержант, в конце войны — майор.

Награжден орденами «Красного Знамени», «Отечественной войны» II степени, «Красная Звезда» двумя и медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и «За взятие Кенигсберга».

После успешного наступления и освобождения Смоленской и части Могилевской областей наши войска вышли осенью 1943 года на рубеж речушки Мерея, примерно 10–15 км восточнее города Горки. Немецкое командование усилило свои войска свежими резервами, и мы были вынуждены перейти к обороне. К тому же дожди и заболоченная местность служили большим препятствием для продвижения боевой техники и делали почти невозможным дальнейшее наступление. После полугодовой обороны наших войск, тщательно подготовившись, мы перешли в наступление. Перед атакой была проведена мощная артиллерийская подготовка. Особенно сильный огонь был обрушен на первые три траншеи, занятые фашистскими войсками. В результате окопы были почти полностью разрушены, огневые средства подавлены, мало осталось в живых солдат и офицеров врага. Наши части, почти не встречая сопротивления немцев, с ходу прорвали первую позицию их обороны глубиной 2–3 км. Следует отметить, что большие трудности пришлось вынести нашей технике при преодолении заболоченных и илистых берегов речушки Мерея. К тому же форсировать ее приходилось под огнем артиллерии и минометов противника. Только мужество и искусство наших воинов обеспечили успешное выполнение задачи. По мере продвижения к Горкам нам приходилось отражать контратаки резервов и вторых эшелонов гитлеровцев. Потеряв первую позицию и пытаясь задержать наше наступление, враг сопротивлялся с ожесточением в глубине обороны на подступах к Горкам. В самих Горках, по данным разведки, находился штаб пехотной дивизии, резерв и тыловые части. Во второй половине дня 23 июня 1944 года части дивизии, отразив все контратаки противника, прорвали вторую позицию его обороны и на плечах отступающих немецких войск ворвались в город Горки. Ошеломленных мощной артподготовкой, стремительными и решительными действиями, особенно 252 и 329 с.п. нашей дивизии, германские части не смогли оказать организованного сопротивления в боях за г. Горки. К концу дня немцы, понеся большие потери убитыми и ранеными, были вынуждены оставить городок. Было взято много пленных, боевой и транспортной техники. Нужно сказать,

что личный состав частей и подразделений дивизии, воодушевленный желанием быстрее очистить нашу родную землю от фашистов, действовал храбро и активно. Вспоминаю решительные и связанные с риском действия саперов по разминированию минных полей из 64 отдельного инженерно-саперного батальона. Помню разведчика-сапера Белоглазова Георгия Михайловича, храброго и умного воина. Общее руководство инженерными войсками осуществлял дивизионный инженер майор Загоруйченко.

С большой радостью встречали жители городка наших воинов. Как-никак, а они находились в оккупации с 1941 года до июля 1944 года.

В последующем части нашей дивизии продолжали преследование потрепанных фашистских войск в направлении города Шклова, овладели им и форсировали реку Днепр.

Это было началом нашего участия в разгроме врага в Белоруссии в знаменитой операции «Багратион». За успешные боевые действия в этом и последующих операциях дивизии было присвоено наименование «Верхнеднепровская». В последующем она была награждена орденом Суворова II степени.

ШИРШОВ КУЗЬМА ГРИГОРЬЕВИЧ

29.06.1906 года рождения, место жительства: Куйбышевская область г. Отрадный.

Воинское звание — политрук, к концу войны — майор.

Награжден орденами «Отечественной войны» II степени, «Красная Звезда» и шестью медалями.

До войны работал учителем начальной школы, директором семилетней школы, заведующим районным отделом народного образования, отделом пропаганды и агитации райкома партии и вторым секретарем Исаклинского райкома ВКП(б) Куйбышевской области.

5 мая 1941 года решением бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) был направлен на курсы военной подготовки руководящих работников партийных комитетов. В связи с началом Великой Отечественной войны решением ЦК ВКП(б) и приказом Наркома Оборона СССР личный состав курсов был мобилизован и зачислен в кадры РККА.

22 июля 1941 года получил назначение для прохождения военной службы в 54 кавалерийской дивизии инструктором пропаганды 119 кавалерийского полка.

7 августа 1941 года в районе Холма Новгородской области дивизия вступила в бой с гитлеровскими войсками, которые рвались к Ленинграду. В течение трех месяцев действовали в тылу противника. После выхода из окружения дивизию направили на переформирование. Весь командный и политический состав был направлен в резерв командования и политуправления Северо — Западного фронта.

В декабре 1941 года получил направление в 188 с.д. инструктором пропаганды 523 с.п.

В марте 1942 года назначен военным комиссаром 28 отдельного лыжного батальона.

После расформирования лыжного батальона в мае 1942 года политотделом 34 Армии был направлен в 146 стрелковую бригаду и назначен на должность комиссара отдельного минометного батальона. С этого времени началась моя боевая служба в 70 д., учитывая, что 70 д. создана на базе 146 и 47 стрелковых бригад. В ноябре 1942 года был переведен в политотдел бригады на должность агитатора политотдела. На этой должности проходил свою боевую службу и в политотделе 70 д. в звании батальонного комиссара, а затем в звании майора.

В декабре 1943 года в боях в районе Дрибино Могилевской области получил тяжелую травму — ушиб позвоночника. На этом кончилась моя служба в 70 д. Лечился в армейском госпитале 49 Армии. В феврале 1944 года после выхода из госпиталя политотделом 49 Армии был назначен на должность заместителя начальника по политчасти эвакогоспиталя №2871. В ходе наступления наших войск на всех фронтах ряд госпиталей перевели из глубокого тыла в район действующей армии. В том числе данный госпиталь был переведен из Горьковской области. С приходом в госпиталь мне пришлось встретиться с большими трудностями организационного порядка.

Госпиталь еще не приступал к работе, был в свернутом состоянии. Личный состав: врачи, медсестеры, обслуживающий персонал — понятия не имел, как работать в полевых условиях. Приходилось развертывать работу в лесу, самим строить землянки для жилья работников госпиталя и для приема раненых и больных бойцов и командиров. Следует отметить, что с этой работой справились хорошо.

В марте 1944 года уже принимали раненых из медсанбатов. По мере выздоровления больные включались в работу по обслуживанию самих себя, помогали в хозяйственных делах. Среди выздоравливающих нашлись музыканты и любители художественной самодеятельности, спортсмены, художники. Эта многосторонняя работа давала возможность проявлять заботу не только в лечении, но и отвлекать внимание больного человека от боли.

В середине лета 1944 года в ходе наступления наших войск восточнее Минска была окружена большая группировка гитлеровских войск, происходили крупные бои по ликвидации этой группировки. Наш госпиталь был переведен в город Червень для приема раненых прямо с переднего края. В эти горячие дни боевых действий наш госпиталь принял нетранспортабельных раненых до 1500 чел. Только благодаря правильной организации лечебной работы и бытовому обслуживанию, и тому, что в эту благородную работу включились сами больные, это дало возможность спасти жизнь многих тяжелораненых бойцов и командиров.

После завершения операции по ликвидации окруженной группировки и эвакуации раненых в тыл, наш госпиталь был переведен в Белосток. К этому времени я почувствовал себя вполне здоровым и обратился в политуправление Западного фронта, чтобы меня отозвали с госпитальной работы и направили в боевую часть. Мое желание было удовлетворено. Отдел кадров политуправления фронта отозвал меня с госпитальной работы. Но со мной случилось новое несчастье. Во время выполнения боевого задания начальника политического управления фронта в районе Ломжи (на территории Польши) я попал под бомбежку немецкой авиации и получил тяжелую травму. До марта 1945 года я находился на лечении в госпитале.

После выхода из госпиталя был направлен на работу ответственным секретарем партийной комиссии при политотделе местного эвакопункта №99, так как в боевых частях продолжать службу был не в состоянии. На этой должности закончил свою службу в рядах Советской Армии.

В декабре 1945 года был демобилизован как инвалид войны 3 группы.

Памятных боевых эпизодов много. Вот один из них: в феврале 1942 года после поражения в боях под Старой Руссой группировки гитлеровской армии для подкрепления прибыла из Франции так называемая 5 легко-пехотная егерская дивизия (егерская — это гвардейская на немецкий лад). Эту дивизию решили пустить на прорыв нашей обороны для соединения с окруженной Демянской группировкой. И вот эта дивизия, исходя из опыта «победных походов» во Франции, 14 февраля 1942 года после непродолжительной артиллерийской подготовки вышла из Старой Руссы и батальонными колоннами по снежной целине пошла в наступление. В центре этого наступательного похода в обороне стоял наш 523 с.п. 188 д. Бойцы и командиры наших боевых частей много встреч имели с гитлеровскими вояками, но подобного церемониального походного марша не встречали. Подпустили их на близкое расстояние в пределах 150–200 метров и открыли из всех средств огонь. Вся эта наступающая колонна оказалась в огненном мешке, и в течение каких-то двух-трех часов дивизия была полностью уничтожена. Лично я был в этом бою прямым участником, находясь рядом с командиром первого батальона капитаном Литвиновым, мы внимательно следили за ходом битвы. После боя наши разведчики в ночное время, пользуясь затишьем, пошли искать и уточнять, с кем же имели дело. Нашли труп убитого заместителя командира дивизии — подполковника, у него в сумке оказались важные документы. Подобных встреч в 70 д. больше иметь не приходилось.

РАЗДЕЛ 5

68 СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК

БАШКОВ МИХАИЛ ИОСИФОВИЧ

Помню, еще до службы в армии, немцы пришли в нашу деревню на Минском шоссе. Всех жителей из домов повыгоняли и дома сожгли, они все деревянные, соломой крытые. Мы раздетые и разутые, а на улице мороз. С нас еще немцы налог требовали за то, что в оккупации были.

В наше время некоторые молодые люди даже год отслужить не могут, столько отказников, обидно. Мне в свое время мать сказала: «Миша, я тебя с 26 года записала». А я родился в 1925. Я говорю: «Ты что сделала? Это же моя совесть. Ты же меня под трибунал подведешь. Собирай мешок, и я пошел». А мне 17 лет — сопляк еще был. Командир, который нас строил, говорил: «С кем же мне воевать, если мне таких присылают? Ладно, становись, в артрязведку пойдешь».

В учебном подразделении я учился на радиста, а азбуку Морзе освоил уже на фронте. Радисты шли в бой вместе с командиром взвода или роты. Телефонистам надо было тянуть за собой кабель, что в бою не всегда получалось своевременно, поэтому была большая надежда на радиосвязь.

Командир дает команду включить радиостанцию, командует «огонь» или еще какой-нибудь приказ. Нас обязывали радиостанцию держать всегда включенной, потому что в любой момент может начаться атака или контратака, которая еще трудней для нас. От командира получали информацию, которую необходимо передавать. Тогда закон был такой, чтобы все строго конфиденциально было. Нас могли слушать враги, нам тоже приходилось слушать вражеский голос. Вот в чем заключалась служба полкового радиста.

Связь была только по приказу, лишнего нельзя было говорить, все только по делу. Я был радистом при артиллерии, мы шли впереди всех. Без связи было никуда, она была «глаза и уши» армии.

Связь была для нас всем. Если телефонная связь оборвалась, включается радист и несет постоянную службу. Мы были день и ночь на передовой на связи. Днем иногда удавалось поспать, а ночью нет. Так год за годом в окопе.

Нас считали полковой интеллигенцией, а те, кто был в окопах, кроме них ничего не видели, а мы вроде бы как с миром общались, более свободными были.

Когда окопы копали, было очень тяжело. Вся земля была изрыта. Рыли ведь не одну траншею, была и первая траншея, и вторая, и третья. Все солдаты делали, а у них для этого была только лопатка.

Немцы находились рядом, между нами была небольшая дистанция. Они были всегда сытые, у них в достатке консервы и супы, бери, сколько хочешь. А у нас была каждый день только пшенка. Но мы все вынесли, жить-то хочется...

Когда мы шли в наступление, было много убитых и раненых, некого даже часовым поставить. Немцы снарядов не жалели, так как у них было много боеприпасов. Все ложилось на солдатские плечи. Была настоящая русская зима, было много снега, это и помогло прогнать немцев.

Убитых было сколько, что не успевали хоронить. У немцев специальные похоронные команды были, они хоронили всех. А у нас убитые все лежали и лежали. В оккупации нас немцы специально сгоняли к Минскому шоссе только для того, чтобы убрать трупы своих солдат.

Законы были, сами помните, военные, строгие. Один боец провинился — его не могли найти, и трибунал присудил его расстрелять. Автоматчики навели свои автоматы, а он: «Зря вы, ребята, стреляете, я же воевал». Даже перед смертью он сказал, что воевал. Он же проливал пусть не кровь, пот свой проливал. Приговор трибунала обжалованию не подлежит, дали очередь... и все. Так убили двух солдат. Один был из нашей дивизии, он попал в госпиталь, а из госпиталя не вернулся в часть.

Ранения тоже были. Помню, как-то авиация налетела, я только оперся на бруствер, а бомба рядом упала. Бомбы фронтовые небольшие, так как разрушать было нечего, они были больше осколочные. Это первый раз было, я в госпиталь даже не пошел, мне при части перевязку сделали. А второй раз под Витебском ранило. Там местность холмистая была. Немцы все высоты заняли. Кормили нас два раза в день — утром и вечером, чтобы затемно, днем прохода никакого не было, все простреливается. Мне сержант говорит: «Давай сходи за обедом». Как раз туман выдался. Ну, я котелки взял и пошел. К кухне подошел, повар был наш земляк с соседнего района. А на кухне еда оставалась, повар всегда с запасом делал, мало ли кто добавки попросит. Я говорю: «Николай, подогрей покушать мне». Он мне: «Наколи дровишек сначала». А рядом машины вкопанные стояли. Я только топором замахнулся, как взорвалось рядом! Взорвалось удачно, один осколок прошел между пальцами, второй угодил в ногу. Снаряд попал в машину, и она загорелась. Поневоле вспомнишь Господа Бога. Я же пошел в телогрейке за обедом, шинель оставил. Я когда в медпункт прибежал, стал телогрейку снимать, а там застрял осколок с три пальца размером, он в вату завернулся. Меня ранило в ногу, рана была большая.

Сначала я в Смоленске неделю пролежал, там сложные раненые валетом спали. Потом меня перевезли в Орехово-Зуево. Там я пролежал около 5 месяцев — меня ранило второго марта, а в июле только выписали.

Я опять попал в 70 с.д. Приехал командир набирать солдат (их еще покупателями называли) и спросил, есть ли радисты. Я сказал, что есть, и представился. Меня взяли. Тогда 70 с.д. в Латвии под Ригой стояла. Из Риги нас перебросили в Мемель (Клайпеду). 25 января 1945 года мы взяли Мемель и прошли по косе 100 км до Кенигсберга. У нас были лошади, идешь, за повозку держишься и спишь на ходу. Так пришли к Кенигсбергу. Даже в документах писали взятие «Крепости Кенигсберг». Это был кромешный ад: полчаса «Катюши» ревели, затем били пушки сплошной волной, вокруг одни взрывы. Все оглохли от такой

пальбы. А там были сильные укрепления, и рядом железная дорога. Немцы подгоняли бронепоезд, и, пока он весь боезаряд не выпустит, мы лежали. Потом его угоняли обратно в тоннели.

Так мы и взяли Кенигсберг, столько немцев положили и наших, что не счесть, под конец войны солдат не жалели.

Был у нас один пожилой боец, у него было плохо со зрением. Просил он меня:

— Миша, почитай, что там сообщают?

Читаю сводку совинформбюро:

— Столько-то танков немецких подбито, столько-то солдат и офицеров убито.

Он мне:

— А про наших написано?

Я говорю:

— Нет.

Тогда он с улыбкой говорит:

— Наши потери незначительны, мы всех победили.

Дружба — это большое дело, а особенно на фронте. Все друг за друга, одной семьей. Мы из одного котелка ели суп с таджиками и узбеками, не брезговали одну на всех самокрутку с махоркой выкурить. В армии не допускали панибратства, но дружили все. Я пять лет служил, никогда ни с кем не ругаясь. В военное время ссоры пресекались.

Письма получали, все их ждали. Известия разные приходили: радостные и грустные, поэтому всегда все были в напряжении. Письма приходят: мама ждет и сестра. С девчонками переписывались, даже с незнакомыми, это нас очень поддерживало. Такая была фронтовая жизнь

БОНДАРЕНКО АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВИЧ

22.06.1926 года рождения, место жительства: г. Харьков.

Награжден медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Под Кенигсбергом в бою погиб пулеметчик, мой второй номер, который всегда был примером смелости в наступлении. Он был 1903 года рождения и по возрасту был мне как отец. Мы заняли населенный пункт и двигались дальше. Впереди был высокий кирпичный забор, за которым держали

оборону немцы. Подбежав к пробоине в заборе, мы попали под прямое попадание снаряда. Нас завалило кирпичом и землей. Контуженный, я выскочил из воронки прямо под немецкие пули. Услышав сзади крики «давай сюда, быстрее», я отполз к нашим бойцам. Это были последние недели войны.

БОРОДИН ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ

24.05.1923 года рождения, место жительства: г. Калининград. Воевал с 1941 года, в 68 с.п. с августа 1944 года по май 1945 года в должности командира отделения разведки, звание сержант.

Награжден орденом «Отечественной войны» I степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

В 1943 году я проходил службу на полевом аэродроме около станции Солнцево (под Курском) в составе экипажа самолета-штурмовика ИЛ-2. Мы выполняли боевые задания по обеспечению самолетов на земле после боевого полета вооружением, боеприпасами, заряжали боекомплект пушки и пулеметы, подвешивали под крылья реактивные снаряды, 100-килограммовые бомбы. Вся эта работа выполнялась в течение суток в интервале через каждые полтора-два часа вручную в полевых условиях. Когда самолет возвращался весь изрешеченный, надо было успеть его залатать, невзирая на крепкие морозы. Это было трудное, жаркое время. Порой выполнять эти работы было почти невозможно под бомбежкой авиации противника. Было очень трудно, но наша молодость не подвела — мы выстояли!

После авиации я оказался в пехоте. Мартовской ночью 1945 года перед штурмом прусского города-крепости Кенигсберга разведке нашего 68 с.п. было дано задание: взять ценного «языка» из фашистского гарнизона, оборонявшего пригород с севера. Разведотряд в составе 7 человек перед рассветом ушел на поиск. Я находился в группе прикрытия. Задание очень трудное, но его выполнили: был взят в плен немецкий обер-лейтенант. От него мы получили ценные оперативные данные о концентрации крупных сил противника с целью прорыва кольца окружения западнее Кенигсберга с выходом на Пиллау (Балтийск) и бегства в глубь Германии. Но все было тщетно. Кенигсбергский гарнизон капитулировал. Выполнение этого задания в разведке мне обошлось ценою своей крови — осколком снаряда получил сквозное ранение в правую ногу. Этот разведпоиск остался в моей памяти на всю жизнь!

После авиации я оказался в пехоте. Мартовской ночью 1945 года перед штурмом прусского города-крепости Кенигсберга разведке нашего 68 с.п. было дано задание: взять ценного «языка» из фашистского гарнизона, оборонявшего пригород с севера. Разведотряд в составе 7 человек перед рассветом ушел на поиск. Я находился в группе прикрытия. Задание очень трудное, но его выполнили: был взят в плен немецкий обер-лейтенант. От него мы получили ценные оперативные данные о концентрации крупных сил противника с целью прорыва кольца окружения западнее Кенигсберга с выходом на Пиллау (Балтийск) и бегства в глубь Германии. Но все было тщетно. Кенигсбергский гарнизон капитулировал. Выполнение этого задания в разведке мне обошлось ценою своей крови — осколком снаряда получил сквозное ранение в правую ногу. Этот разведпоиск остался в моей памяти на всю жизнь!

«СЕРДЦЕ, ТЕБЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ПОКОЯ...»

Есть люди, о судьбах которых можно писать книги. К ним относится и фронтовик майор внутренней службы в отставке Дмитрий Андреевич Бородин, чья биография насыщена яркими событиями. Судите сами.

Дмитрий Бородин ушел в Красную Армию добровольцем в сентябре 1941 года. Чтобы попасть на фронт, молодой человек прибавил себе один год, правда, военные при всем желании проверить его истинный возраст не могли, поскольку Дмитрий был из крестьян, а паспортов у них в то время не было.

Неделю семнадцатилетнего подростка вместе с другими новобранцами муштровали в знаменитых Гороховецких лагерях, а затем, не завершив курса первоначальной военной подготовки, выдав на каждую роту по несколько стареньких винтовок, перебросили на защиту Москвы. У прибывшей на фронт новой пехотной части не было даже номера. Так она и вступила в бой, выстояв насмерть на Серпуховском направлении.

Повоевать выпало недолго: уже в конце октября все того же 1941 года Дмитрия Бородина вызвали в штаб и вручили предписание о немедленном убытии на учебу в одну из авиатехнических школ Уральского военного округа. Даже попрощаться с боевыми товарищами не удалось. Почему выбор пал именно на него, колхозного тракториста с образованием в семь классов сельской школы, до сих пор можно только гадать. Но как бы там ни было, с этого момента Дмитрий Бородин — военнотружущий советских ВВС.

Учеба проходила в стенах Яновской школы авиамехаников, дислоцировавшейся после эвакуации с Украины в городе Котельничи Кировской области. Красноармеец Бородин старательно овладевал здесь специальностью моториста легендарного летающего «танка» — штурмовика Ил-2.

В июне 1942 года был выпуск и первые сержантские погоны. Однако прежде чем состоялся приказ о направлении в ряды действующей армии, молодому бойцу предстояло пройти двухмесячную стажировку в одном из запасных авиационных полков в Удмуртии.

Фронтная страда для Дмитрия Бородина началась осенью сорок второго в 3-й эскадрилье 617-го штурмового авиационного полка 291-й штурмовой авиационной (впоследствии Воронежско-Киевской) дивизии. Сначала он был принят на должность моториста, а затем механика. Вместе с однополчанами прошел Сталинградскую битву, воевал в Карелии и на знаменитой Курской дуге.

Возможно, так и закончил бы Дмитрий Бородин войну, не совершив ничего особенно героического, если бы не... провинность, за которую едва не заплатил жизнью через «расстрельную» статью Уголовного кодекса. Сам фронтовик вспоминает сегодня об этом с юмором: детьми, мол, еще по сути были, вот и поддались безрассудному мальчишескому озорству. А случилось вот что. В ноябре 1943 года в паре с таким же авиамехаником Дмитрий был отправлен сопровождать эшелон с требующими капитального ремонта самолетами на один из уральских заводов. Туда добрались благополучно, а вот на обратном пути сами себе устроили злключения. Поскольку в командировочном удостоверении отсутствовала дата возвращения в часть, молодые люди завернули в самоволку. При этом в приговоре Бородина не был указан срок пребывания в штрафниках, а только формулировка: «До тех пор, пока не смоев вину кровью».

Штрафная рота, в которую попал Дмитрий Бородин, действовала на левом крыле Западного фронта. Жизнь представителей переменного состава в этом подразделении особо не ценилась: штрафников без конца бросали в лоб — «на ура» штурмовать самые прочные из опорных пунктов обороны фашистов, оборудованных на подступах к белорусскому городу Чаусы. Дмитрий Бородин в таких атаках себя не щадил, но вражеские пули и осколки, словно заговоренного, обходили его стороной. Списочный состав штрафников его роты почти полностью обновлялся после каждого боя, а он каким-то чудом оставался целым и невредимым. Смыть вину кровью ему посчастливилось лишь в конце апреля 1944 года, то есть почти через пять месяцев пребывания в штрафной роте. Слава Богу, не погиб, а всего лишь оказался в госпитале.

По выздоровлении фортуна вновь улыбнулась юному фронтовику: в силу редкостного врожденного дара писать удивительно красивым, каллиграфическим почерком восстановленного в сержантском звании Дмитрия Бородина назначили писарем роты в один из запасных стрелковых полков 2-го Белорусского фронта.

Однако в тылу боец не выдержал и трех месяцев, попросил отправить его в боевую часть. Сгорел бы от стыда, говорит, если бы после Победы пришлось возвращаться в родную деревню без медалей и орденов на груди. На войну ведь уходил добровольцем, а значит, вернуться должен героем.

Новой фронтовой семьей стал для него разведзвезд 68 с.п. 70 с.д. Был зачислен в разведку, чему во многом помогла природная богатырская стать.

Свой бессмертный подвиг, сделавший его имя легендарным среди калининградцев, Дмитрий Бородин совершил на завершающем этапе подготовки советских войск к Кенигсбергской наступательной операции. В ночь с 15 на 16 марта 1945 года, выполняя приказ во что бы то ни стало добыть «языка», по-пластунски в составе разведгруппы пробрался под самые стены форта № 5, защищавшего город и крепость Кенигсберг со стороны предместья Шарлоттенбург. Разведчики захватили в плен вражеского военнослужащего. Однако уйти по-тихому не удалось — фашисты, спохватившись, ударили вслед из минометов. Спасая «языка», он закрыл того своим телом. В результате жальщие осколки принял на себя. Правое бедро представляло собой сплошную рану. Однако, истекая кровью, продолжал ползком тащить пленного. Выжил тогда чудом, но боевое задание выполнил с честью. Показания, которые в ходе допросов дал захваченный им неприятель, оченьгодились советскому командованию.

Дмитрия Андреевича за подвиг, совершенный у стен 5-го форта, наградой тоже не обошли, но вот представление на нее по неведомым причинам бродило по инстанциям очень долго — более двух с половиной лет. На рассвете 16 марта 1945 года перед отправкой Дмитрия в госпиталь командиры поздравляли его с предстоящим, как минимум, орденом. Когда же 6 ноября 1947 года наконец-то состоялся долгожданный наградной Указ Президиума Верховного Совета СССР, оказалось, что герой удостоен серебряной медали «За отвагу». Но и ей Дмитрий был рад. Правда, вручат ее почему-то с отсутствующим на реверсе номером, словно обезличенную, а не именную награду. В общем, тогда что-то где-то у штабных «не срослось».

Распрощаться с военной службой Дмитрий Андреевич мог еще летом сорок пятого, воспользовавшись указом о демобилизации фронтовиков, имеющих за плечами средне-специальное или высшее образование. Право же ему на это давала «корочка» оконченной военной авиатехнической школы, которая соответствовала диплому техникума.

— Я уже вещи паковал перед предстоящим отъездом, — вспоминает Дмитрий Андреевич. — Вдруг вызывают меня в политотдел нашего полка и объявляют, что уходить в запас мне еще рановато. Предстоит вновь повоевать. Объяснили свое решение тем, что в таких разведчиках-профи, как я, остро нуждаются стрелковые части Прибалтийского военного округа, которым предписано оказывать поддержку внутренним войскам НКВД СССР в борьбе с орудовавшими на территории Литвы националистическими бандформированиями. А в качестве некоторой компенсации дали статус сверхсрочника.

Последнее воинское звание Дмитрия Бородина в Советской Армии — старшина сверхсрочной службы, а должность — старшина артиллерийской батареи, причем в это время он уже являлся кадровым военнослужащим прославленной гвардейской дивизии, которая еще летом сорок первого была сформирована для Красной Армии союзным Наркоматом внутренних дел. А внимание своих собеседников на этом факте сам ветеран обычно акцентирует не без намека: ничего случайного в судьбе человека не бывает. В рядах именно этого соединения, связанного с внутренними и пограничными войсками, он впервые всерьез загорелся мечтой о службе в рядах стражей правопорядка.

Эта мечта и заставила его в апреле 1948 года подать рапорт об увольнении в запас. А через три месяца, успев лишь съездить на родину, чтобы впервые после войны обнять мать, здесь же, в калининградском Черняховске, где проживал, надел форму сотрудника органов внутренних дел. Начинать службу с должности надзирателя местной тюрьмы, но уже в октябре все того же 1948 года, как человек, обладающий уникальным каллиграфическим почерком, был замечен и переведен в Калининград, в канцелярию секретариата областного УМВД. Быстро вырос от заведующего делопроизводством до личного секретаря одного из замов начальника управления. Казалось бы, о более теплом месте для себя и мечтать не стоит. Но только сердце самого Дмитрия Андреевича никак не желало мириться с рутинной размеренно-бесконечной канцелярской работы. Фронтовой разведчик, он и в мирной жизни рвался в гущу боя. Чтобы вырваться из замкнутого круга, встал в строй курсантов Калининградской офицерской школы МВД СССР. Она находилась в приграничном с Польшей Багратионовске и являлась кузницей офицерских кадров для строевых подразделений и оперативных служб уголовно-исполнительной системы.

Два года учебы пролетели незаметно. В сентябре 1951 года, уже с погонами младшего лейтенанта и с мечтой о буднях профессионального оперативника, вернулся в аппарат УМВД по Калининградской области, но, увы, должности, как и прежде, ему доверяли здесь хотя и более чем ответственные, но сугубо канцелярские. А «виной» тому был все тот же безукоризненно красивый почерк, хотя начальство неизменно отмечало его ревностное отношение к исполнению служебного долга. Тогда он положил на стол руководству рапорт: ходатайствую о переводе на милицейскую службу на «землю». От строптивца поначалу

отмахивались, но, устав отговаривать и увещевать, в конце концов вместо уголовного розыска, куда тот настойчиво просился, перевели в СИЗО. Очевидно, полагали, что через месяц-другой сам запросится обратно. Не дождалось.

— Профессия тюремного опера малопривлекательная лишь на первый взгляд, — делится воспоминаниями о былом ветеран. — В действительности же для всякого оперативного работника это прекрасная школа. Так мне, не выходя для проведения расследования за стены изолятора, удалось раскрыть целый ряд преступлений, над которыми месяцами безуспешно бились лучшие сыщики калининградской милиции. Например, такое, как зверское убийство девятилетней девочки Марины Полтораки, совершенное в феврале 1960 года в городе Балтийске неизвестным насильником. Его я раскрыл в сентябре 1961 года. В одиночку, методом личного сыска. Правда, захват и обезвреживание преступника проводили уже коллеги, но, подчеркну, на основании предоставленных мною оперативных разработок.

В отставку Дмитрий Андреевич Бородин вышел в апреле 1964 года по выслуге лет в звании капитана внутренней службы. Два средних юридических образования (первое получено в Калининградской офицерской школе МВД СССР, а второе, заочное — в Калининградской специальной средней школе милиции) в дополнении с прекрасными служебными характеристиками и двенадцатилетним незапятнанным стажем пребывания в рядах членов партии давали верный шанс занять какое-нибудь мягкое номенклатурное кресло. Однако бывший фронтовой разведчик, оставаясь верным своим идеалам, вновь выбирает для себя беспокойную судьбу. В возрасте сорока лет, не стесняясь выглядеть переростком среди молодых выпускников мореходных ПТУ, устраивается рядовым матросом на суда Калининградской базы рефрижераторного флота рыбной промышленности СССР.

К 1978 году, когда пришла пора по возрасту списываться на берег, он уже бывалый морской волк, с которым уважительно раскланиваются при встрече самые знаменитые на Балтике российские капитаны.

И все-таки, будучи специалистом младшего плавсостава, он удостоился права на морской китель с капитанскими галунами. Помог номенклатурно-аппаратный пост, который в последующие одиннадцать лет занимал в отделе кадров родной для себя базы рефрижераторного флота.

С рыбодобывающей отраслью он окончательно расстался в октябре 1989 года, дав зарок заниматься теперь только домашними делами и подрастающими внуками. Однако неумный характер переборол эти благие намерения: дома без настоящего дела не высидел и месяца. Сначала устроился рабочим в цеха одного из производственных кооперативов, а когда тот в начале бурных 1990-х «пошел ко дну», стал слесарем-сантехником в учреждении социальной сферы.

«Трудились не столько ради денежного вознаграждения, сколько ради истинного и ни с чем не сравнимого удовольствия, которое человеку-труженику приносит любая созидательная деятельность», — и это искреннее признание сделано, поверьте, без всякой рисовки.

Окончательно Дмитрий Андреевич вышел на пенсию только в ноябре 2002 года, да и то лишь в силу настойчивых рекомендаций врачей. Однако и сегодня ветерана трудно застать дома, он является активистом нескольких

№ 2
Фото 1985г. 62г. АНКЕТА Фото 1941г. 18л.
ветерана Великой Отечественной войны

Бородин
фамилия
Дмитрий
имя
Андреевич
Сын Матери-Героини Указ ПВС СССР от 22.IV.1947г.
М. 20160
Пермская обл. Оятский р. Дворецкий с/с
Петрованово.

число, месяц, год рождения 24 мая 1923г.
Среднее юридическое в 1962г. Калининградскую обл. (что и когда закончил) Спб. техникуму МВД СССР.
место рождения д. Петрованово.
национальность Русский
вступлен в ряды КПСС 26 февраля 1953г.
партийность (год и месяц вступления в ряды КПСС)
авиа моторист 3 экз. 617 ш.АП. 291 ш.АП. 2803 экз. авиат. Центр.
Развалки бвса 70 лет 43 лет в авиации. Приб. 36 лет в авиации.
в составе какой воинской части, партизанского отряда, подпольной организации, на каких фронтах воевал, где трудился в годы войны

востоял в рядах ВЛКСМ с 1937 года
состоял ли в рядах ВЛКСМ (с какого года)

орден "Отечественной войны 1 ст." медали "за отвагу" "за боевые заслуги", "за взятие Кенигсберга", "за победу над Германией" и другие послевоенные юбилейные медали. Награжден за подготовку самолета на заводе в ЧМЗ. в 1944г. За выполнение задания в разведке в 1945г. За участие в подготовке к штурму Кенигсберга в апреле 1945г.

Этот брат Николай безвестен в 1941г., Умер взорвался от бомбы в авиации, 30 лет 42г.
кто из родственников погиб в годы войны

На Урале по месту рождения род занятий в довоенный период в колхозе трактористом.
место работы и должности в послевоенный период (подчеркнуть)
Войска с тех порами школ, на преподавательскую работу в школах, на преподавательскую работу в настоящее время с преподавательской работой, в до-пенсионный период, являюсь членом совета ветеранов КВРФ, член клуба агрономов.

После войны продолжал служить в Советской Армии до апреля 1964 года член в запасе, теперь в отставке в организации Капитана.

с мая 1964г. по 4/время работаю на судах (кораблях) заграничного плавания Калининградский Восточный флот в должности штурмана авиационной промышленности по адресу: 236035 г. Калининград обл. ул. 5-я Притальная 1 (корп.)
Мой адрес: 236040. Калининград, ул. Рокоссовского 11, кв. 9. тел. № 2-10-62.
командный адрес и №№ телефонов 45-25-92

Краткое описание наиболее памятных эпизодов периода Великой Отечественной войны, перечень военных операций, в которых ветеран участвовал.

Этим 1943г. находил на территории аэродрома около ст. Волнцево (под Курском) в составе экипажа самолета ИЛ-2 выполнял боевое задание по обеспечению на земле войск боевого подлета. Везли боеприпасы, боевую технику, запряженными комплектом тачки и пулеметы, перевозилим эти вещи в реактивных самолетах (РС. Катюши) и 100 км. в радиусе боя. Эта работа выполнялась в течение суток в интервале через каждые полчаса - два часа. Все это выполнялось в условиях неблагоприятных при том, когда самолет совершил весь маршрут, но не было видно, поэтому не удалось увидеть цель. То было трудное - жаркое, время суток и бессонными ночами. Порой выполняли эту работу, было очень тяжело, когда все это делалось на бомбенский авиационный прототипа. Было очень тяжело, но наша полковница не подвела - мы выстояли!

Еще один эпизод: После операции я оказался в плену. Это было в
 разведке на Кенигсбергом, ~~Маршальской~~ ночью 1945 года
 перед Мюльхаузен-Прусской железной дорогой - крепости Кенигсберга. ~~разведке~~ нашего
 68 стр. полка 70 стр. дивизии было дано задание - взять у немцев ~~разведку~~ из
 разведывательной организации, оборонившей пригород Кенигсберга с севера.
 Развед-отряд в составе 7 человек, я был в группе прикрытия, перед ре-
 кой восточной стороны. Операция была задана, но она была вы-
 полнена, был получен ценный документ - абверлейтенант. Получены были цен-
 ные сведения о немцах, о Кенигсберге, о Кенигсберге, о Кенигсберге, о Кенигсберге.
 В плену я был в плену, в плену, в плену, в плену, в плену, в плену, в плену, в плену.
 Германия, но все было тщетно. - В итоге - Кенигсбергом ~~плен~~
 в разведке мне обалдело кенду своей крови - осколком снаряда полу-
 чил ранение в правое бедро ноги. Это осталось в
 памяти на всю жизнь.

В военных операциях я принимал участие в составе
 68 стр. полка 70 стр. дивизии 43 армии - в июне-июле 1944 года
 при освобождении Белоруссии - в операции под Ковельским
 названием "Базратион".
 В феврале-марте 1945 в военной операции по разгрому
 "Восточно-Прусской группировки противника".

23 февраля 1985 г.
 дата заполнения анкеты

Гитин
 фамилия, имя, отчество, место работы (учебы)
 заполнявшего анкету

(Д. Бородин)

ветеранских организаций и, в частности, областного Комитета ветеранов войны и военной службы, а также Совета ветеранов региональных УВД и УФСИН. Кроме того, Дмитрий Андреевич сотрудничает с рядом музеев. И врачи здесь со своими запретами уже бессильны.

Именно за созидательную общественную деятельность в апреле 2005 года приказом директора Федеральной службы исполнения наказаний Дмитрий Андреевич Бородин был удостоен медали Минюста РФ «За доблесть», а в июне 2006 года приказом начальника Западного УВД на транспорте МВД России — одного из нагрудных знаков служебной доблести сотрудников транспортной милиции.

В последние годы у Дмитрия Андреевича Бородина (в 2000 году Указом Президента России в связи с 55-летием Победы ему было присвоено специальное звание майора внутренней службы) есть особо почетная и важная миссия: 9 апреля, в день празднования взятия советскими войсками города-крепости Кенигсберг, во время торжественного митинга у воинского мемориала, воздвигнутого у стен знаменитого 5-го форта, во главе парадной колонны ветеранов Великой Отечественной он пронесит точную копию священного Знамени Победы.

Так что и сегодня ветеран в строю. Фронтная фортуна, как награда судьбы, по-прежнему с ним.

Полковник милиции Юрий Ржевцев
Журнал «МИЛИЦИЯ» №9 сентябрь 2007г.

ЕЖОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 11.11.1924 г.р., место жительства: с. Северное Новосибирской области.

На фронте с августа 1942 года, в 68 с.п. с августа 1943 года до конца войны в должности командира расчета 82-мм миномета. Был тяжело ранен.

Награжден орденами «Отечественной войны» II степени, «Красная Звезда», медалями «За отвагу» двумя, «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

В сентябре 1942 года прибыл под Сталинград. Ночью 18 сентября два полка переправились через Волгу на правый берег, а утром в 5 часов пошли в атаку. У нас миномет и две гранаты, а еще винтовка, которую подобрали у убитого товарища. Пять дней и

ночей ходили мы в атаку, отражали контратаки немцев, помня слова: «За Волгой для нас земли нет». Почти 90 процентов личного состава дивизии пали в Сталинграде. Помню непрерывный грохот, сплошное месиво снега, грязи и крови. Но страха не было, наоборот, во время боя с танками и пехотой немцев откуда-то брались силы и отвага. Может быть, в предчувствии смертного часа страх исчезал, уступая место спокойствию и уверенности. А может быть, укрепляли призывы: «Ни шагу назад! Отстоим Волгу-матушку!».

Меня что-то обожгло, словно молния, блеснув перед глазами, но не помню и не знаю, кто отнес меня на берег, переправил через Волгу в госпиталь. А ведь можно было истечь кровью.

5 марта 1945 года под Кенигсбергом, на участке, где стояли наши минометы, немцы сосредоточили роту пехоты, пулеметы, чтобы атаковать и уничтожить нас, о чем доложил разведчик Фролов. По команде сержанта Ермаченко: «Беглым огнем по врагу — пли», мы дали несколько залпов, я выпустил 10 мин. Враг был уничтожен. За этот бой я был награжден медалью «За отвагу».

ЗИМИН ИВАН МИХАЙЛОВИЧ

Родился в мае 1921 года, место жительства: г. Пенза.

С января 1944 года по декабрь 1946 года служил в 68 с.п. в должности командира взвода, затем командира минометной роты 1-го батальона.

Награжден орденами «Красной Звезды» дважды, «Отечественной войны» II степени, медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».

В 1944 году под г. Ригой минометная рота, где я был старшим на огневой позиции, оказалась в полуокружении фашистских войск. Заняв круговую оборону, огнем из минометов (на расстоянии 150–200 метров) и стрелкового оружия заставили врага залечь, что позволило роте отойти и соединиться со своими. В этом бою с нашей стороны потерь не было, а у немцев были большие потери солдат.

В апреле 1945 года, после взятия Кенигсберга, мы с ординарцем встретились случайно в лесу с группой немецких солдат. В коротком бою несколько немецких солдат были убиты автоматным огнем и гранатами, остальные заняли оборону в блиндаже. Нам удалось бросить гранату в трубу блиндажа. После взрыва 9 немецких солдат сдались

нам в плен, были обезоружены и доставлены в штаб 1-го батальона 68 с.п.

ЗУБРИЛОВ ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ

13.03.1909 года рождения, место жительства: Оренбургская область, г. Бузулук.

Воевал с 1941 года по 1945 год ездовым на лошадях и водителем.

Награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

Будучи контуженым, я выносил раненых с поля боя в медсанбат. Возил командира полка Онойченко на лошадях и на машине до конца войны. Боев было много, приходилось ездить все больше на передовую. Командира полка я сохранил от вражеских нападений до конца войны.

КАЗАКОВ ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

30.08.1924 года рождения, место жительства: с. Сентяпино Пензенской области.

Воевал в 70 с.д. с сентября 1943 года по август 1944 года в 68 с.п. и 227 а.п. в должности наводчика, командира орудия, в начале войны — красноармеец, в конце войны — лейтенант.

Награжден орденом «Красная Звезда», медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

Это было в 1943 году на участке батареи 76-мм пушек 68 с.п. Немцы пытались прорвать нашу оборону. Бой шел страшный, 76-мм — полковушки били картечью, отсекали пехоту от танков. Здесь отличился парторг батареи Бажанов — он стал Героем Советского Союза — первым в полку.

Полк и батарея были сильно потрепаны, но боевая задача полком и дивизией была выполнена.

В октябре 1944 года перед наступлением на город Ужгород надо было уничтожить огневые точки противника и нанести на карту их расположение. Мне никогда не приходилось ходить в разведку. А тут пришлось быть разведчиком. Приказ есть приказ.

Ночью наша группа из 6 человек скрытно подошла к окраине Ужгорода. Когда подползли к третьему дому, то услышали пьяную немецкую ругань. Из дома вышла старушка и, когда мы ее остановили, сказала, что в ее доме полно немцев и все пьяные. Я сказал, чтобы она попросила выйти к нам немца чином повыше. Но вышел полицейский, которого мы быстро скрутили. А старушка вынесла нам полевую сумку офицера в придачу. С такой добычей мы ушли к своим.

КАНАФЕЕВ БУЛАТ ХАЛИМОВИЧ

20.09.1923 года рождения, место жительства: г. Свердловск.

Воевал в 68 с.п. командиром взвода санитаров-носильщиков, старший лейтенант медицинской службы.

Награжден орденами «Отечественной войны» I и II степеней, «Красная Звезда», медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Мне было 18 лет, когда началась война. Нам выдали свидетельства об окончании 10 класса вместе с повесткой.

Война — это самое страшное, что может быть на земле. Эти годы навсегда останутся в памяти тех, кто прошел войну. Война — это испытание на человечность. Несмотря на все ужасы, я часто вспоминаю те годы.

После окончания школы военных фельдшеров при госпитале НКО №289 города Уфы был направлен в действующую армию. Мы, молодые младшие лейтенанты медицинской службы, одетые в армейские шинели рядового состава и с обмотками на ногах (об офицерской форме тогда не было и речи), прибыли эшелоном на станцию Крестцы. Только успели повыскакать из вагонов, как налетели вражеские самолеты.

Немцы ожесточенно бомбили станцию. Нет уже здания вокзала, нет станции, осталось одно название. Помню треск горящих вагонов приближающегося к станции объятая пламенем состава. Позже выяснилось, что в горящем составе перевозили раненых. После остановки поезда из пламени выскакивают еще способные двигаться люди, а из огня слышны стоны и крики.

Неведомая сила подняла нас, тогда младших военных фельдшеров, призванных оказывать помощь раненым. Мы вытаскивали из горящих вагонов раненых, обожженных, подававших хоть малейшие признаки жизни, переносили их на безопасное место и оказывали медицинскую помощь.

Это было наше первое боевое крещение уже как медиков. А дальше были жестокие кровопролитные бои. Они начались для нас на Северо-Западном фронте, затем, после ранения, на 3-м Белорусском и 2-м Прибалтийском фронтах в составе группы войск Баграмяна и Рокоссовского.

Однажды наши части стали отходить, чтобы выйти из окружения и с новыми силами начать наступление. В это время в подвале находились более 40 тяжелораненых, которых могло спасти только чудо. Все попытки эвакуировать их оказались тщетными, так как не было транспорта. Их надо было немедленно отправить в тыл во избежание окружения и плена. В это время в подвал спустился генерал со своим штабом. Он сразу начал с того, что спросил: «Почему же не эвакуированы раненые?» Я спросил, с кем имею дело. Это оказался генерал-лейтенант Белик, член Военного Совета 4-й Ударной Армии. Я описал ему обстановку и сложившуюся ситуацию. Он вначале, в горячке боя, пообещал меня судить трибуналом, а затем, оценив обстановку, распорядился разгрузить готовые к отправке в тыл мины и снаряды из повозок минометной роты. Мы под обстрелом и бомбежкой погрузили на них наших тяжелооболбных и сумели их вовремя отправить в тыл, так как через полчаса переправа и подвал были заняты врагом. Вместо трибунала генерал Белик представил меня к награждению орденом «Красная Звезда».

КОЗЛОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

06.11.1922 года рождения, место жительства: г. Вологда.

Воевал минометчиком с 1941 года по 28 июля 1944 года.

Награжден медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».

Вспоминается боевой эпизод, который произошел в январе 1942 года в районе Спас-Деменска на Зайцевой горе. Немцы рвались к Москве по Варшавскому шоссе. Вражеский огонь не давал возможности вынести раненых с поля боя. Для их вывоза мы пустили служебных собак, запряженных лодочками или лыжами, с санитарными сумками на спинах. Немцы обстреливали и санитарных собак тоже. Командование поручило нашему минометному взводу уничтожить

огневые точки противника. Точным огнем мы выполнили боевое задание, тем самым была обеспечена возможность спасения раненых.

Служил я также в дивизионной разведке, ходил с группой на захват «языков». У нас во взводе дружно воевали русские, украинцы, белорусы, монгол и цыган. Какое-то время мы воевали вместе с 1-й Польской дивизией имени Тадеуша Костюшко.

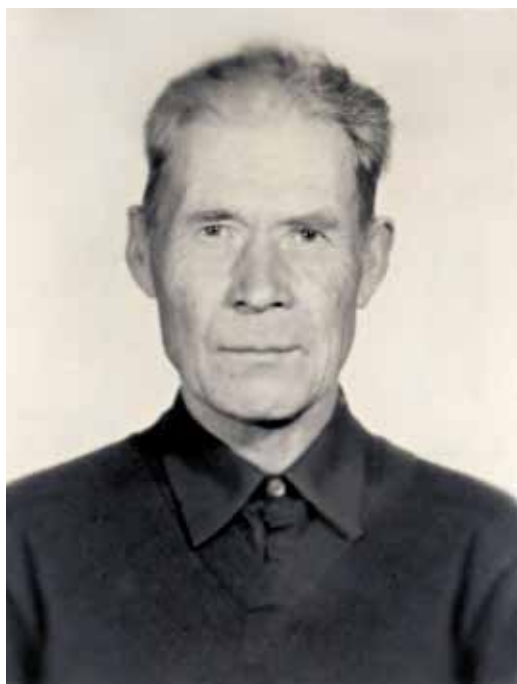
КОПЫЛОВ ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ

20.09.1920 года рождения, место жительства: Красноярский край, Хакасия.

С сентября по ноябрь 1941 года оборонял Москву, с декабря 1941 года по январь 1943 года сражался под Выборгом, с 1943 года по 28 июля 1944 года артиллерист в 68 с.п.

Награжден орденом «Красная Звезда», медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».

Запомнился бой за деревню Березняки на Могилевщине в 1944 году. Выполняя приказ отрезать отступление фашистов, наша батарея израсходовала все снаряды. Немецкие танки пошли на батарею, стали расстреливать наши пушки, мять их гусеницами. Офицеры Мягких, Губарев, Савин и солдаты-артиллеристы бросились на танки с вражеским десантом с гранатами, бутылками

с зажигательной смесью. Из этого боя ранеными вышли только я и еще один боец, остальные остались лежать, скошенные автоматными очередями немцев.

В начале июля 1944 года наша батарея стояла под г. Горки. Я наблюдал за противником. На опушке леса увидел немецких офицеров и солдат, прогуливающихся под ручку с нашими девушками. Я сообщил об увиденном комбату Губареву, который, прильнув к окулярам стереотрубы, побелел от увиденного и тут же дал команду: «Огонь, батарея!». Батарея выпустила 40 снарядов по роще. Вскоре на батарею пришел начальник особого отдела с двумя солдатами и приказал комбату сдать оружие за стрельбу без приказа командования, но батарейцы не отдали своего комбата под арест. Чуть не до-

шло до рукопашной. Спустя некоторое время комбата наградили орденом Боевого Красного Знамени, присвоили звание майора и назначили начальником артиллерии полка.

КОРШУНОВ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ

Разведка боем 26 января 1944 года

В декабре 1943 года 68 с.п. после ведения местных наступательных боев в районе хуторов Андеклово был выведен во второй эшелон дивизии. Дивизия перешла к обороне на рубеже рек Прони и Лебедевки, имея на правом фланге д. Ленино, а на левом фланге г. Дрибин (освобожден 2 октября 68 с.п.)

4 декабря 68 с.п. совершил марш с правого фланга дивизии от деревень Луки и Скаковщина до деревни Запрудье. Здесь полк получил пополнение, и началась усиленная подготовка к наступательным боям.

В новогоднюю ночь 1944 года 68 с.п. успешно проведена разведка боем в направлении д. Лебедево справа от большака, идущего из м. Горы в г. Горки.

В конце января командованием 49 Армии и дивизии 68 с.п. была поставлена новая

задача — провести разведку боем усиленным стрелковым батальоном. Им стал 1 с.б. К операции привлекалась также 148 армейская штрафная рота. Об этой разведке боем и будет рассказ.

Этого боя ждали. Из разговоров по телефону можно было понять, что бой должен состояться в ближайшие дни.

Готовились все: пехотинцы, саперы, связисты. Начались интенсивные занятия на местности у деревни Малки. В общем, это выглядело так. Место занятий было выбрано похожим на то, где должна была проводиться боевая операция. На высотке прорыли траншеи, соорудили проволочные заграждения и условно обозначили минное поле с проделанными в нем проходами. Успех боя должен был зависеть от стремительности продвижения наших пехотинцев.

С исходного рубежа пехотинцы двигались строем по отделениям одно от другого по фронту на расстоянии 100–150 м. Преодолев проволочное заграждение, они рассыпались в цепь и стремительно вскакивали в траншею, закидав ее предварительно гранатами. Часть бойцов вела бой в траншеях, а другие продолжали продвижение вперед. За пехотой двигались саперы, неся с собой ежи и рогатки для создания препятствия врагу по ту сторону траншеи на случай контратак.

Мы, связисты, на этих учениях обеспечивали все подразделения, участвовавшие в занятиях, проводной и радиосвязью. Мне пришлось работать на КП командира полка. Работал я, как обычно, спокойно и четко. Быстро вызывал требуемых абонентов. Дублировал команды и распоряжения командира полка подполковника Кузнецова. Ему, очевидно, понравилась такая моя работа. Вечером после занятий выстроили нашу роту связи и командир полка объявил мне благодарность. Он сказал: «Вы, связисты, должны брать пример с рядового Коршунова. На сегодняшних занятиях он работал хорошо, быстро реагировал на мои команды. Если Коршунов будет работать так же и в бою, то я его представлю к награде орденом. Командир роты, примите это во внимание!» — «Есть!» — ответил старший лейтенант Черевко, командир штабного взвода.

За день до боя состоялось комсомольское собрание роты. Я, как комсорг роты, объяснил задачу, которую ставит перед нами командование. Комсомольцы Венедиктов Николай, Голубев Костя, Михалева Люся, я и многие другие взяли обязательства, заявив, что в предстоящем бою будем бесстрашными, будем быстро исправлять повреждения. Так было до боя.

Бой был назначен на 26 января. Мы, связисты, решили выдвинуться на исходное положение с вечера 25 января, чтобы ознакомиться с местностью и установить местонахождение командных пунктов командиров рот. Погрузив свое имущество на сани, наша группа двинулась из д. Запрудье, где в то время были КП полка, штаб, резервы, тылы и наша основная сеть телефонной связи, через д. Соколово на передовую.

Стояла темная январская ночь. Слегка подмораживало. Последнее обстоятельство нас очень радовало, так как все предыдущие дни стояла оттепель, по отрогам оврагов кое-где появились проталины. В валенках ходить было почти невозможно.

Ночь была тихая, безветренная, темная. Только над передним краем часто взвивались ракеты — это немцы освещали свой передний край. Боялись.

В полной тишине мы достигли своего переднего края. Телефонную станцию развернули в первой траншее. Здесь же, в землянке, должен был находиться КП командира полка. От этого места до немецкой траншеи было всего каких-нибудь 250—300 м. Обе стороны молчали. Не слышно стрельбы. Ракеты немцы тоже перестали пускать. Было слышно, что немцы работают. То и дело к самым траншеям подъезжали подводы. По доносившимся отголоскам можно было понять, что работает местное население, что среди них есть женщины. Наши саперы воспользовались этим моментом и старались как можно скорее проделать проходы в минных полях, своих и немецких, прорезать проходы в проволочном заграждении, построить мостки через свои траншеи.

Мы, связисты, тоже развернулись и подготовили к работе три направления связи с командирами рот. К бою готовы. Теперь можно было ждать пехоту и подумать об ужине. С «контрольной» дивизионной линии связи сообщили, что приехал старшина, привез ужин и водку, выезжает к нам. Я отправился по направлению к КП батальона 252 с.п. (бой проходил на его участке обороны). В это время со стороны немцев в воздух взвились ракеты. Немцы обнаружили наших саперов и открыли по ним огонь. Я дошел до конца хода сообщения и стал ждать старшину, но он не появлялся. Как выяснилось впоследствии, он доехал до противотанкового рва (250 м в тылу), и в этот момент немцы начали вести огонь. Недалеко от них разорвался снаряд, и они решили вернуться. А я все ждал.

Солдаты, перетаскивавшие ежи и рогатки из противотанкового рва, сообщили мне, что ехали какие-то две подводы, но возвратились. Тогда я пошел на КП батальона. Здесь тоже было заметно, что идут последние приготовления к бою: подтаскивали рогатки, подвозили ФОГи (огнеметы) и к КП уже были подтянуты стрелковые роты. Я быстро отыскал старшину Мищенко. Забрал у него водку, а кашу не стал брать, так как с минуты на минуту пехота должна была выйти на исходный рубеж. Наступало утро. Я торопился, пока было спокойно. Нашел себе попутчика, старшего лейтенанта Липчанского (комсорг полка), и вместе с ним направился в обратный путь.

На нашем КП все уже было готово к бою. Ждали только командира полка. Он прибыл за несколько минут до начала боя.

Вот подали сигнал к началу боя. Первыми заговорили наши орудия. На головы фрицев обрушился шквал огня. Снаряды летели, как шмели. Среди характерного для них свиста можно было разобрать и шипение мин. Это заговорили наши минометчики. По окончании артподготовки, длившейся всего каких-нибудь пять минут, в бой вступила пехота. Она стремительным броском в полный рост ворвалась в траншеи немцев, понеся при этом совершенно незначительные потери. Бой завязался в траншеях, пошли в ход гранаты.

Противник, ошеломленный стремительностью и внезапностью атаки, под натиском наших пехотинцев отступал по вторую траншею своей обороны. Оправившись от первого натиска, немцы вскоре начали яростные контратаки. Не считаясь с потерями, они стремились восстановить положение. В траншеях шли рукопашные и гранатные бои.

Наши бойцы и штрафники дрались храбро, бесстрашно. Траншея и ходы сообщения в месте прорыва переходили из рук в руки. Особенно храбро сражался

лейтенант Кустов — командир взвода. Он появлялся в самые критические моменты и своим личным примером увлекал бойцов в контратаки.

Я наблюдал, как велся бой за дзот, расположенный за первой траншеей. Группа наших бойцов вышла из траншеи и с криком «ура!» направилась цепочкой к вражескому дзоту. Бойцы на мгновение останавливались, давали очередь из автоматов по амбразуре. Затем забросили в амбразуру гранаты, и дзот был взят.

Со связью все обстояло благополучно, она работала бесперебойно. Во второй половине дня немцы подтянули к этому участку артиллерию и начали методичный обстрел, который вызвал перебои в связи. Но с этим мы справлялись пока что успешно — линия связи от нашей траншеи до немецкой была сравнительно короткой, а потому все порывы телефонного кабеля устранялись очень быстро.

Отсекающий огонь немецкой артиллерии затруднил доставку боеприпасов нашей пехоте — гранат и патронов. Отсутствие боеприпасов, особенно гранат, принудило нашу пехоту перейти к обороне. Ряды пехоты начали таять. Бойцам приходилось отходить и сужать участок прорыва. Немцы к этому времени получили подкрепление: из г. Горки подошел батальон немецкой пехоты. На флангах появились немецкие снайперы и пулемет с правого фланга. Овраг, разделяющий наши и немецкие траншеи, и его склоны были под прицельным огнем. Все это еще больше затруднило доставку боеприпасов. Все чаще начали выходить из строя наши бойцы и связисты. Наступил тяжелый момент, когда линию связи перебило снарядами. Не работала и рация командира батальона. Радист Владимир Николаев был тяжело ранен, а радиостанция 6-ПК разбита. Посланный с новой рацией второй радист не сумел пройти ничейную полосу.

В ходе боя создалось неясное положение. Из-за отсутствия связи командир полка лишился возможности следить за ходом боя и управлять им. На линию один за другим отправлялись линейные надсмотрщики, но ни один из них назад не возвращался. Некоторые из них были ранены, а другие залегли в небольшой лощинке (старое русло речушки Лебедевки). На линию отправился командир линейного взвода старший сержант Рома Бездухов, а за ним и командир роты младший лейтенант Назип Гореев, но вскоре оба были ранены. Меня почему-то на линию не посылали, если не считать порыва дивизионной линии, идущей в тыл. Но пришел и мой черед. Сам командир полка поставил передо мной задачу: во что бы то ни стало исправить линию, подняв на это дело «залегших» связистов, или, по крайней мере, выяснить создавшееся положение в траншеях. «Есть!» — только и был мой ответ. И я пошел. До выхода из траншеи меня провожал комсорг полка Липчанский. Взобравшись немного по лестнице до бруствера, я внимательно осмотрел путь своего движения. Кабель был проложен в двух узких проходах минных заграждений. Мне предстояло броском войти в лощину, где залегли связисты, и тогда уже принять дальнейшее решение. Но стоило мне выскочить из траншеи, как тотчас по мне открыли огонь снайперы. Пули засвистели над головой и по сторонам, несколько врезалось под ногами в снег. До лощины оставалось еще метров пятьдесят. Я залег. Заполз за раненого. В голове сразу пронесется несколько мыслей: «Как быть? Нужно двигаться дальше!». Решил ползти. Но стоило мне проползти полтора-два метра,

как снайпер снова открыл по мне огонь. Одна пуля прошла возле головы. Перед глазами промелькнул маленький снежный веерообразный вихрь. Это заставило меня замереть. Этим я смог обмануть снайпера, и он прекратил огонь. Я, очевидно, сделал это искусно. Наблюдавший за мной капитан Фоменко, начальник связи полка, посчитал меня убитым.

Мое положение осложнилось. Я не мог пошевелиться. Иначе можно снова привлечь внимание снайпера. Я лежал на склоне оврага, просматриваемого фрицами. Усиливался артогонь. Осколки фырчали со всех сторон. А задание нужно выполнять. Я решил еще раз попытаться добраться до лощины — иначе верная смерть. Подтянулся, быстро вскочил на ноги и броском добрался до лощины. В лощине было много солдат. Они лежали, боясь пошевелиться, плотно прижавшись друг к другу. И трудно было разобраться, кто ранен, а кто совершенно невредим. Меня окликнули, и тут только я увидел своих связистов. Они собрались все вместе. Здесь были линейные надсмотрщики Федя Леухин, Н. Венедиктов, Насекайлов и двое новеньких, фамилии которых я уже не помню. Здесь же, рядом с ними лежал раненный в голову радист Владимир Николаев.

Немного отдышавшись и успокоившись после напряженного момента, я принял решение разбиться на две группы и немедленно начать исправление линии в нашу сторону и в сторону немецкой траншеи. Я, Леухин и Насекайлов отправились в сторону немецкой траншеи, а Венедиктов — в сторону своей траншеи.

Перебегая по очереди от порыва до порыва, от одной воронки до другой, мы без особых приключений исправили около десятка повреждений и достигли траншеи. Линия была исправлена.

Решили пойти в немецкую траншею. Там к этому времени создалось довольно тяжелое положение. Горстка солдат почти без патронов сдерживала натиск фрицев, стреляя только наверняка. Участок прорыва сильно сузился.

Через некоторое время, после того как мы добрались до командира батальона, в воздух взвилась целая серия красных ракет. Фрицы вызывали огонь артиллерии на нас. Начался артобстрел нашего местоположения. Он длился минут пять-восемь. Линия связи была снова повреждена, да и работала она очень непродолжительное время и только до лощины. Мы снова отправились на линию. Когда мы выходили из траншеи, фрицы находились всего в тридцати метрах, и несколько гранат полетело в нашу сторону, но, к счастью, они нас не достали. Пули автоматчиков, как горох, сыпались возле наших ног, но и они не причинили нам вреда. Спасали воронки, которых было много. Мы добрались до лощины. Во время этого перехода со мной произошел курьезный случай. Теперь я о нем вспоминаю, как о шутке, а тогда он мог сыграть роковую роль. Дело в том, что в этом бою мы все были в белых маскхалатах и брюках. Во время перебежки плохо подвязанные брюки сползли до колен, затрудняя движение и демаскируя меня. Приходилось ложиться в воронку на спину и натягивать брюки.

До лощины мы добрались благополучно. Другая группа к этому времени исправила линию связи в сторону нашей траншеи, и я доложил обстановку.

— Товарищ 12 (позывной комполка), фрицы наших потеснили. Сейчас они находятся в районе среднего прохода в минном поле, приблизительно

метров 30—50 в ту и другую стороны. Просят прислать боеприпасы, особенно гранат, и помочь им огоньком.

— Хорошо! Постарайтесь восстановить связь!

— Есть!

После этого трубку взял мой командир, сержант Ляпустин Н.

— Володя, ты жив?

— Жив! А что, вы уже меня похоронили?

— Фоменко сказал, что ты убит.

Разговор окончен. Двоих связистов снова отправил исправлять линию. Но, пройдя немного, они попали на мины и подорвались. Среди них был мой товарищ Ф. Леухин. Время шло к вечеру. Был получен приказ оставить траншеи немцев. Начальник связи приказал нам прекратить работу по восстановлению линии и ждать в ложине наступления темноты. Целыми и невредимыми нас, связистов, оставалось двое — я и Венедиктов.

Около двух часов мы пролежали в ложине на снегу, почти без движения, не ощущая холода. Так велико было напряжение. На наше счастье, начался снегопад и немного стемнело. Снайперы прекратили бить, и мы бегом добрались до своей траншеи. Раненых тут же отправили в санчасть. Вслед за нами вышли и пехотинцы. Они привели с собой трех пленных немцев. Так окончился этот мой последний бой в составе 68 с.п., где я пробыл почти год.

Бой был не совсем удачным, с нашей точки зрения, хотя поставленная задача была выполнена: погибло 130 наших солдат, а ранено было 254 человека.

Мы удалялись от переднего края. Где-то, почти рядом, рвались снаряды. Но мы настолько утомились, что не обращали на них никакого внимания. Придя в свое расположение в д. Запрудье, мы впервые за сутки немного поели и уснули крепким сном.

20 июня 1944 г.

Эвакогоспиталь 2540. г. Ярцево
(д. Яковлево)

Этот материал немного отредактирован мной в феврале 1980 года и показан моему начальнику связи Фоменко Константину Васильевичу, который также внес ряд поправок, касающихся, главным образом, общей обстановки, чего рядовой солдат знать в то время не мог.

КОЧЕРЫГИН ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

Родился 20 августа 1925 года в с. Юрино Шацкого района Рязанской области в семье крестьянина.

В 1932 году поступил в Каверинскую среднюю школу, в которой учился до 28 декабря 1942 года, то есть до призыва в Красную Армию. В январе 1943 года был направлен в Южно-Уральское пехотное училище в город Благовещенск Башкирской АССР. Был курсантом, а затем командиром отделения в звании сержант. В мае 1943 года направлен в Уфимское пехотное училище, откуда

в июле 1943 года, в составе трех батальонов училища, попал на Курскую дугу в 167 с.п. 16 с.д. (Брянский фронт) на должность командира отделения автоматчиков.

Непосредственно участвовал в боевых действиях. 5 сентября 1943 года был ранен.

По январь 1944 года находился на излечении. С февраля по сентябрь 1944 года — курсант Московского военно-инженерного училища. 1 октября 1944 года мне было присвоено воинское звание «младший лейтенант», и я был направлен на должность командира саперного взвода 68 с.п. 70 с.д. Воевал на многих фронтах: 1 и 2 Прибалтийских, Земландской группе войск, 2 Белорусском. Участвовал в штурме г. Мемель (Клайпеда 28.01.1945г.), г. Кенигсберга (Калининград 06—09.04.1945г.).

Награжден орденами «Отечественной войны» I и II степеней, «Красная Звезда», медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и многими другими наградами.

После войны командовал учебными подразделениями, учился в Военно-инженерной Краснознаменной академии им. В.В.Куйбышева.

В 1961 году направлен в Бакинский округ ПВО на должность дивизионного инженера 16 дивизии ПВО. В декабре 1961 года был назначен на должность начальника комендатуры по техническому, хозяйственному и дорожному обслуживанию Главного штаба ПВО страны. В 1970 году назначен на должность старшего офицера оперативного управления штаба Гражданской обороны СССР. В июне 1986 года приказом начальника ГО СССР был назначен старшим оперативной группы (24 человека) штаба ГО СССР для организации и проведения работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АС. В зараженной зоне находился 3 недели. На 62 году жизни в воинском звании полковник приказом министра обороны СССР № 01100 от 28 ноября 1986 года по статье 60 пункт 8 (по возрасту) уволен в отставку с правом ношения военной формы одежды.

Лимонка под коленом

К 15 октября 1944 года закончились ожесточенные атаки и контратаки на Мемельском направлении. Дивизия перешла к обороне в 5—6-ти км. от г.Мемель (Клайпеда).

Саперам предстояла огромная работа по инженерному оборудованию полосы обороны полка: оборудование КП, НП, строительство укрытий для личного состава и техники, установка минных полей и проволочных заграждений на переднем крае обороны.

В конце октября в полк поступает 80 пакетов МЗП (мало заметное препятствие). Эффективная проволочная сеть из стандартных пакетов заводского изготовления массой 30 кг. Эти развернутые пакеты 10x10x1,2 метра могут

остановить продвижение не только людей, но и БТР, БМП, автомобилей и т.п. А для солдат с оружием и амуницией являются почти непреодолимой преградой.

Для установки каждого пакета необходим расчет из 8-ми человек. Установку на переднем крае перед первой траншеей вели двумя расчетами, в один из них входил и я. Вся работу и выполнение всех команд (развернуть, растянуть, встряхнуть, закрепить) вели на коленях. Последовательность выполнения команд была отработана на тренировках и на переднем крае не озвучивалась.

При очередном развертывании пакета у меня под коленом прозвучал «щелчок». Я мгновенно оценил, что это граната «лимонка» встала на боевой взвод. Я сразу выбросил ее наотмашь из-под колена в сторону противника и успел крикнуть «ложись». Прозвучал взрыв метрах в 10–12-ти. Все обошлось благополучно. Я сохранил себе ногу, а может быть и жизнь, спас саперов от ранений (в лучшем случае). В боях на Курской дуге я часто применял «лимонку» в наступательных боях, особенно при зачистке траншей от противника.

После взрыва «лимонки» немцы усилили пуск осветительных ракет. Нам пришлось несколько минут лежать на нейтральной полосе «без работы». За эту ночь мы установили 20 пакетов, чем прикрыли пехоту на участке в 200 метров.

Я был очень доволен своими саперами. Они не сделали ни одной ошибки на переднем крае, работали, как хорошо отлаженный механизм. Утром следующего дня полковой инженер капитан Лебедев Л.С. объявил всем нам благодарность. Такую работу саперы выполняли впервые.

Снаряд к обеду

Кочерыгин Д.И. (слева) 1943 г.

Под Мемелем мой саперный взвод располагался в полосе обороны 68 с.п. в 800-х метрах от переднего края.

Господский двор, где располагался личный состав взвода, состоял из двух жилых зданий и нескольких подсобных построек для скота и хранения кормов. С нами соседствовали связисты.

Передний край полка проходил по высоте. Господский двор находился намного ниже — в ложине, а это значило, что мы не подвергались ружейно-пулемет-

ному огню и прямой наводке артиллерии. Все это давало нам возможность свободно работать днем по подготовке проволочных заграждений и деталей для инженерных сооружений из дерева.

Ночами мы работали на переднем крае по прикрытию подразделений полка проволочными заграждениями и устройству минных полей. Потом несколько часов отдыхали. В 13 часов, как правило, обедали.

В этот раз за обеденным столом вместе со мной собрались: полковой инженер Лебедев Л.С., начальник химической службы полка капитан Володин,

старшина саперного взвода Малинин, повар Момзик. Как всегда, за столом говорили о том, что сделано, что предстоит сделать.

Вдруг от кирпичной стены, обращенной к переднему краю, полетели осколки кирпича, в основном, на пол. Мы сначала не поняли в чем дело. Посмотрели на стену и пол. Увидели в стене и в полу отверстия. Как оказалось, к нам залетел снаряд, но не взорвался. Остановился он под полом близко к столу. Мы заделали отверстия, а место обеда менять не стали.

Каждый раз, когда ветераны собирались на встречу в Клайпеде, я посещал этот дом и интересовался, как живут здесь люди и что знают о снаряде. В то время там жили русские, приехавшие из Смоленской области. Последний раз этот господский двор я посещал в начале восьмидесятых годов. Со мной была Хелена Максимилиановна Лебедева, жена инженера Лебедева Л.С. Я показал ей место входа снаряда. Жильцы о снаряде ничего не знали, а я не стал их беспокоить, так как в беседе со мной они высказали мысль об отъезде из этих мест. Они сказали, что их стали притеснять коренные литовцы. На память я сделал фотографию.

Противотанковой гранатой по «ежам»

В январе 1945 года наш 68 с.п. вел разведку боем одной стрелковой ротой, для которой моему саперному взводу было приказано сделать три прохода в минных полях и проволочных заграждениях. Дело привычное. Мои саперы много раз делали проходы для разведчиков, и не было случая, чтобы мы не сделали проход.

Командирам отделений я поставил задачу на проделывание проходов, а с командиром стрелковой роты мы определили места проходов. Передний край саперы знали хорошо, так как изучали его «собственными животами». Мы также знали, какие стоят мины и схему их установки перед первой немецкой траншеей. Хорошо знали и проволочные заграждения противника, состоящие из «рогаток» и «ежей», которые легко просматривались из наших траншей. Эти проволочные заграждения немецкие саперы, как и наши, готовят в тылу, а потом ночью проводят их установку в 10–12 м перед первой траншеей. Солдаты, несущие боевую службу в первой траншее, чувствуют себя намного лучше, когда впереди есть такие заграждения. Атака по плану была определена на рассвете после короткого артиллерийского налета.

К 22 часам саперы заняли исходное положение и приступили к работе. Все саперы были в белых халатах, их трудно было обнаружить на снегу даже при осветительных ракетах. Ближе к рассвету два прохода были готовы полностью, а третий проход был под вопросом. Стало светать.

*Кочерыгин Д.И. (первый слева) 1945 г.
Лаунбург (Лемберг) Польша.*

Я дал команду на отход саперам, да они и сами знали время обязательного отхода.

Все это время я находился с командиром роты. Я ему доложил о готовности двух проходов, в третьем проходе остались рогатки и ежи. Обсудив такое положение, я ему сказал: « В конце артиллерийского налета я впереди пехоты пойду по этому проходу и противотанковой гранатой раскидаю ежи и рогатки». На что он дал добро. Артналет длился около 10 минут. В конце артналета пехотинцы пошли по проходам. Я шел впереди. Не доходя до проволочного заграждения метров 12–15, бросил противотанковую гранату. Мощным взрывом раскидало не только рогатки и ежи, но и оглушило меня. Цель была достигнута.

Основной задачей роты был захват пленных («языков») и вскрытие огневой системы противника. Но получилось так, что рота захватила первую и вторую траншеи, а затем выполняла задачу в общем наступлении полка по захвату г. Мемеля.

В этом бою я потерял одного сапера убитым и одного раненым. Выбыл у меня из строя самый опытный и разумный командир отделения сержант Медведев П.П. Я его берег для выполнения самых ответственных и объемных задач, при выполнении которых необходима смекалка.

Ножом — проход для танков

Приказ Верховного Главнокомандующего Командующему войсками 1 Прибалтийского фронта Генералу армии Баграмяну, Начальнику штаба фронта Генерал-полковнику Курасову:

«Войска 1 Прибалтийского фронта, перейдя в наступление, сегодня, 28 января, овладели литовским городом Клайпеда (Мемель) — важным портом и сильным пунктом обороны немцев на побережье Балтийского моря, завершив тем самым полное очищение Советской Литвы от немецких захватчиков.

В боях за овладение городом Клайпеда отличились войска полковника Красновского, то есть части и подразделения 70 с.д.

С утра 27 января и в течение всего дня части дивизии вели ожесточенный бой с противником, засевшим в укрытиях и за естественными препятствиями. Чтобы задержать наступление наших частей и прикрыть планомерный отход своих частей на косу, противник бросил в бой крупные силы пехоты при поддержке танков, самоходных орудий и большого количества артиллерии.

Наш 68 с.п. имел задачу продолжать решительное наступление в направлении высоты 20,4, аэродрома, сбить противника и, не давая ему закрепиться на внутреннем обводе обороны, штурмом овладеть южной окраиной г. Мемель.

Два отделения моего взвода были в стрелковых батальонах и выполняли задачи, поставленные командирами этих батальонов (как правило, оборудование КП, НП, проделывание проходов в препятствиях). Со мной было одно отделение, мы занимались устройством КП, НП для командира полка.

Где-то в районе 14 часов 27 января от поддерживающих подразделений танкистов пришла просьба о проделывании прохода в противотанковом минном поле. Температура была ниже -20°C . Толщина снежного покрова от 10 до 20 см. Мела поземка. Быстро выполнить эту задачу мог только я, так как хорошо знал схемы не только своих минных полей, но и немецких. Через несколько минут я с ординарцем (он же связной) был у командира танковой роты. Он указал

мне направление проделывания прохода. Через час и 20 минут проход был готов. Я снял три мины, которые откапывал ножом. У саперов были для такой работы специальные ножи. Земля глубоко промерзла. Я ножом работал как отбойным молотком, проделывая вокруг каждой мины траншею глубиной 6–7 см и шириной 3–4 см, а окружность каждой мины была около метра. Через 30 минут у меня стала мокрой спина. Одет я был хорошо: валенки с шерстяными носками (подарок шефов), ватные брюки, телогрейка, полушубок и шапка-ушанка.

Дал сигнал танкистам, они двинулись вперед, посадив на броню пехотинцев.

Мое счастье, что по мне не велся огонь из стрелкового оружия, а только артиллерийско-минометный огонь, на который я не обращал внимания, т.к. знал, какой и по каким целям ведется огонь нашими и немецкими артиллеристами.

За выполнение этой задачи меня наградили орденом «Красная Звезда», который я получил только через 12 лет, учась в инженерной академии.

Бой в центре Земландского полуострова

В ночь на 3 марта 1945г. противник атаковал части 325 с.д. и потеснил их до двух километров.

Утром 3 марта наша дивизия получила боевую задачу на восстановление положения 325 с.д. 68 с.п., в котором я был командиром саперного взвода, из пункта дислокации (Грюнхофф) совершил форсированный марш в район Зуплiten, где был введен в бой западнее высоты 56,2. При очередной атаке противника взводу была поставлена задача по прикрытию танкоопасного направления противотанковыми минами. По штату во взводе предусматривался ПОЗ (Подвижный отряд заграждения) на двух конных повозках с 80 минами. Взяв два отделения саперов, по одному отделению на повозку, галопом понеслись к месту установки минного поля. Чтобы сократить время на установку минного поля, я приказал командирам отделений на ходу вставить взрыватели в мины, что было принято к немедленному исполнению. На одном участке дороги, проходящему по насыпи высотой около 3-х метров, при резком повороте налево одна повозка с минами и расчетом сваливается под откос. Мины врассыпную, как горох по ровному полю, часть расчета успела соскочить с повозки. На наше счастье, ни одна мина не взорвалась, а ведь часть мин была со взрывателями. И хорошо, что лошади этой повозки встали на ноги без переломов. Быстро собрав мины, мы продолжили путь.

Подъехав к месту установки, я сообщил командирам отделений схему установки, а рукой указал направление минного поля. Весь личный состав понимал мои жесты без речевого сопровождения. Буквально за 10–15 минут было установлено минное поле. В быстроте установки минного поля нам способствовали погода и снежный покров, так как не было необходимости отрывать лунки. Вскоре появились немецкие танки. Я дал команду на отход. Почему немецкие танки не открыли по нам огонь, трудно сказать. Но главное, мы поставленную задачу выполнили. В этом направлении танки не прошли.

Бой местного значения

16 марта 1945 года наш полк, усиленный одной стрелковой ротой, вел разведку боем с задачей овладеть населенным пунктом Даллвенен. Рота старшего

лейтенанта Бушуева В. в 18.50 поднялась в атаку. Противник открыл с левого фланга губительный огонь из пулеметов, гранатометов и автоматов и воспрепятствовал дальнейшему продвижению роты. Рота отошла на исходное положение.

В 20.00 рота в сопровождении 76-мм орудия прямой наводки снова пошла в атаку и, овладев несколькими домами, снова залегла перед ДОТом с тремя амбразурами, в которых были установлены пулеметы. Стрельба орудия результатов не дала. Стало темнеть. Я получил приказ: с наступлением темноты ДОТ взорвать. И если честно говорить, я сам напросился на эту задачу. Подготовка к выполнению задачи много времени не заняла. Нашли три противотанковые мины, у связистов взяли катушку телефонного кабеля, положили в карман три 200 мм гвоздя.

Доложили полковому инженеру капитану Лебедеву Леониду Семеновичу о готовности к выполнению поставленной задачи. Он сказал: «Давай начинай».

Отобрал трех саперов (Грома, Тимофеева, Изакова), которым в деталях рассказал порядок выполнения задачи, условные сигналы на выдвижение к ДОТу и отход, а также действия каждого при выполнении задачи. Особое внимание обратил на скрытность выдвижения, т.к. немцы стали запускать осветительные ракеты.

Чтобы выполнить задачу, нам надо было проползти к ДОТу более 300 метров. Первые 100 метров мы прошли, согнувшись, ложась на землю при запуске ракет. Остальные 200 метров ползли по-пластунски, слившись с землей, затратив на это более двух часов. К ДОТу

*Кочерыгин Д.И. (второй слева) 1945 г.
Лаунбург (Лемберг) Польша.*

подползли далеко за полночь. Каждый сапер был вооружен карабином, двумя гранатами и противотанковой миной. Подползая к ДОТу, я хорошо рассмотрел амбразуры и определил, у которой из них заложить мины. ДОТ немного возвышался над прилегающей местностью, что дало нам возможность некоторое время находиться в мертвом пространстве (то есть не обстреливаемом). Я подполз к левой амбразуре и дал сигнал саперам, чтобы подавали мне мины. Положив к краю амбразуры две

мины, на них третью, в которую вставил взрыватель, а к чеке взрывателя привязал телефонный кабель, предварительно вытравив метра 3, дал сигнал саперам на отход. Отполз от амбразуры метров 5, воткнул 200 мм гвоздь в землю с наклоном в сторону отхода и намотал на него телефонный провод. Травление и намотка провода на гвоздь обеспечивали нам безопасность, исключая преждевременный взрыв. Отходили мы очень быстро и, в основном, согнувшись. На расстоянии примерно 200 м от ДОТа я лег на землю и стал тянуть провод на себя. Почувствовал гвоздь, выдернул его, начал выбирать запас провода. Раздался оглушительный взрыв. Меня ударило воздушной волной. Через некоторое

время в разрушенный ДОТ ворвались пехотинцы, где обнаружили 8 трупов и 4 живых немца, которые были все в перьях от своих подушек.

Утром во взвод нагрянули корреспонденты и стали меня пытаться: Как, что? Я ответил на их вопросы, как смог, а в газетах много напутали. Особенно много неточностей было в дивизионной газете «В атаку» за 18 марта 1945г.

В этот же день приказом командира 90 стрелкового корпуса нам вручили ордена: мне — орден «Отечественной войны» II степени, моим саперам Грому, Тимофееву и Изакову вручили каждому орден «Красной Звезды». Выполнение этой задачи было почти с нулевым выживанием. Но нам повезло. А вообще говоря, за каждым активным участником боевых действий та самая ходит рядом.

Всем воинам, проявившим мужество и отвагу по захвату опорного пункта немцев Даллвенен, командир дивизии Красновский С.А. объявил благодарность, в т.ч. полковому инженеру капитану Лебедеву Л.С., мне и моим саперам.

Штурм Кенигсберга

С 25 марта 1945 года части 70 стрелковой Верхнеднепровской ордена Суворова II степени дивизии начали усиленную подготовку к прорыву Кенигсбергского укрепленного района и к штурму города-крепости Кенигсберг. Укрепления Кенигсберга состояли из 3 рубежей. Первый рубеж, оборудованный в 6–8 километрах от центра города, имел 15 старинных, необычайно прочных фортов. Между фортами построены ДОТы и другие железобетонные оборонительные сооружения. Все это было связано несколькими линиями траншей. Подступы к первому рубежу прикрывались системой противотанковых и противопехотных заграждений: противотанковым рвом, минными полями и проволочными заграждениями.

Второй оборонительный рубеж проходил по окраинам города. Основой его являлись особо прочные, приспособленные к обороне каменные здания, баррикады и ДОТы. Он усиливался также многочисленными ирригационными каналами.

Третий рубеж опоясывал центральную часть старого города и включал в себя наиболее мощные, приспособленные к обороне каменные постройки.

70 с.д. входила в состав 90 стрелкового корпуса 43 армии.

29 марта 68 с.п. совершил марш из района сосредоточения дивизии в район Тренка и 31 марта принял оборону на рубеже юго-восточнее Транквитца в полосе наступления дивизии.

6 апреля в 10:00 началась общая двухчасовая артподготовка. Тысячи орудий и минометов создали невообразимый грохот. Земля корчилась, как при землетрясении. В 12:00 начался штурм.

Мой саперный взвод был придан танковому батальону, который поддерживал наш полк, танки НПП (Непосредственной поддержки пехоты). В каждую танковую роту я направил отделение саперов. Все саперы сели на танки, в том числе и я. Проходя свою первую траншею, за танками пошла и пехота. Мои саперы выполняли самую опасную задачу из всех наступающих войск. Мы были под ураганным огнем артиллерии, минометов и ружейно-пулеметным. Спустя несколько минут один танк подорвался на противотанковой мине. Саперы сошли с брони, где «собирали» все пули и осколки, и начали проделывать проходы под огнем противника. Танки и пехота прикрывали работу саперов.

Продлав проходы, танки и пехота двинулись вперед. Продвигались медленно, т.к. противник вел сильный огонь из всех видов оружия. Несколько танков и самоходных орудий были подбиты. Появились убитые и раненые в пехоте. Авиация до 14–15 часов не «работала», так как был сильный туман, она начала прикрывать наши войска и наносить ощутимые удары по противнику только после 15 часов. Скорость наступающих войск немного увеличилась. К вечеру подразделения полка продвинулись километра на три. Отдельные атаки и контратаки проходили и ночью.

С наступлением темноты мы, саперы, проделывали проходы в минных полях и проволочных заграждениях.

Упорные бои продолжались 7, 8 и 9 апреля. Иногда за сутки подразделения полка продвигались с боем всего на несколько сот метров. Мой взвод все время находился в боевых порядках полка и выполнил огромную работу по инженерному обеспечению в продвижении подразделений полка при штурме Кенигсберга.

9 апреля гарнизон Кенигсберга капитулировал. Весь город лежал в руинах. Наша дивизия, в том числе и мой стрелковый полк, продолжали наступление в западном направлении вдоль шоссеиной дороги Кенигсберг — Фишхаузен и Кенигсбергского морского канала.

Противник отчаянно сопротивлялся, часто контратаковал с применением огнеметов. Бои мы закончили на Земландском полуострове 17 апреля 1945 г. взятием населенного пункта Неплекен и пленением нескольких тысяч немцев, о чем мною написано в воспоминаниях далее.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 17 мая 1945 г. родному 68 с.п. присвоено почетное наименование «Кенигсбергский».

Считаю божественным чудом, что мой взвод в этих кровопролитных боях не понес существенных потерь — только два человека были ранены.

Спустя десятилетия большая группа ветеранов 70 с.д. посетила эти места, прошла пешком весь путь от исходного положения до окраины города Кенигсберга, а затем на автобусе проехала до центра города, где осмотрела КП генерала Отто Лаша, командовавшего немецкими войсками.

Комендант Кенигсберга генерал Отто Лаш заявил: «Никак нельзя было предполагать, что такая крепость, как Кенигсберг, столь быстро падет. Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию».

До сих пор сохранился командный пункт командующего 43 Армии генерала армии Белобородова А.П. и большинство фортов.

Курьезный случай

Я часто вспоминаю об одном курьезном случае, который имел место в боевых порядках 68 с.п.

Не могу сказать, с какой целью командир 68 с.п. полковник Оноиченко П.Н. выдвинул свой КП на передний край при наступлении на населенный пункт Неплекен, т.к. впереди наших подразделений не было, а это противоречит логике и тактическим правилам ведения наступательного боя.

16 апреля 1945 года, примерно в 13 часов, группа солдат и офицеров во главе с командиром полка подошла вплотную к Кенигсбергскому обводному каналу. В этой группе находились, кроме командира полка, его заместитель по

*Кочерыгин Д.И. (стоит слева) декабрь 1942 г.
Участники самодеятельности. с. Каверино,
Рязанская область.*

политчасти подполковник Бержанский с ординарцем, начальник разведки полка капитан Харченко, с ним около 8-ми разведчиков, полковой инженер капитан Лебедев, я с пятью саперами и 4—5 связистов. Пехотинцев с нами не было.

Мои саперы сделали два перехода через канал.

Командир полка решил этой группой взять Неплекен. Набралось человек 15. Все было готово к атаке, и вдруг слева мчится бронетранспортер со скоростью порядка 30км/ч. Шел он по проселочной дороге вдоль канала. Часть наших

солдат и офицеров располагалась на дороге, так как она примыкала к каналу. Я лежал рядом с полковым инженером и вел деловой разговор, касающийся атаки и связи. Мы расположились в редком мелком кустарнике, поэтому движение транспортера заметили только метрах в двадцати.

Транспортер полностью был загружен какими-то вещами, на которых сидело человек 12 немцев, а впереди над кабиной был установлен крупнокалиберный пулемет. Подъезжая к нам, немцы сбросили на нас объемный груз, а может быть, груз сам свалился от тряски. Все прижались к земле, ожидая взрыва. Но взрыва не последовало. Прошло секунд 10—15, капитан Лебедев говорит мне: «Взводный, посмотри, что там?». Груз лежал в метре от меня. Немцы сбросили на нас рюкзак, в котором были личные вещи солдата и десятка два плиток шоколада.

Через несколько минут у всех прошел шок. Никто из нас не применил личного оружия, да и немцы в нас не стреляли. Мы их сопровождали глазами, не понимая происходящее. Командир полка дал команду артиллеристам на его уничтожение. Они сделали несколько выстрелов, но не поразили его. Бронетранспортер в километре от нас пересек канал и ушел в лес.

Если бы Лебедев не поднял мгновенно ноги, то транспортер бы проехал по ним. Мы часто при встрече вспоминали этот случай.

Минут через 15 после этого казуса «Катюши» дали залп по Неплекену. Заместитель командира полка по политчасти дал команду: «Встать! Вперед, в атаку!». Мы все дружно встали и пошли вперед, изредка стреляя на ходу. Немцы открыли по нашей цепи ружейно-пулеметный огонь. Мы продолжали

Кочерыгин Д.И. в первом ряду, второй справа

движение. Пройдя метров 50, замполит крикнул мне: «Командуй!». В этой цепи офицер был только я. К этому мне не привыкать. На Курской дуге в 1943 году в звании сержанта я три дня командовал ротой.

Вскоре немцы прекратили огонь и стали выходить на окраину Неплекена без оружия и с поднятыми руками. Потерь среди нас не было.

От нашего исходного рубежа до Неплекена было более 300 метров чистого поля. Захватив первые дома, я поставил группам задачу на продвижение по улице с осмотром каждого дома.

К 17 часам в Неплекен пришел командир полка с остальными офицерами, которые оставались на исходном рубеже.

В полночь разведчики и саперы под руководством своих начальников покинули Неплекен и двинулись по лесной грунтовой дороге к берегу залива Фришграфф. Приблизительно через час мы вышли на большую поляну, увидели идущих к нам навстречу трех человек. Вся наша группа вскинула личное оружие. Было темно, но силуэты немцев были видны. Один из немцев на ломаном русском языке сказал: «Не стреляйте! Плен! Плен!». Мы увидели двух офицеров, причем оба были с пистолетами и один солдат без оружия. Офицер сказал, что в бункерах много раненых и много солдат и офицеров, сложивших оружие.

Мы осмотрели бункера. В каждом из них было по несколько сотен человек, сидящих и лежащих на полу. Горели свечи и какие-то фонари. Стоял

тяжелый смрад. Никаких команд не подавалось. У немцев был ужасающий покаянный вид.

Начальник разведки полка капитан Харченко, как я тогда определил, назначил себя в нашей группе старшим, сказал немецкому офицеру, сопровождающему нас: «Из бункеров не выходить до особого распоряжения». Один из разведчиков перевел эти указания на немецкий язык.

Вокруг бункеров и в лесу мы увидели большое скопление автотранспорта и боевой техники, брошенной подчас с включенными фарами, а то и с работающими двигателями. Нашли и «свой» бронетранспортер.

С рассветом началась невообразимая стрельба на берегу Балтийского моря из всех видов оружия. Я попросил разрешения у полкового инженера пойти к берегу моря и узнать цель стрельбы. Он дал добро.

Я с ординарцем вышел на берег залива Фришгафф и увидел, что вся акватория залива усеяна плывущими от берега фашистами. Они плыли, кто на чем, к косе Фриш-Нерунг, в поиске спасения от смерти и плена. Но немногие доплыли до косы.

На большой территории у берега залива было много складских помещений, в которых находилось продовольствие, военное обмундирование, белье, был даже склад музыкальных инструментов, из которого я изъяс аккордеон.

В 10 часов утра начался вывод военнопленных из бункеров. Был создан небольшой коридор из наших солдат и офицеров, по которому двигались организованные группы немцев. По этому коридору прошло около пяти тысяч немецких военнопленных.

Командир 68 с.п. полковник Онойченко П.Н., сидя высоко на своей бричке, контролировал ход движения пленных. О чем он думал в это время, сложно сказать. Знаю только одно, что такая масса пленных нам, солдатам и офицерам, говорила о том, что до Победы недалеко. Видимо, об этом думал и командир полка, бывший преподаватель тактики Южно-Уральского пехотного училища, в котором я изучал азы военного дела.

На этом для нас закончились кровопролитные бои.

ЛЕБЕДЕВ ЛЕОНИД СЕМЕНОВИЧ

Полковник Лебедев Леонид Семенович — основатель Музея Боевой славы 70 стрелковой Верхнеднепровской ордена Суворова II степени дивизии в средней школе №2 города Московский Ленинского района Московской области.

Родился 23 января 1923 года в селе Износково Курской области в семье рабочего-железнодорожника.

Его отец, Лебедев Семен Дмитриевич 1889 года рождения, до Октябрьской революции работал рядовым рабочим на железной дороге, затем инженер-капитаном железнодорожного транспорта. Свой трудовой путь закончил начальником материального снабжения Львовского отделения Московской железной дороги. Был членом ВКП(б). За безупречную долголетнюю службу

Лебедев Л.С. с родственниками

на железнодорожном транспорте был награжден орденом Ленина.

У Леонида Семеновича были брат и сестра. Среднее образование он получил в июне 1941 года, окончил специальную школу ВВС в городе Курске. 22 июня 1941 года началась война, и он, как и многие его друзья, был призван в Красную Армию. Затем был направлен курским городским военкоматом в город Симферополь в авиационную школу пилотов. В августе этого же года авиационная школа переехала в город Ртищево Саратовской области. В этой школе Леонид Семенович проучился до января 1942г. Так как в январе 1942г. вышел приказ министра вооруженных сил СССР о расформировании авиационной школы, то его направили учиться в город Златоуст в инженерное училище. В июне он был переведен в Мичуринское Военно-инженерное училище в городе Новосибирске, которое закончил в апреле 1943г. с присвоением звания младшего лейтенанта.

После этого он был направлен на Западный фронт в 70 с.д., в 64 о.с.б. на должность командира разведывательного взвода. С этого момента начался боевой путь Лебедева Леонида Семеновича.

На войне саперы всегда впереди, разминируют и минируют, ползая на животе под огнем врага, делают проходы в проволочных заграждениях, ищут броды, строят мосты и наводят переправы для прохода боевой техники.

Первым боевым орденом Леонид Семенович был награжден при освобождении Белоруссии. Об этом подвиге 8-го октября

1943г было написано в дивизионной газете «В атаку». Немцы заняли оборону на правом берегу реки Проня. Саперам 64 отдельного саперного батальона (командир — майор Шашлов Иван Федорович) была поставлена задача разведать броды и навести мост через реку. Задача усложнялась тем, что левый берег был болотистым и хорошо просматривался противником. Разведчики-саперы под командованием младшего лейтенанта Лебедева взялись за выполнение боевой задачи. Перед самым носом у врага, в болоте, мокрые по шею, орудовали саперы две ночи, не зная ни сна, ни отдыха. Отлично действовали комсомолец Хорышев, боец Кошлаков. Им подавали пример коммунисты сержанты

Карапуз и Бушуев. Саперы отлично выполнили боевую задачу и проложили путь нашим стрелкам на правый берег реки. («В атаку», 8.10.43). Младший лейтенант Лебедев Л.С. за этот подвиг был награжден орденом Красной Звезды.

Осенью 1944г. он был назначен на должность полкового инженера 68 с.п. 70 с.д., и в этой дивизии на этой должности он дошел до конца войны. Воевал на Западном фронте, 2 Белорусском, 1 Прибалтийском. От Калуги до Кенигсберга прошел с боями Леонид Семенович.

На боевом счету его саперного взвода тысячи обезвреженных мин, десятки построенных переправ, участие в разведывательных операциях в тылу врага. В боях за освобождение Белоруссии, Прибалтики, за форсирование Днепра, Вислы, Немана он получил боевые награды: два ордена «Отечественной войны» II степени, два ордена «Красная Звезда», медали: «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией», за освобождение Польши был награжден польской медалью.

Победу он встретил в Польше. Здесь нашел свою любовь — молодую польскую девушку Гелену.

Около сорока лет отдал Леонид Семенович армии. На протяжении всей службы в рядах Советской Армии работал на руководящих должностях в Главном управлении специального строительства Министерства Обороны СССР. За заслуги в области строительства военных объектов был неоднократно отмечен и награжден правительством. 17 сентября 1973г. указом президиума Верховного Совета РСФСР «О присвоении почетного звания Заслуженного строителя РСФСР работникам военных строительных организаций» ему было присвоено звание «Заслуженного строителя РСФСР».

Уйдя в отставку, Леонид Семенович не мог сидеть без активной работы. В 1979г. стал преподавать военное дело в школе №2 поселка Московский, где создал Музей Боевой славы 70 Верхнеднепровской стрелковой дивизии. Им был собран большой материал о ветеранах дивизии. 8 мая 1981г. музей был торжественно открыт. Благодаря усилиям Леонида Семеновича, на открытие музея приехало около трехсот ветеранов дивизии со всего Советского Союза.

Каждый год в День Победы и в День защитника Отечества в музей съезжаются ветераны. Они встречаются с учителями и учениками школы, вспоминают тяжелые будни войны, с благодарностью вспоминают своего боевого друга, который посвятил часть своей жизни и вложил душу в создание музея.

*Лебедевы Л.С. и Х.М. (справа)
после войны в Северном гарнизоне.*

ЛИТОВЧЕНКО ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ

О солдатском коллективе

Жизнь каждого из нас проходит в различных коллективах. Так и моя жизнь: сначала коллектив учеников школы, потом студентов.

Началась война, я оказался в коллективе колхозников Таловской сельхозартели Воронежской области, потом в коллективе солдат. В каждом из этих коллективов свои законы, свои требования к его членам.

Коллектив солдат, конечно, самый своеобразный. Формальные отношения между его членами определяются воинской дисциплиной — субординацией, но над неформальными отношениями законы субординации не властны, как это правильно считает современная психология.

В соответствии с этими законами в любом коллективе третируются те, кто чем-то отличается от всех. В сказке Андерсена гадкого утенка все клюют только за то, что он не такой, как все. Точно так же в солдатском обществе презирали и всячески обижали тех, кто не похож на других. Такие становились, как правило, объектом издевательств, различных солдатских шуток, порой весьма жестоких.

В химвзводе 68 с.п. был солдат Батхан, родом из Белоруссии, перед войной он учился в Московском Авиационном институте. Батхан отличался от всех своей интеллигентностью. Он разговаривал со всеми подчеркнуто культурно и вежливо, как в великосветском салоне. В грубой фронтовой обстановке это выглядело крайним диссонансом, и поэтому с самого начала его появления во взводе он стал служить объектом насмешек и издевательств. Солдаты насмеялись над ним еще и за то, что он всегда при первой же возможности уединялся и что-то писал в записной книжке. Я был единственным человеком во взводе, который разговаривал с ним без насмешек. Мы оба были недоучившимися студентами, поэтому он был со мной откровенным и показал, что он в записной книжке решает интегралы. Еще когда его призывали, он выписал себе несколько сотен интегралов и стал их решать на фронте, чтобы не забыть математику, так как был твердо уверен, что он будет продолжать учебу в МАИ. Я убедил его в том, что это чепуха, остались бы головы целыми, а в интегралах мы разберемся. Судьба распорядилась так, что моя голова осталась цела и ей пришлось разбираться в интегралах, а он вскоре после этого погиб.

Своеобразие солдатского коллектива состоит в том, что в нем все взаимоотношения выражаются в острой откровенной форме. Если уж кого презирают, то очень глубоко, и никто этого не скрывает, и выражают это презрение по любому поводу. И наоборот, если кого уважают, то это уважение безгранично и тоже выражается по всякому поводу.

В солдатском коллективе неожиданно для себя я стал уважаемым и авторитетным человеком. Ко мне обращались в таком роде: «Ну ты, самый честный человек в роте, скажи...», и дальше мне предлагался для решения какой-либо конфликтный вопрос солдатской жизни, требующий высокого уровня совести. Конечно, для выступления в роли арбитра, кроме совести, требуется еще и жизненный опыт, а его-то тогда у меня и не было.

Или еще такой пример. Однажды нам надо было участвовать в ночной операции — отвлечь внимание противника от группы разведчиков, которая шла в ночной поиск за языком. Задание опасное. И вот перед операцией сержант Пешков пошел к командиру роты и попросил, чтобы его послали вместо меня. Мне же он сказал: «Ты молодой, честный и умный, и ты должен жить. А я старик, свое уже пожил». К счастью, все обошлось благополучно. Были еще такие случаи, когда я замечал, что меня оберегают. Может быть, поэтому я и остался жив.

И еще я хотел вспомнить о солдатской дружбе. Как позже оказалось, в мирной жизни мне не встретились больше друзья столь верные и преданные, как те, что были у меня на фронте. Конечно, друзья были, но это в основном люди, которым дружить со мной было выгодно, которые эксплуатировали мой мозг и мое трудолюбие. Солдатская дружба совершенно свободна от всяких меркантильных соображений, поэтому она чиста и возвышенна. У меня было много друзей, и я вспоминаю их с большой теплотой. К сожалению, я был тогда настолько глуп, что, расставаясь с ними, не записал их адреса, поэтому эта дружба осталась без продолжения в мирное время.

В 68 с.п. самым лучшим моим другом был башкир из Оренбургской области Ултанов Захар Усманович. Был он моего возраста, перед войной окончил среднюю школу, поэтому еще не имел специальности. Подружились мы с ним еще в запасном полку и с тех пор всегда были вместе. Вместе ехали из Татищево в Калугу, вместе попали в 68 полк во взвод химзащиты, вместе шли во всех походах и участвовали во всех боях. Если спим, то рядом, если тащим бревно, то я — за один конец, а он — за другой. Меня привлекала в нем почти тождественная мне психологическая организация: в любой ситуации я мог прогнозировать его действия так же, как и он мои. Ко всем явлениям окружающей жизни мы относились практически одинаково, поэтому никогда ни о чем не спорили. С таким другом все тяготы фронтовой жизни переносились гораздо легче, во всем на него можно было положиться, как на самого себя.

Еще был у меня друг — смуглый красавец туркмен Алиев. Если такого одеть в бурку и папаху да посадить на коня, все женщины упадут в обморок. Был он тоже моих лет и тоже только окончил среднюю школу, но он воспитывался в очень культурной семье и с детства усвоил эту культуру. Причем его довольно высокий интеллект и его культура имели ярко выраженный не русский характер, а чисто восточный, арабо-персидский. Поэтому его подход к явлениям окружающей жизни для меня был совершенно неожиданным и непредсказуемым, чем он меня и привлекал. Как и полагается сыну востока, был он весьма горд и скрытен, поэтому наша дружба не была столь близкой, как с Ултановым. Ултанов для меня был совершенно прозрачным, а этот — сфинкс, душа которого скрыта. Тем не менее, это был друг, и я знал, что в критической ситуации на него вполне можно было положиться.

Я уже упоминал сержанта Пешкова. Он был гораздо старше меня, самый пожилой в роте. Он был командиром отделения химразведки, моим непосредственным командиром. Но командирского в нем было очень мало, ко всем своим подчиненным он относился отечески. Мне он особо покровительствовал, а я его выручал по части специальных знаний по химподготовке, в которых он был несилён.

Боевые марши

Когда формирование дивизии закончилось и командующий армией генерал Крылов Н.И. вручил полку боевое знамя, для нас наступила жизнь в движении. Полк все время перемещался и больше суток на одном месте, кажется, ни разу не стоял. Шли только ночью, а на день останавливались где-нибудь в лесу, считалось, что для отдыха. Для кого, может быть, был и отдых, для нас, солдат, его не было; мы весь день копали землю. Надо было отрыть укрытия для людей, для лошадей, для повозок и прочего имущества. Земля в большинстве случаев была сухая глина со щебнем, копать которую было очень тяжело. Тем более тяжело, что от слабой кормежки физические силы наши были очень слабы. А самая главная трудность — совершенно никудышные лопаты. Наши саперные лопаты — и большая, и малая — изготавливались из очень мягкого металла, копать ими твердую глину со щебнем было адским мучением. Когда начались бои, каждый старался любой ценой достать немецкую лопату. Из всей экипировки немецкого солдата самое совершенное — это лопата.

И вот в силу всех этих причин работа шла очень медленно, мы заканчивали копать все то, что от нас требовали, только к вечеру и сразу же после этого выступали в следующий ночной переход. Утром останавливались на новом месте и начинали снова копать. Так и шло: всю ночь шагаем — весь день копаем, а спать совершенно некогда.

Когда полк вступил в бои, положение не изменилось к лучшему. Весь день мы что-нибудь строим (чаще всего НП командиру полка), а на ночь, если нет передвижения, нас выставляют в боевое охранение впереди какого-либо батальона, чтобы дать отдохнуть солдатам-стрелкам, которые весь день вели бой.

Конечно, шагать всю ночь — это хуже, чем в боевом охранении. Вообще-то я еще до войны был привычен много ходить, но то, что пришлось вышагать на войне, — это превыше всяких человеческих возможностей. По моим приблизительным подсчетам, только по территории Смоленской области я прошагал больше тысячи километров.

Осенью 1943 года после форсирования реки Десна мы шагали без остановки четверо суток подряд. Утром на полчаса привал и вечером на полчаса привал, все остальное время — шагай. Конечно же, без сна и без пищи, так как тылы, как всегда, сразу же отставали. Сколько километров мы прошли за этот переход, я не знаю, но под конец все были в таком состоянии, что если сел, то сам уже не встанешь. Поэтому при кратковременных остановках привалишься к дереву или чему другому, что есть поблизости, и стоишь.

Шагать, конечно, было очень тяжело, но все же это не самое страшное. Самым страшным, по всеобщему признанию солдат, было то, что некогда было спать. Сутки проходят за сутками, а заснуть не приходится. Происходят существенные изменения в психике, человек становится как бревно.

В голове — постоянная тупая боль, в чувствах — полнейшее безразличие ко всему. Стреляют, убивают, кто-то гибнет — тебе это все абсолютно безразлично. Собственная жизнь тоже безразлична. Постоянно наблюдая смерть других, привыкаешь к неизбежности собственной смерти и воспринимаешь это как неотвратимость, и относишься к этому совершенно спокойно. Если побудешь неделю без сна, то вообще в человеке мало остается человеческого. В любую минуту, если никуда не надо идти и ничего не надо делать, мгновенно засыпаешь, причем не важно, в каком положении — лежа, стоя, сидя — все равно спишь. Но таких минут было очень мало.

Однако способность человеческого организма к адаптации беспредельна, и скоро солдаты приспособились. Они изобрели способ спать на ходу. Как только вечером полк начинает вытягиваться в походную колонну, каждый из нас спешит захватить место за повозкой. Если успел захватить, значит повезло. Берешься обеими руками за задок повозки и не отрываешься от нее всю ночь. И всю ночь спишь. Повозка останавливается — и ты останавливаешься, но не просыпаешься. Повозка пошла — и ты пошел, но все это во сне. Пройдешь за ночь километров 30–40 и выспишься. Всем мест за повозками не хватало. Если не успел захватить, тогда худо. И все равно засыпаешь, но при каждой остановке или натыкаешься на переднего, или задний на тебя натыкается, или выходишь из колонны в сторону. В любом из этих случаев — просыпаешься. И снова, только заснул — просыпаешься. И так мучаешься всю ночь.

Несколько добрых слов нужно сказать о большой группе тружеников войны — лошадях. На второй или на третий день после того, как мы прибыли в 68 с.п., большую группу солдат послали на железнодорожную станцию в Калугу получать для полка лошадей. Тогда говорили, что лошади прибыли из Монголии. При первом же взгляде на них многие солдаты стали высказывать глубочайшее презрение к ним. Что это за лошади и как на них воевать? Маленькие, невзрачные, все одинаковой какой-то неопределенной мышинной масти. И вообще не лошади, а черт знает что!

Однако почти сразу же отношение к ним стало меняться. Прежде всего выяснилось, что эти лошади удивительно смирные. Каждому солдату дали по одной лошади, все стали садиться верхом и ехали в полк, это что-то около десяти километров. Мне тоже дали лошадь. Она совершенно спокойно и равнодушно перенесла мои неуклюжие попытки взобраться на нее, в конце концов я все-таки влез на нее и поехал. А так как до этого я ни разу в жизни на лошади не сидел, то легко догадаться, чем это кончилось. Скоро я должен был с нее слезть и, раскорячившись, пойти пешком, а лошадь вести на поводу. Через некоторое время кто-то из солдат лошадь у меня забрал, и я добирался в расположение полка сам, без лошади.

Все достоинства этих лошадей, их выносливость и неприхотливость солдаты оценили только в боях. Оказалось, что эти монгольские лошади как нельзя лучше пришлись под стать русскому солдату. Лошади, как и солдаты, бывали сытыми только иногда, но тянули лямку свою всегда и почти всегда на пределе лошадиных и человеческих возможностей, а часто и сверх этого предела.

Тянули повозки, на которые грузили не столько, сколько они могут увезти, а столько, сколько было надо. Тянули пушки и все, что надо было тянуть.

Тянули по всяким дорогам, а если нужно, то и без дорог по полям, лесам, оврагам, болотам. Точно так же и солдат тянул все, что надо было тянуть, с той лишь разницей, что лошади тянули молча, а солдат мог вдоволь ругаться матом. Случалось, лошади безропотно переносили побои и издевательства со стороны сволочей, которые иногда попадались среди солдат-ездовых.

Когда лошадям оказывалось вытянуть не под силу, тогда рядом с ними впрягались солдаты и уже вместе вытягивали всегда. Случалось, лошади, как и солдаты, безропотно погибали во время бомбежек и артналетов.

Сейчас стало модным писать мемуары. О героизме солдата на войне пишут все, но никто не пишет о героизме лошади на войне. Академик Павлов поставил памятник собаке за ее вклад в науку. Было бы справедливо поставить памятник лошади за ее вклад в Победу.

В июле 1943 года я чуть не попал в штрафную роту. А было это так. Дивизия непрерывно перемещалась и приближалась к линии фронта. После очередного ночного марша наш полк остановился на день в лесу. Было приказано от каждого подразделения выставить посты на опушке леса. От нашего взвода надо было выставить один пост. Сержант Афанасьев назначил меня часовым на этот пост. Он отвел меня на опушку, указал место под кустом и ушел. Я быстро выкопал себе удобный окопчик, расположился в нем и стал обозревать окрестности. Впереди меня простирался широкий луг, покрытый сочной зеленой травой и редкими кустами, а вдаль виднелась опушка другого леса. Уже рассвело, в наиболее низких местах луга стали видны отдельные островки молочно-белого тумана, а над ним парили верхушки кустов. Проснулись птицы, их на опушке оказалось множество, и они от избытка птичьей радости начали оглушительный концерт. Взошло солнце, туман окончательно растаял, весь луг стал искриться и переливаться солнечными лучами в каплях росы. Вся эта красота природы порой полностью овладевала моим сознанием, однако периодически сквозь нее прорывалось более сильное ощущение — чувство голода. Я ведь всю ночь шагал, а поел рано вечером. Это было так давно. За моей спиной лес был полон различных звуков и говора: солдаты, как всегда, копали землю, рыли щели для людей, укрытия для лошадей. Через несколько часов характер звуков изменился, доминирующим стал звук котелков. Ясно, что кухни сварили завтрак.

Я стал ждать: вот-вот придет смена. Время тянется медленно, солнце поднимается высоко. Стало жарко. Полк уже давно позавтракал, в лесу стало тихо, а смены все нет. Возникла мысль: «Очевидно, обо мне забыли». Уйти с поста я не имел права и поэтому настроился на длительное ожидание.

И вдруг я мгновенно уснул. Сон возник стремительно, совершенно неожиданно, я как будто провалился в черную яму. Сколько я спал, не знаю. Во сне возникло чувство тревоги. Я еще не проснулся, но уже знал: случилась какая-то беда. Открыл глаза — так и есть. Нет винтовки! Вот это да! Я был очень дисциплинированным солдатом, за все время службы я не имел ни единого взыскания. И вдруг такой казус — на посту проспал винтовку! Я знал, что по законам действующей армии мне полагается штрафная рота. Все было настолько неожиданно и нелепо, что я совершенно растерялся. Потом решил: что бы и как бы ни было, надо идти во взвод и докладывать командиру взвода. Дорогой стал размышлять. Если это сделал кто-нибудь из взвода, то еще не все потеряно.

А если это был обход постов на уровне полка и они забрали у меня винтовку, тогда мое дело труба.

Прихожу во взвод и вижу: стоит моя винтовка, прислоненная к шалашу, который солдаты построили для командира взвода и сержанта. Я, недолго думая, сразу же ее схватил. Фу, отлегло... А Трефилов, командир взвода, оказывается, не спал, меня ожидал. Спрашивает из шалаша: «Так где твоя винтовка?» Отвечаю: «Вот у меня в руках!» Он, конечно, долго меня ругал и грозил написать рапорт командиру полка, но я по его тону с самого начала уже догадался, что ничего плохого он мне не сделает. Когда эта процедура кончилась, сержант Афанасьев сказал: «Найди Барышникова и поставь его на пост вместо себя!»

Из этой истории я все же сделал некоторые выводы. Впредь всякий раз, когда на посту или в боевом охранении я чувствовал, что могу уснуть, я ставил винтовку между колен, прислонял к плечу и ремень наматывал на руку, а руки сцеплял на животе. Один раз это устройство сработало. Однажды расположение полка окружили на ночь густой цепью постов. Я тоже туда попал. Мне указали место возле дороги, я выкопал неглубокую ямку, сел в нее и накрылся плащ-палаткой, потому что было холодно и шел мелкий дождь. Так как перед этим я несколько суток не спал, то, конечно же, быстро уснул. Поздно ночью кто-то из полка проверял посты, подошел ко мне сзади и начал потихоньку тянуть винтовку за ствол. При этом он ремнем потянул и мою руку, я сразу же проснулся, но виду не показываю, а так спокойненько говорю: «А что будет, если я нечаянно нажму на спусковой крючок?» Так как ствол был направлен прямо ему в живот, то он сразу сообразил, что от этого будет, и, не говоря ни слова, быстро ушел.

Первые бои

Когда полк вступил в бои, командир полка держал наш взвод при себе в качестве резерва и для охраны НП. На второй день нас послали ночью пройти по всем местам, где днем наступал полк, и собрать брошенные пулеметы. Два дня полк вел тяжелейшие бои за деревню Соболи, понес огромные потери, но прорвать оборону не смог. Во главе с командиром взвода мы лазили по нейтралке, несколько раз нарывались на немцев. Немцы сразу же кидают осветительную ракету вверх в воздух. Пока ракета летит вверх, мы успевали упасть на землю и вжаться в нее. Собрали мы все бесхозные пулеметы, их оказалось не так уж много, и занялись выносом раненых. Раненых оказалось на поле боя очень много, и мы до самого утра носили их. Вдвоем нести раненого на шинели или плащ-палатке тяжело и неудобно. Раненому тоже очень трудно, некоторые не выдерживали, и мы приносили уже трупы.

Перед рассветом командир взвода приказал возвращаться. Отошли от передовой в лесок и обнаружили, что одного солдата нет — Барышникова. Так как немцы несколько раз нас обстреливали, то командир взвода решил, что Барышников где-нибудь на нейтралке лежит убитый или раненый, и приказал нам пройти снова по всем тем местам, где мы были ночью, и найти его. С большой осторожностью мы передвигались по нейтралке, но немцы нас обнаружили и взяли двумя пулеметами в такой оборот, что мы еле ноги унесли, по счастливой случайности все уцелели. Вернулись в тот же лесок и доложили командиру, что Барышникова не нашли. Он совсем пал духом: как же ему докладывать о потере солдата. На обратном пути прямо возле дороги под кустом увидели спящего в

окопчике Барышникова. Оказалось, он отстал, еще когда мы шли на передовую, залез в окоп и всю ночь проспал там. Солдаты, конечно, разъярились и хотели взять его в кулаки, но командир взвода не дал его бить.

Первый раз я попал на передовую где-то в районе Спас-Деменска. Передовая была в редком молодом лесу, заросшем кустарником. Совершенно нет обзора, кругом одни кусты. Немцы близко, их хорошо слышно, но не видно. Мы окопались, но нас сильно растянули, соседей ни справа, ни слева не видно. Возникло ощущение полного одиночества и сильного страха. Стало казаться, что вот-вот из-за куста выскочат немцы, схватят и поволокут в плен. Не страшно, если убьют, но очень страшно попасть в плен. Однако через несколько часов все это прошло. Я стал очень внимательно наблюдать за лесом в направлении немцев. Немцы совсем близко, они что-то кричат, чем-то гремят, что-то таскают, все очень хорошо слышно, хотя и не видно. И вдруг совсем близко от меня, метрах в пятидесяти, слышу удары топора, и с каждым ударом вздрагивает вершина березки, которую мне видно выше кустов. У меня под носом немец рубит березку! Прицелился по этой вершине, взял возле самой поверхности земли и запустил из своей СВТ очередь на весь магазин. Немец заорал, значит, я его ранил. У немцев поднялся крик, шум, открыли огонь в нашу сторону. Солдаты нашего взвода также стали стрелять. Перестрелка, которую я начал, продолжалась довольно долго. (Между прочим, эти мои первые в жизни выстрелы по немцам оказались единственными за всю войну результативными выстрелами — я ранил немца. После этого я выпустил по немцам тысячи пуль из СВТ, из ППШ, из «Дегтярева», из трофейного МГ-34, но результаты этой стрельбы видеть не приходилось, скорее всего, этих результатов просто не было). Потом перестрелка стихла, и немцы начали рубить деревья во многих местах. Мы снова дружно стали открывать огонь по каждому звуку топора. Позже к немцам прямо на передовую приехала автомашина, и они начали сгружать что-то тяжелое, по звуку мы определили — колючую проволоку. Мы открыли бешеный огонь в этом направлении, моя СВТ работала как часы, и я выпускал магазин за магазином, так как у меня в вещмешке заряженных магазинов было много. Немцы снова подняли крик, а потом затихли, разгрузка прекратилась. Снова наступила тишина. Минут через 15–20 в этой тишине слышим: где-то далеко за немецкой передовой подряд три выстрела из тяжелых пушек. Слышу нарастающий по частоте вой приближающихся тяжелых снарядов, по звуку калибр не менее 152-мм. Звук на высокой ноте резко обрывается, значит, упадут где-то рядом. Мгновенно оказываюсь на дне щели и вслед за этим слышу один за другим три тяжелых взрыва: один слева позади, другой справа позади, а третий тоже сзади, но совсем близко от моей щели. Меня забросало комьями земли от взрыва. Это возымело на нас очень сильное воздействие, мы поняли, что с этим шутки плохи, и стрелять перестали. Немцы разгрузили машину, она уехала, потом пришла еще одна, потом по всей передовой начался шум и гам — немцы забивали колья, таскали проволоку, строили проволочное ограждение. Мы не стреляли и им не мешали. Потом, когда стемнело, к немцам приехала кухня и они загремели котелками. Мы не стреляли, но завидовали немцам, так как нам ужинать не дали.

С наступлением темноты мы перекликались друг с другом, постепенно эти переклички затихли, и мы дружно уснули каждый в своей щели, к большому

неудовольствию сержанта Афанасьева, который бегал от одной щели к другой и, ругаясь матом, тормозил каждого за шиворот.

Утром мой сосед справа, старый солдат, сказал мне: «А ведь это они по тебе били из дальнотойных. Наш огонь мешал им строить проволочное заграждение, а твою СВТ они приняли за пулемет и попросили артиллерию уничтожить пулеметную точку».

Десна

В начале сентября 1943 года дивизия готовилась к наступлению и форсированию реки Десна. Наш взвод отправили на передовую и присоединили к стрелковому батальону. Позади нас была маленькая роща, а впереди необрунное ржаное поле, и в этой ржи — цепь ячеек с солдатами батальона. За этим полем, довольно далеко, на буграх, поросших кустарником, — немцы. Еще когда шли к передовой, то на некотором удалении от нее, в ложбинке, видели батарею тяжелых реактивных снарядов, которые выстреливаются прямо из ящиков. Солдаты расчета этой батареи монтировали наклонные металлические рамы и устанавливали на них ящики со снарядами в четыре этажа. Мы окопались и стали ждать. Обстановка была напряженная, нервная, как перед грозой. Туда и сюда, пригибаясь во ржи, бегают солдаты, передаются различные команды и распоряжения. Немцы ведут довольно частый огонь, в основном минометный. Позади, правее нас в ложбинке — наши минометы, они тоже все время ведут огонь. Все это вместе взятое создает обстановку нарастающего возбуждения, тревожного ожидания, как будто поднимается какая-то волна и поднимает каждого из нас все выше. В высшей своей фазе эта волна выдернет каждого из его ячейки и швырнет всех вперед, навстречу пулям и минам. И пойдешь или побежишь, пренебрегая всеми страхами и опасностями, потому что под воздействием этой волны чувство твоей индивидуальности как-то расплывается, отодвигается на задний план, а доминирующим становится чувство твоей общности со всеми.

Но оказывается, как я это здесь увидел, есть люди, которые, почувствовав нарастание этой волны, реагируют на нее совсем иначе. Вслед за нами пришла какая-то группа солдат и с ними сержант, молодой парень, по внешности еврей. Откуда этот сержант взялся, никогда раньше я его в полку не видел. Они окопались на правом фланге батальона. И вот когда эта тревожная волна поднялась довольно высоко, чувство возбуждения охватило всех, у этого сержанта не выдержали нервы. Он выскочил из своей ячейки и побежал вдоль цепи. Подбежал к лейтенанту, рухнул перед ним на колени и завопил: «Пошлите меня куда-нибудь отсюда, я здесь не могу!» Лейтенант заорал матом: «Марш на место!» и схватился за пистолет. Сержант подхватился и побежал по ржи куда попало. В этот момент прямо перед ним ударила немецкая мина. Трус погибает первым — так говорили нам старые солдаты, и здесь я увидел наглядное подтверждение правильности этих слов.

Финал всей этой истории был весьма печален. Ударил залп реактивных снарядов, они легли за немецкой траншеей. Сказали, что всего будет четыре залпа, после четвертого встать и идти вперед. Второй залп накрыл передовую немцев. Они сразу же прекратили огонь, наступила тишина. Многие наши солдаты уже встали и приготовились идти. Третий залп пришелся по нейтралке, а четвертый — по нам. Это было страшно. В таком аду ни до этого, ни после мне

бывать не приходилось. Причем, страх усугублялся дикостью ситуации — по нам бьют свои. Я лежал на дне своей ямки, по всему телу барабанили комья земли, свистели осколки, и я вдруг, к своему величайшему изумлению, почувствовал дикий голод. В кармане нашел замусоленный огрызок сухаря и стал жевать. И только недавно, читая в журнале статью по психологии, я узнал, что удивляться там было нечего, это, оказывается, нормальная реакция на стресс. Ну а тогда после залпа поднялся большой крик, потери батальона были очень велики.

Однажды за мной охотился немецкий пулеметчик. Меня послали с доставкой в штаб полка, а идти надо было несколько километров. Тропинка, по которой я шел, пересекала поросшую лесом лощинку. За лесом я немцам не виден и поэтому шел спокойно и свободно. Когда лес кончился, тропинка пошла вверх через поле, засеянное горохом. Я полагал, что от передовой отошел уже довольно далеко и немцам не виден. Но как только я вышел из-за леса, услышал свист пуль, а потом звук пулеметной очереди. Я упал и отполз в сторону — в горох. Только поднялся — снова очередь. Снова упал, сорвал стручок — горох оказался очень вкусный. Я стал ползать по полю и есть горох. Долго, не меньше получаса. Думаю — немец обо мне уже давно забыл. Оказывается, не забыл: как только я поднялся — снова очередь. Черт возьми, какой упрямый попался немец! Снова поел гороха, но идти-то надо. Пришлось перебежками преодолевать расстояние около полукилометра. И каждый раз, когда я поднимался, следовала очередь. Немец перестал стрелять только тогда, когда я перевалил через гребень и стал ему не виден. Теперь вспоминаю этот случай каждый раз, когда смотрю по телевидению футбольный или хоккейный матчи с участием команд из ФРГ. Такое же фанатичное железобетонное упрямство в достижении своей цели. Оказывается, это черта немецкого национального характера.

О солдате Панченко

В нашем взводе был солдат Панченко, который всегда имел вид человека, подавленного большим горем. Все дело в том, что он с самого начала, с момента мобилизации, вбил себе в голову, что он домой никогда уже не вернется, что он обязательно погибнет. И он каждый день жил как последний день своей жизни.

В крайне тяжелой ситуации, в которую мы попали в районе Дрибина, Панченко не струсил. Получилось так, что после занятия местечка Дрибин один батальон нашего полка оказался на правом берегу речки Ремиствянка, неподалеку впадающей в реку Проня, в непосредственной близости от немецкой передовой. Только немцы сидели в траншеях, выкопанных на сухом склоне, а мы сидели в болоте между этим склоном и берегом речки. Болото было осушено канавами, в канавах вода, а на гребнях между канавами растет капуста. Вот в этой капусте мы и лежали, окопаться глубже было нельзя, так как выступала вода. Немцам наше присутствие там крайне не нравилось, и поэтому они непрерывно нас контратаковали. Соседний взвод немцы окружили и уничтожили. Положение нашего взвода стало критическим: нас осталось около двадцати человек, и мы оказались отрезанными от речки огнем немецкого пулемета. В этой ситуации старший лейтенант, который нами командовал, послал трех солдат уничтожить немецкий пулемет, который обосновался под печью разрушенной хаты. Солдаты Панченко, Поталов и дивизионный разведчик подползли к пулемету по канаве и забросали его гранатами. Старший лейтенант, хотя и был

ранен, продолжал нами командовать. Он очень толково организовал оборону, поэтому мы выстояли до конца дня. По его распоряжению разведчики днем высмотрели лазейки, по которым ночью всех нас оттуда вывели под самым носом у немцев к берегу реки. Через реку перебрались вброд, и, когда только-только забрезжил рассвет, мы были уже на левом берегу реки и по широкому мокрому лугу пошли к своим.

Панченко признался после, что здесь он был абсолютно уверен, что пришел его последний час, а пулемет пополз уничтожать потому, что понимал, если его не уничтожить, то он всех нас покосит.

Но предчувствие Панченко сбылось. Он прошел всю войну и погиб на охоте в момент своей демобилизации уже после войны.

Оборона в Белоруссии

В конце 1943 года, когда дивизия перешла к обороне, в моей жизни произошли изменения. Они связаны с приказом Ставки, в котором сообщалось о требовании немцев прекратить применение термитных мин к «катюшам» и об их угрозе химической войны. Это расценивалось так, что немцы, возможно, собираются начать химическую войну и ищут подходящий предлог. Поэтому приказом запретили использовать подразделения химзащиты не по назначению, предлагалось доукомплектовать их личным составом и принять меры для повышения их специальной подготовки. Вот этот приказ и изменил нашу жизнь. Раньше мы только формально числились взводом химзащиты, а фактически нас все время использовали или как стрелков, или как саперов. К этому добавилось еще одно обстоятельство: у нас забрали командира взвода старшего лейтенанта Трефилова, а на его место прислали старшего сержанта Зерчанинова. Со старшим сержантом мы конфликтовали. Поэтому по предложению начхима полка Ирмина меня и Глотова в порядке доукомплектования перевели в дивизионную химроту — 36 ОРХЗ. Вот так я оказался в химроте и стал осваивать воинскую специальность «химика-разведчика».

Всю зиму и весну 1944 года дивизия простояла в обороне в Белоруссии. Две линии траншеи, выкопанные в первые дни обороны, к весне выглядели наспех вырытыми канавками. Настоящую оборону стали строить тогда, когда начали готовиться к летнему наступлению. Тогда на несколько километров в глубину землю изрыли траншеями полного профиля, ходами сообщения и другими земляными сооружениями. Конечно, это полностью соответствует суворовскому принципу: «Хочешь наступать — готовься к обороне». Эта подготовка коснулась и химроты: целыми днями мы копали траншеи, а ночами ставили МОФы (минно-огневые фугасы). МОФы мы ставили совместно с дивизионными саперами. Вместе с саперами мы выходили ночью на нейтралку, саперы размечали полосу и указывали нам место каждого фугаса, в этом месте мы копали неглубокую воронкообразную ямку и укладывали в нее 20 бутылок «КС» (Жидкость, которая самовоспламеняется при контакте с воздухом). Саперы в центре ставили противопехотную мину, засыпали землей и маскировали. Полоса строилась так, чтобы атакующий немецкий танк, по какому бы пути ни пошел, обязательно должен наехать хотя бы на один фугас. При этом взрывается мина, взрывом все бутылки выбрасываются веером вверх, о корпус танка они разбиваются, жидкость прилипает к броне (она имеет такое свойство) и воспламеняется, в итоге

танк загорается. Поставили мы этих МОФов много, но немецкие танки по ним не ходили. Позже нам рассказывали, что, когда дивизия пошла в наступление, на один фугас наехала повозка. Ездовой, обрезав построшки, вместе с лошадьми убежал, а повозка успешно сгорела полностью, как и должно быть.

Но это было позже. А тогда нам надо было для каждого фугаса доставить на нейтралку ящик с двадцатью бутылками «КС». Их привозили машинами из армейских складов и выгружали на расстоянии более двух километров от передовой. Подвезти ближе мешали свежерытые траншеи. «КС» — вещь страшная, достаточно малейшего попадания воздуха в бутылку, как она воспламеняется и горит, ее ничем не затушить — ни водой, ни землей. Поэтому для транспортировки каждый ящик засыпался землей, каждая бутылка была изолирована слоем земли от дна ящика и соседних бутылок. Ящик, конечно, становился очень тяжелым. На машине везти можно, а нам надо было нести его на руках более двух километров, да при этом надо перебираться ровно через десять траншей и ходов сообщения (это я подсчитал точно, потому что перебирался через них много раз). Правила категорически запрещают транспортировку ящиков с бутылками без земли, поэтому мы сначала попытались нести их с землей. На расстоянии в несколько десятков метров мы убедились, что это нам совершенно непосильно. Поэтому кто-то проявил инициативу, а все остальные эту инициативу дружно поддержали и стали делать так: бутылки осторожно вынимали из ящика, ящик переворачивали и высыпали землю, бутылки снова ставили в ящик и так несли. Нести вдвоем ящик с двадцатью бутылками совсем легко, но надоедают траншеи. Возле каждой траншеи останавливаемся, один лезет в траншею и осторожно переставляет ящик над головой на другую сторону, другой перепрыгивает, первый вылезает из траншеи и пошли к следующей траншее. Пока добираемся до нейтралки, эту процедуру надо повторить десять раз. Утомительно, но ничего не поделаешь. К этому все приспособились, и конвейер исправно работал каждую ночь.

В одну из ночей я нес ящик в паре с Лагутиным, а метров за сто впереди нас несли ящик Жаворонков и Мотыльков. Мотыльков — человек уже пожилой, родом из Москвы, в гражданке работал в Академии наук СССР, специалист по редким книгам. Так вот этому Мотылькову надоело лазить в траншею и обратно, и он предложил своему напарнику прыгать через траншею вдвоем вместе с ящиком. Несколько раз они прыгнули удачно, а на предпоследней траншее, уже возле передовой, Мотыльков сорвался, упал в траншею, вырвал ящик из рук Жаворонкова и все двадцать бутылок вывалил на себя. Ночь была тихая и темная, дело было около полуночи, на передовой стояла абсолютная тишина. И вдруг мы услышали жуткий крик Мотылькова и увидели высоченный столб огня. Немцы сразу же навешали ракет и открыли пулеметный огонь, нас прижали к земле. Когда к Мотылькову стало возможно подойти, то от него остался обгорелый труп. Живьем сгореть — смерть страшная.

Белорусская операция 1944 года

О наступлении 1944 года в моей памяти воспоминаний сохранилось мало. Очевидно, это объясняется тем, что мы находились во втором эшелоне дивизии.

Случилось так, что мы всю ночь ехали вслед за наступающей дивизией (химрота имела четыре машины ГАЗ-АА, а личного состава было всего двадцать человек), и рано утром командир роты капитан Бондарев решил сделать

небольшой привал на завтрак. В полукилометре от дороги виднелась опушка небольшого леса, мы туда свернули. Когда подъезжали к опушке, услышали в лесу шум и крики, потом все стихло. А когда мы въехали в лес, были крайне удивлены. Как мы после разобрались, оказалось, мы нечаянно спугнули немецкого генерала. По той дороге, что мы ехали, раньше нас еще вечером отступали немцы и с ними этот генерал. Генерал, очевидно, решил, что оторвался от нас достаточно далеко, и свернул в этот лес на ночевку. Генерал прекрасно выспался, утром проснулся и готовился бриться. И тут немцы увидели наши машины. Мы перекрыли им выезд на дорогу, а ехать на машинах в глубь леса немцы, очевидно, не рискнули, поэтому они все бросили и удрали в лес. Мы увидели три машины: одну легковую и две грузовые. В легковой машине, кажется, это был «Адлер», был поднят капот и открыт ящик с инструментом: водитель копался в двигателе, а мы ему помешали. Рядом грузовой «Опель-блиц» с крытым кузовом, в кузове несколько солдатских ранцев, плащ-палатки и другие принадлежности экипировки немецких солдат, в частности, пулемет МГ-34 с большим запасом лент с патронами. Мы сделали вывод, что в этой машине ехала генеральская охрана. И, наконец, самое главное — вторая машина: фургон на шасси «Опель-блиц» — походное генеральское жилье. У этой машины работал двигатель на малом газу, в фургоне горел свет, стояла раскладушка с небранной постелью (у немцев были такие деревянные раскладушки, которые складывались гармошкой), на столике — приготовленные бритвенные принадлежности, теплая вода в серебряном стаканчике. Но наибольший восторг у солдат вызвал тримпель, на котором висели генеральский мундир со многими наградами и генеральские брюки. Оказывается, бедному генералу пришлось бежать в лес не только небритым, но и без штанов! Ну, конечно, все аксессуары генеральского быта достались нам в качестве трофеев, капитан взял себе раскладушку и бритвенный прибор, все остальное растащили солдаты.

Грузовой «Опель» мы забрали с собой, слив в него горючее из остальных машин. Легковую и генеральский фургон мы бросили. Конечно, шоферы сняли с них все, что представляло для них ценность. Из всех трофеев мне досталась немецкая треугольная плащ-палатка, да, кроме того, капитан приказал мне, как наиболее грамотному в отношении оружия, взять МГ-34 и всегда в движении устанавливать его на кабине полуторки, где он сам сидел за рулем. Так мы в дальнейшем и ездили.

Еще мне запомнился эпизод под Минском. Мы едем по лесной дороге, за рулем передней машины капитан Бондарев, кузов машины загружен противохимическим оборудованием, а сверху — пятеро солдат, в том числе и я с пулеметом МГ-34, установленным на кабине. Утро, тишина, прекрасная погода, вокруг лес, птички поют. О войне забываешь, душой овладевают самые разные сентиментальные чувства. Вдруг из леса выбегают на дорогу около десятка немцев с автоматами. Инстинктивно хватаюсь за пулемет, но они поднимают руки. Капитан останавливает машину, немцы подбегают к нему, начинается разговор. Капитан немного знает немецкий, а один из немцев немного знает по-русски, и разговор идет на дикой русско-немецкой смеси. Однако обе стороны понимают друг друга. Немцы просят взять их в плен. Капитан объясняет им, что он этого сделать не может, так как машины и так перегружены, их некуда посадить.

Капитан советует им идти в ближайший райцентр, где есть комендатура или стоит воинская часть. Немцы отвечают, что это никак невозможно, так как в любом населенном пункте их сразу же схватят партизаны и расстреляют. Капитан говорит, что ничем помочь не может. Немцы очень разочаровались, поворачивают и уходят в лес. Капитан вдогонку спрашивает, зачем они таскают автоматы, если собираются сдаваться в плен? Немцы отвечают, что если на них нападут партизаны, то они будут защищаться.

В тот же день, когда мы приехали в заданный пункт и расположились недалеко от штаба дивизии, старшина роты Смирнов зачем-то поехал на велосипеде в ближайшую деревню. Расстояние было километров семь, почти все время дорога шла лесом. Обрато старшина возвратился пешком, ведя велосипед в руках, и в сопровождении семи или восьми немцев, которые сдались ему в плен. Немцы были очень рады, надали старшине кучу часов, зажигалок, портсигаров и других сувениров. Оказалась такая же история — немцы смертельно боялись партизан, но знали, что русские солдаты пленных не расстреливают. Поэтому ожидали в лесу возле дороги первого попавшегося солдата, чтобы сдать ему в плен, и были очень рады, что не попали в руки партизан.

В период наступления дивизии на Неманском плацдарме не было подвоза горючего. Всю артиллерию перевели на конную тягу. В этой связи три машины химвроты с основной частью оборудования были оставлены в деревне под Раковым. Там же осталось несколько солдат и командир взвода лейтенант Капустин. Вперед двинулась одна машина с командиром роты, на которую отобрали самый жесткий минимум противохимического оборудования и слили все горючее с остальных машин. На некоторое время этого горючего хватило, а потом в каком-то райцентре нашли бочку метилового спирта и дальше ехали на этом спирте. Правда, двигатель сильно грелся и плохо тянул, кроме того, спирт сильно испарялся и в бензопроводе все время образовывались газовые пробки, поэтому машина сильно кашляла и чихала, но тем не менее ехала. Кроме того, вперед двинулась подвода, которая была в роте, на ней ехал старшина со всем своим имуществом и повар Улановский с кухней. Весь остальной личный состав роты под руководством сержантов Пешкова и Жолнина во главе с командиром взвода лейтенантом Мухиным двигался пешком.

Когда появилось горючее, мы поехали выручать свои машины. В кабине за рулем капитан и шофер Зотов, в кузове бочки с горючим и восемь солдат с сержантом Пешковым, и я в том числе. Мы считали, что едем от фронта в глубокий тыл. Оказалось совсем другое. Вся территория, которую мы считали тылом, по ночам оказывалась в руках отступающих немцев. Немцы двигались ночью по дорогам большими колоннами. Крупных населенных пунктов они, конечно, избегали, но малые деревни, которые им попадались вблизи дорог, они захватывали и полностью очищали их от всего съестного. После их набега в деревне не оставалось ни корки хлеба, ни курицы, ни теленка или коровы, в общем, как после саранчи остается голая земля. Чтобы противодействовать этому, в некоторых деревнях организовывали самозащиту. Мальчишки собирали брошенного немецкого оружия и патронов, окружали на ночь деревню со всех сторон и всю ночь стреляли во всех направлениях от деревни, рассчитывая, что немцы, услышав стрельбу, в деревню не сунутся. Мы ехали долго, но

нигде не встречали наших частей, в одном райцентре была наша комендатура, и больше нигде ничего мы не встретили. Нас было на машине горстка, и нам все время приходилось увертываться, чтобы не напороться на немцев.

Но один раз все-таки напоролись. Подъезжая к деревне, мы заметили, что в ней стоит какая-то воинская часть. Когда въехали в деревню, то увидели, что она полна немцев. Капитан скомандовал нам не стрелять и спокойно повел машину через деревню. Справа и слева от нас немцы группами и в одиночку занимались своими делами, переходили через дорогу, а мы спокойно ехали, как будто, так и надо. На крыльце одной хаты явно общественного назначения мы увидели немецкого полковника, который отчитывал нескольких офицеров, стоящих перед ним навтыжку. Увидев нас, полковник остановился с открытым ртом, однако никаких действий в отношении нас за этим не последовало. Какой-то немец, совершенно не обращая внимания на нас, прямо перед нашей машиной переводил через дорогу пару лошадей. Капитан был вынужден притормозить и просигналить, немец поднял голову, увидел нас и обалдел от удивления, но лошадей с дороги он уже убрал, и мы поехали дальше. На окраине деревни мы увидели большую группу немцев. Когда мы выехали за деревню, из этой группы по нам сделали несколько выстрелов, пули просвистели близко, но не попали. Капитан дал газ, и мы быстро уехали. Когда деревня скрылась из виду, капитан остановил машину и поинтересовался: «Ну, как, никто со страху в штаны не наложил?» Мы ответили, что все произошло так быстро и неожиданно, что мы не успели испугаться. Капитан признался, что больше всего боялся, чтобы не заглох двигатель, если бы машина остановилась, то живыми мы бы не остались.

Когда мы добрались до своих машин, оставленных под Раковым, и ехали обратно к фронту уже в составе четырех машин, то к тому времени все отступающие немецкие части уже прошли, однако разрозненные группы немцев еще были, днем они прятались по лесам и иногда появлялись в деревнях с целью добычи съестного.

Так в одной деревне, где мы ночевали, утром прибежал к нам человек с немецким автоматом, сказал, что он из партизан и что на окраине деревни только что была группа немцев, они ушли в лес, но их надо догнать и уничтожить. Для этого он попросил у капитана в его распоряжение солдат. Капитан послал с ним шесть человек во главе с сержантом Пешковым, и я попал в их число. Он долго водил нас по лесу, но немцев мы не нашли.

Тяга солдат к выпивке была колоссальной. При вступлении во всякую новую местность самая первая забота — а что тут есть такого, что годилось бы выпить? Это не обязательно должна быть водка, это может быть любая жидкость, которая хотя бы отдаленно имела запах спирта. У нас в хим.поте нашли какую-то немецкую политуру, соорудили примитивный аппарат, перегнали ее на этом аппарате и всю выпили. Оказалось, что сделана она была на метиловом спирте, и все, кто пил, расплачивались за это своими глазами и ногами. Шофер Яновский долго ходил с палочкой, а старшина Бойцов совсем перестал ходить и был отправлен в госпиталь. Бойцов прислал письмо через год. Он все еще был в госпитале, и надежд на выздоровление никаких не было.

Еще один случай, о котором тогда много говорили, произошел в Литве. После форсирования Немана дивизия вела тяжелые бои на плацдарме. В ходе

этих боев 94 ОПТАД и с ними батальон пехоты заняли спиртзавод километрах в семи-восьми от Немана. И, конечно же, сразу бросились искать спирт. Нашли в подвале большие емкости со спиртом. Дал очередь из автомата — и из каждой дырочки ударила струя спирта. Присосался к ней — и сосет до полного умопомрачения. Кто вылез и где-то в кустах завалился спать, а некоторые уснули тут же, в подвале. А так как спирт из дырочек все течет, то подвал через несколько часов залило, и все, кто там спал, утонули в спирте. Немцы предприняли контра-таку, но никто им сопротивления не оказал, так как все были мертвецки пьяны. Немцы без боя снова заняли спиртзавод, перебили всех наших пьяных солдат, но сами перепились. Поэтому другие наши подразделения, переброшенные под этот спиртзавод, также заняли его без боя и накрыли там всех пьяных немцев. Между прочим, только после этого начали вылезать из кустов некоторые из наших солдат, занимавших завод первый раз. Они не попались немцам на глаза и остались живы, проспав всю эту историю.

Самым лучшим моим другом в хим.роте был шофер Аскар Гумиров, татарин по национальности. Он старше меня был лет на семь или десять, но привлекал меня двумя качествами. Первое — он был очень добрый и честный человек, всегда готовый прийти на помощь, если тебе трудно. И второе — он виртуозно владел машиной. Там, где другие обязательно застревали и просили буксира, он каким-то чудом на своем газике обязательно проскакивал. Я сначала думал, что ему просто везет. Но когда в нескольких поездках посидел рядом с ним в кабине, увидел, что никакого везения нет, а есть тонкий расчет, виртуозное маневрирование газом и сцеплением и глубокое знание своей машины, ее особенностей. Уже за одно это такого человека стоило уважать.

Еще один друг был у меня в хим.роте и тоже шофер — Павел Иванович Зотов, колхозный механизатор из Горьковской области. Был он человек добрый и веселый, отлично разбирался в любой технике. Наши машины ГАЗ-АА были очень старые и растрепанные, поэтому после каждого передвижения их необходимо было ремонтировать. Часто бывало так, что времени для ремонта было мало, тогда в помощь шоферам выделяли солдат. Зотов почему-то всегда просил командира роты, чтобы ему в помощь дали меня. Постепенно это вошло в привычку, что мы ремонтируем с ним машину вдвоем, на этой основе и возникла наша дружба. Благодаря этому я фундаментально изучил машину, любой ее узел мог разобрать и собрать, сейчас уже все забыл, да и машины этой сейчас уже нет. Зотов предлагал обучить меня и вождению, но я не захотел.

О взятии Кенигсберга

Всем известно, что Кенигсберг был не просто город — это крепость, причем очень мощная. Основа ее мощи — это кольцо фортов. Все форты имели собственные имена. Против нашей дивизии был форт «Королева Луиза». Форт представлял собой большой земляной холм, на котором посажен лес. Лес посажен при строительстве фортов, так что деревьям было за пятьдесят лет. Внизу, у основания холма, амбразуры для пушек и пулеметов. Форт рассчитан на круговую оборону. Слой земли на холме толщиной три метра. Под ним железобетонное перекрытие форта толщиной два-два с половиной метра. Под ним следуют внутренние помещения форта — семь или восемь этажей, углубленных в землю. В форте созданы запасы боеприпасов, продовольствия, воды и даже

сжатого воздуха из расчета на то, что гарнизон форта может совершенно автономно продержаться и вести бой в течение весьма длительного времени.

Между фортами было построено много линий обычных укреплений, а впереди минные поля глубиной около двух километров. Столь мощных минных полей мы за всю войну до этого не встречали. Саперы говорили, что разминировать обычными способами эти мины не удастся. И вообще немецкое командование было абсолютно уверено, что крепость Кенигсберг никакая армия одолеть не может.

Мы прибыли под Кенигсберг сразу после взятия Гранца. Потом вокруг Кенигсберга стал концентрироваться весь 3 Белорусский фронт. Когда мы только прибыли, нас удивило, что все окрестные леса — сплошная запретная зона. Большие участки леса огорожены железобетонным забором, на котором колючая проволока под током и везде надписи на немецком языке: запретная зона. Но на поверхности в этой зоне ничего нет, только помещение для охраны, а все остальное под землей. У одного из таких объектов мы некоторое время стояли. Это крупный завод по производству артиллерийских снарядов. Въезд в этот завод устроен в большом холме, туда проведена шоссейная дорога и узкоколейка. Перед отступлением немцы этот въезд взорвали, а сам завод и работавших там восемь тысяч наших военнопленных затопили водой.

Когда войска стали прибывать под Кенигсберг в большом количестве, то все эти запретные зоны были заняты войсками, все заборы с проволокой повалены. Особенно много там было артиллерии. Такого скопления артиллерии всех видов и калибров я раньше нигде не встречал. В качестве главного калибра по специально построенной дороге подогнали батарею (четыре орудия) 380-мм пушек береговой обороны. Эта батарея своим залпом открывала артподготовку в день начала штурма Кенигсберга.

Все эти войска, артиллерия, танки и весь подвоз — все шло по единственной дороге через Гранц. На этой дороге было столпотворение. От Гранца до передовой — сплошной поток машин. Такое скопление машин на дороге было очень уязвимо с воздуха. Но никто этого не опасался. Дело в том, что вся немецкая авиация оказалась без горючего. Гигантское подземное бензохранилище, где хранилось горючее для всей немецкой техники в Кенигсберге, в ходе наступления наших войск оказалось в наших руках. Поэтому наша авиация господствовала в воздухе безраздельно.

Незадолго перед штурмом под Кенигсберг перебросили женский полк ночных бомбардировщиков. Под этим грозным именем скрывались самые обычные «кукурузники» — ПО-2. И вот несколько последних ночей перед штурмом эти женщины на своих «кукурузниках» всю ночь трепали немцам нервы. Одну из этих ночей я наблюдал, стоя на посту. Только стемнело — над городом появился первый самолет. Сделал круг и навешал «фонарей». Потом делает второй круг и бросает бомбы. Бомбы маленькие, он их везет пять-шесть штук и бросает по одной, чтобы растянуть подольше. Как только первый самолет закончил свои два круга, над городом появляется второй. И этот делает два круга: на первом — фонари, на втором — бомбы. И так всю ночь до рассвета. Немцы не имели ни единой минуты покоя: всю ночь над их головами «зудят» кукурузники. На следующую ночь все начинается сначала.

Штурм Кенигсберга начался гигантской артподготовкой. До этого нигде раньше не было такой артподготовки. Но на эту артподготовку и задачи возлагались особые, каких раньше тоже нигде не ставили. Артиллерия малых калибров должна была разминировать все минные поля, и она эту задачу выполнила. Практически это означало, что всю территорию минных полей перепахали взрывами, и поэтому все мины, которые там были, взорвались от детонации. Более крупные калибры били по огневым точкам и всяким оборонительным сооружениям, причем били до их полного уничтожения. По особой программе уничтожались форты. Сначала малым и средним калибрами уничтожали лес на фортах. Потом более крупным калибром снимали землю. Били до тех пор, пока взрывами снарядов не разбрасывалась вся земля, и полностью не оголялось железобетонное перекрытие. Потом низко летел самолет и вез только одну бомбу весом в одну тонну. Эту бомбу он аккуратно клал на это перекрытие, и она там взрывалась. Железобетон не выдерживал и «распукивался», как цветок. Если одна бомба не помогала, везли другую и бомбили до тех пор, пока перекрытие не проламывалось. Тогда немцы выбрасывали белый флаг и вылезали из своего гнезда. Вылезали все целые, раненых не было, но большинство из них оглохшие и полусумасшедшие. Таким образом весь внешний оборонительный пояс был перепахан нашей артиллерией, и бои были перенесены непосредственно в город. Но немцы были крайне деморализованы, ничего подобного они не ожидали, они рассчитывали на длительную осаду. Вскоре город был разрезан на две части. С одной стороны наступала наша 43 армия, а с другой — II-я гвардейская армия генерала Галицкого, и в центре города они встретились. После этого у немецкого командующего хватило благоразумия капитулировать. И всего на взятие самой мощной крепости фашистской Германии наши войска затратили шесть дней — с 4 по 10 апреля 1945 года.

9 мая 1945 года

Когда в последние дни войны мы вступили в Померанию, дивизию растянули вдоль побережья Балтийского моря для его охраны. Против наших правых соседей были немецкие войска, которые остались в ловушке на косе Путциг-Нерунг, а против нас немцев не было, поэтому не было и сплошной передовой, была только линия постов. Вот мне и пришлось стоять на таком посту всю ночь с 8 на 9 мая 1945 года. Людей было мало, поэтому стояли по одному солдату, и расстояние между постами было приличное. И вот где-то после полуночи я вдруг услышал ожесточенную стрельбу из всех видов оружия, кроме артиллерии, причем у себя в тылу. По трассирующим пулям было видно, что стреляют вверх. Стрельба продолжалась несколько минут и затихла. Через некоторое время такая же стрельба вспыхнула в другом месте, потом в третьем. Я, конечно, догадался сразу, что это видно, как в разные подразделения приходит весть об окончании войны. Последние несколько дней это уже чувствовалось, все ожидали, что вот-вот война кончится, и это ожидание было невыносимым. Так я до самого утра и наблюдал стрельбу и ракеты в разных местах, а когда утром сменился и пришел в расположение части, то увидел удивительную картину. Вся воинская жизнь остановилась, нигде никого на своем месте нет, все пьяные. В одиночку и группами бродят, куда кого ноги несут, орут песни, стреляют в воздух и вообще творят, что кто придумает.

Солдаты из соседней дивизии позже рассказывали, как они принимали капитуляцию немцев, которые стали выходить с косы Путциг-Нерунг. Как только немцам передали по радио приказ из Берлина о капитуляции, они сразу же выбросили белые флаги, прекратили стрельбу и прислали своих представителей для согласования места и времени капитуляции. В договоренное время — это было во второй половине дня 9 мая — большая колонна немецких войск во главе с полковником прибыла в указанный пункт. Немцы пришли как на парад — оружие и обмундирование начищено до блеска. По команде полковника они сложили в общую кучу оружие и организованно отправились к месту сбора военнопленных.

Гдыня. Июнь 1945 года

Сразу же после окончания войны по указанию лондонского и польского правительства подпольная «Армия Крайова» начала готовить восстание против нас в Гдыне к которому наша дивизия имела самое прямое отношение. Выбор Гдыни, как места восстания, на мой взгляд, объясняется тремя причинами.

Первая — в Гдыне тогда не было наших войск, была только комендатура.

Вторая — Гдыня — порт, а в случае успеха восстания и создания плацдарма, англичане могли бы им помогать морем, в частности, туда сразу же было бы доставлено эмигрантское правительство из Лондона.

Третья — население польской Прибалтики уже тогда отличалось своей прозападной ориентацией и особенно большой ненавистью к нам, поэтому действия подполья находили горячую поддержку всего населения. Население знало о готовящемся восстании, и антисоветские настроения достигли очень высокого уровня.

Однажды в конце июня дивизию подняли по тревоге и форсированным маршем направили в Гдыню. Вошли мы в Гдыню поздно вечером, а на четыре часа утра по специальному сигналу должно было начаться восстание. Так как о дате его начала знали все поляки, то знала и наша контрразведка. Знали все: имена и квартиры руководителей, склады оружия, план восстания, в общем, все, что надо было знать. Вечером войска вошли в город, а ночью контрразведка забрала всех, кого надо было забрать. Поляки ждали сигнала, но давать его было уже некому. А когда утром поляки вышли на улицы, то увидели, что город полон русских солдат, на всех высоких домах — пулеметные точки, на всех видных местах — открытые позиции нашей артиллерии. И поляки стали такими милыми, вежливыми, предупредительными, прямо хоть на хлеб их намазывай вместо масла.

Но шелковыми они стали только с виду, а на самом деле после неудачи восстания «Армия Крайова» изменила тактику и стала убивать русских солдат и офицеров, где только могла. Когда дивизия расформировывалась в декабре 1946 года, в Лауэнбурге (Леборке) осталось свыше двухсот могил русских военнослужащих, погибших от членов организации «Армия Крайова».

О фронтовой пище

Вкратце воспоминания о солдатской фронтовой пище сводятся к тому, что ее было очень мало и она была очень скверная. Единственный универсальный продукт, из которого она изготавливалась, — это крупа «шрапнель», то есть рубленные ячмень или пшеница. Меню также было универсальным, установленным

один раз на всю войну. На первое из «шрапнели» приготавливался суп. Юридически на солдатский котел выписывалось мясо, но фактически за все время службы в 68 с.п. я в своем котелке мяса ни разу не обнаружил. Правда, когда вместо мяса выписывались консервы, то их следы иногда обнаруживались. Единственный продукт, которого в этом супе всегда было в достатке, — это лавровый лист. На второе тоже «шрапнель», только варилась погуще и именовалась кашей. На третье, естественно, чай. Какие-либо отступления от этого универсального меню бывали крайне редко. Конечно, когда мы были в Прибалтике, то иногда весьма существенную поправку в меню вносила какая-либо продовольственная самодеятельность то ли самих солдат, то ли повара, то ли старшины. А хуже всего было весной и летом 1943 года. Все это время мы находились в «зоне пустынь», которую немцы создавали по приказу Гитлера при своем отступлении. Все деревни сожжены, население угнано, на полях и огородах бурьян в рост человека, никакой зелени в пищу нет. В моем голодном детстве я привык употреблять в пищу дикорастущие травы. Но солдатская служба и поиск съедобных трав — вещи несовместимые. Для разнообразия дополнительно к «шрапнели» иногда в суп закладывали сушеный картофель или морковь. Не знаю, кто его придумал и как его сушили, но точно знаю, что эта вещь малосъедобная. Это какая-то черно-бурая лапша, которая в супе не разваривалась и во рту не разжевывалась. Вследствие длительного питания в таком стиле у солдат пошли жуткие авитаминозы. У каждого это проявлялось по-разному, у многих это была «куриная слепота». Ночью на марше в хвосте каждого подразделения во главе со зрячим провожатым тянулась длинная цепочка слепых, которые вынуждены были идти, держась друг за друга. Лично у меня куриной слепоты не было, зато была страшная цинга. Каждый зуб болтается во все стороны. От врачей мы знали, что для прекращения всех этих страданий надо съесть свежей печени. Поэтому все с нетерпением ждали вступления в бой. На второй или третий день после начала боев у полковых разведчиков убило лошадь. Лошадь стояла в укрытии, а рядом росла сосна. Немецкий снаряд попал прямо в ствол сосны, высоко над ямой, и осколками поразило лошадь. Весть об этом быстро разнеслась по окрестным подразделениям, и все страждущие ринулись к этой бедной лошади. Она еще не успела отойти, как ей штыками от СВТ распорили живот, вырвали печень, разрезали на куски, расхватали по котелкам, сварили на костре и съели. У кого была куриная слепота — исчезла сразу, в ту же ночь ее уже не было. Моя цинга исчезла через несколько дней. В дальнейшем кто-то из ученых придумал радикальное средство борьбы с авитаминозом, которое применялось повсеместно. Перед тем как начать готовить пищу для солдат, повар набивает в котел хвой, заливает водой и варит. Потом процеживает и на полученной зеленой и вонючей жиже варит и суп, и кашу, и чай. Это, конечно, отвратительно, но зато никаких авитаминозов.

О болезнях на фронте

Все ученые-медики, которым пришлось воевать, единодушно отмечают такой удивительный факт: организм солдата на фронте по отношению к болезням резко отличается от организма нормального человека в нормальной обстановке. Это различие проявляется в двух направлениях. Первое: все неинфекционные болезни, которыми люди страдали до войны (например, различные

пороки сердца, язвы желудка и прочее), на фронте у этих людей бесследно пропадали без всякого лечения. Второе: человек на фронте не заболел в такой ситуации, где он должен бы обязательно заболеть при нормальной обстановке. Медики эти факты отметили, но не объяснили (если, например, говорят, что это объясняется особым состоянием нервной системы человека на фронте, то ясно, что это игра слов, а не объяснение). Я не медик, поэтому, естественно, ничего здесь объяснять не берусь. Я могу лишь из собственного опыта подтвердить, что такие явления действительно были.

В детстве я с трудом выжил в голодовку 1933 года, приходилось питаться всякой дрянью, вследствие этого у меня получился хронический гастрит. Он меня мучил до самой войны. Даже небольшой кусочек ржаного хлеба вызывал длительные и сильные боли в желудке. На фронте я забыл о своем гастрите и мой желудок полностью отвечал всем солдатским стандартам, то есть мог переварить все, за исключением гвоздей. До войны я болел часто многими простудными болезнями. За все время войны я ничем не болел, даже легкого насморка ни разу не было. И это несмотря на то, что организм солдата на фронте подвергается очень сильным воздействиям, которые в обычной обстановке привели бы к заболеванию.

К таким воздействиям я отношу длительное отсутствие сна, очень большие физические нагрузки, скудное и нерегулярное питание. Очень часто все эти факторы действовали одновременно. Однажды нам пришлось шагать безостановочно четверо суток подряд без сна и без пищи. Утром на полчаса привал, все остальное время шагай. Такие переходы по двое или по трое суток были много раз. В таких переходах больше всего доставалось ногам и плечам. Ноги доходили до такого состояния, что на привале, если сел, то сам без посторонней помощи уже не встанешь. А плечи страшно передавливались ляжками. Лямки от тяжелого вещмешка с патронами, ремень от автомата, а до фронта — еще и лямка от противогаза, и все это на плечах. Прошло сорок с лишним лет, но у меня до сих пор при перемене погоды болят не только ноги, но и плечи, возникает ощущение, будто эти ляжки до сих пор на моих плечах.

Наибольшее воздействие на мой организм оказало переохлаждение. Я не знаю, как для других солдат, тут могут быть индивидуальные особенности, но для меня это был наиболее сильный отрицательный фактор. Приведу несколько примеров. В Белоруссии есть такие места, где идешь по земле, как по подушке, она под ногами прогибается: сверху дерн, а под ним болото. Однажды поздней осенью 1943 года мне пришлось уснуть на такой поверхности. Уснул, конечно, сразу, как только представилась возможность, так как перед этим несколько суток не спал. Постепенно дернина подо мной стала прогибаться и в это углубление стала просачиваться вода. В этой холодной ванне я спал два или три часа. К тому моменту, когда меня разбудили и послали выполнять очередное задание, вся одежда на мне была насквозь мокрая. И было жутко холодно, так как температура была около нуля. В обычных условиях результатом всего этого было бы минимум воспаление легких. А тогда у меня после даже насморка не было, я замерз, пока одежда на мне высохла, и все.

В начале зимы 1943 года нам устроили баню. Для этого в балке в двух километрах от передовой поставили большую палатку, в ней натопили металлической

печкой, а под ноги положили доски. Ну, а раздеваться и одеваться, конечно, на снегу. Раздеваешься, все обмундирование сдаешь, а выйдя из бани, получаешь чистое. Чистое, конечно, относительно, но во всяком случае без вшей. К тому времени, когда я вышел из бани, у старшины что-то там заело и за чистым обмундированием собралась большая очередь. Вот в этой очереди я и постоял где-то минут двадцать или больше. Голый и мокрый, а мороз был и ветер. Замерз, конечно, страшно. Но последствий никаких, даже насморка не было.

Наиболее сильное переохлаждение за всю войну и за всю жизнь мне пришлось перенести под Мемелем в январе 1945 года. Мемель некоторое время был окружен (точнее — почти окружен, так как немцы имели выход к морю). Наша разведка получила сведения, что немцы собираются танками прорвать наше кольцо и выйти из Мемеля сушей. В связи с этим было решено на нейтралке устроить противотанковые засады. Говорили, что там были солдаты с противотанковыми гранатами, а нам было приказано устроить засады с зажигательными бутылками (зажигательные бутылки и дымовые шашки считались оружием химиков). Засады выставлялись два дня, участвовало в них от нашей роты по два человека. Я попал на второй день. Перед рассветом меня отвели на нейтралку и показали ямку, в которой я должен был пролежать все светлое время суток. Ямка была очень мелкая и вся обледенелая. Я в нее втиснулся, лег на левую сторону тела, а под правой рукой расположил бутылки с «КС». Мороз был небольшой, градусов 10°С, так что поначалу все было терпимо. Но на рассвете ветер подул с моря и пошел дождь. Мороз и дождь. Шинель намочила и взялась ледяной коркой, по этой корке вода стала стекать и накапливаться на дне ямки. В этой воде мне и пришлось лежать весь день, так как деваться было некуда. Одежда снизу промокла до тела, и стало жутко холодно. Сначала, пока мерзла только кожа, ощущение холода было обычным, только очень сильным. А потом по мере охлаждения организма, стали мерзнуть внутренние органы и появились непривычные ощущения, которых я ни разу до этого не испытывал: ощущение дикой, раздирающей боли во всем теле, особенно, как мне казалось, эта боль терзала кровеносные сосуды. После нескольких часов такой пытки у меня стало мутиться сознание, я стал очень нечетко воспринимать окружающий мир. В какой-то момент ощущение холода и все боли вдруг исчезли. От ног стала подниматься волна приятной теплоты, а по всему телу стало разливаться сладкое блаженство, очень захотелось спать. В полусонном мозгу медленно проплыла равнодушная мысль: так вот почему в литературе пишут, что трупы замерзших часто находили с блаженной улыбкой на устах. Оказывается, остановка кровообращения сопровождается состоянием эйфории, ощущением полного блаженства. Вслед за этим возникает другая мысль, уже тревожная: так это значит, что я замерзаю! Если я поддамся искушению и усну, то уже никогда не проснусь! Громадным напряжением воли прогоняю сон и встряхиваю все тело. Восстановление кровообращения сопровождается адской болью во всех кровеносных сосудах. Впредь я был осторожнее и переход в состояние эйфории не допускал, как это ни было мучительно. Потом кончился дождь, и в ямку, где я лежал, перестали поступать свежие порции холодной воды. Весь день на передовой было очень тихо и спокойно, никаких немецких танков не было. Как только стало темнеть, я немедленно выбрался из своей ямки и, с трудом владея

ногами, ушел в расположение роты. На другой день стало известно, что сообщение разведчиков не соответствует действительности. Как это ни удивительно, тогда сильнейшее переохлаждение обошлось для меня без всяких последствий, не было даже насморка.

Таким образом, на основании собственного опыта могу сделать вывод, что действительно самые сильные отрицательные воздействия на организм на фронте не вызывали обычных в таких случаях заболеваний. Однако это не значит, что все эти воздействия обошлись для наших организмов без последствий. И все мои многочисленные болезни теперь — следствие фронтовых воздействий на организм.

Что касается инфекционных заболеваний на фронте, то я не помню ни единого случая, чтобы какой-либо солдат заболел чем-либо инфекционным. И это несмотря на всю антисанитарию солдатского быта. Из литературы я знаю, что в первую мировую войну страшным бичом русских солдат на фронте был тиф. Потери от тифа были сравнимы с потерями в боях или даже превышали их. В эту войну тифа не было. Я считаю это громадной заслугой медицинской службы, в частности систематической вакцинации всего личного состава войск. Периодически нам кололи комбинированную вакцину от всех инфекционных болезней: и от столбняка, и от холеры, и от тифа и других.

Об отношении к мертвым и живым

Ясно, что война не бывает без убитых. Ясно и то, что мы пережили самую большую и самую страшную войну в истории человечества. Поэтому, естественно, убитых было больше, чем в любую другую войну. Когда я впервые увидел много убитых, это произвело на меня страшное впечатление. Это было в сентябре 1941 года на станции Лихачев (г. Первомайск Харьковской области) после бомбежки базара, где погибло около семисот человек. Это были горы трупов.

Позже, на фронте, я к трупам привык, как и все. Смерть на фронте — дело обычное и особых эмоций не вызывает. Но меня всегда беспредельно возмущало, что убитых часто не хоронили, их трупы оставались валяться там, где их настигла смерть. Мне особенно запомнился такой случай. Где-то в августе 1943 года полк вступил в лес, на лесной дороге лежал убитый солдат. Много людей и лошадей прошло мимо него, все его обходили, а подводы объезжали. Сколько офицеров мимо прошло, любой из них мог приказать своим солдатам оттащить труп в ближайшую ямку и забросать землей. Но никто этого не сделал. Ночью по этой дороге пошли танки. Бедного солдата раздавили и перемешали с землей, осталась на обочине одна нога. Человек отдал самое дорогое — жизнь, но не получил даже права на человеческое захоронение своих останков. Так эта нога и сохранилась в моей памяти как символ неуважения к человеку, полнейшего пренебрежения им. И все это после широковещательных заявлений о ценности человека, которые мы часто слышали в предвоенные годы.

Все первобытные народы, которых Геродот называл варварами, очень почитательно относились к своим мертвым. Если над мертвым по какой-либо причине не совершен похоронный обряд, то для его близких это горе большее, чем сама его смерть. Если вы читали Гомера, то вспомните, сколько усилий предприняли троянцы, чтобы получить труп Гектора, убитого Ахиллом, и совершить над

ним обряд захоронения. А скифы насыпали своим мертвым курганы и клали в них огромные ценности. Короче говоря, люди, с тех пор как они стали людьми, всегда хоронили своих мертвых. А вот животные не хоронят. Тогда все это означает, что мы опустились до уровня скотского. Позже был специальный приказ и в деле захоронения был наведен порядок. Но это было гораздо позже, а тогда, в 1943, дело обстояло именно так.

Между прочим, я так и не знаю, захоронили ли тех солдат из армейской штрафной роты, которые полегли на немецкой проволоке в бою 26 января 1944 года, а потом всю зиму и весну немым укором маячили перед нашими глазами в своих белых маскхалатах.

Ну, мертвые есть мертвые и при любом к ним отношении живыми уже не станут. Гораздо страшнее было то, что отношение к живым было не лучше. Одним непродуманным словом отправляли на смерть сотни и тысячи солдат. В первых боях нашей дивизии была такая ситуация, когда на нашем участке в прорыв обороны должны были ввести кавалерийский корпус. Кому-то из армейского начальства показалось, что задача прорыва уже решена, и оно приказало этим кавалеристам днем передислоцироваться в небольшой лесок в двух километрах от передовой. Я видел, как они двигались в этот лесок, видел, как немецкая «рама» летала над этим лесом, видел, как немецкие самолеты бомбами уничтожали их в этом лесу. Через два дня нам пришлось проходить через этот лес, и я видел горы лошадиных трупов в этом лесу. Я не знаю, сколько там погибло людей, но знаю, что гибель их была совершенно бессмысленной.

Но наибольшее впечатление произвел на меня следующий случай. Через неделю после вступления в бой наш полк получил крупное пополнение, что-то около 500 человек. Их привезли из запасного полка, все солдаты 1925 года рождения, молодые и необстрелянные. Прибыли они в полк поздно вечером, закончили их принимать в два часа ночи, а уже в четыре часа утра полк перешел в наступление. Приказано было взять какую-то деревню. Полк штурмовал эту деревню в продолжение двенадцати часов и не взял ее. На подступах к этой деревне полегло почти все полученное пополнение. Старые солдаты, хотя их было немного, все остались живы, а те, что прибыли с пополнением, почти все погибли. Объясняется это тем, что им не дали времени на адаптацию. Вот я ставлю себя на их место. Я старше их на один год и прибыл в полк тоже из запасного полка. Мое счастье, что я попал в часть, которая формировалась. А если бы и мне пришлось через два часа после прибытия идти в бой, то я оказался бы совершенно никудышным солдатом и погиб бы в первые минуты боя. Этого не произошло потому, что я привыкал к фронтовым условиям с апреля по август 1943 года — срок по фронтовым меркам огромный. И все это время в обстановке постепенного приближения условий к боевым я учился. В солдатском деле, как и во всяком другом, есть множество тонкостей, которые нельзя изучить теоретически, но можно перенять только от сведущих людей. Вот этим тонкостям фронтовой жизни я и учился у старых, бывалых солдат, которые уже были на фронте раньше, имели ранения и боевой опыт. Поэтому, когда я пошел на передовую, я уже соображал, где надо вставать, а где надо падать, когда надо идти, когда бежать, а когда ужом ползти, перед каким снарядам падать, а на какой внимания не обращать. То, что я уцелел на фронте, конечно, случайность, но

диалектический материализм считает, что случайность есть проявление скрытой закономерности.

Через некоторое время после неудачного длительного штурма приехало около десяти «Катюш». Они «сыграли» по деревне один залп и уехали. И вопрос о взятии деревни был решен быстро и радикально — вся деревня превратилась в один гигантский костер. Спрашивается: если была возможность таким способом взять деревню, так зачем же положили пятьсот юных жизней?

Та же линия отчетливо прослеживается и в отношении к военнопленным. Я знаю, конечно, что в основе нашей тогдашней политики в отношении военнопленных лежала печально знаменитая фраза Сталина: «У нас нет военнопленных, а есть изменники Родины». Эта фраза означает, что наше государство юридически отказалось от своих пленных. Решение чудовищное по своей нелепости, безрассудности и жестокости. Одной этой фразой был подписан смертный приговор миллионам людей. За всю историю человечества не было войн без пленных, но до такого не додумался никто.

Всех пленных, которые снова попадали к нам, зачисляли только в штрафные роты.

Об оружии и снаряжении

Перед самой войной я окончил первый курс учительского института. Там нам читали военную подготовку. Мы фундаментально изучали оружие, причем не только данный конкретный вид оружия, но и общие принципы его устройства с подробным физико-техническим обоснованием. Я в совершенстве освоил технику прицельной стрельбы, так что в армии и на фронте я всегда стрелял метко, несмотря на мое слабое зрение. В силу всего этого за всю войну мне ни разу не встретилась такая конструкция оружия, в которой я самостоятельно не смог бы досконально разобраться. Знакомясь со многими видами оружия, я, естественно, сравнивал их между собой, о каждой конструкции у меня складывалось определенное мнение.

О достоинствах русской трехлинейной винтовки Мосина написано очень много. Было ясно, что она морально устарела и роль основного стрелкового оружия выполнять уже не могла. Немецкая винтовка была легче и короче нашей, но она пользовалась всеобщим презрением наших солдат. Наш карабин с откидным штыком, который заменил винтовку, был уже значительно лучше, но все равно основной проблемы он не разрешил. Ее разрешил автомат ППШ. Из всех видов оружия самыми выдающимися по конструкции я считаю ручной пулемет Дегтярева и автомат ППШ. Какая гениальная простота! В РПД весь затвор — три железки, а в ППШ затвор — всего одна железка, которая совершает всего одно возвратно-поступательное движение и больше никаких движений. Следствие этой простоты — абсолютная нечувствительность к внешним воздействиям. Можно утопить в болоте, после этого вывалить в песке — и все равно он будет стрелять.

Немецкий автомат и пулемет МГ-34 — тоже оружие весьма серьезное, уже только калибр автомата 9 мм вынуждает говорить о нем почтительно. Но это оружие страшно сложное. Затвор МГ-34 состоит из очень многих деталей сложнейшей формы, которые при выстреле совершают множество различных движений. И как следствие этого — это оружие работает безотказно только тогда, когда оно в идеальном порядке. При малейшем внешнем воздействии — чуть-чуть

песочек или просто загустела смазка от холода — оно уже отказывает. Иначе говоря, немецкое оружие приспособлено к национальному характеру немцев, их педантичности, сверхаккуратности и добросовестности во всяком деле. А наше оружие так же хорошо приспособлено к нашей халатности, безалаберности и разгильдяйству. Кроме того, есть еще одно существенное различие — в технологии изготовления. Для изготовления немецкого оружия требуется сложное оборудование и большой труд высококвалифицированных рабочих. Для изготовления нашего оружия ничего этого не требуется, технология его изготовления чрезвычайно проста, просто примитивна. Изготавливали его в основном женщины и подростки на самом простом оборудовании.

Расхваливая РПД и ППШ, я совсем не хочу сказать, что в них не было недостатков. Те, кто стрелял из РПД, знают, что в нем был очень существенный недостаток — очень неудачная конструкция магазина-диска. Заряжать его трудно и неудобно, при стрельбе он часто заедает. Я знаю, что к концу войны пулемет Дегтярева был полностью модернизирован, но из него мне стрелять не приходилось, поэтому ничего о нем сказать не могу.

В автомате ППШ можно указать два недостатка. Его ствол изготавливался отдельно и свободно вкладывался в кожух, жесткой связи между ними не было. При стрельбе по стволу все время ударяет затвор, вследствие этого отвод постепенно разбалтывается и прицельная стрельба из такого автомата уже невозможна. Второй недостаток ППШ — неудачная конструкция предохранителя.

Автомат ППС, который появился в конце войны, мне не понравился — уж очень он игрушечный, несерьезный.

Большое уважение вызывала у меня также конструкция СВТ. По своей огневой мощи — это грозное оружие, вполне сопоставимое с ручным пулеметом. Кроме того, это самое прицельное оружие из всех, из которых мне приходилось стрелять. По меткости стрельбы СВТ превосходила все другое наше и немецкое стрелковое оружие. Я восхищался, как просто и остроумно конструктор превратил самозарядную винтовку в автоматическую. Мне очень понравился также штык к этой винтовке. Штык, как холодное оружие, мне употреблять не приходилось, но зато им при необходимости можно было и дров нарубить для костра, и окопаться, и сделать много других солдатских дел. И очень жаль, что все неоспоримые достоинства СВТ сводились на нет одним-единственным недостатком. Он состоял в том, что в деревянной ствольной накладке против газового поршня были сделаны прорезы для выхода отработанных газов и охлаждения газового поршня. Когда ставишь винтовку к стенке окопа, она опирается о стенку как раз этими прорезями, в них попадает песок, который проваливается под газовый поршень. Из-за этого винтовка перестает работать, ее надо разобрать и чистить. Чтобы избежать этого, я всегда эти прорезы обматывал носовым платком (солдаты надо мной шутили: «Ты ухаживаешь за винтовкой, как за невестой»). И она меня ни разу не подвела.

В самом конце войны, уже в Мемеле, мне попала немецкая самозарядная винтовка фирмы «Маузер». Она почти не уступала СВТ по меткости стрельбы, но была только самозарядной, а не автоматической. В ее конструкции использованы основные идеи нашей СВТ, только получилась она сложнее и тяжелее, чем СВТ.

В самом конце войны, уже в мае 1945 года, мне попался новый немецкий автомат, похожий на наш современный АК. Но к тому времени и война, и оружие мне страшно осточертели, и я не стал его разбирать и изучать.

Что касается офицерского оружия, то здесь положение было совсем другое. Если сравнивать наш ТТ и немецкий парабеллум, то сравнение явно не в пользу ТТ. Конечно, парабеллум тяжеловат, как все немецкое оружие, но зато как он сидит в руке и как удобно из него стрелять. В руках хорошего стрелка — это грозное оружие. ТТ крайне неудобный для стрелка, неудачное положение центра тяжести весьма затрудняет прицельную стрельбу из него. Все другие пистолеты, которые встречались у немцев, также очень хорошие. Мне попадались «Вальтеры», «Смит-Вессоны», «Кольты», много разновидностей «Браунингов», а один раз даже «Маузер» в деревянной кобуре, которая может служить для него ложей.

С артиллерией я никоим образом не был связан, поэтому о достоинствах и недостатках пушек и минометов ничего сказать не могу. Однако не могу не высказать своего восхищения дивизионной 76-мм пушкой ЗИС-3. Мне кажется, что это лучшая пушка за всю историю артиллерии. Аналогичная немецкая пушка против нашей была очень тяжелой, неуклюжей и вообще безнадежно устаревшей.

Как я уже писал, главным моим занятием все время, пока я был в 68 с.п., было копать землю. Поэтому я могу здесь абсолютно авторитетно высказать свое глубочайшее презрение к тем уродцам, которые назывались у нас большой и малой саперными лопатами. Эти лопаты изготовлялись из такого отвратительно мягкого металла, что наточить их было невозможно, а копать ими землю — это мучение, пытка, особенно если в земле корни деревьев или камешки (а я что-то не помню, чтобы земля, которую я копал, была без корней или камешков. А если и была, то это была сухая глина, твердая, как бетон). Поэтому я был очень рад, когда мне попала немецкая малая саперная лопата. Вот это действительно солдатская лопата! Это универсальный и очень удобный инструмент для выполнения любых земляных работ. Ей не страшны ни камни, ни корни. Самое лучшее, что было в экипировке немецкого солдата, — это лопата.

Немецкий солдатский ранец с клапаном, покрытый телячьей кожей шерстью наружу, конечно, по сравнению с нашим вещмешком выглядит весьма внушительно, но эта внушительность скорее недостаток, чем преимущество, так как он очень тяжелый. Да и, кроме того, телячьей коже можно было найти и лучшее применение.

Из всех деталей обмундирования я остановлюсь только на одной наиболее важной для солдата — обуви. Солдатам выдавали ботинки с обмотками. Что касается ботинок, то тут двух мнений быть не может — это очень хорошая обувь. Ноге в них удобно, ходить легко. Конечно, своим невзрачным видом они не могли соперничать с «шикарным» американским «чудом», получаемым по ленд-лизу. Но это только по внешнему виду. А в деле американские ботинки — это кандалы, это издевательство над солдатскими ногами. Однажды мне пришлось в новых американских ботинках пройти два ночных перехода. В результате ступни моих ног пришли в такое состояние, что я некоторое время вообще ходить не мог. Так что о наших солдатских ботинках мнение может быть только положительное.

А вот что касается обмоток, то здесь вопрос сложнее. Для многих солдат было большой проблемой намотать обмотки так, чтобы в движении они не разматывались. Для меня такой проблемы не было. Технику их наматывания я освоил с первого раза и за всю войну не помню ни единого случая, чтобы у меня разматывались обмотки. Если ботинки целы, а обмотки намотаны плотно, то сквозь эту систему не проникает вода, снег, грязь и другое. Поздней осенью 1943 года мне пришлось много раз подряд переходить вброд довольно глубокий ручей, однако ноги оставались сухими. И вместе с тем обмотки — это большое зло для солдата, так как лишают ноги нормального кровообращения. В казарменных условиях ноги имеют передышку ночью. При очень больших нагрузках на солдатские ноги им все время приходится сидеть на голодном пайке в отношении кровообращения. Солдаты дружно ненавидели обмотки. Никакая другая часть солдатского обмундирования не удостоивалась столь единодушного презрения, как обмотки. И поэтому при первой возможности солдаты старались от них избавиться.

Такая возможность впервые представилась летом 1944 года. Наши солдаты постепенно стали переобуваться в сапоги пленных немцев. Немецкие солдатские сапоги — обувь никудышная. Они очень тяжелые, страшно грубые, ноги в них быстро устают, долго ходить в них трудно. Но тем не менее солдаты мирились с этими недостатками, лишь бы избавиться от обмоток. К концу войны все солдаты хим.роты были обуты в трофейные немецкие сапоги. Мне наши солдаты достали хромовые сапоги немецкого офицера. Сапоги были очень хороши и пришлись очень хорошо на мои ноги, но их я обул только один раз. Их увидел старший лейтенант Капустин и забрал себе, заявив, что солдату хромовые сапоги не положены. Правда, надо отдать ему должное, взамен он отдал мне свои кирзовые сапоги. В этих сапогах я и ходил до конца войны и после войны, в них и демобилизовался. Оказалось, что кирзовые сапоги — очень хорошая и удобная обувь.

В зимнее время мне, как и всем солдатам, приходилось носить валенки, но об этой обуви я ничего хорошего сказать не могу, для фронтовых условий и мягкой зимы эта обувь неподходящая. Долго идти в них трудно, но самое главное — трудно сохранить их сухими.

Из всего прочего снаряжения очень большую роль в жизни солдата имел котелок. Наш двухлитровый котелок того времени был хорош своей емкостью, но очень тяжелый и неудобный, поэтому при первой возможности солдаты его бросали и брали немецкий котелок, гораздо лучше приспособленный к солдатским потребностям.

О чувстве Родины

Слова о патриотизме, Родине до войны преподносились нам в школе, они употреблялись в газетах столь часто (как они произносятся и пишутся и сейчас), что превратились в избитый штамп и никаких чувств не вызывали.

Оказалось, что чувство Родины — это действительно высокое и святое чувство, но для «открытия» его нужно было попасть за пределы Родины. Я это почувствовал сразу же, как только мы перешли границу и попали в первый немецкий город на нашем пути — Тильзит (Советск).

И в России, и в Белоруссии, сколько городов и сел встречалось на нашем пути, — никаких особых эмоций это во мне не вызывало. Я их воспринимал как свои города и села, и они меня воспринимали как своего, В Тильзите же я

резко, сильно, как-то прямо кожей ощутил, что я этому городу чужой и он мне чужой и враждебный. И сколько мы двигались по Восточной Пруссии, меня не оставляло ощущение враждебности всего окружающего. Чужие и враждебные дома, немецкие двухметровые заборы с колючей проволокой, немецкий сверх-педантичный порядок во всем. Я тоже люблю порядок, но не до такой степени. У немцев порядок — фетиш, перед которым надо преклоняться. Чужим и враждебным оказался даже немецкий лес.

За время войны на Смоленщине и в Белоруссии я очень привык к лесу. Лес солдату — первый друг. В любую погоду: в жару и дождь, в мороз и слякоть — лес всегда укроет и обогреет, спрячет и защитит. Если надо, в лесу всегда построишь шалаш из лапника, если надо, — землянку или блиндаж, всегда можешь разжечь костер берестой. Я представляю, как трудно было солдатам воевать на Украине, где почти нет лесов. Но в Восточной Пруссии — это совсем другой лес, непривычный, чужой и враждебный. Деревья, в основном ель, посажены геометрически правильными рядами в трех направлениях — в длину, ширину и по диагонали. Сучья и ветки обрезаны со всех деревьев строго до одинаковой высоты. Внизу — чистота и строгий немецкий порядок, сушняк на костер — и то не найдешь, все убрано и вылизано. И только пройдя Восточную Пруссию, в бывшем Польском коридоре мы встретили леса в русском стиле.

В Лауэнбурге мы стояли больше года, привыкли, и постепенно ощущение враждебности всего окружающего притупилось. Но зато нестерпимо, невыносимо захотелось домой. Родина стала казаться далекой и очень желанной мечтой, все бы отдал, лишь бы домой. Поэтому я очень понимаю и очень сочувствую старому русскому полковнику, которого наши солдаты встретили под Кенигсбергом. Немцы перед отступлением угоняли все свое население, но он спрятался и специально остался. А встретив нашего солдата, горько плакал. Рассказал, что он полковник старой русской армии, в гражданскую войну воевал в белой армии, эмигрировал в Германию и все это время работал в поместье в качестве батрака. Он признает, что тяжело виноват перед своей Родиной, пусть его накажут, пусть даже расстреляют, но пусть разрешат перед смертью побывать в родных местах, еще раз прикоснуться к Родине.

Я также очень хорошо понимаю композитора и пианиста Сергея Рахманинова, который эмигрировал в Америку, но перед смертью в 1942 году перечислил все свое состояние (около трех миллионов долларов) в фонд обороны СССР и просил только одного — разрешить ему вернуться, чтобы умереть на Родине. Но Сталин не разрешил.

Точно так же я понимаю Георгия Гамова, одного из крупнейших физиков XX века, который в возрасте 54 лет умер в США от ностальгии, от тоски по своей родной Одессе. Всех подобных людей я очень хорошо понимаю. И совершенно не понимаю многих нынешних, для которых Родина — пустой звук. Мне кажется, что только самые большие подлецы и отъявленные негодяи могут променять Родину на блеск заграничной мишуры. И я одобряю, когда такие уезжают в Израиль, в Америку. И не понимаю, почему их не отпускают. Пусть едут, меньше сволочей здесь останется.

Кто-то из писателей-фронтовиков в газетной статье заявил однажды, что у каждого была своя война. Эту мысль я полностью разделяю. Я в своих

воспоминаниях описал войну такой, какой она была для меня, правда, не всю войну, а только ту ее часть, которая связана с 70 стрелковой Верхнеднепровской ордена Суворова дивизией, то есть с апреля 1943 года.

Война неожиданно ворвалась в нашу жизнь, безжалостно перепахала наши судьбы и глубокой бороздой разделила наше время на два периода, на две эпохи: «ДО войны» и «ПОСЛЕ войны». Война все изменила: и мы изменились, и страна наша изменилась, и весь мир изменился. И я благодарен судьбе за то, что мне довелось увидеть эти изменения. Очень многие, которые шли рядом со мной, были такие же молодые и ни в чем перед судьбой не виноваты, — не дошли. И от многих из них не осталось даже могилы на этой земле. И я всегда чувствую, что я живу благодаря им, они погибли и за меня. Но жизнь на земле продолжается. И весь вопрос сейчас в том: была ли пережитая нами война последней или последняя война еще в будущем?

МАЛКОВ ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ

19.08.1921 года рождения, место жительства: г. Москва.

Призван в Красную Армию 1 июля 1941 года в г. Комсомольск-на-Амуре, службу проходил в артиллерийской части (76-мм пушка), окончил курсы оружейных мастеров. В 1943 года часть переправили на запад, под Калугу, где она вошла в 70 с.д. Воевал в 68 с.п. минометчиком и командиром минометного расчета. Был дважды ранен.

Награжден орденом «Отечественной войны» II степени, медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

На подступах к населенному пункту в Прибалтике перед нами предстала страшная картина: десятки мирных жителей, стариков, женщин и детей стояли вокруг огромной ямы. Немецкие солдаты готовились их расстрелять. Мы вступили в бой и спасли людей. Это запомнилось на всю жизнь. Люди целовали и обнимали нас, рыдали так, что забыть невозможно через десятки лет.

МИНИН ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в феврале 1924 года, место жительства: г. Петрозаводск.

Воевал в 68 с.п. 70 с.д. с апреля по 19 августа 1943 года наводчиком станкового пулемета «Максим».

Награжден медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

С однополчанами 70 с.д. мне удалось участвовать только в одном наступательном бою 18–19 августа 1943 года по освобождению Спас-Деменского района, где дивизия после переформирования принимала боевое крещение. До этого дивизия находилась во втором эшелоне. Восхищен наступательным порывом своих товарищей, их мужеством во время контратак противника. Как я узнал

теперь, в этих боях 68 с.п. потерял более половины личного состава.

Одним из ярких личных воспоминаний является воспоминание о первом бое, о своем боевом крещении. 18 августа после ночного марша полк развернулся в боевые порядки. И вот перед нами немецкие траншеи, совсем близко лица врагов. Хотя к этой встрече мы упорно готовились, сам момент встречи был несколько ошеломляющим. До этого были налеты авиации, артиллерии, но все это воспринимается иначе по сравнению с тем, когда нос к носу сталкиваешься впервые непосредственно с солдатами врага. В этот момент сыграла большую роль та тренировка, которая выработала быструю реакцию, переходящую в автоматизм. Больше половины солдат в полку были мои сверстники, ребята 18–19 лет, — бывшие курсанты различных военных училищ. Наступательный порыв был настолько силен, что фашистские захватчики побежали, оставив полосу укрепления. Нам, пулеметчикам, нужно было все время очень спешить за стрелками. Мы выбирали удобную огневую позицию и стреляли по врагу. В этот день бой закончился уже в темноте. Наш пулеметный расчет выдвинули в боевое охранение. Из четырех человек расчета нас осталось только двое. Был убит командир отделения Олег Михайлов, ранен в плечо подносчик патронов Ирмагометов. Ночь была беспокойная, вели перестрелку. А рано утром бой закипел с новой силой. Здесь было все: и шквал огня пулеметов, минометов, артиллерии, включая и тяжелую, который захлестнул ряд наших новых атак. Были снайперские пули, налеты самолетов врага, контратаки, поддерживаемые танками, которым удалось пройти через наши боевые порядки. Только мы уже стали настоящими солдатами, действовали обдуманно, расчетливо, смело, поэтому выдержали все. В этот день был ранен мой друг Борис Сысоев. Плохо было с патронами, приходилось ползать по полю и собирать их где попало. При возвращении из такого «похода» он и был ранен в обе ноги. Так я остался один из расчета. Через какое-то

время ко мне «пришли» наш командир пулеметной роты и его ординарец. Когда мы меняли боевую позицию, во время очередной контратаки немцев я был ранен в ногу. Командир роты сам лег за пулемет, а мне приказал ползти в тыл. Так кончилась моя служба в 68 с.п. Хотя я там служил недолго, но всегда помню свой полк, где я принял боевое крещение и стал настоящим солдатом.

После госпиталя попал в другую часть — 13 Гвардейскую Краснознаменную артиллерийскую бригаду, был разведчиком, получил еще два ранения, был контужен.

Ниже мы приводим две заметки, которые были написаны Мининым В.А. и опубликованы в разное время в стенной газете Петрозаводского лесотехнического техникума.

Новое оружие

Осенью 1944 года часть, где я служил, находилась на территории врага в Восточной Пруссии. Враг яростно оборонялся, но дни фашистского Рейха были уже сочтены. В это время фашистская пропаганда изо дня в день твердила, что скоро наступит перелом в ходе военных действий, скоро немецкая армия применит новое оружие и русские будут разгромлены. Невольно закрадывалась тревога: от фашистов можно было ожидать всякой пакости. И однажды вечером, на фоне заходящего солнца, на большой высоте мы увидели очень много воздушных шаров, движущихся в нашу сторону. Зрелище было необычное и непонятное. Что это такое? Уж не новое ли оружие, которое обещали применить немцы? Когда шары приблизились, по ним начали стрелять. Вначале робко, а затем все сильнее и сильнее. При попадании шары взрывались. Оказалось, что таким необычным способом служба фашистской пропаганды решила сбыть свой залежалый товар — листовки с призывом сдаваться в плен (такая тупость!). Этот случай всех здорово развеселил. Каждый вдруг понял, что никакого нового оружия не будет и день победы близок.

Фронтовые будни и праздники

Будни — это дни обороны. Дни, когда жизнь идет более или менее однообразно. С наступлением темноты начинается активная деятельность. Доставляются боеприпасы и еда, строятся оборонительные и различного рода заградительные сооружения, идет перестрелка с обеих сторон.

Как в старину сторож стучал колотушкой по доске, предупреждая, что он бодрствует, так на фронте стучат пулеметы и автоматы. Каждая сторона старается показать, что безнаказанно к ним подойти нельзя. И все же именно в это время идет поиск разведчиков, случается и разведка боем, тогда перестрелка усиливается, включаются минометы и орудия. Противник раскрывает систему огня, и в это время идет усиленное изучение полосы его обороны.

С наступлением рассвета активность спадает, фронт начинают контролировать дежурные наблюдатели, снайперы, минометчики и артиллеристы. А чтобы уставшие за время бессонной ночи люди не забывали, что они все же на фронте, ведется методический минометный и артиллерийский обстрел, включая и тяжелую артиллерию. Например, 3 минуты — и близкий взрыв тяжелого снаряда основательно встряхивает тебя. Такой вид огня называется тревожащим. И опять изучается оборона противника, идет подготовка к празднику.

Праздник на фронте — это наступление. Его всегда ждут, и солдаты безошибочно чувствуют своим шестым чувством его приближение. Хотя вероятность смерти при наступлении возрастает, но это действительно праздник. Так уж, видно, устроен человек: наступление приближает конец войны, приближает желанный день Победы.

Для врага наши наступления были, вероятно, часто неожиданными. Научились их готовить скрытно. Передвижения — только ночью, места сосредоточения танков, артиллерии, войск для наступления — вдали от передовой, и только в ночь перед наступлением вся эта масса передвигается в исходное положение.

Наступает момент начала артподготовки — и на врага обрушивается шквал огня, который бушует час, два часа и больше. Стоит невероятный грохот, пыль и дым закрывают солнце. Вот уже тут наглядно видно, что артиллерия — бог войны. Противник огрызается, но взрывы его снарядов и мин почти не слышны в грохоте артподготовки.

Наконец вал огня отодвигается, и вслед за ним начинают двигаться пехота и танки. Их сопровождают самолеты-штурмовики, а бомбардировщики бомбят в это время ближайшие тылы противника. Оставшиеся в живых солдаты врага не способны после такой обработки оказать упорное сопротивление движущейся лавине. Они оглушены, подавлены, и многие сдаются в плен.

Хотя это только первая линия обороны, а будет еще вторая, третья. Будут яростные контратаки противника. Но на душе большая радость. Движемся вперед!

НОВИКОВ ВИКТОР ДМИТРИЕВИЧ

23.02.1924 года рождения, место жительства: Московская область, г. Королев.

В начале войны учился в техникуме, с декабря 1942 года по март 1943 года — курсант Тульского пулеметного училища. С марта 1943 года сержант — командир отделения в роте автоматчиков 68 с.п. С 28 по 31 августа 1943 года — командир взвода в 68 с.п. отдельной роты автоматчиков. 31.08.1943 года был тяжело ранен в голову.

Награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

В конце августа 1943 года в одном из боев недалеко от города Спас-Деменска Калужской области я был назначен временно командовать третьим взводом отдельной

роты автоматчиков вместо погибшего или раненого младшего лейтенанта. Назначил меня устной командой наш командир роты старший лейтенант.

Вечером 30 августа 1943 года я принял пополнение из 20 молодых ребят 1926 года рождения, а также полковое знамя 68 с.п. Из старых бойцов во взводе остались, кроме меня, младший сержант Михаил Гаель, родом из Москвы, и пожилой красноармеец Гречко.

На следующий день ко мне прибежал связной и передал приказ, чтобы я с взводом поступил в распоряжение командира первого батальона. Услышав приказ, я подумал, а что же делать с полковым знаменем? Я принял решение: назначил старшим по охране знамени младшего сержанта Михаила Гаеля, с ним бойца Гречко и одного очень молоденького бойца из прибывшего пополнения, а сам повел взвод, в котором осталось 23 бойца-автоматчика, вслед за связным в первый батальон.

Мы пробежали примерно метров 100 и увидели, что за кустами перед открытым полем лежит старший лейтенант — командир 1 батальона. Я доложил ему о прибытии взвода.

Он мне говорит: «Видишь впереди деревню?» Я ответил, что вижу.

«Вот перед этой деревней имеется первая траншея, в ней засели немцы. Их надо выбить из этой траншеи и закрепиться в ней».

Я поднял бойцов, развернул их в цепь и повел в атаку. Мы не добежали примерно 300—400 метров до траншеи, когда немцы не выдержали, выскочили из нее и бросились бежать в деревню. Мы ударили из автоматов им в спины, но никто из немцев не падал, так как автоматные очереди, вероятно, до них не доставали.

Я увидел недалеко брошенный станковый пулемет, лег за него и ударил из пулемета по убегающим немцам. Вот когда мне пригодилось знание станкового пулемета «максим», который я изучал в Тульском пулеметном училище. Но пулемет вскоре заело, и я бросился вслед за своими автоматчиками.

Мы выбили немцев из траншеи и закрепились в ней.

Уже стемнело, когда немцы подожгли дома в деревне, а по нашей траншее открыли огонь из минометов и артиллерии (траншея, вероятно, была пристреляна).

Я решил оставить эту траншею и продвинуться вперед, окопаться на окраине деревни.

Стал поднимать моих еще не привыкших к боям бойцов из пополнения, но никто не хотел вылезать из траншеи и под минометным огнем окапываться на новом рубеже. Тогда я выскочил из траншеи, стал перебегать вдоль нее, чтобы поднять своих бойцов. Но в это время поблизости разорвался снаряд, меня подбросило, и я потерял сознание.

На следующее утро меня подобрали на поле боя санитары из другой части. К этому времени я очень замерз и просил пить. Оказалось, что осколок попал в голову, пробил каску и застрял в черепной кости. Также у меня была контузия и большая потеря крови. Когда меня везли на грузовой машине, очень сильно тошнило.

Осколок вытащили в медсанбате. Потом перевозили из одного госпиталя в другой: в полевой госпиталь, в эвакуогоспитали Спас-Деменска, Калуги, Москвы, Горького. Больше в свою дивизию я не попал.

После госпиталя попал в запасной полк в г. Брянске, а в 1944 году был направлен в военное училище в г. Тамбове, из которого в декабре 1945 года был списан по ранению. Затем был комиссован, стал инвалидом Великой Отечественной войны.

ОВСЯНОВ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ

29.01.1924 года рождения, место жительства: г. Кострома.

Воевал с апреля 1943 года помощником командира взвода в 3 с.р. 1 б. 68 с.п. В 1958 году ушел в запас в звании капитана.

Награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».

18 августа 1943 года в районе Спас-Деменска, несмотря на сильный огонь противника, мы продвинулись за день до 5 километров. Помню снайпера Чеснокова, который, идя в цепи наступления, метко разил фашистов, но в конце дня прямым попаданием мины был убит, находясь от меня в 4 метрах. К концу дня из роты по ранению выбыли почти все офицеры, и командир

1 с.б. 68 с.п. приказал мне собрать бойцов своей роты и выдвинуться в боевое охранение. Собрав 6 человек бойцов и выдвинувшись вперед, мы окопались на высоте. Не спали всю ночь, подготовившись к отражению атак противника, но немцы побоялись сунуться к нам. Только с рассветом командир батальона прислал нам подкрепление. Мы были горды выполнением задания.

На следующий день после артиллерийской подготовки мы снова пошли в наступление.

ОГУРЦОВ ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ

22.09.1922 года рождения, место жительства: г. Владивосток.

Воевал с 1943 года до конца войны в 68 с.п., 174 автороте, 227 артполку водителем.

Награжден орденом «Отечественной войны» II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Особенно запомнился штурм города Кенигсберга, который начался мощной трехчасовой артиллерийской подготовкой из множества орудий разного калибра. Артиллерийские дивизии прорыва плотно стояли как по ширине, так и в глубину фронта. Стреляли «катюши», затем пошли танки, авиация и пехота. При активном участии

всех подразделений 70 с.д. Кенигсберг был взят в течение 4-х дней.

ПАШКОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

23.02.1921 года рождения, место жительства: Краснодарский край, Усть — Лабинский район.

Воевал с 1941 года до конца войны, в том числе с 1944 года помощником командира взвода 68 с.п.

Награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

Может быть, мало кто знает, что впервые на этой войне мы радовались уже в ноябре 1941 года, освобождая наши деревни от немецких захватчиков на Волховском фронте.

Запомнился бой в июне 1944 года под г. Шкловом Могилевской области. После того как кончились снаряды, командир орудия А.В. Бажанов со связкой гранат бросился под вражеский танк, за это он был по-

смертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Бойцы 68 с.п. проявили массовый героизм при форсировании реки Неман и в сражении за дорогу Шауляй-Каунас, где при отрыве от главных сил дивизии мы вели бой более суток с превосходящими силами противника. Тогда нам очень помогли самолеты-штурмовики Ил-2.

РУСИНОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ

24.02.1918 года рождения, место жительства: Нижегородская область г. Богородск.

Проходил службу с 01 сентября 1943 года старшим адъютантом в 252 с.п., с 15 декабря 1943 года — помощником командира отдельного лыжного батальона, с 01 июня 1944 года — заместителем командира батальона по строевой подготовке 68 с.п. в звании капитана.

Награжден орденами «Красная Звезда», «Отечественной войны» II степени, медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

Память...она, как осколок у сердца, который не тревожит дни, годы, а потом вдруг повернется самой острой своей зазубриной, и занеет старая солдатская рана. Глубокие отметки оставила война у людей. Мне хочется рассказать о санинструкторе лыжного батальона Шура Черновой. Это было зимой 43-го. Перед нами была поставлена задача атаковать противника и выбить его из первой траншеи. Задача была выполнена. Немецкие окопы были в наших руках, но к утру мы получили новый приказ — оставить траншеи и отойти на новый рубеж. Личный состав батальона стал отходить, но мы обнаружили, что нет с нами санинструктора. Оказалось, что Шура Чернова осталась в одной из землянок с двумя десятками раненых, которые не могли передвигаться. Они были оставлены другой частью. Чернова оказала всем медицинскую помощь и организовала эвакуацию раненых, несмотря на то, что немцы, желая вернуть свои позиции, ринулись в контратаку. Раненые были спасены. До войны Шура Чернова проживала в Московской области.

Когда советские войска гнали фашистов из Белоруссии, нашему батальону было приказано преследовать противника, чтобы не дать ему сосредоточиться для контрудара. В это время много гитлеровцев было заперто в минском «котле». Сдаваться они не хотели, метались, как ошпаренные, ища слабое место, чтобы вырваться из окружения. И вот видим: немцы делают попытку прорваться

на нашем участке. Открыв сильнейший огонь по нашим боевым порядкам, враг идет в атаку. Мы успешно отбиваем одну, вторую атаку, несколько немецких рот сдаются в плен. Можно бы поставить точку на успехе, но вдруг от опушки леса показались танки, а под их прикрытием — цепи солдат. Снова шквал огня, мы залегает и быстро окапываемся в одиночных ячейках. Отбивать танки за три года войны мы уже научились, да вот беда, у нас нет ни одной противотанковой гранаты. Последнюю атаку мы отбивали из трофейного оружия. На Днепре наводили переправу, вот и получилась задержка с боеприпасами. В наших боевых порядках было много раненых, в том числе и командир батальона. Я, его заместитель по строевой части, отдаю приказ: эвакуировать раненых с

поля боя. Санинструктор Шура Чернова и выделенные ей в помощь 4 солдата быстро и привычно делают свое дело.

Я вижу, что один из танков делает выстрел прицелом в меня. Снаряд рвется в трех метрах...

РЫБАК ЛЕОНИД ФЕДОРОВИЧ

Родился 23 февраля 1925 года. Отец — Рыбак Федор Васильевич — бывший пограничник, затем председатель колхоза, в 1938 году был репрессирован, в дальнейшем реабилитирован.

Учился в средней школе п.г.т. Жванец, где окончил 9 классов, в 1941г. перешел в 10 класс.

Наш городок находился на расстоянии 40 км от государственной границы с Румынией.

С началом войны мы подверглись массированному удару с воздуха. Хотели эвакуироваться, но все пути отхода разбомбили, железная дорога не работала, автотранспорт весь занят, военным было не до нас. Так и остались мы на оккупированной фашистами территории.

Два старших брата ушли на фронт. Старшая сестра Шура была замужем за начальником нашей погранзаставы Гаркушей Федором Леонтьевичем.

Когда Советская Армия освободила нас в 1944 году, я был призван в армию. Меня и других призывников из наших мест направили в 208 з.с.п. Там мы прошли оформление документов, приняли присягу, нас распределили по отделениям, начали учить стрелять и метать гранаты. Когда я учился в школе, у нас была военная подготовка. Нас учили обращаться с винтовкой, пистолетом, пулеметом, гранатами. За хорошую учебу мне присвоили звание «ефрейтора» и назначили командиром отделения.

В феврале 1945 года нас отправили на фронт в 68 с.п. 70 с.д. в 1 минроту 1 батальона, где командиром роты был Останин Я.С., а командиром взвода — Батраков И.Д.

С приходом на фронт мы заняли оборону, потом прошли с боями Прибалтику, приблизились к Кенигсбергу.

Нашей роте было приказано наступать на Гросс-Фридрихсберг. В нашем минометном расчете были командир — Ковалев И.Д., наводчик — Попков, а я — заряжающий. Немцы произвели артиллерийский налет, наш командир был ранен в ногу, убит подносчик, контужен наводчик. Командир роты передал по связи с передовой: «Беглый огонь, пять». Мины лежали в укрытии в нишах. Я самостоятельно сделал несколько минометных выстрелов, а затем побежал принести еще пару ящиков. Когда командир скомандовал: «Еще, еще!», я выпустил еще 4 штуки.

За выполнение задания я был награжден медалью «За отвагу».

После взятия Гросс-Фридрихсберга мы продолжили наступление на Кенигсберг, 7 апреля с боями мы подошли к железнодорожному вокзалу, а затем — к морскому порту.

8 апреля шли уличные бои, а 9 апреля наши войска взяли штаб коменданта Кенигсберга, который находился в бункере под землей.

После Кенигсберга нам пришлось воевать с Померанской группировкой немцев. Командир нашей роты Останин был тяжело ранен в этом бою, и его место занял старший лейтенант Сухов.

Мы прижали немцев к заливу Фиш-Гофф, откуда они убегали на Курляндскую косу. Наши войска расстреливали их с берега, потом подъехали танкисты и начали стрелять из танковых орудий и пулеметов. На берегу мы взяли в плен большое количество немцев, затем обнаружили подземный госпиталь, где было много раненых и медперсонал. Нас предупредили: «Никакого самочинства не творить, обезоружить всех, кто имел оружие». Выставили охрану и продолжили наступление дальше. Часть наших подразделений ушла на косу на г. Пиллау, а мы вернулись в Кенигсберг.

Наш 68 с.п. направили маршем в город Лаунсберг (Польша), где мы расквартировались в старых армейских немецких казармах. Здесь мы отпраздновали Великую Победу.

СЕЛЕЗНЕВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ

12.02.1922 года рождения, место жительства: Смоленская область пос. Кардиново.

Воевал с ноября 1943 года по 27 марта 1944 года в 68 с.п. командиром стрелковой роты в звании старшего лейтенанта, с 1946 года — капитан.

Награжден орденами «Отечественной войны» II степени и «Красная Звезда», медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

В январе 1942 года воевал я наводчиком 82-мм минометов в 882 с.п. 290 с.д. 50 Армии. Вспоминаю следующий боевой эпизод. Группа наших разведчиков в количестве не более 12 человек сумела перед рас-

светом беззвучно снять немецкие посты, засевшие в разбитых танках. Благодаря этому красноармейцы ворвались в деревню без боя. Немцы выскакивали из домов в одних кальсонах и попадали под наш минометный огонь. Таким образом, было уничтожено 60—70 фашистов, а деревня Костино под Юхновом была освобождена. В этот же день мы захватили также деревни Чернево и Гренчево.

Хочу сказать, что до этого несколько дней наступление наших войск было безуспешным. Лыжный батальон в составе 950 человек понес огромные потери, но не сумел отбить у врага эти деревни. В первые месяцы войны мы учились воевать и разгадывать немецкую тактику. Вот и в этом случае 950 бойцов не сумели овладеть деревней, а 12 разведчиков при поддержке двух наших 82-мм минометов успешно овладели опорным пунктом немцев и уничтожили их. С нашей стороны был один убитый и трое раненых.

В начале марта 1944 года наш первый батальон 68 с.п. принял участок обороны на реке Проня. В ту же ночь на рассвете немецкая разведка напала на второй взвод моей роты. В короткой схватке отличился своей храбростью командир первого взвода Куробаев. Помощник командира второго взвода Мухидинов в рукопашной схватке лично уничтожил пять фрицев и мужественно погиб от осколков собственной гранаты, за что был посмертно награжден орденом «Отечественной войны» I степени.

25 мая 1945 года мы выехали на поезде из Восточной Пруссии в Монголию, куда прибыли 22 июня. Монгольское население встречало нас очень дружелюбно и душевно. Мы выдвинулись в Северную Манчжурию, где уже китайцы встречали нас с хлебом и солью, с красными флажками, везде кричали «шанго», что означает «очень хорошо». Мне пришлось до июля 1948 года служить в г. Порт-Артуре (Дальнем), Чарджоу и в других местах Квантунского полуострова. Все китайцы тогда говорили: «Советский Союз и Китай — это вечная дружба,

это единая семья, братья и сестры, а Советская Армия — это освободительница всех народов от гитлеризма и фашизма».

ТУИСОВ МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ

05.06.1910 года рождения, место жительства: г. Рига.

Прошел боевой путь от лейтенанта до капитана.

Награжден орденами «Отечественной войны» I степени и «Красная Звезда», медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

В феврале 1944 года прибыл в 70 с.д. из госпиталя после ранения и был назначен зам. командира отдельного лыжного батальона.

Нам была поставлена задача достать «языка» (дивизия стояла в обороне). Группа бойцов в составе трех человек, которой руководил я, проникла в зону противника и схватила одного немца. Мы связали его и

на санках потащили к нам. Ему, видимо, плохо заткнули рот, и он смог громко закричать. Немцы осветили ракетами нейтральную полосу и открыли по нам шквальный пулеметный огонь. Несмотря на это, мы этого пленного притащили на свою сторону. К сожалению, он был уже мертв, но у него оказались очень ценные документы, которые использовало командование дивизии. У нашего пленника была легкая рана в левую руку, видимо, он умер от испуга. За этот рейд я был награжден орденом «Красной Звезды», другие бойцы также получили награды.

ФОМЕНКО КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ

24.12.1915 года рождения, место жительства: Липецкая область, г. Елец.

Воевал с начала формирования 70 с.д. командиром роты связи, с января 1944 года начальником связи 68 с.п. капитан.

Награжден орденами «Отечественной войны» I и II степеней, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Самыми памятными боевыми эпизодами в моей жизни являются боевые действия на Северо-Западном фронте в районе Старой Руссы, где мне пришлось принять участие в боях в должности нач. связи 2-го о.б. 47 о.к.с. бригады под деревнями Черенчицы, Онуфриево, Рамушево. Бои были упорные, жестокие, в особенности весной 1942г., когда противник перешел в наступление с целью деблокирования окруженной 16-й немецкой армии в районе Демянска. Все наши попытки весной и зимой овладеть Старой Руссой успеха не имели, хотя город нами брался неоднократно, но закрепиться мы не смогли. Не было своевременного подвоза боеприпасов из-за неимения железнодорожного сообщения и большого расстояния дорог от баз снабжения, сильных

заносов, достигавших местами 2—3 метров. Весенняя распутица заставила перейти к обороне в очень лесистом, болотистом районе. Оборона бригады тянулась от реки Ловать до деревни Онуфриево. В деревне был овраг. Оборона наша выглядела довольно необыкновенно в этом месте. Огневые точки были оборудованы на деревянных плотках, так как кругом была вода, доходившая до колен, а в иных местах до пояса бойцам, лишь немного было не залитых водой возвышенностей, рыть траншеи было невозможно. Во втором батальоне, которым командовали лейтенант Лишевский и комиссар Бядов, насчитывалось около 70 человек, у меня же — 4 телефониста и 2 радиста, из 17 человек по штату. Из-за отсутствия дорог подвоза продуктов и боеприпасов не было, сухарей получали по 50 граммов не каждый день, суп варился такой, что описать трудно из-за его пустоты, питались подножным кормом, рыли клубни земляных орехов и всякие корни, собирали ягоды. Снаряды и патроны приносили вручную за 7 км до передовой, на бойцов и офицеров смотреть было трудно без сожаления. Несмотря на эти трудности, оборона держалась крепко. Немцы ежедневно по радио предлагали перейти к ним, обещая колбасу, хлеб и шнапс. Ни один боец, тем более командир, не стал изменником.

Такое положение продолжалось до июня 1942г., пока не высохли дороги и болота. Приказом Верховного Главнокомандующего тов. Сталина с июня было усилено питание для восстановления нормы бойца. За лето был пополнен запас боеприпасов, доходивший до 2—3 боекомплектов мин и патронов.

В сентябре 1942г. немец перешел в наступление для соединения с 16 Армией, окруженной в Демянске, при сильной авиационной поддержке и потеснил нашего правого соседа — дивизии 1 гвардейского корпуса — к Ловати. Батальоны 47 о.к.с. бригады стойко держали оборону в лесу. Лишь получив приказ ночью на отход, 2 батальон тихо собрался и отошел на заранее подготовленную полосу обороны. Командир минометной роты капитан Потерин, из-за невозможности вынести запас мин и вопреки приказу бросить мины, открыл такой

огонь всей ротой ночью, что лишь к вечеру немец обнаружил покинутые нами позиции обороны.

В это время я находился на промежуточной контрольной станции в 1,5 км от КП батальона и в 1,5 км от передовой. Мне, как начальнику связи, было приказано следовать за стрелковыми ротами батальона, ушедшего с позиций. На мой вопрос: «Как быть со средствами связи и кабелем?», комбат Лишевский ответил: «Брось и быстро догоняй». За лето линия связи была подвешена на высоте до 2,5 м по деревьям. Несмотря на это, я решил снять кабель, так как с меня спросят надежную связь на новом месте. За время нашего минометного налета на оборону противника мы с 4 телефонистами, находившимися в моем подчинении, сняли более 3-х км кабеля на катушки с радиостанцией РБ. Радист Кожин и его помощник Кузнецов тронулись в путь-дорогу в дождь по темному лесу. Несмотря на то, что Кузнецов почти каждый день ходил на КП бригады за почтой и зарядкой аккумуляторов, знавший в дневное время хорошо дорогу, ночью стал блуждать. Утром, когда рассвело, мы окончательно заблудились. Стали тихо доноситься немецкие голоса.

Я принял решение двигаться по компасу на восток, преодолевая все, что находилось перед нами. Впереди было болото, поросшее камышом, глубина которого доходила нам по шею, при этом приходилось на себе нести рацию, телефоны и кабель. Благополучно перейдя болото, протянувшееся на 5–6 км, в кустарнике передохнули и, не зная обстановки, с большими предосторожностями двинулись вперед к месту сбора батальона на высоту 34,0. На командном пункте комбат Лишевский со слезами обнял нас, поблагодарил за сохранение средств связи и тут же дал приказ дать связь стрелковым ротам. Я был награжден медалью «За отвагу».

Описанный мной эпизод остается в моей памяти как сон, но жаль, что не всех своих бойцов сохранил пофамильно, слишком много я их потерял.

Связист в военное время несет большие тяготы, с него большой спрос, так как не может быть победы без надежной, устойчивой связи.

В феврале 1945г. после освобождения г. Клайпеды мы переправились через залив Балтийского моря на косу, которая тянется более 100 км. Заняли оборону вдоль моря с задачей — не дать противнику высадиться десантом с моря. В одну из ночей полк получил приказ на марш по косе для оказания помощи вышедшей к морю гвардейской дивизии, подвергшейся сильному давлению фашистов. Погода в это время была штормовая, морозная, сильный гололед. Невзирая на это, личный состав 68 с.п., проявляя мужество и выносливость, преодолел более 100 км ледяной дороги за 26 часов марша, сделав один привал для принятия горячей пищи, которая готовилась прямо на марше. Отдохнув в течение часа, полк продолжил марш и вышел к Крайцу, достигнув указанного приказом командира дивизии полковника Красновского места. Отдохнув 3–4 часа, полк получил новую задачу — марш-бросок на 20–30 км к передовым позициям одной из дивизий, стоящей в обороне.

К месту назначения полк прибыл точно в указанное приказом время. К этому моменту противник прекратил боевые действия, не достигнув успеха на этом участке. 68 с.п. получил отдых и расположился во 2 эшелоне занимавшей оборону дивизии.

Воспользовавшись сильной пургой, этой же ночью противник на другом участке фронта перешел в наступление и стал теснить оборонявшиеся части левого фланга.

68 с.п. получает новую задачу — совершить марш около 25 км, с ходу атаковать противника, восстановить положение в обороне отошедшей гвардейской дивизии. Преодолевать снежные заносы личному составу полка пришлось помогать конной тяге обоза. На исходе ночи полк прибыл на указанный рубеж и с ходу атаковал прорвавшегося противника. Фашисты не ожидали, что в такую непогоду Советская Армия совершит наступательную операцию. Понесся большие потери в живой силе и вооружении, немцы отошли, оставив захваченные позиции. В этом марше и в боях все без исключения бойцы и офицеры проявили мужество и отвагу.

Восстановив положение, полк получил новый приказ командующего корпусом генерала Городовикова — совершение марша на левый фланг обороны корпуса для смены гвардейских дивизий, находившихся в обороне и понесших большие потери в личном составе. Сменив оборонявшиеся части, полк стал готовиться к выполнению новой боевой задачи — выйти к побережью Балтийского моря.

На третий день утром полк перешел в наступление, но, слабо поддержанный артиллерией, не смог преодолеть оборону противника, занимавшего очень удобную и сильно укрепленную оборону по возвышенностям. Очень мешала наступлению нашей пехоты огневая пулеметная точка — оборудованное подвальное помещение кирпичного здания.

Понесся большие потери и не сумев выполнить поставленную ему боевую задачу, полк возвратился на прежние позиции.

Ночью саперный взвод под непосредственным управлением инженера полка капитана Лебедева Леонида Семеновича, начальника разведки капитана Харченко Дмитрия, преодолев минное поле и проволочное заграждение, подошли к доту. Они заложили фугас (из противотанковых мин), взорвали его и захватили уцелевшего немца, облепленного пухом и пылью (в доте были пуховые матрацы, одеяла и подушки — полный комфорт).

Вышеизложенное я считаю одним из ярких эпизодов подвига однополчан. Полком командовал полковник Онойченко — бывший министр просвещения Молдавской Автономной Республики, начальником штаба был майор Святченко — бывший директор средней школы из г. Минска, помощником начальника штаба — майор Осипов.

Письмо в Елец от 24.04.1987г.

Здравствуй, дорогой мой юный друг Андрюша!

Андрюша, письмо и открытку с поздравлением по случаю наступающих праздников я получил, за что шлю тебе свою благодарность. Андрюша, ты пишешь, что тебе поручили подготовить лекцию о моей жизни и боевом пути. Моя жизнь не жизнь выдающихся людей нашей родины и нашего времени, но раз просишь, придется написать.

Родился я 24 декабря 1915г. по старому стилю в селе Ольховатка Острогорского уезда Воронежской губернии в семье рабочего. В школу пошел в 1924г.

и окончил в 1928г. четыре класса. В 1929г. поступил в школу крестьянской молодежи и окончил ее успешно в 1933г. Эта школа, как видишь по ее названию, готовила молодежь для работы в сельском хозяйстве. В школе был большой земельный участок, сад, лошади и сельхозинвентарь. Учащиеся сами обрабатывали землю, сажали овощи и выращивали их, работали в саду, выращивали фрукты. Работали на полях колхоза. Школа готовила из учащихся младших агрономов. По окончании выдали удостоверение об окончании средней школы.

Учась в школе, а занятия были во вторую смену, я был учеником киномеханика в кинотеатре, а потом стал киномехаником.

В 1935г. я поступил в тракторно-механическую школу. В 1936г. в октябре закончил ее и получил специальность слесаря-монтера по автотракторам и сельхозмашинам 5 разряда. С таким разрядом я был выпущен только один, так как я учился только на «отлично» и сдал экзамен по всем предметам на «отлично».

В ноябре 1936г. был призван в армию (на год раньше срока), армия омолаживалась, раньше в армию призывали в возрасте 22-х лет.

В армии зачислили в школу младших авиаспециалистов в г. Кировограде, которую закончил в 1937г. на «отлично». По окончании был участником окружного слета отличников Красной Армии в г. Киеве. В школе получил специальность — авиамоторист оружейно-пулеметного мастера. После слета был направлен в 15-ю тяжелую авиабригаду.

С мая 1937г. — моторист истребительной эскадрильи. Будучи срочным служащим, мне доверили самостоятельное обслуживание самолета ПО-2.

В 1938г. вступил кандидатом в члены партии. В октябре по настоятельному требованию комиссара полка тов. Летова был зачислен на сверхсрочную службу авиамехаником на самолет И-16. В июне 1939г. в составе авиаэскадрильи был направлен в правительственную командировку, то есть на Халхин-Гол, в Монголию, для оказания помощи МНР в борьбе с японскими самураями. По окончании этой кампании нас оставили продолжать службу в Забайкалье.

В январе 1941г. демобилизовался. По приезде домой в Ольховатку, райком направил меня на работу в паспортный стол милиции.

Когда началась война, в июле был направлен в Воронежское училище связи. По ускоренной программе военного времени в октябре 1941г. выпустили нас в звании младших лейтенантов и направили в Новосибирск на формирование 103 отдельного полка связи 1 Ударной Армии на должность командира взвода связи телефонно-кабельной роты. Полк наш прибыл в Загорск в начале ноября. Я, как командир взвода связи, начал выполнять службу с деревни Стеканово, давая связь наступающим дивизиям от штаба армии, не зная отдыха ни днем, ни ночью. Без связи невозможно успешно управлять войсками, и к связистам были самые строгие требования. С боями я со своими связистами дошел до ст. Шаховская, где получил по телефону распоряжение командования полка — свернуть связь и прибыть в деревню Ботово, где был передовой штаб армии. Когда взвод прибыл в Ботово, нас посадили на машины и направили в г. Клин. Это потом мы узнали, что 1 Ударная Армия передислоцируется на Северо-Западный фронт.

После трехдневного отдыха и приведения в порядок средств связи, железной дорогой направляемся на Валдай. На станции Лукошкино мы высадились,

пешим ходом прошли несколько километров и остановились. А средства связи переправляли в санях, запряженных лошадьми. Ночью, часов в 10–11, меня вызвали командир полка Баранов и начальник связи армии, они поставили задачу взводу. Необходимо было немедленно выступить, совершить марш (по карте это 30 км.) и прибыть на место к 12 часам следующего дня. Они заявили, что, если выполню данную задачу, буду представлен к ордену Ленина. Двигаясь ночью по бездорожью по незнакомой местности, используя карту и знание топографии, взвод выполнил задачу и ранее 12 часов вышел в указанное место. В этой деревне уже была установлена связь. Это корпус генерала Курочкина выходил после освобождения Крестцов в направлении на Старую Руссу.

Сообщив по телефону на узел связи армии о выполнении задачи, я получил новое задание — дать связь в два пункта: в деревню Русская Яблоня в 7 км, а вот другая находилась на расстоянии около 30 км от моего местонахождения. Это нелегкая задача — во взводе 14 человек и 3 надо для конных саней, лесистая болотистая местность, большой снежный покров. Была выполнена и эта задача. 7-км линия связи работала устойчиво, а вот в 30 км — с перебоями, так как очень большое расстояние, а линия однопроводная, т.е. использовалась земля для второго провода, а земля мерзлая — большое сопротивление и слабая слышимость. Когда войска прошли, нам дали новую задачу: пешим порядком выдвинуться в район деревни Дамушево на р. Ловать, чтобы найти оставшуюся в целости баню. Для этого пришлось без отдыха пройти не один десяток километров. От этой бани прибыли в деревню Борисово, где был штаб 1-й Ударной Армии. От штаба я давал связь 180 с.д. Ивана Ильича Миссаны, которая наступала на Старую Руссу. За этот город шли очень ожесточенные бои всю зиму. В результате наступательных действий нашей армии 16 немецкая армия была окружена в районе Демянска. С мая 1942г. я был переведен начальником связи 2 о.с.б. 47 о.к.б. За боевые действия в районе деревень Черенчицы и Лука был награжден медалью «За отвагу». В марте 1943 года 47 бригада была выведена на переформирование в район г. Калуги. Из 146 и 47 бригад была сформирована 70-я с.д. Меня назначили зам. ком. роты связи 329 с.п., с июня я стал командиром роты. В декабре 1943г. меня переводят начальником связи 68 с.п. 70 с.д.

За боевые действия был награжден орденами «Отечественной войны» I и II степени, польской и советскими медалями и благодарственной грамотой тов. Сталина.

После войны работал начальником отдела кадров сахарного завода, слесарем, электриком, мастером железнодорожного цеха, с 1960 по 1975г.— начальником железнодорожного цеха завода до ухода на пенсию.

Дорогой Андрюша, прости, что так мало написал, все невозможно описать. До свиданья, дорогой. Привет всем ученикам класса и учителям, родным.

С приветом, К. Фоменко

РАЗДЕЛ 6
252 СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК

БОДУНОВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ

07.11.1924 года рождения, место жительства: г. Дмитров.

На фронте с сентября 1943 года, с января 1944 года по декабрь 1946 года в 252 с.п. 70 с.д., звание в начале войны — рядовой, в конце войны — старшина.

Награжден двумя орденами «Отечественной войны» II степени, орденом «Красная Звезда», медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

До призыва в 1943 году в Вооруженные Силы СССР проживал в д. Светогорово Дмитровского района Московской области. Трудовую деятельность начал в 1942 году трактористом Дмитровской машинотракторной станции.

В январе 1943 года был призван Дмитровским военным комиссариатом и направлен в 383 з.с.п. в г. Ижевск, где проходил обучение по специальности минометчик до августа 1943 г. Затем был направлен на Западный фронт и зачислен в роту противотанковых ружей противотанкового истребительного дивизиона 164 с.д. Наша экипировка не соответствовала требованию устава: пилотки у нас были не пехотные, а темно-синие авиационные. В боевых действиях принимал участие с сентября 1943 года.

Вспоминается первый бой. Несмотря на то, что моя военная специальность минометчик, я воевал сначала вторым номером противотанкового ружья, так как там требовались крепкие ребята. Первый боевой приказ был на подавление пулеметных точек противника. Мы преследовали отступающего врага, сбивали заслоны, неся большие потери. С подразделениями дивизии осуществлял прорыв третьей линии обороны немецко-фашистских войск на реке Десна. Вскоре нашу дивизию пополнили, и мы снова вступили в бой.

Первую боевую награду — медаль «За отвагу» получил за активное участие в атаке по захвату противотанкового рва, укрепленных оборонительных сооружений, путей отхода противника в тыл в районе реки Сож. В атаке участвовал вторым номером расчета ПТР, который действовал в составе передового пехотного подразделения. В этом бою было взято большое количество пленных немцев.

Вскоре ночью нас подняли по тревоге, и мы сменили Польскую дивизию имени Т. Костюшко, которую немцы изрядно потрепали. В темноте, занимая

новую для нас позицию, с командиром роты мы нарвались на немцев — погиб один из наших бойцов по фамилии Чугунов. Мы заняли оборону, немец сначала сильно ударил, думая, что мы поляки, а затем ослабил натиск. Так мы простояли двенадцать дней под немецким обстрелом наших позиций. Однажды рядом со мной разорвалась мина, да так, что ружье отлетело в сторону. При этом меня чудом не ранило, а только контузило: я ничего не слышал, в глазах стояли искры. Меня направили в медсанбат, затем в прифронтовой госпиталь, где я месяц лечился. Затем я снова попал на фронт в артбатарею 252 с.п. 70 с.д.

22 июня 1944 года в 4 часа утра началось наступление. Первыми ударили «катюши», которые провели артподготовку для прорыва обороны немцев, затем пошла пехота. Мы взяли немецкие траншеи и продолжили борьбу с оставшимися в обороне вражескими танками. Нам приходилось вручную толкать 76-мм орудия.

Орденом Красная Звезда я был награжден за подбитый немецкий танк при отражении контратаки противника под г. Шауляем в Литовской ССР. Я в то время воевал в 252 с.п. вторым номером расчета в полковой батарее 76-мм артиллерийских орудий. Подбив танк, расчет вызвал на себя огонь немецкого самоходного орудия «фердинанд», которое было замаскировано на опушке

Бодунов Н.А. (сидит второй слева)

леса. Командир орудия вовремя заметил танк и крикнул: «Ложись». Мы упали, и поэтому расчет остался без потерь, но наше орудие было разбито выстрелом самоходки.

Осенью 1944 года мы подошли к Мемелю, который освободить сходу не удалось. Его взяли только в январе 1945 года. В городе мы нашли брошенный немецкий патефон, а я раньше его никогда в жизни не видел. Он оставался у нас в роте до штурма Кенигсберга, когда его пришлось бросить. Меня и еще одного бойца направили в минометную батарею 120-мм орудий 252 с.п. Командир задал мне вопрос: «Ты деревенский. На лошадях работал? Садись на повозку, поезжай в тыл, отремонтируй сбрую. Будешь возить бревна для блиндажей». Там я встретил снайпера Валю Васильеву, родом из Ленинграда, мы раньше вместе воевали. Она должна была вскоре демобилизоваться из-за беременности. После прибытия в нашу батарею солдат постарше я передал повозку одному из них, а сам был направлен на передовую.

Однажды зимой 1944 года мы с командиром отправились копать картошку на поле рядом с разбитой деревней. Командир был на лыжах, я пешком с ломом в руках. Немецкие позиции были совсем рядом. Как только мы начали копать вместе с солдатами из других подразделений, немцы открыли по нам огонь. Командир успел уехать на лыжах, а я бросился на землю. Вернулся к своим без картошки, но лом из рук не выпустил! После возвращения надо мной все посмеялись, так как наблюдали эту картину.

Орден «Отечественной войны» второй степени я получил за меткую стрельбу в качестве наводчика 120-мм миномета при штурме Кенигсберга.

Будучи на фронте мне дважды предлагали поехать учиться: в минометное училище и в Ленинградское военно-политическое училище. Мой отец пропал без вести в 1941 году под Вязьмой. Я не захотел учиться на военного, чтобы не оставлять мать совсем одну.

Прошел огонь и воду в этой Великой войне.

Из Вооруженных Сил СССР был уволен в запас в 1950 г. в звании старшины. Последние годы служил в г.Иркутске старшиной батареи. Окончил парашколу Восточно-Сибирского военного округа. Находясь в запасе, работал заместителем начальника госпиталя по политчасти. После переезда в родные места учился в Москве в техникуме, а затем работал на руководящих должностях в Дмитровском районе Московской области.

Находясь в запасе, проходил военные сборы. В настоящее время имею воинское звание майора.

Однажды, уже после войны, на встрече ветеранов в музее Боевой Славы 70 с.д. (школа № 2 г. Московский) я обратил внимание на фотографию девушки. Показалось, что очень знакомые глаза. И точно, она - Валентина Васильева, снайпер. В музее мне также удалось найти ее ленинградский адрес. У нас завязалась переписка. Оказалось, она вышла замуж за командира батареи, у них двое детей. Встреча фронтовых товарищей состоялась спустя 44 года после Победы. Когда я приехал в Ленинград с экскурсионной группой, мы с трудом узнали друг друга.

Биографическая справка подготовлена лично
Бодуновым Николаем Андреевичем 24 февраля 2011 г.

ВАСЮНИН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

01.07.1926 года рождения, место жительства: Орловская область, с. Омонь.

Воевал с 16 декабря 1943 года по 29 июля 1944 года, в 1 батальоне 252 с.п. в должности старшего телефониста, звание — рядовой.

Награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

В последних числах июля 1944 года наш батальон вышел на рассвете к реке Неман. Нам долго не удавалось наладить переправу — понтонный мост. Командир взвода лейтенант Тверибинов Евгений дал приказ переправляться на другой берег на подручных средствах. Я со своими товарищами Поляковым и Туриновым на двух бревнах, свя-

занных полевым кабелем, ночью переправились на другой берег. Мне пришлось отвечать за матчасть, телефоны, катушки с кабелями, что я выполнил до конца.

Все измокшие, усталые, под непрерывным освещением ракетами и обстрелом немцев, мы благополучно достигли берега и наладили связь с батальоном и ротами.

ГОДЛО АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

В 1943 году я, лейтенант Годло Алексей Николаевич, был назначен командиром штабного взвода связи 252 с.п. 70 с.д. Командиром полка являлся Яценко Александр Тимофеевич, тогда подполковник. Формирование полка проходило под Калугой. Подразделения сколачивались из разрозненных остатков боевых частей и новобранцев.

Политработники совместно с командирами проводили большую политико-воспитательную работу во вновь сформированных подразделениях. Сразу были созданы партийные и комсомольские организации, ставшие опорой в воспитательной работе и подготовке к предстоящим боевым действиям. Коммунисты и комсомольцы

составляли треть, а в некоторых подразделениях половину личного состава. Прошедшие фронтную закалку, политически зрелые офицеры и солдаты были вовлечены в группы агитаторов.

Готовясь к боям, зная, как жесток враг, мы с новой силой развернули политико-воспитательную работу: проводили политинформации, выпускали боевые листки, организовывали митинги и встречи с подпольщиками и партизанами, вели индивидуальные беседы с необстрелянными солдатами, печатали листовки и памятки.

Но все-таки среди новобранцев находились люди, которые сомневались в жестокости фашистов, не представляли чудовищных и бессмысленных злодеяний, которые творили гитлеровцы на нашей земле. Необходим был конкретный и зримый урок, нужно было показать солдатам, что оставляют после себя захватчики.

7 ноября 1943 года было объявлено построение в честь годовщины Великого Октября. Потом полк и солдаты других подразделений 70 с.д., свободные от дежурства, перестроились в три колонны и пошли в направлении м. Горы Городецкого района Могилевской области. На нашем пути лежала сожженная дотла деревня, только печные трубы указывали место, где раньше были дома. За деревней, в балке бывшего полотняного завода, находились две братских могилы метров по 6 длиной и метра по 3 шириной. Одна могила была разрыта, около нее стояли местные партизаны. Наши колонны построились вдоль могил. Мы стали свидетелями ужасного злодеяния, хладнокровного зверства, которое совершили гитлеровцы. Могила была заполнена трупами женщин, стариков и детей. Партизаны рассказали о страшной участи жителей сожженной деревни, мимо которой мы проходили. Перед своим отступлением фашисты согнали всех жителей от мала до велика к свежевырытым ямам. Людей живыми сталкивали туда, заставляли ложиться вниз лицом плотным рядом, потом расстреливали. На ряд убитых снова заставляли ложиться живых... и так в несколько рядов, пока не заполнилась могила.

Офицеры и солдаты стояли потрясенные этой картиной нечеловеческого преступления. Нетрудно было представить весь ужас расправы над советскими людьми. Казалось, еще стояли в воздухе стоны, крики, плач детей, слышались автоматные очереди. По щекам многих текли слезы. Агитатор нашего полка капитан Вайнер не говорил много — у него стоял комок в горле. Протянув руку в сторону могил, он сказал: «Вот он — «новый порядок». Парторг 252 с.п., боевой офицер Марков Н.Г. от волнения не смог выступить. Дивизионный оркестр исполнял похоронный марш. Оркестром руководил Ульянов Н.И., ныне проживающий в г. Троицке Московской области.

Могилу вновь закопали. Над могилами установили солдатские фанерные пирамидки со звездами. Подразделения прошли торжественным маршем, салютовали погибшим. Каждый уносил в своем сердце жгучую ненависть к врагу и желание поскорее изгнать фашистскую нечисть с нашей священной земли. На этих могилах побывали почти все воины дивизии, каждому воину стал понятен лозунг: «Смерть за смерть — кровь за кровь».

70 с.д. находилась на ответственных участках фронта в Восточной Пруссии, занимала побережье Балтийского моря в Северной Померании, прикрывая

фланг 2 Белорусского фронта, главными силами действовавшего на Берлин с севера. Дивизия с честью закончила войну. Ей присвоено почетное наименование «Верхнеднепровская», награждена орденом Суворова II степени.

ГУЩИН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1924 году в простой крестьянской семье, в селе Былово Подольского района Московской области.

Награжден орденом «Отечественной войны» II степени, двумя орденами «Красная Звезда», медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».

Как и все советские дети, учился в школе до 1941 года. К этому времени успел окончить 9 классов Краснопахорской средней школы. И вот началась Великая Отечественная война. Она была действительно Великая как по времени, так и по количеству павших и жертвам, размаху и значимости. Решалась судьба нашей Отчизны, судьба нашего Советского народа.

В августе 1941 года меня не взяли добровольцем, так как я родился 16 ноября, мне еще не было семнадцати лет. Однако враг подходил к Москве, и я был мобилизован на трудовой фронт. Участвовал в подготовке передовых рубежей обороны Москвы. До середины ноября 1941 года строил рубежи в деревне Чириково, Вороново, Кресты, Красная Пахра, селе Былово. Копали траншеи, строили огневые точки, противотанковые рвы, блиндажи и другие оборонительные сооружения. В ноябре 1941 года пошел учиться в Троицкую среднюю школу, чтобы закончить 10 классов. Пришлось ежедневно ходить пешком по 6 км туда и обратно, так как поблизости работающих школ не было. Десятый класс я окончил в июле 1942 года, а в августе был призван в Армию и направлен в Саранское пехотное училище по подготовке командиров взводов станковых пулеметов. Училище я окончил в мае 1943 года в звании лейтенанта.

После окончания Саранского пехотного училища по подготовке командиров взводов станковых пулеметов и курсов по переподготовке на командира взвода и роты противотанковых ружей воевал в 252 с.п. 70 с.д. с ноября 1943 года по 12 июля 1944 года в должности командира 2 взвода ПТР. Звание — лейтенант.

В продолжительной обороне с начала декабря 1943 года до июля 1944 года 252 и 329 с.п. находились на переднем рубеже обороны пос. Морозово и м. Морозово, а 68 с.п. находился во втором эшелоне в районе д. Запрудное. Впереди

нашей обороны на немецкой стороне в нескольких километрах находился город Горки Могилевской области.

Эту оборону за многие месяцы мы обжили по-настоящему. Траншеи — в полный профиль, хорошо оборудованы огневые точки, блиндажи, хорошие ходы сообщения. Это совсем не то, что было в ноябре 1943 года, когда наша дивизия заняла эту линию обороны. Конечно, личный состав наших полков немного пополнился, но составлял всего половину штатного расписания.

Прошли суровые зимние месяцы, наступили весенние, а затем наступил и июнь 1944 года. К этому времени командование заставляло наводить порядок в траншеях, солдаты периодически подметали дно траншей, огневых точек и часть ходов сообще-

ний. Погода в июне была прекрасная. Почти все время днем светило солнце и было жарко. Кругом зеленела трава, почти созрела пшеница.

На нашем участке она занимала большую часть обороны немцев и прилегающую часть нейтральной полосы. Чтобы обезопасить себя, немцы от своих траншей до проволочных заграждений в три ряда кольев всю пшеницу скосили. Они не могли скосить за проволочными заграждениями, так как наш огонь не позволял это сделать.

Весь июнь мы находились в напряженном ожидании, так как знали, что стоять на месте мы уже больше не имеем права. А вот где должно случиться очередное наступление, мы, конечно, не знали, но мысленно догадывались. Наш участок обороны не может быть главным направлением очередного удара по немцам. Однако все же не миновать и нашего участка с самого начала. И это начало наступило 22 июня 1944 года, то есть в день нападения немецко-фашистских захватчиков на нашу страну.

Это было началом величайшей операции ВОВ лета 1944 года — операции «Багратион». Мы тогда не знали, что этой операцией предусматривалось окружение и уничтожение всей немецко-фашистской группировки почти на всей территории Белоруссии.

Нашей дивизии, как и другим дивизиям центрального направления, предназначалась задача расчленения и уничтожения окруженной группировки.

Мой взвод ПТР находился во время обороны на самом правом фланге нашей дивизии. 21 июня его поставили в центр 2 с.б. 252 с.п., для каких целей, мы тогда не знали. Вообще нашей дивизии была поставлена задача произвести разведку боем, выявить силы и средства противника на участке 2 с.б. пос. Морозово силами самой дивизии без каких-либо усилений.

К началу наступления вся дивизия вышла к д. Палящица. Для этого была создана усиленная группа на основе 1 батальона 252 с.п. и 68 с.п., усиленная подразделениями из других батальонов и при поддержке дивизионной артиллерии.

Артиллерия всей дивизии вела огонь из районов Котелово, Квартано и Волковешено.

В ночь с 21 на 22 июня эта усиленная группировка расположилась на небольшом участке 2 с.б. 252 с.п. После непродолжительной артиллерийско-минометной и ружейно-пулеметной подготовки сводный батальон перешел в наступление на рассвете 22-го и быстро занял небольшой участок первой и второй немецких траншей, находящихся на рубеже пос. Морозово и м. Морозово. Но продвинуться дальше не смог из-за сильного артиллерийского и минометного огня немцев. Кроме того, по ложине на пос. Морозово, по которой батальон двигался на исходные рубежи, немец открыл ураганный минометный огонь, чем отсек наших ребят от основных сил, находящихся на первой линии обороны 2 с.б. Это лишило нас возможности послать подкрепление, боеприпасы и эвакуировать раненых. Фактически сводный батальон оказался отрезанным и окруженным с трех сторон. Началось уничтожение батальона.

Немцы бросили два «фердинанда», которые ходили вдоль своей второй траншеи и поливали огнем, что еще больше поставило наше подразделение в затруднительное положение. Постепенно кольцо вокруг батальона сжималось. Время подходило к полудню, обстановка становилась критической. И вот командование решило облегчить положение окруженного батальона, бросив небольшую группу в составе стрелковой роты, усиленной взводом станковых пулеметов, минометным взводом и моим взводом ПТР. Задача группы — атаковать немцев, ворваться и захватить для начала первую траншею и тем самым отвлечь их силы от батальона, находящегося в критическом положении.

Место наступления было выбрано очень удачное. Немцы, увлекшись уничтожением батальона, в полдень 22 июня никак не ожидали такой дерзости со стороны нашего командования. Решающую роль сыграло то, что к этому времени они еще не успели скосить пшеницу перед своим проволочным заграждением, и мы этим воспользовались. Скрытно пройдя к пшеничному полю, наша группа оказалась у проволочных заграждений немцев в 250–300 м от нашего окруженного батальона. Расположившись около проволочных заграждений, саперы приступили к проделыванию проходов. Мы оказались почти рядом с немецким пулеметчиком, который был так увлечен соседним батальоном, что фактически находился к нам спиной и моментально заняли позицию, нацеленную в первую очередь на эту пулеметную точку. ПТР и станковые пулеметы успели занять позицию до того, как немцы услышали шум от перерезаемой саперами проволоки и разминирования, они не успели повернуть свой пулемет, и он был быстро уничтожен нашим огнем. Но зато «проснулись» другие точки немцев, находящиеся в отдаленности во второй траншее. Немцы открыли шквальный огонь разрывными пулями. Эти пули, встречаясь с пшеничным стеблем, разрывались и создавали треск и шум.

Наступила критическая минута. Необходимо было срочно принимать какое-то решение. А решение было одно: броском через проделанные проходы — в немецкую траншею, что было сделано по команде командира стрелковой роты. На месте остались только связной с телефоном, командир стрелковой роты и я. Изучив обстановку за время обороны, мы знали, что каждый квадрат перед траншеями немцы пристреляли заранее сильным минометным и

артиллерийским огнем. Зная это, мы моментально приняли решение продвигаться в траншею к своим ребятам, а там думать о сложившейся обстановке и принимать какие-то меры. Едва мы успели вскочить в траншею, как на место, где мы находились перед проволочным заграждением, обрушился шквал огня. От разрывов мин и снарядов росшая пшеница была скошена до былинки.

Когда немцы только обнаружили нас и открыли огонь разрывными пулями, осколок от одной разорвавшейся пули попал мне в локоть и застрял там. Рука перестала сгибаться, а если и сгибалась, то это вызывало нестерпимую боль. Осколок от другой разорвавшейся пули попал в губу, не причинив мне большого вреда, кроме небольшой царапины и струйки крови. Когда мы оказались в траншее, мне была оказана медицинская помощь, а осколок так и остался торчать в локте. Уже после окончания прорыва обороны немцев на этом направлении мне была оказана помощь командиром санитарного взвода. После этого необходимость уходить из строя отпала, и я продолжал боевые действия вместе со своими солдатами и друзьями по оружию до полного уничтожения немецко-фашистской группировки и до выхода к городу Минску 05 июля 1944г.

Заняв небольшой участок первой немецкой траншеи с хорошо оборудованным блиндажом и пулеметной огневой точкой, мы закрепились до наступления ночи, когда можно будет выслать нам подмогу. До этого времени немцы своим минометным огнем не позволяли этого сделать. Несмотря на яростное сопротивление немцев, нам удалось расширить захваченный участок траншеи до проходов немцев справа и слева ко второй траншее. При этом в бою отличился командир стрелкового взвода — цыган по национальности. Он находился впереди своих солдат, а те по его приказу подносили гранаты, в том числе захваченные немецкие. Он бросал одну — две гранаты в участок траншеи, а после взрыва гранат прочесывал этот участок автоматной очередью. Таким образом, мы закреплялись на участке траншеи между двумя проходами на вторую траншею.

Немцы неоднократно нас контратаковали, но все их атаки были отбиты, хотя одна наша огневая точка — станковый пулемет — несколько раз переходила из рук в руки. К сожалению, нас очень беспокоил «фердинанд» (самоходная пушка немцев), который ходил вдоль своей второй траншеи и поливал огнем наш участок. По приказу командования надо было как-то утихомирить его. Наша артиллерия находилась очень далеко, и ее выстрелы были бы не точны. Пришлось применить ПТР, которые мало что давали утешительного, но все же заставляли его как-то уходить в сторону. Тогда мне пришла мысль попробовать использовать немецкий фауст-патрон, его выстрел еще больше заставил нервничать немецкий экипаж. «Фердинанд», не рассчитав свои возможности, при очередном маневре одной гусеницей залез в свою траншею и сел на брюхо, тем самым перестав быть для нас большой опасностью.

Было уже поздно, и скоро наступила ночь. К нам пришло подкрепление — саперы, которые на проходах установили огнеметные фугасы и противопехотные мины. Пришел к нам наш любимый старшина с термосами каши, сверху, на ладонь, масло, нам это питание пришлось не по вкусу, хотя мы не ели с самого утра. Была страшная жара от солнца и от боя, нам было не до еды, зато мы с удовольствием опустошили целых два термоса крепкого горячего чая.

Всю ночь мы провели в напряжении, то ожидая нападения немцев, то намерения их вытащить свой «фердинанд». Всю ночь за второй траншеей гудели моторы тягачей, пытающихся подойти к нему, но мы вели почти непрерывный огонь, и к утру немцы отказались от идеи спасти свою машину.

Утром 23 июня 1944 года саперы одновременно подорвали огнеметные фугасы, установленные в проходах ко второй траншее, а мы броском одновременно по двум проходам ворвались во вторую траншею и заняли ее. На этом участке оказался и злополучный «фердинанд», получивший, как мы потом установили, несколько пробоин от ПТР и ФАУ. С помощью саперов мы подорвали оставшуюся невредимой гусеницу, тем самым окончательно лишив немцев возможности отбить его у нас. Весь этот день мы отбивали небольшие атаки немцев по траншеям и расширяли участок траншеи, находящийся в наших руках.

Хочу рассказать просто анекдотический случай этого дня. Мы стали уже понемногу успокаиваться от попыток немцев вытеснить нас. Расставив огневые точки на второй и первой траншеях, мы, офицеры, собрались в захваченном блиндаже. Вдруг неожиданно прибежал солдат из пулеметного расчета с сообщением, что к нам идет немец. Мы подошли к пулемету и увидели, что действительно немец в полном вооружении и в полный рост перешел занятую нами вторую траншею и спокойно приближается к нам. Сначала не знали, что нам делать, — стрелять в него или нет. Но он спокойно приближался, а мы, 3 офицера и расчет пулемета наготове, ждали, что же будет дальше. Когда немец подошел на расстояние 10–12 м, один из солдат не выдержал и крикнул: «Хенде-хох!». Немец остановился, странно посмотрел кругом, неожиданно повернулся и, закричав нечеловеческим голосом, пустился бежать в обратную сторону, не прекращая кричать. Мы открыли огонь из автоматов и станкового пулемета, но как ни старались, попасть в него так и не смогли. А немец пересек вторую траншею, спустился в овраг и скрылся из глаз, продолжая кричать. Видимо, он не знал, что русские на данном участке заняли две траншеи, и рано утром пошел на передовую по какому-то приказу, но перепутал направление. Когда увидел нас перед собой, то от неожиданности помешался.

Через несколько дней мы перешли в наступление и преследовали немецко-фашистские части на данном участке по направлению на город Горки, а 26 июня его освободили.

За умелое ведение боя, уничтожение немецкой самоходной пушки «фердинанд», за то, что не оставил поле боя после ранения, я впервые был награжден орденом Красная Звезда.

Операция «Багратион», разработанная генеральным штабом Красной Армии по окружению и уничтожению немецко-фашистских захватчиков в Белорусской ССР, была в самом разгаре. В этой операции непосредственное участие принимала 70 с.д., в которую входил 252 с.п. и, конечно, мой родной 2 батальон, в котором я находился весь период обороны г. Горки. Операция подходила к концу, однако немцы отчаянно сопротивлялись. Они стремились как можно быстрее попасть в Минск, как говорила немецкая пропаганда, город находился еще в их руках.

Наша авиация в дневное время крайне ограничивала продвижение немцев по дорогам, а белорусские леса не позволяли им двигаться с техникой и большими группами. Поэтому нам приходилось ускоренно двигаться параллельно дорогам, по которым отступал противник. Наша пехота с полным вооружением проходила в день до 30 км, естественно, люди уставали и уже ждали, когда немец остановится на каком-нибудь подготовленном рубеже. За это время мы могли немного отдохнуть.

Так в конце июня, после дневного броска, поздно ночью мы вышли на один такой рубеж и заняли западную сторону деревни для небольшого отдыха, чтобы рано утром продолжить свой путь на запад. Большинство солдат, предполагая скорый поход дальше, решили не окапываться, а просто, развернувшись вдоль одной стороны деревни прямо по огородам, устроились на отдых. В темноте не разобрались, что расположились на обратной стороне возвышенности, на которой была сама деревня.

Впереди нашего полка наступал 68 с.п. Он вечером оседлал дорогу, по которой отступала мощная колонна немцев с техникой, в том числе с танками и самоходными орудиями. Днем немцы, скрываясь от авиации, движение прекратили, и участок дороги был свободен. Этот участок и занял 68 с.п. Поздно ночью немцы пошли вперед и столкнулись с подразделениями 68 с.п., завязался бой. Не выдержав напора немцев при поддержке танков, подразделения 68 с.п. начали отходить в направлении наших позиций.

Находясь на обратной стороне склона, мы никак не могли понять и разобраться, что там происходит. Кто куда наступает и кто куда отступает, в каком направлении двигаются немцы. Мой взвод, состоящий из 3-х бойцов, имеющих одно противотанковое ружье, расположился у самого угла двора одного, почти последнего, дома левого фланга. Далее влево и впереди было пшеничное поле.

Мои ребята, очень дисциплинированные молодые бойцы, двое белорусов и один осетин, без всякого напоминания при малейшей остановке копали окоп для себя и ружья. Поэтому были готовы ко всякой неожиданности. В данном случае произошло это без приказа, и я только подсказал, где удобнее выбрать позицию. Внутри двора, окруженного со всех сторон строениями, находился минометный расчет. Я и командир минометного расчета, находясь на обратном скате, не могли видеть поле боя и, естественно, не могли принять правильного решения. Для этого я решил забраться на крышу сарая и оттуда наблюдать все, что происходит впереди.

Обстановка оказалась более сложной, чем мы предполагали. Впереди в нашу сторону отступали бойцы 68 с.п. За ними двигалась плотная цепь немцев, которых поддерживали станковые пулеметы, и, что самое страшное, на наш участок шли два «тигра», стрелявшие по нашей линии обороны. Я расположился на крыше у самого угла, где находился мой расчет ПТР.

Первыми из-за ската показались танки, которые начали стрелять из пушек и пулеметов по нашему станковому пулемету и 45-мм пушке. Пушка после нескольких выстрелов убралась восвояси, и станковый пулемет оказался наедине с танком, так как расчет пулемета не выкопал окопа ни для пулемета, ни для себя и оказался фактически открытой мишенью. И, конечно, был уничтожен с первых выстрелов. К нашему счастью, у танка остались только бронебойные

подкалиберные снаряды и зажигательные пули. Разрыва снаряда не происходило, и не было осколков. Это и спасло мой расчет ПТР.

Находясь на крыше, я видел весь маневр экипажа танка и мог легко принимать нужное решение — оно оказалось единственным спасением для нас. Когда танк поворачивал орудие в сторону расчета ПТР, после нескольких наших выстрелов я командовал расчету — в укрытие. Ребята укладывали ружье на дно траншеи и сами ложились. Выпущенные танком снаряды прошивали бруствер, не взрываясь и не причиняя вреда. Выпустив несколько снарядов, экипаж танка переносил огонь в другое направление. Мне этот маневр очень хорошо был виден. Я давал команду: «Ребята, к бою», — они поднимались и ставили ружье в боевое положение. Бить из ПТР по броне «тигра», конечно, бесполезно. Я приказал бить по смотровым щелям, командирской башне и внутрь орудийного ствола с целью заклинить снаряды. Такая игра продолжалась несколько раз. Моим ребятам удалось заклинить командирскую башню, вывести из строя пушку, через некоторое время она перестала стрелять и работали только пулеметы. Все это происходило от расчета на расстоянии 50–60 м., кроме этого, я корректировал выстрелы минометчиков по наступающей цепи немцев. Одновременно из своего автомата пытался уничтожить немецкий расчет станкового пулемета, но не смог. Пули ложились впереди или сзади, но никак не в цель.

Корректировать бой мне становилось все сложнее и сложнее. Заметив выстрелы с крыши сарая, танк открыл огонь зажигательными и разрывными пулями по крыше. Загорелась солома. Огонь все больше распространялся, было невыносимо жарко. Обратная сторона крыши скрывала меня от зажигательных и разрывных пуль. Мне пришлось спрыгнуть с крыши во двор.

Вместе с командиром взвода минометчиков мы решили отойти на другую сторону деревни. Расположились на окраине пшеничного поля и снова стали окапываться. К нашей радости, танк не решился пойти через деревню, похоже, задача немцев была в том, чтобы при поддержке танков временно задержать нас и дать возможность своим основным силам проскочить участок дороги и стремительно направиться в сторону Минска.

Основные силы наших в это время расположились на опушке леса за деревней. Неоднократные попытки послать к нам связного не увенчались успехом. Связной из-за сильного пулеметного и ружейного огня не смог или побоялся подойти к нам, чтобы передать приказ об отходе.

Этот небольшой эпизод многому научил нас — командиров и солдат. При каждой более или менее затяжной остановке необходимо окапываться по-серьезному, в этом основное спасение жизни — зарываться в землю. Она, матушка, спасет и уберезет.

12 августа 1944 года во время боев в Белоруссии и Литве был тяжело контужен и направлен в госпиталь. После окончания лечения я был направлен в распоряжение 173 с.д., которая находилась под городом Сувалки. За личное участие в отражении танковой атаки под городом Сувалки я вторично был награжден орденом «Красная Звезда». Участвовал в боях в Восточной Пруссии, Польше, Германии, Чехословакии. Победу над фашистской Германией 9 Мая 1945 года я встретил на территории Чехословакии.

После войны проходил службу в городе Вена (Австрия) при Венской оперативной группе. Демобилизовавшись в 1946 году, пошел учиться в Московский инженерно-строительный институт. А в декабре 1947 года поступил в Военно-инженерную академию им. В.В.Куйбышева, которую окончил в 1954 г., т.е. на год позже моего курса из-за болезни. После окончания Академии проходил службу при Академии им. Куйбышева и Академии им. Дзержинского. С 1957 года перешел в Управление материальных фондов Министерства обороны СССР, где проходил службу в качестве офицера отдела, старшего офицера отдела, заместителя начальника отдела. С 1975 г. до окончания службы в армии (1983 г.) занимал должность начальника отдела. Являюсь Почетным строителем космодромов Байконур и Плесецк, ракетных стартов, Почетным строителем Олимпийских объектов.

После ухода на заслуженный отдых я принимаю активное участие в общественной работе. Являюсь секретарем Совета ветеранов 70-й Верхнеднепровской ордена Суворова стрелковой дивизии, которая проводит большую работу по воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма в школе № 2 бывшего совхоза «Московский» под Москвой. В этой школе с 80-х годов организован музей Боевой Славы, который занял первое место среди школьных музеев Московской области. Кроме того, я являюсь старостой села Былово Краснопахорского сельского округа Подольского района, где за последние два года возведен прекрасный памятник односельчанам, ушедшим и не вернувшимся с фронта ВОВ.

Вот краткий путь моей жизни-коммуниста, вступившего в партию в 1944 году на фронте и оставшегося им до сего времени. Только боль в сердце и в душе не проходит после разрушения моей дорогой Социалистической Родины, которая меня воспитала, дала образование и за которую я, не жалея жизни, отдавал свои молодые годы, а в мирное время все свои силы и знания отдавал на восстановление и развитие разрушенного хозяйства и особенно на укрепление обороноспособности нашей дорогой каждому настоящему патриоту Родины.

ЖУРАВЛЕВ БОРИС КИРИЛЛОВИЧ

07.07.1923 года рождения, место жительства: г. Горький.

Воевал с 13 декабря 1943 года, с 08 августа 1944 года по 11 апреля 1945 года в 252 с.п. в должности помощника начальника штаба, капитан. Был тяжело ранен.

Награжден орденами «Отечественной войны» I и II степеней и «Красная Звезда», медалью «За отвагу».

В феврале 1944 года мой взвод 148 отдельной штрафной роты занимал оборону на участке 68 с.п. В моей землянке находилась группа «слушачей» (подслушивальщиков телефонных переговоров противника). Старшим группы был антифашист с 1942 года младший лейтенант Принуметалл — немец, отличный,

смелый товарищ. Много ценных сведений было им перехвачено, расшифровано и передано нашему командованию. Помню одно из них, что сегодня в 2 часа ночи в районе деревни Конюхи будут действовать «белоснежки», то есть разведчики в белых халатах. Это позволило нам их достойно встретить. И еще много других ценных сведений, которые были переданы в разведотдел Армии.

В районе деревень Тюрмель и Конюхи 23 июня был дан приказ овладеть 2-мя линиями траншей противника. После небольшой артподготовки солдаты 4–5 стрелковых рот и одного пульвзвода вылезли из насиженных траншей и, преодолев нейтральную полосу, стреляя на ходу, устремились в проходы минных полей. Оказавшись у проволочных

заграждений, я сбросил с себя плащ-накидку.

Немцы побежали из этой траншеи во вторую. Я стрелял по ним и вдруг вижу, что туда, где мы находились, летит граната. Я крикнул: «Ложись», все упали, а затем, как по команде, вскочили и бросились в траншею за немцами. Первое, что бросилось мне в глаза, — это черные и красные провода — телефонная связь, я их порвал и устремился по траншее вперед. Вдруг из-за поворота на меня бросился немец, откуда-то в моих руках оказалась немецкая граната, я изловчился и стал ею бить немца по голове. На помощь мне пришел кто-то из солдат и уложил немца очередью из автомата. Немец был младшим офицером, волосы белые, глаза голубые — настоящий фриц.

Дальше я оказался в немецкой землянке. На столе лежал в желтой кобуре пистолет «Вальтер», рядом находились радисты, и я дал им команду связаться с НП полка, так как телефонной связи не было и ее навести было невозможно.

Немцы опомнились и обрушили шквал огня из минометов и артиллерии по своим бывшим траншеям, пытаясь уничтожить нас. И действительно, во время атаки и боя мы потеряли всего два человека: командир 4 роты старший лейтенант Козлов был ранен в ноги еще на нейтральной полосе, и был убит старшина роты Анохин. А вот в течение дня немцы несколько раз принимались бить по нам артиллерией и минометами. Также заработали их снайперы — нельзя было высунуть голову, так как свою систему обороны они знали хорошо и находились на возвышенном месте. И мы стали нести потери. После налетов недосчитывались 2–3 человек. Погиб от снайперской пули в лоб командир пульвзвода лейтенант Трофимов, ночью прямой наводкой снаряд попал в пулемет и был убит лучший пулеметчик моей роты Кухарев.

В разгар артобстрела в траншее появилась листовка, простой клочок бумаги (где он теперь?). Вот его содержание: сегодня наши войска овладели городом Витебском, о нашем участке было написано кратко Журавлев — смелый, лейтенант Груздев — отважный и т.д. Груздев был прислан вместо Козлова, он

ходил в партизанской папаше с красным околышком — партизанский отряд имени Фрунзе. Меня за этот бой наградили орденом «Красная Звезда» и было присвоено очередное воинское звание — капитан.

Числа 10–11 августа 1944 года после форсирования реки Неман наши подразделения освободили 2–3 населенных пункта и захватили спиртзавод. Фашисты, опомнившись от удара, пустили в ход танки с пехотой. Мы еще не успели к этому времени окопаться.

Танки шли по ржаному полю, стреляя на ходу и тесня нас к берегу реки. В это время мой боевой друг, старший лейтенант Абросимов, с гранатами в руках бросился на один из танков, но был прошит очередью из пулемета. Он был похоронен здесь же, на берегу реки Неман у небольшой деревушки, и ему был поставлен деревянный обелиск с Красной Звездой.

В ночь с 10 на 11 апреля 1945 года после штурма Кенигсберга батальоны первый (Иванова) и второй (Царегородцева) в ночной атаке в сосновом лесу потеснили немцев и заняли вражескую траншею. Часа в 4 утра, на рассвете, противник с танками и пехотой, стреляя на ходу из огнеметов, подошел к нашей траншее. Завязался тяжелый бой, в котором я был тяжело ранен в голову. Мне на помощь пришел санинструктор 2 батальона Комзер Макс Фердинандович, который перевязал меня и помог выйти в тыл.

КАРАВАЕВ КОНСТАНТИН ИОСИФОВИЧ

Воспоминания минометчика

День 21 июня 1941 года застал меня в одном из колхозов Удмуртской АССР при выполнении изыскательских работ под сельский водовод.

В начале июля по линии НКВД я был мобилизован как инженер-топограф на изыскательские проектно-строительные работы аэродромных площадок. До заморозков было построено две таких площадки. Затем до мая 1942 года у меня была бронь специалиста народного хозяйства.

В мае 1942 года был призван в Красную Армию и направлен на учебу в 3 Ленинградское военно-пехотное училище в г. Воткинск Удмуртской АССР.

Спустя семь месяцев в звании лейтенанта был назначен командиром взвода минометной роты 82-мм минометов 36 о.с.б. Западного фронта.

Первое боевое крещение принял под городом Рославль Смоленской области. В осенних наступательных боях 1943 года наша бригада дошла до реки

Проня у г. Чаусы Могилевской области и встала в оборону. В этих боях пришлось воевать с предателями, власовцами.

Зимой 1943—1944 годов бригада вела жестокое сражение за г. Витебск. Противник на участке южнее г. Витебска был в 3,5 раза сильнее нас как по численности, так и по вооружению, но тем не менее нами в конце декабря 1943 года была прорвана линия обороны противника на участке шириной 6 км. и глубиной 25 км. Вот в этом незавязанном мешке смерти и велась ожесточенная бойня до конца июня 1944 года. Сколько воинов полегло там смертью храбрых, не считать.

У противника было преимущество по рельефу местности — его линия обороны проходила на гребне, возвышающемся над нашими позициями на 50—60 метров, что позволяло им видеть нас, как на ладони. Передвигаться войскам и транспорту в дневное время было трудно, а ночью машины должны были идти без света.

За участие в этих боях я был награжден двумя медалями «За отвагу»: первая — за разведку боем со взятием «языка», вторая — за успешную поддержку минометным огнем наступление стрелковой части. Выбыл из 36 с.б. по болезни.

Затем в составе 252 с.п. 70 с.д. 2 Белорусского фронта как командир-минометчик участвовал в Белорусской наступательной операции под кодовым названием «Багратион» с форсированием реки Днепр и освобождением городов Горки и Шклов Могилевской области. 29 июня 1944 года меня ранило.

Первый день операции «Багратион» (24 июня 1944 г.) до сих пор у меня в памяти, особенно первые два часа боя, когда смерть шагала за мной по пятам.

Как это было...

Во время нашей артподготовки боец — заряжающий опустил мину в ствол, из которого не вылетела предыдущая мина. В результате взрывом двух мин был одновременно уничтожен миномет и убито три человека: наводчик, заряжающий и парторг роты. Я стоял рядом с парторгом, но остался невредим. По окончании артподготовки я с расчетами моего взвода ушел в блиндаж, который был построен в один накат. Противник дал ответный огонь по нашим позициям, и так случилось, что одна мина угодила прямо в блиндаж. Осколки мины разлетелись по верху блиндажа, а взрывом было перебито одно бревно наката. Мы оказались в облаке дыма и пыли невредимыми, отделались испугом. После захвата первой линии обороны противника меня послали на отвоеванную территорию для корректировки огня по уничтожению огневых точек сопротивления. У меня был нехитрый прибор — перископ, с помощью которого и велось управление огнем. После пристрелки-просмотра я пошел к телефону, чтобы дать команду на залповый минометный огонь по уничтожению орудия противника. В это время вражеский снаряд угодил прямо в перископ, а я снова остался живым. Бой закончился, противник начал отступать, а мы готовились к его преследованию. Наступил момент расслабления, и сразу навалилась страшная усталость. В ожидании подхода нашей минометной роты я решил вздремнуть в завоеванном немецком блиндаже. Залез на нары, а тут, как назло, один боец стал из любопытства копать в каком-то немецком предмете, который начал трещать и дымить. И снова смертельный испуг. По счастью, этот предмет оказался простой дымовой шашкой. Вот так бывало на войне.

Хотите — верьте, хотите — нет, но факт остается фактом. Моя мать говорила, что я родился в рубашке. Может быть, в этом и есть какая-то мистическая сила.

По возвращении из госпиталя (с августа 1944г. по апрель 1945г.) служил заместителем командира 336-й отдельной армейской штрафной роты 184 с.д. Белорусского фронта. В составе этого подразделения прошел всю Восточную Пруссию от Литвы до берегов Балтийского моря, участвовал во взятии города-крепости Кенигсберг.

Первый бой в Восточной Пруссии начался с форсирования приграничной реки Шешупа. Форсирование проходило в очень темную ночь с 15 на 16 октября 1944 года. Река находилась в нейтральной полосе шириной порядка 20 метров и глубиной до двух метров. Через реку саперами был наведен наплавной деревянный мостик, через который и проходила 336 рота в составе 130 бойцов и один стрелковый батальон 184 с.д. С целью непотопления мостика между бойцами соблюдалась дистанция не менее 5-ти метров, а для бесшумного перехода обувь обматывали тряпками или травой, Благодаря этим мерам предосторожности мы не были обнаружены противником до нашей атаки.

Речку перешли без потерь с нашей стороны, но впереди нас ожидала большая опасность: поляна, которую нужно было преодолеть, оказалась заминирована противопехотными минами, заросшими густой и высокой травой. Вот здесь в течение двух минут были ранены 32 бойца, причем у всех оторвало вместе с ботинками стопы ног. Как это было страшно! Все остальные одолели это злосчастное поле и пошли в атаку штурмом брать города Наумистис (литовский) и Ширвинт (немецкий). Далее с упорными боями за восемь суток продвинулись на 24 км в глубь территории врага.

11 ноября 1944 года была проведена удачная операция — разведка боем и взятие «языка». Операция проводилась на участке фронта, где расстояние между нашими траншеями и траншеями противника было всего 70 метров с проводочными заграждениями и минными полосами. Под навесным артиллерийским огнем взвод, которым я командовал, в составе 30 человек в течение 7 минут провел операцию по пленению немецкого офицера без потерь с нашей стороны. Это был первый случай на участке 3 Белорусского фронта по взятию «языка» на территории противника.

Показания «языка» были опубликованы в сводке «Совинформбюро» за 22 ноября 1944 года.

Вот оно:

Пленный лейтенант 2-й роты 252 с.б. 252 немецкой дивизии Ганс Рихлинг заявил: «Известие о вступлении русских в Восточную Пруссию произвело на солдат и офицеров ошеломляющее впечатление. Произошло то, что мы считали невозможным, и то, чего мы больше всего опасались. Офицеры обсуждают вопрос: «Сколько еще сможет продержаться немецкая армия?» Высказываются самые разные предположения. Многие сходятся на том, что катастрофа может разразиться в самое ближайшее время».

Об этом показании «языка» я, будучи на фронте, слышал, но читать не пришлось. Только спустя несколько десятилетий я в Арзамасском архиве нашел и прочитал в газете «Горьковская Коммуна» за 24 ноября 1944 года эти показания.

Эта публикация являлась для меня и солдат моего взвода огромной наградой за наш ратный труд.

За взятие «языка» я и группа красноармейцев были награждены правительственными наградами.

О награждении во фронтовой газете «Красноармейская правда» за 21 ноября 1944 года было такое сообщение:

«Они отличились в боях на Прусской земле и удостоены правительственных наград:

От имени Президиума Верховного Совета СССР награждены: (что подтверждено копией газеты).

После взятия города-крепости Кенигсберг штурмом 10 апреля 1945 года бои еще продолжались севернее города на Земландском плацдарме. Только в 12 часов ночи с 19 на 20 апреля бои прекратились и у всех стало радостно на душе.

Минометная рота была снята с огневых позиций и передана в состав 1229 с.п. 371 с.д. 5 Красноармейской Армии.

В первые два дня после боев мы приводили в порядок себя и вооружение.

25 апреля 1945 года командующий 5 Армией генерал-лейтенант Крылов П.И. произвел осмотр личного состава вверенной ему Армии, и на следующий день мы отправились на восток.

День Победы над фашистской Германией встретил в г. Свердловске (Екатеринбурге). Много было и радости, и слез.

На 35 сутки выгрузились на небольшой дальневосточной железнодорожной станции. Здесь в сопках, поросших лесом, продолжалась наша служба.

Мы расположились в наспех построенных шалашах. В течение полутора месяцев ежедневно в сопках проходили ученья.

Ночью 15 июля в составе походной колонны наша 371 д. была выдвинута на исходное положение вблизи границы Маньчжурии.

В ночь с 8 на 9 августа 1945 года мы перешли государственную границу. В отведенной 5 Армии полосе наступления каких-либо серьезных боев не было, но боевой поход через Маньчжурские горы в течение двадцати суток по бездорожью был не из легких. Пришлось и поголодать, потому что продовольственные обозы, как правило, отставали.

С войсками противника были отдельные небольшие стычки. Особенно запомнился ночной бой, когда погиб расчет нашего станкового пулемета 1229 с.п. 371 д. 1 Приморского фронта.

О капитуляции Японии мы узнали во время форсирования реки Мудодзян.

Фронтowymi дорогами по Маньчжурии нами было пройдено около 600 километров. Образно говоря, как поется в песне: «И на Тихом океане свой закончили поход».

Вернулись на Родину 7 ноября 1945 года.

Уволен с военной службы в мае 1946 года в звании капитана.

Имею правительственные награды: ордена «Отечественной войны» I и II степеней, два ордена «Красная Звезда», две медали «За отвагу», медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

В 1979–1985 годах, через областные, краевые и республиканские газеты, я занимался розыском друзей — однополчан тех воинских соединений, в которых служил во время Великой Отечественной войны:

36 отдельная штурмовая курсантская стрелковая бригада,

70 стрелковая Верхнеднепровская ордена Суворова дивизия,

184 стрелковая дивизия (командир дивизии генерал-лейтенант Герой Советского Союза Городовиков Басан Бадминович),

371 стрелковая Витебская орденов Суворова и Кутузова дивизия.

Всего разыскано однополчан около 300 человек. Со многими из них встречался и на местах боев, в освобожденных городах, и в столице г. Москве.

Вот такие мои основные, особо памятные, воспоминания.

Капитан запаса К.И. Караваев
1998 год

КАСИМОВ ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ

Во второй половине дня 04 июля 1944 года наш 3 с.б. 252 с.п. совместно с противотанковым артиллерийским дивизионом на машинах с несколькими боекомплектами патронов, ручных и противотанковых гранат, артснарядов убыли от полка в направлении Минска.

При следовании в тыл противника на передних крыльях автомашин были приспособлены ручные пулеметы с одним пулеметчиком. Бойцы, сидящие в

кузовах вдоль правого борта, расположились по 4–5 человек, столько же с левого борта, были наготове к открытию огня из ручных пулеметов и автоматов. В середине кузова лежали ручные противотанковые гранаты и запалы, готовые к применению в любую минуту. Все машины были замаскированы сетками из маскировочного материала и зелеными ветками. Машины двигались без света. По внешнему виду все было сделано так, как отступала или выходила из окружения немецкая колонна. Даже на нас, сидящих с края в кузовах, были накинуты немецкие трофейные желто-зеленые плащ-палатки, а кое у кого на голове были немецкие каски. Шум, разговоры и курение, сильные обороты моторов были запрещены. Поставлена была задача оседлать узел дорог

в районе деревни Пекалин и во что бы то ни стало удерживать на 2–3 часа до подхода наших главных сил. Чуть появился рассвет, и батальон с противотанковым истребительным арт. дивизионом скрытно двинулся на перекресток дорог и занял огневые позиции. Роте автоматчиков была поставлена задача прочесать лес по ту и другую стороны дороги и обеспечить безопасность оборудования огневых точек — позиций противотанковой артиллерии, пулеметам, 82-мм минометам и автоматчикам. Оборудование огневых точек проходило очень быстро, так как был использован рельеф лесной местности. Дорога, которую нам было приказано перерезать — оседлать, была приподнята насыпью, поэтому очень хорошо нами просматривалась с двух сторон. Ночь была теплая, стояла тишина, местами низко стелился туман, ни малейшего подозрения на присутствие немцев. Все из десантников: автоматчики, пулеметчики, минометчики и артиллеристы-истребители танков — были готовы к бою.

Недалеко от дороги, примерно в 500–600 метрах, случайно был обнаружен большой старый, но еще пригодный для размещения людей блиндаж. Здесь, в блиндаже, разместился КП и медпункт батальона. Долго ждать немцев не пришлось, разведчики-наблюдатели доложили, что на дороге появилось движение людей и слышны урчание моторов и шум техники. Командир батальона, он же руководитель десанта майор Филимонов, оценив обстановку, решил подпустить фашистов как можно ближе, а вернее, дать возможность зайти им в мешок и одновременно с головы и с хвоста внезапным артиллерийским, минометным, пулеметным и огнем автоматчиков уничтожить живую силу и технику. Все командиры рот и батарей, получив задачу, быстро, как и были собраны, разошлись по своим огневым позициям выполнять приказ командира батальона. Было приказано огонь открывать только по сигналу руководителя десанта.

Вот фашисты. Во главе колонны первым шел бронетранспортер, за ним танки и самоходные орудия, у машин были открытые люки. Это было видно всем, что значит — фашисты нас не ждут. Командиры рот и батарей ждали

сигнала на открытие огня. Когда бронетранспортеры, самоходки, танки («пантеры», «фердинанды») подошли, а вернее, зашли в мешок, была дана команда: «прямой наводкой по фашистам — огонь!». На расстоянии 40–50 метров с правой и с левой сторон дороги расстреливали в упор бронетанковую технику. Вслед за артиллерией открыли огонь пулеметчики и автоматчики, пошли в ход ручные и противотанковые гранаты. Не было такого человека, который бы не вел огонь из личного оружия. Особенно хорошо было уничтожать живую силу тогда, когда в рядах полусонных гитлеровцев началась паника. Дорога была перекрыта фашистской же техникой, так как на проезжей части горели и взрывались танки, самоходки, бронетранспортеры. Живую силу уничтожали минометчики, автоматчики. Над д. Пекалин поднялись черные столбы и тучи дыма. Все горело, взрывалась фашистская техника. Батальон задачу выполнил. Не удалось ни одному фашистскому танку прорваться через огонь десантников. Потери нашего батальона в живой силе были незначительные, техника не пострадала.

Не успели накормить людей завтраком, привести себя в порядок, проверить технику и приготовить боеприпасы, как немцы стали обстреливать нас из артиллерии и минометов. Огонь по нам нарастал очень быстро, видимо, фашисты решили во что бы то ни стало прорваться. Застрочили крупнокалиберные пулеметы, минометы навесным огнем обрабатывали занимаемые нами огневые позиции. На отдельных участках дело доходило до рукопашной схватки. Мы несли потери, было большое количество раненых и убитых. Кабельная связь с ротами, батареями и КП батальона выведена из строя полностью, и восстановить ее из-за шквального огня не было возможности. Поэтому телефонистку Таню Барамзину отправили в медпункт, находящийся в лесу в 500–600 метрах от нас у старого блиндажа. Здесь, в медпункте, она занималась перевязкой и оказанием помощи раненым.

Командир батальона майор Филимонов, оценив обстановку, решил создать небольшую группу из 8 человек. Это был расчет от разбитой противотанковой пушки. Меня назначил старшим. Поставил задачу удаляться влево от дороги, показал ориентир и маршрут. При отходе от батальона нам нужно было вести огонь из автоматов по направлению противника короткими очередями с небольшими промежутками. Как я понял, нашей группе поручили отвлечь внимание противника, принять огонь на себя. Такие группы для дезорганизации противника, мне кажется, были еще созданы, так как после ухода нашей группы у майора Филимонова оставались еще срочно вызванные автоматчики и несколько офицеров. Группа в количестве 8 человек, где я был старшим, от огневых точек батальона по левой стороне дороги, по кювету, короткими перебежками удалилась вперед, в сторону противника. Затем мы резко повернули налево и лесом шли по указанному майором Филимоновым маршруту. Мы отошли от батальона на левый фланг примерно на 600–700 метров, на окраине большой поляны остановились. Окопов рыть не стали, так как просека на окраине леса была приподнята вроде насыпи. Мы залегли за эту насыпь и открыли, как было приказано, короткими очередями огонь из автоматов. Как только мы из 8-ми автоматов открыли по направлению противника отвлекающий огонь, тут же с другой стороны поляны из автоматов и пулеметов открыли по нам ответный огонь. Притом стреляли по нам разрывными пулями. Пули попадали в бруствер,

а которые летели через нас, попадали в стволы и ветки деревьев и разрывались. Сильные минометные выстрелы убили шестерых товарищей из нашей группы. Мне осколком от мин ранило левую руку, кость не задело. После минометного налета, стреляя на ходу из автоматов, через поляну, с засученными рукавами, расстегнутыми воротниками, со звериным шумом и криком, фашисты двинулись на нас. Мы с бывшим командиром орудия сержантом (он был не из нашего батальона, а из противотанкового артдивизиона, знаю только, что звали его Егором, был он старше меня, ему было лет 40, бывалый артиллерист, истребитель танков) выпустили столько патронов, сколько было у нас в дисках, по движущимся на нас фашистам. Часть немцев залегли. Мы использовали этот момент и скрылись в лесу, а Егор взял у нашего убитого автомат, в диске которого еще были патроны. Недалеко от опушки леса, где мы отстреливались, нам между корнями деревьев попала глубокая яма, в которой мы с Егором зарылись в прошлогодних листьях, заросших густой травой. Озверелые пьяные фашисты, ведя огонь на ходу, с шумом и криком проходили мимо нашего укрытия. Мы готовы были к открытию огня в случае обнаружения нашего укрытия, так как один автомат был у нас с патронами и несколько патронов имели в виду для себя. В яме Егор остановил мне кровотечение и перевязал осколочное ранение левой руки. После перевязки раны и ухода немцев мы направились тем же маршрутом к своим. Когда шли по опушке леса, по направлению к нашим, нас догнали двое вооруженных всадников. Егор пытался применить оружие, но они крикнули на русском языке: «Стой, не стрелять, мы партизаны». От них мы узнали, что их партизанская бригада встретилась с наступающими войсками Красной Армии. В десантную группу их прислали от командования, чтобы передать распоряжение нам, чтобы мы уходили к своим, так как задачу выполнили и кольцо по окружению фашистов под Минском сомкнулось. Партизанские связные как появились очень быстро, так же быстро и исчезли. У нас еще появилось сомнение, а может быть, они полицаи. Сомнение это появилось потому, что очень смелые и чисто одетые были эти партизаны, и красивые, упитанные у них были кони.

После встречи с партизанами мы с Егором подошли к перекрестку, где были огневые позиции нашего батальона — десанта, там никого не было. Догорали подбитые еще при нас танки, самоходки и бронетранспортеры. Около разбитых противотанковых орудий и 82-мм минометов в окопах лежали трупы убитых наших и немцев. Ни одной живой души. Не было и раненых. Можно было догадаться, что наши получили приказ на отход раньше, чем сообщение партизан. При отходе забрали всех раненых. А возможно, и отходить было некому, все погибли. От дороги, огневых точек, мы по лесу пошли на КП и медпункт, которые были в 500—600 метрах за холмом, в старом блиндаже. Когда подошли к медпункту, то увидели картину еще страшнее, чем в районе огневых позиций батальона.

После первой и второй неудачных попыток прорваться через наш десант из д. Пекалин по дороге на Минск фашисты решили прорваться через фланги, даже бросили атаки в центре десанта. Враг быстро, сосредоточив на правом и левом флангах большое количество живой силы, пошел в атаку, ведя огонь на ходу, с целью не только прорваться, но и окружить наш десант.

Группа фашистов на правом фланге, ведя огонь на ходу, стала атаковать медпункт, где находилась Татьяна Барамзина с тяжелоранеными. Т. Барамзина с автоматом в руках стала отражать атаку за атакой озверелых фашистов. Истекая кровью, вместе с Барамзиной стали отражать атаку тяжелораненные. Когда фашисты были совсем близко, Татьяна крикнула всем раненым уходить в глубь леса, а кто не может, отползти и укрыться в блиндаже. Не считаясь с большими потерями, гитлеровцы все шли и шли напролом на горстку людей, возглавляемую Татьяной. На крик фашистов: «Рус, сдавайся!» снова раздался огонь, только огонь на этот раз вел один автомат — автомат Т.Н. Барамзиной. Силы были неравны, и кончились патроны, фашистам удалось захватить Татьянин блиндаж. На подступах к блиндажу валялись десятки фашистских трупов. В 5–6 метрах перед блиндажом лежало очень много и наших убитых. Мы стали смотреть почти на каждого, чтобы узнать, кто был среди мертвых. Каждому была сделана руками Татьяны перевязка. Когда осмотрели лица, почти у каждого увидели на голове по 2–3 пулевых пробоины. Узнать лица было невозможно. По всему было видно, что их построили и дали несколько автоматных и пулеметных очередей по грудной и, в основном, по головной части. С левой стороны первая лежала Т.Н. Барамзина, в голове ее была большая пробоина с обгорелыми краями — стреляли в упор с близкого расстояния, груди были вырезаны, глаза выколоты, ниже грудной части в живот был воткнут штык, штык проходил через живот в землю, винтовка стояла вертикально прикладом вверх. Она была вся в крови. Узнали ее по обмундированию, по волосам, и вообще, я ее знал очень хорошо, с ней служили вместе с апреля 1944 года по день ее гибели, т.е. по 5 июля 1944 года. Мы собрали все плащ-палатки, сколько было на медпункте, вытащили винтовку, воткнутую в живот Татьяне, и накрыли тела всех зверски убитых фашистами. Сами пошли искать свой 252 с.п. Полк долго искать не пришлось, он во второй половине дня прибыл в район д. Пекалин и завершил разгром фашистов, вырвавшихся через огонь десантной группы 3 с.б.

В этот же день мной было доложено обо всем увиденном заместителю командира полка по политчасти майору т. Торгашеву. Возможно, этот доклад и послужил материалом для оформления Татьяне Барамзиной высокого звания Героя Советского Союза посмертно. Может быть, материал для присвоения этого звания Татьяне Барамзиной был взят из других источников, ручаться не берусь.

После доклада заместителю командира полка по политчасти майору Торгашеву мне было приказано идти в санроту и показать раненую руку врачу. После осмотра руки полковой врач майор медслужбы тов. Тетерин сделал операцию. Из ладони левой посиневшей руки извлек осколок от фашистской мины. Рука стала быстро заживать, и через 12 дней после операции (поскольку 3 стрелкового батальона фактически не было) я был направлен комсоргом 1 стрелкового батальона этого же 252 с.п.

После десантной операции в районе д. Пекалин из 3 с.б. в числе живых, можно сказать, чудом оказался автор этих строк. Даже сейчас, спустя 36 лет, еще не верится, что после тяжелого боя в д. Пекалин остался жив. Не верится потому, что от 3 с.б. и противотанкового истребительного артиллерийского дивизиона, участвовавших в десантной операции (600–650 чел.), в живых осталось очень мало, даже трудно сказать — сколько. В числе живых встречал двух человек:

сержанта Шилина — ординарца командира батальона майора Филимонова и рядового Арефьева, старшего писаря штаба батальона. Других не встретил.

Я был уже комсоргом 1 стрелкового батальона, когда в августе или сентябре 252 с.п. проводил митинг. После прочтения Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза посмертно Татьяне Николаевне Барамзиной мы поклялись отомстить фашистам за издевательство и гибель Татьяны.

В последующих боях 252 с.п. участвовал в разгроме фашистов в Белоруссии, Прибалтике, в Восточной Пруссии, в освобождении городов Каунас, Шауляй, Клайпеда, Кенигсберг и других. Полк был награжден орденом Суворова и присвоено почетное наименование — 252 Ковенский стрелковый полк.

Бывший комсорг 3 с.б. 252 с.п. 70 с.д. лейтенант Касимов.

Ныне инструктор политотдела военкомата Марийской АССР служащий СА Касимов Илья Иванович, майор в отставке, пенсионер МО, инвалид Отечественной войны II группы. г. Йошкар-Ола, 424033

КОСТЯЕВ АЛЕКСАНДР ЛЕОНТЬЕВИЧ

Место жительства: Московская область, п. Быково.

Воевал в 252 с.п. 70 с.д. с ноября 1943 года по ноябрь 1944 года, звание — сержант.

Награжден орденом «Славы» III степени, медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

С сентября по ноябрь 1944 года на подступах к городу Клайпеда противник занимал оборону на господствующей высоте.

Для уничтожения фашистов была поднята рота, по-моему, «штрафников», но они все погибли. Затем после артиллерийского обстрела, пошла в атаку наша рота. Захватив первую траншею противника, я из трофейного ручного пулемета уничтожил около

25 немцев. После этого боя был отправлен в военное училище.

День Победы встречал в военно-пехотном училище имени генерал-лейтенанта Харитонов в городе Ярославле, училище не закончил. По состоянию здоровья был уволен из рядов Советской Армии в звании сержанта в январе 1950 года.

КУБЕЦКИЙ ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ

23.11.1925 года рождения, место жительства: г. Москва.

На фронте с 1943 года, с июня 1944 года по январь 1945 года воевал в 252 с.п. во взводе разведки в должности разведчика, затем наводчиком орудия в 94 о.и.п.т.д. Звание в начале войны — рядовой, затем сержант.

Награжден орденом «Славы» III степени, медалями «За победу над Германией» и «За взятие Кенигсберга».

Я был тогда еще мальчишкой...

22 июня 1941 года. Я еду в пионерский лагерь. Автобус уходил ровно в полдень от Манежной площади. На здании Манежа висел репродуктор. Слышим: «Выступает Молотов». Оказывается, на нас напала Германия, ее войска уже перешли границу. А мы...

в пионерском лагере отдыхаем в районе Загорска. И ничего почти не знаем — радио у нас нет. Жили обычной жизнью. С 21 на 22 июля 1941 года во время первого налета немецкой авиации на Москву мы видели лучи прожекторов и следы от трассирующих пуль. 26 июля вернулись в Москву.

В пожарной команде

Взрослых среди нас никого не было — все были уже мобилизованы, а мы стали добровольной пожарной дружиной.

Я родился в знаменитом роддоме имени Грауэрмана на Малой Молчановке дом 5. А на Большой Молчановке дом 7 работала медсестрой моя мама. Это был самый центр, рядом улица Грановского, правительственный дом — там и Семен Буденный, и Никита Хрущев жили...

Домоуправление было в нашем доме. Когда объявлялась воздушная тревога, все мы бежали на крышу. Это было обычно часов в 10 вечера, а через три-четыре часа по радио объявлялся отбой, так как опасность воздушного нападения отпадала. В основном, на крыши сыпались зажигалки, но и фугаски падали. Немцы хотели сжечь Москву — не получилось у них ничего!

Наш дом был шестиэтажный, он и сейчас стоит. Рядом — Дом дружбы, знаменитый Морозовский особняк причудливой архитектуры. До войны там находилось посольство Японии. Наш дом примыкал к посольству, только между ними была кирпичная трехметровая стена. Вспоминаю такой случай: вбегает оперативник и кричит: «Ребята, выручайте! На крыше посольства — зажигалки!» Мы — через забор, там была бочка с водой, ведра... Все погасили, одним словом, спасли Морозовский особняк.

Зажигательные, фугасные бомбы — это, конечно, страшно! Когда немцы бомбили Москву, а мы дежурили на крыше — мы гасили в основном зажигалки. Что такое зажигалка? Это термитная бомба, диаметром чуть больше бутылки из

под шампанского, цилиндрическая. В ней сильная горячая смесь — температура достигает 3000 градусов. Когда она падает, в разные стороны летят фонтаны огненных капель. Я помню все, как будто это было вчера. На углу Воздвиженки и Арбатской площади был кинотеатр Художественный. Сейчас на этом месте здание Министерства обороны. Там раньше стоял четырехэтажный дом. И вот фугасная бомба упала на этот дом. Я в это время стоял на крыше, метров 300 от этого дома. И нас взрывной волной чуть не сбросило с крыши. Удержал только барьер! Спаслись чудом!

Боялись также осколков от зенитных снарядов. Они сыплются градом, огромные, как кукурузные початки, да и еще очень горячие! А касок нам не полагалось! И если такой «осколочек» упадет вдруг тебе на голову — ничего хорошего ты не жди! Но Бог меня уберет!

Была такая песня...

Вот так работала добровольная пожарная дружина, которая состояла из мальчишек. Даже есть песня про нас, называется «Москвичи».

Полночная мгла над столицей легла.
В небе сумрачном шарят лучи. Город спит.
Но не спят сотни смелых ребят.
Москвичи, москвичи, москвичи...

Припев: Со всеми дружные, ребята нужные.
Они сумели отстоять свой дом. Простой, обычный дом.
Простой кирпичный дом. Совсем обычный дом.
Он был тот дом для них всегда родным гнездом!

А последние, заключительные строчки этой песни:

«И москвич говорит:
ты сторел, мессершмитт,
но Москва никогда не сторит!»

К своему счастью, подбитых немецких самолетов я не видел. Не было случая, чтобы самолет фашистский упал в центре Москвы. Если их и подбивали, то они падали не в центре, а где-то на окраине.

Призыв был — на фронт!

Ноябрь 1942 года. Мне — 17 лет. Сталин 21 декабря 1942 года, как Верховный Главнокомандующий, подписал приказ о мобилизации мужского населения 1925 года рождения. Не важно, в каком ты месяце родился — 1925 год и все! Я попал под мобилизацию! Меня призвали в январе 1943 года. А в 18 лет я был уже ранен, лежал в госпитале.

Все помню, как сейчас

Я с детства мечтал быть моряком, класса, наверное, с шестого. В пионерском лагере в военно-морской кружок записался: изучал морскую терминологию, флажковую связь, даже книгу Белевича «Военно-морское дело» от корки до корки прочитал.

Прибыл в военкомат. Спрашивают: «Где хотите служить?». «Только на флоте». Отвечают: «Понятно! Второе Московское военно-пехотное училище!».

Это на Филях. Между станциями метро «Багратионовская» и «Филевский парк». Срок обучения — шесть месяцев, т.е. ускоренный курс. Обычно — два года. Через шесть месяцев нас должны были выпустить офицерами, младшими лейтенантами, даже (если ты — отличник) командирами взводов. Остался месяц до выпуска. И вдруг приказ — всем курсантам в действующую Армию.

Мы попали под Тулу в 4 Гвардейскую Армию. Она прибыла из-под Сталинграда, на переформирование. А мы — как бы пополнение. Это было 20 июня 1943 года.

Постепенно к нам прибывали курсанты других училищ — Тульского пулеметного, Тамбовского Кавалерийского, Винницкого (базировалось в Суздале) и т.д. В малиновых, с золотом, погонах. Нам их даже на полевые не успели сменить. Все мы были с 1925 года.

Затем прибыли представители от частей, которые отбирали для себя пополнение. И я попал в 8 Гвардейскую воздушно-десантную дивизию.

**Шли мы днем и ночью,
Трудно было очень...**

Почему 8 Гвардейская дивизия вернулась вдруг в Тулу для пополнения? В декабре 1942 года было организовано десять воздушно-десантных дивизий. Их бросили на Северо-Западный фронт, в район Старой Руссы. Нужно было форсировать реку Ловать, занять определенные позиции.

Что такое воздушно-десантные войска? В исключительных случаях их десантируют в тыл противника. У них особая система подготовки для военных действий в тылу врага. А мы? Хотя мы и были без пяти минут офицеры, все-таки не очень были к этому подготовлены. Но грамотными в тактическом отношении были, конечно. Вполне возможно, поэтому нас и отобрали в воздушно-десантные войска. Хотя мы действовали, в основном, как пехота.

Из-под Тулы нас направили в Старый Оскол. Шла подготовка к Курской битве. 5 июля 1943 года началось наступление немцев. Но мы уже к этому времени подошли... 12 июля, мы перешли в контрнаступление. Начали гнать немцев. Курская битва продолжалась ровно 50 дней и ночей.

Шли мы ночами, потому что днем были бомбежки. Представляете, и все это в 17 лет. Недоедали, недосыпали. Марши были не менее 30 километров, а то и 40, 45 км.! А одна ночь была — 60 км.! Днем мы располагались где-то в лесочке, в укрытии. Спали на ходу. Как спали? Если есть на что упасть, и чтобы на тебя не капала, не лилась вода — значит, спишь!

Многие страдали «куриной слепотой». Это тот человек, который ночью ничего не видит. Таких выстраивали цепочкой. Впереди — поводырь! Слава Богу, у меня такого не было!

Как выдерживали? Удивительно! Никто не болел. Внутренние резервы, что ли, срабатывали?

Пришли под Старый Оскол, Курская область. Село большое, название — Чернянка. 1943 год, середина июля — погода сухая, жаркая. В качестве пополнения пришли из Средней Азии казахи и узбеки. Они или совсем русского языка не знали, или знали очень плохо. В чем их винить? Они же не знали ни нашего

быта, ни нашей культуры. Держались, правда, кучкой. Как 12 часов дня — достают свои коврики, обстрел — ни обстрел — молятся, головой вниз. Потом уже поняли, вошли в обстановку — а вдруг обстрел? Тут уже было не до молитвы.

Был такой случай. Немцы утащили с передовой узбека в качестве «языка», а он по-русски ничего не понимает. Его не расстреляли — отправили обратно. Обрезали шинель, к поясу прицепили котелок, полный каши, и записку: «Вам — не воин, а нам не «язык».

Мой первый бой — он самый главный...

Мы до начала августа 1943 года занимались подготовкой к войне. Курск и Белгород были освобождены 5 августа. Шли в направлении Сумской области, под город Ахтырка. Первый мой бой был в районе совхозов Сумской области. Там выращивали сахарную свеклу, подсолнечник. Здесь должна была быть атака... И мы залегли...

Выкопали временные ячейки — для того, чтобы лечь. Если оборона длительная, ячейки соединяются и получается траншея. Защита от пулеметного и минометного огня. Мина — подлая вещь! Мина, как только она коснулась земли, все, что на поверхности живое — все поражается осколками. Но ее можно услышать, она летит очень медленно, звук идет 220-240 метров в секунду. Мы, слава Богу, под эти мины не попадали.

Это, конечно, была моя первая атака. Кто я? Необстрелянный птенец! Что знает солдат? Что он может знать? Он знает только сектор обстрела — отсюда и досюда. А остальное — на командире взвода. Сводки давало командование, штаб. Было ли страшно? Конечно, было. Вот в кино показывают — солдаты идут плечо к плечу с винтовками. Но это же не так! Надо находиться друг от друга 8-10 метров, примерно. Иначе, могут всех сразу из пулемета положить.

Это, конечно, очень страшно. Пошла, я помню в том бою, вперед пехота, пошли танки. Подтянулись пушки «сорокопятки». Кто — за кем. Кто успел — окопался. Мы были вооружены автоматами ППШ образца 1942 года. Винтовок у нас не было. Нам здорово с тыла помогла артиллерия.

И мы, вперед! Другого выбора у нас не было. Идем, кто-то падает, кто-то идет! Это только в кино кричат: «Ура! За Родину, за Сталина!». Мы этих слов не кричали, только клич был: «Вперед!».

Вот многие сегодня говорят: «Сто граммов солдатам давали. Вот это была поддержка, еще какая!». Не верьте! Да, нам давали спирт. В авиации я пролетал штурманом 21 год. Но давали нам его только в те месяцы, где была буква «Р». Вы меня понимаете?

Но вернемся к бою...

Атака была неистойвой. Немцы драпали. Ударили наши противотанковые. А мы все, рядовые, находились в стрессовом состоянии — делали, что надо! И уцелели!

А описать все сегодня подробно просто невозможно.

Я побывал в аду...

Выручил меня его Величество Случай!

Это было в городе Котельва — районном центре Полтавской области. Половина города была у немцев, половина — у нас. Мы подошли ночью, чтобы сменить войсковую часть. Сплошной траншеи не было — лишь окопы. Один

солдат вылезает из окопа, другой — садится на его место. Утром рассвело — где мы? Огород, растут подсолнухи, кукуруза. Дом кирпичный. Крыша сорвана. Окопчик был мой не очень глубокий — я его подкопал. Нашел лист железа, укрылся им, так как накрапывал дождик. Сижу, жду указаний. Целый день прошел — никто не стреляет: затишье. Командир взвода посылает своего связного на КП роты. Телефона нет, радики нет. А связной (как сейчас помню, по фамилии Джураев) из Средней Азии, по-русски понимает плохо. Не успел он завернуть за угол дома, комвзвода его вернул. Видимо, засомневался в его смекалке. И говорит мне: «Иди ты!» Рассвет, немецкий пулемет не прекращает стрелять. Так идти не хотелось, но приказ есть приказ... До КП роты я добрался, пулеметчик фашистский не попал в меня. Целый день был на КП. Новый приказ: «Идти снова в расположение взвода». А немец стрелять не прекращает. Пошел я, при мне — топографическая карта. Я умел ее читать. Пришел... Тот же сад, тот же дом кирпичный. Но подсолнухи, кукуруза — все посечено. Подхожу к своему окопчику — пулеметчик, что занял временно мое место, мертв. Вот, скройся Джураев за углом, не походи я на КП — убили бы меня в этом окопчике. Вот вам его Величество Случай!

Вперед! Только вперед!

Командир взвода погиб. Его заменил старшина. Наступали мы не по улицам, а по садам. На перекрестке засел немецкий пулеметчик... Мы группой (человек 15) дали длинную очередь из автоматов по этому гнезду. Все успели перебежать этот перекресток. И вдруг...

Меня тяжело ранило...

Вдруг я почувствовал удар по левой щеке — сзади меня разорвалась граната! Кто-то из немцев успел ее бросить. У меня сначала перекосило лицо — был задет лицевой нерв, глаз не закрывался. Осколок от гранаты, к счастью, не перерубил сонную артерию, только немножко подрезал. Если бы перерубил, я бы сразу же и умер.

В госпиталь я попал не сразу. Сначала — искал медсанчасть, затем — дивизионный медсанбат. Пешком прошел 4-5 километров. У меня была большая потеря крови. Образовалась пульсирующая гематома. В хирургический госпиталь в село Красная Яруга меня привезли уже на носилках. Оперировали при керосиновой лампе, при местной анестезии. Сонную артерию перевязали. А левую сторону лица — парализовало. С таким ранением признают не годным к службе в строевых частях.

Направили меня в госпиталь в город Тамбов. Домой непустили. Лежал месяц. Но мой паралич не пропал. Меня выписывают по статье: «Годен к строевой службе». На пересыльный пункт, километров шесть до него, я шел пешком. Застудился, получил воспаление легких. Снова — госпиталь, тут же в Тамбове, но уже другой. Чтобы мне лицо как-то вылечить, нужна была физиотерапия. А тогда и света не было. Работали при свечах, «летучих мышах». Что же мне делать?...

И мне опять повезло...

До войны я работал печатником в типографии Наркомздрава. Хорошо знал председателя месткома Надежду Михайловну и написал ей письмо с просьбой помочь вылечиться. Она откликнулась сразу. Подключила Минздрав. Я попал в

институт курортологии (госпиталь № 5022). Все необходимые процедуры я там получил. Почти месяц лечился. Выписали, направили в батальон выздоравливающих. А затем на 3 Белорусский фронт, 33 Армию, 183 запасной полк.

Учебный батальон

В этом запасном полку был учебный батальон. Брали туда не всех. Посмотрели мою анкету. У меня 8 классов образования плюс год авиационного техникума. И меня зачислили. 4 месяца готовили на сержантов, младших командиров. Перед выпуском устроили смотр: как мы, будущие командиры, будем обучать солдат.

Я выступил неплохо. Командиру батальона мой ответ понравился. И он говорит: «А что Вы думаете, если мы Вас пошлем на курсы младших лейтенантов?» Я был в раздумье: мне не хотелось становиться офицером. И я отказался... Но звание сержанта я получил. Скажу еще, что в учебном батальоне из нас готовили разведчиков.

Операция «Багратион»

Когда началась эта операция, наши войска пошли на Запад, на Минск, 33 Армия — тоже. Естественно, и наш, 183 полк. Мы догоняли наступающий фронт. Передовые части ушли, наши тылы еще не подошли. Есть нам было нечего. Но стояла пшеница молочно-восковой спелости. Мы шелушили колосья, жевали их.

Мы освобождали территории, захваченные немцами. Пришли к берегу Немана. Наши войска форсировали Неман и остановились. Вот в это время мы и пришли в 70 стрелковую дивизию. Командиром дивизии был Красновский.

Когда мы уже стояли за Днепром, я попал в 65 отдельную разведроту. Это была дивизионная разведка. Когда пришли в Литву (река Шешупа) нас распределили по полкам. Командиром полка был Яценко. Это был 252 с.п., разведвзвод.

В газете — как на фронте!

Сначала я был в разведке, затем наводчиком орудия в 94 о.и.п.т.д. (отдельный истребительный противотанковый дивизион). Сначала командиром был Кондравин, который погиб под Кенигсбергом, а потом — майор Поляков. Как я туда попал? Потребовался печатник в дивизионную газету «В атаку!». Это было в городе Довелене. В полуторке стоял печатный станок. Я уже говорил, что до войны успел поработать печатником в типографии. Когда я увидел этот станок, понял, что сил моих просто не хватит. Он был допотопный. Все надо было делать вручную. Чтобы отпечатать тираж 1000 экземпляров в две полосы надо 8 тысяч раз нажать на педаль. Я один тираж напечатал (т.е. одну двухполоску) и сказал: хоть в пехоту, хоть в штрафную роту — отпустите, это не для меня. Сжалились, отпустили в 94 о.и.п.т.д.

Границу Восточной Пруссии наш 252 Ковенский ордена Суворова третьей степени стрелковый полк перешел ненастной осенней ночью 9 октября 1944 г. Служил я в то время в полковой разведке. Мы следовали в походной боевой колонне, совершая марш из-под г.Шауляя, откуда нас срочно перебросили под Мемель (Клайпеда). Сам факт перехода границы мы, собственно говоря, не почувствовали. Он прошел совершенно буднично и незаметно. Об этом историческом и важном для каждого советского воина событии мы узнали от командира

нашего взвода лейтенанта Казарина. Это сообщение передавалось по цепочке и сразу подняло настроение.

Наконец-то мы идем по вражеской земле! Как мы ждали этого момента. Летом, когда стояли на реке Шешупе, готовясь к взятию города Науместиса, мы мечтали одними из первых вступить в Восточную Пруссию, но нашу дивизию сняли тогда с этого участка фронта и перебросили под Ригу. И вот теперь мы в Восточной Пруссии. Ночью наш полк вплотную подошел к линии фронта. Впереди слышалась редкая стрельба да взлетали осветительные ракеты.

Разведка расположилась в каком-то пустом доме, и, утомленные длительным переходом, мы мгновенно уснули. Утром нас послали разведать передний край немцев, их огневые точки, систему обороны, выбрать место для ночного поиска. Командованию нужен был «язык». Впереди, всего в каких-нибудь восьми-девяти километрах лежал Мемель — старинный литовский город, который еще никогда не был советским и который нам предстояло взять. Но до его взятия было 111 долгих дней и ночей и еще больше до великой Победы.

Будут еще и боевые успехи, и горечь поражения, потери боевых друзей. Сколько их лежит в той земле в безымянных могилах и на местном сельском кладбище в Довилае! Федор Гуров и Жупарбек Абишев, Петр Сидоренко и Константин Кравченко... Отличные ребята, которые постоянно были готовы прийти на помощь. Надо сказать, товарищеская взаимовыручка была всегда отличительной чертой разведчика. По неписаному кодексу чести разведчик никогда не оставит не только раненого, но даже убитого товарища на «нейтралке», а тем более в расположении врага. Не потому, что убитый мог представлять какой-нибудь интерес для немцев (как известно, идя на задание, никаких документов с собой не брали). Просто каждый обладал высочайшим чувством долга и сознанием ответственности за судьбу своих товарищей.

Вот об этом, о товарищеской взаимовыручке, я и хочу рассказать, вспоминая один случай из фронтовых будней, когда нам пришлось выручать нашего летчика. А было это так....

В декабре наш разведвзвод стоял в полутора километрах от передовой. Мы были отведены во второй эшелон для подготовки к ответственному и сложному заданию. Разместились разведчики в большом кирпичном доме, ранее принадлежавшем немецкому помещику. Разместились, прямо скажу, с комфортом. Впервые за много месяцев спали на кроватях, даже с перинами. Днем лазали по передовой, ведя наблюдение и изучая распорядок дня немцев или еще раз отработывали различные варианты захвата пленного, трудясь до седьмого пота, а вечерами собирались вокруг нашего лихого разведчика и замечательного аккордеониста Валентина Бунзиса и кто-нибудь из нас просил: «Давай нашу...». Тихонечко начинал играть аккордеон, а Валя задумчиво и проникновенно запевал:

Закури, дорогой, закури...

Ты сегодня до самой зари

Не приляжешь — уйдешь опять

В ночь сырую врага искать...

Это была любимая песня разведчиков. Пели ее нечасто, берегли, чтобы не «запеть», чтобы не потеряла она своей прелести и новизны, и поэтому всегда, когда ее пели, она особенно сильно волновала душу.

...на полях полыхает война,
О тебе вспоминает она,
Напевая в далеком краю,
О разведчике песню свою...

Она и сейчас, спустя 65 лет, остается одной из самых любимых моих фронтовых песен.

Так вот, — о летчике.

В ноябре — декабре 1944г. наша дальняя бомбардировочная авиация особенно часто совершала ночные налеты, и наносили бомбовые удары по фашистским кораблям, по складам с боеприпасами и другим военным объектам, находящимся в Мемеле. Часто вечерами мы наблюдали, как наши самолеты, развесив осветительные ракеты или, как мы их называли, «фонари», заходили на цель, и тогда со стороны города раздавались глухие взрывы и занималось зарево пожаров.

В один из таких декабрьских вечеров начался очередной налет. Бешено заработали немецкие зенитки, ночное небо прошили трассирующие пулеметные очереди, часто-часто застучали скорострельные зенитные пушки «эрликон». Мы уже как-то привыкли, что наша авиация регулярно летает на бомбежку города, поэтому для нас это казалось делом обычным. Некоторые бойцы вышли во двор. Часть разведчиков осталась в доме. Через некоторое время со двора вбегают сержант Гуров.

— Наш самолет подбили! — закричал он.

Мы выскочили на улицу. В ночном небе, все ярче и ярче разгораясь, светился факел. Это горел наш самолет. Он шел со снижением, развернувшись в нашу сторону, стараясь уйти на свою территорию. Мы с волнением наблюдали, как самолет, охваченный пламенем, стал резко терять высоту. Мы увидели, что под самолетом, несколько ниже и правее его, раскрылся купол парашюта. Он был хорошо виден в свете «фонарей», его сносило ветром вдоль фронта, летчик мог приземлиться в расположении немцев.

Решение у командира взвода лейтенанта Казарина созрело мгновенно: попытаться спасти летчика. Фашисты не стреляли, видимо, хотели захватить его в плен. Группу разведчиков возглавил сам командир взвода. Местность была нам хорошо знакома. Через несколько минут мы уже мчались к предполагаемому месту приземления летчика. Одна мысль владела нами: только бы он не упал в расположении немцев.

Здесь нейтральная полоса была сравнительно узкой — метров 150. Быстро проскочили рощицу, затем по дну небольшого оврага выбежали на край поля. Где-то здесь, по нашим предположениям, должен был спуститься парашютист. Действительно, впереди метрах в 50 на поле мы увидели большое белое пятно. Это был парашют. Надо сказать, что в середине декабря 1944г. снега в тех местах еще не было (он выпал только накануне нового года), поэтому белый парашют отчетливо виднелся на земле. Разом отлегло от сердца — летчик был на нашей территории. Он упал недалеко от переднего края посередине картофельного поля и при падении повредил ногу. Мы бросились к нему. Он приподнялся, опершись левой рукой о землю, а правую, с пистолетом, поднял в нашу сторону.

— Стой! Не подходи, стреляю! — слабым голосом крикнул он.

— Свои, свои! — разом закричали мы, и он, обессиленный, упал набок. Подбежав к нему, мы освободили его от лямок подвесной парашютной системы.

— Идти можешь?

— Я ранен в голову...помогите...

— Плащ — палатку, живо! — скомандовал командир взвода. Наскоро перевязав, его бережно положили на плащ — палатку и понесли. По дороге он временами впадал в забытие и, приходя в сознание, слабым голосом благодарил:

— Спасибо, ребята...

Мы принесли его в расположение взвода, уложили на мягкую перину, вытерли от крови лицо. Это был молодой симпатичный парень 1923 года рождения. Звали его Виктор Коталевский. Он оказался штурманом самолета ИЛ-4, а полк принадлежал частям авиации дальнего действия. Самолет производил бомбежку фашистских кораблей на рейде. Был внезапно атакован немецкими ночными истребителями. Стрелок — радист был убит еще в воздухе. Командир самолета приказал штурману выбраться с парашютом.

— Я открыл люк и прыгнул... — медленно рассказывал Виктор, пока разведчики запрягли лошадь, чтобы отвезти раненого в полковую санчасть.

— В это время самолет резко трянуло, и я сильно ударился головой о стойку люка. На миг потемнело в глазах от сильной боли, но все же я успел выдернуть кольцо парашюта. Я боялся, что меня отнесет к немцам и поэтому «скользил». Хорошо, что вы нашли меня, — тихо добавил он и, прикрыв глаза, замолчал. Видимо, ему трудно было говорить. Мы больше не беспокоили его своими расспросами.

Наконец лошадь была запряжена. Мы тепло попрощались с летчиком, пожелали ему скорейшего выздоровления, просили писать. Но мы о нем больше ничего не слышали, впопыхах забыв дать ему номер нашей полевой почты.

Вот и вся история о том, как был найден и спасен нами летчик.

После войны мы все же нашли полковника запаса Коталевского Виктора Алексеевича, он проживает в г.Тверь.

Мы знали — скоро Победа!

... Немцы отходили с боями. Но было и так: мы входим в пустой город. Вошли в город, а немцев — нет.

После Мемеля пошли в город Зикенбург. Не знаю, как он сейчас называется. Мы там стояли, наверное, недели две. Шли вперед без боев. Я был наводчиком. Могу сказать только о своем дивизионе. Что там было, в других дивизионах, не знаю. Возможно там были боевые действия. Скорее всего, были... Но на нашем участке было тихо...

Штурм Кенигсберга

Когда наши брали Кенигсберг, бои были очень жестокие. Дивизион стоял в обороне на оборудованной огневой позиции. Моя задача — смотри в панораму. Все параметры уже выставлены: прицел, уровень, отражатель. И вдруг я увидел самоходку. На нас шел «Фердинанд», почему-то боком... Смотрю — появился в прицеле. Я работал один, заряжающего не было. Нажимаю на рычаг — выстрел, боевым зажигательным снарядом. «Фердинанд» загорелся и остановился. Значит, попал... За штурм Кенигсберга мне дали орден Славы...

Вся моя жизнь состоит из эпизодов...

Письма домой я писал часто. Но их сохранилось только два. Конечно, треугольники, проверенные цензурой. Фотографий практически нет. Тогда ведь фото делали только для документов. Послевоенных много...

ЛЕВИН НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ

*Уважаемые члены совета
музея Боевой Славы 70 с.д.*

Выполняя долг ветерана войны и однополчанина, высылаю короткие заметки из фронтовых будней. Они охватывают весь боевой путь 252 стрелкового Ковенского полка со дня формирования до полной победы над фашистской Германией.

Написаны они чисто по сохранившейся памяти. Если вы их сочтете нужными для пополнения экспонатов музея, буду рад.

С уважением к Вам, бывший офицер 252 с.п. (ком.роты, нач.штаба батальона, нач.разведки полка, первый пом.нач.штаба полка), ныне подполковник запаса — Левин Николай Семенович.

Июнь 1981 год г. Волгоград

Перед началом боевого пути

Где-то 20 или 22 апреля 1943 года я прибыл в 252 с.п. на должность командира пулеметной роты после лечения в госпитале в г. Дзержинске Горьковской области по поводу тяжелого ранения, будучи командиром разведвзвода 250 с.п. 82 с.д., действовавшей в районе г. Ржева, восточнее Сычевки.

Главное управление кадров в Москве дало мне направление в город Калугу и далее в село Черносветино. Прибыв туда, я не застал там штаба дивизии. С трудом нашел его в другой деревушке. И только оттуда, наконец, направили в полк, где я должен продолжить службу. Нашел деревню, где расположился штаб формируемого 252 с.п. В доме, где он располагался, меня принял командир полка, подполковник Яценко Александр Тимофеевич. Окинув меня пытливым взглядом, он сказал: «Почему вы, товарищ старший лейтенант, так странно одеты?» Он был вправе сделать такое замечание. Дело в том, что я был одет в обмундирование не по своему размеру. Сапоги разные: один 46, а второй 39 размера, разрезанный в подъеме, шинель без ремня, гимнастерка простреленная в трех местах со следами кровавых пятен. Меня экипировали в

госпитале глубокого тыла, куда я прибыл в зимнем обмундировании, а убывал в разгар весны. Вещевая служба под руководством опытного офицера тыла товарища Кашпурова быстро одела меня, как надо, и на второй день я не отличался от сослуживцев.

Второй прием у командира полка состоялся после моей полной экипировки. Не знаю, по каким соображениям, но он меня назначил начальником сборов станковых пулеметчиков полка на время формирования. Правда, этим сборам не суждено было просуществовать так долго, обстановка требовала быстрейшего тактического сколачивания подразделений и полка, а пульроты не могли быть оторванными от своих батальонов.

Шла напряженная учеба днем и ночью. Время приближало подразделения и весь полк в полной готовности идти в бой. Укомплектование в основном было закончено. Роты имели полную штатную численность, новое оружие, добротны одеты и обуты. Многие солдаты и сержанты уже участвовали в боях. Пулеметная рота среди личного состава имела бывших курсантов училищ. Это было неплохо. Офицерский состав роты и два стрелковых батальона были, в основном, с боевым опытом, обстрелянные, а некоторые имели по одному — два ранения. Командир батальона, майор, был пожилого возраста, по его рассказу, он участвовал в гражданской войне. Заместитель по политчасти, старший лейтенант, был участником финской кампании, награжден орденом «Красная Звезда». Начальник штаба батальона старший лейтенант — седовласый мужчина, очень подвижный, энергичный офицер. Из офицеров роты особенно запомнился командир взвода младший лейтенант Вдовин Василий, его в первом бою ранило, но мы с ним долго переписывались, когда он находился на лечении в Наро-Фоминске. И старший лейтенант, заместитель командира роты, присланный из Рязанского военного училища с должности командира взвода курсантов девушек-пулеметчиц. Правда, мне не приходилось встречать на переднем крае девушек за станковыми пулеметами. В свободное время он много рассказывал нам о посещении мест родины поэта Есенина, о встрече с его матерью, родственниками. Нам это было так интересно и ново, ведь о нем в то время мы, молодежь, ничего не знали, да и знать, можно сказать, запрещалось. Этот офицер, имея хорошую строевую выучку, многое сделал по сколачиванию роты, помог мне укрепить дисциплину среди личного состава. Очень жаль, что фамилии не всех офицеров, с кем готовились идти в бой, удалось сохранить в своей памяти.

Время неумолимо шло. К исходу клонился предпоследний месяц лета. Обстановка на фронте назревала к большим событиям. Обучение подразделений в основном закончилось и завершилось батальонными учениями с боевой стрельбой.

Командующий Третьей резервной Армии генерал Крылов вручил Боевые знамена полкам, в том числе и нашему 252 с.п. Эту торжественную минуту и весь ритуал я в жизни никогда не забуду. Помню, как командир полка подполковник Яценко А.Т., принимая Боевое Знамя из рук прославленного генерала (Одесса, Севастополь и Сталинград), от имени всего личного состава полка дал клятву с честью пронести его в сражениях, освобождая Родину от фашистских захватчиков. Эта клятва была выполнена с честью. Боевое Знамя украсил орден, а полк заслужил почетное наименование Ковенский.

В начале июля 3 резервная Армия полностью была передана в состав Западного фронта и переименована в 21-ю. С этого времени части дивизии начали маневрировать по тыловым рубежам. Пришлось покинуть свои насиженные места в прекрасной березовой роще. Там были чудесные рубленые домики размером с лагерную палатку. Правда, постель была не такой уж мягкой, она состояла из даров природы (еловых лап) и постоянных спутников солдата: шинели и плащ-палатки. После напряженных учебных часов она казалась прекрасной.

Полк, совершая ночные марши, все ближе оказывался к фронту. И что удивительно, почти каждую ночь переправлялся через р. Угру. А это все потому, что она ужасно извилиста. Я знал ее причуды еще по 1941 году, а вот моему заместителю было в диковину. Во всех этих переходах очень тяжело было станковым пулеметчикам. Им приходилось непрерывно, совместно с лошадьми, что называется, выносить на руках повозки с пулеметами и доверху нагруженными боеприпасами с болотистых участков дорог. А их бесчисленное множество на лесных дорогах. Эти трудности закаливали людей, вырабатывали взаимовыручку, что впоследствии пригодилось в бою. До вступления в бой полку пришлось оборудовать тыловой рубеж неподалеку от г. Юхнова. Работы велись в высоком темпе днем и ночью. Все это пошло на совершенствование навыков в постройке обороны. Офицерский состав учился проводить рекогносцировку, организовывать систему огня, выбирать выгодные рубежи, маскировать позиции и заграждения. Личный состав совершенствовал навыки в производстве инженерных работ, маскировке позиций, установке заграждений. Пулеметными расчетами для каждого пулемета были построены добротные дзоты и по несколько открытых площадок на всю глубину батальонного района обороны. В будущем этот опыт нам пригодился на Белорусской земле в районе Горок.

Закончены оборонительные работы, подразделения полка начали выдвижение непосредственно к переднему краю. В первых числах августа полк сосредоточился в лесах восточнее Спас-Деменска. Это был второй эшелон наступающих, как и было объявлено. Строго-настрога требовалась маскировка. А это задача не из простых. Надо было укрыть личный состав и лошадей с повозками. Мне пригодился опыт в этом деле, полученный в 1941 году под Смоленском и Рославлем. Там я вступил в бой на коне в конной разведке, и нам приходилось несколько раз окапывать лошадей. Окоп для коня — работа объемная. Личный состав с этой задачей справился, и мы не были обнаружены противником с воздуха.

Для увеличения артиллерийской плотности у наступающих в первом эшелоне вся наша артиллерия и 120-мм минометы были привлечены к артподготовке. После нее они должны присоединиться к своим в назначенных пунктах. 7 августа в 6 ч. 30 мин. началось общее наступление из района восточнее Спас-Деменска в направлении на Рославль. По мере продвижения частей первого эшелона, и мы двигались скачками с соблюдением мер маскировки.

А сейчас хочу немного коснуться двух моментов, которые относятся только лично ко мне. Когда я получил карты в штабе батальона и тщательно разобрался, то оказалось, что мне предстоит действовать на местности, по которой отходил в 1941 году. В памяти сразу стали воскресать тяжелые дни начала войны. Вспомнил боевых товарищей, с которыми вступил в бой, и тех, которых

уже нет. Затем, глядя на карты, я начал размышлять о предстоящих боях. Какой он теперь, противник? Мы знали его по 1941 году. Он был надменен, горд. Войну вел по-своему, как в Европе. Вспомнил, как мы однажды ночью забрались на вражеские позиции и всю ночь гонялись за оставленными немецкими ракетчиками, пока остальной состав их войск был на ночном отдыхе в ближайшем тылу. Отдохнув, с рассветом начинали активизироваться остальные вражеские силы. Теперь спесь с него сбита, мы его заставили воевать по-нашему, по-русски. Занял позицию — сиди, выйдешь на время — можешь не вернуться назад. Тем не менее, он еще силен. Эти размышления были направлены на лучшее выполнение боевой задачи.

Второй момент. Перед боем, за сутки или двое, командир батальона зачитал нам, кто кого должен заменить в случае выбытия из строя. К моему удивлению, я должен был заменить выбывающего начальника штаба батальона, только не значилось, какого батальона. Это удивление справедливое, потому что у командира роты больше возможности быть пораженным, чем у начальника штаба. Но судьба на войне распорядилась по-своему. В самый разгар боя мне пришлось принять должность начальника штаба 3 с.б., заменив смертельно раненного товарища. С этим батальоном под командованием майора Потехина я пришел на Белорусскую землю в район Горок.

Участие в Смоленско-Рославльской операции

Продвигаясь за наступающими войсками, личный состав наблюдал разрушения и полное опустошение Советской земли фашистскими варварами. Населенные пункты сожжены дотла. Их название узнавалось по табличкам, установленным фронтовыми дорожниками. Оставшиеся жители ютились по погребам и блиндажам. Все увиденное порождало яркую ненависть у личного состава к врагу, стремление отомстить ему за все и освободить Родину.

К рубежу ввода в бой полк сосредоточился в лесном массиве, который периодически обстреливался артиллерией. Перед нами противник занимал господствующую высоту, и нам предстояло ее атаковать. Активность врага была исключительная. Ведь с потерей этой высоты он лишался возможности находиться на этом рубеже, а нам представлялась возможность устремиться на запад в Белоруссию. Наши атаки следовали одна за другой, но без какого-либо маневра, а напрямую с фронта. Таяли ряды наступающих товарищей. В пулеметных расчетах сокращалось число номеров, я стремился ни в коем случае не сокращать число пулеметов. Ведь они так необходимы для батальона. Восполняя потери, за гашетки пулеметов ложились командиры взводов, лег и заместитель командира роты. Начали выходить из строя офицеры. Первым был ранен мой любимый младший лейтенант Василий Вдовин. Ранение его было в момент пулеметной дуэли с немецким пулеметчиком. Вася был заядлым мастером выжать из «максима» всю ленту (250 патрон) и потом прислушаться, как шумит в кожухе охлаждающая жидкость. В азартный момент его с фланга, не защищенного щитом пулемета, стеганула немецкая пуля. Своими расчетами «максимов» он наносил много урона фашистам, так как большая часть минометного огня немцев была сосредоточена на их позициях и боевых порядках 5 стрелковой роты, которой командовал бесстрашный офицер, старший лейтенант Вася Кандыбин. Сколько раз он подымал своих орлов в атаку, но безуспешно.

Вася Вдовин ранен. С помощью санитаря я ему перевязал рану, пожелал скорейшего выздоровления и возвращения в роту. Командиром взвода назначил старшего сержанта Дубовика. Он был также отменным пулеметчиком. Ко всему этому он оказался хорошим командиром.

Внезапно мы увидели позади нас офицеров в кавалерийской форме. Они сообщили нам, что кавалерийский корпус выводится через наши боевые порядки. Атака их не состоялась, надо налагать потому, что противник обнаружил их сосредоточение и выход к нам. Налет немецкой авиации усилился. Нам пришлось наблюдать очень неблагоприятную картину, сложившуюся для конников.

Встал вопрос, как говорится, ребром — высота должна быть взята нами, подразделениями нашего полка. Для «поднятия духа» и разъяснения важности задачи к нам прибыл заместитель командующего дивизии. У него было звание старшего офицера (полковник или подполковник) пограничных войск. Были собраны командиры рот в районе КП 2 с.б. Местность отсюда просматривалась хорошо. Все сказанное мы внимательно прослушали. Все сводилось к тому, что вставай — и вперед, ни слова о каком-нибудь маневре. Ведь опыт нескольких дней наталкивал на это. Предпринята была последняя атака, но без результата. В этой атаке погибает мой боевой друг, командир 5 с.р. Василий Кандыбин. Рота оказалась обезглавленной. Погибал он геройски, стоя на глазах у всей роты, в надежде увлечь ее за собой. И еще одна потеря. Очень большим осколком от тяжелого миномета тяжело был ранен командир 2 с.б. У него были срезаны ягодицы, открылось сильное кровотечение, с которым батальонный фельдшер еле справился. Прибыл транспорт с полкового пункта, и наконец его погрузили. Лежа в повозке, он тихо говорит: «Теперь я уже не вояка, жалко вас оставлять, вы ведь еще молоды, нуждаетесь в помощи». А потом в шутку проговорил: «Кандыбин погиб, если ты выживешь, уцелеешь, приезжай ко мне, будешь моим зятем». На формировании он нам показывал фотографию своей дочери и считал нас обоих с Васей ее женихами. А кто конкретно, зависело от нее.

Несколько дней мы бились, толклись на одном и том же месте. Не помню, какого числа, но четко отложилось в памяти, что немец ослабил огонь, и все как-то необычно изменилось. Мы поднялись и пошли вперед. За несколько минут высота была уже у нас. Оказывается, командир полка подполковник Яценко А.Т., вопреки сдерживающим действиям высших инстанций, применил обходной маневр с заходом в тыл фашистам. Повел эти подразделения заместитель командира полка по политчасти майор Торгашев. И успех налицо. Заслуга Александра Тимофеевича и его заместителя по политчасти здесь бесспорная. Когда я взошел на высоту, встал во весь рост, убедился, что удерживали немцы ее не зря, господствующая она в полном смысле этого слова.

Немцы начали откатываться, но с боями, задерживаясь на отдельных рубежах, пока их не сбивали, и бои носили довольно жаркий характер. На второй день вызвал меня командир полка к радиостанции и приказал убыть в распоряжение командира 3 с.б. на должность начальника штаба. Дождавшись колонны батальона, которая должна проходить через расположение 2 батальона, встретился с майором Потехиным и доложил о прибытии. Он как будто бы обрадовался и сказал, что он остался один: «От начальника штаба уцелела планшетка с картой, наноси задачу и быстро выводи 7 роту для преследования противника.

Остальные дела примешь позже, в ходе боя». В новой должности пришлось гнать врага, этот батальон, как мне казалось, в большинстве шел в авангарде, хотя номер у него был последним.

На Белорусской земле

Сентябрь 1943 года. Заканчивался последний этап по освобождению Смоленщины. Мы с боями продвинулись на глубину более 100 км. Нашими стали города Смоленск и Рославль. К концу сентября полк вышел к пункту Дрибин. 3 батальону не удалось с хода ворваться в его оборону через р. Проня, и он был вынужден закрепиться на восточном берегу. Участок был болотистым. Окопы и отдельные траншеи располагали на отдельных островках. Глубоко копать не позволяла вода. Позиции противника проходили по более выгодной местности, и оборона готовилась заблаговременно. Нейтральная полоса была большая, и пулеметный огонь почти не использовался. «Обменивались» исключительно отдельными выстрелами орудий и минометов. Из-за болотистого грунта многие снаряды и мины не срабатывали, если и происходил взрыв, то он происходил в глубине болота, не причиняя нам вреда. Люди использовали эту возможность и приводили себя в порядок.

Мы с командиром батальона расположились в лодке под берегом какого-то рукава реки. На этом рубеже нам пришлось находиться недолго. У меня сильно дали знать раны. Начали выходить остатки швов изнутри. Ранение было в живот и грудную клетку, все это сильно затрудняло мне передвижение. Командир батальона попросил командира полка, чтобы мне разрешили выйти на полковой пункт для врачебной обработки ран. Разрешение было получено. С наступлением темноты я в паре с солдатом пошел в тыл. Сутки провел в ПМП. Раны были обработаны, и сразу почувствовалось большое облегчение.

Через 2–3 дня занимаемый нами рубеж был передан частям УРа, подразделения полка совершили маневр в сторону фланга. Здесь пришлось выходить с боем к его подготовленной обороне на другом участке. При овладении одной из деревень вдруг внезапно я встречаюсь со старшим сержантом Дубовиком, которого я оставил за командира взвода при выбытии из строя младшего лейтенанта Вдовина. Встреча была очень радостная, но короткая. За это непродолжительное время он успел получить ранение, вылечиться и вернуться в строй той же роты. Вкратце вспомнили роту, боевых друзей. Но долго не пришлось задерживаться. Поговорив немного, каждый пошел своей дорогой. Через несколько минут я услышал знакомые очереди, присущие только нашему «максиму», это мой помощник командира взвода бывшей моей роты нагнал фашистов и поливает их свинцом. До этого, с августа месяца, я никого не встречал из своей роты, не слышал работу своих «максимов».

Ко второму октября 1943 года подразделения полка вплотную подошли к заранее подготовленному рубежу противника и перешли к обороне юго-восточнее гор. Горки. Задача стояла ответственная. В кратчайший срок построить прочную оборону с учетом зимы, привести подразделения в порядок (доукомплектоваться), непрерывно вести разведку противника, готовиться к наступлению. Оборона проходила по двум сожженным деревушкам (одна, кажется, называлась Никулино). В ней сохранилось всего два погребца, их использовали взвод ПТР и команда снайперов-добровольцев из московской дивизии НКВД.

Местность открытая, ни единого деревца. Чтобы построить хоть какие-то укрытия-блиндажи для обогрева личного состава, был мобилизован весь транспорт для подвоза лесоматериала из лесного массива, расположенного в тылу на границе Смоленской области и Белоруссии. На картах он значился как Темный лес. Транспортники свою задачу выполнили с честью. Мы только успевали выкапывать котлованы, как бревна для перекрытия оказывались подвезенными, с ними одновременно доставлялись дрова. У нас в тылу была уцелевшая деревушка, в ней располагался штаб полка. Усилиями всего личного состава оборона была построена в сравнительно короткие сроки. Образовалось три траншеи с ходами сообщения, множеством площадок для стрельбы из пулеметов, банкетными позициями для ведения залпового огня отделением, с укрытиями для личного состава. Наряду с инженерными работами, не прекращалась круглосуточно боевая служба на переднем крае, велась разведка. Было проведено много поисков по захвату «языка». Особая заслуга в этом командира разведвзвода полка старшего лейтенанта Маркушина и его помощника. Оба были заслуженные, бесстрашные разведчики. На их счету не один захваченный «язык». Их грудь украшали многие ордена и медали. Но случилось непоправимое. Увлечшись успехом, они предприняли вылазку повторно на то место, где был перед этим захвачен «язык». А противник к этому времени устроил им засаду на нейтральной полосе. Поиск сорвался, взвод понес потери, а товарищ Маркушин был очень тяжело ранен. Непосредственный участник многих поисков, в том числе и этого, ныне здравствующий Агеев Вениамин Семенович проживает в г. Первоуральске. Уж ему — то есть о чем рассказать, как он действовал в составе этого взвода.

Оборона в этом районе в течение зимы изобиловала яркими, поучительными эпизодами из боевой деятельности личного состава, и в первую очередь разведчиков. Но об этом ниже. А теперь, как я возвратился опять в разведку.

В один из октябрьских дней к нам на КП батальона прибыл заместитель по политчасти командира полка майор Торгашев. Находясь в моем блиндаже, он завел со мной разговор. Перед этим поздравил меня с наградой — орденом Красная Звезда, о чем я еще не знал. Затем незаметно начал расспрашивать, как я командовал разведвзводом в 82 с.д. под Ржевом (это было до ранения), об удачных и неудачных поисках. Я поделился с ним откровенно, даже упомянул некоторые эпизоды первых дней войны. После всего этого он и говорит: мне теперь ясно о твоей службе в разведке. Нам сейчас нужен начальник разведки полка. По всем данным ты подходишь. Дело за желанием. Если согласен, я буду решать вопрос с командиром полка. На второй день я дал согласие. В штабе полка стало два однофамильца: ПНШ-1 и ПНШ-2. Один — Воронежский, второй — Сталинградский. Впоследствии пути-дороги наши разошлись, когда находились под Мемелем. Началась новая служба. Приходилось учиться на ходу. Начальники штабов, как на грех, часто менялись. Очень много помог мне в моем становлении командир полка подполковник Яценко А.Т. Он вникал буквально в каждый наш шаг. Сам лично выходил на передний край и просматривал участок, где мы собирались действовать. Под стать ему оказался и его заместитель подполковник Кузнецов, который впоследствии повел полк дальше. Решения командира полка на ведение разведки были дальновидными. В достижении цели он был настойчив. Выполняя основную задачу, пришлось провести серию поисков с

целью захвата «языка» и получить данные о системе огня, инженерных заграждениях и другие данные о противнике. Результаты были разные. Противостоящий противник был исключительно бдителен. И вот перед центром обороны полка мы решили послать разведгруппу, на этом участке никогда раньше не действовали, да и передний край противника почему-то особо не привлекал. В одну из темных ночей группа двинулась к назначенному объекту. Я из траншеи пристально наблюдал за ней. Наготове были огневые средства для ее поддержки. Времени прошло много. По расчетам, они должны или возвратиться, или быть обнаруженными. Я начал беспокоиться. Ведь могли и заблудиться, наконец. Перед самым утром группа появилась так же тихо, как и уходила. Не спускаясь в траншею, разведчики падают на бруствер и докладывают, что противника в первой траншее нет, проходили вправо и влево — тоже нет. Сама траншея и площадки не запущены, содержатся в порядке, проволочное заграждение усиленное. Сделанный нами проход замаскировали. Начали гадать, что же задумал коварный враг. Утром, как и всегда, лично доложил обо всем начальнику штаба и командиру полка. Было решено несколько дней усиленно с нескольких точек понаблюдать, а затем повторить поиск. В назначенную ночь, как правило, после 24 часов, разведчики начали действовать. Так же незамеченными проникли в их траншею, обследовали, а немцев не обнаружили. Казалось, все по-старому, но только при возвращении через их минное поле сработала одна мина, произошел не взрыв, а выстрел, выбросив вверх серию осветительных ракет. Любопытный сапер-разведчик прихватил с собой лежащую на поверхности мину. Спрыгнув в свою траншею, начал копаться в ней. Она оказалась из числа новинок и, неизвлекаемая, разорвалась у него в руках и тяжело ранила его. После второго поиска и тщательного изучения конфигурации траншей противника высказали предположение, что этот выдающийся вперед участок траншеи является ложной позицией и используется только в дневное время. Был проведен третий поиск, подтвердивший то же самое. Кропотливая работа разведчиков дала возможность безошибочно определить эту ложную позицию по фронту до 1 км, состоящую из двух траншей. Впоследствии, в июне 1944 года, этот участок явился местом прорыва вражеской обороны и перехода полка в решительное наступление к Днепру. Заслуга разведчиков в этом исключительно велика.

А теперь вернемся немного назад, чтобы упомянуть некоторые эпизоды.

Зима с 1943 на 1944 год была довольно снежной в этом районе. Траншеи без конца заносило снегом. Разведчики очищали их, и они становились все глубже и глубже. Действовать группам захвата приходилось все труднее. А «языка» брать надо. Было решено действовать малыми группами из числа добровольцев. Первая группа подобрана. В ее состав вошли командир пульроты 3 б., командир взвода ПТР, фельдшер батальона и солдат из управления батальона. Группа тщательно подготовила объект. Им оказался изгиб траншеи рядом с возвышающейся площадкой, с которой офицеры осматривали местность перед передним краем в момент освещения ее ракетчиками. Экипировка у них была облегченная, оружие тоже только для ближнего боя (нападения). Смельчаки бесшумно достигли объекта, расположились на бруствере, маскируясь в снегу. Долго ждать не пришлось. По траншее шел офицер, сзади его сопровождал солдат-ракетчик, периодически освещая местность. Как только поравнялись фашисты

с разведчиками, они с высоты снежного бруствера навалились на них. Солдат сразу был убит ножом. Офицер схвачен и через смотровую площадку был вытянут из траншеи и доставлен в наше расположение. Пленник дал ценные показания и сообщил, что от нашего снайперского огня немцы несут ощутимые потери. Ведь он не знал и не ведал, что это действуют у нас отважные снайперы-девушки, команда добровольцев из Москвы. Группа возвратилась без потерь и царапин. За подвиг были награждены орденами и отпуском на родину. Долго в полку восхищались героической вылазкой смельчаков.

Теперь два эпизода, относящиеся к бдительности наших воинов к разным каверзам фашистов. К весне противник усилил засылку к нам своих шпионов-перебежчиков. Школа, которая готовила их, располагалась не так уж далеко в его тылу. На участке одной из рот мы готовили поиск. Ночью стою я у площадки станкового пулемета и с пулеметчиком внимательно наблюдаем и вслушиваемся. Вдруг строго перед нами в расположении противника произошел приглушенный взрыв. У нас сразу возник вопрос: что это такое, ведь наши огня не ведут. Пулеметчик тоже озадачился. Пришлось выставить вправо и влево наблюдателей, усилить бдительность. Ночь была очень темная, фашисты вели себя спокойно: не освещались, не стреляли. Прошло довольно много времени с момента взрыва. И вдруг из темноты перед пулеметом раздался просящий голос: «Помогите». Я с разведчиком мигом выскочил из пулеметного гнезда. Метрах в 30 от нас лежал человек. Мы его схватили и отнесли в блиндаж к пулеметчикам. Он был одет в гражданское платье, как белорусский крестьянин. Весь изранен осколками и без конца стонал. Напрягая зрение при блиндажной коптилке, я начал осматривать его. Под тряпьем на нем было новое немецкое нательное белье, нашел завернутые часы в футляре с какой-то исчерканной бумажкой. Мы потребовали от него рассказать все подробно. Он сообщил, что находился в траншее с другими лицами и производил очистку. Решил перейти на нашу сторону, наткнулся на минное поле и подорвался. Осколки его ранили во многих местах. На вопрос, почему в немецком белье и откуда их часы, он начал путаться и гнуть всякую небылицу. Пришлось немедленно отконвоировать его в штаб дивизии. Позже нас проинформировали об этой «птице». Он немецкий шпион. Прошел обучение в спецшколе. На переднем крае его специально ранили осколком взорванной мины, он шел на связь с группой в нашем тылу, которая, кстати, к этому времени была разгромлена. Ее руководитель (фельдфебель) повешен.

Второй случай произошел на левом фланге полка. Наступила весна. Начал обильно таять снег. На нейтральной полосе ручей наполнился водой. В такое распустье надо было разведать участок около этого ручья. В одну из темных ночей мы с командиром саперного взвода довели разведгруппу до ручья, убедились в его преодолении и возвратились в свою траншею. Стали пристально наблюдать. Через непродолжительный промежуток времени левее нашего прохода слышим невнятный голос. Мы поспешили туда, думали: кто-то из наших уклонился от направления. Это оказался немецкий шпион. Видя, что он попал прямо к нам в руки, начал лавировать. Сразу сказал: «Быстрее в блиндаж, и я сообщу важные данные». В ротном блиндаже сквозь слезы говорит, что вот сейчас его от проволоки проводил к нам сам начальник школы, где он учился. Если хотите, вы его

захватите. Но на этот «крючок» мы не попались, зная, что в таких случаях для провода лазутчиков создается группа прикрытия вплоть до засад. Он был одет во все новое обмундирование нашего образца и покроя с погонами младшего лейтенанта. При себе имел командировочное предписание, продовольственный и вещевой аттестаты. Документы выданы командиром дивизии, которая обороняется справа от нас. Ему предписывалось проверить ход инженерных работ у нас в качестве взаимопроверки. Как нелепо было сделано! Все рассчитано на «простачка». Лазутчик оказался исключительно со слабыми нервами, без конца твердил: «А меня расстреляют или нет?» Не задерживаясь особо долго, мы его отправили в штаб дивизии. Хоть и темная ночь была, мы потребовали, на всякий случай, указать направление, где остался его шеф. К тому же нас волновало, как бы разведгруппа не нарвалась на их засаду. Благо, все обошлось хорошо. Ребята возвратились, выполнив задачу. Эти два эпизода еще раз показывают, насколько фашисты не брезговали ничем, применяя бесчеловечность, подлость к своим лазутчикам, лишь бы достигнуть желаемого. Мы противопоставляли им бдительность, стойкость и массовый героизм во славу Родины.

А теперь о боевом товариществе между подразделениями в полку. В начале зимы в полк прибыл взвод снайперов девушек. Командиром был назначен старшина Григорьев, на своем счету он уже имел не один десяток сраженных фашистов, что помогло ему быстро наладить боевую службу девушек. Это немцы сразу почувствовали. На многих открытых переходах появились маски в виде камышовых заборов, и вообще стало меньше одиночных передвижений в их обороне. Наши разведчики незамедлительно познакомились с новым женским подразделением. Частенько в свободное время от боевой службы начали встречаться с девушками. Завязалась настоящая боевая дружба. Взаимно радовались успехам и тяжело переживали неудачи, особенно безвозвратную потерю товарищей. Помню, тяжело была ранена девушка-снайпер, по фамилии, кажется, Баранова. Ребята-разведчики случай этот приняли близко к сердцу. А когда у разведчиков произошел из рук вон нелепый случай — на минах погибло три человека, то на их похороны пришла добрая половина девушек, отпросившись раньше выйти с позиций. Взвод девушек приумножил боевую славу полка, я упомянул о девушке, которая была ранена. Ведь она своим метким огнем уложила несколько фашистов. В том секторе, где она охотилась, передвижение фрицев в открытую было парализовано. Они были вынуждены бросить все, чтобы выследить ее окоп. Наконец им удалось это сделать. К исходу дня они открыли сильный минометный огонь по ее крохотному девичьему окопчику. Осколками она была тяжело ранена. Благо, оставалось немного времени до темноты, с наступлением сумерек она была вынесена в тыл обороны, а затем отправлена в госпиталь.

Снайпер-девушка Барамзина Таня совершила героический подвиг, за что посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза. Командир взвода младший лейтенант Григорьев уничтожил своим метким огнем свыше трехсот фашистов и также удостоен звания Героя Советского Союза. Один крохотный взвод воспитал и дал полку двух Героев Советского Союза, в том числе одну девушку.

Немалую заслугу внесли снайперы-добровольцы из московской дивизии НКВД. На участке нашего полка действовала небольшая группа из отобранных

ребят. Она располагалась в уцелевшем погребе. Вспоминается, как приятно было встречаться с их общим руководителем. Был он в звании капитана, фамилии, разумеется, не помню. Вспомнить о Москве, о ее пригородах, которые пришлось оборонять в 1941 году. Он, в свою очередь, живо интересовался службой разведки. Был любезный и душевный человек. Жаль, что память не сохранила его фамилии и более подробные данные.

Наконец миновала зима. Пережили цветущую весну. Все стало проясняться. Скоро, очень скоро разразятся активные наступательные события. В полку периодически выводились батальоны из обороны в тыл. Доукомплектовывались, приводили себя в порядок, немного обучались и по-прежнему возвращались в оборону. Но один, помню, батальон прибывшего комбата Филимонова Ивана Гавриловича готовился особенно тщательно и на позиции не выходил. Надо было полагать, что умный, опытный командир полка Александр Тимофеевич что-то замышлял в этом деле. Так оно и вышло. Впоследствии этому батальону пришлось решать главную задачу полка. Он ее выполнил с честью, и это не случайно. Ведь командовал им воин, получивший боевое крещение и опыт еще в боях с японскими самураями на Монгольской земле в районе реки Халхин-Гол в 1939 году. А впоследствии, надо же было распорядиться судьбе, товарищ Филимонов после боев у прусской границы опять попал в Монголию, скрестив оружие с теми же самураями, но образца 1945 года, где вышел абсолютным победителем.

Проходили последние приготовления к наступлению. Мы уже знали свой корпус, появилась новая армия, куда мы вошли. Командир полка четко и ясно поставил задачу перед разведкой. А она сводилась к следующему: полк будет прорывать оборону на участке ложной позиции, которую мы с вами в течение зимы точно разгадали. Прорыв должен быть осуществлен внезапным броском одного батальона, который я готовлю. Мне надо уточнить режим у противника (когда он покидает позицию и когда возвращается на нее). Тогда определим час атаки. Времени оставалось в обрез. Всеми видами разведки было точно установлено: выходил он на позицию с рассветом, перед этим на третьей траншее принимал пищу. В этот момент и было решено накрыть его внезапным артогнем, не дав ему выйти на передний край и занять все траншеи. Артиллерии было сосредоточено достаточное количество, много было поставлено на прямую наводку. Саперы за ночь проделали проходы в их минных полях. В проволочных заграждениях прорезаны проходы, но не разводились. Был привязан кабель для растаскивания по особому сигналу. Саперы всю ночь находились невдалеке от проходов, их охраняли разведчики. Часа за два до рассвета атакующий батальон занял исходную позицию на нейтральной полосе. Наступил рассвет. Артиллерия открыла огонь. Проходы были раздвинуты. Стрелковые роты без труда ворвались на его позицию и быстро овладели двумя траншеями. Привели первых двух пленных, они были почти оглохшими от нашего артогня. Но охотно стали отвечать на наши вопросы. Я был удивлен, когда услышал номер их дивизии. Ведь с ней я встречался в районе Ржева зимой с 1942 на 1943 год. Будучи там командиром разведвзвода, мне посчастливилось захватить у них трех «языков» и провести ряд налетов со своими разведчиками. После чего был тяжело ранен — вот так встреча.

Наш удар был исключительно удачным. Артиллерийский огонь накрыл места, где немцы принимали пищу, и отсек пути их выхода на переднюю позицию. Некоторой части вражеских солдат удалось проскочить, но они попали под непосредственный удар атакующих и были уничтожены или пленены. Буквально через какой-нибудь час или полтора разгорелся артиллерийский поединок. Враг сосредоточил все, что мог. В течение дня предпринимал несколько контратак. Пустил в ход самоходные орудия. Но наши не дрогнули. Артиллеристы подбили два самоходных орудия, а остальные повернули вспять. Справа наш сосед тоже имел успех, что значительно облегчило наше положение.

Командир полка приказал мне снять точную схему захваченного участка их обороны, сделать описание инженерных сооружений и заграждений, систему КП и НП. Это было крайне необходимо: чтобы бить врага, его надо знать. Работа была сделана в течение дня. Один экземпляр был отослан в штаб дивизии.

Бои продолжались около трех суток. Нас начали информировать, что соседи имеют большой успех, а некоторые подвижные соединения громят тылы немцев. Будьте готовы двинуться вперед. Это было в конце июня 1944 года. Разведзводы были у меня под рукой. Конный взвод находился в укрытии у старого НП, а пешие были со мной. Непосредственно при себе, в специальном окопе, я держал свою лошадку. Она была не из крупной породы, для моего роста даже немного маловата. Но очень умная, хорошо выезжена, входила в любую траншею, спокойно переносила обстрел, и мне казалось, что она при опасности старалась держать голову ниже бруствера. Потерял я ее под Минском, когда уничтожали окруженную группировку немцев. Для меня, как бывшего кавалериста, это была значительная утрата.

Пришлось довольствоваться тем, что было в конном взводе. Без коня я не был. И только числа 15 или 16 апреля 1945 года под Кенигсбергом на берегу залива пленный офицер-артиллерист лично перед строем пленных подарил мне свою кобылицу, хорошо выезженную, с полной амуницией всадника. Вручал он ее торжественно, по-кавалерийски, держа под уздцы, говорил на очень ломаном русском языке, Лошадь была чудесная. На третий день после Победы мне пришлось ее передать заместителю по политчасти командира полка. Это была последняя и навсегда разлука с конем. Пришлось сродниться с мотором и познать запах мазута.

Боевые задачи были нанесены у нас на картах. Помню, моя карта отражала все данные о противнике и предстоящую задачу. Пунктирная стрела начиналась из центра обороны полка и упиралась в берег р. Днепр южнее гор. Шклова.

На рассвете, кажется, 26 июня 1944 года противник начал отход. Командир полка отдал приказ преследовать его и с ходу форсировать реку Днепр. Я двинулся с разведчиками, прошел боевые порядки пехоты, внимательно сверяя данные местности с картой. Слева остались Горки, на которые с осени 1943 года ежедневно по нескольку раз мы наводили бинокли и стереотрубы. Справа обошли артпозиции противника. Они нанесены у меня на карте. В результате хорошей работы наших артиллеристов по ним на позиции осталось подбитых два орудия. Укрытия для личного состава у них сделаны из срубов домов. Ведь они не щадили ничего на нашей земле. Чуть видно в бинокль: справа и слева соседи тоже устремились на запад. Оторваться от нас противнику не удается.

Видя, что мы настигаем его, он начал беспокоить нас артиллерийскою шрапнелью. Пришлось маневрировать. Одну деревню вообще обошли справа, так как по ней он вел усиленный сосредоточенный огонь. Оставались считанные километры до Днепра. В Шклове и Копыси были пожары.

Перед Днепром расположилась небольшая деревушка. Вижу: от окраины навстречу нам движется народ. Встретили дозор, и он вдруг растворился среди толпы. Я понял, что это местные жители. На галопе подъезжаю к толпе. Оказывается, местные жители волокут разведчиков в хату угостить, с хлебом-солью, бутылками с самогоном слезно просят не отказаться от угощения. Ко мне подошел седой пожилой мужчина, извинился и сказал, что они очень рады нашему приходу и их освобождению, немцы буквально несколько часов, как убежали за Днепр. «Пока наши хлопцы соберут вам необходимые средства переправы, зайдемте в крайнюю хату, мы вас угостим». Пришлось зайти. А лошадка моя хоть и не породистая, все-таки пришлось трех мальчуганов посадить верхом к себе и немного прокатить. Сколько у них было радости!

Днепр форсировали на нескольких лодках. Я переправлялся вплавь со своей лошадкой, держась за ее гриву. На противоположном берегу проходила железная дорога. Какой-то полустанок или разъезд, на котором все пути запружены эшелонами с военной техникой и вооружением. К 16 часам мы полностью овладели этими эшелонами. И вот произошел интересный эпизод. В одном из эшелонов на платформах много новеньких гусеничных тягачей. Я думаю, скатим пару-тройку машин, посадим пеших в кузов — и вперед. С трудом удалось разгрузить пару машин. Горючее в них было, а охлаждающей жидкости не было, мы не обратили внимание и начали заводить. В результате перегрева моторы сразу заклинило, и мы отказались от своей затеи. Пришлось выполнять задачу на своих средствах.

К утру полк форсировал Днепр и я соединился с ним. Здесь я узнал, что, не доходя до Днепра, ранило командира полка подполковника Яценко А.Т. Вел полк его заместитель подполковник Кузнецов. На второй день форсирования наше преследование противника было исключительно стремительным и успешным. Люди даже не чувствовали никакой усталости. Только вперед и вперед. В этот момент противник предпринял очень сильную контратаку во фланг частям нашей дивизии. Подразделениям полка пришлось развертываться для боя с хода, подчас на невыгодных рубежах. Но, благодаря стойкости личного состава, героизму артиллеристов, контратака успеха не имела, а подоспевшие на помощь наши танкисты обратили противника в бегство. Проходя поле боя, мы наблюдали, сколько было исковерканных танков, машин и трупов противника. Но нелегко обошлось и нашим артиллеристам, их потери тоже оказались значительными.

К исходу дня преследование противника возобновилось в прежнем темпе. И вот здесь мне запомнился один случай дикого варварства фашистов. Ночью двигались в голове авангарда с подполковником Кузнецовым, вдруг подходят к нам два разведчика и докладывают, что недалеко впереди в нескольких десятках метров справа от дороги лежит группа солдат, форму одежды трудно различить, они изранены и тяжело стонут. Через несколько минут мы подошли к жертвам и начали их рассматривать. Около двадцати человек лежало вразброс, кто мертв,

кто тяжело ранен в бессознательном состоянии. Все они бывшие наши военнослужащие, попавшие в плен и под страхом смерти служившие в армии предателя Родины генерала Власова. При бегстве они больше не потребовались, и фашисты с ними расправились по-варварски. Среди этой группы были люди разных национальностей, одетые в разное военное тряпье, нам было прискорбно смотреть на них.

Местность становилась все труднее для продвижения. Болота, всевозможные ручьи и речушки, плохие лесные дороги замедляли движение. Тылы полка отстали. Только опытный начальник вооружения, капитан Матвеев, с транспортом боеприпасов неотступно следовал за боевыми подразделениями. Вездесущие батальонные кухни всегда были позади рот батальонов. Захваченные обильные и разнообразные трофеи использовались во всех видах довольствия.

Впереди нам должен был встретиться серьезный водный рубеж — река Березина. Это рубеж вечного героизма русских воинов по отражению иностранных захватчиков. Но, благодаря дерзким и умелым действиям наших танковых и механизированных войск, кавалерии, форсировать реку нам не пришлось, а спокойно перешли в колоннах по наведенным мостам.

С этого рубежа нам стало известно, что под Минском наши войска захватили (окружили) очень большую группировку противника. Мы, как никогда, ускорили продвижение. День и ночь, без отдыха, наседая на противника, стремились быть там, где надо было быстрее его добить. Он спешно отходил, группами скрывался в лесах. Всеми уловками пытался задержать наше продвижение.

Однажды ночью пришлось столкнуться с его каверзой. Двигались по дороге, сплошь заваленной техникой, разбитой в результате удачных налетов наших штурмовиков, внезапно авангард обстреляли из-под моста, расположенного через небольшой ручей. Все приостановились. Командир полка приказал мне немедленно разведать и возобновить движение, время не ждет. Я и несколько разведчиков стали пробираться среди разбитых машин. Быстро вышли в тыл этого мостика, открыли огонь из автоматов. В ответ нам поднялось четыре фашиста, держа руки выше голов. Мы их взяли, уточняем, кто и что. Оказывается, бывший комендант ст. Орша, майор, возглавил группу и решил задержать нас. Какое безрассудство! Разведчики быстро с ними разделались, ведь больше они нам не нужны, а в штаб дивизии конвоировать нет смысла. Полк потерял не более часа — полтора, пока мы расправлялись с немцами, но зато солдаты передохнули и даже вздремнули, что крайне необходимо.

В этот момент с нами, пехотой, особенно, как никогда, тесно взаимодействовала штурмовая авиация знаменитых «ИЛ-ов». Мы имели условные световые сигналы для связи с ними. Как только они появлялись в зоне видимости, наши ракеты указывали цель и они начинали штурмовать. Вы не можете представить, какой был результат. Дороги и просеки оказывались заваленными разбитой техникой, вооружением и трупами. Были участки, где движение наше вообще было невозможным. Колонны обходили и продолжали преследование по лесу. Такого четкого взаимодействия со штурмовиками мне видеть не приходилось за всю войну.

На этом этапе нашего боевого пути мне хочется остановиться на двух моментах, которые более ярко отложились в моей памяти. Находясь впереди

авангарда с разведчиками, к полудню мы подошли к опушке большого лесного массива. На карте наш маршрут пролегал строго по его центру на запад. Внезапно мне навстречу из леса вышли двое мужчин, одетых в гражданское платье, с оружием, увешанные всевозможными боеприпасами. На головном уборе наша красная лента. Я сразу догадался, что это партизаны. Они строго воспрепятствовали моему продвижению, сообщив мне, что дальше партизанская зона со своими базами, даже лагерем военнопленных немцев.

Окинув взглядом опушку леса, я заметил несколько постов с пулеметами на вышках массивных деревьев, довольно тщательно замаскированных. Затем партизаны настоятельно порекомендовали действовать строго вправо, через сожженную деревню, кажется, она называлась Поповка. В нескольких километрах проходил узел лесных дорог, и надо было его захватить, не дав ускользнуть немцам из второго котла окружения. Но я не вправе был изменять поставленную мне задачу. Разместил разведчиков по окраине сожженной деревушки, приказал вести наблюдение в направлении указанного узла дорог, о котором упомянули партизаны. Вскоре подошел с колонной командир полка подполковник Кузнецов. Я ему доложил обстановку. После меня он заслушал партизан, к этому времени у них появился еще один товарищ, видно, уполномоченный для разговора с нами. Я продолжил вести разведку наблюдением. Справа от нас на опушке леса появились три самоходки противника. Активных действий они не проявляли, по-видимому, имели задачу охраны, не вызывая на себя нашего огня. К исходу дня к нам подтянулось достаточно сил и средств. Прибыл кто-то из командования дивизии. Было решено на транспорт одного из артдивизионов посадить наш усиленный стрелковый батальон под командованием майора Филимонова И.Г., чтобы внезапно прорваться через охранение немцев, захватить узел дорог, преградив выход фашистам. Решение было исключительно дерзким, рассчитанным на героизм и стойкость личного состава.

Перед заходом солнца наш отряд на полном ходу рванулся к опушке леса, находящиеся там фашисты были ошеломлены, ничего не поняли, даже не успели открыть ответного огня, замыкающие машины уже скрылись в лесу. Отряд беспрепятственно достиг объекта, занял его и приготовился к бою. Перед утром противник обрушился на отряд смельчаков. Бой был жестоким и очень тяжелым для отряда. Несмотря ни на что, задачу свою он выполнил с честью. С этим отрядом оказалась Таня Барамзина. Она добровольно организовала пункт по оказанию помощи раненым в одном из укрытий, где и была схвачена и зверски истерзана фашистами, но не дрогнула. Ее подвиг посмертно увековечен присвоением ей звания Героя Советского Союза. Эта дерзкая операция и героизм личного состава батальона прекрасно описаны в воспоминаниях непосредственного его участника, бывшего комсорга батальона Касимова Ильи Ивановича. Когда мы проходили с главными силами полка это поле, картина была потрясающая: масса трупов, разбитая техника и орудия.

Движение мы продолжили в направлении Волмы. По расчетам, там должна произойти встреча с какими-то танковыми частями, идущими нам навстречу. Этим завершалось полное уничтожение окруженной группировки в данном районе. Очень большое напряжение вынес личный состав, продвигаясь к намеченному рубежу. Он ни дня, ни ночи не имел возможности передохнуть.

Часа за три до рассвета мы вышли с разведчиками из лесного массива на опушку. Впереди открывалось нескошенное поле. Внезапно мы были обстреляны пулеметным огнем, затем несколько выстрелов было сделано из артиллерии. Снаряды разорвались в нескольких местах, не причинив нам вреда. Подошли наши стрелковые подразделения. Когда обменялись мнением, то рассчитали, что до рубежа предстоящей встречи недалеко, и было решено до рассвета передохнуть, а за это время произвести разведку. Выставили охранение. Две мои небольшие группы попытались углубиться вперед, но были обстреляны, после чего они вернулись назад. Утомленных людей сразу одолел сон, бодрствовало только незначительное охранение. Мы знали, что в этом котле бродят довольно большие группы отчаявшихся немцев, ища выход, и нападения их на наши колонны возможны. Я с двумя разведчиками начал располагаться в какой-то ямке, рассчитывая хоть немного вздремнуть, чередуясь между собой. Вдруг справа в лесу слышим шум, хруст веток. Повернувшись, смотрю: лавина немцев движется на наше расположение, но тихо, без выстрелов и, вроде бы, без оружия. Тут раздалась команда: к бою, противник справа. Завязалась настоящая свалка, а не бой. Часть из них навалилась на машины, стоявшие сзади нас. Там находилось Знамя полка. Каким-то образом здесь оказалась машина с будкой инструктора политотдела по разложению войск противника. Несмотря на его внезапность и нашу чрезмерную утомленность, мы дали врагу достойный отпор. Только незначительной части немецких войск удалось прорваться через наше расположение. Позже выяснилось, что это действовала отборная группа фашистов, которая не желала сдаваться в плен, а рассчитывала уйти на запад.

С восходом солнца я активнее повел разведку. Ведь нас разделяли с частями, идущими нам навстречу, какие-то километры. С тремя разведчиками я пошел в обход поля слева. Затем повернул и углубился в пшеничный массив. Вдруг передо мной сразу поднялись четыре немецких солдата, держа руки вверх. У их ног стоял пулемет. После них начали выходить и сдаваться в плен остальные группы по всему рубежу, что задерживало нас. Соппротивление сломлено, мы двинулись по направлению к деревне. К нашему удивлению, в ней уже расположились наши танкисты. Несколько машин стояло на окраине в охранении. Состоялось боевое братание, начали обниматься и поздравлять друг друга. Многие из экипажей уже купались в речушке, хоть она и была мелкой.

Вот здесь мы были свидетелями, как из леса и разных направлений в сторону Волны выходили в буквальном смысле большущие — пребольшущие колонны противника с примитивно изготовленными белыми флагами. Через реку мост ими был взорван. Вдруг из леса по большаку мчатся две автомашины, до краев набитые ранеными немцами, и прямо к мосту. Не зная, что он разрушен, на полной скорости они срываются в реку, переворачиваются, и получается настоящая мешанина. Мы стоим и ликуем. Здесь вам и место! Если нам вас не удалось добить, то получайте по заслугам.

К 12 июля 1944 года с окруженными немцами под Минском было покончено. Это самый крупный успех для нашего полка. Вспоминается, сколько было захвачено пленных, трофеев. Среди них были разные «птицы». Когда их проводили по улицам Москвы, то можно было узнать и наших «знакомых». Среди трофеев было много шоколада — это немецкие генералы в свое время позаботились

о себе. Они не предполагали, что их запасами воспользуемся мы, простые русские солдаты.

Этим закончилось наше активное участие по освобождению Белоруссии. Теперь все было нацелено к границам Литвы.

Освобождение Литвы

Самыми характерными и запомнившимися моментами на этой земле являются: форсирование реки Неман и захват плацдарма, бои в районе г. Вилкавишкис и подход к Прусской границе, полное освобождение Литвы от фашистских захватчиков и овладение г. Клайпеда (Мемель).

Проходя Минск с севера, мы хорошо наблюдали его развалины и непогасшие пожары. Затем миновали г. Лида, где был последний дневной привал в отрыве от противника. За этот теплый, солнечный летний день мы привели себя в порядок, приободрились. С наступлением темноты двинулись вперед. И вот — граница Литвы. При подходе к ней командир полка подполковник Кузнецов очень много рассказывал мне об этой республике, ее людях, местности, о разбросанности сельских строений, системе хуторов, о столыпинских деревнях, как бы готовя меня к предстоящим активным боевым действиям. И в этом он не ошибся. Мне пришлось очень много самостоятельно действовать на этой земле. А ему пришлось побывать в Литве еще в 40 году в составе наших войск, а в 1941 году покинуть ее, отступив в глубь страны.

Идем в направлении г. Каунаса. Впереди р. Неман. Противник перед фронтом был рассеян нашими подвижными танковыми частями. Встреча с ним возможна только из числа подходящих резервов, выдвигаемых из глубины. Командир полка правильно предупреждал нас о том, что немец к своей границе нас легко не допустит, будут жаркие бои. Так оно и было. Чем ближе к границе, сопротивление нарастало.

Числу к 28 июля 1944 года мы достигли р. Неман севернее г. Алитуса в направлении г. Вилкавишкиса и находились в 3 — 4 км от его берега. В это время на нашем маршруте встретила колонна наших танков и автомашин, стоявшая на обочине дороги и небрежно замаскированная. Я быстро связался с их командиром. Он меня проинформировал, что это авангард мехкорпуса и добавил о его прошлом, что мехкорпус участвовал в Сталинградской битве, имеет почетное наименование. Я ответил, что они мои земляки, я родом сталинградский. И давай быстрее решать главный вопрос, что впереди и почему они стоят. Информация о них была краткой. Стоят из-за отсутствия горючего и боеприпасов, ждут подвоза. Обещали доставить даже по воздуху. Впереди река Неман. На том берегу немец. К этому времени подошел командир подполковник Кузнецов с впереди идущим батальоном. Заслушав меня, отдал распоряжение выдвигаться к реке и готовить форсирование. С наспех организованного НП установили расположение противника. Конфигурация реки благоприятствовала для форсирования — изгиб реки вдавался в наше расположение, образуя петлю, берег низкий в виде поймы, а в глубине местность возвышалась над рекой, образуя своеобразную подкову.

Надо было иметь, на чем форсировать, и располагать достаточным количеством огневых средств, в первую очередь артиллерией. Но этого у нас было маловато. Вся поддерживающая нас огневая мощь была далеко позади на марше.

Все мы прекрасно понимали, что форсирование с хода — это дело умения, находчивости и отваги личного состава. Вот этим-то арсеналом полк и располагал. Буквально в считанные часы появились плоты в расчете на целый батальон. По команде погрузили пулеметы, 45 и 76-мм орудия и на широком фронте устремились к противоположному берегу. Подошедшая артиллерия своим огнем немало воздействовала на противника. Это помогло нам. Течение реки довольно быстрое, не сравнить его с Днепром, и к тому же вода очень холодная. Потерь мы почти не имели. Один плот был поврежден, и, кажется, на нем все обошлось благополучно, за исключением того, что один пулемет ушел на дно и несколько человек побывали в воде.

Атаковали позиции противника дружно и успешно. В обороне у него были подразделения какой-то охранной дивизии. Захваченного пленного не стали задерживать, а направили в тыл. Я немедленно направил разведку вглубь, придерживаясь вправо. В нескольких километрах от реки была расположена небольшая деревня с церковью, название ее было странное — Покойня. Вот на нее мы и держали свой курс. За разведкой последовал батальон майора Потехина. Двигаясь с командиром батальона, я поделился с ним выводами о противнике, он высказал свои соображения, и оба пришли к выводу, что противник вот-вот должен дать нам бой, потерять такой мощный водный рубеж он себе не простит. И надо сказать, что всего лишь через 10 — 12 часов это случилось. Он дал нам бой, да какой! ночной с применением танков.

К исходу дня расширили плацдарм, овладели деревней Покойня. Церковь оказалась действующей, очень высокой, даже с органом. Вокруг деревни разбросаны отдельные дворы, в одном из них был спиртзавод. К нашему удивлению, он имел большой запас готовой продукции — несколько емкостей, наполненных до верха спиртом. Сейчас приходится удивляться действию вышестоящей инстанции, когда она, получив от нас донесение о захвате плацдарма полком, немедленно дала команду спиртзавод не разбазаривать и организовать его усиленную охрану. А ведь мы ждали другого — помощи средствами усиления, в которой мы нуждались до крайности. Этот просчет дорого обошелся всем нам, кто находился на захваченном плацдарме, очень многие заплатились тогда своей жизнью.

Командир полка подполковник Кузнецов незамедлительно заслушал доклады командиров батальонов. Здесь же ему доложили о состоянии своих подразделений лейтенант Андрианов по батарее 76-мм орудий, лейтенант Новиков о 45-мм орудиях, капитан Попов о 120-мм минометах. Запасы боеприпасов были очень ограниченными. Несмотря на сложность форсирования, ведь оно было осуществлено с ходу, полк на рубеж плацдарма вышел организованно и с необходимыми запасами боеприпасов и продовольствия. Большая заслуга в этом командования полка и батальонов.

Было отдано распоряжение закрепиться на занятом рубеже, как можно глубже закопаться. Особое внимание и усилия сосредоточить вправо, в сторону г. Каунаса. Нам было известно, что в районе г. Алитуса захвачен большой плацдарм, за который ведется ожесточенный бой вторые сутки. Активных действий противника надо ожидать со стороны города по шоссе, которое впереди нас. Наступила темнота. Ночь выдалась, как назло, очень темной. Разведка шла

впереди рот батальонов. Я был на КП комбата майора Потехина, расположенном в церкви. Командир полка потребовал, чтобы я всю ночь бодрствовал там и регулярно докладывал ему об обстановке с Каунасского направления.

Мы с майором Потехиным удобно расположились в церкви. К этому часу бесперебойно действовала связь с ротами и командиром полка. С колокольни просматривалось все вокруг, был замечен любой огонек и хорошо прослушивались всевозможные звуки (голоса людей, выстрелы, гуд моторов). Вокруг церкви была вымощенная площадь. С высоты хорошо видно, как на ней расположились кухни и повозки с боеприпасами. Это настали часы работы фронтовых тыловиков. Ведь личный состав на фронте горячую пищу получал два раза в сутки и только в темное время (вечером и утром). Небольшие костры на площади помогали разглядеть, как термоса быстро наполнялись пищей и отправлялись в окопы к солдатам. Здесь можно наблюдать и работу более находчивых, которые готовили дополнительную пищу из живности, брошенной сбежавшими хозяевами. А сколько ее бродило и гибло при обстрелах!

За темное время надо было сделать многое: накормить людей, выдать кое-что из питания на руки в прозапас на грядущий день, пополнить боеприпасы и немного выкроить времени для отдыха. Противник до этого исключительно пассивничал. С наступлением темноты начал обстреливать артиллерией, а пулеметным огнем без конца поливал наше расположение, каждая очередь была насыщена до предела трассирующими пулями. Это создавало в какой-то степени моральное воздействие на обороняющихся. Перевалило за полночь. Из рот и от разведчиков начали поступать доклады, что они слышат шум моторов вначале отдаленный, а затем все ближе и ближе. Я посоветовался с командиром батальона и решили пойти лично доложить командиру полка. Я очень быстро преодолел нескошенное пшеничное поле, за ним располагался штаб полка. Он выслушал меня и сделал вывод: противник может провести ночную контратаку по батальону майора Потехина. Я немедленно возвратился на КП батальона. Противник вплотную подошел к позициям рот, без труда просматриваются его танки, он усиленно начал освещать ракетами наш передний край. Вот-вот он двинется на наши окопы.

Оборона приведена в полную готовность для отражения фашистов. Но там были танки, кругом тьма, ночь. Для полка такая ситуация оказалась впервые. Полковая артиллерия маломощная. Была одна надежда — на героизм личного состава. Впоследствии так оно и вышло. Личный состав сделал все возможное, многие отдали свою жизнь, но плацдарм был удержан. Немцы атаковали нас танками. На броне сидела пехота, без конца ракетами освещали направление для них, и бронированные чудовища поливали шквальным огнем наши боевые порядки. С нашей стороны люди применили все: и огонь стрелкового оружия, и гранаты, и бутылки. Наконец вступили в дело и наши полковые пушки. Их огонь и непрерывные пулеметные очереди значительно сбили спесь с врага. Нескольким немецким машинам все же удалось прорваться вглубь и вывести из строя некоторые наши расчеты орудий и пулеметов. И вот командир пульта старший лейтенант Абросимов бросается к 76-мм орудью, стоявшему без расчета, делает выстрел, снаряд попадает в цель, но броню не пробивает. Танк продолжает двигаться. Тогда он со связкой гранат бросается под его гусеницы,

задерживает его и геройски погибает. На следующий день его тело было вынесено с поля боя и похоронено в населенном пункте со всеми воинскими почестями. Его похоронами руководил помощник начальника штаба полка капитан Журавлев Борис Кириллович. Так люди победили броню, одолели врага и удержали плацдарм.

На следующее утро мы с командиром батальона Потехиным обошли боевые порядки, которые немного были потеснены противником в сторону реки, он дал указание закрепиться и быть готовым к отражению возможных атак противника. К нашему удивлению, командира полка т. Кузнецова в это время в полку уже не было. Он был где-то «наверху» и отчитывался за ночной бой. После туда же был вызван и т. Потехин. Этот день для нас был последним. Больше мы, бывшие боевые друзья, не встречались. Да, видно, и не суждено было свершиться этому. Я остался на плацдарме в своем полку, а они по воле судьбы оказались в значительном тылу и случайно погибли от налета вражеской авиации. Вот как бывает. Об этом я узнал намного позднее. Как жаль боевых товарищей. Ведь сколько с ними пришлось пройти и пережить. Эти боевые офицеры многое внесли в боевую славу полка.

Форсирование и захват плацдарма прошли очень успешно, даже без потерь. А вот удержать его оказалось куда сложнее. Неприятель с каждым днем становился все активнее. Участились контратаки. Наши переправы действовали только ночью, а летняя ночь короткая, многое не сделаешь. Для продолжения наступления нужно было переправить несколько десятков танков (кажется, танковую бригаду), создать мощную артиллерийскую группировку, наконец, иметь в достатке боеприпасы. В очень сжатые сроки все это было выполнено. К этому времени пополнились данные о противнике. Как сейчас помню, при оценке его все шло по расчетам. И как доходили до его резервов в глубине, то оказывалось, что он на пути нашего продвижения в лесном массиве имеет большую группировку танков. Посоветовались с танкистами, которые должны взаимодействовать с нами, те прямо сказали: планируем встречный танковый бой, иначе их не миновать. Практически же вышло своеобразное танковое побоище.

В назначенное время после массированной артподготовки мы удачно атаковали, продвижение началось очень стремительно. Мне кажется, нас увлекли танки. Ведь они на полной боевой скорости обогнали нас и скрылись из виду, а мы посчитали за унижение, если отстанем от них. По радио мы получили информацию о том, что танки противника начали выдвижение из леса, мы ждали контратаки.

А теперь хочу упомянуть о двух моментах по итогам этого боевого пути полка. Во-первых, за героизм личного состава полка и тот вклад, который он внес в разгром врага по освобождению г. Каунаса, ему было присвоено почетное наименование — КОВЕНСКИЙ. Во-вторых, об одном очень интересном геройском эпизоде. В момент прохождения танков через КП батальона, которым в свое время командовал майор Потехин, выскакивает из окопа солдат, прыгает на броню мчавшегося танка и на ходу кричит: «Мне быстрее надо выйти на государственную границу, там встретимся». Оказалось, что это тот солдат, который в период обороны в Белоруссии ходил добровольно за «языком».

Очень жаль, что его фамилия не сохранилась в моей памяти. И какой же результат? При подходе к рубежу, где произошел танковый бой, мы увидели потрясающую картину: все поле было уставлено подбитыми и догорающими танками. Как правило, напротив нашей Т-34 стояли исковерканные два-три немецких танка. Среди танков много валялось полусожженных трупов из числа экипажей противника. Но, как ни восхваляй своих, результат налицо. Они были наголову разгромлены. Проходя это поле, вдруг встречаем нашего солдата. Получилось, что он, взобравшись на броню танка, оказался среди десанта совсем другой части. А когда разразился танковый бой, он решил помочь медикам в перевязке раненых. Встретил нас, рукой указал на укрытие, где оказывал помощь раненым, и какой из этого получился результат. Там лежало несколько танкистов, тщательно замаскированных от наблюдения с воздуха. Передав свой «медпункт» нашим настоящим медикам, он присоединился к батальону. Вот какие были герои.

Батальон продвигался на запад, бои разгорелись в районе Мариамполя, Вилкавишкиса. Враг усилил сопротивление, систематически наносил бомбовые удары по нашим подразделениям, рвущимся к Прусской границе. С ходу были захвачены Мариамполь и Вилкавишкис. Достались большие трофеи, особенно в населенном пункте Пильвишки. При массированном налете авиации значительно пострадали мои разведчики. Так называемый их тыл-повозка попала под взрывную волну разорвавшейся бомбы. Поломались оглобли, оборвались постромки, и лошадь оказалась в одной стороне, а повозка — в другой, полностью разрушенной. Люди остались без самого необходимого: шинелей, плащ-палаток и запасов питания. Пришлось создавать все заново.

Сопротивление немцев нарастало неслучайно. Впереди, в трех километрах у них был подготовленный оборонительный рубеж. Туда они и отходили. С ходу прорвать их оборону не удалось. Один из батальонов попытал счастья, но огонь самоходок воспрепятствовал им. В этом бою погиб начальник штаба батальона, находившийся в цепи атакующих. Наступление было приостановлено. Подтягивались силы и средства. Мне была поставлена задача вести разведку всеми средствами и заслать разведгруппу в тыл врага. Разведгруппа должна наблюдать за его передвижением, захватить пленного, узнать нумерацию частей. Связь с ней осуществлялась по радио.

Группу подобрали небольшую, возглавил ее командир разведвзвода лейтенант Казарин. Это отважный человек. Он мне рассказывал, как ему дважды приходилось летать в тыл врага со спецзаданием и благополучно возвращаться. А на третий раз попросился на передовую. Группа удачно проникла через передний край противника, используя неплотности в его боевых порядках и темноту ночи. Пришлось достаточно поволноваться за товарищей, пока не получили от них радиogramму: мы в заданном районе, все в порядке. Разумеется, этот доклад был тщательно закодирован, над ним в первую очередь, пришлось поработать помощнику начальника штаба полка по спец. связи капитану т. Журавлеву Б.К. Свои премудрости он быстро раскодировал, придав им смысл человеческого разума и внятного содержания.

Полк закрепился. Усиленно готовился возобновить наступление, обосновался в церкви, чудом оказавшейся не включенной немцами в свою систему

обороны. Вели наблюдение прямо с колокольни, так как она стояла непосредственно на нашем переднем крае. Обзор был исключительный. Но кто-то из нас допустил оплошность, и немец засек нас. Слышу, мимо колокольни со свистом начали пролетать снаряды прямой наводки. Это меня насторожило. И вдруг выстрел — снаряд попадает прямо в купол церкви. По чистой случайности никто из нас не пострадал, скатившись по очень крутым ступенькам с синяками и ссадинами на теле. Надо было установить, кто это активничает, выяснилось, что огонь вели самоходные установки непосредственно с переднего края. Вывод напрашивался сам собою: противник продолжает прикрываться самоходно-артиллерийскими установками, а возможно, и танками, замышляя какой-то маневр. Но какой? Надо было разгадать.

От группы поступило очередное донесение. Пленный захвачен, находится при них в надежном укрытии, сообщался номер части. Также докладывали, что у противника идет интенсивное передвижение в тыл, к Прусской границе. К этим данным были приобщены данные с переднего края и в обобщенном виде доложены в штаб дивизии. Насколько эти данные возымели действие на принятие соответствующих решений командования, судить не нам.

Через несколько дней наше наступление возобновилось. Атака была успешной. Быстро продвигаясь вперед, полк вышел в полосу строившегося в 1940 году пограничного укрепрайона, не дойдя до фашистской Пруссии всего 8 — 12 км.

Поисковая группа, действовавшая в тылу, присоединилась к нам и привела пленного. Командир взвода подробно рассказал о ее действии и как был захвачен пленный. В одну из ночей группа находилась в засаде у дороги. Шла колонна в пешем строю с большим обозом. Пропустив всю колонну, они напали на последнюю повозку. Нескольких фрицев уничтожили, а одного взяли с собой. Молодцы, ребята, другого не скажешь.

Подразделения полка заняли рубеж обороны по линии недостроенных дотов. Нейтральная полоса представляла какую-то пойму небольшого ручейка с обильным травостоем. На ней паслось большое стадо коров и овец. Среди них было много трупов животных, уже вздувшихся под солнечными лучами. Немцы периодически продолжали запускать по животным пулеметные очереди, надеясь уничтожить все поголовье, чтобы не досталось нам.

При обстреле животные большей частью держались к нашей стороне, но не переходили наши позиции. И вот на КП у командира полка (а полком тогда командовал майор Крымский) состоялся разговор, начатый заместителем по тылу майором Артемьевым, на котором я присутствовал: за передним краем, на нейтральной полосе, много скота, рано или поздно немцы его уничтожат. А он нужен нам и населению. Не помогут ли в этом деле разведчики? Командир полка эту просьбу выразил в форме задачи. Ее пришлось выполнять, как приказ. Используя осушительные каналы, смельчаки часть животных перегнали к нам. Труднее было с овцами. Ведь они как бараны, куда одна — туда и все. Оставшуюся живность на следующую ночь немцы полностью расстреляли. Последовало зловоние от разлагающихся трупов, особенно с попутным ветром с их стороны. Из всей этой операции с животными командир взвода ухитрился добыть там крупную свинью. Тихо вывел ее в свое расположение и обратил на

дополнительное питание ребят. Отсюда видно, что разведчики на фронте занимались и такими делами — делами по спасению бесхозных животных.

Во второй половине августа 1944 года нас внезапно сменили другие части, и эта внезапность случилась в самый разгар подготовки к наступлению. Но я должен отметить, что эта подготовка наступления носила исключительно другую цель: ввести противника в заблуждение, проводя большой маневр во фронтовом масштабе. Готовились мы к наступлению белым днем, в открытую, так, что он все видел. Надо полагать, что он рассчитывал встретить нас, как полагается, дать нам по зубам. Мы, находясь на переднем крае, возмущались такой беспечностью. Ведь он даже не вел огня по нашим открытым целям, находящимся на его глазах. Русская военная хитрость здесь сыграла свою роль. Наша группировка войск на глазах у противника в считанные часы сдала свои позиции и начала движение в сторону г. Шауляя, где обстановка требовала внести некоторый перевес в силах и средствах над противником.

Оборону сдали в очень ограниченные часы. Помню, последние роты проводили через КП полка уже с наступившим рассветом. Нам предстояло совершить многодневный марш на север через всю Литву. Район сосредоточения держался в тайне.

Передвижение совершалось только ночью. Маршруты пролегали по малоприспособленным и лесистым дорогам. Более удобные маршруты использовались другими частями с танками и техникой. Разведка здесь сыграла большую роль. В течение дня готовили маршрут, провешивали его, а ночью осуществляли регулирование колонн. Без конной разведки эту задачу не выполнить. За много дней марша подразделения полка привыкли к нам — разведчикам на конях. Где я появлялся на коне перед ними, они считали, что движутся правильно и своевременно выйдут в назначенный район сосредоточения. Что ж, похвала заслуженная. Судите сами. Полк прошел почти всю Литву с юга на север, и ни одно его подразделение не заблудилось, следуя строго по провешенным маршрутам. После этого возникает вопрос: а когда отдыхали разведчики? Скажу откровенно: на протяжении всех 24 часов при соответствующей организации службы с учетом заботы о солдате, как ни странно, мне удавалось находить время для их отдыха. Люди были бодры, жизнерадостны и с рвением выполняли задачи полка.

Полк в составе дивизии достиг района Шауляя. Обстановка там была очень строгая. Со дня на день можно было ожидать удара противника по захвату города. В то же время наша сторона готовилась расширить коридор в сторону Риги. Наступательные действия в этом направлении успеха не принесли. Ничего не оставалось, как произвести перегруппировку и двинуться на г. Мемель. В октябре месяце началось наступление в направлении города. 6 или 8 числа оборона нами была прорвана, и мы устремились вперед.

Были использованы различные средства передвижения. Лишь бы не дать немцам укрепиться и с ходу овладеть городом. К сожалению, сделать этого нам не удалось. Во второй половине дня полк по всему фронту атаковал позиции врага на дальних подступах к городу, и мы почти везде вклинились, захватив много господствующих высот в его обороне. Завязались ожесточенные бои. В такой сложной неразберихе командиру разведвзвода лейтенанту Казарину

было приказано в течение ночи достать «языка». Выбрали лощину, идущую к отдельному строению, а на карте значилась школа. Группа двинулась, минуя подбитые танки, которые служили ориентирами в темноте. Удачно забрались в траншею. Напали на проходящего по траншее немца, схватили, завязалась борьба. Пленный очень сильно сопротивлялся, пришлось его приколоть. Группа возвратилась с его документами и оружием. Мы получили номер части, которая действует против нас и кое-какие данные о характере обороны противника. Хотелось иметь больше данных, но спасибо разведчикам и за это.

Несколько дней обе стороны прибегали к обоюдным атакам, но безрезультатно. На наших глазах противник без конца направлял из города колонну за колонной на бронетранспортерах на передний край, уплотняя оборону. Наша артиллерия очень активно воздействовала по их колоннам. Безусловно, противник нес потери. Некоторые колонны полностью рассеивались, не доходя до переднего края.

Полк был вынужден перейти к обороне. Захваченные немецкие траншеи быстро были переоборудованы, а на отдельных участках пришлось копать заново. Здесь мы столкнулись с их ирригационной системой на этой местности. В земле были уложены черепичные трубки, по которым отводилась излишняя вода. При копке траншей они разрушались, и вода заливала выкопанные участки. Эти дополнительные трудности быстро были преодолены. Инженерные работы вели осторожно, а попадавшиеся трубки не разрушали, и участки траншей оказывались сухими.

В ходе обороны у разведчиков было два запомнившихся эпизода. Первый из них. На стыке батальонов проходила осушительная канава. Тянулась она под углом к его траншеям. Мы решили воспользоваться ею. Объектом нападения избрали пулеметную площадку. Двигались исключительно ползком, соблюдая осторожность. Как только группа захвата достигла бруствера, ее обнаружил немец, стоявший у площадки пулемета. Разведчикам ничего не оставалось, как мгновенно броситься на него. Завязалась свалка, борьба — кто кого, фашист оказался моряком, списанным с корабля, крупным детиной. Все было применено против него, но вытащить его из окопа не удалось, пришлось заколоть. Ведь лишний шум подвергал опасности группу. Группа возвратилась с его документами, личными вещами и оружием. При схватке немец нанес большущим кинжалом смертельный удар одному из разведчиков, который первым бросился на него. Тело его было вынесено и похоронено на дивизионном кладбище со всеми почестями.

Второй эпизод. На левом фланге полка, против стоявшего отдельного двора, нейтралка была расстоянием 80—90 метров. В результате такой близости ни одна из сторон не могла установить мины. Каждый шорох вызывал на себя огонь. Немцам все же удалось растянуть проволоку (спираль «Бруно»), за нею в траншее был большой блиндаж. Разведчики решили попытать счастья и сделать налет днем, используя быстроту и внезапность. Тренировались несколько дней в быстроте преодоления нейтралки бегом в полный рост и точном метании противотанковых гранат. Тренировки дали желаемый результат. Наблюдением было установлено, что немцы с 10 часов утра переходили на дневной режим службы. Большинство личного состава уходило на отдых. Решено было налет

совершить в 11 часов. Накануне проволока саперами-разведчиками была разрезана, но не растянута. К ней был привязан кабель и оставлен. Свободным концом был подтянут в нашу траншею. За всем этим тщательно вели наблюдение. В назначенный час проволока была раздвинута. Группа в полный рост, бегом преодолев нейтралку, заскочила в траншею, противотанковыми гранатами забросала блиндаж и с двумя пленными возвратилась в свою траншею. И только на бруствере своей траншеи одним-единственным одиночным выстрелом был смертельно ранен один из разведчиков.

Немцы не сразу опомнились от такого дерзкого внезапного налета. Только через продолжительное время они открыли шквальный артогонь по нашей обороне. А в полночь обрушили шквальный артогонь по своему разрушенному блиндажу и с криком атаковали его. Они полагали, что в нем засели русские смельчаки. В это время разведчики преспокойно отдыхали в своем тылу.

Тем временем боевая служба в обороне шла своим чередом. Обстановка позволяла выводить подразделения и полк в целом на кратковременный отдых в неглубокий тыл. Полк был на таком отдыхе и новый 1945 год встречал в более благоприятных условиях. Подразделения были пополнены всем необходимым, проведено несколько учений, в том числе батальонные с боевой стрельбой.

Конец января 1945 года. Кенигсберг туго-натуго обложен кольцом наших войск. Мемельская группировка «зашевелилась». Единственный путь к бегству — это 100-километровая коса и в котел на Земландский полуостров. В ночь на 29 января мы находились на исходном положении на шоссе, идущем в Мемель. В полночь начали наступление. К рассвету вышли на берег залива в районе порта. Город Мемель наш. Немцы закрепились на косе. Оттуда систематически они ведут огонь и сильно освещают мощными ракетами. Основные силы его растянулись по косе, стремясь достичь Земландского полуострова. Нам надо было его отрезать.

Утром полк спешно сосредоточился на юго-восточной окраине города (на шоссе, идущем на Тильзит). В его распоряжение поступила солидная автоколонна. Полк был посажен на нее и получил задачу форсированным маршем через Тильзит (Советск) выйти в район Гранца, заперев немцев на косе, к нашему счастью, с противником разделались другие части до нашего подхода.

Здесь примечательны два момента. Полку впервые пришлось совершать марш на автомобилях. Офицерскому составу не приходилось управлять автоколоннами на марше, да к тому же в ночное время. Для этого был необходим опыт.

На этом закончилось полное освобождение Литвы от немецкой оккупации.

На немецкой земле

Командир полка подполковник Яценко А.Т. вручил мне карту (к тому же 200 000 масштаба) с нанесенным маршрутом и приказал идти в голову колонны и вести ее. В это время я уже был первым помощником начальника штаба полка. Мне показалась задача сложной. Я имел большой опыт вождения конных и пеших колонн. Соответственно был навык в глазомере и ориентировании на эти скорости движения. Но с мехколонной я столкнулся впервые. Ко всему прочему, положение осложняли ночь, совсем незнакомая местность — фашистская

Пруссия, населения — ни души и неудобномасштабная карта. Все это в какой-то мере отразилось на марше.

Во второй половине ночи колонна вошла в г. Тильзит. В центре города — узел дорог. Серия дорожных знаков и указателей. Надо точно сориентироваться, чтобы выйти на Кенигсбергскую автомагистраль. наших регулировщиков еще не было. Ведь здесь совсем недавно прошли наши с боями. Колонна полка растянулась. Пришлось немного приостановиться и более уверенно взять курс. Двинулся, за городом еще раз сверил направление. Движемся правильно. Перед утром проверил колонну. Оказалось, несколько машин в кюветах по вине чрезмерной утомленности шоферов, хотя их было по два человека в кабине. Были мобилизованы люди, и они оказали помощь водителям. Все обошлось благополучно.

Утром прибыли на привал. Разобрались, огляделись: кругом все чужое, бродят коровы и другой домашний скот. Жителей ни души. Фашисты все население угнали в Кенигсберг с расчетом увезти морем в глубь Германии. Но замысел их не осуществился. Большинство населения, оказавшегося в порту, погибло от массированных налетов нашей и американской авиации.

Днем начали появляться группы повозок, едущих нам навстречу. Это советские люди возвращались на Родину из фашистского плена, из неволи. На второй день марша во второй половине дня полк вошел в город Гранц. Несколько часов назад он был взят нашими войсками. Захват его был настолько внезапным, что фашисты оставили жителей, нетронутые магазины, электроосвещение.

Полк оказался в отрыве от штаба дивизии на сто километров. Надо было доложить о прибытии в этот район. Из технических средств связи мы имели радиостанцию РБМ с радиусом действия не более 15–20 км. Как быть? И здесь не обошлось без солдатской смекалки. Забрал я экипаж радиостанции, обеспечивающий связь полку со штабом дивизии, и мы пошли искать самое высокое здание. Им оказался дом в три этажа почти на окраине города в сторону косы. Взобрались на чердак. Радисты начали разбрасывать имеющиеся провода, шлейфы и другие атрибуты своей станции. Я с нетерпением ждал исхода нашей затеи. В душе даже не верил в успех. И вдруг начальник станции не докладывает, а кричит: «Связь установлена, что доложить в дивизию?» Были переданы все необходимые данные штабу дивизии. Искусство радистов позволило впервые в моей практике держать связь на такое расстояние.

Непродолжительное время полку пришлось нести боевую службу по косе, препятствуя возможным высадкам десантов на побережье. Примерно в марте месяце противник начал активничать на Земландском полуострове, принес несколько неприятностей нашим частям, особенно в направлении горы «Бисмарк». Эта высота — самая господствующая на полуострове. Форма ее в виде вытянутого прямоугольника. На вершине — памятник Бисмарку. С нее обзор до берега моря и залива. Вид с нее чудесный. Вражеская атака лишила пункта управления нашей армии. При отходе саперы взорвали памятник и все, что было на ней.

В этот критический момент наш полк был поднят по тревоге с косы и брошен на восстановление положения. Ночь — сплошной мокрый снегопад со

стороны моря. Движемся батальонными колоннами к предполагаемому рубежу развертывания. Командир полка подполковник Яценко, презирая опасности, мечется между колоннами батальонов, стремится как можно больше узнать об обстановке. Но сведения скудны. Внезапно в отдельных домах обнаруживаем часть штаба корпуса, действующего на этом направлении. Дополнительных данных от них мы не получили. Волевой Александр Тимофеевич одну за другой подает команды «вперед» на указанный рубеж. Я с ним рядом. С трудом удается ориентироваться. Впереди сплошная тьма. И только чувствуешь волю одного человека, волю командира полка, который удерживает всех, цементирует и направляет вперед, не давая раствориться в этой кромешной темноте.

По времени мы уже должны быть у цели, вдруг перед рассветом внезапно снежная пелена раздвигается и исчезает. Перед нами немецкие колонны развертываются и залегают, огня не открывают. Наши батальоны сделали то же, нисколько не опоздав перед немцами. Все прояснилось. Кругом все видно. Соседей нет. Боя не состоялось. Причин я не знаю. Но убежден в одном: ни мы, ни они обстановки не знали, а в таких случаях надо быть осторожными. Позади нас оказалась эта зловещая высота — гора «Бисмарк». Приказано оборону занять по ее скатам. Так было и сделано. НП расположили на высоте. Из приборов наблюдения у нас был морской дальномер. Наблюдая через него, мы с высоты видели буквально каждого солдата у немцев, чем они занимались и т.д. Недолго пришлось находиться нам на этом рубеже. К марту месяцу рубеж был передан другим частям. А мы переместились влево, к Кенигсбергу, и приступили к подготовке наступления на него.

Заключительный этап боевого пути

Скрытно, затемно полк вошел в границы своего участка для предстоящего наступления, была проделана большая работа в подготовительный период, чтобы выполнить боевую задачу. Участок полка проходил по территории какого-то недостроенного или разрушенного аэродрома. Сплошь завалы из исковерканных плит. Впереди система неглубоких каналов, всевозможных дамб. Обзор для наблюдения был очень плохим, кругом рощи да перелески. У противника виден только передний край, а глубины — нисколько. Зато на картах оборона его нанесена до мельчайших подробностей, начиная от переднего края, включая весь город. Здесь наша авиаразведка поработала хорошо. Такими разведкартами офицерский состав полка был обеспечен в достатке.

Мне впервые пришлось оформлять решения командира полка на наступление боевыми документами. Все познавалось на ходу. Много заимствовал у офицеров штаба дивизии, где частенько приходилось бывать. Командир полка систематически вникал в ход оформления его решения. Обстановка с каждым днем уточнялась, приходилось вносить соответствующие коррективы. Помню, последним этапом этих изменений было совещание у Маршала Советского Союза тов. Василевского, где присутствовали командиры полков, в том числе и наш Александр Тимофеевич. После этого стало все на свое место. Их решения были одобрены. Оставалось одно: тщательно подготовиться к их осуществлению.

Полк должен был прорвать оборону на фронте примерно в четыреста метров. Боевой порядок в два эшелона. Батальоны возглавили опытные офицеры.

Одним командовал майор Царегородцев В.И., а другим — майор Иванов С.И. В тылу полкового участка штурмовые группы этих батальонов прошли специальные тренировки по овладению объектами в его укрепрайоне. За ходом тренировок командир полка следил лично и частенько поручал мне, советуя немного оторваться от штабных хлопот. Тогда я садился на своего неизменного серого коня и манежным галопом мчался на импровизированное поле с ДО-Тами, где с командиром батальона включался в тренировки штурмовых групп.

Все и вся на исходных позициях. НП полка у какого-то отдельного дома на поляне. Видимость только в пределах первой траншеи немецкой обороны. У меня все документы для управления боем полка. Карта-план с нанесенными на нее данными о противнике до мельчайших подробностей, масштабом 25000. Карта управления, где необходимые данные о нем и о нас, закодирована. Наблюдатели пристально следят за противником. Здесь же командиры взаимодействующих с нами подразделений. Это артиллеристы, самоходчики САУ-152, саперы с перевозимыми мостами для самоходок.

Начало апреля. Получили сигнал о начале артподготовки. Ее начали орудия большой мощности для разрушения фортов и ДОТов. Длилась она четверо суток. Такая продолжительность артподготовки была применена впервые за всю войну. Последние четыре часа перед атакой артподготовка велась всей мощностью имеющихся стволов, вплоть до самоходных орудий, вокруг все гудело. Разрывов его снарядов и мин не было слышно. Только взрывная волна давала знать о разорвавшихся снарядах.

Атака была успешной и стремительной. Только сопровождающие нас САУ с трудом преодолевали каналы, под их тяжестью в разные стороны раздавались дамбы. И только бревна-настилы, подвозимые отважными саперами, помогали им продвигаться вперед. Их мощный прямой выстрел во многом способствовал продвижению штурмовых групп к ДОТам и форту.

К полудню первый объект был взят. Захвачена большая группа пленных. Среди них полный конгломерат: немцы, австрийцы, югославы, поляки. Все кричат в один голос: «Гитлер капут.» Осмотрели их укрепления. Сооружены они с расчетом неприступности. Но наша артиллерия вокруг укрытий и копаков смела все. Площадки и орудия изуродованы. Повсеместно трупы немцев. Начало есть. Но гул нашей артиллерии не смолкает. Продвижение немного замедлилось. Командир батальона докладывает, что подошел к форту и готовит штурм. Командир полка немедленно в сопровождении командира разведвзвода лейтенанта Казарина отправился туда, где должна решаться главная задача полка. Таков его характер. Штурм увенчался успехом. Форт пал. Командир взвода, старшина Алейников, возглавивший штурмовую группу, за этот подвиг был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Это третий Герой в полку.

На второй день был введен второй эшелон полка. Но особого перелома в сторону увеличения темпа наступления не получилось. В это время немцы усиленно обороняли шоссе, идущее из города на Пиллау. К этому времени полк овладел имением гаулейтера Пруссии Коха. Мы с командиром полка забрались на чердак его главного здания и начали наблюдать. К нашему удивлению, невероятное скопление немецких танков и самоходок было перед нами, охраняя

шоссе, которое полк должен перерезать. Помнятся слова командира полка: «Посмотри, т. Левин, сколько их много». Оказывается, они сосредоточили эту массу на нашем пути для того, чтобы беспрепятственно пропустить командующего Земландской группировкой, удирающего из города в Пиллау. Но об этом мы узнали позже.

Пришлось сосредоточить все, чтобы рассеять эту массу танков и САУ. Цель была достигнута. Наступление возобновилось. И 10 апреля город пал. Полку пришлось действовать в сторону Фишхаузена на Пиллау. На расстоянии нескольких километров от него немцы полностью были прижаты к заливу и капитулировали. В плен мы их не брали, а группировали кучами, толпами, обозначали старшего и отправляли к горе 'Бисмарк'. На ней был установлен большой белый флаг, который был виден издалека. Вот туда они и шли, повинаясь волевому слову победителя. Для конвоирования такой массы не хватило бы и нас всех. После всего мы с Александром Тимофеевичем грубо прикинули, сколько полк захватил пленных в этой операции: получалось, что это число превышало в несколько раз всю численность полка. Ведь это было не простое, обычное успешное наступление, а полный разгром врага там, откуда он напал на нас.

Здесь полк закончил свои активные боевые действия в Великой Отечественной войне. Но впереди еще возможные схватки, ведь до Победы около месяца, о чем мы точно знать не могли, а только предполагали.

17 апреля подразделения полка сосредоточились в чистом лесном массиве. Мне кажется, его подобрал начальник тыла майор Артемьев. Наскоро привели себя в порядок. Отметили полковой праздник — день формирования. Командир полка устроил для офицеров своеобразный прием. Из спиртного были трофейные напитки, которых было предостаточно. Это был первый сбор у него, без выстрелов, с мирными напутствиями. Вспомнили 1943 год, вспомнили боевой путь, вспомнили тех, кого среди нас нет.

Наутро, 18 числа, двинулись через развалины Кенигсберга на запад. Город сплошь в руинах, разлагающиеся трупы под палящим солнцем, зловоние. Приказано догнать войска 2 Белорусского фронта Маршала Рокоссовского. Двигались очень быстро, днем и ночью, используя всевозможный транспорт. У меня была кобылица, подаренная мне пленным офицером-артиллеристом. Я успешно выполнял все приказы и обязанности на марше. Висла была в разгаре разлива. Переправлялись через нее комбинированно: по мосту и паромами. На противоположном берегу был большой населенный пункт Диршау. Польское население нас встретило радушно. На улицах стояли толпами, из окон свешивались их национальные флаги. Но со стороны дельты Вислы и Данцига доносились артиллерийские раскаты. Там наши войска добивали врага у моря.

Где-то в двадцатых числах вышли на побережье Балтийского моря. И по побережью западнее г. Цопот вытянулись вдоль него для охраны от возможной высадки морских десантов противника. Пришлось использовать их пограничные вышки для наблюдения за морем. Здесь мы получили известие о взятии нами Берлина. Мы были убеждены, что вот-вот скоро все кончится.

На этом рубеже личный состав полка встретил долгожданный день — День Победы. Было это 8 мая 1945 года. Помнится, в этот день было написано

столько писем, что начальник связи капитан Мальцев для отправки их привлекал дополнительные средства. Ведь каждый стремился сообщить, что он жив, здоров, в скором времени должен возвратиться домой. Написал об этом и я.

Через несколько дней мы снялись с побережья. Сосредоточились в лесу на берегу большого озера на территории Восточной Померании фашистской Германии. Недалеко был город Нойштат. Впоследствии полку пришлось около года располагаться в его казармах.

Перед выходом в этот город пришлось расстаться с боевыми товарищами и непосредственными начальниками. Со многими из них пришлось прошагать весь боевой путь, начиная от Калуги. Командир полка со своим заместителем по политчасти были направлены в академию на учебу. Я был переведен на должность помощника начальника оперативного отделения штаба дивизии, где пришлось прослужить до конца ее расформирования, а точнее до октября 1946 года.

Через много-много лет удалось встретиться с некоторыми однополчанами. Вспомнить о фронтовых буднях, о боевых товарищах, о боевом пути нашего славного полка, о тех, кого нет среди нас, кто не дожил до светлого дня Победы. Такая первая встреча состоялась через тридцать четыре года в Калининграде, где, по сути, в 1945 году все дело и закончилось. Впоследствии встречи были более многочисленными, все с новыми и новыми друзьями-однополчанами.

Это меня и побудило написать свои воспоминания.

Остались далеко позади исключительно трудные времена. Пройден большой и трудный путь. Если бы все траншеи, окопы, ходы сообщений, вырытые нами, по которым пришлось ходить, если бы все маршруты стремительных маршей и обходных маневров соединить в одну прямую линию, то она растянулась бы на несколько тысяч километров. Большую часть этого пути пришлось прошагать в составе 252 стрелкового Ковенского полка.

До начала Великой Отечественной войны я был защитником Монгольской земли от японских самураев. Перед грозными днями 1941 года из Забайкалья выехал в составе героической 16 Армии. В начале июля вступил в бой в районе Смоленска. Затем тяжелейшие дни отхода к Москве. Оборонительные сражения в районе Наро-Фоминска. И наконец наступление и разгром фашистов под Москвой. Контузия, лечение. Затем оборона в районе Ржева в составе 82 с.д. 250 с.п., где командовал разведвзводом. Этот период насыщен активными действиями разведки. Много было удач, были и безрезультатные действия. Начало 1943 года — тяжелое ранение. Лечение в тыловом госпитале. И вот только после этого боевого пути выпало счастье сражаться в рядах славного 252 с.п. с первого дня его формирования до победного конца.

Пусть молодежь знает и помнит, какой дорогой ценой досталась нам Победа.

Июнь 1981 года г. Волгоград

МАЙОРОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ

05.06.1917 года рождения, место жительства: Чувашская АССР Аликовский район д. Яргунькина.

Служил с 1938 года, с 1942 года по 1943 год воевал в 252 с.п. в должности командира отделения связи, звание с начала войны — красноармеец, сержант.

Награжден орденами «Отечественной войны» II степени, «Красная Звезда» и «Славы» III степени, медалью «За отвагу» и «За победу над Германией».

Мне пришлось много проводить кабельных линий для связи командного пункта с передовой. От обстрела кабель обрывался, нужно было немедленно восстанавливать связь. Во время восстановления связи несколько раз попадал под обстрел, провода

обрывались на куски, соединить которые не хватало времени. Тогда брал провода обеими руками, через меня шел ток на время переговоров, а сам лежал под обстрелом. Когда немного затихало, снова восстанавливал связь.

МАРТЫНЧУК АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ

1.

Детство мое было непростое. Семья наша состояла из отца, матери, бабушки и пятерых детей. Земля была наделена по едокам. Примерно, гектара 2 было. После революции все было нормально. Когда 20-е годы подошли, во время НЭПа, начали поощрять тех, у кого урожаи хорошие и ухоженный скот. Одним словом, хозяйство крепкое. И люди как бы поднимались. Но люди, как вы понимаете, остаются всегда людьми: кто хорошо работал единоличным хозяйством, тот к колхозу подошел не сразу, потому что думал, а как там-то будет? Не так просто общо жить, все объединять, а как же делить? Я буду хорошо работать, а рядом со мной — плохо. Ведь если человек хуже живет, значит

он работает хуже. Это сейчас зарплата, а тогда — как ты к земле отнесешься: как ты ее вспашешь, как ты ее заборонишь, вовремя посеешь и вовремя уберешь. Отец мой любил лошадей, держал кобылу, жеребят. Были еще, как я хорошо помню, два жеребца: один гнедой — тяжеловес, ноги мощные, другой жеребец — верховой вороной конь. У нас от дома был сравнительно далеко колодец, и для того чтобы воды взять для хозяйства, например, зимой, нужно было идти с ведрами. А чтобы лошадь напоить, ей надо было два ведра воды дать, значит, нужно было ехать верхом или вести ее по дороге. Отец выводил жеребца — жеребец играет. Отец подсаживает меня на него, дает мне повод — давай, пошел. Жеребец уже дорогу знал.

Мне было всего лет 7–8. Конь идет к колодцу нормально. К колодцу подходит — отец ему воду достает, ведро ставит. Вода такая прозрачная. Конь воду пьет, голову поднимет — немножко себя поведет, встанет. Отец еще достает ему ведро. Он и это ведро выпивает. Отец и говорит: «Ну, давай, пошел!». А сам набирает себе два ведра воды на коромысло и несет воду домой. А я на этом жеребце по дороге поехал. Вода-то холодная была, его забирает, он хвост оттопыривает — и по дороге как рванет, ногами задними бьет, головой крутит. Теперь я смотрю, где больше сугроб. Я, конечно, держусь за гриву — какие там поводья! — смотрю только на сугроб, где побольше, раз — и в сугроб. Жеребец вдоль слободы скакал, у нас украинская слобода была из двух десятков семей, а я пошел домой. Отец говорит: «Ну, пришел?» — «Пришел», — говорю. Отец берет севалку, овса насыпал и выходит на дорогу. Жеребец наиграется по дороге и подходит к нему. Овсом пошуршевал, пошевелил его губами, поел немножко, отец его погладил по шее, — «Ну, пойдём». И он пошел за отцом. На этом дело кончалось. Вот так мы и жили.

Колхоз организовали, большинство семей вступили в колхоз, а три семьи в него не вступили: наша семья, моего дяди и еще одного — его звали Власом, как сейчас помню. Нам выделили самые отдаленные земли, самые неухоженные, на границах с другими деревнями — было километра три от деревни. Вот такие дали земли.

Нас звали отщепенцами, единоличниками. Нас прижимали всюду. Получилось так, что эти «отщепенцы» и «единоличники» во время НЭПа поднялись. Вначале, кто хорошо работал, того поощряли: премию давали, дали сеялку, железо давали, мы тогда дом и сарай железом покрыли. А когда колхозы стали появляться, их стали придавливать.

Но трем нашим хозяйствам в колхоз все же пришлось вступить. Это был 1935 год. Пять лет продержались, были единоличными хозяйствами, три хозяйства на всю деревню. А дворов в деревне было 60 — 80. За счет чего смогли столько лет продержаться? За счет того, что объединились: была общая молотилка, общая жнейка. За это дело тоже прижимали: давали дополнительные налоги, дополнительные всякие сборы. Все равно выдерживали. Хотя было только два человека, работающих в хозяйстве — отец и мать.

А детей было пятеро. Я самый старший, 1922 года. Мне было в 1935 году 13 лет. А в 1930 году сколько было? — 8 лет, в школу только пошел. И в 1935 году была бабушка, она за детьми ухаживала, а отец с матерью работали. Отец был такой сильный человек. У него ножища была — 45-й размер обуви носил.

Физически сильный был, с него пот градом течет, спина белая — он работает. Без всяких остановок работал. И что получилось? В 1932 году — у меня есть записи одного журналиста, который чепуху написал, — была продрозверстка. Был у нас один активист, некий Аникин, такой проходимец, пьяница, лодырь — никто, в общем. Но он выступал, знал, про кого что сказать, кто что сберег. На одном из собраний он резко выступал. А у нас в деревне была одна бойкая семья, по фамилии Хлопуновы: два сына, отец. С ними особенно не знались. Аникин, видимо, так наскучил всем, надоел, что, когда после собрания он переходил речку через мостик, его и прибили. Монтировкой или чем еще. Как сейчас помню, пастух коров гонит, в дудку играет, хлыстом бьет. Вдруг кричат: «Убили!». Все побежали, я тоже, обязательно нужно первым прибежать. Он на мостике лежит. Его сын прибежал, сразу его за карманы, а у него наган был, власти ему посодействовали. И началась история: якобы в деревне был заговор. Мол, объединение произошло зажиточного элемента. Для того чтобы не могли создать общие колхозы, такого активного человека решили убить. И кое-кого из мужичков арестовали, в том числе и моего отца. А отец был бойкий, на собраниях всегда выступал и говорил свое слово, что он знает. Он знал себя, крепкий был, ходил на кулачные бои. И был суд, тянулось дело. Но двое сыновей Хлопуновых твердо сказали, что никто их не подговаривал и не было никакого заговора, Аникин всем надоел, и они сами решили его уничтожить. На этом дело кончилось. Но отец все равно сидел. У нас забрали одну лошадь, вторую, третью. Две коровы были, и тех забрали.

Пятеро детей остались без кормильца, без хозяйства. Что делать? А у меня был брат по отцу. Он был грамотным в этом деле. Он был намного старше меня. Мать едет в Москву. Она умела только читать печатные буквы, писать не могла. Расписаться могла каракулями. Не знаю, как это получилось, но факт тот, что она попала на прием к М.И. Калинину и по-простому (это был 1932 год) все рассказала ему, как было, как люди жили, как все получилось, какая семья, как отец работал, как мы остались. Он ее выслушал.

Через два-три дня звонят из приемной — она получает документы. Ей говорят: «Поезжайте». Она берет документы и едет. Достает документы, а там написано: все вернуть. Все. Лошади, коровы были в колхозе. Зерно, овес были в амбаре у нас. И на амбаре — замок. Мать приходит к председателю и говорит:

— Документ видишь?

— А что тут написано?

— Я тебе его в руки не дам. — Он посмотрел документ.

— Ты мне лошадь отдай.

Он отдает двух лошадей. Одну лошадь оставляет. И одну корову отдает. Теперь уже его жена спрашивает:

— А как же мы останемся без этой коровы?

Понимаете? К чужой корове привыкла.

Была весна. Лошадей-то кормить надо. Мать и говорит:

— Мне овес нужен.

— Сколько тебе нужно?

— Ну, ведро. Сколько дашь.

— Пойдем.

Он заходит в амбар, открывает. Ключ в замке остается. Она набирает ведро овса.

Он говорит:

— Ну, выходи.

Она выходит и при выходе закрывает на ключ замок, а ключ — к себе в карман.

Он:

— А ключ?

Она:

— Какой тебе ключ? Лошади мои, и овес мой.

Он приходит к ней в дом и говорит:

— Да, после драки кулаками не машут.

Все. И на этом дело остановилось. Потом через некоторое время отпустили отца.

Но до этого в селе происходили такие события. Когда отца арестовали, пошла кампания выселять. Наша семья стояла в списке тех, кого должны были выселить в дальние края. И должно было быть собрание, которое и решало все. Собрание решает: выселить. И что вы думаете? Голосуют выселить. Люди, которые вместе с нами жили, вместе с нами работали. Давление власти было сильное. Я, помню, был один мужик с двумя сыновьями, и вот этот мужик, Софрон, выступает:

— Кто на эту семью работал? Они же сами на себя работали. За что их выселять? Вы что делаете? Они все добро своим потом и кровью наживали.

А у нас ведь все забрали, все, что было: и ветчинку, и старые запасы, все выгребли. И что вы думаете? Один человек решил нашу судьбу. Простой человек. И так мы остались.

Это был 1933 год. Значит, мне было 11 лет. И вот в 1935 году у нас бабушка умирает. В возрасте 115 лет. Умирает бабушка, которая за нами ухаживала. Раньше люди просто умирали. Умирали своей смертью, что было уже подготовлено веком и своей жизнью. Изба у нас была небольшая /6 на 6/, сени, кладовка. Мать месит хлеб, я рядом бегаю. За печкой лежачок удобный: летом, когда жарко, к стенке можно прислониться, зимой, когда холодно, к печке. Она там лежала. И вот она оттуда говорит: «Оля (мать Ольгой звали), постели мне на полу, я лягу». Мать ей постелила. Бабушка легла. Лежит и говорит:

— Знаешь что, а я ведь умирать буду.

А ведь все на ней было: дети, хозяйство, корова, куры, лошадь еще тогда была. Что такое деревня без хозяйства? Это сейчас зарплата, пенсия. Тогда только свой труд был.

— Знаешь, я ведь умирать буду. Тяжело тебе будет. Так что смотри...

— Что ты, что ты, мама.

А она вздохнула — и умерла.

Ее звали Евдокия. Она похоронена вместе с матерью, отцом — недалеко от Зарайска.

В 1937 году начались репрессии. И отца опять арестовывают за то, что сразу в колхоз не вступил, что свое мнение выражал, конфликтовал и по займу выступал. Когда его реабилитировали, мне дело давали смотреть, я был в прокуратуре.

Я тоже — как реабилитированный, так как в то время был несовершеннолетний. И остались мы у матери: я и четверо младших. Мать к мужской работе была не приспособлена, ведь все отец делал. А я уже в средней школе учился.

До этого я получил серьезную закалку. Сельская школа была четыре класса. Потом у нас была семилетка. Школа находилась в деревне Чернево, и до Чернева нужно было 10 километров ходить. Весной, летом, осенью ходили пешком туда и обратно каждый день на занятия. В одну сторону два часа. А зимой общежитие там было. Отец меня привез в общежитие. Длинная большая комната, по стенам два ряда коек: с одной стороны — ряд, с другой стороны — ряд. Нас человек двадцать. Он привез со мной подушку, набитую сеном, матрац, набитый соломой, два козла и дощатый топчан. Место мое оказалось около самой двери. Мне было 12 лет, а там уже были ребята лет по 15–16, «старички», которые уже школу заканчивали, были и старше меня, но пошли в тот же класс, что и я. По возрасту я оказался самым младшим. Тогда там «дедовщина» была: меня положили у самой двери. Открывается дверь — и вот мой топчан. Тогда яблочный был год, ребята яблоки едят, а все огрызки в меня кидают. И, как чуть что, — они ко мне кидались. Начинают на меня нападать, а я им — дудки: крепкий был парень, не поддавался. Но все равно мне попадало. Запомнился мне один такой случай: у нас была печка /баран/, потолок высокий — метра три с половиной, высоко на баране стояла «молния» — лампа, освещала. Вот мне и говорят: если попадешь яблоком в эту лампу, ничего не будет, а если не попадешь, поддадим тебе. Ладно. Я яблоком — раз, точно! Лампа разрывается — и на койки. Начинается пожар. Но все быстро погасили. Они видят, что я еще тот, не сдаюсь им. Я выдержал. Но они меня научили. Закончился один год — старшие ушли, закончился второй — другие «старички» ушли, так я оказался в старших. И я уже стал там «дедом». И давал младшим «прикурить», особенно, конечно, я не издевался, но все равно они были у меня в подчинении.

Вспоминаю предвоенные годы. У меня был самопал: трубка, а в ней отверстие, туда закладывалась сера, если есть, порох /его не так просто было достать/, раз — и выстрел. Это поджигой называется. Наша школа находилась в лесу и была далеко от дома. Учиться приходилось ходить через много других деревень, и часто стычки происходили с местными ребятами, поэтому я при себе этот самопал имел для обороны.

Ребята играли в волейбол. Я в это время на подоконнике сидел и заряжал самопал. Один дурачок говорит: «Не выстрелишь в меня». — Я говорю: «Выстрелю, становись!» — «Не выстрелишь». Ну, я, конечно, пулю туда не заложил. Раз — бух. Он падает от испуга. Встает. Нормально. А у меня еще был дрянной самопальчик, я его под матрацем хранил, а этот, из которого стрелял, у меня в другом месте лежал. Приходит преподаватель:

— Ты что, стрелял?

— Стрелял.

— И что?

— Да ничего. Я его решил просто попугать, не убивал же я его.

— А где твоя пушка?

— Да вот она.

Я и отдал ее, отдал, конечно, пустышку. Настоящую себе оставил.

На следующее утро преподаватель говорит:

— Знаешь что, когда ты подрастешь, тогда будешь создавать оружие, в армию пойдешь, а сейчас ты это дело прекрати, чтобы этого больше не было у нас в школе!

Я говорю:

— Хорошо.

Я, конечно, не прекратил, но был осторожен.

После 7 класса я пошел в Зарайск учиться, отца репрессировали, а меня исключили из школы.

2.

Началась война. В 1941 году мне было 19 лет. Я должен был быть призван в армию. Но меня, как репрессированного, в армию не призвали. Ненадежный, якобы. Война идет. Мы живем. Я знаю, что все равно меня призовут. Что делает мать? У меня были еще три сестры, мать каждой своей дочери шьет вещмешок, туда кладет адреса родственников, которые в Москве были /брат ее/, записку и говорит: «Как только немец будет подходить, все уходите». Все имущество /какое там имущество!/ — тряпье, кое-какое барахлишко, продукты, которые могут долго лежать, она закопала. Организовывают эвакуировать скот. Я работал в колхозе, работал хорошо, добросовестно и на хорошем счету был. Меня тоже отправляют эвакуировать скот. И вот мы погнали скот. Перед Зарайском была остановка, на горе остановились. Нам пропуска дали. Там был мост через реку Осетр, мост временный, непостоянный: его под зиму разбирали, а весной снова восстанавливали, когда ледоход проходил. В Зарайске были фабрики, пуховая и ткацкая, с двух сторон дорогу обложили ватой, чтобы закрыть в случае чего дорогу немцам. Серебряные Пруды были заняты немцами, а к Зарайску подходила их разведка. И вот мы погнали скот. Нам приходилось его и резать, оформляли все документально. Был у нас старший, который всем руководил. А так как я умел хорошо обращаться с лошадьми, я ехал на лошади; седло у меня было самодельное, сделано из валенка, отрезано было два «уха» — свернул — седло. Были стремяна у меня. Перегнали мы коров через Оку до района Чучково, это Мордовия, и там остановились на зимовку.

3.

В декабре 1941 года меня призвали в армию. Направили в Рязань, там спросили, сколько классов я закончил. Я сказал, что десять. И меня направили командиром минометного отделения.

Примерно, в марте 1942 года, к концу наступления под Москвой, нас перебросили на поездах в Сухиничи. Я был минометчиком, первым номером. 82-мм миномет весил 60 килограммов. Ствол — 20 кг, тренога — 20 кг и плита — 20 кг. И было три вьюка, кассета с минами — по 3 кг, то есть тоже было 20 кг. Значит, 4 человека расчет и подносчик.

4.

Шли наступательные бои. Мы заняли одну деревню, и был со мною земляк, вместе с ним мы скот гнали. Дома все сгоревшие, но остались подвалы. А есть-то надо. Я своему отделению говорю: «Вы подождите, я подойду скоро», и пошел. У меня с собой всегда был финский нож. Смотрю: дом, люк в подвал. Я — раз, дверь открываю, прыгаю в люк, а там солдат. Говорю: «Как ты сюда

попал?» — «Попал». Смотрю: у него баран — жители уже готовились к войне, значит, баранов резали и их хранили.

Я говорю:

— Знаешь что — баран пополам.

— Как пополам?

— А так, очень просто.

Он видит, что я смелый, а смелость ко мне давно пришла. Я — барана по ребрам, по хребту. Себе, конечно, большую часть оттяпал. В вещмешок — раз. Смотрю дальше — бочка стоит. А в бочке — красная свекла заквашенная. Не знаю, как ее делают, но уцелела свекла.

Я и ее подобрал.

Пришел в отделение: «Ребята, есть еда!». В первую очередь, конечно, свеклу им отдал.

5.

И вот начались бои. Начались так: наступление — дают винтовки и — вперед! Минометы в овражке лежат. Мин нет. Снарядов нет. Что касается питания: обязательно первое приносили, горячее. Я не знаю, как и где что было, но кормили, где была возможность, нормально, как положено. Старшина обязательно пищу приносил утром и в обед. Если только бой страшный и пройти нельзя, тогда задерживали. И не сто граммов дает, а бутылку сует тебе. В начале войны не разливная была водка, а в бутылках. Я ему говорю: «Ты бы мне хоть горячей воды пару глотков дал. Человек меру должен знать, потому что получается как бы обезвоживание и трата организма слишком чрезмерная». Считается, что если холодно, то обязательно нужно водку пить, я так не считаю, может быть, меня кто-то опровергнет, не знаю. Это мое личное мнение.

Мой земляк Максимов погибает. При наступлении он отбирает пулемет у немца, стреляет из него, и в этом бою погибает. Его родственникам я рассказывал после войны, как он погиб.

Так мы двигались в конце Московского наступления, которое началось 6 декабря. Вначале, конечно, оно было упорным с обеих сторон. Много техники уничтожили. Но под конец силы наши слабеть стали. Немец оказался в укрепленных пунктах, в деревнях. А мы на открытом голом поле в снегу. У противника было преимущество.

И вот мы подошли к Варшавскому шоссе с правой стороны, слева была Заячья гора. Я служил в 33 армии 277 дивизии 479 полку. Трудно было непомерно. Мы наступаем, немец открывает минометный огонь. Было несколько попыток наступления без успеха, только большие потери убитыми и ранеными.

Но немцы тоже несли потери.

6.

Весной 1942 года в Калуге я уже был офицером. Нас вывели на пополнение, с обороны сняли. Еда плохая, курить нечего. Мать, хозяйка, щи готовит и старшину кормит. Думаю: откуда это все взялось? Вечер кончается. За ширмочкой ее дочка спит. Старшина — шмыг туда, к дочке. И все, порядок. День, другой проходит. Думаю, что же делать? Все пусто — нигде еды нет, а у них щи с бараниной, такой запах стоит... Я говорю: это дело мы исследуем. Снегу еще много было. Когда все стихло, мы вышли и сделали засаду. Смотрю: хозяйка идет к

сугробу, ковыряет снег, вынимает барана, отрезает от него кусок и опять закапывает. И в дом ушла. Мы на следующий день пошли /в этот день ничего не стали делать/, там два барана было, мы их ликвидировали и забрали.

Старшина нам говорит: «Вы что сделали?»

— «Ничего мы не сделали. Вот ты что сделал? Ты, старшина, на шах с бараниной, а мы на голых шах, ты — старшина, а мы — офицеры. Мало того, что ты шей хороших нахлебался, еще и к дочке переспать пошел. Так что мы не брали. Что хочешь, то и делай. Все».

Мы всех накормили. Во взвод отдали и там все приготовили.

7.

И вот постепенно меня начали повышать. Под Козельском получаю младшего лейтенанта — одну звездочку. И меня посылают на курсы повышения кадров в Подольск, хотя я не имел военного образования. Хорошее там было место, класс! Нас направили в декабре 1942 года, а мы в мае были еще в зимней форме, а в декабре — в летней.

И вот я в Подольске на курсах усовершенствования командного состава (КУКС).

Там были старшие лейтенанты, лейтенанты, младшие лейтенанты. И нас готовили в минометчики. Был начальник группы, артист, который играл в фильме «Ленин в октябре». Он был у нас начальником группы в звании майора. Была физподготовка — на улице занимались, и была подготовка теоретическая. Было нас два младших лейтенанта, самые молодые, я и еще один. Была подготовка данных. Дается вводная о подготовке данных для минометной стрельбы. Кто вперед решит. Каждый раз или я вперед, или он вперед решали, а старшие лейтенанты с высшим образованием отставали. Многим из них было уже по 35 лет. Я понял потом, когда стал работать на производстве и пошел на учебу в вечерний техникум, что голова уже не работает так, как в молодости.

Ну, конечно, я баловался, в самоволку ходил. Там были девушки хорошие.

Я не имел особенно успеха, потому что не давал надежды на то, что у меня серьезные намерения. Это женская мудрость. И как-то раз не сумел проскочить через проходную до комендантского часа. Проскочить-то я все-таки проскочил, но меня заметили. На занятиях подходит ко мне преподаватель. Я встал. Он мне и говорит:

— Знаешь что, если тебе нужна увольнительная, ты скажи, я тебе ее всегда выпишу.

Он говорит: «Вот я вам даю задание всем, садитесь и напишите мне то-то и то-то». Он собрал эти прописи и сказал: «Ага, ты /это мне/ и ты будете у меня писарчуками, писарями, одним словом». У меня был красивый почерк, и писал я неплохо.

Закончились наши курсы, это был март месяц или апрель, примерно, и нас выпускают. Поезд подошел. Тут народ. Девушки провожают. Кто плачет, кто смеется, кто чего... Сели мы в вагоны.

А был такой порядок у КУКСа: звание не присваивали, только проходили усовершенствование. Вынимаю свои документы, смотрю — лейтенант. Командир минометной роты. Сразу.

8.

Меня направляют в резерв Западного фронта. И тут-то я попадаю в 70 с.д. А вы знаете, почему ей орден Суворова присвоили? Потому что мы де-

лали большие переходы. Мы должны были быть там, где надо было срочно остановить наступление противника. Воевала эта дивизия хорошо — 11 Героев Советского Союза.

И вот прибываю я в 70 д. командиром минометной роты. Но должен вам сказать, что довоенное мое житье-бытье помогло мне выжить, научило находить подход к людям, делать самооценку, давать оценку и людям, и всему остальному. И я нигде не боялся. Поль-

зовался успехом в 70 д.

Первое боевое крещение дивизия приняла к западу от Спас-Деменска в августе 1943 года. Мы долго готовились, готовили доты. Там много людей погибло, и мы сначала не имели успеха. Но, видите ли, в чем дело. У людей были определенные силы и возможности, а бои были изнурительные. Это был самый тяжелый год для армии.

Бои шли с переменным успехом. Так как наша дивизия заняла оборону, сменив другую дивизию, огневые точки не были подготовлены заранее для того, чтобы обороняться. Наша разведка работает как обычно, и немецкая работает. И немцы засекали, что мы сменили оборону. И что они сделали? У них не было как бы капитального, большого наступления. Было наступление местного значения. Но оно у них было подготовлено. Вот наша оборона. Вот — немец. Здесь наши части стоят — здесь проходит овраг, деревья, и дальше тянется овраг. Немцы поняли, что мы только-только заняли оборону.

У нас был завтрак, часть солдат выделяется из траншей для получения еды: не может старшина

всю еду принести в траншею. И вот эта часть солдат пошла за завтраком, ее в термосах носили. В это время немцы проводят артиллерийский налет. И начинают наступление. С их стороны были задействованы танки, самоходные установки. Я понял, что началось наступление. Пристрелка была, хотя и незначительная, но была. Я стреляю. Но немец пошел на высоту. Там наши пушки стояли. Танк пошел — и сразу пушку поднимает в воздух. Здесь тоже наши пушки стояли на прямой наводке. Также пушку сразу вверх поднял. Танки пошли. И оборону нашу немец смял. Все дело в том, что мы были не подготовлены. Не подготовлены не потому, что сознание такое было, просто часть людей была направлена для того, чтобы взять продукты.

Когда я свой боезапас израсходовал, а у меня было три комплекта, что я делаю? — отбиваться бесполезно, я понял. Я тогда начинаю уходить. Беру с собой минометы и ухожу со своей ротой. Недалеко другие овраги начинаются, и в эти овраги я ушел. Там остановился. Что мне делать? А вышел приказ 227 — за отступление — расстрел. Но я сохранил людей, потому что немец не пытался зайти в эти овраги. Мы отстреливались из минометов. И я вовремя ушел. Что мне делать? Я был в замешательстве. Люди все сжались. Минометы — около них. Куда дальше-то? Я просто не знал. Хоть молодая голова, но в этот момент работала плохо. И вот подходит время к обеду. Когда нашу оборону прорвали немцы, наше командование дало дополнительный резерв и наши пошли в наступление, чтобы восстановить положение. Тогда я начал искать своих. И вдруг я наткнулся на командира полка Яценко и заместителя по политчасти. Они смотрят на меня:

— Ты откуда взялся?

Я:

— Как откуда? Я вывел свою роту, все минометы сохранил, вынес. Боеприпасы все израсходовал.

— Мы же ведь послали две роты со стороны, чтобы тебя выручить. И безрезультатно. А ты вышел. Молодец!

Я тогда сразу ожил, конечно. Говорю:

— Вот моя рота. Давайте мне задание.

Они мне дают задание, и все дело восстанавливается.

Так что первое боевое крещение было неудачное, потому что не были подготовлены огневые порядки, огневые точки не были пристреляны. Командир полка Яценко аккуратный был мужик. Долго проверял человека, прежде чем ему что-то доверить. И много погибло тогда людей виновных и безвинных, даже не только от немцев, но и от своих. Я не хочу в это вдаваться. Неподготовленные были, все-таки только-только сформировалась дивизия. Молодые еще.

Но можно и спросить: а где был командир дивизии, где командиры полков были?

Проходит некоторое время — трех командиров роты, командира пулеметной роты судить за то, что отступили. Приказ №227, 1942 г. Прошло еще некоторое время, где-то 1,5 -2 месяца. Меня и еще нескольких офицеров вызывают в штаб. Ночь. Темно.

— В чем дело?

— Пошли.

Смотрю: заросли какие-то, речка, овраг. Шли и шли. На поляне остановились. Выходит руководство, прокурор и говорит: «За измену Родине, за невыполнение приказа №227 — расстрелять!».

Командира 1 роты такого-то — выводят. Два автоматчика и один с винтовкой.

— Огонь!

Все это на моих глазах. Мы вместе с ними воевали. Выводят второго, третьего... И четвертым выводят командира пулеметной роты. Здоровый мужик, украинец. И когда командуют «огонь», он раньше времени рассчитал и побежал. По нему стали стрелять. А темно, только в руках фонарики. И он побежал. Солдат выстрелил — он упал, поднялся, снова побежал. Солдат выстрелил еще раз. Уже упал и лежит. Тогда автоматчик подбежал и дал ему в затылок очередь. Так голова и отвалилась. Всему этому я был очевидец.

9.

Что я могу сказать? Я командовал с успехом. Многие моменты были в жизни. Есть записи Коршунова В.Д., как я, будучи командиром минометной роты, — обычно командир минометной роты находится на НП пехоты — воевал. Вот один из моментов. Командир меня вызывает:

— Слушай, немцы, немцы ползут.

Я говорю:

— Где?

Он опять:

— Немцы ползут.

Я ему говорю:

— Знаешь что, бери карту в руки, бери карту в руки.

Он:

— Немцы ползут.

Я ему:

— Прекрати! Бери карту в руки.

Берет.

— Говори конкретно координаты.

Он мне показывает:

— Здесь.

— Хорошо.

Даю команду минометной роте. У меня три боезапаса на боевом. Остальные должны мне были подать. Я мог их расстрелять, а потом с чем останусь? Я говорю:

— Одна мина, огонь! — Пошла мина.

Он говорит:

— Ближе, ближе.

Я даю еще упреждение — 0,05:

— Две мины — огонь! — Две мины пошли, они начали шуршать. Зашуршали. Три километра у них дальность.

— Хорошо, хорошо. Еще ближе.

Я говорю:

— Хватит, хватит.

— Хоть один минометик наведи...

— Хватит.

Там шум. Струсил и думает, что надо еще открывать огонь, чтобы его обезопасить. А мне надо боеприпасы рассчитывать. Это все равно, что деньги в кошельке — надо уметь расходовать.

10.

Как-то раз командир разведки дивизии подходит ко мне в траншею и говорит:

— Ты видишь — бой на нейтральной полосе?

— Вижу.

— А ты видишь, что там наши разведчики?

— Вижу.

— Если ты этих разведчиков выведешь в свои траншеи, награжу тебя, а если нет — расстреляю.

А что, он начальник, все, что хочет, мог сделать. Какая задача была у немцев, у Коршунова написано. Немцы дают огонь по нашим разведчикам, как бы их отсекают. В это время немецкая пехота и разведчики перебегают и настигают наших разведчиков. Их задача — захватить наших разведчиков живыми, «языка» взять. Разведка много знает. Вот он мне и говорит:

— Ты должен отсечь немецких солдат от наших.

— Хорошо.

Он стоит внизу — я в траншее, над бруствером. Даю команду:

— Прицел такой — то, две мины — огонь! — Смотрю: по немцам ударили, но — далековато. Даю упреждение:

— Еще 0,05 — две мины. Огонь!

Хорошо. Еще две мины — раз. Немцев отсек. Наши разведчики вскакивают и бегут. Бегут ближе к нам. В это время немецкие минометы бьют, отсекают наших разведчиков. Немцы опять подходят к нашим разведчикам. Я опять даю упреждение — бьем по немецкой пехоте. Опять отсекаем немцев. Наши разведчики поднимаются и опять — к нам. И вот разведчики, на третий момент я их от немцев отсекаю, прыгают в наши траншеи. Командир меня обнимает:

— Слушай, а как же ты это мог?

— Как мог? Вот так, спокойно. Смотришь в бинокль: 0,05... 0,010... И все нормально. Повоюешь годик — другой и будешь знать, как делать.

Разведчики меня благодарят и дарят мне трофейный пистолет. За этот бой мне дали орден «Красная Звезда».

11.

На войне я видел разные ранения и вот был один случай в Спас-Деменске. Когда мина взорвалась о дерево, она ударила не в корень, а в верх дерева, а внизу под ним сидел радист. Ему оторвало осколком челюсти. Он бежит, кровь течет, и он ею захлебывается. Санитары подошли. Мне было просто страшно смотреть на него.

12.

Под Витебском, где мы стояли в обороне, наш батальон вывели в тыл для подготовки разведки боем. Там были гражданские женщины, молодые и

постарше. В одном из домов идет что-то вроде вечеринки: офицеры приходят, бойкие солдаты. Шум, гам. Один из наших мне говорит:

— Знаешь что, у них колбаса там есть.

Я говорю:

— Какая колбаса?

А колбаса у них такая: скот, когда эвакуировали и он не мог идти, его резали и тут же реализовывали. Они из этого мяса делали колбаску.

— Там есть колбаса.

Я говорю:

— Где она лежит?

Он:

— Под столом.

Я говорю одному солдату:

— Знаешь что, пойдём со мной, возьми шинель побольше и надень ее.

Сделаем так: потанцевали, пошумели. А свет был: гильза от 75-мм пушки и кусок шинели — коптилка. Я подхожу, вроде прикурить, бросаю, гашу, она падает на пол, я тоже падаю, начинаю ее там искать, залезаю под стол — и в эту бочку. А в бочке шурую колбасу. Пока суд да дело — сразу и ушли.

Мы эту операцию провели. Такая колбаска приятная! Домашняя колбаса. А утром командир батальона меня вызывает:

— На вечеринке был?

— Да не был. Не был я.

— Был, был. Колбаска вкусная?

А к нему уже пришли, пожаловались.

— Да как вкусная? Сколько съесть. Если немножко, то вкусная. Если много, то вкус теряется, — я говорю.

— Знаешь что, ты мне три таких кружочка принеси, и закончим на этом.

— Хорошо.

Я пошел, принес ему три кружочка. На этом дело кончилось. Вот такие в жизни бывают штуки.

13.

Зимой 1944 года мы стояли в г. Всеславле, что в Белоруссии. Нас тогда вывели с обороны.

Всеславль — небольшой городок. Немцы недавно оттуда ушли. В городе, в основном, проживали евреи. И немцы евреев и руководителей решили уничтожить. Они выкопали огромный ров, собрали евреев, руководителей райисполкома. Людей было не одна сотня. Всех вывели за город, подвели к этому рву, дали команду положить вещи, расстреляли, в ров сбросили и зарыли. На этом дело не кончилось. Наши чекисты основную группу полицаев, пособников немецких, арестовали. Наши войска быстро вошли. Устроили им суд. Было арестовано 12 пособников немцев. Их всех судили. Я присутствовал на суде. Трибунал был. Опрашивали каждого, и каждый в свое оправдание что-то говорил: один — что его заставляли, другой — я вещи не брал... и т.д. И вот только учитель просил его оправдать, говорил, что он вину свою искупит, Родине отслужит, будет верным. Всем был вынесен приговор: смертная казнь через повешение. Помню, у дома, где мы с офицером остановились, была площадь. На

эту площадь мусора навезли /декабрь или январь месяц стоял, ветреный день был, снега немного/ — это для того, чтобы отвращение показать. Построили временные вышки. И вот был назначен день казни. Мы все туда пошли. Казнь была показательная. На вышку поднимается прокурор, у него в руках документы. Подходит машина. На машине два человека, на груди у каждого доска, на которой написано «Изменник Родины». Одни — без шапок, другие — в шапках, одни — босиком, другие — обутые. Стоят на скамейках, а сзади — два солдата. Машина подходит к виселице, солдат надевает одному на шею веревку, другой — другому. Прокурор зачитывает приговор: изменнику Родины смерть! Включается машина, солдаты остаются в машине, и машина двигается. Они начинают болтаться в петле. Пожилые — раз, взметнулась голова кверху — и готов. И все. Сник. И так с каждым. Подвозят женщину — тоже так же. И последним был молодой учитель. Он очень долго болтался, сила такая у него была. Повешенные несколько дней висели на площади. Мы проходили — они висят. Снегом их занесло.

14.

Это было в 1943–1944 годах в Белоруссии. Близ деревни Горы и города Горки стояла дивизия, полки стояли по-разному. В Горках была Польская дивизия имени Костюшко. Их немцы постоянно обстреливали. Девять месяцев мы, в основном, в обороне стояли, бои местные были. В с. Горы рядом со стоянками полков находился госпиталь. Умерших раненых хоронили в братской могиле. Братская могила и сейчас бережно сохраняется.

15.

Была разработана операция «Багратион». В июне 1944 года началось освобождение Белоруссии. Когда немцы почувствовали, что они оказываются в окружении, то стали спешно убегать. Наш полк оказался как бы в этом «котле», где немцы отбивались от нас и в то же время отступали.

Немцы, отступая, сжигали военную технику, которой было вокруг очень много. В лесах мы встречали стоящие в ряд сгоревшие автомашины, грузовики.

Наша задача была — задержать отступление немецких войск, перекрыть Варшавское шоссе. И было принято решение: организовать отряд, типа десанта, и перекрыть шоссе на дороге в районе Пекалин. Был сформирован отряд, человек, примерно, восемьсот, куда входил стрелковый батальон в полном составе и дивизион артиллерии 76-мм пушек.

Мы ночью двигались по дороге на студебеккерах. Немцы окопались слева и справа, а мы по дороге шли.

Я ехал тогда в машине. Мы заняли деревню Пекалин. Был дан приказ: всех покормить до рассвета — это было четвертого июля — и ждать, что будет. Артиллерия заняла позиции, минометы тоже были готовы к стрельбе, все готово к бою. И вдруг, часов так в 6–7, — толпа немцев, нашествие, как показывают в фильме «Александр Невский», идут «свиньей». Занимают дорогу и доступные места вдоль дороги, идут стеной, напрямую, без боевого охранения, чувствуют, что пока это их территория. Потому что, если бы было боевое охранение, они бы нас отследили. Пошли самоходные установки, танки, пехота сзади, и пошел немец в наступление. Деревню захватили. В Пекалин погибла на моих глазах Барамзина Т.Н. Посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза.

Нам был приказ: огонь открывать только по сигналу. Немцы к нам подошли на расстояние 150–200 метров. И вот — красная ракета. И мы открыли огонь по этой массе — скопищу людей, технике, обозу, материальной части. Когда снаряд попадает в такую гущу, он, не взрываясь, наворачивает на себя людей. И вот такое длилось, примерно, минут 15–20. Такая убойная была борьба, сила с нашей стороны. Примерно, через двадцать минут они отступили. Мы сразу перегруппировались, те, кто остался в живых.

Мы фактически задачу свою выполнили. Но наши войска, наступающие с флангов, опоздали в своем наступлении, примерно, часа на три. В нашей группе людей почти не осталось. В музее мне сказали, что, якобы, один какой-то журналист написал, что на самолетах был десант. Это неправда. Были большие потери. Об этом десанте ни слова нигде в истории дивизии ничего не написано. Мы понесли огромные потери и в технике, и в людях. Поэтому стоит ли для истории дивизии это писать? Не знаю.

Когда это все закончилось, я докладываю Яценко:

— Техника вся уничтожена. Задание, которое было поставлено, батальон выполнил.

— Молодцы! Все вы правильно сделали.

На этом дело кончилось.

16.

Мы форсировали Неман. Эта река с обрывистыми берегами. Когда проходили мост, то одна часть дивизии проходит, а другая — к ней присоединяется. Между частями — промежутки, рядом никогда не шли. И вот сидит ездовой на двуколке. И вдруг мост взрывается. — Лошади падают вниз. А он как сидел на двуколке, так и сидит. Невредимый!

17.

Еще у меня на глазах произошел такой случай. Проходили небольшую речушку. Одна повозка проходит, вторая... Песочек, гравий. Проходят, проходят. И наконец последняя повозка проходит, а, как обычно, люди идут пешком, на повозке не разрешается ехать; если едет материальная часть или боеприпасы, только один ездовой должен быть. Один, видимо, устал и прицепился за повозку сзади. И вдруг — взрыв. А получилось так, что колеса предыдущих повозок на взрыватель не наехали, а вот эта повозка задела взрыватель. И случился взрыв. Этого человека взрывом отбросило метров на десять назад, и вот он лежит... без внутренностей. Только голова и позвоночник. Это ужас!

18.

Дали нам как-то раз команду занять территорию, которую немцы оборудовали. Мы пошли на прорыв. Остановились в одной деревушке где-то на подходе к Пруссии. Там дома были интересные: стены кирпичные, а внутри пустотелые, потому что погода у них намного теплее, чем у нас. Когда нам было холодно, мы искали такую пустоту в центре, выбивали кирпич, туда вставляли трубу, а внизу — бочка с топливом, таким образом грелись. И вот я сижу, дремлю, потому что мы ночью шли. Заходит замполит и говорит:

— Пойдем в ту комнату.

А я сижу на койке и дремлю.

Он опять:

— Пойдем же в ту комнату.

Я ему:

— Никуда я не пойду! Ты хочешь — иди.

Он идет в комнату. Доходит до стола, и вдруг снаряд разрывается перед окном и его осколком убивает. Что его тянуло туда? Видно, судьба...

19.

Как-то летом мы шли на прорыв. Впереди речушка заболоченная, заросшая кустарником, а рядом возвышенность. Команда: остановиться, перекур. Мы остановились. Я сел на пригорок, закуриваю. Нам давали пачку табаку — трубочный табак, трофейный. Он завернут такой тонкой бумагой для закрутки. А солдатам давали махорку.

Вот я сижу на взгорке и курю. Ниже меня идет инженер полка, говорит:

— У тебя есть закурить?

— Есть.

Я ему достаю табак, бумагу, и он начинает заворачивать. И откуда ни возьмись, летит снаряд, шуршит. Я — раз и прыгнул в эту речку, меня всего забросало грязью. Он передо мной замертво упал, а я сижу, жив — невредим.

20.

Знамя было у каждого полка, дивизии и выше. И был такой порядок: если знамя часть потеряет вне боя /кража или что-то еще/, то полк расформируется. Если же в бою, то восстанавливается, если не захватит противник.

Мы были в Пруссии. Между нами и противником была высокая стена. Там — немец, а здесь я сижу и со мной рядом офицер. Тут траншея. Это было осенью, поэтому я в шинели сидел. А шинели у офицеров были двубортные, передняя часть /грудь/ была с ватой. Внизу картина: речушка, заросшая кустарником, знаменосцы, трое, несут знамя. Меня офицер спрашивает:

— Слушай, а какой порядок в армии со знаменем? А если знамя будет утеряно или немец захватит?

Я ему:

— Расформируют часть. А если в бою — восстановят знамя.

Откуда ни возьмись — летит снаряд, ударяет прямо в знаменосцев. И их, и знамя разорвало. Полковое знамя. А меня в грудь ранило. Думаю, что такое жжет? Снимаю шинель, гимнастерку, смотрю: горячий осколок лежит у меня на груди... Вата задержала, лацкан шинели. Я его поднял, он белый, на нем подкожный сок выступил. Как он лег, так и лежит.

21.

Это было в Пруссии осенью 1944 года. Линия фронта проходила по свекльному полю. У меня приказ: в штрафную роту дать 5 пулеметов. Но штрафная рота нас подвела: она отступила. Мы оказались в полуокружении, пришлось отступить и нам.

Штрафники отступили, удрали. И на нас пошел немец. У нас в батальоне остался один пулемет, и я его таскал с места на место, туда, где было необходимо. Я стрелял из пулемета, а мой ординарец держал ленту. В конечном итоге немцы решили сделать прорыв через нас. По полю была прорыта глубокая траншея, наша оборона пересекала ее. Немцы собрались в овраге, чтобы незаметно атаковать и отрезать батальон. Но получилось так, что я оказался в этом месте, а

у нас там НП был метрах в пяти от траншеи. И немцы допустили одну глупость: чтобы начать наступление на нас, чтобы нас отрезать, они выпустили красную ракету. А у меня, как оказалось, пулемет был нацелен на это место. Я сразу — раз, двумя пальцами на гашетки нажал и пошел их поливать. Там такой открылся вой, крик, стоны...

Они готовились по-настоящему, там было большое количество солдат. На этом дело закончилось. И мы дожили до утра.

А днем на поле, где стояло наше отделение, которое не отступило, и на то место, откуда штрафная рота ушла, когда немцы прорвались, с тыла пришло подкрепление. Ударили по немцам, а наши военные силы были уже не те, что в начале войны, и могли быстро реагировать. Мы с командиром батальона майором Ивановым смотрим на наше поле, а там ни одного офицера не осталось в батальоне: ни командира взвода, ни командира роты — последним погиб командир пулеметной роты. Остались только я и командир батальона. И вот мы идем, а там высотка небольшая, смотрим, что мы наделали за свое время. А немец, видимо, технику хотел пустить, слышалось, как шумели машины. Связь была потеряна, но мы связались по радиис с тылом, и нам сказали: мы вам поможем. И что они сделали? На нас нацелили м-90 или м-60, типа «катюши», которые на рельсах стоят. Идет снаряд, шуршит и падает точно по немцам. Второй снаряд — ближе к немцам. А третий — по нашей обороне. И мы, когда утром уже рассвело, стали смотреть нашу оборону: там убитые и немцы, и наши солдаты в одной воронке. Воронка метра полтора глубиной и метра три шириной. Вот мы идем с командиром батальона, смотрим, и вдруг слышу: чик — пуля. Снайпер. Комбат падает. Я нагнулся к нему, стал щупать, смотрю: пуля прошла около сонной артерии, но сонную артерию не задела. Быстро пришли санитары и отправили его в госпиталь.

Я спрашиваю Яценко:

— Что будем делать? Я остался один заместителем командира.

— Будешь командиром батальона.

Он все: будешь, будешь. А, «дудки», так и не дал представление.

22.

Еще один момент расскажу, тоже наподобие этого. Он как бы идет впере-мешку со всеми остальными. Мемель. Его перед нами освободили от немцев, и мы тоже подошли. Но когда я туда вошел, то там ни одного человека не было. Все пусто: пустые дома, никого нигде нет. Мы подошли к окраине, дул холодный ветер с Балтийского моря. А раз ветер холодный, влажный, он пронизывает тело, и нам надо погреться. Мы с ординарцем на лошадей сели и поехали к порту, к причалу. Посмотрели: нигде ничего нет, пусто везде. Проехали пустые верфи. Вошли в город и стали в дома заходить — нигде ничего нет. Ни кусочка хлеба, ничего съестного. Только собачка сидит в кресле и смотрит на тебя жалкими глазами. Маленькая собачка, больших собак я не встречал, только маленькие были. И столько барахла разного! Ужас! Полные шкафы. Нам разрешали посылки домой отсылать. И обычно солдаты приходят, шкаф открывают, что нравится, выбирают. Некоторые даже швейные машинки хватили и тащили. Но бывало и так: до следующего дома доходит, а там вроде машинка лучше, он первую бросает, а ту берет. Ужас один! Трофеи. Но я на это дело никогда не поддавался.

А мы нашли пасеку и мед. И этим медом воспользовались. Но наш полк потом отвели. И что случилось? Когда наш полк отвели, ночью, помню, зарево в городе. Немец заложил взрывчатку под домами и стал взрывать. И кто зашел после нас, понес большие потери. А наш полк не пострадал. Потом наш полк на косу, длиной 110 километров, встал в оборону. И наша задача была такая: не пустить немцев со стороны моря (немцы были хозяевами Балтийского моря, а у нас был только залив).

23.

Коса — Фишгафен. Она тянется от Клайпеды до Кенигсберга. Самое широкое место косы — 700 метров. Самое узкое — 300. Вдоль косы — шоссейная дорога. Электричество там не проведено. Огромное помещение, типа конюшни, и там стояли батареи, а от батарейного питания было освещение. Мы ходили к морю, к заливу — там песок. Специально сделаны деревянные ограждения, чтобы не было оползней. И наш батальон оказался в очень выгодном месте: немец, убегая, оставил свою фабрику-кухню. На фабрике-кухне осталось растительное масло, мука, коньяк французский. Они не успели эвакуировать. Интересная у них капуста: рубленая, фаршированная, если взял ее и начинаешь поднимать, можно, наверное, всю бочку вынуть оттуда, одна за другую цепляется. Такая вкуснятина. Наши повара стали разные пончики делать, пирожки на масле. Коньяк тоже пригодился.

И вот приезжает к нам заместитель командира дивизии, не помню фамилии, мужчина лет 45.

Приезжает для ориентировки местности, проверить, какие у нас дела. А у меня пара лошадей, длинный фаэтон немецкий на резиновом ходу. Фаэтон крытый, большой. Заместитель командира дивизии на бричке приехал, вдвоем с адъютантом. У него пара лошадей и тарантас. Поехали мы осмотр делать. Кончилось все нормально. Он все одобрил, все хорошо. Все обеспечено. Данные везде рассчитаны.

Я спрашиваю:

— Обедать будете?

Мне запомнилась его присказка «о чем говорить» на всю жизнь.

Он:

— О чем говорить? Конечно.

А мы, офицеры, находились на втором этаже. Получилось так, что я, в основном, за командира батальона был: то одного кого-то ранило, то кто-то погиб. В общем, не знаю, почему так получалось. Я, заместитель по строевой части и замполит — офицеры. И еще адъютант старший. Нас четверо и он — пятый. Но адъютанта не было. Сели за стол. Я говорю:

— А это можно?

Он же полковник, а я — капитан. В войну можно было что угодно сделать, знаете.

А он:

— О чем говорить?

Я вытаскиваю бутылочку, он ее берет, стаканы были немецкие — такой стаканчик кверху зауженный, их ровно четыре стакана. Пол-литра на 4 стакана.

Я эту поллитровочку разливаю. Он выпивает. Поговорили, поговорили. Мы — молодые, для нас бутылку выпить — раз плюнуть. Вроде как воды выпить в то время.

— Товарищ полковник, может быть, еще?

— О чем говорить?

Выпили еще. Закуска была хорошая: пирожки, коньячок французский. Выпили, поговорили. А он:

— Знаешь что, я в Ленинграде был начальником училища.

Потом спрашиваю:

— Может, еще /третью/.

Он:

— О чем говорить?

Беру третью. Выпили еще по стакану и заснули.

Он утром проснулся. Неудобно ему. И мне тоже было неудобно, скажет — напоил.

Бледненький. Он мне:

— Ты мне бутылочки три положи.

А я говорю ординарцу:

— Ладно, положи ему четыре.

И уехал он. После этого были там какие-то совещания, встречались. Я на него посмотрю, он на меня посмотрит, улыбнется и все. Но никакого общения с ним у нас не было.

Мы все там живем. Коньяк кончился, а ребята мы ушлые, не то что сейчас. В армии, я имею в виду. Стали гнать самогон из муки. А как же? Все, в чем есть крахмал, — это есть самогон.

Смотрю: без всякого предупреждения заявляется начальник политотдела дивизии. Утром, часов в 9, когда у нас завтрак. Такой распорядок дня. Мы уже расположились, сидим четверо, и вот мне докладывают. У нас бутылочка самогона стоит, заделанная чем-то красным. Он заходит. Я встаю, докладываю:

— Товарищ полковник, так и так.

Все нормально. Никаких происшествий, ничего. Мы завтракаем.

— Ничего, ничего. Садитесь, пожалуйста.

И что мне делать? У нас уже налиты стаканы. Мы еще не выпили.

Мы немного пили. Что мы, выпивали что ли? Нам 100 граммов давали, что это? Думаю: что же делать? Пойду на риск:

— Товарищ полковник, будете?

Он:

— Запах-то есть?

Я наливаю ему стакан. Мы чокнулись: за нашу победу! Он выпил и говорит:

— А все же самогон!

Ну, думаю, будет нам взбучка. Ничего подобного, все обошлось, все прошло без всяких последствий.

Вот такие дела бывают.

Мы на косе месяца полтора были, минимум. Там другие моменты были. Там гражданских лиц не должно было быть.

24.

В Восточной Пруссии мы стояли на одной высоте, а немец — на другой. Позади немцев Балтийское море, там в обороне стояли, в основном, немецкие моряки, у них были снайперы, тяжелые пулеметы.

В это время я был зам. командира батальона. Командир полка ставит задачу — атаковать и взять высоту. Была небольшая артподготовка. После команды «в атаку» пехота не поднялась. Я выхватываю пистолет и команду: «Вперед, в атаку, за мной, члены партии, вперед!». Пехота поднялась и пошла, невзирая на пулеметный огонь со стороны противника. Мы несли потери. Но немцы не выдержали нашей атаки и оставили траншеи. Я вскочил в занятые траншеи, уже была связь с полком, и смотрю, как отступают немцы. Связной кричит: «Вызывает первый». Я — к телефону, докладываю, что высота взята, и, когда отошел, в это время в ячейке, где я наблюдал, взрывается снаряд.

25.

Далее наша дивизия заняла форт. Я в форт заскочил. Смотрю, — стоят тут и там топчаны, ремень лежит, а на нем пистолет, самый сильный их пистолет, я его в карман положил. Смотрю, плащи черные, я один плащ схватил — холодно было. В шкафу стоят бутылки вина. А до этого нам сказали: ни в коем случае вино и водку не пить — отравлено. Открываю шкаф, бутылку взял, а она пыльная. Думаю: кто же будет пыльную бутылку травить? Я эту бутылку положил в карман.

В это время нам дали перерыв. Я был командиром штурмовой группы. А было так: одни штурмовали, другие отходили, третьи снова заходили. Дают задание: штурмовая группа штурмует объект, а вторая уходит. У нас как раз был перерыв. Подхожу поближе, мои помощники сидят. Я говорю одному:

— Открывай бутылку, наливай стакан! Он наливает стакан.

Я говорю:

— Себе налей!

Я этот стакан выпиваю. И у него осталась еще бутылка. Сухое вино, слабое.

Я говорю:

— Знаешь что, у нас будет перерыв полчаса. Я, может, подремлю, а ты меня потом разбуди.

Проходит полчаса, он меня толкнул, я проснулся, ему говорю:

— Давай другую бутылку.

— Что ты, ты когда, — говорит, — немножко храпнул, они у меня эту бутылку отобрали и все выпили.

26.

Пруссия. Апрель 1945 года. Штурм Кенигсберга. Теперь я подхожу к ранению, которое получил.

Я выхожу из блиндажа на определенное задание, и вдруг снаряд взрывается, ударяет меня осколком. Это было 7 апреля 1945 года, было холодно. Но я

сразу почувствовал, что мне стало тепло. Я был в кителе и в телогрейке, я провел рукой по животу, смотрю — кровь. И не упал даже. Возвращаюсь в траншею, иду в блиндаж, где до этого находился. Как сейчас помню, впереди меня оказалось поваленное дерево. Я нагнулся, вхожу в блиндаж. А там оказались санитары.

— Что с тобой?

— Я ранен.

Снимают с меня телогрейку, китель, делают перевязку. Я ложусь. Через некоторое время прибегают мой ординарец и ординарец замполита.

— Товарищ капитан, товарищ капитан, обед принесли.

Я говорю:

— Мне обедать нельзя.

При ранении в живот ни в коем случае ни есть, ни пить нельзя, мы это уже знали.

Я говорю:

— Несите меня в медсанбат. Срочно.

Они меня схватили и понесли.

Меня спасло еще и то, что я до этого не завтракал и вечером не ужинал. У меня был пустой желудок. Вот это меня и спасло. Воспалительного процесса не возникло.

Несли мимо наступающих войск. Потом меня оставили. Через некоторое время подъезжает повозка — двуколка, которую они нашли, и меня повезли. Вдруг слышу, что начался скандал, догоняет нас человек, у которого они украли повозку. У него военная повозка, он за нее отвечает. Не думайте, что это было безответственно. Они начинают скандалить, дело доходит до столкновения, чуть ли не до оружия. Я вынимаю пистолет и как пистолетом ударил о повозку, выстрелил. Говорю:

— Отдайте повозку! Отдайте повозку ему.

Они меня вынимают из повозки и возвращают ему повозку. И меня снова понесли. Несут, несут, и тут вдруг переправа. Идут навстречу войска: пушки, танки. Переправа. Они меня — на носилки, накрыли шинелью. И, помню, говорят: — Пропустите, пропустите. Командир полка /они сказали/. Дайте проход. Меня вынесли, на берег положили, и опять куда-то ушли. Смотрю: на повозке приезжают. Меня — на повозку и снова повезли. И привезли в медсанбат. Ординарец говорит:

— Тебе вещи принести сюда?

Я говорю:

— Не знаю. Успеешь — принеси, не успеешь — не приноси.

Вещи были хорошие, на них даже командир полка охотился, потому что я одного немецкого генерала раздел. И оружие с него снял. И вот я там лежу, а они особенно обо мне и не думают, потому что с моим ранением нужен специальный врач. Простой хирург за это не берется. Кишечник ведь весь вынимается наружу, и его начинают перебирать.

Хирурга такого в медсанбате не было, и врач задает вопрос:

— На самолете полетишь?

Я говорю — полечу. И меня несут, чуть ли не голого, — правда, вещи мои основные /китель, сапоги хромовые/ мне положили. И несут меня на самолет

У-2. Там два человека в люльках: с одной стороны — люлька и с другой — люлька. Привозят меня в Тильзит /сейчас Советск/. Летчик посадил самолет в поле. Меня на носилки и сразу в госпиталь.

И вот меня оперируют. Когда первый раз оперировали, наркоз стали подносить — я лежу. Врач:

— Сестра, наркоз!

Я лежу. Врач еще:

— Мартынчук!

— Я!

Врач:

— Сестра, наркоз!

Врач:

— Мартынчук!

— Я!

Врач хочет начать делать операцию. Третий раз говорит:

— Сестра, наркоз!

— Мартынчук!

Я отвечаю как бы в душе, он меня не слышит. И врач понял, что я готов для его действия. Чувствую, что что-то зашуршало по животу. И все. Он меня прооперировал, привезли меня в палату, лежу, есть не могу, ничего делать не могу. Мне ничего не приносят. Подойдет врач, послушает — все нормально. Через некоторое время отправляют меня в другую палату. А до этого мне сделали переливание крови. Раньше я был в палате, где лежало человек 6–8, в другой палате, куда меня перевели, всего два человека. Я лежу, и другой лежит. Он полежал полдня — увезли, привезли следующего, он полежит полдня — увозят. А я все лежу. Я врачу говорю:

— Слушай, у меня все пересыхает: губы, горло — мне бы водой смыть все это дело.

Он говорит:

— Не положена вода.

Я:

— Надо, надо.

Он говорит сестре:

— Хорошо, принеси ему.

Были всегда старшая сестра и сестра-хозяйка. А врач был майор. Медсестра приносит мне стакан воды, вату, отерла мне губы, дала в рот немного воды. Я сполоснул и выплюнул.

Врач посмотрел на меня:

— Поставь ему воду и вату, он все сам себе сделает.

А я лежать на спине не мог и на животе не мог — полулежал на подушках. Я никогда не терял сознания: ни во время ранения, ни после операции, потому что основные органы у меня работали. У меня был поврежден кишечник. Проходит некоторое время. Лежу день, лежу два, три... Смотрю: приносят мне первое, второе и компот. Я сестре говорю:

— А что, мне положено?

Она говорит:

— Да, положено. Врач прописал, можете не волноваться.

Я взял в руки все это и как в дверь тарелку жажнул. Она, конечно, убежала. Видимо, по их расчетам, я должен был уйти из жизни давно. Решили, что я безнадежный.

Врач приходит:

— В чем дело?

А я:

— Вчера мне нельзя было воду пить, а сегодня я должен щи есть?

И мне это прекратили. Я полежал день, другой. Меня перевели в основную палату. Смотрю: мне дали кагор — 60 граммов, кагор стали выписывать, начали постепенно давать еду и лечить. И вдруг мне стало снова плохо. У меня начался воспалительный процесс. Снизу стало давить на сердце, на легкие, начал задыхаться. Я говорю:

— Врач, делай мне операцию.

А он:

— Не могу я тебе операцию делать, у нас сегодня банный день.

Я ему:

— Ничего не знаю.

А со мной ребята, офицеры, лежали, встают и бегут к начальнику госпиталя. Приходит начальник госпиталя — высокий мужчина, солидный, с бородкой:

— В чем дело?

Я говорю:

— Давит мне снизу. У меня что-то не в порядке внутри, меня оперировать надо. Я хочу, чтобы меня оперировали.

Он отошел вместе с начальником отделения, о чем-то они тихо поговорили и ушли. Тогда меня положили на каталку и увезли. Снова вскрыли, опять кишечник весь вытащили, промыли, что нужно, зашили или отрезали, вставили две дренажные трубки. Если бы я еще подождал полдня, то у меня начался бы перитонит и я был бы «готов». И я после начал постепенно поправляться. Потом мне стали вино давать. Один раз мне принесли водку. Сестра говорит:

— Пей.

Я:

— Не буду пить.

Мою полевую сумку всю обобрали. А у меня были даже немецкие авто ручки, карандаши разноцветные были. Все у меня взяли. Еще там были письма домашние, а в письмах золотые маленькие часы, мне их разведчики подарили. И они их не нашли. И когда мне вернули сумку, то я нашел эти часы, а сестры увидели часики, стали около меня «крутиться». Она обнесет всех вином, а мне побольше. Стал я поправляться, ходить я еще не мог. Они вывезут меня, держат, а я иду дальше, за стенку держусь.

И вдруг я задумал уехать в Россию. Тильзит — это же Пруссия. Поеду в Россию. Стал проситься, чтобы меня отправили в Россию. Вообще, зря я это: там у нас и рыбка была хорошая, вино давали. А когда вино не стали давать, я сестре говорю:

— Слушай, мне вино отказались давать. Что мне делать?

А она:

— А ты недоешь что-нибудь и пообедай плохо. Скажи, что у тебя настроение плохое.

Я начинаю врачу «загинать». Он спрашивает:

— А вы вино получаете?

Я:

— Нет.

— Ну, пропишите...

Прописали. А когда я водку не стал пить, приходит врач, спрашивает:

— Почему водку не пьешь?

— Не пью и все.

— Не стыдно тебе? На фронте пил?

— Пил.

— Пей!

Ну, я выпил, конечно, граммов 30...

Теперь, когда меня стали переводить в общую палату, я врачу говорю:

— Слушай, вот меня привезли на самолете сюда. У меня была шинель новая, китель, брюки, как положено, обмундирование, шапка, планшет, сапоги хромовые.

А я думаю: «Вот, выпишусь отсюда. Что я? Драное мне дадут что-нибудь. Офицер, прошел войну, и я приеду ни в чем. Где я что возьму?»

Он говорит сестре:

— Обход закончится — посмотри его вещи.

Обход закончился. Прошло время. Сестра приходит, приносит мне вещмешок мой.

— Шинель твоя?

— Моя.

— Китель твой?

— Мой.

— Брюки твои?

— Мои.

Сапоги, шапка. Сумка пустая оказалась.

— Планшет твой?

— Мой.

Она мне говорит:

— Мне все эти вещи сдать на основной склад или у меня пусть останутся?

Я говорю:

— Пусть они у Вас останутся. Я думаю: буду выздоравливать — к девкам пойду, гулять пойду. Не думал даже о том, что я не выживу. Почему-то у меня в голове даже мыслей таких не было. Организм был сам настроен, не только мысли. Бывает так, что в мыслях один настрой, а получается на самом деле по-другому, а бывает и нет. Так вот, у меня даже другого настроения не было. Я начну поправляться, пойду к девкам. Мне было 23 года. Самый такой подходящий возраст. Офицер. Погоны. Капитан.

Смерть немецким оккупантам!**ПИСЬМО С ФРОНТА**Семье отважного воина МартыновичАлександра Васильевича**ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!**

Выполняя приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина, наша доблестная Красная Армия очищает родную советскую землю от немецко-фашистских мерзавцев, гонит немецкого зверя к его берлоге — Германии, чтобы там окончательно добить его.

В этой исторической битве Ваш Сын

показал себя храбрым и бесстрашным воином, верным сыном великой советской Родины. За отвагу и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, он награжден орденом «Красной Звезды» и

орденом «Отечественной Войны 2 степени».

Мы гордимся таким воином-героем и поздравляем Вас с его высокой правительственной наградой.

С боевым приветом к Вам

Командир части Майор А. Зацкерский

« 5 октября 1944 года.

Листок из записной книжки. Письмо родным

19 апреля 1945 года. Здравствуйте, дорогое семейство. Чувствую, что забеспокоились о моем долгом молчании. Я вам писал редко раньше, что иду на штурм мощной крепости Кенигсберг. Уже в боях в самом Кенигсберге получил серьезное ранение. Был быстро эвакуирован на самолете в госпиталь, где провели операцию, где и нахожусь. До сих пор не встаю. Все лежу. Дорогое семейство, прошу не беспокоиться. Все пока в порядке. Вылечусь. Сейчас писать больше не могу. Пока до свидания. Крепко жму руки и целую. Ваш ...

И вот такой листок пришел... Без конверта.

Меня отправляют в Горький (сейчас Нижний Новгород). Приходит сестра, вещи мне принесла. Я сапог взял — нога-то худенькая. Вес у меня был 55 килограммов. А сестра мне говорит:

— Знаешь, что мне врач сказал? — Вещи ему не нужны уже...

Думаю: — Вот зачем ты их себе оставила, эти вещи. Считали, что я не жилец. У меня своя была цель, а у нее своя. Вот какие случаи бывают. Мне еще лучше, что она себе эти вещи оставила. В Горький приехал, а там что? Каша и вобла, а лекарств никаких. У меня было нагноение, раны заживали плохо, но у меня был стрептоцид. Мы знали, что у себя иметь, и когда была возможность, мы эти препараты прихватывали. Не думайте, что мы без «головы» были. У меня был стрептоцид, он не только от этого был, еще от венерических болезней лечились. Мы старались этот препарат для себя приобретать. И вот я иду на перевязку, даю полтаблеточки стрептоцида, и мне порошили, где надо. В Горьком был очень хороший рынок, сам я на рынок не ходил, ходили другие. Там такая была сельдь — залом, килограмм, наверное, весу. Я денег дам, и мне принесут. А потом стал меняться. Кашу менял на овощи, вроде бы, не положено было по болезни, а оказалось — полезно.

27.

В деревне был охотник — стрелок. Ни одного лишнего выстрела не делал — всегда в цель, всегда дичь убивал. Каждый раз. Такой был молчаливый, спокойный мужчина. Звали его Андриюк. Один случай про него рассказывали. На охоте долго же ходят. Было так: брючки спустил и сидит. А ружье рядом держит, видит: на него заяц бежит. Он схватил ружье — и заяц готов. Даже в таком виде.

Я своими глазами видел, в деревне кричат: «Бешеные собаки». Пальбу подняли, крик. Бегут две бешеные собаки. Смотрю, он встает и навскидку, не целясь, поднимает ружье, раз — одна перевернулась, вторую — раз. И все. И вот уже в возрасте, ему лет 75 было, может быть, больше, пошел на охоту и промазал. Не убил. Пришел домой, ружье положил: «Все, больше на охоту не пойду». И больше не пошел. И воевали, и жили по-человечески. Вот такие люди бывают.

Капитан с проспекта маршала

Недалеко от подмосковного Зарайска, в украинской слободке, образованной 15 семействами, приехавшими в 1913 году из Западной Украины, в крестьянской семье Данилы Архиповича и Ольги Ивановны Мыртынчуков весной 1922 года появился второй сын Сашко. Семья была работающая, пятеро детей.

Послереволюционный НЭП дал возможность людям пообжиться. В хозяйстве появились три лошади и три коровы, крышу хаты покрыли кровельным железом, так что, когда власть затеяла создавать колхозы, “раскулачивать” Мартынчуков было за что.

В 1937 году отца взяли, дав 10 лет без права переписки.

Мать с тремя младшими дочками и 14-летний Сашок остались в деревне. Парнишку после 8-го класса исключили из школы, как сына врага народа. Дальше дороги не было: ни в учебе, ни в комсомол, ни в армию. Надо было выживать, помогать матери. Цепкий к жизни хлопец, когда она разболелась, наловчился кухарить, даже хлеб пек.

В 1938 году 16-летний Саша Мартынчук — единственный мужчина в доме (старший брат погиб в геологической экспедиции) — стал работать в колхозе. Сила ему досталась от отца, ворочал наравне с мужиками — разнорабочим. Сестер Веру, Зину и Раю защищал от желающих обидеть. «Я сумел сберечь семью», — спустя шестьдесят с лишним лет скажет Александр Данилович.

Но молодость и звонкая предвоенная пора не давали скучать. Ходил он в клуб, участвовал в театральных постановках — Челкаша горьковского играл. И зрители от души хлопали.

И вот война. Александру 19 лет, он комсомолец (приняли все же крестьянского парня в ВЛКСМ), но в армию, несмотря на призывной возраст, не брали. Однако дело нашли: направили Мартынчука на эвакуацию скота. Большое стадо согнанных с рязанских деревень коров — голов более 500 — надо было довести до Мордовии. Тревожное лето 41-го, отступление, потеря городов и огромной территории — и он — погонщик на лошаденке, с кнутом. А перед глазами стоит оставленный Зарайск — покрашенные зеленой краской золоченые купола церквей, чтоб не привлекать блеском фашистских летчиков (та краска до сих пор не отмыта), и тюки ваты на дорогах — в городе своя ткацкая фабрика, тюками перекрывали, забивали пути, чтобы враг не прошел, далеко не везде были железные надолбы. И вата в ход шла находчив, смекалист русский ум.

В армию Мартынчука призвали уже в Мордовии в декабре 1941 года. В учебном полку его месяц обучали минометному делу, после чего присвоили звание сержанта.

Первый бой — на Калужской земле у города Малоярославец, зима тяжелая, снега много, холод. Немец отсиживается в деревнях, по избам, наши — в чистом поле, на морозе. Минометных снарядов не хватало. Шли с винтовками наперевес. Война — тяжелая работа. Потом были Юхнов, Спас-Деменск, Сухиничи, Козельск.

Всю жизнь помнит Александр Данилович бой на Зайцевой горе. «До весны взять ее не могли. Сколько ходили в атаку — не помню. Проползем метров 20 — 30 — огневая стена, мы назад. «Он» — на горе, все видно. Столько полегло там...»

Декабрь 1942 года. Александра Мартынчука, младшего лейтенанта, послали в Подольск на курсы усовершенствования младшего командного состава Западного фронта. Шесть месяцев теории и практики, нежданная передышка после года непрерывных боев. Александр любил учиться, был старателен, скрупулезен. Там, в Подольске, знакомый художник на оторванной от книжки

картонной обложке нарисовал маслом его портрет, который Сашко пронес затем через всю войну.

До 1945 года Александр прошел фронт почти без царапины. Он уже командовал минометной ротой 252 с.п. 70 с.д. Западного фронта.

Первый орден Красной Звезды он получил за то, что отрезал минометным огнем немцев, преследовавших нашу полковую разведку, возвращавшуюся с задания и едва не попавшую в ловушку на нейтральной полосе, Благодарные разведчики вручили лихому комроты трофейные золотые часы и браунинг.

В мае 1943 года Мартынчук вступил в партию, июнь 1944 года встретил в звании капитана. Тогда же случился тот десант, мало где описанный впоследствии. В Белоруссии значительные немецко-фашистские силы попали в кольцо, но прорвали линию окружения и стали удирать. Допустить этого было нельзя. Срочно был сформирован десант из 1000 человек, и на студебеккерах с артиллерией солдаты вышли на дорогу Москва — Минск. Тихо, с выключенными фарами преодолели путь, на рассвете накормили людей и стали ждать сигнала — красной ракеты. Вокруг леса, болота — все пусто. И вот показалась лязгающая масса — плотная, темная, заполнившая всю дорогу и обочины вплоть до леса, в ширину достигавшая метров 50. Танки, пушки, лошади, обозы, солдаты двигались в то солнечное утро 5 июля 1944 года, словно в фильме «Александр Невский» теутонские рыцари, «свиньей». Страшно. Шли, как потом стало известно, не менее двух гитлеровских дивизий. А на пути три наших батареи — 27 пушек 76-миллиметровок. И удержать врага надо. Десант был практически обречен.

Ракета. Внезапность — половина удачи. Прямой наводкой наши пушки били минут 20. Мартынчуку казалось, что снаряды не долетали и взрывались на головах фашистов. Смятение врага длилось недолго. «Ответное слово» было оглушительным и кровавым. Десант продержался, но выжили едва ли десяток бойцов. Не могли взять тяжелораненых, лежавших в землянке. С ними осталась и погибла от рук гитлеровцев прекрасная девушка-снайпер, связистка и санитарка Таня Барамзина, Герой Советского Союза посмертно. Из оружия оставался у Мартынчука только пистолет с одним патроном для себя, чтобы избежать плена.

Но и на этот раз он остался цел. Только как вспомнит о героически погибшей Тане и невозможности ей помочь, до сих пор вскипают слезы в глазах постаревшего капитана.

Что такое случай на войне — предчувствие, везенье? Мартынчук испытал это, но объяснить и теперь не может. Товарищ попросил у него прикурить, пригнулся к огоньку сигарки. В это время случайный снаряд упал в болотце сзади. Сослуживец упал замертво, заслонив собой капитана. Или в блиндаже приятель позвал Александра перейти в другое помещение. Мартынчук отказался. Тот ушел один и тут же погиб от взрыва снаряда. Такова военная судьба.

Уже в Пруссии попал Александр Данилович в пехоту заместителем командира стрелкового батальона. Был «богом войны», стал «царицей полей», как называли матушку-пехоту в Отечественную. Были у А.Д. Мартынчука хорошие задатки командира и тяга к учению. Ему бы в военную академию — глядишь, был бы теперь генерал Мартынчук. Но комполка Яценко попридержал, сказав: «Боевые офицеры нужны здесь».

В октябре 1944 года в Восточной Пруссии в кровавом бою его батальон занял круговую оборону, Мартынчук сам стрелял по немцам из станкового пулемета. И вновь остался жив. Орден Отечественной войны I степени не дает забыть о том бое.

Затем воевал в Прибалтике, у Кенигсберга, где возглавил штурмовую группу 1 с.р. Здесь 7 апреля 1945 года его тяжело ранило осколком снаряда в спину. Бойцы, чтобы пронести носилки сквозь гушу наших войск, покрикивали: «Дайте пройти, командира полка ранило». Так с повышением в звании и доташили. Затем самолет «У-2» доставил в госпиталь, размещенный в Данциге, где Мартынчук перенес 3 операции. В палату смертников уже выносили, а он все жив и в сознании. Пить нельзя — он терпит. Жить хотел. Победа ведь рядом.

Когда полегчало, потребовал принести форму, сапоги хромовые и полевую сумку, а в ней тот портрет на книжной обложке, что всю войну с ним прошел. «Может, он и спасал меня», — говорит теперь Мартынчук задумчиво.

Долечивался в городе Горьком, уволился из рядов Красной Армии 15 сентября 1945 года с III группой инвалидности. Вернувшись в родную деревню, пошел боевой офицер счетоводом на молокозавод. Там же встретил и будущую жену тезку, тоже Сашу. Женился, родился сын Олег.

А в 1951 году махнул он в Москву, устроился столяром на деревообрабатывающий завод (ДОК №7 м Главмоспромстройматериалов). Вскоре стал мастером смены, затем старшим мастером. Поступил учиться заочно в лесотехнический техникум. Спустя 12 лет, в 1963 году ему доверили машино-сборочный цех, откуда поступала готовая продукция: окна, двери. Кстати, их окна стоят в Кремле, в Доме Союзов и на БАМе — с тройным остеклением — от мороза, сделанные по технологии Мартынчука.

С 1973 года Мартынчук — начальник производственно-технического отдела завода. Награжден грамотами, знаком «Ветеран промышленности» — за долголетний и добросовестный труд. Они достойно продолжили список наград боевых: три ордена «Отечественной войны», орден «Красная Звезда», медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и множество юбилейных.

Сегодня ветерану войны, инвалиду I группы III степени А.Д. Мартынчуку идет 84 год, но он еще бодр, хотя болячек поднакопилось. Живет он в высотке на проспекте Маршала Жукова. Читает на досуге книги Жукова, Баграмяна, Василевского, сверяет свои воспоминания с маршальскими. Любит русские песни, юмор. Вместе с супругой выращивает рассаду для дачи, где у него плодоносит все: и яблони, и тыквы. Интересуется делами сыновей и внуков, которым он дал пример жизни: от учета доходов-расходов в семье до бережного отношения, доверия и любви друг к другу.

Не столь давно присвоили ветерану звание майора, о чем он упомянул шутя: «Я теперь как свадебный генерал». А вот боевое звание «капитан» для Александра Даниловича куда дороже. И погоны с четырьмя звездочками и скрещенными пушками — выходные капитанские, поистертые по краям, достаёт бережно. Многие напоминают они: армейские будни, письма из дома и Победу, что добыта большой кровью и верой.

Из газеты «Московская перспектива»

№16 от 26 апреля 2005г.

Уважаемые сотрудники яслей-сада № 90 города Перми!

Получил Ваше письмо с просьбой описать все, что я знаю о Герое Советского Союза Тане Барамзиной.

С Таней мне довелось служить в годы войны в 252 с.п. 70 с.д. Таня была связистом. Позже я узнал, что начинала она службу снайпером, но по зрению была переведена в связь. До того трагического дня мне не приходилось встречаться с Таней, хотя в разговорах с сослуживцами слышал о ней.

В период Минской наступательной операции наших войск летом 1944 года на одном из участков фронта было намечено сформировать десант с целью сковать действия противника в его тылу в момент наступления наших основных сил. В состав десанта вошли стрелковый батальон и дивизион истребительной противотанковой артиллерии, в том числе и минометная рота, которой я тогда командовал. Личный состав десанта подбирался очень тщательно. Таня в состав десанта не вошла.

К вечеру 4 июля колонна автомашин с личным составом, военным снаряжением, с пушками на прицепах была готова начать движение в тыл противника по заранее подготовленным проходам. В этот момент Таня подбежала ко мне и закричала: «Я поеду с вами! Я должна ехать!». Несмотря на то, что состав связистов был укомплектован, Таня не отступала: «Я могу стрелять, могу санитаркой!» Рядом находившийся командир десанта услышал наш разговор и после некоторого раздумья дал разрешение участвовать в десанте. Бойцы, сидевшие в машине, протянули руки и помогли Тане подняться в кузов.

Как только стемнело, примерно в 23 часа, колонна двинулась в тыл противника. Двигались осторожно, не включая фар. Благополучно прибыли в заданный район — узел шоссейных дорог у деревни Пекалин Смолевичского района Минской области, где и предстояло задержать отступающие немецкие войска.

Утро 5 июля 1944 года выдалось солнечным. Сразу была организована круговая оборона с усилением восточной ее части — ожидаемого направления противника. Были намечены огневые точки для артиллерии, минометов, пулеметов, для отдельных бойцов, и все тщательно замаскировано среди построек, деревьев и ржаного поля. К 8 часам утра личный состав был накормлен и бойцы расположились на огневых позициях. Мы знали, что немцы не могли пройти другой дорогой: кругом болота, топи и непроходимый для техники лес. Каждый из нас осознавал всю важность операции, всю глубину долга перед Родиной. Таня находилась вместе со всеми на боевой позиции.

Ждать пришлось недолго — с востока, занимая дорогу, обочины и поле, лавиной двигались немецкие войска: боевая техника, автомашины, двуколки, пехота. Впоследствии я узнал, что нам пришлось вступить в бой с двумя немецкими дивизиями численностью свыше 20-ти тысяч человек. Противник не предполагал встретить в своем тылу наши части и поэтому не выставил боевого охранения. Был дан приказ: огонь открывать по сигналу «Красная ракета». Солдаты замерли, сжимая в руках оружие, артиллеристы и минометчики с напряжением ждали команды «огонь». Когда немцы приблизились примерно на 150—500 метров, в воздух взвилась красная ракета. Мгновенно с нашей стороны был открыт уничтожающий огонь из всех видов оружия. От неожиданности в колонне немцев началась паника. Падали люди, лошади, горела техника, в

агонии метались раненые, казалось, что артиллерийские снаряды не долетали до земли и взрывались на головах фашистов. Из-за паники немцы не смогли оказать ответного сопротивления. Так продолжалось не более 20–25 минут, после чего они отошли, оставив на поле боя большое количество убитых, часть военной техники, боеприпасов, автомашин и обоз с продовольствием.

Впереди нас ждал неравный бой, и мы были готовы к нему. Примерно через час немцы перегруппировали свои силы и выдвинули на огневые позиции самоходные установки, крупнокалиберные пулеметы, пушки, минометы. Начался массированный обстрел нашей обороны. От разрывов снарядов и мин начали гореть постройки, появились убитые и раненые. Вот тут Тане и пришлось стать санитаркой. Легко раненные после оказания помощи брали оружие и становились в строй, а тяжело раненных переносили в одну из землянок.

Немцы, осознавая, что основные силы наших войск движутся за ними по пятам, с огромным упорством и ожесточением, неся потери в живой силе и технике, медленно, но верно продвигались к деревне. Наша артиллерия, стоявшая на восточной окраине деревни, прямой наводкой расстреливала наступающих немцев, но силы были слишком неравными. Кончились боеприпасы, одна за другой замолкали пушки и минометы, мы несли большие потери. Немцы занимали один дом за другим, не оставляя на своем пути ничего живого.

Примерно в два часа противник занял юго-западную часть деревни, в северо-западной части нашей обороны еще оставались разрозненные огневые точки. Артиллерия и минометы были уничтожены, боевые расчеты героически сражались, уничтожая фашистов до последнего снаряда, до последнего патрона, и, когда кончились боеприпасы, когда обороняться уже стало бессмысленно, было принято решение: оставшимся в живых раненым с боем прорываться через ржаное поле в северную часть леса, что нам и удалось сделать. В лес немцы не углублялись, их задача была уничтожить десант и продолжить движение в свой тыл.

Таня в это время находилась с тяжелоранеными в землянке и в какой-то момент имела возможность пройти незамеченной по ржаному полю в лес, но не воспользовалась этим. К землянке пробиться мы не смогли: кругом были обезумевшие фашисты, как саранча, уничтожавшие все на своем пути. Наблюдая в бинокль, мы видели героический поступок бесстрашной Тани, защищавшей тяжелораненых, свою честь, свою Родину.

Ведя автоматную стрельбу, к землянке подбежали несколько немцев, оттуда послышалась автоматная очередь, и трое из них упали. Появились еще немцы — и снова длинные автоматные очереди из землянки. Так продолжалось несколько раз. Послышались разрывы гранат, видимо, у Тани кончились патроны. Тогда двое немцев подползли к землянке и забросали вход гранатами, после чего все стихло. Немцы вывели обессиленную, еле державшуюся на ногах Таню и здесь же, у землянки, убили.

Вскоре подошли наши основные части, преследовавшие отступающего противника. Мы вернулись в деревню на место прошедшего боя, место гибели Тани Барамзиной. Таня лежала вся в крови, обезображенная, исколотая штыками. Вокруг валялись убитые фашисты.

Так погибла славная дочь нашей Родины Таня Барамзина. За этот подвиг Татьяне Николаевне Барамзиной присвоено звание Героя Советского Союза

посмертно. Похоронена Таня Барамзина в деревне Калита Смоленвичского района Минской области.

В Музее Боевой славы 70 с.д. имеется стенд, посвященный памяти Барамзиной, фотография, на ней Татьяна в военной форме и другие материалы. Вам необходимо обратиться в группу «Поиск» и Вам пришлют копии фотографии и этих материалов. Сообщаю адрес: индекс 142784, Московская область, Ленинский район, город Московский, школа № 2, Музей боевой славы 70 с.д., группа «Поиск».

*С уважением
капитан в отставке А.Д. Мартынчук*

НЕМЕЖИКОВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

13.02.1922 года рождения, место жительства: Тувинская АССР г. Кызыл.

Воевал в 252 с.п. 70 с.д. с декабря 1943 года по 30 июля 1944 года в должности командира взвода 82-мм минометов. Звание — лейтенант. Был тяжело ранен.

Наш батальон стоял в обороне напротив города Горки, километрах в десяти восточнее. В обороне было затишье с периодическими артперестрелками. В это время в нашем батальоне численность личного состава была очень мала: в стрелковых ротах доходило до 25–30 человек, а в нашей минометной роте насчитывалось чуть больше взвода, нас, офицеров, было четыре человека вместе с командиром роты. Поэтому приходилось часто нести боевое дежурство на передовой батальона.

В начале наступления наших войск 22.06.1944 года у меня было осколочное ранение в ногу. После госпиталя я попал в резерв дивизии, а затем нас, группу офицеров, направили в состав боевых частей в 1264 с.п. 380 с.д. 49 Армии. В августе 1944 года я был тяжело ранен, контужен и комиссован инвалидом второй группы.

Хорошо помню командира взвода 82-мм минометов Виктора Лысенко. Талантливый офицер в то время занимался изобретением автоматического миномета, даже по поводу изобретения его отзывали с передовой в штаб полка и дивизии. Виктор Лысенко в то время уже был награжден орденом «Отечественной войны» II степени. Он уроженец станицы Усть-Лабинская Краснодарского края.

ОСАДЧИЙ ПЕТР ТРОФИМОВИЧ

12.1926 года рождения, место жительства: Киевская область г. Чернобыль.

Воевал в 252 с.п. 70 с.д. в 1 мин.роте с июля 1944 года по февраль 1945 года, рядовым солдатом. Был трижды ранен.

Награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

Отец мой перед войной работал председателем Замошенского сельсовета Киевской области. Чтобы фашисты не расстреляли семью, меня 14-летнего, брата 12 лет, годовалую сестру и беременную мать отправили «беженцами» на Восток. Мы пешком шли до города Нежина, а потом железной дорогой до Тамбова. По дороге бомбили, из-за этого мать родила раньше срока и лишилась ног (потом ходила на костылях), а ребенок умер. В Тамбовской области Шахманского района с. Лосино работали в колхозе «12 лет Октября».

В декабре 1941 года мне исполнилось 15 лет, я вступил в комсомол. Фашисты подходили к границам Тамбовской области, шли бои на Воронежском направлении, бомбили ст. Грязи и Шахмань.

Я пошел в Райвоенкомат, но в армию меня не взяли, а определили на пункт всевобуча и только в 1943 году приняли и направили в школу младших командиров, которая находилась в Пензенской области.

Я пошел в Райвоенкомат, но в армию меня не взяли, а определили на пункт всевобуча и только в 1943 году приняли и направили в школу младших командиров, которая находилась в Пензенской области.

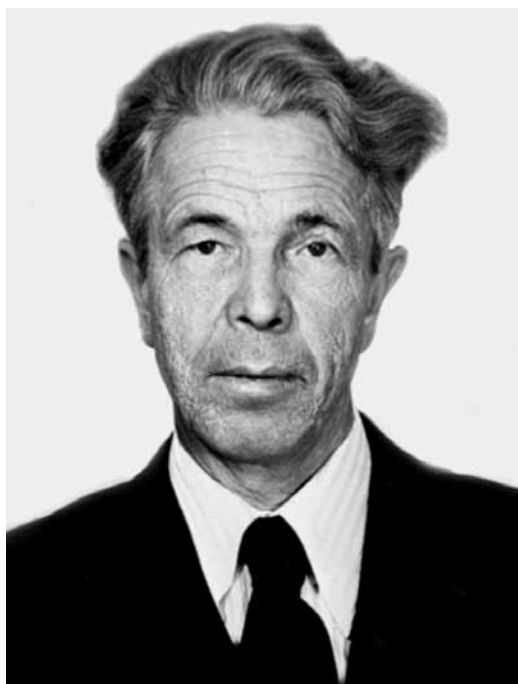
В июле 1944 года всех курсантов отправили на фронт в действующую армию. Все мы, зеленые юнцы, попали в 252 с.п. 70 с.д. Вспоминая боевые операции, я вижу, что нас, необстрелянных бойцов, жалели.

Дважды я был ранен легко, а в третий раз — тяжело.

Наш комбат Иванов при наступлении на Мемель был ранен, у него была забинтована шея. В 3—4 километрах от Мемеля находилась высота, которую мы должны были взять. Когда комбат Иванов с помощником, рослым и плотным татаринном, поднимали в атаку солдат криками: «За Родину! За Сталина!», я был рядом и корректировал огонь минометчиков. За этот бой командир полка Яценко Александр Тимофеевич вручил мне медаль «За отвагу». Мы взяли высоту в ноябре 1944 года. А в город вошли в конце января 1945 года. Под Кенигсбергом я был тяжело ранен.

ПЕТРОВ ПЕТР СТЕПАНОВИЧ

15.08.1924 года рождения, место жительства: г. Усть-Каменогорск.

Воевал с 1942 года, в 252 с.п. 70 с.д. — с 1944 года по апрель 1945 года в должности командира взвода управления, звание в начале войны — рядовой, в конце войны — лейтенант.

Награжден орденами «Отечественной войны» и «Красная Звезда», медалями «За освобождение Ленинграда», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

В конце января 1945 года под Мемелем (Клайпеда) я находился в 252 с.п. на НП командира батальона майора Царегородцева. Нам пришлось отбивать психическую атаку немцев, прорвавшихся с правого фланга, где должна была находиться штраф-

ная рота, которая без предупреждения была снята на другой участок. Немецкое командование узнало об этом и решило нас сместить с участка обороны путем обхода с фланга. Но, благодаря тесному взаимодействию наших частей и вызову мной по радиации огня гвардейских минометов «катюш» на себя, мы сумели отбить атаку немцев и вытеснить их с участка нашей обороны. Нам пришлось в тот день защищаться и от своих, так как в тыл было передано, что высота, на которой мы находились, занята немцами. Я хорошо помню, как артиллерия полковника Чапаева (сына Чапаева В.И.) вела огонь по нашим позициям. Это было что-то ужасное. Но после установления связи с подразделением минометов «катюш» и сообщения наших координат, стрельба по позициям батальона прекратилась.

ФИЛИМОНОВ ИВАН ГАВРИЛОВИЧ

Здравствуйтесь, уважаемая Валентина Николаевна!

Извините за беспокойство, но мне, кроме Вас, никто не ответит, да и писать не знаю кому, так как адресов членов Совета ветеранов 70 с.д. я не знаю. С некоторыми однополчанами переписываюсь, особенно по 252 с.п., в котором мне пришлось служить в должности командира 3-го с.б.

Иногда держал меня в курсе дела Балашев А.Ф., хотя он и не служил в 70 с.д. Он сообщал все решения ветеранов 70 с.д., но в январе с.г. он ушел из жизни.

Также я вел активную переписку с Яценко А.Т. на протяжении почти семи лет и помогал ему по сбору материалов для книги. В поздравительной открытке к Новому году он сообщил мне, что его положат на лечение, так как он стал плохо видеть, трудно ходить и еще какие-то болячки. Поэтому я не стал его беспокоить. Вот уже более двух месяцев от него нет вестей. Не знаю, что и подумать.

Теперь, Валентина Николаевна, вся надежда на Вас.

У меня предвидится возможность в мае месяце с.г. побывать в Москве и посетить музей 70 с.д., но я не знаю адрес музея. Приблизительно я те места знаю, так как мне приходилось бывать в деревнях Кутьино, Троицкое, Красная Пахра и др., но многое из памяти выветрилось. Я прошу

Вас выслать адрес музея 70 с.д. и как до него проехать с Казанского вокзала.

Москву я немного знаю, знаю и Московскую область, особенно Юго-Западную часть.

Так же прошу Вас сообщить, что нового в Совете ветеранов 70 с.д. Будет ли встреча ветеранов, когда и где?

Еще одна просьба. Состоит ли на учете ветеранов 70 с.д. младший лейтенант медслужбы Гусева Антонина Ивановна (москвичка), которая проходила службу в 252 с.п. в полковой медчасти. Как-то просматривал свои фронтовые записи, наткнулся на то, что Тоня мне делала перевязку после легкого ранения, и это подтолкнуло меня написать Вам и спросить о Гусевой.

Еще хочу спросить Вас, Валентина Николаевна, о Герое Советского Союза Барамзиной Татьяне Николаевне. Какой в музее 70 с.д. имеется о ней материал? Есть ли выписка из наградного листа, который был первоначально составлен в полку-дивизии? Или есть только выписка из указа Президиума Верховного Совета СССР от 24.03.1945г. о присвоении Барамзиной Героя Советского Союза?

У меня имеются различные сведения из газет и журналов о Тане, и все они противоречат друг другу. Также я получаю письма от однополчан, которые спрашивают: почему искажают правду о гибели Тани? Появились «очевидцы», которые никогда не видели Таню и не знают, при каких обстоятельствах она погибла, а пишут о ее подвиге. Мне сообщили, что версия о гибели Тани взята из воспоминаний Касимова И.И., Соломатина и Скворцова.

Да, Касимов мог ее помнить, и в бою, в котором Таня погибла, он принимал участие. Но только в начале боя. Вечером 4 июля Касимов И.И. был ранен в руку и выбыл в медсанбат. Вот что мне пишет Касимов: «...вечером, когда начался бой, меня ранило в руку, и мы с Егором-артиллеристом всю ночь искали медчасть». А ведь Таня погибла утром, на рассвете 5-го июля, и Касимов о гибели Тани мог узнать только позднее, уже находясь в медсанбате. Бой-то шел

с перерывами почти всю ночь. Есть замечательная дагестанская пословица: «Всякая ложь может показаться правдой, если в нее поверят много людей».

Командир взвода старшина Соломатин в ночь с 4 на 5 июля находился в 10–12 км от места боя под Студенкой и в бою не участвовал, у него была другая задача. В батальон он прибыл после боя утром, где-то в шестом часу, и сразу же начал кормить людей и выдавать боеприпасы.

Утром батальон получил приказ продолжить движение в направлении Волма. Бой шел в деревушке Шеметово в 4-х км западнее Пекалина, а не в Пекалине, как пишет Касимов.

Соломатин видел мертвую Таню, и он же получил приказ похоронить убитых, в том числе и ее. Тут же подошли местные жители, которые помогли похоронить погибших. 3-й батальон в этом бою потерял 18 человек, из них убитыми 6–7 человек и несколько артиллеристов.

Я немного знаком с воспоминаниями Касимова. Он пишет: «...весь третий батальон погиб и в живых никого не осталось». Из этого ясно, что он все преувеличил и надумал. После этого боя батальон в составе 252 с.п. под моим командованием форсировал р. Неман, захватил плацдарм, удерживал его в течение 2 суток и дошел до границы восточной Пруссии.

Почему же организаторы музея (они молодцы и хвала им) не спросили непосредственных участников боя в Шеметове, где погибла Таня? Почему не спросили меня — командира 3 батальона, организовавшего проведение боя в Шеметово и отвечающего за исход боя? Не было надобности? Вряд ли. Ведь последнее время в обороне и в период наступления Таня все время находилась у меня на глазах, и погибла-то она в 15 метрах от командного пункта батальона, где я находился.

В период наступления в 3 батальоне были три девушки: Таня Барамзина, Маша Путилина (ком. взвода снайперов) и Катя Баранова. Маша и Катя живут и здравствуют по сей день. Ведь Катя Баранова тело Тани накрыла шинелью. Почему же их никто не спросил? Не надо было ограничиваться одним вымыслом Касимова. У меня сохранились записи тех дней и другие материалы.

Вот все, что я хотел Вам написать. Извините за столь длинное письмо и за беспокойство. Надеюсь и заранее благодарен буду Вам за ответ на данное письмо.

2 апреля 1987г.

ШАНИН ФЕДОР СЕРГЕЕВИЧ

Место жительства: г. Иркутск.

На фронте с ноября 1941 года, в 252 с.п. 70 с.д. с декабря 1943 года по 20 ноября 1944 года в должности помполита.

Немало пришлось мне пройти фронтовыми дорогами. В первые дни войны на Юго-Западном фронте в составе 291 а.п. (за бой с танковой группой

немецкого генерала Клейста в ноябре 1941 года переименован в 43 гв. артполк). После госпиталя был в 195 запасном, а в декабре 1943 года прибыл в состав 252 с.п. 70 с.д. Находясь в 3-м батальоне, исполнял обязанности помполита, повсюду наблюдал крепкую солдатскую дружбу и взаимовыручку среди солдат и офицеров независимо от национальности. Эта солдатская дружба явилась существенным фактором нашей победы над таким сильным и коварным врагом, каким был германский фашизм.

Вспоминая события военных лет почти сорокалетней давности, в памяти до мельчайших подробностей сохранились события того периода. Особенно незабываема память друзей, с которыми приходилось вместе переживать фронтовые невзгоды и радости удач. Тяжело переживали гибель товарищей. Даже сейчас, когда прошло столько лет, нельзя без волнения, без глубокой скорби вспоминать о погибших товарищах.

Перед нашим наступлением в Белоруссии 23–24 июня 1944 года в батальон прибыло пополнение. Знакомясь с прибывшими товарищами, я узнал, что среди них были двое из Башкирии, где до войны я работал учителем. Эти веселые и симпатичные парни из Исянгулова много рассказывали о своей сельской жизни. Между нами с первого дня установились дружеские отношения. К сожалению, за давностью времени фамилии их я забыл, да и звали-то мы друг друга по имени: одного звали Кирилл, а другого — Ким.

Прорвав оборону немцев в районе города Горки, наше соединение успешно преодолело водную преграду — Днепр, преодолевая сопротивление противника, в первых числах июля находились в районе Минска. Вспоминаю: наш 3 батальон завязал бой с немецкой колонной,двигающейся также на Минск. В этом бою погиб наш товарищ Кирилл. Мы были глубоко потрясены утратой товарища. С Кимом мы вместе продолжали боевой путь. А когда под Клайпедой немцы перешли в контратаку и, на стыках нашей части и соседней, прорвались в тыл нашим батальонам, мне было приказано прорваться к своим батальонам и обеспечить их боеприпасами, которые, как сообщили из батальонов, были на исходе. Для выполнения этого ответственного задания я взял с собой моего друга Кима, зная, что он не подведет.

Задание мы выполнили. Просочившиеся фашисты к утру этой же ночи были выбиты.

Это было числа 18–20 ноября 1944 года. На второй день меня вызвали в штаб полка, поблагодарили за выполнение задания и предложили ехать в Москву в Военно-политическое училище, которое я успешно окончил в июле 1945 года. По окончании училища я был направлен на Восток, где шла война с милитаристской Японией.

После войны я работал на партийной работе; в геологических партиях, а в 1967 году был избран секретарем Восточно-Сибирского территориального комитета профсоюза геологов. С 1975 года на пенсии. Часто выступаю в школах в дни празднования Победы.

ЯНКОВ НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВИЧ

09.09.1923 года рождения, место жительства: г. Томск.

Воевал с января 1942 года, с октября 1943 года по июль 1944 года в 252 с.п. в должности помощника командира взвода, командира взвода, звание в начале войны рядовой, затем старший сержант. Дважды ранен.

Награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».

В июле 1944 года за городом Борисовом в лесу мы были посажены на автомашины с пушками 76-мм на прицепе и заброшены в тыл отступающему врагу. Перерезав большак (дорогу), мы вели с фашистами бой с 4 утра до 16 часов, задержали его на 12 часов, а подоспевшие танки разгромили эту

наступающую группу. Наш своеобразный десант в основном погиб, но враг не прошел. Здесь я и был ранен вторично за войну.

ЯЦЕНКО АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВИЧ

Умение — главное для жизни и борьбы

Уменье, по толковому словарю В. Даля, — способность, опытность, знание, усвоение дела, работы. «Без умения и лаптя не сплетешь» — гласит народная поговорка. «Не силой города берут -уменьем» — вторит та же мудрость. Уменье было главной отличительной чертой и душой в книге «Наука побеждать» нашего великого русского полководца А.В. Суворова.

Именно такое понимание значения этого слова я усвоил с детства, родившись в рабочей семье и воспитавшись в рабочем коллективе завода им. Дзержинского в г. Днепродзержинске Днепропетровской области. Таким я пронес его через всю жизнь.

Где бы я ни находился, каким бы делом ни занимался, всегда и во всем на первое место ставил умение, пополнение знаний, усвоение опыта, накопленного в каждом деле, работе, чтобы как можно успешнее справиться с порученным участком работы, добиваясь высоких конечных результатов. При этом стремился не только совершенствовать свое личное умение, но вовлекать и добиваться того же от всех кто был вместе или рядом со мной, включая и большие коллективы, которые мне доводилось возглавлять, действуя по принципу — «Делай, как Я!»

Так это было в бытность моей работы слесарем-монтажником, бригадиром и инструктором слесарного дела, студентом ВУЗа и комсомольским работником, курсантом военного зенитно-артиллерийского училища, командиром артподразделений, военным комиссаром артполка и стрелковой бригады, командиром стрелкового полка, военным комиссаром уезда, района, области, автономной республики и края. Таким оно остается и по сей день моей более чем 50-летней активной деятельности в рядах КПСС.

В подтверждение сказанного хочу привести прежде всего несколько эпизодов из боевых действий 252 стрелкового Ковенского ордена Суворова полка, командиром которого мне довелось быть со времени его формирования (апрель-июль 1943 года и до окончания войны).

Прибыл я в полк, имея некоторый запас умения, полученного из опыта почти двухлетних боевых действий.

Начал я войну в первый ее день, будучи заместителем командира по политической части, а затем комиссаром 72 а.п. 11 с.д., в районе п. Рассейняй Литовской ССР, куда мы выдвигались из г. Нарвы Эстонской ССР для занятия второго оборонительного рубежа в предвидении войны с фашистской Германией. Ночью с 21 на 22 июня 1941 года и в течение всего дня 22 июня мы подвергались бомбовым ударам фашистской авиации, находясь на марше к назначенному рубежу обороны.

Первый оборонительный рубеж дивизия и наш артполк заняли у д. Шауленай Рассейняйского уезда. И сложилось так, что с этого рубежа и, по сути, до конца войны части и соединения, в которых я действовал, не знали разгрома или поражения, в полном смысле этого слова. Нам удалось сразу же разгадать многие тактические приемы немецко-фашистских войск: вести бои по разработанному плану, шаблону, строго придерживаться распорядка дня, действовать вдоль дорог, избегать лесных массивов. Широко использовать авиацию с психологическим воздействием на нас, а также танки, автотранспорт, мотоциклы, автоматическое оружие со стрельбой по площадям разрывными пулями с той же целью. Стремительно двигаться вперед, не обращая внимания на медленно двигавшиеся части отступающих (т.е. наших войск), оставляя их в тылу, в окружении для уничтожения или рассеивания последующими эшелонами наступающих. От нас они организованных и тем более инициативных, нешаблонных действий не ожидали и недооценивали их, чем мы пользовались, накапливая боевой опыт и умение.

Наша 11 с.д., участвуя в активных оборонительных боях, под напором превосходящих сил организованно отступала через всю Литву, Латвию, Эстонию до Ленинграда, где в составе всех войск фронта сумела не только устоять,

но и внести свой вклад в завоевание этим славным городом почетного звания город-герой.

Имея боевой опыт, будучи награжденным орденом «Красная Звезда» за проявленные мужество и стойкость в боях под м. Пыльтсамо Эстонской ССР и Кингисеппом Ленинградской области, я был вызван из блокадного Ленинграда в Москву и получил назначение комиссаром 123 с.б. Вместе с полковником Коноваловым мы ее сформировали, и я участвовал в завершающей стадии разгрома немецко-фашистских войск, отступающих от Москвы, в районе г. Сухиничи-Жиздра.

После упразднения института военных комиссаров я был направлен на курсы «Выстрел» в г. Солнечногорск (по моей просьбе). Здесь под руководством опытных специалистов военного дела обобщали боевой опыт и подводилась под него научно-теоретическая база организации и ведения различных видов боя в масштабе стрелкового полка и батальона.

По окончании курсов «Выстрел» мне было присвоено воинское звание подполковник, я был старшим батальонным комиссаром. Затем я был назначен командиром 252 с.п., который сформировали на базе батальонов 146 и 47 с.б. в районе деревень Литвиново, Ястребово, Воскресенское Калужского района, в 20 км от г. Калуги.

В период формирования, сколачивания полка, а также всего времени боевых действий большие усилия сосредоточивались на политическом воспитании и военном обучении каждого воина, всех подразделений и полка в целом с самым широким использованием боевого опыта и инициативы. Эту работу мы проводили повсеместно, используя самые короткие передышки и возможности, даже в движении, при перемещениях или преследованиях противника, усиливая ее при подготовке к выполнению ставившихся боевых задач.

Ближайшими моими помощниками и соратниками, обладавшими также хорошими знаниями и опытом по руководству коллективами, в организации и ведении боя в современной войне явились:

— майор Литовских Кузьма Степанович — заместитель по строевой части, а в период моего нахождения в госпитале после ранения — командир полка. Смелый, с большим жизненным опытом и умением работать с людьми, возглавлять коллективы; военная выучка была недостаточная, но душевный человек и способный работник. По возвращении меня из госпиталя был отозван в штаб 33 Армии, где работал в отделе кадров. Был уволен в запас в сентябре 1945 года и ЦК КПСС направлен на руководящую партийную работу — секретарем ГК КПСС на Украину и Урал. В настоящее время персональный пенсионер, живет в Перми.

— майор Торгашев Иван Павлович — заместитель по политчасти, неутомимый организатор политико-воспитательной работы, душа полка, смелый, выдержанный и самоотверженный работник. Убыл из полка в феврале 1945 года на Курсы высшего политсостава в Перхушково. К сожалению, умер в г. Риге, где последнее время служил начальником политотдела высшего авиатехнического училища в воинском звании полковник.

— майор Мороков Николай Григорьевич — парторг полка, стойкий проводник политики партии, боевой помощник И.П. Торгашева. В январе 1945 года

убыл на Курсы высшего политсостава, продолжая службу до 1953 года, уволен в звании подполковник, ныне живет в г. Москве.

— майор Берсенев — начальник штаба полка, составлявший со своими помощниками организующее начало всем проводимым в полку мероприятиям по боевому сколачиванию и обучению воинов. В августе 1944 года убыл на учебу. По окончании обучения был назначен в оперативный отдел 113 СК на Дальний Восток, где в 1951 году в звании подполковника уволен в запас из Порт-Артура. Его помощниками были: капитан Левин — ПНШ-1, прекрасный оператор и организатор управления боем; капитан Левин Николай Семенович — ПНШ-2, глаза и уши полка, организатор разведслужбы. После войны продолжал службу начальником штаба мотострелкового полка, уволен в 1953 году в звании подполковника, сейчас живет в г. Волгограде; старший лейтенант Попов Виктор — ПНШ-4, а также его правая рука и постоянный заместитель, заведующий делопроизводством штаба Полушин Аркадий Андреевич вложили много труда и старания по укомплектованию подразделений, учету личного состава и оформлению их боевых дел. Полушин А.А. живет ныне в г. Челябинске и работает в облОНО.

— капитан Попов Степан Иванович — заместитель комполка по артиллерии, стойкий и скромный, смелый и исполнительный командир, постоянно находился в артподразделениях на переднем крае, организовывал обучение, воспитание и обеспечивал выполнение боевых задач артиллеристами и минометчиками, сейчас живет в г. Киеве.

— капитан Руденко Петр — комбат-1. Жизнерадостный, смелый, решительный и инициативный командир, всегда и во всем оправдывавший свой первый номер, был награжден орденами Александра Невского, Кутузова III степени и Красного Знамени. Погиб в бою в районе д. Пекалин Смоленического района Минской области. После него комбатом-1 стал майор Иванов Сергей Иванович, достойный преемник по всем статьям, отличился в боях за города Клайпеда и Кенигсберг участием в ликвидации Зеемландской группы войск с выходом к п. Фишхаузен близ порта Пиллау. За личную храбрость и героизм, проявленные в этих боях, награжден двумя орденами Красного Знамени и присвоено звание Героя Советского Союза, сейчас живет в г. Ленинграде.

— майор Потехин Григорий — комбат-2, по сравнению с капитаном Руденко более уравновешенный и осторожный, но столь же решительный и исполнительный, также награжден орденами Красного Знамени и Кутузова III степени. С августа 1944 года убыл на центральные курсы повышения знаний, и связь с ним потеряна. После него батальон возглавлял майор Царегородцев, который отличился в боях за города Клайпеду и Кенигсберг. Связь с ним утеряна.

— майор Филимонов Иван Гаврилович — комбат-3, осторожный, рассудительный и несколько медлительный; исполнительный и знающий свое дело командир. Отличился в боях восточнее Минска и в районе г.Каунаса. В конце августа 1944 года направлен на курсы «Выстрел», по окончании которых продолжил службу на Дальнем Востоке. В 1951 году уволен в звании подполковника, ныне живет в г. Усть-Каменогорске Восточно-Казахстанской области.

— капитан Матвеев Георгий Константинович — начальник артснабжения полка, главный поставщик оружия и боеприпасов, организатор сбора и ремонта оружия как отечественного, так и трофейного. Играл очень важную роль

в боевой жизни и деятельности личного состава полка. В настоящее время живет в г. Магнитогорске.

Таков основной костяк руководящего состава полка, усилиями которого он цементировался эффективно организованным и повседневно проводимым воспитанием и обучением личного состава полка, поступающего в него пополнения, его сколачивания и воодушевления на достижение победы не числом, а умением.

Итак, несколько эпизодов из боевых действий 252 с.п. 70 с.д.

Первый бой — залог дальнейших успехов

Чрезвычайно важны знания, приобретенные в учебных классах, полях и на полигонах (стрельбищах), именно там закладываются основы, фундамент будущих успехов, побед. И это во всем как в обыденной жизни и деятельности, так и в армейской службе.

Но еще более важно — начало практической жизни, работы и службы, в том числе первый бой на полях сражения.

Исходя из этого, вместе со своими ближайшими помощниками мы прилагали большие усилия, чтобы хорошо организовать и во что бы то ни стало достичь успеха в первом бою, создать уверенность и убежденность в наших возможностях, в умении побеждать.

70 с.д. и в ее составе 252 с.п. после сформирования, напряженной учебы и сколачивания были введены в бой 7 августа 1943 года в районе г. Спас-Деменск на Западном фронте и при вводе в бой переданы из 21 Армии в состав 33 Армии.

Действовали мы во втором эшелоне и вводились в бой после прорыва главной полосы обороны немецко-фашистских войск. Наш полк двигался колонной за 68 с.п. в предвидении боевого развертывания. Поэтому я сам с ячейкой управления находился впереди за головным подразделением (походной заставой). Приходилось часто лично выдвигаться к разведчикам и собирать по крупицам информацию о поведении противника, положении дел в первом эшелоне и головном 68 с.п. нашей дивизии. Того же я требовал от штаба и всех других командиров подразделений полка.

Войдя в прорыв, пройдя уже очищенную всю первую полосу обороны противника, мы подошли к району Соболи-Починок с ключевой высотой 243,2, на которой противник создал промежуточный рубеж обороны и встретил наступающих сильным, хорошо организованным огнем.

Передовые части при прорыве главной полосы обороны с ходу не смогли взять этот рубеж, понесли большие потери и нуждались в приведении себя в порядок.

Пришла очередь вводить в бой нашу дивизию, что и было выполнено нашим главным 68 с.п., а остальные части дивизии подтягивались и сосредотачивались в большом лесу перед этим рубежом. Туда же подошли кавкорпус и другие части армии.

Во избежание неоправданных потерь мною был отдан приказ по подразделениям о рассредоточении. Всем было нужно вырыть щели, а также укрыть лошадей и тяжелое оружие (пушки, минометы, пулеметы). Сам же я, личный состав НП (наблюдательного пункта) и командиры батальонов с их ячейками управления выдвинулись вперед на опушку леса. Здесь на возвышенностях оборудовали НП, организовали разведку, особенно на правом фланге от рубежа развертывания. Приступили к наблюдению, изучению действий противника, занимавшего господствующую над всей местностью высоту 243,2, преграждающую дорогу на г. Ельня.

К концу дня по наблюдению и анализу данных разведки нам стало ясно, что, во-первых, противник занимал сильно укрепленную позицию с центром на высоте 243,2, не имея сплошной обороны. Его левый фланг (от нас справа) открыт, но опирается в большой труднопроходимый лесной массив, местами с мокрым лугом и заболоченными участками, куда выдвигались лишь его патрули. Во-вторых, перед высотой 243,2 и лесным массивом, уже занятым нашими войсками, на расстоянии до 3-х км -открытая местность — пашня, с высокой неубранной рожью, противником хорошо просматривалась и простреливалась из всех видов оружия. В-третьих, на опушке леса, занятого нашими войсками, по небольшим возвышенностям располагался наш рубеж развертывания с наблюдательными пунктами. Справа от выхода на этот рубеж также не было нашей организованной обороны. Эта местность прикрывалась конными разъездами и танковой бригадой, располагавшей лишь несколькими боевыми машинами, поставленными в засаду. В-четвертых, наступавшие в этом направлении наши войска первого эшелона понесли большие потери, откатились и приводили себя в порядок. Вместо них вводилась в бой наша 70 с.д., выдвинув вперед 68 с.п., который с ходу, не имея данных о противнике и не организовав разведку, в походной колонне прошел рубеж развертывания и двинулся через хлебное поле к высоте, где был встречен организованным, сильным огнем и контратакой противника. Он понес большие потери и беспорядочно откатился к рубежу развертывания.

Противник, разгадав сосредоточение в этом направлении большого количества наших войск, вызвал авиацию, которая в течение двух дней вела эшелонированную обработку рубежа нашего развертывания сосредоточенных войск в лесном массиве и помогла расстрелять боевые порядки наступающих на хлебном поле.

Складывалось тяжелое положение, особенно в 68 с.п., который потерял убитыми и ранеными почти половину своего боевого состава. Несли потери и другие войска армии, особенно сосредоточенные в лесу в ожидании ввода в бой.

Наблюдая с нашего НП всю указанную выше картину боя, мы с майором Иваном Павловичем Торгашевым (мой замполит) возмущались проявляемой неорганизованностью и поспешностью. Нам стало еще более ясно, что действовать в лоб на высоту по открытой местности, на что рассчитывает и к чему

хорошо подготовился противник, нельзя. Нужно применить маневр, бить противника так и таким образом, где и как он этого не ждет, к чему не приготовился.

Исходя из этого и имея задачу быть готовыми к вводу в бой за 68 с.п., мы усилили разведку и поставили ей задачу проникнуть в расположение противника справа от высоты и выявить возможности наших действий оттуда. Получив данные разведки и окончательно убедившись в возможности действовать в обход сильно укрепленной высоты, мы с майором Торгашевым И.П. отправились на КП дивизии, где с возмущением высказали недовольство действиями наших военачальников, приведшими к большим потерям и задержавшими движение вперед.

В это время у командира дивизии полковника Абилова находился командующий 33 Армии и с такой же, как высказали мы, оценкой действий дивизии, не выполнившей поставленную ей задачу.

Услышав наши высказывания и оценку, командующий приказал утром следующего дня взять высоту. В поддержку действий полка на период артподготовки командарм приказал направить всю артиллерию армии, а также назначил сильную артгруппу непосредственной поддержки.

С этим командарм уехал, а мы, получив нахлобучку от комдива, ушли к себе на НП организовывать бой, отдав по телефону предварительное распоряжение, в том числе и о сборе на НП всех нужных нам командиров и начальников.

Возвращаясь к себе на НП, мы окончательно согласовали план боя.

Торгашев И.П. с 1 с.б. капитана Руденко, как наиболее подготовленным, и полковой разведкой незамедлительно, укрываясь лесом, отправятся на исходный рубеж (в 3–4 км от НП вправо), где и проведут всю необходимую подготовку к наступлению ночью. Перед ними стояла задача: ночью преодолеть нейтральную полосу, затем лесом обойти высоту 243,2, зайти в тыл и фланг оборонявшихся немцев, выбрать и занять там удобный рубеж для атаки и после артподготовки, которая нам была установлена на 5.30 продолжительностью 30 минут, по сигналу с моего НП ракетами атаковать противника, нанеся ему главный и неожиданный удар. Связь с 1 с.б. устанавливалась нарочными и условными ракетами (радиосвязи у нас не было).

Я со 2 с.б. майора Потехина буду готовить наступление в лоб в направлении, где противник нас ждет и уже достиг немалого успеха. Но действия наши будут лишь демонстративными, отвлекающими, для чего выделялась одна рота (полнокровной до 150 человек боевого состава). Этим предполагалось ввести в заблуждение противника, а когда он завяжет бой с нашим 1 с.б., стремительно атаковать в лоб всеми силами 2 с.б., а если потребуется, то 3 с.б., который должен следовать во втором эшелоне за 2 с.б.

Командиром артгруппы к нам командующим был назначен командир артдивизии, наблюдательный пункт которого находился рядом с моим. Весь остаток дня и короткая летняя ночь ушли на подготовку к наступлению, согласованию и увязке взаимодействий.

Утром, примерно в 5.00 часов, когда взошло и всю осветило солнце, разведчики-наблюдатели моего НП доложили, что на высоте наблюдаются непонятные движения солдат и оттуда доносится редкая стрельба. Когда я рассмотрел внимательно о доложенном с помощью стереотрубы, то понял, что на

высоту ворвался наш 1 с.б., солдаты которого очищают от немцев траншеи (наших солдат, с накинутой сверху плащпалаткой, нельзя было не узнать). С моей оценкой согласился и командир артгруппы, которого я попросил не открывать огня по высоте, пока не получу сигнальных ракет. Однако было уже поздно. Вся артиллерия армии была не только нацелена, но и полностью приготовлена и в назначенное время — 5.30 открыла огонь, а наших солдат словно ветром сдуло, как оказалось, они использовали траншеи и укрытия немцев, где отсиделись во время артподготовки, не получив ощутимых потерь.

Когда закончился артобстрел, я доложил комдиву и в штаб армии, что высота нами взята и что я перемещаю на нее свой НП. Просил разрешения двигаться вперед, но не получил его. Было приказано закрепиться и отразить контратаки противника, видимо, не ждали, что так быстро и легко наш полк справится с задачей. Сообщили мне также, что командарм направляет ко мне представителя штаба для проверки действительности моего доклада (недостовверной казалась наша победа).

После этих переговоров я вместе со всем 2 с.б. двинулся к высоте, где добросовестно выполнил приказ об организации обороны высоты силами 2 и 3 с.б., а 1 с.б. выдвинулся все же вперед до 2 км по дороге на г. Ельня в места, где до этого находились тылы разгромленного батальона немцев, с задачей первым встретить контратакующих, если они предпримут ее.

Как оказалось, это выяснилось потом при встрече с комбатом-1 капитаном Руденко и моим замполитом майором Торгашевым, 1 с.б. не только скрытно проник во фланг и тыл оборонявшегося на высоте 243,2 усиленного пехотного батальона немцев, но провел тщательную разведку и установил следующее:

— немецко-фашистские войска, верные своей тактике и порядку ведения боя, создали сильно укрепленный район с различными противотанковыми заграждениями и тремя траншеями позиций пехоты;

— на обратном скате высоты были вырыты укрытия, где отдыхали подразделения, отводимые с траншей на ночь, а в траншеях оставались лишь дежурные огневые точки и наблюдатели;

— у противника, успешно справившегося с задачей удержания высоты и нанесшего значительный урон нашим наступающим частям, царили высокомерие и беспечность;

— на удалении около 2 км от высоты размещались тылы пехотного батальона противника со всеми необходимыми службами.

Собрав такие данные, командир 1 с.б. капитан Руденко, посоветовавшись с майором И.П. Торгашевым, будучи энергичным, сильным и решительным командиром, принял и осуществил дерзкое решение. Он не стал ждать, когда рассветет, что могло только усложнить положение батальона, направил одну роту к тылам противника, а с двумя ротами и разведвзводом полка бесшумно снял часовых возле землянок и блиндажей противника, внезапным ударом уничтожил спящих немецких офицеров и солдат, с тыла вышел на высоту, где завершил свои действия уничтожением дежурных сил и средств еще до наступления света и артподготовки.

В это же время рота прикрытия должна была расправиться с тылом оборонявшегося противника.

Сообщить об этом решении не смогли, так как, пока нарочный в обход добирался до меня, все уже было сделано, и доклад я получил, находясь на высоте.

Прибывший ко мне на высоту представитель штаба армии убедился в правдивости моего доклада о выполнении задачи и организации обороны высоты, о чем доложил по телефону командующему армией, который потребовал меня к трубке и сказал: «Спасибо за службу, моли бога, что так легко тебе удалось достичь победы, тебе была уготована большая неприятность за хвастовство и негативную оценку действий вышестоящих начальников, но победителей не судят».

После этого, через несколько часов, мы стали свидетелями резко двинувшихся вперед кавкорпуса и всех других войск армии.

Наша дивизия была вновь передана в состав 21 Армии и тоже двинулась вперед. К вечеру мы услышали по радио, что был взят г. Ельня, а затем в приказе Главнокомандующего упомянуто и наша армия.

Таким образом, уменьше, хорошо продуманные и организованные действия, основанные на знании и опыте бить противника там, где он не ждет, и так, как он того не знает, ведут к успеху и победе. Тем более важно это было для первого боя вновь сформированной части.

Этот бой был самым важным, явившимся залогом к успешным действиям в дальнейших боях, тем более что изгнание вероломно вторгшихся немецко-фашистских полчищ только развертывалось. Предстояли еще многие и тяжелые сражения.

Форсирование реки Десна — закрепление успеха

Продолжая успешное наступление общим направлением на райцентр и ж.д. ст. Починок, 252 с.п., находясь в авангарде дивизии, подошел к р. Десна. Это была неширокая, но довольно серьезная преграда, брать которую с ходу было очень сложно, так как мы не располагали какими-либо переправочными средствами. Немцы же, отходя, заблаговременно подготовили на ней промежуточный рубеж с хорошо организованной системой огня обороны и различного рода заграждениями.

Двигаясь по основной дороге, ведущей к мосту через реку, мы одновременно вели разведку не только по основному маршруту, но и на флангах, особенно слева, за который на нас возлагалась ответственность.

На подходе к реке по основному маршруту кончался лес, шла открытая местность на расстоянии более 2 км. При выдвигении из леса разведка была обстреляна не только боевым охранением, располагавшимся перед мостом, но и с противоположного высокого берега реки, где находились основные силы противника.

В то же время разведгруппа, двигавшаяся левее, сообщила, что она не встретила гитлеровцев, подошла к реке по густому лесу, сильно заминированному и занимавшему большую площадь — более 5 км вдоль реки и до 1 км шириной, росшему на возвышенности, образовавшейся от наноса ветром песка (дюны).

Получив такое сообщение, я немедленно с группой командиров отправился туда, поставив задачу 2 с.б. вести разведку и готовиться к наступлению по основному маршруту через мост.

Тщательно осмотрев на месте то, что сообщила разведка, мы установили, что гитлеровцы не ждут нас в этом районе, так как река здесь глубокая, лес на подходе к ней сильно заминирован и установлены различные «сюрпризы», грунт песчаный, отсутствуют дороги — все это делало невозможным скрытно подвести переправочные средства и провозить тяжелую технику. На противоположном берегу мы не увидели подготовленной обороны, берег был высокий, близко к берегу подходил густой лес, отсутствовали дороги.

Было решено скрытно по лесу перевести основные силы полка (боевые подразделения) в этот район. Использовать всех саперов, включая приданных на усиление, для расчистки двух проходов к реке (для пехоты и артиллерии полка). Также подготовить плотики для ночной переправы через реку из расчета не менее 3-х на роту (батарею). Тщательно проинструктировать всех командиров и солдат о скрытности и строгой дисциплине, чтобы не выдать намерений и замысла, а 2 с.б. нарочито открыто с русской небрежностью вести подготовку к наступлению на мост.

Уже имея опыт обхода высоты 243,2, подразделения полка (1 с.б. и др.) выполнили поставленные задачи четко и в срок. Мы же с разведчиками и штабными командирами вели тщательное наблюдение за берегом противника, размечали пути движения, составляли расчет на переправу. И определяли задачи подразделения, которые сводились к тому, чтобы, переправляясь одно за другим, подразделения прикрывали главные силы как слева, так и прямо по фронту от возможных внезапных атак гитлеровцев. Разведчики должны были не только быть впереди и информировать об обстановке, но и бесшумно снять патрули немцев и быть проводниками главным силам для выхода в тыл и фланг узла обороны гитлеровцев у моста.

Все действия должны были проходить ночью, когда немцы основными силами обычно отдыхали.

Тщательно разработанный план был полностью и с большим старанием выполнен. Ночью мы скрытно подошли к реке, форсировали ее на плотиках, сосредоточились и на рассвете стремительно ударили во фланг и тыл немецкой части, оборонявшей район моста и основную дорогу, обратив немцев в бегство. В то же время 2 с.б. атаковал боевое охранение немцев перед мостом, сбил его, овладел мостом, не дав его взорвать, и присоединился к главным силам полка, начавшим уже преследование отступающих.

После небольшой задержки, использованной для отдыха и подтягивания тылов, главные силы дивизии продолжили движение на запад.

За эти действия, суть которых заключалась в том, чтобы появиться там, где тебя не ждет противник, широко использовать маневр, скрытность и стремительность ударов, я лично был награжден орденом Суворова III степени, а командиры батальонов капитаны Руденко и Потехин — орденами Кутузова III степени. Это полководческие ордена, которыми награждались командиры: орденом Суворова — от полка и выше, орденом Кутузова — от батальона и выше — за умение организовать бой и побеждать с наименьшими затратами сил и средств, то есть действовать по-суворовски, по-кутузовски.

Орденами и медалями были также награждены многие солдаты, сержанты и командиры.

Это были первые награды в составе вновь сформированной 70 с.д. и поэтому особенно дороги. Они укрепили репутацию коллектива полка как самого сплоченного, способного и надежного в дивизии, ему всегда ставили наиболее сложные и трудные задачи.

**Подготовка и прорыв долговременной обороны противника.
Освобождение городов Горки и Шклов с форсированием реки Днепр.
Признание умения**

Начиная от р. Десна до глубокой осени мы вели наступательные бои, сбивая немецко-фашистские войска на разных промежуточных рубежах обороны, вплоть до выхода к п. Ленино Горецкого района Могилевской области, где вошла в бой и получила боевое крещение Польская дивизия им. Т. Костюшко. Нашей дивизии, и полку в частности, довелось быть ее соседом слева — вести тяжелые бои с превосходящими силами немецко-фашистских войск, подтянувших свои резервы и предпринявших все, чтобы удержаться на р. Проня и подступах к ней.

Для нашего Западного фронта наступила оперативная пауза, требовалась большая перегруппировка и подготовка войск для нового наступления, освобождения Белоруссии и Прибалтики с выходом к границам нашей Родины.

Наша дивизия вошла в состав 49 Армии и также перешла к обороне. Нам был определен участок на рубеже д. Блажки — м. Морозово — с. Соколово Горецкого района Могилевской области, где полк простоял с ноября 1943 года до июня 1944 года. Мы всемерно совершенствовали оборону, вели активную разведку, уточняя группировку и замыслы противника. Но главные усилия прилагались к боевой и политической учебе и подготовке к предстоящему наступлению с прорывом сильно укрепленной долговременной обороны противника, что значительно сложнее, чем действия на промежуточных рубежах с применением широкого маневра и элементов внезапности, всегда приносившие успех.

В с. Соколово жителей не было (отселились за 25-км полосу), все оно уцелело и противником не просматривалось. В нем мы расположили штаб полка, резервные и другие боевые подразделения. Оборудовали баню, общежитие, клуб и столовую для бойцов размещавшихся подразделений. Поочередно выводили роты, а иногда и батальон на отдых (по 10 дней на роту), мыли в бане, сменяли белье и обмундирование, проводили занятия по боевой и политической подготовке, а также обеспечивали спокойный сон и культурный отдых с самодеятельностью.

Для офицерского состава было оборудовано офицерское собрание с литературой, настольными играми и отдельной кухней, где частенько готовились сибирские пельмени под руководством майора Торгашева И.П. — он из Томска родом и хорошо знал эту премудрость.

В этом периоде боевой жизни полка, в подготовке к прорыву долговременной обороны противника, необходимо отметить:

во-первых, полк нес боевую службу по охране и обороне отведенного участка, была создана и все время совершенствовалась глубоко эшелонированная оборона, которая позволила бы успешно отражать атаки противника, если

бы он их предпринял, а также являлась хорошим рубежом для скрытого развертывания новых частей наших войск при переходе в наступление;

во-вторых, в полку был хорошо укомплектованный и сколоченный взвод разведки, который вел большую, напряженную работу по установлению и уточнению данных о противнике, расположении его огневых средств и укрытий. Часто совершая рейды на позиции противника, систематически снабжая нас ценными и очень нужными сведениями, приводя пленных и даже проникая в глубь вражеской территории, разведчики встречались с партизанами. О действиях разведчиков полка, особенно об одном из них, сержанте Аметбеке Нисамбекове из Казахстана, который в этом районе нашей обороны во время выполнения боевого задания был тяжело ранен, лишился зрения и правой руки, но выжил, вернулся в свою семью и долго работал в своем родном районе на ответственной работе в социальном обеспечении, по поручению ЦК комсомола Казахстана написана полная драматизма повесть с названием «Мы не прощаемся, жизнь!» — автор Самуил Гельфанд и соавтор — бывший парторг полка майор Мороков Николай Григорьевич, который был душой разведчиков и помог автору собрать хороший, добросовестный материал. С этой книгой необходимо познакомиться, что поможет понять и представить тот настрой, который создавался и поддерживался среди личного состава полка;

в-третьих, в полку был взвод снайперов-девушек, который также сыграл большую роль, нанес немалый урон фашистам-захватчикам и своими подвигами вошел в историю.

Началось с того, что в полку успешно воевал снайпер Григорьев Илья Леонович, который ловко маскировался, мужественно выслеживал на позиции гитлеровцев и самоотверженно уничтожал их. За время боев в полку его счет убитым гитлеровцам с каждым днем рос и к апрелю 1944 года был доведен до 300, а сам Григорьев И.Л. от рядового бойца вырос до старшины. О его подвиге подробно писалось в армейской и фронтовой газетах, а после 301 убитого гитлеровца по указанию члена Военного Совета армии ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

К этому времени Центральная школа снайперов в г. Подольске Московской области выпустила очередную группу снайперов-девушек, двадцать человек из которых были направлены к нам в полк для изучения и использования опыта старшины Григорьева И.Л. Для лучшей организации их боевой службы и приобретения опыта мы создали в полку отдельный взвод снайперов, командиром которого назначили Григорьева И.Л., которому в связи с этим было присвоено звание младшего лейтенанта.

О подвиге этого «Знатного снайпера страны» (а ему такое звание присвоено) имеются публикации — автор Глуховский. Сам И.Л. Григорьев живет и работает в г. Москве, ведет большую военно-патриотическую работу, под развернутым Боевым Знаменем 252 с.п. (оно хранится в военно-историческом музее) ежегодно 9 Мая вручает переходящий приз ЦК ВЛКСМ команде победительнице в стрелковых соревнованиях.

Взвод девушек-снайперов многое сделал своей боевой деятельностью. Несмотря на то, что девушки только овладевали искусством снайпера в условиях боевой деятельности, они уже нагоняли страх на гитлеровцев на участке

обороны полка. Например, одна из них — Татьяна Николаевна Барамзина за короткое время убила 16 фашистов, ей было присвоено звание ефрейтора, а в дальнейшем она совершила бессмертный подвиг в районе г. Минска.

Отличились в боевых делах также девушки-снайперы: сержант Путилина (ныне Федина) Мария Павловна, ставшая помощником командира взвода, ныне живет в г. Туле; ефрейтор Минаева (Альберт) Мария Семеновна, живет в г. Мичуринске Тамбовской области; ефрейтор Баранова Катя — жива, адрес неизвестен; рядовая Скрипкина (Чистихина) Лариса Федоровна, живет в г. Серпухове Московской области; рядовая Васильева (Павлова) Валентина Борисовна, живет в г. Ленинграде; рядовая Осокина (Сахарова) Евгения Матвеевна, живет в Тамбовской области почтовое отделение Токаревка; рядовая Чуйкова (Кубсова) Надежда Петровна — живет в г. Благовещенске Амурской области; рядовая Бирко (Алейник) Серафима Исааковна — живет в с. Дзыговка Ямпольский район Винницкой области; рядовая Веретнева (Липчаковская) Мария Григорьевна, живет в г. Свердловске; рядовая Трегубова (Лемешко) Александра Андреевна, живет в г. Нерета Костромской области и другие.

Все время нахождения в обороне мы вели подготовку наступления на хорошо организованную долговременную оборону противника, отличавшуюся от той, что была раньше, — промежуточной, с поспешно занятыми рубежами обороны у противника. Для нас целью было освобождение территории нашей страны уже в 1944 году, для этого проигрывались различные варианты наступательного боя и преследования немцев. Но особенно активно начали подготовку в мае 1944 года с задачей наступать на город Горки, с выходом на реку Днепр, ее форсирования и овладения городом Шкловом.

По расположению линии фронта и его глубине было ясно, что мы (наш полк и дивизия) окажемся на второстепенном направлении при переходе в наступление Белорусских фронтов, так как наше расположение было на острие Горецкого выступа, наступление на который главными силами означало бы выталкивать противника, а не уничтожать его.

Главными направлениями вырисовывались и фактически были определены справа — Смоленск-Орша-Минск и слева — Гомель-Бобруйск-Минск с охватом и окружением крупной группировки немецко-фашистских войск восточнее Минска. В направлении Горки-Шклов и далее на Минск — наносить второстепенный удар, сковывать противника, не давать ему возможности снимать свои войска, втягивая их в кольцо окружения для уничтожения.

Так мы рассуждали, внимательно изучая линию фронта и возможные варианты наших действий в наступлении 1944 года. Все так фактически и произошло, когда 70 с.д. получила задачу для наступления.

Действия на второстепенном направлении особенно тяжелы тем, что достаточных средств усиления, как правило, наступающие не получают. Нам было совершенно ясно, что приобретенный полком опыт должен быть полностью использован, а главными козырями в нем были скрытность, внезапность и подвижность. Нужно появляться там, где и когда тебя не ждут, наносить мощный удар, не давая противнику опомниться. И мы стали думать, как поступить и лучше использовать приобретенный опыт в условиях наступления на город Горки. Также приходилось учитывать, что с позициями немцев нас разделял

глубокий и широкий овраг с крутыми спусками и подъемами на удалении по прямой чуть более 1 км. Остальная местность как у нас, так и у противника была открытая с небольшими складками и хорошо просматривалась.

Все это существенно усложняло применение маневра, скрытности и других действий, приносящих успех на второстепенном направлении.

Мы же придумали простой, но тяжелый вариант, требовавший высокой дисциплины и ответственности. Суть его состояла в том, чтобы ночью скрытно и бесшумно вывести головной батальон в овраг, подойти вплотную к заграждениям. Затем незаметно сделать проходы в минном поле и проволочном заграждении, но мин не извлекать и проходы в заграждении не раскрывать, а протянуть от них телефонный кабель и раскрыть проходы, когда первые цепи приблизятся к ним. Батальону закопаться и хорошо замаскироваться, ничем себя не обнаруживая, а когда рассветет, по сигналу с моего НП стремительно атаковать, овладеть всей первой позицией противника и закрепиться для ввода второго батальона и расширения прорыва. Мы уже хорошо изучили расположение гитлеровцев, всю их огневую систему и порядок несения боевой службы, чем и пользовались, определяя план боя. Вся артиллерия полка должна быть выдвинута на передний край для стрельбы прямой наводкой, чтобы накрыть первым же залпом все огневые точки противника, пока первые взводы атакующих преодолевают препятствия, а затем перевести огонь в глубину на вторую и третью траншеи.

Для выполнения этого замысла в первый эшелон выделялся 1 с.б. капитана Руденко, как наиболее способный и опытный, доказавший это в предыдущих боях. Все это заблаговременно обдумывалось и намечалось в штабе полка.

Когда была получена задача на наступление, нам стало известно, что 252 с.п. назначался головным в действиях дивизии направлением на города Горки — Шклов и что главную задачу армии — сковать противника доверяли нам. Тогда мы вывели 1 с.б. из обороны, оборудовали у села Соколово рубеж на высоте, похожей на занятую противником, и начали усиленно тренироваться (каждый взвод и роту — комбат со специалистами полка, а затем я со штабом полка и замполитом майором Торгашевым И.П. — батальон в целом). Убедившись, что все хорошо поняли задачу и настроились на успешные действия, батальон возвратили в траншеи и расположили на исходном положении для наступления, где уже на местности окончательно уточнили все детали предстоящего боя, доведя их до каждого бойца, отделения, взвода и роты.

Наступление по всему фронту началось 22 июня 1944 года, артиллерийская канонада и гул от нее доносились до нас и воодушевляли. Но у нас было тихо и спокойно, 1 с.б., как и предусматривалось планом, ночью вышел в овраг, расположился на скате со стороны противника, окопался и замаскировался так хорошо, что даже мы со своего НП очень слабо его различали и то только потому, что знали, где и как он размещался. В намеченное время мы прямой наводкой открыли огонь с основных позиций, а батальон открыл проходы и стремительно, неожиданно для гитлеровцев, ворвался в их траншеи и нещадно расправился с противостоящими подразделениями, овладел всеми тремя траншеями первой позиции (да так, что ни одного живого гитлеровца не осталось), хорошо закрепился и приготовился к отражению контратак. Из-за его левого

фланга затем развернулся второй батальон и тоже выбил гитлеровцев с их позиций, вплоть до м. Морозово.

Все это произошло буквально молниеносно, а затем дружно начали отражать контратаки гитлеровцев, которые бросали в бой все свежие и новые подразделения, стремясь любой ценой задержать наше наступление.

Мы же сосредоточенным огнем артиллерии и минометов (в том числе подчиненной армии) накрывали контратакующих. Пехотным же огнем добивали их, перемалывая живую силу и технику противника, расширяя и углубляя достигнутый прорыв в их обороне, не дали им перейти на главное направление наступления нашей армии.

С утра 25 июня 1944 года по поведению и огню противника мы поняли, что немцы будут отходить с этого рубежа, они беспорядочно расстреливали скопившиеся мины и снаряды, не предпринимая никаких действий пехотой. Наши наблюдения и оценка подтвердились и были использованы командованием дивизии для организации преследования.

Наш 252 с.п. уже во второй половине дня 25 июня приготовился и к вечеру перешел в стремительное наступление. Шли в обход города Горки в направлении Задорожье-Саньково-Лихачево и далее на Ржавцы и Шклов, чтобы отрезать пути отхода гитлеровцам из г. Горки, чем облегчить действия 68 и 329 с.п., наступающих прямо на г. Горки, а также максимально сохранить город и его жителей.

27 июня 1944 года полк вышел к реке Днепр, а утром 28 июня вместе с другими частями дивизии успешно форсировал его и овладел городом Шкловом. Как ближайшая, так и дальнейшие задачи дивизии были успешно решены.

К сожалению, в боях за город Шклов и форсирование реки Днепр, к чему я долго и упорно готовил полк, мне не пришлось принять непосредственного участия, так как в бою за город Горки я был ранен и отправлен в госпиталь, а полк возглавил мой заместитель по строевой части подполковник Кузнецов.

За успешные действия в районе города Горки, форсирование реки Днепр и овладение городом Шкловом нашей 70 с.д. было присвоено почетное звание «Верхнеднепровская».

Таково было начало второго этапа наступления войск Белорусских фронтов и участия в нем нашей 70 с.д. и 252 с.п. с целью изгнания немецко-фашистских захватчиков с земли нашей Родины.

Оно свидетельствовало о возросшем мастерстве и творческом использовании приобретенного опыта, умении организовать и вести бои в условиях, сложившихся в этой войне.

Боевые действия 70 стрелковой дивизии. Март-апрель 1945 года Подготовка к штурму Кенигсберга

70 с.д. во главе с командиром дивизии полковником Красновским Серафимом Адриановичем после овладения г. Клайпеда и косой Курише-Нерунг к 01.03.1945г. была возвращена в составе 43 Армии и сосредоточена в районе г. Кранца /ныне Зеленоградск Калининградской области/.

Утром 03.03.45, в связи с прорывом противником обороны 325 с.д. 103 с.к. на рубеже Побете-Каршау, дивизия была поднята по тревоге, совершила

форсированный марш и с хода была введена в бой двумя с.п. /68 и 252/, которые, преодолевая сильное огневое сопротивление подразделений 113 МПП 551 п.д. немцев, в первый день боя остановили их наступление и отбили все их атаки.

В течение 04.03.1945г. подразделения 68 и 252 с.п. сломили сопротивление, окружили и уничтожили наступающего противника в районе роши, в 700-х метрах западнее высоты с отметкой 56,2, и полностью очистили Каршау.

Пулеметный расчет сержанта Ефремова по инициативе его командира выдвинулся вперед, оседлал шоссейную дорогу и стал как «кость в горле» у гитлеровцев, окруженных нашими полками, лишившими их маневра и возможности вырваться из все более сжимающегося кольца.

Попытки немецко-фашистских подразделений прорваться, выйти из окружения пресекались. Особенно яростными были атаки отборной группировки немцев /более 80 человек/, которая предприняла отчаянную попытку уничтожить отважный пулеметный расчет во главе с сержантом Ефремовым и вырваться из окружения.

Однако все их попытки прорваться были успешно отбиты.

Отважные пулеметчики при мужественном и умелом руководстве своего командира, удачно маневрируя и ведя губительный огонь с нескольких позиций, уничтожили более 40 немецких солдат, остальные разбежались, так и не прорвавшись из кольца окружения.

Воспользовавшись паническим состоянием лагеря противника и разразившейся сильной снежной пургой, 68 с.п. повел наступление и успешно овладел высотой с отметкой 56,2.

252 с.п. ночью, в условиях усилившейся снежной пурги /видимость менее двух метров/, стремительной смелой атакой обоими батальонами, с двух сторон атаковал господствующую в районе гору «Бисмарк» и овладел ею, чем завершил восстановление положения, ранее занимавшегося частями 325 с.д.

Особо отличился в этом бою с.в. 2 с.р. под командованием старшего сержанта Тимофеева, который вместе с принявшим участие в атаке заместителем начальника штаба полка капитаном Левиным Николаем Семеновичем, находившимся во главе наступавшего 1 с.б., обошел высоту, оказался на шоссейной дороге в тылу у противника, чем вызвал паническое бегство гитлеровцев, и без потерь овладел горой с разрушенным на ней памятником прусскому канцлеру Бисмарку.

Овладев высотой, полк закрепился на ней, оказался в наиболее выгодном положении, просматривая в ясную погоду всю глубину обороны противника вплоть до Кенигсберга, а также практически прервал движение по проходившим у подножия горы железной и шоссейной дорогам Кенигсберг-Раушево.

С этого начался первый этап в штурме Кенигсберга.

С 08.03 и до 22.03.1945г. дивизия всем своим составом занимала оборону в районе Далвенен — гора «Бисмарк» — господский двор Приллакен, где вела бой по улучшению позиций, совершенствовала рубеж обороны в инженерном отношении, усиленно вела разведку и боевую подготовку.

Наиболее яркими и важными действиями этого периода являлись:

— 252 с.п. занимал оборону на горе «Бисмарк», имея из приборов наблюдения морской трофейный дальномер, из которого хорошо просматривал

глубину обороны немецко-фашистских войск, вплоть до г. Кенигсберга. Пользуясь данными дальномера, вел сосредоточенный артиллерийский и минометный огонь по врагу, держал противника в напряжении, наносил ему большие потери и практически парализовал его передвижения, особенно в дневное время;

— разведывательные поиски на рубеже Далвенен-Приллакен, позволившие установить наличие в обороне двух батальонов 58 п.д., а также многие особенности их обороны: Далвенен является опорным пунктом с тремя пулеметами и одной 37-мм пушкой прямой наводки. Каждый дом превращен в маленькую крепость, подступы к которой заминированы, и каждый из них опутан колючей проволокой, в подвалах и нижних этажах сооружены по 4–5 амбразур с круговым обстрелом, поддерживается плотным огнем минометной и артиллерийской батарей. Установлен также режим несения службы в обороне рубежа: днем занимались все строения и дома; ночью гарнизон двух домов, оторванных от других, на окраине Далвенена, выводится в западную часть населенного пункта;

— исходя из данных наблюдения и поисковых разведок, командованием дивизии была поставлена задача 68 с.п. провести 16.03.1945г. разведку боем, овладеть Далвененом, захватить пленного и документы.

Для выполнения этой задачи командир 68 с.п. полковник Оноиченко П.Н. создал отряд в составе усиленной стрелковой роты под командованием старшего лейтенанта Бушуева, общей численностью в 65 человек.

Из этого состава были образованы:

- 1) группа разграбления и подрыва — 3 человека;
- 2) штурмовая группа — I-й с.в. роты и 5 разведчиков во главе со старшим лейтенантом Малкиным;
- 3) огневая группа — 2-й с.в. роты, два станковых пулемета пулеметной роты I-го с.б. полка и 76-мм орудием во главе с лейтенантом Головки Т.П.

Командир полка поставил перед отрядом задачу решительной ночной атакой овладеть Далвененом, захватить пленных и документы, закрепиться на западной окраине Далвенена и удержать его.

16.03.1945г. к 18.30 отряд под прикрытием тумана, примеряясь к местности, сосредоточился в домах на восточной окраине Далвенена, и в 18.50 после короткого 10-минутного огневого налета двух минрот и батареи 120-мм минометов полка по западной и центральной части штурмовая группа атаковала западную окраину Далвенена, овладела двумя крайними домами, но дальше продвинуться не смогла из-за губительного огня из остальной части города.

После непродолжительного огневого боя штурмовая группа отошла на исходное положение.

Командир отряда стар. лейтенант Бушуев и прибывшие к нему офицеры штаба полка, оценив обстановку, решили и выполнили маневр охвата противника с левого фланга, куда направили отошедшую штурмовую группу. Остальные действовали следующим образом: орудие открывало огонь по засеченным огневым точкам и должно было сделать 5 выстрелов с интервалом 2 минуты каждый. Пятый выстрел являлся сигналом атаки. Пулеметы по сигналу атаки сосредоточивали огонь длинными очередями по флангам. Стрелковый взвод огневой группы во взаимодействии со штурмовой группой по сигналу атаки стремительно атакуют в лоб.

По установленному сигналу дружной атакой с использованием всех видов оружия и гранат противник в 23.30 был выбит из Далвенена, им полностью овладела рота стар. лейтенанта Бушуева, захватив также подвал, в котором засела и отстреливалась группа гитлеровцев.

Уничтожить эту группу было поручено саперам во главе с прибывшим от штаба полка командиром саперного взвода младшим лейтенантом Кочерыгиным, которые тут же сняли несколько немецких противотанковых мин, Кочерыгин незаметно подполз, заложил мины к подвалу и взорвал.

Из подвала были извлечены и доставлены в штаб полка четверо оглушенных немцев, шестеро были сразу убиты, а двое получивших тяжелые ранения умерли.

Противник в Далвенене оставил 25 убитых, 3 пулемета, 13 винтовок, 20 автоматов и другие трофеи.

Наша штурмовая рота потеряла 3 человека ранеными рядовых стрелков и два разведчика убитыми.

На рассвете 17.03.1945 противник силою до 50 человек под прикрытием минометного огня перешел в контратаку в направлении выс. 64,8.

Организованным огнем пулеметов, залповым огнем винтовок и автоматов, а также минометных рот и батареи полка противник был рассеян и, оставив на поле 8 солдат убитыми, отошел.

18.03.1945г. в 3.00 /почти через сутки/ противник силою до 50 человек под прикрытием артиллерийско-минометного огня внезапно атаковал роту стар. лейтенанта Бушуева и потеснил ее, заняв западную окраину Далвенена.

В 7.30 утра 18.03.1945г. рота Бушуева, применив прежний маневр, дружной атакой вновь выбила немцев из Далвенена, при этом противник оставил убитыми еще 12 человек, был взят в плен один солдат.

Овладев полностью Далвененом и прочно закрепившись на этом рубеже, рота и полк выполнили поставленную задачу.

Так же успешно действовал разведотряд 252 с.п. в ночь на 18.03.1945г. севернее Приллакена с целью захватить безымянную высоту 1 км сев.-вост. Варенгена.

В отряд включались стрелковая рота 2 с.б., пулеметный взвод 2-й пульроты, отделение саперов, группа разведчиков, батарея 45-мм и батарея 76-мм орудий полка на прямой наводке — всего 70 чел. во главе со стар. лейтенантом Швецовым. Поддерживали отряд 2 дивизион 192 гв. арт. полка, батарея 120-мм минометов и две минроты полка.

Организация отряда была такой же, как и в 68 с.п., но с несколько более мощной огневой группой и включением в штурмовую группу еще 2-х орудий 45-мм.

В 5.00 18.03.1945г. отряд занял исходное положение, окопался, тщательно замаскировался и в 7.50 после 10-минутного арт-мин. налета, в том числе и орудий прямой наводки, стремительно атаковал высоту, охватив ее с обоих флангов, и вынудил противника отступить. Буквально через 30 минут боя высота была полностью очищена от противника, захвачены трофеи, документы и пленные.

В течение дня противник предпринял 6 контратак, которые были успешно отбиты с потерями для противника 38 человек убитыми.

Поставленная задача отрядом и полком была выполнена успешно.

Таким образом, находясь в обороне, 70 с.д. действовала активно: отбила у противника укрепленные населенный пункт и высоту, были взяты в плен 8 солдат, уничтожено только убитыми более 60 чел., оставшихся на поле боя, захвачено много оружия и другой техники.

Все это способствовало лучшему изучению противника, особенностей его обороны, боеспособности частей и подразделений, тактики в их действиях. Приобретался определенный опыт ведения борьбы в сильно укрепленных полосах обороны противника.

Кроме подготовки и проведения боевых действий, во всех подразделениях была организована и велась ежедневно боевая и политическая подготовка как с командным составом, так и с рядовым и сержантским составом, где более детально изучались особенности оборонительных сооружений противника с использованием данных разведки, а также получаемых из штабов армии и корпуса.

Из всех этих данных явствовало, что в системе обороны города Кенигсберга, кроме развитой системы траншей полного профиля по две-три в каждой позиции, противотанковых и противопехотных заграждений, ДОТов, ДЗОТов, различных площадок, укрытий и др., уже хорошо известных в обороне противника ранее, здесь, под Кенигсбергом, широко использовались еще и новые:

сплошное приспособление каменных домов, их фундаментов, подвалов и других построек для круговой обороны как долговременных, хорошо укрытых пулеметных и артиллерийских огневых позиций;

естественные и искусственные водные преграды, особенно широко применялись противотанковые рвы и канавы, заполненные водой, иногда глубиной до трех метров;

форты и промежуточные /между ними/ узлы обороны, опоясывавшие как внешние, так и внутренние оборонительные пояса вокруг города и внутри него.

Особенно тщательно изучались форты и промежуточные узлы обороны с взаимно увязанной системой огня в два и более слоя.

Обращено внимание на скрытое расположение фортов при наземном и воздушном наблюдениях /небольшое возвышение, полностью слитное с местностью, заросшее многолетними деревьями, с широко раскинувшимися кронами, тщательно укрывавшими их от воздушного наблюдения/.

Форт — выступающее вперед и развернутое по фронту шестиугольное сооружение /360x180 м/, окруженное противотанковым рвом, заполненным водой, до 25 м шириной и до 2,5 м глубиной с земляным валом. Имеет четыре капонира: один впереди /к противнику/, два по бокам и один с тыла, которые соединены между собой подземными ходами сообщения. Трехметровые стены капониров сложены из кирпича и скрыты под толщей земли, укрывающей их при попадании снаряда орудий большой мощности. В центре форта — трехэтажное кирпичное сооружение, в котором верхний этаж — боевой, средний — для размещения и отдыха гарнизона и нижний — для складов боеприпасов, продовольствия и других необходимых припасов. Как центральная часть, так и капониры имеют мощные бетонные перекрытия и толстый слой земли. Вход в форт осуществляется по перекидному убирающемуся мосту с мощными воротами и другими сооружениями.

Гарнизон форта насчитывает от усиленной пехотной роты до пехотного батальона со специальными артиллерийско-пулеметными подразделениями.

22.03.1945г. дивизия занимаемую полосу обороны на рубеже Далвенен-/иск./ — Прилаккен сдала частям 182 с.д. и сосредоточилась в районе роши зап. и вост. озера Таплякен — лес сев.-вост. Квандиттена, вошла в состав 90 с.к. и приступила к непосредственной напряженной подготовке к штурму города-крепости Кенигсберг, с учетом особенностей обороны и с целью успешного преодоления оборонительных сооружений в минимально короткий срок и с наименьшими потерями.

Прежде всего были решены вопросы организационной структуры от дивизии до стрелкового взвода и отделений.

В составе дивизии сохранялись все четыре полка /стрелковые 68, 252 и 329 и артиллерийский 227/ и все предусмотренные штатом части специального назначения / 94 ОИПТД, 65 ОРР, 64 ОСБ, 650 ОРС и тылы/.

В связи с тем, что пополнения людьми и техникой дивизия практически не получала, за исключением возвращавшихся из госпиталей и ремонта техники в мастерских, а в предыдущих боях в Восточной Пруссии все части имели ощутимые потери, было образовано в каждом стрелковом полку по два стрелковых батальона и сохранены все штатные подразделения специального назначения, включая артиллерийско-минометные, пулеметные, саперов, разведку, связь и тылы, но с ограниченным количеством личного состава.

В стрелковых батальонах — по две стрелковые роты численностью 80—100 чел. каждая, а в стрелковых ротах — по два-три взвода. В 227 а.п. сохранялись все три дивизиона с восьмью орудийными батареями.

Из указанного боевого состава и средств усиления /18 отдельный штурмовой истребительный батальон/ были организованы два штурмовых отряда и пять штурмовых групп.

Штурмовые отряды были организованы и действовали:

— в 329 с.п. на базе 3 с.б. во главе с командиром 3/329 с.п. капитаном Деметьевым А.А.

— в 252 с.п. на базе 2 с.б. во главе с командиром 2/252 с.п. майором Царгородцевым В.И.

Во 2/239 и 1/252 с.п. были организованы и действовали по две штурмовые группы на базе стрелковых рот, возглавлявшиеся командирами рот.

В 68 с.п. штурмовая группа была организована одна на базе 2 б., возглавлял которую зам командира батальона капитан Гнедин А.Д., что было связано с нахождением 68 с.п. в обороне позиции, отведенной дивизии для наступления.

Организация и действия штурмовых групп уже были испытаны дивизией при разведке боем и сохранены. В ее состав входили три группы: разграждения и инженерного обеспечения, штурмовая и огневая.

Штурмовые отряды имели в своем составе по две штурмовые группы, на базе каждой из рот усиленных штатными спец. подразделениями полка и приданных инженерных подразделений, возглавлялись они командирами рот.

В руках командира отряда-батальона, кроме того, имелись взвод автоматчиков, группа саперов 18 ОШИБ, взвод 36 отд. роты химзащиты дивизии, батарея 120-мм минометов полка и взвод 76-мм пушек дивизионной артиллерии на

прямой наводке, а также группа артиллерийской поддержки для более полного использования артиллерийского огня с закрытых позиций.

Большая работа велась по расстановке и укомплектованию организуемых групп и отрядов наиболее способными командирами и политработниками, коммунистами и комсомольцами для создания в них организаций, подбора парторгов и комсоргов, организации и ведения боевой подготовки, сколачивания каждого звена, целиком групп и отрядов, а также политической и воспитательной работы.

Боевая и политическая подготовка проводилась по специально разработанной программе под неослабным контролем командиров и их заместителей по политчасти, политотдела, штабов дивизии и полков.

Для каждого из полков были отведены учебные поля и населенные пункты, где по расписанию круглые сутки проводились занятия непосредственно на местности, в том числе и с боевой стрельбой.

Одновременно с этим усиленно готовились штурмовые мостики, лестницы, кошки и другие приспособления для преодоления препятствий, особенно рвов с водой, верхних частей в строениях и вторых этажей в домах.

В проведении политической воспитательной работы особое внимание было уделено:

— приему в ряды ВКП/б/ отличившихся в боях бойцов и командиров, например, принят кандидатом в члены ВКП/б/ млад. лейтенант Кочерыгин — командир саперного взвода 68 с.п., отличившийся в боях под Клайпедой и Далвененом; в члены ВКП/б/ принят стар. лейтенант Останин — командир минометной роты, отличившийся в бою за высоту 56,2, где его рота уничтожила более 80 гитлеровцев, и многие другие;

— широкому распространению боевого опыта, приобретенного в прошедших боях, и героических подвигов воинов дивизии, удостоенных звания Героя Советского Союза: майора Пилипаса, млад. лейтенанта Григорьева, ефрейтора Барамзиной, а также всей дивизии, удостоенной почетного наименования Верхнеднепровская и награжденной орденом Суворова, 329 с.п., награжденного орденом Красное Знамя и удостоенного почетного наименования Клайпедский и 252 с.п., удостоенного почетного наименования Ковенский;

— 227 а.п. было вручено боевое Красное Знамя взамен героически погибшего в бою.

Использовались и многие другие формы работы с коллективами и индивидуально, готовившими их к самоотверженной борьбе с фашизмом.

26.03.1945г. командир корпуса генерал-майор Седулин Эрнест Жанович собрал к себе всех командиров дивизий и полков в помещении г. Фуксберг у макета местности, где предстояло действовать 43 Армии, отдал приказ о наступлении и штурме города-крепости Кенигсберг, из которого стало известно:

— противник, имея три сильно укрепленных оборонительных рубежа и части, укомплектованные наиболее яркими фашистами, приложит максимум усилий к удержанию столицы Восточной Пруссии;

— перед корпусом оборонялись части 548 п.д. и 1 Кенигсбергский крепостной полк, которые занимают сильно укрепленный рубеж, прикрытый водными преградами и включающий в себя узлы обороны в Меттетене,

гросс-Фридрихсберге с системой опорных пунктов вокруг них, а также форты №6 «Королева Луиза» и №5А, и имеют задачу не допустить прорыва наших войск и отсечения города-крепости Кенигсберг от Земландской группировки немецко-фашистских войск;

— наши войска проводят операцию, общий замысел которой состоит в том, чтобы мощными и стремительными ударами с северо-запада 43 Армии и с юга II гв. Армии рассечь оборону противника, окружить и уничтожить гарнизон крепости.

Провести операцию планировалось в три этапа:

первый — завершить подготовку к штурму;

второй — прорвать первый оборонительный рубеж, овладеть узлами обороны вокруг города;

третий — окружить и штурмом уничтожить гарнизон крепости.

На весь штурм Кенигсберга отводилось пять дней.

— Перед нашим правофланговым в армии корпусом ставилась задача разгромить противника в мощных узлах обороны, изолировать город от порта Пиллау и войск на Земландском полуострове и овладеть его западной окраиной;

— Нашей 70 с.д. устанавливалась полоса наступления в границах, справа: Обер-Алькенен, Тренк, Транквиц, Гросс-Фридрихсберг, стан. Прегель / все исключительно для 70 с.д./; слева: выс. с отм. 40,0 гос. дв. Гальхефен, отм. 28,8, сар., пруд Филипс, Вильки, гос. дв. Иудиттен, треугольный сад один км сев.-вост. ст. Прегель /все пункты, кроме гос.дв. Гальхефен и отм 28,8 включительно для 70 с.д./. И ставилась задача — стремительной атакой прорвать оборону противника, овладеть опорными пунктами на выс. 21,0 Вильки, в дальнейшем наступать и овладеть фортом №6 «Королева Луиза», Иудиттенем.

— Сосед справа 26 с.д. нашего корпуса — наступать и овладеть узлом обороны на выс. 20,6, Гросс-Фридрихсбергом, в дальнейшем наступать и овладеть ст. Прегель, участками железной и шоссейной дорог западнее ее, соединиться с частями II гв. Армии, замкнув кольцо окружения города;

— Сосед слева 33 гв. с.д. 13 гв. с.к. — штурмом овладевает фортом 5А и в дальнейшем во взаимодействии с 54 с.к. штурмует город;

— Во втором эшелоне за 70 с.д. наступает 319 с.д. нашего корпуса в готовности к развертыванию из-за левого фланга 70 с.д.

Начиная с 27.03.1945г., развернулась еще более напряженная работа по подготовке к штурму Кенигсберга:

— С этого дня штабами дивизии и полков организовано круглосуточное наземное наблюдение за обороной и поведением противника с наблюдательных пунктов, утвержденных командиром дивизии. Параллельно с этим организована артиллерийская и инженерная разведки. Все данные ежедневно объединялись в штабе дивизии и в виде разведсводок доводились до штабов всех частей;

— В штабе дивизии и во всех стрелковых полках были созданы макеты местности, по которой предстояло наступать /свои и соседние полосы/, с нанесением всех выявленных оборонительных сооружений и огневых позиций / типа ящика с песком/, куда ежедневно вносились дополнения и изменения, получаемые из разведданных.

На этих макетах проводились командирские занятия с проигрышем различных предполагаемых вариантов действий. При этом был выдержан принцип обучения командиров на 2 ступени ниже в присутствии непосредственных начальников, т.е. командир дивизии проводил занятия с командирами батальонов в присутствии командиров полков, командиры полков — с командирами рот в присутствии командиров батальонов и так до командиров отделений включительно.

— На этих тренировках, проводившихся ежедневно по расписанию, принимали участие соответствующие командиры приданных и поддерживающих подразделений и частей.

— В отведенных полосах прокладывались колонные пути, сооружались мосты через каналы и реки, а также строились склады, на которые начался завоз боеприпасов, снаряжения, продовольствия, медицинского и других видов имущества. Готовились и изучались пути эвакуации.

— В ночь на 31.03.1945г. дивизия одним стрелковым батальоном 68 с.п. / I/68СП / приняла оборону от 940 с.п. 26. с.д. на рубеже /иск./ Транквиц — сар., т.е. в отведенной полосе наступления, и приступила к улучшению первой линии траншеи, дополнительному рытью второй траншеи и ходов сообщения, оборудованию наблюдательных пунктов и др.

— Усилена боевая и политическая подготовка на отведенной местности с участием также всех приданных и поддерживающих подразделений с обязательным приемом зачетов от каждого подразделения, группы и отряда в целом, причем зачет засчитывался, если давалась оценка инспектирующим «хорошо» или «отлично». Не получавшие этой оценки тренировки продолжали, и прием зачетов повторялся.

— С 01.04.1945г. артиллеристы и минометчики стр. полков, 227 а.п., 94 отд. и.п.д., приданных поддерживающих частей и подразделений проводили рекогносцировку и оборудование огневых позиций, наблюдательных пунктов, пристреливали реперы и цели на переднем крае основными орудиями каждой батареи и до 03.04.1945г. полностью заняли боевые порядки;

— 2 апреля 1945 года частям дивизии был отдан боевой приказ и вручен план боя дивизии с подробной разработкой взаимодействия всех родов войск на период прорыва Кенигсбергского укрепленного района, согласно которым требовалось:

329 с.п. — иметь в первом эшелоне / первая траншея/ 3 с.б. на участке /иск./ Транквиц — отд.дом 400 м вост. Транквица; 2 с.б. во втором эшелоне /вторая траншея /, 400 м сзади Транквица.

Задача: прорвать оборону противника, овладеть опорным пунктом противника на выс. с отметкой 21,0, в дальнейшем наступать и овладеть участком окружной дороги зап. Вильки и зап. частью ИУДИТТЕНА. Оказать содействие 68 с.п. в блокировании форта №6.

252 с.п. — иметь в первом эшелоне 2 с.б. на участке отдельный дом 400 м вос. Транквица — сар.; 1 с.б. во втором эшелоне сзади 2 с.б.

Задача: прорвать оборону противника, овладеть безымянными высотами на южном берегу канала Ланд-Грабен и его головной частью с рошей юго-зап. пруда Филипс, в дальнейшем наступать вдоль канала, овладеть Вильки и вост. частью Иудиттена.

68 с.п. — наступать во втором эшелоне дивизии, позиция 300 м зап. высоты с отм 28,8.

Задача: наступать за 329 с.п. в готовности к развертыванию из-за его правого фланга и овладения во взаимодействии с 329 с.п. фортом №6 /Королева Луиза/.

В ночь с 3 на 4 апреля занять установленные позиции, произведя смену подразделений 68 с.п.

Принять строжайшие меры маскировки, а также продолжать совершенствовать позиции как исходный рубеж для наступления, уточнить на местности полученные задачи, изучать противника и продолжать вести политико-воспитательную работу с личным составом, особенно передачу опыта ведения прошлых боев и подвигов отдельных воинов дивизии.

В этот же период были выведены на огневые позиции /ОП/ орудия прямой наводки, а также на исходные позиции в районе Обер-Алькенена самоходные артиллерийские установки /САУ-152/, приданные дивизии на период штурма из 350 гв. полка тяжелых САУ.

Дивизионным саперам приказывалось произвести разминирование своих минных полей и проделать проходы в заграждениях противника — по три на стрелковую роту первого эшелона по 8–10 м шириной и по два прохода для артиллерийских орудий и САУ шириной 30 м каждый на участке 329 с.п. Подвести элементы моста грузоподъемностью 60 тонн для наведения в районе Транквица.

Полковым саперам — подвести штурмовые мостики, лестницы и другие приспособления в первую линию траншей.

Командирам 329 и 252 с.п. приказывалось подготовить и за день до начала общего наступления провести разведку боем силою до стрелковой роты, уточнить огневую систему в обороне и взять пленных.

Особое беспокойство за разведку боем проявили командир 252 с.п. подполковник Яценко А.Т. и его начальник штаба майор Насонов, так как на участке наступления полка была более мощная водная преграда, изгиб и головная часть канала Ланд-Грабен и пруд Филипс, которые прикрывались боевым охранением противника. О наличии здесь мостов или других переправ ничего не было известно, кроме предположений об их наличии. С наземных наблюдательных пунктов и с воздуха эти места не просматривались, укрытые густой лесной растительностью.

Все это диктовало особую необходимость при проведении разведки боем уничтожить боевое охранение противника и выйти на северный берег канала, захватить или навести переправы, что обеспечило бы успех атаки и прорыва обороны противника.

Командир 252 с.п. с помощью командира корпуса добился выделения командующим 43 Армии генерал-лейтенантом Героем Советского Союза Белобородовым армейской штрафной роты и разрешения на ее использование для проведения разведки боем с уничтожением боевого охранения противника и захвата переправ на канале Ланд-Грабен.

В связи с этим были внесены небольшие изменения в размещение батальонов и их задачи: первая траншея отводилась штрафной роте, и она ее заняла с 3 на 04.04.1945г., а оба с.б. 252 с.п. размещались во второй траншее. После

выполнения задачи на разведку боем все вставало на свои места в соответствии с приказом и планом дивизии.

Кроме того, в ночь с 4 на 5 апреля командир 252 с.п. организовал и провел поисковую разведку с целью установить наличие переправы на канале Ланд-Грабен и возможности ее использования.

Поисковая разведка, выполненная взводом пешей разведки полка во главе с лейтенантом Казариновым Александром Ивановичем, проникла к берегу канала Ланд-Грабен, обойдя боевое охранение через участок соседа справа — 3 с.б. 329 с.п. Используя густые заросли молодого леса вдоль берега канала, вышла к пешеходному бетонному мосту через канал при сбросе воды с канала в пруд Филипс, тщательно осмотрелась, изучила особенности канала и его берегов, установила, что за каналом шириной до 50 м и глубиной до 15 м лощина также заполнена водой, преодолеть которую без специальных средств невозможно, а от моста идет в глубь обороны противника неширокая — до 25 метров полоса земли. Мост охраняется: стоит один вооруженный автоматом охранник, примерно в 2–3 м. от моста в окопе неполного профиля.

Лейтенант Казаринов, расположив группу прикрытия, организовал переправу через канал на его противоположный берег на надувной лодке и лично возглавил группу захвата в составе сержанта Агеева Вениамина Сергеевича, рядового Бикмансурова Шаждула Самиговича и рядового Вашурина Бориса Илларионовича, которые бесшумно подошли вплотную к дремавшему немецкому часовому, напали на него втроем, закрыли рот кляпом и связали. Лейтенант Казаринов тщательно осмотрел мост, обезвредил заложенный снаряд для взрыва, тем временем сержант Агеев и рядовой Бикмансуров проникли дальше вглубь, достигли гидросооружения и второго такого же пешеходного моста, видели их охрану и так же бесшумно вернулись к своей группе. Когда разведчики начали отход, на них наткнулась группа немецких солдат (3 человека), следовавшая от позиции боевого охранения к мосту. Вспыхнула короткая схватка, в которой немцы были полностью уничтожены, но в завязавшейся перестрелке был убит рядовой Вашурин, сопровождавший пленного, и тяжело ранен пленный, который по дороге в наше расположение умер.

Разведка установила: канал Ланд-Грабен перед фронтом дивизии имеет ширину 8–10 м, глубину 2,5–3,0 м, берега одеты камнем, края берега выше уровня воды на 0,5 метра, течение слабое. На участке полка канал делает изгиб, поступающую воду сбрасывает в пруд Филипс, а из него при помощи головного регулирующего сооружения подает воду в продолжение канала, идущего в город.

У самого сброса воды в пруд Филипс и у головного сооружения через канал имеются бетонные узкие мосты, по которым стрелковые подразделения и орудия прямой наводки при перемещении вручную пройдут. Для прохода другой техники мосты не пригодны. Мосты охраняются часовыми и подготовлены к взрыву.

Пленный по документам является солдатом 5 пехотной роты I Кенигсбергского крепостного полка.

На правом фланге дивизии, перед фронтом 329 с.п. в районе Транквица имеется 60-тонный железобетонный мост, но он взорван противником, там

саперами готовилось наведение нового моста, а также через канал имелся и пешеходный мост, подходы к которому заминированы, и находился он под охраной и огнем противника.

Так складывалась обстановка, ставились и решались задачи по подготовке к штурму города-крепости Кенигсберг, прорыву обороны и овладению мощными узлами его обороны на северо-западе и западе города.

Прорыв обороны — выход на окраину Кенигсберга

С самого начала наступления бои по прорыву первого оборонительного рубежа противника развернулись и шли с некоторым отступлением от разработанного плана.

Из-за неблагоприятных погодных условий: дождь, низкая облачность, туман — начало штурма было перенесено с 5 на 6 апреля. Но во второй половине дня погода несколько улучшилась и было разрешено провести разведку боем.

В 16.30 5 апреля 1945 года 329 и 252 с.п. первого эшелона после короткого артминналета по противнику начали разведку боем.

329 с.п. действовал 7 с.р., которой командовал лейтенант Демченко. Вслед за артналетом рота решительно выдвинулась вплотную к каналу Ланд-Грабен, ее штурмовая группа броском захватила пешеходный мост через канал, а группа разграждения быстро ликвидировала возможность его взрыва.

Противник, опомнившись, силою до роты пехоты при поддержке двух батарей 81-мм минометов дважды контратаковал 7 с.р., обнаружив свою огневую систему и очертания опорных пунктов на выс. с отм. 20,6 /с участка соседа справа/ и безымянной выс. севернее Гросс-Фридрихсберга. Обе контратаки противника были отбиты огнем минометной роты и батареи поддержки.

Взяв пленных и выполнив поставленную задачу, штурмовая группа была отведена, и рота прочно закрепилась на северном берегу канала, укрывшись в густых зарослях молодого леса, взяв под особое наблюдение и огневое прикрытие пешеходный мост.

252 с.п. действовал приданной ему на период разведки армейской штрафной ротой, которая двумя стрелковыми взводами охватила противника с флангов, окружила и полностью уничтожила пехотный взвод, находившийся в боевом охранении противника, а одним взводом, не задерживаясь, обошел охранение справа, овладел пешеходным мостом на канале Ланд-Грабен, а так же гидросооружением и пешеходным мостом возле него на южном берегу канала и пруда Филипс, т.е. практически была выполнена ближайшая задача, поставленная 252 с.п. на прорыв обороны противника.

Все свершилось в течение одного часа, стремительность и целеустремленность были исключительными, под стать им оказались и результаты: было уничтожено огнем и в рукопашной схватке 55 солдат и унтер-офицеров, взято в плен 9 солдат и один офицер — командир взвода 5 п.р. I Кенигсбергского крепостного полка, взято также 4 пулемета, одно 75-мм орудие, 60 винтовок и автоматов, до 50 ящиков патронов и гранат, другое имущество.

Противник был обескуражен внезапным и сильным ударом в месте, где он этого не ожидал, и оказался неспособным сразу предпринять мощной контратаки, бросив лишь один взвод с безымянной высоты, что южнее канала, его

гидросооружения. Эта контратака была легко отражена, противник потерял до 30 чел. убитыми, остатками отошел на исходное положение в траншеи на безымянной высоте.

При опросе пленных и командира взвода боевого охранения противника было установлено, что на участке 329 с.п. обороняются подразделения первого батальона I Кенигсбергского крепостного полка, а на участке 252 с.п. был тот же I п.б., занимавший безымянную высоту в 300 м юго-запад. пруда Филипс, а рощу на южном берегу пруда Филипс, гидросооружение и выдвинутое боевое охранение составляют подразделения 5 п.р. 2 п.б. того же полка.

Все они готовились ночью с 5 на 6 апреля к сдаче своих позиций, включая гидросооружения, подразделениям 548 п.д., а сами должны отводиться на второй рубеж обороны крепости, в район Иудиттена.

Их 2 п.б. двумя ротами находился в резерве командира полка и расположен в форту 5А, что в 300 м северо-западнее Вильки. Там же находится основной гарнизон форта, артиллерийско-пулеметная рота того же полка и наблюдательный пункт командира полка.

Примерно к 20.00 5 апреля станция подслушивания разведотдела 43 Армии, находившаяся на наблюдательном пункте командира 252 с.п., засекла переговоры командира I Кенигсбергского крепостного полка с комендантом крепости генералом от инфантерии О. Ляшем, из которых стало известно /командир полка доложил/: «Русскими начато наступление на участке пруд Филипс-Транквиц, ими уничтожено боевое охранение, им удалось вклиниться в мою оборону, овладеть мостами и гидросооружением на канале Ланд-Грабен, а также частью опорного пункта в районе Транквица. Атаки русских мужественными воинами фюрера остановлены, имевшимися силами положение в районе Транквица восстановлено. Прошу разрешения сдачи участка обороны подразделениям 548 п.д. произвести на сутки позже, контратакой с утра 6 апреля восстановить положение, использовав свой резерв, и до конца выполнения этой задачи оставаться на своем наблюдательном пункте».

На этот доклад генерал Ляш разрешил действовать, как просил командир полка.

Беспокойно и напряженно прошла ночь с 5 на 6 апреля.

На 10.00 планом операции было назначено начало нашей артподготовки продолжительностью 2 часа, хотя практически орудиями тяжелой дальнбойной артиллерии она уже велась третий день — стрельба на разрушение фортов и других сверхмощных укреплений.

К этому времени надо было завершить все подготовительные мероприятия.

В 2.00 ночи 6 апреля под покровом темноты 7 с.р. 329 с.п. бесшумно сняла охрану противника у мостов, форсировала канал Ланд-Грабен, внезапно ворвалась и прочно закрепилась в первой траншее противника, подразделения которого отошли во вторую траншею, откуда завязали огневые бои.

Через некоторое время и до 7.00 противник, пытаясь восстановить положение, трижды контратаковал 7 с.р. вначале с безымянной высоты в 300 м юго-западнее пруда Филипс силою до 50 солдат при поддержке артиллерии и минометов из районов Вильки и Иудиттена, а затем силою до 40 солдат из района

высоты с отметкой 20,6 при поддержке артиллерии и минометов из района Гросс-Фридрихсберга и Меттетена. Причем эти атаки были особенно настойчивыми и предпринимались с полосы соседа справа — подразделений 26 с.д., не принимавших мер воздействия на противника.

На участке 252 с.п. была произведена смена армейской штрафной роты, занимавшей позицию уничтоженного боевого охранения противника, включая пешеходные мосты и гидросооружение на южном берегу канала, подразделениями 2 с.б. 252 с.п. под командованием майора Царегородцева, соответственно переместился в первую траншею I с.б. майора Иванова.

Отправляя штрафную роту, командир 252 с.п. вместе с нач. штаба полка, зам. командира полка по политчасти и партгоргом полка объявили благодарность командованию роты и всему ее личному составу, а также отправили письмо на имя командующего армии с просьбой о награждении их за отлично выполненное боевое задание. К 5.00 6 апреля штрафная рота убыла в распоряжение командира 90 с.к. генерал-майора Седулина.

В период с 24.00 до 5.00 утра 6 апреля на южном берегу и вдоль канала Ланд-Грабен, идущего в направлении города, а также роши на южном берегу пруда Филипс командиром 252 с.п. была организована и велась поисковая разведка двумя группами из взвода пешей разведки полка под командованием лейтенанта Казаринова и с личным участием зам. начальника штаба полка старшего лейтенанта Володина Валентина Михайловича с целью установить наличие противника и обязательно захватить пленных для выяснения его сил и замыслов.

Разведка оказалась удачной. Группа под руководством лейтенанта Казаринова проникла вдоль канала, идущего в город примерно до 2-х км; противника, оборонительных сооружений там не обнаружила, вдоль правого берега канала имелась улучшенная дорога, обсаженная деревьями, а со стороны высоты 21,0 и Гросс-Фридрихсберга прикрытая еще и густым высоким кустарником; вдоль левого берега канала, также обсаженного высокими многолетними деревьями, идет грунтовая дорога от пруда Филипс в глубь обороны противника, на ней были взяты и доставлены на НП командира 252 с.п. два пленных, шедшие от переднего края в глубь обороны: солдат 4 п.р. и лейтенант-адъютант командира 2 п.б. I Кенигсбергского крепостного полка. При допросе пленных стало известно, что их батальон, находящийся в резерве, двумя ротами /5 пехотная рота уже находилась на обороне участка/ размещается в форту 5А и к 6.00 должен сосредоточиться в роше у пруда Филипс, оборудовать позицию и, как рассеется туман, примерно в 10.15 после короткого 15-минутного артналета решительно атаковать наши подразделения, вклинившиеся в их оборону, и восстановить ранее занимаемое положение, которое ночью с 6 на 7 апреля передать подразделениям 548 п.д., самим же сосредоточиться в Иудиттене для обороны второго рубежа.

В форту остаются артиллерийско-пулеметная рота полка на позициях и командир полка с персоналом командного пункта. Пленные возвращались в распоряжение батальона в форт 5А из 5 с.р., куда доставили приказ командира батальона, — рота со времени прихода на ее позицию двух других рот должна переместиться на безымянную высоту в 300 м юго-западнее пруда Филипс, вместе

со всем батальоном атаковать русских в направлении гидросооружений и пешеходного моста на канале.

Выяснено также было, что канал Ланд-Грабен идет через Вильки до Иудиттена, где сбрасывает свои воды в пруд, питающий город водой.

От второй поисковой группы во главе со старшим лейтенантом Володиным и из показаний пленных командиру 252 с.п. стало известно, что у головной части канала и в начальной части пруда Филипс имеется земляная дамба, служащая также мостом через эту водную преграду, по которой может проходить тяжелая техника, подходы к ней разминируются, снимаются другие заграждения, так как через нее будет наноситься основной удар контратакующих.

Получив столь важные данные, командир 252 с.п. обратился к командиру дивизии и корпуса с просьбой изменить порядок и время наших действий, с тем чтобы упредить противника.

Пришлось обращаться к командарму 43 — генерал-лейтенанту Белобородову А.П., который внимательно выслушал изменения в обстановке, но просьбу удовлетворил лишь частично:

— разрешил первую часть артиллерийской подготовки — первые 30 минут, самый интенсивный налет с 10.00 до 10.30 — сосредоточить и провести по исходным позициям противника, изготовившегося для контратаки, особенно по роще на южном берегу пруда Филипс, а дальше вести огонь по намеченному плану;

— начать раньше артподготовку на 30 минут, как просили, чтобы гарантировать упреждение противника, не разрешил, сославшись, что по погодным условиям противник вряд ли начнет раньше свои действия;

— что касается дальнейших действий в глубине обороны противника, то ориентироваться по обстановке, но атаку начинать в 12.00 по окончании артподготовки, так как изменить целенаправленность артиллерии, особенно большой мощности, и авиации уже было невозможно, да и нецелесообразно.

Большую политическую и воспитательную работу с личным составом всех частей и подразделений проводили политработники как политотдела дивизии, так и всех ее частей.

Исключительную настойчивость, целеустремленность и организованность проявил начальник политотдела дивизии подполковник Смирнов Николай Савельевич.

Главное внимание в партийно-политической работе обращалось на сколачивание штурмовых групп и отрядов, подбор в них коммунистов и комсомольцев, создание полнокровных партийных и комсомольских организаций, прием в ряды ВКП/б/ и комсомол воинов, отличившихся в боях, выпуск боевых листов с распространением опыта организации и ведения боя, своевременное информирование о ходе боевых действий, их результатах, популяризацию и награждение воинов, проявивших находчивость, смекалку, мужество, отвагу и героизм в схватках с врагом, а также самое широкое доведение до сознания и души каждого красноармейца, сержанта и офицера обращения Военного Совета и политуправления 3 Белорусского фронта, которое начиналось словами «Товарищи красноармейцы, сержанты, офицеры и генералы!», т.е. обращалось ко всем участникам штурма и призывало... «Вперед, товарищи, на штурм Кенигсберга!

Смелее атакуйте вражеские форты, выкуривайте немцев огнем и гранатой из бетонных нор, ломайте сопротивление врага, жгите его танки и самоходки, уничтожайте его живую силу!»

Выполнение этих призывов было в основе партийно-политической работы как в период подготовки к штурму, так и все последующее время от разведки боем до завершения штурма и полной ликвидации остатков немецко-фашистских войск на Земландском полуострове.

Обращалось также внимание командования полков, дивизии и корпуса на то, что уже к началу решительного наступления на Кенигсберг более активные и результативные действия наших войск были на левом фланге 43 армии и нашей 70 с.д. на ее стыке с 13 гвар. корпусом, тогда как на правом фланге, в полосе действий 26 с.д., наоборот, противник успешно отражал попытки подразделений и частей 26 с.д. ворваться на занимаемые им позиции и нанес им чувствительные потери.

329 с.п. 70 д., действовавший на правом фланге, хотя и успешно провел разведку боем, но уже на этом этапе вынужден был больше беспокоиться за свой правый фланг и отклоняться от установленного направления наступления в сторону соседа справа, откуда ему наносились более ощутимые удары противником.

Началось 6 апреля 1945 года. Близился рассвет, однако погода не радовала. Все небо заволкло черными тучами, по земле стелился туман. День был явно не для авиации, но и артиллеристам, и другим наземным войскам видимость была плохой.

Успокаивало, что эти помехи в равной мере мешают и противнику, хорошо, что не было дождя.

Ровно в 9.00 все увидели снопы огня, а затем услышали знакомый скрежет реактивных установок и раскатистый гул артиллерии на юге, из района действий 2 гвардейской армии.

Стало ясно — началось. Нашей гвардии предоставлено право первыми открыть огонь для штурма Кенигсберга — столицы и крепости Восточной Пруссии.

Это еще больше заставило всех нас, находившихся на исходных позициях и пунктах управления, собраться, осмотреться и проверить, все ли готово для решительного броска. И больше всего тревожило, успеют ли накрыть сосредоточившегося для контратаки противника на левом фланге дивизии, на участке 252 с.п. И в то же время глубоко верили в успех начавшегося штурма: не зря же затрачено столько усилий, вложено огня и преданности души каждого из нас, участников этого события, -красноармейца, сержанта, офицера и генерала.

Ровно в 10.00 по московскому времени повторилась та же картина, что и час назад, но теперь уже с севера, со стороны 43 армии.

Как-то почти незаметным и неосязаемым оказался залп вражеской артиллерии и минометов по позициям 252 с.п. и куда-то в глубину обороны наших войск. Но это оказался почти единственный залп, так как навалившийся шквал огня и тонны металла на всю глубину обороны противника заставили замолчать вражеские батареи.

Особенно интенсивным был сосредоточенный огонь по роше на южном берегу пруда Филипс и по безымянной высоте юго-западнее его, где сосредоточилось подразделение противника для контратаки. Ведь за время первого,

самого интенсивного налета, первых 30 минут, на каждый квадратный метр площади, занятой их подразделениями, упало в среднем более 15 снарядов и мин.

Каково было тем, кто, не имея укрытий, оказался под столь губительным огнем? И если все артиллерийские батареи после первого налета переносили свой огонь по другим точкам в глубине обороны противника, предусмотренным планом, то минометные роты и батарея, орудия прямой наводки 252 с.п. продолжали вести сосредоточенный огонь по исходной позиции готовившегося к контратаке противника вплоть до окончания артподготовки.

В 11.45 вся артиллерия поддержки дивизии и полков вновь сосредоточила огонь по переднему краю и скоплениям противника на нем, а ровно в 12.00 перешла к огневому валу, за которым без промедления пошли в решительную атаку штурмовые отряды 329 и 252 с.п.

329 стрелковый Клайпедский ордена Красного Знамени полк, командир полка майор Докукин Сергей Федорович, штурмовым отрядом 3/329 с.п., возглавляемым капитаном Дементьевым А.А., еще в ходе артподготовки выдвинул через канал Ланд-Грабен 8 и 9 с.р. в первую траншею противника, которую с ночи занимала уже 7 с.р., и приготовился к атаке.

Дружно и вдохновенно поднялся штурмовой отряд в атаку, как только артиллерия приступила к огневому валу.

Первым в 7 с.р. поднялся в атаку комсомолец Малышев, с лозунгом «За Родину!, за Сталина!» он выпрыгнул из траншеи и стремительно побежал ко второй траншее противника, держа в левой руке красный флаг, а в правой автомат.

Вместе с Малышевым выпрыгнул из траншеи комсомолец Петруш и огнем из пулемета по вражеской позиции обеспечил бросок своего друга и успех атаки роты, которая вслед за своими вожаками стремительно навалилась на позиции противника.

Противник не успел оправиться от губительного огня нашей артиллерии, только выбирался из своих лисьих нор, как ему на головы полетели гранаты, зашвистели пули и обрушились отважные бойцы штурмового отряда. Завязалась отчаянная схватка, победу в которой одержали краснознаменцы.

По-иному сложилась атака 8 и 9 с.р. этого батальона. Они также, увлекаемые своими товарищами, бойцами 7 с.р., смело и дружно выпрыгнули из траншей, но, не пройдя и 50 метров, застопорились, из цепи начали падать убитыми и ранеными бойцы, цепь, особенно правофланговой 8 с.р., начала редеть и залегла, развернувшись лицом вправо, в сторону полосы наступления соседа, завязался огневой бой с противником, занимавшим опорный пункт на высоте с отметкой 20,6. Немногим дальше продвинулась 9 с.р., которая хотя ворвалась во вторую траншею и овладела ею, имея локтевую связь с 7 с.р., но завязала огневой бой с противником, развернувшись фронтом к северо-западной окраине Гросс-Фридрихсберга.

Остановил эти две роты сильный фланкирующий пулеметный огонь с участка соседа справа.

И не только 329 с.п., но и сосед справа — подразделения 26 с.д. не смогли в первой атаке достичь успеха, были остановлены, по сути, еще на исходных позициях, не смогли овладеть первой траншеей, залегли перед ней от губительного огня с опорного пункта на высоте с отметкой 20,6 и других высот севернее

Метгетена, несли большие потери и вынуждены были отойти на исходное положение.

Таким образом, 329 с.п., как и его сосед справа, уже в самом начале штурма Кенигсберга оказались перед сильно укрепленными позициями противника, огневую систему которого проведенная нашей артиллерией подготовка не нарушила. Противник не только остановил начавшие наступление подразделения, но уже в этот начальный период предпринял контратаки, в том числе против 3/329 с.п. силою до сорока солдат и унтер-офицеров при поддержке сильного огня пулеметов, артиллерии и минометов со стороны высоты с отметкой 20,6 и Гросс-Фридрихсберга.

252 стрелковый Ковенский полк, командир полка подполковник Яценко Александр Трофимович, еще в ходе артподготовки выдвинулся к каналу Ланд-Грабен, командир лично разобрался в обстановке и в занимаемых батальонами полка позициях, отдал распоряжения и добился немедленного их исполнения.

— Штурмовой отряд 2/252 с.п., командир майор Царегородцев, подтянул все свои подразделения на опушку роши, что на южном берегу канала Ланд-грабен, и приготовился к броску сразу за огневым валом. Майор Царегородцев был предупрежден, чтобы выполнял задачу, не оглядываясь на свой левый фланг, который был открыт /нет локтевой связи с соседом/, он будет охраняться 1/252 с.п. майора Иванова;

— выяснив, что с соседом слева, 84 г.с.п. 33 г.с.д., нет локтевой связи, он наступает слева от пруда Филипс, разрыв составит до двух километров, и сблизиться с нами ему не позволит противник с форта 5А, майору Иванову было приказано — до окончания артподготовки подтянуть батальон к северному берегу пруда Филипс, а одним взводом выйти на южный берег канала Ланд-Грабен к гидросооружениям, у левого фланга 2 б., и за огневым валом стремительным броском по земляной дамбе и частично по пешеходному мосту через канал у гидросооружений решительно атаковать противника в роше на южном берегу пруда Филипс, очистить ее от остатков противника, уцелевших после артподготовки, закрепиться, держать связь и обеспечить прикрытие левого фланга батальона майора Царегородцева.

Подошло время атаки.

2 б. 252 с.п. майора Царегородцева, в точности выполнив распоряжение командира полка, подтянул батальон, плотно прижимаясь к рубежам огневого вала, стремительным броском одной 4 с.р. перепрыгнул через первую траншею, ворвался на безымянную высоту, что в 200 м севернее высоты с отметкой 21,0 /опорный пункт противника/, где умело расправился с остатками батальона, уцелевшими после артподготовки, пытался в том же порыве двигаться на высоту 21,0, но противник ошестинился сильным огнем, там его огневая система оказалась не разрушенной, и рота укрылась в траншее на безымянной высоте.

5 с.р., одновременно бросившаяся в атаку, ворвалась в первую траншею противника, полностью уничтожила остатки оборонявшегося немецкого подразделения и была готова двигаться вперед.

Командир батальона майор Царегородцев, выдвинувшись за 5 с.р. в первую траншею, быстро оценил обстановку и принял смелое, разумное и дерзкое решение не ввязываться в бой с противником в опорном пункте на высоте с

отметкой 21,0, система огня которого не подавлена и сильно фланкирующий огонь с направления Гросс-Фридрихсберга не дает возможности с хода взять ее, решил оставить против нее прикрытие — огневую группу 4 с.р., а всем остальным обойти эту высоту слева, вдоль канала Ланд-Грабен по его западному берегу в глубь обороны противника.

Приняв такое решение, майор Царегородцев отдал распоряжение и без промедления организовал его исполнение: вперед выдвинулась штурмовая группа с разведкой 4 с.р., за ними последовала вся 5 с.р., средства усиления и поддержки и сам майор Царегородцев со своим звеном управления.

Зная из данных разведки, что вдоль канала отсутствуют оборонительные сооружения противника, подразделения батальона, используя кюветы улучшенной дороги, идущей вдоль правой /западной/ стороны канала, обсадку дороги высокими деревьями и густым высоким кустарником со стороны высоты 21,0 и Гросс-Фридрихсберга, хорошо укрывавшими от наблюдения противника, перебежками с небольшими интервалами двинулись в глубь обороны немцев, стремясь выйти к окружной дороге и Вильки, на выполнение задачи дня, поставленной полку.

Однако углубившись примерно на 2,5–3 км, перейдя по имевшемуся мосту через канал, на восточном его берегу батальон был встречен организованным огнем со стороны форта 5А, что в 300 м северо-западнее Вильки, и с самих Вильки и принял боевой порядок.

Штурмовая группа и разведка 4 с.р. сблизилась и вступили в бой с противником, занимавшим Вильки, а 5 с.р. со всеми приданными и поддерживающими батальон подразделениями развернулась и стала готовить позиции против форта 5А, его юго-восточной части.

1 б. 252 с.п. майора Иванова, также полностью выполнив приказ командира полка, вслед за огненным валом ворвался в рошу на южном берегу пруда Филипс, где встретил почти полное отсутствие укрытий /были лишь окопы, частично соединенные траншеей глубиной до 0,5 м — укрываться только лежа/ и убитых более 150 солдат и офицеров противника, часть из которых были полностью разорванные тела от прямых попаданий снарядов и мин. Добил пытавшихся оказать сопротивление и взял в плен 50 недобитых, совершенно ошалевших гитлеровцев, готовых на все, только бы уйти из ада, которым явился для них огонь нашей артиллерии и минометов. Было также взято много различного оружия и других трофеев.

Очистив рошу, майор Иванов выдвинул роту вперед, на опушку роши, и стал окапываться.

К 13.00 в эту рошу у пруда Филипс и канала перенес свой наблюдательный пункт командир 252 с.п. подполковник Яценко А.Т.

Таким образом, благодаря проявленным решительности и инициативе командиров 252 с.п., уже к 13.00 06.04.1945г. оборона противника на левом фланге полосы наступления дивизии была прорвана, подразделения 2 б. 252 с.п. майора Царегородцева, применив умелый тактический маневр, проникли в глубь обороны противника до 3-х км.

Командир 329 с.п. майор Докукин С.Ф., стремясь сломить сопротивление противника на своем участке, уже к 14.00 ввел в бой свой второй эшелон — 2 б.,

который поротно 5 и 6 с.р. форсировал канал Ланд-Грабен, выбил противника с южного его берега, вышел во вторую траншею, сомкнулся флангами с 7 ротой, но дальше продвинуться не смог.

Мощный огонь и яростные контратаки противника из направления опорного пункта на высоте с отметкой 20,6 и севернее Гросс-Фридрихсберга наглухо остановили полк, который в течение 5-ти часов не мог подвинуться вперед и окончательно увяз в огневом бою с противником на участке правого соседа 349 с.п. 26 с.д.

Сосед справа также не имел успеха в наступлении. Противник из района высоты с отметкой 20,6 и высот севернее Метгетена и самого этого узла обороны не давал возможности, как говорят, и головы поднять.

Командир 252 с.п. подполковник Яценко А.Т., выдвинувшись на новый наблюдательный пункт, в рощу на южном берегу пруда Филипс, имея данные, что сосед слева — 84 г.с.п. 33-й г.с.д., овладев первыми двумя траншеями оборонительного рубежа противника, вел успешно бой за противотанковый ров, соединяющий форты 5А и 5, держал одновременно под артиллерийским огнем форт 5А, готовился обойти его слева и, не задерживаясь для блокировки, двигаться вперед, к окраине города, на Вальтгартен, пришел к выводу, что форт, если его не обезвредить, может надолго задержать выполнение поставленной полку и дивизии задачи дня и вызовет большие потери, особенно в людях, решил штурмом овладеть этим фортом, о чем доложил командиру дивизии полковнику Красновскому С.А.

Получив добро от комдива, командир 252 с.п. отдал приказ:

— 2 с.б. майора Царегородцева прикрыться 4 с.р. со стороны Вильки, остальными силами штурмом овладеть фортом 5А, его южной и юго-западной частью, имея в виду, что сосед слева будет блокировать форт с северо-востока и востока, обходя его с восточной стороны;

— 1 б. майора Иванова С.И. оставаться на занимаемом рубеже, подготовиться к вводу в бой и штурму Вильки, одну роту выдвинуть по западному берегу канала в район второго моста через него, где занять позицию и прикрыть тыл 2-го б. со стороны Гросс-Фридрихсберга.

К 14.30 командиры обоих батальонов 252 с.п. доложили, что ими занято исходное положение и ведется уточнение задач отделениям, расчетам пулеметов и орудий, поддерживающей артиллерии и минометам, кроме того, доложили:

— командир 2 с.б. майор Царегородцев, что штурмовая группа 5 с.р., командир роты старший лейтенант Потапенко, с двумя 76-мм орудиями полковой батареи, минометной ротой батальона, взводом саперов, с отделением ранцевых минометов и отделением химиков, батареей 120-мм минометов полка под командованием капитана Попова С.И. развернулась в районе моста через канал фронтом на форт и ведет подготовку к его штурму; 4 с.р. юго-западнее форта, против Вильки, завязала и ведет огневой бой с противником, используя для своей позиции противотанковый ров;

— командир 1 с.б. майор Иванов, что выдвинул 2 с.р. под командованием старшего лейтенанта Короткова по западному берегу канала, которая заняла позицию вдоль густого кустарника в районе второго моста через канал против Гросс-Фридрихсберга юго-восточнее высоты с отметкой 21,0. Наблюдает перед

собой отсечную позицию, не занятую противником, идущую от крайних домов господского двора, вплотную проходит у южных скатов высоты 21,0 и подходит к позиции, занятой ротой. Просил разрешения занять эту позицию и атаковать с тыла противника в опорном пункте на высоте 21,0, на что получил от командира полка разрешение, но с предупреждением, что для атаки выделить не более взвода и не нарушать готовности действовать в главном направлении на Вильки.

К этому времени командир дивизии совместно с соседями принял решение подготовить и одновременно атаковать противника во всей полосе наступления дивизии одновременно с соседями: правым — 26 с.д. против опорного пункта на высоте с отметкой 20,6 и левым — 33 г.с.д., форсирование противотанкового рва.

На 15.00 6.04.1945г. назначалась 30-минутная артподготовка.

Получив распоряжение штаба дивизии, командиры 329 и 252 с.п. приняли дополнительные меры к лучшей подготовке атаки, направив в батальон офицеров полкового звена и подключив всю артиллерию, вплоть до дивизионной и корпусной групп поддержки для подготовки атаки. Артподготовка получилась мощной и сумела прочно прижать противника в своих оборонительных сооружениях и убежищах.

Атака началась в 15.30, прошла организованно, стремительно и принесла в целом хорошие результаты:

— 329 с.п. сумел преодолеть заграждения и выбить противника с первой из двух траншей позиции, созданной по северной окраине Гросс-Фридрихсберга. Дальше продвинуться не смог, был контратакован. Атаку отбил и закрепился на достигнутом рубеже;

— правый сосед, 349 с.п. 26 с.д., сумел преодолеть упорнейшее сопротивление противника и штурмом овладел опорным пунктом на высоте с отметкой 20,6, также успешно отразил контратаки с северной окраины Метгетена и закрепился;

— 252 с.п. 2 с.р., заняв частично отсечную позицию противника, выдвинул к опорному пункту на выс. с отметкой 21,0 взвод лейтенанта Еременко, создал угрозу окружения подразделения немцев, занимавших опорный пункт. Противник дрогнул и, неся потери, отошел в Гросс-Фридрихсберг.

2 с.б. 252 с.п. майора Царегородцева по окончании артподготовки повел штурм форта 5А:

— 4 с.р. плотно прикрыла правый фланг штурмового отряда, ведя бой против Вильки, чем содействовала успеху штурма;

— 5 с.р., штурмовая группа батальона, орудиями прямой наводки открыла интенсивный огонь по двум амбразурам южного капонира форта и подавила огонь одного пулемета и одной 37-мм пушки. Командир батареи 120-мм минометов капитан Попов С.И., находясь непосредственно в цепи 5 с.р., умело корректировал огонь минометов, взяв под свое управление минометную роту батальона, окаймил форт с западной стороны разрывами мин.

Командир взвода разведки полка лейтенант Казаринов проявил инициативу, привел с собой двух пленных солдат 4 п.р. 1 Кенигсбергского крепостного полка, взятых утром в плен в роще у пруда и давших согласие показать безопасный подход к форту, выдвинулся с ними в боевые порядки 5 с.р. и вместе

с отделением саперов, а также со 2 с.взв. во главе с бесстрашным командиром старшиной Алейниковым Александром Георгиевичем короткими перебежками подошли вплотную к южной части форта. Забросали вход в него гранатами и предложили коменданту гарнизона сдаться, гарантируя всему гарнизону жизнь и учет добровольной сдачи в плен. Огнеметчики тем временем подошли скрыто к амбразурам капонира и окутали их огненной струей, а артиллеристы с помощью стрелкового взвода сумели подтянуть 76-мм орудие прямой наводки для разрушения входа в форт.

После непродолжительных переговоров и колебаний гарнизон предложение о капитуляции принял. Остатки гарнизона в количестве 96 солдат и трех офицеров сдались в плен, было взято также 8 пулеметов, 6 орудий и до 180 автоматов и винтовок, а также большое количество боеприпасов, продовольствия и другие трофеи /склады в форту были почти полными/.

Сосед слева, 84 г.с.п., к этому времени штурмовыми группами форсировал противотанковый ров, соединяющий форты, организовал работы по наведению мостов для прохода танков и вел упорный бой с противником, продвигаясь в направлении Вальтгартена, в обход форта 5А слева.

Как только командир 252 с.п. доложил об овладении фортом, ему было приказано принять надлежащие меры к закреплению занятого рубежа /форта/, а также ускорить овладение опорным пунктом Вильки, по району которого в 17.00 дивизионная артгруппа даст 15-минутный артналет. Было также разрешено командиру полка переместить в форт свой командный пункт.

В соответствии с этим командир полка поставил задачи:

— командиру 2 с.б. майору Царегородцеву оставить в форту взвод автоматчиков и приданные средства усиления, расположив их для обороны восточных и юго-восточных подступов к нему, а также содействия огнем достижения 1 с.б. успеха в штурме Вильки. Остальными силами сменить 2 с.р. и прикрыть правый фланг 1 с.б. со стороны господского двора Гросс-Фридрихсберга;

— командиру 1 с.б. майору Иванову занять позицию у Вильки и в 17.15 после 15-минутной артподготовки штурмом овладеть Вильки;

— начальнику штаба полка майору Насонову подготовить перемещение командного пункта полка в форт, начать его после 16.30, когда возьмет на себя управление перемещающийся туда наблюдательный пункт командира полка. Связаться с соседом слева, сообщить ему об овладении фортом 5А и перемещении в него командного пункта, уточнить, кто будет соседом, в связи с уклонением полков 33 г.с.д. влево на Вальтгартен и образовавшимся большим разрывом.

Пока готовилась атака 1 с.б. на Вильки, выполнялись другие распоряжения командира 252 с.п., в том числе перемещалась связь и другие службы на новый наблюдательный пункт, на правом фланге дивизии, а также ее соседа справа, 26 с.д., продолжался напряженный бой с яростно контратаковавшей пехотой с танками и самоходками противника.

На левом же фланге дивизии, на участке 252 с.п., в 17.35 после артналета командир 1 с.б. майор Иванов начал штурм Вильки и в упорном бою выбил противника из траншеи, проходившей по северной окраине, и овладел первыми крайними домами.

Оборона Вильки была организована так же, как и другие населенные пункты Восточной Пруссии, с мощными укреплениями каждого дома, каждого строения, имея, кроме того, глубокий, заполненный водой противотанковый ров перед ним и ряд других заграждений.

Противник стремился любой ценой удержать рубеж Вильки — форт №6, утеря которого ставила бы Кенигсберг в критическое положение, так как закрывала бы выход из него на запад в порт Пиллау, через который он снабжался всем необходимым. И если Гросс-Фридрихсберг еще стойко удерживался противником, форт №6, высоту с отметкой 15,9, а за ними Иудиттен и Мариенберг еще пока находились на следующем, втором рубеже, то Вильки оказались на первом плане, и в данный момент здесь в определенной мере решалась судьба этого второго рубежа обороны города.

Этим и объяснялись столь мощные укрепления и упорное сопротивление, оказанное немцами в Вильке.

Овладев траншеей и первыми домами на северной окраине Вильки, батальон майора Иванова был дважды контратакован противником силою до 50 солдат, 2—3 танков и самоходного орудия «фердинанд».

Отбив контратаки, батальон продолжал прогрызать оборону противника, штурмуя каждый дом, взрывая и разрушая каждое его убежище, поливая огнем из огнеметов каждый подвал и амбразуру.

Овладев Вильки, батальон взял под контроль участки окружной дороги Вильки-Мариенберг и Вильки-Вальтгартен, захватив большой бетонированный подземный бункер, находившийся в 200 м от канала Ланд-Грабен, в котором оказался промежуточный узел связи противника. В нем командир батальона майор Иванов организовал свой командный пункт.

К 19.00 252 с.п. полностью овладел Вильки и завязал огневой бой за Иудиттен. На этом рубеже батальон стал прочно закрепляться: требовалось подтянуть тяжелое оружие /станковые пулеметы, орудия прямой наводки/ и выдвинуть наблюдательные пункты поддерживающей артиллерии.

Первым ворвался в Вильки, наиболее активно и успешно штурмовал каждый дом на своем пути взвод лейтенанта Еременко.

Мужественные и бесстрашные бойцы и офицеры батальона при штурме Вильки уничтожили более 200 солдат и офицеров противника, подожгли один танк, захватили 12 пулеметов, два 75-мм орудия, взяли в плен 35 солдат и унтер-офицеров 1 Кенигсбергского крепостного полка, освободили из вражеской неволи более 50 советских девушек, угнанных в Германию, работавших на барских усадьбах, где обрабатывали теплицы хозяев, и укрывшихся в подвалах Вильки.

С овладением Вильки были отрезаны подступы с северо-востока к форту №6 /Кениген Луиза — Королева Луиза/, выполнена задача дня полка и ближайшая задача дивизии.

Командир 252 с.п., находившийся во время штурма Вильки на своем наблюдательном пункте в форту №5А, огнем поддерживающей артиллерии оказывал помощь майору Иванову в выполнении трудной задачи, лично выдвинулся в боевые порядки 1 с.б., где проверил принятые батальоном меры к закреплению на достигнутом рубеже, оценил обстановку и уяснил, какие меры принимать для дальнейших действий.

Командир полка, прибыв на командный пункт майора Иванова, расположенный в бетонированном бункере, обнаружил у входа в помещение, в большом углублении в земле, несколько десятков девушек, возбужденно рассказывающих о себе, своей судьбе: оказалось, что они были угнаны в Германию еще в 1943 году и работали на разных сельскохозяйственных работах у помещика, а также в теплицах, расположенных в Вильки, прятались в подвалах и были освобождены наступавшими нашими бойцами. Здесь, на командном пункте, комбат майор Иванов опрашивал их с целью получить дополнительные данные о противнике и путях подхода к господскому двору Гросс-Фридрихсберга и Иудиттена.

Командир полка вначале возмущился необычным скоплением на девушек КП комбата и в шутку упрекнул его в несвоевременности организации «гарема», а когда выяснил, в чем дело, потребовал немедленной отправки освобожденных пленниц в тыл, где с ними во всем детально разберутся. Выяснив все интересовавшие вопросы, командир полка оттуда же, с командного пункта 1 б., доложил о выполнении полком задачи дня и свою оценку необходимости ввода дополнительных сил для развития успеха.

Через некоторое время с командиром полка связался командир корпуса генерал Седулин, которому был повторен доклад о выполнении задачи дня, точно указаны места, куда вышел полк, и предложение о мерах для развития успеха в наступлении.

Выслушав доклад командира полка, генерал-майор Э.Ж. Седулин тут же приказал прочно закрепиться на достигнутом рубеже и обеспечить ввод в бой с утра 7 апреля частей 319 с.д. /второй эшелон корпуса/.

Командир дивизии к этому распоряжению дополнительно поставил задачу вести разведку подходов с тыла к Гросс-Фридрихсбергу, а также подступов к форту №6.

Вернувшись на свой командный пункт в форт № 5А, командир 252 с.п. из доклада начальника штаба полка узнал, что сосед слева, 33 г.с.д., по указанию командира 13 г.с.к. обошла форт 5А, вышла к дороге Вильки-Вальдгартен и ведет бой за него, а также в связи с большим разрывом, образовавшимся между полком и 84 г.с.п. /более 2-х км/ ими вводится на место разрыва свой второй эшелон — 88 г.с.п., а что касается форта 5А, то командир корпуса поставил задачу блокировать и взять его 262 г.с.п. 87 г.с.д., связь с которыми пока отсутствует. К ним направлен офицер связи, а также комкор просил штаб дивизии помочь нам предупредить соседа о занятии и нашем нахождении в форту.

Во исполнение распоряжения командира 90 с.к., командиром 252 с.п. была поставлена задача командиру 2 с.б. майору Царегородцеву усилить свой левый фланг, помочь майору Иванову в удержании занимаемого рубежа, а также в ночь на 7 апреля направить взвод старшины Алейникова совместно с разведвзводом полка изучить подступы к форту №6 и подходы с тыла к Гросс — Фридрихсбергу.

Для усиления 1 с.б. майора Иванова были переподчинены батарея 120-мм минометов полка и батарея 76-мм орудий 227 а.п., выдвинутых на прямую наводку, а также выделен дополнительно саперный взвод.

Таким образом, к концу дня 6 апреля на фронте Армии оборона противника была прорвана, передовые части вышли ко второму оборонительному

рубежу; были взяты ряд пригородных населенных пунктов и кварталов города, овладели фортом 5А и блокировали форт №5.

Наибольший успех имели 13 г.с.к. и 54 с.к. под командованием генерал-лейтенантов А.И. Лопатина и А.С. Ксенофонтова, наступавших на главном направлении армии и имевших задачу овладеть северо-западной частью Кенигсберга.

Правофланговый 90 с.к. генерал-майора Э.Ж. Седулина, разгромивший сильно укрепленные опорные пункты противника и овладевший ими на внешнем оборонительном обводе, правым флангом вышел на подступы к Метгетену и Гросс-Фридрихсбергу, наиболее укрепленным пунктам немецко-фашистских войск. Левым флангом овладел фортом №5 и окраиной города, поселком Вильки, вышел с тыла к форту №6 севернее Иудиттена.

Становилось все более ясно, что противник придает особо большое значение узлам обороны Метгетен и Гросс-Фридрихсберг, так как с их падением оборона города-крепости лишалась путей снабжения и теряла поддержку войск Земландской группировки, успешно отражавших в это время атаки 2 гвардейской и 39 Армий. Изоляция же гарнизона крепости приближала крах обороны Восточно-Прусской твердыни.

Понимая это, отборные гарнизоны названных узлов обороны яростно сопротивлялись. За день боя 06.04.1945г. сосед справа, 26 с.д., и правый фланг нашей 70 с.д. отразили 14 контратак противника, левый фланг корпуса и центр наступающей 43 Армии действовали успешно и выполнили задачу дня.

В этой обстановке определилась необходимость внести изменения в первоначально поставленные задачи 26 и 70 с.д., направив их усилия на нанесение более мощных ударов по узлам обороны противника в Метгетене и Гросс-Фридрихсберге и овладение ими.

Именно такое решение принял командир 90 с.к. генерал-майор Э.Ж. Седулин, отдав соответственно предварительное распоряжение командирам дивизий, и просил Военный Совет 43 Армии утвердить его.

Военный Совет Армии утвердил решение командира 90 с.к. о вводе в бой на участке прорыва второго эшелона корпуса — 319 с.д. для развития успеха и овладения фортом №6, а также сосредоточение усилий 26 и 70 с.д. соответственно на овладении Метгетеном и Гросс-Фридрихсбергом; кроме того, решил внести изменения в границы полос наступления корпусов, сдвинув их несколько вправо, чтобы усилить удар, ускорить окружение Кенигсберга и изоляцию его от Земландской группировки противника; предложил войскам армии не ослаблять ударов по врагу и в ночное время.

Штурм Гросс-Фридрихсберга

Во исполнение решения Военного Совета армии были уточнены задачи и границы наступления корпусов и дивизий на второй и последующие дни штурма Кенигсберга:

— 90 с.к. сосредоточивал свои усилия на овладении Метгетеном, Гросс-Фридрихсбергом, фортом №6, Модиттеном, с разворотом фронта на запад, чем отсекал Кенигсберг от Земландской группировки войск, содействовал окружению и уничтожению гарнизона крепости;

13 г.с.к. своим правым флангом должен был штурмом овладеть Ротсхофом, Иудиттенем, Амалинау; соединиться с 2 гвар. Армией, замкнуть кольцо окружения Кенигсберга, овладеть его северо-западной и западной частями;

— 54 с.к. наступал в прежних границах.

В соответствии с указанными изменениями 70 с.д. получает задачу овладеть узлом обороны противника Гросс-Фридрихсбергом и группой высот вокруг него, оседлать железную и шоссейную дороги Кенигсберг-Пиллау, в дальнейшем овладеть Модиттенем и не допустить прорыва противника со стороны Земландской группировки войск, чем содействовать скорейшему окружению и уничтожению гарнизона Кенигсберга.

В новых границах 70 с.д. исключался форт №6, Иудиттен, а включались Гросс-Фридрихсберг, высоты с отметками 19,0, 18,8, 15,9, Модиттен и кирп. завод сев.-зап. Модиттена.

Сосед справа — 26 с.д. тоже смещалась вправо с задачей овладеть Метгетеном, сомкнуть левый фланг с 70 с.д., развернувшись фронтом на запад.

Сосед слева — 319 с.д. — овладеть фортом №6 и Мариенбергом, оседлать железную и шоссейную дороги, в дальнейшем наступать за 70 с.д.

В соответствии с полученной задачей командир 70 с.д. в 17.00 06.04.1945г. ставит задачу командиру 68 с.п. полковнику Онойченко Петру Николаевичу ввести полк в бой и овладеть Гросс-Фридрихсбергом.

Как и предполагалось, это имение отъявленного фашиста гаулейтера Восточной Пруссии Э. Коха в сочетании с окружающими его опорными пунктами, размещавшимися на высотах 19,0, 21,0, 18,8 и 15,9, являлось сердцем мощного узла обороны и, как выяснилось после овладения им, представляло собою сравнительно небольшой населенный пункт со всеми следами богатства господского двора, с барским двухэтажным домом каменной и кирпичной кладки на южной окраине поселка; раскинувшимся возле него садом, парком и прудом с юго-восточной и восточной сторон в направлении канала Ланд-Грабен и окружной дороги вокруг Кенигсберга; вся усадьба огорожена каменным забором высотой более двух метров, напоминавшим массивную крепостную стену; многочисленные хозяйственные постройки, также каменные, с несколькими каменными же силосными башнями, имели по всей окружности узкие продолговатые окна в двух этажах, напоминающие бойницы, использовались для пулеметов и орудий прямой наводки. В западной и северной частях поселка расположились жилые каменные дома с небольшими приусадебными участками и надворными постройками.

Расположен он в 2-х км северо-восточнее форта №6 /Кениген Луиза/ и в одном км от железной дороги, связывающей Кенигсберг с портом на Балтийском море Пиллау /ныне Балтийск/. Этими дорогами немцы связывали в единый фронт крепость Кенигсберг и Земландскую группировку войск, что и обуславливало значение укреплений и размещение в нем лучших отборных подразделений, укомплектованных отъявленными фашистскими молодчиками.

Оборонительная система Гросс-Фридрихсберга состояла из двух сплошных линий траншей полного профиля по северной окраине /первая до 400—500 м от крайних домов/; перед первой линией траншей — проволочное ограждение в три ряда и минные поля;

от домов на северной окраине поселка на юго-восток направлением к каналу Ланд-Грабен и окружной дороге, а также на юго-запад по обратным скатам ряда высот направлением на Меттетен имелись отсечные позиции, состоявшие из траншей полного профиля;

все здания, как жилые, так и хозяйственные, представляли собой опорные пункты, имеющие по несколько позиций и амбразур, приспособленных к ведению косопрямельного и перекрестного огня;

вторая линия траншей была связана ходами сообщения с крайними домами. Отдельные дома и другие постройки внутри пункта, в свою очередь, были соединены траншеями, у многих из них имелись заграждения /надолбы, мины, проволока/;

имевшиеся подвалы приспособлены под убежища, кроме того, у господского дома было сооружено особое убежище с перекрытиями способными выдержать прямые попадания снарядов и бомб крупного калибра. В ряде мест имелись ДОТы и другие долговременные сооружения;

оборонял его 1 б. 1 Кенигсбергского крепостного полка и усиленный п.б. 1142 п.п. 561 п.д. немцев численностью по 500 человек пехоты в каждом, по 4 самоходных орудия «фердинанд», 15–18 пулеметных точек и 6–8 орудий прямой наводки;

из района южнее Гросс-Фридрихсберга действия узла обороны поддерживались огнем двух минометных и 3-х артиллерийских батарей. В районе Модиттена имелся резерв — более полка пехоты с 12–15 танками и самоходными орудиями «фердинанд».

Но все это в совокупности стало известно после того, как этот узел обороны был штурмом взят полками 70 стр. Верхнеднепровской ордена Суворова дивизии, а во время боев за него высказывались только предположения, отмечались те или иные сооружения, заграждения и огневые средства противника, которые сводились к одному: сильно укрепленный пункт, представляющий основу узла обороны, что для овладения им требуется гораздо больше сил, чем они были у начавшего штурм 329 с.п. Недостаточно было и сил вводимого со второго эшелона дивизии 68 с.п., тем более, что погодные условия в первый день штурма 06.04.1945г. были неблагоприятными для действий авиации, особенно штурмовой и бомбардировочной. Они в полосе наступления дивизии даже не появлялись.

Все это создавало особо трудные условия и требовало более тщательной подготовки и самоотверженности каждого красноармейца, сержанта и офицера.

Командир 68 с.п. полковник Онойченко П.Н., получив задачу ввести в бой полк и штурмом овладеть Гросс-Фридрихсбергом, выдвинулся на южный берег канала Ланд-Грабен вместе с командирами батальонов поддерживающих частей и подразделений, другими офицерами полка, провел рекогносцировку, где принял решение одновременно атаковать противника с обоих флангов: справа — 1 с.б. и слева 2 с.б., оставив одну роту для демонстрации наступления в лоб с фронта, и отдал устный приказ на наступление. Одновременно доложил командиру дивизии личные наблюдения и просьбу разрешить начать штурм с наступлением темноты, под покровом которой произвести смену подразделений 329 с.п., сместив его вправо для обеспечения стыка с частями 26 с.д., а также произвести разминирование проходов и скрытого выдвижения на исходные позиции.

При утверждении командиром дивизии решения командира полка — начало штурма было назначено на 24.00 06.04.1945г.

До наступления темноты подразделения 68 с.п. были выдвинуты на южный берег канала Ланд-Грабен.

Первым подошел и произвел переправу через канал 1 с.б., при этом на переправе не обошлось без осложнений и вынужденного вступления с хода в бой.

Противник обнаружил сосредоточение войск у переправы и открыл мощный огонь из всех видов стрелкового оружия.

Первой по решению командира батальона должна была переправиться пулеметная рота для прикрытия переправы стрелковых рот.

Оказавшись под сильным ружейно-пулеметным огнем противника, пулеметный расчет сержанта Ефремова, уже не раз отличавшийся в боях под Ригой, при разгроме Мемельской группировки немецко-фашистских войск, в районе Каршау с высоты с отметкой 56,2 близ Кенигсберга, не ожидая, когда артиллерия и минометы заставят замолчать противника, рискуя жизнью, смело и решительно первым двинулся вперед, бегом с применением маневра преодолел обстреливаемую зону, занял удобную позицию в первой траншее противника, очищенной еще утром 329 с.п., и открыл сильный прицельный огонь по огненным точкам фашистов на северной окраине имения фашистского гаулейтера Э. Коха Гросс-Фридрихсберга.

Своим примером сержант Ефремов увлек бойцов и прикрыл переправу остальных расчетов пулеметной роты.

Под метким и сильным огнем отважных пулеметчиков противник замолчал, ушел в укрытия, чем создал условия, которыми воспользовались стрелковые роты, а за ними и другие подразделения полка, быстро преодолели обстреливаемую зону, вышли и заняли исходную позицию для наступления, где непосредственно на местности были доведены задачи до каждого подразделения и бойца, что было особенно важно для достижения успеха в ночном бою.

Об отличных действиях комсомольско-молодежного пулеметного расчета сержанта Ефремова Мити, практически обеспечившего успех переправы полка через канал Ланд-Грабен, усилиями заместителя командира полка по политической части майора Володарского и всех других политработников полка было широко доведено до всех под девизом «Так держать, суворовцы!»

Кроме того, подразделения проверяли оружие, запасались боеприпасами, уясняли задачи. Штаб полка, командиры батальонов и рот увязывали взаимодействия, оформляли необходимую документацию.

Ночь с 6 на 7 апреля прошла крайне напряженно. Не смыкая глаз, работали штабы соединений и частей, разрабатывая и доводя до исполнителей задачи, вытекающие из решений Военного Совета армии, организуя и проверяя их выполнение.

Еще большим напряжением было в войсках, ведущих ночные бои.

329 с.п., 2 с.б. выйдя на рубеж 400 м севернее сильно укрепленного опорного пункта противника на высоте с отметкой 19,0, где он был остановлен значительно превосходящими силами и вел огневой бой, готовился во взаимодействии с 68 с.п. к ночному бою — наступлению на эту высоту с охватом ее справа.

С наступлением темного времени подтянул к этой позиции свой 3 с.б. капитан Дементьев, численность которого к концу дня заметно уменьшилась — в стрелковых ротах оставалось по 5—7 человек, но батальон имел еще значительную силу в пулеметах, артиллерии и минометах.

Неослабно велась партийно-политическая работа, большие усилия в которой прилагали зам. командира 3 с.б. капитан Мосьпан, парторг 2 с.б. младший лейтенант Сидоров, комсорг 3 с.б. лейтенант Баранник и другие, которые в течение дня не покидали боевые порядки подразделений, помогали командирам и поддерживали на высоком уровне моральное состояние бойцов. Особенно эта работа усилилась с наступлением темноты, когда развернулась наиболее напряженная подготовка к ночному наступлению.

68 с.п. выдвинулся во вторую траншею первой позиции в обороне противника, уже ранее очищенную 329 с.п., уточнял задачи подразделениям, пути выхода с места исходного положения для ночной атаки. Вели партийно-политическую работу с личным составом подразделений, готовя его к тяжелому бою в ночных условиях, в которой наибольшую активность проявляли находившиеся в боевых порядках зам. командира полка по политчасти майор Володарский, парторг 2 с.б. стар. лейтенант Козлов и комсорг 1 с.б. лейтенант Панин.

С наступлением темноты с участков обоих полков ушли вперед саперы, проделали проходы в минных полях и проволочном заграждении противника. 68 с.п., кроме того, направил группу разведчиков в поиск с целью проверить наличие и готовность противника, а также взять контрольного пленного. Однако разведка была обнаружена и вернулась безрезультатно, подтвердив лишь наличие и готовность противника к упорной обороне своих позиций.

В 24.00 по общему сигналу командиров 329 и 68 с.п. подразделения пошли в наступление, не открывая артиллерийского огня.

329 с.п. скрытно обошел высоту 19,0 с северо-запада и северо-востока, внезапно ворвался в траншею противника, где завязался ожесточенный бой.

Умело применяя огонь автоматов и ручные гранаты из-за изгибов траншей и ходов сообщения, отважные бойцы, воодушевляемые коммунистами и политработниками, овладели обеими траншеями противника, проникли на обратный скат высоты 19,0, вынудив противника поспешно отойти на западную окраину Гросс-Фридрихсберга.

В этом бою особо отличился командир взвода коммунист лейтенант Хоменко. Когда был тяжело ранен командир роты, он принял командование на себя и повел роту вперед в атаку с еще большей активностью. Разрушили две землянки, вывели из строя и захватили три пулемета, умело обошли позицию орудия прямой наводки и оказались в тылу подразделений противника, оборонявших высоту, откуда открыли мощный сосредоточенный огонь из автоматов и пулеметов, а также дружно закричали «у-р-р-а-а!», что внесло в ряды обороняющихся смятение, а дополнительный нажим с фронта, особенно с позиции 3 с.б., обратил их к поспешному отходу и оставлению своих позиций.

Вместе с лейтенантом Хоменко все время находился и показывал пример смелости и решительности парторг батальона, старший лейтенант Сидоров.

Наступавший на высоту слева 3 с.б. под командованием капитана Дементьева, имея малочисленный состав, сумел хорошо использовать стрельбу орудий

прямой наводки, пулеметы и минометы. Захватив внезапным броском первую траншею, он дальше продвигался шаг за шагом после обстоятельной обработки каждой позиции противника. А после выхода лейтенанта Хоменко в тыл опорного пункта умело использовал его действия, мощным огнем и броском группы смелых красноармейцев во главе с лейтенантом Жальцановым вынудил противника поспешно оставить свои позиции и отойти в Гросс-Фридрихсберг, неся по пути большие потери.

В этом бою полк захватил 6 пулеметов, 2 орудия 75-мм, уничтожил до 75 солдат и унтер-офицеров, а также взял в плен 21 чел.

Пленные, оказавшиеся из 1 п.б. 1142 п.п. 561 п.д., показали, что они совершенно не ожидали наступления советских войск ночью. Их предупреждали офицеры, и они приняли меры к отражению разведывательных групп. После ужина и большой усталости за день напряженного боя они отдыхали и не приняли мер, даже когда услышали возню и стрельбу в первой траншее, приняв их за отражение разведки русских. Однако, когда ощутили огонь и услышали русское «ура» у себя в тылу и стрельбу с первой траншеей, им оставалось одно — бежать и рисковать быть убитыми или сдаться в плен.

Овладев высотой с отметкой 19,0, полк закрепился на ней и огнем поддерживал атаку 68 с.п. на Гросс-Фридрихсберг, а также в течение всей ночи отбивал яростные контратаки противника.

68 с.п. начал наступление недостаточно организовано. По сигналу командира полка 4 с.р. 2 б. демонстративно поднялась из траншеи и стала наступать на Гросс-Фридрихсберг с северной его стороны, вынудив противника сосредоточить внимание и средства обороны на этом направлении.

В это время 2 с.б. — командир майор Моисеев, повел наступление с востока. Без артподготовки прошел минные поля и проволочные заграждения, внезапно ворвался на северо-восточную окраину Гросс-Фридрихсберга и завязал там бой за каменные дома и сараи.

Первый же батальон задержался с выходом на исходный рубеж для атаки, и одновременной атаки с флангов не получилось.

Причиной задержки выхода 1 с.б. было то, что впереди населенного пункта был канал и мост через него, по которому должна была пройти рота. Этот канал и мост простреливались сильным пулеметным и минометно-артиллерийским огнем орудиями прямой наводки из северной окраины Гросс-Фридрихсберга.

Расчет командира полка и батальона на то, что в ночное время огонь противника не будет прицельным и не станет большой помехой для выхода на рубеж атаки, не оправдался.

Противник хорошо пристрелял мост и подготовился к ведению огня в ночных условиях, и как только начались действия 68 с.п., он эту позицию сильно осветил и взял под губительный огонь.

С целью избежать лишних потерь, командир полка решил изменить маршрут выхода 1 с.б. на исходное положение и направил его по другому пути, на что было затрачено более часа времени.

В 1.00 07.04.1945г. 1 с.б. так же, как и 2, без артподготовки стремительно атаковал и ворвался на западную окраину имения, сумев закрепиться на крайних постройках.

Завязался тяжелый ночной бой в населенном пункте. Бойцы и командиры проявили отвагу и героизм.

Действуя в крайне сложных условиях, где за каждым углом был противник, пулеметный расчет сержанта Ефремова по инициативе своего храброго командира хорошо использовал темноту, смело обходил отдельные дома и постройки, вышел вперед стрелковой роты и закрепился на юго-западной окраине имения, оказался в тылу обороняющихся гитлеровцев, отрезал им пути отхода и не выпускал ни одного из бегущих живыми.

Вслед, при помощи отважных пулеметчиков, блокируя отдельные очаги сопротивления, вышли на окраину имения и стрелковые подразделения.

Гросс-Фридрихсберг был взят, хотя в нем еще оставались ряд блокированных домов и других построек, откуда немцы оказывали яростное сопротивление.

Однако в 2.30 7 апреля противник, подтянув свежие силы, предпринял сильную контратаку из направления Модиттен и высоты с отметкой 15,9, одновременно контратаковало до полка пехоты с 15 танками и самоходными орудиями. Ожили обойденные очаги сопротивления и в самом имении. Подразделения полка, не имея артиллерии и средств борьбы с танками, вынуждены были отойти и закрепиться во второй траншее перед имением Э. Коха Гросс-Фридрихсбергом.

Поддерживающие полк батарея 152-мм самоходных орудий и батарея дивизионной артиллерии на прямой наводке, в задачу которых ставилось следовать в боевых порядках стрелковых подразделений и своим огнем прокладывать им путь, уничтожать тяжелые огневые средства противника, своих задач не выполнили.

При выходе в исходное положение батарея САУ-152 задержалась, мост, по которому намечался ее проход, оказался негодным, другой же маршрут пролегал по сильно обстреливаемой местности, которую противник непрерывно и сильно освещал, а когда направилась туда батарея, то две самоходки орудиями прямой наводки противника были подбиты и сгорели. Остальные остались на месте и в атаке не участвовали.

Артиллерийская батарея, поддерживавшая 68 с.п. и выведенная на позиции для стрельбы прямой наводкой, задержалась со сменой огневых позиций, осталась на месте и не могла помочь стрелковым подразделениям ни при штурме позиции, ни при отражении контратак противника.

После оставления Гросс-Фридрихсберга командир 68 с.п. полковник Онойченко П.Н. принял самые энергичные меры, чтобы орудия дивизионной и полковой артиллерии были выдвинуты непосредственно на позиции стрелковых подразделений и органически влились в них.

Были созданы своеобразные штурмовые группы на базе стрелковых взводов. Каждое из восьми орудий включалось в состав стрелкового взвода, подчинялось его командиру, и решалась ими одна общая задача. Ни отстать, ни уйти орудие без разрешения командира взвода не могло. В свою очередь стрелки обязывались помогать всем необходимым артиллеристам, считать их членами своего боевого коллектива.

Батарея САУ-152 была поставлена в ложине в 200 метрах позади рубежа атаки стрелковых подразделений и подчинена непосредственно командиру

2 с.б. майору Моисееву, который в свою очередь обязывался отвечать за оказание ей помощи в выполнении ставящихся ей задач.

В 5.00 7 апреля после 30-минутной артподготовки всей артиллерией и минометами дивизии, включая все орудия прямой наводки, 68 с.п. во взаимодействии с 329 с.п. вновь пошли в атаку на Гросс-Фридрихсберг.

На этот раз она была достаточно организованной и мощной. Все подразделения обоих полков с трех сторон одновременно атаковали противника, его позиции и сооружения. Вместе с наступающими стрелками двигались орудия прямой наводки, каждый дом, каждый сарай или другие постройки брались совместно, после нескольких снарядов орудиями прямой наводки дружно атаковались стрелковыми подразделениями со всех сторон. Расправившись с одной, брались за другую очередную постройку, занятую противником, и так к рассвету Гросс-Фридрихсберг был вновь полностью очищен от противника. При этом высота с отметкой 19,2 и западная часть имения были очищены и заняты 329 с.п., а центральная, северо-восточная и восточная части — 68 с.п., где приступили к закреплению достигнутого рубежа.

Артиллерия прямой наводки, не отрываясь от своих взводов, размещалась на огневых позициях в разрушенных каменных постройках, а находящаяся на закрытых позициях выдвинула передовые наблюдательные пункты и стала пристреливать впереди лежащую местность — возможные направления дальнейших действий, особенно дорогу, ведущую на высоту с отметкой 15,9 и Модиттен.

252 с.п. в ночь с 6 на 7 апреля сдал свои позиции в Вильки 119 с.п. 319 с.д., занял позицию юго-восточнее Гросс-Фридрихсберга и стал вести подготовку к штурму форта №6 во взаимодействии с частями 319 с.д.

Одновременно со сменой, ночью, 252 с.п. проведена поисковая разведка подходов к форту №6 с северо-востока, а также с юго-востока и юга к Гросс-Фридрихсбергу.

Установлено, что на юго-восточной окраине имения, у парка и сада, расположен господский дом, состоящий из двухэтажного большого дома, в котором и вокруг которого расположены основные укрепления этой стороны имения. Усадьба обнесена высоким каменным забором, вдоль которого всю ночь курсируют два патруля противника, а с восточной стороны, в нижней части парка и сада, имеется боевое охранение фронтом к каналу Ланд-Грабен.

Подходы к Гросс-Фридрихсбергу с юга и юго-востока, со стороны парка и Мариенберга прикрываются также огневыми средствами противника из капо-нира форта №6.

Дивизия день 7 апреля провела в ожесточенных боях за окончательное овладение Гросс-Фридрихсбергом и прекращение движения противника по железной и шоссеиной дорогам из Кенигсберга в Пиллау.

Но начался день приятно: погода изменилась, стало ясно и солнечно, всю заработала наша авиация, имевшая полное господство в воздухе. Над городом и его пригородами стояли сплошной дым от пожаров и облака красного цвета от разбитых зданий, сложенных из красного кирпича. Почти непрерывно раздавались взрывы и вой пикирующих самолетов, особенно штурмовиков, настойчиво атаковавших опорные пункты, форты и другие наиболее упорно оборонявшиеся позиции противника.

В полосе наступления нашего корпуса удары авиацией наносились по Метгетену, Модитгетену, форту №6, по опорным пунктам на высотах 18,8 и 15,9, проходившим по их южным скатам, железной и шоссейной дорогам и другим объектам.

Однако, несмотря на явное превосходство советских войск, особенно в артиллерии, авиации и танках, противник продолжал яростное сопротивление. Не смирился он и с потерей Гросс-Фридрихсберга. С целью восстановить положение и вновь занять этот чрезвычайно важный опорный пункт, противник в течение дня шесть раз переходил в контратаки.

Сам Гросс-Фридрихсберг несколько раз переходил из рук в руки.

В период наступления и отражения контратак противника личный состав полков дивизии проявил исключительную стойкость, упорство, мужество и героизм.

329 с.п., взаимодействуя с 68 с.п., после очередной контратаки противника, несколько потеснившего их подразделения, в 11.45 7 апреля вновь перешел в наступление.

После короткой артподготовки и удара штурмовой авиации по опорным пунктам на высотах 18,8 и 15,9 вместе с батареей САУ-152 пошли в атаку и захватили ранее оставленный разбитый дом. Неподалеку от него в воронке от снаряда орудия большой мощности лежал весь окровавленный, с множеством осколочных ранений, но уже мертвый командир 9 с.р. полка лейтенант Ваганов. А когда пришли в развалины дома, там оказалась и уже хозяйничала группа бойцов его роты во главе с лейтенантом Жальцановым и с ним рядовые красноармейцы Смирнов, Кривоногов, Малышев, Волков, Петров и Зиборов.

Они вели огневой бой и готовились к броску на отошедшего противника, а когда к ним подтянули телефон, передали, чтобы Жальцанов принял на себя командование ротой, получили от него данные об обстановке и одновременно спросили, как они попали туда.

«А мы еще утром захватили эту позицию и не отходили», — ответил Жальцанов.

— Вот те раз! Так мы по своим, стало быть, лупили?

— Нет, когда немцы вернулись, мы в подвале сидели, а они в траншее отбивались от вас, так что снаряды им доставались, а не нам.

Так 23-хлетний учитель, заведующий отделом народного образования Бурятского национального округа, коммунист, человек мирной профессии, не только воодушевлял и направлял своих бойцов, но, проявляя стойкость, веру в нашу победу и находчивость, достигал победы над заклятым врагом.

Особенно жарким бой был 07.03.1945г. на участке, занимаемом 2 п.р. 68 с.п., которой командовал старший лейтенант Катин Николай Андреевич.

Отважный командир, призванный в армию в мае 1942 года Зеленодольским райвоенкоматом Татарской АССР, окончил Ярославское военное училище и с августа 1943 года находился на фронте, трижды был ранен, награжден орденом Красная Звезда, накануне штурма Кенигсберга был принят в члены ВКП/б/. Принимая партийный билет и поздравление с высоким званием коммуниста, он заверил, что с честью оправдает его в боях.

Овладев в ночной атаке 2 с.б. под командованием майора Моисеева северо-восточной частью поместья гаулейтера Э. Коха, рота заняла огневую позицию в двух наиболее выгодно расположенных домах, на удалении в 300 метров

друг от друга, и метким огнем короткими очередями беспощадно разила яростно сопротивлявшихся фашистов, расчищая путь продвижения стрелковым ротам и штурмовой группе полка под командованием капитана Гнедина А.Д.

Но противник подтянул резерв, перешел в контрнаступление — завязался длительный и изнурительный бой.

Противник, намного превосходивший силами пехоты, танками и самоходными орудиями «фердинанд», сумел потеснить, а затем и выбить из населенного пункта стрелковые подразделения, не имевшие достаточных средств борьбы с танками и израсходовавшие боеприпасы.

Но рота старшего лейтенанта Катина Н.А. не отошла, прочно удерживала занятые позиции, прикрыла отход стрелковых подразделений и оказалась до 500 метров впереди них. Когда же после перегруппировки, выдвижения и сопровождения стрелковых подразделений артиллерийскими орудиями прямой наводки полк вновь перешел в наступление, рота Николая Катина сыграла очень важную роль: поддержала своим огнем выдвижение и атаку 5 с.р. под командованием старшего лейтенанта Горбунова, а за ней и всего 2 с.б., что имело решающее значение в выполнении батальоном задачи по овладению северо-восточной частью имения Гросс-Фридрихсберг.

В течение первой половины дня шел упорный бой.

Противник почти непрерывно и яростно контратаковал подразделения 329 и 68 с.п., занимавших имение, кроме самого господского дома, сада и парка, находившихся на южной и юго-восточной окраине поместья.

Многие строения и большая часть всего населенного пункта переходили из рук в руки несколько раз.

Силы сражавшихся как одной, так и другой стороны таяли, убывали они и в пулеметной роте старшего лейтенанта Катина, но «суворовцы» стойко дрались, памятуя, что и «один в поле воин».

К середине дня гитлеровцы, сосредоточив крупные силы из глубины своей обороны, вновь пошли в атаку. Отбивалась уже пятая атака с начала дня, когда противнику, ведущему бешеный артиллерийский и минометный огонь, удалось подойти вплотную к домам, которые занимала пулеметная рота Катина.

Причем жили и сопротивлялись огневые позиции только в двух домах: в левом и несколько сзади дома упорно защищался взвод с двумя станковыми пулеметами, а во втором доме также с двумя станковыми пулеметами держал оборону сам старший лейтенант Катин.

Три часа, не затихая, шел ожесточенный бой.

Фашистам ценой больших потерь удалось подойти вплотную к отважным пулеметчикам, которые не падали духом, скорее наоборот, даже песни пели, в том числе знаменитого, всем известного «Варяга» — «наш гордый «Варяг» не сдается врагу», а также выкрикивали всякого рода остроты в адрес фашистских вояк, глумясь над ими и ведя без усталости огонь из двух пулеметов. Их непрерывно поддерживал старший лейтенант Катин со своим напарником, которые так же хладнокровно вели прицельный огонь короткими, но очень болезненными для противника очередями — любимый почерк Николая Катина.

Но вот противник подтянул две самоходные установки «фердинанд» и обрушил их огонь с близкого расстояния по дому, занятому взводом. Выстрелом

в упор был разбит вдребезги один пулемет, проломлена стена. От этого снаряда погибла группа смельчаков.

Но это привело в еще большую ярость оставшихся — они бросают сразу две связки противотанковых гранат, и подошедший вплотную «фердинанд» заерзал, склонился на правый бок, уткнулся жерлом своего орудия в каменное основание дома и замолк.

Уцелевший пулемет заработал с еще большим остервенением, в упор расстреливая рванувшихся было к дому гитлеровцев. Косоприцельным огнем с фланга им отлично помогал командир роты из двух пулеметов.

Атака пехоты была отбита. Тогда двинулся к дому второй «фердинанд», но путь ему преградил огонь орудия сержанта Роденко К.Г., выдвинувшегося вперед на выручку отважных пулеметчиков, и прямой наводкой стал расстреливать фашистский «фердинанд», который сдрейфил, попятился назад и спрятался за домом в имении.

Это еще больше воодушевило отважных пулеметчиков, они с еще большим вдохновением обрушили огонь своих пулеметов на немцев, заставив их залечь, а затем вслед за «фердинандом» отойти.

Так мужественные пулеметчики не сделали ни шагу назад, сжали в кулак свою волю к победе, такую близкую и столь желанную, вложили все свои силы и победили!

Через некоторое время фашисты пошли в очередную атаку, сосредоточив все свои силы и оставшийся на ходу «фердинанд» против дома, в котором стойко отбивал атаки командир роты старший лейтенант Катин.

Теперь по фашистам бьют только три пулемета, но из дома комроты Катина через некоторое время стреляют два. В строю остается только один ротный, который попеременно ведет огонь то из одного, то из другого пулемета.

Еще одна атака отбита, но его напарник, рядовой Сушков, получил тяжелое ранение и контузию, потерял сознание. Командир роты вынес его из дома во двор, где уложил и укрыл в щели.

Гитлеровцы, собрав остатки своих сил, пошли в пятую атаку. На этот раз, прячась за громадину «фердинанда», стали приближаться к позиции героя. Кирпичное здание не выдержало, часть стены с грохотом рухнула, «фердинанд» продолжал бить по дому. Серо-желтая пыль окутала все вокруг. Самоходка из орудия и крупнокалиберного пулемета бьет по развалинам дома, где притих отважный советский офицер.

Вдруг в грохоте канонады раздался глухой взрыв, совсем не похожий на разрыв снаряда.

Налетевший порыв ветра развеял тучу пыли и дыма, все увидели, что бронированная громадина, уткнувшись пушкой в груды кирпича, с перебитой гусеницей завалилась на левый бок — Николай Катин связкой гранат укротил железную тушу ненавистного врага.

Фашисты вновь откатились в смертельном страхе, но, гонимые своими «фюрерами», заерзали и пошли в шестую атаку.

Долго еще по противнику бил только один пулемет. Но вот смолк и он. Герой — коммунист, расстреляв все патроны, с оставшейся единственной гранатой в руке стал у полуразрушенного дверного проема, прислонившись к нему.

Гитлеровцы ворвались в развалины дома. Подпустив к себе врагов вплотную, Николай Андреевич взорвал противотанковую гранату, и здесь он оказался верным себе: уходя из жизни, он лишил ее еще десятков фашистов.

Так мужественный советский воин, выполняя свой воинский долг, шагнул в бессмертие!

За проявленные мужество, стойкость и героизм коммунисту старшему лейтенанту Катину Николаю Андреевичу посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Во время, когда шел поединок с героями-пулеметчиками 2 п.р. старшего лейтенанта Катина, на правом фланге 68 с.п. так же мужественно и самоотверженно сражались пулеметчики 1 п.р., особенно расчет сержанта Ефремова Дмитрия Ивановича, который при отходе с.б., по личной инициативе, будучи уверенным в возобновлении наступления своего батальона, остался на первоначальной своей позиции — в отдельном каменном сарае впереди до 600 метров от позиции, где остановились стрелковые роты, на фланге у дороги, по которой выдвигались контратакующие подразделения фашистских войск.

И когда контратакующая пехота гитлеровцев с четырьмя «фердинандами» вошла в имение и навалилась одновременно на позиции второй пулеметной роты старшего лейтенанта Катина, а также на позицию сержанта Ефремова, отважный пулеметчик не струсил, подпустил контратакующих немцев до 20 метров и метким ураганным огнем отсек пехоту от самоходок и уложил из них более 30 солдат убитыми, остальные дрогнули и поспешно отступили.

Поддерживающие полк орудия прямой наводки сержантов Обухова, Коженалиева и других сильным прицельным огнем подожгли одну самоходку, вторая укрылась за домом в имении.

Этот момент совпал с подвигом старшего лейтенанта Катина и был использован стрелковыми батальонами, которые одновременно перешли в контрнаступление. В это же время по шоссе, на котором стоял пулемет сержанта Ефремова, спешно выдвигалась на помощь отходящим немцам колонна до роты пехоты с тремя танками, стремясь сорвать начавшуюся нашу атаку.

Танки были остановлены и заметались под огнем орудий прямой наводки, а сержант Ефремов открыл прицельный огонь по пехоте, уничтожил до 20 солдат и поджег легковую машину с офицерами.

Укрывшийся «фердинанд» засек отважного пулеметчика, открыл по нему огонь. Одним из выстрелов пулемет сержанта Ефремова был разбит, погиб при этом его напарник. Тогда отважный сержант укрепил на сарае красный флаг, взял карабин у погибшего товарища, присоединился к стрелковой роте и продолжал сражаться с противником, добиваясь выполнения задачи.

Во время, когда шел поединок гитлеровцев с мужественными пулеметчиками 68 с.п., был введен в бой 252 с.п., которому была поставлена задача овладеть южной и юго-восточной частью усадьбы фашистского гаулейтера Э. Коха во взаимодействии с 68 и 329 с.п.; очистить от фашистов селение и прекратить движение по дорогам Кенигсберг-Пиллау.

Находясь на исходных позициях для наступления на имение с восточной и юго-восточной его сторон, командир 252 с.п. подполковник Яценко Александр Тимофеевич не стал атаковать противника в лоб, а предпринял маневр:

— 2 с.б. майора Царегородцева оставлен на месте, прежнем рубеже /отсечная позиция южнее высоты с отметкой 21,0/, с задачей сковать противника, оборонявшегося в господском доме и в саду восточнее его. Предложено передать штурмовую группу под командованием старшины Алейникова А.Г. в первый батальон майору Иванову;

— 1 с.б. майора Иванова основными силами обойти боевое охранение противника с юга, окружить и уничтожить его.

Штурмовую группу 1 с.р. объединить с передаваемой из 2 с.б. группой старшины Алейникова, создать сводный отряд под командой заместителя командира 1 с.б. капитана Мартынчука Александра Даниловича, которому скрыто обойти опорный пункт с юга, внезапно атаковать и овладеть господским домом — сердцем всего узла обороны, в дальнейшем очистить южную часть поместья и наступать на опорный пункт на высоте с отметкой 15,9.

Задачи командирам батальонов и сводному отряду были поставлены лично командиром полка непосредственно на местности, используя данные ночной поисковой разведки. При этом было строго приказано открыть артиллерийский и минометный огонь и провести 15-минутную подготовку по району скотного двора и северо-восточной части сада, т.е. объектам наступления 2 с.б. майора Царегородцева. Подготовить сосредоточенный огонь по господскому дому и боевому охранению, но с целью создания условий внезапности атаки огонь по ним открывать только по вызову командиров 1 с.б. майора Иванова и сводного отряда капитана Мартынчука серией красных ракет.

Начало артналета назначалось на 13.00, оно же являлось началом атаки боевого охранения и господского дома противника.

В 12.30 по просьбе командира дивизии была проведена получасовая обработка звеном штурмовиков имени Э. Коха, особенно район господского дома, высот с отметками 18,8 и 15,9, Модиттена и форта №6.

Замысел и приказ командира 252 с.п. были выполнены полностью и в срок, при этом командиры батальонов, отрядов и других подразделений проявили личную инициативу и находчивость.

Пользуясь занятием противником укрытий во время налета штурмовиков, командир 1 с.б. майор Иванов, оставив с фронта против боевого охранения лишь одну огневую группу 1 с.р., остальными силами, лично им возглавленными, вслед за объединенным отрядом, укрываясь за каменным забором, огораживавшим усадьбу имения, скрытно обошел боевое охранение, проник в парк и зашел немцам в тыл, а когда подошло время 13.00, с помощью рупора и полкового переводчика предложил пехотному взводу сдаться без боя, так как он окружен и сопротивление бесполезно. Но когда в течение десяти минут, отведенных при ультиматуме, ответа не последовало, батальон для убедительности открыл мощный огонь из стрелкового оружия, показав истинную картину безнадёжного положения, боевое охранение противника в количестве 31 солдата и одного офицера сдалось в плен, а батальон, подтянув огневую группу 1 с.р. на позицию бывшего боевого охранения противника, продвинулся и занял рубеж атаки у начала парка и сада со стороны господского дома.

Сводный штурмовой отряд сразу скрытно вышел к началу парка и расположился в непосредственной близости к господскому дому, где укрылся в

складках местности и за вековыми деревьями роскошного парка, откуда без промедления начал действовать.

Еще не закончился налет штурмовой авиации, как старшина Алейников, оставив свою группу на месте в готовности к броску на дом, взял с собой Демидова Владимира Максимовича и такого же юркого крепыша рядового Кирюшина Николая Андреевича, уже не раз проявлявших свою храбрость и способность действовать в крайне сложной обстановке; они скрытно подошли к дому с тыльной стороны и по водосточной трубе влезли на его второй этаж /первым поднялся отчаянный старшина Алейников/. Выждав, когда немцы вышли из укрытий, подвала и убежища, и вновь заняли свои позиции у окон дома, смельчаки, под общий звук начавшейся стрельбы, а они были вооружены немецкими трофейными автоматами и их же гранатами, сумели уничтожить пулеметный расчет /три человека/, стрелявший по начавшему наступать 2 с.б. полка из окна противоположной комнаты, а затем и все остальные точки на втором этаже. Бесшумно и хладнокровно, переходя из одной комнаты в другую, очистив второй этаж, смельчаки спустились и продолжили то же самое на первом этаже, а подвал забросали гранатами, дав одновременно сигнал, что путь открыт, — две зеленые ракеты.

Так бесстрашные старшина Алейников А.Г. и его боевые товарищи Демидов и Кирюшин уничтожили 22 гитлеровца и обеспечили успех атаки не только сводного отряда, но и всего батальона. Очищена вся прилегающая к дому местность, особенно убежище, располагавшееся рядом с домом, где, как оказалось, помещался командный пункт немецко-фашистского батальона 1 Кенигсбергского крепостного полка, который был полностью уничтожен, 18 солдат и 9 офицеров со всем штабным имуществом, снаряжением и документами взяты в плен.

Майор Иванов без промедления обе свои роты двинул вдоль дороги к центру населенного пункта, содействуя наступлению 68 и 329 с.п., сводный отряд направил на южную окраину фронтом против высоты с отметкой 15,9 с задачей отразить возможную контратаку противника со стороны форта №6 или опорного пункта на высоте.

Наступлению 1 с.р. батальона майора Иванова сильно мешали засеившие в траншею у дороги немцы.

Тогда ефрейтор Талапин, командир пулеметного расчета 1 п.р. 252 с.п., пробрался к развалине дома, стоявшего у дороги на фланге сопротивлявшихся немцев, и ударил оттуда по ним. Его мелкие очереди заставили замолчать сопротивлявшихся фашистов, чем воспользовалась наступающая стрелковая рота, ворвалась в траншею и в ожесточенной схватке овладела ею.

В это время выдвинулась из укрытия самоходка немцев и ударила по пулемету Талапина. Третьим снарядом пулемет был разбит, а отважный пулеметчик контужен, засыпан грудой битого кирпича и землей.

Когда мужественный воин пришел в себя, рота вела упорный бой с яростно сопротивлявшимся противником. Взяв автомат и оставшиеся гранаты, ефрейтор Талапин присоединился к роте и лично уничтожил еще 9 немецких солдат.

Поджатые с юго-востока остатки контратаковавших имение немцев, преследуемые перешедшими в решительное наступление 68 и 329 с.п., стали

поспешно отходить, а полки дивизии закрепляться по окраинам и наиболее важным позициям в Гросс-Фридрихсберге.

Так во второй половине дня 7 апреля 1945 года Гросс-Фридрихсберг был полностью очищен от яростно сопротивлявшихся фашистов.

Осиное гнездо важного опорного пункта гитлеровцев — двухэтажный дом гаулейтера Э. Коха, в котором он принимал и угощал своего фюрера — бесноватого Гитлера, было разгромлено, а сам опорный пункт окончательно и бесповоротно взят полками 70 стрелковой Верхнеднепровской ордена Суворова дивизии.

Однако противник и на этот раз не успокоился. Буквально через 1,5–2 часа он вновь перешел в контратаку.

Но, имея уже опыт и зная упорство противника к удержанию этого опорного пункта, командир дивизии принял меры, чтобы вслед за стрелковыми полками были незамедлительно выдвинуты в Гросс-Фридрихсберг 12 орудий 227 артполка для стрельбы прямой наводкой, кроме того, 10 орудий полковой и батальонной артиллерии — непосредственно в передовые стрелковые подразделения.

Юго-восточную, наиболее уязвимую окраину господского имения в районе дома гаулейтера занял батальон майора Иванова, используя имевшиеся там немецкие траншеи, стал готовиться к дальнейшему наступлению на высоту с отметкой 15,9.

Командный пункт комбата Иванова был перемещен на место разгромленного немецкого, а в комнате, куда проникла группа Алейникова и из которой хорошо просматривались все подходы к дому с юга, был развернут наблюдательный пункт комбата.

С целью укрепления левого фланга дивизии сюда же, в Гросс-Фридрихсберг, командир 252 с.п. ввел и разместил во втором эшелоне в затылок первому свой второй батальон майора Царегородцева, занявшего господский дом и другие строения, расположенные вокруг него на юго-восточной окраине имения.

Только успели подтянуться и занять выгодные огневые позиции все орудия артиллерии прямой наводки, станковые пулеметы, наблюдательные пункты артиллерии и минометов, а также пулеметные и стрелковые подразделения, как из района Модиттена — высота с отметкой 18,8 — стала выдвигаться колонна до полка пехоты с 12 танками, четырьмя самоходными орудиями, а из района опорного пункта на высоте с отметкой 15,9 — до батальона пехоты с четырьмя танками и двумя самоходками «фердинанд».

На сей раз они были встречены вызванным звеном штурмовой авиации, а также организованным массированным огнем артиллерии и минометов, особенно орудиями прямой наводки, да так метко и мощно, что противник еще до подхода к исходному положению для атаки потерял больше половины своего боевого состава, а добравшиеся до окраин имения гитлеровские вояки были морально подавленными, атаковали вяло и трусливо, с оглядкой назад.

Наоборот, поредевшие стрелковые подразделения наших полков, воодушевленные превосходством над противником в огневой мощи, активно поддерживаемые метким огнем орудий прямой наводки и авиацией, успешно отразили и эту контратаку противника, бросившего в бой столь большие силы.

Наиболее ярким и успешным бой с контратакующим противником произошел на участке 1 с.б. 252 с.п.

На позицию, занятую взводом старшины Алейникова, двигалось до роты пехоты противника с тремя танками. Храбрый воин не растерялся, попросил командира роты сосредоточить огонь по пехоте и отсечь ее от танков, а сам с верным своим другом Кирюхиным Николаем по-пластунски поползли к находившемуся вблизи, на пути движения танков, полуразрушенному строению.

Укрывшись за ним, выждали, когда к ним приблизились танки, забросали их связками гранат. Одному танку были перебиты гусеницы, и его сильно трянуло от мощной связки противотанковых гранат. Танк застыл на месте, а выскочивший из него экипаж автоматным огнем был уничтожен. Остальные два танка повернули обратно, маневрируя и уклоняясь от огня орудий прямой наводки, открывших прицельный огонь по ним.

В это же время вслед за старшиной Алейниковым выдвинулся к этой же развалине ефрейтор Талапин со станковым пулеметом, врученным ему взамен разбитого, и открыл сильный фланкирующий огонь по наступающей пехоте немцев.

Подавленная немецкая пехота не выдержала сосредоточенного ружейно-автоматного, пулеметного и минометного огня, дрогнула, залегла и стала пятиться назад.

Тогда старшина Алейников выскочил из-за своего укрытия, прикрытый огнем пулемета ефрейтора Талапина, подал команду: «Вперед, в атаку, за мной!» — и стал забрасывать немцев гранатами.

Взвод, а за ним и рота рванулись вперед, дружно атаковали и обратили в бегство контратакующих немцев, которые, оставив на поле боя более 35 солдат и унтер-офицеров убитыми, бежали вслед за танками.

Так же успешно была отражена контратака немцев 329 и 68 с.п. дивизии на правом фланге имения.

Находившиеся перед ними танковые подразделения противника, понесшие потери от орудий прямой наводки нашей артиллерии, увидев поспешный отход на своем правом фланге, попятиться назад, подгоняемые огнем нашей артиллерии и минометов.

Пока шел бой с контратакующей пехотой и танками противника, в господском доме были завершены работы по оборудованию переместившихся туда НП командира 252 с.п. и поддерживающей его артиллерии, которые расположили на чердаке дома, защитив их мешками с песком. С этих пунктов хорошо просматривались позиции противника, что помогло успешно отразить контратаку, а также опорные пункты на высотах с отметками 15,9 и 18,8, находившиеся южнее их железная и шоссейная дороги Кенигсберг-Пиллау и не менее важный опорный пункт Модиттен, то есть все основные объекты в уточненной полосе наступления дивизии.

Таким образом, к исходу дня 7 апреля дивизия выполнила поставленную ей задачу дня. Очень важный, сильно укрепленный узел обороны противника с центром в Гросс-Фридрихсберге, прикрывавший выход на дорогу от города-крепости Кенигсберг до питавшего его порта Пиллау и Земландской группировки войск, был полностью очищен от противника и закреплен за частями дивизии.

Движение по дорогам Кенигсберг-Пиллау прервано.

Противник понес большие потери:

— было убито, оставлено на поле боя 880 солдат и офицеров;

— уничтожено 6 танков, 4 самоходных установки «фердинанд», 7 орудий, 18 пулеметов, много оружия и другой боевой техники.

— взято в плен 256 солдат и офицеров;

— завершён разгром 1 Кенигсбергского к.п., а также 1142 п.п. 561 п.д., нанесён существенный урон 5-й танковой дивизии противника.

Понесли потери и наши части. Было убито 53 и ранено 155 человек, разбито 2 орудия 45-мм, два миномета 82-мм и 5 станковых пулеметов. Наибольшие потери понес 329 с.п., особенно его 3 с.б. — штурмовой отряд полка под командованием капитана Дементьева А.А.

Завершение боев за Кенигсберг

Напряженно прошла ночь с 7 на 8 апреля 1945 года.

Противник ещё дважды пытался атаковать наши части в имении Э. Коха, рассчитывая, очевидно, на их усталость и беспечность.

Но гитлеровцы глубоко ошиблись. Воины дивизии, воодушевленные достигнутой победой, не ослабили своей бдительности и напряженно готовились к дальнейшему наступлению.

Вели разведку с целью выявить наиболее выгодные пути подхода к позициям немцев, уточнялись их силы и замыслы захватом пленных.

Разведгруппы высылались всеми полками дивизии перед своими позициями, а также разведрота дивизии выслала свою группу на стыке с соседом справа — 26 с.д., которая по-прежнему отставала, и фланг с ней оставался открытым.

Разведгруппы не смогли проникнуть глубоко за позиции, занимаемые противником, но зато обнаружили и заблаговременно предупредили о выдвигании противника для ночной контратаки и даже взяли пленных.

Пленные оказались от частей 561 п.д. немцев, показали, что им приказано при поддержке 5 и других подразделений любой ценой восстановить утраченное положение — выбить советские войска из Гросс-Фридрихсберга.

На участке 252 с.п. полковая разведка установила контакт с полковой разведкой соседа слева — 119 с.п. 319 с.д., отыскивавшей наиболее эффективные подходы к форту №6, к штурму которого полк готовился.

Обменявшись собранными данными, полковая разведка 252 с.п. нашла скрытный проход в тыл опорного пункта на высоте с отметкой 15,9 между нею и фортом №6.

Одновременно с разведкой велась также усиленная работа по приведению подразделений в порядок и усиленная подготовка к дальнейшему наступлению:

— первыми, как всегда, появились артснабженцы полков, среди которых особенной активностью и бесстрашием отличался начальник артснабжения 252 с.п. капитан Матвеев Георгий Константинович, заменялось вышедшее из строя оружие, устранялись неисправности в нем, пополнялись боеприпасы;

— усиленно работали штабы: сводились или пополнялись подразделения, уточнялись потери и отдельные боевые эпизоды, собирались и оформлялись материалы для награждений, готовились и представлялись боевые донесения;

— велась партийно-политическая работа, проводилось питание и поочередный отдых личного состава.

Наряду с этим в течение ночи дважды с 21.00 до 23.00 и с 3.00 до 5.00 противник контратаковал позиции частей дивизии силами до батальона пехоты в районе высоты с отметкой 18,8 и до роты пехоты в районе высоты с отметкой 15,9. Эти контратаки были больше похожи на усиленную разведку боем и скорее всего проводились с целью измотать наши части, с тем чтобы ослабить их стойкость и силу ударов днем 8 апреля, которых они вполне обоснованно ожидали.

Утром же 8 апреля, опередив наши части, противник вновь перешел к яростным контратакам и в течение дня трижды атаковал части дивизии с направлений высот с отметками 18,8 и 15,9 — Модиттен по дороге на Гросс-Фридрихсберг. В каждом из направлений действовало не менее батальона пехоты с 7—8 танками и 3—4 самоходными орудиями.

Но все эти атаки успеха не имели.

Части дивизии прочно удерживали занимаемые рубежи и успешно отбивали все попытки противника вновь овладеть имением фашиста Коха.

В этих боях вновь отличались артиллерия и минометы, особенно орудия, выдвинутые для стрельбы прямой наводкой.

Артиллеристы и минометчики сосредоточенным огнем расстраивали боевые порядки атакующих, наносили им большие потери, а затем устанавливали такой огневой заслон, что преодолеть его было почти невозможно. Это был своеобразный огневой вал, только в обратную сторону от противника, что полностью закрывало подступы к позициям наших частей и вынуждало противника отходить на исходный рубеж.

В этих боях противник потерял только убитыми оставленными на поле боя 160 солдат и офицеров, а также один танк из числа тех, которым удалось проникнуть сквозь заслон артиллерийского огня и вплотную подойти к позициям, занятым стрелковыми подразделениями наших частей.

При отражении контратак противника неослабное внимание было обращено на просматривавшиеся с наблюдательных пунктов железную и шоссейную дороги Кенигсберг-Пиллау, по ним велся нашими артиллеристами методичский огонь, а при появлении каких-либо видов транспорта открывался мощный сосредоточенный огонь. Движение по дорогам практически было прекращено.

Одновременно с этим оказывалась огневая помощь соседу слева — 319 с.д., готовившей штурм форта №6.

Изматывая противника, дивизия одновременно готовилась вновь перейти в наступление, причем было решено наступать двумя полками:

— 329 с.п. ставилась задача овладеть опорным пунктом на высоте с отметкой 18,8 и прикрыть правый фланг дивизии;

— 252 с.п. — овладеть опорным пунктом на высоте с отметкой 15,9 и содействовать соседу слева — 319 с.д. в овладении фортом №6 — королева Луиза;

— 68 с.п. — оставаться на месте в Гросс-Фридрихсберге во втором эшелоне с задачей прочно удерживать имение и быть готовым к наступлению за 252 с.п.

Учитывая малочисленность боевых составов стрелковых подразделений в полках и неизбежность разрывов между батальонами и полками, было решено

наступать, имея батальоны в линию /в одном эшелоне/, а также на флангах держать стрелковые пулеметы и орудия прямой наводки.

Командиры полков и батальонов, получив задачи на наступление, построили свои действия:

— 329 с.п. охватывал высоту с отметкой 18,8 вторым стрелковым батальоном капитана Хлестуна слева от дороги Модиттен-Гросс-Фридрихсберг, а 3 с.б. капитана Дементьева с батареей 227 а.п. орудиями прямой наводки наступал прямо на высоту;

— 252 с.п. действовал 1 с.б. майора Иванова справа и должен был овладеть опорным пунктом на высоте с отметкой 15,9, в дальнейшем наступать вдоль дороги Гросс-Фридрихсберг-Модиттен, поддерживая огневую связь с 329 с.п., а 2 с.б. майора Царегородцева действовал слева, оказывая содействие 1 с.б. овладеть опорным пунктом на высоте с отметкой 15,9, а 119 с.п. 319 с.д. — в штурме форта №6, в дальнейшем наступать на восточную окраину Модиттена.

Атака была назначена на 21.00 после 30-минутной артподготовки.

Организуя бой, майор Иванов вновь проявил инициативу и находчивость. Располагая данными ночной разведки и наблюдая пассивность противника с форта №6 по направлению наших позиций, зная о незаурядных способностях старшины Алейникова, он направил его взвод в тыл опорного пункта на высоте с отметкой 15,9.

Получив задачу, старшина Алейников использовал сосредоточенный огонь артиллерии, проник между батальонами в тыл опорного пункта со стороны форта, осмотрелся, и как только комбат подал ракетами сигнал атаки, внезапным броском ворвался в траншею, причем сам Алейников прыгнул в нее первым и оказался перед тремя опешившими гитлеровцами. Отважный воин в течение считанных секунд решительно расправился с ними — ловким, сильным ударом прикладом ППШ разбил голову, свалил в траншею рослого и сильного немца, мгновенно добив его очередью из автомата, второму тут же в упор прошел живот автоматной очередью, а третий сам бросил оружие и поднял руки.

Еще шел бой по уничтожению противника на участке первой траншеи, как старшина Алейников, а за ним вслед рядовой его взвода Назарук Иван Дмитриевич — сильного телосложения солдат с западной Украины, оба с противотанковыми гранатами в руках, скрытно подползли к немецкому пулеметчику, дежурившему у блиндажа во второй траншее и замешкавшимися с открытием огня по атакующим с неожиданной стороны.

Сильных два взрыва вывели из строя и разнесли не только пулемет, но и находившийся рядом блиндаж. Довершили дело автоматы и обычные ручные гранаты.

Оказалось, что взвод старшины Алейникова не просто проник в тыл, но атаковал и захватил командный пункт пехотной роты, оборонявшей высоту с отметкой 15,9, взяв в плен трех офицеров и 5 солдат.

Расправившись быстро с первой преградой, взвод дружно стал очищать ход сообщения, прикрываясь находившимися в засаде у высоты двумя танками.

Майор Иванов, видя, что маневр удался, противник дрогнул, поднял и лично повел в атаку на отходящих немцев свой батальон.

Старшина Алейников тем временем подкрался по ходу сообщения к танкам и связкой противотанковых гранат подбил один из них, а второй, отстреливаясь, устремился за своей пехотой.

В рукопашной схватке батальона с отступавшей пехотой немцев было уничтожено 60 гитлеровцев, 23 солдата и 4 офицера взяты в плен, подобрано большое количество разного оружия, боеприпасов и другого военного имущества.

Очистив высоту, ее южные и юго-западные скаты, батальон тут же прочно закрепился, выдвинув взвод лейтенанта Еременко в боевое охранение к насыпи железной дороги.

Майор Иванов лично обошел захваченные позиции, разместил на них свои подразделения, особенно пулеметы и орудия прямой наводки, выдвинув туда всю пулеметную роту и 6 орудий прямой наводки. Сам подобрал себе наблюдательный пункт на высоте, организовал его оборудование и дежурство наблюдателей за поведением и действиями противника.

Были также выдвинуты наблюдательные пункты поддерживающей артиллерии и тяжелых минометов, которые без промедления взяли под обстрел дороги Кенигсберг-Пиллау, а также Модиттен — важный опорный пункт немцев на пути наступления дивизии.

Наступавший слева 2 с.б. 252 с.п. прикрыл наступающих от воздействия противника с форта №6 «Королева Луиза» и оказал содействие соседу слева — 119 с.п. 319 с.д., блокировав форт с западной и северо-западной сторон — главного направления его огневых средств и действий, обеспечивая более успешные атаки и штурм его с тыла. Батальон закрепился на достигнутом рубеже, а также использовал насыпь железной дороги Кенигсберг-Пиллау, куда проник передовой взвод, заняв там позицию боевого охранения.

Также успешной была атака 329 с.п., который овладел высотой с отметкой 18,8, выдвинулся на юго-восточные скаты и взял под обстрел пулеметным огнем дороги на Пиллау.

68 с.п., как и предусматривалось, оставался во втором эшелоне в имени Э. Коха, организовал в нем круговую оборону.

В результате ночной атаки противнику был нанесен большой урон: более 100 солдат и офицеров было убито, уничтожен один танк, взято в плен 60 солдат и офицеров, захвачено 2 орудия и 9 пулеметов.

Движение по дорогам из Кенигсберга на Пиллау и к Земландской группировке войск было окончательно прервано.

Попытка пробиться большой группе /более 500 человек/ гитлеровцев, усиленной до 20 танков и самоходных орудий на рассвете 9 апреля из Кенигсберга на запад по шоссе была пресечена пулеметным, минометным и особенно плотным артиллерийским огнем, группа была рассеяна и в значительной части уничтожена. Лишь танкам и самоходкам, укрывшимся в Модиттене, удалось пробиться на запад.

Позже говорили, что это пробивался, якобы, к Пиллау командующий Земландской группировкой войск, посетивший Кенигсберг, чтобы воодушевить гарнизон держаться до последнего солдата, и едва успевший убраться из осажденного города, а также прихвативший с собой подручного Гитлера — фашиста и преступника гаулейтера Э. Коха.

Это уже была предсмертная агония, так как с каждым часом кольцо окружения города-крепости все больше сжималось, надежд на выход из него не оставалось.

Успешно шли бои и в городе, расчлняя и уничтожая гарнизон по частям.

Выполнив поставленные задачи в ночь с 8 на 9 апреля, полки дивизии оказали содействие соседям: 26 с.д. в овладении Метгетеном и кирпичным заводом южнее его, а соседу слева — 319 с.д. в блокировании и овладении фортом №6.

Сосед слева — 119 с.п. 319 с.д., усиленный батареей 152-мм самоходных артустановок 350 гвардейского танкового самоходного артполка, под командованием гвардии старшего лейтенанта Космодемьянского Александра Анатольевича штурмом овладел фортом №6 «Королева Луиза», при этом решающую роль сыграла батарея ИСУ-152 старшего лейтенанта Космодемьянского А.А., который сумел найти способ преодолеть канал Ланд-Грабен, подошел вплотную к форту с его тыльной стороны, с хода первым же прямым выстрелом разнес ворота и во главе штурмового отряда ворвался во внутренний двор форта.

Подавленные осадой и ошеломленные столь дерзким прорывом в их апартаменты, фашисты сложили оружие. Сдалось в плен 350 солдат и офицеров.

По завершении штурма форта «Королева Луиза» и высвобождению от его блокирования штурмового отряда 252 с.п. с 7.00 9 апреля 1945 года наступление частей дивизии продолжалось в установленном направлении.

Теперь уже не только передовыми взводами, но и всем составом 252 и 329 с.п. окончательно овладели участком железной и шоссейной дорог Кенигсберг-Пиллау в полосе наступления дивизии и продолжали выбивать противника, цеплявшегося за каждую складку местности и каждое строение.

252 с.п., ведя упорные бои, в 12.00, применив маневр по принципу «клещи», штурмом овладел Модиттеном.

Выдвигаясь к Модиттену, командир 1 с.б. майор Иванов обошел его с запада и заслал в тыл уже неоднократно отличившийся взвод 2 с.р. во главе со старшим сержантом Тимофеевым — героем боев под Клайпедой, под Вильки и имении Э.Коха при штурме Кенигсберга.

Второй с.б. майора Царегородцева, оставив один взвод на дороге с севера, обошел Модиттен с востока. После 15-минутного огневого налета артиллерии и минометов по общему сигналу — серия зеленых ракет — начался штурм.

С трех сторон батальоны, имея в цепях стрелковых рот 12 орудий прямой наводки и три самоходных орудия ИСУ-152, которые вместе с артиллерией и минометами вели огонь прямой наводкой по танкам, пулеметам и орудийным позициям противника, не прекращая огня, сопровождали атаку стрелковых подразделений.

В это время в тылу противника взвод старшего сержанта Алексея Тимофеева открыл огонь из стрелкового оружия и стал кричать «у-р-а!». Сложилось впечатление, что противник окружен, причем в тылу оказались большие силы / хотя их было 20 человек/.

Большой страх на оборонявшегося противника нагнала артиллерия: прямой наводкой расстреливала в упор пулеметные точки, орудия прямой наводки, а также танки и самоходки.

При первых же выстрелах после арт. подготовки вспыхнули в разных концах Модиттена три танка, была подбита одна самоходка и два других танка противника.

Фашистские вояки дрогнули и, боясь оказаться в окружении, неся потери, поспешно отошли в лес юго-западнее Модиттена.

Как оказалось, Модиттен оборонял уже изрядно потрепанный батальон 21 п.д. с 11 танками и 4 самоходками 5 танковой дивизии, которые не только оставили свой оборонительный рубеж, но на нем 80 солдат и офицеров убитыми, 5 танков и 1 самоходку подбитыми и уничтоженными, 12 пулеметов и 4 орудия, взято в плен 60 солдат.

Таков победный результат атаки и овладения этим важным опорным пунктом немцев, окончательно отсекавший гарнизон города-крепости от Земландской группировки немецко-фашистских войск.

329 с.п., взаимодействуя с 252 с.п. и оказывая ему помощь, выбил противника из складок местности, преодолел его упорное сопротивление, овладел кирпичным заводом 300 метров северо-западнее Модиттена и вышел на берег ручья Модиттер-бах, где прочно закрепился.

Закрепился и 252 с.п., незамедлительно расставил на позиции обе пулеметные роты и все 12 орудий прямой наводки.

Вслед за 252 и 329 с.п. выдвинулся из имения и занял позиции на высоте с отметкой 15,9, а также на железной и шоссейной дорогах фронтом на запад 68 с.п., продолжавший действовать во втором эшелоне и перемещаться за 252 с.п.

Эти меры были не напрасны, так как противник до конца дня 9 апреля дважды контратаковал передовые части дивизии, пытаясь восстановить утраченное положение, выбить полки из занимаемых позиций и вернуть себе Модиттен.

Обе контратаки немцев были отбиты частями дивизии.

Дрались все воодушевленно, с большим подъемом и высоким чувством гордости за успешное выполнение задачи по ликвидации важного узла обороны немецко-фашистских войск в столице Восточной Пруссии — Кенигсберге.

Во всех этих боях, в том числе и при отражении контратак противника на Модиттен, как и в дальнейших боях, каждый солдат, сержант и офицер были настоящими героями, дрались исключительно упорно и самоотверженно.

Вот один из примеров.

Овладев кирпичным заводом и выйдя на берег ручья Модиттер-бах, подразделения 329 с.п., закрепляясь, продолжали огневой бой с отошедшими, но оказавшими яростное сопротивление немцами.

В цепи 4 с.р. находился расчет станкового пулемета, в котором наводчиком был комсомолец Литвиненко, имевший свой почерк в стрельбе, — бил короткими, но точными очередями по мечущимся вдали фигурам в серо-зеленых шинелях и радовался, когда эти фигуры падали на землю и больше не поднимались.

Но враг не сдавал своих позиций, особенно яростно он атаковал развилку дороги вправо от позиции стрелковой роты, где действовал пулемет, в расчете которого наводчиком был Литвиненко.

Вражеской пулей был ранен командир пулеметного расчета. Литвиненко взял командование расчетом на себя и продолжал вести огонь. Разорвавшийся вблизи снаряд вывел из строя последнего члена расчета — подносчика патронов и снаряжающего ими ленты. Контужен был и сам Литвиненко, но он остался на месте боя.

Очнувшись, он увидел, что остался один у пулемета, с трудом перетащил его вперед и снова стал поливать немцев из своего «максима».

Немцы начали накапливаться в роще для контратаки. В это время подошли поддерживающие полк ИСУ-152. Литвиненко с помощью расчета самоходки втащил на ее броню пулемет и уселся сам.

Самоходки рванулись вперед, за рощу, и, когда они обогнули ее, смелый пулеметчик Литвиненко ударил по фрицам с фланга метким огнем из пулемета. Грянули и орудия самоходок. Немцы, как ошпаренные, бросились из рощи, оставив на поле боя более двух десятков убитых гитлеровцев, контратака которых была сорвана.

Стрелковая рота овладела перекрестком шоссе и прочно на нем закрепилась.

Победа была полной и значительной, хотя добыта она была не без ощутительных потерь с нашей стороны.

Так после успешного штурма и овладения фортом №6 «Королева Луиза» по распоряжению командира корпуса генерал-майора Седулина Э.Ж. на поддержку нашей 70 с.д. в район перекрестка дорог из Кенигсберга на Пиллау и Метгетен, где действовала большая группа танков и самоходных установок «фердинанд», была дополнительно введена батарея ИСУ-152 старшего лейтенанта Космодемьянского А.А.

Вырвавшись вперед нашей стрелковой роты, оставшись без прикрытия, установка, в которой находился сам командир батареи, напоролась на засаду, и отважный комбат в неравном бою отдал свою молодую жизнь и вслед за своей сестрой, прославленным героем — партизанкой Зоей Космодемьянской — вошел в бессмертие. Ему посмертно было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Позже мать Героя перевезла останки сына в Москву, и он вместе с Зоей теперь покоится в Москве на Новодевичьем кладбище, а здесь, у перекрестка дорог, на месте его гибели установлен памятный обелиск с растянувшейся гусеницей от подбитой самоходки, а также в увековечение его памяти рабочий поселок носит ныне и навеки имя Космодемьянский /бывший Метгетен/.

В этом же районе, отражая яростную контратаку фашистов, геройски погиб старший сержант Алексей Тимофеев, командир стрелкового взвода из батальона майора Иванова 252 с.п., память о котором увековечена награждением его посмертно орденом «Отечественной войны» I степени.

9 апреля 1945 года после завершения боя за Модиттен дивизия, как и весь 90 с.к., переключается и окончательно начинает действовать против Земландской группировки немецко-фашистских войск, так как гарнизон Кенигсберга, не выдержав ударов наших войск, в лице коменданта гарнизона генерала от инфантерии О. Ляша, 9 апреля в 19.30 запросил переговоров на предъявленный ему нашим командованием ультиматум, а в 21.30 отдал приказ о капитуляции.

Уже ночью появились первые колонны сдающихся в плен.

Ночь с 9 на 10 апреля в частях дивизии проходила не только в напряженной работе по подготовке к развертыванию второго этапа наступления, теперь уже на Земландскую группировку войск, но и в большой работе всех командиров и особенно политработников по доведению до личного состава частей и поддерживающих подразделений радостной вести.

Вначале командир дивизии полковник Красновский С.А., а вскоре и командир корпуса генерал-майор Седулин Э.Ж. передали сообщение о капитуляции немецко-фашистских войск гарнизона Кенигсберга, свои поздравления с достигнутой победой, награждении отличившихся высокими правительственными наградами.

Не успели еще дойти до всех бойцов и командиров поздравления, разъяснения и воодушевление с достигнутой победой — капитуляцией фашистского гарнизона Кенигсберга, как вновь зазвонили все телефоны, передавая сообщение, чтобы в 24.00 9 апреля слушали по радио особо важное сообщение из Москвы.

И каковы же были радость и ликование, когда все, кто мог, услышали и незамедлительно, буквально вслед за радио, слово в слово передавали по телефону во все подразделения приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В. Сталина, сообщившего на весь мир о завершении 9 апреля 1945 года разгрома немецких войск и «овладении крепостью и главным городом Восточной Пруссии — Кенигсбергом, — стратегически важным узлом обороны немцев на Балтийском море».

Отмечались соединения и отдельные части, отличившиеся в боях за Кенигсберг, в том числе было названо и наше соединение, — «полковника Красновского».

В ознаменование одержанной победы приказывалось:

- наиболее отличившиеся соединения и части представить к присвоению наименования «Кенигсбергских» и к награждению орденами СССР;
- назначался в 24.00 9 апреля от имени Родины салют 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий;
- объявлялась благодарность всем войскам, участвовавшим в боях за овладение Кенигсбергом.

Победа, сверх наших ожиданий, была огромная и достигнута быстро, ранее намечавшегося срока.

Немалый вклад в достигнутую победу был внесен и нашей 70 стрелковой Верхнеднепровской ордена Суворова дивизией, она дралась по-суворовски — не числом, а умением. За четыре дня упорнейших боев, смелыми и дерзкими подвигами не только одиночек, но и целых подразделений, внешний обвод кенигсбергского укрепленного района был прорван. Дивизия овладела важными опорными пунктами на окраине города-крепости и отсекала его от Земландской группировки немецко-фашистских войск, чем содействовала ускорению разгрома и капитуляции более чем 130-тысячного гарнизона. В этих боях частями дивизии было убито более 2780 солдат и офицеров гитлеровских войск или около 7 процентов всех уничтоженных за это время войсками фронта /до 42 тысяч солдат и офицеров/ и взято в плен 1040 солдат и офицеров, а также много различной боевой техники.

В сложной и трудной обстановке, которая сложилась в дни штурма Кенигсберга, а для нашей дивизии при взятии штурмом форта №5А, Вильки, имения гаулейтера Э. Коха, нескольких опорных пунктов на высотах вокруг него и Модиттена, ярко просматривается исключительно важная роль и ответственность коммунистов, которые своим примером воодушевляли и увлекали личный состав частей и подразделений на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, за разгром их частей, овладение осиным гнездом пруссачества, за быстрейшее уничтожение немецкого фашизма.

Если в ходе подготовки и начала наступления основной формой работы партийно-политического аппарата, всех коммунистов были призывы и убеждения в необходимости умелых, смелых, решительных и самоотверженных действий каждого офицера, сержанта и красноармейца, безусловного и полного выполнения боевых задач и приказов, то в ходе боев надо было доказать, что все эти призывы и наставления шли от глубокой убежденности или, как говорят, «от души, от сердца», что они так же не только понимают стоящие задачи, но так же и действуют.

И прежде всего должны показывать личный пример коммунисты, увлекать за собой товарищей. А именно показать пример, увлечь окружающих было особо важным в бою, когда речь шла о самой жизни. Надо было на каждом шагу рисковать ею, если требовали обстоятельства, не задумываясь, отдавать ее во имя победы над злейшим врагом, во имя светлого будущего нашего народа, нового его поколения.

Так всем сердцем понимали свою роль и действовали коммунисты всех частей дивизии, что видно из уже приведенных фактов, а также множества других.

Подразделения 329 с.п., лишенные средств борьбы с танками и самоходными установками «фердинанд», были контратакованы и под натиском в несколько раз превосходящих сил пехоты противника вынуждены были оставить достигнутый в ночном бою рубеж.

Отойдя на северо-западную окраину Гросс-Фридрихсберга и получив поддержку артиллерии прямой наводки и ИСУ-152, полк остановил контрнаступление противника и вновь перешел в наступление на этот опорный пункт.

Наступил решающий момент перед началом нашей атаки, надо было преодолеть возникшие колебания, парторг 5 с.р. младший сержант Платонов бойко и бодро обратился к окружающим его бойцам взвода, помощником командира которого он являлся, с призывом: «Ну что раздумывать, ребята! Знамо дело — смелого пуля боится, смелого штык не берет!, пошли за мной, друзья!»

А выскочив первым из траншеи, обратился ко всей роте: «Вперед, за мной, друзья! За Родину!»

Бросился вперед и первым же ворвался в населенный пункт, увлек за собой взвод и роту.

Младшего сержанта Платонова тут же поддержал парторг 2 с.б. младший лейтенант Сидоров, тоже рванувшийся вперед с призывом «За Родину!, за Сталина!» и побежал к первому из домов.

За партийными вожаками подхватился весь батальон — дело дошло до рукопашной схватки, где пошли в ход приклады и штыки, короткие очереди автоматов и гранаты, ножи и просто кулаки.

Враг дрогнул, попятился и отступил.

Задача была выполнена. Полк очистил всю западную часть имения и прилегающую к нему высоту с отметкой 19,2. В этом бою коммунист младший сержант Платонов лично убил до двух десятков фашистов, сам же остался цел и невредим, а младший лейтенант Сидоров был ранен, но остался в строю до конца выполнения задачи.

Такую же активность и вдохновляющие действия проявили коммунисты и политработники 68 с.п.

В наиболее критический момент, когда 4 с.р., в составе которой действовал комсорг батальона лейтенант Привалов, не выдержав натиска контратакующих, вот-вот могла дрогнуть, комсорг с целью не допустить беспорядочного отхода и больших потерь побежал от взвода к взводу, воодушевил бодрыми словами «не пасуй, братва, — умело отходи» и предупредил, чтобы отходили по одному отделению небольшими перебежками. Пока одно отделение отходит, остальные ведут огонь по противнику, сдерживая его натиск.

Сам же он улегся за станковый пулемет, оставшийся без расчета и стал прикрывать отход роты. И когда настал черед ему отходить под прикрытием уже занявшей выгодный рубеж роты, начавшей своим огнем прикрывать его, один «фердинанд» выдвинулся из-за дома и прямым попаданием разнес вдребезги пулемет, осколками снаряда, попавшими отважному комсоргу в грудь и голову, он был убит.

Так ценой отданной жизни коммуниста лейтенанта Привалова спасена была жизнь и боеспособность целой роты.

Но не зря говорят: коммунисты и мертвыми побеждают.

Подвиг лейтенанта Привалова воодушевил роту, она своим огнем не подпустила близко к телу комсорга фашистов, а подошедшие наши две ИСУ-152 своим огнем уничтожили «фердинанда» и разметали пехоту противника. Вслед за такой подготовкой рота дружно поднялась и пошла в атаку. Враг дрогнул и остатками убрался восвояси. Рота не только вернулась на свои позиции, но овладела рубежом, куда выдвигался противник перед контратакой.

Парторг батальона младший лейтенант Козлов, во время, когда рота старшего лейтенанта Катина Н.А. вела неравный бой с наседавшими на них пехотой и двумя «фердинандами», решил пройти к домам, занятым отважными пулеметчиками, чтобы подбодрить их и помочь отбить атаку гитлеровцев. Короткими перебежками он стал приближаться к ним и укрылся в одном из строений, не дойдя несколько десятков метров до пулеметчиков. Но, заметив его, гитлеровцы из самоходки дали несколько выстрелов по строению, где укрылся парторг.

Когда контратака была отбита, парторга отыскиали в груде битого кирпича. Он был цел, но контужен. Очнувшись, ничего не слышал и не мог говорить, лишь жестами указывал на голову и все закрывал глаза. Его пришлось отправить в госпиталь.

В дни штурма Гросс-Фридрихсберга был особенно активен и всеми замечен комсорг 1 с.б. 68 с.п. лейтенант Панин.

Как в атаках, так и при отражении контратак, он появлялся то в одном, то в другом взводе обеих рот батальона. Всюду он находил доброе слово молодым комсомольцам, ободрял их, показывал и подсказывал, как лучше разить врага

из пулемета и автомата, гранатой и хитростью. Тут же, на позиции, личным примером показывал, как надо действовать, все это делал легко и весело, с шутками и прибаутками.

Любимец батальона, даже будучи раненым, оставался еще долго в строю и не изменил своего поведения, пока контратака не была полностью отбита, он вторично был ранен. Когда все улеглось и успокоилось, только тогда его унесли с поля боя, так как он потерял много крови, обессилел и сам двигаться уже не мог.

Парторг 252 с.п. капитан Гунько с первого часа начала штурма Кенигсберга находился в боевых порядках подразделения 1 с.б. майора Иванова С.И., воодушевлял бойцов и командиров на смелые подвиги и лично участвовал в атаке взвода лейтенанта Еременко на Вильки.

С этим взводом он ворвался в населенный пункт, первым гранатами расчистил подход и ворвался в крайний дом, увлек за собой взвод, а за ним и всю роту. Бойцы и командиры по примеру парторга полка стали смело, короткими перебежками после броска гранаты, со стрельбой на бегу из автомата сближаться с противником, доходить до рукопашной схватки и неудержимо двигаться вперед.

Примеру капитана Гунько последовали парторг батальона старший лейтенант Исхаков и комсорг лейтенант Касимов Илья Иванович.

Благодаря их инициативе и воодушевлению, батальон уже в первый день боя прорвал первую оборонительную линию противника, вышел на окраину города, чем достиг полного выполнения задач полка и дивизии.

Результаты боя и его поучительные факторы парторг полка капитан Гунько уже ночью с 6 на 7 апреля и днем 7 апреля широко сообщил всем коммунистам полка через парторгов и заместителей командиров по политчасти. Он еще раз потребовал от них авангардной роли, но и сам продолжал оставаться непосредственно в стрелковых ротах.

Когда во второй половине дня 7 апреля после выхода 1 с.р. на южную окраину Гросс-Фридрихсберга противник предпринял контратаку силами до роты пехоты с тремя танками, капитан Гунько, видя, как старшина Алейников, проявив инициативу, выдвинулся вперед против танков, через командира роты организовал прикрытие огнем пулеметов и орудиями прямой наводки действий Алейникова; а когда танк был подбит, а два других под огнем орудий прямой наводки повернули назад, он, не задумываясь, рванулся первым из траншеи, крикнул: «За Родину! Вперед!» и, увлекая за собой всю роту, бросился в рукопашную схватку с контратакующей пехотой и принудил ее отступить, при этом 25 солдат противника были убиты.

Когда ночным наступлением 252 с.п. овладел опорным пунктом на высоте с отметкой 15,9 и выдвинулся к железной дороге, капитан Гунько ранним утром 9 апреля отправился к хорошо ему известному по боям за Вильки взводу лейтенанта Еременко, выдвинутому к насыпи железной дороги в боевое охранение, где личным участием воодушевил бойцов, помог им рассредоточиться, занять более выгодные позиции и незамедлительно окопаться, а также принял личное участие в тяжелом неравном бою с большой группой гитлеровцев /до 500 человек с 20 танками/, пытавшихся прорваться из города Кенигсберга по шоссейной дороге в направлении Пиллау.

В начале этого боя, заметив выдвижение колонны противника, капитан Гунько вызвал сосредоточенный артиллерийский огонь и корректировал его, стремясь преградить ей путь. Затем принял личное участие в уничтожении отдельных групп противника, пытавшихся прикрыть прорывавшихся. Большинство этой колонны, особенно танки, под воздействием огня нашей артиллерии и стрелковых подразделений повернули и ушли на Модиттен, остальные были рассеяны и частью повернули обратно.

Противник со стороны Модиттена и леса юго-западнее его открыл сильный артиллерийский и минометный огонь по высоте с отметкой 15,9 и взводу Еременко, у которого, как у капитана Гунько, еще не было отрытых окопов, они укрывались под железнодорожным мостом, проходившим над дорогой в Модиттен. Один из снарядов разорвался в непосредственной близости от капитана Гунько, от осколков которого он получил тяжелое ранение в грудь и голову, потерял сознание и при эвакуации, не приходя в сознание, умер.

Так непосредственно на поле боя оборвалась жизнь этого молодого, беззаветно преданного делу партии и советского народа патриота и бесстрашного воина, коммуниста капитана Гунько. И своей смертью, как самой жизнью, он воодушевил воинов полка на еще более мощные удары по врагу.

Уже к 12.00 полк штурмом овладел Модиттеном.

Вместе с капитаном Гунько во взводе лейтенанта Еременко находился комсорг батальона лейтенант Касимов И.И., который активно участвовал в отражении атаки и пресечении прорыва гитлеровцев. Узнав о ранении капитана Гунько, лейтенант Касимов пришел к мосту на помощь взводу Еременко, где также попал под артиллерийский налет и был контужен.

Смелыми и самоотверженными были действия молодого коммуниста, рядового красноармейца 252 с.п. Туремуратова Саипназара.

Ветеран полка, прошедший в нем с боями путь со дня формирования в с. Воскресенское под г. Калугой Тульской области в апреле 1943 года через всю Смоленскую область, Белоруссию, Литву и часть Латвию, практически завершил свой боевой путь во имя свободы и независимости нашей Советской родины в Восточной Пруссии — логове фашизма, особенно при штурме Кенигсберга.

По призванию Саша Туремуратыч /так его любовно звали в полку/ был разведчик — глаза и уши командира. Не раз он участвовал в отчаянных вылазках разведчиков и всегда вносил в их действия свой вклад. Именно в разведке, преследуя отходящего противника, следуя между немцами и головой боевой колонны полка, он познакомился с командиром полка Яценко А.Т., который в таких случаях, как правило, выдвигался в голову колонны и часто бывал у разведчиков, с тем чтобы лучше знать обстановку, иметь время более организованно развернуть свои силы и более эффективно использовать их для достижения победы над врагом.

Смелостью, решительностью, мужеством и личной храбростью, а также прямоотой, честностью, принципиальностью и высокой дисциплинированностью отличался коммунист Туремуратов. За эти качества он и понравился командиру полка, который предложил разведчику пойти к нему ординарцем. И Туремуратов согласился, зная, что этим ему оказывается большая честь и налагается

еще большая ответственность, ибо у командира их полка ординарец фактически выполнял функции разведчика и адъютанта, постоянно сопровождая его в самые опасные места, где шел самый напряженный бой, и большую часть своего времени проводил в передовых подразделениях, выполняя поручения командира, являясь его глазами.

Так сложилось и под Кенигсбергом. Едва началось наступление, еще шла артиллерийская подготовка, а Туремуратов вместе с командиром полка были уже на канале Ланд-Грабен, проверяют и дают непосредственно на местности указания — выдвигают стрелковые подразделения вперед, плотнее прижимают их к рубежу огня нашей артиллерии, уточняют, как и в каком направлении атаковать. А когда началась атака, они вслед за стрелковыми ротами выдвинулись в рощу южнее пруда Филипс, где еще добивались остатки сосредоточенного для контратаки фашистского батальона, и заняли там наблюдательный пункт.

Туремуратов незамедлительно помчался и обеспечил подачу командиру связи и группу разведчиков-наблюдателей. Выполнив эту свою обязанность, он тут же был отправлен в батальон майора Царегородцева, откуда подтвердил выход его на рубеж Вильки и к форту №5А, а также попросил разрешения принять участие в составе разведвзвода полка, где он числился по боевому расчету, в штурме форта. Получив разрешение, он включился в боевой порядок и проявил пример личной храбрости. Вместе с лейтенантом Казариновым и старшиной Алейниковым прорвались ко входу в форт, и, пока предъявлялся ультиматум, он с группой своих друзей-разведчиков стал проверять и блокировать амбразуры капониров. После сдачи гарнизона форта в плен, ввода в него 5 с.р. и других спецподразделений батальона Царегородцева, он выбрал место командного пункта командиру полка. О результатах боя и подобранном пункте доложил своему командиру, на что получил одобрение и благодарность.

Также в числе первых Туремуратов принял непосредственное участие в овладении господским домом в имении Э. Коха, оборудовании там на чердаке наблюдательного пункта, а также в овладении Модиттенном и отражении яростных контратак противника.

Был он вездесущ, хорошо ориентировался на поле боя, быстро проникал в любое самое опасное место и всегда выходил из положения целым и победителем. К поведению и действиям коммуниста Туремуратова как нельзя лучше подходит народная поговорка — «смелого пуля боится, смелого штык не берет!»

О личном примере в бою коммунистов и, прежде всего, политработников говорит и такой факт: за 4 дня боев при штурме Кенигсберга выбыли из строя, находясь непосредственно в боевых порядках частей и подразделений, 12 политработников, в их числе:

- заместитель командира 68 с.п. по политчасти майор Володарский — ранен, отправлен в госпиталь;
- заместитель командира по политчасти 3 с.б. 329 с.п. капитан Мосьпан — убит;
- комсорг 3 с.б. 329 с.п. младший лейтенант Баранник — ранен, отправлен в госпиталь;
- комсорг 1 с.б. 252 с.п. лейтенант Касимов И.И. — контужен, отправлен в госпиталь;

— комсорг 2 с.б. 252 с.п. лейтенант Дроздович — ранен, отправлен в госпиталь.

Так же, как и роль коммунистов, ярко прослеживается огромный вклад в достигнутую победу артиллерии.

Без помощи артиллерии, ее героических воинов немыслима была наша победа, не зря она получила в годы войны и поныне достойно носит почетное звание — «Бог войны!» и пользуется всеобщим признанием.

Всегда во всех боях, пожалуй, решающее было слово артиллеристов, они всегда откликались на просьбы стрелковых подразделений, да и сами постоянно проявляли инициативу. Решающую роль артиллерии и героизм артиллеристов мы особенно ощутили в боях за Кенигсберг, при штурме его опорных пунктов, узлов сопротивления и фортов.

Так было и при штурме узла обороны немцев в Гросс-Фридрихсберге, других опорных пунктов, а также при отражении их яростных контратак.

Особенно много делали для стрелковых подразделений орудия прямой наводки, когда расчет орудия по численности подчас превосходил целый стрелковый взвод, а то и роту, не говоря уже о мощи огня. Артиллеристы всегда находились со стрелками, все видели сами, видели цели, били точно туда, куда это было наиболее необходимо в данный момент, видели результаты своей стрельбы и очень-очень помогали не только продвижению вперед, но и закреплению достигнутого рубежа, и отражению контратак противника.

Находясь в сложной боевой обстановке, артиллеристы побеждали не только своими меткими выстрелами, но и храбростью, мужеством, героизмом командиров и всего расчета орудий.

Именно так действовал при штурме Гросс-Фридрихсберга расчет орудия 227 а.п., выдвинутого для поддержки стрелковых подразделений прямой наводкой, которым командовал сержант Александр Васильевич Обухов.

Во время одной из контратак орудие сержанта Обухова, занимавшего позицию в одном из каменных, уже изрядно разрушенных домов, оказалось в окружении противника.

Несмотря на численное превосходство врага, атаковавшего позицию поддерживаемой стрелковой роты и их орудия, расчет сержанта Обухова смело вступил в бой.

Прежде всего он вывел из строя два вражеских 75-мм орудия, сопровождавших огнем и колесами вражескую пехоту, подбил бронетранспортер, подбрасывавший подкрепление противнику, а также огнем своего орудия, стрельбой из автоматов и гранатами артиллеристы истребили 36 фашистов, когда те окружили их позиции.

Контратака противника и на этот раз была отбита.

Командир, коммунист сержант Обухов А.В. весь период наступления и штурма Восточно-Прусской твердыни со своим орудием, находившимся на прямой наводке, воевал в боевых порядках стрелковых подразделений.

Не покинул он их и 9 апреля при наступлении и штурме Модиттена. Находясь в цепи стрелковой роты, он вместе со всеми открыл меткий огонь по танку, а затем по самоходному и полевому орудиям, которые, еще выдвигаясь на позицию, заметил укрывающимися за строениями и взял на прицел. Бил он

без промаха: танк со второго прямого попадания загорелся, подбита была самоходка, полевое орудие противника, только выдвинувшееся из укрытия и не успевшее еще выстрелить, было накрыто беглым огнем орудийного расчета сержанта Обухова и разнесено вдребезги. Стрелковая рота не замедлила воспользоваться огнем орудия Обухова, ворвалась в поселок и зацепилась за первые постройки. Вслед за ней подкатилось и орудие Обухова, ставшее уничтожать пулеметные и другие очаги сопротивления противника.

Как только Модиттен пал, Обухов незамедлительно занял облюбованную им и подтвержденную командиром батальона позицию для отражения контратак, приблизившись до 300—400 метров к опушке леса, куда укрылись отошедшие подразделения противника и откуда надо было ожидать их контратак.

И не ошибся — едва успел занять позицию, замаскировать ее, подтянуть и укрыть боеприпасы и начать копать щели для укрытия личного состава, как из леса вышел «фердинанд». Последовала команда «К бою!», и расчет Обухова вступил в единоборство с грозным, сильно защищенным орудием.

Умелой стрельбой отважных артиллеристов «фердинанд» был поврежден и уполз, как подраненный зверь, обратно в лес, а отважный расчет орудия Обухова перенес огонь на выдвинувшуюся для контратаки пехоту немцев. Вместе с заградительным огнем артиллерии и минометов с закрытых позиций и другими орудиями прямой наводки заставили пехоту противника залечь, нанесли ей потери и заставили откатиться вновь поглубже в лес.

Артиллерия противника открыла огонь по орудью Обухова, отважные артиллеристы быстро сменили свою огневую позицию на запасную, укрыв орудие в каменном сарае, и вновь открыли огонь прямой наводкой по вражеской пехоте.

Заместитель командира артиллерийского дивизиона по политической части майор Пузиков, прибывший на позицию старшины Обухова /за отличия в боях ему присвоено звание — старшина/ и узнавший о продолжении ими подвигов, тут же, в Модиттене, ночью, написал поздравительные письма родителям расчета Обухова, а на родину командира орудия особое, где он пишет:

«Ваш сын показал себя храбрым защитником нашей великой Родины.

Он мужественно дрался с немцами в ряде наступательных боев и является прославленным артиллеристом нашей части.

Весь личный состав гордится его героическими подвигами.

Он не раз вступал в единоборство с немецкими танками, и в этой борьбе выходил победителем. На его героических подвигах учатся молодые бойцы.

Спасибо Вам за воспитание такого храброго воина.

На днях Вашему сыну, сержанту Обухову А.В., присвоено воинское звание старшина, и мы представили его к самой высокой правительственной награде. Это является для нас радостным событием.

Мы поклялись до конца беспощадно уничтожать немецких захватчиков, до нашей полной и окончательной победы».

Это письмо не только было немедленно отправлено на родину героя, но и прочтено во всех батареях и орудийных расчетах полка.

Аналогичные примеры мужества, самоотверженности и героизма в жарких боях за Гросс-Фридрихсберг, как и многих других боях, проведенных дивизией, показали также парторг 1 батареи 227 артполка, командир орудия сержант

Коженалиев, расчет орудия во главе с коммунистом сержантом Зерниным Сергеем Матвеевичем и многие другие.

Они в течение дня 7 апреля, находясь в боевых порядках стрелковых полков, уничтожили пять станковых пулеметов противника, мешавших продвижению стрелковых подразделений, а также при отражении контратак противника ими были подбиты, остались на поле боя два самоходных орудия «фердинанд» и 4 танка, разбито 3 орудия 75-мм, сопровождавших пехоту и танки, а также было убито только их огнем 83 солдата и офицера противника.

Все это обеспечило выполнение поставленных перед дивизией задач как по отражению контратак, так и по овладению крупным и важным опорным пунктом.

Наибольшая результативность и роль артиллерии видны из боев в конце дня 7 апреля, когда подразделениям 329 и 68 с.п. во взаимодействии с 252 с.п. удалось вновь выбить противника из Гросс-Фридрихсберга.

Противник, с целью не дать закрепиться нашим полкам на достигнутом рубеже и вновь вернуть себе опорный пункт, стал поспешно выдвигать для контратаки батальон пехоты с 8 танками из района высоты с отметкой 18,8 на позиции, занятые 329 и 68 с.п., а также до двух рот пехоты с 4 танками из района высоты с отметкой 15,9 на позиции 252 с.п.

Назревало сложное и тяжелое положение, так как в стрелковых ротах, особенно 329 с.п., оставались буквально единицы стрелков, и те растянулись по всему населенному пункту, а наблюдательные пункты поддерживающей артиллерии и минометов, ведущих огонь с закрытых позиций, еще не были смены — многие находились в движении.

Вся тяжесть и решающая роль за удержание рубежа, как и всего опорного пункта, ложилась на артиллерию прямой наводки. И она-то, особенно орудия сержантов Обухова А.В., Зернина С.М., Коженалиева и Роденко К.Г., а вместе с ними батарея ИСУ-152 и все 14 орудий 76-мм дивизионной и полковой артиллерии открыли прицельный массированный огонь по выдвигавшимся колоннам, вынудив их под огнем развертываться и принимать боевые порядки, отчего они несли еще большие потери. Артиллеристы буквально разметали своим огнем пехоту и подожгли 4 танка контратаковавшего противника.

Ведь преодолеть заслон, составлявший по одному снаряду на каждые 2–3 метра фронта наступления, мало кому удалось. Лишь жалким остаткам, морально подавленным, удалось добраться до окраин Гросс-Фридрихсберга, где их встретили воодушевленные действиями артиллеристов стрелки, и особенно пулеметчики, окончательно сбившие с фашистов спесь, вынудив их отойти на исходные позиции.

Наряду с артиллеристами очень важную роль в достижении успеха в бою и победе над противником всегда играли связисты.

Как нервы в организме человека, так и бесстрашные, мужественные телефонисты и радисты верно служили командирам, являлись теми нитями, посредством которых командиры общались друг с другом в бою, управляли боем, влияли на его ход и исход.

Если стрелки, пулеметчики, артиллеристы и минометчики при сильных артиллерийских, минометных или авиационных налетах могли укрыться в подготовленных или естественных убежищах, переждать налет, то

связисту-телефонисту приходилось, как правило, в ходе налета выходить из укрытия, идти по проводу, отыскивать порывы, которые образуются от разрывов снарядов и мин, т.е. преодолевать обстреливаемые участки и районы; при этом, чем быстрее преодолеваются такие участки, восстанавливается связь, тем быстрее можно заставить замолчать, прекратить огонь противника, пока он не нанес еще большего урона. Хорошо, если дело ограничивается одним-двумя порывами проводов, то, срastив их, можно укрыться в воронке, других укрытиях, переждать налет. Однако чаще всего на линии бывает по несколько порывов, иногда до 5–6, так как район обстрела, естественное рассеивание разрывов охватывали значительную площадь, и если район обстрела совпадал с местом прокладки проводов, то одним-двумя порывами редко когда обходилось.

При штурме Кенигсберга большой труд и самоотверженность проявили связисты, возглавляемые и направляемые своим мужественным и отважным начальником связи дивизии майором Гладилиным Андреем Семеновичем. Под его неослабным контролем и практической помощью действовали все связисты как отдельной роты связи дивизии, так и подразделений связи стрелковых полков и батальонов, а также артиллерийского полка и других частей дивизии. Но особое внимание и усилия Андрей Семенович сосредоточивал на узле связи дивизии и устойчивости связи со стрелковыми полками.

Командиру взвода связи лейтенанту Годло Алексею Николаевичу из 650 отдельной роты связи дивизии, обслуживавшему связью 252 с.п., пришлось изрядно помотаться, едва успевая за командиром полка, его командным и наблюдательными пунктами, размотав и обслуживая под огнем противника более 25 км кабеля только в период штурма Кенигсберга, обеспечивая бесперебойную связь со штабом и командиром полка.

Еще более сложно и трудно приходилось связистам взводов связи стрелковых батальонов.

Обеспечивая связь со стрелковыми ротами, им надо было преодолевать не только артиллерийский и минометный огонь, но еще огонь пулеметов и особенно неприятный огонь снайперов, которые охотились за связистами не меньше, чем за командирами подразделений.

Рядовой телефонист взвода связи 1 с.б. 252 с.п. Журов Николай Яковлевич в бою за Вильки попал под огонь снайпера и перехитрил его.

Вначале линия связи ко 2 с.р., атаковавшей Вильки, шла по открытой местности /проложена ночью/, и после налета минометной батареи противника их снайпер засек маршрут, по которому бегают телефонисты, исправляя повреждения в проводах.

Завязалась настоящая охота за связистами.

Немецкий снайпер вызывал огонь минометов по району, где проходила линия связи к нашим ротам, и после обстрела выжидал. Как только побежит связист на исправление линии и войдет в зону, брал его в прицел и убивал. Так были тяжело ранены и выбыли из строя два телефониста.

Пришла очередь и рядового Журова Н.Я., но смекалистый телефонист разгадал прием немецкого снайпера и решил его перехитрить. Он не стал исправлять поврежденную линию и двигаться в направлении района обстрела, а взял новую катушку с проводом, повел новую линию, укрываясь в противотанковом

рву. Связь с ротой стала устойчивой, командир роты смог вызывать и корректировать огонь, накрывал плотным огнем отдельные огневые точки противника, мешавшие продвижению вперед.

Так находчивость и верность долгу рядового Журова Н.Я. помогли ускорить овладение важным опорным пунктом на окраине г. Кенигсберга, выполнению задачи дня с меньшими потерями.

Немало подвигов совершали не только телефонисты, но и радисты.

Батальон 68 с.п. вел тяжелый бой в Гросс-Фридрихсберге, отбивая яростные контратаки наседавших гитлеровцев. В подвале одного из домов вместе с командиром батальона находился радист Рубцов.

Проволочная связь была прервана, ушедшие на линию телефонисты и отправленные вслед посыльные не вернулись, а следующая пара не смогла пройти: противник уже обошел командный пункт.

Рация Рубцова оказалась единственным средством связи с командованием полка. Во время одной из очередных атак противника радист Рубцов был ранен. Наскоро перевязав рану, он снова взялся за рацию.

Связь через головы врага была восстановлена. По целям, указанным мужественным радистом, ударила наша артиллерия, под прикрытием огня которой стрелки возобновили атаку и выбили гитлеровцев из имения.

Подобные примеры мужества, выдержки и самообладания проявили радисты Дягилев, Тихомиров, Донченко, Маликов и Яручик, старшина Кочнев и сержант Климов — все они в сложных и крайне трудных условиях сумели обеспечить бесперебойную связь командованию, чем внесли свой вклад в достижение победы над врагом.

Но наиболее яркий пример мужества и самоотверженности проявил командир отделения связи сержант Исаев.

Шел упорный бой за овладение Гросс-Фридрихсбергом. На гребне высоты, в полуразрушенном блиндаже, расположились связисты, обслуживавшие наблюдательный пункт командира батареи 227 а.п. «Опять, черт возьми, порыв», — трясся и продувая телефонную трубку, сердито сказал командир батареи капитан Бердиев Иосиф Константинович. Он только начал передавать команду на огневые позиции, как связь вновь нарушилась.

«Скоро наступаем, нужно восстановить связь, — обратился он к стоявшему рядом молодому коммунисту, командиру отделения связи сержанту Исаеву. — Трудная, очень трудная задача, но другого выхода нет, надеюсь, Вы ее выполните! — Он крепко пожал руку сержанта и добавил: Жду связи». — «Есть восстановить связь!», — четко повторил боевой приказ коммунист и быстро вышел из блиндажа.

Он остался один в отделении. Погиб смертью храбрых, исправляя линию, младший сержант Шутов. Посланный вслед за ним связист Игнатов был ранен. Дважды контузило связиста Бурковского. Уже двенадцать раз выходил на линию сам сержант Исаев. Это был его тринадцатый выход.

С грохотом рвались снаряды и мины. С визгом проносились над головой осколки и тонко визжали пули.

Сержант Исаев, пригнувшись, быстро бежал вдоль линии, отыскивая и устраняя порывы. На первых же ста метрах от наблюдательного пункта провод

оказался перебитым. Он срастил провода, но связи с батареей не было. Вражеский огонь усилился. Но коммунист Исаев, падая и поднимаясь, переползая в особо опасных местах, упорно и бесстрашно двигался вперед и вперед.

Совсем рядом сверкнула молния разрыва. Взрывной волной Исаева отбросило в сторону, и он вкатился в глубокую воронку. Несколько минут он пролежал без сознания, а придя в себя, еще оглушенный, попробовал встать. Резкая боль прошла по всему телу.

Еще мгновение — и, собравшись с силами, он пополз вперед, туда, где он увидел концы разорванного провода. С трудом он добрался до них, но связи и на этот раз не было.

Опять метр за метром, преодолевая боль, почти оглохший, полз сержант Исаев вдоль провода, отыскивая порывы, сращивая их и подключаясь, повторял в трубку позывные батареи: «Молния?», «Молния?», «Молния?» И наконец услышал в ответ глухое: «Молния слушает!» Это говорил телефонист с огневой позиции батареи.

— Связь восстановлена! — доложил Исаев комбату.

— Объявляю Вам благодарность, — ответил капитан Бердиев, — как раз вовремя.

Спустя несколько минут загремели мощные залпы батареи. Их снаряды рвались на позициях немцев, накрывали вражескую батарею.

Наши стрелковые подразделения дружно пошли в атаку...

Ровно через две недели в дивизионе состоялся торжественный митинг, посвященный награждению отважного воина, коммуниста Владимира Исаева высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

Высшей наградой увенчала Родина славный подвиг смелого воина — связиста, славного патриота-коммуниста, который, презирая смерть, свято выполнил свой воинский и партийный долг.

Подвиги артиллеристов, радистов, телефонистов, саперов и авиаторов были важны и очень полезны, даже крайне необходимы, но они только помогали, обеспечивали подлинную победу.

Решающее же слово всегда оставалось за «царицей полей — пехотой». Победа достигалась только тогда, когда на территорию, занимаемую противником, вступали и закреплялись на ней стрелковые подразделения и части.

Так было всегда, так оно было и при штурме Кенигсберга, в частности, при овладении имением подручного Гитлера, гаулейтера Э. Коха и других сильно укрепленных опорных пунктов вокруг него.

Непрерывная целеустремленная партийно-политическая работа, личный пример и воодушевление воинов частей и подразделений дивизии политработниками, командирами, коммунистами и комсомольцами, действовавшими непосредственно в цепях атакующих противника стрелковых подразделений, в составе пулеметных, орудийных и минометных расчетов, являлись той почвой, на которой рождались, росли и укреплялись такие качества воинов, как беспредельная преданность делу Коммунистической партии и Советского народа, высокая сознательность, дисциплина и ответственность за порученное дело, массовый героизм и самоотверженность при выполнении боевых задач и приказов командования.

И вполне обоснованно и заслуженно все участники штурма Кенигсберга были награждены благодарностью Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР, а ЦК ВКП/б/ и правительством — медалью «За взятие Кенигсберга».

Лучшие из лучших за проявленные мужество, отвагу и героизм были награждены высокими правительственными наградами, в том числе по 70 стрелковой Верхнеднепровской ордена Суворова дивизии — более 650 человек, и в их числе:

ОРДЕНОМ КРАСНОЕ ЗНАМЯ — 105 ЧЕЛОВЕК, в числе которых были:

Командир дивизии — полковник Красновский Серафим Адрианович
 Начальник политотдела дивизии — подполковник Смирнов Николай Савел.
 Командир 68 с.п. — полковник Онойченко Петр Николаевич
 Заместитель командира 68 с.п. по политчасти — майор Володарский
 Командир 252 с.п. — подполковник Яценко Александр Тимофеевич
 Командир батальона 68 с.п. — майор Моисеев
 Командир батальона 252 с.п. — майор Царегородцев Василий.
 Заместитель командира батальона 252 с.п. — капитан Мартынчук Александр Данилович
 Командир роты 68 с.п. — старший лейтенант Горбунов.
 Командир роты 252 с.п. — старший лейтенант Потапенко
 Командир взвода 68 с.п. — лейтенант Головкин Тимофей Петрович
 Командир взвода 252 с.п. — лейтенант Еременко
 Командир взвода 329 с.п. — лейтенант Жальцанов
 Парторг батальона 68 с.п. — младший лейтенант Козлов
 Парторг 252 с.п. — капитан Гунько
 Парторг роты 329 с.п. — сержант Плетнев
 Пулеметчик 68 с.п. — рядовой Сушков
 Пулеметчик 252 с.п. — сержант Талапин
 Стрелок 329 с.п. — рядовой Малышев
 Разведчик 252 с.п. — рядовой Туремуратов Саипназар

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА — 7 человек, в числе которых:

Парторг батареи 227 а.п. — сержант Коженалиев,
 Комсорг батальона 68 с.п. — лейтенант Панин
 Коммунист, командир отделения связи 227 а.п. — сержант Исаев.

ПРИСВОЕНЫ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА» — 7 человек:

Командиру стрелкового взвода 252 с.п. — старшине АЛЕЙНИКОВУ АЛЕКСАНДРУ ГЕОРГИЕВИЧУ;
 Командиру пулеметного расчета 68 с.п. сержанту ЕФРЕМОВУ ДМИТРИЮ ИВАНОВИЧУ;
 Командиру орудия 227 а.п. — сержанту ЗЕРНИНУ СЕРГЕЮ МАТВЕЕВИЧУ;
 Командиру батальона 252 с.п. — майору ИВАНОВУ СЕРГЕЮ ИВАНОВИЧУ;
 Командиру пулеметной роты 68 с.п. — старшему лейтенанту КАТИНУ НИКОЛАЮ АНДРЕЕВИЧУ;
 Командиру орудия 227 а.п. — старшине ОБУХОВУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ;
 Командиру орудия 227 а.п. — сержанту РОДЕНКО КОНСТАНТИНУ ГЕРАСИМОВИЧУ.

Кроме указанных высоких правительственных наград, «За образцовое выполнение заданий в боях с фашистскими захватчиками при овладении городом-крепостью Кенигсберг и проявленные при этом доблесть и мужество:

-приказом Народного Комиссара Обороны от 17 мая 1945 года удостоен высокого почетного звания «КЕНИГСБЕРГСКИЙ» — 68 с.п., командир полка полковник ОНОЙЧЕНКО ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ;

— Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 17 мая 1945 года награжден орденом СУВОРОВА III степени — 252 с.п., командир полка подполковник ЯЦЕНКО АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВИЧ;

— присвоены очередные воинские звания: командиру дивизии полковнику КРАСНОВСКОМУ СЕРАФИМУ АДРИАНОВИЧУ — ГЕНЕРАЛ-МАЙОР и командиру 252 с.п. подполковнику ЯЦЕНКО АЛЕКСАНДРУ ТИМОФЕЕВИЧУ — ПОЛКОВНИК.

Таковы результаты и оценка боевых действий 70 стрелковой Верхнеднепровской ордена Суворова дивизии, ее частей и воинов при штурме города-крепости КЕНИГСБЕРГ.

Действия списаны с документов ЦАМО, фонд 70 с.д.

Материал в архиве отобран ветераном дивизии,
ныне зам.председателя Совета ветеранов,
полковником-инженером В.Д.Коршуновым.

РАЗДЕЛ 7
329 СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК

БУДАРИН ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ

Родился 09.03.1925г.

Воевал в 329 с.п. 70 с.д. с апреля 1943 года до 03 сентября 1945 года в должности командира 57-мм орудия, звание — рядовой.

Награжден орденами «Отечественной войны» II степени и «Красная Звезда», медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

Из школы, прибавив себе 2 года, добровольцем ушел на войну. Был тяжело ранен и контужен. После госпиталя и окончания Тульского пехотного училища прибыл в 70 с.д., в которой с боями прошел от Калуги до Кенигсберга.

Вспоминается военный эпизод. Разведчикам 329 с.п. была поставлена задача — добыть «языка». Брезжил рассвет. По изви-

листым тропам густого леса бесшумно и скрытно прошли в тыл противника, залегли в ложине и стали наблюдать. Вскоре из леса появилось около двух взводов немецких солдат и офицеров. Немцы медленно двигались по дорожке. Подпустив их близко, разведчики по команде старшего сержанта Евстюхина Ф.А. открыли ураганный огонь из автоматов. Один за другим стали падать немцы. Около 40 вражеских трупов осталось лежать в ложине. Захватив «языка», смелые разведчики вернулись без потерь. Пленный дал ценные сведения о противнике.

За дерзкую операцию отважные разведчики Бударин В., Усков С., Троицкий А., Соколов И., Казаков А., Андреев В. И., Лукьянов В. награждены медалями «За отвагу». А разведчики Князьков Я., Дубовик П., Рубцов А. и Евстюхин Ф. награждены орденами «Отечественной войны» II степени.

БЫЛИН КОНСТАНТИН ПАНТЕЛЕЕВИЧ

13.07.1922 года рождения, место жительства: Алтайский край г. Барнаул.

Служил с 1944 года по декабрь 1946 года в 329 с.п. в должности командира стрелкового взвода, с 1946 года — командир взвода разведчиков, в начале войны — рядовой, с 1944 года — лейтенант.

Награжден орденами «Отечественной войны» II степени, «Красная Звезда», медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Это произошло в белорусских лесах в 1944 году недалеко от Полоцка. Фашисты отступали, мы преследовали, ночью попали в засаду. Немцы открыли огонь из всех видов оружия. Наш расчет станкового пулемета из-под огня продвинулся вперед. В это время немцы нас потеснили, пулеметчики были вынуждены вытащить замок и оставить пулемет, чтобы не попасть самим в плен. Когда мы разобрались в обстановке, то пополнили боеприпасы и стали наступать. Немцы отступили и укатили наш пулемет. Мне была поставлена задача найти пулемет, потому что

без замка пулемет далеко не покатят. Я взял двух солдат, мы пересекли дорогу, где и обнаружили пулемет. Не прошло десяти минут, вдруг слышим стук, это по дороге ехали два немца, везли пушку в лошадиной упряжке — один верхом, другой на пушке. Верхового мы сняли выстрелом, а второго взяли в плен. Благополучно вернулись в полк со своим пулеметом и трофейной пушкой. За эту операцию я получил орден «Отечественной войны» I степени, солдаты также были награждены.

В 1944 году во время наступления в одном местечке Литвы немцы сосредоточили превосходящие силы и начали теснить наш батальон. Пехота залегла, в это время пришел наш старшина батальона, принес хлеб в мешке, быстро раздал его всем, а затем с автоматом в руках и с пустым мешком встал в рост, замахал мешком и закричал: «За мной, товарищи!». Пехота поднялась в атаку и выбила фрицев из местечка. Старшина за этот подвиг получил орден Красного Знамени.

ВОЛЫНКИН СЕРГЕЙ СТЕПАНОВИЧ

Место жительства: г. Саратов

В 70 с.д. с мая 1943 года — солдат 329 с.п., командир расчета, до 1945 года — секретарь политотдела, старшина.

Награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

Я прибыл в дивизию где-то в конце мая 1943 года как пополнение из 37 з.с.б. (ст.Селикса, около г.Пензы). Вместе с другими солдатами я был направлен в батарею 120-мм минометов 329 с.п. Сохранилось в памяти то, как

командующий 21 Армией генерал-майор Крылов вручал знамя дивизии. Командиром батареи был старший лейтенант Гончаров, а командиром взвода был лейтенант Иняшин, командир второго взвода был лейтенант Комков (кадровый офицер), а вот фамилии командира третьего взвода не помню. Знаю, что они оба с лейтенантом Иняшиным прибыли из Пензенского училища. Начальником артиллерии полка был майор Хусаинов, командир дивизии полковник Абилов.

Помню, что первый раз батарея вступила в бой в августе 1943 года. Я вначале был командиром расчета, а затем наводчиком. В октябре 1943 года был награжден медалью «За отвагу». В том же октябре был принят кандидатом в члены ВКП(б), а в феврале 1944 года стал членом ВКП(б) (с льготным кандидатским стажем). Председателем дивизионной парткомиссии был майор Иваненков.

Зиму на 1944 год мы стояли в обороне под городом Горки Могилевской области. Сам я не был свидетелем, но офицеры батареи рассказывали о том, что под городом Горки было обнаружено захоронение большого числа местных жителей, евреев, и что в дивизию с этим приезжал писатель Илья Эренбург.

Зимой и весной 1944 года, когда стояли в обороне, 3–4 раза в месяц вызывали в политотдел дивизии. Председателю парткомиссии майору Иваненкову понравился мой почерк и грамотное письмо, поэтому он взял разрешение у начподива отзывать меня из батареи на заседания парткомиссии для оформления протоколов. А когда дивизия пошла в наступление, меня из политотдела вообще не отпустили в батарею, оставили в штате. Летом 1944 года, когда был тяжело ранен секретарь политотдела, меня назначили на эту должность. Последнее мое воинское звание — старшина. Начальником политотдела был подполковник Герасимчук, зам. нач. подива подполковник Слуцкий Г.И.(москвич). После Герасимчука и до конца войны начподив был подполковник Смирнов. Инструкторами подива были майоры: Ильин, Новиков, Самойленко, Герасимович. Инструктор по партучету был Левин Г.С. Пом. нач. подива по комсомолу был капитан Жеребятыв.

14 мая 1945 года в м.Краково в Польше состоялось собрание партактива дивизии. У меня хранилась фотография участников этого актива, которую 12.03.1984 года я отослал Борской для музея дивизии.

Я отчетливо помню майора Гладилена А.С. — начальника связи дивизии, т.к. его хозяйство всегда размещалось со штабом дивизии, и мне часто доводилось его видеть. Помню, начальником медсанбата был майор Хмара М.С.

ГЕНДЕЛЬМАН СЕРГЕЙ САМУЭЛЕВИЧ

Я родился в 1924 году в городе Москве. Отец мой Гендельман Самуэль Яковлевич 1898 г.р., мать Гендельман Ксения Эммануиловна 1899 г.р. Мои родители были репрессированы. Реабилитированы в 1956 году.

После ареста родителей в Алма-Ате я был отправлен в детский дом на Алтай в возрасте 13 лет. Учился в семилетке, закончил в 1939г. Вернулся в Москву

в 1939 году и учился в механическом техникуме. Работал сначала истопником в общезжитии.

В июле 1941 года я был направлен по мобилизации на военный завод №568 в Верхних Котлах, где проработал до призыва в армию осенью 1942г.

Начало войны помню отчетливо.

Москва как-то сразу опустела и притихла. На улицах людей не стало видно, только из динамиков слышна была музыка, еще мирная, бодряческая, но никаких известий не передавали. На следующий день у военкоматов образовались очереди из призывников всех возрастов, от 18 до 55 лет. Очереди у продовольственных магазинов и булочных.

Берут все подряд, что есть, но этого хватает

ненадолго. Через несколько дней появляются продовольственные карточки на хлеб и все основные продукты. Рабочая карточка: хлеб-900г на день, сахар-600г на месяц, масло 500г на месяц, крупа-1,5кг, мясо-600г — все на месяц. К зиме 1941—1942г. эти нормы незначительно снизились, но стали выдавать разные заменители: вместо мяса — рыбу, вместо сахара — конфеты и карамель, масло подсолнечное или маргарин. Служащим, детям и иждивенцам значительно меньше. 3 июля выступил «отец родной» и обращение впервые «братья и сестры» — такие мы ему стали близкие, «друзья мои», и становится ясно, что ничего хорошего нас не ждет. Сводки с фронтов идут бодрые: «лихой пулеметчик уничтожил роту фашистов», «наш танкист расстрелял 5—8 танков противника» и тому подобные подвиги. А в сводках Совинформбюро появляются «новые направления», так это называлось без указания городов — все ближе и ближе к Москве. Населению приказ: сдать все имеющиеся радиоприемники, теперь источником информации оставалась только «тарелка» на стене и официальные сводки: «на N-ском направлении шли ожесточенные бои с превосходящими силами противника, уже уничтожены сотни танков противника, разгромлены десятки дивизий, а бои идут уже под Ельней, Можайском, затем под Лобней и Звенигородом».

Через месяц после начала войны — 22 июля 1941г. произошел первый воздушный налет на Москву. «Граждане, воздушная тревога», — повторяют по радио и загоняют всех в бомбоубежище. Такие налеты идут ежедневно с 19.30 и продолжаются 2—3 часа. При этом немецких самолетов почти не видно, на Москву прорываются считанные единицы. Разрушен дом на Тверском бульваре вблизи от Пушкинской площади, дома на Арбате, Гоголевском бульваре. Но это — единицы. Огромное разрушение на Большой Серпуховской улице, недалеко от Серпуховской площади, там находилась больница. Конец моего рабочего дня в 19 часов, и тревога застает меня между Даниловской площадью и Серпуховской. Сигнал тревоги, трамвай №11, которым я еду из Нижних Котлов на Рождественский бульвар, останавливается, всех выгоняют в бомбоубежище, а я

от Серпуховки по Большой Полянке или Пятницкой улице, скрываясь от патрулей, топаю домой на Рождественский бульвар. Основная задача — перейти через мосты Москва — реки, дальше мимо ГУМа, переулками через Театральную площадь, проскочить на Петровку или Рождественку, а там уже и дом недалеко. Патрулей немного, да и они не очень стараются задержать. Дома маскирую окно, варю пшеничную кашу, благо пшеном я запасся, давали на работе. Утром встаю в 6 часов и снова на 11 трамвай, он шел от Трубной площади по Неглинной улице, дальше через центр мимо Большого театра, по Моховой улице, через мост, по Большой Полянке, Большой Серпуховке, Большой Тульской, Варшавскому шоссе до Нагатино.

На заводе мы собирали снаряды «М13» для «катюши». С нескольких московских заводов нам привозили отдельные части снарядов: головку, трубу, стабилизатор и сопло. Мы их собирали, упаковывали по 2 шт. в ящик. Везли в Ногинск, где их заправляли взрывчаткой и горючей смесью для ракеты, а оттуда прямым ходом на фронт, он был уже недалеко от Москвы. Я был бригадиром цеха сборки, со мной работала бригада женщин, которые в ваннах обезжиривали части снарядов, протирали их от смазки и укладывали в ящики. Снаряды были 2-х видов: «М13» как обычная ракета, их потом выпускали из «катюши» (спецмашина, над которой-16 пар направляющих рельс, на них сверху и снизу подвешиваются снаряды). Один залп — и 32 снаряда летят в цель, а машина возвращается в тыл. Кроме того, собирали снаряды «ванюши» — та же труба с соплом и горючей смесью, а головка «М30»-30-сантиметровая «балда» почти круглой формы. Их упаковывали в решетчатые ящики 3-метровой длины с направляющими внутри. Эти ящики со снарядами на переднем крае фронта ставили в ряд по 15–20 штук под нужным углом, подключали к электроконтактам и ждали команду на запуск. При запуске некоторые снаряды летели вместе со своими ящиками, при этом был «воющий звук», а при падении хороший взрыв. Немцы эти «штуки» очень не любили, по звуковым установкам на переднем краю кричали по-русски: «Рус — Иван, кончай кидать ящики!». Эти ящики сильно взрывались на той стороне, и урон от них был большой.

Эта работа продолжалась до середины октября 1941 года. 14 октября нам выдают двухмесячную зарплату, предлагают эвакуироваться самостоятельно в тыл, куда хочешь, и справку об эвакуации в тыловые районы. И 14 октября вечером Москва вымирает. Около Министерств, учреждений, Моссовета на Тверской видны грузовые машины, идет срочная погрузка и отъезд. Утром 15-го иду в город, везде пустота, кучи мусора и ящиков, людей не видно. По радио нейтральная музыка и никаких сообщений, очередная воздушная тревога, радио молчит, затем снова музыка. И так до конца дня. 16 октября ситуация повторяется. 17-го выступает по радио Пронин (Председатель Моссовета), объявляет город на осадном положении. Все эти дни сплошной поток машин по шоссе Энтузиастов. Я был на Рогожской заставе у завода «Серп и молот» и видел все это своими глазами. Машины, легковые, грузовые, самосвалы, все «под завязку» груженные, идут по Владимирскому шоссе на Ногинск и дальше. Такая же картина на 1 Мещанской улице и Ярославском шоссе.

17 октября решил поехать на завод, где работал. Там полное запустение, битые окна, никого нет. В цеху сборки, где я работал, разгром, не знаю, кто это

сделал, там и брать-то было нечего. Порезаны ленты транспортеров, разбиты ванны обезжиривания. Встретил там начальника планового отдела Ломова, а я, как диспетчер цеха, был у него в подчинении. Он послал меня собирать народ, кого знаю, где живут, а недалеко было общежитие завода. Я нашел человек 7—8, привел. Ломов и их послал также собирать народ. 19-го начали расчищать и восстанавливать свой цех сборки снарядов. А затем и остальные цеха. На следующий день стараниями Ломова нам привезли первые детали снарядов от разных поставщиков, и мы снова начали сборку. Там я и проработал до призыва в армию в августе 1942 года. Работали, как и все заводы тогда, в две смены, дневная — с 7.30 до 19.30, ночная — с 19.30 до 7 утра, с часовым перерывом на обед. Днем ходили в столовую, где нас кормили по продовольственным карточкам. В основном, брали на талоны мясо, крупу и хлеб. Ночью час отдыха, спали, где теплее. Так протекала моя тыловая трудовая жизнь.

После призыва из военкомата нас отправили в Рязанское училище, там не приняли. Затем отправили в Ярославль в Новоград-Волыньское пехотное училище, где я проучился курсантом с декабря 1942 года до начала марта 1943 года.

Ночью по тревоге нас подняли, дали звание старших сержантов и эшелоном отправили на Западный фронт через Москву. В Москве, сбежав из эшелона на Лосиноостровской, я доехал до Москвы на электричке и пробыл 2 дня на Трехпрудном переулке в квартире у родственников. Зная номер эшелона, я догнал его на Киевском вокзале и поехал дальше в Калугу. На станции Калуга-2 я встретил Василия Петровича Галица. Знал через письма от мамы, что он там работает диспетчером паровозного участка. Мы с ним

тепло пообщались, я отдал ему свой запас табака, и через час наш эшелон пошел дальше к фронту, вскоре остановился недалеко от станции Спас-Деменск. Мы разгрузились и попали в формирующиеся части Западного фронта. Меня отправили в 329 с.п. 70 с.д. в 120-миллиметровую минометную батарею. (После войны в совхозе «Московский» был создан в одной из школ огромный музей нашей 70-й). Я стал командиром минометного расчета из 6—7 человек. Эту «игрушку» мы возили на лошадях, у нас были 2 упряжки с ездовыми, на одной — миномет в разобранном виде: ствол 102 кг, лафет 100 кг и двунога-78 кг. На второй повозке ящики с минами по 48 кг каждый. В каждом ящике 2 мины с зарядами по 16 кг каждая и дополнительные заряды.

Тут же, после снабжения нас этими комплектами, ночью мы были посланы на огневые позиции, примерно на 300—500м позади от переднего края, где сидела пехота. Сразу окопались. Огневая точка для миномета 6 м в диаметре, глубиной около метра. Там установили собранный миномет и 20—30 ящиков с

минами. Наутро командир батареи, он был впереди на наблюдательном пункте в окопах пехоты, дал нам отметки для пристрелки, которую начал я своим первым номером миномета. Так мои первые мины пошли по немецким окопам, и для меня началась война. Это было начало нашего наступления на Западном фронте весной 1943 года. Одним из первых выстрелов я подбил немецкий танк, что для минометов было редкостью. Наши мины были предназначены для поражения пехоты. После пристрелки была команда «беглый огонь», и тут только и успевали ребята моего расчета подносить мины. Через полчаса после этой артподготовки пехота пошла вперед в наступление. Командир дал команду перенести беглый огонь на 200—300 метров вперед, затем еще раз перенос огня, чтобы не поразить нашу пехоту, которая успешно шла вперед и уже заняла окопы первой линии немецкой обороны. Не останавливаясь, при поддержке наших мин и артиллерийских залпов, а с нами рядом были батареи 76-мм полковых орудий, которые били дальше (до 8—15 км) вглубь позиций врага, шли вперед. Когда были заняты 2 и 3 линии немецких окопов, мы получили команду перебазироваться вперед на 2—3 км. Быстро разобрали наши минометы, на плечо — и бегом вперед. А вес их, я уже писал, был приличным. Но когда тебе 19 лет и идешь вперед, все по силам, хотя сейчас не верится, что таскали вдвоем 100-килограммовые части миномета. В этот день мы продвинулись почти на 15 км. Минометы смогли дальше подвозить на наших лошадках. На следующий день командир батареи, старший лейтенант Гончаров Степан Васильевич, выстроил весь коллектив батареи и вручил мне мою первую награду — медаль «За боевые заслуги» за подбитый немецкий танк.

Наше наступление продолжалось. Под Могилевом, на речке Проня, я был первый раз легко ранен и отправлен в госпиталь. Этот шрам на шее слева, от пулевого ранения, и сейчас заметен. Случилось это в конце сентября 1943 года, трехнедельное пребывание в госпитале, выписка, справка о легком ранении, и через запасной полк, сухой паек на 3 дня, и вперед пешком до распределительного пункта в прифронтовой полосе. Оттуда — в пехоту, 611 с.п. и на передовую, на железнодорожную насыпь магистрали Москва-Минск, в окопы пехоты, а надо мной железнодорожный столб с табличкой «503-й км от Москвы». Ночью старшина приносит еду на сутки: хлеб — полбуханки на нос, сахар, столовую ложку пещу, пшеничный концентрат в пачке 200г, который разводили в котелке, если была вода, или ели всухую. Кругом болота и какие-то кусты. Отрывали себе окопчик глубиной 0,5 м, а глубже была вода, сверху прикрывали плащ-палаткой. Так сидели 3 суток под дождем и снегом. 1 декабря команда «вперед» под минометным огнем немцев, и тут я получаю полный комплект осколков от мины, разорвавшейся в 3—5 м от меня, когда я перевязывал раненого соседа. Два осколка в голову над глазом и сбоку в челюсть, в грудь справа, в мягкое место, в ноги 4—5 осколков. По-моему, сознание не терял, если только на пару минут, вытащил пакеты перевязочные, завязал голову и бок. Подобрал брошенную винтовку, снял штык, перевернул стволom вниз, приклад под руку, как костыль, и заковылял не на Берлин, а в тыл. Добрел до санитаров и свалился к ним в окоп. Там пролежал до ночи, а потом меня на носилках отнесли недалеко в тыл и положили на телегу с другими ранеными. Лошадка повезла нас в санбат, там наскоро перевязали и отправили в полевой госпиталь. В госпитале сразу на стол, хирурги надо

мною начали колдовать: вынули осколок из брови над глазом, хотели и бровь обрезать (обрывки брови торчали в разные стороны), но хирург, молодая женщина, посмотрела на меня и сказала: «Парень молодой, ему еще за девками бегать, я ему зашью» и сделала так, что потом все срослось. А из челюсти осколок вынимать не стали, сказали: «Это дальше». Вынули осколки из груди, из ног и мягкого места (один почему-то оставили, он по сей день там сидит). Через несколько дней посадили в санпоезд — и на Москву. На Белорусском вокзале началась сортировка, показывая на меня, сказали: «Этого в челюстно-лицевой госпиталь на Пироговку». Там я пролежал несколько дней. Со мной там ничего не делали, готовили к отправке в тыловой хирургический госпиталь. Бук-

вально на следующий день пришел Григорий Ильич с Юлей, моей двоюродной сестрой. Гриша в чине майора, командовал военстроймеханизацией, а Юля была беременна. Это был январь 1944 года. Приходил Василий Петрович Галица с женой Галей. К сожалению, эти встречи длились недолго, вскоре меня отправили санпоездом в госпиталь на долечивание в Кисловодск.

Кисловодск, госпиталь в бывшем санатории им.Ленина в нижнем парке, почти в центре города. Я почти ходячий, сначала с костылем, потом с палочкой, пристраиваюсь помогать киномеханику в клубе госпиталя, работаем много, днем таскаем нашу кинопередвижку «К-16», по-моему, так она тогда называлась, в палаты к лежащим тяжелораненым, вечером натягиваем экран в парке и крутим кино прямо из клуба со 2 этажа.

Такая жизнь продолжалась до середины лета 1944 года. Накануне большой ревизии начальства по госпиталям меня отправили на распределпункт, оттуда в Сталинград в запасной полк, там получаю сухой паек на 3 дня, и гуляй, где хочешь, с явкой в запасную бригаду через 3 дня. Хожу по развалинам Сталинграда, города нет, только груды кирпича, пыль на окраинах, в оврагах сохранившиеся от бомбежек частные домики с огородами. В одном из таких домиков я нашел приют. Спали вповалку на полу человек 10–15, хозяйева — на русской печи. Делились сухим пайком, у хозяйев была корова, они нам молоко, а мы им сухой паек и сахар. На 3-й день являюсь в запасной полк, выстроили всех. Там и допризывники 1925, 1926-х гг. рождения, и наш брат, обстрелянный, из госпиталей.

«Купцы» из фронтовых частей отбирают себе кадры для пополнения. Я стою и не высываюсь, набирают в противотанковую артиллерию, 45-мм пушки. Стою в стороне, я знаю, что это такое — на самом «передке», в позициях пехоты, молчу, что я минометчик. Приходит старший лейтенант и отбирает обстрелянных фронтовиков для комплектования новых частей, туда я и попал. Нашу группу посадили в эшелон и «скорым поездом» — на запад к Варшаве. Где-то за Пинском (Западная Белоруссия) высаживают из эшелона на машины

и вперед, километров на 200, уже по польской земле, до г.Вышкув. Оттуда пешим ходом до реки Нарев (приток Вислы), севернее Варшавы на 30–40 км. Это мы шли во втором эшелоне, а затем, уже в боях, переправлялись под огнем через Нарев и заняли плацдарм глубиной 6–8 км, шириной 15 км. Это было летнее наступление 1944 года, немцы были разгромлены под Минском и отходили после наших передовых частей. К нашему плацдарму за Наревом они подошли через 3 дня. Была хорошая «катавасия», так как одновременно атаквали немцы из Варшавы. Устроили «Сталинград». 3 дня мы отбивались в окружении, потом подошел наш второй эшелон, и стало легче, тыл был обеспечен. За эти бои я и получил «Орден славы» III степени. В те дни я командовал взводом разведки в звании старшины при старшем лейтенанте Потылицыне. Мы сидели в польском погребе: полузасыпанный кирпичный свод длиной 10 м и шириной 2 м с выходом посередине. Выход был, к сожалению, в сторону немцев, которые находились от нас на расстоянии 150–200 м и все видели. Ночью к нам набежали соседи с противотанковой 45-мм пушкой, и с рассветом началось движение. Немцы это хорошо разглядели, и вскоре начался обстрел. Первый снаряд по нашей позиции — перелет, второй — недолет. «Ребята, — говорю, — третий будет наш». И точно, ясно вижу, как третий влетает посередине погреба... — и все...

Очнулся через какое-то время, весь засыпан землей и обломками кирпича, руками прикрыто лицо, а тела не чувствую. Отгреб землю от головы, начал кричать. Услышал голоса: «Ребята, там кто-то есть, копайте!». Посыпался песок, кто-то схватил меня за нос, откопали голову, а потом до пояса. «Давайте вытащим». Дернули меня за плечи, сильная боль в правой ноге. «Ребята, давайте копать дальше». Копают: «Смотрите, там еще кто-то лежит, справа нога». Откопали, а это моя нога, ниже колена перебита и повернута под углом 90°. Нашли доску, привязали ногу обмотками, притащили носилки и потащили меня в тыл. В этом полуразрушенном погребе, кроме меня, нашли в живых только 3–4 человека.

Через какое-то время подогнали лошадку с телегой, положили меня и повезли в санроту. Там санитары подвязали ногу, сказали: «Везите в санбат». В санбате сразу на стол, разрезали одежду, сняли ботинки, хирург посмотрела: «Все, ампутация, тут делать нечего, все кости переломаны»

-Доктор, я резать не дам, у меня закрытый перелом, заражения не будет, наркоз не делайте, а то отрежете не спросясь.

-Ну, какой специалист, нами командует! Ладно, парень молодой, ему еще за девками бегать, подвяжите бандаж — и в госпиталь.

Отвезли в ХППГ, там — на стол и тот же разговор с хирургами: «Отрезать не дам, делайте под местным наркозом». Лежу, смотрю, что там делают. Разрезали ногу с двух сторон, вынули осколки костей, почистили и загипсовали.

-Поезжай, парень, в тыл, отвоевался.

Еду в санпоезде в Ворошиловград (Луганск). Там в госпитале стало хуже, нога воспалилась, температура, надо чистить. Снова на стол, чистили снова под местным наркозом, смотрю, что делают. Опять гипс.

Лежу в Луганске и думаю, как быть дальше. Обходит замполит госпиталя, майор, спрашивает, как дела. Я ему и говорю: «У меня в Москве родственники, нельзя ли перевести в московский госпиталь?»

Приехал, явился в госпиталь со своим гипсом. Госпиталь на Самотеке, во 2-м Троицком переулке, время — конец апреля 1945г., скоро конец войне. Майские дни, праздники. Девятое мая — Праздник, все на улицах, я на костылях, тоже в «самоволке». Что творилось, трудно описать. Покостылял на Красную площадь. Там толпа, все обнимаются, поздравляют, особенно нас, фронтовиков раненых. Во второй половине дня поехали к Славе Июльскому, корреспонденту «Комсомольской правды», там и отметили День Победы. Вернулся в госпиталь, и меня через неделю, 16 мая, выписали — «негоден к службе на 6 месяцев с переосвидетельствованием».

В июле 1945г. я поступил работать в «Оптметиз» старшим товароведом, а затем заведующим отделом сырья и промпереработки, где и проработал 6 лет до окончания института в 1951г.

Потом товарищ устраивает меня в ЦНИБ. Через полгода ЦНИБ преобразуется в институт мебельной промышленности ВПКТИМ, где я работал в отделе по испытаниям мебели в должности главного конструктора проекта. В 1994г., когда мне исполнилось 70 лет, я ушел на пенсию. Проводили меня с почетом.

ДЕМЕНТЬЕВ АНДРЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

Дементьев Андрей Афанасьевич родился в 1917 году в городе Борисоглебске Грибановского района Воронежской области. После окончания школы поступил в военное училище. Кадровый военный, майор, командир батальона.

В составе 47 о.с.б. в 1941 году защищал Москву, освобождал Клин, позже воевал под Старой Руссой. В апреле 1943г. 47 с.б. направили в Калугу и вместе со 146 о.с.б. она влилась во вновь сформированную 70 с.д. В составе 329 с.п. 70 д. командир батальона капитан Дементьев А.А. освобождал Смоленск, Белоруссию, Прибалтику, штурмовал Кенигсберг, был ранен.

Награжден орденами «Богдана Хмельницкого», «Красного Знамени», двумя орденами «Отечественной войны», многими медалями.

После войны Дементьев А.А. окончил исторический факультет Воронежского пединститута, работал учителем в городе Борисоглебске.

Дементьев А.А. первый начал поиск ветеранов 70 стрелковой Верхнеднепровской ордена Суворова 2 степени дивизии. Он рассылал в районные, городские и областные газеты Советского Союза призывы «Отзовитесь, ветераны!» и собрал фамилии и адреса нескольких сотен однополчан. Он стал первым председателем Совета ветеранов 70 с.д., который зарегистрировал в городе Калуге — по месту формирования дивизии. Он провел несколько встреч ветеранов 70 с.д. в Калининграде, Шауляе, в городах Подмосковья.

Умер в 1989 году в городе Волжском Волгоградской области. Имя и добрые дела Дементьева А.А. навсегда останутся в памяти и сердцах ветеранов 70 с.д.

НА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ. ЗНАКОМСТВО

1.

Стучат колеса на стыках рельсов. Все дальше и дальше движется эшелон от сталинградской твердыни, а сердца все еще переполнены радостью одержанной победы. В душных, тесных, жарко натопленных теплушках бойцы во сне бредят боями в сталинградских степях. Проснутся, с болью вспоминают о погибших и о тех, с кем их разлучили армейские госпитали. На каждой станции вместе с письмами родным опускают в почтовые ящики треугольники, адресованные раненым друзьям, намекая им, где можно отыскать свой полк.

Впереди новые сражения. Еще длинен и не розами выстлан путь до Берлина. Бойцы уверены, что место погибших в строю займут новые. Но для солдата в бою нет опоры надежнее, чем его испытанные огнем и боевой дружбой товарищи, в которых веришь, как в самого себя. Не безразлично солдату даже, чьи руки закроют его глаза, опустят в могилу, если вдруг оборвется жизнь. Сохранит ли товарищ память о тебе, поведает ли людям, как бился ты за Родину.

— Где сейчас Костя Федоров? — спросил боец.

— Где-нибудь тоже трясется в вагоне, — отвечает сосед.

— Надо его увидеть, а то так и расстанемся с другом, — говорит сержант. — Нам бы вместе, товарищ командир, ведь мы с ним с Кемеровского училища. Одну неделю не доучились, и нас направили под Сталинград. А знаете, товарищ старший лейтенант, — после короткой паузы продолжал боец, — Костя был радистом при штабе дивизии. Это через его радиостанцию передавали ультиматум немецкому генералу Паулюсу. Костю Федорова сам Рокоссовский знает.

Внимательно слушаю солдата, а он в раздумье снова себе говорит: «Да, дожить бы до конца войны, а там опять поехали бы на БАМ».

— А что это за БАМ? — спрашиваю сержанта.

— Мы с ним до призыва в Армию работали на БАМе. Он и там был радистом. Это одна из многих проектно-изыскательных экспедиций на Северном Байкале, в районе между Братском и Усть-Кутом. Вот закончится война, товарищ командир, будет там громаднейшая стройка, куда больше Турксиба.

Не знаю, нашел ли тогда сержант своего друга — радиста, которого знает сам Рокоссовский. Меня вызвали в другой вагон, где командиры и политработники толковали о том, как помочь не нюхавшим пороха бойцам. Гадали — скоро ли сравняются по хватке со сталинградцами.

— К нам, бывалым, слабеньких не пошлют, — заключил капитан Карамайкин. Почти все пополнение дивизии сибиряки, даже есть дальневосточники. Многие, говорят, курсанты военных училищ.

2.

На станции близ Жиздры над теплушками раздалась команда:

— Выгружаться! Выходи строиться!

Построились и пошли. К утру пришли в темный, шумевший вершинами бор. В нем и раскинули лагерь. Из сосновых ветвей соорудили шалаши, которые теперь, после семи месяцев непрерывных боев в голых, продуваемых всеми ветрами сталинградских степях, с их каменистым, а зимой глубоко промерзшим грунтом, в котором без применения взрывчатки не то что землянку, но и простейшую стрелковую ячейку отрыть немыслимо, кажутся нам «воздушными замками». Холодно, правда, но безветренно, приятно пахнет хвоей. Под снегом песок. Отогрей костром местечко, врывайся в землю и спи «про запас».

Сидим у «буржуйки» с майором Бачуриным и сушим свои портянки. На сучке висит телефон. Бачурин узнает подполковника Морозова. Он сообщает, что часа через три в полк прибудет еще маршевая рота, а одна на подходе. Все сибиряки, правда, в боях не участвовали. Надо их встретить как можно радушней. В дороге они устали, но успели подружиться.

— Радушием не обделим, — отвечает майор.

— Предусмотрительный наш командир полка, — говорит Бачурин.

Разведав, что придет пополнение, с утра распорядился расставить банные палатки, нагреть воды, подбросить в хоззвод кухню и приготовить обед дополнительно на полторы — две сотни человек. «Начнем, — говорит, — с того, что с дороги помоем людей, белье им сменим, портянки высушим, сытно накормим». — Прав наш командир. Нам как-то иногда бывает невдомек, что политику партии до людей доносить нужно не только словом, но, главным образом, умелой организацией настоящего быта и благополучия подчиненных, — продолжал Бачурин.

3.

Шли дни. «Братцы Забайкальцы», как они себя именовали, познакомились с боевой историей полка, со многими живыми боевыми героями, вскоре их уже можно было считать не новенькими, а своими. Бачурин с парторгом полка Овчаренко и агитатором Карамайкиным выявили, кто из пополнения был передовиком производства, кто был на комсомольской работе, отличником учебы. Прицеливались, за счет кого можно будет в ближайшее время пополнить партийную и комсомольскую организации. Выявили домашние нужды и тревоги прибывших, кому и в чем помочь, не откладывая, написали письма в райвоенкоматы и местным властям. Потом решили провести митинг. За день до митинга Бачурин вызвал к себе Карамайкина и сказал ему:

— Новички сразу после митинга пойдут на передовую. Вот что, Степан Федорович, неплохо бы научить их боевой активности на опыте нашего

знаменитого снайпера Павла Плеханова. Он подготовил не один десяток снайперов, а вот публично выступить не может. Надо обеспечить выступление его и вообще постараться привить человеку вкус к агитации.

Выдался погожий, по-весеннему ласковый день. Солнце ласкало поляну с пятнами талой земли. Ветерок слегка колыхал пробитое пулями и осколками полковое знамя. Открыв митинг, Бачурин предоставил первое слово командиру полка. Помню, Володько говорил, что он член партии, участвовал в войне с белофиннами, воевал в Сталинграде. Вторую часть своего выступления командир полка посвятил постановке боевой задачи. Потом предоставили слово снайперу Плеханову. Тот вынул из кармана листок бумаги и начал читать. Кто-то крикнул:

— Не слышно. Погромче!

— Да брось ты эту бумажку, говори своим, русским, — крикнули из последних рядов.

Плеханов остановился. Посмотрел по сторонам и громко сказал:

— Да, меня, как и вас, родила русская мать! И, как вас, научила говорить по-русски. Плакала, когда меня призвали на империалистическую. Благословила, когда я пошел добровольцем на гражданскую. А в эту, третью мою войну, пишет мне: «Убей, Павлуша, фашиста». И вот я выполняю материнский наказ. Три раза был ранен. Имею правительственные награды.

Раздались аплодисменты. Пока они гремели, Павел Плеханов почувствовал контакт с солдатами, обрел равновесие, заговорил по-деловому, рассказал, в чем состоит секрет снайперского мастерства и как им овладеть.

— Вот так мы их и бьем, гадов, — закончил Плеханов под громкие аплодисменты. Чувствовалось, что этот многое повидавший на своем сорокавосемилетнем жизненном пути солдат волнуется.

Потом выступил мой знакомый лейтенант Кудашкин. В начале войны он служил в хоззвезде. Парня тянуло к настоящему делу. Узнал, что разведчики никак не достанут «языка», упросил командира полка разрешить ему попытаться счастья. «Языка» привели, и очень ценного. Так и остался Кудашкин в разведке.

И вот сейчас на митинге он говорит:

— В разведке очень трудно. Требуется хорошая физическая сила. Слух, зрение должны быть хорошими. Разведчик не должен курить. Само собой разумеется, разведчик должен быть смелым, храбрым, отважным, решительным, дисциплинированным. У разведчика много положительных качеств и нет совсем отрицательных. Вот так, друзья. Кто этим обладает и считает, что он справится с обязанностью разведчика и не подведет товарищей, может идти в разведку. Подумайте, решите и доложите своему командиру. Разведчики нужны.

После митинга состоялся концерт. Выступали известные артисты, помню, хорошо пела артистка Обухова. Очень жаль, что память не сохранила, где это было и как оказались у нас артисты. Ведь Обухова — это классика. Слишком кратко я записал об этом в своем блокноте.

Митинг убедил меня, что работа замполита очень нужная и не из легких.

4.

Бачурин поручил мне обобщить, как в полку продолжается знакомство с новичками. Начал с подразделения капитана Сорокина. С прибытием новичков комбат пригласил их в клубную землянку. Рассказал о себе, о лучших людях

батальона, о его боевых делах. Точно так же поступили командиры рот и взводов. Вот проходит беседа в отделении сержанта Эрдиниева. Начал он свою беседу с рассказа о командире лейтенанте Уфимцеве, потом рассказал и о себе.

— Семья у нас большая, одних сестер шесть. Мне было пять лет, когда умерла мать. Пас овец и помогал отцу дома. Окончил десять классов. Работал в колхозе бухгалтером. А знаете, я же и учитель. За несколько дней до призыва в армию окончил заочно педагогическое училище.

Всем понравился сердечный, задушевный рассказ сержанта. После него слово попросили новички Салим Умарзаев, Гайфула Атабабаев и Ислам Гайсин. Каждый гоаворил о своей жизни до войны.

— Еще мы очень рады, — заключил Гайсин, — что здесь посчитались с нашей дружбой, которая сложилась у нас в запасном полку: всех троих нас направили в одно отделение. Это хорошо.

В основном было закончено знакомство новобранцев с командирами, героями боев, с боевой историей части и каждого подразделения. Все узнали много нового. Об этом и доложил майору Андрею Прохоровичу Бачурину.

5.

В полку я был новым человеком, если не считать двухнедельное мое пребывание в нем раньше, когда после ранения, подлечившись в госпитале, из запасного снова попал в знакомую часть. И теперь, если не был нужен в штабе, Бачурин брал меня с собой сопровождать его по подразделениям полка. У меня было достаточно много времени для раздумий. Однажды мне немного взгрустнулось, и я вспомнил свое детство и юность. Очень быстро бежали дни первых пятилеток. Мы учились и торопились расти. Мысленно мы были на Днепрогэсе и в Комсомольске-на-Амуре, ехали по стальной магистрали Турксиба, плыли вместе с челюскинцами и папанинцами в просторах неизведанной Арктики. Сидели за штурвалом рядом с Чкаловым и Громовым, мысленно пролетали над просторами Родины и через Северный полюс, завидовали Марии Демченко и Паше Анжелиной, Кривоносу и Бусыгину, сестрам Виноградовым и Мамлакат. Мы хотели быть стахановцами, а в стране гремела гроза второй мировой войны. Лилась кровь в Абиссинии и Испании. Мои старшие товарищи защищали Родину на Хасане, Халхин-Голе и в Финляндии. Мы сдавали нормы на значки ГСО, ПВХО, БГТО, ГТО и становились «Ворошиловскими стрелками». Ходили строем и пели: «Тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят, у высоких берегов Амура часовые Родины стоят». Вместе со страной мужала наша юность и готовилась отстоять завоевания Октября.

Германия оккупировала Чехословакию. Фашисты задушили Испанскую республику.

22 августа 1939 года на совещании Главнокомандующих Гитлер объявил: «Польша будет очищена от своего народа и заселена немцами...и в конце концов с Россией, господа, случится то же самое...Мы разобьем Советский Союз. На земле наступит германское владычество». А на второй день гитлеровское правительство подписало в Москве договор между СССР и Германией о ненападении. А что нам оставалось делать? Ведь переговоры с Францией и Англией о совместных действиях против Германии были по их вине сорваны. Договором с Германией Советский Союз, как известно, выиграл время для дальнейшего

укрепления своих вооруженных сил. Мы очень хорошо знали, куда ведет дорога фюрера. В трепетном ожидании новых авантюр бесноватого Гитлера пережили жаркий август, в начале сентября Германия напала на нашего соседа — Польшу. В течение каких-то трех недель Польша и ее народ были поработаны. Германия оккупировала девять европейских государств, стала обладать огромной экономической мощностью, а Польша для нее плацдармом для наступления на СССР с запада. Норвегия была раньше сделана плацдармом для наступления на СССР с севера. С юга фашисты угрожали с Балкан. Угроза со стороны германского фашизма была очевидной, ощущалось приближение войны.

В середине сентября Красная Армия выступает на защиту населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Это показывало нашу силу.

Германия, Италия и Япония заключают между собой так называемый Берлинский пакт, тем самым осложняют и так сложную обстановку на нашей западной границе.

Фашистские войска вступают в Румынию, правительство присоединяется к Берлинскому пакту. По всему было видно: фашисты готовятся напасть на нашу Родину.

В конце 1939 года Гитлер на одном из совещаний сказал: «Россия в настоящее время не опасна, у нас имеется договор с Россией. Однако договоры соблюдаются до тех пор, пока они целесообразны. Мы можем выступить против России лишь в том случае, если освободимся на западе». Ясно, что скоро война с фашистской Германией будет. Мы надеялись, что авантюра бесноватого не достигнет нас врасплох.

Вот в этот период, когда над страной создалась грозная опасность войны, я работал техническим секретарем Полянского РК ВКП/б/. Долгими тревожными ночами секретари РК ВКП/б/ обсуждали волнующие вопросы на случай войны. Я был в курсе всех событий. Однажды обсуждался вопрос об отборе кандидатов в военные училища. Попросился отправить меня в одно из военных училищ. Учился в Орловском Военно-пехотном училище, которое окончил в первых числах июня 1941 года, а через несколько дней началась война.

Война. Будь она трижды проклята! Будучи на курсах при штабе Военного округа, 22 июня направился навестить своего друга, работавшего секретарем райкома комсомола. Здесь и узнал о начале войны. В этот же день был направлен на фронт. Вечером забежал проститься с другом и его семьей, но он уже был в военной форме, с двумя кубиками в петлицах, со звездочкой на рукаве — младший политрук.

Теперь стало понятным, почему нам — молодым выпускникам военного училища — не дали отпуска.

Многие мои сверстники думали, что на фронте не хватает только нас, стоит только нам появиться, и немцы будут остановлены. Поначалу думал так и я.

В 850 с.п. попал уже обстрелянным, знал, что такое фронт и кто такие фашисты. Был два раза ранен. Более шести месяцев провел в госпиталях. Сейчас ждал своего назначения, и хорошо, что находился при Володько и Бачурине. Много от них узнал и многому научился. Мне нравились эти два офицера, в руках которых была и моя судьба.

6.

Во второй роте знакомых мне почти не было. Офицеры все сменились, остался кое-кто из сержантов, а из рядовых вообще мало кого знал. Однако рота мне была родной. Спросившись у Бачурина, пошел бродить по блиндажам. Узнал, что в одном из отделений первого взвода всегда бывает весело. Без труда нашел своих старых знакомых, среди бойцов действительно знакомыми оказались только двое: длинный, как верста, пулеметчик Лункин и маленького роста боец Гришин.

— Подвинься, а то невзначай могу и раздавить, — сказал Гришин. Посмотрел сверху вниз на приятеля, Лункин подвинулся. Усевшись, Гришин заговорил:

— У нас в деревне на масленицу все выходят на кулачки, значит, кулачный бой. Долго не иду, но когда меня просят, выхожу. Но со мной никто не связывался.

— Боялись ударить, а то к земле прибьют, — пытался съязвить Лункин. Лункин выпрямился. Гришин серьезным взглядом окинул друга снизу вверх:

— Да, товарищ Лункин, меня боялись. Я бью два раза: один раз по голове, а второй по крышке гроба такого, как ты, верзила. Он сказал это так убедительно, что не поверить ему никак было нельзя. Гришин, помолчав, тут же спрашивает у Лункина:

— Дашь закурить? Своего табака, как оказывается, он никогда не имел, раздаст его, а сам потом просит. Друзья молча закуривают.

Потом завязывается спор, чей родной край красивее?

— Нет, вы не знаете гор, — горячо старался убедить всех Абдыкарим Рахимов. — Самые высокие и красивые горы — где живу я. Самый глубокий распадок между горами — тоже у нас. А знаете, как он называется? «Ущелье вечного забвенья».

Пока бойцы спорили, я думал: «Война не только бой, но и мир общения людей, мир тревог и переживаний, радости побед и горечи поражений». Об этом как-то сказал Бачурину. В полк пришли бойцы из разных областей, люди многих национальностей, разного жизненного опыта и военной подготовки, разных способностей. Из них требуется создать своеобразный ансамбль, в котором чтобы все было слажено. Но, чтобы правильно организовать ансамбль, нужно создать необходимые условия для каждого. Всем этим делом занимались Володько и Бачурин. Но все ли они делали? Мне казалось, что сделано еще не все.

Скажем, а что если создать «Клубы Дружбы»? Сказал об этом Бачурину. Я тогда не понял, к чему он мне ответил: «Дело не в названии. Надо зажечь огонь дружбы — вот что главное». А я ему: «На войне человек всего лишен. Что-то ему нужно дать взамен. Конечно, «Клубы Дружбы» не могут заменить утраченной войной формы эстетического воздействия на психологию, но они должны поддерживать живучесть хотя бы мечты. Человек без мечты не может жить и в войну. Что еще, как не мечта, может дать силу, помочь одолеть суровые будни фронтовой жизни?» Бачурин тогда согласился.

И вот в роте за две ночи выкопали большой котлован, стены забрали досками, сбили длинный стол, раздобыли где-то самовар, достали из вещевых

мешков шашки, шахматы, книги. Все это показали парторгу батальона лейтенанту Банному.

— Молодцы, да и только, — сказал Иван Михайлович. А на второй день ночью сам приволок книги и целый мешок газет. Наш «Клуб Дружбы» вмещал два взвода. Там постоянно кипел самовар, было весело и интересно. Здесь проводилась и политическая работа. О «Клубе» узнали в полку и даже кто-то рассказал в политотделе. Приехал инструктор из политотдела, посмотрел, похвалил, а на второй день в газете дивизии появилась статья, хвалившая бойцов за хорошую инициативу по организации своего культурного отдыха.

Бачурин все продолжал посылать меня то в один, то в другой батальон, то по ротам: «Пойди посмотри, о чем говорят люди, что делают». Я уходил на целые сутки и возвращался со многими новостями. «Хождение в народ», как я называл командировки Бачурина, очень многое мне дали и многому научили. Здесь стал регулярно вести записи наблюдений, слышанного и виденного.

— Ну как, Андрей, пойдешь на политическую работу? — спросил меня Бачурин.

— Я, товарищ майор, командир, окончил пехотное училище. Ну, а где я принесу больше пользы, — судить Вам.

Вскоре меня назначили командиром второй роты, которой командовал раньше. Приняв роту, стал теперь серьезно изучать ее личный состав.

7.

Приняв пополнение, полк занял оборону западнее районного центра Бярятинское Калужской области. Передний край проходил по длинному лугу и пойме реки. Противник вкопался в возвышенность по правому берегу реки и просматривал нашу оборону вдоль и поперек. Артиллерия била точно и разрушительно. Очень доносили снайперы.

Душевное состояние бойцов было настроено на то, чтобы разбить фрицев и добыть победу, но саму победу солдаты и мы, офицеры, представляли очень смутно, не знали, когда это будет и как будет выглядеть ее результат.

Меня удивляло другое. Прошелся по траншее, посмотрел в ту сторону, а там ничего особенного. Как-то не верилось, что мы на самом полюсе войны. Подошел к солдату и спросил у него, что видно, что слышно. Он ответил что-то непонятное. Я посмотрел в бинокль и ничего не мог разобрать: впереди желтовато-серая глина... и удивительная тишина. Оставив бинокль, обратил внимание, как солдат, прищутив глаза, смотрит в одну точку. Проследил за его взглядом, обнаружил в небольшой ложине мелькание немецких шинелей. «Что-то строят», — сказал боец. Я же не сдержался и выпалил: «Тогда почему в них ты не стреляешь?» Наблюдатель взял винтовку, положил ее на бруствер, долго пристраивался к прикладу и решил все же стрельнуть. Прямого результата я не заметил, но фашисты прекратили ходить. Прошел по траншее дальше и увидел установленные у землянки в три наката две стереотрубы. Попросил у сержанта разрешение и стал рассматривать передний край с помощью техники. Изучая глубину немецкой обороны, неожиданно ясно и четко увидел группу немцев в 10–12 человек. Они спокойно шагали в нашу сторону. Меня подбросило: «Как это они могут так спокойно идти к нам!» Сержант взял телефонную трубку, передал на батарею — раздался глухой взрыв, и немцы бросились врассыпную.

Невольно перенесся к первым месяцам войны. Что ни день, в подразделение прибывали люди. Начинал с ними знакомство с того, что рассказывал им о положении дел на фронте, на участке, занимаемом частью. Потом спрашивал, все ли умеют стрелять из винтовки и обращаться с гранатами. Обычно выяснялось, что половина прибывших до этого не держала в руках оружия. И вот начинаешь учить. Другая половина имела на груди значки ГТО, ПВХО, ГСО и «Ворошиловский стрелок», хорошо владела оружием и была подготовлена основательно. После первого же боя часть новичков выходила из строя, большинство от осколочных ранений. Бывало, возьмешь у иного раненого винтовку, глянешь в канал ствола, а он чистый и порохом не пахнет. Выходит, человек шел в атаку, враг стрелял в него снарядами, минами, осыпал пулями, а он только кричал «ура», кровь за Родину проливал, а выстрелить по врагу так и не успевал. Вот какой дорогой ценой расплачивались мы в первые месяцы войны! И вот сейчас сидим в обороне и даем возможность врагу свободно ходить по нашей земле.

1943 год был радостным годом. Успешно была завершена ликвидация окруженных войск противника под Сталинградом. Были освобождены полностью Сталинградская, Ростовская, Воронежская и Курская области, Ставропольский и Краснодарский края, Предкавказье и Кавказ. Началось освобождение Украины. Фашизм уже не говорил о молниеносной войне и скорейшей победе. Пленные высказывались о предстоящей затяжной войне и поговаривали о заключении мира с западными союзниками. Фашистская Германия стояла уже перед катастрофой неминуемого разгрома.

Перед бойцами и офицерами стояла задача дальнейшего совершенствования боевого мастерства, умелой организации взаимодействия в бою, не давать противнику покоя в обороне. Вот с этого и начал свою работу с личным составом роты.

ПЕРВЫЕ БОИ

I.

День и ночь кипела работа в полку. Рядовой изучал противника в своем секторе, взводный — в своем, ротный и батальонный от ориентира до ориентира — в своей полосе. Все докладывалось по инстанции и приходило к начальнику штаба. В штабе дивизии полковник Прохоров обрабатывал полученные данные и наносил на карту. Постепенно просветлялась оборона противника. На основании этих данных разрабатывались планы наступательного боя. Теперь надо было добыть «языка», чтобы еще раз уточнить силу противника. Однако попытки разведчиков взять «контрольного» кончались неудачами.

Пришел ко мне старший лейтенант Кудашкин с разрешением пожить в роте, чтобы понаблюдать за противником. Он теперь командир дивизионной разведроты. Вместе с опытным разведчиком Редькиным и совсем еще юнцом Володей Дубина они двое суток вели непрерывное наблюдение за каким-то объектом. Потом решили действовать не ночью, как обычно, а днем. Разведчики установили, что немцы ночью вели земляные работы, а днем тут же отдыхали. Нападать решили в часы, когда они отдыхали. План Кудашкина мне показался несбыточным, ненужной затеей.

Я так и сказал ему: «Себя погубите, и нашей роте потом от фрицев достанется». Но моего согласия разведчикам не требовалось, план командира разведроты был одобрен начальником штаба дивизии, и разведчики сосредоточились на исходном рубеже. Группу обеспечения возглавил боевой крепыш Лютавин. Группу же захвата, к моему удивлению, — сержант Володя Дубина. Разведчики ушли перед рассветом. Кудашкин сидел на моем НП и вслушивался в темноту, когда же рассвело, он наблюдал за передним краем через стереотрубу, ни на секунду от нее не отрываясь. Где-то часов в восемь утра старший лейтенант посмотрел на часы и сказал: «Шесть минут. Молодцы, ребята. Быстро управились».

После выяснилось, как действовали разведчики. Саперы сняли мины, подползли к проволочному заграждению, положили толовые заряды и расставили дымовые шашки. Старший сержант Касаткин залег у машины, соединенной проводом с зарядами. Подготовив все к нападению на блиндаж, разведчики замаскировались в густой траве. Постепенно начало светлеть. Гарнизон блиндажа закончил работы, позавтракал и лег спать. Наступила тишина. Вдруг от взрыва задрожала земля, в воздух взлетели кольца с колючей проволокой. Образовался проход, и шестерка захвата бросилась вперед. Три разведчика ворвались в блиндаж, а три обеспечили прикрытие. Пользуясь дымовой завесой, созданной группой прикрытия, разведчики взяли «языка», отошли на исходный рубеж. До нашей землянки хорошо добрались, а дальше идти уже было невозможно: фашисты открыли огонь. Решили допросить на месте. Из показаний немца установили дополнительные данные о крепости глубоко эшелонированной обороны противника.

Вылазка оказалась успешной.

2.

Командир полка и политработники очень много внимания уделили учениям с боевой стрельбой, «обкатке» молодых солдат на танках. Учения проводились с ротами, поочередно выводившимися во второй эшелон на специально оборудованную местность. На этих учениях командиры и партийно-политический аппарат получили определенную практику работы в бою.

Дошла очередь и до нас. Все прошло хорошо. На вторую ночь мы возвратились в обжитые траншеи и землянки. И опять пошли вопросы: «Когда будем наступать?», «Скоро ли будет наступление?» Но на эти вопросы никто толком ответить не мог. И вот нас, командиров рот, вызвали на КП командира полка. Нам рассказали, что в глубине обороны противника — укрепленная высота, а впереди — противотанковый ров глубиной до трех, а шириной до пяти метров. За рвом — двухметровая земляная насыпь из дерна. По насыпи разбросаны окопы, примерно в пятидесяти метрах друг от друга. Станковые пулеметы появляются и вводятся в действие, когда атакующие врываются в противотанковый ров. Сплошные минные поля и проволочные заграждения на низких кольях, порой совсем незаметные. Большое количество противотанковых препятствий. Мне запомнилось, как командир полка сказал: «В начале боя предстоит наступать не так, как обычно, когда танки ведут пехоту, а наоборот, пехота должна за собой вести танки».

С получением боевого приказа и уяснением боевой задачи развернулась большая работа командиров, партийных и политических работников. Перед

наступлением пригласил к себе свой боевой актив. У каждого в эти минуты были свои думы. Ведь предстоял очень серьезный бой. Надо было просто поговорить, посидеть, помолчать, как это бывает перед дальней дорогой.

Разные мысли лезли в голову, но я их отгонял. На ум пришли стихи:

Как открывшаяся тайна,

Помню, резко ты вошла.

Неожиданна, случайна

Встреча первая была...

А о чем другом мог думать? Ведь было мне тогда всего двадцать два года.

Атака началась неожиданно и удачно. Мы выбили немцев из глубоких траншей, быстро расставили свои огневые точки и приготовились к отражению возможной контратаки. День прошел в напряжении. Противник не контратаковал, а мы не наступали. Ночью никто не спал, всматривались в сторону противника, прислушивались, что делают фрицы.

Утром смотрю — по траншеям разбросаны листовки.

— Откуда это? — спрашиваю. А один из бойцов отвечает:

— Фашисты заботятся о нас, товарищ старший лейтенант, подбрасывают бумажки, простите, в туалет ходить

И, действительно, никто на эти бумажки не обращал внимания, но они мешали.

Часов в восемь начался сильный обстрел нашего переднего края, а затем и наступление немцев. Смотрю — фашисты все ближе и ближе к нам. И вдруг показались танки, догнали фрицев и ведут их прямо на наши траншеи, надеясь, очевидно, что после арналета от нас ничего не осталось. Немцы перешли на бег. Они уже совсем близко. И тут заговорили наши пушки, минометы и сорокапятки. Поступила команда, и мы открываем огонь из всех пулеметов и автоматов, винтовок и карабинов. Фашисты ложатся. Загорелся один, а потом еще один, еще минута — и сразу два танка.

Чувствую, как поднимается настроение бойцов. Над нами гремит мощный артиллерийско-минометный шквал. Фашисты дают ответный огонь и пытаются что-то сделать. Опять пошли танки с крестами, а за ними пехота. Наша артиллерия бьет отлично. Слышу по телефону команду артиллеристам. Кто-то повторил ее — и наступил кромешный ад. Фашистские шинели летят вверх, горят танки. Слышу приказ: «Всем в атаку!», вижу сигнал к атаке — серия красных ракет. Правый сосед с криком «ура!» уже поднялся.

Думаю: «Не ждать же, пока их фашисты перебьют». Подаю команду: «В атаку!» Бойцы выпрыгивают из траншей, и в это время по всей обороне летят вверх красные ракеты. Бежим, стреляя на ходу. Впереди меня Лункин, за ним еле поспевает Гришин, а еще впереди их Подкорытов и Кораблев. Видно, смелые ребята. На поле боя множество трупов. Немецкие солдаты одеты в новенькие мундиры, очевидно, это свежее пополнение вермахта. Пробежали их траншеи. Приказываю телефонисту соединить меня с командиром батальона. Боец дает мне трубку. Спрашиваю комбата, что делать дальше, но уже понимаю, что это лишний вопрос, и, не дожидаясь ответа, даю команду взводам «Вперед!», смотрю, к траншее подползают наши танки. Немцы бьют по ним, а наша артиллерия по немецким батареям, и они замолкают. Танки идут теперь впереди нас, а мы за ними.

Уставшие, вечером остановились и закопались в землю. Ночью фашисты завели пластинку и бесконечно крутили знакомую мелодию. Пластинка была, должно быть, старая, избитая, а может быть, специально сделали так, что она все повторяла одно и то же: «Напрасно старушка ждет сына домой». Послал в клуб дивизии и попросил своего друга баяниста Козулина дать нам такую же пластинку. На вторую ночь немцы опять завели.

Но мы сделали погромче и прокрутили эту пластинку полностью. Видя, что их затея нас не берет, они выключили свой проигрыватель и больше его уже не заводили.

3.

В середине июля до нас дошла радостная весть о переломе в битве под Курском, а дальше еще одна радость — в начале августа наши войска в один день освободили города Орел и Белгород. В Москве в честь этой победы произведен артиллерийский салют из ста двадцати орудий двадцатью залпами. Боец Гришин это событие прокомментировал так:

— У нас, товарищ старший лейтенант, хватает орудий и снарядов, раз товарищ Сталин не пожалел для праздника две тысячи четыреста снарядов. Теперь дело только за нами.

В дивизию прибыл новый комдив. Полковника Гузенко от нас отозвали, а назначили полковника Гладышева. Произошли изменения и в полку. Володько был отозван, а на его место назначен его заместитель — подполковник Галаган. Пока мы гадали о характерах нового командования, к нам внезапно появился Гладышев. Прошел по обороне роты, побеседовал с солдатами, спросил, как кормят, и вместе с Галаганом ушел во второй батальон. Проводив их по своей обороне, на обратном пути встретил Бачурина.

— А где комдив? — спросил он.

Я сказал. Возвратившись со мной в мою землянку, Бачурин рассказал про нового комдива.

Оказывается, Степан Трофимович Гладышев прошел большой и нелегкий жизненный путь. Родился в крестьянской семье на Тамбовщине.

Сорок с лишним лет тому назад в рваных опорках, в дырявом полушубке ходил в школу и не в пример сынкам кулаков окончил ее с отличием. Для продолжения образования средств не было. И пошел он тогда в другую «школу» — в жизнь, в люди. Определила его мать учеником в сапожную мастерскую.

В стране в это время развивались бурные события, а вскоре грянул Октябрь. Советская республика распахнула двери для рабочей и бедняцкой молодежи в учебные заведения. В 1918 году он поступил в сельскохозяйственный техникум. Там стал коммунистом. Потом добровольцем ушел на фронт. Сражался с белогвардейцами и антоновцами. И с тех пор так и не снял шинели.

4.

На передовой каждую ночь противник нервничал: без конца освещал передний край ракетами, непрерывно к нам влетали кроваво-красные трассы пуль, слышались глухие разрывы снарядов.

В особом месте моей памяти лежат немецкие листовки. Они их сбрасывали с самолета рано утром в огромном количестве. Листовки были разного цвета и размера. И чего только немцы не стряпали! В одной желтой бумажке

сообщалось, что нас, русских, убито уже 20 миллионов да столько же НКВД посадили в тюрьмы. Несуразица получается. Вроде бы и воевать-то у нас уже некому. В действительности на фронте кипела жизнь, а общее положение ставило фашистов в условия неминуемого краха. Ущербная пропаганда.

Большинство в батальоне у нас были беспартийные, даже не комсомольцы, но отношение к борьбе с немецкими захватчиками определялось наличием родной семьи: матери, отца, братьев, сестер — солдат имел родной дом, родное село, родной край и всю Россию.

Вот пример. Мартынова перед войной после окончания медицинского техникума работала в городе Пинске и мечтала быть врачом. Война отодвинула ее планы. Девушка добровольно ушла на фронт. В первом же бою патриотка попросилась перевести ее из санроты, где она была мед.сестрой, на передовую. Свое дело она делала честно и добросовестно. Готовилась к бою не меньше, чем любой боец. И такие были все. Душевное настроение бойцов было высокое — добить врага и добыть победу. Так что листовки бросали зря, пустая затея. «Но мысленное отравление больше вредит, нежели даже наркотики, — раздумывал я и категорически требовал собирать и сжигать их, — каждая неуверенность бойца в нашей победе над врагом открывает счет лишним потерям в роте, и конечным итогом будет победа врага в нашей полосе».

Прошло некоторое время. Уже зори были холодные, а дни теплые, сухие, просторные. Стояла никем не нарушаемая тишина. Деревья, кусты, трава будто спят. В окопах подготовились к атаке. Сидим, ждем команды. Вдруг заскрежетало, грохнуло, да так, что содрогнулась земля, и сразу понеслись на врага огненные стрелы «катюш». Загремели орудия. Началась артподготовка. Небо шипело, выло, трещало, клокотало. Было страшно, но радостно. «Наконец-то началось настоящее, — подумал я. — Как все возрастает и возрастает ударная сила наших войск!» Артподготовка длилась минут сорок. Казалось, впереди никого живого не осталось. Стоило нам выйти из своих окопов, как ожили вражеские огневые точки. Откуда-то из тыла стали огрызаться одиночные пушки. Враг усилил огонь. Бил час, а то и больше. Вдруг выдвинул танки, а за ними вышла пехота. Мы отошли в свои обжитые траншеи.

Со мной был лейтенант Шолохин. Под шквальным огнем он добрался до огневых позиций второго взвода и в самую опасную минуту появился у замолчавшего орудия, встал за наводчика и открыл огонь по вражеским танкам. Справа два артиллерийских расчета работали, что называется, по-стахановски. Трудно передать словами работу артиллеристов во время боя. Ее нельзя сравнить ни с какой другой работой. Это было величайшее напряжение человеческих сил не только физических, но и психических. Ведь ты бьешь по цели, но и сам ты служишь целью, и по тебе бьет враг. Вражеский осколок впился в плечо Шолохина. Он наскоро перевязал себе рану и опять прильнул к панораме. В это время немцы выпустили десятка полтора самолетов. Но откуда ни возьмишь, им навстречу в воздухе показались и наши самолеты. Теперь бой кипел на земле и в воздухе. Казалось, что ничего живого на земле не останется. В воздухе сгорели пять самолетов, но определить чьи — трудно было. Бой никому не принес успеха. К ночи все утихло. А рано утром после артподготовки такой же продолжительности мы возобновили атаку. Наши танки на большой скорости

вырвались вперед, мы — за ними. Захватили развороченные траншеи, разбитые блиндажи, в которых засыпанные землей лежали убитые фашистские солдаты. Танки покружились и снова пошли вперед, а мы за ними, пробежали небольшой ручей и дальше. Видим, впереди немецкая колонна: повозки, орудия, солдаты. Артиллеристы развернули орудия для прямой наводки и открыли огонь. Бросая все, фашисты побежали, не теряя, однако, направления на запад. Прошла ночь, а утром впереди нас опять вкопались немцы.

— Гады вонючие! — крикнул Лункин. — Им же конец, а по-хорошему отдать, что захватили, не хотят. Злобствуют, сволочи.

Да, фашисты не хотели уходить с нашей земли.

Короткая артподготовка, и мы опять поднимаемся в атаку. Немцы бьют из пулеметов. Хорошо нам помогает минометная рота нашего первого батальона. Артиллерия валом огня сопровождает наши цепи. Бойцы Ататабаев, Гайсин, Плеханов, Гришин в кромешном дыму жмутся к своему огню, показывая ракетами свое местонахождение. Закончился день, а с ним и бой. На второй день с одними пулеметами выбили противника и пошли вперед. Медленно, но продвигались. Брали холмы, безымянные высотки, перекрестки дорог, сожженные дотла деревни. Все время держал зрительную связь с соседями, а тут — на тебе! — и подумать забыл. Смотрю и диву даюсь: возле нас никого нет. Дальше идти вперед уже было нельзя, и мы остановились, основательно закопавшись в землю. Поздно вечером подходят роты и вкапываются рядом с нашей ротой. О нашем марше в полку отозвались лестно. А нам и на этом спасибо.

Нейтральная полоса между нашей и немецкой обороной оказалась большая. А оборону рота заняла, как выяснилось, на очень выгодном месте, и за это похвалил командир полка.

5.

Прошло несколько дней. Прихожу во взвод и спрашиваю:

— Ну, как дела? А мне боец Гришин встречный вопрос:

— И это все, товарищ командир?

— Все, — отвечаю.

— Будем сидеть в обороне, не скоро придем к Берлину, — говорит мне.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился ко мне боец Гайсин, — скажите нам, как это могло получиться, что наша артиллерия била, била и все без толку, а немцы встали и пошли на нас.

— Значит, плохо знали противника, — сказал бойцу, — а может быть, выявляли огневые точки и силу врага. Кто знает, что на уме у генералов?

— Товарищ командир, а где же высота с противотанковым рвом, о которых так много рассуждали? — спросил боец.

— Так мы их обошли. Зачем же лезть в лоб.

— А мы тут тоже к такому выводу пришли, — говорит сержант Эрдыниев, — ведь наши генералы не хуже немецких. Они знают, что делать. Да и офицеры не лыком шиты.

— Да, трудные были бои, а убитых-то не было — вот мудрость жизни, — подытожил начатый разговор тот же боец.

Я был рад, что в нашей роте доброе настроение, а это уже половина успеха.

Смотрю, а ко мне идут дивизионные разведчики. Среди них опять Володя Дубина. В прошлом его часто, рассказывали, посылали в тыл к немцам с разными заданиями. Володя уходил на несколько дней, пробирался в расположение противника, выпрашивал хлеб, папиросы, пел немцам песни, а сам за это время собирал сведения, запоминал, какие части и где стоят, какая техника, вооружение. Но с тех пор Володя подросток, из мальчика превратился в юношу. Для выполнения подобного задания он, якобы, уже не был пригоден. Ночью 7 августа они ушли за передний край. Было это на Спас-Деменском направлении. Разведчикам удалось проникнуть в расположение немцев и установить отход противника на другой рубеж. Данные разведки оказались ценными, ими воспользовался наш комдив и выдвинул наш батальон преследовать отступающих. Немцы, не вступив в бой, отошли на новую оборону. С рассветом мы получили приказ: выбить противника.

Перед наступлением смотрю: к парторгу Байназарову подходит молодой солдат и говорит: «Спрячь вот эту бумажку. Если что, пошли письмо матери». — «Послушай, Шарапов, что будет, если каждый из нас будет думать только о смерти? — сказал парторг. — По-твоему, перед каждым боем и пиши всем письма? Нет, друг». Подошли еще бойцы.

«Не боюсь смерти и не думаю о ней, — начал парторг. — Третий год на войне и, как видишь, цел и невредим. Надеяться нужно на лучшее. «Смелого пуля боится, смелого штык не берет», — так, кажется, поется в известной песне? Я и сам мог бы написать своей жене, да охота, чтобы кто-нибудь из товарищей написал бы: Вот, мол, как воевал мой товарищ, а твой, к примеру, муж. Давай после боя напишем оба. Я напишу о тебе, а ты обо мне. Идет?» Шарапов, очевидно, увлекся этой мыслью и повеселел.

— Фронт большой, Шарапов, у каждого бойца есть окопчик, и он в ответе за него, — пришлось мне поддержать их разговор, — держись ты на своем месте, держится твой сосед — держится весь фронт. Одержим победу, если каждый на своем месте будет стойким. Ты не думай, что если пошли в наступление тысячи людей, то твое дело маленькое. Один может подвести тысячу. И наоборот, от тебя большая польза для всех, если знаешь свое дело и действуешь отважно.

— Это как в песне, — вступил в разговор боец Раджапов, — надо, чтобы все ладно пели. Затянет один неверно, и песня испорчена.

— Совершенно правильно, Раджабов, — но меня перебил парторг:

— Вот что, Шарапов, — сказал он, — я пойду первым, а ты иди за мной. Все дело в том, чтобы дружнее и быстрее достигнуть вражеских траншей. Главное — быстрота. Вблизи немец не страшен. Что у него есть? Автомат да граната. Из пушки он не может по тебе стрелять, а автомат и граната и у тебя есть. Но он в чужом доме, а ты в своем. Веди огонь прицельный, бросайся на немца первый. Не сдастся — бей его! Ну а если сдастся — обезоруживай и у трофеев не задерживайся.

Вместе с парторгом мы побывали во всех взводах и отделениях, поговорили с бойцами. Байназаров предложил своему заместителю побывать на ротном патронном пункте.

— Мы, коммунисты, за все в ответе, — сказал он. — Помните, наша рота взаимодействует с первой, и боеприпасов потребуется много. Расскажи об этом

бойцам боепитания. Потом парторг собрал всех коммунистов и еще раз сказал им, что выпала очень трудная задача, что все коммунисты должны выполнять свой долг.

Мне было очень радостно, что у меня такой замечательный помощник.

На этот раз артиллерийская подготовка началась на два часа раньше, чем было намечено. И вот в воздух взвилась красная ракета — сигнал атаки. Командиры взводов подали команду, и бойцы вышли из траншей. Впереди роты шел парторг сержант Байназаров. Возле него снайпер Плеханов, а за ними не отставал Шарапов.

На правом фланге кто-то запел «Интернационал». Смотрю в ту сторону и отчетливо вижу комсорга нашего батальона лейтенанта Валентина Прищенко. Он идет впереди первой роты — моего соседа — и поет гимн. «Интернационал» подхватили бойцы первой роты, потом Байназаров, бойцы моей роты, и эхо гимна разнеслось по полю от взвода к взводу, от роты к роте. Цепь с пением гимна шла все ближе и ближе к вражеским траншеям. Прибавлялись силы и смелость. Не удержались и мы на командном пункте и запели. Байназаров первым врывается в траншею, а за ним и Шарапов. Наша артиллерия продолжает удачно накрывать начавшего отходить врага. Байназаров, Шарапов и Плеханов бросились преследовать противника. За ними последовали все бойцы взвода. Послал им на помощь резервный взвод, и они заняли вторую линию траншеи. Теперь, казалось, можно было одним стремительным броском покончить с фашистами.

Но почти у самой цели, где остановился противник, перед наступающими встала огневая завеса. Враг открыл фланкирующий огонь: две его самоходные установки, маневрируя, открыли стрельбу по нашим пушкам, выставленным уже для прямой наводки. Пехоте пришлось залечь. Необходимо было срочно готовить вторую атаку. Парторг приполз ко мне и взволнованно спросил:

— Что будем делать?

— Наступать, что же еще? — ответил ему.

Нужно было во что бы то ни стало, но с самыми наименьшими потерями довести атаку до конца. Предусмотрел все необходимое для четкого взаимодействия приданных и поддерживающих средств усиления роты. Подтянув все свои огневые средства, связавшись с соседом, доложил комбату, что атакую противника. Комбат передал нам еще пулеметный взвод, сказал, куда даст огонек, и разрешил пойти в атаку. Артиллеристы и минометчики произвели огневой налет, открыли огонь все пулеметы, и по сигналу рота поднялась в атаку. В первой цепи атакующих бежали Байназаров и Шарапов. Рота овладела траншеями противника.

В уцелевшем за годы войны блокноте нашел такую запись: «Сержант, кандидат партии Кошкин с товарищами, из взвода лейтенанта Галкина, приблизились на 20—25 метров к вражеским траншеям, забросали противника гранатами и заняли позицию. Будучи ранен, Кошкин стойко оборонял левый фланг роты, срывал попытки врага обойти ее слева. Не покинул боя и раненый парторг Байназаров. Комсомолец Держинский тоже был ранен в руку, но, следуя примеру Байназарова, с поля боя не ушел. С окровавленной рукой Держинский пополз через кустарник и, изловчившись, бросил одну гранату за другой в пулеметное гнездо врага».

Бой кончился. На время умолкли вздохи артиллерии, нудная трескотня пулеметов и автоматов. Противник опять оказался на выгодном рубеже, а нам пришлось закапываться. Знаем, что завтра нам будут не нужны эти окопы, но, чтобы уцелеть, остаться в живых, мы их копаем. Если говорить откровенно, мы не любили копать глубоко. Командир батальона ругал нас, ротных, за мелкие окопы и траншеи, мы спрашивали со взводных, а они с бойцов, те повторяли приказания, но траншеи и окопы так и оставались мелкими. Вот и на этот раз пошел по роте смотреть, к а к выкопали себе окопы, траншеи, ровики. Смотрю, бойцы заняли оборону, расположились, «как дома».

В период затишья состоялось партийное бюро полка. Слушали Валентина Прищенко о проведении партийно-политической работы среди воинов в условиях боевой обстановки. У комсорга был неплохой опыт в этом отношении, и его порекомендовали распространить во всех подразделениях полка. Говорили о многих. Добрым словом обмолвились и о Байназарове. Партбюро закончилось. Ни слова на нем не было сказано о том, как вел себя комсорг в бою. Я не удержался:

— А ведь Прищенко первым пошел в атаку и поднял за собой бойцов, личным примером воодушевил бойцов на подвиг.

Меня выслушали, но никто не сказал ни слова. Только выходя из землянки, Бачурин заметил:

— Ничего, старший лейтенант, Прищенко — комсорг батальона и сделал то, что и должен был сделать комсорг.

6.

Предстояло выбить гитлеровцев из укрепленного пункта. Рота была усилена пулеметами, орудиями прямой наводки, взводом противотанковых ружей, огнеметами. К нам прибыл майор Бачурин. Через несколько минут появился и лейтенант Прищенко. Он уже успел побывать во всех взводах, поговорить с солдатами, объяснить им, что коммунисты и комсомольцы составляют ядро штурмовой группы. Именно они должны блокировать ДЗОТы противника, уничтожить их и обеспечить продвижение роты. «Успех, — как мне рассказывали, подчеркнул комсорг, — зависит от смекалки и дерзости каждого бойца».

На следующий день пошли в бой. Заместитель командира полка по политической части майор Бачурин и комсорг батальона лейтенант Прищенко были среди бойцов нашей роты. Артиллерия усилила огневой налет. Когда он закончился, Прищенко выскочил из воронки и крикнул:

— Вперед, за мной, товарищи!

На его зов поднялись бойцы, побежали к вражеским траншеям, не отставая от своего комсорга. К вечеру подошли к небольшой деревне Скребки. Напряжение боя нарастало с каждой минутой. Немцы отчаянно сопротивлялись. Здесь бой принял особенно ожесточенный характер. Наша артиллерия усилила огонь. Впереди заплескались султаны разрывов. После кратковременной передышки атака возобновилась. За собой повели бойцов парторг батальона лейтенант Банный, замполит майор Бачурин.

Опять немцы нас остановили. Они никогда по добру не отдавали и метра нашей земли. Сменив свой НП, я оказался, как говорится, в чистом поле. Подполз ближе к цепи. На южной стороне развороченного миной куста лежал боец нашей роты Волошин.

Увидев меня, Волошин указал на распустившийся бутон белого, как первый снег, цветка и спросил меня:

— Товарищ командир, откуда он взялся и как мог уцелеть? Я был удивлен не меньше, чем Волошин. Мне некогда было любоваться красотами природы, посмотрев на цветок, удалился в воронку от снаряда. Через минуту ко мне подполз боец Павел Федотов. Лицо его было бледное. Он еле выговорил:

— Убит Волошин.

В метре от куста лежал мертвый боец. С его лба маленьким ручейком стекала алая кровь.

— Цветок сберег, а сам погиб, — заключил Федотов. — Бой закончился, товарищ командир, похороним здесь Волошина и цветок этот на могилу положим.

Вскоре наша артиллерия устроила мощный огневой налет. Приказал открыть пулеметный огонь и подал команду. Бойцы пошли вперед. Противник начал бить по левому флангу цепи. Приказал командиру пулеметного взвода подавить огневые точки противника и побежал на левый фланг наступающих. Смотрю, а от меня не отстают командир санитарного отделения сержант Мартынова.

— Насилу догнала Вас, — еле сдерживая дыхание, сказала она.

— Ты зачем здесь появилась? — спросил ее. — Кто тебе дал право? Но в это время рядом со мной упал боец. Мартынова бросилась к нему. Оказалось, ранен знаменитый наш снайпер Плеханов.

Немцы продолжали огонь. Собрал своих связных, разыскал радиста и телефонистов и приказал от меня никуда ни на шаг.

Смотрю, у крайнего дома этой деревеньки стоит стог сена. Разведка установила, что в деревне пушки, минометы и четыре танка. Фрицев не так уж много, но есть. Комбат молчит. Лежу в бурьяне и размышляю, что и как делать. Смотрю, к стогу сена два немца подтягивают телефонную линию, на стоге сена оказался еще один немец. Медлить нельзя. Решаю атаковать. Показываю минометчику цель и прошу его разнести «в пух и прах». И вот стог разнесен вместе с немцами. Бойцы подымаются и продвигаются еще вперед. И так весь день метр за метром идем в сторону деревни.

Солнце уже зашло за дальние домики деревушки, а мы так ее и не освободили.

Лежу на своем КП, а на душе «кошки скребут». Хочется посмотреть, что во взводах делается. Иду осторожно. Кто-то идет почти рядом со мной. Вдруг взрыв мины, и человек вскрикивает и падает, и опять взрыв мины. Лежит человек и плачет. Подхожу к нему, пригляделся, а это сержант Эрдиниев. Достал фонарик, осторожно посмотрел возле, а он, оказывается, зашел на минное поле. Советую потерпеть, если удастся мне выбраться живым, то к нему сейчас же придут саперы и санитары. Возвращаюсь по своему пути. Осветил местечко и наступил ногой. Смотрю еще, а рядом с носком сапога зеленая головка взрывателя. Идти или не идти? Решаю идти и выхожу с минного поля. Повезло мне на этот раз.

Случай с Эрдиниевым подсказал мне принять кое-какие меры в роте по спасению жизни ее личного состава. Немцы не стали слабее. Снарядов и мин у них, очевидно, больше, чем у нас. На каждый наш выстрел они посылают десятки. Но уже немцы стали не те, что были. Раньше не боялись, а теперь робеют. Время работает на нас.

Меня вызвали на КП батальона. Прибежал, а там в сборе уже были все командиры подразделений, поддерживающих и приданных средств. Говорил командир полка подполковник Галаган.

— Что же это у нас получается? — спрашивает он. — От нашего плотного и непрерывного артиллерийского и минометного огня противник надежно прижимался к земле. Наши цепи поднимались в атаку. В это время усиливался вражеский огонь, и наши цепи залегали. Батальоны, конечно, поредели, но огневая мощь наша не уменьшилась. Это произошло потому, что в ходе атаки бойцы недостаточно сочетали огонь и движение, а командиры медлили в бою, что позволяло врагу после артналетов приводить себя в порядок, оживлять свои огневые точки. Пока не добьемся четкого сочетания огня и движения, успеха у нас не будет. Нужно научить бойцов сочетанию огня и движения и требовать выполнения.

Тут же Галаган поставил задачу перед партийно-политическим аппаратом полка. Провести партийные и комсомольские собрания об использовании в бою стрелкового оружия на полную мощь. Он обратился к Бачурину:

— Пусть, Андрей Прохорович, коммунисты и комсомольцы сами покажут в этом деле личный пример и на других подействуют. Составьте несколько кратких, но выразительных листовок о сочетании огня и движения, размножьте их на пишущей машинке и распространите среди личного состава полка. А теперь перехожу к другому вопросу. Совершенно ясно, что без подавления основных очагов сопротивления врага, его огневой системы и без уничтожения танков противника наша пехота не сможет подняться в атаку и боевую задачу не выполнит. Пехота всегда и немедленно поднималась и шла в атаку только тогда, когда основные очаги сопротивления врага и его огневая система были подавлены, если пехоту вели или сопровождали танки, а в боевых порядках бойцов двигались пулеметы, противотанковые ружья, орудия сопровождения, самоходные артиллерийские установки, огнеметчики, и все обеспечивали ее огнем. Всем этим командир должен управлять, непрерывно видеть бой. Но война есть война. Неуничтоженные огневые точки оживают, противник вводит новые, резервные, вот они-то и мешают продвижению вперед. Нужно видеть эти огневые точки, управлять своими огневыми средствами, своими подчиненными, а не метаться с пистолетом в руке перед цепью своих бойцов.

Я сразу понял, в чей огород брошен камень. Галаган продолжал:

— Командир первого батальона и его замполит выбыли из строя только поэтому. Они показали личную храбрость, а батальон оставили без управления в бою. Галаган посмотрел на меня в упор и сказал:

— С пистолетом в руке, старший лейтенант Дементьев, я запрещаю появляться перед строем. Чтобы это было в первый и последний раз. Мне ваша храбрость не нужна, мне нужно управлять в бою ротой.

Пришлось дать слово, что больше этого не повторится.

КОММУНИСТЫ ШЛИ ВПЕРЕДИ

1.

Выполняя приказание командира полка, парторг лейтенант Банный провел в нашей роте заседание партийного бюро, где обсудил опыт работы партийных организаций рот в бою. Взамен выбывших парторгов назначили из числа

их заместителей, восстановили агитаторов, редакторов боевых листовок. Потом провели тут же партийное собрание батальона.

Начал Банный:

— Все мы горюем по нашему командиру батальона и его заместителю, по другим бойцам, сержантам и офицерам, выбывшим из строя в прошлом бою. А задумывались ли мы, почему так случилось?

— Говорят, залегли, когда нужно было продвигаться, — сказал Конкин.

— А почему залегли? — спросил Банный и тут же сам ответил. — Решили, должно быть, что противник будет сильно сопротивляться, и не вводили средства.

— В движении сами огонек вели слабо, — бросил реплику Кожин.

В таком же духе высказывались и другие коммунисты.

— Очевидно, в этом и вся загвоздка, — подытожил Банный. — Вот Кожин, Раджапов не забыли применять свое оружие, смело шел впереди всех Плеханов, расчищал путь пулей и гранатой. Четыре пулемета из своей «снайперки» подавил. Была ли нужда комбату и его заместителю появляться в цепи? Могли ли они руководить в этом случае боем? У них было много средств, однако ими они не управляли, а что-то старались сделать с пехотой. Если бы все, от бойца до командира батальона, действовали, как Кожин, Гайсин, Федотов и другие, думаю, не было бы нужды им менять свой КП на цепь атакующих. И тогда они не были бы ранены и все остались бы в строю.

— Одно дело простое, когда опыт есть, — сказал кто-то из бойцов. — Вся беда в том, что нет опыта, а еще, по правде сказать, жалко патроны. Думаешь, что все расстреляешь и останешься без патронов. Вот и бережешь их. Проклятая привычка.

Правильно говорил боец. Экономии и бережливости мы все были приучены с детства.

Собрание кончилось, и началась работа с бойцами о сочетании огня и движения.

Провели работу, и снова мы окунулись в полыхание войны. Все чаще стал слышать, что мало боеприпасов, хотя их давали столько же. Заметно стало больше убитых немецких солдат и офицеров. У нас же убитых и раненых уменьшилось. «Вот и результаты сочетания движения и огня», — высказывали бойцы при встрече со мной.

2.

Был последний месяц лета. Мне было приказано в ночь зайти вправо, прочесать лесок и расположиться на его опушке для атаки. Короткие летние ночи. Над лесом выкатился серп луны. Задачу выполнили. Удачно прошли лесок и вышли на опушку. Вот и забрезжило. Впереди простиралось покрытое редяющим белым облачком предрассветного тумана ровное поле. Деревья, кусты, трава будто спят. Стояла никем не нарушаемая тишина. Неслучайно народ назвал август степенным месяцем. С нами парторг батальона, теперь старший лейтенант Банный. Он такой же степенный, как и август. В тусклом свете лениво ползут по небу рваные серые облака. Со стороны врага пугливо впиваются в небо последние ракеты, в разных сторонах гаснут на виду трассирующие пули.

И вот по немецкой обороне ударила наша артиллерия. Загорелись три красные ракеты — сигнал атаки.

— Начало атаки! — передал взводным. Они быстро повели своих бойцов к деревне, вернее, к тому месту, где эта деревня когда-то была и вместо которой теперь торчали одни печные трубы. Роте сильно досаждали два пулемета: один с окраины деревни, другой — с высоты. Наша артиллерия к нам еще не вся подошла. Парторг со вторым взводом набросился на один из пулеметов. Рядом разорвалась тяжелая мина. Старшего лейтенанта завалило землей. Командира взвода тяжело контузило. Отряхивая с себя землю, парторг объявил:

— Командовать взводом буду я. Двум отделениям он тут же поставил задачу на уничтожение пулемета, а сам с третьим в обход пулемета побежал вперед. Забросав огневую точку гранатами, Банный подал команду всему взводу и первым побежал вдоль линий траншей.

Сильный, умелый пулеметчик Уразбаев непрерывно строчил из пулемета на ходу, расчищая путь всем.

Переменив свой КП ближе к Банному, попросил комбата помочь огнем по левой стороне высоты. И сразу же над траншеями противника разорвалось несколько снарядов. Взводы поднялись и побежали вперед. Вижу, как Конкин добегают до траншеи, бросает гранату и прыгает в нее. За ним бросают гранаты Шарапов, Гайсин, Подкорытов, Кораблев и остальные, прыгают в траншеи. Даю команду взводным вывести бойцов из траншеи и преследовать противника, а сам переносу весь огонь в глубь немецкой обороны. Первым бежит взвод, где Банный, потом другой взвод и чуть позже третий. Приказываю артиллерийским расчетам Ярцева и Попова подкатить на руках свои пушки и бить по врагу прямой наводкой. Бойцы сработали быстро, и от убегающих немцев полетели вверх шинели. Командир пулеметной роты лейтенант Большаков открыл огонь всей ротой, а Иван Михайлович, воспользовавшись моментом, со взводом перебежал ручей и отрезал путь немцам к отступлению. А тут еще проявили активность и наши соседи, преградив путь к отступлению слева. Немцам ничего не осталось, как поднять руки вверх.

Который раз убеждаюсь в том, что, когда во главе бойцов идут такие офицеры, как парторг Банный, когда сами бойцы правильно применяют свое оружие, а рота свой маневр, можно сделать даже то, что под силу лишь батальону.

3.

Каждый командир имел свою разведку, без которой невозможно вести не только боевые операции, но и вообще бой. Но одно дело — полковая или дивизионная разведка, находившиеся на особом положении.

Быть в разведке всегда много желающих, но не каждому открыт туда доступ. В разведку принимались особенно храбрые и выносливые бойцы и командиры. Признаюсь, и сам хотел попытать счастья в разведке, но всякий раз получал отказ от своих старших командиров. Как-то случалось, что полковая и дивизионная разведка чаще всего навещала нашу роту в обороне и нашу полосу в бою. Может быть, потому, что рота была в первом эшелоне, а может быть, что в полосе нашего наступления или обороны были более «важные» фашистские части. Гадать не будем. Я знал начальника разведки дивизии капитана Стариченко, командира разведроты старшего лейтенанта Кудашкина, командира

разведвзвода полка лейтенанта Часовских и многих рядовых. И вот однажды дивизионные разведчики изучали противника и направление своей очередной вылазки с обороны, которую занимала наша рота, они собрались в моей землянке и стали вспоминать свои удачи. Среди них и знакомый — небольшой белобрысый паренек. На вид он был совсем мальчик, но уже отмечен боевыми наградами. Очень хотелось больше о нем узнать, но все как-то было некогда. С вечера потемнело. Саперы проделали проходы и пропустили отважных. В поиск ушли командир взвода, парторг роты лейтенант Ломиворотов, бойцы коммунисты Шушанов, Перекрестов, комсомольцы Богданов, Давыдов, Попов, Данилов и Володя Дубина. На КП у меня остался капитан Стариченко. Он стоял в траншее, внимательно вслушивался и вглядывался в немецкую сторону. Как только взлетала ракета, капитан приседал, а когда гасла, вставал и прислушивался. Вдруг противник начал беспорядочную стрельбу по нашей обороне. «Что же это значит? Неужели обнаружили разведчиков?» — гадали мы. Вскоре, однако, по рации Стариченко получил сигнал, что передний край обороны разведчики прошли благополучно.

Противник все же продолжал методически бросать снаряды по нашим дальним тылам. Опасность миновала, от сердца отлегло, и мы пошли отдыхать. Тут решили расспросить подробности о юном разведчике. От Стариченко узнал, что война застала Володю мальчиком, воспитанником детского дома села Малый Бурлук Харьковской области. Немцы приближались к селу. Четырнадцатилетний Володя пристает к отходящей части. В таком возрасте, когда еще, как говорят, не отцвело детство, война казалась игрой, легкой и веселой. Жизнь, однако, быстро переучивала и переучивала строго и безжалостно. Началось с мелочей. Винтовка, казавшаяся детской игрушкой, быстро оттягивала плечо. Вскоре командир заметил ржавчину и дал нагоняй. Труд войны с каждым днем все тяжелее давил на плечи мальчика. Пули не только свистели над головой, но одна обожгла Володю. Поправился и опять стал в строй. Раскрылось понятие: фашист был не мальчиком с соседнего двора, подравшись с которым утром — вечером мирился. Фашист был зверем жестоким и коварным. Он убивал младенцев, старух, жег села и города, разрушал школы и больницы, грозил истребить все живое. Много горечи изведаль мальчик. Сердце Володи с каждым днем все больше ожесточалось. Володя стал разведчиком. Его посылали в тыл врага. Однажды его схватили немцы и повезли на допрос в гестапо. Проезжая по лесу, он на ходу прыгает с автомашины и скрывается в кустах. А через несколько дней возвращается в свою часть.

Как-то к разведчикам прибыл генерал Чистяков. Было это под Сталинградом. Генерал объяснил им обстановку, напомнил о трудностях взятия «языка» и попросил, чтобы этим пленным во что бы то ни стало был знающий немец. Разведка удачно сходилась в поиск и добыла такого немца. Возвращаясь, Володя заметил стоящий фургон. Попросился выяснить, кто в нем. Прошло несколько минут, и он приконвоировал четырех офицеров и двух солдат, которые, как оказалось, пьянствовали в фургоне. Не было цены юному разведчику. Генерал Чистяков расцеловал Володю и наградил его орденом.

В полночь разведчики передали, что немцы начали отходить на очередной подготовленный ими опорный пункт. Мы бросили свои траншеи и пошли

по их пятам. Над нами летели самолеты и, где-то близко сбросив свой груз, возвращались назад. Встретилась с нами вернувшаяся с задания группа дивизионных разведчиков. Ломиворотов рассказал о результатах разведки в тыл и сказал капитану Стариченко, что часть разведки продолжает следить за отходящим противником.

Идем вместе с разведчиками и встречаем толпу женщин. Их гнали в тыл к немцам, но потом их фашисты бросили. Слезы радости! Их не описать.

— Нам бы на станцию пробраться. Как лучше пройти? — спросили мы. Из толпы вышел старик с маленьким мальчиком и сказал:

— Доверьте это дело нам, а сами отдохните. Тут совсем близко.

Мы согласились. Примерно через час старик с мальчиком возвратился и рассказал, что на станции гитлеровцы грузят вагоны с военной техникой и имуществом. Ломиворотов передал по радиации начальнику штаба полковнику Прохорову услышанное от старика, и через несколько минут наши самолеты разбили эшелон противника, а мы заняли эту станцию.

Это было где-то на подходе к городу Спас-Деменск Калужской области.

4.

Утром в неприятное число 13 августа при подходе к деревне Дарна наш батальон был остановлен артиллерийским и минометным огнем противника. Ясно просматривались две линии вражеских траншей, связанные между собой ходами сообщений. Разведчики и наблюдатели установили, что в системе огня особое значение противник придавал фланкирующим пулеметам. Огневые точки были хорошо замаскированы. Подходы к обороне, которую занимал противник, были незаметны. Здесь оборонялся не меньше, чем батальон, усиленный артиллерией и танками. Обходный маневр был затруднен. Старшие начальники не видели причины нашей остановки, требовали уничтожить опорный пункт. Но наша попытка взять ее фронтальной атакой не удалась. Инициативу проявил лейтенант Пуромов.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился он ко мне, — прошу разрешить моему взводу разведать и уничтожить фланкирующие пулеметы. Ребятам не хочется быть в резерве.

— Вот еще умник нашелся, — не сдержался я, — а если тебя со взводом потеряем, это не в зачет?

— Я твердо убежден, товарищ командир. Возьму не весь взвод. Отберу достойных. Подумал, что план Пуромова, если он им хорошо продуман, может и в самом деле принести нам успех.

— Ну что ж, хорошо, — сказал ему, — а какой твой план? Лейтенант объяснил, что он зайдет на левый фланг наступающих, одно отделение оставит у бурьяна, оно будет вести огонь, с другим отделением он по-пластунски переберется к ложине, потом к кустарнику, а от него к дзоту с фланга и забросает амбразуры. План был заманчив, хотя и рискован. До артподготовки оставалось еще много времени. Доложил комбату план своего взводного, он одобрил его.

С лейтенантом из артбатареи и Пуромовым договорились о сигналах, попросил его осторожно выполнять свой план. Взвод зашел в бок дзота, забросал его амбразуры гранатами и удачно возвратился. Атака роты была намного облегчена. Первыми ворвались в траншею врага бойцы его взвода коммунисты

Кочетков, Кожин, Конкин. Лейтенант со своими бойцами первым вошел в деревню Дарна. Между тем немцы, усиливая огонь, готовились к отходу. Приказал командиру взвода перекрыть дорогу, дал сигнал артиллерии перенести огонь на дорогу, где скопилась боевая техника врага. Как интересно было наблюдать за работой нашей артиллерии! Фашисты разбегались по сторонам, а от автомашин только щепки летели. Но увидел и другое: факельщики, перебегая от дома к дому, обливали их горючим и поджигали. Приказал саперу Антонову и автоматчику Зимину проверить минирование и уничтожить факельщиков. Антонов быстро обследовал путь, а Зимин вскочил на чердак дома, с него на крышу и начал расстреливать факельщиков. В это время загорелась крыша дома. Автоматчик продолжал стрелять по фашистам. Пламя подобралось к нему. Он спрыгнул с крыши и занял позицию у сарая. Меткими выстрелами все же заставил замолчать пулемет, который прикрывал факельщиков. Но с соседнего сарая бил из пулемета другой фашист. Храбрый воин вместе с сапером переползли по картофельной ботве, зашли с тыла к сараю и бросили в дверь несколько гранат. Убитыми оказались немецкий офицер и три солдата. Отличился и снайпер Гайсин. Он уничтожил одного офицера и двух факельщиков. Сообразуясь с обстановкой и не ожидая команды, смело действовал бронбойщик коммунист Грошев. Он из противотанкового ружья разбил пушку и три пулемета.

Расположенный впереди дзот с двумя пулеметами пригнул наших бойцов. Приказываю пулеметчикам бить по амбразуре. Пулеметчики бьют, но безрезультатно. Грошев со своим помощником пополз к дзоту. Слежу за храбрецом. Вот уже он совсем близко, скатился в воронку, установил ружье и одним выстрелом заставил замолчать пулемет. Но из дзота продолжают бить из автомата. Грошев пополз к огневой точке. Наши пулеметчики обеспечивают его. Внезапно встает в рост, делает несколько шагов и бросает в амбразуру гранаты, то же самое делает и его помощник. Дзот окончательно замолкает.

Под прикрытием пулеметов взводы поднимаются в атаку. Вслед за нами пошел и наш сосед. Смотрю, в атаке у них какое-то замешательство. Старший лейтенант Холдеев, возглавляя атаку двух рот, врывается в опорный пункт. Да, все казалось просто, а ведь это было героическим делом коммуниста Грошева. Конечно, по дзоту могла ударить артиллерия, и бойцы пошли бы в атаку, дзот был бы взят. Однако этого не произошло. Боец уничтожил сам долговременную земляную огневую точку. Я подумал: «А ведь его могли бы и убить». Ответил самому себе: «Нет, Грошев закрыл бы своим телом амбразуру. Он победил врага, и сам остался жив». Мы представили омича к награде.

Не успел наш батальон закрепиться на этом рубеже, как разведка доложила о сосредоточении танков, самоходных орудий и пехоты противника для контратаки в полосе нашего и соседнего батальона. Командир батальона, его обязанности выполнял начальник штаба, приказал нам, ротным, что и как делать для отражения атаки.

Парторг и комсорг призвали всех коммунистов и комсомольцев любой ценой удержать рубеж. Банный обратил внимание члена партбюро — командира пулеметной роты — на необходимость обеспечить надежную защиту правого фланга батальона, где вырисовывалось угрожающее положение. Задача ему была поставлена заблаговременно отрезать пехоту врага от танков. Ротный

прозвонил по взводам, поговорил сам с пулеметчиками и твердо заявил комбату, что он со своими пулеметчиками не отступит ни на шаг. Волнуясь, мы ожидали, что же будет впереди.

В полдень противник после сильного артогня силами до двух батальонов перешел в наступление. Временами врагу удавалось вклиниться в наши порядки, но бойцы выбивали фашистов, восстанавливали положение и сами переходили в контратаку. Даже минометчики старшего лейтенанта Макарычева брались за винтовки и шли навстречу врагу. Комбат основную тяжесть при отражении контратаки возложил на батарею противотанковых пушек и пулеметную роту нашего батальона. Командир пулеметной роты не давал своим пулеметчикам долго задерживаться на одном месте. Он указывал им позиции, откуда наверняка можно наносить чувствительные потери противнику. И пулеметы роты то и дело кочевали с места на место, а пушки били прямой наводкой, обеспечивая свою живучесть и нанося врагу тяжелый урон. Каждая атака немцев стоила им очень дорого. Но, не считаясь с потерями, они лезли на наш передний край. Трудно сказать, кто дрался лучше: первый или второй батальоны, артиллеристы или минометчики, пулеметчики или саперы, связисты или разведчики. Все с честью и достоинством. Бой захватил всех: политработников, медиков, офицеров штаба и связи с приданными и поддерживающими средствами.

Отражением контратаки руководил лично командир полка подполковник Галаган. К вечеру противник разбился о стойкость наших бойцов и офицеров. Наступающие и обороняющиеся влезли, можно сказать, в землю.

В этом бою видел в деле коммунистов Пуромова, Грошева, Зимина, Прищенко и других. Признаюсь, завидовал их храбрости. После этого боя наш комсорг батальона получил новое назначение. В суматохе военных лет Валентин Прищенко затерялся, но его мужество и храбрость сохранились в моей памяти так же, как и слова, сказанные Бачуриным: «Он сделал то, что должен сделать комсорг».

5.

После этого боя в партию приняли сержанта Кравченко. Павла знал как отважного воина, требовательного командира отделения и добросовестного агитатора. Прибыл он к нам из Сибири, из какого-то военного училища. Его приняли единогласно и верили, что свое слово и впредь крепко бить врага он достойно выполнит. На второй день произошел такой случай. Опять был бой, и сержант Павел Кравченко первым преодолел минное поле со своим отделением, приблизился к проволочным заграждениям противника. Отделение смело забросало противника гранатами. Фашисты открыли огонь.

— За мной, товарищи! — крикнул командир отделения и бросился вперед, а за ним рванулись другие. Сержант дал короткую очередь по брустверу и первым прыгнул в траншею. Завязалась схватка.

Тороплю к нему на помощь отделение автоматчиков. Сам же с пулеметчиками прибегаю в траншею и ничего не могу понять: немцев в траншее полно, лопочут «Гитлер капут», руки держат в карманах брюк. Вот и Кравченко — он выводит фашистов из траншеи, здесь же их выстраивает и под крепкое русское слово направляет в тыл. Немцы идут строем «руки в брюки», оказывается, у них отобраны ремни и отрезаны пуговицы — лучший способ, чтобы не разбежались.

На войне каждая минута таит в себе много неожиданностей. Часто на вид безлюдная местность вдруг оживает, да еще как! Начинают действовать десятки и сотни различных огневых точек. Враг нередко появляется там, откуда его и не ожидаешь. А бывает и такое. В ходе боя наблюдатели доложили, что на переднем крае не видно одного взвода. Это же доложили и связные. Смотрю сам и не нахожу. «Что бы это значило? — нервничал я. — Куда могли деться люди?» О случившемся доложил комбату, а сам стал разыскивать пропавших. Два взвода окопались. Соседи не проявляли никакой активности. Молчали и немцы. Шла только небольшая перестрелка. День кончился, наступали сумерки. Я загоревал не на шутку. И тут от пропавших явился связной и подробно рассказал, что произошло с ними.

Одно отделение вырвалось вперед. Пробежали кусты и оказались на просторе. Впереди небольшая рошица, а сбоку маленькая деревушка. Ребят и потянуло к этим уцелевшим домикам. Добежали до леса, а дальше не могли. Окопались и думают, что делать дальше. В это время догнал командир взвода с двумя отделениями, похвалил за успех, но предупредил, что открываться отделению нельзя.

В это время противник открыл такой огонь, что и головы не поднять, и нужно же случиться: младший лейтенант был тяжело ранен. Кравченко перевязал его, но он, не приходя в сознание, скончался. Сержант вылез на вершину небольшой высоты, огляделся, заметил удобную складку на ее скате и перевел всех туда, а легкораненых оставил на месте прикрывать остальных с тыла. «Земля — наше спасение, — приказал сержант, — зарывайтесь глубже!» Прошло некоторое время, Кравченко поговорил с командирами отделений и сказал, что командовать придется ему. Была поставлена задача: удержаться, что занято, и связаться с командиром роты. Вдруг выстрелы прекратились и воцарилась тишина. Бойцы насторожились. «Не к добру это, — сказал новый командир. — Если немцы пойдут на нас в атаку, не робеть, ребята! Стрелять будем с близкого расстояния. Надо беречь патроны». Так и произошло. Бросив по ним десятка полтора снарядов и мин, немцы поднялись в атаку. Впереди шел долговязый и тонкий, как жердь, офицер. Взводный все не подавал сигнала. Фашисты были уже, как говорят, рукой подать. Послышалась команда долговязого, и все перешли на бег. И тут только раздался голос: «Огонь!» Первым упал этот офицер и несколько фрицев. Второй залп получился удачней. Потом стали стрелять без команды, но только прицельным огнем. Оставив убитых, немцы возвратились на исходную позицию.

Пользуясь темнотой, выдвигаю взводы к месту обороны Кравченко. Осмотрелись. Не так уж и темно. Впереди траншея и проволочное заграждение в один кол. Вызвал Павла и спрашиваю:

— Сумеете перебраться через проволочное заграждение, ворваться в траншею?

— Будет исполнено, товарищ старший лейтенант.

— А вы понимаете, что это значит?

— Понимаю. Траншею мы удержим. Только нам бы патронов да гранат, у нас все это давно кончилось.

— Вот те раз, а как же вы держитесь?

— А мы с близкого расстояния стреляли, как бывало в гражданскую войну, а потом немецким оружием и патронами обзавелись.

Поставил задачу взводам, поднесли патроны, гранаты, обед и ужин вместе с наркомовским пайком «горючего», отправил в тыл раненых и приступил к рискованному делу. Освободив вещевые мешки от пожитков, бойцы заполнили их патронами и гранатами, захватив на всякий случай два немецких пулемета с патронами, накурившись, взвод двинулся вперед. Ползли бесшумно, размазывая провод телефонной катушки. Пришлось часто останавливаться, чтобы обезвредить мины. Вот где дала себя знать инициатива Кравченко! За несколько недель до этого он выступил с почином овладеть искусством разминирования. И вскоре все бойцы отделения стали знать мины и умели их обезвредить. Теперь это очень пригодилось.

Враг постреливал в темноту. Резать проволоку долго, рвать ее гранатами — значит утратить внезапность. Кравченко решил бросить на спираль бруно плащ-палатки и своим телом придавить ее. Так по живому мостику и преодолели забор. И вдруг бойцы слышат: стучат повозки и кованый сапог отбивает шаг. Гитлеровцы без всякой опаски шли строем к траншеям. Кравченко тихо спросил у меня по телефону, что ему делать. Приказал подпустить ближе, осветить ракетами, открыть огонь и ворваться в траншею. Прошла минута, и взлетели вверх ракеты, затрещали пулеметы, в ход пошли гранаты.

Бойцы ворвались в траншею. По немцам стал бить у них же захваченный пулемет. Смотрю, противник побежал вправо. Попросил минометчиков открыть огонь и послал на помощь взводу другой взвод. Комбат похвалил за инициативу, а через несколько минут к телефону вызвал Галаган и строго спросил:

— Расскажи подробней, как взяли траншею.

На правом фланге начался маленький сабантуй. И Галаган сказал мне, что дослушает после, и передал трубку телефонисту. Как оказалось, соседние роты не захотели сидеть в своих траншеях и решили выбить немцев и занять их траншеи. Это и им удалось. Галаган не забыл и вызвал к телефону дослушать, что у нас произошло. Охотно досказал.

— Ты в цирке не работал? — спрашивает Галаган.

— А что, товарищ полковник?

— Да фокусы ты умеешь показывать. Артист ты, Дементьев. Я ждал, что еще скажет мой командир полка, но в трубке услышал голос телефониста.

А ранним утром начался штурм села Каменки. Сильно укрепленный пункт противника был взят нетрудно.

Успех штурма, казалось, был обеспечен инициативными действиями взвода сержанта Кравченко, да и ночным «фокусом» роты.

За смелость и инициативу, умелое командование стрелковым взводом Кравченко был представлен к награждению орденом Отечественной войны 2 степени. К сожалению, не знаю, был ли он награжден этим орденом.

Такие, как сержант Павел Андреевич Кравченко, не исключение. Чем сложнее обстановка, горячее бои, тем чаще обращали бойцы свои мысли и взоры к родной партии. На войне человек, вступивший в партию, ошутимее чувствует, что его ждет. Место коммуниста в бою только впереди. Люди подавали заявления в партию в очень трудное для роты время. Нельзя без волнения

читать написанные карандашом на небольших клочках бумаги слова, идущие от самого сердца. В них воины высказывали действительную любовь к Родине и готовность за нее отдать жизнь. И эту свою клятву они выполняли.

Хорошо помню заявления о вступлении в партию Голубцова, Валерия Каландаридзе, Ильчинского, Комаровского и других. «Если погибну в бою, прошу считать меня коммунистом», — так писали многие беспартийные, уходя в бой. Эти слова неспроста стали крылатыми.

6.

Батальон закрепился в отбитой у врага траншее за деревней Каменка. Кругом идет бой, а в глубокой воронке от авиабомбы собрались члены партийного бюро. Голубцов, Каландаридзе, Комаровский единогласно принимаются в члены партии. Контратака противника прервала заседание. После ее отражения заседание продолжилось. Из всех вызванных на партбюро не явились двое. Комсомолец Ильчинский действовал в бою храбро и умело и показал себя достойным принятия его в партию, но до разбора не дожил. В решении записали: «Красноармеец 2 роты товарищ Ильчинский погиб за Родину как коммунист». Второй солдат, которого ждали, был Григорий Нестеров. Он явился поздно вечером. Вместе с тремя бойцами, отражая контратаку, зашел так далеко, что не мог оставить друзей почти рядом с фашистами.

Пришел секретарь дивизионной парткомиссии майор Плужников. Он никогда не искал удобного для себя момента. В землянке, отбитой у фашистов, он открыл заседание парткомиссии. Рядом в траншее фотографировали принятых в партию. Земля дрожит от взрывов, но никто на это не обращает никакого внимания.

— Расскажи о долге и обязанностях коммуниста в бою, — просит Плужников бойца Ивана Пучкова. Тот правильно излагает ответ.

— А как вы их выполняете?

— Да как сказать? Как будто бы ничего.

Пучков — человек скромный. Он мог бы рассказать, как его минометный расчет подавил тринадцать огневых точек и уничтожил до сотни солдат противника. Это он не считает подвигом. На его взгляд, подвиг — это нечто, превышающее силы человека, а он сделал всего-навсего то, что велел ему долг. Разве каждый не сделал бы на его месте то же самое?

— Ну что же, товарищ Пучков, принимаем вас в кандидаты партии и надеемся, что вы в предстоящем бою оправдаете высокое звание коммуниста, — сказал Плужников и пожал бойцу руку. А у того даже слезы навернулись на глазах.

Парторг роты докладывает: «За спасение раненых под Барятино Мартынова награждена медалью «За отвагу». В районе Спас-Деменска только за один день она спасла жизнь двадцати двум раненым, а всего она вынесла из боя около семидесяти раненых. За это она награждена орденом Красной Звезды. Мы приняли ее в члены партии».

— И правильно сделали, — говорит майор. — Поздравляю, Лиза, и желаю больших успехов.

Так Лиза Мартынова в девятнадцать лет стала членом Коммунистической партии.

Люди, вроде бы, по-будничному возвращались с парткомиссии в свои окопы, но столько невысказанной торжественности в этой кажущейся будничности. Они воспринимали прием в партию, как самую высокую оценку их подвигов, как призыв к новым боевым делам.

Встревоженный ребенок приникает к коленям матери, он не просит ее за себя, но чувствует прочную опору и защиту. Так и человек, потрясенный личным горем, бедствием целой страны, обращался к партии. Ему не к кому было обращаться, кроме как к партии.

В роте я что-то не замечал верующих в бога. Все или почти все были атеисты.

ЗДРАВСТВУЙ, СМОЛЕНЩИНА. В НАЧАЛЕ ОСЕНИ

1.

Не успели оглянуться, как уже наступила рыжая осень. Позади десятки освобожденных деревень и сел. Впереди — междуречье Западной Двины и Днепра, так называемые «смоленские ворота» и смоленско-московская возвышенность.

Неспокойная полночь. Часть воинов отсыпаяются «про запас», остальные бодрствуют у огневых точек.

Меня вызвали в штаб полка. Оказывается, командир полка подписал приказ о назначениях: в первом батальоне командирами рот стали лейтенанты Старостенко и Юрченко, замполитом Банный. В одну ночь и столько изменений! Потом Галаган отдал приказ на прорыв оборонительной полосы с последующим форсированием рек Каменец и Снопоть. Передовым назначен наш батальон. Пришел в роту и не мог ни на минуту уснуть. Ночь дрожала, как в лихорадке. По-орудийному била гроза, страшными казались косые стрелы молний.

Под самое утро пошел дождь. Дежурные залезли в палатки. Саперы доставили переправочные средства. Бойцы запаслись патронами, гранатами, веревками.

Утро выдалось сероватым, но теплым, с ветерком. Потом выглянуло солнце. Еще раз посмотрел в сторону противника, и в какой уж раз увидел за речкой на широкой, покрытой травой равнине черно-бурые брустверы траншеи противника, а дальше серые хатенки не очень большой деревеньки. «Конечно, пройдем этот луг, переправимся через речушку, освободим деревеньку и пойдем дальше. Но уж кого-то не будет в строю. Одни уйдут залечивать раны, а кто-то навечно останется здесь, — думал я в это сырое и серое утро. — Пройдут годы, и узнают в этой деревеньке жители, что за них погибли на этом лугу молодые ребята, и поставят им у дороги памятник. Напишут на этом памятнике простые слова: «Поклонитесь им, павшим за наше счастье!»

От командира полка поступил другой приказ: он сообщал новые данные о противнике и требовал сдержать наступление. Через несколько минут немцы дали сильный артналет и пошли в наступление. Мы отбили их. Они подготовили артиллерийско-минометный огонь и опять пошли на нас. Мы отбили. И так весь день фашисты лезли на наш передний край, но так и не смогли овладеть когда-то покинутым ими оборонительным рубежом.

К вечеру вызвали в штаб батальона, где нас ожидал Галаган. Перед нами поставили другую задачу — на обход противника.

2 рота шла первой через редкий лес. Ночь была темной. Шли медленно, держась друг за друга. С рассветом вышли на опушку, чуть не наткнувшись на вражескую батарею. Фашисты стали бить прямой наводкой. Бойцы бросились к орудиям, и вся артиллерийская прислуга фашистской батареи осталась мертвой на месте, а шесть орудий достались нам. Маленькая деревня была освобождена легко. У крайнего дома похоронили погибших двух бойцов.

Немцы попытались контратаковать, но не ввязались в большой бой, отошли. У деревни Каменец взяли в плен трех солдат и одного унтер-офицера. Показания его были правдивы. Желал ли он того или нет, но оказал нам большую помощь. Наш полк быстро форсировал небольшую речушку и погнал противника к границе Смоленской области. Очень устали, болели ноги, но в душе мы хвалили Галагана.

Углубившись в редкий лес, заметили четырех в немецкой форме. Пленили их, а они оказались русскими. Капитан, уполномоченный особого отдела, автоматной очередью уложил их всех. Я подошел к ним ближе и глазам не верил, как это так, русские, а в немецкой форме.

Мы пошли дальше. «Похоронят их за немцев, т.к. они уже не смогут рассказать ничего о себе. Издержки войны. Пройдут годы, и будут они числиться, как пропавшие без вести. Придумают небыли, что погибли от прямого попадания снарядом. А оно вон что».

Мысль о четырех расстрелянных не покидала меня. Я думал, что мы не знаем толком, за что можно вот так, запросто, бездумно расстрелять возвратившихся от немцев своих же людей. Мы о них ничего не знаем, где, как и почему они оказались в плену, что вынудило их надеть немецкую форму и т.д.

Но мысль лезла в голову и другая. Предателей, изменников Родины, вступивших в немецкие боевые части с оружием в руках, помогавших фашистам бить нас, незачем жалеть. В плен попасть на войне вроде бы и не мудрено, хотя это измена Родине, а вот в форме врага и с его оружием встать против своих — предательство особого рода. Сдаваясь в плен, хотел сохранить себя, сейчас, убегая от немцев, — тоже хочет сохранить себя.

Воюйте, мол, честные, вам кривить душой нельзя. И я не мог решить, какая же мысль была правильной. На какой стороне решающая правда, я так и не определил. И вот пройдя всю войну, прожив 35 лет после войны, мы стали свидетелями, как в селах устанавливали памятники всем не вернувшимся домой. В школах и клубах завели книги Вечной Славы, где записали не только погибших, но и всех без вести пропавших, а следовательно, и тех четверых.

Продолжим о нашем наступлении к Смоленщине.

У деревни Елизаветино похоронили отважного командира минометной роты лейтенанта Ивана Андреевича Лупанова. Его боевые друзья-минометчики написали матери Марии Дмитриевне письмо. Я от себя вложил листок с несколькими душевными строчками сочувствия.

В этот раз противник встретил нас мощным огнем с хорошо укрепленной небольшой высоты. Батальон занял оборону. А вечером в роту пришел Галаган. Он только сказал:

— Немцы стали бояться нас. Выбивать их с этой высоты тебе, Дементьев. Только без фокусов. «Не забыл», — подумал я.

Запомнилась мне эта высотка. По нашим, вроде бы, и проверенным данным немцев здесь было не больше, чем солдат в нашей роте. Мы же, усиленные пулеметами, батальонными средствами и полковой артиллерией, могли взять эту высоту без трудностей.

Пока мы готовились, противник тоже не дремал, наша внезапность оказалась известной противнику: он подтянул до батальона пехоты, десятка два пушек, минометов и крупнокалиберных пулеметов, а потому, когда после артиллерийской обработки переднего края мы пошли в атаку, фашисты показали нам, что мы просчитались.

Пришлось выводить бойцов из-под губительного огня на исходные позиции. Так и не удалось нам тогда отбить эту высоту. «Вот, что значит «внезапность», — подумал тогда.

2.

Сижу вместе с бойцами в траншее и жду дальнейших указаний. Почтальон принес газеты, письма. Бойцы читают и тихо разговаривают. До меня доходят отдельные фразы:

— Часто получаешь? — спросила медсестра Мартынова у бойца Аверина.

— От нее регулярно, а ты?

— Я тоже регулярно.

Аверин посмотрел на Мартынову, вздохнул и стал откровенничать.

— Я, Лиза, подарил ей цветы, — тихо сказал он, — а сейчас она дарит мне радость почти ежедневными письмами. Да, это было давно. Утром в этот день я поглядел на небо, узнавая, какая будет погода. Над нашим селом только что начинался этот день. Небо было чистое-чистое, переливалось все розовыми лучами утренней зари. На душе было легко и радостно. Я вошел в избу и раскрыл все окна. На меня повеяло утренней прохладой тополей с улицы. В это утро я был самый счастливый человек на свете. Последний раз пошел в школу. На углу улицы стояла женщина. Ее все звали тетей Феней. Она всегда в этот день продавала цветы. Устанет стоять, раздаст цветы прохожим и уйдет домой. Я купил букет и пошел к школе. На пороге встретил ее. Она училась в 10 «Б». Подарил ей букет и поздравил с окончанием школы. Она улыбнулась и нежно сказала мне «спасибо».

Признаться, меня очень тронул рассказ юноши, но не подал виду, что прислушиваюсь к нему, на листе карты рисовал знаки. Аверин продолжал, но теперь уже очень тихо. Говорил он о выпускном вечере в этот день, о врученных аттестатах, о танцах.

— Потом мы пошли встречать рассвет, — сказал он. — Я шел с ней. Таяла ночная мгла, а на востоке, там, за селом, у нас стоит ветряная мельница. Уже светлело. От ночной росы было холодно. Она прижималась ко мне. Мы шли к ветряку встречать рассвет, а встретили в этот день войну.

Аверин глубоко вздохнул, как будто снял с себя тяжелую ношу.

— Сколько она нам наделала зла, эта проклятая война, — сказала Мартынова. Теперь уже о себе говорила она:

— Перед войной окончила медицинский техникум и хотела поступить в институт, но началась война, и я добровольно пошла на фронт. Ну да ладно, в другой раз. Читай письмо-то, чего держишь? И Лиза Мартынова, полусогнувшись, пошла по траншее.

Я сидел и думал: «Как мы еще плохо знаем своих бойцов. Мы для них только командиры и все. Надо жить так, чтобы боец и мне поведал, что у него на душе. Как мы еще много недорабатываем. Стеснялся же Аверин меня, вот и посмотрел в мою сторону». Раздумывая, посмотрел на Аверина, а он сидит и плачет. Слезы льются, как у ребенка. Сидевшие в траншее или не обращали на это внимания, или были в недоумении и ждали дальнейших событий. Письма из тыла в большем случае были нерадостные. Всякое бывало. Я не выдержал и спросил:

— Что такое, Аверин?

Боец ничего не сказал, только протянул мне письмо.

Оно было коротким: невеста писала, что она вышла замуж, и просила, чтобы он больше ей не писал.

— Глупая девчонка! — не выдержал я. — Всю жизнь ее будет преследовать своя же совесть.

Аверин сидел мрачнее тучи.

3.

Неравный бой на большом участке завязался с утра. В бою участвовали не только танки, но и самолеты. Мои бойцы набросились на фашистов, засевших на высоте. Такой атаки еще не доводилось мне до того ни разу видеть. Рота ворвалась в первую траншею, перебила всех до одного солдат противника и без команды заняла вторую траншею. На нашем участке путь был освобожден, и я решил показать еще «фокус»: свернул роту в колонну и поспешил за отходящим противником. Смотрю, нас догоняют наши танки, взбираемся на них и — вперед! Удивительно, от нас не отстают артиллеристы. Немцы выставляют заслон, открывают сильный огонь по танкам и артиллерии. Спрыгиваем с танков и окапываемся. Артиллеристы разворачивают орудия и бьют по фашистам. Заслон быстро сбили, повернули влево в направлении деревни Шуи. Враг, отступая, все сжигал на своем пути, а население угонял в немецкий тыл.

Рано утром, после короткого боя, наш батальон подошел к небольшой деревне между Калужской и Смоленской областями. Деревня нас встретила мертвой тишиной. У дверей уцелевших домов валялись вещи, домашняя утварь. Навстречу вышел ребенок лет десяти — единственный уцелевший житель этой деревни. Руки в ссадинах, лицо в черных кровоподтеках. Девочка дрожала от холода и голода.

— Чья ты, девочка? — спросили солдаты.

Она назвала фамилию.

— А мама твоя где?

— Немцы угнали.

— А папа где?

— Тоже угнали.

— А как же ты осталась?

— Хромая я, мне немец сказал: «Слезай с подводы, калека!», немец не разрешил меня взять. А маму и папу они погнали в неметчину.

Признаюсь, я смотрел на девочку со слезами на глазах и думал: «Как проживет сегодняшней день этот человечек? Как устроит свою жизнь эта девочка-ребенок, пока в деревню придут люди? Мы дали ей консервы, сахар, галеты и уговорили, что скоро в село придут свои люди, а сами пошли дальше.

Иду и думаю: «Как теперь там ее мать и отец?»

По пути заметил в кювете закупоренную бутылку. Открыли, а в ней записка: «...нас угоняют дальше. Дорогие братишки, пожалуйста, как можно скорее освободите нас». Эту записку мы потом передали в политотдел дивизии.

Смотрим, нас догоняют танки. Закрепил за каждым отделением танк, и поехали. Всех это обрадовало. Танк — это не то что «одиннадцатый номер». Но недолго длился наш подъем: фашисты начали обстрел, и батальон снова принял боевой порядок. Бой не принес нам успеха. Темная ночь приостановила наше наступление.

Ранним утром, когда солнце было еще за горизонтом, а над сырой землей стелился туман, наш полк занял Шуи.

Немцы отошли на западную сторону и окопались за деревней. Изучив противника и его оборону, наш батальон после непродолжительной, но мощной артподготовки опять первым пошел в наступление. Противник под нашим напором отошел, и мы вышли на совершенно открытую, ровную местность. Прошли сколько-то, как немцы опять оказались перед нами, Видать, плохо работала наша разведка, и мы залегли. Рядом со мной окопался боец Кораблев, за ним Подкорытов и еще кто-то. Пока готовился огонь, они под прикрытием станкового пулемета пулеметчика Шюховского воспользовались глубокой ложой, по-пластунски выдвинулись в сторону фланга, забросали вражеский пулемет гранатами и открыли путь своему взводу. В атаку мы пошли лишь после того, как нам помогли «катюши». И вот опять Кораблев перед моими глазами. Первым он поднялся в атаку и первым ворвался в немецкую траншею. Тут и я забыл про уставы, побежал вместе со взводом с пистолетом в руке. Смотрю, а Кораблев бросился на немца, и началась рукопашная. Немец оттолкнул от себя Кораблева, пытаясь выстрелить в него, но тот в ярости бросился на здорового фашиста и задушил его руками. Если бы я не видел этого сам, то никому не поверил бы, что Кораблев, с виду подросток невысокого роста и узкий в плечах, мог одолеть такого здоровяка. Вот так Кораблев!

Полк с боями продолжал двигаться вперед. Перед нами была река Десна, за ней старейший город Смоленщины — Рославль, а дальше лежала истерзанная, заждавшаяся нас Белоруссия.

Сентябрь был дождливым. Дороги раскисли. Гулял сырой ветер, разбрасывая брызги и охапки желтой листвы.

Нас, командиров рот, вызвали на КП командира батальона, где ожидал Галаган.

— Десна оказалась закрытой на замок, — сказал подполковник. — Ключ к нему — господствующие над местностью высоты. Немцы укрепили их: прорыли две линии траншей, на расстоянии полутора километров противотанковые рвы, опутано все проволокой и минными полями. По берегам реки вырубил лес и построили много дзотов с пулеметами и орудиями прямой наводки. Вкопали, замаскировали минометные батареи и тяжелую артиллерию. Противник влез в землю. Полку приказано провести разведку боем.

Командир полка отдал приказ и отпустил нас готовиться к наступлению. Исходное положение мы заняли на участке с безымянной высотой в направлении деревни Городчанка. В дело вступила моя рота. События развертывались

очень стремительно. Бой шел с переменным успехом. Немцы получили подкрепление, осмелели и пошли в контратаку на нас. Рота стойко оборонялась, однако обстановка осложнилась. Из района деревни Пегасовка противник предпринял крупную контратаку, чтобы захватить тактически выгодную высоту. Немецкую пехоту сопровождало много тяжелых танков. Наша противотанковая оборона состояла из взвода противотанковых ружей и батареи сорокапятимиллиметровых пушек и ротных средств противотанковой обороны. У командира батальона было больше средств. Чем располагал командир полка, я не знаю. Как бы мало ни было средств, пришлось всю силу направить на уничтожение танков. Приполз к командиру противотанковых ружей лейтенанту Гончарову. Это был тяжелый бой. В грудь пулей был ранен офицер. Обливаясь кровью, лейтенант не покинул поля боя. Только благодаря ему бронебойщики подожгли танк. Артиллеристы младшего лейтенанта Нейтуна тут же подбили другой, а затем и третий немецкий танк.

И вот уже противник попятился назад. Весь батальон бросился преследовать фашистов. Пятясь, немцы бросились в контратаки. Весь день шел кровопролитный бой.

К ночи мы подошли к деревне Пегасовка. Горели «свечки» — ракеты на парашютах, и было светло, как днем. Ночью уточнили задачу, подвезли и поднесли боеприпасы, разведали позицию противника, накормили бойцов и провели короткие партийные и комсомольские собрания. Помню, в комсомол приняли бронебойщика Федора Баранова, комсомольское бюро дало рекомендацию Федору Попову и Павлу Кадьярному для вступления кандидатами в члены партии. В эту ночь в роте побывал помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу капитан Сыровой. «Большой» капитан, как звали его бойцы за его большой рост, вручил новым членам ВЛКСМ комсомольские билеты.

С рассветом 15 сентября после огневого удара по обороняющимся гитлеровцам роты двух батальонов нашего полка пошли в атаку и, разгромив противника, овладели деревней Пегасовка. Немцы решили взять ее обратно. Противник бросил большое количество пехоты и тяжелые танки. Все на своих местах, я опять во взводе противотанковых ружей. Смотрю, тяжелый танк движется на окоп Баранова. Тот стреляет, но пули высекают в броне лишь искры. Однако кто-то все же угодил в танк, и он окутался густым дымом, а потом черно-багровым пламенем. Баранов поднял бронебойку и со своим помощником отбежал в сторону, бросился в воронку и открыл огонь. Снова задрожала земля от оглушительного лязганья гусениц — впереди меня вырос могучий танк и в 10–15 метрах стал, как вкопанный. Через секунду и этот танк загорелся.

Бойцы нашей роты так били по вражеской пехоте, что она не рискнула и шагу сделать за своими танками. Обгоревшие танкисты пытались сбежать, но это им не удалось. Две другие машины повернули назад. Когда чуть позднее уточнили, то оказалось, что все три танка подбил комсомолец Федор Баранов. Все поздравляли его, а политотдел дивизии выпустил листовку «Слава Егору Баранову, подбившему три танка». Сам Баранов получил тяжелое ранение в плечо и выбыл из роты.

После двухдневной разведки боем полк без особых приключений форсировал реку Десна и почти без потерь погнался на запад.

4.

На смоленском и рославльском направлении противник имел очень глубокую и мощную оборону. Пленные говорили, что оборонительные полосы были построены до 130 километров вглубь. Здесь, помнится, у нас действовали «катюши». Ни один бой не затевался без них. Враг не хотел уходить с этой территории. Странное дело: то он бежит, а то станет, влезет в землю, и никак его не выбьешь. Вот и здесь фашисты по нас обрушили шквал огня. Наша артиллерия дала очень мощный ответный огонь. Смотрю, а по ровному месту ползут танки, за ними — пехота. Подсчитали: чтобы удержать оборону, каждое отделение должно уничтожить по одному танку и по 20—30 солдат противника. Это сделать было почти невозможно.

Оставив за себя младшего лейтенанта артиллериста Нейтуна, бегу на правый фланг роты, где особенно опасно. Кое-как добрался до траншеи, прыгаю в нее и своим глазам не верю: половина бойцов ранена, командир взвода с окровавленной рукой, другой разбивает ящик с гранатами. Увидев меня, бойцы приободрились, повеселел и лейтенант.

Ударила минометная батарея, продолжали бить прямой наводкой «сорокапятки». Танки подошли близко. Стали отбиваться гранатами. Пулеметы били без остановки. Где-то в траншее — немецкие голоса и автоматные очереди. Откровенно говоря, и в тяжелом бою /а их было много/, когда порой уже казалось, что все пропало, в душе все-таки еще теплился огонек надежды: мы победим, уничтожим врага. Никогда даже в такие минуты не приходила мысль бросить все и поднять руки или взять пистолет и покончить с безвыходностью. И на этот раз, собрав в кулак всю свою выдержку, приказываю выкатить станковый пулемет и бить в упор по немцам. Поворачиваю стоящий на бруствере ручной пулемет влево. Боец Шарапов меня понял и открыл огонь по траншее. Бросаю одну, потом вторую гранату в немцев. Приказываю взять траншею, в которой немцы, и уничтожить их в ней. Даю сигнал. Бойцы Подкорытов, Кораблев, Лункин, Гришин и еще человек пять с гранатами бросаются в траншею. Завязывается рукопашная схватка. Стоит страшный вой и треск. Стон, крики, стрельба и выстрелы — все смешалось в один гвалт. Немецкие офицеры бросают людей на верную смерть. Наступая на своих же убитых и раненых, горланя непонятное, фашисты идут и идут на нас. Даю вверх красную ракету. Полковые пушки переносят огонь и бьют как раз по цепи атакующих врагов. Бьет дивизионная артиллерия. Без перерыва бьют пулеметы. Пулеметчик Шлюховский ранен в голову, кровь выступила через бинт, а он не дает отдыха своему пулемету. На поле боя горят несколько танков.

Почти по всей полосе наступления немцы залегли. Бойцы выбили противника и из траншей. Четверка отважных ведет огонь по немецкой пехоте.

Бегу на левый фланг и вижу: в траншее трупы немцев лежат навалом. Командир взвода с забинтованными руками докладывает, что пленных не оказалось.

Тут только понял, что допустил оплошность: не прикрыл свой фланг с соседней ротой, куда и ворвались фашисты.

Командование своевременно дало беглый огонь из всех видов артиллерии, и что особенно важно, перед самым передним нашим краем. Залп гвардейских минометов угодил как раз по танкам и пехоте противника.

Немцы не унимаются и вновь под прикрытием танков идут в контратаку. Группа фашистских автоматчиков прорвалась по лощине к командному пункту нашего батальона. Думаю: «Если немцы бросят по лощине примерно роту — все пропало». Стараюсь быть как можно спокойнее. Ведь от замешательства до паники — один шаг. Прошу минометчиков Мишу Шолона и Афанасия Мосина взять под прицел лощину и держать ее под огнем. На случай переброски по ней еще немцев дать подготовленный огонь по пристрелянному месту. Минометчики пристреляли лощину и организовали наблюдение. Один взвод послал к командному пункту нашего батальона в распоряжение командира. Смотрю, а по лощине бегут немцы на помощь своим автоматчикам. Минометчики подождали, и как только достигли они пристрелянного места, открыли беглый огонь по фашистам, и от них ничего не осталось. Немцы решили еще раз пройти по лощине, но полковые минометчики по моей просьбе хорошо поработали, и эти остались в лощине. Тогда немцы выстрелили десятка два дымовых мин и застелили всю лощину дымом. Мы передвинули два станковых пулемета ближе к лощине и открыли заградительный огонь. Пулеметчик Шлюховский со своим вторым номером были достойны хорошей награды. Они не позволили немцам пройти на помощь к автоматчикам.

Меня вызвали к телефону. Командир полка спросил, что молчит командный пункт первого батальона, что, мол, там у нас творится. Я рассказал, что знал.

— Ты хорошо держишь лощину под пулеметным и минометным огнем. Так будешь командовать ротой, заслужишь еще награду, — сказал Галаган. — Постоянно держи связь с соседом, лейтенантом из 854 п. Шевелевым.

Как выяснилось потом, схватка у КП батальона была короткой, но яростной. Прорвавшиеся фашисты были уничтожены. Смело дрались Лункин и Гришин. Отомстил за своего отца, расстрелянного в Сталинграде, за мать, умершую в оккупации, Павел Зимин. Много уничтожили немцев снайпер Гайсин и автоматчик Аверин. Он первый бросился на фашистов, держа перед собой автомат. Никто не видел, как погиб юноша. Мне принесли его документы и вместе с ними окровавленный конверт с письмом от бессердечной девчонки, поступок которой вызвал его слезы. Мы были тысячу раз благодарны поддерживающим нас минометчикам Мише Шолону и Афанасию Мосину.

Когда-то коммунист Кочетков в промежутке боя написал листовку, что сержант Голубцов уничтожил в бою больше десяти немцев, а сейчас о самом Кочеткове сержант Кошкин, возвратившийся из госпиталя, написал боевой листок, что он остановил и расстрелял почти всю группу немцев из 10–12 фашистов, подбежавших к нашей обороне. Не дрогнули Каландаридзе, Комаровский и многие другие. С такими бойцами мне не страшно было отражать любую атаку немцев.

Да, мы не думали, что совершаем героический подвиг. Мы делали то, что на нас возлагалось. Боец Волошин отполз от цветка, сберег его, а сам остался рядом с ним навечно здесь, на безымянном поле, вдалеке от населенных пунктов.

Друзья положили ему на грудь спасенный им цветок и засыпали тело землей. Записка под каской осталась ему вечным памятником. Хочется верить: на политой кровью земле растет теперь много цветов — символов вечной жизни бойца Волошина. Вот так и воевали, как коммунист Пуромов. Он не по приказу

шел на верную смерть, остался жив и сохранил своих подчиненных всех в живых. Никто не приказывал бойцу Грошеву вступить в единоборство с дзотом, а он вступил и победил. Мог бы жить и Аверин. Мог дожить и до Победы. Но не дожил. И если той бывшей девчонке доведется читать эти строки, то пусть почувствует, каким великаном в сравнении с ней вырастает целомудренный юноша Аверин, отдавший жизнь за нашу Родину.

В ПРИБАЛТИКЕ

1.

Из запасного полка, после лечения в госпитале меня направили в 33 Армию. Пока добрался до передовой, только и слышал о предстоящих крупных боях. Да и сама логика подсказывала: не могли же не развиваться бои белорусской наступательной операции.

Попал я в 329 с.п. 70 с.д., которая была сформирована в апреле 1943 года в селах Калужского района Тульской области на базе 146 с.б., созданной в начале войны в городе Калачинске в основном из добровольцев Калачинского, Оконешниковского, Горьковского районов Омской области и города Омска, и 47 с.б., родившейся в городе Н-Уфалей Челябинской области. Всех их называли сибиряками.

Свой боевой путь соединение начало в августе месяце с освобождения сел и деревень Спас-Деменского района Тульской области. Оно освобождало Смоленщину, Могилевщину, форсировало реку Днепр.

В боях на Могилевщине командир орудия 227 а.п. сержант Александр Бажанов совершил героический подвиг и посмертно был представлен к званию Героя Советского Союза.

На подступах к городу Минску, у села Пекалино, телефонистка 252 с.п. Татьяна Барамзина повторила подвиг Зои Космодемьянской. Она была представлена к званию Героя Советского Союза. Все в дивизии ждали Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Полк вел наступательные бои в районе Эйшишкес. Несколько дней я был заместителем, а потом меня назначили командиром этого же батальона.

Признаюсь, что своему новому назначению не обрадовался. Слишком высокая и ответственная это была должность. Стрелковый батальон в то время организованно составлял три стрелковых, пулеметную и минометную роты, взвод связи, противотанковых ружей, санитарной службы, службы снабжения, ему придавалась батальонная артиллерия и один — два дивизиона артиллерии и минометов. В наступательном же бою подразделение всегда усиливалось одной-двумя батареями орудий сопровождения /самоходно-артиллерийские установки САУ/, взводами саперов, огнеметчиков и до роты танков. Стрелковый батальон был очень солидным и сложным общевойсковым тактическим подразделением, в котором закладывались основы общевойскового боя и взаимодействия. Управлять таким было, конечно, нелегко. Мне было 23 года, и я поневоле задумывался: «А справлюсь ли с таким большим количеством людей и техники?»

Познакомившись с личным составом непосредственно в бою, постепенно привыкал к своим обязанностям. С каждым днем полк и его бойцы становились мне все роднее.

Полковник Абилов А.Р.

Командиром дивизии после полковника А.Р. Абилова, который был командиром 146 бригады и формировал дивизию, был тоже полковник М.М. Колесников. В армии он с гражданской войны, показался нам хорошим человеком. 329 п. командовал подполковник В.С. Лачугин, высокий стройный офицер. Заботливый о всех, он не знал покоя, и его все очень любили. Начальнику штаба полка майору И.А. Хребтову было лет 25. Он был статен, красив, улыбочив и прекрасно знал штабное дело. Своей исполнительностью и пунктуальностью нравился мне мой начальник штаба — старший лейтенант Бровка. По душе был развеселый мой заместитель по строевой части капитан Смирнов. Как-то с первого дня сблизился с очень спокойным, исключительно исполнительным и очень добрым к своим подчиненным командиром минометной роты старшим лейтенантом Фирсовым. Подружился я и с командиром 2 с.б. майором Пилипасом. Валентин был одногодок мне, родом из Сибири, веселый, смелый, шесть раз раненный. Из наград имел орден Отечественной войны. Однажды он сказал мне по секрету, что первым форсировал реку Днепр и первым ворвался в город Шклов. За это его как будто представили к званию Героя Советского Союза. «А Указ, очевидно, везут на быках», — сказал он в шутку. Однако моим первым и самым близким другом стал инженер полка майор Мешков. Был он лет на десять старше меня. Николай Андреевич никогда не унывал. Его грудь была в сплошных орденах. Хребтов сказал мне: «Храбрее Мешкова у нас никого нет в дивизии». Инженер часто бывал у меня. Входит в траншею и уже спрашивает: «Где комбат Дементьев?»

Мне нравились бойцы батальона. Все были красивы, веселы, может быть, потому, что молоды. Многие награждены орденами и медалями. В основном это были калачинцы или челябинцы — сибиряки.

Полк вел местные бои. Не спеша брали высоты, перекрестки дорог, россыпь хуторов. Случалось, останавливались и занимали оборону, но это никому не нравилось. Знали, что наступление принесет смерть, в лучшем случае рану, а все же в обороне не хотели. Помню, пришел в один взвод, а бойцы спрашивают:

— Товарищ комбат, а кто от кого обороняется, мы от фрицев или фрицы от нас?

— Я думаю, фрицы от нас, — ответил бойцам.

— А почему же мы не наступаем?

— Я же не генерал, — отвечаю.

— Мы же не спрашивались у генерала, когда брали эту высоту, давайте возьмем и другую, — сказал боец Кривоногов. — А другой серьезно дополнил:

— Немцы маячат перед нами, аж противно глядеть.

— Товарищ командир, — обратился ко мне боец Почтарев, — скажите откровенно, в каких случаях можно попасть в отпуск?

— Ишь, чего захотел! — кто-то возразил.

— А я вот хочу поехать жениться, отпускаяй и меня, — серьезно добавил боец, воевавший еще на реке Халхин-Гол.

— Ну и что? Раз надо, значит отпускаяй. Жениться, братцы, — это дело важнецкое. Только маленько потерпеть надо, — все тот же боец с возражением.

— Ну, хватит, ребята, я серьезно спрашиваю, — не унимается Почтарев, — хотя бы на денек поехать в отпуск?

— «Раму» собьешь — поедешь домой, — ответил я бойцу.

Среди фронтовиков ходил разговор, что за сбитый «Хейнкель» дают отпуск. В это верил и я. Этот самолет, прозванный «рамой», сбить, считали, почти невозможно.

Говорили, что где-то кто-то когда-то сбил, но толком никто не мог назвать даже фронт, где это было.

Не успели под разговором подвести черту, как над нами показался этот противный самолет. Кому не хочется поехать в отпуск?! По самолету били все. Били и потому, что он причиняет много бед, как самолет-разведчик. И надо же случиться, на наших глазах стервятник загорелся. Черный дым окутал его фюзеляж, и «Хейнкель» пошел вниз, оставляя за собой огромный шлейф. Радости не было предела. Узнали в полку, в дивизии, но в отпуск никто не поехал. Стреляли все, а кто сбил — поди узнай.

Я написал рапорт командиру полка с просьбой все же дать одному из бойцов нашего батальона за сбитый самолет «Хейнкель» отпуск с поездкой домой. Через несколько дней пришло разрешение, и в отпуск поехал боец Почтарев.

В батальоне все были убеждены, что за сбитый самолет, прозванный «рамой», действительно дают отпуск домой.

2.

Советская Армия освободила Белоруссию и гнала фашистские войска из советской Прибалтики.

Освобождая литовские городки и хутора, мы шли к городу Ковно, литовскому Каунасу.

Часто направление нашего наступления, не только батальона и полка, но и дивизии, внезапно менялось. То мы идем на северо-запад, то неожиданно полк, а то и всю дивизию поворачивают на юг или на север. И вот в один из таких маневров погиб наш командир дивизии М.М. Колесников. Мы похоронили Михаила Мефодьевича в Мариамполе и пошли дальше.

Этот путь был очень тяжел. Постоянные контратаки противника выводили людей из строя. Для меня, бывшего ротного, потеря одного человека была тяжела. Подразделения были недоукомплектованы. Хотя в батальоне было пять рот и отдельные взводы, людей было больше, но и погибало не то что в одной роте. Я тяжело переживал смерть каждого человека, пытался что-то сделать, но что можно было предпринять, чтобы сократить смерть и ранение бойцов? Здесь мы столкнулись с другим варварством. Противник минировал не только дороги, но все тропинки и стежки, отдельные дома и даже предметы. Боец взял у разбитого дома красивый аккордеон и вместе с ним взлетел

на воздух. Люди выходили из строя не только от снарядов и пуль, но и от таких вот сюрпризов.

С друзьями из 850 с.п. 277 с.д. продолжал поддерживать связь. Из писем узнал, что мои друзья шли где-то чуть севернее нас к той же цели, что и мы.

Через Яшуны выходим на юго-западные подступы к Вильнюсу в районе Медники, Ландрово, Тракай.

Вместе с другими частями содействовали окружению противника и освобождению столицы Литвы. Потом нас повернули на запад, и мы вышли к реке Неман, севернее местечка Балберишкис. Бой за Неман был ожесточенный. Наш полк подошел, когда на противоположном берегу был уже захвачен небольшой плацдарм. Говорили, там держится начальник связи дивизии майор Гладилин и горстка связистов. Им нужна неотложная помощь.

Несколько дней, как у нас командиром дивизии полковник Красновский. Ему лет сорок, он имеет два ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды. Высокий ростом, стройный, худой, с серыми блестящими глазами, комдив сразу же понравился всем.

Форсируя Неман, мы тоже захватили плацдарм севернее от местечка Балберишкис и основательно закрепились на левом берегу. Противник явно хитрил. Он дал нам возможность форсировать реку и углубиться километра на три. Потом немцы пошли в контратаку и потеснили нас, но сбросить нас в Неман им все-таки не удалось, хотя противник на это рассчитывал.

1 августа ударом в северном направлении через Годлево на южную окраину города Каунаса наш полк тоже содействовал его освобождению. Потом мы, перерезав железную дорогу севернее Гирлявы и развивая преследование противника, в составе 62 стрелкового корпуса 33 Армии освободили Казлу-Руду, вышли далеко вперед фронта и подошли к населенному пункту Пильвишкеп.

Небольшой литовский городок стоил нам дорого. Все наши попытки взять его с хода не увенчались успехом. Простояли несколько дней — и никакого толка, только теряли людей.

Наступила следующая ночь, а с ней хлопоты обороны батальона, кормление людей, подвозка боеприпасов и т.д.

Вдруг вызов к телефону. Из штаба полка потребовали срочно явиться в штаб дивизии. Я не на шутку перепугался. «Что это значило?» — думал я. Командира батальона не всегда одного вызывали к командиру дивизии. Но идти надо.

На КП было много офицеров.

После моего доклада командир дивизии полковник Красновский сказал, что июль был месяцем ожесточенных боев в Литве, что на нашем направлении сильные бои разгорелись в междуречье Щяшупе-Вишакис и, обращаясь ко мне, спросил:

— Городок Пильвишкеп нам дорого обошелся. А что если мы твой батальон спарим с лучшим артдивизионом, загрузим боеприпасами, заправим всем необходимым, сами проинструктируем командиров всех степеней и рангов и под прикрытием ночи, на скоростях — внезапно в Пильвишкеп? Как ты, капитан, смотришь на это дело? Вам помогать будет вся дивизия, — дополнил комдив.

— Важность боевой задачи представляю, товарищ полковник, — сказал я, — думаю, личный состав батальона справится с ней.

— Ну, а как ты, капитан? — Красновский обратился к незнакомому мне капитану-артиллеристу.

— Я принимаю эту задачу со стопроцентной убежденностью в успешности ее выполнения! — отрапортовал капитан.

Командир дивизии поставил перед нами конкретную задачу. Начальник штаба и начальник артиллерии ознакомили нас с четким взаимодействием и с таблицей сигналов управления батальонами и артдивизионами в ночных условиях.

С КП мы с капитаном Хафизовым вышли, когда теплый, только что начавшийся осенний день сменился таким же теплым вечером, а наступавшая ночь была звездной, безлунной.

Офицеры штаба действительно проинструктировали не только командиров, но и бойцов, разведчиков, радистов, связных, наблюдателей. Работники политотдела дали напутственные советы и пожелали успеха. Я пришел в батальон, когда все уже было сделано.

Мы не знали замысла комдива, но догадывались по этой прелюдии. Если мы с Хафизовым успешно справимся с задачей, наши соседи воспользуются успехом, бой дивизии может перерасти в общее наступление, и мы продвинемся ближе к границе, а может быть, войдем и в Восточную Пруссию. Это было заманчиво и радостно, что мы перешагнем рубеж первыми.

Конечно, на войне не без жертв, но на этот раз их было мало — несколько раненых. Тревожная ночь не была длинной, но дождаться ее конца и наступления рассвета мы никак не могли. Наконец-то наступил рассвет, и все поняли: дивизия уже давно в Пильвишкепе.

С утра опять бой в направлении города Вилкавишкис. К исходу первого августа мы завязали бои за этот город и освободили его. До государственной границы с Германией оставалось каких-то 16–18 километров.

В тот же день освободили поселок Б. Шельвы, а вечером Москва салютовала освободителям города Каунаса. 252 с.п. нашей дивизии было присвоено почетное наименование «Ковенский». Радостно было и нам.

Внезапным занятием Пильвишкепа, Вилкавишкиса, и успешным продвижением на запад мы вызвали у немцев страшный переполох. Противник бросает в бой свежие части, предпринимает одну контратаку за другой, чтобы не допустить нас к границе. К нам подошли 344 и 157 с.д. и приняли от нас участок. Наша дивизия повела наступление в северо-западном направлении на город Науместис.

На нашем направлении гитлеровское командование бросило в бой крупные силы и десятка три танков. Наше командование армии парировало эту контратаку истребительной противотанковой бригадой. В короткой огневой схватке было подбито до двадцати танков. Немцы лезли напролом, улюлюкая во все горло. Мы отбили наступление немцев и пошли вперед. Враг становился все упорнее. Фашисты цеплялись за каждый бугорок, за каждый ручей, что могло на несколько минут задержать наше наступление. Здесь особенно активно действовала немецкая авиация.

Нашему батальону удалось выйти к перекрестку шоссе и железной дороги. Мы закрепились основательно и отбивали все контратаки. Немцы поняли, что им не сбить, оставили нас.

Как оказалось, командованием дивизии не предусматривалось с хода выходить к границе, но ближе подойти к заветной цели оно все же имело задачу.

3.

Наш полк приступил к совершенствованию исходных позиций. Подразделения пополнялись всем необходимым. Подвозились боеприпасы и технические средства. Артиллерия готовила основные позиции и для маневра колесами. Готовились для бесперебойного и надежного обслуживания и обеспечения медицинская, комендантская и другие службы.

Дивизия занимала оборону на рубеже населенных пунктов Стерки — Га-лакауша —Тейборы-Татзино. Наш 329 был на левом фланге дивизии. За шоссе, на правом фланге полка — батальон капитана Адаменко, наш — перед шоссе-ной дорогой, а батальон капитана Пилипаса находился во втором эшелоне. Его омичи совсем духом пали, почему не они в первом.

В ночь со 2 на 3 августа, как обычно, мы слушали противника и были особенно напряжены. Вдруг тишину нарушили выстрелы гаубицы большой мощности в полосе нашей обороны. Разрывы снарядов доносились глухо из глубины немецкого тыла. Приказал своему начальнику штаба старшему лейтенанту Бровка выяснить, кто стреляет. Через некоторое время он доложил мне, что работает капитан Пилипас, причина не выяснена, сказали, что бьют по Германии.

Стрельба нашего комбата Пилипаса вызвала у меня недоумение, ведь он был во втором эшелоне. Но от него все можно было ожидать, даже и это. Гаубица, сделав десятка три выстрелов, смолкла. Потом открыли огонь немцы. Фашисты били из орудий и минометов так, что земля дрожала. Мы сидели в траншеях и ждали, что будет дальше, но все обошлось хорошо, и я сделал вывод, что немцы били по этой гаубице, выставленной командиром батальона нашего полка капитаном Валентином Пилипасом. «Ну, теперь командир полка вольт Валентину за самоуправство», — подумал я.

Немецкий огонь, конечно, наделал неприятностей. Небольшие жертвы были и у нас, а у Пилипаса их было куда больше.

Выстрелы гаубицы оставались для меня как очередная проделка комбата Пилипаса до самого 1977 года.

Будучи в Москве в музее Вооруженных Сил Союза ССР, я увидел во дворе гаубицу №3922, как первое орудие, открывшее огонь по территории Германии, в частности, по городу Ширвиндту. Потом я списался с секретарем Совета ветеранов бывшей 142 а.б., бывшим начальником разведки одного из артдивизионов бригады товарищем Рыковым, и он мне сообщил, что первые выстрелы по фашистской Германии было поручено сделать командиру первого артдивизиона бригады капитану П. Пелипасу. Орудие было выдвинуто к передовой, сделано тридцать выстрелов и снялось с огневой позиции. Рыков сообщил мне, что их П. Пелипас как-то говорил ему, что его предки из Литвы, давно переселились в Сибирь, где-то недалеко от города Омска. И тут вспомнилось мне, что Герой Советского Союза Валентин Пилипас что-то примерное говорил и мне. Я решил найти Валентина. Розыском установил, что после войны Валентин Пилипас жил в Томской области, потом переехал в Красноярский край и в 1957 году скоропостижно умер.

160/111
 1. Фамилия, имя, отчество Пилипас Валентин Викторович

3. Национальность РФ 4. Знакие языков _____ 2. Родился _____ 19 05 г.

6. Дата рождения 20.06.42, ст. Средний

12. Присвоены воинские звания

Дата	Числ. присвоения	Ид. присвоения
<u>Ст. Младш. 21.6.42</u>	<u>49 арм. 0299</u>	<u>0660</u>
<u>капитан 21.6.42</u>	<u>49 арм.</u>	<u>0660</u>
<u>майор 23.9.44</u>	<u>36 арм. 0433</u>	<u>0433</u>

13. Численность в войсках Ул. Шерш. в. 412 Дата _____

14. Работы и контакты _____

15. Награды (ордена и медали) _____

16. Семейное положение и адрес семьи холост
Д-р. Вильямс Филиппович
См 8 55

7. Партийность
 Член ВКП(б) с _____ г. в. С. № _____ Канд. ВКП(б) нет
 Член ВЛКСМ с _____ г. Беспартийный
 Пробыл в др. партиях _____ с _____ по _____ г.
 Парт. выяснения й намер. партийности _____

8. Образование
 Общее ИФ ВУС
 Военное Курсе к. исл. и т. д.
 Политическое _____

9. Служба в старой армии _____
 10. Служба в белой армии _____
 11. Был ли в плену _____

394-268-117
 БУ 518 2.41 11 арм. 2

Остаточный _____

18. Служба в Красной Армии

НАИМЕНОВАНИЕ ЧАСТИ	НАИМЕНОВАНИЕ ДОЛЖНОСТИ	Год	число в числе	Числ. присвоения	Ид. присвоения
<u>206 з.с. п. 3 ар. р.</u>	<u>ком взв</u>	<u>42</u>	<u>9</u>	<u>6442</u>	<u>Зарп 0404</u>
<u>104 ГИР</u>	<u>зам. ком. 4 роты</u>	<u>42</u>	<u>11</u>	<u>49 арм.</u>	<u>0415</u>
— " —	<u>и стрел. матекал</u>	<u>43</u>			<u>сост</u>
	<u>ком. роты</u>	<u>42</u>	<u>15</u>		<u>2134</u>
<u>1 сн. сн.</u>	<u>зам. ком. роты</u>				
<u>36 арм. на фронтисе</u>	<u>39 м. ком. арт. див.</u>				
<u>329 сн. 20 ар.</u>	<u>852 сн. 27 сд. 33 арм.</u>	<u>49 арм.</u>	<u>0213</u>	<u>38</u>	<u>43</u>
	<u>3/ком див.</u>	<u>41</u>			
	<u>ком. сн. р. в на</u>	<u>44</u>	<u>10-12</u>	<u>Зар</u>	<u>0452</u>
<u>Учебн. на учеб. в ВВШ им. Фрунзе и "Выстрел"</u>		<u>45</u>	<u>31.3.</u>	<u>—</u>	<u>0116</u>
<u>осущ. ден. пт. м. в. на 1,5 г. и т. (1946)</u>			<u>8.01</u>	<u>Ар. 7 ртисе</u>	<u>41</u>

19. Уволен в запас с должности и со званием _____

20. Причины увольнения _____

ФГУ тип «Победа», Зак. 303

Учетная карточка Пилипаса В.В.

Да, такая редкая фамилия, и вдруг два капитана: один Пилипас, другой Пелипас, оба из Сибири, из Омска и Томска, сошлись в один день в одном месте огромного фронта. Почти невероятно.

Вернемся к северо-западу города Вилкавишкис. Утром 3 августа фашисты при сильной огневой поддержке полезли на наш передний край. Батальон, которым командовал Адаменко, отошел за шоссе к реке Шеймена, а наш батальон, наоборот, вырвался за шоссе к реке Шеймена. Это произошло не потому, что я более умело командовал батальоном, наоборот, я был неопытным комбатом. Здесь, очевидно, большую роль сыграли бойцы, ротные и взводные офицеры.

6 августа мы отбили еще одну контратаку и пошли вперед. Вместе с нами и соседи.

Мы заняли Зеленку и были от границы в семи-восьми километрах. С высот уже смотрели на остроконечные черепичные крыши неметчины.

Сибиряки выдержали. Меня поддерживал командир батареи 227 а.п. старший лейтенант Мартышкин. Его артиллеристы почти все во главе с ним были из 146 стрелковой бригады омичи, участвовали в боях под Москвой и имели большой боевой опыт.

Наши соседи были серьезно потеснены, 70-я же отошла на какую-то сотню метров, не более.

9 августа 1944 года 68 с.п. нашей дивизии ворвался в пределы Восточной Пруссии, непосредственно южнее города Ширвиндта. Увидели границу и мы.

Восточная Пруссия! Чужая земля. За защитной полосой, где проходит государственная граница, прилепился маленький поселок. Пустые дома. Бродит домашний скот.

Немец на двух волах с уложенными на арбу вещами уезжает назад. Он не спешит, делает свое дело медленно, как будто собирается к кому-то в гости. На нас он не обращает никакого внимания, возможно, это был просто немецкий шпион, разведчик.

Короткая передышка. У дороги дом. В него попал снаряд и развалил всю стену. В противоположной стороне стоит рояль. Смотрю, подходят солдаты, останавливаются и смотрят. Каждый о чем-то думает лично своим. Медленно из толпы выходит солдат и идет к роялю. Не спеша вытирает рукавом пыль с крышки и открывает ее. Кто-то тихо сказал: «Осторожно, Бунзис, а вдруг заминировано». Бунзис — бывалый солдат. Он понимает: в разрушенном доме не бывает мин. Медленно берет одну ноту, потом другую...начинает играть, и дивная музыка расплывается по разрушенному дому, слышится у дороги, где лежат бойцы, и плывет дальше вдоль поселка. Все смотрят в сторону дома. Идет лейтенант-артиллерист. Спрашиваю, не знает ли он, что солдат играет? Лейтенант покачал головой. Смотрю. Подходит автоматчик и говорит мне: «Это, товарищ капитан, революционный этюд Шопена». Автоматчик внимательно всматривается в лицо лейтенанта, а потом вскакивает и бросается к нему. Оказалось, этот артиллерист, когда уходил на фронт, ему сдал свой токарный станок. Они обнялись, и начались расспросы. Это были лейтенант Павлюк и автоматчик Мальцев.

Немец все продолжал возиться у своей арбы. Пришлось его задержать и отправить в тыл. Немцы бросили против нас танковую дивизию СС «Великая

Германия», пехотную дивизию и танковую бригаду, нанесли сильный удар с целью срезать образовавшийся выступ фронта в сторону границы.

Им удалось отбросить наши части и даже захватить город Вилкавишкис.

Для отражения контратаки и восстановления положения наше командование изъяло у нас всю артиллерию. Противник начал против нас контратаки, бросая по 30, 60, 80 танков с пехотой. Отбивая контратаки противника, мы вынуждены были отойти на линию Мерче — Зеленый Лес, где, используя старые укрепления, перешли к жесткой обороне, отбивая почти до конца августа ежедневно от трех до двенадцати контратак противника.

В минуты выпавшего затишья сижу в немецкой землянке и перебираю в памяти прошлое. Спят бойцы, уткнувшись в воротники. Спать нельзя. Все это, значит, знают, но надеются, что не спят впереди. А я думаю: «Закончится война. Начнут люди изучать эти события и писать диссертации. Ведь должны же быть кандидаты и доктора военных наук. Вот был дворянский век. Дворяне были военными. Их дети в люльке качались, а их уже записывали в полк. Так надо было. Они держали свою власть. Мы тоже должны держать свою власть — значит, надо и нам быть военными и защищать диссертации. Конечно, я не хочу быть ни кандидатом, ни доктором военных наук, но иногда откуда-то из глубины души появится зависть к кому-нибудь, а ведь и я так поступал в бою, и у меня не было убитых, а посчитать — и самому не верится. У меня убитых меньше, чем в других батальонах. Ну, у кого-то должно же быть меньше — тешу себя. Нескромно, скажете? А что? Кто же скажет об этом? Кому это нужно? Пусть это что будет, но я скажу во весь голос: у меня меньше убитых, чем у Абрамова и у Пилипаса».

Приходит Моспан.

— Не спишь, комбат?

— А ты?

— Да я чуть-чуть покемарил.

— Капитан, — обратился я к своему замполиту, — почему бойцы боятся немецких танков?

— Не анализировал. Думаю просто — сильное оружие. Прет, сволочь, гремит, бьет пушкой и пулеметами, вот и боятся.

— Нет, капитан, дело не в этом.

— А в чем же?

— А ты обратил внимание, что немецкие танки в большем случае уходят от наших?

— Ну, это не всегда бывает.

— В большинстве случаев. Это уже факт. Мы же с тобой знаем, почему 88-мм пушка «тигр» длинная с огромным амортизатором на конце. Пушка-то зенитная. «Тигр» — тяжелая машина, малоподвижная, и наши тридцатьчетверки расстреливают их с бортов, как правило, навывлет. А обратил внимание, что вошло в обычай выставлять «тигры», а до поля боя они не доходят? Пугают, да? Нет. Не в этом дело. «Тигры» имеют много неполадок. Они просто ломаются. Наша 85-мм пушка пробивает лобовую броню, хотя она 110 мм. А знаешь почему? Она у них низкого качества. Да что и говорить, наши САУ-152 своими 50-килограммовыми снарядами просто сбрасывают с «тигров» их башни. Наша техника всегда была сильнее немецкой.

— Спора нет, комбат.

— В таком случае, капитан, надо поговорить с бойцами о танках.

Страх парализует. Его надо изгнать из сознания, из души. Надо вселить в сознание человека уверенность, что наши танки лучше, сильнее немецких, ведь они же знают, как немецкие танки поворачивают назад, когда выходят наши тридцатьчетверки. Ты, комиссар, добейся, чтобы боец был уверен. Спокойствие духа происходит от уверенности. Не так ли?

— Хорошо, я продумаю этот вопрос как следует, и беседы будут.

17 августа 1944 года вышли на границу СССР с Восточной Пруссией у реки Шешупе части соседней с нами 5 Армии и уже не отступили. Мы же продолжали топтаться на месте. Весь месяц не принес нам никаких успехов.

28 августа мне исполнилось 24 года. Кто-то побеспокоился, и старший лейтенант Бровко преподнес имениннику в котелке завтрак чуть лучше, чем у остальных. Малое дело, а приятное.

Ночью приказали передать оборону 157 с.д. и выйти в тыл. Наша дивизия вышла из состава 33 Армии.

4.

Пылится и поскрипывает дорога. Шагаем на новое направление. Как у командира батальона, у меня была верховая лошадь — мерин, по кличке Дружок. В походе он меня очень выручал. Проходим по сорок-пятьдесят километров за сутки. Почти не отдыхаем. Карт нет. Куда идем — неизвестно. Вокруг печные трубы — остатки небольших деревушек и хуторов. Недавно здесь был бой, еще пахнет гарью. Все выше и ярче разливается розовая заря. Ночное тепло сменяется влажной утренней прохладой.

Попадаются подбитые танки, автомашины, орудия, а возле них трупы фашистов. Остановились на короткий привал. Командир взвода младший лейтенант Цыбен Жалсанов приносит мне пачку каких-то бумаг. Начали читать с ординарцем Манисом. Это были памятки фашистского вояки. Их было очень много, очевидно, фашист не успел их раздать своим братьям по разбою. Вот одна из них:

«...Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты — Германец; как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути, думай всегда о возвышенном, о фюрере — ты победишь. Тебя не возьмет ни пуля, ни штык».

— Какая глупая отравка, — сказал мой ординарец, рядовой Манис, подставив под них огонь своей зажигалки. Какой убогий ум, они еще верят, что победят! — сказал боец, сжигая последний листок. Как ни сохранялась тайна, а выяснилось: мы прошли Шауляй и торопились к Риге.

К утру мы пришли в какой-то овраг и расположились на отдых. Противник был близко. Пулеметные очереди до нас не доставали, а мины беспокоили. Начальник штаба принес мне карту, и стало понятно, где мы. Слева был город Элея, справа Скаисткалне, перед нами город Бауска, а дальше Рига.

Мы оказались в составе 19 с.к. 43 Армии I Прибалтийского фронта.

Я знал, что командующим фронта является генерал армии Баграмян И.Х. Офицеры утверждали, что это «второй Багратион» — бог рати он.

Он будет из наших ног выбивать глухоту и водить за нос немцев до тех пор, пока не обманет, а уж когда сам убедится, что обманул, тогда и пойдет в

наступление. Говорили, что у Баграмяна меньше медсанбатов и госпиталей, потому что он так проводит боевые операции, что у него мало бывает раненых, тем более убитых. Тогда я не придавал особого значения этим словам — мало ли что говорят о генералах, пока сам не убедился в правде всего этого.

Случилось как-то, что я увидел самого Баграмяна. Решил посмотреть свой хозяйственный взвод, который вместе с другими взводами полка был километрах в двух от нашего расположения. Только прибыл в расположение взвода, как раздалась команда: «Смирно!», и какой-то старшина докладывает прибывшему Баграмяну. Пришлось мне просто представиться. Командующий потребовал показать ему, чем кормим бойцов. Мы с командиром взвода представили ему повара и показали содержимое котлов. Повар, армянин по национальности, оказался находчивым человеком, на все вопросы он отвечал как суворовский солдат. Показав все генералу, он предложил ему отобедать. Генерал армии согласился. За Баграмяном следовали не менее двадцати офицеров, которые стояли, пока он, сидя за покрытым белой скатертью столом, пробовал, «чем кормят солдат». После обеда Баграмян начал распекать следовавших за ним командиров и хвалить нас. «Вот чем надо кормить бойцов, а не кулешом. Вот какой надо иметь порядок на кухне, а не такой, какой у вас», — он тыкал в грудь какого-то капитана.

Мне это было приятно слышать, хотя, откровенно говоря, моих заслуг здесь было ровно на грош.

К нам прибыл новый командир полка. Но он вряд ли у нас задержится. Больной. У него сохнет рука.

5.

Стояла рыжая осень 1944 года. Полк начал боевые действия в направлении города Риги. Медленно и трудно, но ш е л вперед. От одной развилки дорог к другой, от хутора к хутору, от перелеска к перелеску батальон продвигался вперед в непрерывных боях. В атаку ходили и девушки-снайперы. На этот раз мы отошли на свои исходные позиции, а на нейтральной полосе остался тяжело раненный старшина. Интенсивный огонь не давал возможности вытащить истекающего кровью воина. Мужественно поступила девушка-снайпер. Она на руках, как ребенка, отнесла его в укрытие. Кто она? В потоке будничных дел так и не была установлена. Опросили девушек, но из снайперов никто не признался. Только через 38 лет случайно было установлено, что отважной девушкой, спасшей жизнь раненому, была Катя Баранова, награжденная именной снайперской винтовкой, которую ей вручил сам Первый Секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов.

Удары с нашей стороны нарастали. Немцы не выдержали нашего натиска, стали отходить, прикрываясь усиленным заслоном. Упорные бои не прекращались ни днем, ни ночью. Немцы отчаянно сопротивлялись и переходили в контратаки. Активно действовала авиация противника. Остановились у небольшой речушки Иецава. На противоположном берегу город Иецава. Взяли легко и пошли дальше. И вот, форсировав реку Миса, мы вышли к реке Лиелупа. Не такая уж широкая и глубокая она, бывали на нашем пути и пошире, и поглубже реки, но эта запомнилась. На войне любая преграда очень тяжелая, а водная — вдвойне.

*Командир полка подполковник
Лачугин В.С.*

Переправа была от начала до конца под артиллерийско-минометным и пулеметным огнем, под таким огнем, что обычных действий бойцов и офицеров было недостаточно, нужны были героические действия. И они были.

Их признали за всем 329 с.п. и удостоили его награды орденом Красного Знамени. Мы рады были высокой награде. Заслуга в этом была командира полка подполковника Лачугина Василия Семеновича. Всем нравился этот спокойный подполковник. Боевыми действиями полка он руководил не торопясь, спокойно, со знанием дела. Лачугин доживет до Победы, будет жить в Крыму, и жизнь его закончится в Симферополе.

Противник, очевидно, разгадал, что советские войска начнут наступление на Елгаву, решил сорвать план. Он принял контрмеры — начал мощное наступление со стороны Тильзита на Шауляй.

Нас выводят из полосы наступления и снова направляют в обратный путь к городу Шауляй. Шли только ночью по 35—40 километров. Ноги делались ватными. Болела спина. Рано утром на рассвете пришли в город Шауляй, покрыв расстояние в три ночи. Сменив какую-то часть, заняли оборону. Ветер дул в лицо, шел дождь, пахло осенью.

С утра получили приказ овладеть узлом обороны противника Кужи. В первом эшелоне был 68 с.п., а наш 329 — во втором. Было решено перед наступлением поднять дымовую завесу продолжительностью 40 минут. Дымовая завеса удалась. Началась наша атака. Противник не принял боя, отошел. 68 с.п. быстро овладел населенным пунктом Кужи, захватил много пленных, которые дали ценные показания.

Выяснилось: немцы подумали, что здесь готовится удар крупного соединения, решили не ввязываться в бой и предпочли отступить. Мы пошли на запад в направлении Куртовенай, вдоль реки Вента, сбивая небольшие заслоны противника. Немцы задерживались в каждом населенном пункте. Освободили Гаудцы, Жаберы, Тьеры, Ретавас.

Восемь суток непрерывных боев без короткого отдыха окончательно измотали нас. Хорошо, что мы были обеспечены боеприпасами. Перебоя в этом не было. А вот с питанием было хуже. Питались мы только ночью: утром рано завтрак да поздно ночью ужин.

В непрерывных боях мы услышали, что Москва салютовала доблестным войскам I Прибалтийского фронта 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий. В приказе Верховного Главнокомандующего в числе отличившихся войск была названа и наша дивизия, т.е. соединение полковника Красновского.

Место
для
фотокарточек

14. Когда (месяц и год), с какой работы, откуда (название и местонахождение предприятия, колхоза и т. п.) и каким военкоматом призван в Вооруженные Силы СССР

с 2.24, по 10.36. и 4 декабря 1941. изд. Свердловск 4к работы по судно-
(если призывался несколько раз, то последовательно записывается
где и от какой 7. Алма-Ата.

с какого и по какое время служил и когда призван в последний раз)

15. Прохождение службы в Вооруженных Силах

Наименование должности	Место службы (часть, учреждение, соединение, армия, фронт или округ, флот или флотилия)	Чей приказ	№ приказа	Число, месяц и год
Зам. р. отделения в роте	5-я абт. сводной бригады			2.2.41 1.10.36
Командир мот. бат-на	39 уф. свод. бригады, 4 уф. арт. бат-на	Ген. Мотор	0477	22.12.41 1.10.41 - 12.1.42
Командир	39 уф. свод. бригады, 39 уф. арт. бат-на, 4 уф. арт. командир			12.1.42
Командир полка	426 свод. полк, 88 свод. бригады, 3 уф. арт. командир	нко 39. свод. н. 87	0702 0702	22.3.42 22.4.42
Случайно	Академия им. Фрунзе	Ген. нко	0748	24.7.42
Служил в качестве	курс Академии им. Фрунзе	Ген. нко	02545	24.10.42
Зам. нач. курса по 4-му	Академия им. Фрунзе	Академия	505	1.8.43
В районной	Фронт 3 Белорусск. фронта	Ген. нко	01730	25.5.44
Зам. командира полка	309 свод. полк, 70 свод. бригады, 3 уф. арт.	33 арт.	0318	21.8.44
Командир полка	309 свод. полк, 70 свод. бригады, 3 уф. арт.	70 свод.	0222	18.11.44
На учениях по боевой	Эвако-соединение 2628	70 свод.	220	25.11.44
Зам. командира полка	Дальневосточный фронт, 43 армия	Ген. 43 арм.	15345	17.1.45
В резерве армии, состава	43 армии	Дальневосточный фронт		8.6.45
Командир полка	395 свод. полк, 263 свод. бригады, 43 арт.	43 арт.	0210	28.6.45
Райвоенкомат	Менделеевский районский военкомат, Запорожский фронт	Маво 28 свод.	01887 0453	3.8.46 30.9.46
Военный комиссар	Начальник 7 отдела СК Таво Полковник а.с. <u>Милушкин</u> Херсонский обл. военкомат	Вм. елср.	04004	6.10.51
Военный комиссар	Крымского обк.	Мосскр.	01164	5.3.51
В районном военкомате	ком. войсками Одесского			
Великого Округа		Ген. СВ	0418	4.3.61
Приказом	№ 0781 от 21.5.1961			
Зам. по	59 пункту Б с правом посещения во время			
формы				
На учет в	Симферопольский обл. военкомат			
	06.61. - Симферопольский обл. военкомат			

Несколько слов скажу о немецких танках. Здесь немцы их бросали против нас часто и помногу, лишь бы удержаться или задержать наше наступление. Самым ходовым немецким танком была машина с длинноствольной 75-мм пушкой. Но она имела массу изъянов, что помогало нам поджигать ее пулями противотанковых ружей, а дивизионные пушки легко пробивали ее броню даже не ближе, чем за километр.

Наша тридцатьчетверка имела очень большое превосходство над ней. Как обычно, когда наши Т-34 и «КВ» выходили навстречу немецким танкам, они не ввязывались в бой, а уходили назад. Так было довольно часто.

Помнится, в 1943 году появился очень грозный танк «тигр». Это была больше чем шестиметровая машина с 110 мм брони, с 88-мм пушкой. Но наши танки Т-34 брали и «тигр». Немцы придумали новый «королевский тигр». Он был длиннее — 7 метров, весил почти под 70 тонн. И эту машину наши танкисты расстреливали с бортов. Неповоротливый танк не был страшен и бойцам, а это было очень важно. Вот «пантера» — средний танк, был страшнее.

Он был немного легче «тигра», маневреннее, но и он пробивался нашей артиллерией. Знали его уязвимые места и наши бойцы.

Немцы бросали против нас танки, но бойцы их не боялись, мы их жгли и шли дальше. Марши и бои, бои и марши нас измучили. Лицо горело огнем, в глазах резало, аппетита никакого, ноги распухли. Я хотел уже идти в медсанбат, но из полка мне сообщили, что командир полка заболел и отправлен на лечение. В полк прибыл новый командир полка майор Докукин. Подполковник В.В. Шавелев когда-то был ранен в руку. Рана зажила, но рука все время его тревожила, сохла. Врачи медсанбата отправили его в глубокий тыл.

6.

С прибытием к нам нового командира полк приостановил свое наступление.

На картах мы, офицеры, находили образовавшийся в линии фронта как бы перешеек у Балтийского моря. Это у мало-мальски грамотного военного вызвало мысль о неизбежности скорейшего расчленения фронта, в данном случае прибалтийской группировки противника в этом, так сказать, узком месте выходом наших войск к морю. Немцы, конечно, тоже видели это узкое место в своей обороне и старались не допустить прорыва русских. Пленные говорили, что их командование с этой целью создавало не только здесь, но и по всей Прибалтике оборонительные полосы с очень большим числом траншей, противотанковых и противопехотных препятствий. Под ударом была и Восточная Пруссия.

Немцы стягивали и в Прибалтику, и в Восточную Пруссию много танков, артиллерии, самоходных орудий и пополняли личный состав своих дивизий. Прибывали даже новые пехотные и танковые дивизии. Обо всем этом мы знали из показаний пленных, и однажды мне об этом рассказал после проверки нашей обороны инженер дивизии майор Загоруйченко. Не успели мы с ним все переговорить, как приходит мой замполит и рассказывает важную новость. В нашей дивизии есть второй Герой Советского Союза. Первым Героем Советского Союза у нас стал снайпер из 252 с.п. старшина Илья Григорьев. Вторым стал Бажанов Алексей Васильевич. Ему 27 лет. Он из Ярославской области. Работал в колхозе. С 1941 года на фронте. Командир орудия. В ночь на 28 июня 1944 года он при отражении очередной контратаки танков в Шкловском районе

Могилевской области с гранатами в руках бросился под фашистский танк, сам погиб, но подорвал его.

Моспан пошел к бойцам рассказать важную новость, а Загоруйченко спросил меня:

— Как, капитан, чувствуешь себя? Восемь суток боев без отдыха — это еще не все. Бои здесь будут очень тяжелые.

— Да нет, все это не вызывает страха. К нему уже привыкли. Был бы небольшой отдых. Здесь, в Литве, нужна большая осторожность.

— Прибалтика имеет очень важное стратегическое значение для Гитлера. Она служит ему и базой снабжения армии, и прикрытием Пруссии с северо-востока, — продолжал инженер, — да и связь с Финляндией и Швецией он поддерживает через Прибалтику. Я слышал в корпусе от офицеров: чтобы удержать в своих руках Прибалтику, немцы сосредоточили здесь до семисот тысяч человек в пятидесяти шести дивизиях. Наше командование остановилось для того, чтобы серьезно подготовиться к новым боям.

Да, прав был инженер. Немцы дрались в Прибалтике с очень большим ожесточением. Заметно, здесь они стали больше применять разрывных пуль. Они наносят необычные раны, причиняют тяжелые увечья.

7.

Идем по литовской земле. Лесных массивов нет, а какие-то круглые маленькие рощи, между которыми пашня. Частые хутора — непривычная для нас мелкокрестьянская частная собственность. Это тот самый гнилой корень, который вытаскивается трудно из души крестьянина.

Батальон устал. Сделали привал. Подошли с замполитом Иваном Васильевичем Моспаном к добротному дому у самой дороги. У забора — литовец, на ломаном русском языке пригласил в дом. Зашли. Огляделись и сели на стулья у стола. Вышла литовка, очевидно, жена и что-то спросила у мужа. Тот ответил согласием, и она подала на стол большой горшок молока и белую булку хлеба. Мы согласились закусить, сняли головные уборы. Вдруг ни с того ни с сего литовка по-русски спросила:

— Будут ли у нас создаваться колхозы?

Я, правда, растерялся, а Моспан быстро сориентировался и сказал:

— У вас колхозов не будет.

— Почему? — спросила женщина.

— Живете вы хуторами, а колхозу нужно, чтобы жили все вместе, большой деревней.

Женщина заулыбалась и принесла сало, яйца, мед.

Моспан продолжал выдвигать одну причину за другой, что в Литве колхозы создавать трудно. Когда стали уходить, замполит подытожил:

— О колхозах не беспокойтесь. Это единственный и правильный путь, как выбиться из нужды крестьянской. Создавать колхозы или не создавать, будете решать сами.

Литовка покачала головой и ушла в горницу. Литовец провожать нас не вышел.

Чуть прошли, и разведка доложила, что впереди опять опорный пункт. Батальон занял боевой порядок.

8.

Новый день начинался в приподнятом настроении. Готовилось большое наступление. Даже взошедшее солнце помогало нам: оно светило ярко и ослепляло глаза врагу.

Где-то далеко послышался гул. Повернувшись, я в лучах солнца увидел эскадрилью самолетов, и тотчас ударила наша дальнобойная артиллерия. Появился второй эшелон бомбардировщиков, а с ним ударили «катюши» и «РС». Это был массированный бомбово-артиллерийский удар.

Насколько охватывал глаз и в высоту, и в ширину стояла черно-серая туча дыма и пыли. Вдруг у одного из отбомбившихся самолетов оторвалось правое крыло. Он накренился, стал падать, а выше его засветилась белая точка. Парашютиста тянуло на территорию врага. Тревожно стало на душе за судьбу летчика. Наш, советский, хотя лично и незнакомый мне, еще чуть-чуть — и ушел бы он из ада огня, еще малость — и не достал бы его самолет тот фашистский снаряд.

Батальон выбил противника, пошел дальше. Перебегаю вброд ручей и, поднявшись в горку по заросшей тропинке, слева увидел могильный холм и березовый крест с немецкой каской — давнишняя могила. Не впервые видел могилы немецких солдат, подошел ближе. Время было, и я рассмотрел чужой для меня знак памяти погибшего, обнаружил, что он сделан из двух кривых сучьев и связан обрывком колючей проволоки. Торопились увековечить память погибшего, но заменить памятником так и не заменили. Смотрю, свежая землянка. Заглянул в нее, но спертый запах недавно кучно живших здесь немцев выгнал меня.

На пути давно разгромленная деревня. Поразило меня огромное пожарище. Следы давнего разбоя заросли зеленой травой. Валяется растянутая кольцами спираль Бруно, разбросаны гильзы, котелки, банки. Этот натюрморт гадил всю эту местность. Идем дальше. Возвышается прекрасный холм. На его вершине несколько деревьев. Красивая местность.

Выхожу с передовым отрядом на дорогу. Что это? Полотно дороги в трупах женщин и детей. Какой ужас! Есть ли предел жестокости, через который уже нельзя переступить? Должен быть. Там уже за ним жестокость становится зверством. Гитлер поощрял ее, когда говорил: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки». Это программа, по утверждению Сталина, людей, потерявших человеческий облик и павших до уровня диких зверей.

Только поэтому мы тогда говорили — «звериный облик фашизма».

На дороге было не менее тысячи человек, зверски убитых с близкого расстояния.

Преследуя противника, мы вошли в небольшой лесок. Неожиданно обнаружили границу СССР с Восточной Пруссией. Сохранился столб — пограничный знак. Подошли ближе и стали рассматривать то место, которое называется границей. Стояли целыми указатели границы на немецком и русском языках: «На Мемель», «На Кенигсберг». Оказывается, это была Мемельская область,

не вошедшая в Советский Союз в 1940 году. Вот она, та земля, откуда повадись вторгаться к нам. С Пруссии начали войну в 1914 году, с Пруссии хотели идти и взять Петроград в 1918 году, с Пруссии началось вторжение и в 1941 году. Сама земля и местность была такой же, как и у нас в России, и не вызывала в моей душе неприязни, а вот люди, принадлежащие к немецкой нации, которые нарушили ее, не давали моим мыслям покоя. Ясно, что Гитлер обманул целую нацию. Почему ему удалось это? Почему народ послушался какого-то Адольфа Гитлера-Шикльгрубера и его шайки? Теперь и немцам понятно, что война ими проиграна, но они все же продолжают стрелять, да еще как!

Странно, взятые в плен мычат «Гитлер капут», а еще не взятые орут «Хайль Гитлер!».

Для решения всех этих вопросов наша дивизия с боем вступила на территорию врага, но фашисты не сложили оружия, а бросились в контратаку. Мы выстояли, сбили их и пошли дальше. Впереди река, я достал карту и узнал, что зовут ее Миния. На указателях немецкие надписи. На одном из них прочитал «Мемель — 17 км». Так я стал участником взятия Балтийского побережья Мемельской области Восточной Пруссии. Было это 9 октября 1944 года.

Больше трех дней были бои, и мы не продвинулись ни на один метр вперед. Пришел командир полка. «Вот и живем здесь, товарищ майор», — сказал я. Потом как-то показалось чудно: на войне живем... Докукин ушел, и я размечтался. Знаю, что правильный путь выбрал в жизни, правда, некоторые мои сверстники командуют полками, но я не завидую им. Не так уж плохи мои дела. И вот сейчас, придя из рот, я думаю: «Жизнь моя интересна постоянными докладами о новых фактах из жизни бойцов, сержантов и офицеров моего батальона.

Где-то есть какие-то отступления от норм поведения, случаются нарушения дисциплины, кто-то что-то не сделал, реже «ЧП», постоянно чего-то недостает — все это называется бытом, жизнью, и не так уж кажущейся простой, а в самом деле сложной, и всегда, о чем бы я ни думал, в конце раздумья приходит другая мысль, и начинаю думать о давным-давно прошедшем времени, пролетевшей юности, осенней любви, когда однажды я зашел в амбулаторию нашей местной сельской фельдшерицы, где она жила, а там в маленькой комнатке оказалась какая-то девушка. Она играла на гитаре. Музыка очаровала меня. С тех пор она стоит у меня в глазах, а музыка слышна в ушах, и называется она вальсом «Неаполитанские ночи». Девушка через два дня уехала домой, а вот память о ней осталась во мне на целые семь лет».

9.

Как-то командование сжалилось и вывело нас на кратковременный отдых. И вот я попал на концерт, устроенный прославившимися самодеятельными дивизионными артистами.

Все они, участники концерта, были бойцами, разведчиками, минометчиками. После боя их собрал заведующий дивизионным клубом Варновицкий и репетировал будущую программу.

Пришли мы в большой длинный сарай, в конце которого была сделана настоящая сцена, а по всему помещению — из досок сидения для зрителей. И сразу повеяло деревенским колхозным клубом. И вот объявляют, что перед концертом с короткой своей программой выступят разведчики 252 с.п. Раздались

аплодисменты, и на сцену вышли с автоматами бойцы. Они пели, плясали, декламировали, и их выступление ничем не отличалось от выступления артистов-профессионалов. Помнится одна песня о солдатском котелке. В тексте этой мудрой песни неизвестного автора оптимизм и призыв к солдатской смекалке. Многие записали ее содержание, переписали ее и в мой блокнот. Вот ее содержание:

Много есть интересных находок
 На любой из военных дорог.
 Так однажды во время похода
 Мы солдатский нашли котелок.
 Он лежал на краю деревушки,
 Исковерканный весь до того,
 Что колеса какой-нибудь пушки
 Переехали, видно, его.
 Котелок никуда не годится,
 Но его я исправил, как мог.
 И задумали мы убедиться,
 Как же будет варить котелок?
 Первым делом картошку сварили:
 В котелке разварилась она.
 После этого чай смастерили,
 Котелок осушили до дна.
 И в наплыве табачного дыма
 Сделал вывод бывалый стрелок,
 Что для войны все достижимо,
 Лишь бы только варил котелок.

Прошли дни нашего отдыха и подготовки к новым боям, наш полк занялся своим делом — наступлением на противника.

Немцы и здесь очень сопротивлялись, предпринимали контратаки, они, кажется, и не думали отступать. Первые пленные показали, что их офицеры догадываются, что наш Баграмян что-то затевает серьезное.

Было очень дождливо. Грязь и сырость очень мешали нам. Дошли слухи, а потом уже и официальное сообщение, что на правом фланге нашего фронта была разгромлена немецкая группировка и освобождено много населенных пунктов. Это придало больше силы и уверенности в победе.

10.

Как незаметно в боях бежит время! Дожди сменились снегом и небольшим морозцем. Потом все растаяло, стало тепло и сухо.

У литовской деревни с забытым немецким названием враг стянул до батальона пехоты, до дивизиона артиллерии, много минометов, крупнокалиберные пулеметы и до десятка танков. Методично ухали орудия и надрывно стонали по зарослям «скрипуны» — тяжелые шестиствольные минометы, нарушая покой прятавшейся в литовских рощах глубокой осени.

Немцы несколько раз переходили в контратаку, а наш батальон с трудом сдерживал их натиск. Нам нужно было отвоевать и этот кусочек родной земли. Выбить немцев было трудно. Мы думали над тем, как все же создать у

противника ложное представление о нашей силе, как добиться, чтобы противник выявил свои огневые средства и нам не причинил бы вреда?

Вызвал к себе лейтенанта-артиллериста Голубева и лейтенанта-минометчика Павлова из приданных нашему батальону средств.

— Поработать надо, ребята, — сказал им и объяснил свой замысел.

Весь вечер три орудия и два миномета переезжали с одного места на другое. Сделают два-три выстрела и меняют огневую позицию. Немцы думали, что идет пристрелка, и выбросили немало снарядов и мин по «огневым точкам», выявив свои огневые средства. А в полночь две стрелковые роты нашего батальона подползли к немецким траншеям и под прикрытием дивизиона 227 а.п. пошли в атаку. Немцы, как обычно, ночью в бой не вступали, а уходили на подготовленный оборонительный рубеж. Так получилось и на этот раз. Мы подошли к небольшой заросшей речушке, переправились на противоположный берег, заняли оборону, и выбить нас немцам с этого места было не под силу. Но нам нужно было отвоевать и высоту, за которой на небольшом расстоянии был населенный пункт. Холмы, одиночные деревья и кусты мешали немцам видеть нас. Но они мешали и нам. Артиллерийский огонь мог бить по своим. Надо было не останавливаться, а продолжать наступление, но командир полка думал по-другому. Что думал командир дивизии, не знаю. Я доложил командиру полка обстановку и попросил разрешения начать бой. Было слышно в телефонной трубке, как он вздохнул, а потом сказал: «Рискуешь, комбат. Надо много огня, а у меня его пока нет. Не надо торопиться». — «Огнем их не возьмем», — пытался я убедить своего командира. Докукин согласился, сказал, что сам придет, но начинать можно и без него.

Поставил задачу командирам рот, обеспечил их поддержкой, сам с комсоргом пошел в одну, замполит с парторгом в другую роты и дал сигнал. На счастье, бой был короткий. Немцы ушли с высоты. Но это не высота, высота настоящая-то за ней.

Майор Докукин С.Ф.

Туманная дымка развесилась над таинственной высотой. Несколько домиков с серо-зеленым угрюмым лесом на северной стороне достались нам. Пахнет осенью. Все вокруг не шелохнется. Я смотрю на высоту, таинственную и загадочную, на лес, на черные пятна на желто-зеленом поле-скате высоты, замечаю зигзаги траншей и амбразуры дзотов. Осторожно дышит осенний день в ожидании очередной бури на эту высоту. Взять и эту высоту нужно, а там за ней уже ровное место и в пяти километрах город Мемель, литовская Клайпеда.

Пришел Докукин. Посмотрели, подумали и решили: батальон вышел вперед. Открытые фланги создают угрозу. Надо в одну ночь создать такую оборону, чтобы можно было отразить любую контратаку противника. Этим батальон и занялся.

5428

1. Фамилия, имя, отчество Докукин Сергей Федотович

3. Национальность русский 8. Знание языков _____

2. Родился _____ 19 07 г.

5. Какой местности уроженец Курская обл. Сергиевский р-н. д. Коселурн.

13. Присвоенное воен. звание Майор Подполковник

Выслуга	Год	Пр. НКО
<u>03-5-45</u>	<u>22</u>	<u>01/01</u>

Член ВКП(б) с 1932 г., п. б. № _____ Канд. ВКП(б) с _____ г.

Член, канд. ВЛКСМ с _____ г. Беспартийный _____

6. Партийность

Пребывание в других партиях (каких, когда, с какого времени) _____

Состоял ли в троцкистской, правой оппозициях и др. антипартийных группировках, контрреволюционных организациях (какой, когда, где, с к. времени) _____

Партазыскания (какие, кем наложено, когда, за что) _____

14. Гражданское образование (наименов. учебн. заведения)

а) Общее 5 кл.

б) Специальное _____

15. Военное образование в РККА (наимен. учебн. заведения и с какой оценкой окончил)

ВВФРА - 41

7. Социальное и происхождение Кр-н из _____

10. Выступил в походах Войска арм. 11. Дата 1940.

8. Семейное положение _____

11. Ранения или контузии _____

9. Профессия (специальность) _____

16. Партийное образование _____

17. Военное образование в старой армии _____

12. Награды (ордена, медали) Кр. Знамя "За отвагу"
Умер в 1964

18. Ученое звание _____

19. Ученая степень _____

№ 181.69 - ВК штаб АССР.

ВСТУПИЛ НА СЛУЖБУ В РККА „____“ 19 29 г.

Место фотонарточки	Наименование части	Наименование должности	Год	Месяц и число	Чей приказ	№ приказа
	<u>3-й стрелковый полк</u>	<u>к-т. Командир полка</u>	<u>40</u>	<u>10.12</u>	<u>43Арм.</u>	<u>0452</u>
	<u>3-й стрелковый полк</u>	<u>к-т. Командир полка</u>	<u>45</u>	<u>17.3</u>	<u>32-й стрелковый полк</u>	<u>0237</u>
	<u>3-й стрелковый полк</u>	<u>к-т. Командир полка</u>	<u>45</u>	<u>17.5</u>	<u>43Арм.</u>	<u>0167</u>
	<u>В распоряжении упр. кадров суворовской войс. в.е.</u>		<u>46</u>	<u>20.8</u>	<u>УК СВ</u>	<u>036</u>
	<u>Уволен в отставку по ст. 43 (по болезни)</u>		<u>46</u>	<u>30.8</u>	<u>УК СВ</u>	<u>0306</u>

в Красной Армии

Учетная карточка Докукина С.Ф.

Вскоре нам стало известно, что Мемель обороняли лучшие кадровые фашистские полки и несколько отдельных батальонов. Это была большая сила. Пленные говорили, что генералы не хотят потерять город Мемель.

11.

День подходил к концу. Бойцы приспособливали к обороне немецкие траншеи. Моспан торопил командира хоззвода с ужином, Бровко налаживал связь с приданными и поддерживающими средствами, и вот в этой спешке входят две девушки-снайперы и просят остаться здесь, на КП батальона, на ночь, а утром они уйдут на охоту. Я разрешил.

Снайперы были совсем юными и с косами, что редко было у фронтовых девчат. Они прошли в угол подвала, положили свои вещевые мешки, поставили винтовки и сели рядом. Одна подняла колени, опустила на них голову, закрыв лицо руками, сразу уснула. Другая, прислонившись к ней, чуть вытянула ноги и, как видно, не хотела спать. У первой были такие нежные руки, что просто не верилось, как она может держать ими оружие и стрелять. У второй заметил — какое-то особенное лицо. Оно выражало доброту и заботу. Бывают же такие лица. Мне стало как-то по-особому жаль девушек, разделявших с нами всю тяжесть войны. «Сидят они в подвале чужого дома, чужой стороны, и все здесь при них. Весь их дом, все имущество, все богатство, все, все, все в этом мешке. О чем они мечтают?» — думал я, кляня бесноватого ефрейтора за опаленную войной нашу юность.

Покой штаба был нарушен вошедшими танкистами. С ними бледнолицая девушка с легким румянцем на щеках. «И эта еще разведчица! — подумал я, — ну снайпера — это нужное дело, но кто эту девчонку посылает в тыл?» Я разрешил разведчикам пройти через нашу оборону. Они ушли, а я подумал: «Надо же случиться! Там под деревней Бураки, в Белоруссии, против нас стояла 95 пехотная дивизия. И вот на тебе! — и здесь опять эти фашистские бандиты».

Всю ночь шумела листвою роща, располагая к думам о судьбах людей, с кем встречался сегодня.

Под утро девушки-снайперы ушли на охоту, офицеры приданных и поддерживающих средств со своими связными разошлись по делам, и командный пункт опустел. Неожиданно возвратилась группа разведчиков.

Первой в подвал вошла та девушка с румянцем на щеках, для шутки с ножом в зубах, а за ней с пленным фрицем ввалились остальные.

Пока они приводили себя в порядок, к нам заглянул новый день, а с ним ворвался надрывный плач и стон девушки-снайпера с нежными руками. Два бойца внесли в подвал ее подругу, у которой я вчера заметил доброе, заботливое лицо. Они положили ее на пол у прохода. Рядом поставили винтовку и вещевого мешок. Из полураскрытого ее рта стекала по бледным губам и тут же застывала алая кровь.

Девушка поддерживала отход дивизионных разведчиков. Немцы открыли огонь. Снаряд разорвался возле и градом осколков осыпал девушку.

Мы не раз встречались со смертью, но эта смерть всех нас потрясла. Сразу представилось все: и родители ее, и неосуществимая девичья мечта, и вера, и надежда, и любовь. Все оборвалось. Подруга стояла на коленях перед трупом, опустив голову. Девушка-танкистка вытирала глаза платком. Ком стоял у горла, и я не мог произнести слово.

Снайпер Лаврентьева Ю.Г.

Выплакав все, девушка встала, посто-
яла, посмотрела на подругу, приподняла тело
и тихо вынесла из подвала. Шапка упала с
ее головы, толстая коса повисла до пояса.
Она тихо шла к дороге на деревню Давилен
с подругой на руках, не обращая внимания
ни на мою просьбу подождать, пока мы до-
ставим тело в штаб полка, ни на возможную
стрельбу немцев с высоты. Пришлось при-
казать двум бойцам сейчас же помочь от-
нести погибшую на плащ-палатке до штаба
полка. Бойцы поравнялись с ней, но она все
несла, пока я мог ее видеть.

К вечеру меня и замполита вызвали на
похороны девушки.

Ее похоронили торжественно, дев-
чата-снайпера убрали ее в белое платье и на-
дели фату. И в гробу она была прекрасна.

Шел с похорон и думал: «Если есть
предел человеческой жестокости, то предела людской доброты не должно быть.
Чем тогда объяснить, что народ отдавал для победы все последнее, присылал на
фронт посылки, отрывая от голодных детишек, делясь с незнакомым человеком
последним куском хлеба? И эта вот девушка много раз отдавала свою кровь для
восстановления здоровья незнакомо-го солдата, не беря взамен ничего. Чем это
объяснить? Доброта не приходит сама по себе. За годы советской власти была
выкована совершенно новая человеческая доброта. Каждый гражданин нашего

Лаврентьева Ю.Г. (вторая слева)

*Лаврентьева Ю.Г. (справа)
30 июля 1941 г.*

Союза в пору испытаний своей Родины мог быть не на бумаге, не на словах, а на самом деле товарищем и другом, братом и сестрой, отцом и матерью незнакомому человеку».

Прошли годы. Я один раз слышал фамилию погибшей девушки. Будучи в городе Клайпеда через 32 года, я попытался в Давилае /б. Давилен/ на военном кладбище прочесть все мемориальные доски и узнать фамилию павшей. Женской фамилии не оказалось. Я долго стоял и думал. И вот через столько лет до моего слуха донеслось причитание девушки-снайпера, плач подруги и названное имя «Юля». Да, Юлей ее звали. В надгробных плитах были только инициалы. Я прочитал все мемориальные доски и нашел только одну фамилию с именем на букву «Ю», это был «Лаврентьев Ю». И тут я вспомнил, что при похоронах ее называли Юлей Лаврентьевой. К сожалению, в

карточке военкомата тоже числится «Ю. Лаврентьев».

Сколько еще путаницы в этом деле. В селе Горы Могилевской области на памятнике погибшим воинам высечена фамилия ныне живого Сергея Александровича Ускова. Исправить ошибку оказалось нелегко. В карточке, хранящейся в райвоенкомате, числится «С. Усков». Поди докажи, он или другой был в полку Усков. Так и Юлия Лаврентьева погибла, а числится мужчина.

12.

В ходе боя за высоту в батальон прибыл новый начальник штаба -старший лейтенант Хлестун. Бровка перевели с повышением в штаб полка. Проводил его с сожалением, как родного брата. Обменялись домашними адресами, и оба чуть не прослезились. Мы оба очень сдружились. Но мне так и не суждено было больше с ним встречаться, и я, к сожалению, ничего о нем так и не знаю.

Бой за высоту батальон вел дней пять-шесть и безрезультатно. Немцы отражали все наши атаки. Артподготовка продолжалась 15–20 минут, в сопровождении приданных и поддерживающих средств батальон шел в атаку и отходил назад на исходный рубеж. Мы с командиром полка продумали в себе вопросы и решили прекратить дальнейшее наступление на высоту. Нужно было придумать что-то другое и необычное.

Разведка установила, что на высоте вкопано не менее двенадцати танков. От основной обороны на высоте к населенному пункту Якай прорыты усы,

Лаврентьева Ю.Г. (справа) 27 февраля 1944 г.

по которым немцы во время нашей артподготовки уходят в тыл. Нам пришлось разработать другой вариант артподготовки, но и он в конечном итоге ничего не давал: днем мы занимали высоту, а вечером отходили.

Так продолжалось несколько дней. Тогда решили предпринять другой маневр, о чем и доложили командиру полка. Тот долго думал, а потом сказал: «Доложу командиру дивизии». Смотрю, ночью ко мне на КП в подвал под домом в Кишкенай, как с неба, вваливаются майор Докукин и сам полковник Красновский.

— Ну что, комбат, попробуем? — говорит комдив.

— Попробуем, товарищ полковник. Рассуждал я так: в прошлом нам удалось взять высоту, но мы не могли выкопать себе свои траншеи и находились в немецких. При наступлении немцев нам трудно было в них обороняться. На опыте старшего лейтенанта Старостенко из 85 с.п. решил повторить, что удалось тогда на реке Суходровка у деревни Бураки. Ворваться в траншею ночью, выкопать свои траншеи, заминировать свой передний край.

Саперы проделали роте проходы, прорезали в нескольких местах проволочное ограждение и сняли мины. Когда поступил сигнал, что все готово, рота лейтенанта Жальцанова, раздетая, с шинелями в руках, подползла к траншеям противника, бросила шинели на проволочное ограждение, где не было прохода, и внезапно атаковала его. Преследуя отходящего противника, рота заняла высоту, тут же выдвинула поротно на высоту весь батальон, перенеся и командный пункт. Командир дивизии похвалил и ушел с командиром полка. Под огнем противника, но за ночь мы сумели создать себе оборону. Наутро я посмотрел в стереотрубу и еще раз убедился, почему немцы обязательно будут пытаться сбить нас с высоты. С нее не только на восток, но и на запад очень хорошо все просматривалось.

Со второй половины дня после мощной артподготовки противник пошел в наступление. На нейтральной полосе нет свободного места от трупов, но немцы все лезут и лезут. Немецкое командование усиливает огневую мощь и бросает в атаку все большее количество солдат. Третий день непрерывных боев за высоту. Мгла окутывает небо и землю, черные облака низко висят над головами. С моря тянет свежий ветерок. Наступает ночь, а противник не прекращает своих атак. Ослепительно яркий свет. Ракеты, запущенные фашистами над высотой, висят на парашютах. Лавина гитлеровцев движется к открытым нами траншеям. Противник атакует нас крупными силами. Кажется, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Нам во что бы то ни стало надо сохранить людей и не отдать эту очень важную на подступах к Клайпеде высоту. Но как это сделать? КП полка не отвечает. Связи нет. «Что будет, то и будет», — думаю и вывожу роты с высоты на восточную сторону в лес. Приказал всем офицерам приданных средств, телефонистам и связным покинуть командный пункт. Остался с одним связным в полк и с другим — в минометную роту. Хотел послать за командиром минометной роты старшим лейтенантом Фирсовым, но он приходит сам и докладывает, что немцы уже заняли первую и вторую бывшие свои траншеи. КП батальона находился между ними. Подумал: «Неужели мы окружены? Нас пятеро. Три автомата и два пистолета. Обороняться трудно, а выходить из окружения сейчас невозможно».

— Что делать? — спросил Фирсов.

— Попробуй вызвать огонь «катюш» по бывшим немецким траншеям. Две красные и одна желтая ракеты два раза. Фирсов, не раздумывая, выходит из укрытия и дает сигнал командиру гвардейских минометов. Гаснут последние искорки сигнальных ракет. Зашли в КП и застыли в тревожном ожидании.

И тут мы только поняли, что вызвали огонь «на себя». Надежда была, что мы останемся в живых. КП не должен подвергнуться удару. Гвардейские минометы бьют очень метко. Удар будет точно по траншеям, а КП между ними.

Где-то на востоке огромный паровоз стал спускать пар и что-то заскрежетало. Так всегда кажется, когда выпускает снаряды «катюша». Земля вздрогнула, высота зашаталась, выросли яркие столбы огня, и снопы искр взметнулись в небо. Сильной волной, оказывается, раскатало и отбросило в сторону накат с нашего КП. И второй залп точно по траншее. Слышится шорох и возня отходящего противника. Посылаю связных за ротами. Бойцы пробегают заваленные трупами бывшие немецкие траншеи и занимают свои целехонькие.

Сию в раскрытом КП, а в памяти всплывают слова: «Риск должен быть обдуман». На всю жизнь запомнил своего первого командира лейтенанта Гагаева. Он был весь в ремнях, в островерхой буденовке, хмурый, но очень добрый человек. Мы, курсанты, завидовали ему и старались подражать. Только после войны я узнал, что моему командиру взвода лейтенанту Гагаеву Александру Дмитриевичу после двух лет нашей учебы у него было всего восемнадцать лет. И как это ему удалось в таком возрасте окончить Тамбовское Военно-пехотное училище, не знаю.

Вернемся под Мемель. Немцы не пытались отвоевывать у нас эту высоту у небольшого населенного пункта Кишкенай.

Постепенно выяснилось, что перед нами стояли 135 и 68 пехотные полки 58 пехотной дивизии.

В районе Мемеля было сосредоточено до батальона танков 5 танковой дивизии СС «Великая Германия».

Противник, имея задачу не допустить сдачи города и порта Мемель, создал плацдарм, прикрывающий ближние подступы к городу. Подготовив заранее в инженерном отношении сильный оборонительный рубеж Клаусмюллен — высота 36,8 — высота 37,3 — высоты западнее Буделькемена, противник активными контратаками живой силы, массированным заградительным огнем огневых средств и вводом в бой значительного количества танков и «СУ» под прикрытием с воздуха воспретил дальнейшее продвижение частей дивизии в направлении Мемеля и вынудил занять оборону на достигнутом рубеже.

Предпринятые нами неоднократные атаки сил пехоты при поддержке артиллерии и бронетанковых средств были безрезультатны. Противник упорно оборонял занимаемый рубеж, лишь на отдельных участках удалось нашим частям улучшить позиции за счет овладения некоторыми командными высотами и опорными пунктами.

Оборона противника, подготовленная заранее силами местного населения и частями Мемельского гарнизона, представляла из себя позиционную оборону, т.е. оборону, способную нанести поражение своему противнику и удерживать свой участок, с широко развитой системой траншей — две — три линии,

с узлами сопротивления, опорными пунктами, приспособленными к круговой обороне. Оборона противника была насыщена огневыми средствами до предела. Траншеи полного профиля включали в себя инженерные сооружения: ДОТы, ДЗОТы, блиндажи, открытые и закрытые пулеметные и противотанковые площадки. Перед первой линией траншей наведено проволочное заграждение и установлены минные поля.

Остановив дальнейшее продвижение наших частей, противник усиленными темпами приступил к инженерному усовершенствованию своего рубежа.

Для усиления обороны живой силой противник перебросил из Либавы две пехотные дивизии, занявшие оборону в два эшелона. Опорный пункт Мемель имел несколько фортов вокруг города, а перед городом — мощную оборону, состоящую из нескольких позиций: первая была от Кишкенай до Якай. Теперь она была частично взломана. В системе обороны первой позиции эта высота для немцев играла на подступах к городу важную роль. Она стала нашей. Немцы потеряли интерес к действию, чтобы ее отобрать.

13.

1945 год мы встречали как год изгнания немецко-фашистских захватчиков с территории нашей страны, освобождения европейских стран и разгрома Германии. Советские войска уже были в самой Германии. Во всем чувствовалась подготовка к завершению разгрома фашистских войск. Нашу дивизию передали в 4 Ударную армию генерала П.Ф. Малышева.

13 января началась Восточно-Прусская операция. Наши войска успешно наступали в Польше. 17 января была освобождена Варшава. Наши войска подошли к Кракову, а 19 января был взят город Лодзь. Успешно наступали все три Белорусских фронта. 20 января войска 43 Армии преодолели реку Неман и погнали немцев по побережью залива Куриш-Гаф к городу Гранц.

Каждый день радио и газеты приносили радостные вести. Всем было понятно, что сидеть в 5–7 километрах перед городом Мемель и чего-то ожидать дальше просто невозможно.

Везде идет успешное наступление, а мы почему-то сидим у моря и ждем погоды.

Вспоминается один случай. Мы хорошо узнали оборону противника. Но «язык» всегда нужен был. В разведку ходили полковые и дивизионные разведчики, но безрезультатно.

20 января возвратилась еще одна группа с таким. Майор Мешков провел их через оборону. На КП батальона состоялся такой разговор.

— Я вам не буду больше делать проходы. Не можете взять какого-то паршивого фрица! — отчитывал разведчиков инженер полка. Кто-то огрызнулся:

— Попробуйте возьмите сами. Тут майор Мешков вскочил со снарядного ящика и зашагал по КП.

— Ну и что? Возьму! Пойду и возьму! Офицера приведу! Подумаешь, разведчики! — он достал из планшета карту, разложил ее на столе и, ткнув пальцем, сказал: — Вот сюда пойду. Комбат Дементьев, дай мне двух солдат, только добровольцев, до утра еще успею.

Мешков передал мне свои документы и с двумя бойцами ушел.

Мы стояли в траншее и волновались за инженера Мешкова. Очень быстро наступало утро. Мешков не пришел. Я доложил Докукину. Вечером пришел командир полка и стали гадать, что случилось с майором и двумя бойцами. Решили: если не придет до полночи, провести разведку боем. Стоим в траншее и ждем, что пошлет нам первая половина ночи. Вдруг наблюдатель докладывает:

— Группа из пяти человек приближается к нашему переднему краю. Смотрим в темноту и ничего не видим. Прошли томительные минуты.

— Вижу, Мешков идет, — не удержался я. Немцы открыли огонь, но было поздно. Мы дали заградительный и обеспечили их возвращение. Через несколько минут Мешков доложил Докукину, что привел офицера штаба, и передал его сумку. Другой немец был снайпер, на которого они наткнулись, когда возвращались. Командир полка с инженером, захватив пленных, ушли, а мы с замполитом стали гадать, что будет за это инженеру полка майору Мешкову.

14.

Принесли почту, а мне письмо от Георгия Алексеевича Дубровского. Замполит переслал мне письмо от Лиды Кузнецовой и сообщал полковые вести. Лида писала уже с фронта. Девушка окончила курсы снайперов и была на правом фланге нашего в прошлом 3 Белорусского фронта. Среди прочих новостей было важное сообщение Дубровского: погибли Герои Советского Союза старший лейтенант Кислухин и младший сержант Чумаков. Кислухина похоронили в Блюквишкяе, а Чумакова в районе Саняйска. К письму приписка: «...сегодня, 13 января, мы похоронили в усадьбе третьего отдельного дома хутора Догудшен старшего сержанта радиста батареей 846 а.п.а Героя Советского Союза Анисимова...». О последнем я был наслышан, но лично его не знал, а Кислухина и Чумакова знал хорошо. Кислухин неоднократно нас поддерживал своей батареей, а Чумаков однажды был на моем фланге, и я видел его работу с противотанковым ружьем. Да, тяжелая утрата для 277 с.д.

Дубровскому и Лиде я написал длиннющие письма.

К телефону вызвал Докукин и спросил:

— Что нового у фрицев?

— Стреляют больше обычного.

— Что-то затеяли они. Не уходить ли надумали? — спросил командир полка.

— Товарищ майор, разрешите мне послать охотников на один блиндаж. Там вечером собираются офицеры, думается, какое-то у них общество.

— Какое там у них общество? — А потом спросил: Ну, а что предлагаешь?

— Пошлю, и возьмем «языка».

— Это с успехом могут сделать полковые разведчики, — ответил командир полка.

— Так они же собираются по средам, а сегодня среда, — пояснил я.

— Нельзя! — сказал майор и положил трубку.

Примерно через час пришел Мешков и сказал:

— Комбат Дементьев, командир полка разрешил тебе вылазку. Говори, где снять мины? Я сказал и вызвал командира роты старшего лейтенанта Ваганова. Мешков ушел за передний край, а мы стали готовить разведку. Задача была сложная: уничтожить гарнизон блиндажа, а одного офицера взять. Вылазка

была очень удачной. Пленный был обер-лейтенант инженерной службы. При допросе он недолго молчал и рассказал, что ему известно от прибывшего инженера дивизии, как несколько дней тому назад у Гитлера обсуждался вопрос об эвакуации города Мемель. Было принято решение население города вывезти на кораблях, а армию переправить через косу Курише-Нерунг для усиления Земланда и Кенигсберга.

Я спросил у немца: «Когда это будет?»

— Инженер прилетел сегодня, — ответил пленный, — сказал нам несколько часов тому назад, срок он не назвал, но фюрер торопит.

— Почему торопит? — переспросил обер-лейтенанта.

— Я не знаю, но, кажется, избавиться от ненужных потерь, которые все-таки будут, когда вы начнете наступление на наш город Мемель. Он сделал ударение на слове «наш».

Показания пленного офицера были очень ценны, и я поторопился отправить его к командиру полка. Помню, это было ночью с 24 на 25 января. Не прошло и десяти минут, как по дороге от Кишкенай в Давилай был сделан артолет и погибли мои два бойца и пленный немецкий офицер. Живым остался командир взвода Соколов Кузьма Капитонович. Пришлось мне Докукину, а потом Красновскому лично все объяснять подробно, о чем рассказывал пленный.

Командир дивизии полковник Красновский собрал совещание командиров частей, батальонов, начальников отделов и служб, на котором поставил задачу быть готовыми к наступлению на город Мемель. Комдив выделил в 329 Краснознаменном стрелковом полку наш батальон для разведки боем, усилив его средствами дивизии.

25 января немцы усилили на нас артиллерийскую и пулеметную стрельбу. Активность противника возросла в ночь и следующим днем 26 января. Пали Кретинга и Паланга. Мемель обрзан и с севера.

Мы каждый день слышали радостные вести. Нас радовали боевые действия соседней 43 Армии и взятие городов Тильзит, Инстербург и других. В ротах то и дело спрашивали: «Что мы сидим у Мемеля, когда наши идут вперед уже на Кенигсберг, а Мемель стал островом на Балтийском море».

И вот главное событие последних дней января месяца.

К исходу дня активность немцев стала слабеть. Мы верили пленному и считали, что противник начал свой отход. Докукин весь этот день был у меня.

Мне было приказано разведку боем начать в 23.00 одной ротой. Я выделил роту лейтенанта Александра Павловича Ваганова, но мы решили немного раньше занять немецкую траншею. Майор Мешков разминировал нам проходы в минных полях и прорезал в нескольких местах проволочное заграждение. Первой послал роту лейтенанта Жальцанова. Она имела в этом деле большой опыт. На левом фланге немцы от нашего переднего края были метрах в 20—30, а в одном месте траншея была засыпана, и по одну сторону располагались наши бойцы, а по другую — немцы. Мы решили захватить в первую очередь эту траншею. В остальном нейтральная полоса была маленькая. Договорились раздеться и бегом достичь проволочных заграждений и препятствий, с помощью шинелей и плащ-палаток преодолеть их и ворваться в траншею всем одновременно. Потом уже выдвинуть роту Ваганова для преследования. Бойцы оказались в

немецких траншеях очень быстро. Немцы отошли без боя. После короткого огневого налета через проделанные в проволочном заграждении проходы ворвалась в первую линию траншей противника рота старшего лейтенанта А.П. Ваганова. Немцы оказали сопротивление, но вынуждены были отойти. Приказал Ваганову преследовать противника, Жальцанову быть у него во 2-м эшелоне, а третьей роте старшего лейтенанта Демченко, стоявшей в тылу, немедленно выступить и занять наши траншеи на высоте 36,8, обеспечив охрану нашего тыла. О своих действиях сообщил правому и левому соседям. При мне командир полка майор Докукин доложил комдиву полковнику Красновскому, что батальон выступил в бой, и поторопился со своими связными с моего на свой КП.

Противник встретил нас сильным артогнем, не менее как из десяти батарей. Огонь велся из района Шмельца и юго-восточной окраины города Мемеля.

Для обеспечения наступления двух рот выдвигаю пулеметную роту и батальонную артиллерию. Уходим из зоны артогня противника вперед.

Батальон вышел из полосы боя на простор. Широкие ветры гуляли от Якая до Мемеля. Ночь была не светлой. Немцы опять открыли пулеметный огонь. Разорвалось несколько снарядов. Из глубины немецкого тыла стала бить дальнобойная артиллерия. Роты залегли. В дело вступают наши огневые средства. Вызывает Докукин к телефону и передает мне батарею 76-мм орудий, минометную батарею, объявляет, что меня поддерживает еще 3 а.д. 227 а.п. Поблагодарив за щедрость Сергея Федотовича, кладу трубку телефона, а тут уже стоят офицеры связи приданных и поддерживающих средств от комдива полковника Красновского.

Даем артиллерийский и минометный огонь, обеспечиваем огнем наступление двух рот и атакуем противника.

С утра 27 января и в течение всего дня батальон вел ожесточенный бой с противником, засевшим в укрытиях и за естественными препятствиями. Нам удалось нанести противнику значительные потери.

Фашисты бросают против нас крупные силы пехоты при поддержке семи танков, нескольких самоходных орудий и большого количества артиллерии. Мы отбили контратаки и продолжили наступать в направлении Нойхофа и отметки 19,4. Командир полка и командир дивизии прибавили мне еще средств для подавления огня и живой силы противника.

Батальон поддерживали два артдивизиона 227 а.п., артдивизион 376 гаубичного полка, дивизион «РС» и рота 1056 самоходного а.п.а. Радостно было всем, что у нас всего стало много. Нам легко удалось овладеть двумя позициями противника, и около 2-х часов 28 января рота старшего лейтенанта Ваганова ворвалась в крайние дома города. /Сегодня это улица Пяргалис и улочки левее/.

Взят пленный. При допросе немец сказал, что он из 209 пехотного полка. Его 58 пехотная дивизия уже ушла на косу. Они остались на один час для прикрытия отхода последнего подразделения. Приказываю пленного доставить в полк. Ваганов докладывает, что немцы оставили город, он вместе с Жальцановым преследует отходящего противника. Переносу свой командный пункт ближе к роте Ваганова. Только установили телефоны, как с правого фланга началась стрельба из нескольких крупнокалиберных пулеметов. Зовут к телефону заместитель по строевой части капитан Смирнов и докладывает, что немцы закрепились у

железной дороги, спрашивает, что ему предпринять. Смирнов вместо охраны нашего тыла охраняет фланг и зашел слишком вперед. Приказываю сохранить людей, не ввязываться в этот бой, а уклониться влево. Немцы сами уйдут. Не прошло и пяти минут, в 2.00 Ваганов докладывает, что немцы ушли за реку. Его разведка установила, что впереди никого нет. Спрашивает, что ему делать: входить дальше в город или тщательнее разведать большую территорию, прилегающую к реке. Оставляю за себя капитана Моспана, а сам с телефонистами и связными прибегаю в роту старшего лейтенанта Ваганова. Бойцы заняли оборону в крайних домах. Левее от роты Ваганова — рота Жальцанова.

Впереди кое-где взлетают ракеты, раздаются выстрелы только из немецкого оружия. На правой стороне, где должен быть с ротой капитан Смирнов, абсолютная тишина. Смотрю на узкую улицу, которая идет на запад в город. Левый крайний угловой дом в четыре этажа. От него влево лепятся друг к другу одноэтажные с очень высокими черепичными крышами домики. Другие две улочки, где занимает оборону рота Жальцанова, настолько узки, что по ним вряд ли пройдут наши сорокапятки.

Пока рассматривал улицы, установилась тишина во всем городе.

Принимаю решение входить в город по одной улице, на угловом доме которой прочитал на фарфоре название «Вильгельм Фридрихштрассе».

Вышли к реке. Рассредоточились. Посылаю разведку проверить, есть ли мосты и их состояние. Правее мост разрушен. Другим разведчикам даю задание установить, какая прочность льда и что за здание, во дворе которого мы находимся.

Разведка доложила, что на 400 метров вправо и влево мостов нет, лед тонкий, но преодолеть реку можно. Для «сорокапятки» нужно сделать настил из досок. Здание — это театр.

«Не тот ли это театр, — подумал я, — с балкона которого в 1939 году Гитлер заявил, что Клайпеда принадлежит «Великой Германии?»»

Батальон преодолел реку, прошли небольшой сквер и вышли на широкую, чистую улицу, дошли до площади и У-образного перекрестка. Было слышно дыхание Балтики. То, что в городе никого нет, было ясно, но что там за городом, у берега моря, было неизвестно.

Может быть, гадюка отползла в нору там, за морем, а может быть, она притаилась где-то здесь, в городе, чтобы смертельно потом ужалить. Фашисты очень коварны. От них можно все ожидать.

Разведка доложила, что противника нет и путь свободен. Да, змея вырвалась и уползла, оставив город мертвым. Странно: в квартирах мебель, вещи, даже идут часы. Иду в середине строя и думаю: «Вот она, Клайпеда — морские ворота Литвы. Старинный город литовцев. Он был построен еще в 13 веке. Литовцы отражали натиск норманских викингов, датчан, шведов и немцев. Более семисот лет здесь хозяйничали немцы, а потом шведы. Здесь встречался император России Александр I с прусским королем Фридрихом — Вильгельмом III. В 18 веке здесь были наши русские войска, а комендантом города был великий Суворов. Здесь побывал в сопровождении сорока кораблей и сам Гитлер».

На берег моря в район Мельнераген мы вошли в 2 часа 55 минут уже 28 января. /Архив М.О.СССР.ф.1204, опись 1, д.31.л.156/.

Светало. Слева от нас, за уходящим в море пирсом, взлетели в небо и погасли несколько зеленых ракет. Мы тоже дали серию зеленых ракет. Когда совсем рассвело, увидели на горизонте, там, где море сливается с небом, одиночно уплывающий корабль. Качаясь на волнах, он долго маячил на горизонте, пока батальон стоял в обороне на берегу моря.

Хлестун облюбовал небольшой деревянный домик под штаб. Саперы проверили, нет ли мин, и я расположился в одной из комнат со своим ординарцем Манисом.

Вызвал ротных для доклада о состоянии рот и получения от меня дальнейших распоряжений.

Ротные доложили, а старший лейтенант Ваганов спрашивает:

— Наши бойцы флаг установили на каком-то самом высоком здании. Может быть, к награде представить? Все-таки опасно было.

— А где установлен флаг? — спросил я Ваганова.

— Да это там, где река, — пояснил замполит Моспан. Оказалось, очень высокое здание. Выше этого дома в городе, кажется, нет. Как только рассветет, флаг увидят все.

— Кому смотреть-то? — спросил я, — В городе никого нет. Потом я подумал: «Люди старались установить флаг, а я вот так безразлично к этому делу отнесся». И попросил Ивана Васильевича довести начатое им дело до конца. Ротным отдал распоряжение и а рассредоточение батальона по побережью от дамбы вправо. Имеющимися зданиями не пользоваться, а вырыть землянки, постелить в них полы, забрать стены и потолки досками. Начальнику штаба старшему лейтенанту Хлестуну организовать наблюдение, связь с ротами, заместителю по строевой части создать оборону батальона.

Так закончился наш бой за город Мемель. 111 дней и ночей мы дрались за этот город и не могли его взять, и вот теперь он наш.

15.

Более трех десятков лет я мечтал побывать в бывшем Мемеле -литовской Клайпеде. И вот моя мечта сбылась.

28 января 1977 года исполнилось тридцать два года со дня освобождения Клайпеды. Меня и незнакомую мне женщину в день торжества представили председателю Совета ветеранов города полковнику Н.М. Губкину. Оркестр заиграл марш, и мы трое впереди колонны пошли возлагать венки к Вечному огню. Шел и думал о давно ушедшем времени. Вспомнился ночной бой. Вчера я побывал на том месте и через тридцать с лишним лет как будто услышал приглушенные временем выстрелы и ночное «ура» потрепанного в боях батальона. Стоял и смотрел на то место, где проходила оборона немцев, не переставая удивляться: как это нам удалось с тремя орудиями и двумя минометами небольшими силами выбить противника, обеспечить успех соседям и потерять при этом всего-навсего двух человек.

Память не сохранила многие фамилии наших убитых. Но я и сейчас помню отважных рядовых Лупкина, Петухова, Зиборова. Они первыми ворвались в траншею противника. «Дорогие лейтенанты Голубев и Павлов! Где вы сейчас? Это вы обеспечили тогда успех боя, — подумал я. — Где вы теперь, сибиряки-калачинцы?»

...Пока вспоминал, оркестр и колонна остановились у мемориала. На мраморной стене вырезаны имена. За ней на возвышении — зеленое поле, а на нем — опущенный вниз огромный меч. Это сделано для людей, чьи жизнь и смерть были высокими. Ведь их смерть — подвиг. В жизни можно все забыть. Но подвиг не забывается.

Колонна с оркестром направляется на площадь имени В.И. Ленина, где на высоком постаменте установлена воинами 32 с.д. в 1945 году знаменитая со-рокапятка. Здесь мы возложили венки.

С площади почти все ушли. Остались немногие. Со мной стояла бывшая летчица, капитан М.А. Кириллова. Мы с ней вместе возлагали цветы. К нам подошла женщина с бледным лицом и морщинками у глаз. Через плечо у нее была муаровая лента со многими орденами и медалями.

— Здравствуй, комбат! Признаешь? — спросила она меня.

— Нет, не узнаю.

— А помнишь, под Клайпедой, пришли разведчики-танкисты с «трофеем», когда у вас была убита девушка-снайпер? — напомнила.

— Разумеется.

— А ты, комбат, почти не изменился.

Она обняла меня, как обнимаются фронтовики. Я взгляделся в ее лицо и отчетливо вспомнил юную, бледнолицую, с легким румянцем на щеках разведчицу.

— Вы что, здесь живете? — спросил я.

— Да, здесь, в Клайпедо. А эта женщина — супруга ваша?

— Нет. Мы встретились только сегодня.

— Летчица я, Мария Андреевна Кириллова, из Гвардейского авиаполка имени Героя Советского Союза Расковой. А вы кто? — спросила она.

— Медсестра разведотдела танковой бригады Нина, — представилась она.

На второй день мы, т.е. летчица, бывшая медицинская сестра танковой разведки и другие присутствовавшие на празднике, посетили музей Аблинга. Перед входом в музей экскурсовод рассказал, что 22 июня 1941 года в деревне Аблинга была свадьба. Люди не знали, что уже началась война, и продолжали свадьбу. На второй день гости собрались на торжество раньше.

В 14 километрах была чужая страна — Пруссия. И вот 23 июня рано утром вторглись в деревню фашисты, уничтожили ее жителей и сожгли дома... На склоне красивого холма стоят странные скульптуры-столбы. Они все разной высоты на некотором расстоянии друг от друга. На первой скульптуре у входа в бывшую деревню Аблинга прочитал: «Красива была наша деревня Аблинга. Мирный и работающий жил в ней народ. Пахали землю, растили коней, пели песни, под окнами руту разводили. Утром 23 июня 1941 года, словно стая злых ястребов, напала на нашу деревню стая немецких фашистов и перебила наших мужчин и женщин, парней и девушек, малых деток да седых старцев, а дома наши крепкие в пепел обратила. Люди, будьте бдительны!»

В 1972 году был создан мемориальный комплекс. Каждому жителю села или целой семье созданы памятники-скульптуры из дубов высотой от 5 до 8 метров. В скульптурах погибшей Аблинги воплощен полный аккорд тех трагических переживаний, которые вытерпел народ этой деревни от непостижимого

никакими чувствами появления врагов в день всеобщего деревенского праздника — свадьбы, от ужаса смерти до бессмысленного сопротивления и ненависти, от глубокой непоправимой сердечной боли до негибимой веры, гневного осуждения внезапно вторгшихся палачей.

Ансамбль органически связан с прекрасной литовской природой: с курганом, деревьями на его вершине, с прекрасным видом на широкие поля, леса и луга.

Идем на вершину холма, поросшую квадратной рощей. Среди зелени — могилы жителей деревни. На каменной стене их имена, а в глубоких нишах горят день и ночь свечи и лампы.

И только тут в моем сознании всплыла картина разгромленной деревни у Жвагиняйского кургана, где остались следы огромного пожарища, разбросанные банки, гильзы, которые гадили прекрасное место. Да, это было то самое место, где была одинокая могила фашистского бандита под березовым крестом, связанным ржавой проволокой.

Всего этого теперь нет.

Дубовые скульптуры и захоронения на зеленом холме придают монументу не только равноценность в художественном отношении, но и восприимчивость к волнующим идеям войны и мира.

НА ЗЕМЛАНДСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ.

I.

Через несколько дней после взятия города Мемель мы переправились через пролив на косу Куриш-Нерунг и совершили марш к городу Гранц. Коса Неринга — прекрасный уголок природы. Идем, и море далеко отходит вправо, а залив влево, и вдруг вот оно, море, и рядом залив. Рукой подать. Совсем становится узким этот красивый полуостров. Своеобразна его природа: то густые хвойные леса, перемешанные с лиственными породами, то песок и море да небо над головой. На восточной стороне, ближе к заливу, несколько безлюдных рыбацких поселков. Почти сто километров прошагали мы по этому чудесному уголку природы.

Вот и Пруссия и ее первый город Гранц.

Неожиданно нас повернули влево, и опять марш на северо-восток. Батальон прибыл в немецкий населенный пункт Инзе на побережье залива Фриш-Гаф. Теперь это п. Причалы Прохладненского сельсовета Словского района.

Я никогда не бывал в подобных местах, и мне было очень интересно пометать наедине с природой. Потянуло в чащобу между заливом и поселком. Приятно шуршит листва, кое-где с ветки на ветку перелетают птички. Внезапно кто-то шарахнулся в сторону. С испуга я застыл на месте. Лось, выбежав на небольшую полянку и описав круг, скрылся в зарослях. Тихо бреду к заливу по неведомо кем сделанным тропинкам. Лось вбежал на косогор и пустился вовсю по льду залива. Я посмотрел на его голубую белизну и далеко-далеко заметил черную точку. «А что бы это такое? — подумал. — Что может быть среди льда черным?» За косой Фриш-Нерунг догорала вечерняя заря, а над прозрачным льдом залива стелились сумерки. Между ивовых кустов и рослого краснотала у заснувшего берега пряталась давно не хоженная, запорошенная листвой, такая

же, как в России, вилючая стежка. Ничто не нарушало мертвую тишину. На память пришли чьи-то стихи:

Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.
Были странны безмолвные встречи,
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.
Приближений, сближений, стораний —
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.
Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Все померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твоё золотое весло.

А замеченное на льду тревожило меня. Прекратив свои наслаждения природой, быстро по этой стежке возвратился в поселок. Черная точка стала пятном, а ночью часовые у берега задержали и привели ко мне мужчину. Неизвестный, довольно приятной наружности, представился местным жителем, литовцем по национальности, сбжавшим от угона немцами. Ему было лет 35—40. Поселился он, якобы, в своем доме. Наше наблюдение за ним ничего не дало. Неизвестный трудился то в своем дворе, то в доме.

Через несколько дней мы ушли из поселка, мужчина остался в ожидании возвращения жителей. Шли мы вдоль залива на юг, потом повернули на запад по той дороге, по которой шли из города Гранца. Спускаемся в низ глубокой балки. На правой стороне дороги отдыхает колонна мирных жителей. Два автоматчика сидят в сторонке, курят. Поравнявшись с ними, бойцы встают, а один докладывает: «Товарищ капитан, присталый у нас, и не знаем, откуда взялся, да и никто не говорит. У нас он оказался неспроста. Возьмите его да сдайте куда нужно». Мужчина стоял спиной ко мне в толпе женщин. Два бойца взяли его под стражу, а я угадал в нем нашего старого знакомого, оставшегося в поселке Инза. «Вот сволочь, а ведь выдавал себя за литовца», — подумал о нем.

Задержанного отправили к оперуполномоченному особого отдела. Позже я узнал, что это была больше чем интересная личность.

2.

К концу января 1945 года первый Прибалтийский фронт своим правым флангом /43 Армия/ вклинился в Земландский полуостров, преодолел оборонительный рубеж на западном берегу реки Дайме и овладел городом Либиау.

Стремительный натиск войск 43 Армии разрезал Земландскую группировку с севера на юг на части: западную /полуостров с Пиллау и Фишгаузенем/ и восточную /Кенигсберг/.

Создавшееся положение вынудило противника предпринять контрмеры. Группировка в районе Пиллау в спешном порядке была пополнена

рядом прибывших из Гамбурга и Штеттина частей. 19–20 февраля, сконцентрировав силы на узком участке, немцы нанесли контрудар по нашим войскам и вынудили их отойти от побережья залива Фриш-Гаф на 12–15 километров. Успеху способствовал удар немцев и из района Кенигсберга в западном направлении.

В результате этого маневра противнику ценой значительных потерь удалось соединить группу войск в районе Кенигсберга с войсками в районе Пиллау и тем самым снять блокаду с прусской столицы. Однако противник поставил дальнейшую задачу своим частям: продолжать наступление в направлении Гранц-Лабиау с целью очистить Земландский полуостров от наших войск и тем самым обезопасить Кенигсберг. Конечным рубежом наступательной операции был установлен рубеж по западному берегу реки Дайме, ранее подготовленный в инженерном отношении.

Взятые пленные так и говорили, что, удерживая занимаемый рубеж, они не надеются на успех операции союзников на западе и питают надежды на приостановление наступательных действий наших частей в районе западных городов Восточной Пруссии, Польши и Восточной Силезии.

Противник час за часом доусовершенствовал в инженерном отношении рубежи Кенигсбергского УР, сооружал многочисленные тыловые позиции, оснащая их огневыми средствами и техникой. Город был полностью забаррикадирован, отдельные кварталы переставали быть жилыми и превращались в мощные узлы сопротивления. Из отдельных районов Германии подвозились техника, вооружение и воинские части.

Но все же моральное состояние войск Кенигсбергской группировки было низким, так как ежедневно немецкие войска сдавали город за городом, и основная масса наших войск уже действовала вблизи столицы Германии — Берлина. Это усугубляло положение войск на Земланде.

Соотношение сил и средств на участках Кенигсбергского УР и Земландского полуострова было в нашу пользу. Это понимал противник. Поэтому он еще с большими усилиями стремился усиливать в инженерном отношении свою позиционную оборону.

Потерять Кенигсберг для немцев было равносильно тому, чтобы наполовину усугубить и без того тяжелое положение.

Занимая оборону, немцы имели задачей:

- отстоять столицу Восточной Пруссии — Кенигсберг,
- сковать на себя значительное количество наших войск,
- не дать возможности нашему Балтийскому флоту выйти на оперативный простор к наступающим войскам 1 и 2 Белорусских фронтов.

Эти основные задачи противник выполнял до своего окончательного разгрома.

Такова была обстановка на Земланде, когда на нашу долю выпала честь внести свою скромную лепту в разгром фашистских войск.

Страшная сказка суровых дней войны не закончилась для нас на заливе, а продолжилась здесь, на суровом, замурованном Земландском полуострове. Восточная Пруссия представлялась нам одной огромной деревней, в которой нет улиц, а дома называются не иначе, как господскими дворами или флигелями, и

стоят они не как у нас в России в ряд, а кто где построит, не на одном расстоянии друг от друга. Все они укреплены, да еще как!

Мы идем от одного господского двора к другому, от флигеля к флигелю. Фашисты защищают свой разбойничий край до последнего патрона и не думают отдавать ни метра земли. Бои трудные. Чуть прорвутся роты вперед и попадают под фланговый огонь. Противник бьет со всех сторон. Мне показалось, что Восточная Пруссия — это один дот.

Хорошо в бою мне помогал мой замполит капитан Моспан. Иван Васильевич был старше меня лет на десять, в бою три раза ранен и с гордостью носил орден Красного Знамени на красной прокладке, как в гражданскую войну, привинченный выше кармана гимнастерки. Партийную работу он знал хорошо, хотя не был кадровым офицером. Здесь, очевидно, сказались методика партийной и политической работы партии, проводимой в предвоенные годы с населением страны. Он ни от кого не получал писем и сам не писал.

Однажды в минуты небольшого затишья Иван Васильевич пожаловался мне, что никак не найдет свою семью: жену и двух детей — девочек.

«Если останешься живой, — сказал мне после некоторого раздумья, — найди семью своего замполита и скажи, чтобы они жили только на своей родине». Какую родину он имел в виду, я не спросил тогда у него.

Помню, на одном из партийных собраний командир взвода лейтенант выступал со странной речью. Он говорил примерно так: «С варварами надо обращаться по-варварски, мы пришли в Германию, чтобы отомстить, но мы почему-то не мстим». Моспан тогда сказал мне: «Моя беда, что такие речи». Он встал и спросил лейтенанта: «Где твоя семья?» Лейтенант, недоумевая, ответил: «Нет у меня семьи. Никого нет, товарищ капитан. Немцы всех перевешали: отца, мать, жену, а двухлетнего сынишку бросили в костер». Лейтенант заплакал, как плачут дети. В землянке наступила тишина. Первым заговорил Моспан: «Вот почему, товарищ лейтенант, наш способ ведения войны противоположный фашистской армии. По своей земле мы шли, освобождая Родину и народ от ига фашизма, по Восточной Пруссии идем с этой же целью. А в отношении мести, тут надо разобраться. Да, мы пришли в Германию. Зачем пришли? Отомстить? Отомстить! Как отомстить? Всех перевешать и побросать в костер? Нет! Наша цель — уничтожить на земле фашизм. Освободить от этой чумы людей! На обломках разбитого фашистского государства, товарищ лейтенант, нужно создать социалистическое государство. Мы это сделаем. Вот как я понимаю, что такое месть!» — «Наполеон назвал немцев подлой нацией, — бросил реплику лейтенант. — А немецкую армию — подлой армией». — «Ну, это же Наполеон сказал, а не Кутузов», — ответил замполит.

«Немцы веками привыкли к соблазнам — жить за счет другого, — не унижался лейтенант. — Надо уничтожить этот соблазн». — «Я с тобой согласен, лейтенант. Только перевоспитанием целой нации можно уничтожить этот соблазн, а не уничтожением ее, — сказал Моспан. — Если мы этого не сделаем, мы увеличим опасность новой войны».

После собрания Иван Васильевич сказал тогда мне: «Лейтенант может не только по-своему истолковать мщение, но и практически по-своему мстить. Надо присмотреть за ним».

А на второй день вот что произошло.

Спрятанные в зарослях березняка пушки открыли огонь. Артиллерийский офицер выкрикивал ориентиры, называя координаты, кричал: «Огонь! Огонь!». Батарея била по тылам противника. Фашисты били по нашим тылам и по нас, а Моспан сидел в дверях блиндажа вместе с лейтенантом и что-то говорил ему. Один снаряд противника разорвался у КП. И вдруг — убиты Моспан и офицер. Убиты осколком вражеского снаряда в голову. Мы достали из кармана капитана партбилет. Посмотрели и в правом кармане. Там была единственная фотокарточка женщины с двумя девочками на коленях. В кармане брюк был портмоне, среди облигаций и денег — фотокарточка какого-то майора-артиллериста. Обратная сторона и этой фотокарточки была чистой. Подумал: «Может быть, это фронтовой друг капитана, а может быть, его брат, кто знает?» Партбилет сдали в политотдел, а фотокарточки положили вместе в один карман гимнастерки. В кармане лейтенанта было в бархатной обложке поминание с записью погибшей семьи и партбилет. Их похоронили вместе в чистом поле, вдалеке от населенных пунктов и проезжих дорог на чужой земле. Позднее узнал, что прах Ивана Васильевича перенесен в местечко Брасникен.

Теперь там живут наши советские люди. В день праздников сельчане возлагают на могилу живые цветы. Где покоится прах лейтенанта, неизвестно. Разыскивая его могилу, установил, что Иван Васильевич похоронен вовсе не в Брасникене, а в чистом поле у дороги в пос. Откосово /б. Розингнатен/.

4.

Продвигались с боями уже далеко от Мемеля, а эхо боев на подступах к городу еще слышалось в ротах. На митинге, организованном в честь присвоения полку почетного наименования, выступил парторг роты сержант Н. Платонов.

— За город на взморье много крови пролито, — сказал он, — победа уже близка, а без потерь ее, наверное, и не достичь. Велики дела нашего полка. Теперь к слову «Краснознаменный» на знамени полка прибавилось почетное имя «Клайпедский». Так не уроним же чести нашего замечательного полка.

Выступил майор Докукин. Он сказал:

— Дорогие друзья! Вы приумножили славу 329 с.п. За мужество и отвагу всех воинов наш с вами полк стал «Клайпедским». А вот еще один штрих к его биографии. Свыше 1400 километров фронтовых дорог прошел он. За этот путь Родина благодарна прежде всего вам, бойцы «Краснознаменного, Клайпедского» с.п.. Боевое знамя на хранение передаю батальону капитана Дементьева. Платонову было поручено принять полковое знамя из рук командира полка.

Митинг закончен. На поляне расположилась группа бойцов. Яркое солнце пригрело людей. У всех настроение необычное. Пожилой боец взял в руку комок земли и смял его, потом рассыпал на ладони:

— Весна, пора сеять, — сказал он.

— У нас в Казахстане уже давно сев закончили, — продолжил его слова красноармеец Нурбаев. — А здесь вот надо еще Кенигсберг взять.

— Да, это сильная старинная крепость, — вмешался в разговор старший лейтенант Ваганов, — бои будут за каждый дом, этаж, комнату. Уличные бои в большом городе требуют умелого боя.

— Вот вы, товарищ старший лейтенант, и наш парторг Платонов можете многое нам рассказать, — сказал пожилой боец. — Мы слышали, вы еще со Сталинграда воюете. Завязалась беседа.

Стою и думаю о лучшей роте батальона, о ее командире старшем лейтенанте А.П. Ваганове из Первоуральска, о парторге роты рядовом Платонове — отважном сибиряке. Два коммуниста сделали роту образцовой. Вспомнил: «Шел бой под пригородом Риги. Платонов был контужен, но не ушел с поля боя. Самая низкая должность у него, а все его уважают и знают о нем в полку. Он не совершал героических дел. Коммунист Платонов первым шел в бой — только и всего», — так я писал в характеристике, представляя его к награде. И вот сейчас нашему батальону доверено полковое знамя, а батальон доверил свою честь сибирякам-омичам и коммунисту Платонову.

5.

Кенигсберг — столица Восточной Пруссии, первоклассный морской порт на Балтийском море. С начала 19 века немцы начали производить работы по укреплению этого стратегически важного порта как с моря, так и с суши. Город был обложен концентрически фортами, которые соединились между собой открытой канавой шириной 2–3 метра. Форты постоянно совершенствовались, их вооружение изменялось и дополнялось в связи с изменением техники. Постоянно производилось инженерное усиление и внутреннее оборудование.

Кенигсберг для немцев имел важнейшее значение. Отсюда издавна, как из звериного логова, делались набеги на Литву, Латвию и Польшу. Из Кенигсберга Германия наступала на Россию. В войне 1941–1945 годов прыжок на Советскую землю тоже готовился здесь, в Кенигсберге. Готовясь к войне с Советским Союзом, немцы в 1938 году приступили к модернизации крепости:

- постройке железобетонных дотов;
- установке на старых кирпичных фортах бронированных колпаков;
- установке новейшего вооружения.

Эти работы безостановочно производились на протяжении всей войны. В 1944 году на подступах к Кенигсбергу было создано глубокое предполье с сильной полевой обороной, превратившей крепость в мощный укрепленный район. Оборона самой крепости состояла из внешнего обвода протяжением в 50 километров с мощными фортами и разветвленной долговременной обороной между ними; внутреннего обвода, протяжением в 15 километров фортами и заблаговременно приспособленными каменными и железобетонными зданиями города.

Каждый форт представлял собой вытянутый по фронту пяти-шестиугольник, обнесенный земляным валом. Кроме фортов, в системе обороны имелись новейшие железобетонные бункеры и убежища. Артиллерийские позиции постоянных батарей имели казематные укрытия для орудий.

Готовясь к войне с Советским Союзом, немцы всеми мерами подготавливали на всякий случай свои оборонительные объекты в тылу, в частности, в районах Восточной Пруссии. Еще задолго до начала войны при постройке каменных строений учитывалась возможность в любой момент сделать из него очаг сопротивления, для чего окна были обращены в восточную сторону. Во всех надворных постройках на чердаках при кладке кирпичей оставлялись амбразуры.

Все это говорит о том, что в случае отражения действий противника каждый населенный пункт без особых подготовительных работ должен стать опорным пунктом, преграждающим путь на запад, к Кенигсбергу. Сам же город был в любую минуту подготовлен к обороне.

Кенигсберг — цитадель Прусского милитаризма. Здесь, в Восточной Пруссии, были расположены многочисленные имения знатных лиц высшего круга Германии, здесь воспитывались многие видные генералы Германского генерального штаба и частей армии. Здесь неустанно ковались офицерские кадры для предстоящих захватнических войн.

Поэтому Восточная Пруссия представляет для Германии одну из главнейших хозяйственных областей страны, и потеря ее означает для Германии последнюю ступень разгрома.

Благодаря этому немецкие войска с упорством и настойчивостью будут отстаивать рубеж за рубежом, и особенно столицу Восточной Пруссии — Кенигсберг. Об этом говорили нам не раз вышестоящие командиры и политработники. Все это очень нас удивляло.

6.

С жестокими и кровопролитными боями мы в составе 43 Армии взламывали созданные веками укрепления и к концу марта месяца все ближе и ближе подходили к городу Кенигсбергу. Меня все время поддерживают артиллеристы 1 а.д. 227 а.п. сибиряки-омичи старший лейтенант Кузнецов и лейтенант Мартышкин. Связисты Моргунов и Годло обеспечивают связью с полком и дивизией.

Докукин был чуть ли не всегда у меня, и мне было легче справляться со своими обязанностями. Мягкий, рассудительный, спокойный, простой, порой веселый, он остался в моей памяти как самый лучший человек, которых когда-либо встречал.

Пришел Сергей Федотович, а я к нему, как к отцу родному, с радостью, что приобрел еще один навык боя в населенном пункте. У него загорелись глаза, и он с любопытством спросил:

— Что за навык?

— Да знаете, товарищ майор, командиры рот говорят, да я и сам вижу, оправданным оказалось спаривание двух орудий и постановка их на прямую наводку. Одно открывает огонь, а второе выжидает и уничтожает, если появится новая цель. Два орудия роту лучше сопровождают: одно ведет огонь, а другое меняет позицию.

— Да, это ново. Молодцы. Посмотрим в бою, — сказал Докукин.

В Пруссии немцы не раз шли на нас в контратаку не только днем, но и ночью. Чаще всего они были пьяные. Были у нас случаи, что мы отходили, но ненамного. Хорошо нас выручали артиллеристы.

7.

Из 850 п., где я был раньше, мне продолжали писать и сообщать новости, но они уж очень много приносили мне горя. Таким письмам был не очень рад. И вот сегодня опять треугольный конверт. Командир санитарного взвода Волобуев писал, как чудом осталась в живых его командир санроты полка капитан Любовь Ивановна Лазаренко. Узнав, что в одном из помещений находится

санитарная рота, немцы поставили пушки на прямую наводку и расстреляли всех. Погибло много людей, в том числе все раненые. Погиб врач Лева Гармаш. Лазаренко сидела в одной воронке с ним, со старшиной Абрамкиным и санитаром Букатовым. Из этой воронки вышла одна Люба. Все остальные погибли. Трудно все это вспоминать. Не забывает меня и Дубровский, заместитель командира полка по политчасти. Печальное и его письмо: на литовской земле пали смертью храбрых ставший Героем Советского Союза капитан командир второго батальона И.П. Луев, отважный разведчик полка лейтенант Гинзбург. Читаю письмо и своим глазам не верю: как же это могло случиться? Убит капитан Саша Старостенко, мой друг и товарищ. Дубровский не мог не написать мне о большой утрате. Он хорошо знал, что все мы любили и ценили Старостенко. И мне он был дорог. Окруженный противником, батальон, командиром которого был Саша, храбро сражался.

В этом бою было уничтожено несколько сот фашистов и подбито семь танков. Слишком неравны были силы. В очередной раз поднимая бойцов в атаку, и погиб капитан Александр Старостенко.

В бою время, даже мгновение, порой приобретало страшное значение. С печалью почти каждый день мы провожали в последний путь своих боевых друзей и товарищей по оружию. Кончается война, и столько жертв. Перед глазами капитан Моспан в чистой, выцветшей гимнастерке с орденом Красного Знамени, лейтенант, командир взвода, потерявший в войну всю свою семью.

8.

Поступил приказ к 10.00 28 февраля 1945 года наступать в направлении господского двора Фридрихсвальде, далее Наутцау и выйти севернее Грюнхофа.

Здесь мы дня три вели бои, тесня противника строго на запад. Но случилась беда. 2 марта немецкое командование предприняло контрудар на участке между высотой 64,9 и господским двором Каршау. Немцы прорвали оборону 325 с.д., овладели Гросс-Лядкаймом, господским двором Каршау и подходили уже к Пертельтнику. До нас оставались какие-то два километра. Мы держали Войтнику. Наш левый сосед — 68 с.п. — был впереди нас, севернее леса Альк, и оказался на участке между наступающими частями. Ему грозило окружение. Мы получили приказ остановить противника и наступать в направлении Пертельтника с выходом на господский двор Каршау. Правее нас выступил 252 с.п. Создалась ситуация окружения немцев, наступающих на Пертельтнику. Нас хорошо поддерживали артиллеристы 227 а.п. Положение было восстановлено только к 6 марта.

Когда мы выполнили задачу, нас повернули на юг, в направлении господского двора Прилайкен. Ожесточенные бои развернулись за шоссе на дорогу со стороны Куменена на Квандиттен. Дорога имела большое значение. Потерять ее — это значит лишиться связи города Фишхаузена с городом Кенигсбергом. Немцы не собирались ее отдавать.

В конце марта полк вывели с переднего края во второй эшелон в район Эльхдорфа, Топлекена, Квандиттена, где начались занятия. Нам показали паутину, окутавшую город Кенигсберг и его пригород. Здесь мы услышали о присвоении Валентину Пилипасу и телефонистке 252 с.п. Татьяне Барамзиной званий Героев Советского Союза. Барамзину я немного знал, еще больше слышал о ее

героическом подвиге. Вступив в бой с фашистами, Барамзина, в прошлом снайпер, много уничтожила гитлеровцев. Отважная девушка, учительница из Удмуртии, отстреливалась до последнего патрона, взята в плен и погибла от зверских пыток, не выдав военной тайны. Пилипаса знал хорошо. Он был достоин этого высокого звания. Я обнял своего друга и пожелал ему новых боевых успехов.

Докукин пригласил нас, комбатов, и начальника штаба полка майора Хребтова к себе в землянку, где ожидали его заместители полковники Калентьев и Бровкин. На столе стояли фляжка и котелок. Сергей Федотович принес кружку, и мы отметили важное событие нашего полка.

— Так, капитан Дементьев, — сказал командир полка, — иди и построь свой батальон. Я приду через час.

Был теплый солнечный день. Стройными рядами выстроились бойцы и офицеры батальона. Пришли Докукин и подполковник Бровкин.

Доложил по всем правилам. Приняв от меня рапорт, Сергей Федотович объявил, что сегодня вручаются правительственные награды отличившимся в последних боях.

— Орденом Красного Знамени, — читает приказ лейтенант Кириченко, — наградить командира батальона капитана Дементьева. Слово громом ударило меня. Не знаю, куда идти. Награжденных вызывали перед строем. Я же стоял рядом с командиром полка. Сергей Федотович прикалывает мне орден к кителю и жмет сразу обе руки. Что-то говорю, но не помню что. В этой дивизии это была третья награда. Орденом Красного Знамени был награжден командир роты лейтенант Жалсанов. Многие сержанты и бойцы получили ордена и медали, в том числе Манис, бойцы Давыдов, Почтарев, Петухов, Зиборов и другие.

Вечером вызвали на КП полка. После некоторых раздумий Докукин начал издавать. Он говорил, что именно из Восточной Пруссии рассчитывал Гитлер пойти в решающее наступление на Советский Союз, что глубокоэшелонированная оборона столицы Пруссии обновилась, дополнилась тяжелыми сооружениями из железа и бетона, что город взять трудно, требуется исключительное умение вести бой и так далее.

— На нашем пути, — сказал майор, — три оборонительных рубежа. Внешний — в шести километрах от города. Пятнадцать фортов таят в себе боевые казематы, артиллерийские бастионы, пулеметные гнезда. Форты большой площади Боевое покрытие у них в 3–4 метра толщиной. Ограждены они валами и огромными рвами, заполненными водой. А вокруг самого города еще 24 форта. Их даже очень трудно найти, они слились с природой, на них растут деревья.

Знаете, товарищи, кирпичные казематы каждого такого форта покрыты бетоном и вмещают до 150 солдат. Форт рассчитан на выдержку снаряда самой крупнокалиберной артиллерии. Они окружены двадцатиметровым противотанковым рвом семиметровой глубины, наполовину заполненным водой. Между внутренними и внешними фортами густо по всему пространству размещены массивные доты. Около них глубокие блиндажи, каменные ходы сообщения, бесконечные линии траншей, колючая проволока различной формы, надолбы, многочисленные минные поля — все эти препятствия сплетены вокруг города и в самом городе в сплошную непроходимую паутину.

Докукин остановился, помолчал, посмотрел на всех нас, убедившись, что мы записываем, так как все это надо было донести до солдата, продолжал:

— Ребята, я не пугаю вас. Кенигсберг — это история преступлений Германии. Всю жизнь город жил разбоем и всю жизнь создавал вокруг себя мощную непреодолимую оборону. Фашисты модернизировали эту крепость до предела и вооружили своих солдат новейшей техникой. Здесь, как нигде раньше, надо при себе иметь саперов. Саперы вам сделают многое. Нашей дивизии предстоит марш, сменить часть и занять исходное положение. Дивизия наступать на город будет 329 п., а полк, капитан Дементьев, — твоим батальоном. Он назначается разведывательным батальоном дивизии. Сегодня он будет именоваться передовым. Не случайно же тебе дали полковое знамя. Сегодня ночью мы выступаем. Приказ на наступление доставлен в батальоны. Всего вам доброго, дорогие мои друзья! Докукин пожал нам руки и перед тем, как отпустить нас, сказал:

— Дементьеву быть готовым для встречи с высоким начальством.

9.

Наши знания об обороне Кенигсберга расширились. Город и его окраины превращены противником в мощный укрепленный район, имеющий два оборонительных пояса:

внешний с передним краем по линии Иудиттен — Шарлоттенбург — и далее на восток, протяженностью до 50 км, состоящий из опорных пунктов и узлов сопротивления. В его полосе создано 12 основных фортов и три добавочных с системой долговременных сооружений, сплошной круговой противотанковый ров шириной 6–10 метров и глубиной до 3-х метров с водой на дне, две-три линии траншей, проволочные заграждения и минные поля. В полосе внешнего оборонительного пояса противник и мел большую часть артиллерии, танков и самоходных орудий, используемых для стрельбы прямой наводкой.

Внутренний оборонительный пояс проходил непосредственно по окраинам города и состоял из 24 земляных фортов, многочисленных опорных пунктов в виде приспособлений для обороны каменных зданий, парков, садов, бульваров, кладбищ и целых кварталов, баррикад, завалов, надолбов, минных полей и других заграждений, прикрывающих подступы к опорным пунктам.

Из показаний пленных было установлено, что целый ряд зданий и целых кварталов города приспособлены к обороне, превращены в опорные пункты и узлы сопротивления. Окна подвалов оборудованы под амбразуры, подвалы соединены между собой подземными ходами.

Кенигсбергский УР имел секторы: северо-западный, северо-восточный и южный. Наша дивизия наступала на правой стороне северо-западного сектора.

Он был ограничен с юга рекой Преголь, с востока — железной дорогой Гранц-Кенигсберг и далее линией прудов Обер Таих и Шлосс Таих. В секторе проходили узкоколейная и двухпутная ширококолейная железные дороги Кенигсберг — Фишгаузен, а также две шоссе-ные дороги Кенигсберг-Фишгаузен.

Оборонительные сооружения северо-западного сектора включали пять фортов, в том числе в полосе нашей дивизии форт 5А и форт №6 «Кениген Луиза». Этот форт был расположен западнее населенного пункта Иудиттен. Его размеры 160 на 200 метров. Он был обнесен земляным валом высотой до 4-х

метров и рвом шириной до 15 метров. В северо-западном и юго-западном углах форта имелись капониры, огнем из которых простреливался ров. Сооружения форта трехэтажные общей высотой до 8 метров. Вход с юго-восточной окраины. В 150–200 метрах от форта проходил противотанковый ров, вторая линия противотанкового рва соединялась с рвом форта. Подступы к нему прикрывались траншеями. Форт был на границе моей полосы наступления.

Все поселки, расположенные в северо-западном секторе, а значит и в полосе наступления нашей дивизии, были превращены противником в опорные пункты и узлы сопротивления.

Иудиттен насчитывал до трехсот одноэтажных домов по 4–5 комнат каждый. Расстояние между домами было не менее 25 метров. В центре поселка — парк. По западной окраине вдоль шоссе Ринг Штрассе была траншея. По северо-западной окраине до канала Ланд-Грабен тоже проходила траншея.

Коперникус насчитывал до 90 стандартных одноэтажных каменных домов. По юго-западной и западной окраинам были траншеи с открытыми пулеметными площадками. Такие же траншеи были северо-западнее Ланд-Грабена, от восточной окраины Коперникуса до пруда Фюрстен.

Лавскен, Ратсхоф были застроены одноэтажными и двухэтажными домами. Всего было их до 4000. Улицы проходили с севера на юг и с запада на восток. Ширина улиц 20–25 метров. По южной и западной окраинам поселков были многочисленные траншеи.

10.

Артиллерийские и минометные средства противника были равномерно рассредоточены вдоль переднего края. Огневые позиции артиллерии и минометов средних калибров стояли на удалении от переднего края не свыше 3–4 км. Основная масса артиллерии, составляя полковые пехотные группы, была равномерно распределена в непосредственной близости от первой траншеи. Артиллерия БМ, равномерно распределяясь, имела свои позиции на удалении 5–6 км от переднего края и выносные на 2–3 км.

На переднем крае и на танкоопасных направлениях были расставлены орудия противотанковой обороны, скрытно замаскированные в готовности к отражению наших танковых атак. Кроме того, на переднем крае были орудия прямой наводки, огонь которых был увязан с огнем тяжелого пехотного оружия, спланированный соответствующим артиллерийским начальником. Станковые пулеметы в своем большинстве были установлены в ДЗОТах, но имели заготовленные пультаплощадки, открытые, с которых во время атаки наших подразделений переднего края противника должны вести встречающий огонь.

Противник перед фронтом наступления моего и соседнего штурмовых батальонов имел:

пулеметов	19,
орудий ПТА	2,
орудий 105мм	8,
орудий 150 мм	3,
минометов 181мм	6,
минометов 119мм	2,
активных штыков	165.

Танки и СУ в своем большинстве находились в засадах в виде сосредоточений на тактически выгодных позициях.

Подступы к огневым позициям артиллерии и минометов, все танкоопасные направления заминированы противотанковыми минами и противопехотными с установленными запалами.

Перед фронтом наступления было:

долговременных огневых сооружений	2,
убежищ	6,
траншей полного профиля	3350 п.м.
ходов сообщений	1600 п.м.,
пулеметных площадок	45 штук,
минометных окопов	22 штуки,
орудийных окопов	18 штук,
противотанковых рвов	700 пог. м.,
проволочных заграждений	2000 пог. м.

Местность противника, несмотря на то, что понижается в его сторону, все же находится в невыгодном положении, так как глубина его обороны не просматривалась ни с каких НП. Кроме того, в системе траншей проходит канал Ланд-Грабен /ручей 3–4 метра шириной и глубиной до 3-х метров/. Канал был значительным препятствием. За каналом находилось болото, залитое водой от 180 до 200 метров, которое совершенно непроходимо для техники.

Имеющиеся дороги в глубине обороны противника обеспечивали ему широкий маневр живой силы и техники на поле боя. Городские кварталы Амалиенау, Иудиттена, Лавскена, Ратсхофа в сочетании с инженерными препятствиями и сооружениями, оборудованными в наиболее прочных и тактически выгодных каменных строениях, являлись мощными узлами сопротивления.

Несколько слов о метеорологических условиях в период подготовки к наступлению на Кенигсберг. Дни стояли пасмурные, туманные, дождливые. Ночи сырые, холодные и очень темные. Почва превратилась в жидкую грязь, и там, где раньше могло быть сухо, стояла вода. Дороги, даже с твердым покрытием, были размыты. В траншеях стояла вода.

11.

Дивизии, получив боевую задачу на прорыв оборонительной линии Кенигсбергского УР и дальнейшие наступательные бои в заданной местности, за 12 дней до наступления сменили ранее обороняющиеся подразделения, заняв оборону на исходном для наступления рубеже моим 3 с.б. 329 с.п. и 2 с.б. 252 с.п.

Остальные части, находясь в предпозиционном районе, осуществляли подготовительные к прорыву мероприятия и главным образом подготавливали штурмовые отряды и группы.

Сменяя ранее обороняющиеся части на намеченном для прорыва рубеже, части дивизии приняли незначительный по характеру и содержанию разведывательный материал, так как разведка в данной полосе велась только с двух НП /командира артбатарей армейского полка и командира батарей штатного а.п.а дивизии, подразделения которой обороняли данный участок/.

Причем оба НП были расположены в Тренке /т.е. на границе с наступающей дивизией справа/ и полосу наступления 70 с.д. почти не просматривали.

Развернув систему наблюдения, части артиллерии дивизии приступили к детальному изучению характера обороны противника, его переднего края.

Перед разведорганами стояла большая и ответственная задача: полностью вскрыть систему обороны противника, разведать наличие и характер инженерных сооружений, противотанковую оборону, расположение артиллерийских закрытых ОП и не только вскрыть, но и определить точное положение каждого элемента боевого порядка противника.

В конце каждого дня все данные разведки за сутки обобщались в штабе полка, готовилась разведсхема за сутки, и о результатах деятельности разведорганов ежедневно практиковались соответствующие доклады нижестоящих штабов вышестоящим.

В процессе этих докладов выяснились недостатки в работе разведорганов, устанавливалась степень выполнения поставленных задач, ставились задачи на разведку и доразведку на следующий день. Разведка велась всеми родами войск: пехотой, артиллерией, инженерными частями, химическими и др.

12.

Части и соединения впервые получили боевые задачи на прорыв укрепленных позиций обороны и до этого с овладением железобетонными и прочими фортификационными сооружениями не встречались. Это требовало применения в бою и необычных подразделений.

Согласно указания командующего 3 Белорусским фронтом, в дивизии были созданы новые организационно-тактические боевые единицы — штурмовые отряды и штурмовые роты, в задачу которых входил прорыв внешнего и внутреннего обводов Кенигсбергского УР и штурм города-крепости.

Организационно штурмовой отряд, т.е. 3 с.б., которым мне пришлось командовать, состоял:

- из трех стрелковых рот,
- пулеметной роты,
- минометной роты 82мм,
- батареи 120мм минометов,
- батареи 76мм пушек ДА,
- гаубичной батареи 122 мм /152/,
- взвода 76мм ПА,
- батареи СУ-152,
- саперного взвода.

Второй штурмовой отряд был создан в 252 с.п.

Действия этих штурмовых отрядов и рот поддерживались огнем с закрытых позиций дивизионной, корпусной и даже армейской артиллерии.

Однако их действия не могли бы иметь успеха без предварительной настойчивой и кропотливой учебы.

Поэтому штабами СД была спланирована их учеба из расчета 10 ежедневных часов, занятиями которых руководили непосредственно командиры частей, заместители командира дивизии.

На специально оборудованных учебных полях на совместных тактических учениях были отработаны темы:

Боевой порядок штурмового отряда при прорыве обороны и при бое в глубине.

Действие штурмового батальона в составе штурмового отряда при блокировании ДОТов, штурме фортов и преодолении проволочных заграждений.

Блокирование каменного здания.

Бой за овладение улицей.

Бой штурмового отряда за овладение группой каменных зданий и т.д.

Артиллерийские подразделения и отдельные орудия в составе штурмовых отрядов и рот обрабатывали вопросы, касающиеся их.

Весь офицерский состав изучал проект наставления по прорыву и указания штаба Земландской группы войск.

Обучение личного состава штурмовых отрядов и рот производилось на фоне конкретной обстановки, близкой к действительности. В силу этого был приобретен навык в овладении труднодоступными инженерными препятствиями и выработано основное качество — выносливость, храбрость при атаке определенного объекта.

Как правило, в штурмовом отряде и роте осуществлялось командиром централизованное управление всеми подразделениями, входящими в состав их. Это давало возможность широко производить маневренность на поле боя и комплексно отражать контратаки противника, а в необходимый момент создать максимальные условия и обеспечить овладение соответствующим объектом.

В этом заключалось их тактическое преимущество перед другими организационно-тактическими единицами, равными по объему и численности штурмовому отряду и роте.

В силу своей компактности штурмовой отряд мог в любой момент нанести сокрушительный удар по отдельным объектам подавления из всех видов огня и вынудить противника к отступлению. Причем у штурмового отряда имелись средства преследования отходящего противника. И это делало их подвижными на этапах динамики боя.

И, наконец, в распоряжении командира штурмового отряда имелись всевозможные средства подавления всех родов войск. Это ему давало возможность широкого применения всевозможных тактических приемов наступательного боя, т.е. мобильности в деле осуществления выполнения боевой задачи. Состав штурмового отряда позволял командиру применять различные темпы наступательной операции и представлял ему широкие возможности непосредственного управления подразделениями в бою.

В этом состояла стойкость штурмового отряда.

2 апреля ко мне явился лейтенант-артиллерист с рацией и двумя бойцами. Он объяснил, что их тяжелая артиллерия поддерживает наш штурмовой отряд и он должен в течение первых суток выявлять огневые средства противника, а в последующие трое — разрушать бетонные сооружения. Я спросил лейтенанта, когда, по его предположению, начнется наступление. Он ответил, что ему это неизвестно, но в ближайшие четыре дня наступления не будет. Наверно, будет с 5-го, т.к. артподготовка начинается с сегодняшнего дня и закончится только 4 апреля. Он пояснил, что для разрушения форта «Луиза Кенинген» нужно выпустить не

менее 300 снарядов. А так как орудие выпускает за час только 7–8 снарядов, то им потребуется на это трое суток.

Ночью 26 марта мы совершили марш и, сменив какую-то часть, заняли исходную позицию в районе Обер-Алкенен для наступления на Тренк, Транк-виц, Фридрихсберг, Иудиттен, Ратсхоф.

Приняв оборону, узнали, что перед нашим батальоном стоял 1141 пехотный полк 561 п.д. немцев. Проходило пять линий траншей с отсечными позициями, прикрытыми сплошными минными полями и проволочными заграждениями. Форт «Луиза Кенинген» прикрыт траншеями и двумя линиями противотанкового рва, обнесенного земляным валом высотой до 4 метров. Установлено 19 станковых и ручных пулеметов. В Модиттене, Иудиттене и Вильки 3 а.д. 105-мм, в Иудиттене батарея 150-мм орудий, полковая и батальонная артиллерия находилась в боевых порядках. В пригороде Кенигсберга до 40 танков.

Противник имел резерв: два батальона 1143 п.п. 561 п.д. в Мариенбурге, 584 б. в Вильки.

В связи с очень узкой полосой для наступления выделил передовой 7 роту старшего лейтенанта Демченко, создав в батальоне три эшелона. Пулеметную роту капитана Антонова расположил в первом эшелоне, а минометную роту старшего лейтенанта Фирсова — во втором. Мне была выделена дополнительно 4 пулеметная рота, приданы две батареи 76 мм пушек и третий артдивизион 227 а.п. Все это рассредоточил от первого до третьего эшелона. Посоветовавшись со своими заместителями и начальником штаба, решил наступать так, как расположены роты, и свое решение объявил командирам своих рот и всех поддерживающих подразделений.

Ко мне прибыли офицеры связи поддерживающих подразделений. Продумав, решаю первый артдивизион 118 минометного полка, состоящий из трех батарей, расположить за ротой Демченко, батарею 76-мм орудий капитана Голубева поставить на прямую наводку на правом фланге. В 100–150 метрах в тыл расположил минометную батарею старшего лейтенанта Павлова. Здесь же поставил 9 минометов другой минометной роты капитана Голубенкова. По две пушки из 94 ОИПТД капитана Кандранина расположил в боевых порядках рот.

Только что закончил распределение огневых средств и их размещение на исходных позициях, как прибыл командир самоходных установок СУ-152 капитан Гусев. «Что делать? Где располагать самоходки?» — думаю и решаю их расположить в первых и вторых эшелонах.

Кроме всего этого, батальону придано 30 различных стволов артиллерии, готовых открыть огонь с закрытых позиций.

Спросил у артиллеристов и минометчиков, сколькими боекомплектами они располагают, и прикинул, что в полосе наступления моего батальона, как штурмового отряда дивизии, они выпустят более десяти вагонов снарядов и мин. Это меня очень удивило. Я очень был рад растущей силе нашего подразделения и тут же попросил своего заместителя по политической части рассказать бойцам батальона.

Да, сила была большая. Все это зарывалось в землю, замаскировывалось и ожидало приказа. А приказ был простой: в назначенный день начнется

двухчасовое артиллерийско-минометное наступление. 82-х мм минометы в количестве 36 штук и 12 минометов 120 мм разрушат траншеи и уничтожат в них врага.

Артиллерийская группа и дивизионная артгруппа /общего назначения/ выпустят за это время около полторы тысячи снарядов и уничтожат живую силу противника. Потом артиллерия откроет прицельный огонь прямой наводкой. Он будет продолжаться 20 минут. Всеми орудиями прямой наводки будет выпущено около тысячи снарядов. После этого последует тридцатипятиминутный прицельный огонь по целям и огонь прямой наводки. Участвовать будет в этом огненном смерче вся артиллерия дивизии и выпустит по противнику почти две с половиной тысячи снарядов и мин. За прицельным огнем последует пятиминутный прицельный огонь повышенной плотности, в результате которого будет выпущено свыше тысячи снарядов и мин. И только после этого должен состояться бросок пехоты в атаку.

Мы потеснились и подтянулись вправо, заняли новый боевой порядок. Мой 3 с.б., как штурмовой отряд, — в первом эшелоне, первый батальон нашего полка — во втором. Левым моим соседом продолжал быть 2 с.б. 252 с.п. Мне и командиру штурмового батальона 252 с.п. был выделен участок от пруда Филипс на левом фланге вдоль и на изгибе канала, питавшего город Кенигсберг пресной питьевой водой. К каналу примыкал ров до 6 м глубины и более 50 метров ширины, заполненный водой, противоположный берег которого был обсажен многолетними деревьями, а подход к каналу и его противоположный берег имел густые заросли из высокого кустарника, скрывавшего наличие канала, рва и воды в них. От канала и пруда в сторону города также шел канал, глубина его немногим более 1 м и ширина 20 метров, берега обсажены деревьями и кустарником, между ними и каналом шла хорошо ухоженная дорога.

Пруд Филипс также был обсажен многолетними деревьями и кустарником, особенно густым и широким на противоположном берегу. К каналу примыкала роща, от которой в сторону форта 5А вела грунтовая дорога. На этом участке перед каналом /вдоль его перед посадкой/ противник имел боевое охранение — усиленный пехотный взвод от I крепостного Кенигсбергского полка. На противоположном берегу, по возвышенности, располагалась первая позиция обороны противника, особенно насыщенная у изгиба канала и пруда Филипс, а также на правом фланге недалеко от населенного пункта Транквиц, на фланге моего батальона.

В глубине обороны просматривались господский двор /имение Коха/, превращенный в мощный узел обороны, а также форт №5А до 200 метров от левой границы наступления левого соседа. И далее на рубеже второй позиции обороны противника в населенном пункте Иудиттен, тоже мощном опорном пункте обороны, размещался резерв обороняющихся и форт №6 /Королева Луиза/ с гарнизоном. Нас волновал тот факт, что у нас нет переправочных средств, а водная преграда перед нами очень солидная, не было здесь, на месте, и материалов для создания переправы. Хотя по внимательном наблюдении нам казалось, что какая-то переправа в этом районе есть, которой пользуется боевое охранение противника и ради охраны которой оно выставлено. Поэтому мы с командиром батальона 252 с.п. разведвзводам поставили задачу: вести разведку не только

наблюдением, но и поисковую, уточнить группировку и замыслы противника, а также места и средства для переправы.

14.

Наряду с подготовкой штурмовых отрядов велось оборудование пехотной позиции /рубежа атаки/. Последняя была подведена к выгодным естественным рубежам и находилась в абсолютной близости от первой траншеи противника.

Рубеж атаки был оборудован в строгом соответствии с характером местности так, чтобы иметь возможность скрытно располагать огневые средства пехоты, артиллерию, выделенную для стрельбы прямой наводкой, наблюдательные и командные пункты.

Для беспрепятственного движения в атаку пехоты и танков в проволочных заграждениях и минных полях заблаговременно подготавливалось проделывание проходов силами саперов. Причем предполагалось проделывание проходов произвести не только силами саперов, но и артогнем в начальный период артподготовки.

Все говорило о большом скоплении наших частей, имеющих боевую задачу по прорыву укрепрайона, а это требовало соблюдения строжайшего порядка и маскировочной дисциплины в предпозиционных и позиционных районах. Кроме того, прибывшие на Земландский полуостров после разгрома юго-западной группировки немцев части требовали правильного их размещения в соответствующих полосах. Для этого на заданные полосы дивизий / в дивизии имели полосу наступления не выше 1 километра/ вводились на передний край 1–2 стрелковых батальона и занимались полностью все НП, с которых производилась разведка целей и их проявлений. Спустя много лет мы узнали, что остальная масса войск была сосредоточена в относительной близости от переднего края, где производились учения и подготовка штурмовых отрядов.

Ввод частей на передний край был спланирован, и была организована комендантская служба в масштабе армии ввиду невозможности ее организации в масштабе дивизии, т.к. полоса наступления армии не превышала 3,5 километра.

Постановка артиллерии на ОП была сопряжена с большими трудностями.

Емкость позиционных районов на глубине 3-х км ни в коей мере не соответствовала тому количеству артиллерии, которое предназначалось для артнаступления.

Местность открытая, с наличием лощин, к тому времени заполненных водой, не допускала надежной маскировки большого количества артиллерии с воздуха.

Подъездные пути к огневым позициям отсутствовали, потому что дождями верхние слои почвы были превращены в грязевую кашу. Удобные под позиции минометов и артиллерии лощины превратились в сплошные болота с водой.

В целях правильной организации ввода артиллерии в позиционные районы, как стало известно позже, в масштабе дивизии была организована своеобразная комендантская служба.

Узость полосы, малое количество дорог не давали возможности организовать комендантские посты на маршрутах. Однако приказами командира дивизии и КАД устанавливался строгий порядок движения /исключительно в темное время

суток/, на занятых боевых порядках выставлялись специальные часовые, которые следили за тем, чтобы не было лишних движений. Особенно серьезное внимание уделялось вопросам организации комендантской службы в районах НП.

Постановка основной массы артиллерии на ОП производилась под руководством старших артиллерийских начальников — лично командирами батальонов, которые хорошо знали свои ОП.

Для орудий прямой наводки ОП были оборудованы только за две ночи до наступления, а поставлены в последнюю ночь, т.е. на 5.4. это было сделано исходя из того, чтобы:

сохранить элементы внезапности,

в случае контрартиподготовки противника не были выведены из строя материальная часть и расчеты орудий прямой наводки,

в случае контр наступления противника и удара с тыла не была отрезана пехота от орудий прямой наводки /пехота занимала исходный для наступления рубеж вместе с орудиями прямой наводки/.

Согласно указаниям вышестоящих штабов в дивизии, артиллерией производилась заблаговременная пристрелка методом ПОР /период пристрелки был запланирован на пять дней/. Для пристрелки намечались цели и ориентирные точки на переднем крае и в глубине. План пристрелки строго придерживался. При его составлении преследовалась цель сохранения режима огневой деятельности, подобного режиму ранее обороняющихся частей. Ход пристрелки контролировался лично командующим артиллерией дивизии и офицерами его штаба. Ежедневно /к исходу/ специальным донесением командира групп АПП доносили о пристрелянных реперах и целях. Таким образом, артиллерия, строго соблюдая маскировочную дисциплину, заняла огневые позиции в готовности к открытию огня по сигналу начала артподготовки.

Согласно установленному лимиту расхода боеприпасов и сохранению неснижаемого запаса в частях необходимо было иметь до начала артподготовки не менее 2,5 б/к всех калибров.

Части, прибывшие в район Земландского полуострова из районов Клайпеды, юго-западнее Кенигсберга, имели с собой не более 0,5 б/к. Поэтому требовалось немедленное пополнение. Для этих целей были выделены весь автотранспорт дивизионных авторот, армейские средства. Следует учесть, что подвоз боеприпасов производился в крайне тяжелых условиях абсолютного бездорожья. Однако к началу артподготовки боеприпасы были в требуемом количестве на ОП. В этом огромная заслуга офицеров артиллерийского снабжения.

После постановки артиллерии на ОП офицерами артснабжения дивизии и частей была произведена проверка технического состояния матчасти и ее готовности к бою. Подобной проверке было подвергнуто тяжелое пехотное оружие штурмовых отрядов и рот /групп/ и прочих наступающих подразделений.

Это явилось одним из моментов безотказной работы матчасти артиллерии и личного оружия в бою.

Также было проверено наличие боекомплекта стрелковых Патров у наступающих пехотинцев и артиллеристов.

Войска 43-ей армии имели задачу прорвать оборону противника на фронте в 3 км, уничтожив противостоящего противника, стремительным наступлением

овладеть фортами «Шарлоттенбург», «Кениген Луиза» и, ворвавшись в город, к исходу дня овладеть западной частью.

Исходя из этого, Командующий армией решил наступать тремя стрелковыми корпусами, имея в каждом из них по одной с.д. во втором эшелоне в готовности развить успех одной из них.

В соотношении сил и средств на данном участке было наше превосходство:

в пехоте — в три раза;

в артиллерии — в 7 раз;

в авиации — абсолютное;

в армии плотность в пехоте активных штыков: 1 пехотинец на 2 метра фронта.

15.

70 с.д. 90 с.к., находясь на левом фланге наступающего корпуса, имела задачу атаковать противника в полосе обороны, прорвать его позицию с долговременными сооружениями, форсировать канал Ланд-Грабен и к исходу дня выйти на рубеж 500 метров юго-восточнее Гросс-Фридрихсберга — Вильки с овладением Гросс-Фридрихсбергом в готовности частью сил действовать во взятии форта №6 «Кениген Луиза» и содействовать соседу справа — 26 с.д..

Последующая задача: взламывая оборону противника на западной окраине Кенигсберга, к исходу дня овладеть Лавскеном, отметка 16,1, в составе 90 с.к. замкнуть кольцо окружения Кенигсбергского гарнизона.

Красновский принял решение наступать в два эшелона: в первом — штурмовой батальон 329 с.п. /капитан Дементьев/ и 252 с.п. /капитан Царегородцев/ наносят главный удар правым флангом /капитан Дементьев/, во втором эшелоне наступает 68 с.п. в готовности развить успех одного из штурмовых батальонов первого эшелона.

Командующий артиллерией дивизии на основании этого принял решение использовать артиллерию следующим образом: поскольку в первом эшелоне наступали два полка /каждый одним штурмовым батальоном/, были созданы две артгруппы ПП, а 560 а.п. и 120-мм минометы 319 с.д., которые были приданы нам, составляли дивизионную группу общего назначения.

Правая группа — АПП — 329 с.п. была сделана значительно сильнее левой на том основании, что основной удар командир дивизии решил нанести правым флангом и наибольшая угроза сильных контратак противника была справа. Кроме того, положение боевых порядков соседей справа /26 с.д./ было таково, что можно было ожидать отставания ее от штурмовых отрядов нашей дивизии.

Вся полковая и дивизионная артиллерия была поставлена на прямую наводку, были привлечены 4 орудия 37-мм и 12 пулеметов ДШК.

Плотность артиллерии была на одном километре 166 стволов против 32 стволов у противника, а так как дивизия наступала двумя штурмовыми отрядами по фронту 700 метров, то в полосе наступления было 230 единиц, а у противника 50, следовательно, общее соотношение было 4,5:1.

Во исполнение общих задач, поставленных частям, артиллерия дивизии имела конкретные задачи.

В период артподготовки прицельным огнем разрушить ДЗОТы, НП, окопы и траншеи противника на участках:

опушка леса 200 метров северо-западнее, севернее и 300 метров — северо-восточнее отметки 25,6;

юго-западнее, южнее и юго-восток сар, /6861/;

развилка дорог 500 метров, юго-восток отметка 20,6, мост.600 метров юго-западнее отметки 23,0.

От развилки дорог, что 400 метров северо-западнее Гросс-Фридрихсберга до сар. /200 метров юго-западнее отметки 23,0/.

Прицельным огнем прямой наводки уничтожить пулеметные гнезда, орудия ПТО, огневые точки в каменных зданиях, разрушить окопы и НП в районах.

Опушка леса 200 метров северо-западнее и 300 метров северо-восточнее отметки 25,6;

юго-запад, южнее, юго-восток сар. /6861/;

Развилка дорог, что 400 метров северо-западнее Гросс-Фридрихсберга до Сар. 200 метров юго-западнее отметки 23,0.

Подавить и уничтожить живую силу и огневые средства на переднем крае и в глубину обороны до 3-х км в районах: отметка 25,6, роща южнее отметки 23,0, развилка дорог 500 метров Ю-В отметки 25,6, Гросс-Фридрихсберг, отметка 21,0. Мариенберг, Вильки.

Метод ПСО сопровождать атаку пехоты до выполнения задачи дня. 70 ПАП подготовить к использованию на прямой наводке при штурме обвода Кенигсбергского УР.

Ответственная огневая полоса — полоса наступления дивизии.

Допсектора: вправо — на Модиттен — двумя полками, влево — на Шарлоттенбург — двумя полками.

3 с.б. 329 с.п. с батареей 350 САП, ротой 18 ОШСБ, I батареей ИПТД и другими подразделениями прорывает оборону противника на фронте отметка — 25,6, северный угол леса — 350 метров, западнее — сарай, нанося удар в направлении высоты отметки 19,0, форсирует канал Ланд-Грабен и уничтожает противостоящего противника с последующим выходом к восточной окраине Гросс-Фридрихсберга, высота 19,0, в готовности частью сил действовать по форту №6 «Кениген Луиза», нанося удар с тыла и содействуя 26 с.д. Последующая задача: взламывая оборону противника, во взаимодействии с 26 стрелковой дивизией, к исходу дня овладеть пригородом, поселком Иудиттен и выйти на рубеж юго-восточнее опушки парка Иудиттен.

Дополнительно к этой задаче, которая являлась и задачей штурмового отряда, мне дано распоряжение использовать роту ДШК. Они прочесывают лес южнее отметки 25,6 и с началом атаки пехоты продвигаются за нашими боевыми порядками и прикрывают место жительства: фланги, держат со мной связь и выполняют мои заявки.

16.

Утром 4 апреля меня вызвали в штаб полка, а оттуда мы с Докукиным выехали в назначенный пункт. Было теплое утро.

Высоко в небе распевали жаворонки, и смерть над головой не висела.

В штабе, куда мы прибыли, нам офицеры показали большой макет обороны города Кенигсберга, рассказали еще раз об особенностях боя, сделав упор, как нужно блокировать форты. На макете нам показали инженерное оборудование

Кенигсбергского укрепленного района, который имел два оборонительных пояса. В полосе внешнего оборонительного пояса противник имел большую часть артиллерии, танков, самоходных орудий, используемых для стрельбы прямой наводкой. Нам рассказали и показали на макете, где все это было.

Нас, представителей 70 м.д., ознакомили с фортом «Кениген Луиза», который расположен западнее Иудиттена, размером он 160 на 200 метров. Форт обнесен земляным валом высотой до 4-х метров и рвом шириной до 15 метров. В северо-западном и юго-западном углах форта капониры, огнем из которых простреливается ров. Сооружение форта трехэтажное, общей высотой до 8-ми метров, вход с юго-восточной окраины. В 150–200 метрах от форта — противотанковый ров, вторая линия противотанкового рва соединяется с рвом форта. Подступы к форту прикрываются траншеями, вырытыми впереди противотанкового рва восточнее и юго-восточнее форта. Форт №5А был слабее форта №6, с ним тоже ознакомили.

Коротко рассказали о предместьях города, что все поселки, расположенные в северо-западном секторе, превращены противником в опорные пункты и узлы сопротивления. Подробно ознакомили с обороной Иудиттена, Ратсхофа и с направлением улиц поселков и города и их характеристикой.

Все эти данные, конечно, были интересны, но не менее интересным было сообщение артиллерийского офицера, что перед 70 с.д. помимо 19 пулеметов, 2 орудий ПТА, 8 орудий 105мм, 3 орудия 150-мм и 8 различных минометов, танки и самоходные установки, которые находятся в засаде. Много неизвестного разведкой еще не установлено.

Часов в десять нас построили в две шеренги, и какой-то полковник неожиданно стал придирается: то воротнички не первой свежести, то пуговиц недостает.

Видя такое, кто-то пошутил: «Сейчас, мол, фильм будут снимать». Прошло несколько томительных минут, и раздалась команда, а потом и рапорт этого же полковника. Появился генерал-лейтенант Афанасий Павлантьевич Белобородов — командующий нашей 43 Армией.

В ту секунду, когда полковник отдал рапорт и отошел в сторону, на левом фланге нашего строя с фэтона, запряженного тройкой легких одинаковых лошадей, примчавшихся с колокольчиками, быстро спрыгнул какой-то офицер-артиллерист. Кучер, видимо, в этом деле был мастак, быстро и с большим искусством остановил прекрасную тройку, а капитан-артиллерист, звеня шпорами, подбежал к командующему 43 Армии Герою Советского Союза Гвардии генерал-лейтенанту Афанасию Павлантьевичу Белобородову и обратился за разрешением встать в строй. Одет и обут капитан был, как говорят, «с иголочки». На его груди было много орденов.

Командующий улыбнулся, осмотрел капитана и разрешил ему стать на левый фланг строя. Белобородов прошелся вдоль строя, осмотрел всех одним взглядом, помолчал чуть-чуть, а потом сказал:

— Вот это я понимаю, советский офицер! А что вы? — он долго прохаживался вдоль строя, о чем-то раздумывая, а потом, посмотрев на ноги, продолжал. — Кирзовый сапог да фуфайка. Пора, товарищи, приобрести настоящий вид советского офицера. Весна, тепло, приближается конец войны, а вы как будто и не рады всему этому.

Большинство прибыли с переднего края и не имели возможности заехать в свои хоззводы, чтобы сменить форму, да и не у всех она была.

Долго длилась беседа генерала с офицерами. Генерал интересовался всем. Расспрашивал о бойцах, о состоянии здоровья, о наградах, о семье. Потом отпустил отдохнуть.

Под крышей специально сделанного навеса играл духовой оркестр. Кажется, что мелкий дождь и то шел для того, чтобы доставить всем радость дня и близость конца войны. С этой целью и состоялась встреча офицеров 43 Армии, чтобы перед штурмом Кенигсберга каждый чувствовал себя сильнее и смелее. Здесь, на совещании, узнал, как фашистский гауляйтер Кенигсберга Вагнер обращался к гарнизону города, говорил, что русские защищали Севастополь 250 дней, и они, солдаты фюрера, должны продержаться столько же дней. Рассказывали, что к кенигсбергцам обращался и сам Гитлер. Если Вагнер призывал последовать примеру севастопольцев, то Гитлер хватил дальше. Он даже сравнил кенигсбергцев с ленинградцами. Ведь Ленинград выстоял, ленинградцы, говорил он, выдержали оборону и отбили германские войска от города, а вы, мол, чем хуже их. Прямо скажем, замысел Гитлера авантюрного пошиба. Потом рассказ какого-то полковника я передал своему замполиту, а он позаботился рассказать бойцам, куда замахиваются Гитлер и Вагнер.

Генерал говорил о штурме Кенигсберга. Полоса наступления для армии настолько узка, что негде развернуть даже и госпитали, и другие тыловые части и подразделения. Белобородов говорил о близком конце войны, о большой работе, которую нужно проделать, чтобы залечить раны войны и в короткий срок восстановить наше народное хозяйство. Потом сказал, что в соотношении сил и средств на данном участке наше превосходство в пехоте в три раза, в артиллерии в 7 раз, в авиации абсолютное. Нас это радовало. Потом нам предложили всем пообедать вместе.

В большом помещении буквой «Т» стояли празднично накрытые столы, а обслуживали девушки-официантки. Мы окунулись в настоящую мирную жизнь, которая могла нам только сниться.

На закате солнца под звуки оркестра мы разъехались «по домам».

17.

Один командир не мог обеспечить боевой успех своих бойцов. Я это чувствовал всей своей душой и, готовя батальон к бою, всегда обращался к своему замполиту с просьбой помочь мне политически обеспечить бой, конкретно указывал, что и к какому времени сделать. На этот раз просил только что прибывшего капитана — к сожалению, он пробыл в батальоне всего двое суток и погиб, а я так и не запомнил его фамилии — сделать все возможное, чтобы гарантировать успех боя. Замполит спросил:

— На что обратить особое внимание, командир?

— Хороший отдых перед боем и ясное понимание задачи каждым бойцом, — сказал ему.

Утром капитан доложил:

— Так вот, товарищ комбат, ранее принятыми мерами партийной и комсомольской организациями были созданы предпосылки к успеху. Парторги и комсорги, коммунисты и комсомольцы совместно со всеми командирами

проверили состояние оружия и обеспеченность боеприпасами, умение владеть оружием и использовать его на полную мощность в бою, знание и понимание задачи и так далее, пришли к выводу, что дисциплина и боеспособность личного состава высокие; настроение хорошее, поставленную задачу батальон выполнит. Я это заявляю смело, — подчеркнул он.

В ночь с 4 на 5 апреля отправились взводы разведки в поиск с задачей выявить возможную переправу. Разведка установила, что переправы на нашем участке нет. Есть там, где соединяются два канала, но это участок 252 с.п.

5 апреля наша 7 стрелковая рота совместно с 4 стрелковой ротой левого соседа разведкой боем заняли первую траншею противника, а рота достигла канала Ланд-Грабен. Отбив две сильные фланговые контратаки 1 батальона Кенигсбергского пехотного полка при поддержке артиллерии и минометов, закрепились на достигнутом рубеже.

Взаимодействуя огнем с нашей ротой, штурмовой отряд 252 с.п., преодолевая яростное сопротивление противника, все же вышел на рубеж двумя стрелковыми ротами и закрепился на северном берегу канала Ланд-Грабен.

В 3.00 под покровом темноты 7 стрелковая рота с одним взводом форсировала канал Ланд-Грабен, вторым обошла его справа, прочно закрепилась на южном его берегу. В бою командир роты старший лейтенант Демченко не растерялся. Сам был смелым и мужественным командиром. Его рота дружно вышла из траншей и быстро заняла господский двор Галькефен.

Быстро и с малыми потерями ротный организовал переправу через канал Ланд-Грабен, тем самым обеспечил потом продвижение остальных подразделений штурмующего отряда.

Всю ночь рота вела бой. Медленно, но продвигалась вперед. Под самое утро я выдвинул вторую роту.

Левый сосед использовал мостки, тоже захватил плацдарм рядом с нами. Противник, пытаясь восстановить утраченное, с 5.00 до 7.00 6 —го апреля трижды контратаковал выдвинувшуюся на южный берег канала Ланд-Грабен стрелковую роту из района высоты 20,6, каждая группа была численностью до 40 солдат. Чуть раньше группа численностью до 50 человек при поддержке артиллерийского и минометного огня из района юго-западнее пруда Филипс контратаковала штурмовой отряд 252 с.п. в направлении места переправы через канал Ланд-Грабен.

Все контратаки противника штурмовые батальоны при поддержке артиллерии и минометов успешно отразили, нанеся значительный ущерб в живой силе и технике противнику.

После предварительной авиационной обработки, однодневного периода разрушения и последующей трехчасовой артиллерийской подготовки в 13.00 6 апреля 1945 года штурмовые батальоны перешли в решительное наступление.

Наш левый сосед — Царегородцев своим штурмовым батальоном под огнем противника прорвал его оборону на южном берегу канала Ланд-Грабен и через два часа штурмом овладел безымянными высотами 150 метров севернее отметки 21,0.

Мой батальон своим левым флангом держал с ротой батальона Царегородцева локтевую связь.

Правый сосед /26 с.д./ после артподготовки и нашей атаки не сдвинулся с места. Надо было держать связь и с правым соседом, чтобы не образовался разрыв между флангами. В меру своих сил я это делал. Поэтому наш штурмовой отряд вытянулся в линию под углом в отношении исходной для наступления позиции. Своим правым флангом батальон наступать не мог ввиду невозможности отрыва от правого соседа, а противник, закрепившийся на высотах перед левым флангом 26 с.д., сковывал фланкирующим огнем мой правый фланг. Оказалось, на границе с подразделениями 26 с.д. встал перед фронтом моего наступления сильно укрепленный опорный пункт Гросс-Фридрихсберг и прилегающие к нему высоты, в частности, высота с отметкой 26,0.

Для прочного удержания высот противник подтянул резерв на высоту 21,0. Ружейно-пулеметным и артиллерийско-минометным огнем из Гросс-Фридрихсберга фланкировал штурмовой отряд Царегородцева. Правый фланг моего батальона бездействовал из-за соседа. Противник начал вести интенсивный артиллерийский огонь по нашим боевым порядкам.

Понимая, что успешное продвижение 252 с.д. зависит от узла обороны господского двора Гросс-Фридрихсберг- справа и форта 5А — слева, в полку возникло дерзкое решение: использовать пленных 1 Кенигсбергского полка 2 п.б., которых бойцы взяли, отправиться в форт и попытаться овладеть им без кровопролития, для чего использовать разведвзвод полка и штурмовую роту, уже выдвинутую к этому времени к юго-западной стороне форта, прикрывавшую действия 1 стрелкового батальона и завязавшую огневой бой с немцами.

Подойдя к воротам форта с группой пленных, командир разведвзвода с пленным адъютантом командира 2 п.б. предложили командиру гарнизона сдаться, гарантируя жизнь и учет добровольной сдачи в плен. Это предложение было принято, остатки гарнизона сдались в плен, туда была введена штурмовая рота 1 стрелкового батальона, и к 16.00 доставили к командиру 252 с.п. на НП группу пленных, более 60 человек, во главе с командиром 1 Кенигсбергского крепостного полка полковником. Это обстоятельство облегчило наше наступление и наступление штурмового батальона 252 с.п.

В свое время я говорил, что пехота никогда не шла вперед без уничтожения огневых точек противника. Оно, конечно, так, но противника нелегко было уничтожить полностью, тем более здесь, в Кенигсберге. Задача артиллерии и минометов, авиации и других средств боя заключалась не только в том, чтобы все подавить и все уничтожить, а и непрерывно сопровождать пехоту на поле боя, и так, чтобы удары артиллерии и минометов дополнялись согласованными ударами с воздуха, чтобы лавина наземного и воздушного огня загоняла фашистов в укрытие и не позволяла им полностью использовать свое оружие. Для выполнения этой задачи огневых средств в батальоне было больше чем достаточно.

Однако успешному, как бы нам хотелось, наступлению мешали несколько обстоятельств.

Первое. Мы не вскрыли всю огневую систему врага. В ходе боя появились и продолжали возникать огневые точки там, где мы их и не ожидали. Надо отдать должное противнику, что у него лучше нашего организовано взаимодействие между пехотой и артиллерией.

Второе. Нам мешало скованное направление нашего движения, которое было определено в 285 градусов. Я считаю, что установка вести огонь только в своем секторе не приносила нам пользы. Мы просили высшее командование отменить все это, так как оно очень тормозило развитие нашего успеха.

Мой же правый сосед из 26 с.д. занимал прежний рубеж и своим огнем оказать содействие в нашем продвижении так и не мог.

Таково было положение к исходу первого дня боев за город Кенигсберг. Уже два дня, как мы вступили в бой, наступившая ночь была беспокойной. Противник постоянно лез на наш передний край с разведывательными целями. Отбиваясь от фашистов, мы ночью не сомкнули глаз. Накормили бойцов, пополнили боеприпасы, усовершенствовали свою оборону и т.д.

В эту последнюю ночь перед наступлением из полка позвонили, чтобы я сейчас же встретил в траншеях Докукина и с ним какого-то человека. Отдав трубку телефонисту, я поспешил в траншею. Не прошло и пяти минут, как оказался командир полка, а с ним какой-то, вроде, мне знакомый человек. Он был в плащ-палатке, на голове каска и маскировочная сетка. Я тихо доложил о состоянии батальона. Гость спрашивает у меня: «Как настроение людей?» Я ответил, а он опять: «Знаете, сколько у вас приданных и поддерживающих стволов артиллерии?» — «Конечно, знаю. 130 стволов. Никогда столько не было. Негде ставить». Гости прошли по траншее, что-то спросили у пулеметчика, заглянули в землянку, но там никого не было. Все стояли в траншее.

Докукин с гостем ушли, а через минут 15 отчитал меня по телефону за развязный разговор с тем, у кого мы с ним были на совещании.

«Какая досада, что я не мог угадать командира Белобородова! Ведь видел же вчера!» Я готов был грызть землю, но вернуть, что произошло, не мог.

Гросс-Фридрихсберг — сильный опорный пункт противника — являлся прикрытием основной магистрали /шоссе и ж.д./ Кенигсберг-Пиллау и западной окраины Кенигсберга. С его потерей отрезалась группировка войск, находящаяся в Кенигсберге, от войск, обороняющихся на Земландском полуострове.

Кроме того, Гросс-Фридрихсберг являлся родовым именем одного из гитлеровских приспешников Эриха Коха. Он был гауляйтером и обер-президентом Восточной Пруссии.

В этом состояло политическое и стратегическое значение Гросс-Фридрихсберга.

Противник, выбитый подразделениями 252 с.п. с безымянных высот севернее отметки 21,0, с частью войск отошел в направлении отметки, остальными войсками усилил гарнизон Гросс-Фридрихсберга, который представлял собой опорный пункт, заранее подготовленный к длительной обороне, с рубежом высот с отметками: 15,9, 19,0; 18,8.

Из подвалов и обоих этажей дома самого хозяина — Эриха Коха, как и из всех сплошь каменных надворных построек, бил плотный перекрестный пулеметный огонь, преодолеть который было невозможно. Причем не успеют наши артиллеристы подавить одну пулеметную точку, как незамедлительно тут же возникает новая. Эта «крепость» остановила наше наступление и не давала возможности решить главную задачу — перерезать дорогу из Кенигсберга на Фишхаузен-Пиллау, соединяющую гарнизон Кенигсберга с группой немецких войск

«Земланд», а также ускорить соединение с частями II Гвардейской Армии, наступающей с юга для окружения города-крепости Кенигсберг.

На подступах к Гросс-Фридрихсбергу находились два дзота, две линии траншей с ходами сообщения, служащими отсечными позициями. Кроме того, Гросс-Фридрихсберг усиливали артминометные средства, действующие из Модиттена и Метгетена. Нужны были срочные самые решительные и умелые действия.

Для штурма и захвата Гросс-Фридрихсберга командиром дивизии полковником Красновским было решено ввести в бой и 68 с.п.

Полк в составе двух стрелковых батальонов в 17.00 6 апреля выдвинулся из района сосредоточения на южный берег канала Ланд-Грабен, на наш правый берег, за боевые порядки нашего 329 с.п.

После артналета подразделения 68 с.п. при поддержке орудий прямой наводки и минометов поднялись в атаку и выбили противника из траншей и ходов сообщения, прикрывающих Гросс-Фридрихсберг, т.е. выполнили задачу за моего правого соседа. В 200 метрах от имения Коха находились два немецких ДОТа, откуда противник воспрепятствовал огнем дальнейшему продвижению стрелковых подразделений. Для блокировки ДОТов по приказу командующего артиллерией дивизии полковника Савченко были подтянуты 152-мм гаубицы, орудия прямой наводки 227 а.п. и три самоходных установки, которым была поставлена задача разбить северный дом в Гросс-Фридрихсберге, где прочно засели немцы и оказывали упорное огневое сопротивление наступающим подразделениям.

Под прикрытием огня с закрытых позиций и орудий прямой наводки стрелковые подразделения 68 с.п. овладели ДОТом.

Используя успех 68 с.п., мой батальон занял боевой порядок между батальонами 68 и 252 с.п., вступив в бой с противником западнее Гросс-Фридрихсберга, обеспечивая поддержку и содействуя штурму Гросс-Фридрихсберга подразделениями 68 с.п..

Противник в 19.00 ввел в бой резервные подразделения и усилил имение Коха с его гарнизоном самоходными орудиями.

После 30-минутного артналета и двух залпов ЭРЭС /КАТЮШ/ по Фридрихсбергу подразделения 68 с.п. поднялись на штурм опорного пункта, действуя вместе с орудиями прямой наводки в направлениях: 2-й батальон 68 с.п. — южнее окраин пункта, 1 батальон этого же полка — западнее окраин пункта. В 20.00 стрелковые подразделения ворвались в первые дома поселка. Первым ворвался в Гросс-Фридрихсберг парторг 5 роты сержант Платонов. Противник открыл ураганный огонь по занятым нами домам. Подтянутыми самоходными орудиями и орудиями прямой наводки расстреливал их. С запада появились 6 танков. Нами был введен в бой 94 ОИПТД / две батареи — противотанковый резерв/ и самоходные установки.

С наступлением темноты батальоны вновь повели наступление на следующие дома, занятые еще противником. Штурмуя каждый дом, каждый этаж и подвал, непосредственно с помощью орудий прямой наводки сержант Платонов уничтожил более 2-х десятков немецких солдат. Жив ли этот отважный воин?

Чувствительный удар по укреплениям господского двора был нанесен стрелковым взводом старшины Алейникова.

Действуя в составе штурмовой роты, он обошел двухэтажный дом, оставил взвод для прикрытия, с двумя бойцами, вооружившись гранатами и автоматами, по водосточной трубе влезли на второй этаж, уничтожили пулеметный расчет /трех гитлеровцев/, увлекшихся ведением огня по наступающим батальонам нашего полка из противоположного окна, затем, перемещаясь со своими двумя бойцами из комнаты в комнату, бесшумно расправились с засевшими гитлеровцами, очистив весь этаж. Бесстрашный воин спустился на первый этаж, так же быстро очистил его и забросал гранатами подвал, уничтожив 22 гитлеровца.

Политотдел распространил листовку, а партийно-политический аппарат провел по всем взводам и ротам беседы об итогах боя дня, раскрыв героические подвиги многих бойцов, сержантов и офицеров, сражавшихся в бою. Их было так много, что о всех рассказать трудно, но о храбрости старшины, командира стрелкового взвода 252 с.п. Алейникове рассказать нужно. Вообще А.Г. Алейников был храбрым командиром, за что был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2 степени и Славы 3—1 степени. При разведке боем взвод Алейникова стремительно ворвался во вражескую траншею. Взвод истребил несколько десятков фашистов, а сам командир взвода захватил в плен важного гитлеровца, который на допросе дал очень ценные для командования дивизии сведения. Не раз Алейников отличался в боях за населенные пункты, и вот на этот раз Алейников помог всем.

В храбрости пулеметчиков никогда не было сомнений. Отличились они и на этот раз. Многие знали 18-летнего командира пулеметного расчета 68 с.п. Митю Ефремова.

За боевые заслуги он уже был награжден орденом Отечественной войны 2 степени, орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». При прорыве обороны противника Ефремов под сильным огнем один переправился с пулеметом через канал и вовремя прикрыл переход на другой берег наступающего подразделения. Огнем своего пулемета он уничтожил около тридцати фашистов и водрузил на одном из домов поселка красный флаг.

Близился рассвет, а с ним новый бой. Наша артиллерия еще не подошла, и танки противника беспрепятственно двигались на нас. В этот критический момент старшина Алейников пробрался поближе к приближающимся танкам и забросал их гранатами. Одному танку разбил гусеницы, остальные повернули обратно. Следовавшая за танками пехота дрогнула, взвод Алейникова, а за ним и вся рота бросились на них в рукопашный бой, гитлеровцы обратились в бегство, и большинство из них погибло.

Противник шесть раз контратаковал Гросс-Фридрихсберг, но успеха не имел и каждый раз, неся значительные потери, отходил на исходный рубеж.

Мой левый сосед — штурмовой отряд 252 с.п., овладев безымянными высотами, успеха в продвижении в направлении отметки 21,0 не имел. В 15.00 6 апреля командир полка подполковник Яценко решил обойти отметку 21.0 слева вдоль канала Ланд-Грабен, захватить внезапным ударом Вильки и таким образом выполнить поставленную задачу. Подразделения полка, выполняя поставленную задачу, приступили к блокировке форта на восточном берегу канала Ланд-Грабен.

Для блокировки форта совместно с подразделениями 33 Гвардейской дивизии была выделена штурмовая группа в составе 1 с.р. с двумя 76-мм орудиями и минбатареей 120-мм минометов.

Организовав взаимодействие с подразделениями 33 Гвардейской с.д., в 16.00 6 апреля приступили к штурму форта. Для прикрытия действия штурмовой группы в направлении Вильки была поставлена задача 2 стрелковой роте. По сигналу орудия прямой наводки открыли интенсивный огонь по амбразурам южной половины форта, подавили огонь пулемета и одной 75-мм пушки. Стремительной атакой атакующие ворвались в форт и вынудили гарнизон сложить оружие. После падения форта было захвачено в плен 40 солдат и три офицера, в том числе — комендант форта, капитан, а также 10 пулеметов и 80 автоматов.

Овладев фортом, 4 стрелковая рота 2-го с.б. 252 с.п., прикрывающая действия штурмовой группы по взятию форта, двинулась на Вильки, но внезапно залегла. На помощь был введен в бой 1-й батальон полка.

Противник ожесточенно сопротивлялся и ценой больших потерь удержал Вильки, которые прикрывали подступы к форту №6 «Кениген Луиза» и подступы с юга — к Гросс-Фридрихсбергу.

В 9 часов утра мы слышали гул артподготовки на юге. Это навстречу нам шла 22 Гвардейская Армия. Потом тысячи орудий и минометов обрушили лавину огня на всю глубину обороны немцев с нашей стороны. Общее наступление на Кенигсберг началось. Вслед за огневым валом мы пошли в атаку. Жестокий бой разгорелся за Фридрихсберг. Но не так просто было уничтожить противника. Перед нами встала стена артиллерийского огня, и мы залегли.

После трехчасовой артподготовки в 13.00 мы пошли в атаку, но успеха опять не имели и снова залегли. Противник вел интенсивный огонь по нашим боевым порядкам. Мой сосед из 26 с.д. своим огнем оказать содействие в продвижении вперед не мог.

Правее нас в 17 часов вечера оказался стрелковый батальон нашего 68 с.п. Под прикрытием арт-миногня бойцам удалось выбить противника из траншей и ходов сообщения.

Для блокировки новых ДОТов были подтянуты 152-мм гаубицы, орудия прямой наводки 227 а.п. и три самоходных установки. Им было приказано подавить очаг сопротивления. Соседям из 68 с.п. удалось подняться и захватить огромный кирпичный дом. Используя успех соседей, мы пошли не в лоб населенного пункта, а чуть западнее.

Противник ввел в бой резервные подразделения и усилил гарнизон имени Коха самоходными орудиями. Мы с соседом из 68 с.п. попросили артналет из двух залпов «катюш» по южной стороне Гросс-Фридрихсберга. Артналет длился 30 минут, а в конце были мощные два залпа РС. Мы ворвались на улицу и завязали бой. Улиц-то не было, было нагромождение красно-кирпичных и серобетонных развалин. За 2 часа населенный пункт был очищен от противника. Но с раннего утра немцы полезли на нас крупными силами. Мы с соседом из 68 с.п. отбили шесть контратак, но все же противник закрепился на южной окраине поселка.

Было утро 7 апреля. За ночь у нас произошла некоторая перестановка. По приказу комдива батальон 68 с.п. занял исходные позиции в центре

Гросс-Фридрихсберга, мой штурмовой отряд — на западной окраине, а 252 с.п. своим штурмовым отрядом — во втором эшелоне с задачей наступать на южную окраину имения Коха. Все контратаки противника подразделениями 68 и 329 с.п. были успешно отражены.

Однако противник прочно закрепился на южной окраине Гросс-Фридрихсберга. Полки имели задачу прочно удерживать имение Коха. Для усиления подразделений полков в течение ночи и дня было поставлено 18 орудий прямой наводки непосредственно в Гросс-Фридрихсберге. В течение дня личным составом успешно отражались многочисленные контратаки пехоты противника. Примеров тому много, но приведем из всех только один.

Особенно жарко было на участке пулеметной роты двадцатилетнего старшего лейтенанта Николая Катина. Он был призван в армию в мае 1942 года Зеленодольским райвоенкоматом Татарской АССР, окончил Ярославское военное училище и с августа 1943 года находился на фронте. Трижды ранен, награжден орденом Красной Звезды. В горячей фронтовой обстановке был принят в члены партии.

Силы роты Катина таяли, но пулеметчики стойко держались. Фашисты подошли вплотную к обороняющимся. К середине дня гитлеровцы, сосредоточив крупные силы, вновь пошли в атаку и окружили пулеметчиков. Ведя бешеный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь, они упорно шли к домам, занимаемым подразделением Катина.

Три часа кипит упорный бой. Третью атаку отбивают катинцы. И вот по фашистам бьют уже два станковых пулемета. В строю остается только ротный. Он попеременно ведет огонь то из одного, то из другого пулемета. Четвертая атака отбита.

Гитлеровцы, собрав силы, пошли в пятую атаку. На этот раз при поддержке самоходного орудия «фердинанд». Кирпичное строение не выдержало, и часть стены с грохотом рухнула. «Фердинанд» продолжал бить по дому. Серо-желтая кирпичная пыль окутала все вокруг.

Самоходка, крупнокалиберные пулеметы непрерывно били по развалинам. Вдруг в грохоте канонады раздался глухой взрыв, не похожий на разрыв снаряда. Налетевший ветер смел кучу пыли, дыма и гари в сторону, и немцы увидели, что их бронированная громадина, уткнувшись пушкой в груды кирпича, с перебитой гусеницей, завалилась на левый бок. Николай Катин связкой гранат укротил железную тушу грозного зверя.

Фашисты пошли в шестую атаку. Долго по противнику бил только один пулемет. Потом смолк и он. Герой-коммунист, расстрелявший все патроны, с оставшейся единой гранатой в руке стал к двери, прислонился к притолоке. Гитлеровцы ворвались в комнату. Подпустив к себе врагов, Николай взорвал гранату. Катину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

После тридцатиминутного налета из всех видов артиллерии и минометов батальон 252 с.п. атаковал противника, обороняющего Вильки, и занял его траншею перед ними. Противник, приспособив заранее дома к бою, ружейно-пулеметным огнем и частыми арт-минналетами задержал продвижение батальона вперед. Взаимодействуя с соседом слева и используя его успех, мы отвоевывали метр за метром вражеской территории. Организовав огонь и сосредоточив его

на отдельных объектах подавления, сосед ворвался на северо-западную окраину Вильки, выбил немцев из домов и подвалов, прочно закрепился на достигнутом рубеже.

С захватом Вильки были отрезаны подступы с севера к гарнизону обороняющегося форта №6 и была достигнута возможность огневого контроля шоссейной дороги Вальдарген-Мариенберг.

Взламывая траншейную оборону немцев и борясь за опорные пункты, мы к исходу дня овладели господским двором Фридрихсберг и Вильки, полностью прочно закрепились на достигнутом рубеже, выполнив ближайшую боевую задачу дивизии.

С утра 7 апреля произвели частичную перегруппировку с задачей — прочно удерживать то, что отвоевали.

252 с.п. сдал достигнутый рубеж введенным в бой частям 319 с.д. и занял боевой порядок в районе высоты 21.0 и 400 метров южнее ее, имея задачей содействовать огнем подразделениям 319 с.д. при штурме форта №6 «Кениген Луиза».

На рассвете противник предпринял шесть контратак в направлении Гросс-Фридрихсберга, пытаясь восстановить утраченное положение, но тщетно.

Взяв пригород Кенигсберга — Вильки, наши подразделения встретили на своем пути форт №6 «Кениген Луиза». Овладеть фортом обходным маневром не представилось возможным, так как соседние наступающие подразделения задержались, и противник сильным фланговым огнем и контратаками пехоты, поддерживаемыми танками и самоходными артиллерийскими установками, не давал совершить преднамеренный маневр.

Тогда было принято решение штурмовать непосредственно форт, к месту штурма были подтянуты два орудия 152-мм, 4 СУ-152 и начали усиленный обстрел форта. По форту начала бить и артиллерия, находящаяся в составе штурмовых отрядов. Кроме того, по форту оказал огневое воздействие дивизион гвардейских минометов с соседнего участка.

После произведенной артиллерийской обработки интенсивность действий огневых средств форта резко снизилась, но все же противник продолжал оказывать сопротивление. На следующий день соседние части, сломив сопротивление противника, начали успешно продвигаться вперед. Штурмовые отряды, воспользовавшись успехом соседей и продолжая обстрел форта с фронта, произвели частичное выдымление и, совершив обходной маневр с тыла, штурмом овладели им. Было взято в плен 120 гитлеровцев во главе с комендантом гарнизона, до 15 орудий различных систем и много других трофеев.

Без помощи артиллеристов мы никогда бы не выстояли против такого озверелого врага. Артиллеристы всегда и во всем помогали нам, своевременно открывая огонь туда, куда мы его просили. Огонь всегда был и был точным.

Особенно много сделали для нас, пехотинцев, артиллеристы орудий прямой наводки, ведь они были всегда с нами, видели цели, давали точный огонь по противнику и очень помогали нашему продвижению вперед. Находясь в сложной боевой ситуации, артиллеристы поступали по-героически, побеждая врага не только своими снарядами, но и храбростью, мужеством и героизмом.

Вот, например, как воевал старшина командир орудия 277 а.п. Александр Обухов. Случается же, орудие Обухова оказалось в окружении противника.

Несмотря на численное превосходство врага, атаковавшего огневую позицию орудия Обухова, расчет орудия смело вступил в бой с врагом. Огнем из своей пушки и из автоматов артиллеристы истребили 36 фашистов и сами, воодушевленные своим командиром, бросились на врага. Потом, преследуя противника, артиллеристы подбили два ронетранспортера и вывели из строя два орудия противника.

Спустя 38 лет мне захотелось посмотреть на форт «Королева Луиза». Оказалось, к нему путь закрыт. Я объездил все начальство, которое ведало разрешением выдать пропуск, но так и не добился. Обратился в обком КПСС. Позвонив куда-то, мне предложили подождать, потом за мной приехали научные сотрудники областного музея, и через полчаса я стоял и смотрел на грозный форт «Кениген Луиза». Белый свет не без добрых людей, мне была представлена возможность обойти все сооружения, побывать на дне окружного канала и даже в самом форту. И только тут я восстановил все в деталях, как бойцы штурмовали эту трехэтажную крепость, на которой шестиметровый слой земли и густой лес. Вокруг форта 15-метровой ширины канал с обложенными камнем стенами. С капонира форта простреливался канал. Трехэтажные узкие бойницы изрыгали пламя огня, обеспечивая не только невозможность блокировать форт, но и на сколько-нибудь подойти к нему.

И тут мне вспомнилось, как бойцы преодолевали канал: предварительно задымив амбразуры, — на хребет капонира, а потом уже и на сам форт, т.е. на его крышу. Помню, как спускали над амбразурами мешки с песком, как спускались между двумя амбразурами и забрасывали их гранатами и задымляли.

Стою и не верю, чтобы простой солдат мог победить эту кирпичную громадину, изрыгавшую пламя огня.

А ведь действительно тогда солдаты победили. К нам присоединились 20 человек бойцов из 252 с.п. У них не было командира. Они попросили взять их к себе. Я принял. Ребята участвовали в штурме этого форта. Живы ли они, эти смелые, честные люди?

Часов в десять утра начала бить артиллерия по всему фронту. Воздух наполнился скрежетом и шипением — били «катюши». Гул, гром и треск стоял страшный. В небе повисло черно-желтое месиво из кирпича и дыма. Поток огня и металла лился со всех сторон. Сверху город бомбили тысячи самолетов. Воздух наполнился свистом и ревом. Конечно, было страшно. Битва с каждым метром становилась ожесточенней. Пехота, артиллерия и танки двигались только вместе, перекатами, зигзагами, выдерживая направление. Только сейчас мы почувствовали, что в наступление идем не одни. За нами тьма -тьмушая людей и техники. Фашисты упорно сопротивляются. Злобствует его артиллерия. К исходу дня мы продвинулись значительно. Мне была придана батарея тяжелопушечного а.п.. Ребята хорошо меня поддерживали. Для них никакой преграды не было. Надо было пройти нам сквозь стену, и они проделывали нам проход моментально.

Подошли к кирпичному заводу и залегли. Попытались обойти — ничего подобного, на чужую полосу нельзя, да и немцы обороняются вкруговую. По нас бьют два 105мм орудия и несколько пулеметов.

Тогда мы решили совсем разрушить кирпичный завод. Командир батареи выделил орудие старшего сержанта Силина. Такую фамилию не забудешь.

С первого выстрела по заводу противник открыл по артиллеристам ураганный огонь из артиллерии и пулеметов. Мы защитили своих друзей. Артиллеристы продолжали бить и пробиты здание в нескольких местах, потом зажигательными снарядами заставили замолчать все огневые точки противника на кирпичном заводе. Я послал роту Жальцанова с задачей взять развалины кирпичного завода. Бойцы бросились в атаку и выбили немцев с занимаемого завода.

Мне сообщили, что капитан Кондрашин погиб, а на его место прибыл капитан Логвин-Гребенюк. Командира 94 СИПТД капитана Кондрашина я знал давно, он тоже заменил тогда капитана Шеина, который был смертельно ранен. Кондрашину ампутировали ногу, но от большой потери крови он умер. Теперь вот нет и Кондрашина.

Точное направление в указанных нам градусах осложняло наш бой, а порой нам просто невозможно было развивать успех наступления. Мы просили разрешить нам отклоняться, делать обходы, маневрировать, искать, что легче, удобнее взять, а не идти поперек улицы. В городских условиях почти невозможно выдерживать точное направление.

Ночь, день, ночь без отдыха батальон ведет бой на окраинах города-крепости. И вот наступило утро. Кенигсберг окутан сплошным дымом и тучами пепла, через которые еле пробивалось слабое пятно солнца. Все дома разрушены. Всюду валяется награбленное со всей Европы добро.

Немцы постоянно нас контратакуют. На наш батальон немцы идут при поддержке самолетов. Не помню, сколько за этот день мы отбили контратаки, их было не меньше десяти. Контратаки убедили наше командование отказаться от точного направления наступления. Теперь бойцам стало легче вести бой, так как все время мы шли чуть не поперек улиц, что очень затрудняло передвигать орудия, невозможно было использовать на полную мощность самоходки. Дело пошло веселее. Весь день над городом продолжали висеть черно-желтые тучи, а в изорванных просветах между ними спешно кружились одинокие лапчатые косокрылые стервятники-юнкеры.

К вечеру ввел в бой второй эшелон. Вместе с нами опять оказались 30 бойцов из 252 с.п. Так они без командира наступали честно и добросовестно, не менее храбро, чем бойцы нашего батальона. Немцы были отрезаны от Земланда и закрыты в Кенигсберге.

Нам предстояла еще более трудная задача — удержать и не выпустить их на запад. Парторги и комсорги поговорили с бойцами, еще раз заместитель по политической части командира батальона обошел все роты, сам поговорил и доложил мне, что личный состав батальона не пропустит немцев через свои боевые порядки и будет стоять насмерть.

В ночь немцы решили крупными силами прорвать кольцо окружения, вывести войска на запад и спастись армии и фашистскому руководству. Трудно было сдерживать напор фашистов, но батальон выстоял.

Нужно было установить, сколько пало и ранено бойцов в бою. Сделать это было нелегко. Позвонил в медсанроту полка и в медсанбат дивизии. Попросил прислать со сведениями медстатистов. Из санроты вскоре пришел небольшой росточком черномазенький фельдшер Патлашенко. Он с командиром санвзвода лейтенантом медслужбы Горевым проверили свои записи и

дали мне, правда, не совсем точные, но все же это были цифры, а за ними известные мне люди. С медсанбата прибыл медстатист Зеленин и ахнул. Будучи в 146 стрелковой бригаде санитаром, он был под начальством этих лейтенантов. Теперь стало понятно, что тот и дугой со дня формирования бригады в Калачинске воюют вместе, но друг друга не знали, кто откуда. Друзья-сибиряки составили мне сведения и разошлись. Посмотрев на Горева, я вспомнил такой случай.

Было это под городом Мемелем. Батальон наступал одной ротой. Было несколько человек раненых, которых трудно вытащить в тыл. Рота залегла. Впереди были капустные грядки и полуразрушенный кирпичный дом, откуда постоянно бил пулемет. Кто-то под огнем этого пулемета пробрался к капустным грядкам, зашел с тыла и забросал пулемет гранатами, человек пять-шесть бойцов бросились к дому и заняли его. Горев с санитарями перетащили в подвал этого дома раненых и сохранили им жизнь. Когда рота брала траншеи противника, Горев со своими санитарями помог роте огнем с фланга взять эти траншеи. Надо было Горева представить к награде, но в боевых буднях это было забыто и только вспомнилось сейчас. Я исправил свою ошибку. Командир санитарного взвода был представлен к награде. Это он забросал пулемет гранатами.

Игорь Горев был отличным командиром санитарного взвода. Мне не приходилось тратить время на проверку его службы. Взвод всегда был полностью укомплектован санитарями и обеспечен всем необходимым. Если случалось, что из взвода кто-то выбывал, лейтенант уже имел на примете, кем нужно заменить выбывшего. И на этот раз я был спокоен за каждого тяжелораненого. Горев сохранит ему жизнь.

18.

В течение ночи на 8 апреля части дивизии, получив боевую задачу на дальнейшее наступление, произвели частичную перегруппировку сил, построив боевой порядок; 68 с.п. — в центре Гросс-Фридрихсберга, 329 с.п. — на западную окраину Гросс-Фридрихсберга с задачей наступать на южную окраину, 252 с.п. — во втором эшелоне боевых порядков дивизии в готовности к отражению контратак и наступлению в южном направлении. Во второй половине дня 8 апреля 252 с.п. получил задачу овладеть высотой с отметкой 15,9, и 329 с.п. — высотой с отметкой 18,8, а 68 с.п. было приказано быть во втором эшелоне дивизии — прочно удерживать Гросс-Фридрихсберг.

В 18.00 после артналета 252 и 329 с.п. атаковали противника на указанных высотах, захватили немецкую траншею и выбили противника с занимаемых высот. В течение ночи на 9 апреля, ведя разведку в направлении Модиттена, содействовали огнем соседу слева в блокировке форта №6 и соседу справа во взятии Метгетена и кирпичного завода.

Получив задачу перерезать шоссе Кенигсберг — Пиллау и тем самым разрезать группировку немцев на две части, в ночь на 9 апреля разведотряд 329 с.п. оседлал железную дорогу южнее Гросс-Фридрихсберга и, преодолевая упорное сопротивление противника, содействовал огнем 252 с.п. во взятии Модиттена.

Командир 252 с.п. подполковник Яценко, совершив обходной маневр в направлении озера 1 км южнее Гросс-Фридрихсберга, перерезал шоссе и завязал бой на северо-восточной окраине Модиттена. Выполняя задачу

овладения Модиттенем, 252 с.п. во взаимодействии с 329 с.п. штурмом овладел Модиттенем и закрепился на западной окраине. 329 с.п., развивая успех 252 с.п. и взаимодействуя с ним, вышел и закрепился на юго-западном берегу ручья Модиттен-Бах, овладел кирпичным заводом и прочно закрепился на достигнутом рубеже.

68 с.п. прочно оборонял Гросс-Фридрихсберг.

Противник предпринял в течение дня три контратаки, каждая силой до батальона при поддержке 4—5 танков, из района западного Модиттена. Все контратаки были отражены.

Здесь, как и всегда, отличились артиллеристы. Вот два примера мужества и стойкости артиллеристов.

Все дни артиллерийского обеспечения наступления орудие сержанта Зернина было на прямой наводке, метким огнем оно активно поддерживало наступление подразделений с.п.. В ходе боя, как выяснило командование, артиллеристы разбили три вражеских орудия, самоходку, два наблюдательных пункта противника и уничтожили много немцев. Люди выходили из строя, но орудие продолжало действовать. Наступил момент, когда у орудия остался один его командир сержант Сергей Зернин. Но и командир был ранен. Несмотря на ранение, он не оставил своего орудия и продолжал вести огонь. Зернин не ушел с поля боя до конца сражения, когда фашисты капитулировали.

Второй пример. В бою за Модиттен артиллерийский расчет орудия 227 а.п. сержанта Константина Роденко смело переправился через канал, уничтожил на его противоположном берегу два вражеских пулемета и обеспечил форсирование водного рубежа наступающей пехоте. Но случилось и такое: немцы окружили орудие прямой наводки. Роденко не растерялся; он с возгласом: «Ребята! Постоим за Родину!» бросился на фашистов. В бою был ранен, но продолжал сражаться с врагом, воодушевляя своей смелостью и отвагой своих боевых друзей. В результате смелого поступка артиллерийский расчет уничтожил до двадцати гитлеровцев и семерых взял в плен.

Сергею Зернину и Константину Роденко были присвоены звания Героев Советского Союза.

Военные действия перемещались на западную часть Земландского полуострова.

19.

К Лупкину прибежал боец и доложил, что впереди ни у кого нет патронов. «Гранат много, хватит на сто лет, а вот патронов нет». В эту минуту докладывает командир роты лейтенант Жалсанов, что у него кончились все патроны. Ординарец Манис собрал связных и быстро разыскал для всех патроны. Дело пошло веселее.

Командир полка приказал немедленно развернуться и вести бой в западном направлении в сторону чуть южнее Модиттена.

— Дементьев, приказываю не допустить ни одного немца в город Кенигсберг со стороны Земланда. С запада на прорыв кольца, на выручку окруженных, идут части немецкой армии. Надо сдерживать натиск гитлеровцев.

Спрашиваю у Маниса:

— Который час?

— Два часа дня, товарищ капитан, как восьмое число.

Только сейчас начинаю понимать счет суткам. Ввожу в бой третий эшелон и все свои резервы. У меня появились соседи. Мы от них не отстаем, но и вперед не идем. Остаток дня и ночи — в непрерывном то наступательном, то оборонительном бою. Ни одну сотню уничтожили рвавшихся в контратаку фрицев. Потеряли несколько человек и мы. Смертью храбрых погибли Давыдов Андрей из Тамбовской области, Дейнеко Григорий из Украины, Кикин Иван, имевший сына Владлена, Каленюк Константин из Бреста и Почтарев Алексей Игнатьевич из Могилевской области.

Все они имели детей.

Эти дни не забыть. Иудиттен можно было сравнивать с гигантским кипящим огненным котлом. Пехота бросалась в атаку за огненным валом, неся с собой такой же огненный вал. Дым и кирпичная пыль застилала путь, слепили глаза, оседали во рту. Кто здесь отличился? Все! Здесь не было неотличившихся. Медлить было нельзя. Мы шли вперед. Под этим словом надо понимать: бежали и ползли. Убит старший лейтенант Фирсов. Минометчики вынесли своего командира с поля боя и похоронили здесь, у КП, сделав на столбике надпись: «Старший лейтенант Фирсов — отважный командир 3 м.р.»

Наверное, где-то рассказывают сейчас своим детям и внукам Петухов, Лупкин, Зиборов, как они подбили «тигра» и как взяли в плен генерала, как стреляли из немецкой пушки и со старшим лейтенантом Фирсовым — из немецкой минометной батареи.

Этому трудно поверить, но ведь это правда. За это 9 апреля в день взятия Кенигсберга командир дивизии полковник Красновский С.А. вручил каждому из них ордена Красного Знамени, а Смирнову, Кривоногову, Малышеву и Волкову — ордена Славы 3 степени. Фирсов не дожил до своей награды — ордена Красного Знамени.

В течение ночи на 9 апреля, ведя в направлении Модиттена бой, содействовали огнем соседу слева в блокировании им форта №6 и соседу справа во взятии Метгетена и кирпичного завода.

Получаю задачу — перерезать шоссе Кенигсберг-Пиллау. Если мы выполним ее, группировка в Кенигсберге окончательно отрезается от Земландской.

Понимая важность этой задачи, прошу парторга и комсорга батальона объяснить это каждому бойцу. Ставлю ротным задачу, и приступаем к ее выполнению.

«68 и 252 с.п. и их подразделения хотя чуть-чуть, но имеют передышку. Их постоянно выводят во второй эшелон, нам же никакого отдыха», — говорит начальник штаба. — «Какой же тебе отдых? — отчитываю Хлестуна. — Мы же штурмующий отряд. Вон какая сила нам дана!»

Откуда ни возьмись, а у меня опять левый сосед — штурмовой отряд капитана Царегородцева. Как-то и на душе стало веселее. Батальон сильный, Царегородцев — командир смелый и понимающий.

Устанавливаем связь, договариваемся и захватываем Модиттен, надежно закрепляемся на западной окраине. Хорошо со смелым и верным соседом. Идем чуть не рядом дальше и закрепляемся на юго-западном берегу ручья Модиттен-Бах и у кирпичного завода. Противник контратакует, мы с Царегородцевым

отбиваем одну, потом другую и под самое утро 9 апреля третью контратаку силой до батальона при поддержке 5 танков.

С утра короткая, но мощная артподготовка. Пошли самоходки, а за ними и мы. Захватили разбитый дом, а там, оказывается, уже хозяйничают бойцы одной из моих рот. Проводим им телефон. Спрашиваю младшего лейтенанта, командира взвода:

— Вы когда же сюда пожаловали?

— А мы еще вчера сюда приползли,— отвечает он.

— Вот те раз. Так мы по своим, стало быть, лупили?

— А мы в подвале сидели, а наверху немцы были, так что снаряды им, товарищ капитан, достались.

Чудеса, да и только. Немцы бросили все силы, чтобы вырвать из окружения своих собратьев.

В эту тяжелую минуту ранен Докукин. Ранение тяжелое — раздроблена нога. В воздухе появились самолеты. До чего же отвратительные! Казалось, вся немецкая авиация вылетела на нас. Но наших самолетов все же больше.

И вот объятый огнем и дымом немецкий самолет, как гигантская хищная птица, падает на пылающий господский двор, но вверх на его место взмывает следующий. Самолет пикирует на нас. Вот-вот он раздавит нас своими растопыренными колесами.

Струи огня схлестываются, наш и немецкий мгновенно разлетаются в стороны и снова схватываются струями огня, и оба, объятые пламенем, падают.

— Товарищ капитан, — обратился ко мне полковой радист, — Москва салютует нам. Можно поставить громкость? Пока он спрашивал разрешение, диктор кончил чтение приказа Верховного Главнокомандующего, и радио донесло далекие залпы трехсот двадцати четырех орудий нашей стойкости и отваге, бесстрашию и мужеству. Москва салютовала победе над Кенигсбергом двадцатью четырьмя залпами, а мы вели бои в западном направлении между шоссе и железной дорогой.

20.

Наутро мы продолжали наступление и заняли еще два здания. Меняю свой КП, он разместился в подвале полуразбитого дома. Смотрю, на стене черная надпись крупными буквами: «Свет — твоя смерть!», а рядом приклеен плакат с изображением: советский солдат душил немку. Под плакатом надпись: «22 января 1758 года не повторится». На полу газеты с фотокартинками и портретами мальчишек из «Гитлерюгенда», награжденных железными крестами.

Восьмое апреля. С утра снова все загудело и завывало как будто еще сильнее. Все смешалось с огнем и дымом. В воздухе повисли наши тысячи самолетов. Поступил приказ сжать кольцо окружения и уничтожить противника.

Бойцы идут только внутри кварталов, от дома к дому. На пути большое серое здание с узкими окнами. Немцы накрывают нас мощным артиллерийско-минометным огнем. Сильно бьют крупнокалиберные пулеметы. Ищу командиров рот. Заглянул в воронку. Лежит залитый кровью офицер. Спрашиваю бойца:

— Кто впереди?

— Никого, товарищ капитан, а это наш командир роты, — указывает на убитого боец.

— Постой! Так это Ваганов?

Оказывается, он был у орудия и корректировал огонь. Прямым попаданием снаряда были убиты артиллеристы и командир роты Ваганов. Старший лейтенант был при первой мобилизации добровольцем. Родом из Свердловской области. У Александра Павловича двое детей. Он часто рассматривал фотокарточки, показывал нам, называл по имени, и мне запомнились сынишка — Станислав, а дочка — Римма.

В 5 роте не оказалось ни одного офицера. Стоит орудие. Ворох гильз. Два бойца лежат у лафета. Остался один знакомый мне боец Почтарев Алексей, которому так хотелось побывать у себя дома, в только что освобожденном Могилеве. Он уже стал артиллеристом, и неплохим. Бойцы ждут моих распоряжений. Назначаю рядового Лупкина командиром роты. Ставлю задачу и даю команду приготовиться к атаке. Вызывает к телефону командир полка и требует доложить обстановку.

Докладываю. Докукин благодарит и говорит: — Спаривание пушек оправданно. Дементьев, дела в батальоне неплохие. Береги людей.

Пули рикошетируют по кирпичам. Боец Смирнов меня предупреждает: «У них тут меткие снайпера, могут и убить». Он тянет меня за гимнастерку к земле. А спустя минуту Смирнов, забывая метких снайперов, зовет своих дружков Кривоногова и Малышева, те, быстро перебегая простреливаемое пространство, занимают развалины как исходный рубеж для очередной атаки. Обеспечиваю и даю сигнал вперед. Рота ползет и занимает разбитый дом, а от него к другому уже бегом занимает подвал. Перебираюсь к ним. Смирнов говорит мне:

— Товарищ капитан, атаку надо захватывать. Это придумал наш Новак. Пусть ему земля будет мягкой постелью.

— А что, он убит что ли? — спрашиваю.

— Да, погиб наш Новак вчера. Жаль парня.

Я знал Новака Петра, он из города Гоща. Славный был парень. Как приду в роту, а он с просьбой послать его в разведку, обещал обязательно привести офицера. Говорил: «Я их знаю, этих фрицев, и их повадки, а по-ихнему разговаривать умею лучше их».

Входит в подвал Лупкин и докладывает мне, что Зиборов и Петухов с группой бойцов уже у другого дома. «Захватили атаку». Оказывается, атаку надо действительно захватывать. Если чуть промедлишь, то первыми пойдут немцы.

21.

10 апреля 1945 года 43 Армия получила новую задачу — развернуть свой левый фланг и, взаимодействуя с войсками 39 и 5 Армий, действовать на Земландском полуострове по очищению лесов западнее Кенигсберга вдоль залива Фриш-Гаф.

Здесь части и соединения приняли своеобразный вид боя — бой в лесисто-болотистой местности, очищая просеку за просекой.

Части 11 Гвардейской Армии, 49 и 50 Армий, овладевая квартал за кварталом городом Кенигсбергом, к исходу 9 апреля 1945 года создали крайне неблагоприятную обстановку противнику, окруженному со всех сторон.

9 апреля 1945 года комендант гарнизона генерал от инфантерии Ляш, видя безвыходность создавшегося положения, отдал приказ о прекращении

бессмысленного сопротивления и сдаче оружия частям Красной Армии. И гарнизон численностью до 20000 сложил оружие. Правда, отдельные эсэсовцы еще продолжали сопротивление, ведя огонь с чердаков отдельных домов. Но их сопротивление носило неорганизованный характер и было бессмысленным.

10 апреля 1945 года город был полностью очищен от немецких войск.

Основной театр военных действий переместился на западную часть Земландского полуострова.

Генерал Ляш в своих показаниях заявил, что «...русские генералы и офицеры очень разумно и очень удачно организовали эту операцию и довольно скрытно готовили ее до последних дней. Немцы, не зная о том, что будет штурм, накануне выбросили 9 п.д. в Пиллау...».

К этому времени войсками 2 Белорусского фронта были взяты порты Гданьск /Данциг/ и Гдыня. Падение этих портов и сильное поражение войск немецкой армии на всех участках фронтов /выход наших частей на реку Одер, потеря Франции, Бельгии, Голландии, Румынии, Болгарии и т.д./ угнетающе действовали на моральное состояние солдат Кенигсбергской и Земландской группировок.

Но они крепко держали еще рубеж за рубежом, исходя главным образом из того, что их действия сковывают наши многочисленные силы, с успехом могущие быть использованными на других фронтах. Это их вдохновляло на упорство и стойкость.

Так отвечали многие пленные генералы и офицеры, плененные в боях при прорыве Кенигсбергского УР.

22.

Получив боевую задачу на содействие войскам 39 Армии и 2 Армии в очищении от остатков немецко-фашистских войск Земландского полуострова, войска 43 Армии после частичной перегруппировки сил 13 апреля предприняли вновь наступление вдоль залива Фриш-Гаф в западном направлении на Пиллау.

Преодолевая сопротивление остатков разбитых немецких частей в лесных массивах западнее Кенигсберга, войска 43 Армии успешно продвинулись вперед и 16 апреля 1945 года завершили окончательный разгром немецко-фашистских войск на безымянном полуострове юго-восточнее Фишхаузена.

11 апреля 1945 года дивизия получила приказ: быть готовой к 13 апреля 1945 года прорвать оборону немцев на рубеже: отметка 10,3 — отметка 6,1, имея ближайшей задачей к исходу дня выйти на рубеж Леснич Барвальде — развилка дорог юго-западнее Леснич Барвальде, в дальнейшем наступать в направлении Клайн Хайдекруг. До 13 апреля части дивизии отбили 7 контратак противника силой от роты до батальона пехоты при поддержке танков и СУВ 8700. 13 апреля дивизия, имея боевой порядок — 2 полка в линию и один полк во втором эшелоне /68 с.п./, прорвала оборону немцев и к исходу дня 13 апреля выполнила ближайшую задачу — вышла на рубеж Барвальде — развилка шоссе дорог.

Для развития успеха наступающих полков с овладением опорного пункта Леснич Барвальде был введен в бой 68 с.п. с задачей овладеть Клайн Хайдекруг.

Стремительным броском через боевые порядки 329 с.п. 68 с.п. атаковал противника, сбивая его группы прикрытия, к 2.00 14 апреля 1945 года овладел Клайн Хайдекругом. К этому же времени ночной атакой подразделения 252 с.п. овладели отметкой 10.2.

Дивизия выполнила поставленную задачу.

После этого дивизия сдала достигнутый рубеж частям 26 с.д. и вышла во второй эшелон боевых порядков корпуса, сосредоточившись на достигнутом рубеже. 15 апреля 1945 года с 3.00 части дивизии получили задачу вновь наступать в направлении отметки 5.7 и к исходу дня выйти на рубеж: отметка 7.2 — вдоль просеки на юг. Части дивизии, сбивая противника с обороняемых рубежей, очистили лес восточнее Кондинена и к 10.00 вышли на реку Ляуке Флисс. На этом рубеже встретили организованное сопротивление. После короткого артналета 252 с.п. форсировал реку и, расширяя плацдарм на западном берегу ее, обеспечил форсирование реки 329 и 68 с.п. Продолжая бой в лесу, части дивизии к 21.00 15 апреля 1945 года достигли западной опушки леса Шаатсфорст-Коббельбуде и овладели железной дорогой. Продолжая наступать в западном направлении на рубеже: отметка 2.3, дивизия получила задачу: повернуть фронтом на юг, овладеть Неплекеном и выйти в район Пайзе.

Выполняя поставленную задачу, части дивизии утром 16 апреля форсировали Кенигсбергский отводной канал и повели наступление на сильнейший опорный пункт Неплекен.

Встретив сильное огневое сопротивление из района Неплекена, командир дивизии решил 252 стрелковым полком обойти опорный пункт с запада, 68 с.п. одновременно нанести удар с севера. Одновременными и стремительными действиями обоих полков к 18.00 16 апреля 1945 года опорный пункт Неплекен был взят и гарнизон его пленен. 252 с.п. вышел на побережье бухты Фишхаузенер — Бик, лишив возможности отхода противника на Фишхаузен. Развивая наступление в направлении отметки 10.7, части дивизии вели упорные бои по овладению опушкой леса.

Пользуясь темнотой, подразделения дивизии внезапной и стремительной атакой сбили противника с опушки леса и, наступая в южном направлении, овладели высотой 10.7.

Используя успех и паническое настроение войск противника, дивизия стремительным броском вышла на побережье залива Фишхаузенер — Биг в районе Пайзе, пленила оставшуюся группировку немцев на полуострове, не дав ей возможности эвакуации через залив.

Седьмые сутки после взятия Кенигсберга ведем бои и очищаем от противника территорию между городом Кенигсбергом и Фишхаузенем. Приводят пленного полковника. Откровенно, мне некогда было заниматься с ним, хоть он и полковник. Им занялся мой ординарец Манис. Он предложил немцу вынуть все из карманов. Фашист окинул нас озверелым взглядом, но выложил: тут была целая коллекция различных размеров перочинных ножей, игральные карты, фотографии голых женщин, замусоленная гармошка. Нас очень удивило, что у полковника оказалась такая дрянь в кармане.

Манис хорошо знал немецкий язык, а потому решил допросить полковника. Допрос ничего не дал. Немец просто не отвечал на его вопросы или говорил не то.

— Товарищ капитан, да какой он полковник? Просто мусорщик, — сказал Манис, — хлам у него такой же и в голове.

Батальон продолжал наступать в лесном массиве, что осложняло наше успешное продвижение. Гитлеровцы сопротивлялись и здесь. Хорошо воевала

рота лейтенанта Жалсанова и пулеметчики капитана Антонова. Они первыми продвигались вперед, а за ними все подразделения батальона. Не могу не рассказать об этих двух офицерах.

Когда в грозном 1941 году над Родиной нависла опасность, Цыбену Жалсановичу Жалсанову было немногим более двадцати лет. Он рвался в бой, туда, где были нужны знания, сила и помощь фронту. Рапорт за рапортом подавал в военкомат молодой учитель, потом заведующий окружным отделом народного образования, тогда еще Бурятского национального округа. На каждый раз ответ был неизменным: «Товарищ Жалсанов! Вы нужны здесь». Наконец в октябре 1942 года он добился своего и добровольцем ушел на фронт.

Младшим лейтенантом прибыл к нам Жалсанов на должность командира стрелкового взвода. В первом же бою он оказался достаточно подготовленным в командовании взводом, смел в выполнении поставленных задач. Присвоив ему звание лейтенанта, выдвинули на должность командира стрелковой роты. Меня поражало его умение командовать ротой с большим количеством приданных и поддерживающих средств. Однажды спросил его:

— Жалсанов, где ты научился военному ремеслу?

А он мне в ответ:

— Так я же был членом Осоавиахима. У меня есть в с е значки и ГСО, и ПВХО, и ГТО, и Ворошиловский стрелок.

Да, хорошие кадры готовил Осоавиахим.

16 апреля были вместе. Нас осталось мало. Собрал всех своих командиров и сказал:

— Еще один рывок, и завтра нас выводят на отдых. Не знали мы, что на второй день вообще для нашей дивизии закончится война и наступит мирное время, которое так долго ждали. Впрочем, об этом уже знали в штабе дивизии, а мы должны были взять город Пайзе.

Жалсанов сидел на выжженной траве с забинтованной головой. Сквозь марлевую повязку выступала кровь. Рядом с ним был командир пулеметной роты капитан Антонов. Он был ранен в ногу и передвигался с трудом, опираясь на палку. В этих боях он почти все время был со мной. Спокойный, хладнокровный, двадцатидвухлетний капитан без суеты выполнял все приказы и распоряжения. Я знал, он был из Кемеровской области, жена жила в Рязани, ждали ребенка.

— Вам, Жалсанов и Антонов, надо идти в медсанбат, — сказал я, — с такими ранениями не шутят.

— Что вы, комбат? Море шумит возле. Война скоро кончится. Рана не страшна, — ответил Жалсанов. Антонов молчал.

— Может быть, все же в медсанбат? — спросил я Антонова. Как всегда, он спокойно ответил: — Подожду.

Они не ушли в медсанбат ни в этот день, ни на второй день.

Спустя два-три часа разрывной пулей мне были оторваны три пальца на левой руке. Распрощался с оставшимися в живых, я направился в тыл. По пути зашел в взвод проститься с бойцами, которые мне помогали выполнять боевую задачу. Потом мне захотелось посмотреть своего коня. Он стоял у кормушки и смотрел в мою сторону. Подошел к Дружку, показал ему забинтованную левую руку, правой погладил его шею. Дружок положил голову на мое плечо.

Я достал из кармана несколько кусочков сахара и отдал своему верному другу, выручавшему меня в долгих, тяжелых зимних походах. Раньше он охотно брал сахар с моей руки, а на этот раз конь помахал головой, как бы отказываясь взять сахар. Положил кусочки в кормушку и, откровенно говоря, с набежавшей слезой и подступившим к горлу комом отошел. А он продолжал так же стоять смиренно и смотреть в мою сторону. Я знал, что совсем расстаюсь с батальоном, его бойцами, ставшими мне больше чем родными, любимым Дружком и вообще с армией. Мне стало тяжело, что я больше никого из них никогда не увижу.

В 7.00 17 апреля 1945 года была закончена ликвидация группировки немецких частей на безымянном полуострове юго-восточнее Фишхаузена.

В дальнейшем на Пиллау двинулись войска 2-ой Ударной Армии и 26 апреля после ожесточенных боев окончательно разгромили и пленили группировку немцев, оставшуюся на Земландском полуострове.

На этом была окончательно очищена от немецких войск Восточная Пруссия.

Ликвидация Кенигсбергской и Земландской группировок ускорила падение Курляндской группировки и овладение войсками I Белорусского и I Украинского фронтов столицей фашистского логова — городом Берлином.

МИРНЫЕ ДНИ.

1.

Был разгар победной весны. Израненная земля покрылась зеленью.

В переполненном вагоне, выписавшись из госпиталя, я добирался домой в отпуск, с последующей явкой в Воронежский военный округ. До Москвы одни развалины, вырубленные леса да пепелища бушевавшей войны. После Москвы не везде видны следы войны.

Мучительный вопрос, что будет со мной, прервал мой отпуск и в первый день предлетья привел меня в разрушенный город Воронеж, в отдел кадров военного округа.

Таких офицеров, как я, у кабинета отдела кадров собралось много, и каждый гадал, что будет с ним после беседы с неизвестным майором, облеченным правами решить судьбу кадрового офицера с расстроенным здоровьем. Время тянулось долго, наконец вызвали меня. Майор сказал, что вакантных мест, судя по моему ранению, нет, и остается два варианта: или демобилизация, или идти в облвоенкомат, там могут пока взять и послать на службу в райвоенкомат.

В облвоенкомате мне был вручен орден Богдана Хмельницкого 3 степени. Вручив его, облвоенкомат предложил должность начальника 2 части в своем родном военкомате. Я согласился.

18-летним пареньком уходил из этого военкомата в военное училище с большой перспективой на будущее и вот через 6 лет в звании капитана возвратился сюда для дальнейшего прохождения службы, которая вовсе оборвалась через десять месяцев. Как инвалид, был демобилизован и в возрасте 25 лет оказался без специальности.

Но не это главное. Главное в том, что мы победили фашизм.

2.

Не всем пришлось вернуться к родному порогу, ощутить счастье земной жизни, о которой все они мечтали. Их нет. От Жиздры и Бураков, от Суходровки

и до Балтийского моря есть они теперь в монументах. Они помогли всем нам жить на земле. Всегда помнил, жил и работал за себя и за своих боевых товарищей, не терял надежды встретиться с оставшимися в живых и поклониться могилам павших. Стал искать однополчан и нашел за десять лет более сорока человек. Другие тоже искали и находили. Нас стало шестьдесят. Мы решили не откладывать дальше, а встретиться. Наша встреча состоялась на священной Сталинградской земле зимой 1973 года. Встретились в гостинице «Южная» тринадцать офицеров и бойцов из 277 с.д. и не узнали друг друга. Слишком много прошло времени. Смотрю и не могу вспомнить, кто бы это мог быть? Вспоминаю бойцов Шарапова, Шамарина, Байназарова, медсестру Лизу Мартынову, комсорга батальона Прищенко, парторга Банного, замполита Бачурина, перед глазами проплывают села, деревни, и вот небольшая деревенька Скребки.

Сражение затянулось. Наша артиллерия усилила огонь. Бойцы поднялись в атаку, и впереди шли Бачурин, Банный и Валентин Прищенко. Да, это он! Передо мной стоял комсорг батальона Валентин Прищенко. Тот самый комсорг, который неоднократно показывал пример, шел впереди цепи, увлекая за собой бойцов в атаку.

Первое, что мы сделали, — это возложили венки на площади Павших Борцов у Вечного огня, склонили свои седые головы у памятника Рубену Ибаррури, сына славной дочери Испании. Трудно описать момент возложения венков на Мамаевом кургане, в Зале Вечной Славы, где горит огонь сердец моих однополчан и на приспущенных знаменах сияют золотом имена и нашего 850 с.п.

Там, на Кургане, мы поклялись не забывать погибших.

3.

В 1976 году проехал на попутных автомашинах и прошел пешком по местам боев, политым кровью моих однополчан в Белоруссии и Литве. Побывал у многих могил моих друзей, заплативших за мир своей молодостью, неспетыми песнями, затаенной любовью.

Стоя у этих могил и обелисков, говорил:

— Пришел к вам, дорогие мои однополчане, более чем через три десятка лет после конца войны и нашей победы. Пришел, чтобы рассказать вам, как хороша жизнь! В этом есть и ваша заслуга. Вы превратились в прах, но в мыслях вы всегда с нами, с нашим народом. И народ, памятуя ваш ратный подвиг, воздвиг вам памятники. В селе Высочаны, что в Витебской области, вам поставлен огромный монумент. В центре города Горки Могилевской области всему 329 Краснознаменному Клайпедскому стрелковому полку установлен памятный знак за освобождение города.

В Вильнюсе, Каунасе, Клайпеде, в прежнем Кенигсберге, а ныне нашем Калининграде, во многих других городах в честь вас горит Вечный Огонь.

Не узнать мест сражений. Везде восстановлено разрушенное войной хозяйство и нет признаков войны. О ней напоминают только памятники, обелиски и монументы Славы да Вечный Огонь, зажженный живыми в честь мертвых.

Истинная дружба между братскими народами нашего Союза крепка. Вот хотя бы этот пример:

Недалеко от опушки леса, в Кретигском районе Литвы, огромный камень-памятник в честь наших летчиц. После возложения цветов на их могилу

мы были приглашены в кабинет председателя колхоза Навояускаса. Колхоз объединяет несколько сел и является многоотраслевым. В нем трудятся свыше 500 человек. Живут колхозники в добротных кирпичных домах. В каждой квартире телефон. Разговаривать с Навояускасом интересно и увлекательно. Оказывается, продукция в колхозе поставляется по дням и часам.

— Русские люди — надежные наши друзья, — сказал Мечесловас Ионас, — люблю русскую душу. Я решил спросить, как он это понимает.

— Я служил в армии на Брянщине. Жили мы в деревне. После войны экономика нашей страны была слабая. Все мы жили плохо. Но русские были рады, что разбили врага. Они все делили между собой, а лучшее, что у них было, отдавали нам, литовским солдатам.

Мы поблагодарили товарища Навояускаса за рассказ и поехали в Клайпеду.

— Я второй раз здесь, — сказала М.А. Кириллова, — хороший человек этот литовец. К нему пришел старичок и рассказал, что он нашел в земле какие-то части от мотора.

Председатель заинтересовался и раскопал в земле груды металла. Будучи мальчонком, Навояускас видел, как над этим местом был сбит наш самолет. По сохранившемуся номеру на остатках пулемета с самолета установил, что это и есть тот самый самолет. Ему потребовалось несколько лет напряженного труда с выездом несколько раз в Москву в Министерство Обороны, но он своего добился и установил часть, которой принадлежал этот самолет, и экипаж. Списался с командованием, родственниками погибших и всех их пригласил на открытие памятника. На этом самолете летала моя подруга Валя Матюхина. Она и Аня Кезина героически погибли в воздушном бою. Навояускас установил на месте гибели экипажа огромный камень-памятник.

Кириллова помолчала и добавила:

— А вы знаете, Навояускас — автор интересной книги «Хлеб насущный». В ней он рассказывает о жизни родного колхоза, выражает благодарность Советской Армии за освобождение его родины — Литвы.

4.

На второй встрече в городе Волгограде мы спешили найти приехавшего Володю Дубину. На наших глазах в годы войны он из мальчика превратился в юношу. Искали этого юношу, а нашли человека, возраст которого достиг полсотни лет. Он такого же небольшого роста, так же подвижен, но голова покрыта сединой, на лице много борозд, свидетельствующих о приближающейся старости. Всю ночь мы проговорили с Мишей Шолоном, и с ним вспоминали о вас. Володя нашел своего брата, которого он потерял в начале войны. Сейчас Владимир Николаевич Дубина живет в Ленинграде, работает экспертом по международным поставкам станков тяжелого машиностроения.

А помните, когда мы ехали из-под Сталинграда на фронт и боец искал знаменитого радиста Костю Федорова? Костя мечтал после войны поехать на БАМ. Жизнь его сложилась иначе. Он стал профессором Ростовского университета, его ректором. Теперь его воспитанники трудятся на БАМе. А помните Ивана Михайловича Банного? Он много лет работал в Брянском облисполкоме. А Людю Лазаренко? Она кандидат медицинских наук.

Главным механиком автодорог Магаданской области работает Миша Шолон.

На заслуженном отдыхе в городе Феодосии наш командир полка Дмитрий Кузьмич Мороз. Войну закончил в звании полковника. Он Герой Советского Союза. Герой Советского Союза и его заместитель по политической части подполковник Дубровский Георгий Алексеевич. Обоих уже нет в живых.

В Саратове на одной из центральных улиц живет наш командир дивизии генерал-майор Степан Трофимович Гладышев. Тогда мы не знали, что наш генерал воевал всей семьей. Его жена Людмила Михайловна была врач в звании майора медицинской службы, а сын Эдуард был командиром взвода, лейтенант.

Прошло много лет. Война подорвала здоровье многих наших однополчан. В кругу своих родных окончили свой жизненный путь снайпер Ислам Гайсин, знаменитый разведчик полка лейтенант Часовских, агитатор полка, никогда не унывающий капитан Карамайкин.

5.

Начал искать воинов 70 с.д., где был командиром стрелкового батальона. Первым, кого нашел, был инженер полка майор М.А. Мешков. Встретил его случайно.

Это произошло в селе Верхний Карачан нашего района. Проезжал это село и остановился в центре на минутку. «Узнаешь, комбат?» — обратился ко мне человек. Как было не узнать в нем инженера 329 с.п.? Мы поздоровались, как фронтовики. И кто знал, что мы прожили много лет и успели состариться в одном районе? Мы договорились с ним встретиться через неделю. Приехал в назначенный день, но майора Мешкова уже не было в живых. Он скоропостижно скончался на работе. Досада какая!

Случай с Мешковым торопил меня в розыске однополчан 70 с.д. Мне повезло. Разыскал около пятидесяти человек. И вот мы, 32 воина, спустя 32 года после войны встретились на клайпедской земле в городе Гаргждае. На встречу приехали из Киева начальник политотдела дивизии полковник запаса Смирнов Николай Савельевич, связистка батальона связи Л.Н. Троицкая из Полтавы, бывший начальник штаба 94 ОИПТД майор Гребенюк с супругой связисткой Л. Сабанцевой из Одессы, бывший старший врач 329 с.п. полковник медицинской службы Г.С. Келин, бывшие врачи медсанбата — капитаны медицинской службы Ю.И. Чалый и В.Е. Соседова и другие. Мы побывали в рыбном хозяйстве Дерверном, в Клайпедском мореходном училище, совхозе-техникуме, в нескольких средних школах, в курортном городе Паланга, на народном празднестве в селе Давилай, прошлись по улицам города Клайпеды, в поселке Мелльнраге посетили мемориальный комплекс — ансамбль деревни Аблинги — первой деревни в Советском Союзе, уничтоженной на второй день войны.

10 мая все разъехались по домам, а мне пришлось продолжить свой маршрут по боевому пути дивизии и побывать в поселке Инза.

Ныне это богатый рыбный колхоз Славского района Калининградской области. Сходил в ту самую рощу, где тогда заметил вилючую стежку, посмотрел на неведомо кем сделанные тропинки и на голубую белизну залива. Вдалеке маячили рыбацкие суда, возвращающиеся с богатым уловом в колхоз. В Инзе живут русские, украинцы и белорусы, а в каменном доме, в его семи комнатах,

где размещался тогда штаб батальона, теперь живет семья бывшего колхозного бригадира-пенсионера Григория Митрофановича Назаренко.

6.

Чем напряженнее всматриваешься в то суровое время, что зовется Великой Отечественной, тем ярче, зримее видишь своих товарищей — однополчан, их характеры, волю.

Только лица не вспоминаются, да и не так просто сделать это через столько лет.

Пришел на юго-западную окраину Калининграда в поселок Космодемьянский. Здесь военное кладбище. В прошлом это Иудиттен. Здесь наступало бессмертие лейтенантов Голубева, Павлова, капитана Кандранина. На мраморных досках имена погибших.

Вот мы и встретились, лейтенант Жалсанов и капитан Антонов. И вспомнилось мне, как искал Антонова. Написал письмо на его родину в село Чесноки Кемеровской области. Председатель исполкома сельского Совета ответил, что Антонова никто не знает, так как родственников и знакомых в селе никого нет. Пишу письмо в райисполком. Ответ приходит от заведующего райсобесом, и этот повторяет то же. Пишу в редакцию районной газеты и прошу разыскать родственников капитана Антонова.

Редакция присылает мне список людей, которые хорошо знают капитана Антонова и помнят его. В селе живет его сестра. Получаю письма от его товарищей. В одном из писем фотокарточка. На обратной стороне надпись: «Моей маме и любимым родным от Оли и Ниночки. 22 июня 1948 года», — писала жена капитана Антонова. Люди помнят эту милостивую женщину, что приезжала в Чесноки с ребенком, потом девочкой и девушкой Ниной к Антоновым много лет спустя после войны. Умерла мать Ильи, его братья и сестры разлетелись из родного гнезда. Осталась одна старшая сестра Ильи Антонова. Письма от Ольги и Нины приходили в Чесноки все реже и реже. И вот уже много лет ни писем, ни Ольги, ни Нины. Где теперь семья моего фронтового товарища, незабвенного капитана Антонова? Земляк Антонова Леонид Ломов написал мне: «Я очень многому учился у Ильи, подражал ему. Илья был отличным человеком».

Да, Илья был настоящим человеком. А Жалсанов, а Фирсов, а Ваганов, а Новак, а Почтарев? Все они были настоящими людьми.

7.

И вот через 34 года снова на белорусской земле. На станцию Шклов прибыл в пятом часу утра, подхожу к памятнику, что в городском сквере. На пьедестале — фигура солдата с поникшей головой у надгробья павших воинов. Здесь безлюдно. Братскую могилу обрамляют шесть русских берез, посаженных треугольником. Город просыпается.

Подходит старушка и всматривается в надписи мраморного надгробья. Поинтересовался ее судьбой. Она назвалась Кристиной Ивановной Швейновой. Среди фамилий она все ищет /который год безуспешно/ своего мужа Тимофея Сергеевича.

Старушка внимательно вглядывается в имена на обелиске.

— Тут все вписаны, все. Сестра моя была в партизанах в Шаховском лесе, погибла, на mine подорвалась: по дрова пошла, орешник рубила. Восемнадцать

ран было. А пришла Кристинья Ивановна из Заречья так рано за тем, чтобы посмотреть на венки у обелиска, отвести душу и подумать над своей жизнью и долей.

Война унесла миллионы жизней, оставила трагический след почти в каждой семье. Особенно большие бедствия достались белорусскому народу.

На встречу в город Шклов приехали 42 человека.

И вспомнилась медсестре Марии Павловне Спириной судьба маленькой девочки, которой было годика полтора. Она оказала ей первую медицинскую помощь. Жива ли она?

Поехали в деревню Клиновичи. Навстречу вышли несколько женщин. Мария Филипповна Андрейчикова рассказывает:

«Перед отступлением немцы расстреляли здесь 96 человек наших пленных, 11 партизан и почти всех жителей деревни. Мы случайно уцелели. Девочку Свету Негипову помним. Как же ее забыть? Когда немцы расстреляли мирных людей, мы увидели девочку всю в крови и с простреленной ручонкой. Она ползла, кричала и плакала, звала мать, обнимая ее, но ее мать была мертва. Мы показали ребенка военной девушке, та перевязала рану, а потом мы отвезли девочку в больницу с надеждой, что Света Негипова будет жить. Но она не выдержала муки». Женщина уронила слезу, а перед ней стояла та военная девушка, которая так нежно перевязала ребенку рану. Годы не стерли из памяти образ молодой девушки. Мария Филипповна посмотрела внимательно на Марию Павловну и бросилась ее целовать.

Белорусский народ выжил и восстановил свое общественное хозяйство, сделал свою республику цветущим краем.

Состоялись встречи ветеранов с населением города, сел и деревень района. Везде созывались митинги. В каждом селе — обсаженные березами величественные монументы с мраморными плитами и выбитыми на них именами погибших. В селе Староселье прекрасный школьный музей. Белорусы свято чтят память о павших героях войны. Да, здесь поистине никто не забыт и ничто не забыто.

Везде нас встречали по местному обычаю с хлебом — солью, на расшитых полотенцах преподносили белорусский подовый каравай. На встречу выходило все село. Звучали клятвы живым и мертвым, их детям и внукам.

Подъезжаем к клубу колхоза «Правда». Стоит автомобиль «Волга», а возле в парадной форме при орденах полковник. Подхожу и представляюсь. А он в ответ: « Полковник Лебедев, бывший инженер 68 п. 70 с.д.». — «Мне дали Ваш адрес в Совете ветеранов 33 Армии. Хотел только письмо написать, а Вы сами пожаловали на встречу», — говорю полковнику. Стоим и разговариваем, а в стороне стоят полковники Дмитрий Иванович Кочерыгин, работающий в штабе Гражданской обороны СССР, и Иван Федорович Шашлов — начальник отдела научно-исследовательского института физики высоких энергий Академии Наук СССР. Не успел познакомить Леонида Семеновича с теми, кто приехал на встречу, как полковник Шашлов бросается в объятия Лебедева.

— Ванюшка, командир саперного батальона, кого я вижу? — кричит Лебедев. Оба смеются, глаза лучатся слезами радости.

Подходит Кочерыгин и смотрит в глаза Лебедеву. Тот присматривается и бросается к Кочерыгину: «Димка, черт возьми, да ты уже полковник!» Лебедев

поворачивается ко мне и говорит: «Был лейтенант, командир саперного взвода. Смотри, какой вымахал». Оба обнимаются, и опять слезы радости на глазах.

Полковник Лебедев, командир войсковой части, проезжал мимо деревни, оставшейся в памяти, и завернул возложить на могилу погибшим друзьям венков, вот и встреча.

8.

На праздновании Дня Победы бывшие воины 70 с.д. были приглашены в город Калининград. Впервые за 34 года участники штурма Кенигсберга вступили на землю, где в памятную весну 1945 года потеряли немало своих боевых друзей.

Первым, кого я встретил, был помощник командира взвода старшина Кусаинов. 18-летним пареньком он прибыл на фронт в 1942 году. Не раз храбрый казах ходил со взводом в атаку. Видел смерть, но выжил. Теперь Салибай Кусаинов — заслуженный работник МВД СССР, генерал-майор милиции.

Потом увидел командира лыжного батальона капитана Русинова. Он чудом остался в живых. Получил восемь ран и упал без сознания на поле боя. Придя в себя, вдруг увидел приближавшихся фашистов. Русинов вынул документы и зарыл их в землю. Подошедшие гитлеровцы перевернули его тело, обшарили карманы и, посчитав мертвым, пошли вперед, закалывая штыками раненых советских воинов. Русинов — заслуженный рационализатор РСФСР, кавалер ряда орденов.

С хлебом-солью, цветами, тепло и сердечно встречали на вокзале гостей представители общественных организаций, райкома партии, военкомата города, пионеры школ.

С первого часа пребывания в городе мы были окружены всеобщим вниманием и заботой. Разместили нас в прекрасной гостинице «Москва». Комфортабельные автобусы были к нашим услугам.

Вечером 5 мая по местному телевидению и радио был передан репортаж о прибытии в город воинов, штурмовавших Кенигсберг.

В гостинице ко мне подошла женщина, поинтересовалась, не встречал ли я на фронте ее отца, и назвала его фамилию. Пришлось ответить отрицательно, а про себя подумал: «Сколько уж раз встречаю на дорогах войны жен, детей, ищущих могилы дорогих им людей».

Шестидневное пребывание в городе было заполнено встречами, экскурсиями, поездками по памятным местам.

Мы побывали в филиале музея, бывшем наблюдательном пункте командующего 43 Армии генерала А.П. Белобородова. Послушав рассказ экскурсовода, командир нашего 252 с.п. А.Т. Яценко поделился своими воспоминаниями о тех днях. Не случайно наш полк за участие в штурме был награжден орденом Суворова 3 степени. И сам он получил такой же орден.

Посетили краеведческий и историко-художественный музеи. В последнем только что открылась выставка макетов памятников на братских могилах советских воинов и эскизов мемориальных комплексов области.

А вот улица Катина. В ее названии увековечен бессмертный подвиг. С небольшой группой солдат командир роты старший лейтенант Н.А. Катин в течение трех часов упорно удерживал занятый каменный дом. Лично подбил

вражеский танк, уничтожил до трех десятков гитлеровцев. Когда остался один и немцам удалось ворваться в дом, Катин подпустил к себе врагов и взорвал гранату...

В центре города — блиндаж немецкого генерала. Сидя здесь, он отверг предложение советского командования о сдаче и пытался удержать в своих руках крепость Кенигсберг.

Но сопротивление фашистов было сломлено, тысячи гитлеровских солдат подняли руки вверх и, выкрикивая: «Гитлер капут!», сдавались в плен.

В суматохе боевых дел не разглядел тогда форт, за который бились целый день. И вот теперь стою и смотрю на бетонный пятиугольник площадью в пять гектаров, тремя этажами уходящий в землю. Двухметровой толщины кирпичные стены усилены слоем бетона, а верх засыпан еще землей. Сооружение окружено десятиметровым рвом, заполненным водой. В форту располагались до трехсот фашистских солдат с 20 орудиями, минометами и множеством пулеметов.

И все-таки он пал под натиском советских бойцов.

Памятная встреча с допризывниками города в кинотеатре «Новости дня». В заключение встречи просмотрели документальный кинофильм «Штурм Кенигсберга», ожививший в памяти события далеких лет.

Все эти дни нас сопровождал по городу секретарь Октябрьского райкома партии А.И. Брызгалов.

Трогательно прошла встреча с учащимися и учителями бывшего поселка Модиттен — пригорода Кенигсберга. Теперь это поселок Космодемьянский в черте города и назван он в честь героя войны — брата Зои Космодемьянской.

Автобус остановился у парадного подъезда школы №9. Нас встретили учителя во главе с директором школы Л.М. Брониной. От входа в школу до музея «Славы» на втором этаже — живой коридор учащихся с цветами, радостными улыбками. По всей школе гремит музыка известной песни «День Победы», а молодые голоса скандируют «Слава!», «Слава!», «Слава!».

В музее школы энтузиаст военно-патриотической работы подполковник запаса Григорий Григорьевич Пастернак рассказал о большой работе красных следопытов, показал собранный материал о нашей дивизии. Этот достойный уважения человек для сбора материалов исколесил чуть ли не весь Советский Союз, не жалея своей пенсии, создал прекрасный музей. Радостно, что именами погибших и живых героев — наших однополчан в школе названы лучшие пионерские отряды. Учителя поддерживают все начинания Григория Григорьевича.

Нас приглашают на урок мужества, посвященный Дню Победы. В классах проходит волнующая встреча ветеранов с учащимися. Потом нас повели в актовый зал. Ученица 10 класса Таня Гудова от имени учителей и учащихся благодарит ветеранов за встречу, читает «Письмо в 30 век». Хор школы спел: «Спасибо, Родина, тебе» и «Буденовец», а затем выступила танцевальная группа старшеклассниц. Были и другие интересные номера.

Надо было отблагодарить за концерт. Мы предложили послушать в исполнении ветерана войны Н.И. Ульянова песню «О 70 дивизии». Учащиеся долго не отпускали со сцены, горячо аплодируя ему.

Утро 9 мая. Наступила 34 весна Победы. День выдался прекрасный.

На площадь в центре города были выведены войска. Пришли представители общественных организаций, заводов, фабрик, учебных заведений. В торжествах принял участие первый секретарь обкома КПСС, член ЦК КПСС Н.С. Коновалов. Мы стояли рядом с руководителями области, города и командованием флота и армии. Командующий Балтийским флотом обошел войска, поздравил их с Днем Победы. Потом началось возложение венков в память тех, кто погиб за нашу Родину.

Прошли парадным строем войска. Прекрасную выправку показали пехотинцы, моряки, летчики, но лучше всех маршировали десантники, все высокого роста, ловкие и сноровистые, они по-своему, по—десантски чеканили шаг.

Митинг закончен. Долго стоят в безмолвии калининградцы, а у обелиска несут почетную вахту моряк, солдат, рабочий и пионер, отдавая салют павшим в боях воинам.

Первый секретарь обкома партии Н.С. Коновалов приглашает нас сфотографироваться на память. Состоялась трогательная встреча с руководителями города и области, с командованием и ветеранами флота.

В этот день нас ожидали в Октябрьском районе города. Подходим к мемориалу, что в центре поселка Космодемьянский. На пьедестале скульптура солдата с поникшей головой. Бюсты Героев Советского Союза. Рядом постамент, а на нем наша знаменитая сорокапятка. Мраморные плиты с высеченными именами погибших. Здесь, у Вечного Огня, много подснежников, тюльпанов. А на центральной плите такая надпись:

«Здесь захоронены воины, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов».

За этими словами много тяжелых дней и ночей, которые убедили мир: мы непобедимы. Здесь захоронены 520 человек, родных и дорогих сердцу однополчан.

Русские березы опоясывают мемориал Славы. Они тоже как бы застыли в почетном карауле.

Состоялся митинг воинов армии и флота, рабочих объединения «Калининградбуммаш» и средней школы №9.

Под траурную музыку оркестра проходит возложение венков, сменяется почетный караул. Потом торжественным маршем мимо мемориала проходят моряки, октябрята, пионеры и комсомольцы. Школьные дикторы через громкоговорители рассказывают о каждом классе, как там учатся, работают, отдыхают.

Учащиеся 1—3 классов собрали 1520 килограммов макулатуры, заняли первое место по району в игре-соревновании «Будем ловки и сильны, как защитники страны» и в смотре октябрятских хоров. Восьмиклассники не раз были призерами областных и республиканских соревнований по спорту и заняли первое место в области по техническому творчеству. Учащиеся девятых классов занимали призовые места в районных олимпиадах по математике, физике и химии, а ученик 9 «Б» класса Плиговка был серебряный призер чемпионата СССР по боксу. Десятиклассники заняли второе место в районном смотре художественной самодеятельности и первое место в области по спортивному ориентированию. Третья часть учащихся — спортсмены — разрядники, остальные значкисты ГТО.

Радостно, что на земле, политой нашей кровью, растет достойная смена, и мы горды этим.

Завершилась встреча приемом в Октябрьском райкоме партии, где первый секретарь Н.В. Коваценко подробно ознакомил нас с хорошими изменениями в городе за минувшие 34 года со Дня Победы и образованием самой западной области нашей Родины, а также с большими успехами, которые достигли трудящиеся города и района в строительстве социализма.

Это был поистине титанический труд.

Наряду с проведением огромной организационной работы по восстановлению и дальнейшему развитию хозяйства, подъему экономики и культуры на новой, социалистической, основе, пришлось вести настойчивую политическую и идеологическую работу, результатом которой явилось сплочение трудящихся вокруг партийной организации, создание боевых коллективов, завоевавших широкое признание и приведших область в число передовых областей Российской Федерации.

Все это мы ощутили за время пребывания на этой земле. Нам было приятно сознавать, что наши ратные дела, пролитая кровь, жизнь, отданная в боях с оголтелым фашизмом, были не напрасны, что здесь воссоздано то, во имя чего мы воевали. Не забыты и те, кто навечно остался в этой земле.

День Победы. Он велик и незабываем. Он — памятник павшим, награда живым. Мы горды, что в славной Победе есть доля и наших ратных дел.

9.

Прошло много лет, стерлись следы войны, выровнялись и заросли окопы, вдовами и сиротами выплаканы все слезы, зарубцевались раны, успели посесть самые молодые воины, потучнели наши девушки, у всех нас выросли дети и внуки, но события тех лет, написанные карандашом и пером, кистью и резцом, хранятся в памяти. И чем мы дальше отдаляемся от событий грозной войны, тем яснее видится прошлое. К сердцу подкатывается то радость, то боль: радость, что мы идем вперед, а больно от воспоминаний о погибших.

Очень быстро меняется жизнь. Давно ли мы увлекались книгами о морях? А на каких они кораблях плавали? Давно ли это было? Вспоминаю — в двадцатых годах я просил отца взять меня на станцию, чтобы посмотреть паровоз. Меня тогда это удивляло. Помню, как мы, мальчишки, выбегали на улицу, устремляли свои взоры в голубое небо и искали в нем пролетевший над селом самолет. Наше детство было в годы, о которых говорил весь мир. Легендарные походы кораблей, перелеты самолетов, дрейфующие судна и льдины, первые Герои Советского Союза, ударники, стахановцы. Все это заставляло не только наши сердца биться мужественно, но и победить в войне такого врага, как фашизм.

Век пара сменился веком электричества и атомной энергии. Сейчас моря бороздят атомные корабли, сходят с неба самолеты, а их место занимают космические корабли. Вошло в быт чудо 20 века — телевидение. В трудовых буднях мы не заметили, как состарились. Война очень и очень грозное явление общественной жизни. Неужели все это будет уничтожено?

С 3200 года до нашей эры и по вторую половину двадцатого века, как подсчитали ученые, было более 14500 войн. Погибло более трех с половиной

миллиардов человек. За пять с лишним тысяч лет было только около трехсот мирных лет. За последние 2500 лет было почти 1700 вооруженных столкновений, которые заканчивались войной, и только какие-то полтора десятка столкновений не привели к войне.

Во второй мировой войне воевало три четверти всего населения планеты. Ареной боевых действий было 40 государств.

В армию было мобилизовано 110 миллионов человек. Великая Отечественная война унесла с собой столько, что хватило бы на жизнь двух поколений.

Вот почему мы, коммунисты, делаем все, чтобы на всей планете был мир, чтобы все конфликты разрешались только мирным путем.

Великая Отечественная война еще раз убедила всех людей в правильности слов В.И. Ленина, что победа обуславливается состоянием духа того народа, который на поле брани проливает свою кровь.

Коммунистическая партия за какие-то два десятка лет советской власти воспитала в советских людях патриотизм и готовность всегда совершать подвиги. Патриотизм и подвиги советские люди совершали каждый день на протяжении всех 1418 дней Великой Отечественной войны.

Высокое состояние духа поддерживали коммунисты, встретившиеся на моем пути, такие как Банный, Прищенко, Моспан, Раджабов, Дубровский, Платонов были образцами коммунистов страны.

Мы победили фашистскую Германию! И камень в величественный памятник ПОБЕДЫ заложили воины 277 и 70 с.д., в которых мне посчастливилось служить. Воины этих дивизий были простые люди, такие, как лейтенант Семехин Василий Андреевич. Получив приказ о наступлении, командир стрелкового взвода кандидат партии с апреля месяца 1944 года проверил готовность бойцов, достал из кармана блокнот, вырвал лист, написал заявление:

«В первичную партийную организацию при 3 стрелковом батальоне от лейтенанта Семехина Василия Андреевича.

Заявление

Иду в бой, считайте меня членом партии.

Лейтенант В. Семехин.

23.6.1944 года.

Четыре дня непрерывных боев. 27 июня 329 с.п. неожиданно был атакован крупными силами врага, более 14 часов шел бой. В кровопролитной схватке с врагом лейтенант был ранен. Очнулся в госпитале. Планшетки, где было заявление, не оказалось. Не возвратился лейтенант в полк. По инвалидности Семехин был уволен из рядов Советской Армии. Василий Андреевич учился в партийной школе, работал секретарем райкома партии, председателем колхоза, а сейчас возглавляет профсоюзную организацию работников сельского хозяйства.

А как же заявление, написанное в бою? Оно не исчезло. Хранится заявление в Центральном музее В.И. Ленина. В 21 зале «Защита завоеваний социализма в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» два заявления. Всего два. Одно из двух — заявление лейтенанта Василия Андреевича Семехина, командира взвода нашего стрелкового батальона 329 с.п..

Встреча комбата и трубача на фронте и после войны (быль)

Мой муж — ветеран 70 дивизии Ульянов Николай Иванович, разведчик, а после ранения музыкант духового оркестра — рассказывал внукам много интересных случаев из своей фронтовой жизни. Мне особенно запомнился тот, который имел продолжение после войны — в 1980 году.

Николай Иванович дорожил своей медалью «За взятие Кенигсберга» и называл ее «моя музыкальная». Город Кенигсберг был превращен гитлеровцами в самую мощную и укрепленную цитадель на пути Советской Армии к Победе. Накануне штурма наши авиация и артиллерия в течение четырех дней безостановочно бомбардировали город-крепость, а в первый день штурма 6 апреля 1945 года в 10:00 началась общая двухчасовая артподготовка: тысячи орудий и минометов создали невообразимый грохот, — земля корчилась, как при землетрясении, пыль поднялась до самого неба. В этих условиях бойцы наших штурмовых батальонов, занявшие исходные позиции, не могли ни видеть сигнальных ракет, ни слышать звуков команд к началу боя. И тогда штабом дивизии было принято решение, о котором мы с мужем моим нигде не могли найти упоминания в военной литературе о Великой Отечественной войне, — решение удивительное, беспрецедентное: подать сигнал к началу штурма трубами дивизионного духового оркестра. Николай Иванович Ульянов получил свою «музыкальную медаль» за то, что успешно воплотил замысел командиров дивизии в жизнь. Звучком своей трубы он поднял на штурм третий батальон 329 полка 70 дивизии. Он был не первым, кто должен был через минные поля добраться до командного пункта третьего батальона: первый музыкант-трубач подорвался на mine и погиб. С какой горечью через много лет говорил Николай, как он, идя за провожатым, ведшим его на КП, увидел разорванные части тела своего товарища, как споткнулся об его оторванную ногу в сапоге... И с каким облегчением вздохнул, уже оказавшись в доте командира батальона. Комбат сразу с нетерпением потянул его за руку к смотровой щели — штурм должен был начаться ровно в 12 часов дня. Комбат рукой стал показывать ему расположение штурмовых групп, куда нужно было направить звук трубы. И в этот момент вражеская пуля оторвала половину указательного пальца комбата. Он зажал левой рукой истекающий кровью палец и заорал: «Трубач, сигнал!!! Громче! Еще громче! Давай!» Убедившись сквозь щель, что его батальон пошел на штурм, закричал: «Молодцы, ребята!» Обернувшись к Николаю, сказал: «И ты молодец! Можешь отправляться, спасибо!» Наблюдая за своими бойцами, еще раз обернулся к трубачу: «Иди! Встретимся после войны!»

И они встретились! Через 35 лет, в 1980 году, когда к нам в Троицк приехал первый председатель Совета ветеранов 70 дивизии — Дементьев Андрей Афанасьевич; он просил нас подготовить встречу однополчан 70 с.д. в Троицке или поблизости (это великолепно удалось сделать в 1981 году в дни Победы, когда прибыло на встречу более 300 человек). Подавая мужчинам обед, я спросила Андрея Афанасьевича: «Где это вы потеряли полпальца?» И он рассказал события на своем командном пункте в доте в 12 часов дня 6 апреля 1945 года. Николай Иванович мой вскочил и закричал: «Комбат, вот мы и встретились после войны!» А я пояснила: «Николай — тот трубач, который давал сигнал из вашего дота в Кенигсберге». Комбат схватился рукой за больное сердце.

Дементьев А.А. не мог присутствовать на встрече в мае 1981 года: больное сердце подвело. Отдав много сил подготовке этого сбора однополчан, он слег в болезни. Его заместитель по Совету Коршунов В.Д. от имени всех товарищей послал Андрею Афанасьевичу телеграмму с благодарностью за его труды великие и с пожеланиями выздоровления.

После смерти замечательного человека — настоящего героя Великой Отечественной войны Андрея Афанасьевича Дементьева — Ульянов Николай Иванович написал песню «Две юности» на слова известного московского поэта Андрея Дементьева (вот такое совпадение!) и посвятил ее комбату Дементьеву А.А. и его сыну. Эта песня звучит в концертах самодеятельности уже 30 лет.

Ульянова Людмила Степановна

Февраль 2011 года

ДЕРБЕНЕВА (КЕЛИНА) АННА МИХАЙЛОВНА

10.03.1919 года рождения, место жительства: г. Одесса.

Служила и воевала в 329, 252 с.п. 70 с.д. и в 210 м.с.б. с 01 июля 1943 года по 28 июля 1946 года, звания — старший лейтенант медслужбы, капитан медслужбы.

Награждена орденом «Красная Звезда», медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Было это на территории между Кенигсбергом (ныне Калининград) и Пиллау.

На полковой медицинский пункт 329 с.п., где я служила младшим врачом полка, был доставлен с тяжелым ранением лица командир этого полка подполковник Кузнецов. Все необходимое было сделано, накладывала я последние слои повязки, закрывающей все

его лицо, и в это время вблизи перевязочной раздался сильный разрыв снаряда, затем второго, третьего. Одним словом, немцы сильно обстреляли нас.

Посыпались стекла из окон помещения, что-то падало с потолка. В этой обстановке лучше видеть, чем слышать, а Кузнецов только слышал. Не успела пройти боль от только что полученного ранения, как возникла угроза получения второго ранения, увечья, смерти. Но подполковник Кузнецов не проявил ни малейшего волнения, ни тревоги. Спокойствие, выдержку, мужество, храбрость офицера на фронте я считаю подвигом.

Во время войны медики не только отдавали все свои силы и знания для выздоровления раненых и возвращения их в строй, но были еще и донорами.

Консервированной крови, получаемой по линии медицинской службы, часто не хватало, а кровь на фронте была очень нужна.

В 21 отдельном медико-санитарном батальоне, где я служила, было несколько человек, имеющих первую группу крови, в том числе и я.

Это было на Белорусской земле. Подошел ко мне хирург медсанбата Гриша Чумаков и говорит: «Дай свою кровь для тяжелораненого, погибающего от потери крови из-за ампутации обеих ног. Он подорвался на mine». Парень был лет 20–22, красивый блондин с голубыми глазами. Я согласилась, хотя совсем недавно у меня уже брали кровь тоже для тяжелого больного, но у других доноров кровь брали еще позднее меня. А раненому кровь нужна только первой группы.

Лежали мы рядом на операционных столах — я отдавала свою кровь, а солдат ее получал. В этот момент я думала о том, чтобы моя кровь помогла ему выздороветь, увидеть жизнь, а протезы нижних конечностей ученые после войны усовершенствуют. Через двое суток раненый умер, не увидев света и не придя в сознание.

Вот так и было на фронте. От разнообразных тяжелейших ранений бойцы и офицеры разных возрастов погибали во имя освобождения своей Родины и будущей жизни, в которой мы живем.

КЕЛИН ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ

25.10.1919 года рождения, место жительства: г. Одесса.

Воевал с февраля 1942 года, в 329 с.п. 70 с.д. с апреля 1943 года по декабрь 1946 года старшим врачом полка, звание в начале войны — рядовой, закончил войну полковником медслужбы.

Награжден орденами «Отечественной войны» II степени и «Красная Звезда», медалями «За боевые заслуги», 13-ю другими медалями, в том числе польской «Звиченство и вольность».

У меня в 329 с.п. был большой фронтовой друг — первый начальник артиллерии полка казах капитан Кусаинов Куандык. Это был человек большой отваги и героизма, любимец полка.

Капитан Кусаинов одним из первых 22 июня 1941 года отважно отражал нападение фашистских войск на границе Советской Литвы с бывшей Восточной Пруссией, западнее Каунаса.

Освобождение Каунаса в 1944 году было тяжелой битвой. Героем этой битвы на Литовской земле вновь был капитан Кусаинов Куандык. К великому сожалению, на плацдарме реки Неман, юго-западнее Каунаса, Кусаинов был смертельно ранен. Находясь на КП полка вблизи Кусаинова, мне удалось доставить его до полкового медпункта. Несмотря на оказанную медицинскую помощь, мой друг скончался на моих руках. Ранен он был 25 июля 1944 года, похоронен в селе Езно Литовской ССР.

Я не забуду большое сражение 1944 года на левом берегу Днепра под местечком Ленино, где рядом сражались 1 Польская дивизия им. Тадеуша Костюшко и наша славная 70 с.д., которая была вторым слева от нее соседом. Это были очень тяжелые бои, где фашисты решили прорвать нашу оборону. Земля была вскопана от снарядов и бомб, а в воздухе вели бои десятки самолетов противника и наши. Воины 70 с.д., 1 Польская дивизия и другие соединения не дрогнули, отстояли свои рубежи и в последующем перешли в наступление по освобождению Белоруссии, Литвы и Польши от фашистских захватчиков.

Воины 70 с.д., 1 Польская дивизия и другие соединения не дрогнули, отстояли свои рубежи и в последующем перешли в наступление по освобождению Белоруссии, Литвы и Польши от фашистских захватчиков.

ЛЕПЕХОВ ИВАН ИВАНОВИЧ

17.10.1922 года рождения, место жительства: Московская область, г. Ивантеевка.

Служил с августа 1944 года по октябрь 1946 года в 329 с.п. командиром стрелковой роты, в начале войны звание — курсант ЛПУ, в конце — старший лейтенант.

Награжден орденами: «Богдана Хмельницкого», «Красная Звезда», «Отечественной войны», медалью «За победу над Германией»

После штурма Кенигсберга 9 апреля и взятия н.п. Модиттен, Иудиттен дивизия двигалась в направлении города Фишхаузен, прочесывая лесистую местность, занимая населенные пункты и господские

дворы. А в четырех километрах от города Фишхаузена расположен н.п. Неплекен, превращенный немцами в опорный пункт, чтобы не дать возможность нашим войскам выйти к заливу и овладеть пристанью (причалом), где происходила их эвакуация.

Ком. полка подполковник Калентьев пополнил мою роту за счет других подразделений полка и поставил задачу занять н.п. Неплекен, а далее лесом в 3 км выйти на берег залива, овладеть причалом и не дать возможность эвакуироваться отступающим немцам.

После постановки задачи солдатам на опушке леса в 300 метрах от н.п. Неплекен мы стали наступать. По нам немцы открыли пулеметно-винтовочный огонь. Короткими перебежками мы преодолели часть открытой местности до ближайшего кладбища, стоявшего на пути наступления.

Кирпичные стены ограды хорошо защищали нас от противника, и мы имели возможность приблизиться к крайним домам. Левее кладбища был карьер, в котором находился лагерь перемещенных лиц всех национальностей разных стран.

Мы взяли охрану в плен и освободили пленников. Взятых в плен из охраны фельдфебеля я заставил, во избежание лишнего кровопролития, обратиться к немцам, обороняющих н.п. Неплекен. Немцы в ответ на его обращение открыли сильный пулеметный огонь.

Для поддержки нашего наступления на кладбище прибыла арт. батарея под командованием лейтенанта Гололобова и 152-мм СУ, которые своим огнем подавили часть огневых точек и зажгли несколько домов.

Здесь был радист тов. Башков М.И. из 68 с.п. (ныне проживает в городе Москве).

Под прикрытием артогня и дыма, стреляя на ходу, с криком: «Ура» мы овладели Неплекеном и стали наступать в направлении леса, находящегося в 150 метрах. Как только продвинулись метров на 50 от домов, по нам с опушки леса немцы открыли ураганный огонь. Там у них проходила оборонительная линия (траншея) с большим количеством пулеметных и других огневых средств. Мы залегли, и мне лично пришлось взяться за станковый пулемет, воодушевить и подбодрить бойцов, чтобы подавить огневые точки своим огнем. В это время ко мне подполз связист с телефоном и сказал: «Вас вызывает ком.полка». Ком.полка спросил: «Что у вас за стрельба (трескотня)?». Я доложил, что у немцев вдоль опушки леса проходит траншея для обороны входа в лес. Ком.полка сказал: «Наступать воздержитесь, будьте на месте, сейчас поможем!».

Время было уже под вечер, темнело. Минут через 15 слышим над нашими головами сильный шорох летящих снарядов. Это наши «катюши» дали залп перед нашей полосой наступления по траншее и опушке леса в 150 метрах от нас. Все покрылось сплошным огнем и дымом. Какое у наших бойцов было в это время приподнятое настроение! На вопрос ком. полка — «Ну как?» — я ответил: «Хорошо, хорошо». — «Тогда вперед!» Я совместно с парторгом роты сержантом тов. Платоновым поднял бойцов, и мы с криком «ура!» заняли траншею и стали продвигаться в глубь леса к заливу. Лес был наполнен всякой немецкой техникой, перепуганными что-то шумевшими немцами, лаем собак

и т.д. Взятых в плен двух немцев я послал в глубь леса, чтобы привели перепуганных солдат, а сами мы залегли цепью по сторонам идущей в лес дороги. К нашему удивлению, из глубины леса вышла группа человек 40 с поднятым белым флагом. Позднее мы обнаружили по пути наступления много бетонных бункеров, где укрывались немцы. Мы их стали по команде «Хенде-хох, раус!» (руки вверх, выходи) выкуривать оттуда. Тех, кто сдавался без сопротивления, мы отправляли в наш тыл, а оказавших сопротивление вынуждали сдаваться огнем и гранатами.

В одной такой схватке особо отличились младший сержант Хандыкулов с тремя бойцами. Когда они вбежали в один бункер, то по ним открыли огонь, но, не растерявшись, своей автоматной очередью они уничтожили несколько гитлеровцев, а с десятков подняли руки и сдались.

Тем временем мы настойчиво продвигались к заливу. Стало рассветать, впереди вдоль берега мы увидели немецкую траншею, а за ней -водную гладь залива. Здесь ничто нас не смогло удержать, мы заняли траншею, причал и взяли в плен 50 немцев. На озере на плотках, бревнах и лодках плавало много немцев, старающихся эвакуироваться к своим.

Вскоре прибыл на берег командир полка с командиром артиллерии майором тов. Шульгиным, которые дали задание «поработать» полковой артиллерии по тем плотам и лодкам, не пожелавшим приплыть к нашему берегу и сдаться в плен. После моего доклада: «Тов. подполковник, задача выполнена!», командир полка обнял меня по-отечески и поблагодарил за выполнение приказа. За образцовое выполнение боевого задания, мужество и храбрость, проявленные в боях, я был награжден орденом Отечественной войны III степени. Многие солдаты и сержанты получили Правительственные награды.

После кратковременного отдыха мы отправились дальше на Запад по боевому маршруту Марьинбург, Эльбинг, Гдыня, Данциг, Нойштад (Вехерово) и после Победы 9 Мая в город Лаумберг до расформирования.

Взятые у немецкого офицера бинокль и планшет с картой в настоящее время находятся в музее Боевой славы 70 с.д., в школе № 2 г. Московский.

Примечание: Об этом бое была заметка в дивизионной газете корреспондента Щетинина «Как захватили немцев в плен» — в конце апреля 1945 года. Вырезку из газеты я выслал тов. Дементьеву.

И. И. Лепехов
25 января 1982 года

МАЛЬЦЕВ ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

КОГДА ПУШКИ ГРЕМЕЛИ...

Рассказ о концертном ансамбле 70-й с.д.

Шла весна 1943 года. Группа курсантов пехотного училища прибыла на пополнение в формировавшиеся войсковые части под Калугой. С утра до вечера шла упорная воинская учеба. Спали в больших сараях на окраинах деревень. Казалось, все солдатское дело заключено было в одном — хорошо овладеть оружием. И только в редкие минуты отдыха по вечерам удавалось перекинуться двумя-тремя словами, вспомнить родные места, любимых.

Однажды после очередного похода под проливным дождем мы сидели и сушили одежду у костра. Невдалеке от нас расположились разведчики. Вдруг робко, а затем все уверенней и громче заиграл баян.

Мы притихли. Разом забыли про холод и мокрую гимнастерку. Звуки баяна будоражили душу, заставляя вспомнить о той, другой, давно забытой мирной жизни...

На другой день у разведчиков снова заиграл баян. Мы не смогли усидеть на месте и, получив разрешение, пошли на очаровавшие нас звуки. Баянист улыбкой приветствовал нас, минометчиков. Что-то знакомое показалось мне в его лице... Ну, конечно же! Это Володька Соболев, мой товарищ по московскому ремесленному училищу № 24. Он меня тоже узнал, и тут началось: «А помнишь, а помнишь!»

Все вспомнили. И как учились, и как участвовали в художественной самодеятельности. А потом тут же на поляне дали первый импровизированный концерт. Все тут было: русские, украинские, белорусские песни и танцы.

Так по вечерам мы стали собираться на лесной поляне. А этот своеобразный отдых подсмотрел один лейтенант — политработник и предложил нам официально подготовить и показать концерт для всего батальона.

Ну, что ж, можно. И концерт был подготовлен. С большим волнением выходили мы на сцену: вдруг не получится? Все-таки мы не профессиональные артисты. Но нет. Понравились. Ведь нет благодарнее зрителя, чем солдат: каждый номер нас просили повторить по два, а то и по три раза. Исполнение, хоть и не мастерское, но искреннее и непосредственное, вызывало теплую реакцию у товарищей по оружию.

И снова встречные учебные бои, походы, стрельбы. На привалах, бывало, все спрашивали, когда же мы снова дадим концерт. А мы отвечали: «Сначала мы солдаты, а потом уж артисты».

Вскоре был объявлен и проведен в нашей 70 с.д. смотр армейской художественной самодеятельности, на котором были представлены коллективы

всех полков дивизии и в том числе наш, 329. Смотровая комиссия, которую возглавил начальник политотдела дивизии полковник П.В.Плотников и начальник клуба дивизии капитан Д.К. Варнавицкий отобрали лучшие концертные номера и нас, их исполнителей, откомандировали из частей в распоряжение политотдела и клуба дивизии. Так был создан небольшой, но оперативный ансамбль песни и пляски армейской художественной самодеятельности 70 с.д., который прошел по дорогам войны большой и славный путь.

Первый свой концерт мы показали на слете молодых воинов, представителей многих национальностей нашей страны. Заранее зная о том, что на концерт придут русские и татары, казахи и украинцы, узбеки и белорусы, мы решили составить программу с учетом национальных особенностей. Наш первый конферансье — лейтенант медицинской службы Василий Бессудов выучил на разных языках приветствия и шутки и перед каждым концертным номером вставлял их, вызывая гром аплодисментов.

После нашего дебюта перед многотысячной аудиторией выступил начальник политотдела дивизии П.В. Плотников. На всю жизнь запомнились мне его слова:

«Чем нам дорог наш только что созданный ансамбль? Тем, что в его составе наши боевые друзья, которые после концерта вместе с нами пойдут в бой. А пока в их руках чудесное человеческое оружие — искусство, которым они умело пользуются, чтобы вдохновить воинов в их нелегких солдатских походах...»

Поддержанные таким началом певцы и танцоры, чтецы и музыканты, куплетисты и исполнители эстрадных миниатюр загорелись еще большим желанием выступить. В нашем ансамбле были действительно талантливые люди и их послевоенные судьбы подтверждают мои слова. Вот первые его участники: руководитель — лейтенант медицинской службы В. Бессудов, балетмейстер К. Романов, музыканты — В. Соболев, Ю. Соколов, певцы М. Мазаев, В. Остапенко и А. Бортник, чтецы и юмористы Б. Виноградов и П. Богомол, танцоры Клава Бессудова, В. Стаин, Н. Ивленько и автор этих строк — Г. Мальцев — танцор и певец.

В программы наших концертов, как правило, включались номера на злободневные политические темы, фронтовые песни, шуточные народные лубки. Весело и непринужденно вел концерт наш обаятельный конферансье Василий Бессудов. Более трех месяцев дивизия находилась в боевой подготовке, и все это время армейский ансамбль ежедневно выступал в самых отдаленных частях дивизии, в самых различных условиях. Среди множества песен, которые мы выполняли тогда, мне особенно запомнилась песня о солдатском котелке. В ее тексте есть и солдатский оптимизм, и призыв к смекалке:

Много есть интересных находок
На любой из военных дорог.
Так однажды во время похода
Мы солдатский нашли котелок.
Он лежал на краю деревушки,
Исковерканный весь оттого,
Что колеса какой-нибудь пушки

Переехали, видно, его.
 Котелок никуда не годится,
 Но его я исправил, как мог.
 И задумали мы убедиться,
 Как же будет варить котелок?
 Первым делом картошку сварили:
 В котелке разварилась она.
 После этого чай смастерили,
 Котелок осушили до дна.
 И в наплыве табачного дыма
 Сделал вывод бывалый стрелок,
 Что для воина все достижимо,
 Лишь бы только варил котелок.

...Известно, что во время войны трудно было достать спички, и курящему человеку надо было быть очень изобретательным. Солдатская находчивость совершала чудеса, изобретая даже вечный огонь. Кто-то это подметил и сочинил куплеты:

Про фронтовую жизнь послушай,
 Мотай на ус и все учти:
 Вот вместо спичек мы «катюшу»
 Сумели здесь изобрести.
 Берешь кремень и трубку с дыркой,
 Чиркай, чиркай, чиркай...
 И трех минут тут не пройдет,
 Фитиль горит и дым идет.
 И здесь поможет нам «катюша» —
 Солдатский мудрый огнемет.
 Коль на концерте стало скучно,
 Иль номер плох, не так остро,
 Так не кричи: «Долой, довольно,
 Совсем не весело, старо!»
 Возьми кремень и трубку с дыркой,
 Чиркай, чиркай, чиркай...
 Пока удастся закурить,
 Конец. И можно уходить.
 И здесь поможет нам «катюша» —
 Изобретенный огнемет.
 Но пробил час не нужно биться.
 Идем без отдыха вперед,
 Машину адскую для фрицев
 Возьмем «катюшу» — миномет.
 И уж теперь не будем чиркать,
 А трахнем так, как никогда.
 И от фашистов только дырки

Оставим миру навсегда.
И Гитлеру капут придет.
И здесь поможет нам «катюша» —
Прекрасный русский миномет.

...А дивизия все ближе подходила к линии фронта. Все мы, участники ансамбля, разошлись по своим частям, заняли свое место в общем боевом строю. В разведчасть ушли В. Соболев и Н. Ивлenco, в роту автоматчиков — В. Стаин, В. Остапенко и Б. Виноградов, связисты М. Мазаев, А. Бортник, Ю. Соколов и П. Богомоллов разошлись по своим ротам, медики Клавдия и Василий Бессудовы вернулись в медсанбат, а меня тепло встретили минометчики первого батальона. |

В июне 1943 года армия решительно перешла в наступление. С победными боями наша дивизия прошла по дорогам Смоленской и Могилевской областей. В середине октября, когда шли упорные бои в районе «Темного леса» в Могилевской области, мне, как автоматчику, было приказано проводить на наблюдательный пункт полка командира дивизии полковника Абилова. Разговорились. Он узнал во мне одного из участников ансамбля и заинтересованно спросил, где и как воюют наши ребята. Я сообщил ему, что знал: часть моих товарищей была ранена и отправлена в госпитали, другие живы и воюют.

— Видите ли, в чем дело, — сказал полковник, — скоро праздник. Очень нужен концерт как для солдат, так и для освобожденного населения. Так что нужно вам опять вместе собраться.

Как раз в это время наша дивизия была выведена на кратковременный отдых, и участники ансамбля вновь встретились. Подготовили новую программу и показали ее во всех частях. Трудно описать, с каким живым вниманием слушали нас жители освобожденных деревень Горкинского района... У многих на глазах были слезы — радости или печали?.. Особенно трогательно прозвучала песня «Хозяйка» одного из наших полковых поэтов:

Когда в пути устанешь,
С плеча винтовку стянешь,
Зайди, товарищ мой, на огонек.
— Привет тебе, хозяйка!
Местечка ль нет, хозяйка?
Прошел весь свет, хозяйка,
Не чую ног.
Я с немцем дрался долго
У города на Волге.
Мы показали немцам русский бой.
Я был в огне, хозяйка,
Умыться б мне, хозяйка,
Да закусить, хозяйка,
Садись со мной!
В мешке моем немного
Есть хлеба на дорогу.

Садись, повечеряем мы вдвоем.
 Садись к столу, хозяйка,
 Да не журишь, хозяйка,
 Такая жизнь, хозяйка,
 В пути живем.
 И у меня, родная,
 Есть тоже мать седая.
 Она тоскует ночи напролет.
 Но смотрит она гордо
 И знает она твердо,
 Что сын ее, хозяйка,
 С победою придет.
 За хлеб, за соль, за кашу
 Поклон тебе, мамаша!
 Белеет небо, нам пора идти.
 Вдали исчезла хата,
 Трудна ты, жизнь солдата,
 Прощай, живи богато,
 Хозяйка на пути!

Так с оружием в руках, с песней и шуткой на устах жил, боролся и творил наш солдатский ансамбль. Он стал желанным гостем в землянке и окопе, в деревенской избе и на полянке леса, где находился наш отважный солдат.

С ноября 1943 года по июнь 1944 ансамблем были даны сотни концертов. Однако летнее наступление на время прервало наши триумфальные «гастроли», и, расставшись, армейские артисты встретились лишь на подходе к городу Риге. Перед взятием латышского города Бауска дивизия имела двухдневную передышку. И опять концерт. В большом и длинном сарае устроили зрительный зал. Гладко выбритые, с чистыми подворотничками собирались солдаты на концерт. Мы, волнуясь, стоим за кулисами. Вдруг слышим песни, музыку, смех. Что случилось? Оказывается, разведчики 252 с.п. не стали дожидаться начала нашего представления и устроили свое. Уж больно настроение было радостное — побеждаем, как тут не заплясать!

На подступах к Клайпедe — двухмесячная стоянка в обороне. Это дало возможность провести новый смотр армейской художественной самодеятельности. В наш коллектив влилось талантливое пополнение: музыкант В. Бунзис, танцор М. Отважный и бывший актер Мичуринского театра Ю. Блохин.

После освобождения Клайпеды наш путь лежал по дорогам Восточной Пруссии. Чужая земля... Как ты не похожа и в то же время похожа на нашу! Дома. Пустые. В одном от взрывов вывалилась целая стена, открывая комнату, в которой когда-то жили. В глубине стоит рояль.

— Рояль... — восхищено ахают бойцы (к баяну уже привыкли — он стал верным фронтовым другом. А вот рояль! Это часть иного, возвышенного, мира).

Валентин Бунзис стряхивает пыль с крышки, берет одну ноту, другую... И начинает играть революционный этюд Шопена. В полной тишине все

слушают, а потом просят: еще, еще! Как истосковалась солдатская душа по настоящей музыке!

И тут же у рояля новая встреча. В одном из лейтенантов — артиллеристов узнаю Николая Павлюкова. Это он в феврале 1942 года, уходя на фронт, сдал мне свой токарный станок. Узнав, что я здесь нахожусь вместе с армейским ансамблем, Коля пригласил нас к себе на батарею.

Поехали. Видим: на большой лесной поляне стоят гаубичные тяжелые орудия. Только начали концерт, как вдруг команда: «К орудиям!» И мы остаемся без зрителей. «Не волнуйтесь!», — к нам подошел командир артиллеристов, — сейчас дадим по фашистам последний залп и вы продолжите свой концерт».

Оказалось, что в этом районе северо-западнее Кенигсберга, все вражеские войска были разбиты и взяты в плен. И только небольшая горстка гитлеровцев беспорядочно отступала в сторону Балтийского моря. А когда был дан победный залп, мы с еще большим энтузиазмом продолжили свое выступление.

...Май 1945. Мы идем по польской земле. Здесь в дни Победы был дан большой праздничный концерт для солдат и офицеров нашей славной 70 с.д. А в послевоенные дни нашим ансамблем было показано множество концертов на вечерах советско-польской дружбы. Ежегодно стали проводиться олимпиады художественной самодеятельности, на которых с успехом выступал наш дружный коллектив. Среди ансамблей Северной группы войск в 1945 году мы заняли второе место, а в 1946 и 1947 годах — первое. А после одного из концертов в знак благодарности к нашему солдатскому искусству с ансамблем сфотографировался Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский.

Демобилизовавшись из рядов Советской Армии, разъехались в разные уголки страны армейские артисты. Баянист Владимир Соболев — ныне артист Большого симфонического оркестра кинематографии СССР. Пианист Юрий Соколов работает преподавателем в тульской музыкальной школе. Пианист Валентин Бунзис руководил музыкальным кружком в одном из клубов г. Москвы. Певец Михаил Мазаев — артист Свердловского театра музыкальной комедии, в котором выступал одно время и Владимир Остапенко — ныне артист одного из театров г. Сочи. Мастер эстрадной миниатюры Петр Богомолов — директор клуба на Урале. Лихой танцор Владимир Стаин работает мастером в тресте Киевгаз. Автору этих строк Георгию Мальцеву в 1949 году было доверено руководить клубом машиностроительного завода г. Москвы. За многолетнюю работу в этой должности мне было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Сержант, командир минометного расчета 1 батальона 329 с.п.,
затем командир отделения автоматчиков штаба 329 с.п.

Мальцев Георгий Александрович
16 января 1982 года

НОВИКОВ ИВАН НИКАНОРОВИЧ

08.1920 года рождения, место жительства: г. Смоленск.

В 329 с.п. служил с марта 1944 года по 31 июля 1944 года — на ручном пулемете в обороне и с 22 июня 1944 года в разведке боем. Автоматчик полка в звании рядовой. Был дважды ранен.

Награжден медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», представлен к ордену «Красная Звезда».

Это было на плацдарме за Одером в марте 1945 года. После двух ранений в 70 д., я попал в 49 д. 33 Армии. Почти весь плацдарм был залит весенними водами Одера. Весь наш 22 с.п. занимал небольшую территорию деревни Визенау. Немецкое командование поставило перед своими солдатами

задачу: столкнуть нас в воду. Фашисты шли на нас в контратаку в день по несколько раз. Наши ряды становились все малочисленнее, боеприпасы на исходе (дорога залита — подвезти их не на чем). От батальона нас осталась только горстка бойцов, и мы стали отходить. Приблизились уже вплотную к деревне Визенау, где располагался штаб нашего 222 с.п.. А следом за нами наступают фашисты. В этот критический момент бежит навстречу нам начальник штаба полка подполковник Никонов. Он выстрелил два раза из пистолета по нашим отступающим бойцам. Мы залегли. Одновременно подполковник скомандовал артиллеристам открыть огонь прямой наводкой и ракетой вызвал огонь «ка-тюш». Контратака фашистов была отбита.

РЕБРОВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

14.03.1924 года рождения, место жительства: г. Москва.

Воевал в 329 с.п. с апреля 1943 года по август 1943 года помощником командира взвода, звание в начале войны — рядовой солдат, закончил войну старшим сержантом. Получил тяжелое ранение.

В августе 1943 года при наступлении заняли маленькую деревню. Вечером, окопавшись, всю ночь готовились к следующему бою. Утром после артобстрела по немецким позициям, мы, пехота, пошли в наступление. Бой был тяжелым, немцы пытались остановить нас. Нам пришлось залечь, был ранен первый номер пулемета «максим» Коля из города Калинина, но пулемет не

бросил, продолжил вести бой. После того как немцы отошли, его отправили в тыл. Я, как помощник командира взвода, занял его место и продолжил вести бой.

Отступая, немцы цеплялись за каждое удобное им место. Мы несли потери, но продолжали наступать. Когда мы продвинулись вперед, немцы оказались слева от нас на картофельном поле и открыли по нам сильный пулеметный и автоматный огонь. Некоторые из наших солдат растерялись, появились раненые и убитые. Я, пулеметчик, развернул свой «максим», открыл длинными очередями огонь второпях почти наугад. Немцы притихли, в это время разорвалась вражеская мина. Мы перекатали пулемет на другое место и снова открыли огонь, и снова разорвалась мина. Меня ранило, потерял со-

знание, когда очнулся, то пулемет был на боку, рядом убит второй номер (узбек по национальности). Шедшие солдаты показали мне направление в тыл. Я был тяжело ранен в левую руку, затем лежал в госпитале в городе Барнауле. Сделали две операции. Это было 19 августа 1943 года.

СИДОРОВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

27.10.1902 года рождения, место жительства: Ивановская область, поселок Писцово.

Служил в Армии с 03 октября 1941 года, воевал в 329 и 252 с.п. 70 с.д. с 12 апреля 1943 года по 10 октября 1943 года стрелком, командиром роты, звание — рядовой. Был трижды ранен.

Награжден четырьмя медалями и Почетной грамотой.

Это было когда я еще служил в 329 с.п. Мы гнали немцев, вышли на возвышенность, увидели, что один немец бежит и поджигает дома. С одного посада на другой выбежал мальчик из горящего дома, а немец схватил его за ручонку и бросил в колодезь. Пока мы спускались с горы и бежали, его вытащили уже мертвым. А неподалеку стоял подожженный сарай, там поднялся крик, визг, были слышны голоса женщин и детей. Бойцы, ребята молодые, бросились к сараю, кто чем взломали запоры и всех освободили, некоторые были в синяках от побоев. Немцы побежали к лесу, наш боевой сержант на лошади и с шашкой одного догнал и зарубил, второй убежал в лес, а третьего взяли в плен.

СЫРОПЯТОВ ВАЛЕРЬЯН ЕФИМОВИЧ

15.06.1924 года рождения, место жительства: п. Арти.

Воевал в 329 с.п. 70 с.д. с апреля 1943 года по август 1944 года в должности командира роты ПТР, звания лейтенант, старший лейтенант.

Награжден орденом «Красная Звезда», медалями «За победу над Германией» и «За отвагу».

В августе-сентябре 1943 года шли сильные, жаркие бои по освобождению Смоленской, Могилевской областей. При освобождении населенного пункта Зилтцы наш взвод ПТР ворвался в окопы немцев и за короткое время их выбил. Оставленные минометы и множество мин наши бойцы применяли против самих же фашистов, пол-

ностью их уничтожив. Это один из сотни случаев разгрома врага.

В 1943 году, когда мы форсировали реки Угру и Десну, к нам на пополнение прибыли молодые бойцы, в том числе москвич сержант Абрамович Семен Львович — командир отделения взвода ПТР, помкомвзвода Домнин — горьковчанин, командир отделения Мирочниченко — бывший моряк Черноморского флота. Переправились через реку Десну, выбили немцев из первой оборонительной линии, второй и третьей. Но попали под сильный шквальный минометный и артиллерийский огонь, залегли. На горизонте показались немецкие танки, самоходки, бронетранспортер с немецкой пехотой. Наши бойцы не дрогнули, и нам помогли наши артиллеристы. Было подбито 3 танка, они горели как свечи, как и бронетранспортер с пехотой. Особо отличились старший сержант Домнин, сержант Абрамович, казах по национальности боец Канназаров и многие другие дорогие моему сердцу однополчане.

ФАРТУСОВ АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВИЧ

01.09.1918г. рождения, место жительства: г. Вильнюс.

Воевал в 329 с.п. 70 с.д. с 25 февраля 1944 года по июль 1946 года в должности командира минометного взвода, звание — старший сержант, лейтенант.

Награжден орденами «Отечественной войны» I степени, двумя орденами «Красная Звезда», медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга» и «За Победу над Германией».

26 июня 1944 года командир полка вызвал нас и отдал приказ: «Штурмовому отряду, во главе с капитаном В.Пилипасом с находящимися под его командованием артиллерийской батареей, минометным взводом, саперами и разведчиками преследовать отступающего врага, форсировать Днепр и освободить город Шклов Могилевской области».

Почти два дня и две ночи мы преследовали отступающие немецкие части. Кое-где вступали в бой с фашистами, прикрывая отход своих войск. Когда мы подошли к Днепру, немцы взорвали мост, он горел. Артиллеристы, я с минометным взводом по приказу капитана Пилипаса, заняли огневые позиции, открыли артиллерийский и минометный огонь. Не теряя ни минуты,

личный состав стрелкового батальона начал форсировать Днепр. Капитан Пилипас с группой солдат первыми были на другом берегу. Захватив небольшой плацдарм, штурмовой отряд теснил врага. На разных подручных средствах: лодках, наспех сбитых плотках в мы с орудиями и минометами переправились через Днепр. Натиск наших частей был настолько стремительным, что к концу 28 июня Шклов был очищен от оккупантов.

За образцовое выполнение приказа капитан Пилипас был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

ФЕДОРОВ РАТМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Здравствуйтесь, дорогие ребята!

С радостью выполняю вашу просьбу. Буду счастлив, если смогу чем-то оказать вам помощь в вашем благородном деле создания Музея Боевой славы 70-й с.д.

Дивизия сформировалась в апреле — июне 1943 года в Калужской области, и мы, вместе со 100 другими выпускниками Свердловского пехотного училища, были первыми командирами взводов во всей дивизии. Свой боевой путь дивизия начала в августе 1943 года с окончательного освобождения от немецко-фашистских оккупантов Калужской и Смоленской областей.

К сожалению, в сентябре 1943 года я из-за тяжелого ранения выбыл из дивизии и ее дальнейший боевой путь по личному опыту не знаю.

Учитывая, что ваша школа находится совсем недалеко от Калуги, где я теперь живу, прошу вас сообщить мне подробнее, каким маршрутом к вам можно

проехать на автомашине, и я обязательно постараюсь приехать к вам на открытие музея, а возможно, и ранее, т.к. я часто езжу на машине в Москву.

Желаю всем вам успехов в учебе — это сейчас для вас самое главное в вашей жизни — хорошего активного отдыха и здоровья!

До свидания!

04.01.1981г.

Из всех фронтовых событий наиболее ярко в моей памяти сохранился такой трагикомический эпизод: это было в августе 1943 г.

Наша рота получила приказ провести разведку боем и постараться «взять языка». Мы ночью подобрались незамеченными к немецким окопам метров на 20–25. Их окопы были на окраине небольшой сгоревшей деревни. Из-за сильного огня (стрельбы) и открытой местности продвигаться такими малыми силами — нас было около 100 человек — было невозможно, и мы зарылись в землю. К утру мы даже хорошо оборудовали свой новый боевой рубеж и чувствовали себя в безопасности, так как немецкой пехоты мы не боялись: наступали мы, а они мечтали об одном — хоть бы удержаться на месте, а

не бежать от нас. Стрелять же по нам из пушек или минометов, а тем более бомбить с самолетов было невозможно, т.к. наши окопы оказались почти рядом с немецкими и снаряды, мины и бомбы могли попасть не только по нам, но и по своим солдатам.

Итак, мы оказались, как говорится, «нос к носу». Вот тут-то и начались события, которые были бы комичными, если это было бы не на войне.

Мы вступили с немцами в разговор на каком-то смешанном русско-немецком языке. Началось с того, что немцы предложили нам перейти без оружия к ним и сдаться в плен, на что в наших окопах раздался дружный хохот, и мы тотчас же напомнили им, что Москву они не взяли, что в Сталинграде мы их разгромили, а на Орловско-Курской дуге добились их хваленые дивизии, что здесь (под Смоленском) они от нас драпают, и уж если и сдаваться в плен, то не нам, а им. Наши напоминания были хорошо поняты, и разговор перешел на более мирные темы, а дело было в том, что нам при свете дня невозможно было доставить из тыла еду (местность была открытой — картофельное поле), и мы остались без завтрака и обеда. Немцы, зная и видя это, стали приглашать нас (конечно, провокационно) к себе на обед — к их позиции были скрытые подходы из их тыла. На их приглашение к обеду мы ответили, что если им очень уж хочется накормить нас обедом, то пусть пришлют два — три солдата с термосами к нам в окопы, а дальше эти солдаты решат сами, что им делать, то ли вернуться к себе умирать за фюрера (так именовался Гитлер), то ли поехать в наш глубокий тыл, где нет войны. Предложили мы им и другой вариант. Оставить термос с

обедом в окопах, а самим убираться подальше, а то все равно утром мы вас (немцев) так шибанем, что после этого сами не знаем, куда вы денетесь. Дальнейшие разговоры наши велись в том духе, что вечером, как стемнеет, нам принесут и завтрак, и обед, и ужин, что ночью мы, сытые, отдохнем, а к утру к нам придет подкрепление, и утром мы вам так поддадим, что вы не поймете, в какую сторону вам драпать.

На самом же деле мы (нас было 4 офицера и около ста солдат) стали тщательно готовиться к атаке на немцев в 2 часа ночи, т.е. когда вечер уже давно кончится, а до утра будет еще много времени.

Немцы, видимо, решили, что мы действительно до утра будем вести себя мирно, и наша ночная атака, а она длилась 10–15 минут, ошеломила их. Мы ворвались в их окопы, часть немцев была убита при атаке, четырех удалось захватить живыми в плен, а это было самое главное — штабу нужны были «языки». А часть — сумели в темноте убежать в глубину своей обороны. Деревенька стала нашей.

Вот так и закончился этот бой местного значения. О таких боях не пишут романов, не ставят о них спектаклей и не снимают кинофильмов, а в сводках со-винформбюро в те военные годы скажут одну фразу: на остальных фронтах шли бои местного значения. Но это тоже были бои, в них тысячи и тысячи бойцов были ранены или пали, отстаивая свободу нашей Родины.

РАЗДЕЛ 8

227 АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ПОЛК

БОЛТАНЮК ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

15.08.1915 года рождения, место жительства: г. Киев.

Воевал в 227 а.п. 70 с.д. с апреля 1943 года по январь 1945 года в должности командира взвода управления 122-мм гаубичной батареи. Звание в начале войны — рядовой, в конце войны — лейтенант.

Награжден орденами «Отечественной войны» II степени, «Красная Звезда», медалями «За взятие Берлина» и «За победу над Германией».

В июне 1943 года батарея занимала огневую позицию под городом Шкловом Белорусской ССР. На батарею поступило две автомашины боеприпасов калибра 122 мм. Снаряды были выгружены на ровной площадке и уложены в штабеля до двух метров высотой. Убрать снаряды в укрытие солдаты не успели. Видимо, противник заметил движение автотранспорта на нашей огневой позиции. Вскоре начался артиллерийский обстрел наших позиций. Один снаряд противника разорвался в двух метрах от выгруженных боеприпасов, и взрывной волной их разбросало в разные стороны. Загорелись деревянные ящики, в которые были упакованы снаряды. Была угроза взрыва всех боеприпасов. Командир орудия Юдин со своим расчетом бросился тушить пожар. Пожар был ликвидирован, боеприпасы собраны, уложены в ящики, укрыты в ровиках. Командир орудия и его боевой расчет были представлены к правительственной награде за ликвидацию пожара на огневой позиции. Этот случай произошел на батарее, которой

в это время командовал капитан Демин.

Осенью 1943 года, преодолевая сопротивление противника, части дивизии первыми вышли к реке Неман. «Реку форсировать немедленно на подручных средствах», — распорядился командир дивизии. Это задание не из легких.

Воинам оказывали помощь жители соседних сел: наспех связали плоты, собрали лодки. Стараясь остановить наступление, фашистское командование было вынуждено бросить на нас танковую дивизию «Великая Германия».

09 августа 1944 года я получил осколочное ранение в спину в область левой лопатки.

ГРОБОВСКИЙ ФЕДОР КОНСТАНТИНОВИЧ

18.02.1922 года рождения, место жительства: г. Слуцк.

Воевал с июня 1941 года, в 227 а.п. 70 с.д. с 1944 года по 12 апреля 1945 года в должности командира орудия. Звание — сержант. Был тяжело ранен.

Награжден орденами «Красного Знамени», «Красная Звезда», медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

В первых числах апреля 1945 года при штурме Кенигсберга немецкий танк, находящийся за зданием, не давал продвижения. Нам, артиллеристам, был дан приказ уничтожить его. Направили первое орудие, но как только оно показалось из укрытия, пулемет уничтожил лошадей, а танк прямой

наводкой разбил орудие. Так было уничтожено несколько орудий. Если продвигаться по дороге, по которой мы наступали, то противник сначала нас не видел, но когда мы выходили наверх, то он расстреливал лошадей и орудия. Тогда старший лейтенант Штукин дал мне задание уничтожить танк другим способом. Подцепили орудия и двинулись по узкоколейной железной дороге, которую противник не просматривал. Расчет с помощью пехоты на руках опустил орудия по склону железной дороги, и мы двинулись в обход танка. Заехали за здание, потом на руках выкатили орудия, и танк уничтожили сзади, а затем начали уничтожать пулеметные точки. Благодаря этому наши бойцы смогли продвинуться вперед. За этот бой я получил орден «Красного Знамени».

ЕФИМОВ ИВАН ЕФИМОВИЧ

05.09.1914 года рождения, место жительства: Чувашская АССР.

Воевал с 22 июня 1941 года, в 227 а.п. с октября 1943 года до конца войны в звании майора.

Награжден орденами «Отечественной войны» I и II степеней, «Красная Звезда» и 12 медалями.

22 июня 1941 года мне пришлось командовать отдельным артдивизионом в Западной Белоруссии под г. Ломжа, где мы приняли первый пограничный бой с немцами. Был у нас в 1 батарее наводчик Захаров Михаил из Куйбышева. Он до 14.00 22 июня подбил 11 танков, когда стрелял по 12 танку, ему оторвало левую руку осколком. Руку ему перевязали и отправили в медсанчасть, но Михаил через час вернулся на батарею и опять занял свое место у орудия. С оторванной рукой он сумел подбить еще один танк. Это было небывалое геройство. Когда мы прорывались из окружения, то спасти его не смогли — он умер от заражения крови.

В пограничных боях 22 июня 1941 года в районе города Ломжа мой дивизион поддерживал Ломжиакский погранотряд. В дивизионе и пограничном отряде служили кадровые красноармейцы 40 национальностей Советского Союза. Все они дрались в первых пограничных боях как львы. Среди красноармейцев не было ни одного перебежчика или паникера. Все дрались до последнего патрона, до последнего вздоха. Я гордился своими артиллеристами и горжусь до сих пор, что мне посчастливилось командовать такими Героями.

В апреле 1943 года из двух курсантских стрелковых бригад: 146 Сибирской и 47 Челябинской — была создана 70 с.д. второго формирования.

Командиром дивизии стал командир 146 бригады полковник Абилов. Меня, бывшего командира отдельного артиллерийского дивизиона 144 бригады, назначили заместителем командира 227 а.п. и поручили начать его формирование. По прибытии 47 с.б. командиром полка был назначен бывший командующий артиллерией этой бригады подполковник Петров, но его через неделю перевели командующим артиллерии другой дивизии. Мне пришлось продолжить формирование полка.

Несколько слов о стрелковых бригадах, которые составили костяк новой дивизии.

146 с.б. формировалась в городе Калачинске Омской области. Основу ее составили курсанты военных училищ Сибирского и Забайкальского военных округов. 13 ноября 1941 года по распоряжению СИБВО меня направили в город Томск отбирать курсантов артиллерийских училищ для вновь формируемых артиллерийских частей. После отбора курсанты были направлены в распоряжение штаба СИБВО. Отобрав 400 человек артиллеристов, я отбыл в 146 с.б. в город Калачинск. Дивизион был укомплектован хорошо подготовленными курсантами-артиллеристами и офицерами, но участников войны — фронтовиков было очень мало.

Несмотря на это, личный состав дивизиона, да и всей бригады, дрался по-настоящему, показывая пример мужества и отваги.

В январе 1942 года первый эшелон бригады — отдельный артиллерийский дивизион, командиром которого был назначен я, отбыл на фронт. До прибытия подразделений бригады дивизион участвовал в боях в районе Калинина в составе 1 Ударной Армии. В феврале 1942 года дивизион был направлен по Октябрьской железной дороге до Малой Вишеры в распоряжение штаба Волховского фронта, туда же в начале марта 1941 года прибыла бригада. Бригада занимала оборону в районе города Волхов. В марте 1942 года бригаду направили в распоряжение Северо-Западного фронта против окруженной 16 немецкой армии в районе Демянска. Бои шли за железнодорожную станцию Лычково, села Белый Бор и Кипино. Эти населенные пункты были взяты после ожесточенных боев. С падением крупного населенного пункта Белый Бор бригаду вывели в тыл всей окруженной немецкой армии. Развернулись ожесточенные сражения против прорывающихся немцев. Большая группировка немцев, бросая тяжелую технику, прорвалась на западный берег реки Ловать и соединилась с войсками группы армий «Север».

В этих боях части бригады подбили 10 танков, захватили большое количество боевой техники и боеприпасов: 18 исправных 150-мм пушек, более 10 тысяч снарядов, 50 автомашин. Личный состав бригады в этих ожесточенных боях оправдал свое звание курсантской и честно выполнил боевую задачу. После ликвидации окруженной группировки немцев бригада принимала участие в боях в районе города Старая Русса. В начале марта 1943 года бригаду вывели из состава Северо-Западного фронта, направили в район города Калуги, где формировалась 70 с.д.

47 курсантская стрелковая бригада формировалась осенью 1941 года в Верхнем-Уфалее Челябинской области из курсантов военных училищ Уральского Военного Округа. После завершения формирования бригада была направлена в состав вновь формирующейся Первой Ударной армии генерала Кузнецова. Она участвовала в обороне Москвы и в контрнаступлении против немецких войск. Бригада героически сражалась за города Яхрому, Рогачев и ряд других населенных пунктов севернее Москвы. В декабре немецкие войска около города Яхромы перешли канал Москва — Волга на восточный берег. 47 с.б. совместно с морской пехотой отчаянным ударом разбила немцев и штурмом взяла город Яхрому. В этом же районе они окружили и уничтожили группу немецких войск. Это было первое окружение немецких войск. Именно 47 с.б. перерезала дорогу к отступлению немцам на Запад. Действия бригады отмечены в приказе Верховного Главнокомандующего.

После разгрома немецких войск под Москвой бригаду направили на Северо-Западный фронт. Она дралась за город Старая Русса.

В середине марта бригада прибыла в район города Калуги и вошла в состав 70 с.д.

Личный состав обеих бригад в предыдущих боях показал массовый героизм и отвагу, верность Родине и народу. За все бои 1941—1942 годов не было случая отступления в боевых действиях, бригады всегда выполняли поставленную боевую задачу. Курсанты обеих бригад оправдали свои звания, многие из них впоследствии стали офицерами Красной Армии.

За боевые действия многие сотни солдат и офицеров были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Дивизия была полностью укомплектована личным составом, боевой техникой и транспортом по штатам военного времени. Артполк получил недостающие орудия и американские автомашины.

Командирами дивизионов стали мои бывшие командиры батарей майоры Петров П.И и Чернышев. Начальником штаба полка стал бывший командир дивизиона 47 с.б. майор Пластин. Командующим артиллерией дивизии был назначен бывший командующий артиллерии 146 с.б. подполковник Каретников, а начальником штаба артиллерии дивизии майор Заяц А.С.

Летом 1943 года дивизия вошла в состав 33 Армии Западного фронта, была выдвинута в район города Спас-Деменска, где заняла участок обороны. Штаб Западного фронта планировал операцию по освобождению города Смоленска. Развернулись жестокие бои. 33 Армия по плану должна была взять Спас-Деменск с дальнейшим наступлением на Ельню. После мощной артиллерийской подготовки дивизия совместно с другими соединениями пошла в наступление. В этих боях был тяжело ранен командир первого дивизиона майор Петров, командование дивизионом принял его заместитель.

Немцы сопротивлялись с фанатическим упорством, часто контратаковали с танками и при помощи авиации.

В боях под Спас-Деменском наши разведчики взяли в плен обер-лейтенанта Фридриха Рейнгарда. Когда его привели в штаб полка, мне пришлось побеседовать с ним. Этот офицер участвовал в военных операциях во Франции, Чехословакии и в Польше, был награжден Гитлером двумя крестами.

Я спрашивал его:

— Что вы думаете о войне против нас? Верите ли в победу Германии?

Отвечает:

— После Московской битвы я еще сомневался, а после Сталинграда пришел к выводу, что мы проиграем войну. Видно, наше Верховное командование сделало просчет.

Вопрос:

— Что же думают ваши солдаты?

Ответ:

— Господин майор, у нас фашистская дисциплина еще сильна. За солдатами следят эсэсовцы и гестапо.

С успехами наших войск менялось мышление гитлеровских войск.

После взятия Спас-Деменска меня перевели в штаб артиллерии 33 Армии. Конечно, жалко было оставлять боевых товарищей, ведь почти половина личного состава дивизии была из 146 с.б.

В связи с постигшим меня несчастьем в 1980 году — потерей карты боевых действий в районе Спас-Деменска — подробно описать ход боевых действий частей дивизии на память не представляется возможным.

В своей рукописи я описывал боевые действия с 22 июня 1941 года по 1943 год. О 70 с.д. написал мало. Большую часть рукописи охватывают наступательные бои 1944—1945 годов 251 Витебской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии в составе 39 Армии 3 Белорусского фронта.

Подполковник в отставке И. Ефимов

ИВАНОВ МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ

10.1906 года рождения, место жительства: г. Иваново.

Воевал с сентября 1942 года, в 227 а.п. 70 с.д. с апреля 1944 года в должности командира артпарка.

Награжден орденом «Красная Звезда», медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Это было под Кенигсбергом. Когда наш дивизион находился на подступах к нему, в батареях был большой недостаток бронебойных и коммулятивных снарядов. Исправных автомашин не оказалось, а армейские склады находились на удалении 40–50 км в тылу. Я, посоветовавшись с начальником штаба дивизиона, решил ехать за

снарядами на трофейных автомашинах с немецкими шоферами в составе шести человек. При проезде лесом одна машина сломалась и встала. Я поспешил к ней, было темно и дождливо. В это время из леса вышли два немца в гражданской одежде и пошли прямо на меня с пистолетами. Я выхватил свой. Эти два немца бросились в лес, но оба были убиты мною и подошедшими на помощь нашими солдатами.

КАЗАКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

05.09.1921 года рождения, место жительства: г. Одесса.

Воевал с декабря 1941 года, в 227 а.п. 70 с.д. с апреля 1943 года по апрель 1944 года в должности командира отделения разведки 6 батареи. Звание в начале войны — рядовой, в конце войны — сержант.

Награжден орденом «Красная Звезда», медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».

Зима 1943 года, Северо-Западный фронт, деревня Красный Луч Калининской области. 47 отдельный артдивизион, имевший один взвод с двумя 76-мм пушками, прикрывал оборону стрелкового батальона. Пехота была оттеснена фашистами, а наши два орудия прямой наводкой расстреливали фашистов до последнего снаряда. В этом бою погиб мой товарищ — Витя Соловьев, мы с ним вместе в 1941 году окончили речной техникум в г. Рыбинске. Из артиллеристов в живых осталось только два человека.

Я любил и люблю свою Родину. И выполнял все, что мне было приказано.

В апреле 1943 года при формировании 227 а.п. 70 с.д. наша батарея располагалась в с. Михайловском, где я был назначен командиром отделения разведки 6 батареи. Мне дали из пополнения 3–4 человека молодых солдат, и мы приступили к занятиям. Я учил их тому, что знал сам, что получил из опыта войны 1941–1943 годов в составе отдельного артдивизиона 76-мм пушек 47 о.с.б., где я был разведчиком-наблюдателем, ходил в разведку с пехотой и уже имел орден Красной Звезды. Мы усиленно готовились к новым боям, которых скоро дождались.

По дороге на фронт только мы проследовали один населенный пункт, как на

нашу колонну 227 а.п. налетели бомбардировщики и стали сыпать мелкие бомбочки. Колонна шла с увеличенной скоростью, пострадал только расчет впереди идущей машины, погибли все.

Позже начались бои и первые потери. Помню одну высотку и наш НП на этой высотке, там же находился и НП командира 2 дивизиона. Сзади высотки расположились «иваны», которые стреляли «амбарами» (в спешке иногда снаряд улетал в упаковке). Немцы их очень боялись, так как эти снаряды рвались с огромной силой. Готовилось наше наступление на данном участке, передние скаты высотки заняла пехота. Радиопереговоры были запрещены, но, вопреки этому приказу, именно с нашего НП заработала рация. Фашисты сразу ее засекли и выпустили по высотке 5–6 снарядов 105-мм. Результат был плачевный: оторвало ногу разведчику нашей батареи. А рядом на обратных скатах высотки стояла пара лошадей, но ни один осколок их не задел, так как установка взрывателя была на фугасное действие.

На этой же высотке произошел еще один случай. Немцы бомбили высотку. У меня осколком срезало объективы стереотрубы, и засыпало двух солдат пехоты. После бомбежки их откопали, но было уже поздно. А засыпало их потому, что они подкопали в своем окопе «лисю нору», и она завалилась.

Еще об одном случае перед наступлением под Спас-Деменском. Дивизионная артиллерия проводила мощную арт.подготовку. Мы выскочили из окопов НП, прыгали и смеялись от радости. Среди нас — фронтовиков оказался один молодой телефонист, он остался в окопе, испугавшись гула и грохота, вытащил из ниши телефонный аппарат и засунул туда голову. Мы вытащили его из окопа бледного как полотно, успокоили, и он вместе с нами стал радоваться нашей артподготовке. Позже, когда наша пехота пошла в атаку, немец стал немного огрызаться: применял огнеметы. За этот день мы взломали оборону немцев на несколько километров.

Далее в своих воспоминаниях я могу переставить события во времени.

В том же наступлении летом 1943 года провели рекогносцировку местности, заняли место для батареи и дивизиона НП и меня одного оставили охранять занятый НП на маленькой высотке. Суток двое-трое я был один, питался в чужих подразделениях, а больше голодал, но своих дождался.

Позже ночью мы оборудовали НП в чистом поле, а впереди на опушке леса задержались немцы, они при отступлении оставили прикрытие. На нашем НП командир дивизиона капитан Карпенко лег отдохнуть в среднем окопе. На рассвете немецкая пехота пошла в контратаку, с опушки леса вышли два «фердинанда» и открыли огонь. Один снаряд попал в торец перекрытия над окопом, где отдыхал командир дивизиона. От удара воздушной волны он погиб, не было ни одного осколка, но у него пошла кровь изо рта и ушей. Немецкую контратаку отбили и пошли дальше в наступление.

Случай на реке Десна

Командир батареи, а с ним телефонисты и разведчики (всего 7–8 человек) ночью должны были выйти к реке и занять НП на берегу реки. Всю ночь мы блуждали по лесу и под утро вышли к реке. Потом оказалось, что мы ходили по минному полю, и утром много пехотинцев подорвалось на них.

После форсирования реки Десна на правом берегу в одном из дзотов я видел немецкого пулеметчика, прикованного к пулемету, — смертника.

Однажды небольшая группа пехоты, 2 орудия и пять артиллеристов, среди которых был я, были оставлены прикрывать участок фронта по опушке леса — километра два. Нашей задачей было ночью обозначить передний край ракетами, а также постреливать из автоматов. По замыслу командования, пехота была снята и произведен фланговый удар по немцам, а наша маленькая группа «держала» оборону. И так несколько суток.

Закончилось это тем, что немцы поверили, будто бы в нашем лесочке много войск, и бросили на нас авиацию, а затем открыли ураганный артиллерийский огонь. Один из нас был ранен — перебило ногу, и мы вынесли его на плащ-палатке. Когда отходили, то попали под огонь своей артиллерии: наши подумали, что в этот лес вышли немцы, и тоже открыли свой огонь.

Случай в разведке за «языком»

Зима. Командир арtpолка решил доказать, что артиллеристы сами могут достать «языка», раз пехота не может. Собрали нас семь разведчиков: старший лейтенант и шесть рядовых и сержантов. Экипировались хорошо: в маскхалатах, гранаты, автоматы. Несколько дней проводили визуальную разведку, и в одну из ночей поползли. На всякий случай договорились со своими о том, что по сигналу ракеты они откроют огонь по немецкому переднему краю, куда мы отправились. Перерезали колючую проволоку, я и еще один поползли прямо, трое — направо, на блиндаж, двое — старший лейтенант и еще с ним один солдат остались у колючей проволоки. Когда я полз прямо на немецкие окопы, то нащупал проволочки между кочанами срубленной капусты — заминировано, и стал тоже двигаться вправо, товарищ за мной. Впереди, метрах в пяти, разговаривали два немца. Вдруг разговор смолк и на нас посыпались ручные гранаты. Я — за автомат, а он не стреляет — забился снегом и примерз. Бросил одну гранату-лимонку, вторую

и отошел за колючую проволоку. Наших там уже не было. Немцы открыли ураганный огонь из пулеметов. Я отбежал дальше и встретил своих. Старший лейтенант выпустил ракету, вызывая огонь нашей артиллерии. Первый снаряд упал около нас, второй и последующий — по немцам. Мы отошли по нейтральной полосе к своим. Один был ранен в ногу, а я почувствовал боль в ногах только тогда, когда добрались до своей пехоты — осколки от гранат попали в щиколотку правой ноги. Так неудачно закончилась наша артразведка «за языком».

Еще вспоминается, как под Ленино, перед вводом в наступление Войска Польского, в лесу стояла кавалерийская дивизия и попала под бомбежку. Много было потеряно кавалеристов и коней. При вводе в бой Войска Польского наш НП был на левом фланге от них. Днем к нам приходил начальник штаба артполка майор Парфенов, беседовал с разведчиками 6 батареи. Говорил, что на меня посылали представление к ордену Богдана Хмельницкого, но представление вернулось, так как этим орденом награждались только офицеры, а я был сержантом.

На другой день наш штаб 227 а.п. попал под бомбежку, майор Парфенов погиб, также были уничтожены при бомбежке знамя нашего полка и все документы.

После празднования Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота в феврале 1944 года, как лучшему разведчику полка, по ходатайству командира батареи старшего лейтенанта Гольдербитера мне был предоставлен десятидневный отпуск. А после возвращения мне предложили ехать учиться в артучилище. Был откомандирован в город Красноярск, где находилось в то время 1 Киевское артучилище, которое закончил в июне 1945 года. Служил в рядах Советской Армии, в 1964 году был уволен по сокращению штата в звании капитана.

КИРИЧЕНКО ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

14.04.1924 года рождения, место жительства: Саратовская область с. Балтай.

Воевал в 227 а.п. 70 с.д. с мая 1943 года по 16 октября 1944 года в должности начальника разведки второго дивизиона, командира 7-й батареи. Звание в начале войны — лейтенант, в конце войны — майор. Был трижды ранен.

Награжден орденами «Красного Знамени», «Красная Звезда» и «Отечественной войны» II степени, медалью «За победу над Германией».

Сейчас мне кажется, что каждый день пребывания на фронте любого офицера или солдата — это подвиг, а во время войны все казалось мне обычным солдатским делом.

Например, в октябре 1944 года под Клайпедой, когда холодной октябрьской ночью солдаты 7 б. 227 а.п. несколькими упряжками коней перетягивали на противоположный берег пушки по дну реки и ныряли в ледяную воду, чтобы освободить зацепившиеся за что-то колеса.

В 227 а.п. моими командирами и наставниками были такие замечательные офицеры, как Гольдербитор, Данович и Губенко. Они, особенно Гольдербитор, не только воспитали меня умелым артиллеристом, но оказали прямое влияние на становление моей личности. Они с уважением относились к подчиненным, никогда не допускали самодурства, с пониманием относились к трудностям солдат, никогда не допускали сквернословия. Я с благоговением всегда вспоминаю их.

Самым памятным эпизодом для каждого участника войны является день Победы. 07 мая 1945 года мы должны были наступать на Лиснау. Но за несколько минут до начала артподготовки над немецкой траншеей замелькали белые флаги. Ночью 08 мая по всей линии фронта стихийно вспыхивала иллюминация: цветные ракеты, трассирующие пули и снаряды, выпущенные вверх, огромные костры. А на немецкой стороне стояли мрак и мертвая тишина. Я в то время служил в 359 а.п. 156 с.д. Последний раз боевую стрельбу моей батарее пришлось вести 14 мая 1945 года по катерам, на которых фашисты пытались бежать в Швецию от причала Павилосто.

Газета «Знамя Октября» от 11 апреля 1970 года № 44 (3914)
(орган Балтайского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов)

МОЙ КОМБАТ

Давно отгремела война. И даже воспоминания об особо тяжелых днях потеряли свою остроту, растворились в повседневных заботах и кажутся уже не твоими личными переживаниями, а содержанием интересной, но давно прочитанной книги. Забылось то инстинктивное чувство самосохранения, которое прижимало тебя к земле при свисте приближающейся мины, забылись горечи временных неудач, подробности отдельных эпизодов.

Но никогда не забудешь друга, с которым ты только что познакомился, только что разделил последний сухарь из НЗ и которого через час ты похоронил в наспех вырытой мелкой могиле. Никогда не забудешь тех, с кем прошел фронтовыми дорогами сотни верст и разделил все трудности этих дорог.

Каждый человек, наверное, может назвать друга, который оставил в его жизни неизгладимый след и воспоминания о котором вызывают прилив теплых чувств и радостное волнение. Именно так вспоминаю я своего комбата Михаила Гольдербитора.

Нашей батарее везло на хороших командиров. Но фронт есть фронт: одного перевели на штабную работу, другой ушел по ранению.

Новый командир вначале произвел на нас не особенно приятное впечатление. В нем не было подтянутости строевого командира: пилотка ему была явно велика и слишком свободно сидела на его голове, вместо офицерских ремней — обычный солдатский пояс, да и во всех его командах и распоряжениях чувствовалась простота невоенного человека. Мы уже знали, что он по специальности инженер-химик, что начал войну командиром взвода, что в комбатах

ходит совсем недавно. Лет на восемь он был старше моих девятнадцати лет и казался мне пожилым человеком.

У меня были и другие причины предубежденно относиться к комбату. С первых же дней он возложил на меня обязанность корректировать огонь батареи, готовить данные к стрельбе, вести учет боеприпасов, то есть то, что обычно выполняет сам командир батареи. Мне казалось, что он просто отлынивает от своих обязанностей, переложив их на меня, командира взвода. Мне было невдомек, что он учил меня сложному артиллерийскому мастерству.

Однажды мне с группой разведчиков поручили обследовать рошу, глубоко вклинившуюся в оборону противника. Мы осторожно, от куста к кусту пробирались через лес, повсюду встречая следы, но не самого противника. Мы беспрепятственно прошли через лес и вышли на его противоположную опушку. Но враг откуда-то следил за нами и внезапно накрыл нашу группу плотным минометным огнем. Казалось, заплясали вековые ели в пьяном угаре огневого вихря, опрокидываясь и выворачиваясь с корнем. Мы попытались укрыться в глубине леса. Но еще дважды нас настигал этот бешеный огневой шквал. Все были ранены, некоторые тяжело. Только к ночи мы добрались до своих. Я доложил о результатах разведки и прошел к санинструктору обрабатывать свои, к счастью, легкие раны, предвкушая заслуженный отдых. Но через несколько минут меня позвали к комбату.

«Как самочувствие? Хорошее? Ну и отлично, — ответил он на мое приветствие. — Понимаешь, сегодня ночью мы должны занять этот лес. Сейчас собери всех здоровых разведчиков и связистов, возьмите побольше патронов и гранат и идите на ту опушку, где вас обстреляли. Сразу же отойдите окопы. Со мной связь держите по рации. Продержитесь до утра. Утром подойдет стрелковый батальон».

Он продолжал объяснять задачу, а я смотрел на него и думал: «Понимаешь ли ты, куда нас посылаешь?»

Только в смоленских лесах, наверное, бывают такие темные ночи. Я шел впереди своей группы и ничего не видел, кроме светлячка на стрелке компаса. Через два-три шага кто-то из нас с шумом проваливался в воронку от снаряда или спотыкался через поваленное дерево. Каждый ожидал внезапной автоматной очереди из темноты. А у меня не выходил из головы уж слишком официальный тон комбата при разговоре со мной.

Мы благополучно дошли до места, развернули рацию и доложили обстановку. И, только услышав в наушниках радостный голос комбата, я понял, как он за нас волновался. Больше года мы воевали вместе. Наши взаимоотношения никогда не переходили рамок субординации, но ведь истинная дружба не нуждается в фамильярности.

Однажды одна из стрелковых рот захватила высоту у самых траншей противника. Для корректировки артогня меня послали в эту роту. Двое суток мы отбивали атаки фашистов. Несколько раз и днем, и ночью приходилось бросать трубку полевого телефона и браться за ручной пулемет. К исходу второй ночи ко мне от комбата пришел посыльный с приказом передать сержанту командование на передовом пункте, а самому явиться на КП батареи. К утру я пришел к командиру.

«Сегодня днем немцы вряд ли пойдут. Подступы к высоте я пристрелял, а вызвать огонь сумеет и сержант. Ложись спать», — коротко сказал он мне, не отрываясь от стереотрубы.

Я отлично выспался, а вечером ушел на свой передовой пункт. Значительно позже я случайно узнал, что мой отдых стоил комбату пяти суток ареста за самоуправство.

Впрочем, он часто получал взыскания. Быстрый и точный в суждениях, он тактично, но иногда и с излишней прямоотой мог указать на ошибки старших командиров, чем заслужил репутацию резонера. Некоторые его недолюбливали, другие побаивались его острот. Но не было в полку командира, который мог бы с такой виртуозной точностью управлять артиллерийским огнем. Если я, корректируя огонь, допускал ошибку, уже по свисту летящего над головой снаряда он определял: «Пошел влево. Неточен шаг угломера. Рассчитай заново». Он подсчитал, что каждый гаубичный выстрел по стоимости равен хромовым сапогам, и на каждый мой промах реагировал: «Ходи в кирзаках».

В ноябре день короток. Вечером 6 ноября 1943 года мы с разведчиками сидели на передовом пункте в крохотной землянке, вспоминая предвоенные праздники. Вдруг зазвонил телефон. Строгий голос комбата приказал мне немедленно явиться на КП. Я шел через полную мокрого снега ночь, стараясь вспомнить свои промахи за последние дни, послужившие причиной столь экстренного и строгого вызова. Но, войдя в блиндаж комбата, я по его сияющему лицу понял, что произошло нечто другое.

«Только что сообщили об освобождении Киева. Какой подарок к празднику! Скоро освободят и Бердичев. Там у меня отец и мать. Давай отметим праздник».

При свете чадающей коптилки мы подняли кружки за Октябрь, за нашу победу.

Когда случались спокойные дни, а они были, пока мы стояли в обороне под Оршей, комбат увлеченно рассказывал о своей учебе, о Киеве, даже в условиях фронтовой жизни он доставал где-то литературные новинки. Мы читали первые главы «Василия Теркина», выменяли на что-то у штабников «Хожение по мукам», много спорили о стихах Константина Симонова.

Комбат постоянно помогал мне становиться командиром. Один солдат отказался выполнить мой приказ. С юношеским запалом я процитировал ему параграф из устава об обязанности командира добиться выполнения своего приказа даже путем применения силы и оружия. Комбат отозвал меня и, смерив уничтожающим взглядом, спросил:

«Ты что? Стрелять в него собрался? У него медаль за Сталинград. Слюдьми работать нужно. Иди и через час доложи, что твой приказ выполнен».

Этот солдат впоследствии был неоднократно награжден за отвагу.

Даже мелочи комбат не спускал мне. «Дай мне адрес той девушки, которая пишет тебе», — попросил он у меня как-то. — «Зачем?» — удивился я. — «Напишу ей, что ты неделю не бреешься», — вполне серьезно ответил он.

Как-то я застал комбата за работой. Он что-то сосредоточенно писал. Окончив писать, он повернулся ко мне и с шутливой грубостью сказал: «О тебе все думать приходится. На. Рекомендация в партию».

Расстались мы внезапно. Меня вызвали в штаб и сказали, что я назначаюсь командиром батареи, что через час моя батарея должна быть готовой к длительному маршу.

Под Клайпедой мы вышли к Балтийскому морю. Наши стрелковые роты ворвались на окраину города. Но враг стал обстреливать нас с кораблей и высадил большой десант. Мы вели тяжелый бой. Наша пехота не могла сдержать натиск свежих сил противника и стала отходить. Командир батальона сказал, что вся надежда на нашу батарею. Как пригодилась мне наука Гольдербитора! Одна за другой захлебывались под огнем батареи атаки фашистов. В этот день я несколько раз добрым словом помянул своего комбата. К несчастью, для меня этот бой был неудачным. Тяжелое ранение разлучило меня с моими друзьями.

Не знаю, где сейчас Михаил Гольдербитор. Но в памяти моей он сохранится навсегда.

Газета «Знамя Октября» от 24 апреля 1970 года № 49 (3919)
(орган Балтайского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов)

Белорусский котел

В октябре 1943 года части нашей дивизии вступили на территорию Белорусской ССР. Перед нами находился небольшой городок Горки. Фашисты упорно оборонялись, удерживая за собой железнодорожную станцию и шоссе-ные дороги. А наша дивизия в тяжелых летних сражениях понесла большие потери. Неоднократные бои местного значения существенных изменений в общую обстановку не внесли, и мы простояли на левом берегу небольшой речки Прони до июня 1944 года. Пополнений получали мало, и в стрелковых подразделениях было не больше одной трети нормального состава, хотя обороняла дивизия тридцатикилометровую полосу фронта. Поэтому все мы были озадачены, когда в начале июня получили приказ на подготовку наступления.

Прорывать долговременную и хорошо подготовленную оборону противника должен был один стрелковый батальон. Все понимали, что такими силами невозможно достичь больших успехов, но деятельно готовились к наступлению. Огневые точки противника были тщательно разведаны, каждый офицер и каждый солдат знал свои задачи. На помощь к нам пришли два артиллерийских полка и дивизион прославленных «катюш».

В ночь на 21 июня 1 батальон 252 с.п. скрытно вышел на нейтральную полосу и залег метрах в трехстах от немецких окопов.

Враг, безусловно, знал, что против него нет больших ударных сил, и поэтому для него было полной неожиданностью, когда в пять часов утра на его позиции обрушился мощный артиллерийский огонь. Через 10 минут артподготовка прекратилась и стало так тихо, что мы слышали в окопах противника крики солдат и стоны раненых. Застрочили уцелевшие немецкие пулеметы, но солдаты батальона легко преодолевали разбитые артиллерийским огнем заграждения из колючей проволоки, группами врывались во вражеские окопы. После оглушительной канонады какими-то безобидными казались хлопки гранатных взрывов, короткие автоматные очереди, но именно они завершили дело. Батальон почти без потерь захватил две линии траншей на километровом участке.

Дальнейшее наступление развивать силами одного батальона было невозможно. Пока враг приходил в себя, к прорвавшемуся батальону спешно доставляли боеприпасы, подтянули станковые пулеметы, подтащили и установили пузатые баллоны огнеметов. Первые две-три контратаки фашистов были легко отбиты. К полудню противник подтянул танковые части. Одна за другой следовали его яростные атаки. Но ни одна из них не могла преодолеть сплошной вал заградительного огня, которым наши артиллеристы надежно прикрывали все подступы к обороняющемуся батальону. После каждой атаки противник отходил, оставив на поле десятки убитых и подбитые танки. Решив уничтожить наши батареи, враг перенес на них огонь своей артиллерии и направил авиацию. Но наше командование предвидело такой маневр: артиллерийские батареи одна за другой меняли огневые позиции, и вражеские бомбы и снаряды падали на ложные цели. Так продолжалось до ночи.

Утром 22 июня бой разгорелся с новой силой. Неоднократно врагу удалось ворваться в расположение батальона, но каждый раз он отходил с большими потерями.

Однако к вечеру 22 июня обстановка у нас сложилась очень тяжелая. Для усиления батальона в бой вводились новые подразделения с других участков, что оголяло и без того жидкую оборону. С наших командных высот было видно, как подходят резервы противника. Положение еще больше осложнилось, когда по приказу командования нас покинули наводившие ужас на врага «катюши».

Еще одна ночь прошла в тревожных заботах. Задолго до рассвета все были на своих местах. Каждый готовился к тяжелому бою и возможным неожиданностям. Мы знали, что в живой силе и технике враг в несколько раз превосходит нас.

Помощь пришла неожиданно. Как гул отдаленной грозы, донеслись до нас звуки мощной артподготовки. Было ясно, что не одна сотня артиллерийских стволов сотрясает там воздух и землю, предвещая грандиозное сражение. Вскоре нам сообщили, что левый сосед большими силами пошел в наступление. Только теперь нам стало ясно, какую важную задачу выполнили мы, приковав к себе внимание и силы противника.

У врага чувствовалось замешательство. Он уже не пытался нас атаковать и спешно отводил танки и технику с нашего участка. Следующей ночью враг побежал. Преследуя его, мы форсировали Днепр и вышли к Березине. Перед нами лежал город Минск. Нам до него еще было далеко, а Москва уже салютовала доблестным танкистам, которые стремительным маршем ворвались в город и освободили столицу Белорусской ССР, замкнув тем самым кольцо белорусского «котла».

Вряд ли без содрогания могут вспомнить белорусский «котел» недобитые фашисты. Надо быть очевидцем, чтобы представить величину разгрома фашистских войск в Белоруссии. Их обозы с награбленным имуществом загрохотали дороги. После налетов нашей штурмовой авиации на дорогах возникли сплошные завалы разбитой фашистской техники. Потерявшие управление гитлеровские части металась от села к селу, повсюду натываясь на огонь. С остервенением обреченных бросались отдельные отряды фашистов в свои последние атаки и сотнями трупов устилали землю. Другие, сложив оружие, ожидали плена. Сгоняя в колонны пленных немцев, советские солдаты в назидание повторяли им: «Это вам за 41-й год».

КОВАЛЕВ КУЗЬМА ФЕДОСЕЕВИЧ

Офицеры 329 полка в День Победы.

Слева направо: Сергеев, Лепехов, Ковалев, Юртаев, Казбек, Кротов.

08.11.1920 года рождения, место жительства: г. Барнаул.

Воевал в 227 а.п. 70 с.д. с начала формирования дивизии до конца войны в должности помощника начальника артснабжения. Звание в начале войны — лейтенант, в конце войны — капитан.

Награжден орденом «Красная Звезда», медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

В обязанности артснабженцев входило своевременно снабжать полки, батареи снарядами и другими боеприпасами. Работникам артснабжения приходилось под обстрелом противника доставлять боеприпасы на боевые позиции. Особенно много нам пришлось доставлять снарядов нашим батареям в бою за взятие Кенигсберга. Это была наша повседневная работа, и от того, как мы доставляли боеприпасы, зависел успех в бою и жизни солдат и офицеров.

МАРТЫШКИН ПЕТР СЕМЕНОВИЧ

10.1913 года рождения, место жительства: с. Краснощеково.

Воевал в 227 а.п. 70 с.д. с апреля 1943 года по декабрь 1944 года. Звание в начале войны — лейтенант, в конце войны — капитан.

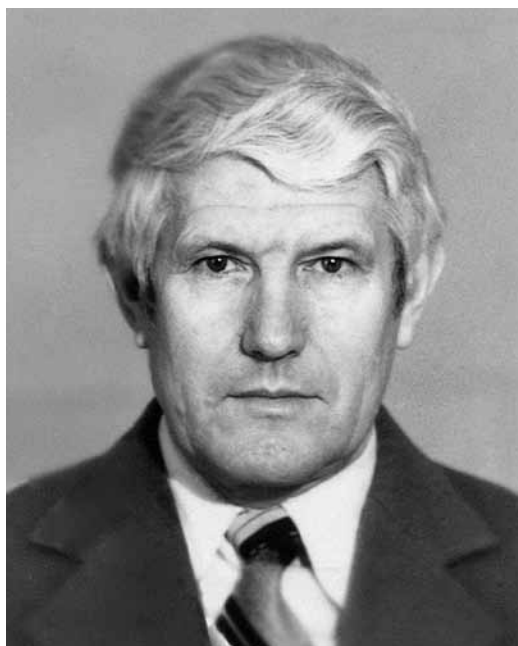
Награжден орденами «Красная Звезда», «Отечественной войны» II степени, медалью «За победу над Германией».

Летом 1942 года около деревни Белый Бор, которая находится на дороге Москва-Ленинград, трое суток непрерывно днем и ночью шли бои с фашистами. Наша пехота неоднократно завязывала рукопашные бои в немецких траншеях. Пушки истребительного противотанкового дивизиона под командой комиссара Ивашкова вели огонь по танкам противника. Наши минометы уничтожали живую силу и автомашины, подвозившие немцев прямо к первой траншее. Когда ездовые моей батареи не успевали подвозить боеприпасы, приходилось через командующего артиллерией дивизии полковника Каретникова просить о помощи. Батарея вела огонь, корректирующийся с двух НП. На основном направлении по очереди вели корректировку я и командир дивизиона Зубарев Иван Демидович, а с бокового мой заместитель Степан Гончаров и командир взвода управления батареи Николай Кузнецов. В этом бою отличились многие.

РОЖИК АНТОН СТЕПАНОВИЧ

Ознакомившись с письмом Совета музея «Боевой славы 70 стрелковой дивизии», мне тоже захотелось выслать свои воспоминания о старшем лейтенанте Грачеве Иване Архиповиче, с которым мне довелось воевать в одном батальоне. Будучи на встрече в Калининграде в 1979 году, я узнал, что Иван Архипович погиб при штурме Кенигсберга и захоронен в братской могиле.

В местной школе в музее «Боевой славы» специально оборудован стенд старшего лейтенанта Грачева. Думаю, что и мне следует отдать ему должное. Высылаю на ваше рассмотрение материалы со своими воспоминаниями о боевом друге и старшем товарище, которому, хотя бы этим своим скромным трудом, хочу отдать долг памяти от нас, оставшихся в живых. Надеюсь, что этот скромный материал станет началом воздания должного павшим воинам Великой Отечественной войны, отстоявшим великие завоевания Октябрьской социалистической революции, укрепившим величие первого в мире социалистического государства — Союза ССР — детища партии и ее создателя В.И. Ленина.

С великим уважением гвардии майор запаса Антон Рожик.
19 апреля 1980 г.

Сегодня мы вместе собрались, друзья!
Дороги войны нам не вспомнить нельзя
И молодость нашу тех огненных лет,
Товарищей верных, кого с нами нет!
Н.И. Ульянов. Песня однополчан 70 с.д.

Старший офицер батареи. Воспоминания о фронтовом друге младшем лейтенанте Иване Архиповиче Грачеве

Советские Вооруженные Силы, добившись в 1943 году коренного перелома в ходе войны в пользу СССР, создали условия для того, чтобы очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить государственную границу на всем протяжении от Черного до Белого моря.

Войска Западного фронта после летне — осеннего наступления 1943 года вышли на территорию Советской Белоруссии, где немецко-фашистские войска заняли заблаговременно подготовленную оборону.

В осенне-зимний период 1943—1944 годов в частях и подразделениях Советской Армии при активной обороне началась напряженная подготовка к дальнейшему развитию наступления по изгнанию немецких захватчиков с родной земли. В суровых зимних условиях бойцы нашей 70 с.д. постоянно занимались боевой учебой, ковали воинское мастерство, учились умелому взламыванию укрепленной полосы обороны противника, стремительному наступлению, четкому взаимодействию между родами войск, выполнению задач поставленных Верховным Командованием.

Я получил назначение в 4 б. на должность командира второго огневого взвода 76-мм пушек (ЗИС—3). Из штаба 227 а.п. на огневые позиции батареи меня сопровождал связной.

Жизнь фронта шла своим чередом. Прошло несколько часов, как стемнело, вокруг на земле лежал глубокий снег, с наступлением темноты крепчал

мороз. Выйдя из штабной землянки, я услышал не только разрывы снарядов и мин, но и их зловещий полет. Всем этим противник пытался воздействовать морально не только на передний край, но и на глубину обороны. С приближением к огненным позициям стал четче вырисовываться передний край обороны: почти непрерывно взвивались белого цвета ракеты, освещая нейтральную полосу, непрерывно строчили автоматы и пулеметы, среди них более резко слышались одиночные винтовочные выстрелы, на мгновения видны красные и бледно — зеленые трассы летящих пуль с обеих сторон переднего края, интенсивность огня чувствовалась со стороны противника. Как бы катилась волна то с возрастающей, то с затихающей силой.

И когда рядом слышался непривычный вой пролетающего снаряда и где-то его разрыв, мне невольно хотелось пригнуться и упасть на покрытую снегом землю. В то же время мой провожающий шел впереди размеренным быстрым шагом, не обращая внимания на все, что происходило вокруг нас, во всем таком обычном его поведении чувствовалось, что он уже «бывалый и обстрелянный солдат». И мне, молодому офицеру, уж очень хотелось перед таким бывалым воином показаться боевым командиром. В темноте ни я, ни он не могли даже присмотреться друг к другу. Большую часть пути шли молча, изредка высказывая незначительные фразы: «мороз-то крепчает», «о, и наши отвечают» и другое что-то подобное. Неожиданно наши переговоры нарушил негромкий, но четкий и уверенный голос: «Стой, кто идет? Пароль?!» — это часовой на огневой позиции батареи остановил нас. Тут же последовал спокойный, чуть осипший голос моего сопровождающего: «Связной со штаба! Мушка! Отзовь?» Часовой ответил: «Минск», разрешил нам пройти, вызвал дежурного командира орудия, который проводил нас в землянку старшего офицера батареи. Вероятно, о моем назначении тов. Грачеву было уже известно. Сразу же после моего рапорта о прибытии он внимательно изучил мои документы. Землянка представляла собою сравнительно просторное помещение: посередине был проход, справа и слева были земляные нары, покрытые плащ-накидками, между ними размещался стол, сбитый из крышек снарядных ящиков, где ослепительно ярко горела большая коптилка, искусно сделанная из латунной гильзы 76-мм калибра.

Тут же у входа размещались связисты и топилась небольшая металлическая печка. В землянке было многолюдно, проводилось занятие с командирами орудий по уточнению исходных установок по ответственным огненным задачам батареи на предстоящую ночь. Постепенно глаза привыкли к яркому освещению, и можно было свободно увидеть присутствующих в землянке.

Старший офицер батареи младший лейтенант Грачев Иван Архипович представил мне будущих моих командиров орудий: помощника командира второго огневого взвода (он же командир 3 орудийного расчета), старшего сержанта Тагильцева и командира 4 орудийного расчета, как основного орудия батареи, младшего сержанта Петухова, дав им краткие боевые характеристики, познакомил с присутствующими командирами и солдатами. В каждом слове старшего офицера батареи слышался уверенный и четкий командирский голос с приятным и звучным оттенком, с ударением на букву «О», что несколько не умаляло красоту его речи, ее значимости для боевых условий. Да, здесь, на огневой

позиции 4 батареи 76-мм пушек ЗИС-3, он — Грачев Иван Архипович был командиром и начальником, которому были подчинены все мы: и сержанты, и солдаты, и я, вновь прибывший на должность второго взводного, весь личный состав обоих огневых взводов, отделение тяги, телефонисты, радист, дежурящие на огневой позиции батареи. Весь личный состав этих подразделений был ему подчинен и готов в любой момент с честью и достоинством советского воина выполнить боевой приказ старшего офицера батареи, касающийся святого дела по защите нашей любимой Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

После некоторого перерыва, вызванного моим прибытием, продолжилось подведение итогов боевого дня, вносились поправки в исходные установки для стрельбы по ответственным огням, отдавались конкретные распоряжения по дальнейшему совершенствованию боевой готовности, по подготовке материальной части орудий и боеприпасов к стрельбе в ночных условиях, совершенствованию инженерного оборудования боевого порядка, решались другие вопросы, необходимые для боевых действий батареи. В нашем разговоре у Ивана Архиповича чувствовался большой интерес к вопросу построения параллельного веера по небесному светилу — самой удаленной точки наводки. Мне пришлось сначала теоретически, а затем и практически приступить к тренировкам в построении веера батареи. Способ построения веера по одному из небесных светил (Солнцу, Луне или одной из ярких звезд), особенно в ночное время, принято считать самым сложным и трудным в практической работе командиров и наводчиков орудий как по сопровождению небесного светила, так и особенностям при переходе к наземной точке наводки. Занятия по изучению и построению веера таким способом продолжались несколько часов уже за полночь. Со стороны противника не было попыток помешать нашей учебе, хотя из штаба дивизиона и полка дважды подавались сигналы тревоги, на что орудийные расчеты слаженно выполняли свою работу у пушек, в целом батарея перекрывала установленные нормативы по готовности к открытию огня, но каждый раз после доклада о готовности следовала команда «учебно».

В дальнейшем пришлось провести занятия еще несколько раз, чтобы добиться умения и точности построения веера, так как это было новинкой для подавляющего большинства командиров и наводчиков орудий, не говоря уже об орудийных номерах. Ведь не открою секрета, что общее образование у наводчиков было 2–3 класса, у командиров орудий — 4–6, а у нас, офицеров батареи, — 7–9 классов. Многие наводчики подсчитывали угломер на панораме, прибегая к дедовским способам: маленькие деления условно принимались как копейки в рубле, а большие деления угломера — за 60 рублей. Таким образом обучали изменению установок угломера некоторых наводчиков, например, если подавалась команда: «левее 00–7», то от установленного угломера на панораме как бы отдавали в долг — займы, т. е. производилось арифметическое действие — вычитание, а по команде «правее 0–07» возвращается долг и прибавляется к угломеру. Такая специфика в арифметике при обучении некоторых наводчиков в настоящее время покажется смехотворной, но это было в действительности и давало весьма положительные результаты. Контроль над правильностью установок угломера, уровня и прицела обычно осуществлял командир орудия, ведя

записи и все расчеты в своем командирском блокноте. И тут мне неоднократно приходилось быть свидетелем, как опытный взгляд товарища Грачева замечал грубые ошибки в поворотах и углах возвышения по стволам орудий. Немедленно звучала команда такому-то проверить установки. Общими усилиями мы добились небывалой до этого точности построения параллельного веера батареи, в последующей стрельбе разрывы снарядов ложились очень точно, интервалы между разрывами были равномерно расположенными на участке, как обычно изображают в учебниках. С высокой похвалой о построении веера отозвался и наш командир батареи капитан Кукушкин. Будучи старшим офицером батареи, Иван Архипович очень много внимания уделял в первую очередь повышению боевой готовности и выучки артиллеристов, инженерному оборудованию всех элементов и особенно маскировке, постоянно проявлял отеческую заботу о жизни и быте своих подчиненных, о своевременном обеспечении всеми положенными видами довольствия. В этот период батарея находилась в обороне на широком фронте и своим огнем должна уничтожать противника в случае его наступления. Для поддержания высокой боевой готовности проводились специальные тренировки огневых расчетов при стрельбе на большие повороты, перекатывание орудий вручную на площадке для отражения атаки танков. В январе 1944 года начались большие снегопады, метели, снежные заносы огневых позиций и особенно орудий, их секторов обстрела. На их расчистке трудились днем и ночью, выбиваясь изо всех сил, чтобы не было задержки в открытии огня. На огневой позиции был установлен строгий уставной распорядок дня, который способствовал укреплению высокой воинской дисциплины, повышению боевой готовности, совершенствованию боевого мастерства. Систематически проводилась политическая учеба и занятия по боевой подготовке по расписанию на каждый день как в дневное время, так и ночью. Следует отметить выполнение работ по уходу за материальной частью артиллерийской и автотракторной техники, содержанию боеприпасов, совершенствованию инженерного оборудования и других работ для обеспечения боя. Душой и вдохновением для всех нас по выполнению таких мероприятий и боевых задач являлся наш старший офицер батареи Иван Грачев.

Огневые позиции артиллерийской батареи состоят из нескольких видов: основные, временные, запасные, ложные и открытые площадки для отражения атаки танков в районе закрытых огневых позиций, а также места укрытий для тягачей. В обороне особое внимание придается инженерному оборудованию и маскировке всех видов закрытых огневых позиций и их составных элементов для надежного обеспечения боя артиллерийским огнем в любых условиях. Оборудование и непрерывное совершенствование боевого порядка в инженерном отношении, особенно в артиллерии, требует огромных затрат физического труда с помощью большой саперной лопаты, киркомотыги, лома, топора и пилы, так называемого «шанцевого инструмента», по сути дела без какой — либо механизации человеческого труда, что составляло не один десяток кубометров тяжелого грунта, снега, талых вод, и все это требовало систематической маскировки от противника.

В боевой обстановке, особенно когда оборона принимает позиционный характер на протяжении 5—6 месяцев, командир второго огневого взвода,

как правило, привлекался для выполнения различных вспомогательных задач по обеспечению дальнейших боевых действий, поэтому на огневых позициях всегда оставался старший офицер батареи.

Вспоминается, как часто приходилось быть дежурным по полку, по пищеблоку, старшим командиром по подвозке боеприпасов, заготовке леса для совершенствования инженерного оборудования боевых порядков и хозяйственных нужд, заниматься строительством полевой бани в землянке и многими другими вопросами.

Мне удалось изучить в совершенстве минное дело на курсах при саперном батальоне и руководить установкой противотанковых мин на ближних подступах к закрытым огневым позициям нашего 2 артиллерийского дивизиона и на танкоопасных направлениях. Это было очень нужное и ответственное мероприятие, повышающее в целом устойчивость в обороне.

Перед установкой противотанковых минных полей в районе огневых позиций нам приходилось со старшим офицером батареи изучать местность и возможные танкоопасные направления. Всегда и во всех делах у Ивана Архиповича на первое место ставилась забота о постоянной готовности на открытие точного артиллерийского огня для отражения атаки противника в любых условиях, независимо от количества номеров в расчете орудия.

Среди личного состава огневых взводов систематически велась партийно—политическая и воспитательная работа по разъяснению политики нашей партии в вопросах войны и мира, о зверствах фашистов на временно оккупированной советской земле, о героическом труде советских людей, обсуждались полученные письма от родственников и близких, проводились громкие читки газет и сообщений совинформбюро о событиях на фронте и в тылу. Во взводах регулярно выпускались боевые листки, в которых рассказывалось о повседневных боевых делах артиллеристов. Душой во всей политико — воспитательной работе всегда был «наш командир», так любезно звали подчиненные солдаты и сержанты Ивана Архиповича.

В своих беседах и на занятиях товарищ Грачев воспитывал у огневиков высокие морально-боевые качества, обучал вести огонь сокращенным составом в расчетах, добивался взаимозаменяемости номеров, проводил в жизнь традиционные законы артиллеристов о том, что орудийный окоп — это крепость артиллериста, если у орудия есть хотя бы один номер, значит, орудие стреляет по противнику, показывал и другие боевые примеры, как бить врага.

В любой самой сложной обстановке товарищ Грачев проявлял отеческую заботу о подчиненных в организации отдыха, обеспечении всеми видами положенного довольствия, в задушевных беседах узнавал о настроениях и вопросах, был в курсе повседневной жизни, умело направлял всю воспитательную работу на выполнение воинского долга советского воина.

На огневых позициях часто можно услышать в период короткого затишья пламенные голоса не только взводных агитаторов и коммунистов, но и политических работников полкового аппарата и политотдела соединений. Организовывались посещения концертов дивизионного ансамбля песни и пляски, просмотр кинокартин, что бесспорно помогало поднимать морально-боевые качества у воинов.

Проводилась систематическая боевая учеба по выполнению приказа Верховного Командования, где ставилась задача, чтобы каждый воин стал мастером своей военной специальности. Этот приказ с честью всеми нами выполнялся, что позволяло растить мастеров-артиллеристов, беспощадно громить ненавистного врага. Здесь уместно вспомнить наших водителей артиллерийских тягачей, в совершенстве освоивших новую, незнакомую технику — автомобиль «студебеккер». Высокое профессиональное мастерство артиллерийского мастера мл. сержанта Меркулова и артиллерийского техника 2 а.д. лейтенанта Ю.А. Дегтярева, обеспечивших безотказную работу артиллерийских систем и стрелкового оружия, санитарного инструктора мл. сержанта Слюсаря, готового в любую минуту прийти на помощь пострадавшему, проводившему целые комплексы мероприятий по профилактике всевозможных заболеваний, особенно всем памятные осмотры и принимаемые меры по форме №20 или 100, благодаря чему не допускались тифозные и другие инфекционные заболевания.

Одним из лучших командиров орудий был младший сержант Петухов, пожалуй, самый молодой по своему возрасту, очень энергичный и даже горячий в своих действиях, свою военную специальность любил, знания умело передавал своим подчиненным, был хорошим воспитателем своего расчета. Старший офицер ему и всему расчету доверил быть основным орудием батареи, переместив орудие с левого фланга на правый. У нас, артиллеристов, считается большой честью быть «основным орудием» батареи, вести пристрелку целей, как бы задавать тон всей стрельбе, по нему равняются все остальные расчеты. Уместно здесь сказать и о старшем сержанте Тагильцеве, парторге батареи, который, наряду с обязанностями помкомвзвода и командира орудия, очень добросовестно выполнял партийные поручения и являлся душой коммунистов и беспартийных.

Огневые позиции нашей батареи ближе других были расположены к штабу полка, и, пожалуй, не было такого дня, чтобы не появилась какая-либо комиссия или проверяющий из вышестоящих штабов по вопросам боевой готовности и всем другим сторонам боевой жизни и быта нашего солдата на войне. Проверяющие по своему служебному долгу обязаны вскрывать недостатки, делать соответствующие замечания, но, как мне помнится, в большинстве случаев отмечали положительные результаты всей нашей работы и действий, часто ставили в пример другим подразделениям. Во всем этом следует отметить большой напряженный и кропотливый труд и заслугу «нашего командира», уважаемого всеми нами Ивана Архиповича.

Проходить службу совместно с Иваном Архиповичем мне довелось всего около четырех месяцев в условиях активной обороны, с декабря 1943 по март 1944 годов. Это по сути дела было моим боевым крещением под его непосредственным руководством, за что ему большая благодарность от меня... «Прошедшим фронт, им год за три зачтется», — в свое время писал К.Симонов, наш любимый фронтовой поэт. Поэтому нигде так не познавался характер человека, как на фронте в боевых условиях или редких моментах затишья. В боевых условиях и в повседневной жизни мой старший товарищ Иван Архипович был необычайно разным: то бурным, то мягким, четко и лаконично отдающим приказ или команды. Можно было нередко наблюдать, как Грачев, сняв свою

офицерскую шинель, брал лопату в руки и своим личным примером вдохновлял в трудный момент расчеты, его постоянным девизом было: «Делай, как я!» К исходу одного из дней поступила команда: «Огневые позиции обстреляны противником. Срочно занять новые ОП в таком-то районе! Совершить марш по такому-то маршруту. Готовность к открытию огня через 00 часов! Полное инженерное оборудование закончить до наступления рассвета». Огневые позиции были действительно оставлены очень быстро и организованно. Марш совершили в трудных условиях, по бездорожью, снежный покров достигал 50–70 см глубины, соблюдалась полная светомаскировка, но благодаря мастерству наших водителей поставленная перед ними задача была успешно выполнена. Батарея с ходу развернулась, заняла огневые позиции и была готова к открытию огня в установленный срок. В течение оставшейся ночи предстояло произвести работы по полному инженерному оборудованию и тщательнейшей маскировке всех элементов боевого порядка в суровых зимних условиях, температура воздуха была — 20 градусов, грунт промерз на глубину 15–25 см, поднявшаяся метель мешала вести работы. Личный состав огневых взводов с поставленной задачей справился своевременно, к рассвету орудия находились в окопах, боеприпасы укрыты в снарядных нишах и погребках, тягачи поставлены в укрытия, личный состав мог поочередно обсушиться, обогреться и отдохнуть в землянках. Были подведены итоги выполненной работы по смене боевого порядка, отмечены лучшие расчеты и особо отличившиеся солдаты и сержанты. К этому времени была доставлена старшиной батареи горячая пища (завтрак). Огневые позиции оказались так удачно замаскированы, что старшина несколько раз проезжал их.

Если подсчитать объем работ, выполняемый артиллеристами на огневых позициях для поддержания высокой боевой готовности, по уходу за техникой и боеприпасами, инженерному оборудованию, несению боевого дежурства, ведению огня и других мероприятий по обеспечению боя, то это выливается в постоянный и напряженный труд, облитый человеческим потом, незаживающими мозолями на руках в суровых боевых условиях. Не напрасно говорили на фронте в пехоте, что от того, как успешно работает «артиллерия — Бог войны», настолько и зависит общий успех боя. В самые трудные и напряженные моменты боя фигура старшего офицера батареи И.А. Грачева всегда была у всех нас на виду, его командный голос звучал для нас как набат, команды были настолько повелительны и бесспорны, что ни у кого не было сомнения в их правоте, поэтому каждый из его подчиненных старался осмысленно и как можно лучше их выполнить, дабы обеспечить общий успех боевой задачи.

Хочется отметить очень высокую работоспособность нашего командира, моральную стойкость, физическую выносливость в напряженных боевых буднях и повседневных делах, он мог ночами заниматься с командирами орудий по перерасчету установок угломера, веера, ввода поправок в исходные данные для стрельбы по огневым целям батареи, которые несколько раз уточнялись и изменялись, но так как «огонь» мог быть вызван в любое время, то расчеты велись постоянно.

В батареях в тот период не было штатных политработников, на огневых позициях находилась основная масса личного состава, все вопросы

партийно-политической работы воинского воспитания и обучения, пропаганды и агитации решались нами, командирами—единоначальниками.

Вспоминается, мне пришлось руководить группой солдат по строительству полковой бани — землянки, которая очень была необходима для хорошей помывки личного состава с заменой нательного белья, санитарной обработкой и полной дезинфекцией всего обмундирования. Место для бани было выбрано на безопасном, не обстреливаемом артиллерией противника участке, рядом с протекающим небольшим ручьем. Такое строительство мне пришлось вести впервые, но благодаря моим подчиненным, у которых был уже большой жизненный опыт, моя роль сводилась к общему руководству, доставке всевозможных строительных материалов и принятию наиболее приемлемого варианта, так как каждый из нас четверых предлагал и доказывал свое мнение, но в конце концов принималось общее решение, по которому осуществлялось строительство. Баня-землянка удалась, как говорится, по-сибирскому типу, с предбанником, раскаленной каменкой, с неограниченным количеством холодной и горячей воды, даже паром. Все мылись и парились в такой фронтальной бане с превеликим удовольствием. Многим впервые в жизни довелось испытать такое удовольствие, в том числе и мне самому. Еще раз хочется подчеркнуть, что все подобные хозяйственно-бытовые мероприятия способствовали всеобщей нашей боеспособности и укреплению здоровья воинов — защитников Родины.

Мы, артиллеристы, всегда были начеку, в любую погоду, днем и ночью были готовы открыть сокрушительный огонь по команде или сигналу вызова. Помнится, как постоянно все четыре орудия батареи были направлены на ответственный участок для немедленного открытия огня, именуемый по нашей артиллерийской терминологии «НЗО-А» (неподвижный заградительный огонь под кодовым наименованием начальных букв алфавита). Каждый орудийный номер, не говоря уже о командире и наводчике орудия, знал установки, требуемое количество снарядов и их местонахождение, порядок открытия ведения огня, который мог вызваться по телефону или же установленным сигналом: например, ракетами зеленого цвета.

У всех нас, огневики, в то время было какое-то особое чувство ответственности на открытие вызываемого огня: будь то НЗО, ПЗО, СО или какая-либо другая огневая задача — все прекращалось, и открывался вызываемый огонь. Особенно это чувствовал наш старший офицер батареи И.А.Грачев, как говорится, читал подаваемые команды на расстоянии еще до того, как их передаст телефонист. Он всегда выскакивал из землянки первым, хотя и я постоянно стремился его опередить, но такое мне часто не удавалось.

И вот неожиданно поступил приказ о моем переводе в другую часть соединения. Очень трогательно и тяжело мне пришлось расставаться с первым боевым наставником и командиром, настоящим другом, у которого мы учились мужеству, отваге и беспредельной преданности делу Коммунистической партии и советского народа. На прощание по-братски обнялись, пожелав друг другу всего самого лучшего в жизни, последнее крепкое рукопожатие — и путь мой — в штаб полка. В то время и мысль мне не приходила в голову, что это первое и последнее наше расставание, больше нам не увидеться. Уходя, мне несколько раз невольно пришлось обернуться, и каждый раз на снежном фоне

стояла неподвижная стройная фигура старшего офицера батареи мл. лейтенанта И.А. Грачева.

Не знаю, о чем думал он во время нашего прощания и моего ухода, но меня не покидают воспоминания о тех первых моих фронтовых днях, когда боевая служба нас так сроднила и сблизила.

Отгремели грозные годы Великой Отечественной войны. Страна залечивала тяжелые раны, нанесенные фашистскими захватчиками, восстанавливались из руин города и села, империалистические круги вынуждали постоянно укреплять обороноспособность социалистических стран. И так случилось, что память о фронтовых друзьях-однополчанах не ослабевала, с каждым годом все чаще и чаще щемила наши сердца, звала на поиск их, уж очень хотелось встретиться друг с другом, вспомнить о былом. И вот в конце 1977 года мне удалось установить связь с Советом ветеранов-однополчан 70 стрелковой ордена Суворова Верхнеднепровской дивизии.

Председателем Совета ветеранов-однополчан избран бывший командир батальона капитан запаса Андрей Афанасьевич Дементьев. Благодаря его инициативе и неутомимой энергии, проделана трудоемкая организационная работа по розыску однополчан, проведению слетов-встреч, по оказанию практической помощи школьным музеям боевой славы, штабам отрядов красных следопытов, собирающим по крупицам все, что касается славного прошлого, неизвестных имен погибших воинов-героев, чтобы сделать его достоянием всех людей и в первую очередь советской молодежи, всегда ищущей, с кого делать свою жизнь. Итак, еще одна долгожданная встреча ветеранов нашей прославленной дивизии в мае 1978 года на ставшей нам родной белорусской земле, в городе Шклове, освобожденном воинами нашей дивизии в 1944 году от фашистской оккупации. На встречу прибыли 32 ветерана, бывшие воины — фронтовики боевых полков и отдельных батальонов дивизии. Не так мало осталось нас, дабы продолжить и уверенно нести боевую эстафету военно-патриотической работы, передавать живые воспоминания о боевых действиях непосредственных участников Великой Отечественной войны. Среди однополчан нашего 227 а.п. на встречу прибыли: бывший артиллерийский техник 2-го дивизиона Юрий Александрович Дегтярев, радиотехник полка Михаил Федорович Махорин, командир отделения тяги Василий Иванович Угрюмов. Остальные ветераны полка по различного рода причинам не приняли участия, хотя и были лично мною оповещены заблаговременно. Мои надежды тут начали как бы рушиться, никто из присутствующих почти ничего не знал о судьбе бывших однополчан, в том числе воинов 4 батареи.

«...Мы не от старости умрем, — от старых ран умрем!» — так писал известный фронтовой поэт С. Гудзенко. Нам, старшему поколению, обязательно следует напоминать нашей молодежи, что мы одержали нашу бессмертную Победу прежде всего потому, что были сильнее духом, были всегда уверены в правоте своего дела, нас вела на борьбу партия великого Ленина.

В мае 1979г. в городе Калининграде (областном) состоялась встреча-слет ветеранов-фронтовиков, однополчан нашей дивизии, принимавших непосредственное участие в штурме и взятии крепости-цидателя города Кенигсберга.

Во встрече приняли участие 46 однополчан дивизии, в том числе бывшие воины-артиллеристы 227 а.п.: телефонистки Гулиева (Полякова) Н.Д.,

Жевлатова Т.М., артиллерийский техник 2 артиллерийского дивизиона Дегтярев Ю.А., начальник артиллерийской мастерской полка Ковалев И.Т., командир второго огневого взвода 4 батареи Рожик А.С. К сожалению, многие наши однополчане по различным причинам не смогли принять участия, хотя им были своевременно разосланы приглашения. Общественность и трудящиеся города, руководство Октябрьского района и области тепло и сердечно встретили, окружили всеобщим вниманием и заботой наших ветеранов на протяжении шестидневного пребывания в городе.

Все мы приняли самое активное участие в проводимых торжественных мероприятиях, посвященных 34 годовщине праздника Победы советского народа в Великой Отечественной войне над гитлеровской Германией. Торжественно и трогательно проходила встреча бывших фронтовиков-ветеранов с учениками и педагогическим коллективом средней школы №9 поселка им. А. Космодемьянского. Ветераны провели урок мужества, посвященный Дню Победы. В школе функционирует «Музей боевой славы», здесь оформлены стенды, посвященные подвигам воинов нашей прославленной 70 стрелковой ордена Суворова 2 степени Верхнеднепровской дивизии. Всеобщее внимание привлек скромно оформленный уголок нашему однополчанину старшему офицеру 4 батареи старшему лейтенанту Грачеву Ивану Архиповичу, погибшему в боях при взятии крепости Кенигсберг, в населенном пункте Модиттен. Такая неожиданная встреча! О такой трагической встрече никто из нас, однополчан, и не думал, все присутствующие о гибели Ивана Архиповича не знали. Это настолько было неожиданным для меня, читая и всматриваясь в строки написанного, не хотелось верить, но действительность и невозвратимость произошедшего разрушили мои последние надежды. С фотографии смотрели молодые задорные глаза, знакомое лицо боевого друга и старшего товарища, отдавшего свою жизнь на поле боя с врагом. Здесь же боевой орден «Отечественный войны» 2 степени и другие реликвии, переданные родственниками на хранение в «Музей боевой славы».

Все мы, однополчане, в этот памятный день приехали к братской могиле, что на развилке дороги Калининград — Балтийск — Космодемьянский. Скромный обелиск, на его плите навечно высечена среди других фамилий захороненных воинов строка «Старший л-т Грачев И.А». Возложив букеты живых цветов, стоя, каждый из нас вспоминал грозные боевые годы, немеркнущие узы дружбы и фронтового товарищества.

Задумываясь над жизнью нашего боевого друга Ивана Архиповича Грачева, я лично испытываю прилив огромного уважения и человеческой любви к нему как к воину, который защищал нашу Советскую Родину, как положено во имя нашей Священной Победы. Его скромность, огромная внутренняя воля, храбрость без рисовки, доброта и высокая командирская требовательность с сердечной заботой о подчиненных были неотъемлемой чертой всей его жизни.

Какие были длинные и прекрасные послевоенные годы, которые еще с большим пафосом раскрыли перед нами многое из невиданного, а сколько еще безызвестных воинов ждут того времени, когда станут известны их подвиги, их имена. Мы, оставшиеся в живых воины-фронтовики, однополчане-ветераны, обязаны вспомнить, сделать всеобщем достоянием каждую минуту

напряженного боя, каждого, кто, не жалея своей крови и жизни, боролся и побеждал в тяжелые и победные дни Великой Отечественной войны.

Всем нам, от солдата до маршала, непосредственным участникам боевых действий на полях сражений второй мировой войны, всюду и где только представится возможным обязательно рассказывать о преимуществах социализма над капитализмом, о завоеваниях Великого Октября, обо всем пережитом, о подробностях оборонительных и наступательных боев, о трудностях военно-походного быта, ярко и образно раскрывать картины нравственной стороны войны, высокое чувство фронтового товарищества, вечной связи прошлого, настоящего и будущего.

Свое скромное воспоминание хочется закончить призывом и словами поэта Р.Рождественского:

Голос, к живым взывающий,
В наши сердца проник.
Мы поклялись, товарищи,
Прожить за себя и за них!

Калининград/обл/ — Нальчик 1980г.

УГРЮМОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

05.04.1926 года рождения, место жительства: г. Орск.

Воевал в 227 а.п. 70 с.д. с 1944 года до окончания войны в должности командира тяги. Звание — сержант.

Награжден орденами «Славы», «Красная Звезда», медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

В 1944 году в Восточной Пруссии у города Тильзит командир дивизиона вызвал меня к себе на НП и говорит: «Видишь две пулеметные точки и батарею? Их надо уничтожить!». Я вызвал двух водителей Фирсова Николая и сибиряка Витю, зацепили мы две пушки, и с артиллеристами двинулись для уничтожения врага. Завязался бой.

Не так-то было просто уничтожить пулеметные точки. Немецкая батарея, обнаружив наши пушки, открыла беглый огонь. Из леса на помощь немцам вышли два танка. Наши артиллеристы подбили один танк и уничтожили батарею. Сами потеряли одну пушку и двоих убитыми. После боя за успешное выполнение операции бойцы были представлены к наградам.

В апреле 1945 года мы с Кухливским Владимиром везли на машине боеприпасы к артиллерийским орудиям и неожиданно попали к немцам. Они стали нас окружать. Я дал команду разворачиваться обратно. Немцы открыли по нам огонь. Я открыл ответный огонь по бегущим за нами немцам. Выехав из леса, попали под минометный обстрел. Володя был ранен. В санбате извлекли крупные осколки, а несколько мелких остались в голове.

09 мая 1945 года, когда горнист части известил о построении для зачитывания приказа о конце войны, Володя, увидев, как все бежали на плац, закричал: «Немцы, немцы!». Я подбежал к нему: он был в бреду. Когда Володя пришел в себя, сказал нам, что у него в глазах все кружится, сильно болит голова, наверное, скоро умрет, и просил сообщить родным. Мы были с ним земляки. Все поздравляли друг друга с победой, а я стоял над его телом и горько плакал. Человек прошел через все испытания войны и выжил, а вот в день Победы умер от ран. Прошло много времени, а Володя до сих пор стоит в моих глазах. Он навсегда остался в моей памяти.

ШУРУПОВ БОРИС МАТВЕЕВИЧ

10.11.1921 года рождения, место жительства: г. Пенза.

Воевал в 227 а.п. 70 с.д. с апреля 1943 года до конца войны в должности командира отделения разведки. Звание в начале войны — рядовой, в конце войны — старшина.

Награжден орденами «Красная Звезда», «Славы» III степени, медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

В июле 1944 года в Латвии ранним утром меня послали разыскивать вновь прибывший стрелковый полк, который мы должны поддерживать артиллерией. Было указано только направление. Примерно, через два часа поисков я увидел высоту, изрытую траншеями. Траншеи мне показались пустыми, но я ошибался, как потом оказалось. Сквозь раннюю утреннюю дымку я увидел наступающих на высоту из леса группу вражеских солдат из 50–60 человек. Я увидел, что немцы окружают высоту, рывком бросился в траншею, которая была ближе ко мне. Пули, как шмели, прожужжали надо мной, одна из них впиалась мне в ягодицу. В траншеях я обнаружил спящих солдат и офицеров. Как выяснилось, они сделали большой ночной переход и все, как мертвые, спали. При мне был автомат ППШ, из которого я открыл стрельбу короткими

очередями по немцам, но даже моя стрельба не смогла разбудить уставших солдат. Просыпаться они стали только тогда, когда немцы стали бросать ручные гранаты с длинными ручками по траншеям. Солдаты и командиры поняли, в чем дело, и открыли по немцам ответный огонь. Большинство немцев было убито, а часть сбежала в лес. Мне сделали перевязку, рана была не опасная. Так я спас полк, может быть, от неминуемой гибели. За этот подвиг меня наградили орденом «Славы» III степени.

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ

РОДИНУ

РАЗДЕЛ 9
СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ 70 С.Д.

БАРАКОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился 20.02.1923 года в г. Гатчина.

На фронте с октября 1942 года, в 70 с.д. с 1943 года

Награжден восемью правительственными наградами.

Мой боевой путь начался с октября 1942 года в окопах Старорусских болот в Новгородской области. Рядовым солдатом 146 с.б. вместе со своими боевыми товарищами я держал оборону на реке Ловать.

Позднее наша 146 с.б. была включена в состав 70 с.д. Я не могу все помнить в хронологической последовательности, так как, во-первых, я был всю войну рядовым солдатом, во-вторых, после войны прошло 37 лет, память моя стала не та, что раньше.

Моими друзьями-товарищами были люди всех наций и народностей нашей Родины. Я не помню случая, чтобы из нас кто-то роптал на трудности боевой жизни, хотя они были. Ежедневно, ежечасно кто-то из нас погибал, кого-то тяжело ранило, но мы еще теснее смыкали свои ряды и несли с честью свою солдатскую службу.

Я всю войну пробыл в 70 с.д. Был в стрелковой роте, зимой находился в лыжном батальоне, затем снова в стрелках после трагической гибели нашей учебной роты под Волковысками в августе 1944 года.

После излечения я попал в 64 с.б., где и закончил войну.

Боевой путь нашей дивизии был не из легких. Начиная с Калужской земли, прошли всю Смоленщину, Белоруссию, Латвию, Литву — штурмовали логово Пруссии — Кенигсберг, освобождали северные земли Польши.

И по всем этим фронтовым дорогам мы теряли своих боевых товарищей. Об одном эпизоде я хочу Вам рассказать, потому что об этом в нашей дивизии знали немногие, т.к. случай этот не был заранее запланирован как боевое действие.

Случилось это в ночь с 7 на 8 августа 1944 года. Наша дивизия почти вышла на границу с Пруссией. Немцы не могли с этим смириться. Они бросили все свои силы, чтобы нас отогнать назад. Наши соседи, другие дивизии, понесли тяжелые потери и вынуждены были отходить. Тогда командир 70 с.д. полковник Красновский забрасывает нашу учебную роту в тыл немцев с задачей отвлечь на себя внимание и дать возможность нашим соседям восстановить свои боевые порядки. Наша рота выполнила приказ комдива. В живых осталось двое, я и Антонов Геннадий из Архангельской области.

20 лет я посветил тому, чтобы разыскать его, но так и не смог. Вероятно, позднее он тоже сложил свою голову за нашу Родину. Так ценой своей жизни, мои товарищи спасли жизни тысяч солдат и командиров. Об этом эпизоде лучше всего знает бывший командир батальона 329 с.п. А.А. Дементьев.

БЕЛОГЛАЗОВ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ

16.04.1926 года рождения, место жительства: г. Свердловск (Екатеринбург).

Воевал с 22 февраля 1943 года, в том числе с 6 мая по 15 октября 1944 года рядовым взвода инженерной разведки 64 о.и.с.б. 70 с.д.

Награжден орденом «Славы» III степени и медалью «За победу над Германией».

3 октября 1944 года в 22 километрах от Риги мы с Николаем Шесминцевым и Михаилом Роговым ночью на нейтральной полосе искали немецкое минное поле. В это время один из батальонов 322 п. предпринял ночную атаку. Вдруг из темноты в нашем направлении ударили трассирующими пулями два немецких пулемета. Мы втроем втиснулись в небольшую яму — окоп и целых три часа отвлекали огонь двух пулеметов на себя

без мысли, что помогаем наступающим. Поняли все только тогда, когда высота была взята, поле освобождено от немцев, а мы все трое остались живы. Это была главная награда судьбы — остаться живым.

В ноябре 1944 года под Клайпедой (я уже был ранен и лежал в госпитале) мой друг Михаил Рогов с группой молодых вновь прибывших бойцов встретил новый тип мины. Оберегая жизнь молодых солдат, он решил лично разминировать все мины нового типа. Последняя взорвалась у него в руках. Рогов погиб, но все молодые солдаты остались живы. Это может подтвердить один из них — Андрей Бараков, который живет в г. Гатчине.

...Жизнь, ты помнишь
солдат, что погибли,
тебя защищая?..

Из песни «Я люблю тебя, жизнь!»

Мне прислали информационное письмо ветераны 70 с.д., в котором сообщалось, что Совет этой дивизии в 1979 году провел две встречи: в День Победы в городе Калининграде и в июне месяце в городе Горки в Белоруссии. Эти встречи будут проводиться и в будущем в местах, связанных с боевыми действиями дивизии. Я думаю, что организация таких встреч имеет большое значение для молодого поколения советских людей. Не в книге читают, не в кино смотрят, а непосредственно общаются с живой историей войны, с теми, кто добывал ту самую Победу, которую мы сегодня пишем с большой буквы. Да и сами ветераны при встречах чувствуют себя бодрее, их сердца наполняет законная гордость за сегодняшнюю жизнь.

В письме сообщалось также, что Совет решил написать о 70 с.д. книгу и просил прислать свои воспоминания.

Я задумался. На возникшие в моей памяти вопросы отвечаю: да, такая книга нужна. Надо, чтобы люди узнали и поняли, как мы жили в те трудные и великие годы, чтобы наши современники нашли для себя уроки о подлинной психологической и духовной природе человеческой самоотверженности. А мы в этих качествах проверены войной.

Помню ли я эту войну? Да, помню. В моей памяти война срока давности не имеет. Хотя память и подвластна времени, события тех военных лет стиранию временем не поддаются. Но у памяти должно быть продолжение. Ее наследуют наши дети и внуки. Именно им, молодым, воплощать заветы отцов, утверждать мир на земле.

Рассказывать о том времени и о себе мне поможет мысль о том, что война познается через конкретные судьбы людей. В этом плане моя судьба вплелась в жизнь 70 с.д., в которой я находился с 6 мая по 15 октября 1944 года рядовым солдатом взвода инженерной разведки 64 отдельного инженерно-саперного батальона и принимал участие в делах дивизии, что выпали на ее долю в этот период Великой Отечественной войны.

Путь в дивизию

По дороге на фронт войной запахло на станции Смоленск, куда нас привезли перед рассветом 3 мая. Выгрузившись из вагонов, мы расположились на двух холмах около станции, а когда рассвело полностью, то увидели, что на этих холмах расположено старое кладбище и что домов нет, а виднеются только одни железнодорожные пути. Несколько позже мы обнаружили: все службы станции врыты в землю и располагаются в укрытиях.

Полный световой день мы провели в ожидании темноты. Мы — это 200 человек молодых солдат-уральцев, которым ко дню отправки на фронт исполнилось 18 лет. Предфронттовую подготовку прошли в городе Свердловске в 4 отдельной инженерно-саперной бригаде. Несмотря на то, что нас готовили к боевым действиям в любых условиях (в том числе особенно в зимних), лично я испытывал какое-то тревожное чувство на случай встречи с врагом в реальных условиях. Одно дело — обучаться военным действиям, и другое — самому быть действующим солдатом. В этом я убедился скоро, уже вечером того дня, когда нас распределили по вагонам по 50 человек. Было уже темно, а когда закрыли тяжелые вагонные двери, наступила сплошная жуткая темнота. Мы лежали на полу вагона, тесно прижавшись друг к другу. Все молчали. В этой темноте и молчании ожидали, когда наш вагон тронется в путь ближе к фронту. Вдруг завыли сирены, им помогли паровозы, где-то раздались взрывы, захлопали зенитки...

Внезапная огромная волна завывающих звуков впервые в жизни вызвала во мне тревогу за собственную жизнь, а положение в полной темноте, в закрытом вагоне, эту тревогу усиливало. Уже тогда мысленно я подумал о том, что спастись можно, только уехав с этой станции. И тут же я стал ощущать: вагон тихонько тронулся и пошел быстрее и быстрее.

Внезапно стрельба и вой сирен прекратились. Опять наступила полная тишина. С гадкой неприятностью я понял, что вагон никуда не двигался. Думаю, что эта звуковая свистопляска была для всех нас первым смертным сквозняком.

Спустя некоторое время прицепили паровоз и долго нас везли. Все успокоились, и мы успели поспать. Привезли ночью на какую-то небольшую разрушенную станцию, высадили, построили в колонну по два — и в путь. За весь день хода с небольшими привалами дошли до города Рославля, переночевали и утром снова в путь.

Во второй день движения наша маршевая рота вошла в болотистую местность. Дорога смешалась с грязью, идти стало труднее. Выбирая места посуше, рота повернула правее кустарника, вышла на небольшой пригорок, и — чудо! все мы увидели много, очень много девчат в военной форме. Наше появление для них было также полной неожиданностью.

В этой ситуации храбрее оказались девчата. Они первыми стали представляться: «Мы рязанские, а вы?». Мы молчали и даже не потому, что надо соблюдать военную тайну, а просто растерялись в силу своей молодости, застенчивости и неосведомленности в том, как надо вести себя двумстам молодым солдатам, идущим на фронт, более чем с тысячью девушек, строящих эту дорогу. Кое-кто из наших попытался отшутиться, но команды на привал не было, рота двигалась вперед, и обе стороны поняли: мужчинам надо идти на войну, а женщинам продолжать заниматься своими делами. Время военной необходимости определяло судьбу и тех, и других.

Далее, на всем протяжении участка болотной дороги, нам встречались девушки в военной форме рабочего батальона, которые работали группами на дороге, улучшая ее деревянным настилом и фашинами.

Да, работенка эта была бы даже для мужика тяжеловата! Нас о помощи не просили, да мы и не имели права останавливаться. Лично я не ощутил никакого уныния в настроении девчонок. Когда рота подходила к одной группе девушек, то и другая в шуточной форме кричала, чтобы нас не задерживали и отправляли к ним. Так и проводили нас на фронт оказавшиеся по воле войны на нашей фронтовой дороге эти рязанские девчата.

Эта неожиданная встреча нас приободрила. В то же время вывод напрашивался сам собой: к своим уралочкам мы могли вернуться только через войну. Знаю, все двести, шагавшие со мной рядом, не были женаты. Да и никому из девчонок не могли гарантировать замужество!

В этой же маршевой роте вместе со мной шли 10 моих ребят односельчан из пригородного села Горный Шит. Забегая вперед, скажу, что невредимым с войны пришел только один, четверо погибли, шестеро вернулись с тяжелыми ранениями. Всего наше село потеряло на войне 241 человека.

Распределяли нас по частям утром 6 мая. Я попал в группу из 20 человек. К нам подошел в дождевой накидке офицер и сказал просто: «Идемте за мной».

День был солнечный. Я его запомнил потому, что нас вел человек ОТТУДА и вел он нас ТУДА. Высоко в небе, на Запад, чуть левее от нас, почти на одном месте кружил какой-то непонятный самолет, а выше его в лучах яркого солнца блестели серебром еще два маленьких самолета. Конечно же, мы задали вопрос: «Что это за штуки?» Офицер нам разъяснил, что это самолет-разведчик по прозвищу «Рама», его охраняют два немецких истребителя. Тут же мы задали следующий вопрос: «Могут ли они на нас напасть?» — Ответ был такой: «Вообще-то могут, но им нет смысла, поскольку нас маловато. — Добавил: Я же

доктор, в случае чего — вылечу». Повернулся к нам, улыбнулся, видимо, подумал: «Ребятишки еще». — Немного погодя, громко и резко объявил: «Я врач 64-го отдельного инженерно-саперного батальона 70-й дивизии. Ясно?!»

Здравствуй, семидесятая!

Так я впервые услышал о номере дивизии, в которой мне предстояло воевать.

Издали увидели около двух десятков домов. Через ложбинку по тропинке поднялись на возвышенность, оказались на единственной улице деревеньки, состоящей из деревянных домов, большинство которых покрыты соломой. «Как же она уцелела?» — «Чудом уцелела, — пояснил наш вожатый, — а жители эвакуированы в тыл, — добавил он. — Живем здесь мы, то есть наш 64-й батальон саперов, вас тоже сейчас определяют», — закруглил беседу на ходу доктор. Показалось как-то чудно: на войне — живем...

Троих из двадцати: меня, моего земляка Сычева Геннадия и Николая Шесминцева из Курганской области — определили во взвод инженерной разведки, состоящий из восьми человек и представлявший географию почти всей России. Все они стали для меня дорогими и близкими товарищами, составили мою фронтовую семью, и я назову их поименно: старший сержант Пикалин с Волги, сержант Жгилев из Архангельской области, Михаил Михеенков со Смоленщины, Хорошев из Куйбышева, Михаил Рогов из Новосибирской области, земляк и друг Рогова — Михаил Козлов, Гаврилов и позднее направленный к нам повар Сурков. Командовал взводом лейтенант Лебедев.

Размещался взвод в избе с соломенной крышей, пол настелен досками наполовину, одну треть составлял спальный деревянный настил для всей семьи, тянувшийся от печи до стены на высоте от земли примерно полтора метра. В юго-восточном углу стоял стол, справа от двери находилась пирамидка с автоматами. Отсюда написал я первое письмо домой и сообщил маме, трем старшим сестрам и двум младшим братишкам о том, что теперь нахожусь на фронте, в действующей армии, еще не ведая того, какую тревогу за мою судьбу будут испытывать мои родные.

Нас, вновь прибывших, в первую очередь стали обучать, как надо действовать в боевых условиях, и растолковали место минера-сапера на войне. Главная задача — помогать пехоте, артиллерии и танкам двигаться вперед. Для этого мы должны обезвреживать минные поля и другие инженерные сооружения немцев. Показывали настоящие боевые немецкие мины разных типов, учили, как их обезоруживать под огнем противника, который был пока что нам лично неизвестен и находился в 3-х километрах от места занятий. Проходили курс необстрелянного солдата около трех недель, постепенно привыкая к необычной обстановке: пищу принимали два раза в сутки, спали, не раздеваясь, вокруг себя видели только военных, занятых своим военным делом, слышали артиллерийские дуэли, пулеметно-винтовочную трескотню. Все это есть жизнь на фронте во фронтовой полосе, но еще не сама передовая.

Близость передовой ощущалась ежеминутно. От нашей деревни на запад тянулся большой овраг, на восточном склоне которого располагалась наша артиллерийская батарея. Нам она хорошо была видна. Когда по ней билась немецкая

артиллерия, то снаряды ложились далеко не прицельно, где попало. Вскоре мы тоже, как и «старики», к их разрывам привыкли и убедились, что хваленые немцы далеко не снайперы.

К вечеру, после ужина, собирались в дом все. Занимались, как в свободное время бойца, кто чем: одни играли в домино, другие выходили на улицу покрутиться на турнике, третьи курили. Когда темнело, не раздеваясь, ложились спать. Я же почему-то часто смотрел в сторону передовой. Там каждую ночь немец нервничал: без конца освещал небо ракетами, почти непрерывно в нашу сторону ползли кроваво-красные трассы пуль, слышались глухие разрывы снарядов. Через недолгое время я научился отличать по звуку основательную неторопливую работу нашего пулемета и по раскатистому трехкратному эху узнавал выстрел из нашей винтовки.

Несколько раз комбат майор Шашлов посылал меня с бумагами в штаб дивизии. По выходе из деревни надо было по дряхлым мосткам перейти болотину шириною около 200 метров.

Был месяц май, конец весны, и, когда я подходил к этим мосткам, множество лягушек удирало с них в воду. Они, видимо, занимались своими лягушачьими делами и не ведали, что у людей идет война.

Один раз, отнеся бумаги, я подошел к берегу болота и стал наблюдать за лягушками. На моей Родине есть много болот, но такого количества лягушек я не видел. Личное оружие было автомат ППШ. Ранее я из него никогда не стрелял. Меня все время подмывало на то, чтобы попробовать, как он бьет. Прицелился, дал очередь по лягушкам. Убил двух, остальные скрылись. Подошел ближе, определил — бьет здорово, но лягушек стало жаль, и больше я их не трогал.

В особом месте моей памяти лежат немецкие листовки. Они нам их сбрасывали в огромном количестве с самолета, который обычно пролетал рано утром низко над деревней. Видно, у того самолета был специальный автомат по выбрасыванию листовок. Равного размера и цвета, устилали они окрест землю. Мы их собирали, читали и, конечно, уничтожали. Первую я прочел о Власове. Она была так написана, что без труда угадывалось: сей генерал для нас есть подлый предатель. Спасибо немцам, просветили. Я — то о нем ничего раньше не слышал. Грубо и невежественно писались и другие. Например, на многих печатались «пропуска» к немцам. По их мнению, войну солдат мог закончить очень быстро. Для этого надо было воткнуть штык в землю, поднять руки вверх. В одной желтой бумажке сообщалось: «Вас, русских, убито уже больше двадцати миллионов да столько же посажено большевиками в тюрьмы». Несуразица получается. Вроде бы и воевать-то у нас уже некому. Но я видел другое. В моем взводе царило обыкновенное человеческое русское дружелюбие, настроение бодрое, были и шутки, и смех. Видел, как работают деловито артиллеристы на том берегу оврага. Словом, везде кипела нормальная фронтовая жизнь. А общее положение на фронте ставило немцев в условия неминуемого краха. Ущербная пропаганда! Вопли обреченных! Хотя я в то время не принадлежал к партии большевиков и не был даже комсомольцем, но я был русским, а Россия — моя Родина, мое Отечество, и этим решалось все. Мое отношение к борьбе с немецким нашествием определялось наличием у меня родной простой русской семьи: матери, отца, сестер, братьев. Я имел родной дом, родное село, любимый Урал и всю Россию.

Со мной на фронт пришли десять моих одноклассников-односельчан, двести молодых Уральцев. По дороге от Свердловска до Смоленска видел движение на запад большого количества военной техники и нашего брата — солдат. Даже бывалые солдаты, ехавшие с нами до Москвы, говорили: «Вот это техника! Нам бы такую в сорок первом... — И, обращаясь к нам, с шуточкой добавляли: Сидели бы вы сейчас по домам да на вечерки к девкам бегали».

Но 1944 год требовал нашего участия в войне, и мы ехали на фронт. Душевное состояние было настроено на то, чтобы добить врага и добыть Победу. Так что те листовки немцы бросали нам зря, пустая затея. Саму же Победу, первую в нашей молодой солдатской жизни, мы еще представляли очень смутно, не знали, когда она наступит и как будут выглядеть ее результаты.

Кончились занятия в «первом классе» войны, нас стали готовить для борьбы там, на передовой. О ней мы слышали много и от этого еще больше ничего не понимали. Говорили, что это ад, что это самое пекло войны, что кто побывал там, то рай ему уже не страшен...

В плане подготовки был особый пункт: знакомство с передовой. Где-то в конце мая сержант Жгилев мне сказал, что сегодня мы идем на передовую, пока что на смотрины. День был теплый, солнечный. Шли мы недалеко от артиллерии, и здесь я увидел две необычные машины: оказалось, что это те самые знаменитые «катюши». Несколько отойдя, Жгилев сказал, что «надо высушить портянки». Мы разделись, уложили портянки на солнце, а сами растянулись полежать на траве. Солнце, тепло, месяц май, тишина — не верится, что идет война совсем рядом, вокруг и около. Любопытство не давало мне покоя, и я спросил сержанта, почему ту машину называли «катюшей». Он мне ответил: «Я и сам толком не знаю, когда был рядовым, как ты, тоже слышал от бывшего сержанта что-то вроде фронтового анекдота». В конце нашей беседы я понял одно: в благородной ярости, идя в атаку, солдаты сбрасывают с себя все лишнее. То же самое делает и эта машина, только оголяется при этом до снарядов и негодует еще больше — световой и звуковой эффект тому подтверждение.

Немного погодя, с гадким воем пронеслось, а затем разорвалось несколько немецких снарядов. Тут же в ответ наша артиллерия туда отправила пачку снарядов. Только летели они как бы, казалось, по-деловому, без нудного воя, только немного шепелявя.

Просушив портянки и отдохнув на солнце, двинулась дальше. Идти стало легче и приятнее, ноги не скользили. Я шел чуть сзади и думал: «Этот парень на один год меня старше, а уже полгода воюет, является кандидатом в члены ВКП(б), носит сержантские погоны и брюки разведчика от маскировочного костюма, награжден орденом Славы 3-й степени. Да, есть чему позавидовать!» Когда же я стал рассматривать его ноги, то увидел, что у него на ногах такие же, как у меня, ботинки и спрятанные под маскбрюки обмотки. Ох уж эти обмотки, как мы их ненавидели и старались прятать их подо что-нибудь. Кто носил сапоги, тот считался вдвое авторитетнее. Утешился я тем, что мы с ним оба в обмотках, а значит, в этой части равны.

Очнулся от этих дум, когда сержант негромко сказал: «Вышли на передовую, отстань от меня на 15 метров». Я крутил головой, но ничего не видел

особенного: голая глинистая земля, небольшие холмы, тишина, хорошая солнечная погода. Нисколько не верилось, что мы на самой полосе войны.

Долго шли по узкой траншее, которая затем повернула в небольшую гору, стала выше моей головы, просторнее. При переходе вершины холма, на его северном склоне увидел я в плащ-накидке со снайперской винтовкой солдата. Мы подошли к нему. Сержант спросил, что видно, что слышно. Солдат ответил каким-то заржавленным полуголосом: «Неделю чой-то бегают». Я подошел к брустверу, и мы втроем стали смотреть в сторону от нашей траншеи. Вот она, передовая. День солнечный, зрение у меня хорошее, но я толком ничего не мог разобрать и видел только очертания складок местности, кое-где кустарник и все ту же желтовато-серую глину. И была удивительная тишина. Бестолковое рассмотрение местности мне надоело, повернул голову и увидел, что солдат и сержант пристально смотрят в одну точку. Проследив за их взглядом, быстро обнаружил в небольшой лощинке северо-западнее от нас на расстоянии 1300—1500 метров мелькание серо-зеленых предметов. «Что-то строят», — сказал солдат. Я же не сдержался и по своей наивной запальчивости сказал: «Это и есть немцы?» — «Да», — ответили мне. — «Тогда почему же в них никто не стреляет, их же видно?!» — не унимался я.

«Пальни разок», — сержант сказал солдату. — «Далеко, не возьмет», — ответил он. Но, посмотрев на меня, решил стрельнуть. Долго целился, выстрел прозвучал негромкий, но эхо трехкратно повторило его.

Мы устали туда. Прямого результата снайперской пули мы не видели, но беготня и мелькание тотчас прекратились.

Постояв немного и попрощавшись с солдатом, мы с сержантом по траншее отправились на южную часть холма. Идя по траншее, только сейчас стал замечать выкопанные в стенах углубления, завешанные чем попало ходы, русский товар, запах махорки. Эх, махорочка — махорка! Сразу почувствовал, что траншея живет. Повернув направо голову, увидел небольшую площадку, на которой без щитка с заправленной лентой стоял станковый пулемет «максим». Пройдя еще немного, свернули в блиндаж-землянку в три наката. В темноте, оглядевшись, увидел перед собой узкую полоску света, а справа и слева стояли две стереотрубы. У левой сидел сержант-артиллерист и очень аппетитно обедал. Нам он только молча кивнул головой, продолжая уплетать свой паек. Мой сержант сел к правой стереотрубе и, немного посмотрев, посадил за нее меня. Теперь передовую я рассматривал долго, тщательно, с помощью техники, по участкам. Сержант сзади мне посоветовал: «Запоминай все, что сможешь, когда придется там работать ночью, чтобы не ошибиться!».

В прибор было хорошо видно профиль немецкой траншеи, ряды колючей проволоки. Когда перевел окуляры трубы на северо-западный участок, то на колючей проволоке сверху увидел белое пятно. Я сказал, что вижу непонятное белое пятно на проволоке. Мне ответили, что это в конце зимы наши разведчики ходили за «языком», и при отходе один из них был убит и повис на проволоке в белом маскхалате. Мне стало неловко за тот вопрос. Однако я добавил еще: «А нельзя ли было его взять?» Ответ сзади: «Пробовали, только еще понесли потери».

Затем я стал рассматривать глубину немецкой обороны. Вдалеке увидел белую стену какого-то здания. Сержант-артиллерист (он к тому времени перестал

жевать) пояснил мне, что это контора совхоза. Следя от конторы по дороге в нашу сторону, неожиданно ясно и четко увидел группу немцев в 15 человек. Они в полный рост спокойно шагали по дороге в сторону своей передовой. Меня аж подбросило: «Как это они могут так спокойно идти прямо к нам?!» Сержант-артиллерист взял трубку телефона и что-то кому-то сказал. Взрыва не было видно, но немцы бросились врассыпную, и больше их не было видно.

Идя с передовой к себе в часть, я был полон впечатлениями от увиденного. Но я понимал, что был период длительного затишья, что днем передовая в этих условиях мало похожа на настоящую войну, которой мне ждать пришлось уже недолго.

Как известно, 6 июня 1944 года союзники на севере Франции высадили десант. Об этом сообщила наша дивизионная газета «За атаку».

Информация была внушительная: в операции участвовало 11 тысяч самолетов.

После завтрака около дома, под навесом, собрали весь батальон и по случаю открытия второго фронта произнесли речь. Хорошо помню, что само сообщение ни у кого особого восторга не вызвало. Выслушали молча, разошлись молча. Никто, даже старые солдаты, не ощутили момента ускорения окончания войны. А когда наша группа остановилась около «нашего» дома покурить, то пожилой солдат Макаренко сказал очень просто: «Хиба так можно долго трепаться!» Это он по адресу союзников о затяжке открытия второго фронта. Лучше не скажешь.

Под вечер привезли кино, и в том сарае впервые на фронте я смотрел английский фильм «Джорж из Джинкинджаза» о том, как легко английские разведшпионы одурачивали немцев той же специальности.

По общему настроению, оживлению в частях угадывалось скорое изменение боевой обстановки на нашем участке фронта. В своем взводе я тоже обнаружил перемены. Начались усиленные практические занятия, а затем были образованы три группы подрыва. Это они должны были первыми сделать три коридора в минных полях и колючей проволоке на пути нашей пехоты во время штурма немецких траншей и укреплений. Ни в одну из этих групп меня не включили, я продолжал выполнять мелкие хозяйственные работы.

В конце июня фронт пришел в движение. Меня назначили связным к дивизионному инженеру. Находясь несколько вдали от передовой, я впервые увидел раненых. Их везли на лошадях в повозках, достаточно много, некоторые из них лежали, тихо стонали. Забинтованы были в большинстве руки, ноги, реже головы. Какое-то смешанное чувство неосознанного страха за себя и жалости к раненым овладело мной. Я еле плелся в сторону передовой без своей собственной боевой задачи. Когда подошел к той траншее, в которой мы были с сержантом во время знакомства с передовой, то она была пуста, бой гремел где-то в глубине немецкой обороны. В стороне увидел своих ребят. Они свою задачу выполнили. Сказали мне, что только мой земляк Генка Сычев погиб. Я внутренне удивился: так скоро и так просто не стало Генки. Возвращаясь, в ложбинке увидел около десятка убитых, с ними рядом лежал Генка. Трудно было смотреть на неподвижно лежавших людей и осознавать то, что они убиты.

Вечером лейтенант Лебедев послал меня на лошади съездить за телом Сычева, но в том месте я не нашел никого, около тех мест не было ни души: ни живых, ни мертвых. Все заново было перепахано немецкими снарядами. На другой день с дивизионного кладбища нам сообщили, что у них есть убитый разведчик без документов. Надо было нашего Генку похоронить особо, и я отправился на то кладбище за ним. Но там оказался другой разведчик, мужчина с выступившей бородой. У нашего Генки кое-как пробивался пушок на усах. Из-за любопытства осмотрел кладбище, присутствовал при захоронении погибших. Похоронная команда состояла из довольно пожилых солдат, малоразговорчивых, они медленно и спокойно делали свое дело. В небольшой кладбищенской избенке пожилой лейтенант диктовал, а средних лет женщина-сержант на небольшой пишущей машинке отстукивала.: «Погиб за Родину, проявив геройство и мужество». .

Так и не смог я найти Генку, чтобы похоронить его как разведчика, с воинскими почестями нашего взвода.

После этого дня трудно было засыпать. Разбудили срочно по тревоге. Быстро дошли до передовой, двинулись дальше через нашу оборону, миновали половину немецкой, стало жарко. Остановились. Приказ: снять шинели, сложить в кучу. Рядовой Белоглазов остается с шинелями, дожидается обоз батальона. Остальные — вперед, догонять отступающего немца! Побежал, гад! Но это ругательство вырвалось у меня с радостью тогда, когда наши ушли дальше. Огляделся. Передовые боевые части ушли, тыловые и обозы еще не подошли. Стою посреди дороги один, стало как-то неудобно, чуть жутковато. Разглядывая дом, понял, что его восточная стена и есть та часть, которую я рассматривал в стереотрубу из наблюдательного блиндажа нашей обороны в конце мая. Странно. Только что на этом месте находился враг, а теперь оно наше. Залез на чердак и с мальчишеским любопытством стал рассматривать окрестность, недавно занимаемую немцами. Издали как-то не верилось. Спустился на землю и тихонько пошел по линии окопов. Поразило меня огромное количество колючей проволоки. Растянутая кольцами Бруно, на кольях, разбросанная где попало, она гадилась всю местность. В некоторых местах ее навалили штабелями, не смогли, видимо, опутать и весь свой тыл. Издали увидел доску на палке и прочел надпись: *Minen*. Забыли или не успели снять указатели со своих минных полей. Везде валялись банки, котелки, гильзы, запасные стволы к пулеметам. Пахло сгоревшим порохом. Стало неприятно вдыхать испорченный немцами воздух, и я пошел к своим шинелям.

Перейдя небольшой мостик и поднявшись в горку, по дороге слева увидел могильный холм и крест с немецкой каской. Впервые видел могилу немецкого солдата, подошел поближе. Рассматривая чужой для меня знак памяти погибшего, обнаружил, что он сделан из двух кривых сучьев березы и связан колючей проволокой. Видать, здорово торопились! Заглянул в землянку, но оттуда меня выгнал спертый запах недавно кучно живших здесь немцев. Так я узнал, что немцы пахнут своим, неприятным для русских, запахом. Вернулся к своим шинелям. Совсем другое дело: пахнут нашим, русским, родным запахом. Улегся на них и с удовольствием заснул. Забыл все на свете и даже то, где нахожусь и что должен делать. Проснулся от тишины. Именно она в данном случае оказалась для меня слишком тревожной и необычной. Солнце ушло за контору совхоза,

стало прохладнее. Я отыскал в куче свою шинель, надел, стало теплее. А душевная тревога нарастала. По-прежнему вокруг не было ни души.

Сидеть в одиночку на недавнем поле боя и неизвестно чего ждать вызывает какое-то пустотревожное ощущение. Даже автомат с 72 патронами казался мне ненадежным товарищем. Отошел к стене конторы, улегся на бревно, замаскировался сверху палаткой, вдруг в нескольких местах на обеих руках почувствовал жжение, укусы. Вскочил и разглядел — это муравьи мелкой породы. Оказывается, я улегся на их дорогу. Даже живые муравьи были мне в этот час приятной компанией.

Наблюдая за их работой, не заметил, как стало темнеть, услышал шум приближающегося обоза. Вот они, наконец-то! Не военный тыл, а какой-то неторопливый крестьянский обоз напоминало то движение. Ехали повозки шагом, кто шел, кто сидел в телегах, курили, нехотя переговаривались, и вовсе не было похоже, что они обязаны поживее догонять свои передовые части. Я же вас с раннего утра жду! Сложили шинели на повозку, и вместе с обозом я пошел на город Шклов. Белоруссия.

Так начались мои военные дороги по этой многострадальной земле.

Днепр и Шклов

В Шклов обоз пришел на другой день вечером. Немцев из него только что выбили.

Спускаясь с восточного холма дороги, ведущей в город, я увидел взорванный мост, впервые реку Днепр и трехэтажное здание на западном берегу. Вернулся к ребятам моего взвода. На другой день по понтонному мосту, построенному за ночь саперами, мы перешли на другой берег и как разведчики стали обследовать железнодорожную станцию. Обнаружили целый неповрежденный эшелон-госпиталь со всем медицинским оборудованием. Немцев же ни живых, ни раненых нигде не было. Остальные постройки городишка были деревянные и особого интереса не представляли. Постучавшись в один из домов, от женщины узнали, что со вчерашнего вечера немцев в городе не видно. Вышли на дорогу, прошли городскую местность. Впереди виднелся большой массив леса. Очень удобное место для засады. Разделились по два, пошли навстречу неизвестности. Ничего не поделаешь, разведчики!

В паре со мной был Михеенков Михаил с 1925 года рождения. Он два года жил в местности, оккупированной немцами. Зная это, я заставлял его рассказывать, какие они, эти немцы, как мы будем с ними биться сейчас, если встретимся вот здесь, в нашем с ним положении. Михеенков имел определенную натурную хитрость, ловко увел в сторону мои настырные вопросы и стал вкрадчиво рассказывать о том, что дома, в большом селе райцентра, у него осталась невеста и он, имея десятилетнее образование, по возвращении будет так же учительствовать, как и она.

Этот разговор двух молодых неженатых парней так завел, что мы обалдели, увидев в 10 шагах человека в немецкой форме. Меня особенно, поскольку эту ненавистную форму на живом человеке видел впервые.

Кое-как до меня дошло, что это узбек, сдавшийся в плен в 1943 году. Он широко улыбался и все повторял: «Ташкент, Ташкент» Он явно был доволен тем,

что удрал от немцев и в данный момент живой. Я в то время мало еще знал о том, что фронтовики ненавидели тех из наших, которые сдавались в плен (полбеда) и надели немецкую форму (их полная беда), чтобы помочь врагу. Даже такой «побег» от своих хозяев не оправдывал этого узбека. «Дурак ты, — сказал Михенков, — лучше бы ты вышел к нам совсем голый!» Подошел к нему и недружелюбно сдернул с него пиджак, штаны, шлепнул по спине: «Иди, может, увидишь свой Ташкент!»

Сзади на нас надвигалась колонна автомашин. Мы сошли с дороги на обочину ближе к лесу. Постояли, пропустив мимо себя колонну машин с пушками и пехотой. На душе стало веселее: скорей выгоним немца. Сошлись в полном составе нашего разведвзвода, свернули в лес по проселочной дороге, согласно карте маршрута нашей семидесятой дивизии.

Углубившись в лес немногим более километра, еще встретили четверых в немецкой форме. Эти оказались русскими. Двое были из кадровой армии, а двое — с 1926 года. Капитан приказал: молодежь отпустить, а сознательных мужчин — расстрелять. Тут же Сурков автоматной очередью уложил обоих. Скидывая немецкую форму на бегу, скрылись в лесу те двое (с 1926 года). Я подошел к убитым и впервые в жизни рассматривал русских в немецкой форме, только что расстрелянных русскими. На вид оба были хорошо сформированными мужчинами, имели длинные, зачесанные назад, как у немцев, волосы (мы же были стрижены под ноль). Не беря у них документов и не закапывая их, пошли дальше. Похоронят их за немцев, так как они уже не смогут рассказать ничего о себе. Издержки войны!

На другой день капитана куда-то отозвали, и он больше не появился у нас. Остались группой в семь человек. Вечером, перед привалом на ночь, в лесу старший сержант Пикалин грубо обругал капитана за приказ расстрелять тех двоих. Он говорил, что мы не знаем толком, за что можно вот так, запросто, бездумно расстреливать возвращающихся от немцев своих же людей. Его поддержали двое.

Солдат Сурков просто заорал: «Предателей, изменников Родины, вступивших в боевые немецкие части с оружием в руках, помогавших немцам бить нас, незачем жалеть, расстреливать надо таких на месте». Его тоже поддержали двое. Обе точки зрения оказались для меня убедительными, и я не мог решить, которая все-таки правильнее. Времени и сил для спора больше не было. Нужно было за короткую ночь отдохнуть и снова вперед. Сверили по карте пройденный путь. Оказалось, более 100 километров. Ура! Это действительно подвиг — на столько километров продвинуться вперед и столько много освободить Белорусской земли.

Так первое время большого наступления наших армий мы оценивали дорого. Этот скромный результат. С рассветом снова команда: «Разведчики, вперед!»

Земля Белорусская

Дальше число дней и ночей стерлось, все перемешалось. Шли без остановок полный световой день, неделями не слыша никакой стрельбы. Вместе шли какие-то другие части, обозы, тылы снабжения, санбаты, бесконечным потоком шла серая шинельная масса людей. Казалось, целый народ двинулся на великое переселение. Лесные массивы, перелески, поля, речушки, сожженные деревни,

брошенная немецкая техника — все поглощал солдатский шаг. Завершая норму дневного перехода, скорей искали место для ночлега или просто падали, где придется, и засыпали. Когда норму по карте не успевали проходить днем, шли ночью. Стал замечать странное поведение своих ребят: пойти в сторону или делать зигзаги. Ба, это же люди спят на ходу!

Вскоре того капитана за серию неверных поступков от нас отозвали, и вопрос о расстрелянных снова возник. Старший сержант Пикалин утверждал, что мы о них ничего не знаем, где, как и почему они оказались в плену, что вынудило их надеть немецкую форму и т.д. Сурков горячился, доказывая, что в плен попасть на войне немудрено, а вот в форме врага и с его оружием встать против своих — предательство особого рода. Сдаваясь в плен, хотел сохранить себя; сейчас, убегая от немцев, — тоже хочет сохранить себя. Воюйте, честные, вам кривить душой нельзя!

Мне казалось, что они оба в чем — то правы, но все — таки я для себя не мог определить, на чьей стороне решающая правда. И в дальнейшем, когда был свидетелем таких расстрелов, испытывал двойственное душевное состояние. Презируя тех, кто из бывших наших служил у немцев, недолго любил наших, расстреливавших их.

Теперь шли мы в полном составе. Главная задача состояла в безостановочном движении вперед, на Запад. Ежедневный ход с восхода июльского солнца до заката отразился на каждом. Лейтенант Лебедев шагал, чуть подавшись вперед, слабо размахивая руками, пистолет сдвинулся назад и, несколько провиснув на ремне, мерно покачивался в такт хода, не мешая двигаться. За ним следовал Гаврилов с рюкзаком, набитым продуктами, автомат висел спереди. Из всего Гаврилова выделялся нос, тонкий и острый. Старший сержант Пикалин, казалось, состоял из одних костей, он даже не имел на лице щек, вместо них имелись две полуямы. Длинный, худой, напоминал старого журавля. Несмотря на свой мрачный вид, он умел иногда пошутить вовремя и по делу. Немцы, отступая, часто оставляли на дорогах своих расстрелянных лошадей. В июльскую жару их быстро вздувало, от них шел неприятный запах.

Сурков наш все время был в части поваром, имел недозволенный жир и первое время мучился: пот лил ручьями, везде начали образовываться потертости, человек страдал. «Вот, Сурков,— говорил Пикалин, — ты только теперь попал на войну, только сейчас осознал, что такое пешком гнаться за врагом впереди всех и при этом иметь хорошую возможность получить немецкую пулю или целую их очередь. Там, на кухне, рай: едешь и сыт. Здесь — ад: идешь и голоден, плюс ждешь встречу с немцем. Хорошо, что догадались заменить тебя женщиной. — И, посмотрев на убитую лошадь, добавил: — Вот бы зажарить!» Сурков с трудом отвечал Пикалину: «Раз у меня такой жалкий вид, то немец в меня стрелять не будет, а это мясо лошади вполне годится в пищу. В 41-м мы бы его с удовольствием употребили, а то, что сейчас повар — баба, то неизвестно, как и когда она будет нас кормить». И действительно, кухня двигалась где-то с батальоном, а нам, разведчикам, редко приходилось пользоваться горячей пищей, все больше сухой паек да то, что сумеешь раздобыть по дороге.

Так мы вошли в зону большой окруженной группировки немцев восточнее Минска.

Лицом к лицу с немцами

Нас опередили части, двигавшиеся на колесах и гусеницах. Не только нас, но и немцев. Они им закрыли пути отхода на запад, а с востока взяли их в кольцо мы. Вместо одиночек и небольших групп пленных стали попадаться целые колонны. Вот они, те самые немцы, которые имели автоматы, пулеметы, пушки, танки, самолеты, а теперь брели с поникшими головами, имея жалкий вид бесхозной толпы, повинувшись взмаху руки нашего солдата-конвоира. Вскоре для сопровождения в тыл пленных немцев не стало хватать наших солдат, и их отправляли с простой бумажкой. В связи с этим вот какой случай произошел у нас. Я был в паре с Николаем Шесминцевым, шли мы по лесу, деревья старые, толстые, видимо, дубовая роща. Выходя на опушку леса, увидели серо-зеленую двигающуюся полосу: немцы. Приняли решение — отстреливаясь, уйти в лес. Залегли за деревьями и стали рассматривать приближавшуюся колонну. Разглядели, что одна фигура отделилась и пошла к нам, размахивая рукой и что-то крича. Я встал и двинулся к немцу навстречу. Шесминцев меня подстраховывал. Немец, довольно пожилой мужчина, подошел ко мне, подал бумажку, как на параде, сделал пять шагов назад, козырнул мне и остановился. В бумажке я прочел написанное красным карандашом: «Группа военнопленных направляется на сборный пункт. Просьба к советским военнослужащим содействовать этому. Подпись: полковник Виноградов». От радости я закричал: «Колька, ставь затвор на предохранитель, они идут в плен!» На всякий случай отойдя в сторонку и проводив колонну, мы с Колькой по-детски рассудили, что теперь немцы обрели разум, и при такой сдаче в плен войне скоро будет конец. Но слишком рано мы о немцах так подумали. Находясь с оружием и при командирах, немец оставался немцем. Я же пытался разглядеть в лицах их внутреннее состояние: за что борются, за какие идеалы проливают кровь и отдают жизни. Попав в плен, все без исключения, твердят: «Гитлер капут!»

А невдалеке другая группа немцев продолжает драться, трещат автоматы и пулеметы. Я переспрашиваю: «Сталин капут?» — Вся группа зашевелилась, заговорила наперебой: «Э, найн, Гитлер капут!» — «Если Вы понимаете, что Гитлер — капут, то почему те не сдаются?» — показываю рукой, где идет бой. Немцы меня поняли, замолчали, опустили глаза. Вопрос трудный. Для меня он тоже имел значение: я познавал практику войны.

Всем, кто двигался на колесах, мы завидовали. Счастливчики. Наконец в их числе оказались и мы. Уж не помню, кто организовал, но нам дали автомобиль — американский студебеккер. В блаженстве растянулись на полу кузова и не обращали внимание на тряску. На рассвете нас разбудили и сказали, что группа немцев не сдается, нам надо во что бы то ни стало быть на той стороне железнодорожного переезда. Приказали всем лечь к левому борту, затворы поставить на боевой взвод и, в случае препятствий со стороны врага, открыть огонь.

Автомобиль набрал большую скорость, поравнялся с немцами, проехал переезд, ушел в лес, остановился. Все сошли с машины, делились пережитым мгновением. Наперебой гадали, что у этих немцев в башке: нас не тронули и не сдаются. Заключение: «сдадутся, больше им деваться некуда!» Весь день проспали в машине на ходу, далеко остался позади Минск и окруженный противник. На другой день с машины нас высадили, опять мы стали рядовые, пехотные.

Земля Литовская

И до меня добралась беда. Постепенно правая моя пятка стала натираться. Размотаю обмотку, сниму ботинок — ничего нет, портянка в порядке. Снова замотаю, надену ботинок, а при ходьбе опять трет. Пробовал бинтовать бинтом, но он скатывается, еще хуже трет. Дело дошло до того, что меня отправили в батальонный обоз и вдобавок поручили охранять знамя. Да еще кто-то где-то поймал немца, и его сунули мне охранять. Знамя в чехле лежало на повозке, которой управлял ездовой Макаренко. На ней были штабные документы, и ехала еще писарь Валя. До немца я имел возможность под уклон сесть на выступающую из повозки уключину и таким образом немного отдохнуть. Теперь немца приходилось держать впереди себя, и отдыха у меня не стало. «На кой черт, — думал я, — навязали его мне!» От нечего делать рассматриваю сзади немца: среднего роста, плечи развернуты, мужские, средних лет, плотный, шагает спокойно, не оглядывается, руки сделал назад. Еще бы не идти спокойно: впереди же его Германия, Родина, а он живой, невредимый. Посмотрел ниже и увидел, что он бошой. Земля на дороге сухая, теплая, мягкая. Ему лучше, чем мне в ботинках, он пленный, и форму соблюдать не надо, и автомат с боезапасом не тащить. Постепенно я стал подумывать, как от него избавиться. Застрелить нельзя, сдать некуда. Устал, стал отставать от повозки. Поняв мое положение, Валя крикнула, чтобы я шел с немцем, а она посмотрит за знаменем.

Стало темнеть, я начал на ходу дремать. Встряхнувшись, начал оглядываться по сторонам и искать место ночлега. Увидел в стороне дом с постройками, показал в ту сторону немцу, и мы направились туда. Посреди двора увидел возвышение и понял, что это деревенский погреб. Открыл крышку, заставил немца спуститься вовнутрь, закрыл крышку, растянулся сам поперек нее и проснулся только, когда взошло солнце. Открыл крышку, вылезшему немцу сказал, чтобы он шел к хозяину дома и просил поесть. Оба голодные, без перевода поняли, что нам обоим надо в эту минуту. Вернулся он быстро, принес полбулки хлеба и полведра молока. Разделили поровну, сели порознь и в момент все съели. Хоть и недосыта, но настроение поднялось, душа подобрела. Поспал, позавтракал, погода теплая, солнце весело светит, сам живой — что еще лучше можешь иметь на войне!

Никогда не курил, а тут увидел, что немец стал закуривать, решил, что и мне стоит попробовать. Подошел близко к нему, сел рядом и потянулся к пачке за сигаретой, и вдруг одна рука немца завернула мой ворот гимнастерки на горле, стала душить, а другая — выдергивать из моих рук автомат. Молниеносно оценил ошибку немца: его руки делали два разных дела, значит, силы раздвоены. Я же обеими руками удержал автомат, выдержал удушье на горле, подготовил силы, чтобы оторваться от насевшего врага. В этот момент вдруг он меня оставил в покое, отодвинулся. Я увидел, что с сеновала соскакивают наши из дивизионной разведки и бегут на помощь. Вскочил я на ноги, слезы брызнули из моих глаз оттого, что этому немцу я охранял жизнь, а он так подло хотел лишиться меня жизни. В гневе я схватил палку, а это оказался цеп, которым вручную молотят снопы, без жалости, со всей силой цепом ударил сидящего немца по голове, затем еще и еще... Разведчики меня остановили, успокоили, увели с собой.

Разыскал свою повозку со знаменем и снова шел вперед, теперь уже по Литовской земле. Перестали встречаться лесные массивы, пошла больше пашня, часто попадались непривычные для нас хутора — мелкокрестьянская собственность. Это тот самый гнилой корень, который вытаскивается трудно из души крестьянина. Как-то подошел ко мне Михаил Михеенков и пригласил пойти к литовцу пообедать. Приметили хозяйство, вошли во двор. Все сделано добротное, дом большой, конюшня, сеновалы, колодец с насосом — все, что нужно для сельского хозяйства и двора. Вышел к нам пожилой литовец, хорошо говорит по-русски. Спросили, где он научился русскому разговору. Ответил, что служил в молодости русскому царю. Зашли в дом, сели за деревянный стол, огляделись. На лавке, у окна, сидят два парня, здоровые верзилы, в другой комнате слышны женские голоса. Что говорят, не понимаем. Хозяин объяснил, что молодежь не знает русского языка. Сам по-литовски прикрикнул на жену. Принесли круглую булку хлеба, в большие глиняные кружки налили молока. Я быстро съел свой хлеб, молоко, наелся, отодвинулся от стола, сижу, слушаю, как Мишка неторопливо беседует с литовцами и врасстяжку закусывает. Вышла хозяйка и стала скороговоркой что-то требовать от мужа. Наконец он осмелился и перевел ее вопрос нам: «Будут ли у них создаваться колхозы?»

Мы с Мишкой переглянулись, удивились, растерялись. Вдруг Мишка замотал головой: «Нет, не будут у вас создаваться колхозы» — «Почему?» — спросил литовец. — «В России народ живет в деревнях, их легко объединить в колхоз. А у вас дома разбросаны далеко друг от друга, и никак в деревню не объединишь». Литовец слова его перевел хозяйке, та заулыбалась, принесла ему масла и сала.

Вышли от литовцев довольные обедом и беседой. Михеенков начал даже передо мной хвастаться тем, что насчет колхозов он точно попал в точку, за что и получил сало и масло. «Но это же обман», — говорю ему. Он мне сказал, что насчет колхозов мы оба ничего не знаем, этот вопрос будут решать сами литовцы. «Тогда и надо было так сказать», — продолжал я. Он мне ответил, что в данный момент он за этот ответ не получил бы ни масла, ни сала. Посмеялись и пошли дальше, не сознавая до конца, что являемся вооруженными представителями великой Страны Советов.

Неман

Вернулся в обоз охранять знамя. Шел босиком, обмотав портянкой мозоленную ногу. Сообщили, что наши передовые части дивизии уже форсировали реку Неман, на ее восточном берегу заняли плацдарм, а мы, обозники, бесстыдно отстали. Темп марша так усилили, что лошади не выдерживали, им стали помогать люди. Я снял знамя с повозки, положил на плечо, прибавил шаг. Стемнело, команда: «Привал». В один момент все остановилось и заснуло: и лошади, и люди. Меня разбудил незнакомый лейтенант, когда уже рассвело, и сказал, чтобы я не спал, стоя в обнимку со знаменем, а пошел к своей бричке и лег на землю. В это же время подали команду «воздух», и в полминуты люди и лошади укрылись в лесу. Так рано немецкая авиация делала налет на построенный саперами мост через Неман. Выходит, догнали свои боевые части и снова надо воевать. Налеты на мост делала авиация по несколько раз в день. Мне думалось

о том, сколько же еще осталось там живых немцев? Откуда они берутся? Бьем, берем в плен, а они опять остановили нас, да еще столько много самолетов посылают бомбить мост!

На другой день меня послали связным к майору, дивизионному инженеру. Командный пункт по переправе частей на ту сторону, на наш плацдарм, находится на восточном берегу реки Неман, в месте, где река делает поворот течения 90° — с южного течения на западное.

Поэтому были хорошо видны обе переправы: слева — по мосту, справа — паромом. Паром немцы не видели и бомбили только мост. Ночью саперы восстановят его — рано утром самолеты повредят, и в этом наши зенитчики недостаточно мешали им. Один налет был особенно большой и на мост, и на зенитную батарею. Дом, у которого стояла зенитная батарея, загорелся, поврежденная часть моста провисла, не оторвалась и поплыла, как раньше. В связи с этим майор послал меня на мост сосчитать, сколько пролетов выбило, и посмотреть, будет ли пожар мешать переправе.

Преодолев балки и овраги, вбежал на мост, сосчитал три выбитых пролета и повернулся лицом к горевшему дому, но увидел из-за леса низко летевший немецкий самолет, оторвавшуюся от него бомбу и машинально попятился от нее. К счастью, разорвалась она, не долетев до моста 2–3 метров, в воде взрывной волной просевшие пролеты оторвались и поплыли, а я упал в воду. Хлебнув Неманской воды, опомнился, перевернулся головой вверх, всплыл, ухватился руками за бревно и поплыл вниз по течению вместе с оторвавшимися пролетами моста. Быстрое течение на повороте подогнало обломки к правому берегу, ногами я нащупал дно, с силой оторвался от бревен и вышел на берег почти напротив командного пункта. Майор же махнул рукой, дескать, докладывать не надо, он все видел, сушись.

Вечером мост исправили, остатки тылов дивизии перешли на западный берег на плацдарм. Через два дня приехала санитарная часть, на берегу Немана раскинула палатки и устроила всем нам баню. Ничего хорошего, конечно, нет в той бане: вода холодная, торчит самолет-разведчик — та самая ненавистная «рама». В случае налета неизвестно, где спастись. Но все-таки помылись, освежились, сменили белье и отдохнули. А еще через два дня почти всем взводом под руководством старшего сержанта Пикалина и сержанта Жгилева ходили в трудную разведку для выяснения, сплошная или не сплошная оборона противника на данном участке, где намечалось наступление наших войск.

Получив разрешение от комбата пехотного батальона на переход через передний край, вышли на рубеж поиска и определения переднего края врага. Задача усложнялась тем, что местность была ровная, стеной стояла неубранная рожь; густая ночная тьма мешала визуально определять линию обороны противника. Поочередно выходили из траншеи укрытия на чистое место и, стоя, пытались засечь места стрельбы пулеметов и винтовок. Мешала все та же ровная местность и очень высокая рожь, да вдобавок не очень хотелось запросто получить шальную пулю. И еще вызывало недоумение необычное поведение немцев: не бросали ракет освещения и не палили из пулеметов. Оставалось единственное — уши. Постепенно ползком по ржи стали продвигаться вперед и слушать. С каждой сотней метров напряжение наших нервов нарастало: через рожь, в

этой тьме, нужно было услышать или увидеть местонахождение врага, попутно установить, есть ли мины против пехоты и танков.

Наконец определили, что сплошной траншейной обороны у противника нет, огонь ведется из опорных пунктов, мин на нашем пути тоже не было. Задача выполнена, надо возвращаться. В это время из глубины нашей обороны, сзади нас, раздались непонятные незнакомые звуки. Все насторожились, а я вздрогнул. Через секунду над всем полем громко заиграла музыка и полилась наша родная песня «Катюша». Прослушивать противника нам уже помешали, а надо еще тихо и незамеченными вернуться к своим, перейти всю нейтральную полосу. Кто-то вслух, но тихо выругался: «Вот придумали некстати!»

Зато домой мы шагали под музыку, весело, а я даже позволил себе от души хохотать над тем, что первые звуки радио принял за черт знает что.... Оказывается, это агитмашина решила просветить фашистов насчет его положения и советовала образумиться. На суку березы разглядели динамик, а невдалеке автофургон. Не знаю, как агитация и песня подействовали на немца, а нам и солдатам на передовой очень понравилось. Подошли к фургону, увидели четырех человек: двух мужчин и двух женщин. Одна из женщин что-то говорила в микрофон на немецком языке. Оказывается, и таким оружием воевать можно. Немного позже позавидовали тем двум мужчинам. А бывший, списанный с кухни повар Сурков заметил, что их надо бы тоже заменить бабами и послать к нам на пополнение. Все понимающе улыбнулись, ехидно пожалели Суркова, а придя к своим со спокойной совестью и с хорошим душевным настроением, улеглись спать. Вот что значит Катюша-женщина наяву, Катюша в песне и «катыша» — установка с 16 снарядами!

Наутро оборона неприятеля была сравнительно легко прорвана. Опять начались изнурительные пешие переходы в полный теперь уже августовский день. И Литовская земля показалась большой.

К концу августа продвинулись к границе Германии, остановились у самых ворот Восточной Пруссии, не смогли одолеть всего 10 километров. Замыслы командования мы не знали и продолжали делать свое солдатское дело. С Михеенковым находились в суточном наряде на передовой, а когда вернулись в свою часть, то никого из своих не обнаружили. Чужие нам объяснили, что их часть сменила нашу, мы должны ее догонять в тылу. К нам присоединился еще один отставший связист. Втроем отправились на поиски наших. С фронта в тыл идти легче, особенно таким партизанским способом. Шли неторопливо, весело разговаривая, вспоминая обстоятельства фронтовой жизни и переделки, в которых оказывались по своей глупости...

К 12 часам дня мы почувствовали, что мы уже сутки ничего не ели. Солнце палит. Стали смотреть по сторонам и определять, в какое хозяйство литовца зайти и попросить поесть. Сунулись к богатому на вид, отступили: все кругом огорожено, людей нигде нет, по двору носятся около пяти злощих кобелей. Решили, что у такого хозяина не то что хлеба, воды не выпросить. Стали искать двор победнее. Вскоре увидели старый дом на шесть окон, двор ветхий, около корова на веревке пасется. С опаской подошли. Навстречу вышла очень пожилая женщина и на чистейшем русском языке поздоровалась с нами, пригласила в дом, усадила за длинный деревянный стол без скатерти, объяснила, что тут

живут монашки русской православной церкви, имеют небольшой участок земли и немного скота. Другие монашки с нами не разговаривали, но проворно накрыли стол всем, что можно было вырастить на земле к концу августа. Стало как-то не по себе за такое внимание к нам. Мы стали говорить, что нам нужно немного покушать и все, не надо так беспокоиться. Нас подбадривала наша уже знакомая, благожелательная монашка: «Ешьте на здоровье, что Бог послал!». При таком отношении пища в горле не застревает.

Пообедали добре. На прощание нам задали очень важный вопрос: «Ночью прошло обратно на восток очень много русских войск. Что, вы отступаете?» Толком мы и сами не знали, что означает отход нашей дивизии с передовой. Но ответили бодро, что немного устали, нас другие подменили, а нам не грех и отдохнуть. «С богом, отдыхайте, — проводила нас главная монашка, на дорогу прямо с грядки нарвала свежих огурцов, шепотом добавила: — Не отступайте. Вам Господь даровал великую победу над антихристом».

Хотя мы были молоды, во многих вопросах хорошо не разбирались, но насчет «даровой победы» поняли, что бабка здорово заблудилась. Вызвало недоумение упоминание насчет антихриста. Стали рассуждать. В нашей армии не пропагандируется вера во Христа и вообще в Бога. В немецкой армии, наоборот, вера в Христа поддерживается. Стало совсем неясно насчет антихриста. Вспомнили вторую мировую войну. В обеих армиях верили в одну и ту же мифическую фигуру Христа.

Посылая в бой русских солдат, русский поп просил у Христа победы, то же самое делал немецкий, прося той же победы у того же Христа. Чертовщина получается. В этом вопросе мы уже разбирались. А вот солдатам той войны, Ленину и его партии долго пришлось этот и другие вопросы растолковывать, что капиталист, собственник, буржуй — вот кто виновник войны. «А в этой войне — еще фашист,» — добавил наш новый знакомый связист. Так что спасибо, бабка, за хлеб — соль, а насчет идей и кто делает победу, мы уже сами с усами, понимаем. Да и усы наши уже становились настоящие, жесткие, приходила пора бриться.

Сытный обед и жара заставили нас искать питье. Невдалеке увидели обычный хуторской домик, свернули к нему и за углом нос к носу столкнулись с литовкой, молодой и симпатичной. От неожиданности она вскрикнула, но мы ее успокоили, подошли к колодцу, с помощью «журавля» достали воды, напились и уселись отдохнуть около на широкую толстую деревянную скамью. Михеенков, как всегда, разболтался с литовкой. Она охотно говорила с нами на плохом ломаном русском. Мы спросили, где она научилась говорить по-русски. «О, мы купили два русских Ивана, — говорила она, — на бирже, у немцев, они работали в хозяйстве, и я немного училась ими командовать». — «О, — в свою очередь воскликнули мы, — вот ты какая?! А где они теперь?» Ответила, что убежали, как слышали про нас. Задали ей такой провокационный вопрос: «Теперь у нас много пленных немцев, не хочет ли хозяйка купить для хозяйства их?» — «О да, мне все равно кто, лишь бы работали у меня, — ответила без запинки, без тени смущения». Вдруг она спросила у нас, сколько сейчас времени. Мы все трое, как по команде, повернули головы в сторону солнца. Мы не подозревали, но получилось очень смешно, так как ни у кого из нас не было часов. Литовка просто хохотала в истерике, приговаривая: «О русские, нет часов, нет платков!». Такое

издевательство мы стерпеть не могли, грозно прикрикнули на нее, сказали, что разобьем немца, наделаем часов, наткнем платков, и ушли. Маленькая бабенка, а испортила настроение трем мужикам. Вот, чертовка, не побоялась наших усов и автоматов! Знала, что это место — глубокий тыл и ее никто не тронет.

А мы поплелись дальше на восток и на другой день догнали свои части.

Оказалось, что наша дивизия направлялась в Прибалтику, совершенно на другой фронт. Путь лежал на северо-восток через Литву, Латвию, но уже по освобожденной земле. Наш полувзвод, имея пару лошадей и повозку, шел днем один, по карте сверяя путь и указателями провешивая дорогу для того, чтобы ночью двигавшаяся дивизия знала направление пути. Осень. Начало сентября. В такой должности нам было совсем неплохо. Нет начальства, нет войны, нет спешки, нет усталости. Есть хорошая пища: тушенка, трофейный сахар, хлеб. Накопаем картошки в поле, сварим в ведре, истолчем с тушенкой — вот еда, а чай — с сахаром, вдоволь. В такой обстановке можно воевать.

В садах было много яблок, встречались пасеки пчел, скот на привязи. Видно было, что и климат здесь теплее, и земля плодороднее. Вспомнил свой Урал, нашу злую шутку о нем, что «у нас на Урале растет всякая ягода: и черемуха, и горох...» Очень хотелось яблок. Просили. Нам разрешали потрясти. Вкусная штука — эти яблоки. Думал, почему они не растут у нас. Золота много, а яблок нет.

Вновь пересекли по саперному мосту реку Неман. Здесь он был в три раза шире. Дальше заметно почва изменилась, стала каменистее, чаще попадались болота, леса, жители жили беднее.

Первый Прибалтийский фронт, 43 Армия. На недельный привал остановились в березовом лесочке, растянули свои солдатские палатки. Для начальства пошли тянуть большую штабную черную палатку в саду дома хозяйства латыша. Закончив забивать последний кол, я увидел, как очень серьезные люди: Пикалин, Рогов и Хорошев — небольшими палками что-то сбивали с высокой и старой груши. Рассмотрел, что это были две созревшие груши и, включившись в азарт, схватил длинную тонкую палку и запустил ею в сбиваемый объект. Груши упали и от переспелости рассыпались. Только хотел наклониться собрать разбившиеся плоды, как меня сзади рукой остановил комбат майор Шашлов и громко объявил: «За уничтожение двух семенных груш объявляю пять суток ареста!» Вот те раз! Кто знал, что они семенные?! Оглянулся. Но опытных серьезных моих товарищей и след простыл.

Война в Прибалтике велась несколько в иных условиях. Поэтому прибывшие сюда части проходили дополнительные тренировочные занятия, а наш батальон строил им инженерные препятствия. Возвращались наши поздно, усталые, голодные, и злились на меня за то, что вместо наказания у меня был отдых. Сидел я около часового, меня хорошо кормили, на ночь дополнительно давали шинели, а днем от яркого солнца спасался под мостиком. На третьи сутки майор Шашлов разбудил меня, велел вылезти из-под мостика и объявил, что арест снимает, так как пришло сообщение о награждении меня орденом «Славы» III степени.

Вскоре началось наступление. Меня направили в распоряжение инженера корпуса. Там оказалась целая группа из других дивизий, дали нам нового

лейтенанта, три пароконные повозки со всем саперным имуществом с задачей обеспечить блиндажами, укрытиями и предохранить от минных диверсий со стороны врага.

Тяжелые бои в сложных условиях. До Риги 22 километра. Улеглись опять на сеновал уцелевшего хозяйства латыша. Бесперывно гудят ночные бомбардировщики с обеих сторон, вешают фонари освещения, ухают разрывы бомб, по ним бьют зенитки, их снаряды рвутся вспышками дальше над Ригой, прожектора, скрещиваясь, ищут ночных бомбардировщиков. Отличаю: наш прожектор светит лучом более широким, но чуть рассеянным, немецкий — тонким, более ярким. Снизу плывут трассы разноцветных пуль. Не верится, что так медленно плывет пуля. Одни огни плывут к земле, другие в небо, прожектора... Вот картина для хорошего праздника, а тут все огни хотят поймать и убить человека.

Смена стоянки штаба. Идем быстро вперед, на север, подготовить и оборудовать новое место для КП. Лес. Промелькнули палатки санбата, видны забинтованные раненые, некоторые из них сидят около деревьев. Через час езды въехали на небольшую поляну, посреди которой стоял не сгоревший полностью сарай. Обед. Лошадей рассупонили, дали сена. Сами зашли в сарай и сели около котелка с недоеденной ранее гороховой кашей. Я взял в руки ложку и откусил от куска хлеба, но в это время послышалось дикое ржание лошадей, пулеметный треск, разрывы. Выскочил из сарая, увидел налет четырех немецких самолетов и рванул к лесу. Сзади меня догнал еще один из наших, упал и сказал, чтобы я посмотрел у него правый бок. Разорвав гимнастерку, увидел белые кости ребер, достал пакет, но его хватило только на три оборота. Кровь с воздухом пузырится, выливается. Сказал ему, чтобы он полежал, а сам побежал к сараю за подмогой. Там оказалось, что лошади все убиты, убиты еще трое солдат, одна раненая лошадь кое-как повезла раненых людей в санбат. За повозкой, опираясь на винтовку, прихрамывал раненный в пятку сам лейтенант. В один момент не стало саперного взвода с его хозяйством.

Вернулся к своему раненому, не зная, чем ему помочь. Метров с двадцати, с опушки леса, услышал голос: «Иди сюда». Я подошел и увидел солдата. Очень молодой, без усов, сидел на снарядном ящике и курил. Сказал с усмешкой: «Какой же черт понес вас наперед пехоты прямо к немцам!» Я ему ответил, что если он все видел, почему нас не остановил. Тогда он мне сказал, что толком сам не знает, рассказал, что метрах в двухстах от него окопалось не больше сотни наших пехотинцев, да он один от всей батареи сорокапятимиллиметровых пушек с одной невредимой пушкой и десятью оставшимися снарядами держал оборону. «Бери, — говорит, — мою Екатерину Ивановну и отвези раненого. Сыро тут, песок, толкового окопа не выкопаешь и лошадь не спрячешь. Отвезешь раненого, лошадь верни, а то нечем будет тянуть пушку».

Сколько прошло времени, пока я возил в санбат раненого, не знаю. Но когда вернулся, около пушки стояло человек пять пехотинцев, а мой хороший знакомый на коленях, как-то неудобно повалился вперед между колесом и щитком пушки. Я понял, что он убит. Пересчитал валявшиеся гильзы, их было десять.

Пехотинцы показали рукой на подбитый «тигр» — танк. Подошли к нему. Вот громадина! Порвана гусеница, пробоина в борту между траками. «Молодец, Иван, — сказал подошедший к «тигру» сержант-пехотинец. — «Тигру» остановил

и немцев прижал к земле. Полная победа на данном участке фронта!» Взяли нашего Ивана на руки, принесли к убитым саперам и похоронили в одной могиле. Партбилет и красноармейскую книжку Ивана-артиллериста передали лейтенанту подошедшего пополнения. Они двинулись вперед добивать врага. Я стоял и думал: «Иван — настоящий большевик!»

Вспомнил свой взвод и товарищей с партбилетами. Они казались мне людьми авторитетными. Во всем взводе царил дух товарищества. Я ни разу не слышал громких, резких команд, выкриков, понукания. Стоя в одиночестве у солдатской свежей безымянной могилы, почувствовал тягу к ним, как к родным, и пошел разыскивать их.

Долго шел, блуждая в лесах и среди других воинских частей. Наконец услышал слово «семидесятая», значит наша, моя дивизия. Быстро нашел свой 64-й батальон саперов и совсем родной свой взвод разведчиков.

Государственная граница СССР

Нас повернули назад, на юго-запад. Утром, на рассвете, прошли город Шауляй, повернули на северо-запад, углубились в дремучий еловый лес, заняли оборону, сменив какую-то часть.

Был уже месяц октябрь. Через два дня обнаружили, что немец здесь нас не ждал и при небольшом нажиме отошел. Снова двинулись без остановок более ста километров и наконец увидели красный шелковый знамя-стяг на большом столбе и надпись: «Граница СССР». Подошли ближе и стали с волнением рассматривать то место, которое названо границей. Стояли указатели на немецком языке, а рядом — на русском: на Мемель, на Кенигсберг. Вот она та земля, откуда на нас навалилась германская орда. Сама земля и местность не вызывали в моей душе неприязни, а вот люди, принадлежащие к немецкой нации, не давали моим мыслям покоя. Я плохо знал историю нашей Родины, припомнил события, когда русским приходилось пересекать границу Германии. Но то по книге. Сейчас это делаю сам в качестве носителя возмездия за совершенные этой нацией преступления. Не мстить, а наказывать тех, кто вдохновил и развязал эту войну, обманул целый германский народ. Даже в таком положении они продолжали сражаться за своего фюрера. Думал о немцах: были у них свои хорошие немцы Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Почему же они послушались какого-то проходимца — австрийца Адольфа Гитлера и его шайку — партию нацистов? Почему убили Карла Либкнехта, Розу Люксембург и Эрнста Тельмана?

Взятые в плен орут: «Гитлер капут!» Еще не взятые: «Хайль Гитлер!»

Для решения этих и других вопросов моя семидесятая дивизия (и я вместе с ней) пересекла государственную границу СССР и вступила на территорию врага.

От раздумий очнулся из-за громкой песни о том, что «теща виновата». Лихо, с песней, на полном ходу пересекла границу артиллерийская часть. Мужские голоса хорошо дополняли женские. Пели с азартом, растягивая «тещу» до предела голоса и дополняя бесконечными присказками. Следом прошли 12 «катюш» — машин в «голом» виде с подвешенными снарядами без брезентов. За ними двинулись тяжелые тягачи и тащили пушки, которые я раньше никогда не видел. Крепостные. Ого, вот это техника!

Улеглась пыль, двинулся к своим. Около палатки на пеньке сидел Мишка Рогов. Подошел к нему и расслышал, что он шутит через стенку палатки с девушками. Продолжая наговаривать им что-то смешное, просил меня подтвердить, что он до сих пор неженатый и готов влюбиться в первую, которая выйдет из палатки одна. На щите, недалеко от палатки, красовалась надпись: «Взвод охраны госграницы СССР». Я показал Рогову на надпись. Он притворно тяжело вздохнул: «Ох эти женщины, женщины! До чего дошло, что они не стали доверять охрану мужикам, боятся, как бы мы не проспали границу, как в 1941 году!»

Уходим от девчат с чувством, как будто по злой воле у нас сорвалось свидание с девчонками. Душевно трудно стало шагать по чужой земле. Ни с того ни с сего стал надоедать автомат, у ворота отлетела пуговка. У Рогова лопнул брючный ремень, оторвалась подметка на сапоге. Отошли в сторонку, сели передохнуть и поправить амуницию. Мы сели, и наши части устроили привал. Видно, ни одним нам стало невозможно идти по чужой земле!

К вечеру нашу семидесятую повернули лицом строго на север. Разведчиков снова послали вперед. Шли осторожно, по двое, держа автоматы на боевом взводе. Вышли к реке, один пролет моста торчал в воде, два других были целые. Надо было переправлять дивизию на тот, вражеский северный берег, на Мемель.

Отыскивали рядом с мостом хороший, с твердым дном брод. За ночь переправили не только свою дивизию, но и другие части. Без труда прошли танки, другая техника и обозы. Когда рассветало, переправа частей закончилась, появившиеся высоко в небе пять немецких самолетов ничем уже помешать нам не могли. Вообще очень заметно было, что авиации у противника было мало. Она появлялась редко, малыми группами, высоко или пролетала очень низко, воровски. Сами мы перешли реку, на том берегу оделись, позавтракали сухим пайком, запили водой из реки, только что имевшей для нас значение как форсированный водный рубеж. Дивизионный инженер достал карту, по которой узнали, что зовут ту реку Минией. На указателях сохранились немецкие дорожные знаки, и мы прочли: Memel — 17 км. Так впервые в своей жизни я стал участником освобождения крупного портового города на Балтийском побережье — Клайпеды.

15 октября 1944 года. Рано утром меня вызвали в штаб батальона, где лейтенант Лебедев и майор Шашлов поручили ответственное задание: во время наступления быть связным у дивизионного инженера.

День начинался в приподнятом настроении. Когда готовится большое наступление, солдат это чувствует. Даже взошедшее яркое солнце готовилось помогать нам: оно светило и ослепляло глаза врагу.

Командный пункт наступающих войск размещался в блиндаже за южной стороной кирпичного хуторского дома. Доложив о своем прибытии дивинженеру, отошел к деревянному сараю — сеновалу, уселся в тень и стал рассматривать все, что делается вокруг. Хозяин этого удельного хутора, видимо, жил исправно. Кто он: немец или литовец? Из-за этого Клайпедского-Мемельского района шла вражда между немцами и литовцами. Сегодня нам надо положить конец этому спору, помочь малому народу восстановить справедливость. Недалеко от меня сидела довольно большая группа штабных офицеров и о цели наступления рассуждала несколько иначе, чем думал я. Прислушался. Оказалось, взятием Клайпеды решались сразу несколько важных стратегических задач, две

из которых я уловил: полностью окружаем Курляндскую группу противника и создаем условия для штурма Кенигсберга. Оживленный разговор у них прервался, потому что прибыл генерал, они быстро разошлись по своим местам. Тут же от танковой части подъехал для связи офицер. Обратил внимание на необычный танк: выкрашен черно-серой краской, гусеницы узкие, башня высоко, пушка короткая. Сразу понял: чужая машина.

Подошли и другие. Стали удивляться несуразнице конструкции этой штуковины. Офицер объяснил, что это хозяйство присылает Черчилль, у них радиоборудование неплохое, и их больше используют для связи. А в бою — это не танк, а мишень, никакого сравнения с нашими.

В двадцати шагах от меня находился бетонный склад-хранилище. Пошел посмотреть, зачем наш брат туда набился битком. В четырех местах виднелись стереотрубы, перископы, на гвоздях висели бинокли. Около них сидели, лежали солдаты, сержанты, лейтенанты. Понял, что это посты корректировки артиллерийского огня. В самом углу отдельной группой сидели три молоденьких женщины-сержанта и с ними очень молодой лейтенант, насильно отрастивший пушок-усы. Сидели они за столом, о чем-то негромко смеялись. Артиллеристы шутя называли его Иван-Катюшей, со смыслом завидовали ему, обещали для его детей в том доме открыть детсад. Кое-как уразумел, что девушки со своим командиром представляли собой командный пункт управления огнем отдельно от артчасти реактивных установок. Вот тебе и Катюши с Иваном! Или лучше Иван с Катюшами!

Ближе ко времени наступления сразу смолкли и шутки, и смех, люди заняли свои боевые места, повернулись лицом на север, к неприятелю, задвигались оптические приборы; наступила боевая тишина. Лейтенант Иван-Катюша (такое ласковое прозвище к нему очень подходило) сосредоточился у стереотрубы, девушки за столом развернули планшеты и стали что-то быстро считать. Один я испытывал неопределенное положение и ушел на свое прежнее место к деревянному сараю.

Почувствовал нарастание гула. Повернув голову на юг, в лучах солнца увидел большую группу наших самолетов-бомбардировщиков, и тотчас ударила наша артиллерия. Начался этап наступления — бомбовоартиллерийский удар. При появлении второго эшелона бомбардировщиков ударили «катюши» и РС. Гул и вой стрелявших орудий усиливался. Танкист на тридцатьчетверке рванул и быстро укатил. Остался на «Черчилле» тот, которому задавали много вопросов о пригодности вот в таком бою глуповато сделанной английской боевой машины. Он подошел ко мне и попросил закурить. Виновато оправдывался я перед ним, говорил, что не курю, а табак отдаю своим ребятам. Он искренне удивился: на войне и не курит. «И не пьешь?» — спросил в упор. — «Да, не могу пить по натуре», — ответил я. Посмотрел на меня сверху вниз и добавил: «Первый раз вижу такого человека в форме разведчика!»

Поднялся аэростат наблюдения. По нему немцы стали бить шрапнелью. Низко, воровски пролетали немецкие самолеты, бомбили мелкими минами и обстреливали из пулеметов. Чтобы не оказаться жертвой пули или осколка, испытывая тошноту от пороховой гари, залез в крытую щель-укрытие, немного погодя, ко мне свалился головой вниз офицер с погонами капитана. Папка с

бумагами разлетелась, лицо бледное, губы дрожат. Опомнившись и увидев меня, с виноватой усмешкой сказал: «Гадкая эта штука — авиация, видишь, как гонится за тобой твоя собственная смерть!»

Тяжкий гул канонады стал стихать. Вылез из укрытия и глазам своим не поверил: на острове врага, насколько охватывал мой глаз, и ввысь, и вширь стояла черно-серая туча дыма и пыли. Отбомбившиеся наши самолеты уже возникали из этой тучи. У одного из них вдруг оторвалось правое крыло, накрываясь на левое, он стал падать, а выше его показалась белая точка парашюта. Приземлится ему было некуда, кроме территории врага. Тревожно стало на душе за судьбу того летчика: свой, наш, советский, хотя и лично незнакомый мне. Еще немного, еще чуть-чуть, и ушел бы он из ада огня, еще малость, и не достал бы его самолет тот фашистский снаряд! Надо же, еще огрызается, гад! Не верилось, что может еще что-то живое быть там после такого огня, который велся из всех видов орудий с нашей стороны. Такое я видел впервые и в душе надеялся на победу.

Но я не генерал. Я самый что ни на есть рядовой солдат. Не берусь судить, почему в том бою не была одержана победа, хотя людей, техники и огня было много.

Молча, забрав свои приборы, разошлись артакорректировщики, угнал танкист на «Черчилле», спустился и уехал аэростат, уехал генерал и весь штаб. Остался один и, не найдя своего дивинженера, вернулся в свой взвод.

Тяжелое ранение

Вечером того же дня, точнее в 21.00 час, я, Михаил Михеенков и Николай Шесминцев были направлены на передний край нашей днем остановившейся в немецкой траншее пехоты. Сейчас не могу вспомнить, какая задача нам ставилась. Не помню, что произошло.

Сознание приходило медленно, с трудом стал вспоминать, кто я и где я. Никакой боли нигде не ощущал. Кое-как добрался до той мысли, что я солдат и нахожусь на войне. Ухватившись за эту мысль, стал припоминать, как шли к переднему краю, артобстрел, а дальше — нет ничего. Пустота. Пошевелил ногами, затем руками: вроде целые. Поднял правую руку и стал ощупывать себя. На левой руке и на груди нашупал бинт, по нему стал ощупывать дальше. От шеи и дальше вся голова была в сплошном бинте с толстой накладкой ваты. Стало страшно — лицо? В это время кто-то взял мою правую руку и крикнул: «Живой? Я — Мишка Рогов, твой друг! Пришел узнать, как у тебя дела?» Я заволновался, рукой показал на лицо, пожаловался другу, что меня так неудобно ранило в лицо. Рогов заговорил резко и быстро: «Ерунда, все заживет, и девки не побрезгуют. Они знают, что на войне либо убивают, либо калечат. Нам еще неизвестно, что будет. До Берлина еще очень далеко. Вы напоролись на немецкую противотанковую мину, нашему Макаренко обе ноги оторвало, он вот рядом лежит с тобой. Николая Шесминцева сложили в мешок и схоронили.

Сейчас вас будут грузить и отправлять в далекий тыл. Я сам тебя положу на машину». Я опять потерял сознание.

Устойчивое сознание вернулось ко мне в Даугавпилсе в дни праздника Октябрьской революции. Подошла ко мне медсестра и предложила выпить лекарство. Одной рукой приподняла мою голову, а другой рукой поднесла кружку.

Я тут же задохнулся, оттолкнул рукой кружку, она у нее из рук выпала. Все пролилось. Я упал на подушку. Замахал руками: это же водка, я и так не имею чем дышать!

Поняв свою оплошность и извиняясь передо мной, подъехала к моей кровати на какой-то телеге, увезла меня в операционную, разбинтовала. Я спросил, что у меня там видно? Говорил я не очень ясно, одним языком. Она вздохнула очень глубоко, затем сказала, что видит много выступивших осколков, очень мелких и большинство медных. И принялась их тихонько вытаскивать. Вошел мужчина, врач, приветливым голосом спросил, как у меня обстановка с глазами. Глаза. Я почему-то о них не подумал. Вдруг врач спросил меня: «Видишь?» — «Нет», — ответил я. Открыл другой глаз и опять спросил, вижу ли я? Я и другим ничего не видел. Было просто темно, и я не различал разницы, когда глаза открывали и когда — закрывали. Последовало распоряжение — влить ему крови.

Так потянулись госпитальные пересылочные дни. Через Москву эвакуопоездом привезли в город Тамбов и поместили в глазное отделение большого госпиталя. Здесь начался у меня тяжелый воспалительный процесс: от попавшей взрывчатки все пораженные места почернели, вздулись. Теперь уже болело все. Мало ощущал, что я есть живое существо, что нужно терпеть телесные боли, и не представлял себе саму жизнь.

В начале марта 1945 года кризис прошел. Мне сообщили, что поставили в известность моих родителей, прочитали полученные из дома письма. Появился аппетит. Назначили дополнительное питание. Ожил. Дело пошло на поправку. Легкая повязка была только на глазах, они по-прежнему не видели, а света боялись. Как только зажгут свет в палате, сразу невидимые лучи ударяют по мозгам и я падаю лицом вниз в ватную подушку и так лежу весь вечер.

Палата была огромная. В ней лежало 150 человек, и тяжело больные, и выздоравливающие. Целый день стоял шум: кто смеялся, кто плакал, кого трясло, а кто с кем-то спорил. Я лежал с украинцем вдвоем на одном топчане. Каждый день приходила женщина с разогретым парафином и накладывала его мне на лицо для смягчения рубцов. Затем стала приходиться старушка учить грамоте для слепых. Узнал, что сию премудрость изобрел слепой француз Брайль.

16 апреля, в день моего рождения, меня положили на операционный стол делать пластическую операцию. Надо было зашить веко правого глаза и наложить, выражаясь медязыком, трансплантат на левый. Проще — содрать кожу на левой руке и пришить ее вместо века.

Первый раз в жизни люди резали меня с благородной целью: надо было прикрыть глаза и придать лицу более или менее нормальный вид. В обоих случаях нужна тонкая работа специалиста. Делал операцию хирург-мужчина. Он все время молчал. Ему помогала наша палатная врач. Она много говорила, и в каждом слове у нее получалось по 3—4 буквы «Р». Тонким голоском иногда попискивала медсестра.

Кроили, примеряли, обсуждали. Ранило в один миг, а душу тянут целый день. Слышал, как ребята хвастались тем, что во время операции ругают врачей матом. Когда стали с руки сдирать шкуру, не выдержал и тоже выпалил трехэтажный. Вначале была пауза. Затем буква «Р» стала меня стыдить, затем упрекать, что вот-де мы стараемся, и ты нас так благодаришь...

Душа моя забыла про боль, вся устыдилась, тройной пот выступил. Не поверил тем, кто хвалился своим ухарством на операционном столе. После этого врачей никогда не ругал и очень уважал их.

В день Победы, 9 Мая, впервые ощутил себя в положении инвалида. Радость от того, что остался живым, и тут же охватила печаль: как жить с посторонней помощью? Сосед по койке, сибиряк Иван Дятлов, у которого пуля сидела между черепом и мозговой оболочкой, стал меня убеждать в том, что мое положение лучше, чем у тех шести. Эти шестеро лежали всегда тихо, ничего никогда не просили, ничем не возмущались. Как ухитрилась война отнять у них ноги, руки и глаза одновременно, трудно осознать. Из шестерых одного взяла домой мать, от остальных родственники отказались и их готовили в дом инвалидов.

В свои девятнадцать лет пришлось размышлять о многом и с тревогой думать о своей будущей жизни. Кому досталась наша победа, кто будет пользоваться ее плодами? Оценят ли люди наш труд, наши отданные за нее жизнь и здоровье? Наконец, как будут относиться ко мне, к моему тяжкому увечью? Помогут ли словом и делом в трудный час, тяжкую минуту? Как жить и пережить свое личное горе?..

Домой сопровождала меня медсестра Тамара Крупякова. В Свердловске трамваем доехали до остановки Лесная, сошли и сразу очутились в сосновом бору. Разулись. Босиком в июле месяце ходить — одно удовольствие.

Говорю Тамаре, какие предметы должны встречаться на нашем пути, а она по ним определяет дорогу. Прошли мимо опустевших землянок, где проходил предфронттовую подготовку. Миновали расположение бывшего 55 женского полка связисток. Где они теперь, наши соседки по военной службе?

Дальше шли полем, затем через плотину пруда, а еще через два километра я вошел в свой родной дом.

Через несколько минут прибежали мои младшие братишки, затем пришли отец, мать, сестры и соседи. Все-таки живой, вернулся!

ГЛАДИЛИНА ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

Родилась в 1922 году на Украине в г. Черкассы Полтавской области в очень красивом месте. Закончила там семилетку в сельской школе на «отлично», затем в 1940 году — медицинское училище. Поехала работать в очень хорошую больницу при большом сахарном заводе. Там давали нам сахар по 5 копеек за килограмм, бери, сколько хочешь.

Проработала там 11 месяцев. Потом я поехала в отпуск домой. А по дороге думаю — что же это такое: железная дорога, идет паровоз, вагоны закрыты зеленой маскировочной тканью, а раньше такого не было. Приехала, брат у меня женился, свадьба только закончилась, я на нее опоздала. Услышала по радио, что всем, кто находится в отпуске, необходимо явиться на место работы. Дома находились два брата в отпуске и я. Мы получили по телеграмме. Я свою телеграмму спрятала, пока братьев не отправила, а потом показала ее маме. Мама в

обмороке лежит. Мобилизация. Если бы это показали в кино, страшно смотреть было бы. Один человек идет, а за ним следом родные идут и плачут таким криком, что не знаешь, куда деваться. Началась война. Я простилась с мамой. Она повела меня в одно место, отпечатки моих ног зафиксировала на земле. Простились мы с ней.

Приехала я на работу, больница закрыта. Врач ведь всех отпустил в отпуск, а в здании должны были сделать ремонт. Местных девушек всех уже забрали, я позже приехала, потому что в отпуске была. Бомбили город Умань, разбомбили госпиталь, все там погибли в первый же день. Я приехала, пошла к той хозяйке, у которой была на квартире. Переделалась. Говорю хозяйке: «Давай спрячем в яму все, что у нас есть. А то мне

завтра идти на комиссию, может быть, что-нибудь сохранится». Так и сделали. Спрятали. Немцы потом все нашли и забрали. Я пришла на комиссию, а там как раз работает мой врач и говорит:

— Галя, вот так ты и отдохнула.

Там уже сидело 15 медиков. Нас всех посадили в машину. Поехали на военную товарную базу. Всех нас там одели: красивые юбки дали, гимнастерки, сапоги, сумки, набитые всем, чем можно перевязывать. Из медикаментов был только стрептоцид, в основном, — бинты. Хорошо нас одели, затем расселили по частным домам.

Я попала в минерную роту, мы там нужны были на случай, если кто-то вдруг подорвется. На следующий день с минерами я отправилась на задание — там какое-то поле нужно было минировать. Они положили мины. Все обошлось благополучно. Это было летом. Мы расположились в лесу. Никакого помещения не было. Их было человек 20, и я с ними. Времени прошло совсем мало.

Немцы начали теснить наши войска, которые отступили с боями до Умани. Нам дали санитарную машину и сказали — вот вам план, надо ехать в деревню подбирать раненых. Мы много раненых собрали, положили их в машину, а сами на подножках, держимся за кабину. Приехали в госпиталь, сдали раненых. Мы хотели ехать снова, но нас начальник не отпустил, сказал: «Становитесь к столам, у меня некому работать». Госпиталь находился в красивом саду, а как много там было раненых! Все лежат, стонут. В саду первую помощь оказывали и потом дальше везли.

Мы, в основном, отступали. Машину у нас отобрали, и я оказалась в пехоте. Днем бой — перестрелка, а ночью — отходим. Вот так мы отходили до самого Днепропетровска. Нам был дан приказ: ни шагу на левый берег Днепра! Бой страшный. Мы на берегу замаскировались. Переправляться не на чем, можно было только по плотине ДнепроГЭСа. Настала наша очередь. Ночью нас затолкали в полуторку стоя, чтобы больше поместилось. И такая была светлая ночь,

Гладилина Г.В. (справа)

до сих пор помню: луна светит, вода блестит, а по сторонам глянешь — что творится на земле! Переправили нас в Павлоград — в военный городок.

Мы находились на левом берегу Днепра. Каждый вечер приходила машина, ее полностью наполняли солдатами, давали одного фельдшера — и на передовую. Весь правый берег еще не захватили немцы. Как-то утром медиков собрали и сказали, что сейчас вы на машинах поедете в город Сталино в Донбасс. Оттуда нас отправили в Челябинск.

В дороге я заболела рожистым воспалением левого колена. Нашу группу медиков далее направили в Свердловск, где я их дождала после лечения. В дороге было следующее приключение. В одном из вещмешков находились наши деньги. Все вещи висели в общем вагоне, и этот мешок с деньгами

тоже. Так вот жулики все вещи «потрясли», разрезали, а этот мешок не тронули. Деньги остались целы.

Мы приехали в Свердловск и сразу направились к начальнику вокзала. Он говорит: «Вот вам адрес. Будете жить в спортзале». Приехали туда. Спортзал был полностью забит людьми. Мы говорим:

— На фронте нет медиков, чтобы оказывать помощь, а тут приходится лежать на этих матрацах. Зачем нас сюда пригнали, интересно? — Мы же были патриоты.

Три дня мы там ночевали, нас прикрепили к столовой военного училища. Там я увидела знакомого из Черкасс, который в прошлом «не давал мне жизни», ухаживал за мной. Мы сели есть, а рядом стоят курсанты. Я говорю подруге:

Настенька, ты пойди и спроси того парня — вас Андрюша зовут? А я буду наблюдать. Это мой бывший кавалер.

Она подошла к нему и спросила. Он в ответ:

— Да, это я.

— Пойдемте, я вас кое с кем познакомлю.

Подошел. Поздоровались. Только за столом мы и увиделись, хотя еще вечером ночевали в этом зале. Утром нам на вокзал, а он не смог нас проводить. Я тогда взяла его адрес, и мы переписывались.

Сидим мы втроем на вокзале в ожидании поезда: Юля, Настенька и я. Все кровь с молоком, любому мужику отпор дадим, а тут идет парень к нам и говорит:

Девушки, вы, наверное, в Уфалей (мы там формировались) едете? — это мой Андрей Семенович подошел.

Я ему говорю:

— Знаете что, научитесь обращаться по старшинству. А потом будем разговаривать.

— Товарищ младший лейтенант, Вы куда едете? Подержите мои гранаты, это были овощи и фрукты.

Я говорю:

— Я держать не буду. /Насте/ — Если ты хочешь, бери. А я не буду держать. Такой, — говорю, — нахал.

Подошел наш поезд, мест нет. Мы с трудом поднялись в вагон и легли на третью полку. Поезд пошел. Идет милиционер. Трогает нас за сапоги: «Ну-ка, вставайте, беглянки». А Настя говорит:

— Знаешь что, я встану и тебя сюда положу. И поедешь туда, куда я еду. Мы едем на фронт.

Он сразу:

— А... Ну, поезжайте, поезжайте.

Когда мы приехали в Уфалей, мороз сильный был, а мы в шинельках. Замерзли страшно. Прибыли в часть, оформились. Смотрю — Гладилин спит на столе. Неужели он? Куда от него денешься!

В Уфалее мы формировались, серьезно готовились, занимались боевой учебой. У меня была задача всех научить самопомощи и взаимопомощи. Был батальон связи — человек триста. И Андрияша там служит. Нас разместили по квартирам. Мы жили у одной женщины, она нам очень хорошо готовила, ухаживала за нами. Мне было некуда деньги девать — нам давали по 1000 рублей, и я ей отправляла по почте. Потом сказала казначею: «Куда хочешь их отправляй, мне они не нужны». В кармане их нельзя держать, а книжек не заводили.

Две недели мы там потренировались, поучились, и уже 3 декабря мы наступали под Москвой. Перешли канал имени Москвы, снег был выше колен. Я согласилась не на теплый полушубок, а на телогрейку с жилетом-безрукавкой. У меня был помощник, потому что если раненый упадет, то его одна не повернешь. Мы стремительно гнали немцев. Немцы отступали полураздетые, в платках шли, на ногах непонятно что.

Раненых было много. Всем помочь не успевали, поэтому некоторые раненые ползли в медсанбат сами, чтобы не замерзнуть. Не все тогда было хорошо организовано. Потом стало лучше.

Самое страшное воспоминание о боях под Клином. Я и сейчас могу проснуться от ужаса. Нас послали в Клин посмотреть, нет ли среди убитых раненых. Нас было пять человек, и когда мы подошли, то увидели, что тела лежат штабелями в полтора метра высотой, трупы — и наших бойцов, и немецких. По ним, видимо, прошла техника, на них было жутко смотреть. Мы всех обошли, но живых никого не было, о чем мы и доложили.

Нас из Клина сразу забрали, потому что мы очень большие потери понесли, и отправили в Калугу в 47 бригаду. Мы там формировались две недели, а потом нас перевели на Северо-Западный фронт. Там были бои за боями. Раненых было много — только таскай.

Помню, в Белоруссии полки 70 с.д. пошли в бой. Солдаты 68 с.п. организовали нам большую палатку — на восемь столов. Нас было двенадцать медицинских работников. Трое суток шли непрерывные бои. Мы не могли отойти от раненых; когда нужно было поесть, то заходил санитар, давал нам несколько

ложек еды, а когда валились с ног от усталости, то падали на матрац на 15 минут, и все. За трое суток мы помогли тысячам раненых.

Как жаль, что раньше не было крепкого сигнала, о том, что всем ветеранам нужно оставить подробные воспоминания о войне.

ЕГОРОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

13.12.1924 года рождения. С 10 ноября 1942 года курсант 2-го Ленинградского пехотного училища.

Воевал в 227 а.п. 70 с.д. с апреля 1943 года до конца войны в должности зам. ком. взвода, зав. делопроизводством артснабжения дивизии. Звание — сержант.

Награжден орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны» II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

В 1942 году я проходил учебу во втором Ленинградском пехотном училище в городе Глазове. В апреле 1943 года нас, курсантов училища, присвоив звания сержантов, направили в формируемую 70 с.д. Меня

назначили командиром отделения, затем помощником командира взвода, командиром взвода. Когда пришло оружие, меня с группой бойцов направили на склад для его разборки, очистки от масла. Мы готовили к отправке на передовую оружейные патроны, винтовки, снаряды, мины 82-х и 120-ти мм, которые весили по 48 кг один ящик.

Мне часто приходилось ходить с донесениями в управление дивизии за четыре километра. Уходил в сумерках, а возвращался на склад поздно ночью, когда было сложно ориентироваться.

На артскладе нас было 12 человек. Мы получали снаряды весом до 47 кг, чистили их, снимали смазку и укладывали в ящики по два снаряда. Снаряды на передовую возили на конных повозках и на машинах ЗИС грузоподъемностью 2,5 тонны. К сожалению, у них была плохая проходимость и они часто ломались. Тогда приходилось переносить снаряды на руках.

Под конец 1944 года мы получили американские «студебеккеры» и «виллисы», стало легче возить снаряды, эти машины были более надежные.

Сколько тонн снарядов перетаскали мы на своих руках на склад, со склада часто под бомбежками и артобстрелами, не знает никто! Так я помогал своей Родине.

Егоров Н.П. (слева)

Это было под Мемелем весной 1945 года. Меня послали с донесением добавить боеприпасов.

Над нами летали немецкие истребители, а наши бомбардировщики возвращались с бомбежки Кенигсберга. Начался воздушный бой.

Наши самолеты зашли в круг по четыре, «мессершмитты» летали вокруг них, стараясь попасть в хвост. Но у них ничего не получалось. Этот боевой

эпизод был очень интересен. Потерь ни у кого не было. «Мессершмитты» улетели, наши тоже.

ЛАКОМКИН ФЕДОР НИКИТОВИЧ

12.05.1916 года рождения, место жительства: г. Бугульма.

Воевал с 1941 года по 14 апреля 1945 года в 94 отдельном истребительном противотанковом дивизионе 70 с.д. в должности старшего оружейного мастера, звание — старшина. Был тяжело ранен.

Награжден орденом «Красная Звезда», медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Нами была взята важная высота на подходе к городу Клайпеда. На другой день фашисты пошли в наступление при поддержке артиллерии. Одна наша батарея была установлена на этой высоте. Снарядами противника оружейный расчет был выведен из строя, орудие было повреждено. Под огнем противника я быстро исправил неполадки. Ко мне подбежал комиссар нашего о.и.п.д. Гребенюк Л.С., и мы встали за орудие: я — за наводчика, комиссар был за заряжающего, и один солдат подавал снаряды.

14 апреля 1945 года на подступах к Пилаве я был тяжело ранен в правое бедро, был отправлен в госпиталь, где лечился около семи месяцев.

ОМЕЛЬЧЕНКО ПАВЕЛ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ

05.05.1911 года рождения, место жительства: г. Магнитогорск.

Воевал с 1941 года, с мая 1943 года в отд. 176 автоторе 70 с.д. в должности шофера, командира отделения. Звание в начале войны — рядовой, в конце войны — сержант.

Награжден орденом «Красная Звезда», медалями «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

В сентябре 1944 года ночью я подвез противотанковые мины на нейтральную зону, где немцы готовились к наступлению под г. Волко-Вышки.

В 4 часа утра немцы начали наступление, 6 танков подорвались на моих минах.

В этот день полковник Бельский вручил мне

орден Красной Звезды. Этот день стал самым памятным в моей фронтовой жизни.

РОЩИН НИКОЛАЙ ЕГОРОВИЧ

12.06.1925 года рождения, место жительства: Московская область деревня Поповка.

Воевал в 64 с.б. 70 с.д. с 1944 года. Звание — сержант.

Награжден орденом «Славы», медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

В ночь с 05 на 06 апреля 1945 года при подготовке штурма города-крепости Кенигсберг в непосредственной близости от противника под сильным минометно-пулеметным огнем сделал два прохода в проволочных и минных заграждениях противника, сняв при этом 20 птм и 50 ппм. Благодаря этому наша наступающая пехота и артсамоходы смогли пройти без единого подрыва. Будучи контуженным, смог поднять в воздух проволочные заграждения противника, и в образовавшийся проход ринулись наступающие стрелки и техника.

В ночь с 06 на 07 апреля 1945 года сопровождал артсамоходы до северо-западной окраины города Кенигсберга, сняв по пути 115 штук мин противника. Сопровождаемые артсамоходы были доведены до указанных рубежей без потерь.

Затем до окончательного падения г. Кенигсберга сопровождал боевые порядки пехоты, сняв при этом несколько сотен ппм и другие заграждения противника, чем обеспечил быстрое продвижение с захватом траншей противника на всю их глубину.

За отличное проделывание проходов, умелое сопровождение пехоты и артсамоходов представлен к присвоению звания Героя Советского Союза.

Награжден орденом Боевого Красного Знамени.

ТКАЧЕВА АННА ИВАНОВНА

14.08.1919 года рождения, место жительства: г. Оренбург.

Воевала с ноября 1941 года, в 21 медсанбате 70 с.д. с апреля 1943 года по декабрь 1946 года в должности врача-хирурга, звание — майор медслужбы.

Награждена двумя орденами «Отечественной войны», двумя орденами «Красная Звезда», орденом «Знак Почета», медалями «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

В ноябре 1941 года военврач санроты Аня Ткачева прибыла под Москву в район Яхрома-Солнечногорск-Клин, где шли ожесточенные бои и где она приняла боевое крещение. «Враг рвался к столице, дни и ночи шли сражения, поток раненых не прекращался, — вспоминает она, — врачи, медсестры, санитары трудились без сна и отдыха столько, сколько требовалось для оказания помощи раненым. Иногда сутками приходилось стоять у операционного стола, несмотря на суровую зиму и лютый мороз. И не раз над головой с надрывным ревом разворачивались самолеты со свастикой, и казалось, что все они пикируют на госпиталь и все бомбы летят на нас».

УЛЬЯНОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Родился в 22.07.1924 году, место жительства: г.Троицк Московской области.

В 1942 году направлен в военно-пехотное училище. Воевал с 01 марта 1943 года с 1 декабря 1944г. в 70 с.д. до конца войны. Разведчик, старший сержант. Был дважды ранен.

Награжден орденом «Отечественной войны» II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

«Разведка — глаза и уши армии», — говорил наш командир. Нам, разведчикам-пехотинцам, приходилось часто ходить в ночной поиск в тыл врага в разведку боем. Мое боевое крещение произошло 29 апреля 1943 года. В 23.00 часов группа разведчиков

из 12 человек получила задание взять «языка». Минеры разминировали проход, саперы перерезали три ряда колючей проволоки. Минут 20 мы пережидали, пока скроется луна. Пройдя 800 метров по нейтральной полосе, мы приблизились к переднему краю противника. Очень скрытно, ползком, а затем по траншее мы подобралась к вражеской землянке. Немецкий часовой следил за работой двоих русских. Мы были так близко, что слышали их разговоры: «Ванька, где топор-то?» — «Там, на телеге», — был ответ. Часовой крикнул на них, они замолчали и вскоре ушли. Часовой присел, обняв винтовку. Наши сердца учащенно стучали. Мы рванулись к нему. Он успел заметить нас и выстрелить, подняв тревогу. Мы с Николаем Кожиным оглушили его и потащили по траншее. Десятки немецких ракет взметнулись в воздух и осветили все кругом. Стало светло, как днем. Застучали пулеметы, автоматы, взрывались гранаты. Передав «языка» другим разведчикам, отстреливаясь, мы стали выбираться из траншеи. Я прикрывал отход. Разведчик Валя Стабровский вдруг стал падать обратно прямо на меня. Вытолкнув его, я выскочил из траншеи. Наклонился к нему, он застонал и сказал: «Коля, я ранен, идти не могу. Ребята, не бросайте меня, не оставляйте немцам. Они затерзают меня». Взвалив его на себя, я побежал к проходу в проволочных заграждениях. Он, держась за мою шею так крепко, что мне было трудно дышать, умолял: «Только не бросай меня, Коля». И вдруг: «Ложись, они убьют тебя». — «Нет, — говорю ему. — Отпусти чуть-чуть шею, дай мне подышать и замолчи». А вокруг свистели пули, осколки мин, рядом вспыхивало, взрывалось. Я увидел проход, где нас ждал сапер Ваня Шитов. Понесли раненого вместе. Отойдя метров 100 от переднего края, провалились в темноте в противотанковый ров глубиной до 3 метров. Стали тонуть в холодной воде. Идя по илистому дну, держали Валу на руках. Кое-как выбрались. Промокшие, усталые, двинулись к своим окопам.

Дивизионный ансамбль

Вскоре встретились с разведчиками. Они ждали нас. Пленный уже очнулся и мог идти сам.

Командир разведгруппы дважды выстрелил из ракетницы, взлетели зеленая и красная ракеты. Это был сигнал: отходим, прикройте огнем. Наши минометные и артиллерийские батареи дали мощный залп по немецким позициям, обеспечив нам возможность к рассвету вернуться домой из настоящего ада.

Вскоре из Новосибирского госпиталя от Вали Стабровского на наш взвод пришло письмо: «Ребята, лечусь. Мне перебило обе ноги. Может быть, буду ходить на костылях. Спасибо вам, особенно Ульянову Коле, он вынес меня из боя и спас. Ване Шитову спасибо. Не забывайте. Пишите. Приезжайте в гости ко мне на Алтай». Чуть позже я сам был ранен, и наша связь оборвалась.

Это было в Смоленской области. Немцы отступали, оставляя заслоны. Получив задание взять «языка», мы всю ночь пролежали под проливным дождем, так как немецкий пулемет не давал нам поднять головы. А когда к утру дождь затих, мы бросились с флангов к огневой точке, но было уже поздно — немцы успели уйти. Было обидно.

Утром мы шли по лесной дороге и вдруг дважды услышали: «Кукареку!». Насторожились. Петух в лесу? Посмотрев карту, не обнаружили ни деревни, ни хуторка, ни избышки лесника. Петушиное пение раздавалось сверху. Тихо подошли к дереву и увидели в его ветвях немца. Постучали по дереву и приказали ему спуститься. Он слез, упал на колени, умолял не убивать. Обыскав его, нашли пистолет и губную гармошку, на которой он «пел» по-петушиному. Стали уходить и снова услышали: «Кукареку!». Тогда мы догадались, что здесь

Ульянов Н.И.

есть еще немцы. Дали пленному гармошку, он на ней «пропел», и из леса к нам вышли шесть «петухов», которых мы повели в штаб. По дороге встретились танки, артиллерия, пехота, а за ними ехали «катюши». Мы спросили у немцев: «Катюши» хорошие?» Один немец стал показывать знаками, что «катюши» — это такое грозное оружие, что от ее залпов можно сойти с ума. На допросе они рассказали, что, отступая, их забыли свои. Они решили днем

прятаться в лесу, а ночью уходить на запад. Увы, не получилось...

«Ребята, хлопцы! Кто из вас останется в живых — вспомните о нас!». Слова эти, сказанные старым солдатом нам, молодым, перед первым боем запали в мою память и душу навсегда. Эти же слова стали причиной для меня, чтобы я писал и рассказывал о войне, о фронтовых друзьях, о боях и сражениях.

Демобилизовался я в 1950г. Окончив музыкальное училище, а потом педагогический институт (МГПИ им. В.И. Ленина) в Москве по специальности учитель русского языка, литературы и истории начал работать в школах Подмосковья.

В 1961г., работая в Красносельской школе-интернате, стал писать очерки и рассказы в газету «Подольский рабочий». Позже в газетах «Земля Подольская», «Троицкий вариант», «Это — мы!», «Видновские вести» печатались мои рассказы и очерки о ветеранах, семьях погибших в Великую Отечественную войну, тружениках тыла, об их встречах с учителями и школьниками.

Ульянов Н.И.

Печатал очерки в газетах «Воронежская правда» о комбате Дементьеве, «Краснодарская правда» о командире полка Яценко, в оренбургской газете «Южный Урал» о враче Ткачевой, в «Вечерней Москве», в «Ленинском Знамени».

В 1981г. в газете «Подольский рабочий» я рассказал о встрече ветеранов 70 с.д., в которой участвовало более 300 человек со всего Советского Союза.

Являюсь автором ста очерков и рассказов об участниках войны, вдовах погибших, тружениках тыла, напечатанных в книгах «Память сердца» (части 1, 2, 3), изданных в г.Троицк Московской области. В этих же книгах есть мои стихи: «Три поля» о Курской битве, «Наш Сталинград»,

«Белоруссия — молодость моя», «Товарищ врач», «Татьяна Барамзина» и еще — хроники о сражениях «Как укротили «Тайфун»» о битве под Москвой, «Битва на Волге», «Огненная дуга», «Операция «Багратион»».

В 2005г. к 60-летию Великой Победы вышла книга «Михайловцы — защитники Отечества», где я являюсь ответственным редактором и автором рассказов о жителях Михайлово-Ярцевского сельского округа, который включает поселок Шишкин Лес и двенадцать окрестных деревень Подольского района. В 2005г. мною написана серия очерков о ветеранах 70 с.д.:

1) «И «Фердинанд» не устоял» о Гущине М.М., командире взвода ПТР, создателе мемориала в с.Быково Подольского района.

2) «Ордена за отвагу и смелость» о Лебедеве Л.С., командире взвода сапёров, создателе музея 70 с.д. в г.Московский

3) «Дорогами войны» о связисте Коршунове В.Д., авторе книги о 70 с.д.

4) «Скромные героини 70-ой» о женщинах на войне

5) «Девушки из снайперской школы Подольска» о семи снайперах

6) «Мы выстояли под Москвой» о комбате Шашлове И.Ф.

7) «От Сталинграда до Кенигсберга» о минометчике Ежове.

Планы на будущее: написать серию очерков об одиннадцати Героях Советского Союза из 70-ой с.д.

Герою Советского Союза, моей однополчанке Татьяне Барамзиной

Немало есть песен, легенд и сказаний
 О подвигах ратных в минувшей войне,
 Но подвиг отважного снайпера Тани
 Тревожит и память, и сердце во мне.
 Тот старый блиндаж у военной дороги,
 Под Минском, в селе, где шумят тополя,
 Там бой разгорелся неравный, жестокий,
 Залитая кровью, горела земля.
 Патроны кончались, враги окружили
 Израненных горстку советских солдат,
 «Сдавайся!» — кричали фашисты Татьяне,
 Но им отвечал лишь ее автомат!
 Погибла Таня, как герой,
 Приняв последний смертный бой,
 За нашу Родину, за жизнь,
 За нас с тобой.

Две юности

Слова Андрея Дементьева
 музыка Николая Ульянова

1. Отец, Расскажи мне о прошлой войне.
 Прости, что прошу тебя снова и снова
 Я знаю по ранней твоей седине,
 Как юность твоя начиналась сурово.
 Отец, Расскажи мне о прошлой войне...

Отец, расскажи мне о друге своем,
Мы с ним уж не встретимся более в мае.
Я помню, как пели вы с другом вдвоем
Военные песни притихнувшей маме.
Отец, расскажи мне о друге своем...
Отец, я их знаю давно наизусть,
Те песни, что стали твоею судьбою,
И если тебе в подголоски гожусь,
Давай мы споем эти песни с тобою,
Отец, я их знаю давно наизусть...
2. Отец, раздели с нами память и грусть,
Как тихие радости с нами ты делишь.
Позволь, в День Победы я рядом пройдусь,
Когда ордена ты с волнением наденешь.
Отец, в День Победы я рядом пройдусь...

Победная песня

Слова и музыка Н. Ульянова

1. В майские дни сорок пятого года
Победа пришла!
Мир и свободу народам планеты
Она принесла.
Знамя Победы поднял над рейхстагом
Отважный советский солдат.
Солнце сияло, жизнь ликовала,
Шел триумфальный парад.
Припев:
В Москве в лучах победных майских звуков
По Красной площади идут фронтовики,
Кто спас страну, мир для детей и внуков,
Шагают победителей полки.
2. Вновь День Победы-9-ое Мая... Прославим живых!
Павших помянем, сердечно поздравим
Друзей боевых.
Солнце сияет, сады расцветают,
И звонкие птицы поют.
Радугой вспыхнет в небе России
Майский победный салют.
Припев:
Опять в лучах победных майских звуков
Седые ветераны той большой войны
Идут в кругу сынов своих и внуков
По самой главной площади страны.

Написана к 9 мая 2008 года. Первое исполнение — хором ветеранов г. Троицка Московской области. Автор умер 2 июня 2008 года

ХЛЮПИН АФАНАСИЙ НИКИФОРОВИЧ

Из письма Владимира Афанасьевича, сына Хлюпина А.Н.

Уважаемая, Валентина Николаевна!

Как я обещал, передаю Вам собранную мной информацию о своем отце — ветеране войны и 70 стрелковой дивизии Хлюпине Афанасии Никифоровиче.

Вся информация — только с документов. К сожалению фронтовых «треугольников» не сохранилось, но моя сестра Галина сохранила письма отца «мирного времени», в которых он по ее просьбе пишет о себе, о войне, о первом бое и первой награде. Она даже попыталась несколько лет назад как-то систематизировать все, что знала о родителях для потомков, чтобы узнали всю правду о непростой жизни деда внуки и правнуки. Копию рукописи прислала мне в конце 90-х. Поделюсь информацией из этой рукописи.

Вы просили ответить на 10 вопросов письма. Сразу сообщаю, что не могу направить копии документов на награды, полученные отцом на фронте, т.к. в 70-х годах его попросили, и он передал их в музей г. Малмыжа Кировской обл., где мой отец работал и жил до переезда ко мне в Коломну в 1981 г. В музее г. Малмыжа организовали отдел памяти ветеранов войны, своих земляков. Собрали у ветеранов документы, награды и разместили их в музее. Награды позднее вернули (я их храню), документы нет, а копии тогда делать — не было современной техники. Сейчас связь моя с г. Малмыжем полностью утеряна — там нет родных, да и наград у него было мало. Он говорил, что его шесть раз за 1943-1944 гг. представляли к ордену «Красной Звезды», но в непрерывных боях документы терялись где-то в штабах. Получен был только один орден. Такое было во время войны, когда шли бои — о бумагах не заботились. Например, я знал, что после войны отец разыскивал своего младшего брата Кондрата, от которого с фронта пришло одно единственное письмо матери (а на войне были пятеро ее детей — четыре сына и дочь, из которых вернулось четверо), но на запросы из архивов Минобороны пришел ответ: «В списках живых, погибших и пропавших без вести — не значится...» — исчез солдат бесследно и это был не единственный бесследно исчезнувший во время войны, что тут сокрушаться. Из воспоминаний отца о первых боях я знал, что иногда некому было сообщать об убитых и раненых в штабы. Он был сам тому свидетелем.

Итак, ответы на Ваши вопросы.

1. *Дата и место рождения:* 08 ноября 1908 г., деревня Старая Тушка Рожкинской волости Малмыжского уезда Вятской губернии. Ныне это Малмыжский район Кировской области. А фактическая родина его — починок Хлюпино, что в километре от Старой Тушки. Починки — это были обычно поселения из

нескольких хозяйств-домов в живописном по природе месте, существовавшие в Вятской губернии отдельно от деревень, чаще всего общины родственников-староверов.

На этом починке родился и я, и моя сестра Галина. В 60-е годы на месте домов починка Хлюпино я увидел поля, тогда распаханые, а теперь, наверняка, заросшие бурьяном. Что такое «починок» современным людям не понятно, такой административной единицы не знает даже милиция, поэтому в паспорт заносят «п. Хлюпино».

2. *Как попал на фронт в 70-ю дивизию и вопрос №4 (на каких фронтах)* – из воспоминаний отца, записанных сестрой из ее переписки с отцом – на отдельном листочке и копии военного билета.

3. *Когда и как закончил службу в 70-й* – 17 октября 1945 г. в звании старшего сержанта.

5. *Награды (ордена, медали)* – на фото и на копии военного билета.

6. *Фронтowych писем* не сохранилось, копии листочков военного билета прилагаются.

7. *Фото военного времени* нет (был постоянно на передовой, чаще в боях). Семейные фото мирного времени интереса, думаю, не представляют. Посылаю последнее при жизни фото, на котором он при всех наградах.

Кстати, когда просматривал фото в архивах отца, обнаружил старую фотографию бравого вояки в форме при крестах и с шашкой на боку. Мне было интересно вспомнить рассказ отца про моего прадеда, дяди матери моего отца, полного Георгиевского кавалера, выросшего за войну 1914 г. из крестьянина-солдата в офицера, командира роты. Отец рассказывал, что после революции мой прадед служил в Красной армии, затем исчез в Гулаге.

8, 9. *Деятельность в мирное время.* В прилагаемой копии автобиографии.

10. *Воспоминания о войне.* Были частыми, как у всех переживших эту тяжелую войну ветеранов. Помню эти воспоминания, детская память цепка. После 1955 г., когда я «выпорхнул» из родительского дома, мне редко приходилось общаться с отцом – такова была моя жизнь и работа. Поделюсь воспоминаниями сестры, она переписывалась с отцом регулярно, расспрашивала его о войне.

Валентина Николаевна! Я восхищаюсь Вашим благородным трудом и стремлением сохранить память о ветеранах войны у молодого поколения, у родных ветеранов! Я искренне желаю помочь Вам в этом благородном стремлении!

Очень бы хотелось увидеть результаты Вашего труда, но не смогу приехать, ни на встречу ветеранов 70-й и их родных, ни в музей.

Я практически прикован к дому, перемещаюсь мало и с трудом, на костылях, — такова судьба. Почти всю свою жизнь я проработал в конструкторских бюро, разрабатывающих ракетные комплексы: конструировал, отработывал на полигонах, налаживал производство и сдавал на вооружение эти комплексы вместе с коллегами не щадя своего здоровья. Теперь стал инвалидом.

Раньше я был «невъездной» за границу, теперь — «невъездной» из дома...

Спасибо за доверие, помогу Вашему очень нужному благородному делу, как могу, в меру своих возможностей и информированности. Спрашивайте по телефону — чем смогу помогу.

Пересылаю:

1. Автобиографию Афанасия Никифоровича
2. Воспоминания А.Н. о первых боях в пересказе моей сестры.
3. Фотографии наград А.Н.
4. Фотографии страниц военного билета А.Н.

С уважением, Хлюпин Владимир Афанасьевич
21.04.2011 г.

АВТОБИОГРАФИЯ

Написана в 1973 г. для краеведческого музея г.Малмыжа.

Я, Хлюпин Афанасий Никифорович, родился в деревне Старая Тушка Рожкинской волости Малмыжского уезда Вятской губернии 8 ноября 1908 г., ныне д.Старая Тушка Малмыжского района Кировской области.

Трудовую деятельность начал в 10 лет в личном хозяйстве родителей на починке Хлюпино: боронил, жал

и выполнял другие посильные работы. Со школой пришлось расстаться (успел кончить два класса). В 1921 г. умер от тифа отец, мне было 13 лет. Пришлось с матерью работать в хозяйстве, выполнять всю мужскую крестьянскую работу для семьи: пахать, сеять, жать, молотить, заготавливать и возить дрова, т.к. я стал старшим в доме, кроме меня и матери были три младших брата и сестра грудного возраста. В свободное от сельхозработ время, хотя его было мало, работал на выводке плотов в Усть-Кильмези, на выгрузке леса на Лесозаводе, грузил тес на баржи, работал зимой подмастерьем у портного — зарабатывал деньги для семьи.

В апреле 1927 г. я уехал в Сибирь, в г. Тюмень, где работали мои земляки-односельчане в Госпароходстве. Тогда была большая безработица, брали только членов профсоюза. В июне мне с большим трудом удалось попасть в Тюменский затон разнорабочим, в июле вступил в профсоюз водников. Работал бакенщиком до октября. Затем работал разнорабочим в затоне, вечерами учился на курсах кочегаров.

В навигацию 1928 г. работал кочегаром на пароходе, с весны 1929 г. снова работал на пароходе кочегаром, в конце навигации масленщиком. Зимой работал в механических мастерских подсобником у слесарей, присматривался к их работе и профессиональным секретам, пробовал слесарить сам. Затем зимой 1929 г. выполнил так называемую контрольную работу по выполнению слесарных работ и получил 4-й разряд, стал работать слесарем. Позднее меня избрали секретарем комсомольской ячейки механического цеха. В 1929 г. работал на пароходе в Семипалатинском плесе, на зимовку приехал в Тюмень. Снова работал слесарем, а вечером учился на курсах механиков. Курсы закончил, но помощником механика не назначили, т.к. не имел практики. В 1930 году меня назначили масленщиком на пароход, где выбрали секретарем комсомольской организации. Совместно с председателем судового комитета профсоюза проводил работы по распространению займа, по заключению договоров на соцсоревнования, организацию техучебы, выпуск стенгазеты и т.д. В навигацию 1930 г. наш пароход вышел победителем соцсоревнования и получил денежную премию, а команда — удостоверение «Ударник затона Западносибирского Госпароходства», в том числе и я. Осенью 1930 г. на профсоюзной конференции меня избрали членом месткома Тюменского затона, а потом взяли в аппарат месткома. Так я работал в Западносибирском Госпароходстве до 1932 г. В 1932 г. после окончания краткосрочных курсов профсоюзных работников меня назначили помощником механика на двухэтажный пассажирский пароход «Москва» и председателем судкома профсоюза. Снова та же работа: заем, договоры на соцсоревнования, техучеба и т.д. Рейсы у нас были на Север, к Обской губе, севернее Салехарда.

По окончании навигации 1932 г. мне дали отпуск и я поехал на родину, где не был с 1928 г. Ранее, летом, туда уехала моя жена с грудной дочкой, т.к. в Тюмени

было трудно с детским питанием и молоком. Приехал и решил остаться на починке — семья в деревне была сыта. Брат работал трактористом в колхозе, приглашал меня, но после заводского коллектива в Тюмени меня тянуло на завод в большой коллектив, пошел работать слесарем в Рожкинский механический завод, где до 1921 г. работал кузнецом мой отец.

III. Сведения о прохождении призыва на действительную службу

18. Призван 18.12.1930г.
(каким военкоматом, какой областью и войсками)
Тюменский губ. РК
Призван Неводами к воинской службе
(указать должность и воинскую службу)
ком. штаба

и в с. Усть-Ишим
(указать в какую часть или в запас)
с. Усть-И.

Измерения роста, головы, ступни и сантиметраж или условных номеров (ростовых)			
Рост	Обхватность головы	Размер ступни	Размер обуви
172	59	2	42

IV. Краткие сведения о прохождении служб в кадрах Красной Армии, Военно-Морского флота, пограничных и внутренних войск Министерства внутренних дел (указать время прибытия в часть, основные переименования, специальности, должности или квалификации и время увольнения в запас)

19. Призван на мобилизацию 28.11.1942г.
Одесситянский РКК
Вировской обл. 25.12.42г.
12.1942 - 11.1943г.
153. евррейков. бригада
- евррейков
126 евррейков. бригада -
- зам. ком. евр. штаба
31.11.1942 - 11.1943г.
6.05.42 - 25.04.43г.

В 1937 г. меня избрали членом правления Сельпо от рабочих завода, а с марта взяли в аппарат Сельпо ответственным по заготовкам. В июне 1937 г. назначили директором Рожкинского сельмага и заместителем председателя Сельпо по торговле. В апреле 1940 г. перевели в аппарат Райпотребсоюза в г.Малмыж товароведом, а весной 1941 г. завторгом Райпотребсоюза, где я проработал до августа 1942 г.

Ранее, при призыве в армию в г.Тюмени и в 1941 г. в г.Малмыже был признан «нестроевым» из-за зрения и сломанной (лошадь наступила) в детстве и неправильно сросшейся руки. В 1942 г. был признан годным в трудовую армию, призван в августе 1942 г., попал в действующую армию, и в сентябре был на передовой в 133 бригаде Северо-Западного фронта, где получил «боевое крещение» солдата-пехотинца. После непрерывных боев в декабре 1942 г. был награжден медалью «За отвагу», а 31 декабря ранен и попал в госпиталь. В феврале 1943 г. после госпиталя попал в 120мм минометный дивизион минометчиком, затем стал командиром миномета. Присягу принял в 70-й дивизии в 1943 г., до этого воевал без присяги. В 1944 г. меня наградили орденом «Красной Звезды». В сентябре 1943 г. меня приняли в ряды партии большевиков, а в 1944 г. назначили парторгом батареи и членом бюро полка. Войну закончил в Кенигсберге, после его взятия. В должности парторга и члена бюро полка я пробыл до 17 октября 1945 г., до демобилизации из армии. Кроме упомянутых наград имею медали «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

По возвращению в г.Малмыж райком партии в 1945 г. направляет меня работать председателем Савальского Сельпо, в мае 1946 г. переводит работать директором маслозавода, в 1949 г. направляет работать председателем артели инвалидов промсоюзов, которые в 1950 г. были преобразованы в райбыткомбинаты. В 1950 г. меня назначают директором Малмыжского райбыткомбината и избирают членом Правления областного союза промкооперации Кировской области.

Директором Малмыжского райбыткомбината, который включал в себя всё бытовое обслуживание населения города и района, я проработал до выхода на пенсию.

В 1951 г. за достигнутые успехи Малмыжского райбыткомбината, который вместе с филиалами по району насчитывал около 300 мастеров своего дела, меня занесли в областную Книгу Почета. В 1953 г. на районной партконференции меня избирают членом Малмыжского райкома партии.

За все послевоенное время работы в

<p>20. Определение командования части о возможном использовании в военное время</p> <p>_____</p> <p>М. П. _____ (Подпись: звание, фамилия)</p> <p>_____ 19__ г.</p> <p>V. Принятие военной присяги</p> <p>21. Принял военную присягу при <u>70</u></p> <p><u>сиренск дивизии</u> (Наименование части, число, месяц и год)</p> <p><u>1-У-1943г</u></p> <p>М. П. _____ (Подпись: звание, фамилия)</p> <p>10</p>	<p>VI. Сведения об участии в Великой Отечественной войне и других войнах</p> <p>(Указать с какого по какое время, в какой войне, в составе какой части, на какой должности, по какой специальности)</p> <p>22. В Великой Отечественной войне</p> <p><u>с 10.12-1942-18.10-1945.</u></p> <p><u>в составе: 133 сиренск</u></p> <p><u>бригаде - сиренск,</u></p> <p><u>126 сиренск бриг -</u></p> <p><u>30м ком. сир. сиренск,</u></p> <p><u>47 сир. бригаде - сиренск</u></p> <p><u>и 70 сир дивизии -</u></p> <p><u>ком сиренск</u></p> <p>11</p>
---	--

г.Малмыже смена места работы производилась мной только по указанию райкома партии.

Дополнительно участвовал в выполнении партийных поручений на разных мероприятиях. Например, по заданию райкома в 1948 г. работал на прорыве лесозаготовок на Захватаевском участке в Кировской области — полтора месяца работал на валке леса в бригаде лесорубов. Ежегодно, кроме основной работы, выполнял поручения райкома — участвовал в укреплении колхозов: был ежегодно уполномоченным райкома в отстающих колхозах, начиная с весенней посевной и до завершения уборки урожая. Постоянно назначался председателем участковой комиссии по выборам.

До выхода на пенсию работал без отпусков с 1945 г. Вышел на пенсию 20 января 1969 года. По состоянию здоровья работу прекратил.

Из писем Афанасия Никифоровича дочери Галине (в 80-е годы)

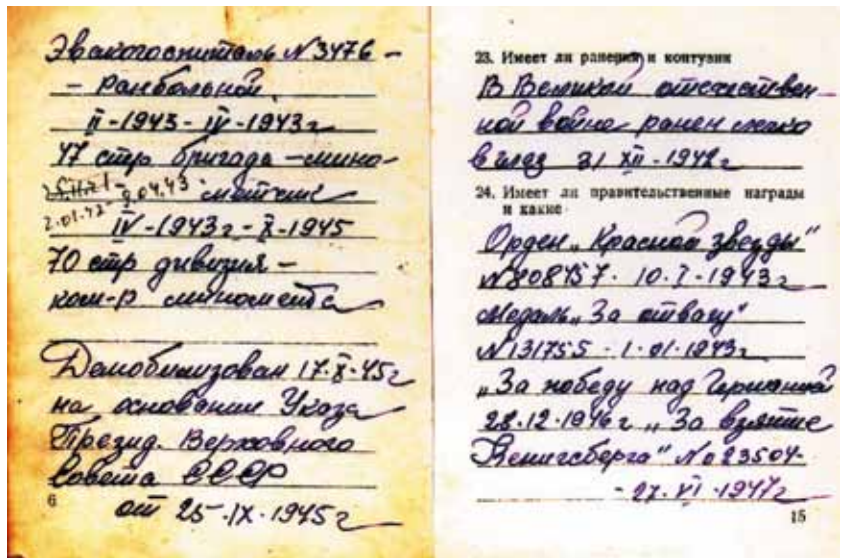
...Я был снят с военного учета еще в 30-е годы. В 1941 г. комиссия при военкомате г.Малмыжа меня опять забракела, а в 1942 г. признали: ограниченно годен в трудармию. Через неделю тот же врач сказал: «Годен, завтра отправка».

Когда сообщил на работе, председатель райпотребсоюза пошел в райком партии и попросил не забирать меня, т.к. он едет в командировку в Киров, а я должен остаться вместо него. В советское время райком партии был хозяином всех дел. Дали задержку моей отправки. Так я пробыл дома еще неделю. Через неделю нас, новобранцев, отправили пароходом по реке Вятке в г.Вишкель, где комплектовались воинские части. В сентябре я уже был около фронта. Там стояла войсковая часть и пополнялась призывниками. Пополнение состояло, в основном, из казахов, узбеков, которые по-русски не понимали. Командиром роты был младший лейтенант, а писарем назначили моего земляка, бывшего бухгалтера колхоза. Он попросил меня в помощники, но меня назначили помощником командира отделения. Закончили пополнение, и пошли на передовую. Один батальон был уже в боях, а мы в резерве. Вырыли небольшие землянки, ходили на занятия. Осень, пошли дожди и мы спали в землянке мокрые.

Вечером команда: «Выходи! Строиться!» Спрашивают: «Кто завтра хочет добровольно в бой? — два шага вперед!» Мы всем отделением вышли. Набрали нас 79 человек, определили в роту. Командир роты имел медаль «За боевые заслуги». Стало быть, уже воевал. Добровольцев быстро накормили и повели на исходные рубежи. Для меня это был первый бой. Утром привели не на передовую, а во второй эшелон, который находился в вырубленном лесу, где и остановились. Дождик сыплет вовсю. Командир роты назначает меня писарем. Я отказываюсь. Он кричит: «Ты что в колхозе?! Буду, не буду. Я приказал — исполняй». Дали мне бумагу, ручку, чернила. Сажусь на пенек, закрываюсь от дождя плащ-палаткой, начинаю заполнять форму 12. Каждого солдата надо записать по 12 пунктам, а солдат 79. Старшиной был младший сержант с Дальнего Востока, кадровик, он подсказывал как правильно заполнять. Вскоре перешли на исходный рубеж. Я тоже с ними, но младший лейтенант закричал: «Куда ты?» — «Куда все» — «Писари в бой не идут, такой приказ. Нужно ежедневно в штаб давать сведения об

убитых, раненых, писать строевую на получение продуктов на роту».

Начались тяжелые бои. Только дней через пять роту отвели на отдых и пополнение. Нас, тех что пришли на исходные рубежи, осталось мало. Отдохнули в лесу, в землянках, и снова в бой. Писарем назначили другого, а мне поменяли должность. Меня командир назначил своим связным. Это паршивая должность. Надо бегать по заданию командира роты узнавать как дела у командиров взводов и докладывать командиру роты.

Ближе к утру пошли в наступление. У командира роты нет связи с командирами взводов, руководство осуществляется только через связных. Вот и снуешь туда-сюда, где ползком, где на коленках. В темноте шел по заданию к стоящему слева подбитому танку. Сначала ползком, потом вскочил и бегом. А трассирующие пули как светлячки вокруг меня, и ни одна не задела, только три дырки в шинели потом обнаружил, не заметил когда пробиты пули шинель.

К утру заняли немецкие траншеи. Утром немцы пошли в контратаку и начали с обстрела из пушек наших позиций. Кругом грохот. Всю нашу роту смяли, а к ночи немцы ушли обратно в свои окопы на опушке леса. А мы в их траншеи, отбитые нами прошлой ночью на поле у деревни Вязовка. У нас много убитых, в том числе командир взвода, политрук. Принесли нам ужин. Взял я свой котелок, съел суп и пошел к командиру роты. Нам дали пополнение — собрали всех ездых и обозников. Я повел их в окопы. Вечером мы с зам. командира роты, младшим сержантом, и телефонистом с телефоном заняли немецкий блиндаж. Телефонный провод соединял нас с командиром роты. Траншеи мелкие, глубоко копать нельзя, там болото и вода наполняет траншею. Утром немцы, во время артиллерийского обстрела, перебили нам провод. Сержант посылает меня: «Иди, Хлюпин, к командиру роты, спроси, что нам делать. Связи нет» Я вылез из блиндажа. А немец бьет из пушек по траншее. Приказ есть приказ — надо идти. Пробрался по мелкой траншее до комроты, где ползком, где на коленках. Комроты приказывает идти к батарее, что стоит в стороне на опушке леса: «Укажешь им, куда стрелять по немцам». До батареи метров 300-500. Чуть под снаряды не попал, но пронесло. Видно уж дано быть пока живым. Добрался до батареи, доложил координаты, пора пробираться обратно. На батарее тихо, снаряды не рвутся. Идти обратно не хочется, но надо. Пока пробирался к артиллеристам и обратно, наша рота ушла со своих позиций, я их еле нашел. Увидел командира роты: он стоит и его трясет. Губы прыгают: «Меня контузило». Больше я его не видел. Дали пополнение и мы снова пошли вперед.

Вечером нас заменили. Мы ушли в лес, в землянки, из которых уходили под деревню Вязовка добровольно в бой. Тут мы умылись, побрились, а утром получали награды. Меня наградили медалью «За отвагу». Это было в декабре 1942 г. Приехала делегация с Урала с подарками: карандашами, тетрадками, конвертами, туалетным мылом, конфетами. Переночевали, а утром ушли на другой участок снова в бой.

Это было мое боевое крещение и моя первая награда, которую получил. Поэтому хорошо запомнилось. Страшно, конечно было в первом бою, но страх отступал: надо так надо. Позже, после госпиталя, когда я стал минометчиком, меня за различные бои шесть раз представляли к ордену «Красной Звезды», но получил один, т.к. бумаги где-то терялись в штабах. А первая награда, сразу за «боевым крещением» — самая памятная.

Во время одного из боев комроты приказал мне привести от комвзводов их связных. Привел связных, доложил о выполнении. А бой идет по страшному. Под елкой расположились связные. Тут же в ровике сидит помощник командира роты. Кругом рвутся снаряды, осколки визжат. Я лег за бугорок. Вдруг мне осколок у правого глаза уткнулся в переносицу. Видно угадал в сосудик, кровь бьет фонтаном прямо на маскхалат лейтенанту, залила мне глаз, потекла на землю. Пакета у меня не было, взял у связного, кое-как перевязал. Лейтенант послал меня в санроту. Оставил лейтенанту автомат, бегу в санроту. Навстречу солдат. Ударил снаряд, зацепило солдата, меня опять обошло. Я к медицинской палатке санроты, а там велят бежать отсюда поскорее, если в состоянии, пока не накрыло. Кругом крики, стоны раненых. Я бегом из леса на опушку, там дорога. А немец хлещет! Бегу по дороге, падаю, снова бегу, осколки как пчелы на пасеке кругом жужжат. Добежал до оврага, там наши танки ползут. Я прыгнул в овраг. Думаю, все, тут ты меня не возьмешь! На другой стороне оврага большой лес, по нему дорога. Иду по ней, встречаю кухню. Спрашиваю, где санбат. «Дальше», — отвечает повар. Дал мне котелок каши. Поел я, оттянул бинт — повязку, глаз видит, значит цел. Дошел до санбата. Ночью пришла полуторка и отвезла нас, раненых, в полевой госпиталь. Госпиталь — палатка в лесу, в палатках устроены двухярусные нары, постелена солома. Тут я встретил Новый 1943 год. Первого января 1943 года утром дали по 100 граммов водки. Сделали перевязку. Врач, пожилая женщина, заполнила карточку раненого, направила в госпиталь в Вышний Волочек Калининской области, где я пробыл месяц. Осколок вышел, и я возвратился на фронт.

После госпиталя забрали меня в минометчики. Так до конца войны я и воевал минометчиком. Побывал в разных переделках, но смерть и ранения меня обошли, суждено было остаться живым.

Нас у матери было пятеро: четыре брата и сестра — все воевали. Сестра была зенитчицей, один брат был танкист, другой шофер. Не вернулся младший брат Кондрат. Он учился в Туле на инженера. Пришло матери одно письмо из эшелона, написал, что везут к фронту — первое и последнее. Наверное, эшелон разбомбили, т.к. в прах — никаких следов не осталось в архивах, когда я разыскивал его после войны.

ШАШЛОВ ИВАН ФЕДОРОВИЧ

21.07.1919 года рождения. Место проживания — город Протвино Московской области.

Окончил Ленинградское военно-инженерное училище в июне 1941 года. В августе — октябре 1941 года служил в Иране в должности командира саперного взвода. В ноябре был отозван для отправки на фронт и был назначен командиром отдельной саперной роты 40 отдельной бригады, воевавшей под Москвой. В 70 с.д. прибыл в сентябре 1943 года на должность командира 64 о.с.б., в котором прослужил до января 1945 года.

Войну закончил в должности дивизионного инженера 325 с.д., в звании подполковника.

Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, 2 орденами Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

В послевоенное время за строительство оборонных объектов был награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени

Боевое крещение.

В конце ноября 1941 года 40 отдельная бригада, в которой я служил командиром отдельной саперной роты, была эшелонами перебросена из г.Фрунзе под Москву. 28 ноября мы высадились и пешим порядком совершили марш до п. Нахабино.

Первой моей боевой задачей было оборудование бригадного командного пункта.

Обстановка на этом участке фронта сложилась очень тревожная. Немецко-фашистские войска прорвали нашу оборону, заняли д. Нефедьево и рвались на Волоколамское шоссе, по которому до Москвы оставалось 30 км. Угроза прорыва немецких танков к Москве была настолько велика, что командование приняло решение использовать мою саперную роту в бою как стрелковую. 30 ноября роту подняли по боевой тревоге и на машинах перебросили в д. Козино. Задача была поставлена — с ходу атаковать, при поддержке танковой роты старшего лейтенанта Гудзь Л.Д., противника в д.Нефедьево, выбить немцев и закрепиться на занятом рубеже обороны.

На вооружении саперная рота имела только винтовки выпуска 1914 года. Нам успели подбросить по несколько ручных гранат и бутылок с зажигательной смесью. Обмундирование у личного состава роты было не для боевых действий в зимних условиях, на ногах — ботинки и сапоги. Морозы в 1941 году

Шашлов И. Ф.

под Москвой были 15–20 и более. Продовольственный запас выдан был только на сутки — 5 сухарей. За водой солдаты ползали по-пластунски с котелком к ручью.

В установленное время я поднял своих саперов в атаку. С криками «ура!» мы ворвались в деревню и выбили из нее немцев.

1 декабря противник предпринимал попытки атаковать небольшими силами, но саперы не сдавались и с помощью танкистов отбивали атаки.

С утра 2 декабря, после сильной артподготовки, фашисты перешли в наступление силами до одной роты пехоты, автоматчиков и 30 танков. Целый день мы отбивали атаки немцев. Было подбито 16 танков, 2 из которых — моими саперами. Противник потерял убитыми и ранеными до 100 солдат и офицеров и прекратил атаки.

Мы понесли тяжелую потерю — был убит комиссар роты старший политрук Д. Ф. Кондратов.

Мы выстояли, выполнили боевой приказ, оборона последнего рубежа перед Москвой была восстановлена.

Через несколько суток мою саперную роту сменили стрелковые подразделения 9-й гвардейской с. д., а мы вернулись на оборонительный рубеж бригады западнее Дедовска и приступили к выполнению своих саперных инженерных работ.

Готовилось контрнаступление. Мы, саперы, обеспечивали действия поисковых разведывательных групп, проделывали проходы в заграждениях противника перед наступлением, обезвреживали мины.

В пылу боя я не заметил, что обморозил ноги. Когда роту вывели с передовой, понял, что не могу ходить. Целый месяц я пролежал в госпитале, лечил обмороженные ноги.

За успешное выполнение задания командования специальным приказом генерала армии Г. К. Жукова я был награжден орденом Красного Знамени. Таким же орденом был награжден сержант Кучуков за первый подбитый танк и комиссар роты Д. Ф. Кондратов (посмертно). Младший сержант Трофимов за второй подбитый танк был награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» были награждены еще несколько саперов моей отдельной саперной роты.

На Смоленской земле

Смоленская наступательная операция началась в августе 1943 года. Пошла в наступление и 70 с. д. В результате наступательных боев дивизия к середине сентября вышла на левый берег реки Десна. Противник закрепился на ее противоположном берегу. Части 70 с. д. готовились к форсированию реки и прорыву обороны противника.

В этот период, 16 сентября я прибыл в дивизию на должность командира 64 о.с.б., предыдущий командир которого был снят до моего прибытия.

Не успев доложить командиру дивизии о своем прибытии, я сразу пошел знакомиться с батальоном. У заместителя комбата Шаталина узнал, какая боевая задача была поставлена батальону, и понял, что к ее выполнению батальон еще не приступал. Не была проведена инженерная разведка берега, в том числе не было известно, что одна из улиц деревни, в которой расположился батальон, спускалась к мосту через реку. Река Десна не широкая, но в этом месте была глубокая и с высокими, крутыми берегами.

Я немедленно отдал приказание батальону готовиться к переправе — послал людей по домам собрать веревки, проволоку, скобы, разбирать бани, чтобы вязать плоты, найти лодки.

Около 12 часов ночи в батальон прибыл командир дивизии полковник Абилов М.А., крутой и жесткий командир, чтобы выяснить обстановку по организации переправы дивизии через Десну.

Я доложил, какие меры принял для выполнения боевого задания. Узнав, что батальон приступил к его выполнению незадолго до его приезда, что план организации переправы дивизии не был продуман ни в батальоне, ни у дивизионного инженера, ни у службы тыла (по доставке материалов), комдив «разнес» и меня, и представителей служб, прибывших вместе с ним.

Меня он огрел палкой, с которой ходил, по плечу и приказал к утру приготовить средства к переправе дивизии через реку, а в случае неисполнения приказа пригрозил расстрелом.

Правда, в дальнейшем, поняв, что я ответственный и исполнительный офицер, переменил свое отношение ко мне, относился с уважением и доверием.

В ночь на 17 сентября, перед наступлением дивизии, на противоположный берег с помощью подручных плавсредств (бревна, доски, бочки) начали переправляться отдельные подразделения. Они сумели к началу наступления закрепиться и оттеснить противника от берега.

При отступлении немцы не успели взорвать мост, который мы разведали перед началом форсирования реки дивизией. Это дало возможность переправить и технику, и тыловые подразделения дивизии.

После форсирования Десны дивизия продолжала наступление, преодолевая упорное сопротивление противника.

Впереди наступающих частей шли мои саперы. На саперный батальон возлагались задачи проведения инженерной разведки (подходы к реке, глубину, возможные броды, берега, наличие укреплений противника, минных полей, дорог), строительство командных и наблюдательных пунктов, наведение переправ через реки, строительство и приведение в порядок разрушенных дорог, установка минновзрывных заграждений, разминирование вражеских минных заграждений, проделывание проходов в их заграждениях не только минных, но и проволочных, при проведении войсковых операций по захвату «языков», сопровождение разведчиков в тыл врага, проделывание проходов непосредственно перед наступлением, строительство дерево-земляных огневых точек и многое другое. И это при артобстрелах, бомбежках, по пояс в воде!

Основным «оружием» саперов был шанцевый инструмент — топор, лопата, пила, лом. Но саперы, как и пехотинцы, были вооружены и другим оружием — винтовками, а позднее и автоматами. Носили это оружие саперы не для придания «бравого вида», его приходилось использовать в бою.

С боями дивизия дошла до реки Сож. Населенных пунктов вблизи места переправы не было. Для изготовления плотов, строительства мостиков саперы рубили молодой сосновый лес, который рос по берегу реки.

Было заготовлено и установлено 6 штурмовых мостиков на козловых опорах (заостренные с одного конца бревна вбивались в дно реки, а сверху — настил из жердей) шириной 1 м, для прохождения пехоты.

За ночь эти работы были завершены, а утром 27 сентября, после артподготовки, дивизия начала переправляться на противоположный берег реки Сож. Первыми переправились стрелковые полки по наведенным нами мостикам. Закрепившись на противоположном берегу, они пошли в наступление. Техника, подразделения тыла, обозы переправились, в основном, по разведанным саперами бродам, когда противник был оттеснен от берега.

Дивизия продолжала двигаться на запад, преследуя отступающего противника.

К концу сентября части дивизии подошли к реке Вихра, которая находилась недалеко от границы с Белоруссией. Речка эта была мелкая, но берега ее были болотистые. Из срубленных деревьев мои саперы возвели небольшой мост, а по берегу речки проложили дорогу из бревен толщиной 10–15 см. Утром 28 сентября река Вихра была форсирована.

Наибольшие потери в личном составе на войне несла пехота, которая первая поднималась в атаку и находилась под постоянным обстрелом противника. Большие потери к моменту завершения Смоленской наступательной операции понесли и стрелковые полки нашей дивизии. Но, несмотря на это, противника надо было гнать дальше. В атаку поднимали и специальные подразделения дивизии.

На подступах к Белоруссии мой батальон получил приказ преследовать противника. Я развернул батальон из походной колонны в цепь и мой 64 о.с.б. пошел преследовать отступающего с боями противника как стрелковое подразделение до р.Проня.

29 сентября 1943 года части нашей 70 с.д. вступили на территорию Белоруссии. Смоленская наступательная операция завершилась!

В боях за многострадальную Белоруссию.

По территории Белоруссии мы прошли с боями, освободив несколько населенных пунктов, до р.Проня. Моему батальону было приказано произвести инженерную разведку реки (глубина, берега, подходы к реке, броды). Берег р.Прони был болотистый.

Инженерную разведку, по пояс в воде, провел взвод инженерной разведки батальона под командованием лейтенанта Лебедева Л.С.

На этом рубеже нашу дивизию не оставили, заменили другими частями. Информацию о реке мы передали заменившим нас частям. 70 с.д. отошла километров на 10 вправо.

На белорусской земле нас встретило упорное сопротивление немцев, закрепившихся на заранее подготовленных, мощно укрепленных рубежах.

Бои велись ожесточенные, с переменным успехом — занятые нами рубежи переходили из рук в руки по несколько раз за сутки. Несмотря на то, что наши части дрались тоже ожесточенно, атаки были безуспешны, перейти в наступление не удавалось.

12 октября со стороны правого фланга нашей дивизии подошла 1-ая польская дивизия им. Костюшко и вступила в бой в районе местечка Ленино. Бои на этом рубеже были особенно ожесточенными, позиции войск здесь с утра до вечера подвергались бомбежкам противника. 70 с.д. не участвовала в боевых действиях на этом направлении, но бомбы сбрасывались и на наши расположения.

На других рубежах также не удавалось перейти в наступление и начать гнать противника на запад. Необходимо было подготовиться к прорыву. 20 октября 1943 года войска 49 Армии (в которую входила и наша 70 с.д.) перешла к обороне, в которой находилась до 22 июня 1944 года.

Мой 64 о.с.б. расположился в деревне Горская Слобода. Жили мы в вырытых нами землянках.

Нахождение в обороне — это прежде всего бои, (а не только чистка оружия, стирка белья и пр.). Это бои за овладение господствующими высотами, разведки боем, которые проводились и с целью захвата «языков», и для захвата каких-то рубежей. Каждая такая операция тщательно готовилась.

«Любую операцию, — как писал в своей книге «70 стрелковая Верхнеднепровская ордена Суворова II степени дивизия» ее автор Коршунов В.Д., — всегда первыми начинают саперы».

Каждому подразделению, участвующему в боевых операциях, придавались саперы, от нескольких человек до отделения и взвода.

Саперы моего батальона возводили штурмовые мостики для преодоления своих траншей (до 8), проделывали 5–6 проходов в минных и проволочных своих и немецких заграждениях, восстанавливали наши заграждения после окончания операции. Мы проводили инженерную разведку переднего края противника.

Роль саперов в боевых действиях 70 с.д., в том числе и в обороне, хорошо показана в книге о 70 с.д. Благодаря одному из редакторов книги Кочерыгину Д.И. (который сам был сапером, командиром саперного взвода 68 с.п. 70 с.д.) саперы перечислены поименно, написано, кто, за что и чем награжден. Поэтому писать еще раз об этом не вижу необходимости.

Находясь в обороне, помимо участия в боевых операциях дивизии, мы занимались боевой подготовкой, учились сами и учили других. Не случайно говорят, что сапер ошибается только один раз. Из Московского пополнения к нам прибыл Дурницын Иван 19-летний, спокойный, уравновешенный молодой человек. У нас он вставлял взрыватели в разложенные мины. При минировании переднего края противника на одной из мин не закрывалась крышечка. И он, прикрыв ее стукнул сверху рукой. Эта единственная ошибка стоила саперу жизни! Пополнение в наш батальон приходило, конечно, необученное. В армию призывали и 18-летних мальчишек и людей в возрасте, лет до 50. Учить их нашей саперной грамоте приходилось с азов — типы мин наших и немецких, как с

ними обращаться, как вставлять взрыватель, как маскировать и многое другое. Обращали особое внимание на «сюрпризы» немецких мин. Так, противотанковая мина взрывалась, даже если из нее был вывинчен взрыватель. Эта мина имела еще боковой и донный взрыватели. Поэтому их надо было найти и тоже вывинтить, только после этого мина была обезврежена.

Немцы, оставляя землянки, блиндажи, дома, обязательно их минировали. Мины прикрепляли к дверям, маскировали куском материи и пр. И мы учили не только свое пополнение, но и бойцов стрелковых полков осторожней и внимательней относиться к осмотру помещений.

Очень нам досаждали «побрякушки», которые немцы подвешивали на свои проволочные заграждения (артиллерийские гильзы, пустые консервные банки, куски жести и железа). Когда проволоку начинали резать ножницами, поднимался шум и немцы открывали огонь, гибли люди. Снять их бесшумно и перерезать проволоку удавалось только самым опытным саперам, но на это уходило время. Кроме того, сделать быстро широкий проход для прохода многих частей ножницами невозможно. И мы придумали способ, как избежать этого, — взрывание проволочных заграждений толковым зарядом. На шест, длиной 3 м прикручивали до 20 толковых шашек (каждая по 400 гр.), взрыватель и зажигательную трубку (бикфордов шнур). Ночью саперы подползали к немецким проволочным заграждениям, на шестах проталкивали шашки под проволоку и в нужный момент (с началом артподготовки перед наступлением) поджигали.

Этот способ мы впервые использовали при наступательных операциях в Белоруссии.

Осуществлялись эти наши дела под командованием опытных, грамотных командиров. Командир 1 роты — капитан Лубский, 2 роты — капитан Лукин (оба с военно-инженерным образованием), 3 роты — капитан Южин П.А. (инженер-строитель из Свердловска).

В этот период, когда дивизия стояла в обороне, моему саперному батальону было поручено одно нелегкое дело.

От местных жителей в местечке Горы мы узнали, что в логу за деревней немцами было расстреляно около 300 человек. Произвести раскопки этого места было поручено моему батальону. Людей расстреливали и сбрасывали в котлованы, вырытые бульдозером. Стоял конец ноября — начало декабря, земля уже промерзла. Бульдозерами нельзя было копать. Долбили землю ломом, кирками, лопатами. Тела лежали слоями, пересыпанными землей. Все их подняли наверх. Это были, в основном, евреи, коммунисты, советские активисты. Были там и молодые женщины с грудными детьми, прижатыми к себе, и седые старики.

Похоронили их в братской могиле. На траурный митинг приезжал Илья Эренбург. Памятник на могиле установили уже после войны.

В ночь на 22 июня 1944 года подразделениями 70 с.д. была проведена силовая разведка, чтобы уточнить, какими силами обороняются немцы, конфигурацию их переднего края, выявить огневые точки. Проходы для поисковых групп в минных и проволочных заграждениях проделали саперы 64 о.с.б.

Утром 22 июня, после получения данных разведки, 70 с.д. вышла из обороны и перешла в наступление. Проходы в заграждениях противника для

прохода частей дивизии проделали мои саперы, заложив под проволоку взрывчатку по придуманному нами способу (на шестах).

В первые дни боев части нашей дивизии оттеснили противника метров на 500. Мы, саперы, сразу же поставили минные заграждения по своему переднему краю, а электрики, впервые, — электрические.

Для преследования противника, отступающего в сторону Днепра, был сформирован передовой подвижной отряд. В его состав вошли саперы взвода инженерной разведки моего батальона, под командованием лейтенанта Лебедева Л.С.

При подходе отряда к Днепру немцы взорвали мост через реку. Саперы, следовавшие с передовым отрядом, сразу произвели инженерную разведку — переплыв Днепр, определили его глубину и ширину, разминировали берег.

27 июня на берег Днепра вышли подразделения, задачей которых была навести переправу через реку. Строительство моста через Днепр было операцией армейской. В ней участвовали 2 батальона 252 с.п., 64 о.с.б. 70 с.д. понтонно-мостовой отряд 33 Армии, в которую наша дивизия была снова переброшена. Руководил строительством начальник инженерных войск 33 Армии.

Часть саперов я послал в помощь пехоте, готовить подручные средства для переправы. Делались они из плащ-палаток, которые были у каждого солдата. Мы мелко рубили кустарник, набивали им плащ-палатку и заворачивали («колбаской», «кольцом», «бревнышком»). Такое приспособление хорошо держало на воде.

Большая часть батальона работала на строительстве моста, к которому мы приступили вечером. Мы строили деревянный свайный мост с одного берега, а батальоны 252 с.п. — с другого, навстречу друг другу. Для моста рубили сосновые деревья, очищали их от коры и лишней древесины (до 15–20 см. в диаметре), а для свай бревно заостряли с одного конца. Сваи заостренным концом с помощью армейского пневмомолота (не вручную) вбивали в дно реки, а сверху клали настил из бревен. Срединную, фарватерную часть реки закрывали понтонные паромы.

В первый день нашего пребывания на Днепре руководивший строительством генерал приказал всем, по очереди, искупаться. Я плавал хорошо и заплыл далеко, до фарватерной части реки. Но не учел силы течения и меня метров на 100 отнесло.

По наведенному нами мосту и с помощью подручных средств наша 70 с.д. переправилась на противоположный берег в полном составе. Переправившись, дивизия пошла дальше в наступление, в сторону Минска.

За строительство моста через Днепр в районе г. Шклов я был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Впереди наступающих частей дивизии по-прежнему шли саперы 64 о.с.б. Мы занимались приведением в порядок дорог (засыпали ямы, воронки от бомб, делали объезды там, где не удавалось насыпать), наводили переправы через речки и ручьи, искали броды, разминировали вражеские минные заграждения.

В начале июля 70 с.д. вышла на рубеж в нескольких километрах восточнее Минска. К 10 июля вся группировка противника восточнее Минска была ликвидирована. В этот же день 33 армия, в состав которой входила 70 с.д., в полном составе походным порядком двинулась на запад.

В Прибалтике

Пройдя походным маршем по сильно пересеченной местности около 300 км. за 7 дней, 70 с.д. к утру 17 июля вышла на восточный берег р.Неман, в районе населенного пункта Дембово.

В течение ночи 18 июля и следующего дня на противоположный берег реки переправились стрелковые подразделения дивизии (на подручных средствах) и шли в бой. Там, на неманском плацдарме были жестокие бои. Немцы упорно сопротивлялись, прикрывая подходы к г.Каунас.

Мой саперный батальон остался строить мост через р.Неман. Этот мост мы строили на рамных опорах, т.к. свайный способ строительства требовал спецтехники, которой у нас не было, и большого количества времени. Из толстых бревен мы сколачивали рамы, опускали их вертикально на дно реки и нижнюю часть кольями вбивали в дно. На верхнюю, надводную, часть с помощью скоб закрепляли прогоны — бревна, а на них делался настил из тонких бревен, жердей. По обеим сторонам моста укреплялись колесоотбойные брусы.

Строительство моста проходило под бомбежками противника. К концу строительства, во время одной из бомбежек, оторвались 2 пролета. Пришлось заново сколачивать рамы, укреплять пролеты и делать настил. Мост был восстановлен.

Благодаря самоотверженной работе моих саперов днем 19 июля по мосту прошел первый транспорт нашей дивизии и подразделения 227 а.п.

Вспоминается один курьезный случай. Представителем штаба корпуса по строительству моста был капитан Егоров, мой бывший ротный командир. Когда подошел артполк, Егоров пошел вдоль колонны техники. И вдруг из первой машины его окликнули: «Здравия желаю, товарищ капитан!» Егоров выволок шофера из машины и «отмутузил» его. «А где второй?» — спросил он у шофера, тот ответил — «а вон сидит, во второй машине». Егоров выволок и второго шофера и тоже начал с ним «разбираться по-мужски». А предыстория этого «объяснения» была такова. Как-то я с ординарцем возвращался на лошадях из штаба дивизии, и дорогу нам перебежала черная кошка. Я еще посмеялся, ну, жди неприятностей. Вернулся в батальон, дежурный мне докладывает, что в батальоне 2 дезертира. Это ЧП из ЧП! Предпринятые к розыску меры ничего не дали. Замполиту объявили выговор по партийной линии, мне — поставили на вид, а командира роты сняли с должности.

Этим командиром роты и был Егоров, а в этих двух «гавриках» он узнал своих дезертиров. Оказалось, что когда батальон был в Белоруссии, стоял в д. Горская Слобода, там же расположился и артиллерийский полк. Эти два «дезертира» были шоферами и их сманили артиллеристы, т.к. у них не хватало шоферов, не поставив никого об этом в известность. С одной стороны, курьез (а они на войне были), с другой — мы ведь подали на них данные как на дезертиров, со всеми вытекающими последствиями, в том числе для их семей.

Бои в Прибалтике на всех рубежах носили ожесточенный, кровопролитный характер, с большими потерями и для нас, и для противника.

Особенно тяжелые бои шли на границе с Восточной Пруссией, около г. Волковышки. В район г. Волковышки немцы, несмотря на потери, стягивали войска — танки и пехоту, в том числе и танковую дивизию «Великая Германия».

Противник готовил здесь контрнаступление. Немцам не удалось выполнить свою основную задачу — развить успех в северном направлении и они направили свой удар по шоссе на г. Волковышки. Отсюда им удалось овладеть городом.

Бои за город продолжались с конца июля до середины августа. 15 августа, по приказу командующего 33 Армии, войска перешли в наступление. К утру 17 августа г. Волковышки был очищен от немцев.

На Рижском направлении

27 августа 70 с.д. вышла из состава 33 Армии и вошла в состав 19 стрелкового корпуса 43 Армии 1 Прибалтийского фронта.

С 27 августа по 4 сентября 70 с.д. походным маршем, ночью, по лесисто-болотистой местности, делая в среднем по 45–50 км в сутки (по довоенному Уставу положено до 30 км), перешла в район юго-восточнее Риги, где оставалась с 5 по 13 сентября. Задача стояла перерезать пути отхода немцев в Курляндию.

На Рижском направлении сопротивление немцев так же было упорным, бои были ожесточенные, проходили с переменным успехом. Сопротивление немцев на рубеже шоссе-Иецава-Рига было настолько сильным, что 70 с.д., не добившись успеха, перешла в оборону.

Саперному батальону было приказано немедленно минировать передний край. Работая под сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем, саперы выполнили приказ. Было установлено 780 противотанковых и 500 противопехотных мин.

Саперы 64 о.с.б. не только ставили минные заграждения, но, когда этого требовала обстановка, воевали с оружием в руках. В бою 22 сентября группа немцев пыталась обойти и отрезать одно подразделение 68 с.п. нашей дивизии. Сапер 64 о.с.б. Медведев возглавил группу саперов и решительным броском отбросил немцев. Это помогло стрелковой роте выбить противника с занимаемого рубежа.

Дела саперов 64 о.с.б. на Рижском направлении также поименно описаны в книге про 70 с.д.

Здесь, в тяжелейших боях на подступах к Риге, были разгромлены почти все резервы группы армий «Север». Поэтому 24 сентября 1944 года Директивой Ставки 1 Прибалтийскому фронту предписывалось перенести главный удар с Рижского направления на Клайпедское (Мемельское).

На Клайпедском (Мемельском) направлении

Клайпедская операция стала решающей в ходе всей Прибалтийской наступательной операции — в ее ходе группа армий «Север» была окончательно отсечена от Восточной Пруссии и немцы были вынуждены срочно эвакуировать свои войска из Риги и ее окрестностей.

Фронт должен был создать в районе Шауляя сильную группировку войск, разгромить немцев и выйти на побережье Балтийского моря.

Перегруппировку в район западнее Шауляя войска 43 Армии, в том числе 70 с.д., начали с 25 сентября. За четыре ночных перехода дивизия вышла на заданные рубежи.

Шашлов И. Ф.

В ночь с 4 на 5 октября саперы 64 о.с.б. проделали 9 проходов в своих противотанковых минных заграждениях. 5 октября началось наступление. Оборону надо было прорвать на 9-километровом участке, нанося главный удар на правом фланге, в направлении на г.Клайпеда (Мемель).

Для того, чтобы противник не догадался о направлении главного удара, на левом фланге, на участке 70 с.д., была организована «дымовая завеса». Там был поднят такой шум, что немцы поверили, что это главный участок и перебросили на это ложное направление свои резервы.

Для быстрого продвижения частей дивизии был создан передовой отряд, в который вошел и взвод 64 о.с.б. Задачей отряда было пройти с боями до границы, перейти ее и овладеть м.Давиллен.

Противник под ударами наших войск отступал в западном направлении, прикрываясь заслонами, состоящими из танков, самоходной артиллерии и групп автоматчиков. 7 октября 70 с.д. перешла в первый эшелон с задачей сбивать заслоны и преследовать отходящего противника.

9 октября передовой отряд дивизии под командованием подполковника Лачугина В.С., ведя бои с группами прикрытия, достиг границы СССР 1941 года. Первыми на границу вышли конные разведчики 329 с.п. нашей дивизии. Командир взвода сержант Чумаков И.Т. установил на границе Красный флаг. Передовой отряд переправился через р. Минге и повел наступление на местечко Давиллен. Ударом во фланг 9 октября отряд с боями овладел местечком Давиллен. Части 70 с.д., преследуя отходящего противника, двигались также в сторону местечка Давиллен, Хэрндорф (восточнее г. Мемель).

31 декабря 1944 года я получил новое назначение, был назначен дивизионным инженером 325 с.д. В середине 1945 года я расстался со своей 70 с.д., в которой провоевал с сентября 1943 года, простился со своим 64 о.с.б. и со своими саперами.

В 325 Краснознаменной Двинской с.д.

325 с.д. 43 Армии стояла километрах в 150 от Мемеля, под городом Тильзит.

Я прибыл в дивизию в середине января 1945 года, на подводе, со своим ординарцем Махмутовым, которого забрал с собой из 64 о.с.б. Прибыл в штаб, подошел к блиндажу командира дивизии генерал-майора Сухороброва Н.З. Он в это время выходил из блиндажа. Я, как положено, доложил о своем прибытии. Комдив осветил меня фонарем и спросил: «А ты не такой же проходимец, как тот, которого я выгнал?». Я не растерялся и ответил, что какой был тот, я не знаю, но я не проходимец. Генерал спросил, сколько времени был комбатом.

Шашлов И. Ф.

Я ответил, что 1,5 года. «Ну что ж, в мирное время это 4–5 лет, — заметил комдив — будем работать».

Тут же он сообщил мне, что меняет командный пункт и приказал следовать за собой. Я, голодный, холодный (день был морозный), сел в его легковую машину и мы поехали из расположения штаба. По дороге комдив обрисовал мне боевую обстановку — дивизия наступала по Восточной Пруссии.

Территория Восточной Пруссии была хорошо подготовлена к обороне — она была покрыта густой сетью траншей и ходов сообщения, противотанковых рвов и надолб. Все основные полосы обороны, отстоящие одна от другой на 15–20 км, были оборудованы по гребням господствующих высот, берегам рек, каналов, оврагов.

Немцы сопротивлялись отчаянно. Против нас воевал даже женский батальон СС. Первой на нашем пути была линия обороны «Дейме» — «железной двери Кенигсберга», которая проходила по берегам рек Дейме, Прегель и Алле. К началу нашего наступления к концу января на линии «Дейме» насчитывалось 63 железобетонных дота, толщина лобовой брони которых была больше 1,5 метров. Расположены они были на высоком левом берегу реки, а правый берег был низкий, заболоченный. Река Дейме была, большей частью, судоходным каналом. Для усиления своей обороны немцы прошли по ней ледоколом и взорвали дамбу. Вода залила правый берег реки. По смерзшимся кускам льда пехота могла пройти на противоположный берег. Но когда пошла артиллерия, пушка с лошадьми ушла под воду. В мои обязанности дивизионного инженера уже не входило непосредственное участие в операциях дивизионных саперов. Я получал задание от командира, доводил их до сведения подчиненных мне подразделений, контролировал их исполнение, координировал действия со службой тыла, выезжал на место проведения инженерных операций.

Когда мне доложили о сложившейся ситуации, я выехал на берег реки вместе с майором Гальпериным Г.Д., командиром 254 о.с.б. дивизии мы вышли на берег реки, чтобы оценить обстановку и принять решение, что делать дальше. Лед по обоим берегам реки был толщиной 30–40 см и не был разрушен. Поэтому мы решили между ними на разрушенную часть ледового покрытия класть бревна из срубленных деревьев. Сверху мы набрасывали куски битого льда, обливали водой и на 25-градусном морозе это сооружение скреплялось. Переправа была готова.

Дивизия переправилась на противоположный берег и с боями двинулась дальше.

Следующей оборонительной линией была линия Кранц-Кенигсберг. Мощный рубеж обороны на подступах к г. Кранц немцы оборудовали в 7–8 км

от города. К этому рубежу вышли наши войска, в том числе 325 с.д. Бои за город Кранц длились несколько суток. 4 февраля 1945 года г.Кранц и железнодорожная станция Кранц были взяты. Мы овладели и основанием Куршской косы, на которой находился г.Кранц.

В течение февраля шли напряженные бои, противник отчаянно сопротивлялся.

Советские войска действовали в невероятно трудных условиях. Пополнение почти не поступало. Тылы отставали, снабжение горючим и боеприпасами было недостаточным. С.д. вместе с тыловыми подразделениями имели по 2500—3000 солдат и офицеров. В таких условиях в наступление шли и спецподразделения дивизии. Как-то комдив приказал мне: «Подними своих саперов, связистов и преследуй немцев». Я поднял людей и с оружием в руках мы преследовали отступающего противника до населенного пункта Пальмникен (Янтарный).

Стало понятно, что измотанным боями войскам не под силу было решить первоначальную задачу — разгромить противника на Земландском полуострове, а потом штурмом овладеть Кенигсбергом. Все это вынудило командование 3 Белорусским фронтом прекратить наступление на Земландском полуострове с тем, чтобы уничтожить хейльсбергскую группировку врага, одну из самых мощных, затем нанести удар по Кенигсбергу и, наконец, уничтожить Земландскую группировку войск.

Хейльсбергская группировка была разгромлена в период 13—29 марта, штурм Кенигсберга осуществлен в период 6—9 апреля. Гарнизон крепости прекратил сопротивление и капитулировал.

С решением этих задач создались благоприятные условия для ликвидации вражеской группировки на Земландском полуострове. Здесь нам противостояла не менее, чем сотысячная группировка войск противника.

Заранее подготовленная немцами оборона состояла из трех полос. Третья полоса закрывала доступ к порту Фишхаузен и к военно-морской базе Пиллау.

11 апреля командующий войсками 3 Белорусского фронта маршал Советского Союза А.М. Василевский обратился вторично к немецким войскам с предложением прекратить безнадежное сопротивление во избежание дальнейшего кровопролития. Но ответа на обращение не последовало.

Утром 13 апреля наши войска возобновили приостановленное наступление. Оборона противника была прорвана в первый же день наступления, гитлеровцы начали отход 14 апреля.

Наступление велось в направлении основных баз Земландского полуострова — г. Фишхаузен и военно-морской базы Пиллау. К Балтийскому морю дивизия вышла 15 апреля. Фишхаузеном наши войска овладели 18 апреля, Пиллау — 25 апреля.

К 25 апреля задача по очищению Земландского полуострова была в основном решена.

За взятие Кенигсберга и Земландского полуострова я был награжден орденом Отечественной войны I степени.

В Восточно-Прусской стратегической наступательной операции ставилась задача полностью очистить от врага территорию Восточной Пруссии и Северной Польши. 25 апреля 1945 года 43 Армия форсированным маршем по

45—50 км в сутки, передислоцировалась в район польских городов Данциг и Гдыня, к основанию косы Путцигер (коса Хель).

По пути движения пересекли р. Висла. Комдив поручил мне контролировать переправу артиллерии, а сам — переправу стрелковых подразделений и тылов. Артиллерия переправилась на понтонных паромах, пехота — на подручных средствах.

7 мая в нашей дивизии произошло знаменательное событие — встречи с командованием дивизии запросил немецкий генерал. Вдруг из глубины немецкой обороны начали взлетать одна за другой зеленые ракеты, двигаясь в сторону наших позиций. Мы насторожились. Затем, по-немецки, раздалось в громкоговоритель — «Внимание! Внимание! Мы просим встретиться немецкого генерала для переговоров с Вашим командованием». Начальник разведки дивизии доложил комдиву, который дал команду сопроводить немецкого генерала в штаб дивизии. На встрече присутствовал командир нашей дивизии Сухоревров Н.З. и командир стрелкового корпуса генерал-лейтенант Мисан. Немецкий генерал заявил о намерении капитулировать при условии, что оружие они не сдадут, оставят при себе, но применять его не будут. Мисан, возмущенный до глубины души, — «Вы что, пришли к побежденным, а не к победителям?!» Капитуляция на таких условиях не состоялась.

В ночь с 8 на 9 мая к нам пришло сообщение, что подписана безоговорочная капитуляция фашистской Германии! Невозможно даже вообразить, какая стрельба поднялась, когда это сообщение дошло до частей дивизии! Стреляли из всего, что могло стрелять. Такой стрельбы не было даже 2 мая, когда взяли Берлин.

Утром 9 мая представители командования нашей дивизии принимали капитуляцию немецкой группировки на косе Хель. Мне выпала честь участвовать в этом знаменательном событии. В нашей делегации были заместитель командира дивизии по тылу — принимал имущество, заместитель начальника штаба — документы, начальник разведки дивизии и др. Я знакомился со схемами минновзрывных заграждений противника. Немцы и тут остались верны себе — немецкий сапер передал мне схемы и сказал, что разминировать мы будем сами. На это я ему ответил — «Нет, разминировать будут ваши саперы, вы им передадите схемы, чтобы они не подорвались. А мы будем контролировать».

Когда я ехал на прием капитуляции, моя машина заглохла в 5—6 км от переднего края. Я вышел из машины, пока шофер возился с мотором. Вдоль дороги, по обеим ее сторонам сидели немецкие солдаты, так плотно, что «и яблоку было негде упасть». И тут в голову заползла трусливая мыслишка — «а вдруг какой-нибудь оголтелый эсэсовец пальнет!» И это, когда всю войну прошел, а такие случаи нередко бывали. На фронте как-то не думалось о том, что могу погибнуть, больше перевешивало чувство долга, ответственности за выполнение боевых заданий. В это время из-за кустов вышли 3 или 4 немца, подошли ко мне и, сказали по-немецки: «Господин майор, одну минутку» — и убежали обратно. Тревога в моей душе усилилась еще больше. Через несколько минут в стороне заработал мотор и на дорогу из леса выехал легковой автомобиль. Объехав нас, встал впереди нашей машины метрах в 5. Один из немцев предложил мне: «Господин майор, садитесь». Я поблагодарил их и поехал дальше.

10 мая мы начали вывод с косы Хель пленных немцев. Было выведено 30 тысяч немецких солдат и офицеров, около 5 тысяч наших военнопленных и около 7 тысяч гражданского населения наших западных областей, бывших в оккупации, и стран Европы. 325 с.д. дальше несла службу по охране границ. В июле 1945 года дивизию расформировали. Я оставался еще служить дивизионным инженером 26 стрелковой Краснознаменной ордена Суворова дивизии до октября 1946 года.

За участие в ликвидации немецких войск в районе городов Данциг (Гданьск), Гдыня, на косе Хель был награжден орденом Красной Звезды.

Туда, в Польшу, ко мне приехала семья — жена с дочерью. В октябре 1946 года мы вернулись на Родину.

Моя служба в первое мирное послевоенное время была тоже тревожной, а подчас и опасной, как на войне, только что не стреляли. Мы строили оборонные объекты, жилые кварталы городов, дома соцкультбыта, электростанции и многое другое.

Со временем мы не считались, строить надо было быстро, как на войне, чтобы никто больше не посмел напасть на нас.

За успешное строительство оборонных и гражданских объектов был награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени.

ШАШЛОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

10.09.1923 года рождения.

На фронте с апреля 1942 года, военфельдшер, младший лейтенант медицинской службы.

В 70-й с.д. воевала с апреля 1943 года по 20 апреля 1945 года, в 21-ом отдельном медико-санитарном батальоне старшей операционной сестрой.

В 1943 году ей было присвоено воинское звание лейтенант медицинской службы.

За участие в Великой отечественной войне награждена орденом Отечественной войны II степени, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией в Великой отечественной войне 1941—1945гг.»

Военные медики в любых условиях делали все возможное для спасения жизни раненых. Не мог хирург уйти из операционной, не закончив полностью операции, не уходила медицинская сестра от раненого, которому нужна была помощь.

Шашлова Н.А.

Все врачи и медсестры нашего 21-го медсанбата были донорами, сама я сдала более 10 литров крови, иногда до того, что наступала слабость и кружилась голова.

Моим хирургом, с которым я работала, была Ткачева А. И.

Оперировали мы часто вблизи передовой, под бомбами и при артобстрелах. Бывало, что своим телом прикрывала лежащего на операционном столе раненого (хотя чем уж там прикрывать — была маленькая, худенькая). Когда

привозили раненых с передовой, а санитаров не хватало, мы, медсестры, хватались за носилки и несли в операционную, а там перекладывали на стол. Откуда только у нас, молодых девчонок, брались силы! Мы спасали и вернули в строй тысячи бойцов, испытывали чувство удовлетворения от сознания честно выполненного долга. Это был наш вклад в Победу.

В 1943 году я вступила в партию и меня, сопливую девчонку, избрали в партбюро полка. Доверие, которое оказали мне однополчане, было для меня большой честью.

На фронте было тяжело, конечно. В операционной — кровь, раны, отрезанные руки и ноги, а когда не могли спасти раненого — и его смерть на операционном столе.

Но, несмотря на все тяжести, эти военные годы были для нас молодостью. Я потом, в послевоенное время, любила песню про Северо-Западный фронт (ее, кажется, пел Ю.Гуляев), где были слова — «наша военная молодость — Северо-Западный фронт».

А в молодости хочется доброго, счастья, любви.

Со своим будущим мужем, майором Шашловым Иваном Федоровичем, командиром 64-ого отдельного саперного батальона, мы познакомились в Белоруссии. В октябре 1943 года на участке фронта 70-й с.д. и ее соседа — 1-й польской дивизии имени Костюшко, наступило затишье между боями. Мы с моей подругой Машей Гусак пришли в саперный батальон проверять его санитарное состояние.

Из воспоминаний Шашлова И. Ф.

Мы стояли в обороне, в районе м. Горки. Наташа и медсестра Мария Гусак из нашего 21-го медсанбата пришли проверить гигиену солдатского быта — смену белья, помывку в бане, питание. Зашли в блиндаж. Это была наша первая встреча.

Эта боевая, задорная и озорная малышка понравилась мне сразу. И ей, видимо, я запал в душу. Мы начали, если можно так сказать, встречаться. Какие встречи на войне — постоянная тревога друг за друга!

Следующая встреча состоялась под Минском. Я узнал, что 21-й медсанбат остановился где-то недалеко от нас и пошел его искать. Нашел, заскочил на

5—7 минут, увидел — жива-здорова — и назад, форсированным маршем вперед на запад.

7 ноября 1944 года, под Мемелем, мы с моими сослуживцами отмечали праздник. И несколько медиков из медсанбата, в том числе и Наташа, пришли к нам в гости. Здесь друзья и поздравили нас с началом семейной жизни. А какая уж тут семейная жизнь, если в январе 1945 года меня перевели в 325-ю Краснознаменную Двинскую стрелковую дивизию на должность дивизионного инженера.

В Восточной Пруссии наши дивизии оказались рядом, в боях за г.Кранц (ныне город Зеленоградск). Недалеко от города на побережье Балтийского моря мы и встретились во второй половине апреля. Мы уже знали, что у нас будет ребенок. Я очень хотел, чтобы он родился, настоял на том, чтобы Наташа уехала на родину, 20 апреля она уехала к моим родным.

До конца жизни Наташа не могла мне простить, что я не дал ей довоевать несколько недель, не дал встретить победу, как положено боевому офицеру, прошедшему 3 года войны, с наградами на груди и рядом с теми, с кем они были пройдены.

Я продолжал служить в группе советских войск в Польше, на родину мы вернулись в октябре 1946 года.

После возвращения домой я служил в городах на Урале, где строились оборонные объекты. Командовал сначала строительным полком, а потом — Управлением военно-строительных частей.

Частые переезды, мои отъезды в командировки (подразделения моего Управления стояли и в Перми, и в Казахстане), служба с раннего утра и до поздней ночи, а в 1957 году — авария на химзаводе ПО «Маяк» в г.Челябинске-40 и ликвидация ее последствий в тяжелейших условиях — все это напоминало нам фронтовые годы, только что не стреляли.

Наташа была моим надежным тылом! На ней был дом, дочери, бесконечные переезды и все тяготы быта семьи военного.

Но только дома она сидеть не могла — не тот характер. Пока позволяло здоровье, занималась активной общественной работой — по месту жительства, была бессменным председателем классных и школьного родительских комитетов школы, где учились дети, активно участвовала в избирательных компаниях, за что неоднократно награждалась Почетными грамотами различных организаций. И делала все это так же самоотверженно, как и все в своей жизни.

Но военные годы не прошли даром для Наташиного здоровья. Болеть она начала в достаточно молодом возрасте — гипертония, стенокардия, сахарный диабет. Врачи рекомендовали ей поменять климат.

В 1968 году мы переехали в город Протвино Московской области, где я продолжил службу начальником Управления военно-строительных частей.

Тут один за другим пошли внуки (два внука и одна внучка), и всю себя бабушка посвятила им.

Все больше давал о себе знать сахарный диабет. Наташа теряла зрение, на ногах началась гангрена, но и в таком состоянии она не изменила себе — ее мужеству, силе воли, стойкости духа могли бы позавидовать многие. Совсем больная, испытывая жуткие боли, она не жаловалась, но еще находила в себе силы

утешать и морально поддерживать знакомых, болезни которых были легче, но они не находили в себе сил бороться с ними.

До правнуков Наташа не дожидила 8 лет. Мой дорогой лейтенант (как я называл ее в письмах и телеграммах) ушла из жизни 31 октября 1988 года.

Соболезнования после ее смерти шли из разных мест — из Сибири, с Урала, городов Подмосковья, в том числе и от тех, с кем она прошла самые тяжелые, самые трагичные, но и самые незабываемые годы своей боевой молодости.

ШЛЫЧКОВА НИНА АЛЕКСАНДРОВНА

29.10.1923 года рождения, место жительства: Белгородская область село Малая Пристань.

Проходила службу в 70 с.д., с мая 1944 года — в полевой хлебопекарне, с сентября 1944 года — сержант, секретарь военного трибунала.

Награждена медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Это было в июле 1944 года. Наша полевая хлебопекарня была размещена в лесу, выкопали траншеи, выложили под, поставили тесто, пекарь месил его, стали формировать. В это время начался налет немецких самолетов. Печи потушили, зенитки били по самолетам, все смешалось с землей. Несмотря на это, хлеб был нужен солдатам. Ка-

питан Иванов, наш командир, приказал срочно всем встать по своим местам, наш хлеб ждала армия, и мы эту задачу выполнили, преодолев страх. Во имя жизни на земле наши люди совершали подвиги.

РАЗДЕЛ 10

ЭПИЛОГ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГАНСА ГЕЙНЦ РЕФЕЛЬДА. «В АД С «ВЕЛИКОЙ ГЕРМАНИЕЙ».

Фронтной дневник ветерана танкового корпуса «Гросс Дойчланд».

Мое второе ранение

17 марта 1945 г. Уже за полночь. В местной аптеке, одном из немногих неразрушенных домов, мы находим комнату, которую оставил враг. Это спальня с настоящими толстыми перинами! Мы бросаемся на тахту, чтобы ее испытать. Отлично! Затем быстро договариваемся, что один из нас должен бодрствовать, а другой может спать. Но как? Мы лежим «в полной готовности», сняв каски и положив их на край кровати вместе с пистолетами-пулеметами.

Но о сне и не приходится думать. Ранним утром танковые снаряды обстреливают дома и улицы. Правда, теперь они летят выше нас. Командир батальона испытывает серьезную тревогу. Я получаю приказ: «Унтер-офицер Рефельд, собирайте минометную батарею и как можно скорее отправляйтесь за Першкен к опушке леса. Доставляйте туда боеприпасы и оборудуйте огневые позиции, а затем открывайте заградительный огонь, если увидите, что русские готовы нанести удар». Между тем становится светлее. Русские подтягивают первые танки. Мы пытаемся засветло подойти к опушке леса. Иван с танками и пехотой уже действует. Мы должны укрыть наши минометы за низкими ивами. Но в этом месте у нас нет никакого укрытия, приходится думать только о колючей проволоке, которую можно замотать за стволы ив на опушке леса. Завидев нас, русские бросаются бежать.

У нас только одна мысль: не встречаться с ними, пока вся батарея не достигнет опушки леса. Это нам удастся. Правда, недалеко от нас свистит несколько осколков, но мы уже на опушке! Дело сделано! Теперь я должен найти наблюдательный пост на самом краю леса, но также следует отыскать и хорошую огневую позицию. Я углубляюсь почти на 100—150 м в лес и нахожу там маленький домик. Однако его заняли уже наши пехотинцы и зенитчики. Кроме того, здесь расположилось несколько тяжелых орудий. Это не лучшее соседство с моими минометчиками. С оберлейтенантом Хиннерком я возвращаюсь на опушку леса, где мы находим несколько глубоких, хорошо укрепленных земляных дзотов. Здесь, пожалуй, раньше размещался обоз, так как в некоторых больших окопах — например, 5x10 м — хранятся боеприпасы и бензиновые бочки. Но, к сожалению, снаряды только артиллерийские. В один из глубоких окопов я захожу с отделением унтер-офицера Бруно Шпренгала. Наши минометчики пока даже не построены, у них нет никаких боеприпасов! Их придется определить к пехотинцам. При этом ручное оружие у них — только пистолеты. У меня, между прочим, имеется одна из новых штурмовых винтовок с примкнутым штыком, то есть «собранная полностью». Русские начинают с сильного артиллерийского обстрела, особенно из ставшей у нас такой популярной «черной

свиньи». Наверху, у входа в дзот, стоит наблюдатель, который должен сразу же сообщить, как только появятся русские. В нескольких метрах слева у нас есть маленький бункер-землянка. Во время перерыва в стрельбе я иду туда с моим связным и еще с двумя сопровождающими. Мы проходим совсем немного, так как далее лежит оберлейтенант Хиннерк с несколькими людьми. Мы с нашими пистолетами и карабинами, а также штурмовой винтовкой оказываемся в резерве на случае контратаки. Командир пехотного подразделения должен находиться слева от нас примерно в ста метрах. Впрочем, возможно, он ранен, так как связист, которого я послал туда, чтобы установить контакты, вернулся ко мне только с картой, которую нашел на месте. Я передаю ее командиру батальона. Пока Першкен еще находится в наших руках, и там русские, вероятнее всего, перейдут в атаку. Так и происходит. Сначала противник занимает опушку леса, предварительно обработав ее минометным огнем, так что осколки летают буквально у наших ушей. Особенно безобразно ведут себя «корчеватели деревьев». Так называют орудия с особо чувствительным взрывателем. С каждым разом они переносят огонь все дальше в глубь леса. Затем раздаются крики «ура! ура!» наступающих Иванов. Они уже около одного из окопов. Однако непосредственно перед нами их еще не видно. Но вскоре мы уже замечаем, как слева и справа от нас они проникают в лес. Обороняться здесь нам сложно. Правда, из леса по русским наша артиллерия ведет огонь, но мы чувствуем угрозу с обоих флангов. В то время как мы напряженно ищем выход, с обеих сторон леса раздаются отвратительные крики буйствующего противника. Затем все совершается очень быстро! Танки стреляют по нашей позиции в лесу из пушек, осколки минометных мин буквально косят траву.

Прямо конец света! Я посылаю солдат, чтобы забрать продовольствие в землянку. У одного из солдат — штурмовая винтовка. Я беру свой пистолет-пулемет. В окопах мы переживаем обстрел. Противник внезапно прекращает огонь, и наступает тишина! Я не верю своим глазам. Солдаты выходят из окопов и землянок. Однако за 100 м перед нами раздается дикий крик «ур-ра!», и иваны идут на нас. Мой связист проклинает все на свете, надевая трехгранный штык на винтовку. Остальные минометчики спрятались за первыми попавшимися укрытиями и стреляют в противника. Почти у половины моих людей нет никакого оружия, кроме пистолетов, которые не могут стрелять на дальнейшее расстояние. Мой связист стреляет из своей штурмовой винтовки. Я прыгнул за толстое дерево и прицельно стреляю в самых первых врагов. Наш огонь вынуждает русских бросаться носом в грязь! Они остаются лежать, а это уже большой успех для нас! Мы стреляем еще несколько раз и уже надеемся, что нападение отражено, как мимо нас прошумели мины, а затем по деревьям затрещали осколки. Мы даже не слышали выстрелов миномета, открывшего стрельбу. Я оглядываюсь в поисках укрытия. Дважды рядом со мной пролетели осколки, и мне показалось, будто бы кто-то бьет меня по ногам дубинкой. Потом я почувствовал какое-то жжение в обеих ногах. Я мешком заполз за деревья. Правая нога была парализована, начиная с колена. Сначала я вовсе не ощущал боли, весь поглощенный происходящим боем. И только теперь понял, что ранен. Ища помощи, я осматриваюсь. Вижу, как наш командир кивает солдатам и исчезает в лесу. Люди где-то сзади. Я хочу заползти поглубже в лес, но ноги окончательно отказывают.

Я беспомощно смотрю вперед, русские возвращаются, они уже в 50 м от меня. И я не могу даже двинуться. Проклятье! Я поднимаю свой пистолет-пулемет и вставляю новый магазин, так как все пули были уже израсходованы. Стреляю в приближающихся иванов, с трудом глотая воздух. Затем внезапно появляются двое моих минометчиков и спрашивают: «Что случилось, господин унтер-офицер? Мы должны вас забрать?» Одного из них зовут Пауль Шмиц (из Вольбека, монастыря в Вестфалии), другого я даже не могу, к сожалению, вспомнить. Узнав, что со мной, берут меня на руки и исчезают в густом лесу от преследующих нас ружейных выстрелов приблизившегося противника. Но едва мы избежали опасности, как русская артиллерия перенесла огонь на более близкое расстояние, и теперь огромные «глыбы» «черной свиньи» застучали в лесу. Особенно опасны «корчеватели деревьев». А их осколки так и сыплются вокруг. Мы прячемся в маленькой, почти плоской ямке от бензиновых бочек. Здесь мы все трое немного отдохнули. Несколько бензиновых бочек все еще лежали там! Возникало противное чувство, когда подумаешь, что в эти бочки может угодить снаряд. Тогда «прощай, родина!» Когда огненный вал приостанавливается, мы собираемся, и я, сжав зубы, тащусь один, упираясь на мой пистолет-пулемет, как на костыль, чтобы мои друзья не считали меня бесчувственным и слабым. При каждом шаге обе ноги во всех местах горели, как раскаленное железо. Из дыр резиновых сапог, которые я ношу до сих пор, так как мои войлочные остались в Кенигсберге, временами брызжет кровь. Это очень беспокоит меня. Сзади раздается скрип сапог проникших в лес русских, что заставляет нас «бежать» быстрее. Мы добираемся до лесной поляны в 150 м от опушки. Немного отдохнули и сориентировались. Видим отдельных солдат, которые ищут спасения. Внезапно мимо нас проехал броневик, и сидящий наверху взволнованный офицер крикнул нам, что мы должны идти вперед и защищать свои позиции. Я объясняю ему, что ранен. Тогда он оставляет одного из минометчиков со мной, а другого заставляет идти снова «вперед». Я передаю ему свой бинокль, благодарю и прошу вручить его Хиннерку с известием о моем ранении и о том, что он должен взять на себя командование минометной ротой. Взвыл мотор, и броневик помчался дальше. Повсюду он собирает солдат, которые убежали в лес, и отправляет их на позиции. На лесной дороге стоит несколько грузовиков. Вскоре лейтенант возвращается уже на мотоцикле с коляской и берет меня с собой. Я прощаюсь с моим минометчиком и прошу передать привет нашему капитану и всем моим солдатам. В лесу все еще трещат осколки снарядов орудий и минометов, но русские больше не атакуют. По-видимому, их все же удалось задержать. Я проехал на мотоцикле не так далеко. За лесом мы выезжаем на дорогу. Мотоцикл не может ехать дальше. Однако у меня есть возможность продолжать путь на санитарной машине. Я сижу за спиной водителя на узкой скамье. В самые колени мне упираются вдвинутые сюда носилки, и я не могу вытянуть ноги. Пока мы ожидаем отъезда, я с трудом сдерживаю мучительные стоны. Около 17.00 мы все еще стоим, так как все хлопочут о создании новой линии обороны. Здесь собираются отставшие от своих частей солдаты. Я вздыхаю с облегчением, когда машина наконец трогается. Нас везут в полевой госпиталь, который, однако, прямо сейчас уезжает. Здесь уже никто не занимается ранеными. Между тем наступает ночь. Мы видим повсюду осветительные ракеты, слышим,

как проклятые русские «швейные машинки» (легкие учебные самолеты У-2 с крыльями, обтянутыми материей) бросают повсюду бомбы. Мы видим больше, чем слышим, из-за шума мотора машины. Но однажды бомба падает слишком близко. Что-то сверкнуло рядом, и мы быстро уезжаем. Наша машина едет еще некоторое время, а затем останавливается. Сопровождающий ворчит, что их так и не снабдили в достаточном количестве горючим. После длинного мучительного ожидания на узкой скамье я уже не могу больше терпеть боли и перебираюсь назад к двери, правда, едва ли не зажатый между носилками. Но как долго все это будет продолжаться? Сопровождающий не появляется, а мы совершенно беспомощны без него. Предоставлены самим себе! Медленно идет время. Наконец я слышу громкие разговоры. Появляются двое мужчин, и я обращаю на себя внимание такими громкими стонами, что, к счастью, они берут меня с собой и грузят в какое-то узкое, похожее на ящик, сооружение в транспортное средство. В этом длинном «ящике», который стоит на бухте каната прямо на земле, уже лежат трое раненых. Один на дне ящика, другой — на нем, и теперь еще меня кладут сверху! Лежащий снизу раненый не стонет и не возмущается, хотя на него положили еще двоих мужчин. Мы медленно отъезжаем. Когда вся колонна отправляется, я слегка приподнимаю крышку «ящика», чтобы сориентироваться. Небо полно осветительных ракет, проклятые «швейные машинки» очень активны и все время пролетают над нами. Их моторы время от времени шумят над нами, и сверху падают две-три бомбы. Часто я могу видеть даже огни выхлопа моторов этих «ворон». Каждый раз, когда бомбы разрываются на дороге, кучера с повозок и другие солдаты бегут в придорожные канавы или в окопы, пытаясь укрыться. У меня такое чувство, что я лежу высоко над дорогой, по крайней мере на метр, не меньше. И без какой-либо защиты, причем мы часто слышим жужжание пролетающих мимо осколков. Но наибольшее опасение внушает то, что фронт, судя по ракетам, совсем рядом. Я слышу и даже вижу, как освещают ночную тьму снопы пулеметного огня. Затем над головой проносятся снаряды. Я смертельно устал, и глаза уже перестают что-либо видеть. Мой громоздкий пистолет-пулемет больно жмет мне на живот. Но пока мне вовсе не хочется расставаться с оружием. Ведь я вообще не имею представления, что здесь происходит и как далеко продвинулись русские. Вероятно, мне еще придется пустить в ход пистолет-пулемет.

18 марта 1945 г. Наконец мы прибываем на место — Волитта. Между тем уже стало совсем светло. Холодно. Весь промерзший, я тащусь, как и другие раненые «хиви» (бывшие русские солдаты на немецкой службе), с санитаром (солдатом) на дивизионный медицинский пункт. Он размещен в одном из крестьянских домов. Здесь лежат или сидят, опираясь на костыли, тяжелораненые, на три четверти уже мертвецы. В доме все помещения и комнаты полностью забиты этими бедными парнями. Одни слабо стонут и передвигаются туда-сюда, однако большая часть лежит спокойно, закрыв глаза. И снова мне повезло! Два солдата доносят меня до двери перевязочной и оставляют там. Мне, пожалуй, пришлось бы ждать полдня, пока подойдет моя очередь. В таких ситуациях черно-серебристая нашивка на рукаве, отличающая «Великую Германию», конечно, имеет преимущество. Поэтому я прождал только один час. И все равно он показался мне очень длинным! Это было похоже на то, как мы лежали за

лесом, прислушиваясь к хорошо нам известным «шумам» фронта. Наконец меня кладут на стол. Я вижу врача в его окровавленном халате. Перед этим он как раз ампутировал ногу. Она до сих пор валяется под столом в большом чане. В самом помещении стоит ужасный запах крови, гноя, анестезирующих лекарств и пота. Я вынужден снова и снова смотреть на ампутированную, разорванную на куски ногу, валяющуюся в чане. Безграничный страх охватывает меня: «Сохраните мою ногу! Только не это!» Врач с похожим на маску лицом зажигает сигарету, идет в соседнее помещение. Там он будит своего сменщика. Того, кто уже несколько часов подряд видел этот ужас, эти разорванные на куски тела, ампутированные ноги и руки и умирающих людей. Вероятно, большинство из них уже отмечены крылом смерти, но они ждут, однако, помощи и надеются на спасение. Санитар стягивает с меня резиновые сапоги и затем по всем правилам искусства ножницами разрезает на бедре мой окровавленный мундир, а затем кальсоны. Приходит врач, видит многочисленные раны от осколков и грубо чистит их пинцетом, удерживает лоскут материала, отрывая его от раны, и что-то говорит санитару. Я смотрю на него вопросительно. Затем он подходит к другому врачу, который бросает взгляд на мои ноги, и говорит: «Там осталось еще много мелких осколков, которые здесь мы не сможем все вынуть. Кости, к счастью, целы. Итак, теперь, повязка с риванолом, шина. Прививку от столбняка делал? Ах да, в вашей солдатской книжке значится сентябрь 1942 года. Тогда еще делали прививки!» Затем санитар наносит желтый риваноль на полосы марли, на раны и вокруг ног. Накладывает шину от бедра до пятки и далее до пальцев ноги. Потом все это обматывает полосами бумаги! Повязок из материи или марли, пожалуй, больше нет. Бедная Германия! В то время как я лежу здесь, на столе, бомбы летчиков с Ил-2 гремят снаружи. Поблизости разрываются мелкокалиберные бомбы, затем слышится шипение запускаемых ракет и в последнюю очередь продолжающие стучать несколько минут молоты бортовых пушек и треск пулеметов. Затем все солдаты, которые могут еще бежать, несутся в укрытия. Теперь я перевязан, и меня с историей болезни переводят в «дом 4». Двое санитаров поднимают меня на носилки, и мы отправляемся. Как только мы появляемся между домами, русский снаряд, как привидение, обрушивается точь-в-точь на нас и врезается в землю, но не разрывается. Это так называемый случайный снаряд, как его называют. Но он вполне может еще рвануть, ранить случайным попаданием или даже убить! От страха оба санитары бросают меня и мчатся в укрытие. Они не решаются прийти сюда снова. Мне совсем не улыбается погибнуть еще раз, и чувство страха не оставляет меня. Наконец мои «герои» все-таки появляются и быстро тащат в следующий дом. Однако это не номер 4! Я радуюсь тем не менее, что оказался снова под крышей и в тепле. Некоторое время я лежу совершенно спокойно и вспоминаю о последних часах боев. «Где, интересно, мои друзья теперь? Конечно, как раз там, где снова ревут реактивные установки «катюши»! Серийные артиллерийские выстрелы раздаются совсем близко отсюда. Земля даже здесь дрожит! Вражеская пехота, к счастью, не появляется. Но небо, кажется, полным-полно русских самолетов. Я нахожу сигарету и закуриваю. Затем осматриваю помещение, куда попал. Это маленькая комната, вероятно, удобная для восточнопрусского крестьянина. Теперь она пуста, только на полу лежат охапки соломы. Там положили десяток

солдат. Я бросаю взгляд то на одного, то на другого. Картина просто зловещая. Здесь лежат только ампутированные, почти все без сознания или заснувшие от усталости. У них у всех толстые белые повязки. Иногда лишь слегка двигается рука или нога. Они стонут. Я с ужасом смотрю на того, кто лежит рядом со мной. Боже мой! Я вижу у него вместо головы толстые белые повязки, все пропитанные кровью. Только по слабому свистящему дыханию и впадинам на груди я догадываюсь, что бедный парень еще жив! Я ни с кем не могу говорить, да никто здесь мне и не ответит. Я снова слышу шум моторов, вояки снаружи мчатся под защиту зданий. Я прижимаюсь к стенке под окном, чтобы получить хоть какую-нибудь защиту. Скоро «привидения» улетают. Возможно, русские уже приближаются. В комнате есть изразцовая печь, и я ложусь около нее. Печь излучает еще немного тепла. Как долго я еще буду лежать здесь? За окном слышны какие-то крики, топанье ног и беготня. Кажется, там что-то происходит! Запрягают лошадей, грузят машины! Что случилось? Я приподнимаюсь и смотрю в окно. Вижу, как какие-то солдаты с фаустпатронами бегут к пулеметам и минометам. Зенитное орудие на самодвижущемся лафете подходит к домам. Начинается артиллерийский обстрел! Страх опять охватил меня. Неужели нас оставят здесь так просто? Открывается дверь, входит санитар, идет от одного к другому, трясет их — никакой реакции! Он слушает пульс, нажимает на белки глаз. Мертвые — мертвые — мертвые! Я — единственный, кто здесь еще жив. Санитар берет солдатские книжки из карманов мертвых и открывает капсулы с личным знаком. Затем он ищет то, что осталось в сумках. Там курительная трубка, портсигар, записная книжка и другие вещи. В сумке у одного из мертвых наполовину пустая банка с маслом и небольшое количество хлеба. Также коробка с несколькими сигаретами. Санитар спрашивает, нужно ли мне это. Сначала это меня корбит, но затем соглашаюсь, так как не знаю, получу ли в дальнейшем что-нибудь из еды или курева. Я спрашиваю его, что значило там, снаружи, это беспокойство? Он отвечает, что дивизионный медицинский пункт должен сворачиваться, так как противник, видимо, прорвал фронт где-то впереди. Затем он быстро выходит. Бедные парни, которые лежат здесь, — это танкисты, пережившие тяжелые сражения, у которых были подбиты и сгорели машины. Теперь у меня только одна мысль: как бы меня не забыли здесь! Изо всех сил я ползу к двери и вижу, как санитары готовятся к выступлению. На машины для перевозки лошадей грузят большое число раненых, но ко мне никто так и не подходит. Я кричу в проем двери и угрожающе размахиваю пистолетом-пулеметом. Тогда ко мне все-таки приближаются двое санитаров и несут меня на одну из машин. Врач остается. Он решает передать в крайнем случае русским нетранспортабельных раненых. Грузовики доверху нагружены мешками для белья, рюкзаками и ящиками санитаров. Все нервничают. Артиллерийская атака продолжается. Наконец мы отправляемся. Быстрее прочь отсюда! Пути забиты. Множество транспортных средств движется по улицам, медленно пробиваясь из городка. Хуже всего, что легчики с Ил-2 не оставляют нас в покое. Они беспрепятственно кружатся вокруг, бросают бомбы и ракеты, стреляют из пулеметов по грузовикам, домам и солдатам. Когда-то гордая боевая немецкая военная авиация не может противопоставить им ничего. На набережной зенитная пушка делает все, что может, но теперь она вынуждена защищать уже сама себя! Дым,

чад от горящих грузовиков разносятся по улицам. Солдаты спасаются от атак летчиков на полях. Если самолеты подлетают к нашей колонне, то все солдаты и раненые, которые могут еще бежать, прыгают с грузовиков и отбегают от них, прячась в уличные канавы или в окопы. Мы, остальные раненые, лежащие в кузовах машин, обреченно смотрим на хозяйничающие в воздухе самолеты. Остается только ждать, уничтожат нас или же поездка все-таки продолжится. Во второй половине дня колонны застревают в сплошном потоке машин. Грузовой автомобиль, который едет в Валгу, берет с собой раненых. Мне одному из последних удастся попасть на него. Теперь мы движемся быстрее! Наступает ночь. Ехать еще быстрее? Но это, пожалуй, будет ошибкой! К утру наш грузовой автомобиль останавливается — кончилось горючее! Я уже знаю, что это такое! Сопровождающий нас санитар берет две канистры и отправляется на поиски. Проходит два часа, но его так и не видно.

19 марта 1945 г. Мы, замерзшие, лежим в кузове грузового автомобиля. Возникает страшный вопрос: что будет теперь с нами? Наконец приближается отставшая колонна. Я с несколькими ранеными выбираюсь из грузовика, и мы едем через Валгу в старый Орденсбург. Там остаемся в старой церкви (церковь Ордена). Здесь убрали все скамьи и положили на пол солому. На ней бок о бок лежат многочисленные раненые. Бог мой! Какое бедствие! Я осматриваюсь, но не вижу ни одного из знакомых. Несколько часов лежу с закрытыми глазами. Потом чувствую сильный голод. Из планшета я вытаскиваю банку масла и кусок хлеба. Я так голоден, что хлеб мне кажется сладким пирогом. Затем поворачиваю голову к алтарю, который освещен пробивающимися солнечными лучами. На нем — икона Божьей Матери с Младенцем. Окружают их толпы ангелов. Все, что позолочено, блестит и сверкает. Мы еще не были никогда так близки к небу, как здесь! Я так восхищен этой картиной, что вынимаю свою фотокамеру «Агфа» (приобретенную в Гут Весдельне) из футляра и фотографирую эту прекрасную картину. К сожалению, я так и не увидел этой фотографии. Я закопал пленку в саду моего дяди в Шверине с другими вещами, прежде чем убежать 1 мая 1945 года из военного госпиталя через Гадебуш — Роггендорф — Лассан от русских! Я выпиваю остаток воды из походной фляги. Раненых беспрерывно приводят в церковь, но я не вижу врачей, хотя санитаров здесь много. Наконец ко мне подходит какой-то санитар (что достойно записи, так как это событие спасло мне жизнь). Мочевой пузырь уже не в состоянии выдержать давления, и это становится совершенно невыносимым и даже болезненным! Санитар отвечает на мою просьбу и передает консервную банку с обрезанными зубчатыми краями. Теперь я пытаюсь помочиться, но лежа это сделать совершенно невозможно. Лежащие рядом вояки замечают мои усилия и делают разные глупые замечания! У меня ничего выходит, и я страшно мучаюсь. Наконец подходит санитар с двумя костылями, и я имею возможность встать. Едва я отошел несколько метров от церкви и остановился за большим каменным надгробьем, как загремела русская артиллерия, и затем тяжелые гранаты «черной свиньи» зашипели со стороны Вальды. Черные облака дыма указывали на то, где разорвались снаряды. Я кое-как отполз к церкви. Следующие осколки трещат уже на кладбище. У меня создается впечатление, что иван имеет своим ориентиром для пристрелки как раз эту церковь. Но в ней я чувствую себя спокойно. Я ложусь,

прижавшись к мощной каменной стене, рядом с дверью. И снова бросаю взгляд внутрь на кафедру и алтарь. Солнечные лучи упали на фигуру Христа и позолоченных ангелов, и они ярко засверкали. Я невольно подумал: «Мой Бог, как ты можешь позволить, чтобы здесь происходило такое!» У меня перед глазами возникают маленькие дети, замерзающие на обочинах дорог, раненые, лежащие здесь, вообще все, кто испытывает сейчас бедствие и нужду. «Бог мой, ты покинул нас?» Но Бог молчит! Я невольно вспоминаю заглавие одной из книг о Первой мировой войне. Снова трещат осколки снарядов, которые пугают меня. Я оглядываюсь в поисках лучшего убежища. За надгробным камнем нахожу место, где могу «опорожниться». Наконец мне это удастся, и облегчение приносит пользу! Внезапно подъезжает запряженная лошадей повозка. Кучер «хиви» прыгает с козел и кого-то ищет. Тут он видит меня, с черно-серебристой нашивкой на рукаве «Великой Германии», и кивает. Убедившись, что я ранен, он подходит ко мне, и я узнаю, что он послан для перевозки раненых из «батальона львов» «Великой Германии» отсюда в Розенберг. Там есть маленькая гавань, откуда корабли перевозят раненых в Пиллау. Так как в тот же момент церковь снова начинает обстреливать артиллерия, он быстро мчится к лошадям и успокаивает их. Затем подходит ко мне и помогает взобраться на козлы. Счастливый, я усаживаюсь там и вновь чувствую приступ боли. И затем слышу опять столь привычное ворчание в воздухе. Я вижу низко летящий штурмовик (Ил-2) с красными звездами на несущих поверхностях. Я вижу даже летчиков в кабине. И сразу же раздаются взрывы бомб, стук бортовых пушек — словно молотом по наковальне — и шипение ракет. Мне не очень-то приятно сидеть здесь так высоко на козлах. Если возникнет серьезная опасность, то я не смогу, как «хиви», спрыгнуть с козел. Но он внимательно наблюдает за самолетами и старается ехать так, чтобы повозку не было видно с воздуха, например под кронами деревьев. Когда самолеты улетают, он всю гонит лошадей. Наш путь ведет к заливу. Не больше километра остается до того места, где насыпь опускается к морскому берегу. Однако мы вынуждены время от времени останавливаться под деревьями, так как самолеты появляются вновь и вновь и стреляют во все, что движется по земле. А здесь много транспортных средств, часть которых закопана глубоко в землю. Я вижу бункер-землянку и узнаю флаг Красного Креста над ней. К нам подходит офицер медицинской службы и интересуется, куда мы едем. Узнав, что в Розенберг, он просит захватить с собой тяжелораненого, с огнестрельным ранением в живот, солдата. Трое бойцов приносят полумертвого мужчину и осторожно кладут его позади на повозку. «Пожалуйста, не давайте ему ни пить, ни есть», — говорит офицер и затем спрашивает меня, кто дал нам приказ ехать в Розенберг. В ответ я объясняю ему: «Хиви» был послан командиром «батальона львов» дивизии «Великая Германия» подобрать раненых из дивизии и сопровождать их в Розенберг». Мой «хиви» погоняет лошадей, и мы едем дальше. Воздух на данный момент, кажется, чист. Теперь мы едем по берегу песчаного пляжа у залива. Там стоят орудия всех калибров: зенитные пулеметы, реактивный миномет и зенитные орудия. Кроме того, на обрывистом берегу стоят закопанные грузовики с боеприпасами и пустыми ящиками. Рядом с орудиями выкопаны индивидуальные окопы для тыловиков. Едем дальше, теперь уже по равнине. Совершенно ясно, что эту неприкрытую ничем местность все время бомбят и обстреливают

самолеты. Мой последний бастион — это спина «хиви», защищающая меня от осколков. Время от времени небо очищается, но потом снова появляются самолеты и грохочут бомбы так, что закладывает уши. Я судорожно осматриваю небо. И вижу направляющийся к Розенбергу американский бомбардировщик «Бостон», бросающий на город бомбы. Взрывная волна доходит даже до нас. Все гремит и грохочет, когда бомбы взрываются и черные грибковидные облака поднимаются в воздух. Теперь прилетают русские самолеты и бросают бомбы на Бальба. Я вспоминаю о церкви, в которой лежат многочисленные раненые, и радуюсь, что больше не валяюсь там, в этой старой кирхе. Но здесь «хиви» поставил лошадей прямо под водосточный желоб, и вода всюду льет на меня. Обе лошади, по-моему, глухие, так как они не реагируют ни на воду, ни на взрывы, бушующие вокруг. На воде залива я вижу только несколько лодок, и их тоже обстреливают летчики. Я оглядываюсь, и вслед за мной «хиви» поворачивает голову. К нам направляется целый эшелон самолетов противника, которые собираются бомбить Розенберг. Но они, конечно же, нас заметили. Мой бог! Что теперь будет? Самолеты летят над пляжем и берегом, по которому мы едем. Здесь у нас нет никакого укрытия. И я уже слышу, как стреляют по нам бортовые пушки и пулеметы. Их грохот заглушает даже шипение ракет. Маленькие облачка зенитных разрывов растворяются в небе под фюзеляжами самолетов. Проклятье! Когда вокруг нас начинают подниматься фонтаны грязи и песка, мой «хиви» кувырком прыгает с козел в одиночный окоп. Я вновь вижу пилотов в кабине машин, которые, слегка покачивая крыльями, улетают теперь от нас. Один из летчиков отделяется от эскадрильи и летит на более важную для него цель. Это артиллерийские позиции зенитной пушки. Я вижу, как на прислугу орудия и лошадей обрушивается бомбо-штурмовой удар.

Бомбы взрываются прямо на позициях. Это просто ужасно! Едва эти самолеты исчезли, как со стороны Бальда показались новые машины. Меня охватывает безумный страх. Здесь, совсем близко от спасительной гавани, меня вполне могут еще раз ранить, уже более серьезно. Я невольно поднимаю воротник мундира, втягиваю голову — как будто это может как-то мне помочь! Здесь, на берегу, я наблюдаю ужасающие картины: убитых людей, разорванных на куски лошадей и кровь — снова и снова кровь! Это настоящее убийство. Я думаю, в Дюнкерке не было ничего подобного. Напротив! Гитлер берег англичан из политических соображений. Черчилль сказал тогда: «Мы могли бы установить мир, если бы того захотели!» Мой кучер «хиви», взобравшийся снова на козлы, погоняет лошадей дальше, на Фолиндорф. Повсюду та же картина! Здесь также бушевали бомбардировщики. Разрушен маленький мост через водоотвод, и мы должны ехать в обход, так как всю дорогу забили тягачи и грузовые автомобили. Наши батареи стреляют сюда с берега, но я слышу и вижу больше осколков, чем самих снарядов. Грузовые машины с боеприпасами и продовольствием убраны в укрытие. Рядом сидят солдаты, которые сжигают какие-то бумаги. Вояки снабжают себя всем, что только могут унести. Все ждут надвигающегося конца! Повсюду глубокие индивидуальные окопы, к которым мчатся солдаты, едва услышав рокот моторов. Меня больше всего беспокоит, что наши лошади при всем этом грохоте и неразберихе могут броситься бежать по улице. Но эти обе лошади, которые здесь спасают мою жизнь, прямо-таки великолепны! Или

же они просто глухие. Мы приехали в Фолиендорф — городишко на полпути от Бальда до Розенберга. На стенах домов, бортах грузовых автомобилей и других свободных плоскостях бросается в глаза лозунг, измалеванный белой краской: «Смелость и верность». У меня есть время поразмышлять. Я думаю о том, что немецкие солдаты здесь, в Восточной Пруссии и в ее городах Замланде, Пиллау и Кенигсберге, воевали, фактически только исходя из стремления спасти многочисленное восточнопрусское население, дать ему возможность убежать от жаждущих мести советских солдат. И уже снова прибывают проклятые летчики! Бортовым оружием они решили, пожалуй, уничтожить нашу повозку, так как вокруг нее сыплются осколки и взрываются маленькие бомбы. Отвратительное чувство! Я наклоняюсь, поднимаю воротник мундира. Так как «илы» обычно подходят сзади, из Фолиендорфа, мне всегда кажется, что меня ранят в спину, особенно потому, что я сижу высоко на облучке рядом с кучером безо всякого укрытия. Все трещит и свистит вокруг меня, осколки стучат по повозке, на которой лежит бедный парень с огнестрельным ранением в живот. Я был уверен, что он еще раз ранен или уже убит, но, когда летчики улетели, посмотрел на повозку и, к своему удивлению, убедился, что он еще жив! Но я не могу забыть ужасную картину! Бомбы упали прямо в группу из шести-восьми солдат. Теперь они лежат окровавленные, изувеченные, с оторванными частями тела и разбитыми головами! Это поистине страшно! И повсюду между убитыми рассеяны маленькие ямки от малокалиберных бомб, которые летчики сбрасывают в массовом порядке. После того как мы проехали там, я весь пропах кровью. Эти картины уничтожения никогда не изгладятся из моей памяти. Здесь окружен на самом тесном пространстве остаток 4-й армии, спиной упершийся в море: «Смелые и верные!»

Дальше! Еще дальше! Мы не должны здесь оставаться. Я уже вижу, как лошади дрожат и пар идет у них со спины. Однако держатся они великолепно! Друзья лошади! Я вам так благодарен! Вы надежные, бедные наши спасители! Здесь без вас я, конечно, не выжил бы. Теперь мы уже видим цель — Розенберг. Это единственное место, где залив выходит далеко к берегу. Я не вижу ни кораблей, ни сходен, ни людей. Вокруг причала вздымаются фонтаны взрывов, падающих высоко в солнечном свете. Невдалеке от высоты 21 (двадцать один метр над уровнем моря) слева тянется улица. Она ведет к набережной и круто к ней обрывается. Вокруг бесчисленные индивидуальные окопы, земляные бункеры и канавы, так плотно сгрудившиеся вместе, что не оставляют между собой никаких промежутков. Там я вижу толкотню солдат. Это наша охрана. Русские, конечно, знают, изучив по карте это место, что именно отсюда ведет дорога в основную часть Германии. Естественно, что здесь должны быть хорошо защищенные от авиации и обстрела объекты. Поэтому русские постоянно обстреливают местность между высотой 21 и набережной. На этой узкой полосе повсюду валяются осколки от «черной свиньи». Теперь иваны близки к цели, или что-то в этом роде! Пока мы здесь. Но удержим эту территорию ненадолго. Слышны выстрелы батарей, треск ручных гранат, вой снарядов и скрежет осколков. Они направлены на высоту 21 и прилегающую к ней территорию. Но ведется также обстрел улиц, а иногда набережной и акватории бухты. Обеспокоенно стоят лошади, дым идет с их крупов на солнце. Полные страха, они раздувают ноздри,

рвутся в сбруе. Начинает реветь ракетная установка «катюша», однако все ракеты ложатся на пляже и на воде у набережной. Высоко в небо поднимаются фонтаны воды, но они не приносят значительного ущерба. В воде плавает много опрокинутых, полузатонувших лодок. Спасительный причал для посадки на пароходы отошел от набережной примерно на 1,5 км. Мы продвигаемся метров на 150, но дальше ехать опасно из-за взрывающихся снарядов и их осколков. Пыль, грязь и пороховой дым висят в воздухе. При взгляде на причал в Розенберге я вижу несколько маленьких моторных и весельных лодок и паромов. Залив здесь полукругом вклинивается в гавань. Снова и снова фонтаны бурлящей пены высоко поднимаются из воды. «Боже мой! Если бы мне только удалось попасть на причал!» Жуткий страх снова охватывает меня, может быть, сильнее его я еще нигде не испытывал. И если вся упряжка или только одна лошадь падет, куда я побегу с толстой шиной на ноге? При каждом толчке раненный в живот солдат стонет, и мы должны ехать очень медленно и осторожно. Нервы мои на пределе. «Друг, заткнись, пожалуйста, у нас здесь совершенно другие заботы!» С крутого склона высоты 21 нам кричат несколько вояк: «Ты идиот! Уезжай отсюда со своей телегой быстрее, ты вызываешь огонь на себя! Русские вот-вот будут здесь! Уезжай быстро!» Я не знаю, что нам делать дальше. Из-за плотного огня какое-либо движение вперед просто невозможно, осколки сыплются на улицу всего лишь на расстоянии ста метров перед нами. И все-таки мы медленно двигаемся, так как здесь уже стали слышны ружейные выстрелы. Я не думаю, что мы можем проскочить невредимыми. И все-таки это единственный выход. Я толкаю в спину «хиви»: «Вперед! Давай!» Затем сверкает молния разрыва прямо перед нами. Грязь, пыль, чад, осколки! Мы погоняем лошадей. Мой «хиви» сидит смертельно бледный рядом со мной. Я нахожусь в таком же жутком состоянии, как и он. «Хиви» держится одной рукой за козлы, в другой у него хлыст. Я рву его у него из рук и кричу на бедных лошадей так, что меня вполне может услышать противник: «Ей! Ей!», и с шумом орудую кнутом. Мы попадаем в плотное облако пыли, и я уже вообще не знаю, что происходит вокруг. Вижу только с трудом пробивающиеся через пыль и дым лучи солнца. Становится все светлее и светлее! И все-таки мы прорвались! Но впереди снова взрываются снаряды. Сюда доносится только их треск и вой «ииии!», но это от 25 до 30 м до нас. Мы едем дальше. Теперь лошади раздувают ноздри и несутся, словно смерч. Я боюсь, как бы не упасть с козел. Решаюсь подъехать к Розенбергу, но слышу, что над ним воют самолеты. На расстоянии видимости от города мы останавливаемся в более или менее удачном укрытии. Летчики летают как-то лениво, но достаточно дерзко. Они бомбят артиллерийские огневые позиции на морском берегу. Там снова высоко поднимаются грязь, чад и дым. В то же время я слышу гром зенитных орудий. Но «упрямые летуны» продолжают стрелять из бортового оружия. Будучи защищены снизу броней, они опускаются к самой земле. Никто не может сбить их. Наконец молоты бортовых пушек замолкают, и не шипят больше ракеты. Самолеты перепахали весь Розенберг. Все здесь выглядит ужасно! На улицах наряду с горящими руинами появились огромные воронки от бомб, дома сжаты взрывной волной друг с другом. Здесь остались целыми только маленькие домики. Я никогда не забуду ту ужасную картину, которую затем увидел. На большом дереве, в которое угодила бомба, я вижу, в четырех-пяти метрах

над землей, на нижних ветвях висит самоходная машина. Водители и санитары, сопровождающие раненых, мертвы. Их тела спускаются из открытых дверей! Позади двери широко открыты. Мы двигаемся дальше по Розенбергу, пытаюсь найти причал для посадки на суда. Я замечаю повсюду укрывшихся у стен домов и руин от 10 до 12 раненых. Если раздается взрыв снаряда или же летчики бросают бомбы, они боязливо стараются вжаться в стены. Здесь едва ли имеется дом, который не был бы разрушен. Я с сожалением не встречаю ни одного солдата, у которого можно было бы спросить, как проехать к причалу. Зловещая атмосфера! Горящие дома, шелест, громохание обрушивающейся кладки. Там будут, вероятно, еще раненые, которых не достал снаряд или пуля, но поразили кирпичи разрушающихся домов. Много мертвых, но вновь и вновь попадают раненые. Они лежат и в полуразрушенных домах и ждут, когда к набережной из Пиллау подойдут суда, чтобы забрать их. Улицы, покрытые мусором и грязью, служат для нас большим препятствием. Мы поворачиваем в переулок — повсюду та же картина! Испуганные, вновь слышим зудящий шум мотора Ил-2. Снова прибывают эти проклятые летчики, чтобы поражать артиллерийские батареи на морском берегу. Отдельные тяжелые снаряды взрываются на незначительном расстоянии от дома, который превратился уже в огромные руины. Мы неожиданно останавливаемся на перекрестке у жандармского бетонного бункера и узнаем полевого жандарма по жестяному знаку, который висит на цепи на его шее. Эти жандармы внушают страх обывателям. Мы их называем «кулачными героями». Их задача — повсюду добиваться соблюдения порядка. Однако местный жандарм боится даже голову высунуть из бункера. Мы останавливаемся, чтобы узнать, как пробиться к причалу. Я спрашиваю жандарма, стараясь перекричать рев бортовой пушки: «Где самый короткий путь к посадке на корабль?» Жандарм объясняет, как туда проехать, и сразу же скрывается в своем бункере. Теперь, однако, для нас нет ничего более важного, чтобы убраться отсюда! На следующем углу, как он сказал, я смогу увидеть в ста метрах этот причал! Сделано! Повозка катится к цели, слышу, как сердце бьется у меня в груди. Теперь все хорошо видно. Я притормаживаю повозку и медленно въезжаю на причал, туда, где обычно ездят верхом. Но не вижу никого вокруг. Несколько вояк, которые, как я наблюдал, катили по деревянным брусьям бочки и отдыхали на причале, сидя на балке, здесь теперь уже нет. Ах, они наверху! Безмолвно смотрят на нашу повозку, но затем продолжают свое дело. «Вы что, с ума сошли? Иваны здесь просматривают все! Сейчас нас накроет огнем!» Я мог понять их страх, но и мне необходимо спуститься с козел и сгрузить с повозки солдата с ранением в живот. Я стал действовать очень энергично! Наконец они поняли нашу ситуацию. Руки солдат спускают меня вниз. Потом берут бедного раненого. Он еще жив! Они кладут его осторожно на брусья. Затем распрягают лошадей, садятся на них верхом и уезжают. Я не знаю, что с ними позже случилось. Но меня они крепко подвели. Мой «хиви» прячется с одним солдатом за брусья. Я охотно пожелал бы ему всех благ, так как он был тем, который помог мне в Бальге пересечь на его повозку и довез досюда. Больше я его не видел. Я сижу на причале со своей длинной затянутой в бинты ногой. Появляются солдаты из дивизии «Герман Геринг», которые ждут здесь парохода. Все они снабжены необходимыми документами, все имеют какое-либо специальное образование,

или же это танкисты без танков. Они думают, что корабль уже скоро прибудет. Как только снаряд взрывается на причале, все быстро исчезают за парашютом набережной. Из Розенберга прибывают отдельные раненые. Некоторые прихрамывают или даже ползут! Наконец я вижу, как к набережной подходит маленький корабль, раскачиваясь на высокой прибрежной волне, и наезжает почти на причал. Быстро спрыгивают несколько матросов, нахлестывают причальный канат на тумбу и затем кричат: «Быстро! Быстро! На корабль!» Матросы помогают мне взобраться на палубу. Вносят также солдата с ранением в живот. Он стонет, так как его поспешно тащат на палубу, не думая о деликатности. Затем матросы сгружают ящики с боеприпасами и лекарствами и кричат приближающимся солдатам: «Быстро! Быстро! В темпе! На корабль!» Всех раненых, которым удалось попасть на пристань, также приводят на корабль. Затем отдают швартовы! Моторы начинают работать на полную мощность! Судно вздрагивает. Описывая длинную дугу, корабль на большой скорости отходит от гавани на широкую воду. Русские мины поднимаются почти вертикально и устремляются к нашему судну. Отработанные гильзы зенитного орудия тоже падают в воду около нас, но не причиняют судну никакого вреда. Нос корабля высоко поднимается над волнами, а затем опускается корма. Матрос называет мне тип нашего корабля, именуемого «Ратае», которого я раньше никогда не видел. Это «Корабль Зибеля» — специальное судно инженера-конструктора Зибеля. На судне имеется зенитное орудие, которое защищает «Ратае» неплохим прицельным огнем. Так быстро, как только возможно для этого типа судна, корабль идет, отдавшись от побережья, в направлении Пиллау. Теперь я уже вижу приближающуюся к нам гавань в середине набережной и восточнопрусскую землю, там, где 4-я армия пришла к своему закату. Это случилось у немецкого Бахнау правее от русского блокадного кольца невдалеке от Розенберга у набережной залива и на востоке от Бальги со старой церковью, откуда я начал свою поездку, — вероятно, у Волиттника, правее другого крыла залива, отделенного косой. Существует ли сейчас еще Райхсштрассе — я не знаю. В книге Рейнхарда Хаушильда «Плюс минус нуль?» под заголовком «Горящий залив» — издательство Шнеекют — в 1952 году описаны все страдания и конец 4-й армии в котле Восточной Пруссии 29 марта 1945 года, как раз в то время, когда я там находился. Я верю, «котел» даже не занимал площадь в три километра! В этом полукруге всюду стояли страшный чад и облака дыма, которые возникали после разрывов ракет из орудий «катюша», снарядов «черной свиньи», выстрелов и осколков танковых и противотанковых пушек. Сверх этого, сюда, на морской берег, долетали снаряды собственных батарей. В трех местах я видел места запусков аэростатов с тросами, там, где замыкалось кольцо блокады у залива. Об этом периоде атаки русских говорили облачка взрывов зенитного орудия. Передо мной встают, как на сцене, шум, гром, грохот, треск и дым на почти безоблачном ясном небе и светлом солнце марта! Примерно на сто метров в высоту поднимался дым от горящих домов, транспортных средств и танков. Куда же делись люди? Пулеметы тархтят, слышны отдельные ружейные выстрелы. Это те, кто еще способен обороняться, последние смельчаки, которые пытаются сдерживать натиск врага, несмотря на его значительный перевес, на территории, отрезанной от 65 до 75 км от немецкого Восточного фронта. Он протянулся где-то в районе

Данцига. Теперь я уже избежал непосредственной опасности в районе боевых действий — но как бы русские не подошли к Пиллау? Если совсем немного времени осталось теперь до полной ликвидации армии, то зачем нужны были эти тяжелые и убийственные сражения?

Потери с 15 января 1945 г. по 29 марта 1945 г.:

14 586 воинов — из них 390 офицеров. Убитые / раненые — здесь не имеет значения. Только с 13 марта 1945 г. по 29 марта 1945 г.:

5653 воинов — из них 120 офицеров. Убитые / раненые — здесь не имеет значения. И Бог молчал?

В заливе несколько маленьких пароходов и лодок проезжают между Пиллау, косой и причаливают к берегу, где замыкается котел вокруг 4-й армии. Это маленькая, тесная территория. Мы выходим в Пиллау без дальнейших инцидентов. В гавани разгрузка идет очень быстро, так как все опасаются воздушных налетов. Меня со многими другими ранеными отправляют в барак на территории порта. Уезжая, я вижу два грузовых судна, приставших к набережной, к которым идут длинные очереди эвакуированных. Это преимущественно жители Восточной Пруссии, которые вынуждены оставлять здесь свои повозки, нагруженные различным добром. В бараке каждый ищет для себя подходящее место, чтобы устроиться на ночлег. Фельдфебель записывает наши имена, фамилии, звания и номера полевой почты. Таким образом, мы регистрируемся. Он обещает нам снабжение продовольствием. Мы теперь находимся в ожидании. Надо надеяться, что не будет налета авиации. Мы, совершенно беззащитные, лежим в деревянном бараке. Внезапно к нам приходят несколько матросов причалившего к пристани корабля и спрашивают: «Кто желает выехать в Швецию? Мы приведем вас к кораблю, но только раненых». Я не медлю ни минуты.

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГИ САЙЕРА.
«ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА».**

Дневник рядового Вермахта.

МЕМЕЛЬ

Нас перебросили обратно на север для соединения с Курляндским фронтом. Однако это оказалось невозможно. Тогда остатки дивизии перегруппировали. Попытки объединить фронт привели к ужасным потерям. В этот период, в ходе боев, происходивших несколько южнее, русские достигли Балтийского моря. Завязалась кровопролитная схватка. Повсюду маячили испуганные беженцы, затруднявшие оборону нашим войскам.

Все мирное население Пруссии бросилось к побережью. Перед нами стоял выбор. Мы могли повернуть на север и пробиться через передовые позиции советских войск. Или же пробиваться к фронту, созданному под Мемелем. Командование дивизии вскоре осознало, что путь к Кенигсбергу или даже Эльбингу закрыт. Оба города находились под угрозой, причем ближайший из них на расстоянии более ста пятидесяти километров. Нам бы пришлось сражаться за каждый километр без надежды на успех. К тому же наверняка возникли бы затруднения с продовольственным обеспечением войск: все забрали беженцы.

Вот почему командование выбрало Мемель, который с осени оказался в окружении. Нам предстояло пробить путь себе и толпам беженцев. Они замедляли наше продвижение, а часто вообще и парализовали его.

Мы проходили города и деревни, обитатели которых еще несколько дней назад жили мирной жизнью. Правда, и тогда они уже понимали, что опасность

грозит им в любую минуту. Последние два дня все немцы, старики, женщины, дети из последних сил рыли окопы, сооружали блиндажи для артиллерии и противотанковых орудий, чтобы остановить продвижение танковых войск противника. Они предпринимали все возможные усилия, действуя с храбростью, достойной восхищения. И тут перед ними появились солдаты — изможденные, оголодавшие войска, которые устали и сражаться и жить, для которых человеческие страдания значили теперь не больше, чем проигрыш в шахматах.

При любой возможности делалось все для обороны. Преследовавший нас по пятам враг угрожал мирному населению. Его следовало остановить.

Занятые этим полки пытались затушить всю горевший пожар. Все понимали, в каком отчаянном положении они оказались. Они предпочли бы умереть. Но война продолжалась, горела, как огонь, требовала их участия. Те, кому удастся прорваться до Мемеля, возможно, погибнут там. Но умереть под Мемелем казалось и легко и почетно. Погибнуть же здесь, в месте, в котором даже не ведутся настоящие боевые действия, казалось позором.

В конце концов нашей дивизии, вернее третьей ее части, удалось прорваться в Мемель. Местное командование усилило полками «Великой Германии» оборону города. Героические подвиги обошлись нам в пятнадцать тысяч убитых. Немало было и пропавших без вести, которых вычеркивали из ротных списков, среди них — Зименлейс и Винке.

Возможно, мы сами загнали себя в западню. Нам приходило в голову, что русские нарочно пропустили нас. Мы привели с собой беженцев, но за нами оставалось еще множество тех, для кого игра подошла к концу. Понятно, что матерям с детьми, цепляющимися за юбку, не справиться с танками, гаубицами, пулеметами и штыками русских.

Когда мы прибыли в Мемель, грузовики толкали люди, а танки без горючего застряли в длинной колонне. Наши возможности оказались на пределе. Те, в ком оставалась хоть капля жизни, пусть даже не вполне сознательной, пытались сделать все, чтобы избежать смерти. Раненые продолжали сопротивляться, пробивая себе путь среди тех, кто уже пал смертью храбрых.

Мемель продолжал жить, несмотря на разрушения и пожары, дым и бесконечные налеты русских самолетов, грохот артиллерии и порывы метели.

Мне снова не хватает слов, чтобы описать увиденное. Теперь я понимаю: словами можно описать только нечто малозначительное. Но рассказать, как закончилась война в Пруссии, невозможно. Я был во Франции. Видел там и перевернутые машины, и взорванные дома. Как-то по нашей части даже открыли огонь из пулемета. Но мои воспоминания об этих событиях лишены чувства ужаса. Я скорее вспоминаю о происшедшем как о путешествии, предпринятом в чьем-то обществе. Во Франции к тому же стояла отличная погода. В Пруссии же валил снег. Все и вся погибало. Беженцы умирали тысячами, и все мы были не в силах им помочь. Даже те, у кого есть воображение, и то не сумеют представить, что пережил я.

Мы достигли Мемельского тупика, полукруга длиной километров тридцать, выходящего в Балтийское море. За густым туманом слышно было, как плещутся волны. В течение всей зимы нам удавалось каким-то чудом удерживать этот участок, несмотря на бомбардировки и атаки русских, сил у которых

прибывало. Здесь же находились многие тысячи беженцев. То, что пришлось испытать им, описать невозможно. Они ожидали, что их эвакуируют по морю до того, как будут вывезены войска.

В развалинах Мемеля не могли укрыться все прусские беженцы. Мы немногим могли помочь им. Но они сковывали наши движения и систему обороны, которая и без того оставляла желать лучшего. От грохота разрывов не слышны были ни крики, ни стоны. Плечо к плечу с нами оборонялись бывшие элитные части, отряды «фольксштурма», солдаты с ампутированными конечностями, которых снова взяли на службу организаторы обороны, женщины, дети, подростки и инвалиды — все мы оказались распятыми под туманом, освещаемым лишь вспышками разрядов и снегом. Так заканчивалась война. Паек резко уменьшился. Порций, выдававшихся на пятерых, не хватило бы и школьнику. Постоянно звучали приказы сохранять спокойствие и порядок. Днем и ночью выходили из порта разные суда, нагруженные до предела. К причалам стекались беженцы, становившиеся удобной мишенью для русских пилотов. Бомбы разрывались в толпе, люди кричали, но оставались ждать прихода следующего корабля. Чиновники пытались повлиять на толпу, но любые слова потеряли здесь всякий смысл.

Многие кончали жизнь самоубийством, и их даже не пытались остановить. Если бы мы капитулировали, этот кошмар бы прекратился. Но одно слово «Россия» вызывало в нашем сознании панический ужас. О капитуляции не могло быть и речи. Мы должны выстоять, выстоять любой ценой. Когда-нибудь нас эвакуируют по морю. Возможно, у немецкого командования были другие планы. Вероятно, генералы собирались превратить Мемель в плацдарм для контратаки против советских войск. У тех, кто находился в городе, эта мысль вызывала лишь смех. Но в Мемеле продолжали высаживаться солдаты, а гражданские тем временем покидали город. Мы могли предполагать лишь, что солдаты прибыли к нам на подмогу. Всякая мысль о контратаке казалась безумием.

Наше упорное сопротивление вызвано было убеждением: эвакуируют последнего мирного жителя, заберут и нас. Мы должны выстоять, даже если у нас не останется никаких других чувств, кроме отчаяния.

В Мемеле все участвовали в обороне. Дети помогали раненым, разносили еду, несмотря на голод, подавляя страх, который в данных обстоятельствах был бы вполне оправдан. Они делали все, что указывали старшие, не возражая и не жалуясь. Те, кому удалось выжить, уже не смогут, как обычные люди, воспринимать простую жизнь с ее трудностями. Немцы испытали горе до конца. Я не могу не восхищаться их благородством.

На передовой царил беспорядок. Часто гражданские сражались плечом к плечу с солдатами. Среди них было много женщин. Фронт выстоял, но какой ценой! Да и что значит «выстоял»? Мы не сдались сразу везде, кое-где удавалось прорваться. Линия фронта постепенно сокращалась. Большую роль в обороне сыграли противотанковые траншеи, которые мы заранее вырыли. Русские рассчитывали в основном на авиацию и тяжелую артиллерию, мощь которой они постоянно усиливали.

Однако наступление дорого обошлось и им. Сокращение линии фронта позволило сконцентрировать оборону. На подходе к Мемелю образовались

скопления подбитых русских танков. Противотанковая оборона приносила свои результаты. Добровольцы из гражданских развозили мины и закладывали их во время небольших контратак, предпринимавшихся только с целью этого маневра. Однако против авиации мы были бессильны. Почти непрерывно летали русские бомбардировщики. К северо-западу от нас за два дня русские восемь раз совершали налеты на сброшенные с рельс вагоны. Остатки нашей противовоздушной обороны сосредоточивались на причале, где наиболее велика была опасность. Русские пилоты оценили опасность ПВО и предпочитали атаковать там, где им не могли оказать сопротивления.

Итак, Мемель держался. Держался, невзирая на мороз, пожары, голод, невзирая на гибель солдат, ежедневно вычеркиваемых из списков.

Как-то во второй половине дня части нашей знаменитой дивизии были сгруппированы в одной точке. Были розданы боеприпасы, яблочный сок, маргарин и еще кое-что. Призрак германских вооруженных сил продолжал обитать на развалинах места, которое некоторое время еще будет называться Мемелем. Хотя боеприпасов недоставало, перед атакой их все равно выдавали. Сейчас это может казаться невероятным, но перед немецкой армией в Мемеле была поставлена задача предпринять наступление на юг с целью соединиться с фронтом под Кенигсбергом. Офицеры объявили об этом боевым ветеранам.

Нас с Гальсом словно выбросило из пустоты, к которой мы уже привыкли. Мы слышали самые невероятные приказы, но мысль о том, что нам придется пойти в атаку, почти не имея для этого средств, привела нас в отчаяние.

Наше наступление проходило при поддержке нескольких уцелевших танков. Доставили боезапас с Курляндского фронта и даже из Германии. По дороге, шедшей параллельно побережью, мы проследовали к деревушке, расположенной в двадцати километрах к югу. Командир выбрал отвратительную погоду для начала операции. Шел дождь со снегом. Атмосферные условия привели к тому, что замолчала даже русская артиллерия. Наши командиры надеялись использовать эти обстоятельства.

Навстречу судьбе выступила дюжина серых от грязи танков. Под слоем грязи едва различимы были черные кресты — цвета наших страданий. По коротковолновым приемникам передавали «Валькирию» Вагнера. Лучшего сопровождения к крайнему самопожертвованию трудно было придумать. Вместо ящиков с боеприпасами и полноприводных грузовиков полевые орудия и крупнокалиберные гаубицы тащили грузовики. Пехотинцы, смешанные с остатками военно-воздушных и военно-морских сил, шли рядом. В моем взводе оказались и Гальс и Винер.

В результате неожиданного нападения нам удалось взять русский лагерь, выстроившийся на снегу, как на параде. Русские бросили его, а мы подожгли и даже продолжали наступать, несмотря на порывы ветра, обжигавшего руки и щеки.

Однако вокруг Мемеля сосредоточилась масса русских войск. Как только они перейдут в контрнаступление, наша атака захлебнется. Мы уже слышали ответную реакцию русских. Скоро начнется безжалостный обстрел и появятся первые русские танки.

Положение становилось безнадежным, но тут с моря раздался грохот артиллерии. Из-за погоды мы даже и не заметили подошедших к берегу кораблей. К нам на помощь подошли два-три эсминца. Видимость была равна нулю, но координаты, переданные танками, находившимися позади, позволили эсминцам нанести точные удары. Наступление русских было приостановлено. Возможно, они предположили, что в нашем распоряжении оказалось значительное количество артиллерийских орудий.

Однако и такое развитие событий не слишком облегчало наше положение. Преимущество все равно было на стороне русских. К концу дня на нас напали с тыла. Такого мы уже не выдержали. Половина танков загорелась. Как и предполагалось, операция закончилась неудачей. Мы получили приказ возвращаться в Мемель. Пройти назад десять километров было труднее, чем наступать.

Мы сошли с дороги, по которой пошли в последнюю атаку. Лишь моторизованные части поехали прежним путем, но и они старались соблюдать дистанцию, чтобы не попасть под обстрел русских. В темноте при свете вспышек солдаты, едва переводившие дух, перебежали от одного укрытия к другому. Был дорог каждый шаг: ведь с ним мы приближались к Мемелю. В довершение всего нам пришлось пересечь дорогу, которую мы же сами заминировали с утра.

Километра полтора мы протащились при свете вспышек. Дорога была узкой, но довольно гладкой: в ней виднелось лишь несколько воронок от снарядов.

Первые грузовики проехали по ней на полной скорости. У русских не было времени перенацелиться, поэтому их снаряды не задевали нас. Однако со вторым залпом они добились больших успехов. Снаряды попали в два грузовика. Их разнесло на куски. Еще двум грузовикам, несмотря на ущерб, удалось добраться до более безопасного места. Однако разбитые машины загрозили путь. Нас послали расчистить завалы. Русские вели обстрел из гранатометов и пулеметов. Мы пытались отстреливаться. Укрыться в окопах не могли: ведь сами их заминировали, и теперь попали в ловушку, которую готовили для других. Два солдата взмахнули руками и упали бездыханные на землю, их неподвижные зрачки были обращены к небу. Мы цеплялись за последнюю возможность остаться в живых и укрылись от огня за останками двух пострадавших грузовиков. Вокруг взрывались гранаты. Русский пулемет поливал огнем бруствер окопа.

Так или иначе, нам нужно было расчистить дорогу. Но каждый, кто пытался встать, рисковал потерять жизнь. Решился Винер. Он прополз под пулями на коленях и бросил гранату в первое нагромождение металла. Его снесло с дороги. Та же участь постигла и второй завал. На останки трехтонного грузовика потребовалось четыре гранаты. Погибли и раненые, оставшиеся в грузовике. Но что делать, таковы законы войны.

К полуночи три четверти наших войск вернулись в Мемель. Командование, узнав об отступлении, прикрыло нас огнем. Падая с ног от изнеможения, мы доплелись до лагеря. Переписали тех, кто не вернулся из боя. Затем, под шум, доносившийся с линии фронта, мы попытались заснуть. Даже сон был в данных обстоятельствах героическим поступком.

На следующий день, к одиннадцати утра, покончив с розданным накануне пайком, мы уже заняли оборону. Учитывая сложность положения, отдыхать мы не могли. Несмотря на риск, отплывали все новые суда с беженцами.

А в море поднялись волны. Все вокруг покрылось льдом. Люди ожидали, когда их вывезут, и не думали жаловаться. Наши войска продолжали удерживать город и подступы к нему. Отступить было некуда. Корабли подвозили продовольствие, припасы, лекарства. Показалось, что русские выдохлись и отступили. У нас улучшалось настроение. Но на деле они просто сконцентрировали силы южнее. Под угрозой находились Кенигсберг, Гейлигенбейль, Эльбинг и Готтенгафен. Позже я узнал, что в этих городах беженцам пришлось еще хуже. Русские бросили Мемель и сосредоточились на продвижении в глубь Пруссии, где их встречало отчаянное сопротивление. Однако три мощные советские армии, вошедшие на территорию Германии, во много раз превосходили остатки немецких войск по числу солдат и боеприпасов. К тому же они пылали желанием отомстить. Что означала эта месть, объяснить было не надо.

Помимо пруссаков, спасались от большевиков литовцы; русские, противники коммунизма; поляки. Число эвакуированных по морю достигло нескольких тысяч.

Ветеран установил пулемет на развалинах дома, стены которого всего на метр поднимались из земли. Время от времени он смахивал с дула снег. Руки его посерели от мороза. Со времени нашей последней атаки к ветерану вернулось спокойствие. Нервное возбуждение, охватившее нас, его не коснулось. Он больше не участвовал в наших спорах, а страдания его не волновали. Его не трогали ни война, ни мороз, ни беженцы. Такое поведение казалось нам странным. Мы подумывали, не сошел ли он с ума.

Однако тем утром его пулемет спас нас от русского патруля, который проявил к нашему взводу излишний интерес. Перед нами показался грузовик «фольксштурма». Русские обстреляли его, прикончив двух старых солдат, находившихся в кабине. Но и теперь эта колымага загораживала нам обзор.

Русские под ее прикрытием попытались подойти поближе и забросать нас гранатами. Но Винер открыл по ним огонь, и с ними было покончено. Решающим фактором становилась быстрота реакции, а с этим у ветерана все было в порядке. Теперь он молча сидел и протирал пулемет, будто ювелирное украшение. Я, Гальс, Линдберг и еще двое солдат застыли перед холодными станинами орудий. Мы понимали, что они не гарантируют нам безопасности.

В моем распоряжении было три противотанковые гранаты и новый автомат, а также магнитная мина, которая давила мне на живот. В Мемеле на нас было навешано столько взрывчатки, что мы могли умереть мгновенно: с таким грузом далеко не убежишь.

Мы еще две недели удерживали позицию. Каждый второй день приходилось отбивать атаки. Наш тыл находился поблизости от фронта, что позволяло нам дежурить посменно. Рядом, на улице стоял знак, на котором указывалось, что до побережья осталось десять километров. Последние десять километров. Ветеран говаривал мне в шутку:

— История повторяется. Твой прадед так же бежал с войсками Наполеона. Считай, что это семейное проклятие. Может, хоть это тебя утешит.

Как-то вечером, вернувшись во влажный, покрытый льдом подвал, служивший нам вместо казарм, мы заметили, что мирное население Мемеля улетучилось. Пока мы вели бои, ушли последние корабли с беженцами. Проходя

по улицам города, который стал больше напоминать кладбище, мы этому даже обрадовались.

Мои друзья молча бросились на постели, поглощая привезенный паек, даже не замечая, что едят. Им было все равно. Ведь они думали совсем о другом. Их глаза, привыкшие видеть бой, теперь обратились в самих себя. Они словно погрузились в сон и мечтали лишь о том, что вскоре прибудет пароход и увезет нас отсюда. Мы наконец покинем Мемель — город, где столько пришлось испытать.

Я же перестал рисовать себе радужные картины: слишком часто впоследствии они превращались в кошмары. Отказался от всего, что имел: от чувств, страданий, страстей, страха. Я позабыл Паулу, позабыл, что еще молод. Мне нездоровилось, но чего еще можно ожидать в подобных условиях. Ведь даже от тех, у кого в животе зияли огромные дыры, требовали мужества. Кровь стекала у солдат на снег, но они продолжали стрелять, пока их глаза не стекленели. Мне же повезло. Несмотря на приступы кашля, во мне еще теплилась жизнь.

Я смотрел на друзей, пребывавших в полудреме. Они тоже знали, как опасно спать в таком месте. Мемель забирал все — мечты, надежды. Те, кто продолжал надеяться, еще могли сражаться. Но мы уже устали от боев.

Во сне некоторые начинали кричать. Кричали непроизвольно, не в силах остановить стоны.

Были и те, кто молился. Но даже если Бог и услышит их молитвы, он постесняется проявить себя. Ведь он отрекся от милосердия. Так произошло со Смелленсом, который покончил с собой этим утром. До того как он получил весть о смерти маленького брата, которого он видел лишь дважды, Смелленс хотел жить. Мы все с волнением смотрели на дорогу, по которой доставляли почту. Смелленс продолжал жить, пока хватало сил. Но в Мемеле даже Всемогущий не был в состоянии остановить его.

Утром следующего дня началась эвакуация военных. Первыми отправляли тяжелораненых. Лишь тех, кто был совсем безнадежен, оставляли умирать в Мемеле. Радость раненых, которые еще могли ходить, помогала им забыть о боли. Те, у кого развилась гангрена, не думали о предстоящей ампутации. Жизнь возвращалась в нормальное русло. Лишь авиация противника досаждала нам. Особой благодарности заслуживает военно-морской флот: что бы мы без него делали?

Баржа, набитая людьми, попала под бомбежку. Нам пришлось прекратить отдых и заняться делом. Я выпущу подробности. Я еще слишком хорошо все помню. Баржа наполнилась кровью. Мы выкидывали за борт куски человеческого мяса, и на него тут же набрасывались рыбы.

Вначале вода казалась теплой. Но затем наши движения стали все более вялыми, а сердце пронизывала боль. Но останавливаться было нельзя. Два парохода увезли еще сотню солдат. Скоро настанет и наша очередь.

К полудню облака рассеялись. В небе засветило бледненькое солнце. Но теперь мы уже не радовались ему. Скоро появятся русские самолеты.

Они прилетели, когда мы еще не успели закончить расчистку. И никто не удивился: при хорошей погоде этого следовало ожидать. Мы бросились в укрытие. В настоящих цементных бомбоубежищах расположились раненые. Эти

убежища использовались как госпитали. Нам же пришлось укрываться в развалинах или в воронках от снарядов и бомб. Забравшись куда попало, мы не оставляли надежды на спасение.

Со всех сторон слышался грохот противовоздушных орудий. Возможно, им удастся не допустить бомбардировщики до порта... И тут раздался свист бомб. Все вокруг затряслось. Растирая замерзшие пальцы, мы смотрели, как самолеты пролетают над разрушенным городом, над двумя пароходами, которые, чтобы избежать повреждений, отдали швартовы. Пять бомб одновременно были сброшены пятью бомбардировщиками, появившимися над причалом. Две упали в воду и взорвались, окатив всех волнами брызг. Еще одна попала в развалины набережной. А последние две — в ожидающих погрузки. Вверх полетели трупы. Оставшиеся в живых отчаянно закричали, стонали раненые.

Над нами зависло уже не менее сорока самолетов. А из-за холмов на севере появлялись все новые. Один из них резко пошел вниз: его поразил зенитный снаряд. Но теперь мы уже не кричали «Ура!». Все молчали.

Пароходы отошли от причала. Ожидавшие посадки оставались на месте, не желая упустить возможности эвакуироваться. Самолеты выискивали новые жертвы.

Мы дрожали от холода и отчаяния. Но не осуждали тех, кто вместо того, чтобы укрыться, продолжал стоять под открытым небом. При тех обстоятельствах оставалась одна надежда — на эвакуацию. Все остальное казалось не важным.

Снова пронеслись самолеты. Я закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. В конце концов, я всего-навсего человек, а не Бог. Это не я умер на кресте. Я не хотел этого видеть.

Шли дни. Мемель прекратил свое существование. Лишь на картах осталось обозначение города. Фронт сокращался. Многие были эвакуированы. И тем не менее еще тысячи ожидали своей очереди. Они метались между позициями, которые надо было удерживать, и укрытиями, напоминавшими гробницы, где они спали.

Сколько мы там пробыли? Сказать невозможно. Никто об этом не узнает. Мне кажется, что я родился, чтобы пережить это испытание. Мемель стал пиком моего существования, за которым шла пропасть. После Мемеля в нас не осталось ничего человеческого.

Мемель — гробница моей жизни.

Нам, живым мертвецам, даже не хотелось думать о том, что еще предстоит испытать. Сегодня это кажется глупым, но тогда мы считали, что наши страдания впоследствии будут оценены. И эта мысль доставляла нам удовлетворение. Теперь же я и не думаю об этом. Увиденное в Мемеле нельзя охарактеризовать одним словом.

Из подвала мы прошли в долговременное огневое сооружение, орудие которого было разбито. На то место, где оно стояло, я бросил свои пожитки. Так же поступили Гальс, Шлессер и еще один солдат. Винер, Линдберг, Пфергам и еще семеро-восьмеро друзей устроились на останках самого орудия. Здесь было лучше, чем в подвале.

Фронт обороны еще более сузился: русские снова стали проявлять к нам интерес. Немецкие войска, продолжавшие удерживать Мемель, должны были

отражать мощные атаки, которые могли оказаться последними. Теперь нам приходилось с большой осторожностью подходить к позициям. Отчаявшиеся солдаты сдавались. Русские разведчики переодевались в их форму и проникали в наши окопы.

Многие попадались в такую ловушку: просто не замечали, что к ним бежит русский. А он занимал нашу позицию.

Винер и еще два солдата чуть было не очутились в этой западне, но ветеран вовремя понял, в чем дело, и разразился бранью.

— Он нас спас, — сказал один из солдат. — Он бросил им прямо в лицо все гранаты.

Оба солдата, казалось, знали, что жить им осталось не долго.

Винер молчал. Он успокоился и улегся, облокотившись на стену бункера, на которой поблескивал лед. А мы смотрели на него. Мы привыкли, что нас спасает Винер.

Тем вечером один из солдат пошел покурить сигарету, которую нашел у мертвого русского. Он зажег сигарету и пошел поразмяться. Но у русских хорошее зрение. Они увидели горящий кончик сигареты. Пуля ударила о цемент и отлетела в спину нашего товарища. Он умер, не успев испустить крик.

— Русские все ближе, — буркнул Пфергам. Назавтра, дрожа от холода, мы отправились на самую

дальнюю позицию, попавшую некоторое время назад в руки русских. По пути миновали последний оставшийся в районе боев танк — старый «М-2». Он уже раз горел, а на корпусе виднелись многочисленные отметины от снарядов. Собственная пушка танка была уничтожена. Ее заменили на другую, не предназначенную для этой модели. Он каждый день подходил к траншее, прорытой вдоль развалин улицы, и поддерживал огнем позиции солдат.

Расположенные по соседству пехотинцы неоднократно спасали танк, защищая его в схватках. У танка вышел из строя двигатель. Над ним склонилась целая бригада механиков. Мы остановились на минутку посмотреть. Один механик сломал отвертку и в раздражении швырнул ее на землю. Мы слышали их разговоры. Танк невозможно починить. Они не знали, что с ним делать.

Над развалинами показались два самолета. Танкисты укрылись за танком и уставились на них. Как ни странно, это были два разведывательных немецких самолета. Откуда они взялись? Увидав танк, пилоты снизились. Но ведь на танке нет опознавательных знаков. Не примут ли пилоты нас за русских? Мы замахали руками. Самолеты отвернули в сторону. Мы даже различили лица пилотов. Один из них махнул нам. Наверное, они прилетели с германской базы. А может, из самой Германии? Все возможно.

Мы следили за самолетами, пока те не скрылись вдаль. А в мыслях летели с ними обратно в Германию.

Но что делать с танком, так и не решили. Появление двух самолетов вселило в нас новые силы. Все столпились вокруг машины. Кто-то предложил взять ее на буксир. Идея была безумная, но мы принялись толкать танк, несмотря на то что металл заледенел и резал пальцы. Тридцать солдат изо всех сил упирались сапогами в сугробы, но танк не сдвинулся с места. Видно, мы совсем обессилели. Быстро обсудив положение, двое наших рванули в тыл. Мы собирались

последовать за ними, но тут донесся звук мотора. В Мемеле, оказывается, оставался еще и грузовик. Урча и выплевывая выхлопы, он появился перед нами. Пока грузовик ехал к танку, солдаты прикрыли радиатор досками, чтобы удар о броню не оказался слишком сильным. Совершилось настоящее чудо. Танк удалось сдвинуть с места, и он пошел в степь. Возможно, пройдет немного времени — и не станет этого танка, а может, и меня и Гальса. Но пока смерть еще не наступила, он будет, урча, двигаться по склону. Огромный танк казался мне родным. В Мемеле все, что двигалось, было живо. И я был еще жив...

На позицию мы возвращались дважды. Пойдем и снова, если переживем ночь. Но ночью иванам не спалось. Русские поливали смертоносным огнем развалины города. Земля дрожала. В небе без конца сверкали вспышки. Под ударами русских затряслось и наше укрытие. Наш командир, Воллерс, выскочил наружу. Но мы нагнали его и, схватив за ремень, потянули обратно. Во время этой операции снаряд настиг одного из спасателей.

Русские танки достигли расположенных южнее лагеря холмов. Немецкие солдаты, преграждавшие им путь, сделали все, что было в их силах, и лишь потом погибли. По танкам ударили морские орудия. Несколько машин загорелось. Русские были вынуждены отступить, но продолжали отстреливаться. В тумане продолжалась пальба. А с наступлением рассвета мы увидели наших защитников. В бухте стояли два боевых корабля, один из них назывался «Князь Евгений». Второй был того же размера. Мы уже отчаялись получить поддержку, но вот прибыла помощь. Танки отступили.

Под утро мне удалось заснуть, но и сон имел свои особенности. Мы спали с открытыми глазами, не переставая следить за происходящим. Трудно было отличить нас от мертвецов. Проснувшись, я не знал, смогу ли подняться. Тело напоминало колоду, а на руки я и взглянуть боялся.

В груди все болело. Внутри, как и снаружи, тоже шел бой. Но пришлось сделать над собой усилие и кое-как подняться. Остальные выглядели не лучше. Наши лица были серее, чем у мертвых. Можно было сказать, что мы умерли. Или что в Мемеле не осталось ничего живого. Возможно, вскоре так и произойдет. Мы отправились на позиции. Русские стреляли не целясь, будто развлекались.

Но и над русскими окопами вился дымок. Видно, военно-морские пехотинцы несколько раз попали в цель. По пути мы встретили солдат, замерзавших у орудий. Они глядели на нас так, будто мы во всем виноваты. Мы прошли мимо, не проронив ни слова. Вежливость потеряла всякий смысл. Гораздо важнее было присутствие духа.

До окопа оставалось идти полтора метра. Везде валялись пустые ящики из-под снарядов. Вот окоп уже совсем близко. Здесь мы бесконечно долго будем мерзнуть, а может, и умрем. Какая разница, где мы? В нашем блиндаже не теплее... Плевать на все.

Но что это с Винером? Он остановился. Зачем, хотелось бы знать? Да какое мне дело. Я так устал. Но что это, он стреляет? Да, он установил пулемет на землю и прямо так, с руки, принялся обстреливать окоп. Рядом со мною был Гальс. Но я не мог взглянуть на него, он слишком быстро состарился. Казалось, ему не меньше пятидесяти.

— Что это с ним? — спросил я.

— Скоро пойдем, — проскрипел Гальс сквозь зубы.

Ветеран кинул гранату. Она упала рядом с нашей бывшей позицией. Что за человек этот Винер! А если бы в окопе находились наши солдаты?

Винер все угадал. В окопе сидели русские; они сразу же открыли огонь.

— Твари! — орал Винер. — Ублюдки!

Надо было сделать Винера генералом. Или даже фюрером. Мы верили ему больше, чем кому бы то ни было. Он палил прямо по этим мужикам. Никто не отваживался пошевелиться. В довершение всего послышался звук приближающихся танков. Мы знали, что это русские. Теперь они двинутся на нас.

Винер явно пришел к тому же выводу. Он постепенно отступал.

— Пора уносить ноги! — крикнул Гальс.

Но возвращаться было так же опасно, как и идти вперед. О ком подумать, чтобы воодушевиться? О матери? А была ли у меня мать? О Пауле? Но какое значение имеет теперь моя любовь? О собственной шкуре? Но я выгляжу не лучше, чем Гальс, — почти как мертвец. Глупо воодушевляться просто так...

Остается Винер. Наш вожак. Умереть за Винера — он этого достоин.

Пришлось бросить на произвол судьбы нашего солдата Гальса. Ему попало в бедро. Под обстрелом русских мы были бессильны. Мы распрощались с ним. Он знал, как жить в Мемеле. Значит, знает, как умереть. Об этом можно не волноваться.

Мы добрались до воронки, где были установлены два пулемета. Как и предполагалось, русские вели огонь только по оставленному нами участку. Теперь они рвались к нам в окоп. Винер не стрелял. Он глядел на нас, а мы глядели на него, моля, чтобы он сказал хоть что-то. На его лице была написана неизбежность гибели.

— Уходите! — вдруг крикнул он, перекрывая грохот орудий. — Уходите как можно быстрее.

Мы схватили оружие и приготовились выбираться, но остановились и взглянули на Винера.

— Давай с нами! — крикнул Пфергам.

— Заткнитесь, пастор. Убирайтесь отсюда!

Но Пфергам должен был выполнить свой долг.

— Бегите, ради всего святого, — продолжал кричать Винер. — Бросьте тревожиться обо мне. Я уже вдоволь навоевался.

— Винер!

— После войны для меня не останется места! Ветеран открыл огонь. Он как бешеный расстреливал русских, приближавшихся к окопу. Пфергам снова его позвал, но грохот орудий заглушил его голос. Мы оставили позицию: ее не удержать. Почему Винер не ушел с нами?

Через десять минут мы оказались на противотанковых позициях. В пятистах метрах восточнее из только что оставленного окопа поднимался дымок. Мы схватились за орудие, будто в нем заключено наше спасение.

Если бы не огонь морской артиллерии, мы бы погибли. Опасность была настолько велика, что никто даже не пытался покинуть боевой пост. Те, кто ждал на пристани, теперь вернулись на позиции. Дело было не в самопожертвовании.

Они прекрасно понимали: падет Мемель, и им крышка. Они из последних сил продолжали бой, отстаивая свою надежду.

Мемель стоял, подобно последнему островку храбрости среди моря трусости. Но пароходы не возвращались. Нас что, бросили? Зря мы сражались? Значит, это конец?

Но на следующую ночь у причала, подобно призраку, появился пароход. К нему бросились раненые. Они расталкивали друг друга, стремясь отвоевать место. Их нельзя было сдержать никаким приказом. Офицеры испытывали то же, что солдаты. Никто не сражался, потому что поступил приказ. Мы воевали, потому что другой возможности не оставалось.

Оказалось, что пароход пришел забрать не людей, а продовольствие. Его у нас было достаточно, чтобы держаться еще три месяца, но, поскольку нам следовало немедленно эвакуироваться, запасы необходимо было уничтожить. А на юге сотни и тысячи беженцев умирали с голода. Над собравшейся у бухты толпой раздался голос капитана, говорившего через рупор. Вначале никто не понимал, о чем он. Слова исходили из иного мира, от человека, который мог наблюдать все ужасы с безопасного расстояния. Они с трудом поняли, что, как им ни тяжело, тем, кто находится южнее, не лучше. В их сознании звучало одно слово — «немедленно»... Немедленно»... «Немедленно»... «Немедленно». В корабль погрузили продукты и нескольких раненых. Немедленно... Толпа молча наблюдала.

Наш взвод послали на северный конец города, на берег, изрезанный холмами. В блиндажах, расположенных амбразурами к морю, мы по-прежнему удерживали вершины холмов. Но и русским удалось прорваться сюда. Они посылали снайперов, контролировавших гористый берег, на котором оборонялись мы.

Немецкие позиции представляли собой укрепленные островки. Одному Богу известно, как они держались. О дивизиях, будь то «Великая Германия» или еще какая-нибудь, вопрос не стоял. Те, кто двигался, те, кто были еще живы, должны были воевать.

На позицию нас привел офицер. Он опасался, что русские ударят в тыл. Хотя здесь было не слаще, чем на передовой линии, она считалась менее опасной. Сюда не могли пробраться танки, которых удерживали высоты. Их-то мы из последних сил и обороняли. Для прикрытия использовали окопы, вырытые беженцами, ожидавшими эвакуации.

Мы постоянно сталкивались с русскими. Они шли вдоль берега, стремясь выманить нас с высот. Иногда русские использовали зенитки. Но, попадая в песок, снаряды не наносили слишком большого ущерба. Враг вел с нами игру, но передышки не давал.

Несмотря на мороз, спустился туман — сама природа помогала нам. Русские проникали на наши позиции. Иногда мы подкарауливали их и стреляли в спину. Они тоже боялись и надеялись, что танки и артиллерия покончат наконец с этим кладбищем, где им сопротивляются даже мертвые. Пробирались они с осторожностью, а добравшись поближе, начинали выкрикивать оскорбления. Иногда пели.

Мы с Гальсом слушали, взведя курок.

Русские кричали:

— Слушайте, фрицы. Вы сейчас умрете. Считаем: раз, два, три...

Затем они давали несколько залпов. Мы молчали.

Ночью прибыли еще два судна. Невзирая на риск, солдаты бросились на набережную. Мы находились слишком далеко и все равно бы не успели. Было такое чувство, что нас покинули. С каждым пароходом, уходившим из порта, ослабевала наша оборона. Ничто не остановит русских. Начнется наступление, и мы утонем, как крысы.

Гальс приставил к виску пистолет, но я взглянул на него с такой горечью, что он остановился, снова перевернулся на живот и зарылся головой в землю.

И на следующий день стоял туман. На фронте было тихо. Но мы ждали новых сюрпризов от противника.

Гальс со Шлессером пробрались к воде. В волнах у берега стоял разбитый автомобиль. Я со всею осторожностью присоединился к ним. Гальс заговорил полупшепотом:

— Помогите, Сайер. Надо снять колеса и достать камеры. Три из них еще можно использовать.

— Мы что, поплывем?

— Да. Построим плот. Но осторожнее. Инструментов нет, придется действовать штыками. Смотри, как делаю я. Только аккуратно!

В моей голове будто наступило просветление. Плот. Плыть придется долго, но как знать: вероятно, это наш последний шанс. Однако придется разбирать покрышки, не снимая колеса: инструмента-то у нас нет. Мы принялись за дело. В камерах должно быть полно воздуха, иначе какой в них толк. Пришел Пфергам. Начал помогать.

— Совсем спятили, — сказал он. — Ну, достанете вы камеры. А как их накачаете?

Что мы давно уже свихнулись, это точно. Но нужно было во что бы то ни стало спастись. На возражения Пфергама мы лишь криво улыбнулись.

— Так что же, все колесо снимать? — спросил Гальс

— Все равно ничего не получится.

— Замолчи! — проревел Гальс. — Ты молись Боженьке, вдруг поможет?

А я больше верю в шины.

Пфергам умолк. Он тоже принялся выковыривать покрышки.

На это ушло часа два, не меньше. Правое колесо пришлось откапывать, так как машина лежала на боку.

Из Мемеля доносились звуки зениток. Под нами тряслась земля. По-видимому, русские вышли на окраины города. Но мы уже не думали, что там происходит. Все наше внимание было поглощено плотом. Мы дважды были вынуждены бросить работу и возвращаться в окоп. Повсюду, пользуясь туманом, пробирались русские. Раз семь-восемь мы вслепую открывали стрельбу по этим азиатам.

К вечеру город стал напоминать вулкан. Сталинские вояки стреляли куда ни попадя. Но мы перестали реагировать. Все вокруг освещалось ракетами. Мы, все семеро, скрепляли ремнями и досками три шины, которые, черт их знает, поплывут или нет. Их удалось вытащить, не спустив воздух. А через несколько минут одни из нас пристрелят других: в любом случае, плот всех не выдержит.

Наконец плот готов. Шлессер и Пфергам толкают его к воде. Мы идем за ними, будто волки, опасаящиеся, что у них из-под носа уведут добычу.

— Погодите. Дайте-ка я попробую, — сказал Пфергам.

Мы сделали шаг вперед. Пфергам посмотрел на нас. Он знал: заплыви он далеко, и мы его пристрелим. Мы неотрывно следили за плотом, колыхавшимся на волнах.

Пфергам пытался сохранять равновесие. Но законы физики были против него. Может, он молился своему Богу-садисту, который смотрел, как он тонет. Он не спрыгнул, пока вода не стала ему по пояс. Наша надежда погрузилась под воду.

Медленно проходила ночь. Темноту освещали пожарища. Берег осветило сначала розовое, а потом оранжевое сияние. С совсем молодым парнишкой из «фольксштурма» стало совсем плохо. У него остановилось сердце, и он лежал среди мертвых, а мы даже и не заметили. Еще один вдруг встал и пошел по направлению к городу, как загипнотизированный. Мы смотрели, как он исчез в темноте.

Русские могли взять нас без боя. С рассветом пожарища, полыхавшие на развалинах города, приобрели желтовато-белый оттенок. Никаких приказов не поступало.

Ближе к полудню наш командир, Воллерс, сказал, что отправится в Мемель. Он не сказал, чтобы мы следовали за ним. Но мы все равно пошли. На полпути упали, лишившись последних сил.

А неподалеку, на востоке продолжались бои. Неужели кто-то из немецких солдат остался жив? Все вокруг было покрыто черным облаком с красным контуром внизу. Мы оставались на месте, ничего не понимая, ни о чем не думая, ни о чем не говоря. Один час сменял другой. Проходили наши жизни. В глазах застыло странное выражение. Никому и в голову не пришло открыть консервы.

Нас снова окутала тьма; туман спустился на Мемель.

В десяти метрах прошел еще один отряд. Может быть, нам показалось. Кто это: немцы, еще оставшиеся в живых, или русские?

Не знаю, сколько прошло времени. Может, еще день и ночь. Трудно быть точным, когда описываешь кошмар. Или то, что не имеет значения. Мне до сих пор до конца не верится, что Мемель был в действительности, что это не плод моего воспаленного воображения. Я рассказываю, и начинаю дрожать от страха. На меня накатывают те же чувства.

Я не говорю о человечности и не призываю к отмщению. Я вообще стараюсь молчать. Я утратил способность соображать. Я узнал, пребывая в одиночестве, что нет ничего столь неизбежного, как прощение.

Вдруг до нас с моря донеслись какие-то звуки. Мы встали и прислушались. Казалось, это рокот мотора. Неожиданно до нас долетели голоса. Вначале ничего нельзя было расслышать. Мы бросились в воду и в шуме мотора различили слова:

— «Виндава» здесь!

Самого судна было не видно из-за тумана. Но голос, доносившийся с корабля «Виндава», продолжал выкрикивать:

— «Виндава»!

Мы из последних сил тоже закричали:

— «Виндава»!

И, обезумев, бросились в воду. Мы продолжали кричать, хотя вода была уже по горло. Кто-то падал, но снова поднимался. Мы хотели сбросить одежду и поплыть. Но тут в тумане показались очертания судна. Корабль прошелестел по песку и остановился.

Мы бросились навстречу спасителям, мы плыли, уходили под воду, начинали тонуть и снова выплывали на поверхность. Вот и борт судна. Едва различимы силуэты моряков. Они кидали нам канаты и сети, задавали вопросы, но мы не в состоянии были отвечать. Мы хватались за все, что возможно.

От холода я начал терять сознание. Из кармана выпала пустая пачка сигарет. Она плыла по воде, а я пытался сосредоточить на ней взгляд, чтобы не потерять сознание.

Боль исчезла. Я уже не ощущал, как меня втаскивают на борт и кладут на палубу рядом с товарищами. Находясь в полусознательном состоянии, я понял, что нам дают выпить горячего чаю. Я проглотил его. Чай обжигал внутренности. Я смотрел на берег Пруссии. Там по-прежнему бушевали пожары.

Что было дальше, я не помню. Не понимаю, как мы не умерли от холода прямо на палубе. Возможно, моряки растирали нас чем-то. Помню только одно: грохот войны, идущий с материка, заглушал плеск волн, речи моряков и все остальные звуки.

Судно прибыло в Пиллау. Мы сошли. На дрожащих ногах, окруженные беженцами, добрались до пункта первой помощи. Здесь нас осмотрели врачи. На открытых носилках лежали сотни раненых. В порту царило возбуждение. Бои еще не пришли сюда, но русские были уже близко. С северо-запада доносился рокот.

НАША ГОЛГОФА

Пиллау. — Данциг. — Последний бой

В Пиллау мы пробыли недели три. Нас признали негодными к воинской службе: все мы получили ранения и находились в полубессознательном состоянии, с трудом улавливая происходящее.

Мы не понимали приказы. Однако никто не собирался отчислить нас из армии. В Пиллау был большой наплыв беженцев, так что те, у кого оставалась пара рук и ног, не сидели без дела.

Отряды первой помощи призвали нас в свои ряды. Туда попали и те, кто получил гораздо более тяжелые ранения. Проблем было столько, что рабочих рук не хватало. Было много раненых солдат, доставленных из-под Кенигсберга и Кранца. Они лежали повсюду, зачастую прямо во дворе. Стояла январская стужа, которая порой и без медицинской помощи могла положить конец их страданиям. В Пиллау направлялись суда. Обрато они уходили битком набитые людьми: большую их часть составляли беженцы, а оставшиеся места занимали раненые.

Их делили на две части. В первую попадали те, кто был ранен настолько тяжело, что везти их куда-то было бесполезно. Их не брали на борт. Для них наступал конец. Те же, кто был еще не совсем безнадежен, попадали в корабли.

Если повезет, они доберутся до Германии, а там, как мы считали, уж царит полный покой.

На каждую тысячу эвакуированных приходилось три тысячи вновь прибывших с Восточного фронта. Они пополняли ряды тех, кто нуждался в помощи.

Если бы линия фронта дошла до Пиллау, повторилось бы происшедшее в Мемеле, только в худшем варианте. Здесь людей было намного больше. Они добирались сюда из Гейлигенбейля, Померендорфа, Эльбинга и даже из прусской Голландии. Ходили слухи, что в Пиллау их возьмут на пароход.

Мы беседовали с ранеными и беженцами. Каждый из них потерял по дороге кого-нибудь из близких. Дрожащими голосами они рассказывали нам о том, что мы уже видели в Мемеле. От них мы узнали, что ужасы Мемеля повторяются почти во всех прибрежных городах Пруссии.

Мы едва держались на ногах и с завистью смотрели на толпы людей, которые постепенно уплывут в обещанную им безопасную зону. Несмотря на все усилия, было ясно, что они не получат и десятой доли того, на что рассчитывают. Если бы Бог услышал их молитвы, разверзлись бы небеса и помогли им в горе. Но Бог оставался глух к их страданиям, и лишь заплаканный ребенок, забывшись сном, мог забыть о том, что ему пришлось пережить.

К концу зимы неожиданно наступило похолодание. Температура упала до двадцати градусов ниже нуля. Страдания беженцев усилились, а смертей стало еще больше.

У большого здания, набитого людьми, расположилась целая толпа. Из дома исходил запах пищи, приготовляемой в походных условиях. Те, кто стоял снаружи, притопывали ногами, чтобы не замерзнуть. Топот ног напоминал приглушенный бой барабанов. Больше всего досталось детям: кто-то потерялся, а устав звать маму, рыдал, и никто не мог его остановить. Это были самые маленькие: они не понимали, что происходит. Их лица с застывшими на морозе слезами навсегда запечатлелись в моей памяти. Мы пытались собрать их под крышей, у котлов, чтобы они согрелись. Забрасывали их вопросами, а потом по громкоговорителю начинали поиск.

Несколько поодаль на возвышении, покрытый льдом, стоял большой металлический крест. Он напоминал огромный меч, воткнутый в землю. Крест стал как бы символом горя. У него собирались те, кто верил в Бога. Они молились вместе со священником.

Мороз крепчал. Залив замерз, и теперь суда в Пиллау уже не могли пробиться. Но у этой ситуации была обратная сторона: тысячи и тысячи беженцев пробирались по льду на узкую полосу земли и шли в направлении на Данциг. Советские бомбардировщики бомбили лед, чтобы затруднить передвижение. Под льдинами исчезали грузовики и повозки.

Но ничто не могло остановить беженцев. Они были готовы на все. На этом участке русские добивались все больших успехов. Похоже было, что Кенигсберг сдался.

Постепенно работы становилось меньше. Мы стали планировать эвакуацию всех, в ком не было особой необходимости. От Кенигсберга Пиллау отделили двенадцать миль. Сокращалась и линия фронта в районе Кранца. Можно

было предположить, что вскоре и здесь закипят бои. Теперь мы стали частью того крохотного резерва, который сформировался из остатков уничтоженных и распущенных частей. И все-таки мы должны были воевать по правилам. Никто не знал, где находятся остальные части «Великой Германии», но на наших изорванных гимнастерках по-прежнему виднелись нашивки с названием дивизии, а рядом со мною оставалось немало старых знакомых: лейтенант Воллерс, на правой руке у которого красовалась грязная повязка (он лишился двух пальцев); Пфергам, разочаровавшийся пастор; Шлессер; Линдберг, который смог преодолеть страх, и наш повар, Грандск, давно уже сменивший кастрюли на пулемет.

Был здесь и мой друг Гальс, которого я никогда не забуду, а также и еще восемь человек, кого я не знал по именам. Все вместе мы составляли остатки дивизии «Великая Германия». Не могли нас списать? Вроде нет. Нас поприветствовал офицер. Мы встали по стойке «смирно» и принялись изучать серое лицо капитана, который по-прежнему требовал строгой дисциплины.

Раньше нас раздражали мелочные придирки, необходимость соблюдать дисциплину во всем. Теперь же мы находили в ней даже какую-то радость. Ведь дисциплины требовали только от тех, кто еще был в состоянии воевать. В дальнейший анализ мы не вдавались. И этого нам было достаточно: мы давно привыкли жить сегодняшним днем. Капитан говорил с нами, но, несмотря на официальный тон, мы понимали, что и он несет тот же груз, что и все мы: офицеры, солдаты, мужчины, женщины, дети. Время, когда офицеры покрикивали на нас, осталось в далеком прошлом. Теперь обстоятельства не допускали излишней грубости. Капитан говорил с нами, как говорит мужчина с женщиной.

Но на нем была форма. А это обязывало его даже в таком тяжелом положении, как наше, сохранять порядок. Он, как и все мы, знал, что наше дело проиграно, но хватался за последнюю соломинку. Капитан сказал, что нам предстоит отступление. Придется пройти по льду до Данцига, в котором остаются подразделения нашей дивизии. Тонем, который вовсе не был безапелляционным, он сообщил, что нам, когда мы доберемся до места назначения, еще предстоит повоевать. Впрочем, отдавая приказы, он не стремился утаить от нас худшее: ведь скрыться от него было невозможно. Сообщив нам дальнейшие планы, капитан отошел к следующему взводу, уже по пути взяв под козырек.

Итак, мы отправились в путь. Порывы ветра поднимали с зеркальной поверхности льда хлопья снега. Вдали плескалось море, а позади слышался шум войны.

Вечером мы добрались до Фрише-Нерунг и до первых бомбоубежищ, которых было почти не видно под сугробами. В довершение всего я поскользнулся и вывихнул ногу. Предстояло идти еще километров шестьдесят. А что делать? Я уже давно знал, что судьба ополчилась против меня. Но здесь страдало и умерло столько людей, что мои переживания были не в счет. Мы продвигались медленно. Укрывались где попало, даже в перевернутой вверх днищем лодке. Мысль об этом пришла в голову не одним нам: здесь уже было несколько беженцев, которые дрожали от холода. Пытаясь заснуть, они стонали.

К середине следующего дня мы доковыляли до Кальберга. В городке было некуда повернуться от беженцев. Они не находили здесь пищи. Порошковое молоко доставалось детям. Солдатам также приходилось выстаивать длинные

очереди. Они получали две пригоршни муки на человека и чашку кипятка, разведенного крохотной порцией чая.

Мы продолжали утомительное путешествие, повсюду встречая беженцев. Дважды нас начинали бомбить советские самолеты. Я больше всего боялся за детей, которые не могли понять, что происходит. Они не знали, что над ними вьются самолеты противника, не понимали, какую опасность представляет для них голод и холод. На каждом шагу их поджидала ловушка. Им угрожали с воздуха, но и на земле было не легче. У детей болели руки и ноги, при каждом шаге они закусывали губы и погружались в состояние непрерывного страха.

Через три дня мы добрались до Данцига. В городе было спокойно, несмотря на то, что там находилось несколько тысяч беженцев. Фронт находился южнее, и мы даже не слышали грохота орудий, хотя авианалеты по центру города были нередки. Данциг стал перевалочным пунктом на пути беженцев. Хотя огромные толпы проводили дни и ночи без крыши над головой, делалось все возможное, чтобы облегчить их участь. На запад можно было попасть по железной дороге, а из порта уходили пароходы. Мы остались ждать на пристани, среди плотной толпы этих бродяг поневоле.

Воллерс направился в центр перераспределения, чтобы узнать, где находится наше подразделение. Он прождал под стеклянной крышей несколько часов. Я же не слишком торопился уходить: сапоги, застывшие на холоде, врезались мне в распухшие лодыжки.

В гавань вошел большой пароход. Толпа бросилась к причалу. Судно еще не отдало швартовы, так что пришлось прождать еще несколько часов, но трата времени не имела в Данциге никакого значения. Люди хватались за любую соломинку и готовы были вытерпеть что угодно.

Мы уже два дня ожидали новостей и указаний под стеклянным навесом станции. Бушевал ветер. Его порывы крушили остатки остекления. Внутри было не теплее, чем снаружи. Чтобы не замерзнуть, приходилось ходить без остановки и махать руками. Поскольку я почти не мог ходить, товарищи выделили мне уголок в помещении вокзала, а сами ходили по развалинам в порту. Наконец, до нас дошли новости, правда не совсем такие, каких мы ждали. В Данциге нет подразделений дивизии «Великая Германия». Возможно, их перевели в Готтенгафен, расположенный несколькими километрами севернее, в заливе. Идти недалеко, только выдержат ли мои ноги?

Опираясь и на палку и на Гальса, я с трудом прошел полгорода. Но само Провидение помогало нам. Местные жители вышли нам навстречу и провели в дом. Там было тепло. Нам показалось, что пред нами растворились врата рая.

Хотя в доме и без нас расположилась куча народа, хозяева предложили нам вымыться. Воллерс знал, что у солдат нет права на удобства, положенные беженцам. Но его форма превратилась в лохмотья. Он так устал, что не стал отказываться. Даже я вымыл затекшую лодыжку в тазу с горячей водой. Хозяева настояли, чтобы мы остались на ночлег, а вечером даже накормили нас.

Ночь мы провели в теплом подвале. К несчастью, мы так отвыкли от тепла, что не смогли даже его вдоволь оценить. Несколько раз нас охватывала дрожь, будто внутри срабатывал какой-то сигнал тревоги. Оказавшись неожиданно для себя на отдыхе, мы до конца осознали, что едва живы от изнеможения. Линдберга

время от времени охватывала лихорадка. Гальс совсем пал духом. Он не захотел спать лежа и провел ночь прислонившись к стене, постоянно всхлипывая. Я же растянулся во весь рост, но с каждым вздохом меня пронизывала боль.

Неужели мы уже никогда не сможем чувствовать себя как нормальные люди? Вполне возможно. Впрочем, не все было так уж плохо. Я почувствовал, что после горячей ванны моим ногам стало намного легче. Мы совсем не следили за собой, и стоило только соблюсти простейшие нормы гигиены, как наступало чудодейственное излечение. Даже тяжелораненый обретал жизнь после глотка шнапса и доброго слова. Ныне здорового мужчину выбивает из седла обыкновенная простуда. Конечно, мы не были суперменами. Но мужчинами в полном смысле этого слова.

Утром мы попрощались с нашими благодетелями. Те сказали, что их силы тоже на исходе и они собираются, пока еще не поздно, уехать из Данцига на запад.

Начался авианалет. Под взрывы и рев двигателей мы возобновили путь в Готтенгафен. Вместе с нами шли толпы беженцев, стремившиеся на запад: Данциг перестал быть безопасным городом. Часть беженцев шла на север, направляясь в Гелу, порт, расположенный напротив Готтенгафена, в котором людей скопилось не меньше, чем в Данциге.

За месяц до уничтожения Готтенгафен был сборным пунктом раненых, которых затем направляли в деревни, расположенные в глубине страны. Следующим остановочным пунктом была Гела, находившаяся в пятидесяти километрах от Готтенгафена.

Встреченных по дороге солдат мы забрасывали вопросами. Но никто не знал, где наше подразделение. На сборном пункте тоже ничем не смогли помочь. У чиновников опустили руки. Распространилась страшная весть: в результате подводной атаки несколько дней назад затонул большой пароход, битком набитый беженцами. Я без труда представил себе взрыв парохода в темноте, среди льдов.

Официально это сообщение не разглашалось, но толпа как-то узнала о происшедшем: ведь для каждого из беженцев последней надеждой оставалось море. Говорили, что затонувший пароход назывался «Вильгельм Густлоф».

Мы так и не смогли ничего разузнать о своем подразделении. В конце концов нас записали в батальон и отправили вместе с местными жителями сооружать оборонительную линию...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а.п., арт.полк	- артиллерийский полк
ДОТ	- долговременная огневая точка
КП	- командный пункт
медсанбат	- медицинский санитарный батальон
НП	- наблюдательный пункт
о.а.ш.р.	- отдельная армейская штрафная рота
о.б.с.	- отдельный батальон связи
о.с.б.	- отдельный саперный батальон
ПТО	- противотанковое орудие
ПТР	- противотанковое ружье
пульрота	- пулеметная рота
РС	- реактивный снаряд
САУ, артсамоходы	- самоходная артиллерийская установка
с.б.	- стрелковый батальон
с.д.	- стрелковая дивизия
с.п.	- стрелковый полк
с.р.	- стрелковая рота
т.п.	- танковый полк
т.д.	- танковая дивизия
УСДС	- Ульяновский совхоз декоративного садоводства

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Слова благодарности	5
Раздел 2. Пролог	10
Раздел 3. Герои Советского Союза	14
Алейников Александр Георгиевич	15
Бажанов Александр Васильевич	16
Барамзина Татьяна Николаевна	17
Григорьев Илья Леонович	19
Ефремов Дмитрий Иванович	24
Зернин Сергей Матвеевич	25
Иванов Сергей Иванович	26
Катин Николай Андреевич	27
Обухов Александр Васильевич	29
Пилипас Валентин Викторович	30
Роденко Константин Герасимович	32
Раздел 4. Командование	34
Вагин Иван Алексеевич	35
Гладилин Андрей Семенович	36
Головин Иван Семенович	54
Красновский Серафим Адрианович	55
Левин Григорий Степанович	60
Люден Марк Юрьевич	62
Федоров Петр Михайлович	69
Челиченков Валентин Федорович	71
Ширшов Кузьма Григорьевич	72
Раздел 5. 68 стрелковый полк	75
Башков Михаил Иосифович	76
Бондаренко Алексей Кириллович	78
Бородин Дмитрий Андреевич	79
Ежов Александр Александрович	86
Зимин Иван Михайлович	86
Зубрилов Павел Андреевич	87
Казаков Павел Васильевич	88
Канафеев Булат Халимович	88
Козлов Дмитрий Александрович	90
Копылов Павел Федорович	90
Коршунов Владимир Дмитриевич	91
Кочерыгин Дмитрий Иванович	96
Лебедев Леонид Семенович	107
Литовченко Василий Петрович	110
Малков Георгий Петрович	138

Минин Вадим Александрович.....	139
Новиков Виктор Дмитриевич.....	141
Овсянов Борис Васильевич.....	143
Огурцов Виктор Васильевич.....	144
Пашков Иван Николаевич.....	144
Русинов Иван Петрович.....	145
Рыбак Леонид Федорович.....	146
Селезнев Иван Алексеевич.....	148
Туисов Михаил Ефимович.....	149
Фоменко Константин Васильевич.....	149
Раздел 6. 252 стрелковый полк.....	155
Бодунов Николай Андреевич.....	156
Васюнин Александр Михайлович.....	159
Годло Алексей Николаевич.....	159
Гущин Михаил Михайлович.....	161
Журавлев Борис Кириллович.....	168
Караваев Константин Иосифович.....	170
Касимов Илья Иванович.....	178
Костяев Александр Леонтьевич.....	179
Кубецкий Олег Михайлович.....	180
Левин Николай Семенович.....	189
Майоров Александр Ильич.....	219
Мартынчук Александр Данилович.....	219
Немежиков Василий Алексеевич.....	250
Осадчий Петр Трофимович.....	251
Петров Петр Степанович.....	252
Филимонов Иван Гаврилович.....	252
Шанин Федор Сергеевич.....	254
Янков Николай Зиновьевич.....	256
Яценко Александр Трофимович.....	256
Раздел 7. 329 стрелковый полк.....	331
Бударин Валерий Иванович.....	332
Былин Константин Пантелеевич.....	332
Волынкин Сергей Степанович.....	333
Гендельман Сергей Самуэлевич.....	334
Дементьев Андрей Афанасьевич.....	341
Дербенева (Келина) Анна Михайловна.....	462
Келин Георгий Сергеевич.....	463
Лепехов Иван Иванович.....	464
Мальцев Георгий Александрович.....	467
Новиков Иван Никанорович.....	473
Ребров Василий Михайлович.....	473
Сидоров Павел Иванович.....	474
Сыропятов Валерьян Ефимович.....	475
Фартусов Александр Тимофеевич.....	475
Федоров Ратмир Александрович.....	476

Раздел 8. 227 артиллерийский полк	479
Болтанюк Григорий Яковлевич	480
Гробовский Федор Константинович	481
Ефимов Иван Ефимович	482
Иванов Михаил Ефимович	485
Казаков Сергей Васильевич	485
Кириченко Юрий Дмитриевич	488
Ковалев Кузьма Федосеевич	494
Мартышкин Петр Семенович	495
Рожик Антон Степанович	495
Угрюмов Василий Иванович	506
Шурупов Борис Матвеевич	507
Раздел 9. Спецподразделения	509
Бараков Андрей Михайлович	510
Белоглазов Георгий Михайлович	511
Гладилина Галина Васильевна	536
Егоров Николай Петрович	540
Лакомкин Федор Никитович	541
Омельченко Павел Емельянович	542
Рощин Николай Егорович	542
Ткачева Анна Ивановна	543
Ульянов Николай Иванович	544
Хлюпин Афанасий Никифорович	549
Шашлов Иван Федорович	557
Шашлова Наталья Алексеевна	570
Шлычкова Нина Александровна	573
Раздел 10. Эпилог	574

Героическая история

70 стрелковой Верхнеднепровской ордена Суворова II степени дивизии (второго формирования)

Том I.

Воспоминания ветеранов

Редактор: Фитисов А.И.
Корректор: Цыпкина Л.И.
Набор текста: Леонтьев О.Л., Куненкова Н.Ю.,
Рудакова М.А., Савотин А.Н., Кутьева Т.Ю.
Компьютерная верстка: Чернакова Т.Р., Алышева М.Ю.
Картография: Черных Д.В.
Стенография: Козлова З.Д.

Все замечания, дополнения, предложения просим направлять по адресу:
142784, Московская область, Ленинский район,
городское поселение Московский, а/я 39.
Фитисову Анатолию Ивановичу.

Телефон/Факс: (495) 546–7809
E-mail: postmaster@usds.ru

Сдано в печать 02.11.2011.
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6
Заказ № 2920
Дополнительный тираж 100 экз.